Изъ библіотеки свящ. И. Н. Стебулянина

Библіотека Центральнаго музея № 354

УЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О СВЯЩЕННОМЪ ПРЕДАНІИ.

АПОЛОГЕТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Священника Іоанна Филевскаго,

законоучителя Харьковскаго Коммерческаго училища Императора Александра III.

Проверено 1935 г.

1849.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія «Печатное Дѣло», кн. К. Н. Гагарина, Клочковская,—5.
1902.

Отъ С.-Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 19 апрѣля 1902 года.
Цензоръ *Іеромонахъ Филаретъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Введеніе . . . . . I—LXVII

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Откровенное ученіе о священномъ преданіи.

Глава первая.

Ученіе о священномъ преданіи на основаніи примѣра и заповѣди Іисуса Христа. . . . . 1—21

Глава вторая.

Библейски-апостольское ученіе о священномъ преданіи . . . 22—72

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Ученіе церкви о священномъ преданіи.

Глава первая.

Ученіе мужей апостольскихъ о священномъ преданіи . . . . 73—109

Глава вторая.

Ученіе о священномъ писаніи святыхъ отцовъ и учителей церкви II и III вѣковъ . . . . . 110—256

Глава третья.

Ученіе церкви о священномъ преданіи въ періодъ вселенскихъ соборовъ. . . . . 257—451

Глава четвертая.

Православно-символическое ученіе о священномъ преданіи. . 452—511

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Наши выводы и общая апологетическая оцѣнка иновѣрныхъ взглядовъ по различнымъ сторонамъ вопроса о священномъ преданіи.

Глава первая.

Преданіе въ широкомъ смыслѣ . . . . . 512—522

Глава вторая.

Формальное преданіе.

Страницы.

1. Устный способъ распространенія и утвержденія христіанскаго откровенія и вѣры . . . . . 523—534
2. Священное преданіе, какъ формально-объективный источникъ христіанскаго откровенія и вѣры. . . . . 535—545
3. Источники или памятники священнаго преданія:
   1) символъ вѣры. . . . . 547—556
   2) ученіе вселенскихъ соборовъ. . . . . 557—569
   3) ученіе святыхъ отцовъ и учителей церкви . . . 569—581
   4) жизнь или практика церкви . . . . . 581—605

Глава третья.

Матеріальное преданіе.

а) дѣленіе преданій по ихъ происхожденію . . . . . 606—617
б) по содержанію . . . . . 618—625
в) авторитету . . . . . 625—628
г) по способу введенія въ первый разъ . . . . . 628—634

Глава четвертая.

1. Преданіе въ субъективномъ смыслѣ . . . . . 635—642
2. Отношеніе объективнаго преданія къ субъективному . . . 642—651

Заключеніе.

ВВЕДЕНІЕ.

«Да разумѣеши, о нихже научился еси словесѣхъ, утвержденіе» (Лук. 1, 4).

Въ каждой наукѣ, имѣющей предметомъ своимъ разработку той или другой отрасли человѣческаго знанія и жизни, мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ особое ученіе о такъ называемыхъ *первыхъ источникахъ*, о коренныхъ гносеологическихъ принципахъ, нормахъ и методахъ, необходимыхъ для надлежащаго пріобрѣтенія и вѣрнаго сохраненія истинно-научныхъ свѣдѣній въ извѣстной области. Это ученіе, безспорно, имѣетъ «основоположительное значеніе» и первостепенную важность. Здѣсь именно прочно устанавливаются и непоколебимо утверждаются всѣ главнѣйшіе научные выводы, всѣ несомнѣнныя научныя доказательства и свидѣтельства непререкаемой истинности и исторической достовѣрности извѣстныхъ научныхъ положеній и началъ. Источники и принципы, нормы и методы научные составляютъ, такъ сказать, «реально-гносеологическую основу» всѣхъ прочихъ научныхъ данныхъ, относящихся къ извѣстной области знаній. Это суть какъ бы сѣмена основныхъ научныхъ истинъ въ ихъ существѣ и «доктринальномъ изложеніи». При помощи ихъ извѣстныя научныя построенія изъ туманной области бытія и знанія, изъ не рѣдко шаткихъ гипотезъ и субъективно-аналогическихъ умозаключеній постепенно переходятъ въ ясныя убѣжденія «ахіоматическаго знанія», всеобщаго и необходимаго. Безъ нихъ, слѣд., не мыслимо и не возможно никакое *положительно-научное познаніе*. Поэтому всѣ науки дорожатъ своими гносеологическими источниками и началами, какъ опорными пунктами и исходными точками своего историко-культурнаго существованія и развитія. Для истинно-научнаго знанія тщательное исканіе этихъ источниковъ и основъ всегда должно служить предметомъ высочайшей важности. Въ дѣлѣ научныхъ познаній, чѣмъ выше превосходство предмета розыскиванія, тѣмъ глубже интересъ, тѣмъ пламеннѣе изслѣдованіе и тѣмъ дороже для ума пріобрѣтеніе желаемой истины.

Первоначальныя научныя источники и гносеологическія основанія тѣмъ существенно отличаются отъ прочихъ научныхъ нормъ и способовъ познанія, что ихъ внутренняя истинность и историческая досто-

вѣрность должны быть *очевидными* и *ясными* и не требовать еще какихъ-либо другихъ «предварительныхъ» или вспомогательныхъ свидѣтельствъ и удостовѣреній. Въ этомъ смыслѣ они обыкновенно называются недоказуемыми, indemonstrabilia, ἀδίδακτα [1]). Ими все научно оправдывается, сами же они не могутъ быть ничѣмъ доказаны. По такому свойству ихъ существеннымъ признакомъ всякой истинно-научной дѣятельности должно быть *положительное знаніе* какъ въ вопросахъ, касающихся систематическаго изслѣдованія всего матеріала, подлежащаго разумному пониманію, такъ и относительно методологическихъ способовъ передачи его другимъ людямъ. Отсюда само собою разумѣется, что кто не имѣетъ или не можетъ пріобрѣсти истинныхъ понятій о первыхъ источникахъ и основныхъ гносеологическихъ началахъ научнаго знанія, того трудно увѣрить въ извѣстномъ научномъ положеніи, убѣдить въ полной достовѣрности извѣстнаго научнаго вывода или логическаго умозаключенія. «Съ глухимъ разглагольство есть многотрудное: вся бо яже аще къ нему возглаголеши, не слышитъ» [2]). А кто совершенно отвергаетъ необходимые во всякой наукѣ коренные источники и принципы, или совсѣмъ сомнѣвается въ ихъ внутренней истинности и самоочевидности, или же рѣшительно извращаетъ ихъ общечеловѣческій смыслъ по своимъ «предвзятымъ идеямъ», съ тѣмъ нельзя вести никакихъ научныхъ занятій, «нечего и спорить» по научнымъ вопросамъ [3]). «*Сумняйся уподобися волненію морскому вѣтры возмутаему и развѣваему*» (Іак. 1, 6). Для безотчетнаго скептика, руководящагося «произвольными предположеніями и фантастическими иллюзіями», все въ области извѣстной науки будетъ казаться неосновательнымъ, недоказаннымъ, произвольно-гипотетическимъ, суевѣрнымъ. Сомнѣвающійся искатель мнимо-научной истины всегда съ унылымъ отчаяніемъ будетъ спрашивать, подобно цинически-равнодушному эпикурейцу Пилату: «*что есть истина*» (Іоан. 18, 38)? Такой скептицизмъ, составляющій только злоупотребленіе великимъ именемъ свободы человѣческаго мышленія, въ существѣ дѣла уничтожаетъ самый вопросъ о необходимости и важности положительнаго знанія, о его общечеловѣческомъ значеніи и культурно-историческихъ задачахъ. Здѣсь не откуда взяться яснымъ и твердымъ взглядамъ на тотъ или другой научно-философскій вопросъ, негдѣ найти и точекъ опоры для пріобрѣтенія творческихъ силъ, созидающаго вдохновенія и нравственной энергіи, столь нужныхъ во всякой научной дѣятельности. А что можетъ быть безотраднѣе такого пагубнаго «душевнаго настроенія въ дѣлѣ научнаго знанія»? Люди, находящіеся въ состояніи мрачнаго сомнѣнія въ вопросѣ

---

[1]) См у преосв *Θеофана Прокоповича*, Christianae ortodoxae Theologiae, vol. I. Lips. 1787, § 16, pag. 11.

[2]) Высокопр. *Стефанъ Яворскій*, Камень вѣры. Москва 1843 г., ч. 3, стр. 1.

[3]) Преосв. *Θеофанъ Прокоповичъ*, ibidem

о возможности и необходимости истиннаго научнаго познанія, конечно, вольны блуждать по всяческимъ распутіямъ «*лжеименнаго разума*» (1 Тим. 6, 20), «*влающіеся и скитающіеся всякимъ вѣтромъ ученія*» (Еф. 4, 14); но они не имѣютъ никакого права совершенно отрицать научные источники, основоначала и аксіомы въ ихъ идеальномъ понятіи и въ реальной дѣйствительности. Всякая наука, всякая научная система истинныхъ знаній, само собою ограничиваетъ нашъ умъ, нашу познавательную дѣятельность, строго-опредѣленными источниками, принципами и нормами, точно указанными и ясно-дознанными «гносеологическими и методологическими предѣлами». Но отсюда, очевидно, нисколько не слѣдуетъ, чтобы люди науки, мужи ученые, становились чрезъ то «интеллектуальными невольниками», а, напротивъ, только при такомъ условіи они дѣйствительно свободны и искуплены, разъ навсегда, отъ различныхъ сомнѣній, обольщеній, заблужденій и мнимонаучныхъ суевѣрій. Если абсолютная истина есть конечная цѣль и жизненная задача, то тщательное изслѣдованіе ея источниковъ и первооснов есть единственное средство постигнуть ее. Истинно-научное знаніе есть прекрасный плодъ умственной работы, необходимая пища, истинное наслажденіе. Умный человѣкъ соразмѣряетъ свои завѣтныя убѣжденія съ существомъ абсолютной истины, открывающейся въ ея научныхъ источникахъ и основоначалахъ.

Итакъ, для правильности и плодотворности научныхъ изслѣдованій въ извѣстной области человѣческихъ знаній необходимо прежде всего истинное понятіе о самомъ существѣ первыхъ источниковъ и принциповъ, изъ которыхъ естественно почерпается «научный матеріалъ» для надлежащей разработки и изложенія его въ стройной и цѣлостной системѣ. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о существенныхъ свойствахъ научныхъ доказательствъ и выводовъ, извлекаемыхъ изъ правильнаго ученія о самой природѣ первоисточниковъ научнаго знанія. Достаточно сказать, что безъ этого непремѣннаго условія нельзя получить надлежащей достовѣрности для всяческихъ научныхъ положеній. Не точное или смутное научно-гносеологическое знаніе легко превращается въ какое-либо темное суевѣріе, либо въ субъективное заблужденіе. При недостаточно ясныхъ свѣдѣніяхъ по научно-гносеологическимъ вопросамъ не можетъ быть истинно-научныхъ взглядовъ, положительныхъ свидѣтельствъ, несомнѣнной увѣренности, непререкаемой «правды научной». Да и какъ можно ожидать правильно-составленныхъ, научно-провѣренныхъ понятій и убѣжденій тамъ, гдѣ нѣтъ должнаго ученія о самыхъ источникахъ и руководительныхъ началахъ, изъ которыхъ *планомѣрно раскрывается* полнота и совершенство научнаго знанія и *постепенно крѣпнетъ* историко-культурная сила его общечеловѣческаго значенія и авторитета? Только истинное познаніе научныхъ первоначалъ и глубочайшихъ основъ изго-

няетъ всякій произволъ, разсѣеваетъ всяческія противорѣчія и несогласія и незыбенно устанавливаетъ безпрекословное для всѣхъ людей *послѣдованіе единой истинѣ*, всецѣлое повиновеніе ея верховной и могущественной власти. Здѣсь звучитъ намъ глаголъ Господень: «*истина свободитъ вы*» (Іоан. 8. 32).

Подобно тому, какъ *естественныя науки* имѣютъ свои первые источники и коренныя начала, всецѣло удостовѣряющіе на безспорныхъ основаніяхъ «аподиктическую истинность» своихъ положеній и выводовъ, и для *сверхъестественнаго христіанскаго откровенія* въ его ученіи и жизни необходимо должны быть *свои* вѣчные и неизсякаемые источники, *свои* неизмѣнныя и неизмѣняемыя первоосновы, всеобщія начала, необходимые принципы. И они дѣйствительно существуютъ въ истинно-православной церкви—въ *священномъ преданіи* и *священномъ писаніи* [4]). Здѣсь единственно православно-христіанская вѣра и истинно-богословское знаніе (въ ихъ неразрывномъ взаимодѣйствіи) должны всегда почерпать все богатство своего спасительнаго содержанія, всѣ глубочайшія основанія своей догматической истинности и исторической достовѣрности. Внутреннее существо, догматическая истина, историческое происхожденіе и всецерковное утвержденіе *божественнаго откровенія*—все это во всей полности и совершенствѣ свидѣтельствуется и раскрывается только въ преданіи и писаніи. Помимо ихъ нѣтъ никакой надобности искать какихъ-либо другихъ источниковъ и доказательствъ богооткровенной истины и христіанской жизни по ней. На нихъ однихъ всѣ богословскія науки должны непоколебимо опираться въ своихъ изслѣдованіяхъ частныхъ и общихъ вопросовъ; ибо они само собою предполагаются, какъ *напередъ данныя* «постуляты и гносеологическія аксіомы» при всякой научно-богословской работѣ, будутъ ли предметомъ ея вопросы догматическіе, нравственные, каноническіе, церковно-историческіе и проч.

Подобно тому, какъ никакая наука не мыслима безъ «предварительнаго изслѣдованія гносеологическихъ вопросовъ», такъ невозможно и *истинно-богословское вѣдѣніе христіанскаго откровенія* (въ его ученіи и жизни) безъ допущенія этой *primaria veritas* въ вопросѣ о его первыхъ источникахъ и гносеологическихъ нормахъ. Откровенное ученіе достойно самаго безпристрастнаго изслѣдованія въ своемъ существѣ и существенныхъ свойствахъ, и не требуетъ отъ науки ничего болѣе. Оно не колеблется взывать къ «научному разуму» и, предлагая ему *свои* истины, *свои* источники, *свои* доказательства, требуетъ самаго серьезнаго научнаго испытанія, «*да искусни явлени бываютъ*» (1 Кор. 11, 19) между нами. Ему нечего бояться такого изслѣдованія. «*Испытанная вѣра*

---

[4]) Для краткости будемъ вездѣ писать вмѣсто: «священное преданіе» просто – «*преданіе*» и вмѣсто: «священное писаніе»—«*писаніе*» (=библія).

(1 Петр. 1, 7), подкрѣпляемая разумными убѣжденіями, при живой увѣренности въ откровенной истинѣ, становится творчески-могучею силою, чистымъ источникомъ вдохновенія, глубокимъ корнемъ всѣхъ «научныхъ плодовъ». Здѣсь «первостепенная» жизненная *задача* истинно-научной дѣятельности должна состоять въ отысканіи, въ правильной постановкѣ и точномъ опредѣленіи основныхъ понятій о самой природѣ богооткровенныхъ источниковъ. Христіанская *религіозная вѣра*, по самому существу своему, есть прежде всего несомнѣнная *увѣренность* (Евр. 11, 1) въ божественномъ достоинствѣ источниковъ откровеннаго ученія, въ ихъ догматической истинности и исторической достовѣрности. Вѣра всегда спрашиваетъ: «*откуда* идетъ извѣстное религіозно-нравственное ученіе и *гдѣ* находится оно», а потомъ уже производитъ богословское изслѣдованіе его. Въ дѣлѣ научнаго раскрытія и утвержденія божественнаго откровенія она всегда ставитъ вопросъ: *кто* именно, *какой* авторитетъ сообщаетъ его, *когда* и *откуда* оно происходитъ»? Она всегда вопрошаетъ: «*гдѣ* должно искать откровенную истину»? Значитъ, истинно-научное знаніе христіанскаго откровенія прежде всего убѣждаетъ насъ во внутреннемъ достоинствѣ авторитета, сообщающаго извѣстную религіозную истину, въ достовѣрности источниковъ и органовъ ея исторической передачи и сохраненія. Послѣ же того, какъ найдены и прочно установлены источныя первоначала и основы христіанскаго откровенія и вѣры, дальнѣйшая задача науки должна заключаться въ методологическомъ раскрытіи цѣлой системы богооткровеннаго ученія. Итакъ, съ этой стороны богословскій вопросъ о божественномъ откровеніи, въ сущности, долженъ сводиться къ истинному ученію о его первыхъ источникахъ и основаніяхъ, изъ которыхъ логически и реально вытекаютъ и на которыхъ опираются всѣ *общепризнанныя* православно-церковныя понятія о вѣрѣ и жизни по ней. Вотъ почему и нѣтъ предмета большей важности для богословской науки, какъ обстоятельное изслѣдованіе источниковъ и и истинъ христіанскаго вѣроученія. Пріобрѣтаемое такимъ путемъ знаніе, безъ сомнѣнія, «*подобно сокровищу, скрытому на полѣ, которое нашедшій человѣкъ утаилъ*» и «*драгоцѣнной жемчужинѣ*, которую *купецъ, нашедши, пошелъ и продалъ все, что имѣлъ, и купилъ ее*» (Мат. 13, 44—46).

Не трудно видѣть, что при недостаткѣ надлежащей ясности и полноты въ дѣлѣ познанія источниковъ христіанскаго откровенія происходятъ всевозможные религіозно-нравственные предразсудки и заблужденія. Ложныя мнѣнія и всяческія погрѣшности, какого бы предмета онѣ ни касались, всегда являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нераздѣльнаго, либо смутнаго представленія о немъ. Истина научныхъ понятій по религіозно-гносеологическимъ вопросамъ, умѣнье раскрывать по руководству ихъ систематически-стройную нить богословскихъ понятій о вѣрѣ—вотъ что составляетъ коренное свойство *православнаго міросозерцанія;* и, наобо-

ротъ,—отсутствіе или недостатокъ этого постоянно и всюду производитъ нелѣпые сектантскіе вымыслы и религіозно-сектантское невѣжество касательно основныхъ истинъ вѣры и правилъ нравственной жизни. Незнаніе, малознаніе и вообще «превратное пониманіе» источниковъ христіанскаго откровенія и глубочайшихъ основаній ихъ догматической истинности и исторической достовѣрности естественно порождаютъ ложные религіозно-нравственные взгляды и убѣжденія Тогда догматико-гносеологическое ученіе заимствуется изъ источниковъ не всегда чистыхъ и высокихъ, а сомнительныхъ и «завѣдомо ложныхъ», тенденціозныхъ... Въ превратныхъ взглядахъ на источники и нормы христіанскаго откровенія и вѣры лежитъ главнѣйшая причина пагубныхъ религіозно-нравственныхъ суевѣрій съ ихъ многоразличными видами и подраздѣленіями,—встрѣчающихся въ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ и сектахъ, странно превращающихъ у себя единое божественное ученіе въ «хоатическую муть» сектантскихъ кривотолковъ. Не здѣсь ли, напр., лежитъ «горькій корень» римскаго католичества и протестантства съ ихъ отличительными особенностями? Не отсюда ли возникаютъ и такъ быстро распространяются въ наше «смутное время» различныя религіозныя колебанія въ вѣрѣ и сомнѣнія, неустойчивое двоедушіе и безразличная холодность? Гдѣ имѣетъ свой «начальный исходъ» мертвенный абстрактно-философскій раціонализмъ, придающій божественному откровенію «значеніе только человѣческаго авторитета», превращающій христіанство въ какую то странную «метафизическую проблемму» и, такимъ образомъ, приводящій людей къ дикому безбожію и отчаянному невѣрію? Гдѣ «религіозно-философская основа» самонадѣяннаго мистицизма, считающаго человѣческія ученія «божественнымъ откровеніемъ», а также болѣзненнаго квіэтизма и сентиментальнаго піэтизма? Откуда происходитъ суровый философическій моралізмъ, отвергающій «догматико-созерцательную сторону» въ понятіи и жизни божественнаго откровенія? Откуда «религіозный индифферентизмъ», все болѣе и болѣе захватывающій жизнь современныхъ человѣческихъ обществъ и цѣлыхъ народовъ, забывающихъ возвышенные идеалы и заботящихся только о своихъ матеріальныхъ нуждахъ и выгодахъ? Гдѣ причина современнаго «религіозно-философскаго экклектизма» или иначе «синкретизма», стремящагося путемъ механическаго соединенія разнородныхъ религіозно-нравственныхъ ученій «образовать» какую то «универсальную философскую религію»? Откуда религіозный фанатизмъ,—эта «слѣпая вѣра», содержащая своихъ почитателей въ «религіозно-нравственномъ младенчествѣ», а равно и многіе другіе пороки, находящіеся въ сектантствѣ всякаго рода и вида, своевольно отдѣляющагося отъ «*единства духа*» (Еф. 4, 3) православной церкви и, въ сущности, возвѣщающаго «вѣроломство подъ предлогомъ

вѣры» [5]). Откуда новое «языческое многобожіе», отчаянное отпаденіе отъ вѣры Христовой, страшное богоотступленіе, обнаруживающееся нынѣ въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, гдѣ люди всячески отрекаются отъ Евангелія Христова и переходятъ въ «поганскую вѣру» или, за невозможностію «совершеннаго отрицанія» откровенія Божія, вымышляютъ «свою вѣру», свое «вѣроисповѣданіе».. Если доходить до первоначала, до «коренной причины» всѣхъ и всяческихъ религіозно-нравственныхъ и научно-философскихъ антихристіанскихъ и антицерковныхъ ученій, то должно сказать, по всей справедливости, что всѣ онѣ суть ближайшія или же отдаленнѣйшія слѣдствія однихъ и тѣхъ же, т. е. «превратныхъ взглядовъ» на источники и нормы христіанскаго откровенія въ его ученіи и жизни. Мутный и зараженный всяческими нечистотами источникъ *не можетъ* дать воды чистой, живой и годной для питья, «*текущей въ жизнь вѣчную*» (Іоан. 4, 14). Таковъ непреложный «законъ царства природы»; таковъ же и всеобъемлющій «законъ царства благодати Христовой», т. е. церковно-религіозной вѣры, жизни и мысли. Съ этой стороны строго научное изслѣдованіе богооткровенныхъ источниковъ и нормъ должно дать намъ «необходимое оружіе для борьбы» со всяческими врагами нашего спасенія, нашей вѣры и нашей церкви. «*Все испытывайте, хорошаго держитесь*» (1 Θес. 5, 21), и «*будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ*» (1 Петр. 3, 15). Эта апостольская заповѣдь въ наше время, время грубаго невѣрія и всяческихъ еретическихъ «возстаній и шатаній», всюду и во всемъ должна стоять на первомъ планѣ.

Итакъ, богословскій вопросъ объ источникахъ божественнаго откровенія или,—точнѣе сказать,—*христіанскаго вѣроученія*, безспорно, есть самый первый, самый главный и самый существенный пунктъ православно-научнаго міросозерцанія. Это какъ бы православно-богословское προλεγόμενον, какъ бы нѣкая μάγνα χάρτα православно-богословской гносеологіи и методологіи. Здѣсь сосредоточивается все «внутреннее существо» *православно-церковнаго вѣдѣнія*, во всѣхъ его частяхъ, со всѣхъ сторонъ. Здѣсь планомѣрно распредѣляются всѣ наши мысли о единствѣ, цѣлости и самобытномъ характерѣ христіанскаго вѣроученія. Это какъ бы «центральный пунктъ» всего православнаго богословія, прежде другихъ вопросовъ подлежащій всестороннему изслѣдованію и раскрытію Это conditio sine qua non цѣлостной системы истинно-церковнаго *оглашенія* въ основныхъ истинахъ вѣры. Здѣсь именно совокуплены всѣ методологическіе пути, необходимо ведущіе къ вселенски-церковному «*торжеству*

---

[5]) Св. *Кипріанъ Карѳагенскій*, Творенія ч. II (Кіевъ, 1891 г.), кн. «О единствѣ церкви», стр. 178.

православія» надъ всѣми антихристіанскими ученіями и воззрѣніями. Здѣсь какъ бы открывается «*законъ царскій*» (Іаков. 2, 8), по которому должны двигаться и совершенствоваться всѣ богословскія науки въ своемъ «нормально-историческомъ развитіи». Поэтому то ни одинъ пунктъ не имѣетъ столь важнаго, всеобъемлющаго *апологетическаго значенія* при научномъ опредѣленіи вопросовъ, касающихся православно-богословскаго знанія (въ его характеристическихъ чертахъ и авторитетѣ), какъ разсматриваемый нами вопросъ. И кто отвергаетъ этотъ вопросъ или, подъ различными предлогами, уклоняется отъ его положительнаго рѣшенія, такой теплохладный изслѣдователь—уже ни «поборникъ фанатическаго невѣрія», ни «любитель истинной мудрости». Гдѣ нѣтъ одного точнаго и яснаго понятія объ источникахъ вѣроученія,—какъ, напр., въ раціоналистическихъ и мистическихъ сектахъ,—тамъ не можетъ быть и рѣчи о божественномъ достоинствѣ, объ истинныхъ основахъ и достовѣрныхъ органахъ христіанской вѣры и жизни. Первоначально нужно всесторонне изучить и уяснить вопросъ о сущности и происхожденіи христіанскаго вѣроученія (въ его источникахъ и нормахъ), чтобы навсегда устранить всякую возможность колебаній и сомнѣній относительно его абсолютной истины и исторической достовѣрности. Въ настоящее время, когда для насъ «настала пора соединить вѣру съ знаніемъ и воплощать ихъ въ себѣ въ качествѣ полнаго, сознательнаго и единообразнаго міросозерцанія» [6]), особенно необходимо самое тщательное *научно-богословское изслѣдованіе* указаннаго вопроса. Это потребно для «безусловнаго подтвержденія» нашей вѣры въ богооткровенное ученіе, хранимое въ нашей церкви. «*Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17,3). Вотъ въ чемъ *общій богословскій интересъ* религіозно-философскаго вопроса объ источникахъ, нормахъ и принципахъ христіанскаго откровенія и вѣры церковной, догматико-гносеологическая сущность его.

Но этотъ столь важный вопросъ обыкновенно подвергается различнаго рода сомнѣніямъ, возраженіямъ и недоумѣніямъ. Всѣ христіанскія вѣроисповѣданія и секты, какъ бы по нѣкоторому общему соглашенію, принимаютъ писаніе въ качествѣ главнѣйшаго источника вѣроученія и руководительнаго начала въ дѣлѣ богословскаго знанія о немъ. Теоретическое и практическое значеніе писанія здѣсь служитъ общимъ гносеологическимъ началомъ (принципомъ), въ которомъ своеобразно устанавливается и изслѣдуется вопросъ объ источникахъ и нормахъ христіанской истины и религіозной жизни. Всѣ христіанскія вѣроисповѣданія и секты, не довольствуясь однимъ писаніемъ, также признаютъ и другіе

---

[6]) Преосв. *Амвросій*, архіеп. Харьков., Ложныя мысли, бродящія въ нашемъ образованномъ обществѣ «Харьков. Епарх. Вѣд.» за 1883, № 14, стр. 219.

источники откровеннаго ученія, опредѣляющіе жизненныя отношенія ихъ къ богословской вѣрѣ и знанію. И однако же почти всѣ они строго различаются между собою въ выборѣ и утвержденіи гносеологическаго значенія и авторитета этихъ «внѣ-библейскихъ источниковъ и нормъ», въ постановкѣ и опредѣленіи ихъ внутренняго достоинства и цѣнности въ области религіознаго сознанія и нравственной жизни [7]).

Въ числѣ этихъ то «спорныхъ и недоумѣнныхъ источниковъ» религіозно-христіанскаго знанія важнѣйшее мѣсто занимаетъ *преданіе*. Вопросъ о его догматико-каноническомъ авторитетѣ и гносеологическомъ значеніи составляетъ «всегдашній предметъ» всевозможныхъ прекеканій, нападеній, сомнѣній и отрицаній со стороны «инакомыслящихъ». Здѣсь то прежде всего и находится одно изъ серьезнѣйшихъ богословскихъ побужденій къ научному изслѣдованію и изложенію этого вопроса. Поэтому имъ однимъ мы и ограничиваемъ въ настоящемъ случаѣ объемъ нашихъ научно-богословскихъ интересовъ. Основнымъ предметомъ нашего труда

---

[7]) Такъ, напр., римско-католики съ одинаковымъ «чувствомъ благоговѣнія и вѣры» принимаютъ какъ догматико-каноническія постановленія «*римскаго первосвященника*», такъ и «*заповѣди Божіи*», выраженныя въ словѣ Божіемъ Во многихъ случаяхъ parae autoritas даже major est autoritate scripturae (мнѣніе *Калликста* о римской системѣ см. у *Gass*'а, Geschicht. der prot Dogmatik, I, p. 117). Протестанты также признаютъ *кромѣ* или *сверхъ* писанія еще особое testimonium Spiritus Sancti (см у *Klaiber*'а, Die Lehre der alten protestant. Dogmatiker von dem testimonium Spiritus Sancti und ihre dogmat. Bedeutung Jarbuch. fur deutsche Theologie, II. 1857, s. 1—54). Этотъ «мистическій принципъ»— корень отрицательнаго сходства протестанства съ католичествомъ. Извѣстно, что руководясь этимъ «свидѣтельствомъ Духа Святаго», Лютеръ и другіе реформаторы говорили о своихъ религіозныхъ «видѣніяхъ», какъ о какихъ то новыхъ «небесныхъ откровеніяхъ» (*К. К Hagenbach*, Lehrbuch der Dogmengeschichte. Leipzig, 1857, § 241, s 557). Здѣсь особенно «наглядно» видна «скрытая мысль» протестантовъ о недостаточности одного «внѣшняго слова Божія» для религіознаго познанія. Изъ протестантскихъ сектъ—*квакеры* кромѣ писанія обращаются еще къ «*внутреннему слову*» (das innere Wort) или вѣрятъ «*внутреннему озаренію*» (illuminatio interna), и не только подчиняютъ ему само писаніе, но даже отвергаютъ его авторитетъ во многихъ пунктахъ своихъ ученій, поставляя его выше разума и библіи (мистическій супранатурализмъ) Объ этомъ см. у *Hagenbach*'а, op. cit. s 559. *Соцініане* указываютъ независимое отъ писанія мѣсто «субъективному разуму», усвоя ему верховное право деспотическаго суда надъ Божественною истиною Уваженіе къ библіи замѣняется авторитетомъ разума, а толкованіе ея ставляется въ зависимость отъ «истинъ разума» (соцініанскаго!). Отсюда безпощадный «раціонализмъ» (ibid. § 242, s. 560—561) *Ирвиніане* (*Thiersch*, Vorlesungen uber Katholizismus und Protestantismus, 1846) и *мормоне*—ихъ двойники—признаютъ помимо писанія *субъективный опытъ* въ качествѣ источника «новыхъ откровеній». Изъ протестантскихъ сектъ всего поучительнѣе въ разсматриваемомъ отношеніи *сведенборгіане*, признающіе «*внутреннее чувство*» (sensus internus) закономъ вѣры и знанія, а сочиненія своего основателя однороднымъ съ писаніемъ потокомъ (*I. H. Holtzmann*, Kanon und Tradition. Ein Beitrag zur neueren Dogmengeschichte und Symbolik. Ludvigsburg. 1859. § 43, s. 343).

мы поставляемъ, по возможности, подробное и обстоятельное разсмотрѣніе и изложеніе православно-церковнаго ученія объ одномъ только источникѣ *новозавѣтнаго ученія*, извѣстномъ подъ общимъ именемъ преданія. Съ этой стороны существенная особенность нашей работы сама собою опредѣляется вышеуказаннымъ положеніемъ нашего вопроса въ общей системѣ христіанскаго вѣроученія.

Но, чтобы лучше оріэнтироваться и получить «приблизительное понятіе» о нашемъ вопросѣ, сперва бросимъ *общій взоръ на исторію ученія о преданіи*. Исторія всякаго вопроса—вообще важна для положительнаго его уясненія.

Сектанты, еретики и раскольники всегда отвергали догматическій авторитетъ церковно-религіознаго преданія. Это вполнѣ подтверждается многовѣковой исторіей сектъ, ересей и расколовъ древняго времени, среднихъ вѣковъ и новаго періода.

Уже въ *вѣкъ апостольскій* мы находимъ много лжеучителей, отвергавшихъ религіозный принципъ и источникъ преданія [8]). Объ однихъ изъ нихъ есть нѣкоторыя упоминанія въ самомъ новозавѣтномъ писаніи (см. посланіе къ Колоссянамъ, пастырскія посланія: 2 Тим. 2, 17—18, 23;—Дѣян. 8 и Апок. 2, 6, 14—15), а о другихъ говорятъ древне-церковные писатели [9]). Но такъ какъ о личности современныхъ апостоламъ еретиковъ многое находится въ совершенной темнотѣ, то при недостаткѣ историческо-достовѣрныхъ данныхъ, съ трудомъ можно выяснить характеристическія черты и ихъ лжеученій по вопросу о преданіи. Впрочемъ, одно несомнѣнно, что всѣ они какъ въ ученіи, такъ и въ жизни удалялись отъ апостольскаго «*образа здравыхъ словесъ*» (2 Тим. 1, 13) и поэтому были «злохудожными противниками» церкви Христовой и ея преданія. Еретики *II вѣка*—полуязычествующіе *гностики* не принимали вселенскаго преданія въ качествѣ догматическаго источника во имя своего «тайнаго преданія» (absconditum misterium), т. е. своего сектантскаго ученія [10]). Самозступленные визіонеры—*монтанисты* не придавали существенной важности преданію по причинѣ своего субъективно-мистическаго принципа—«новыхъ откровеній», или фантастическаго вдохновенія (μανία) отъ «параклета» и естественнаго разума своихъ экзальтиро-

---

[8]) О ересяхъ и ересіархахъ апостольскаго вѣка см. у *Неандера*, Apostol. Gesch. Bd. 2, *Bohmer*'a, Isagoge in Ep. a Paulo Ap. ad Coloss. datam, 1829 и *F. Ch. Baur*'a, Die sogenannten—Pastoralbriefe des Apostol. Paulus, aufs Neue kritisch untersucht, Stuttg 1835. Изъ старыхъ источниковъ, но не устарѣвшихъ см. *Th. Ittig*, De haeresiarchis aevi apostolici. Lips. 1690. 1703. 4.

[9]) Св. *Іустинъ философъ* (Apol. I, c. 56), св. *Иринѣй Ліонскій*, Противъ ересей, 1, 23, 24. 26. *Климентъ Александр.* (Strom II, 11, VII, 17), *Оригенъ* (Contra Cels. I, 57), *Евсевій* (H. E. III, 26) и св. *Епифаній Кипрскій* (Haer. 21).

[10]) Св. *Иринеи*, Противъ ересей III, 2 1 и слѣд *Тертулліанъ*, De praescr. haer. c. 17.

ванныхъ «пророковъ» [11]). Антитринитаріи—*савеліане* въ III в. отвергали необходимое гносеологическое значеніе преданія какъ въ теоритическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи [12]). Точно также поступали съ вопросомъ преданіи и безбожные *аріане* въ IV в., всячески старавшіеся представить православно-церковное ученіе искусственной подкраской мнимо-истиннаго преданія, единственнымъ обладателемъ котораго богохульный Арій считалъ себя [13]). Также отметали преданіе духоборы—*македоніане* и *евноміане* [14]). Богопротивники—*несторіане*, *монофизиты*—*евтихіане* [15]) и безблагодатные *пелагіане* [16]) въ V в. не признавали за преданіемъ, какъ то сохранялось во вселенской церкви, богооткровеннаго достоинства и законообязательной силы, а только одному писанію, тенденціозно истолкованному, придавали значеніе матеріальнаго источника. Вообще говоря, «древніе еретики однимъ только свящ. писаніемъ хвалились, отъ преданія же, какъ глухіе аспиды, затыкали уши свои» [17]). Впрочемъ, всѣ эти еретическія заблужденія по вопросу о преданіи не имѣли значительнаго вліянія на православно-церковное міросозерцаніе вѣры въ его цѣлостномъ единствѣ и полнотѣ, нисколько не измѣнили и не ослабили самобытно-творческой силы его. Да и какъ могло быть иначе, когда еретики сами «*замѣнили истину Божію ложью*» (Рим. 1, 25). Строго обличенные и опровергнутые св. отцами и учителями церкви соборне, предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, разъ навсегда, они скоро исчезли, яко дымъ отъ лица свѣта Божія, пламенѣющаго въ церкви Христовой. Все «историческое значеніе» еретическихъ мнѣній,—если нужно говорить о немъ [18]),—состояло развѣ въ томъ, что при помощи его искони-живущее въ церкви ученіе о преданіи получило скорѣйшую и точнѣйшую научно-богословскую формулировку. Ереси и расколы только вызывали на «*искусство вѣры*», т. е на болѣе глубокое изученіе источниковъ и основъ ея. Всего этого требовала самая «логическая послѣдовательность» изначала законнаго въ церкви принципа преданія.

---

[11]) Св *Епифаніи Кипр*, Haer. XLVII, 4 11.

[12]) Св. *Епифаніи*, ib LXII, 1 (сущность ученія).

[13]) См. введеніе въ его фанатически-еретическую *Θалію*. Св. *Аѳанасій Великій*, 2-е слово на Аріанъ и De Syn. Nicenae 13, 14, 40, 43, 47. Бл. *Августинъ*, въ кн. 1 на Максимина

[14]) Св. *Василій Великій*, въ кн о Святомъ Духѣ гл. 10 и гл. 25 близъ конца; Adv. Eunom. II, 1, n. 4, 5

[15]) См. Дѣяніе первое IV (Халкидонскаго) вселенскаго собора. Св *Кириллъ Алек.*, Ep. 39.

[16]) Бл. *Августинъ*, Nat. et grat. c. 39

[17]) Высокопр. *Стефанъ Яворскій*, Камень вѣры, ч 2, стр. 69. Ср. *Mohler*, Symbolik, s. 365 f *Klee*, Theol. Quartalschr. 1858, s. 407

[18]) О «научной пользѣ» ересей: *Оригенъ* (Hom 9 in Num Opp. T. II, p. 296) и бл. *Августинъ* (De civitate Dei, Lib XVIII, p. 51).

Въ *средніе вѣка* мы также видимъ множество различныхъ религіозно-философскихъ сектъ и толковъ, такъ или иначе отвергавшихъ догматическій принципъ преданія. Таковы, напр., *кавары* [19]) *вальденсы* [20]), *виклефиты* [21]), *гусситы* [22]), *Bruderschaft vom gemeinsamen Leben* [23]) и вообще *мистики* разныхъ направленій. Одни изъ сектантовъ, по своему произволу, выдѣляли отдѣльныя части писанія, какъ правила своей вѣры, иные ссылались на совершенно другіе источники, именно на какія то тайныя религіозно-философскія ученія [24]). Особенно «индивидуалистическая средневѣковая монашеская мистика», со своимъ пантеистическимъ отрѣшеніемъ отъ церкви, вообще вредно вліяла на положительное разрѣшеніе вопроса о преданіи. Одни изъ мистическихъ сектъ считали тайные источники своихъ лжеученій, кромѣ библіи, происшедшими съ неба [25]); другіе же мнѣнія обыкновенныхъ людей старались

---

[19]) Особенность религіозно-гносеологическихъ воззрѣній *кавировъ* характеризуетъ случайное и произвольное употребленіе библіи (*Herzog*, Die romanischen Waldenser, 1853, p. 119 и *Hahn*, Geschichte der Ketzer im Mittelalter, I. p. 92—98, 158, 435—436).

[20]) Также и у *вальденсовъ* принципъ писанія еще не получилъ надлежащаго значенія, хотя они и требовали чтенія библіи на народномъ (не—латинскомъ) языкѣ и свободы отъ церковнаго преданія. Авторитетъ писанія у нихъ ограничивался преимущественной ссылкой на синоптическія евангелія, на аскетическое содержаніе нагорной проповѣди, заповѣдь о нищетѣ и проч. (*Herzog*, ib. p. 141).

[21]) Главнѣйшіе противники римско-католической церкви въ Англіи См. у *Lechler*'а, Johann von Wiclif u. Vorgeschichte der Reformation. 2 Bde 1873.

[22]) Указаніе на источники свѣдѣній о гусситахъ см. у *Робертсона* въ Исторіи христ. церкви (перев. А. Лопухина), т. 2, стр. 465.

[23]) Здѣсь еще не совсѣмъ видна «антитеза преданія и писанія», т. е. нѣтъ принципіальнаго отрицанія преданія, какъ совершенно самостоятельнаго религіознаго источника (*C. Ullmann*, Reformatoren vor der Reformation, II. p. 76, 80—82; 118—122. 136. 165—169 177)

[24]) «Мистическое вдохновеніе», частыя «религіозныя видѣнія» и новыя «откровенія»—все это характеризуетъ собою религіозно-пантеистическое настроеніе средневѣковья. Мистики и монахи въ своихъ уединенныхъ келліяхъ и дубровахъ (*Бернардъ Клервосскій*, † 1153, см. у *Неандра*, Der heil. Bernhard, p. 6), трубадуры и минезенгеры въ своихъ «поэтическихъ состязаніяхъ», всемогущіе папы со своими «*вселенскими* соборами», въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ, Бекгарды и Бекгвины въ своихъ мечтаніяхъ и иллюзіяхъ—всѣ эти люди думали о себѣ, что они дѣйствуютъ по внушенію съ неба (Hagenbach: Lerbuch der Dogmengeschichte, 1853, p. 349—351). Только въ *мистикѣ викторинцевъ*, придерживавшихся границъ «научнаго знанія», именно въ богословіи Іоанна Весселя, Іоанна Гоха и остальныхъ «предтечей реформація» замѣчается разграниченіе слова Божія отъ человѣческаго ученія. Впрочемъ, даже у Іоанна Весселя принципъ писанія выражается только полусознательно; ибо и онъ на первый планъ выставляетъ пантеистически-мистическое «свидѣтельство Духа Святаго» и въ немъ поставляетъ правило, по которому можно овладѣть откровеннымъ ученіемъ и независимо отъ писанія (*Ullmann*, op. cit. II, p. 539).

[25]) Въ такомъ, напр., уваженіи было у спиритуалистовъ «*Evangelium aeternum*», заключающее въ себѣ мнимыя пророчества *Іоакима, аббата Флорисскаго*, въ Кала-

приравнять къ слову Божію [26]). Равнымъ образомъ только такіе *средневѣковые римско-католическіе богословы* чрезмѣрно умаляли и даже отрицали преданіе, которые стояли въ нѣкоторыхъ пунктахъ и вообще въ сомнительномъ отношеніи къ религіозному авторитету церкви. Очень понятно, что это «двумысленное отношеніе» къ церкви и ея ученію они хотѣли оправдать ослабленіемъ церковнаго авторитета религіознаго преданія. Таковъ, напр., *Петръ Абелярдъ*, извѣстный схоластическій богословъ XII в († 1142), подорвавшій уваженіе къ древне-церковнымъ отцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преданію въ своемъ сочиненіи «*Sic et Non*»[27]). Таковы Вильгельмъ *Оккамъ* († 1347 г.), основатель богословско-философскаго номинализма, этого «яркаго предвѣстника» антицерковнаго протестантства, и *Марсилій Падуанскій* († 1328), старавшіеся разрушить увлеченіе преданіемъ (собственно римско-католическимъ), хотя и встрѣтившіе сильное сопротивленіе и строгое осужденіе. Другіе же изъ богослововъ, какъ, напр., Рупертъ Дейцскій, *Николай Клеманжійскій*, *Виклифъ* [28]), *Іоаннъ Весселъ* [29]) *Іоаннъ Гохъ*, *Іоаннъ Гуссъ* († 1415) [30]) и прочіе, такъ называемые, «реформаторы до реформаціи» пошли еще далѣе въ никогда не умолкавшей богословско-философской оппозиціи

бріи, † 1202 Здѣсь необходимость новыхъ пророчествъ объясняется «усовершимостію христіанства» или непрерывнымъ развитіемъ «откровеннаго духа» (см. объ этомъ у Энгельгардта in Kirchenhist Abhandll Erl 1832, Nr. 1. Извлеченія изъ этого «евангелія» у d' Argentrée, Coll. judiciorum de novis erroris. Paris 1728, t I, p. 163 и слѣд.). Подобное чрезмѣрно-напряженное понятіе о «боговдохновеніи» помимо писанія видно даже у *Іеронима Савонаролы* († 1498 г.), въ общемъ принадлежавшаго къ «библейскому направленію». И онъ погружался въ темную область религіозной экзальтаціи своей эпохи и, въ духовной прелести, считалъ себя въ числѣ «боговидцевъ», какими до него были Іоакимъ Флорисскій и неистовая Бриггита.—Достопримѣчательно, что и у нашихъ раскольниковъ-фанатиковъ есть свое «*Евангеліе вѣчное*». Оно принадлежитъ «лжеучителю распопу» Аввакуму, который говорилъ, что «эта книга не имъ де написана, но *перстомъ Божіимъ*», а между тѣмъ она «еретическаго умствованія исполнена» (Св. *Димитрій Ростовскій*, Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, Москва, 1824, ч. I, гл XXIV, стр. 77)

[26]) Таковы, напр., дерзновенные отзывы *Давида Динантскаго* о достоинствѣ органовъ и свидѣтелей сверхъестественнаго откровенія (см у *Энгельгардта*, op cit. p. 225) Беггвины учили: «quod homo *magis* tenetur sequi *instinctum* interiorem, quam *veritatem evangelii*, quod quotidie praedicatur» (текстъ у *Гаенбаха*, op cit § 159, s. 352)

[27]) Въ этомъ сочиненіи онъ тенденціозно сопоставляетъ повидимому противорѣчивыя или дѣйствительно несогласныя мнѣнія и выраженія св. отцовъ о вѣрѣ. Πρῶτον ψεῦδος его въ томъ, что онъ не различаетъ догматическое ученіе вѣры отъ теологическаго обоснованія его.

[28]) См. «locus classicus» Виклифа († 1384) in Trial. IV, c. 7, p. 199. Характерно его прозваніе. doctor evangelicus.

[29]) О принципѣ писанія Весселя см у *Уллмана*, op. cit, II, s. 458—461.

[30]) О источникѣ писанія Гуса у *Неандера*, Zuge aus dem Leben des h. Joh. Hus, in d. Kleiner Gelegenheitsschriften, s. 217 ff.

противъ преданія, поднявъ чрезвычайно высоко религіозный авторитетъ писанія, какъ источника догматическаго ученія. Чрезъ это преданіе само собою должно было потерять значеніе *втораго источника* религіознаго познанія. Здѣсь былъ проложенъ путь къ реформаціоннымъ стремленіямъ признать писаніе *единственнымъ* источникомъ и нормой вѣры, чему въ свою очередь всего болѣе способствовала средневѣковая экзегетика, при помощи всевозможныхъ ухищреній и натяжекъ «раввинистическаго толкованія» библіи, затемнявшая гносеологическій смыслъ принципа преданія самаго по себѣ. Вотъ въ какомъ направленіи протестантскій принципъ одного писанія до реформаціи стремился къ своему *историческому осуществленію* [31]).

Впрочемъ, средневѣковье не дало принципіальнаго и «систематическаго разъясненія» цѣлаго спора о преданіи [32]), не смотря на то, что вопросъ о преданіи интересовалъ не только отдѣльныя лица, но волновалъ и цѣлыя общества, цѣлые народы (Виклифиты, Гуситское движеніе). Смутный и неувѣренный взглядъ средневѣковаго богословія по преимуществу характеризуетъ тотъ фактъ, что въ *латинской церкви* схоластики на ряду съ писаннымъ словомъ Божіимъ [33]) поставляли, кромѣ преданія, также и другіе источники и нормы вѣры. При гносеологическомъ двойствѣ источниковъ откровенной истины одинъ членъ—библія вообще стоитъ прочно, по крайней мѣрѣ, въ богословской теоріи, тогда какъ другой—преданіе постоянно колеблется и не рѣдко мѣсто его занимаютъ другіе источники и критеріи, дающіе ложную оцѣнку всему гносеологическому вопросу, какъ, напр., *природа* [34]), или *разумъ* [35]), или *внутреннее*

---

[31]) О «библейскомъ направленіи» въ вѣкъ, предшествовавшій реформаціи, см. у *Ульмана*, op. cit. II, s. 430 ff.

[32]) Мнѣніе Шване.

[33]) Такъ, напр., *Алкуинъ* († 809), требуетъ чтобы оставаться при преданномъ ученіи (римской) церкви и ничего новаго (nihil novi) не искать и не принимать касательно вѣры (текстъ у Гагенбаха, op. cit., § 159, s 351). Запрещеніе читать народу библію на родномъ языкѣ, высказанное на соборѣ Тулузскомъ (1229 г.) и Тарраконскомъ (1234) служило «лучшимъ оплотомъ» въ пользу преданія (тексты у *Мюнтера*, Lehrbuch der christl Dogmengeschichte, II, 1, s. 109).

[34]) Іоаннъ Скотъ *Эригена*, De divisione naturae (пантеистическій взглядъ на религію), III, c. 19. *Раймундъ Сабундскій*, Theologia naturalis, 1436. «Книга природы» на ряду съ писаніемъ у *Бернарда Клервосскаго*.

[35]) Эригена ставитъ «истинный разумъ» въ параллель съ писаніемъ и именно «авторитету разума» подчиняетъ преданіе (тексты у *Гагенбаха*, op. cit., § 159, s. 350—351). Особенно *схоластики* поставляли *объемъ* откровенія ближе къ чисто-*раціоналистическому* познанію. Когда подъ вліяніемъ перешедшаго отъ магометанскихъ ученыхъ Аристотеля было поколеблено довѣріе къ «церковному ученію вѣры» у многихъ мыслителей, то *Ѳома Аквинатъ* († 1274), doctor angelicus, сталъ учить что въ католическомъ вѣроученіи одна часть можетъ быть постигнута при посредствѣ «естественнаго разума» (напр., бытіе и единство Божіе, что̀ явственно и изъ истолкованнаго въ христіанскомъ духѣ Аристотеля), а другая, напротивъ, превышаетъ разумное пони-

слово [36]). И всѣ эти колебанія, недоумѣнія и нерѣшительность скорѣе суть неопредѣленныя или же «неправильныя посылки» въ вопросѣ о преданіи, чѣмъ «логическія слѣдствія» формальнаго принципа писанія. Ясность и убѣдительность въ послѣднихъ получалась только постепенно, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, съ каждою новою ступенью, на которую восходилъ «римско-католическій іерархическій принципъ преданія», съ каждою новою побѣдою римской церкви надъ «антицерковнымъ принципомъ писанія». И только въ реформаціи принципъ писанія *вопреки* преданію находитъ себѣ повсюдное признаніе какъ въ ученіи, такъ и въ религіозно-практической дѣятельности.

Въ *новое и новѣйшее время* протестантство во всѣхъ своихъ многочисленныхъ толкахъ отвергаетъ преданіе, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія. Да и самый вопросъ о преданіи,—собственно говоря,—получилъ особый интересъ въ богословской наукѣ только со времени протестанства, которое вообще не признаетъ *догматической важности* за преданіемъ. Поэтому, только со времени реформаціи спорный вопросъ о преданіи принимаетъ характеръ систематическаго раскрытія и изложенія, тѣсно соединяется со всѣмъ богословіемъ (особенно догматическимъ и апологетическимъ) и оказываетъ на него всевозможное вліяніе Съ тѣхъ поръ спеціально-богословская литература стала усиленно обогащаться множествомъ особенно цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, апологетическихъ трактатовъ, системъ и монографій.

Реформація римско-католической церкви въ исторіи западно-европейскаго христіанства явилась не съ однимъ *формально-теоретическимъ принципомъ писанія*. «Евангелически-протестантское» движеніе гораздо болѣе руководилось *матеріальнымъ принципомъ* оправданія одною вѣрою, имѣвшимъ нѣкоторую поддержку только въ одномъ мѣстѣ писанія (Рим. 3, 28) и то по неправильности перевода. Но чѣмъ яснѣе Лютеръ († 1546), этотъ «непогрѣшимый родоначальникъ нѣмецкаго протестантства» и его ревностные послѣдователи [37]) представляли себѣ значеніе *своего* оправданія, тѣмъ болѣе они чувствовали необходимость ссылаться

маніе, какъ, напр., троичность лицъ въ Богѣ при единствѣ существа Такимъ образомъ, здѣсь «сверхъестественное богословіе» есть *дополненіе* естественнаго богопознанія. На почвѣ *схоластическаго рационализма* создались «первоначальные элементы» римско-католической теоріи «догматическаго развитія церкви», утвердившей верховое право «богословской науки» устанавливать *новые догматы* (см. напр., какъ *Іоаннъ Жерсонъ* († 1429), doctor christianissimus, ссылался на это «догматическое образованіе» въ ученіи о пресуществленіи и непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи).

[36]) У всѣхъ средневѣковыхъ мистиковъ.

[37]) *Ф. Меланхтонъ* († 1560), другъ и истолкователь Лютера (Loci theologici, ed. Augusti, p. 3–4; см. *Schenkel*, Wesen des Protestantismus, I, s. 27; *Delbrück*, Ph. Melanchton, der Glaubenslehrer, 1826.—Комментаторъ его, *Selnecker*, Institutiones christ. religionis, 1573).

только на писаніе *помимо* преданія [38]). Таковъ «общій генезисъ» протестантскаго принципа писанія [39]). Теоретическій принципъ писанія, понятый на «протестантскомъ дѣлѣ», есть не что иное, какъ другая сторона протестантскаго ученія объ самооправдывающей вѣрѣ [40]). И какъ только произошло это противоположеніе писанія преданію и протестанство стало исключительно на одну сторону, т. е. на сторону писанія, «западно-европейское христіанство» раскололось на двое, раздѣлилось безъ надежды на concordia pia.

«Протестанскіе тезисы» по вопросу о преданіи, высказанные основателями лютеранства, реформатства и англиканства (съ ихъ развѣтвленіями) сводятся, въ существѣ дѣла, къ слѣдующимъ мыслямъ [41]).

«Абсолютно-истинное» и исторически-достовѣрное свидѣтельство божественнаго откровенія находится только въ писаніи. Это единственный источникъ вѣроученія, съ которымъ всякій христіанинъ долженъ дескать повѣрять свои личныя воззрѣнія [42]). А для успѣха «литературной

---

[38]) *Schenkel*, op. cit., I, s. 19.

[39]) Подробныя свѣдѣнія о историческомъ происхожденіи Schriftprincip'a см. у *Гольцмана*, Kanon und Tradition, § 2, s. 12—19 и у *Гагенбаха*, Lerbuch der Dogmengeschichte (относящіеся сюда тексты), § 240, s. 551—556.

[40]) *Dorner*, Das Princip unserer Kirche nach seinen zwei Seiten, 1841; сравн. *I. Muller* in der deutschen Zeitschrift 1851, s. 215.

[41]) См. эти «тезисы» въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ у *B G. Winer*'a, Comparative Darstellung des Lehrbegriffs der verschiedenen christlichen Kirchen-Parthieen. Berlin. 1866, у *I. T. Muller*'a, Symbol. Bücher der luther. Kirche, у *A. H. Niemeyer*'a, Collectio confessionum in ecclesiis reformatis publicarum. Lips. 1840 и у *E. Köllner*'a, Symbolik aller christl. Confessionen, Hamburg. 1837—44.

[42]) Хотя въ *лютеранскихъ* символическихъ книгахъ собственно нѣтъ особыхъ членовъ de Scriptura sacra, даже нѣтъ полнаго перечисленія библейскихъ книгъ, однако это ученіе лежитъ въ основѣ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ членовъ (см. у *Müller*'a 74, 9; 303, 13—15, 517, 1; 518, 1, 569 ff., у *Thomasius*'a, Dogmengeschichte. II, 197, и у *Heppe*, Dogmatic des deutschen Protestantismus, I, s. 21 ff.). Въ качествѣ locus classicus можно привести здѣсь слѣд слова изъ Formula concordia, этой окончательно-формулированной лютеранской символической книги: „credimus *unicam* regulam et normam, secundum quam omnia dogmata omnesque doctores aestimari et iudicari oporteat, nullam omnino aliam esse quam prophetica et apostolica scripta cum Vetus., tum Nov Testamentum.—Reliqua vero sive Patrum, sive neotericorum scripta, quocunque veniant nomine sacris literis nequaquam sunt aequiparanda" (p. 570 по изд. Лейпцигск. 1756. Ugl. sol. decl. p 632). За то *реформатскія* символическія книги въ самомъ рѣшительномъ тонѣ выдвигаютъ на первый планъ ученіе объ источникахъ вѣроученія. Онѣ большею частію начинаются ученіемъ о библіи, и въ самомъ изложеніи посвящаютъ ему отдѣльныя мѣста: Conf. Helv. I. сравн. Conf. Gall. art. 5. Begl. 7. Angl. 6. Scot. 18 и т. д. у *Winer*'a, s. 30 ff. На всѣ эти свидѣтельства какъ въ положительномъ смыслѣ, такъ и въ отрицательномъ должно смотрѣть, какъ на самое точное опредѣленіе протестантской гносеологіи. Повидимому, нѣкоторымъ исключеніемъ является Базельское исповѣданіе; но и оно in finale все подчиняетъ одному писанію. Неодинаковое рѣшеніе въ протестантскихъ символическихъ книгахъ вопроса о ни-

борьбы» съ всяческими защитниками преданія и для положительнаго укрѣпленія самого по себѣ принципа писанія, протестанскіе богословы, особенно лютеранскіе, такъ называемые, «ортодоксальные», придумали in loco de scriptura sacra особое ученіе объ *affectiones scripturae*[43]) и testimonium Spiritus sancti. Здѣсь a priori указывается на преданіе, какъ на совершенно излишній источникъ вѣры и жизни. Въ научной разработкѣ ученія объ affectiones scripturae освѣщается весь богословскій интересъ протестантовъ къ вопросу объ источникахъ христіанскаго откровенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ приводятся и *причины*, по которымъ преданіе устраняется изъ числа религіозныхъ источниковъ.

Все сдѣланное протестантами *противъ* преданія[44]) и для утвержденія *одного* писанія сосредоточивается въ раскрытіи слѣдующихъ affectiones scripturae.

Autoritas scriptura—это такое свойство писанія, которое обозначаетъ его *божественное происхожденіе* и, слѣд., вытекаетъ изъ понятія о его *богодухновенности*[45]). Писаніе есть quod substantiam откровенное слово, а преданіе,—a contrario,—только человѣческое ученіе (fides humana)[46]). Предикатъ *perspicuitas* verbi divini указываетъ на «совершенную ясность» *одного* писанія, находящуюся во всѣхъ частяхъ его и во всѣхъ пунктахъ его ученія[47]). Писаніе *само чрезъ себя* изъясняется по *analogia fidei*[48]). Право «свободнаго толкованія» библіи принадлежитъ

сами зависитъ отъ того, что для реформатовъ (швейцарцевъ) писаніе служитъ абсолютно—«конститутивнымъ принципомъ», т. е. положительно-нормирующимъ (*Schweizer*, Reformirte Glaubenslehre, I, s. 32), а для лютеранъ (нѣмцевъ) только отрицательно-регулирующимъ (Conf. Aug. 15; Apol. у *Мюллера*, s. 208—209 и 214. *M. Gobel*, Die religiose Eigenthümlichkeit d. lutherischen und d. reform Kirche, 1834, s. 64—70). Также согласны въ отрицаніи преданія въ пользу одного писанія и сектанты протестантскіе, какъ, напр., ремонстранты, социніане (у *Винера*, s. 31 ff.), арминіане, менониты, гернгутеры, сведенборгіане и проч. (*Munscher*, Dogmengesch., II, 2, s. 265—267).

[43]) *J. Gerhard* († 1637), первый ввель этотъ терминъ въ лютеранскую догматику и поставилъ его въ „надлежащій порядокъ“ въ соч. Loci communi theologici (1610—1622), I, s. 22—25 и II, s. 307—328. Самостоятельнѣе всѣхъ лютеранскихъ богослововъ развилъ locus de scriptura Авраамъ *Calov* († 1686), Systema locorum theologicorum, 1655—77, I, s. 235, 303—440.

[44]) Въ какомъ смыслѣ протестанты понимаютъ слово. *преданіе* см. у Гагенбаха, op. cit. § 244. *Schenkel*, Dogmatik, I, s. 391 ff.

[45]) См. различныя теоріи о богодухновенности

[46]) О traditiones humanas говорится, напр., in August. Conf. art. 15, p. 13, 28, 30, Apol. 8, p. 205—214; 14, p. 292—297. Artic. Sm. 3, 15 p. 337. Ugl. прибавленіе: de potestate et primatu Papae, p. 349. 355.

[47]) Относящіяся сюда тексты см. у Гагенбаха, op. cit. § 240, s. 555—556, у *Винера* p 35—37, у *Strauss'a*, Glaubenslehre I, 111 f, у *Schenkel'я*, Wesen Protes. I, s. 67 f. и у *Hase*, Polemik, s. 69.

[48]) Это субъективно-мистическое начало вѣры религіозной и познанія.

всякому христіанину, хотящему спастися [49]). Здѣсь писаніе поставляется въ совершенно-изолированное (самостоятельное) положеніе въ отношеніи къ церкви и, такимъ образомъ, совершенно устраняется собственно-догматическая *непогрѣшимость церкви* (церковнаго учительства). Защищая perspicuitas, протестанты сражались, собственно говоря, pro aris et focis. *Sufficientia* или *perfectio* означаетъ абсолютную *самодовлѣемость* писанія, его полноту и совершенство, исключающія всякіе другіе источники и авторитеты помимо его. Въ писаніи заключено все необходимое для спасенія [50]). Съ этой стороны «писанное слово Божіе» удовлетворяетъ всѣ религіозно-нравственныя потребности и задачи; въ немъ «всяческая реформація», оно настолько богатый по своему содержанію источникъ вѣры, что *само по себѣ* способно «образовывать духовныхъ христіанъ», судящихъ обо всемъ (1 Кор. 2, 15). Sufficientia обозначаетъ въ писаніи сторону противоположную отрицанію преданія [51]). Итакъ, нѣтъ никакой нужды *въ дополненіи* писанія какими-либо *догматическими* преданіями in theologia [52]). На основаніи *efficacitas* писаніе считается не абстрактнымъ гносеологическимъ началомъ, а «единственно-живымъ источникомъ», необходимымъ при историческомъ происхожденіи и утвержденіи слова Божія. Здѣсь заключается его абсолютное значеніе для «генезиса субъективной вѣры» и для полученія «благодати Божіей». Оно одно участвуетъ во всѣхъ стадіяхъ «церковнаго развитія», «съ вѣчною тождественностію произноситъ судъ» надъ всѣми измѣняющимися вѣрованіями церкви и свидѣтельствуя, изъ своей собственной полноты, во всякое время «съ одинаковою непосредственностію» *вложенное слово, могущее спасти души наша* (Іак. 1, 21). Вотъ почему ученіе о писаніи занимаетъ самый центръ системы протестантскаго богословія [53]).

Такова сущность протестантской «критики преданія» при помощи писанія На нее всегда ссылаются протестанты, чтобы доказать, что нѣтъ никакой надобности въ *неписанномъ* преданіи. Съ ея точки зрѣнія обыкновенно произносятся рѣзкія возраженія противъ самаго понятія о преданіи, какъ именно таковомъ. *Устное преданіе*, по самой своей природѣ, подвержено всяческимъ измѣненіямъ и искаженіямъ. Оно *не могло* сохраниться до нашего времени во всей своей первоначальной чистотѣ и цѣлости при различныхъ историко-политическихъ переворотахъ, при якобы «научно-доказанной» потерѣ и поврежденіи многихъ церковныхъ

---

[49]) *Hundeshagen*, Das Princip der freinen Schriftforschung in seinem Verhältnisse zur Kirche und den Symbolen, 1852.

[50]) Это обычный афоризмъ у протестантовъ.

[51]) *Schmid*, Luther. Dogmatik, 1847, p. 41

[52]) *J. G. Rosenmuller*, De usu traditionis in theologia, 1786. ср. *I. Gergard*, op. cit, II, s. 307—328.

[53]) *Gass*, Geschicht. d. prot. Dogmatik, I, 239.

памятниковъ [54]), при якобы постоянномъ смѣшеніи истинныхъ ученій съ суевѣрными и «баснословными сказаніями». Нѣтъ болѣе произвольнаго гносеологическаго начала, какъ источникъ преданія [55]). Нигдѣ не забывается такъ легко исторія религіозныхъ ученій, какъ тамъ, гдѣ оффиціально господствуетъ принципъ преданія [56]). Преданіе—materia pecans, corpus delicti [57]). Въ качествѣ una custodia fidelis memoriae rerum gestarum должно быть *не преданіе*, а писаніе, имѣющее значеніе единственно-несомнѣннаго *историческаго документа* христіанскаго откровенія. Но если бы преданіе и сохранилось какимъ нибудь образомъ «до нашихъ дней», то все таки *нельзя* было бы за подлинное узнать его божественное и апостольское происхожденіе, т. е отличить его отъ ложныхъ ученій [58]). Доказать *нынѣ* подлинность преданія тѣмъ труднѣе, чѣмъ извѣстнѣе, что и еретики и раскольники вводили въ употребленіе много мнимо-христіанскихъ преданій, противъ которыхъ св. отцы боролись при помощи писанія [59]); но въ древней церкви были и такія преданія, имѣвшія законную силу, которыя будто бы противорѣчили другъ другу. Выбравши для примѣра отдѣльныя части преданія, протестанты думаютъ, что никакъ нельзя вывести ихъ божественнаго авторитета, хотя бы они и были подлинно-достовѣрны, и уравнять съ писаніемъ. Здѣсь они указываютъ на «хаотическую неопредѣленность» самой сущности преданія и границъ его авторитета. Они всячески стараются запятнать церковное понятіе преданія, какъ изобрѣтеніе еретиковъ [60]) и, такимъ образомъ, доказать опасность всего вообще ученія о немъ [61]). Отсюда у нихъ выдвигается абсолютная *necessitas scripturae* и считается «человѣческой выдумкой» мнѣніе, что «неписанное преданіе» должно пользоваться одинаковымъ уваженіемъ съ писаніемъ. Преданіе только уничижаетъ внутреннее достоинство писанія; ибо оно ни къ чему иному не служитъ, какъ только

---

54) I. Daillé (Dallaus): De scriptis, quae sub Dionysii Areopagitae nomine circumferuntur, 1616 De pseudepigraphis apostolicis, 1653 De l'emploie des pères, 1631. De usu patrum ad ea definienda religionis capita, quae sunt hodie controversa, libri duo, 1656 Эти сочиненія на ряду съ сочиненіями Мартина Хемница считаются „богатѣйшею сокровищницею" протестантской апологетики, направленной противъ преданія (у *Gass a*, op. cit., II, s 198—9)

55) *Гольцманъ*, Kanon u. Tradition, § 29, s. 216.

56) *Ritschl*, Altkathol. Kirche, 1857, s. 265.

57) *Гольцманъ*, ib. § 61, s. 484.

58) *A. Rivetus*, Tractatus de patrum autoritate (святоотеческое преданіе не гарантируетъ истины). „Достойный преемникъ» его (и Дайле) *S Basnage*, Annal. pol. eccles. II. 1706. disert 9. p. 541—556.

59) *Pfaff* († 1760), De doctrina Christi, III, s. 130 ff.

60) *I H Bohmer*, De vet. eccles. statu dissert. 8.

61) *Хемницъ* in Examen concilii Tridentini, 1563—73.

къ искаженію основныхъ истинъ вѣры и успленію «фанатическаго деспотизма церковно-іерархической власти въ дѣлахъ спасенія»[62]).

Такіе то голоса противъ предапія слышны по всему «протестантскому лагерю», въ Германіи[63]), Швейцаріи[64]), Франціи[65]) и Англіи[66]). Такія то мысли стали не только «научнымъ основаніемъ» и «обычнымъ пріемомъ», при помощи которыхъ ведется богословская полемика противъ преданія, но и достояніемъ такъ называемаго *популярнаго протестантства*[67]), выступившаго со своимъ формальнымъ принципомъ въ область всяческихъ мистическихъ сектъ и соціально-политическихъ толковъ.

Чтобы по достоинству оцѣнить эту вѣру протестантовъ въ одно писаніе, во имя котораго реформаторы дерзнули высказать, вопреки всякому преданію, свое упорное veto, здѣсь должно имѣть въ виду, что *римское католичество* было единственною «вѣроисповѣдною формой», подъ которою мыслилось у нихъ христіанство[68]). Протестанты ничего другого не сдѣлали, какъ только отторгли отъ римскаго corpus'a doctrinae вторую небиблейскими преданіями наполненную часть и, такимъ

---

[62]) Обычный аѳоризмъ у протестантовъ.

[63]) Относящіяся сюда мѣста изъ сочиненій Лютера см. у *Walch'a* (напр., XVIII, p. 254 ff., p. 1160 и мн. др.), у *Schenkel'я*, Wesen d. Protest., I, s. 19—41 и *Loscher'a*, Reformatius—Acta, II (напр., Responsio ad Sylvestrum Prieratem, p. 390).

[64]) См. Полемику Цвингли, Von der Klarheit und Gwusse des gotthchen Wortes (Werke Bd. I, s. 81) и его 67 тезисовъ отъ 1523 г. (особенно 1 и 5).

[65]) Принципъ писанія во Франціи энергично защищался у реформатовъ. *Кальвинъ* in Institutio christianae religionis (окончено вполнѣ 1529 г.) и Acta synodi Tridentinae cum antidoto, 1547 (*Adam*, Calvin,—біографіи въ связи съ исторіей эпохи). *Беза* противъ преданія въ рѣчи Пуасси 24 сент. 1561. *D'Espense* противъ церкви (см. *Soldan*, Protestantismus in Frankreich bis zum Tode Carl's IX, I, p. 501). *Du Plessis-Mornay* (смѣлый кальвинистъ), De l'institution du saint sacrament de l'eucharistie, 1598. Примирительное направленіе: епископъ *Camus Belay* (L'avoisinement des protestants vers l'église romaine, 1640), *Боссюэтъ* и *Pelisson*

[66]) Англійская реформація (1526) самымъ опредѣленнымъ образомъ вся исходитъ отъ писанія «Религія англійской расы болѣе, чѣмъ какой-либо другой, носитъ на себѣ библейскій характеръ». См. споръ 1525 г. въ Кембриджѣ *Latimer'a* съ францискан. монахомъ *Buckingham'омъ* относительно perspicuitas scripturae. Научный споръ о принципѣ преданія между канцлеромъ *Ѳомой Моромъ* (Dialogus de gecta Lithet, 1529) и Вильгельмомъ Тиндалемъ (Answer to Sir Th. Morus dialogue). *Ѳома Кранмеръ*, горячій защитникъ «евангелическаго направленія». Обо всемъ этомъ подробно у *Merl'a D'Aubigné*, Histoire de la réformation du XVI siecle (въ соотвѣтст. мѣстахъ).

[67]) Исторія «популяри. протестанства» вообще интереса съ этой стороны для характеристики западно европейскаго религіознаго міросозерцанія.

[68]) О православіи протестанты узнали уже гораздо позднѣе, уже послѣ того, какъ совершилась ихъ реформація (см. отвѣтъ Виртембергскихъ богослововъ Константинопольскому патріарху *Іереміи* (1576—1581 г.г.) по вопросу о библіи in libro: *Index veritatis*).

образомъ, вдвое увеличили значеніе первой половины, состоящей изъ письменныхъ источниковъ христіанскаго ученія, а на католическихъ защитниковъ своего преданія стали смотрѣть, какъ на lucifugae scripturarum [69]) Но здѣсь лежитъ и принципіальная πρῶτον ψεῦδος протестантства. Вооружившись «безпощаднымъ отрицаніемъ» противъ папскаго преданія, протестанты справедливо возмущались противъ заблужденій, таившихся въ немъ; но они несправедливо и непослѣдовательно поступаютъ, когда во всякомъ вообще положительно-гносеологическомъ началѣ, кромѣ библіи, опасаются для себя враждебной силы, могущей дескать затянуть ихъ въ «страшную тину человѣческихъ мнѣній о вѣрѣ». Понятно, поэтому, какъ трудно имъ понять и по достоинству оцѣнить всю могущественную силу, все внутреннее существо и всю законность преданія, какъ единаго и истинно-пребывающаго въ церкви Христовой источника на ряду съ писаніемъ. Отсюда то у нихъ систематически сокращаются «предѣлы христіанской вѣры», до крайности суживается объемъ догматическаго ученія, безъ дальнѣйшаго отвергается «всякое преданіе до-реформаціонной церкви» [70]), все то, о чемъ писаніе говоритъ не такъ ясно, не такъ полно, что большею частію узнается изъ вѣковѣчныхъ вселенски-церковныхъ и исторически-достовѣрныхъ свидѣтельствъ и они, такимъ образомъ, отказываются отъ всего того, «что съ древнѣйшихъ временъ христіанства до настоящаго времени признавалось божественою истиною» [71]). Здѣсь, очевидно, понятіе преданія принесено въ жертву сектантской библіи или, точнѣе сказать, извѣстному богословско-философскому ученію, посягающему на все въ дѣлѣ религіи [72]). Такова общая «протестантская позиція» въ вопросѣ объ источникахъ и нормахъ христіанскаго вѣроученія *Sola scriptura*—вотъ единственный *итогъ* всѣхъ реформаціонно-гносеологическихъ взглядовъ. Формальный принципъ протестантовъ не напоминаетъ ли намъ сектантское преданіе древнихъ еретиковъ; какъ будто изъ рукъ ихъ они получили «свой догматъ» о единомъ словѣ Божіемъ въ писаніи, уничижающемъ авторитетъ церковнаго преданія [73]).

Римско-католическая церковь систематически развиваетъ въ своей богословской наукѣ до противоположной крайности взглядъ на преданіе, какъ на источникъ откровенія Божія и вѣры. Римско-католическое ученіе о преданіи преимущественно направлено противъ протестантскаго принципа писанія, противъ его выводовъ и предположеній. *Dogma de*

---

[69]) См. у *Гольмана*, op. cit. § 4, s 30

[70]) *Herzog*, Real—Encyklopädie für prot. Theol. u Kirche, Leipz. 1885, sub verbo: tradition, s. 731.

[71]) *Theremin*, Die Lehre vom göttlich. Reiche, 1823, s. 107 119

[72]) Ср. *Drey*, Apologetik, II. 1843 p IX ff *Staudenmajer*, Der Protestantismus in seinen Wesen und in seiner Entwicklung, II, s 106—110.

[73]) Ср. *Mohler*, Symbolik, s. 243—247.

traditione съ самаго начала понятна, какъ общее выраженіе полемическаго интереса привести въ свою пользу dicta probantia, какъ энергичное противодѣйствіе противоположному протестантскому ученію. Какъ ни крѣпко держалась римская церковь до реформаціи за свое преданіе, однако она не имѣла яснаго понятія объ особой важности цѣлаго обсуждаемаго нами вопроса, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ точнѣйшаго научнаго опредѣленія взаимнаго отношенія между преданіемъ и писаніемъ [74]), никогда не выходила изъ противорѣчій и колебаній. Можно даже сказать, что двойство католическихъ источниковъ никогда нарочито не было признано и научно выражено. A priori подразумѣвалось полнѣйшее догматико-каноническое тождество предания и писанія. Въ средніе вѣка столь сильно было убѣжденіе въ непогрѣшимомъ учительномъ авторитетѣ латинской церкви, что долго не чувствовалось никакой надобности къ его теоретическомъ обоснованіи и изслѣдованіи. Всѣ «правовѣрные католики», клиръ и міряне, все въ области вѣры почерпали изъ ученія своей церкви, считавшагося богооткровеннымъ. Поводъ къ доказательству религіознаго авторитета римской церкви, а вмѣстѣ и къ научному изслѣдованію вопроса объ источникахъ ея вѣроученія подала реформація. На *Тридентскомъ соборѣ* (1545—1563 г.) противъ «еретическаго ученія Лютера» римская церковь впервые, съ полною увѣренностію для себя, утвердила двойство догматико-каноническихъ источниковъ [75]). Здѣсь, «въ силу историческихъ отношеній», она въ первый разъ пришла къ ясной мысли объ абсолютномъ значеніи *своего* преданія, къ коренному убѣжденію, что чрезъ уступку его она отказалась бы отъ самой себя [76]). Уче-

---

[74]) См. *Pelt* у Гольцмана op. cit. § 4, s 28. Даже на Тридентскомъ соборѣ были лица, считавшія «безбожіемъ» (impium=inhumanum) уравненіе писанія и преданія (см. *Wessenberg*, Geschichte d. grossen Kirchenversammlungen, III, p. 211. *Spiel*, Die Lehren d. Katholischen Kirche, 1865, s 65).

[75]) Между сочиненіями, касающимися исторіи Тридентскаго собора замѣчательны слѣдующія *Palavicini*, Historia concilii Tridentini. *Sarpi*, Geschichte des Tridentiner Concil's, II. *Salig*, Vollständige Historie des Tridentini Concilium, I. *Chemnitz*, Examen concilii Tridentini, 1565—73 *Calvin*, Acta synodi Tridentinae cum antidoto, 1517. *Heideger*, Concilii Tridentini anatome, 1671.

[76]) См. формулу Тридентскаго рѣшенія вопроса о преданіи отъ 5 Апр. 1546 г. у *Гольцмана*, op. cit § 4, s 30 и у *Kollner'a*, Symbolik, II. s 350- 351. Изъ римско-католическихъ богослововъ, защищавшихъ professio fidei Tridentina, особенно замѣчательны слѣдующіе (подробно объ этомъ у *Lämmer'a*, Die Vortridentinisch-Katholische Theologie des Reformations-Zeitalters, 1858). *M. Peresius*, одинъ изъ первыхъ «римскихъ апологетовъ», De divinis apostolicis atque ecclesiasticis traditionibus, 1549 (это обширное сочиненіе—прототипъ всего послѣдующаго въ римскомъ ученіи о преданіи), особенно p. 3—4, 12—15, 26—33, 41—45, 231—234 и мн др. *Driedo*, De ecclesiae scripturis et dogmatibus, libri IV. 1550. Кёльнскіе теологи; Examen Catherchismi Monchemiani; *Іоаннъ Левенскій*, De invocatione sanctorum; *Cardillus Villalpandius*, De traditionibus, *Tyletanus*, Apologia преданія contra Chemnitium; *F. Ninguarda* (Ar-

ніе о преданіи со времени Тридентскаго собора становится неприкосновенною составною частію католическаго богословія, особенно догматическаго.

Вотъ главнѣйшія «римско-католическія аксіомы» по вопросу о преданіи.

Божественное откровеніе имѣетъ два источника: писаніе и преданіе. Оба они совершенно равнаго достоинства (*pari affectu*, а не simuli affectu). Писанію должно придавать не больше важности и значеніе въ сравненіи съ преданіемъ. Писаніе само по себѣ *не полно*, а потому и недостаточно. Это—*мертвая* сама по себѣ книга и *темное* слово Преданіе—второй источникъ, въ совершенствѣ дополняющій все касательно писанія и вѣры. Впрочемъ, «второе мѣсто» преданію римско-католическая церковь отводитъ только какъ бы въ нѣкоторую уступку нападающему на нее протестанству; фактически же оно есть *первый и даже единственный* источникъ. На основаніи его одного должна быть безошибочно изъяснена библія secundum analogia fidei римской церкви, особенно ad coërcenda petulantia ingenia [77]). Здѣсь—вся сила «*ars critica*» римско-католической церкви, владѣющей абсолютнымъ правомъ (*jus absolutum*) непогрѣшимаго (infallibilitus) учительства (magisterium ecclesiae docens), не признающаго этого права ни за кѣмъ другимъ. Здѣсь извѣстное ученіе должно считаться истиннымъ по тому одному, что въ него вѣруетъ римско-католическая церковь, какъ sedes apostolica, какъ cathedra Petri, имѣющая integra et continua succesio eposcoporum [78]). Римская каѳедра—это praesertio fidei catholicae), *Canisius*, Summa doctrinae christianae, 1566, p 46—63 Домин. *М. Кано*, членъ Трид. собора, одинъ изъ вліятельныхъ богослововъ до Беллярмина, Loci communes, libri 12, см особенно lib.2 (писаніе моложе церкви), 3 (о преданіи), 4 (объ авторитетѣ католич. церкви), 5 (о соборахъ) и 6 (рим каѳедра). Члены Трид. собора: *Петръ Сотійскій*, Defensio adversus I. Brentium (нападавшаго на принципъ преданія въ полем. сочиненіи: Prolegomena contra Petrum a Soto, op. VIII 1590, p 217—228, здѣсь онъ «предтеча Хемница»), *Альфонсъ Кастро*, Contra haereses, 1534, *Кардиналъ Госій*, Adverus prolegomena Brentii contra Petrum a Soto (основ. мысль: римск изъясненіе библіи conditio sine qua non слова Божія), *Андрада*, Orthodoxarum explicationum libri X 1564, давшее поводъ Хемницу опубликовать соч. Examen, противъ котораго онъ написалъ Defensio Tridentina, 1578. Кард. *Беллярминъ* († 1621), De controversiis christianae fidei adversus huis temporis haereticos libri IV, 1581 (написано противъ Кальвина и Хемница, это классич трудъ), особ. lib. IV: de verbo Dei non scripto это весьма искусная систематизація «чисто римскихъ» аргументовъ въ пользу преданія, употреблявшихся до него Непосред. преемникъ его, *Gretser* Defensio Bellarmini 1607—9 и Vindicae Bellarminianae 1611 (противъ реформатскихъ нападеній). Майнц іезуитъ *Vest Erberman*: примѣчанія къ Беллярминову De controversiis (см въ пражскомъ самомъ лучшемъ изданіи), противъ W Amesius'a (Bellarminus enervatus и Disceptatio scholastica de circulo pontificio), друга проф. Daniel'я Chamier'a von Montauban (Panstratia catholica).

[77]) Обычн. терминъ у богослововъ ультрамонтанъ.

[78]) Общекатолическій элементъ въ системѣ римскаго преданія.

cipium traditionum organon; а исходящія отъ нея декреты—genuina media propagationis dogmaticarum traditionum [79]) Во имя traditio ecclesiastica, выступающаго посредствующимъ членомъ и связующимъ звеномъ между «вѣрующимъ субъектомъ и библіей», римская церковь «послѣдовательно» замѣнила подлинный текстъ библіи Вульгатою [80]) и запретила читать писаніе на народныхъ языкахъ. Народная библія - mere perniciosissima [81]). Здѣсь подъ формою небиблейскаго преданія ярко противополагается писанію принципъ *автономнаго* авторитета католической церкви.

Вся «гипотеза католическаго предания» оканчивается ученіемъ объ абсолютной непогрѣшимости *одной римской церкви*, хвалящейся, что она *одна* обладаетъ истиннымъ откровеніемъ Божіемъ, хотя православная всецерковная древность и не признала за нею такого исключительнаго преимущества. Въ этомъ ученіи и заключается все certissimum remedium et tutissimum asylum [82]). Въ самомъ дѣлѣ, *кто* составляетъ римско-католическую церковь?—*Папа*, какъ princeps ecclesiasticus; онъ то и носитъ все римское преданіе въ своей груди (in scrinio pectoris sui). «La tradizion son io», т. е. «*преданіе—это я*»,—слова, сказанныя на Ватиканскомъ соборѣ (1870 г.) Піемъ IX, этимъ кощунственнымъ творцомъ антихристіанскаго догмата о папской непогрѣшимости [83]). Здѣсь «ключъ разумѣнія» тайны римско-католическаго понятія о преданіи. Ученіе *de summo pontifice*—верхъ римской системы, generalior vocabuli significatio римскаго преданія. Папство—это «послѣднее слово», до котораго логически доходятъ всѣ приверженцы римскаго преданія. Такимъ образомъ, римско-католическая вѣра, въ сущности, основывается на одномъ *папскомъ преданіи*. Papa judex est supremus controversiarum ex cathedra. Поэтому достаточно одного «каѳедральнаго рѣшенія» его для полнаго доказательства истины христіанскаго ученія [84]). Но здѣсь и «Ахиллесова пята» всего римско-католическаго взгляда на преданіе.

Итакъ, источники вѣроученія, по католическому воззрѣнію, составляютъ *библія и папство* или, точнѣе сказать, *папство и библія*, такъ какъ изъясненіе послѣдней находится въ рукахъ и «подъ замкомъ» рим-

---

[79]) У Перроне.

[80]) Conc Trid. sess. IV, decr. de editio et usu Scriptura Sancta (текстъ у *Наглбаха*, op. cit. § 240, s 556, а объясненіе у *Винера*, p. 39 - 40 здѣсь же мѣста, приведенныя изъ Беллярмина и др католическ. богослововъ, у *Schrockh*'а, Kirche Geschicht. seit der Reformation, IV, s. 132 ff. и у *Marheineke*, Symbolik. II, s. 211 ff.).

[81]) Обычный афоризмъ у папистовъ.

[82]) *Perenius* op. cit., p 33

[83]) *P. Tschackert*, Polemic, 1885, s. 407: см. у *Герцога* въ Real Enzycl., loc. cit., s. 732.

[84]) Письмо Пія IV отъ 20 окт. 1870 г архіепископу Кельнскому (текстъ у *Герцога* ibidem). См. еще Confessio hungarica evangelicis proposita, I.

ской куріи. Здѣсь, очевидно, совершается окончательное уравненіе папскаго преданія съ авторитетомъ писанія

Легко понять основаніе столь своеобразнаго римскаго ученія о самодовлѣемости преданія. Цѣлый рядъ чисто-римскихъ догматовъ и учрежденій, противъ которыхъ справедливо протестовала реформація, какъ противъ нововведеній и злоупотребленій, нельзя было утвердить въ ихъ «божественномъ правѣ», на ученіи писанія. Въ такомъ случаѣ одно *внѣбиблейское преданіе* должно было придти на помощь. Насильственное введеніе въ систему папскихъ ученій и распространеніе «новыхъ догматовъ» показываетъ, что римская церковь давно уже оставила истинную точку зрѣнія на преданіе и его значеніе. А такъ какъ съ этой точки зрѣнія никакъ нельзя было вывести позднѣйшихъ ученій, то римско-католическое, особенно *іезуитское богословіе* и выдумало новое опредѣленіе понятія о преданіи: «преданіе есть то что римская церковь выдаетъ за преданіе» [85]). А чтобы такой чрезмѣрный реализмъ въ понятіи о преданіи не бросался въ глаза, богословы стали *идеализовать это понятіе* [86]). Отсюда въ католичествѣ незамѣтно было созданы всевозможныя

---

[85]) Принципъ преданія въ древнѣйшей (XVII—XVIII в.) іезуитской литературѣ. *Григорій Валенскій* († 1603), Commentariorum theologicorum et disputationum in summam D Thomae Aqu. tomi IV de rebus fidei hoc tempore controversis, 1603, III, особ 119—124, 161—162, 315—341. *Гавріилъ Vasquez* († 1604), Commentariorum ac disputationum in primam et secundae partem S. Thomae, 1606—1609. *Mart. Becanus*, Theol. Scholastica, 1627, III, 2, p. 54—76. *Францъ Суарецъ* († 1617), Commentationes et disputat in Thomae Summam, 1630. *Діонисій Петавій* († 1652), De theolog. dogmatibus, особ. prolegomena, de eccles. hierarchia.

[86]) Древне-католическіе идеалисты: Букатъ (францисканецъ), Theol. patrum scholastico-dogmatico, IV, 1735, p. 362—381. *Турнели* († 1729), Compendiosae institutiones *Hannold*, Institutionum Theologicaaum libri IV, 1659. *Opstrat*, De locis theologicis, I, diss. 2 de traditione. *Готти* (доминиканскій кардиналъ), Theol scholastico-dogmatica, 1750, I, p 42—43 (раздѣленіе преданій на божественныя и человѣческія). Августинецъ Лаврентій *Берти*, Libri De theolog. disciplinis, II, 1765 (p 296—306). *Daelman*, Theol. seu observationes in Summam Thomae IV. 1746. p. 133—347 *Billouart*, Summa summae Thomae sive compendium theologiae, III, 1765, (p 92—95) Summa Thomae sive cursus theolog. VII, 1767 (p 185—204). Домин *Gazzaniga*, Praelectiones theologicae, III, 1765, срав p 211—412 traditionibus et de fidei controversiarum judice (о судебномъ значеніи церкви) *Riegger*, An detur traditio, opuscula 1773, p. 147—196 (вся проблема о преданіи рѣшается, какъ quaestio juris). Цистерцитъ *Бауеръ*, Theol. universalis, I 1886 p. 755—1072 (система критеріевъ преданія) Болѣе поздніе идеализаторы католич преданія Вольфианецъ *Штатлеръ* († 1797), De locis theologicis, 1775 (о непогрѣшимости церкви) Цистерцитъ *Стефанъ Вистъ*, Inst. Theol. I, 1782, p. 96—102; III, 1786, p. 120—289 (религія, опирающаяся на одно писаніе не можетъ быть настоящею религіею Христа) Августинецъ *Клюпфель*, Institutiones theol. dogm. I, 1789, p 92 ff. *Schwarz*, Handbuch d Christl. Religion, 1797 (ed. 2), I p 184—203. III, 335—340 (преданіе—средство избранное Христомъ для сохраненія своей религіи въ чистотѣ). *Zimmer* († 1820), Veritas christianae

praesidia extra, praeter, immo et contra scripturam [87]). Ясно, что писаніе здѣсь не нужно для обозначенія того, что̀ должно считать преданіемъ. Преданіе—это совершенно независимый отъ писанія источникъ. Здѣсь намѣренно уменьшенъ догматическій авторитетъ писанія уравненіемъ съ католическимъ преданіемъ. Отсюда уже недалеко и до такихъ формулъ, какъ «Roma loquta, res djudicata», либо «mutato judicio ecclesiae mutatum est Dei judicium» [88]). Такова обольстительная сила римскаго сектантскаго преданія! Отсюда—все трагическое въ судьбѣ католическихъ реформаторовъ По такому безотрадному взгляду, римская церковь становится *виновницею многихъ* «вымышленныхъ преданій» вмѣсто того, чтобы быть только продолжательницею, хранительницею и носительницею *одного истиннаго* преданія. И это есть сознательное и точно выраженное мнѣніе новѣйшаго *ультрамонтанскаго* понятія о преданіи [89]). Кто сталъ бы держаться иного воззрѣнія на преданіе, подвергается ужасной *анаѳемѣ*, какъ богоотступникъ. Это послѣдній и, въ существѣ дѣла, единственно-полезный результатъ происшедшаго въ Тридентѣ договора по вопросу объ источникахъ вѣры между римскою церковію и «новоявившимся протестантствомъ», этимъ неумолимымъ противникомъ ея, зажи-

---

religionis, sive theologia christiana dogmatica, II, 1790, p 51 153. 267—287 (преданіе—quaestio facti, отсюда отцы—testes intermedii, a perpetuum magisterium et sacrum judicium имѣетъ силу дополнять всѣ недостатки историческаго знанія). *Galura,* Dissertatio dogmatica de Traditione, 1790 (устно-сохранившееся Евангеліе царствія Божія—преданіе; конкретное содержаніе идеи преданія соборы). *Либерманъ* († 1844), Institutiones theologicae, 1819, ed. 6. 1844, II, p. 362—412 (на основаніи *М. Кано Новѣйшая идеализація*: *Mohler* († 1828), (подъ вліяніемъ Шлейермахера и Гегеля), Symbolik, Mainz, 1832; Einheit der Kirche (идея того и другого сочиненія: преданіе—это общехристіанское религіозное сознаніе, или религіозный духъ, непрерывно развивающійся въ церкви) Противъ него *Бауръ,* Gegensatz des Katholicismus und Protestantismus, ed. 2. 1836. p. 485 - 502. *Штаудень-Майеръ* († 1856), Geist der gottlichen Offenbarung. 1837, p. 107—108; ср. Das Wesen der Katholischen Kirche. Aufl 2. 1845, p. 43—45 (мысль о «продуктивномъ значеніи» преданія). *Klee,* Cathol. Dogmatik, I. 1835, см особ. p 232—241. *Schlier,* Die gottliche Tradition nach Geschichte und Idee (у Pletz'a in Theol. Zeitschrift, (833. III). *Molitor,* Philohophie der Geschichte, oder uber die Tragition. I. 1827 (s. 5 -20, 150 - 184); II. 1834 (понятіе о преданіи служитъ основаніемъ спекулятивно-написанной исторіи религіи). Іоаннъ Мартинъ *Дюксъ,* Dissertatio inauguralis de traditione seu altero revelationis fonte. 1831 (преданіе - жизнь церкви). *Perrone,* Praelectiones theologicae, ed. Lovaniensis. IX (p. 228 321). *Scheeben,* Handbuch der Kath. Dogmatik, 1873. *Heinrich.* Dogmat. Theologie, 2 Aufl. 1882. (Чтеніе трехъ послѣднихъ смотр. у проф. *А. Шостьина.* Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католич. богослововъ послѣдняго полустолѣтія, Харьковъ, 1889). Анонимнаго автора, Церковное преданіе и русская богословская литература, Фрейбургъ въ Бризгавѣ, 1893.

[87]) *Хемницъ,* Examen, p. 5.

[88]) *Гольцманъ,* Kanon, § 36 (въ концѣ).

[89]) См. только что цитов. сочиненіе проф. А. Шостьина.

гавшимъ съ «факеломъ писанія въ рукахъ» все достояніе папства. Отсюда становится понятнымъ и то, почему римскіе апологеты всегда оцѣниваютъ протестантскій принципъ писанія, какъ« общій шибболетъ» всяческихъ еретическій партій

Вотъ два рѣзко обозначавшіеся и господствующіе до нынѣ въ западно-европейской наукѣ взгляда на преданіе, происшедшіе изъ своеобразныхъ особенностей протестантства и католичества. Это въ сущности caput controversiae между протестантами и католиками [90]). Это двѣ противоположныя гносеологическія и методологическія системы, одинаково нарушившія равновѣсіе и разорвавшія единство догматико-каноническихъ источниковъ христіанскаго міросозерцанія и жизни; въ нихъ, поэтому, никакъ нельзя искать научныхъ основаній для увѣренности въ абсолютной истинѣ христіанскаго откровенія и вѣры. «Папское католичество» въ протестантствѣ встрѣтило «дѣйствительнаго врага» своего, знающаго только одинъ источникъ религіознаго познанія—библію, и то «по своему» пересмотрѣнную и объясненную. И, наоборотъ, въ римскомъ католичествѣ протестантство имѣетъ свою чистую догматическую противоположность. Прямое противорѣчіе протестантскаго принципа писанія находится не въ преданіи самомъ по себѣ (ибо и протестанты признаютъ *абстрактный принципъ* преданія, отождествляя его съ писаніемъ), но скорѣе въ позднѣйшемъ и единственно-живучемъ на Западѣ началѣ римскаго преданія,—въ абсолютизмѣ папства Протестанство только содѣйствовало «сознательному возвышенію» папскаго преданія надъ писаніемъ. И насколько католичество, съ появленіемъ протестантства, должно жить въ виду своей прямой противоположности, оно должно занять единственно-подходящую для него точку зрѣнія папства, т. е. односторонняго и ложнаго, римско-іезуитскаго католичества. Папская теорія о преданіи составляетъ «драгоцѣнную корону» всѣхъ католически-богословскихъ результатовъ при научномъ изслѣдованіи гносеологическаго вопроса. Настоящій свой авторитетъ католическій принципъ преданія получаетъ только подъ «условіемъ противопоставленія» его протестантскому писанію. Поэтому то папско-іезуитское католичество и «евангельски-ортодоксальное» протестантство ни въ какомъ случаѣ не могутъ объединиться *сами по себѣ* въ ученіи объ источникахъ и нормахъ христіанскаго откровенія, насколько «окончательныя различія» между ними не дополняютъ другъ друга, а скорѣе исключаютъ. Между католичествомъ и протестантствомъ не можетъ быть примиренія [91]); ибо это не «діалектическое отношеніе», но абсолютное отрицаніе, nihil negativum, разрушающее всяческое согласіе между ними. Они могутъ быть соединимы только развѣ въ спекулятивномъ обобщеніи, въ фило-

[90]) *Хемницъ*, op. cit. p. 23.

[91]) *Marheineke*, Ueber das wahre Verhaltniss des Katholicismus und Protestantismus (Studien, 1809 I. s. 221).

софскомъ отвлеченіи, въ «научномъ обозрѣніи» [92]), но не въ живой ихъ дѣйствительности. Это не различныя по степенямъ догматико-гносеологическія начала, а напротивъ, это—*тезисъ* и *антитезисъ*. Нѣсколько разъ предпринимались переговоры и попытки къ сближенію между протестантами и католиками по вопросу о преданіи [93]); но всѣ они оканчивались ничѣмъ касательно опредѣленія «пограничнаго камня» западныхъ вѣроисповѣданій. Это былъ безъисходный и страшно мучительный трудъ «Сизифовой работы», только постоянно увеличивавшій спорные вопросы,

---

[92]) Стремленіе къ такому научному сближенію особенно наблюдается у новѣйшихъ католическихъ богослововъ такъ называемаго либеральнаго направленія (антисхоластиковъ), таковы, напр., Кунъ, Гермесъ († 1831), Гюнтеръ († 1861), Клее и мн. др. Изъ протестантскихъ богослововъ см. *Marheincke*, Das System der Katholicismus, 3 Bd 1880—13, I—II (его научная разработка пролегоменовъ католич. догматики) и *Kollner*, Symbolik der heil. apost rom. Kathol. Kirche 1841.

[93]) Первая попытка къ научному сближенію соединяется съ именами: католич. богослова *Кассандра*, De officio pii ac publicae tranquillitatis vera amantis viri inhoc religionis dissidio, 1561 De articulis religionis inter catholicos et protestantes controversis consultatio, 1564 и *Гуго Гроція* (со стороны реформатовъ), Annotata ad Consultationem Cassandri, 1641; Votum pro pace ecclesiastica contra Examen Riveti et alios irreconciliabiles. Ecce quam bonum et quam jucundum, habitare fratres in unum. 1642., а также введеніе въ кн De jure belli Къ этому ряду примыкаютъ со стороны католиковъ — архіеп Маркъ *Антоній Доминисъ* († 1624), De respublica ecclesiastica, 1623 (ревностный «адвокатъ идеальнаго католичества»), а со стороны лютеранъ *Георгій Калликстъ*, († 1657), желавшій окончить споръ унію посредствомъ consensus quinquesaecularis, Epitome theologice, 1619 (*Henke*, Kallxt und Seine Zeit. I. 1653. II. 1855 и *Gass*, Gesch. der prot. Dogm. II. s. 68—215). Бертольдъ Heuhaus, бывшій ученикъ Каликста по Гельмштедскому университету противъ протест. принципа писанія, Ars nova, 1632 (пасквиль). Противъ него Каликстъ, Digressio, qua excutitur nova ars, quam nuper commentus est Nichusius, 1634. 1662. Капуцинъ Валеріанъ Magnus, Iudicium de acatolicorum regula credendi. 1641 (жестокое осужденіе «библеистовъ». *Дайле* своимъ тенденціозн. изученіемъ церковной древности разрушаетъ эту попытку къ примиренію. Противъ него: Боссюэтъ (Défense de la tradition et des saints pères, 1663), братья Адріанъ и Петръ *Walenburg*, De articulis fidei necessariis (противъ этого сочиненія со стороны протестантовъ: Consideratio generalis 1666), Discussio causarum separationis protestantium, 1666. и особ. De examine principiorum fidei), Ник. l'Herminier (Hist. eccl. sacc. II. dissert; 16, 22—23), Annatus (Apparatus, IV), Bergier (Traité historique, t. XI, p. 157 f.) и *Александръ Натальсъ*, († 1724), Theologia dogmatica et moralis, 1768, I, особ. p 7—15 и отдѣльные трактаты противъ Самуила Васнажа (Summa theologiae. VIII). Дайле и Ривета (De traditionibus non scriptis, Thes. theol. III, p. 380 188). Во второй разъ «дѣло соглашенія» также потерпѣло полнѣйшую неудачу. Наиболѣе энергичными представителями были со стороны католиковъ галликанизмъ *Боссюэтъ*, Exposition de la doctrine de l'eglise catholique sur les matières de controverse, 1671, особ. lib. 18—22 (ed. 1686) Сюда также принадлежатъ нѣкоторыя главы его Histore des variations des églises protestantes, его сношенія съ Клодомъ, и въ особенности указанное сочиненіе противъ Дайле. Локкумскій аббатъ *Molanus*, Cogitatio privat. super reunione Protest 1782. Со стороны протестантовъ *Лессингъ* (нѣмецкій ню-

когда за нихъ брались. Ясно, что здѣсь единое истинно-церковное ученіе о преданіи извращено и разрушено и самый вопросъ объ источникахъ христіанскаго откровенія и вѣры поставленъ въ «*критическое положеніе*».

Уже однимъ этимъ предназначаются существенно-апологетическія задачи для православнаго богословія, становящагося «лицомъ къ лицу» къ результатамъ много-вѣковой вѣроисповѣдной борьбы между католиками и протестантами по вопросу о преданіи, борьбы ведущейся «даже до сего

зеизмъ), Nothige Antwort auf eine sehr unnothige Frage и другія сочиненія (перечень ихъ и указаніе на участіе въ спорѣ см у *Шварца*, Lessing, als theologe, 1854). Младшій *Валхъ*, Kritische Untersuchungen von dem Gebrauch der heil Schrift unter den alten Christen. 1779 (нѣсколько противъ Лейбница) *Bohme*, Neue Erklarung des hochst wichtigen Gegensatzes zwischen Buchstaben und Geist. 1799. *Coppen*, Philosophie des Christenthum, II. 1813. *Дельбрюкъ*, P Melanchton, der Glabenslehrer. 1826. Erorterungen einiger Hauptstucke in Schleiermacher's Glaubenslehre, 1827. Противъ него: *Sack*, Worte Gottes. *Pelt*, Ueber Glauben, Tradition und Kirche, 1827. *Lucke*, Ueber das Ansehen der heil. Schrift und ihr Verhaltniss zur Glaubensregel in der protestantischen und in der alten Kirche. 3 богосл. брошюры 1827 Карлъ Эм *Нитцъ*, Protest Beantwortung d. Symbolik v. Mohler. 1835. *Daniel* (преемникъ Дельбрюка), Theol Controwersen (особ. p. 5—15). Результатомъ идей его—*Iacobi*, Die Kirchliche Lehre von der Tradition und d heil Schrift, 1847 Въ дополненіе къ этому сочиненію *Фридлибъ*, Schrift, Tradition und Kirchliche Schriftauslegung, 1854. Въ примирительномъ духѣ написаны *Тиршемъ* (важнѣйшій представитель ирвингіанизма въ Германіи и «нѣмецкій Ньюменъ»), Uorlesungen über Katholizismus und Protestantismus. Изъ католиковъ противъ него *Denzinger*, Kritik der Vorlesungen des H. Prof. Thiersch. 2 Bd. 1847, а изъ протестантовъ пасторъ *Вильмаръ*, Protestantismus und Christenthum. Послѣдняя фаза примиренія *тюзеизмъ* (англо-католицизмъ) и примирительное (посредствующее) направленіе (въ Германіи). Самуилъ *Wix*, Reflections concerning the expediency of a council of the Church of England etc 1818 (надежда на примиреніе при помощи собора). *Keble*, On primitive tradition *Neuman*, Lectures on the prophetical office of the church, viewed relatively to Romanism and Popular Protestantism 1837. Трактатъ The church of the fathers, 1840 (важность всего принципа преданія) *Palmer*, Tractat von der Kirche. Оксфордск. проф *Shutileworth*, Not tradition, but scripture, 1839. *Biber*, The standard of Catholicity, 1840 (принципъ писанія противъ преданія). Кембридж. проф. *Blunt*, On the right use of the early fathers, 1857 (первые 3 вѣка канонич. авторитетъ)—Въ новѣйшее время· *Scheckenburger*, Ueber Glauben, Tradition und Kirche, 1827. *Hahn*, Lehrbuch des christlichen Glaubens, 1828, s. 116—147. *Bohmer*, Christliche Dogmatik, I, 1840, s. 96—121. *Филиппи*, Kirchliche Glaubenslehre, I. 1854, I 133—147. *Ляпе*, Philogophische Dogmatik, s 591—607. *H Martensen*, Die Chris Dogmatik, 1850 (s. 39—58). *Baier*, Symbolik, s 176 -207. *Шенкель*, Christ. Dogm. I, s 390—500. *Овербекъ*, во многихъ сочиненіяхъ. Со стороны католиковъ: *Malou*, la lecture de la sainte bible. 1846. 2 t. Противъ него *Durand*, l'evêque de Bruges, la bible et les protestants. *Rendu*, Die Anstrengungen des Protestantismus in Europa. Aus dem Franzosischen, 1856 *Ant. Tanner*, Ueber das Katholische tradions. und das protest. Schrift=Princip. Beitrag zur Symbolik. Luzern, 1862

дне». Научное изслѣдованіе церковнаго ученія о преданіи здѣсь должно имѣть особенно важное значеніе, а именно оно должно дать рѣшительный отпоръ ложнымъ инославнымъ гносеологическимъ воззрѣніямъ и выяснить глубочайшій смыслъ исконно-православнаго взгляда. Критическая оцѣнка иновѣрныхъ ученій особенно необходима въ наше время, которое для католичества и протестантства какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ смыслѣ настала «эпоха своеобразной реставраціи». Очевидно, что съ этой стороны вопросъ о преданіи есть живой вопросъ нашей современности и тщательная научная разработка его составляетъ богословную необходимость.

Пограничный «конфессіональный вопросъ» о преданіи, въ «окончательномъ различіи» составляющій пунктъ непримиримаго разъединенія и пагубнаго раздора между протестантами и католиками, представляетъ для насъ нѣкоторый и ближайшій интересъ. Онъ существенно важенъ для насъ особенно въ вопросѣ о «соединеніи церквей», а именно въ той его части, которая касается практическаго осуществленія этого соединенія въ наше время.

Извѣстно, что православно-восточная церковь и въ частности наша отечественная у многихъ представителей западно-европейской богословской науки нынѣ стала служить предметомъ особаго научнаго интереса. Къ числу наиболѣе достопримѣчательныхъ культурно-историческихъ теченій нашей эпохи, по всей справедливости, должна быть отнесена усиленная дѣятельность, происходящая нынѣ въ инославномъ западномъ мірѣ въ области религіознаго сознанія и жизни. Особливо оживилось въ послѣднее время настойчивое стремленіе къ возсоединенію въ распавшемся христіанскомъ мірѣ [94])? Здѣсь-то «вопросъ о соединеніи» съ православною церковію—самый жизненный реальный вопросъ. Въ римскомъ католичествѣ—«*галликанизмъ*», такъ называемая «*утрехтская церковь*» (янсенисты), а въ наше время—«*старокатолицизмъ*» [95]),—въ англиканствѣ «*пьюзеизмъ*», въ нѣмецкомъ протестантизмѣ различныя примирительныя партіи «*уніонистовъ*»,—все это болѣе или менѣе приближающіяся къ православію или удаляющіяся отъ него «фракціи инославныхъ вѣроисповѣданій». Служа для насъ непререкаемымъ доказательствомъ внутренней несостоятельности догматико-гносеологическихъ началъ, лежащихъ въ основѣ религіозно-нравственнаго сознанія и жизни западно-европейскихъ народовъ, эти своеобразныя «формы инославія» убѣждаютъ

---

[94]) Достаточно вспомнить, напр., «всемірный конгрессъ представителей религій» въ Чикаго, на всемірной Колумбовой выставкѣ 1893 г., энциклику папы Льва XIII о возсоединеніи церквей отъ 20 іюня 1894 г. и отвѣтное Окружное Патріаршее и синодальное посланіе апостольскаго Константинопольскаго престола 1895 г.

[95]) См. сочиненія проф. В. Керскаго о старокаталицизмѣ.

насъ въ абсолютной истинности нашего родного православія, въ которомъ одномъ всецѣло и непогрѣшимо охраняются достовѣрныя вселенски-церковныя гарантіи живоносныхъ источниковъ спасительной вѣры. Связующія нити здѣсь не трудно указать. Всѣ онѣ вплетены во всеобъемлющій богословско-гносеологическій вопросъ о преданіи. Во всѣхъ означенныхъ «реакціонныхъ партіяхъ» устанавливается одна общая достозамѣчательная попытка—такъ или иначе устранить *принципіальное различіе* вопроса о преданіи и писаніи (въ ихъ взаимодѣйствіи), обсуждаемаго и рѣшаемаго въ католичествѣ и протестанствѣ съ двухъ діаметрально-противоположныхъ точекъ зрѣнія и, такимъ образомъ, возстановить и укрѣпить *общее согласіе* христіанскихъ вѣроисповѣданій. Здѣсь для насъ особенно важно то обстоятельство, что всѣ эти религіозныя партіи обнаруживаютъ сильную склонность къ признанію абсолютной необходимости живого голоса *вселенски-соборнаго преданія* какъ для истиннаго познанія божественнаго откровенія, такъ и для научнаго изысканія наилучшихъ способовъ и средствъ при установкѣ правильнаго теченія христіанской жизни и мысли. И этотъ многознаменательный историческій фактъ должно приписать не «недостатку богословскаго разсужденія и развитія», а непреодолимому сознанію невозможности религіознаго единенія христіанскихъ западно-европейскихъ вѣроисповѣданій, если принципъ преданія не будетъ установленъ, какъ слѣдуетъ, т. е точно, опредѣлено, недвусмысленно, а именно по православно-каѳолическому, т. е. *идеальному понятію* о немъ. Съ этой стороны указанныя богословско-философскія движенія имѣютъ для насъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ враждебныя намъ. Особенно для насъ драгоцѣнна здѣсь та услуга, какую они такъ или иначе оказываютъ дѣлу религіознаго единенія «западно-европейскихъ церквей» на «нейтральной почвѣ» вселенскаго преданія, а, слѣдов., и дѣлу научнаго приближенія ихъ къ православной едино-спасающей церкви.

А между тѣмъ о самомъ православіи, особенно разсматриваемомъ со стороны его ученія о преданіи, въ инославномъ ученомъ мірѣ существуютъ большіе предразсудки, и національные и прямо таки происходящіе отъ «научнаго невѣдѣнія» истины Божіей. Даже многіе изъ лучшихъ западно-европейскихъ ученыхъ и богослововъ, какъ то особенно тяготѣющихъ къ намъ, каковы, напр., старокатолики[96]), все еще не знаютъ «идеально-реальнаго существа» православной церкви и только какъ бы *инстинктивно угадываютъ* въ ней живоносный свѣтъ божественной истины, идущій «*отъ востока солнца до запада*» (Пс. 49). Отсюда,

---

[96]) См. ихъ послѣдній *Intercommunion* (прот. *Е. К. Смирновъ*, Къ старокатолическому вопросу. Православенъ ли intercommunion, предлагаемый намъ «старокатоликами»? Харьковъ, 1893 г.).

естественно, вытекаетъ долгъ православно-богословской науки прежде всего изыскать настоящіе способы взаимнаго соглашенія христіанскихъ вѣроисповѣданій (ибо для того она и существуетъ), правильно указать точки примиренія между ними и обоснованіе ихъ, всесторонне выяснить религіозно-историческія причины, раздѣляющія ихъ между собою и, въ особенности, упомянуть обо всемъ томъ, что могло бы споспѣшествовать ихъ окончательному взаимообщенію. «Всѣ раздѣленія въ христіанской церкви должно разсматривать, какъ преходящія[97])». «*И будетъ едино стадо, и единъ пастырь*» (Іоан. 10, 16). Главнѣйшая *жизненная задача нашей церкви* въ настоящее время—это *религіозно-культурное объединеніе* всего того, что въ давно-прошедшія времена насильственно было расторгнуто, расхищено, разрушено и, такимъ образомъ, дѣятельное *возобновленіе* всюду древле-вселенской жизни, во всемъ ея благолѣпіи и цѣлости истины. А все это находится въ органической связи съ существенно-православной идеей преданія, понимаемаго въ качествѣ устойчиваго догматико-гносеологическаго принципа, принципа всеобщей, историко-культурной *непрерывности* божественнаго откровенія и жизни въ церкви. И первое дѣло богословской науки должно состоять здѣсь не въ «абстрактно-діалектической разработкѣ идеи догматическаго развитія церкви», а въ апологетическомъ изслѣдованіи вопроса о томъ, какимъ образомъ можно и должно осуществить религіозное единеніе «инославныхъ обществъ» съ православно-каѳолическою церковію. И въ этомъ столь важномъ дѣлѣ ознакомленія инославныхъ христіанъ съ православіемъ первѣе всего нужно показать наше исповѣданіе съ той именно стороны, съ какой они легче и скорѣе могли бы уразумѣть его истинный духъ и внутренній смыслъ, т. е. со стороны церковнаго ученія о преданіи и его значеніи,—ученія, не чуждаго имъ, а сроднаго, близкаго имъ, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ, въ абсолютѣ, въ чаяніи истины. Отсюда само собою понятно, что богословско-научное изслѣдованіе вопроса о преданіи, въ числѣ другихъ вѣроисповѣдныхъ пунктовъ, должно служить однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ и прямыхъ путей и надежнѣйшихъ культурно-историческихъ способовъ, при помощи которыхъ постепенно должны устраняться догматическое различіе и обособленность христіанскихъ вѣроисповѣданій, разсѣваться одностороннія взгляды, взаимная злоба и «крайнія предубѣжденія», при коихъ люди даже посягали на угашеніе самыхъ свѣтильниковъ вѣропознанія,—и водворяться «*единъ духъ*» и единая вѣра у всѣхъ христіанъ. Конечно, это задача чрезвычайно сложная и весьма трудная, но за то и безусловно необходимая «*для созиданія тѣла Христова*» (Еф. 4, 12).

---

[97]) Это достозамѣчательныя слова *Шлейермахера*.

Но научно-богословское изложеніе православно-церковнаго вопроса о преданіи важно и по другимъ основаніямъ и побужденіямъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ особое положеніе этого вопроса *въ нашемъ отечественномъ богословіи.* Хотя въ символическихъ книгахъ ученіе нашей православной церкви о преданіи раскрыто достаточно ясно и полно, тѣмъ не менѣе у нашихъ отечественныхъ богослововъ оно проявляется нѣсколько въ различныхъ видахъ и, такимъ образомъ, имѣетъ нѣкоторую «исторію своего развитія».

Вопросъ о преданіи не новый въ нашемъ богословіи На 2 категоріи, или отдѣльныя группы можно раздѣлить мнѣнія о преданіи древнѣйшихъ нашихъ богослововъ. Одни изъ нихъ держатся строго-православнаго образа мыслей о преданіи и высказываютъ его опредѣленно и совершенно ясно. Таковы напр. *св. Дмитрій Ростовскій* († 1709), *Стефанъ Яворскій* († 1722) и архимандритъ *Іакинфъ Карпинскій.* Другіе же—колеблются при точнѣйшемъ опредѣленіи его значенія для вѣроученія и нерѣдко допускаютъ сомнительныя предположенія, догадки и даже свободные взгляды. Таковы, напр , преосв. *Θеофанъ Прокоповичъ,* высокопреосв. *Самуилъ Миславскій* († 1796), іеромонахъ *Платонъ* (впослѣдствіи митрополитъ московскій), архимандритъ *Θеофилактъ Горскій,* архимандритъ *Сильвестръ Лебединскій,* іеромонахъ *Ювеналій Медвѣдскій* и преосв. *Ириней Фальковскій.*

1. *Св Дмитрію Ростовскому* принадлежитъ слава выступить на истинно-православный путь при богословскомъ изслѣдованіи вопроса о преданіи. Въ указанномъ отношеніи онъ назвалъ и описалъ важнѣйшіе руководящіе пункты, имѣющіе важность не только для его времени, но и для послѣдующаго развитія всей православно-отечественной богословской науки [98]).

Вопросъ о преданіи у св. Димитрія раскрывается полемически въ его классическомъ твореніи: «*Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ, и изъявленіе, яко вѣра ихъ неправа, ученіе ихъ душевредно, и дѣла ихъ не богоугодны*» (Москва 1824 г.). Число источниковъ истинно-православной вѣры—двойственно «Изъ начала,—говоритъ св. Димитрій,—не точію писаніи евангельскими, апостольскими, учительствы великихъ учителей, догматами вселенскихъ соборовъ вѣра святая бѣ утверждаема: *но и преданіями ихъ законополагаема..* Того ради хранити я должны есмы, по Златоустову увѣщанію: *преданіе есть, ничтоже взыщіе ищи*» [99]).

---

[98]) См. ученіе о вѣрѣ и церкви св Димитрія у *В. Спирихина*, Догматическое ученіе св. Димитрія Ростовскаго, выбранное изъ его сочиненій, СПБ. 1842, 1—10 стр.

[99]) Ч I, статья 1, гл 21 «разсмотрѣніе старыя вѣры по преданіямъ церковнымъ» (стр. 69—70); Ср ib. гл 16 «въ часомъ содержится старая вѣра» (стр. 49) и еще гл. 9· «св. отцы *не по книгамъ* спасались» (стр 25—27).

О раздѣленіи и важности «преданій церковныхъ» у него находимъ такую формулировку. «*Преданія* суть сугуба, ова къ *догматамъ вѣры* надлежащая, якоже о седми таинствахъ, и о благочестивомъ святынь Божихъ почитаніи: овая же, къ *чину и обрядамъ* (церемоніямъ) *церковнымъ*, якоже о празднованіи праздниковъ, о храненіи постовъ, о памяти усопшихъ, и о прочихъ чинахъ и уставахъ церковныхъ, яже ащо и не суть писана во св. евангеліи и во апостольской книгѣ, ниже суть сами собою вѣра, якоже вѣра во единаго невидимаго Бога, обаче попеже суть церковная преданія, и извѣстное знаменіе правыя вѣры правовѣрнаго человѣка» [100])

Итакъ, по ученію св. Димитрія, «правость православныя вѣры» [101]) всецѣло покоится на преданіи, живущемъ въ церкви на ряду съ писаніемъ. Православно-преданная вѣра есть «единая» и «святая», «*не новая, но старая* благочестивая вѣра», «*старое евангеліе Христово*» [102]),— а сектантская вѣра, какова, напр., «брынская вѣра разногласная, нѣсть старая вѣра, но *новая* вѣра, новая *химера*», «яко *химера* звѣрь и страшилище» [103]). Съ точки зрѣнія этого критерія святитель Димитрій особенно опровергаетъ «*Евангеліе вѣчное*» «распопа лжеучителя Аввакума въ раскольницѣхъ славнаго», называя его книгой «еретическаго умствованія исполненной» [104]). Мысль объ исконной древности преданія есть центральная, проникающая весь его *Розыскъ*, строго изобличающій *сектантскую новизну старообрядческаго раскола* или раскольническаго старообрядства. Св. Димитрію всячески принадложитъ та заслуга, что онъ точно опредѣлилъ вопросъ о преданіи въ самой сущности, т. е. не двусмысленно указалъ, что *кромѣ писанія* существуетъ въ церкви еще другой источникъ вѣроученія, имѣющій такое же божественное достоинство,—это преданіе.

2. Богословское ученіе о преданіи святителя *Стефана Яворскаго* изложено въ его знаменитомъ твореніи «*Камень вѣры*» [105]). «Камень вѣры» всецѣло направленъ противъ протестантскихъ заблужденій по вопросамъ, касающимся источниковъ христіанскаго вѣроученія [106]). Вопросъ

---

[100]) Ч. I, ст. 1, гл. 21, стр 70

[101]) Ib. гл. 30, стр. 83—86.

[102]) Ib гл. 24, стр. 77.

[103]) Ib. гл. 20, стр. 68—69.

[104]) Ib. гл. 24, стр. 76—77.

[105]) См. статью *М. Савкевича*, Ученіе Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича о свящ. преданіи, въ жур. «Вѣра и Разумъ» 1893 г., № 4, стр. 163—198.

[106]) Въ Іенѣ подъ именемъ Франциска Буддея 1729 г. вышла книга противъ «*Камня вѣры*»: Epistola Apologetica contra Stefanum Iavorscium, ad quendam amicum Mosquae morantem. Въ отвѣтъ на нее, въ оправданіе «Камня вѣры» и въ обличеніе лютеранскихъ и кальвинскихъ «ересей», преосв. *Ѳеофилактъ Лопатинскій* († 1741) написалъ книгу: «Апокрисисъ или отвѣтъ на писаніе отвѣтное Франциска Буддея къ нѣкоему другу, на Москвѣ живущему, о лютеранской ереси, на книгу Камень вѣры»

о преданіи здѣсь разматривается, такъ сказать, ex professo; ему посвященъ особый отдѣлъ подъ характернымъ названіемъ: «*догматъ о преданіяхъ*» (часть 3-я). Вопросъ изслѣдуется догматико-полемическимъ способомъ. Сводъ всѣхъ существенныхъ мыслей Ст. Яворскаго о преданіи можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

На первомъ планѣ у него, какъ и у св. Димитрія Ростовскаго, стоитъ мысль о двойствѣ источниковъ христіанскаго вѣроученія. «Церковь наша православно-каѳолическая восточная, не точію слово Божіе писаное, но и слово Божіе глаголанное, и усты преданное, честно пріемлетъ, хранитъ, и любезнѣ лобызаетъ» [107]). Итакъ, «кромѣ слова Божія писаннаго, всяко потребно есть къ вѣрѣ и преданіе» [108]). Подъ преданіемъ разумѣется «ученіе нѣкое, въ свящ. писаніяхъ, рекше въ библіяхъ неписанное, но отъ единаго другому явленное, и послѣдовательно содержимое. Бываетъ же сицево ученіе и писано: обаче не въ библіяхъ, сирѣчь, не въ священныхъ писаніяхъ, развѣ въ книгахъ отецъ святыхъ, пастырей и учителей церкве святыя», напр., крещеніе младенцевъ [109]). Преданіе Ст. Яворскій считаетъ столь важнымъ и необходимымъ въ дѣлѣ религіознаго вѣдѣнія, что «*единъмъ преданіемъ можетъ быти вѣра: а безъ преданій, свящ. писаніе нѣсть къ вѣрѣ довольно*» [110]). Мысль глубокая, и плодотворная, хотя, къ сожалѣнію, мало еще оцѣненная въ нашей богословско-апологетической наукѣ. Къ ней собственно направляются всѣ гносеологическія и методологическія начала въ ученіи Ст. Яворскаго о преданіи.

Понятіе преданія у Стефана Яворскаго своеобразно *подраздѣляется* на 3 составныя части: 1) на «*преданія божественныя*», 2) «*апостольскія*» и 3) «*церковныя*». Главнѣйшія *правила* для «познанія истиннаго апостольскаго преданія» суть слѣдующія: 1) «егда вся соборная церковь содержитъ нѣчто аки догматъ вѣры, еже *въ свящ. писаніяхъ не обрѣтается*», 2) «егда вся соборная церковь содержитъ и хранитъ нѣчто, *еже никтоже уставити возможе, токмо Богъ*», 3) «аще нѣчто отъ всея соборныя церкве, во вся прешедшая времена хранимо бысть, и нынѣ непреложнымъ чиномъ хранится» и 4) «егда вси учители церковніи общимъ согласіемъ, единомысліемъ же и соизволеніемъ, не точію на соборахъ вселенскихъ собрани, но и наединѣ пишущіи научаютъ, нѣчто отъ апостольскихъ преданій происходство имѣти» [111]). Только такъ обоснованное преданіе есть истинный источникъ христіанскаго вѣроученія.

---

[107]) Стр. 4, ср. ч. 2, гл. 1, стр. 72; ib. гл. 2, стр. 111.
[108]) Стр. 4.
[109]) Стр. 4—5.
[110]) Ч. I. стр. 11.
[111]) Стр. 7—9.

«Нужда» въ преданіи доказывается: 1) на основаніи писанія Ветхого и Новаго завѣта [112]), 2) «отъ соборовъ вселенскихъ» [113]), 3) «отъ свидѣтельствъ богоносныхъ отецъ святыхъ» [114]) и 4) безусловною необходимостію его, какъ особаго источника, дополняющаго и раскрывающаго писаніе. Писаніе не полно само по себѣ (по содержанію) и «сумнительно, обоюдно, не ясно» (по формѣ), а потому оно «по своему письмени», «ниже по разуму разсуждаемо само собою *не можетъ быти судія преній*» [115]), устанавливающій «предѣлъ непреходный въ догматѣхъ вѣры» [116]). Такой судія и рѣшитель спорныхъ вопросовъ есть «церковь святая каѳолическая, *аки всенародное* судилище, къ ней же самъ Христосъ путь показуетъ» (Мат. 18, 17) [117]) Съ этой стороны преданіе есть религіозное самосознаніе церкви. Это послѣднее и наивысшее опредѣленіе понятія о преданіи у Стефана Яворскаго. Здѣсь, по нему, сокрываются догматико-каноническіе корни непогрѣшимаго авторитета св. отцовъ и вселенскихъ соборовъ. Въ этомъ пунктѣ особенно ярко выступаетъ *анти-протестантскій характеръ* православной апологетики и полемики Стефана Яворскаго. Здѣсь у него соединяются взаимно-дополняющіе члены вѣры о преданіи и судебномъ значеніи, т. е. учительномъ авторитетѣ церкви вселенской. Здѣсь выражается почти все, что̀ реально связывается въ православно-церковномъ интересѣ съ понятіемъ преданія.

Главнѣйшая заслуга Стефана Яворскаго по вопросу о преданіи въ исторіи отечественнаго богословія состоитъ въ научномъ обозрѣніи древле-православныхъ «доводныхъ показаній и подкрѣпленій», говорящихъ въ пользу преданія. Особенно драгоцѣнны библейская и святоотеческая сторона его апологетическаго матеріала. Взглядъ его, значительною своею частію, конечно, обязанъ «пограничному спору» о преданіи между католиками и протестантами [118]). Со времени реформаціи, усумнившейся въ прочности догматико-каноническихъ основаній, на которыхъ покоилась вся вообще христіанская церковь въ ученіи и жизни, нельзя было уже избѣгнуть научнаго доказательства исторической достовѣрности и догматической истинности гносеологическихъ источниковъ, служившихъ авторитетомъ для ссылокъ и справокъ. Отсюда у Ст. Яворскаго научная не-

---

[112]) Ч. 1, гл. 1—2, стр. 12—17.

[113]) Ib. гл. 4, стр. 18.

[114]) Ib. гл 4, стр. 19—24.

[115]) Ч 1, гл 5, стр. 33—36.

[116]) Ib. стр. 30.

[117]) Ib.

[118]) См. *Ѳ. Тихомирова*, Трактаты Ѳеофана Прокоповича о Богѣ единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ, СПБ. 1884, стр. 160. *Проф. Катанскій*, «Церков. Вѣст.» № 15.

обходимость апологетическаго разбора библейско-святоотеческихъ текстовъ касательно преданія. Безъ сомнѣнія, Ст. Яворскій, какъ consummatus theologus [119]), сдѣлалъ болѣе всѣхъ древне-отеческихъ богослововъ для ознакомленія съ православнымъ ученіемъ о преданіи. Его, по справедливости, считаютъ настоящимъ православнымъ апологетомъ преданія [120]). Его существенныя мысли о преданіи и до сихъ поръ не утратили своего значенія.

3. Догматико-полемическое ученіе архимандр. *Іакинфа Карпинскаго* о преданіи стоитъ въ общемъ согласіи съ воззрѣніями Ст. Яворскаго, хотя трудно установить между ними «генетическую связь» и историческое взаимодѣйствіе Оно изложено въ его «*Compendium'ъ orthodoxae theologicae doctrinae*» (чит. въ Коломенск. семинаріи въ 1771—1772 г.), въ особомъ additamento de traditionibus (изъ 2 главъ), и относится къ *религіозному вопросу*, разсматривается, какъ «богословская доктрина» [121]). Вотъ составныя части взгляда Іакинфова.

Кромѣ писанія въ церкви существуетъ преданіе. Подъ именемъ преданія у него подразумѣвается non civilis narratio, nec profana aliqua institutio, sed *orthodoxa primitivae Ecclesiae doctrina* a Deo scripto verbo distincta [122]). Итакъ, преданіе есть истинно-православное ученіе, преподанное Господомъ посредствомъ живаго, т. е. не-писаннаго слова, in fidelium cordibus inscriptum [123]). Этимъ оно *формально отличается* a scripto Dei verbo и считается такимъ ученіемъ, которое передается «отъ учителя къ ученику», a docente audienti, какъ бы полагается ex manu in manum [124]). Пункты о томъ, есть ли *и нынѣ* преданіе [125]), «сколькихъ родовъ» (quotuplex) оно [126]), откуда узнается legitima его [127]), полезно ли и необходимо оно, каковъ авторитетъ [128]),—все это излагается въ видѣ краткихъ догматико-полемическихъ положеній, подтверждаемыхъ библей-

---

[119]) Характеристика по надписи на панегирикѣ, Echo, 1689, Kiov, см. у преосв. *Филарета*, Обзоръ русск духов литературы (862—1720), Харьковъ, 1859, стр. 382.

[120]) См Догматъ о преданіяхъ, по Стефану Яворскому. Изд 2-е Аѳонск. русск. Пантелеймонова монастыря Москва 1887.

[121]) См. editio altera Lipsiae 1790. обращеніе къ «благослонному читателю», p 238 и Not. 1, p. VIII, ed. primae 1786; въ этомъ изданіи нѣтъ отдѣльнаго ученія о *преданіяхъ церковныхъ*, что особенно достопримѣчательно для насъ.

[122]) Cop I, § 831, p. 239, ср. § 843, p. 244. Еще яснѣе въ § 836, p. 241.

[123]) § 853, p. 251.

[124]) § 836, p. 241

[125]) § 834—836, p. 239—241.

[126]) § 837—842, p. 241—244. O traditionum apostolorum, или о постановленіяхъ церкви (ecclesiae placita), основанныхъ на преданіи апостольскомъ, вся 2-ая глава, § 854—970, p. 251—288

[127]) § 844—847, p. 244—245

[128]) § 848- 853, p 246—251.

[128]) § 847, p. 245.

скимъ и святоотеческимъ ученіемъ. Особенно научно цѣнны мысли Іоакинфа *о пользѣ* и нуждѣ «древняго (antiquae) православнаго преданія» [128]). Не только multas *res historicas,* но также quaedam *praecepta moralia,* особенно нѣкоторые *dogmata fidei* были бы неизвѣстны, если бы преданіе не сохранило достовѣрной *memoriam* eventuum [129]). Преданіе есть *свѣтильникъ*, необходимый для надлежащаго изъясненія писанія, особенно in locis intellectu difficilibus; оно «научаетъ догматамъ, не сообщеннымъ письменнымъ словамъ» и утверждаетъ образъ совершенія таинствъ и прочихъ свящ. обрядовъ.

4 Оригинальное мнѣніе *Θеофана Прокоповича,* ректора Кіев. Духовной Академіи, начинаетъ собою рядъ воззрѣній на преданіе не столь согласныхъ съ вышеуказаннымъ ученіемъ отечественныхъ богослововъ, особенно же съ мнѣніемъ Стефана Яворскаго. У Θеофана собственно нѣтъ цѣльнаго и систематически-раскрытаго ученія о преданіи. О преданіи онъ говоритъ только мимоходомъ и какъ бы случайно. Взглядъ его implicite выводится изъ цѣлостнаго ученія его о писаніи, излагаемаго преимущественно in prolegomena въ его «*Christianae orthodoxae Theologiae*» (чит. въ Кіев. Акад. съ 1711—1716 г.г.), особенно въ гл. XIII de conciliorum auctoritate [130]). Вотъ богословная «конструкція» Θеофанова взгляда на преданіе, въ общихъ чертахъ.

Исходной точкой разсужденій Θеофана Прокоповича о преданіи служитъ убѣжденіе, что писаніе (sacra scriptura) есть solum Dei verbum et principium theologiae [131]). Православно-богословское *знаніе о вѣрѣ* (theologia quoad vocem, sive verbum, theol. scholastica въ отличіе отъ— quoad rem, sive fides dogmatica) есть не что иное, какъ тѣ же самыя *божественныя изреченія*, необходимыя для славы Божіей и нашего спасенія, какія въ книгахъ писанія читаются въ различныхъ мѣстахъ, но только приведенныя въ иномъ систематическомъ порядкѣ и методологически расположенныя для удобнѣйшаго изученія. Отсюда уже схоластическое отождествленіе слова Божія и писанія и своеобразное положеніе: «о чемъ не свидѣтельствуетъ писаніе, то не должно считаться за достовѣрное». Здѣсь въ зародышѣ вся богословская гносеологія Θеофанова. Обширныя главы *de auctoritate* Scripturae Sacrae [132]), de necessitate [133]), de perspicuitate [134]), de perfectione [135]) и de legitima interpretatione (о смыслахъ и правилахъ истолкованія его [136]) суть не что иное,

[129]) § 848, p. 245—246.
[130]) § 277—287, p. 261—270.
[131]) Cap. IV, § 16—32, p. 11—25.
[132]) Cap. V, § 32—54, p. 25—64.
[133]) Cap. VII, § 69—98, p. 65—89.
[134]) Cap. VIII, § 99—121, p. 90—105.
[135]) Cap. IX, 122—150, p. 106—130.
[136]) Cap. X, § 151—183, p. 131—163.

какъ «молчаливое отрицаніе» гносеологическаго авторитета и значенія преданія, какъ особаго источника вѣроученія.

Мысль о самодовлѣемости писанія особенно подробно раскрывается въ ученіи о его догматико-каноническомъ достоинствѣ и изъясненіи. Догматико-канонический авторитетъ писанія не зависитъ отъ свидѣтельства церкви. Свидѣтельство церковнаго преданія есть humanum testimonium, a, слѣд., и значеніе его не каноническое, а научно-историческое [137]). Голосъ церкви—только testis, seu index, но не догматическій авторитетъ. Въ вопросѣ объ истолкованіи писанія все дѣло у Θеофана Прокоповича рѣшаетъ analogia fidei, syllogismus theologicus, искусство раціональной дедукціи,—этотъ «лидійскій камень» (lapsus lidius). Здѣсь вмѣсто положительнаго церковнаго преданія выступаетъ на первый планъ филологически-сложное искусство библейской герминевтики, вмѣсто догматики—однѣ діалектическія explicationes писанія. Consensus patrum (особенно въ катехизическомъ ученіи) стоитъ у Θеофана только въ числѣ научно—герминевтическихъ пособій, черезъ что само собою преданіе занимаетъ здѣсь второстепенное мѣсто.

Съ точки зрѣнія самодовлѣемости писанія Θ. Прокоповичъ *отрицательно* (negative) относится къ авторитету вселенскихъ соборовъ in rebus theologicis [138]). Здѣсь сущность гносеологическаго вопроса сводится къ *ἀδιάφορα*. Вѣроизложенія (decreta) *истинныхъ*, т. е. вселенскихъ соборовъ, состоятъ единственно въ экзегетическомъ раскрытіи писанія, т. е. въ полномъ согласіи. Здѣсь одно писаніе служитъ мѣриломъ догматической истинности соборовъ только *съ формальной стороны*. Но *откуда* сами соборы заимствовали свои догматы, подтверждаемые писаніемъ,—этотъ вопросъ остается у Θеофана Прокоповича безъ отвѣта. А, между тѣмъ, вопросъ о значеніи преданія *со стороны содержанія* составлятъ пунктъ первостепенной важности. Очевидно, взглядъ у Θеофана на авторитетъ вселенскихъ соборовъ не исчерпываетъ всего вопроса объ основахъ и критеріяхъ ихъ догматической истинности и исторической достовѣрности. Для этого слѣдовало бы выставить *религіозный авторитетъ церкви*, при помощи догматико-каноническаго преданія утверждающей истинность соборовъ и рѣшающей всяческія богословскіе вопросы. Но у Θ. Прокоповича ничего положительнаго нѣтъ по этому пункту, кромѣ одного неисполнительнаго обѣщанія раскрыть его въ трактатѣ о церкви [139]). Это уже значительный пробѣлъ, который можно разсматривать, какъ нѣкоторый отголосокъ современныхъ протестанскихъ мнѣній о преданіи. Оправданіе его—въ *антикатолической* полемикѣ пра-

---

[137]) § 203.

[138]) c. XIII, § 277, p. 261.

[139]) § 286, p. 270.

вославнаго богослова. Отсюда у него своеобразное направленіе мыслей въ раскрытіи вопроса объ отношеніи писанія къ преданію (отрицательная сторона). Отсюда *писаніе* у него разсматривается, какъ бы *антикаталическое* начало, вопреки преданію—*антипротестантскому* принципу. Отсюда и чрезмѣрное ограниченіе и умаленіе внутренняго достоинства преданія въ сравненіи съ писаніемъ.

Впрочемъ,—должно замѣтить,—если у Θеофана Прокоповича и нѣтъ тщательнаго изслѣдованія вопроса объ отношеніи преданія къ писанію, то нѣтъ и *прямого отрицанія* ни откровенія помимо писанія (гл. о началахъ богословія), ни живаго церковнаго преемства въ дѣлѣ сохраненія богопреданнаго ученія (гл о необходимости писанія), ни церковнаго учительства (гл. о ясности), ни церковныхъ вѣроизложеній, каноническихъ установленій и обрядовъ (о полнотѣ писанія и о соборахъ). Библейско—богословская гносеологія Θеофана очень важна въ томъ смыслѣ, что въ ней дается строгая и остроумная критика неистинныхъ, т. е. *ложныхъ преданій* и „сектантскихъ (особенно римско-католическихъ) откровеній“ (oracula), съ особымъ указаніемъ на ихъ *противорѣчіе писанію* и здравому разуму. Съ этой стороны мнѣніе Θеофана Прокоповича о преданіи занимаетъ весьма видное мѣсто въ кругу богословско-гносеологическихъ православныхъ воззрѣній [140]).

5. Особый взглядъ *Самуила Миславскаго* на преданіе, въ сущности есть не иное что, какъ своеобразная систематизація теоретическихъ выводовъ, непосредственно вытекающихъ изъ библейской гносеологіи Θеоф. Прокоповича [141]). Попытка Θ. Прокоповича ближе примкнуть къ писанію изслѣдуется у Сам. Миславскаго въ вопросѣ о смыслѣ и значеніи догматическаго преданія, т. е. о томъ, одинаковаго ли авторитета преданіе съ oracula Dei, находящимися въ библіи или нѣтъ?

По мнѣнію его, въ писаніи находится «все существенно-нужное для вѣры», а потому нѣтъ *неписанныхъ преданій* (traditiones ἄγραφοι), небиблейскихъ, т. е. неосновательныхъ на писаніи. Эта общая мысль—характеристическая черта цѣлаго направленія Θеофанова богословія подтверждается при помощи разбора различныхъ опредѣленій понятія о преданіи и дедуктивнаго вывода изъ ученія писанія всего того, что въ библейско-святоотеческомъ словоупотребленіи называется собственно преданіемъ (догматическимъ). Богословское понятіе о преданіи—многоразлично по смыслу. 1) Иногда имъ обозначается ученіе Христа и апосто-

---

[140]) См. цитов. статью *М. Савкевича*, стр. 198.

[141]) Въ концѣ § 286 стоитъ такая загадочная подпись: «Hactenus Theophanis: sequentia ab alio auctore sunt concinata». Подъ этимъ «другимъ авторомъ» обыкновенно разумѣется Самуилъ Миславскій; поэтому и мы отдѣльно излагаемъ его ученіе de traditionum auctoritate (§ 287—300, 271—300) и de auctoritate patrum (§ 302—303, 300—308).

ловъ, *первоначально устное* (vivavoce), а нынѣ записанное; таково, напр. крещеніе младенцевъ. 2) Нерѣдко подъ нимъ подразумѣвается res ac sentenciae, хотя и не выраженныя ясно (положительно, expresse) въ писаніи, но за то находящіяся въ немъ по существу (virtute) и поэтому легко выводимыя изъ него per bonam consequentiam. Въ 1 и 2 случаѣ преданіе не какой-либо особый источникъ сверхъ писанія (nihil aliud praeter s. scriptura), а одного состава съ нимъ и потому несомнѣнно пользующійся авторитетомъ, равнымъ авторитету писанія [142]). 3) Иногда преданіе обозначаетъ expositionem veri et genuine sacr. scr. sensus ab ecclesia traditum; таково преданіе соборное, особенно противъ еретиковъ. Божественный авторитетъ этого рода преданія принадлежитъ non ratione auctoris, sed ratione objecti. 4) Часто преданіе понимается, какъ doctrina et quasi arte quadam rituum ceremoniarumque in ecclesia sancitarum ad bonum ordinem, ornamentum et aedificationem pertinentium. Авторитетъ преданій этого рода опредѣляется у Самуила Мислављскаго въ строгомъ соотвѣтствіи съ мнѣніемъ Ѳ. Прокоповича объ авторитетѣ соборовъ. Объ этихъ 4 формахъ преданія у него нѣтъ спора [143]). 5) Мислављскій упоминаетъ еще объ одномъ родѣ преданія, о преданіи въ собственномъ смыслѣ, т. е какъ объ особомъ догматико-каноническомъ источникѣ, отличномъ отъ писанія. Здѣсь подъ именемъ преданія подразумѣются догматы вѣры и нравственности, не находящіеся въ библіи ни формально (по буквѣ), ни матеріально (по существу), однако же по значенію своему совершенно равняющіяся ей. Такія преданія, по мнѣнію Самуила Мислављскаго должно отметать какъ не-истинныя, сектантскія, т. е. папскія. Впрочемъ, такая точка зрѣнія есть слѣдствіе спора съ папистами и, слѣд., въ строгомъ смыслѣ ее нельзя понимать. Здѣсь собственно отвергаются только тѣ преданія, какія *никоимъ образомъ*, ни буквально (formaliter), ни въ видѣ логическихъ послѣдствій, *не содержатся въ писаніи*; всѣ же прочія, какъ не противорѣчащія писанію, С. Мислављскій считаетъ *полезными*, т. е необходимыми, и нисколько не отрицаетъ ихъ важности, равной авторитету писанія [144]).

Итакъ, С. Мислављскій «новымъ путемъ» пришелъ къ дальнѣйшему діалектическому раскрытію Ѳеофановой теоріи о преданіи. Писаніе и *безъ пособія преданія* есть полный и ясный богословскій источникъ знанія о вѣрѣ; это—первичный, аподиктическій и «рождающій божественную вѣру» источникъ, преданіе же, особенно святоотеческое—вторичное основаніе (ratio), правоподобное, но не абсолютное, созидающее «человѣческую вѣру» и пригодное *болѣе* для разъясненія, чѣмъ для утвержде-

142) p 272.
143) p. 273
144) p. 292.

нія (ad confirmandum) откровеннаго ученія. *Нынѣ* нельзя уже доказать существованія *незаписанныхъ преданій*. Этотъ окончательный тезисъ С. Мисловскаго всецѣло направленъ противъ всяческаго *сектантскаго преданія*. Въ этомъ неотъемлемое достоинство и необходимость его полемики.

6. Къ числу ближайшихъ преемниковъ «богословскихъ идей», Ѳеофана Прокоповича о преданіи принадлежитъ іеромонахъ *Платонъ* (см. его «*Православное ученіе или Сокращенное Христіанское Богословіе*, 1 изд. 1765.) Повидимому, у него сохраняется православно-гносеологическое двойство источниковъ вѣроученія. «Вѣра евангельская» и «апостольское ученіе» *ненарушимо* содержатся какъ въ писаніи, такъ и *въ устномъ преданіи* [145]). Но когда изслѣдуется вопросъ «*объ откровеніи*», у Платона нѣтъ упоминанія о преданіи, какъ объ особомъ источникѣ откровеннаго ученія [146]). Въ отдѣлѣ «о преданіяхъ и обрядахъ» ученіе о преданіи ограничивается только «нравоучительною пользою или благопристойностію» [147]). Здѣсь еще не достаетъ ясно выраженнаго двойства источниковъ *догматическаго ученія*, т. е. точнаго обозначенія того, что выступаетъ подлѣ писанія, дополняя и изъясняя его, иначе преданія.

7. По мнѣнію архимандр. *Ѳеофилакта Горскаго*, ректора Москов. Академіи, высказанному въ его «*Догматахъ христіанскія правосл. вѣры въ богословск ученіи предложенные и изъясненные*» (1773 г.), «начало свящ. писанія» служитъ единственнымъ источникомъ «богословскаго вѣдѣнія», такъ какъ въ немъ «божественное откровеніе, черезъ богодухновенныхъ мужей написанное, представляется намъ» [148]). Слово Божіе и писаніе у него отождествляются въ духѣ Ѳеофанова ученія. Главнѣйшій признакъ зависимости гносеологическихъ взглядовъ О. Горскаго отъ Ѳеофановой системы обнаруживается въ раскрытіи вопроса «о соборахъ и *о преданіяхъ церковныхъ*», «важность которыхъ, также какъ и св. отцевъ, *не почитается за божественное установленіе*, и съ божест. писаніемъ равно почитать не должно» [149]).

8. Схема ученія архим. *Сильвестра Лебединскаго*, ректора Казан. Академіи, изложенная въ его «*Compendium'ъ theologiae classicum didactico—polemicum*» (чит. 1797—1799 г.), таже самая, что у О. Прокоповича и С. Мисловскаго. Писаніе есть sola regula fidei, unicum et proprium theol. principium; отсюда и богословское изложеніе вѣроученія (πραγματολογία) должно составляться по нему одному [150]). Formaliter

---

[145]) ч. 2, § 28, стр. 127; сравн. § 7, стр. 67.
[146]) ib. § 1, стр. 43.
[147]) ib. § 40, стр. 148—149.
[148]) стр. 8.
[149]) стр. 26.
[150]) Cap. I, § 1, p. 19.

ratione scriptiones et modi tradendi, писаніе non esse necessariam absolute для Бога (до Моисея откровеніе распространялось viva voce sola), a materialiter, ratione dotrinae traditae оно относится не ad bene esse, но ad ipsum essa церкви [151]). Къ чему нужно дополненіе неписанныхъ (ἀγράφων) преданій» [152]), когда *нынѣ* все необходимое для спасенія содержится въ писаніи, иное generice, иное specifice, иное implicite, иное explicite, иное in expressis verbis, а другое in aequipollentibus, sed eundem expressis verbis [153]). Главы de sensibus scr. sac., necessitate, perspicuitate и perfectione суть только «догматико-полемическое повтореніе» съ нѣкоторыми несущественными добавленіями прежнихъ схоластическихъ мнѣній о самодовлѣемости письменнаго источника вѣроученія. Книги писанія передаются «согласно съ свидѣтельствомъ церкви», но авторитетъ ея здѣсь только историческій, ибо церковь сохраняетъ и передаетъ людямъ слово Божіе, какъ столпъ, къ которому прибитъ царскій указъ [154]). Писаніе—clara et sufficiens ad perfectam doctrinam, темно касательно несущественнаго (quid non simpleciter) и трудно уразумѣваемо, не само по себѣ, но per accidens, и не для всѣхъ, но «для читающихъ необдуманно» [155]). Хотя многое не показано въ писаніи quoad derbum, однако все можно clarissime доказать изъ него [156]). Съ этой стороны преданіе есть только повтореніе и изъясненіе написаннаго [157]). Случайное упоминаніе pro ratione sensus ecclesiae [581]) для достиженія satis perspicuae доказываетъ не темноту писанія, но «человѣческое безсиліе». Отсюда нужда «въ опытномъ и ученомъ толкователѣ», особенно «для изъясненія гебраизмовъ и эллинизмовъ [159]). Главы de conciliorum auctorifate, de traditionibus et scriptis patrum основаны на мнимомъ противоположеніи неписанныхъ преданій (tradiones ἀγράφους extra scipturam) слову Божію, единственно—вѣрному свидѣтельству откровенной истины. Отсюда положенія: concilia non sint absolute necessaria [160]), ecclesia seu patres суть columna non architectonica, sed politica [161]) и проч.

Достопримѣчательно, что у С. Лебединскаго подъ преданіями всегда разумѣются неистинныя ученія. Нигдѣ незаписанныя преданія не называются у него *истинными*. Это—двусмысленная постановка вопроса

---

151) Cap. II, § 1, p. 43.
152) Cap VI, § 1, p. 73.
153) Cap. I, § 19, p. 38.
154) Cap. VII, § 2, p. 80.
155) Cap. III, § 2, p 49.
156) Cap. IV, § 2, p. 58.
157) Cap. VI, § 1, p. 73.
158) Cap. III, § 4, p 54.
159) Ib. p 56
160) Cap V, § 2, p. 65.
161) Cap VII, § 2, p. 80.

о преданіи. Чтобы не стать въ явное противорѣчіе съ православно-церковнымъ ученіемъ, С. Лебединскій свое особое мнѣніе раскрываетъ подъ неопредѣленнымъ терминомъ: «*неписанное преданіе*». Впрочемъ, подъ *небиблейскимъ преданіемъ* у него всегда подразумѣваются *ложныя ученія*, т. е. сектантскія, въ противоположность истинному откровенію или писанію Въ этомъ главнѣйшія черты сходства и существенное отличіе С. Лебединскаго отъ богослововъ Ѳеофановой школы въ вопросѣ о преданіи.

9. Ученіе о преданіи іеромонаха *Иувеналія Медвѣдскаго*, составляющееся изъ гносеологическихъ элементовъ Ѳеофанова богословія, излагается въ его «*Христианской богословіи для желающихъ въ благочестіи высшаго успѣха*» [162]), въ отдѣлѣ «Предварительн. разсужденій о Божіемъ откровеніи» [163]) «Богословія первѣйшее основаніе есть *едино токмо* свящ. писаніе» [164]), такъ какъ источникъ его «есть *разумъ Божій*» [165]). «Всѣ *знаки* божественнаго откровенія находятся въ св. писаніи»; «одно токмо оно и есть по справедливости божественное откровеніе» [166]). «*Въ писаніе все, что до Богопознанія и Богопочитанія, для пріобрѣтенія жизни вѣчной, касается, содержитъ въ себѣ преизобильно*, или *самою вещію* явственными словами изображая, или *по силѣ своей* чрезъ правильное заключенія имѣя оное: и нѣтъ въ немъ въ разсужденіи сихъ вещей ни въ чемъ недостатка» [167]);—«а о прочемъ что *въ св. писаніи не находится*, никто не можетъ увѣрить, чтобы оное ко спасенію необходимо знать было нужно» [168]). Эти центральные тезисы, отъ которыхъ расходятся всѣ остальныя богословско-гносеологическія воззрѣнія Ю. Медвѣдскаго по вопросу о преданіи. Въ ряду «принадлежностей писанія» выдвигается здѣсь совершенная «ясность писанія *самого по себѣ* въ вещахъ для спасенія нужныхъ» [169]). Средства къ его истолкованію—одни богословско-герменевтическія [170]). А кто не въ состояніи самъ собою достигнуть какого нибудь средства (напр., *незнаніе* еврейск. языка), то «таковыи долженъ спрашивать *у искусныхъ* въ томъ; также у св. отцевъ и другихъ учителей церковныхъ искать толкованія» [171]). Преданію, очевидно, удѣляется здѣсь второстепенное мѣсто. Въ той-же самой связи мыслей Ю. Мед-

---

[162]) Москва, 1806.
[163]) Часть I, разсужд. 3, гл. 1—7, стр. 58—138.
[164]) Гл. VII, § 62. Стр. 132.
[165]) Гл V, § 51, стр. 120.
[166]) Стр 59—60.
[167]) Гл. V, § 51, стр. 121.
[168]) Ib. § 55, стр. 124.
[169]) Гл. VI, от. 1, стр 126.
[170]) Ib. § 60--61, стр. 129—131.
[171]) Ib стр. 131.

вѣдскій говоритъ «*о церковныхъ преданіяхъ* и св. отецъ писаніяхъ» [172]). Преданія церковныя, т. е. «такія отъ Христа и апостоловъ учиненныя завѣщанія, кои явственно въ св. писаніи не обрѣтаются, но *живымъ* гласомъ токмо вѣрнымъ сообщенныя и въ церкви содержимыя»,—должны находиться въ библіи «*по силѣ, чрезъ правильное заключеніе*», а если ихъ нѣтъ тамъ, то они *не нужны для спасснія* касаются вопроса «о *вещахъ среднихъ* (т. е. безразличныхъ), которыхъ никакъ съ догматами и заповѣдями, въ св. писаніи обрѣтающимися, сравнивать не можно». Въ случаѣ «согласія смысла» [173]) съ писаніемъ преданіе считается столь же важнымъ, какъ и писаніе, хотя необходимость его здѣсь приводится не для доказательства и придачи чего либо къ слову Божію, но только для объясненія. Едва ли можно что либо новое найти во всѣхъ этихъ сужденіяхъ о преданіи въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ уже раньше было сказано у богослововъ Ѳеофанова направленія.

10. Преосвя. *Иринеій Фальковскій* въ своемъ ученіи о преданіи, изложенномъ «*Christianae orhodoxae, dogmatico-polemicae theologiae compendium*'ъ (чит. въ Кіев. Акад. съ 1795—1804 г.), до крайности доводитъ богословскіе взгляды Ѳ. Прокоповича [174]). Особенность Иринеевыхъ воззрѣній составляетъ схоластическое мнѣніе *de tradionibus ecclesiasticis* [175]), выраженное въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Подъ преданіемъ у Иринея разумѣется doctrina ceclesiae, не записанная въ библейскихъ книгахъ. 1) «*Всякое* истинное и законное преданіе, *апостольское* ли, т. е. *божественное*, или *церковное*, т. е. *человѣческое*, есть нѣкоторое *частное правило* или истина, заключающаяся въ нѣкоемъ *общемъ правилѣ* или истинѣ, ясно выраженной въ св. писаніи; или короче: всякое законное преданіе имѣетъ основаніе въ писаніи и можетъ быть послѣдовательно выведено изъ него посредствомъ болѣе длиннаго ряда» (per longiorem argumentorum catenam [175]). Преданіе здѣсь не отличается virtualiter отъ писанія. 2) «*Всякое* законное преданіе соединенно съ нѣкоторыми *частными ограниченіями* (speciales quasdam determinationes), которыя *сами по себѣ* измѣняемы, исполненіе ихъ зависитъ отъ свободнаго произведенія людей и опредѣляется различными условіями» [176]). Здѣсь заключается, причина, почему «истинныя и законныя преданія» не могутъ быть expressis verbis выражены въ писаніи.

---

[172]) Гл. VII, § 65, стр. 136—137, сравн. часть 3, разсужденіе 9, гл. 9 (о преданіяхъ и обрядахъ церковныхъ), 55—57, стр. 49—53.

[173]) Ч I, разсужд. 3, гл. IV, § 49. стр. 115

[174]) См. *Ѳ Тихомирова*, Трактаты Ѳеофана Прокоповича, стр 197—199 и 163—164

[175]) Т. II, сар V, § 26—49, p. 231—234

[175]) Ib. § 28, 223.

[176]) Ib p. 232—233

Таково, напр., преданіе de vocatione sanctorum, «соединенное съ молитвеннымъ призываніемъ ихъ»; а это призываніе *само по себѣ* измѣняемо, можетъ быть совершаемо различнымъ образомъ, предоставляется свободѣ каждаго и опредѣляется многими другими обстоятельствами: отсюда *неясность библейскихъ указаній* на него. 3) Поэтому, *каждое истинное преданіе* имѣетъ *двоякій авторитетъ*, или какъ общая истина и наставленіе, заключающееся въ писаніи, и въ этомъ случаѣ оно равно писанію, или же какъ *нѣкоторое частное опредѣленіе* (specialis determitatio), составленное *церковію* и въ этомъ отношеніи равно важности церкви. Итакъ, Ириней Фальковскій полагаетъ существенное различіе между библейскимъ, т. е. божественнымъ ученіемъ и собственно—церковнымъ, т. е. человѣческимъ преданіемъ. Первому придаетъ абсолютно догматическій авторитетъ, а второму только «антропологическій». Очевидно, здѣсь преданіе не имѣетъ значенія самостоятельнаго догматическаго источника, а всецѣло сокрывается въ писаніи и, слѣд., никакъ *не можетъ дополнять* его въ отношеніи къ вѣроученію. Преданіе, *частное содержаніе* и *форма* котораго зависятъ отъ церкви, стоитъ ниже библейскаго и не равно писанію, хотя бы и было въ согласіи съ нимъ. Причина, по которой такъ умаляется внутреннее достоинство преданія, зависитъ отъ того, что Иринеи сомнѣвался въ *догматической непогрѣшимости церкви* въ ея источникахъ и органахъ, что̀ явно не согласуется съ православнымъ ученіемъ о вселенскихъ соборахъ [177]).

Таково, въ общемъ, положеніе вопроса о преданіи въ его «первоначальной стадіи». У означенныхъ богослововъ ученіе о преданіи составляетъ какъ бы предметъ особыхъ мнѣній, т. е. подлежитъ еще нѣкоторымъ недоумѣніямъ. Но все таки преданіе, какъ таковое, нигдѣ не подвергается нападенію и отрицанію; напротивъ, повсюду отвергаются только *неистинныя ученія* подъ видомъ преданія.

Древне-отечественные богословы по вопросу о преданіи не согласны по 2 основнымъ пунктамъ. Одинъ пунктъ– вопросъ о томъ, должно ли признавать преданіе *за источникъ вѣроученія*. Св. Димитрій Ростовскій, С. Яворскій и І. Карпинскій *положительно* утверждаютъ безусловную необходимость его, какъ богословскаго источника и правила вѣры. Ѳ. Прокоповичъ и прочіе богословы его направленія считаютъ его только *полезнымъ* и отвергаютъ преданія, которыхъ ни буквально, ни въ видѣ логическихъ умозаключеній нельзя найти въ писаніи; у нихъ писаніе—единственный источникъ богословскаго вѣдѣнія о предметахъ вѣры. Другой пунктъ касается вопроса: какую *важность или вторитетъ* должно имѣть преданіе, находящееся въ церкви. Здѣсь особенно обнаруживается недостатокъ научной опредѣленности и надлежащаго един-

177) См. *Тихомирова*, цитов. соч. стр. 164.

ства. Св. Димитрій Ростовск, С. Яворскій и І. Карпинскій усвояютъ ему *божеетвенное* достоинство, какъ неписанному слову Божію. Богословы Θеофановой школы придаютъ равный съ писаніемъ авторитетъ и значеніе только тѣмъ церковнымъ преданіямъ, которые могутъ быть выведены изъ него *по правиламъ логическаго мышленія*; касательно же остальныхъ преданій устанавливается, впрочемъ не совсѣмъ ясно, противоположность между писаніемъ и неписаннымъ словомъ вѣры. Всѣ отмѣченные недостатки происходятъ отъ постояннаго смѣшенія *богословско-научныхъ способовъ* религіознаго познанія съ *существенными свойствами* божественнаго откровенія.

Въ такомъ «нѣсколько колебательномъ состояніи» находился вопросъ о преданіи у отечественныхъ богослововъ почти до первой половины прошлаго столѣтія. Съ этого времени начинается новый періодъ въ раскрытіи богословскаго ученія о преданіи,—періодъ болѣе яснаго и болѣе глубокаго обсужденія вопросовъ относящихся къ нашей темѣ. Мнѣніе Θеофанова направленія о писаніи, какъ единомъ источномъ началѣ богословскаго знанія, мало по малу оставляется навсегда. Взамѣнъ его укрѣпляется и съ новыхъ сторонъ освѣщается ученіе С. Яворскаго о преданіи, какъ о равноправномъ съ библіею источникѣ. Преданіе необходимо *при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ*. Свидѣтельствомъ его должно не только объяснять писаніе, но и дополнять и доказывать догматико-каноническую истину и историческую достовѣрность его. Въ то время какъ прежде богословы задавались болѣе *полемическими цѣлями*, теперь ученіе о преданіи отличается *положительно-догматическимъ характеромъ*. Впрочемъ, и въ разсматриваемый періодъ вопросъ объ отношеніи преданія къ писанію не получалъ должнаго единства; такъ какъ и теперь иногда писаніе считается *главнымъ* источникомъ, а преданіе *вторичнымъ*.

11. Начало новой всесторонней разработки идеи православнаго преданія полагаетъ глубокомысленная небольшая статья протоіерея Симеона Красноцвѣтова, помѣщенная въ «*Христіан. Чтеніи*» за 1829 г.: «*О преданіяхъ, какъ источникѣ религіи*» (г. XXVI, стр. 314). Здѣсь въ краткихъ и весьма точныхъ чертахъ, въ систематическомъ порядкѣ, собрана какъ бы «цѣлая онтологія» защиты православныхъ положеній по нашему вопросу. Преданіе есть необходимый источникъ христіанской религіи, имѣющій божественную важность и достоинство. Это сочиненіе характеризуетъ положеніе: «область употребленія св. преданія, какъ устнаго слова Божія, по крайней мѣрѣ, столь же обширна, какъ и письменнаго». Особенно удачно высказана авторомъ мысль, что писаніе, въ своемъ церковно-историческомъ происхожденіи, стоитъ въ органической связи съ преданіемъ и, слѣд., *никогда не можетъ замѣнить* его. Въ ближайшей зависимости сужденія автора о преданіи стоятъ отъ ученія Ст. Яворскаго.

12. Болѣе основательные аргументы въ пользу преданія приведены въ органическое цѣлое въ знаменитомъ «*Словѣ о преданіяхъ*» митрополита Московскаго *Филарета* [178]). Здѣсь «излагается вообще ученіе о преданіи» [179]). Это какъ бы цѣлая сокровищница православной апологіи преданія. По Филарету, преданіе всегда мыслимо только «*при св. писаніи и вмѣстѣ съ нимъ*». Это точная и всеобъемлющая формула. «Въ ученіи о преданіяхъ сіе *понятіе*, и самое *именованіе преданія* заимствуется изъ писанія». Итакъ, у Филарета придается писанію не болѣе важности въ сравненіи съ преданіемъ, а, напротивъ, совершается православное уравненіе обоихъ, т. е возвышеніе преданія до полнаго гносеологическаго значенія писанія. Въ этомъ неотъемлемая заслуга Филарета въ апологетическомъ вопросѣ о преданіи.

13. Въ «*Богословіи Догматическомъ, или Пространномъ изложеніи ученія вѣры православныя каѳолическія восточныя церкви*» (1 изд. 1838 г.) проф. Москов университета, протоіерея *Петра Терновскаго* преданіе разсматривается, «какъ вспомогательное средство въ познаніи свящ. истинъ» [180]), т. е при писаніи, «какъ главномъ и первостепенномъ источникѣ познанія». «Св. преданіемъ называется *изложеніе ученія* о какомъ-либо предметѣ вѣры, или наставленіе о совершеніи какого-либо св. обряда, *не изображенное буквально въ св. писаніи*, но согласное съ духомъ его и служащее къ его объясненію, устно или чрезъ писаніе передаваемое учителями церкви, и постоянно въ ней сохраняемое». «*Бытіе преданій*» доказывается тѣмъ, что «церковь Божія всегда имѣла нужду руководствоваться ими», какъ до писанія («времена патріарховъ», «Іисусъ Христосъ и большая часть апостоловъ учили устно»), такъ и послѣ его («*по рѣдкости рукописей*») [181]). «*Признаки* преданій истинныхъ, *догматическихъ, историческихъ и обрядовыхъ*» излагаются въ самомъ краткомъ очеркѣ [182]).

14. Въ сущности такой же взглядъ на преданіе высказываетъ и архиманд. (впослѣдствіи архіепископъ» *Антоній* (*Амфитеатровъ*), ректоръ Кіев. Академіи, въ своемъ «*Догматическомъ Богословіи правосл. каѳолической восточной церкви*», а именно въ присовокупленномъ здѣсь «общемъ введеніи въ курсъ богословскихъ наукъ» (изд. 1848). «Св. пи-

---

[178]) Произнесено 13 сент. 1838 г. по освященіи храма Живоначальныя Троицы въ Московскомъ Даниловскомъ монастырѣ (Слова и Рѣчи, 1845, стр. 396–405). Ср. Слово въ день Успенія Пресв. Богородицы, ч. I, стр. 207).

[179]) Это мѣткая характеристика высокопр. *Макарія*, Введеніе въ Правосл. Богословіе, изд. 5-е, стр. 358

[180]) § 28, стр. 40.

[181]) § 30, стр. 41—42.

[182]) § 31, стр. 42—43; § 32, стр. 44.

саніе и св. преданіе заключаютъ въ себѣ всю полноту религіи христіанской, и кромѣ и внѣ ихъ нѣтъ и не можетъ быть никакого новаго откровенія божественнаго, касающагося религіи» [183]). Но преданіе,—какъ бы нѣкоторое уклоненіе отъ этого тезиса,—у Антонія только «второй источникъ божественнаго откровенія» [184]). «Въ св. писаніи заключены всѣ *главныя истины*, необходимыя ко спасенію», а въ преданіи «нѣкоторыя *частныя* истины, потребныя, *впрочемъ*, къ вѣрѣ и дѣятельности христіанской, не содержащіяся въ писаніи явно,—напр., о видимыхъ принадлежностяхъ и обрядовой сторонѣ таинствъ, о знаменіи креста и пр.» Съ другой стороны «св. писаніе *для всей церкви* совершенно ясно, но *для частныхъ людей* и для каждаго члена церкви *порознь* не равно ясно и вразумительно», «и потому не всѣ способны и имѣютъ право толковать оное, и если бы всякій толковалъ по своему, это значило бы искажать и унижать его». Отсюда само собою открывается необходимость преданія для писанія. Подъ преданіемъ у Антонія разумѣется «*слово Божіе неписанное*», т. е. «*догматическія, обрядовыя и историческія* истины, *не содержащіяся буквально* въ св. писаніи, впрочемъ согласныя съ нимъ, принятыя устно, какъ *божественныя*, или непосредственно отъ Іисуса Христа, или посредственно отъ апостоловъ ихъ преемниками, и сохраненныя во вселенск. церкви непрерывно отъ самыхъ первыхъ временъ» [185]). «Дѣйствит. существованіе въ церкви и несомнѣнная важность» преданія очевидна: 1) изъ св. писанія, 2) «изъ самыхъ древнихъ примѣровъ церкви какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной» и 3) изъ свидѣтельствъ отцевъ церкви» [186]). «*Употребленіе св. преданія*» [187]) ограничивается 1) «правильнымъ разумѣніемъ и изъясненіемъ св. писанія» и 2) истинъ, неизложеныхъ въ библіи. Для доказательства мысли объ *одинаковой важности преданія и писанія* въ богословіи у Антонія особо изслѣдуется вопросъ о «началѣ богословія руководственномъ», т. е. *всеобщемъ голосѣ вселенской церкви* [188]). Это характеристическая черта Антоніева взгляда на преданіе въ его историческомъ бытіи и жизни.

15. Къ апологетической литературѣ, имѣющей своимъ предметомъ вопросъ о преданіи, принадлежитъ довольно обширное изслѣдованіе священника *Евграфа Бенескриптова* «*Объ источникахъ христіанской религіи, по ученію православно-каѳолической церкви*» (СПБ., 1-е изд. 1845). Здѣсь мы встрѣчаемъ большею частію тѣ же докательства, тѣ же цитаты, въ томъ же порядкѣ изложенныя, тѣ же пріемы апологетики, что́ и у С. Явор-

[183]) 6-е изд., § 15, стр. 14.
[184]) § 14, стр. 11.
[185]) § 15, 10; § 14, стр. 8.
[186]) § 14, стр 8—9.
[187]) § 15.
[188]) § 16.

ского, прот. С. Красноцвѣтова и Высокопр. Филарета. Въ своихъ основныхъ положеніяхъ и выводахъ авторъ ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о преданіи принципіально: преданіе абсолютный источникъ вѣроученія. *Писаніе не мыслимо безъ преданія.* Особенно ясно изложены мѣста о недостаточности и необходимости дополненія и изъясненія писанія преданіемъ [189]). Драгоцѣнны въ научномъ отношеніи части, касающіяся ученія объ отцахъ и вселенскихъ соборахъ, какъ органахъ преданія [190]). Методъ догматико-полемическій.

16. Въ «*Богословіи Обличительномъ*» ректора Казан. Акад., архимандр. Иннокентія (Новгородова) ученію о преданіи посвященъ особый догматико-полемическій «отдѣлъ». Цѣль автора—оправданіе православно-церковнаго взгляда и всецѣлое опроверженіе «лютеранскихъ заблужденій въ ученіи объ источникѣ христіанской вѣры» [191]). Выдержки изъ святоотеческихъ твореній у Иннокентія приводятся въ достопримѣчательномъ изобиліи. Здѣсь главнѣйшая заслуга автора.

17. Въ «*Православномъ Догматическомъ Богословіи*» (1-е изд. 1864) Преосв. *Филарета*, архіепископа Черниговскаго, вопросъ о преданіи разсматривается вкратцѣ во «*введеніи*» и при томъ съ чисто-догматической точки зрѣнія. «Преданіе, какъ вѣрованіе вселенской церкви», неизмѣнно сохраняетъ «смыслъ изреченій слова Божія объ истинахъ вѣры»; поэтому оно необходимо «для изъясненія *догматическихъ изреченій слова Божія* [192]). Съ этой стороны преданіе есть не иное что, какъ «духъ догматическаго ученія» [193]) «служащій руководствомъ вообще для богословія» и въ частности для «откровенной догматики». Филаретъ строго различаетъ герменевтику (науку толкованія библіи) отъ догматическаго въ собственномъ смыслѣ, т. е. положительно-церковнаго преданія. «Жалкія послѣдствія, какія испытали на себѣ дерзнувшіе отвергнуть всякое употребленіе преданія въ дѣлахъ вѣры, уже сами по себѣ заставляютъ дорожить св. преданіемъ» [194]). Къ числу характеристическихъ свойствъ Филаретова взгляда на преданіе относится особенно ясно высказанная мысль о необходимости въ церкви Христовой «вѣрныхъ проповѣдниковъ» для жизненнаго сохраненія и истиннаго изъясненія «внѣшняго слова Божія», т. е. писанія [195]). «Подробное объясненіе важности преданія для откровенной религіи принадлежитъ, по Филарету, ученію объ откровенной религіи» [196]); но этого ученія мы не находимъ въ ряду его твореній.

189) Изд. 2-е 1861; стр. 14—43.
190) Стр. 89—105 и 78—89.
191) Казань, 1863, т. III, § 231—239, стр. 65—207.
192) Изд. 3-е, § 8, стр. 13.
193) § 5, стр. 7.
194) § 8, стр. 14.
195) Ч. 2, § 293, стр. 224.
196) § 8, стр. 13, 29 примѣч.

18. Болѣе подробное и во многихъ пунктахъ весьма точное изложеніе ученія о преданіи находится въ знаменитомъ «*Введеніе въ православное Богословіе*»[197]) Высокопр. *Макарія*, митрополита Московскаго. Вотъ схема и формулировка его.

«Св. писаніе, дарованное намъ Богомъ, какъ *первый и главнѣйшій источникъ откровенной Вѣры и Богословія*, по самому свойству своему, заставляетъ насъ желать и другого, *столь же Божественнаго, пособія* въ семъ важномъ дѣлѣ»[198]). Такова обще-богословская необходимость преданія. Составныя части *самаго понятія* о преданіи распадаются на мысли о томъ, что 1) «св. преданіе должно быть признаваемо за источникъ христіанской вѣры», что 2) оно «могло сохраниться и дѣйствительно сохранилось до насъ въ своей цѣлости», 3) о «признакахъ *священнаго или апостольскаго* преданія» и, наконецъ, 4) о «важности и употребленіи» его: а) «для непререкаемаго рѣшенія вопросовъ касательно подлинности канона и богодухновенности свящ. книгъ», б) «для правильнаго и непогрѣшительнаго уразумѣнія самихъ истинъ, содержащихся въ св. писаніи» и в) для «опредѣленія и подтвержденія многихъ истинъ историческихъ и обрядовыхъ, которыя только въ немъ одномъ и содержатся и вовсе не упоминаются въ св. писаніи»[199]). Въ основу взаимоотношенія между писаніемъ и преданіемъ полагается «*равночестность*». Преданіе и писаніе одинаково важные «источники христіанской вѣры, содержащіе въ себѣ одно и тоже божеств. откровеніе». Неизмѣнные пункты православнаго догмата о преданіи у Макарія составляютъ довольно цѣлостный взглядъ. Отъ догматико-апологетическаго ученія *о вѣрѣ* у него только одинъ переходъ—въ особой части «объ *источникахъ* православнаго богословія»—къ отдѣлу «*о церкви, какъ хранительницѣ и истолкователь ницѣ божественнаго откровенія*». Ученіе объ источникахъ христіанскаго вѣроученія есть только систематическое упроченіе основного понятія о церкви православной, *непогрѣшимо судящей* объ этихъ источникахъ. Съ этой точки зрѣнія у Макарія излагается вопросъ «о непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ» и о «важности ученія св. отцевъ и и учителей церкви». Эта же самая мысль опытно подтверждается у него въ «*Православномъ Догматическомъ Богословіи*», гдѣ символическое *ученіе* церкви служитъ вездѣ исходной точкой.

19. Въ превосходномъ «*Опытѣ Православнаго Догматическаго Богословія*» Преосв. *Сильвестра* хотя вопросъ о преданіи и не составляетъ отдѣльнаго пункта изслѣдованія, но за то рѣшается въ ясныхъ и точныхъ чертахъ. Св. писаніе и преданіе суть равноправные источники

[197]) Ч. II: «объ источникахъ православнаго богословія», от. 2: «о свящ. преданіи», § 128–133, стр. 339—358.

[198]) § 128, стр. 339.

[199]) § 133, стр, 359—362.

«божественнаго откровенія» [200]). Отсюда только «въ св. писаніи и апостольскомъ преданіи нужно искать *догматовъ* вѣры; здѣсь только они возможны и чего здѣсь нѣтъ, то не можетъ быть догматомъ» [201]). По отношенію къ писанію, «какъ главнѣйшему источнику нашего вѣроученія», преданіе есть «источникъ дополнительный» [202]) и изъяснительный, ибо «писаніе само въ себѣ безмолвно» [203]). Для обладанія источниками откровенія, заключающими въ себѣ всѣ истины вѣры необходимо «высшее руководящее начало» [204]), т. е. вселенская церковь Христова. «И гдѣ, слѣдов., нѣтъ такой церкви, какъ, напр., въ протестантскихъ обществахъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть догматовъ вѣры въ строгомъ смыслѣ сего слова» [205]). Съ этой стороны у преосв. Сильвестра преданіе есть непрерывно, въ лицѣ преемниковъ апостольскихъ, живущее въ церкви «*религіозное сознаніе*», или «*духъ вѣры*». Это наивысшее опредѣленіе понятія о преданіи у него и ему, по нашему мнѣнію, принадлежитъ несомнѣнная историческая будущность въ православномъ богословіи.

Таково, въ наиболѣе характерныхъ чертахъ, историко-критическое обозрѣніе ученія отечественныхъ богослововъ о преданіи [206]). Вотъ что драгоцѣннаго доселѣ сдѣлано для научной разработки вопроса о преданіи; вотъ въ чемъ пробѣлы и на что, поэтому, должно быть обращено наибольшее вниманіе. Разобранныые нами «богословскіе опыты» приводятъ насъ именно къ тѣмъ сторонамъ вопроса о преданіи, которыя должны стать предметомъ не «вѣроисповѣдной только полемики», но самой внутренней православной апологетики». «Точно формулированнаго православнаго ученія о преданіи нѣтъ» [207]). При положительномъ обоснованіи и теоретическомъ уясненіи православнаго взгляда на преданіе наши богословы не выработали еще той абсолютной самобытности и научной независимости, которыя считаются присущими, по идеѣ, нашему православію. Конечно, у православныхъ апологетовъ и полемистовъ, нѣтъ и помину о «настоящемъ догматическомъ спорѣ», о раздорѣ, «*раздѣленіи и соблазнахъ*»

---

[200]) См. Введеніе, § 11, стр. 48.

[201]) § 5, 114.

[202]) § 6, 16.

[203]) Ib. стр. 15.

[204]) Ib. стр. 16.

[205]) Ib. стр. 19.

[206]) Изъ статей, разбирающихъ вопросъ о преданіи, особо достопримѣчательны: проф. *А. Булахова* въ «Мис Обозрѣніи» за 1896 г., кн. 2 (Мартъ), стр. 18—27: «О свящ. преданіи и его богодухновенности»; тамъ-же, кн. 2 (янв.): «Свящ. преданіе и толкованіе писанія», *свящ. Д. Слюсарева* Въ «*Правосл. Собесѣдникѣ*» за 1901 (май, стр. 569—584, іюль стр. 243—270, ноябрь стр. 673—692 и дек. стр. 833) проф. *П. Пономарева*, «Изъ исторіи св. преданія». Въ «Дух. Чт.» за 1896 г. *еп. Феофана*, «Преданіе» и «Преемство апостольскаго преданія». *Н. Кутепова*, о преданіи (противъ мнимо-духовныхъ христіанъ). Новочеркаскъ, 1890 (отдѣльная брошюрка).

[207]) Мнѣніе проф. *П. И. Линицкаго.*

(Рим. 16, 17), мыслимыхъ только въ «крайнихъ ученіяхъ», только въ сектантствѣ, какъ, напр, у католиковъ, у протестантовъ, у нашихъ отщепенцевъ, произвольно разорвавшихъ живую связь съ церковію. У нихъ только нѣкоторая нерѣшительность, неустойчивость и раздвоенность *мысли*, вредящія цѣлости и единству *научнаго міросозерцанія*. Но различныя воззрѣнія на преданіе суть лишь не одинаковые способы и пути православнаго толкованія одной и той же *церковной дѣйствительности*, т. е. одного церковнаго ученія о преданіи, нисколько его не уничижающія, не ослабляющія. Не такъ сходныя сужденія произносятся *объ одномъ и томъ же предметѣ*, и церковное понятіе чрезъ это нисколько въ общемъ не нарушается, не повреждается, а только мѣняются *богословско-философскіе комментаріи* къ нему. Все «историко-богословское различіе» раскрывается на одной общей канвѣ. При всѣхъ «научныхъ колебаніяхъ» (см. особенно вопросъ о преданіи въ древне-отеческомъ богословіи) и разногласіяхъ, православное ученіе о преданіи предносится нашимъ богословамъ, какъ единое и законченное цѣлое міросозерцаніе, какъ истинное разумѣніе христіанскаго вѣроученія въ его первоисточникахъ. Церковь наша, строго предписывая держаться преданія, однако не опредѣляетъ in terminis technicis, т. е. въ точности «логической формулировки», *всѣхъ сторонъ* богословскаго ученія о немъ. Подробное раскрытіе этихъ весьма немногихъ пунктовъ о преданіи и есть долгъ науки. Съ этой стороны, понятно, почему научно-богословская формулировка вопроса о преданіи есть дѣло первостепеннѣй необходимости. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи будетъ видно, какимъ именно богословамъ болѣе всего мы обязаны были въ столь трудной задачѣ.

Есть еще одно «специально-богословское побужденіе» къ разработкѣ православнаго ученія о преданіи. Оно состоитъ въ религіозно-практической важности вопроса о преданіи въ дѣлѣ *противосектантской миссіи* въ нашемъ отечествѣ.

Какъ извѣстно, антицерковныя, особенно протестантскія, догматико-гносеологическія воззрѣнія весьма часто находили сочувственное отношеніе къ себѣ и «принимались за самую истину» не только въ различныхъ странахъ западной Европы, но и у насъ, въ нашей богословско-философской мысли и въ общественной религіозно-нравственной жизни. Еще въ древней до—Петровской Руси протестантство проявилось подъ видомъ странной, «невиданной въ православномъ мірѣ», *секты* полкового лѣкаря изъ стрѣльцовъ *Тверитина* (Дерюшкина). Но особенно въ новѣйшее, такъ называемое, «либеральное время» чувствительно сказывается у насъ сектантское вліяніе протестантства, такъ какъ увлеченіе «нашего великосвѣтскаго образованнаго общества» религіозно-протестантскими идеями со времени императора Петра I стало весьма велико. Въ царствованіе императора Александра I наше «интеллигентное обще-

ство», въ извѣстной части вообще не твердое въ состояніи въ *«единости вѣры»* (Іуд. 1, 19) православно-церковной, сильно увлекалось пересаженной къ намъ «изъ-за границы» индивидуалистической мистикой, выродившеюся изъ глубокихъ нѣдръ протестантства. Антицерковное направленіе составляло общую характеристическую черту всего мистическаго литературно-общественнаго движенія. И современное намъ русское, такъ называемое, «духовное сектантство», по своему исходному пункту, основнымъ принципамъ и послѣдовательно развитому въ немъ мистико-раціоналистическому ученію стоитъ въ несомнѣнной связи съ нѣмецкимъ протестантствомъ. Странный отголосокъ протестантскихъ ученій объ источникахъ христіанскаго вѣроученія находится въ своеобразныхъ богословско-философскихъ мысляхъ, бродящихъ въ нашемъ образованномъ обществѣ въ видѣ темныхъ и мутныхъ сектантскихъ толковъ, прямо враждебныхъ православной вѣрѣ, чистой нравственности и общественному благоустройству. Такъ, напр., въ протестантскомъ міросозерцаніи, безспорно, лежитъ точка опоры нашего великосвѣтскаго расколо-сектантства,—именуемаго *пашковщиной* и *толстовщиной*. Въ немъ же имѣетъ «основаніе своего историческаго происхожденія» и «догматическаго самооправданія» довольно распространенное въ послѣднее время на юго-западѣ Россіи, особенно среди простаго рабочаго народа, еретическое лжеученіе, извѣстное подъ именемъ *штундизма* и оказывающее, какъ пашковщина и толстовщина, одинаково развращающее дѣйствіе на нравственность и религіозность народа, всегда исповѣдавшаго, любившаго и защищавшаго свою православную вѣру, какъ единую и истинную, древне-апостольскую, превосходящую безъ сравненія не только всѣ нехристіанскія религіи, но и всѣ другія христіанскія исповѣданія. И, конечно, во всѣхъ этихъ религіозно-сектантскихъ движеніяхъ протестантство является силою враждебною православной церкви и ея ученію объ источникахъ божественнаго откровенія и истинной вѣры [208]).

Если наша мысль о дѣйствительной связи гносеологическаго ученія только что указанныхъ сектъ съ протестантствомъ достовѣрна, то само собою понятно, что мы должны открыто выступить на борьбу съ современнымъ сектантствомъ съ «научнымъ оружіемъ въ рукахъ». И первымъ дѣломъ богословской науки въ этомъ отношеніи должно быть систематическое обоснованіе и раскрытіе глубочайшаго смысла того принципа и источника, отрицаніе котораго составляетъ существенный мо-

[208]) О религіозно-исторической связи нашего сектантства съ протестантствомъ см въ двухъ чтеніяхъ преосв. Амвросія, архіеп. Харьковскаго, въ собраніи С.-Петербургскаго братства Пресв. Богородицы 1891 г.: 1) О причинахъ отчужденія отъ церкви нашего образованнаго общества и 2) О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ.

ментъ и характеристическую черту протестантства, т. е. преданія; ибо, «все, что направляется противъ протестантства, можетъ и должно быть направлено и противъ нашихъ сектантовъ» [209]). «Коварство новыхъ еретиковъ требуетъ множества заботъ и осторожности и заставляетъ быть ревностнѣйшимъ въ дѣлѣ религіи» [210]). Безъ надлежащаго научнаго уясненія вопроса о преданіи нельзя успѣшно защищать «*дѣло вѣры*» предъ сектантами и невѣрующими людьми, обвиняющими насъ, православныхъ, «въ духовной слѣпотѣ и невѣдѣніи» источниковъ своего вѣроученія. Въ настоящее время, когда къ сердечной, на духовномъ опытѣ основанной, привязанности къ своей вѣрѣ, какую всегда имѣли наши предки, мы должны присоединить *и разумное научное убѣжденіе* въ ея божественномъ достоинствѣ и самобытномъ характерѣ и когда, такимъ образомъ, для насъ стала ощущаться настоятельная потребность въ здравомъ самостоятельномъ философствованіи и сознательномъ богословствованіи, православное ученіе о преданіи должно представлять для насъ особый животрепещущій интересъ. Здѣсь именно указываются единственно-достовѣрные, т. е. исторически-оправданные пути, по которымъ должна производиться научно-богословская работа въ дѣлѣ утвержденія и защиты православной вѣры отъ всяческихъ непризванныхъ и непризнанныхъ «учителей народныхъ», «имже нынѣ нѣсть числа»,—и отъ различныхъ раціоналистическихъ, мистическихъ и спиритуалистическихъ сектъ, увлекающихся несбыточными мечтами, стремящихся къ какимъ-то «новымъ откровеніямъ божественной истины» и совершено-чуждыхъ христіанскаго міросозерцанія, хранимаго въ лонѣ православной церкви при посредствѣ единаго живаго религіознаго преданія Отсюда то стремленіе къ научному изслѣдованію по вопросу о преданіи, какъ источникѣ откровенія Божія и вѣры, вытекающее изъ внутреннихъ потребностей человѣческаго духа, пріобрѣтаетъ все большую и большую напряженность, особенно подъ вліяніемъ современныхъ апологетико-полемическихъ интересовъ и задачъ, когда въ связи съ общимъ подъемомъ религіознаго духа и православнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, съ оживленіемъ и оцѣнкой православно-культурныхъ идеаловъ, все болѣе и болѣе стала сознаваться настоятельная необходимость подвести точные итоги многовѣковой борьбы съ чужими и своими ересями и расколами. Подобно тому, какъ въ древне-христіанской церкви догматико-апологетическіе интересы породили вопросъ о христіанскомъ знаніи въ его источникахъ, основахъ и нормахъ, рѣшавшійся въ различныхъ такъ называемыхъ «богословскихъ школахъ» въ теченіе первыхъ вѣковъ христі-

---

[209]) Проф. *Н. И. Ивановскій*, Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, Казань, 1887, III, стр. 215

[210]) Св. *Викентій Лиринскій*, Commonitorium, cap. 1.

анства и получившій окончательное разрѣшеніе въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и въ наше время, столь обуреваемое ересями и расколами,— «время смятенной и блуждающей мысли» [211]), апологетическія задачи побуждаютъ насъ научно раскрыть и твердо обосновать православный взглядъ на преданіе.

Какъ ни длинно выходитъ наше введеніе, но потребность болѣе обстоятельнаго пониманія нашей проблемы устанавливала для насъ необходимость объясненія подробнаго. Мы нарочито остановились на особомъ разсмотрѣніи вопроса о преданіи въ отношеніи къ современности, чтобы на основаніи этого точнѣе опредѣлить одну изъ существенныхъ задачъ православно-богословской науки нашего времени. Конечно, то «сущая правда», что всякій истинный христіанинъ, а, слѣд., и православный богословъ, «ни мало не мудрствуя», всегда долженъ знать, что составляетъ религіозно-нравственную основу и корень вѣры, и жизни и мысли, и всегда памятовать нравственную обязанность свято и нерушимо охранять истинное преданіе своей вѣры, которой научился отъ предковъ, отъ св. отцовъ, въ лонѣ своей матери-церкви. И если мы скажемъ, что сущность православія состоитъ въ живоносномъ духѣ евангельской любви къ преданію вѣры церковной, то это будетъ несомнѣнно общеизвѣстная истина. Но мало вспомнить эту истину только умственно; надобно понять и одухотворить её полнымъ и живымъ сознаніемъ разумнаго и самобытнаго убѣжденія; надо перевести ее въ область всей внутренней духовной жизни. Мало только теоретически знать и изслѣдовать догматическое ученіе своей вѣры или принимать его только внѣшне, механически, безотносительно къ своимъ нравственно-практическимъ понятіямъ и научнымъ воззрѣніямъ; нужно глубоко вдуматься въ него, освѣтить и оживотворить имъ весь кругъ своихъ знаній, выразумѣть его во всей полнотѣ и цѣлости его божественнаго содержанія. Въ виду именно этого необходимо *для насъ самихъ*, въ интересахъ отечественной богословской науки и церковно-религіозной жизни изучить православное міросозерцаніе со стороны его коренныхъ источниковъ и нормъ. «*Ищите и обрящете*» (Мат. 7, 7), сказалъ Христосъ Спаситель всѣмъ намъ безъ исключенія. Ясное и отчетливое научное познаніе православныхъ источниковъ христіанскаго откровенія въ его ученіи и жизни никогда не приведетъ насъ къ суетной мысли искать гдѣ-то и какой-то «*новой религіи*» или, какъ теперь принято говорить, «*новой вѣры*», «*новаго Евангелія*», т. е. новаго и *иного* религіозно-практическаго міровоззрѣнія. Напротивъ, оно несомнѣнно внушитъ намъ свѣтозарное убѣжденіе, что православно-религіозное преданіе надежнѣе и болѣе достойно нашей христіанской вѣры, нежели какое-либо другое преданіе, какъ,

---

[211]) *Московскій Сборникъ*, изд 5-е К. П. Побѣдоносцева, стр. 292.

напр., римско-католическое, протестантское или какое-либо иное религіозно-философское, сектантское. Отсюда установить и раскрыть истинный взглядъ на сущность и происхожденіе православія, какъ цѣлостнаго само-бытнаго религіозно-христіанскаго міросозерцанія и чрезъ то обратить вниманіе на него мыслящей части нашего общества съ этой именно точки зрѣнія и есть, по нашему мнѣнію, самая главная и самая существенная, живоносная, всеобъемлющая задача современной богословской науки. А выяснить церковно-религіозную сущность и историческое происхожденіе православія значитъ всесторонне изслѣдовать догматико-гносеологическіе источники и принципы его, между которыми преданіе, безспорно, занимаетъ первое мѣсто. Вѣдь въ сущности православно-христіанское религіозное міросозерцаніе, выражающееся въ церковномъ самосознаніи и нравственной жизни, коренится въ преданіи, въ которомъ и сосредоточивается весь апологетическій интересъ вопроса объ источникахъ и принципахъ православія въ наше время, особенно при существованіи «различныхъ до противоположности» сужденій о немъ. Нынѣ абсолютная важность православнаго принципа преданія, безъ сомнѣнія, узнается яснѣе, чѣмъ въ то время, когда «богословскіе нервы» ученія о немъ были почти засохшими (membra disjecta).

«*Итакъ, вниманія каждаго достойно ученіе о преданіяхъ*» [212]).

Основную *задачу* настоящаго опыта изслѣдованія мы полагаемъ *въ православной апологетикѣ*, т. е. въ посильномъ научномъ уясненіи и оправданіи церковнаго ученія о преданіи съ 2 сторонъ: 1) *съ положительной* и 2) *отрицательной*.

1) Въ *положительной части* наша работа должна заключаться въ обстоятельномъ разсмотрѣніи и изложеніи главнѣйшихъ основоначалъ и существенныхъ моментовъ православнаго взгляда. Здѣсь на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ о «внутреннемъ устройствѣ» его, о его составныхъ элементахъ. Съ этой стороны сущность православно-богословскаго понятія о преданіи должна состоять въ точнѣйшемъ опредѣленіи и раскрытіи содержанія и объема источниковъ, нормъ и принциповъ истинно-христіанскаго знанія о предметахъ откровенія и вѣры. Какъ извѣстно, источники, нормы и принципы христіанскаго вѣроученія обыкновенно раздѣляются на *субъективные* и *объективные*. Къ субъективно-гносеологическимъ принципамъ и нормамъ принадлежатъ *вѣра и разумъ* или, вообще говоря, *богословская наука* со стороны философской и методологической. Здѣсь вопросъ о сущности и происхожденіи религіозно-христіанскаго знанія сводится къ понятію естественно-человѣческихъ и внутренно-гносеологическихъ элементовъ и раскрывается въ смыслѣ истинно-умозрительнаго изслѣдованія христіанскаго откров-

---

[212]) Высокопр. *Филаретъ*, цитов. слово.

нія (православно-богословское созерцаніе). Здѣсь въ православное богословіе, при изложеніи истинъ откровеннаго ученія, привносятся законные элементы *церковно-гностическіе* (спекулятивные), въ систематическомъ расположеніи которыхъ прочно устанавливается вопросъ *о познаваемости* божественнаго откровенія. Къ *объективнымъ* источникамъ и критеріямъ истинно-православнаго знанія о христіанскомъ откровеніи относятся: *преданіе*, *писаніе* и *учительный* (религіозный) *авторитетъ церкви*. Здѣсь всецѣло коренятся сверхъестественные и внѣшне-гносеологическіе элементы и основныя начала религіозно-христіанскаго познанія. Правильное истолкованіе ихъ внутренняго смысла и взаимнаго соотношенія сообщаетъ нашему религіозному знанію *положительный характеръ* и значеніе (это антигностическое направленіе мысли). Здѣсь устанавливается и изслѣдуется вопросъ *о непостижимости* христіанскаго откровенія.

Всѣ поименованные элементы христіанскаго знанія истинъ вѣроученія должны раскрываться въ *органическомъ взаимодѣйствіи* между собою. Вся исторія православно-богословской науки показываетъ намъ, что въ нихъ всегда сосредоточивался весь гносеологическій составъ и апологетическій интересъ вопроса объ источникахъ религіозно-христіанскаго знанія и жизни и, въ частности, обсуждаемаго нами вопроса. Такая или иная оцѣнка ихъ внутренняго достоинства, такое или иное распредѣленіе (группировка) ихъ въ богословской системѣ (въ дѣлѣ вѣроученія) составляетъ то, что можетъ быть названо богословской теоріей или методологіей, вообще гносеологіей. Вотъ почему различное пониманіе этихъ гносеологическихъ элементовъ измѣняетъ самое свойство и характеръ теоретическихъ воззрѣній на сущность и достоинство христіанской религіи, божественнаго откровенія. Отсюда то сами собою обнаруживаются и своеобразныя особенности богословскихъ взглядовъ отдѣльныхъ церковныхъ писателей и цѣлыхъ богословскихъ направленій, «богословскихъ школъ» какъ древне-христіанскихъ, такъ равно и новѣйшихъ. Итакъ, понятно, что православно-богословское понятіе о христіанскомъ откровеніи и вѣроученіи есть въ сущности не что иное, какъ истинное ученіе объ источникахъ, нормахъ и методахъ православнаго богословія понимаемаго въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Отсюда то происходитъ и то, что главнѣйшая часть нашей положительной задачи должна состоять въ научномъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, какъ православная церковь учитъ объ истинномъ отношеніи между человѣческими и сверхъ-естественными элементами, между внутренне-отрицательными и внѣшне-положительными, субъективными и объективными началами и источниками христіанскаго вѣроученія, т. е. между вѣрою и разумомъ съ одной стороны и между преданіемъ, писаніемъ и церковію—съ другой. Только уже по должномъ выясненіи значенія этихъ гносеологическихъ источниковъ и нормъ христіанскаго знанія можно приступить къ апологетикѣ положи-

тельно-церковнаго ученія вообще, т. е. къ систематическому оправданію нашей увѣренности въ безусловной истинѣ вселенски-церковнаго міросозерцанія. Только сообразно съ этими теоретическими принципами истинно-христіанской науки возможно систематическое раскрытіе коренныхъ началъ православнаго богословія. Таковъ общій гносеологическій законъ; исключеній здѣсь нѣтъ никакихъ. Такъ и въ вопросѣ о преданіи.

Такъ какъ вопросъ о преданіи для лучшаго разсмотрѣнія можетъ быть разсматриваемъ съ 2 сторонъ: со стороны субъективной и объективной, то мы и обращаемся къ обѣимъ сторонамъ его. Но здѣсь мы должны сдѣлать одну оговорку. Вопросъ о преданіи для насъ будетъ имѣть значеніе со стороны *болѣе гносеологической*, методологической, вообще теоретической (принципіальной), чѣмъ догматической самой по себѣ, т. е. со стороны объективнаго, догматико-положительнаго содержанія его (со стороны церковно-христіанскаго вѣроученія). И съ этой принятой нами точки зрѣнія, по отношенію къ общему рѣшенію, научно-богословское опредѣленіе преданія, какъ гносеологическаго источника православныхъ догматовъ, есть одинъ изъ тѣхъ существенно-важныхъ вопросовъ, относительно которыхъ еще нельзя сказать, чтобы они были вполнѣ исчерпаны, раскрыты и уяснены.

Отрицательно-полемическая часть нашей задачи должна состоять въ *критическомъ разборѣ сектантскихъ взглядовъ на преданіе*, особенно римско-католическихъ и протестантскихъ, какъ болѣе типичныхъ. Здѣсь мы должны были отрицательно уяснить положительный смыслъ православно-церковнаго ученія о преданіи, т. е. показать его безусловное преимущество предъ всяческими сектантскими гносеологическими мнѣніями, въ частности предъ католическими и протестантскими. Здѣсь у насъ ходъ мыслей таковъ. Истина всегда и во всемъ предшествуетъ заблужденію. Сначала истина, а потомъ уже ложное мнѣніе, происходящее отъ «чуждаго сѣянія», отъ произвольнаго извращенія или нарушенія истины. Такъ точно и въ вопросѣ о православномъ ученіи о преданіи. Ученіе это есть «абсолютная истина», какъ первоначальное, исконное и первобытное. Римско-католическое и протестанское ученія о преданіи исторически произошли гораздо позднѣе его и органической связи своей съ православіемъ указать не могутъ, потому что ее нѣтъ. Это уже уклоненіе отъ истины—римское католичество, или даже полное извращеніе ея—различныя протестантскія секты. Истинное ученіе о преданіи въ его историческомъ бытіи и жизни—искони церковный и православный взглядъ. Такъ въ библіи и у св. отцовъ. Католическая и протестантская гносеологія это уже новѣйшая «научно-критическая» своеобразная оцѣнка изначальнаго ученія о преданіи и «систематическое разрушеніе» его. А такъ какъ и всѣ прочіе православно-христіанскіе догматы получили надлежащую формулировку и всеобщее распространеніе чрезъ разгра-

ниченіе православныхъ ученій отъ еретическихъ, какъ позднѣйшихъ и ложныхъ, то ясно, что и православно-церковное ученіе о преданіи должно служить для насъ *исходнымъ пунктомъ* для вѣрной оцѣнки протестантскихъ и римско-католическихъ мнѣній о немъ. Поэтому, совершенно естественно, что протестантское и римско-католическое ученіе по различнымъ сторонамъ вопроса о преданіи мы implicite излагаемъ уже по отношенію къ православному воззрѣнію, какъ истинному и первоначальному «образу здравыхъ словесъ». Нѣтъ сомнѣнія, что такое сопоставленіе сектантскихъ мнѣній съ истинно-православнымъ взглядомъ, завѣщаннымъ церкви отъ Христа, апостоловъ и св. отецъ, есть самое сильное и самое рѣшительное осужденіе ихъ. Точно разграничить инославныя сужденія о преданіи отъ православныхъ это собственно и значитъ войти въ ближайшее ихъ ознакомленіе, всесторонне разобрать ихъ внутреннее достоинство и указать ихъ несостоятельность. Такъ при критической оцѣнкѣ систематическое изложеніе православно-церковнаго ученія о преданіи должно направляться противъ всяческихъ сектантскихъ кривотолковъ.

Само собою разумѣется, что при научной постановкѣ и рѣшеніи вопроса о преданіи центръ тяжести долженъ заключаться *не въ полемикѣ только* съ инославными и отечественными сектантскими «ученіями и учителями» (при этомъ вѣдь достигается одно только убѣжденіе въ ихъ логической несостоятельности и то *чисто-отрицательнымъ путемъ*), а преимущественно *въ апологетикѣ христіанской вѣры и православной церкви*, при которой достаточно полно и точно-научно выясняется *положительная идея* православно-церковнаго ученія о преданіи и его значеніи. Здѣсь долгъ православнаго богослова состоитъ въ томъ, чтобы освободить научное изслѣдованіе догматико-гносеологическихъ вопросовъ о преданіи отъ коренныхъ недуговъ инославной мысли, поставить его всецѣло подъ животворное дѣйствіе истинныхъ началъ родного православія и, въ совершенно-объективномъ духѣ, систематически изложить подлинно-церковный взглядъ. Только при такомъ условіи цѣлостно объединяются разрозненныя богословскія понятія о преданіи, предметъ темы нашей освѣщается одною общей идеей и вмѣстѣ съ тѣмъ становятся совершенно ясными общіе выводы изъ всего, что цѣннаго сказано о немъ въ отечественной и инославной наукѣ. Только такимъ образомъ преданіе съ непоколебимою увѣренностію признается, какъ единый и истинно-богооткровенный источникъ и руководительное начало вѣры, самобытное и цѣлостное, отнюдь несоставляемое изъ «разнородныхъ и несоединимыхъ элементовъ» римско-католической и протестантской гносеологіи.

Очевидно, задача, поставленная нами, не легкая, по разнообразію сторонъ, съ которыхъ мы обозрѣвали нашъ вопросъ и по множеству пунктовъ, подлежащихъ изученію. Но она и весьма важная, по высотѣ

пониманія, какой отъ насъ необходимо требуетъ самая сущность предмета. Тутъ все дѣло не въ томъ, чтобы предлагать только свои мысли и новые взгляды, а въ томъ, чтобы тщательно воспроизвести и оцѣнить уже уразумѣваемое всѣми православными христіанами, т е. приблизить наши чувства и мысли къ тому религіозно-православному источнику, къ тому гносеологическому способу богопознанія, который составляетъ вселенски-церковное преданіе. Трудность задачи еще болѣе усиливается оттого, что разсматриваемый нами пунктъ православнаго ученія—«это не такой только вопросъ, который можно порѣшить запасомъ эрудиціи болѣе или менѣе богатой; это—вопросъ, въ которомъ и совѣсть получаетъ свое значеніе и въ которомъ ей принадлежитъ право отвергнуть всякое нововведеніе, которое не основано на доводахъ столь же твердыхъ, какъ скала, и столь же ясныхъ, какъ день» [213]).

Соотвѣтственно нашей апологетической задачѣ, *методъ* научнаго изслѣдованія и изложенія ученія православной церкви о преданіи долженъ быть *историческій*, т е. по преимуществу *положительнымъ образомъ* разскрывающій и утверждающій внутренній составъ и непреходящій смыслъ разсматриваемаго предмета. Въ дѣлѣ обоснованія и оправданія православно-христіанскаго ученія въ его источникахъ и нормахъ чрезвычайно важно положительно разъяснить, и всесторонне описать его внутреннее содержаніе (внутреннее существо) и существенныя свойства, т. е. внутреннія основы его догматической истинности и исторической достовѣрности. Богооткровенные (религіозно-христіанскіе) источники и истины съ этой стороны заключаютъ въ себѣ самихъ наилучшій оплотъ ихъ апологіи. Здѣсь, какъ нельзя лучше, примѣнимъ методъ историческаго изслѣдованія, всецѣло обосновывающій свой предметъ. Этотъ же методъ, преимущественно изъясненный, необходимъ и при изложеніи церковнаго ученія о преданіи въ его существенныхъ частяхъ и характеристическихъ чертахъ. Здѣсь ближайшая цѣль наша должна состоять въ надлежащемъ уясненіи существенныхъ сторонъ и главнѣйшихъ моментовъ православнаго ученія и при томъ такъ, чтобы чистота и высота его предносилась предъ нашимъ сознаніемъ въ цѣлостномъ видѣ и полнотѣ его историческихъ источниковъ и основъ. Отсюда точнѣйшее указаніе внутренней связи между отдѣльными частями и сторонами церковнаго взгляда на преданіе для насъ должно имѣть самое важное значеніе; ибо здѣсь—вся его сила, все его внутреннее достоинство и вся мощь его. Правильное и систематически-расположенное историческое освѣщеніе всѣхъ сторонъ церковнаго воззрѣнія на преданіе должно послужить самою лучшею защитою его, гораздо болѣе достигающею своей «конечной цѣли», чѣмъ самый подробный кри-

---

[213]) *А. Шаузи*, Апостольское преданіе (переводъ съ франц. П. Максимовича), Кіевъ, 1880 г., стр. 13—14.

тическій анализъ отрицательныхъ воззрѣній. Итакъ, согласно нашей апологетической задачѣ, на первомъ планѣ, (при систематически-связномъ изложеніи ученія о преданіи) должно стоять положительно-историческое раскрытіе и описаніе его «внутренняго устроиства» (состава), соединенное съ оцѣнкой богословскихъ основаній и доказательствъ, приводимыхъ въ пользу его совершеннѣйшей истины и правды и устраняющихъ всяческія воззрѣнія противъ него, всяческія сомнѣнія и недоумѣнія. Только въ историческомъ методѣ, по нашему мнѣнію, заключается незыблемая опора православно-богословской апологіи этого ученія, т. е. достигаются существенные научные интересы и вырабатываются опредѣленные и безпристрастные взгляды на самое существо, свойства и источники его.

Такова наша общая методологическая точка зрѣнія. Ею въ достаточной степени обусловливался выборъ богословско-научнаго матеріала, которымъ мы располагали при написаніи настоящей работы, т. е. систематическое распредѣленіе и генетическая связь его частей.

По самому существу нашей задачи, православно-церковное ученіе о преданіи должно быть изучено по тѣмъ *источникамъ*, гдѣ оно полностію находится, откуда оно непосредственно вытекаетъ. Это 1) библія, 2) св. отцы и 3) церковно-символическія книги.

1\ Безспорно, первымъ источникомъ изобильно дающимъ необходимый богословскій матеріалъ, служитъ писаніе, *новозавѣтная библія*. Конечно, мы напрасно искали бы здѣсь «цѣлостнаго, научно-обоснованнаго и систематически-раскрытаго» ученія о преданіи. И это вполнѣ понятно. Писаніе не какой-либо книжный сводъ богословско-философскихъ ученій по вопросамъ христіанской вѣры и знанія, а слово Божіе о спасеніи людей вѣрою Христовою; цѣль и полнота его содержанія—оправданіе и свидѣтельство чисто-религіозное (сотеріологическое) нашего вѣроученія. Но все-таки несомнѣнно, что здѣсь заключаются настоящіе богословско-православные корни и совершенство церковнаго ученія о преданіи. Только это ученіе изложено здѣсь какъ бы частично, въ различныхъ мѣстахъ и не въ одинаковой степени ясности. Его нужно богословски понять и осмыслить, и, какъ драгоцѣнныя жемчужины, заключить въ систематическое единство церковнаго взгляда, придавъ ему видъ цѣлостнаго научнаго изложенія и раскрытія. Ясно, что въ такомъ смыслѣ писаніе есть самый первый, ничѣмъ незамѣнимый источникъ научно-богословскаго оправданія православнаго ученія о преданіи и его значеніи. Безъ уясненія *библейскаго образа* православнаго ученія *не можетъ быть* строго-научнаго раскрытія предмета настоящаго труда, тѣмъ болѣе, что и протестанты, наши противники, въ библіи думаютъ найти «вѣрнѣйшее подтвержденіе своей догмы»[214]). Библейское ученіе о преданіи должно

[214]) *Голлманъ*, Kanon und Tradition, § 44, s. 346.

также устранить упрекъ протестантовъ, будто нашъ православный принципъ преданія не имѣетъ *никакого основанія въ писаніи* и даже «стоитъ въ противорѣчіи» со всѣмъ тѣмъ, что сказано въ немъ о *церковномъ учительствѣ вообще*.

«Argumentum a Sriptura Sacra», очевидно, должно быть разсматриваемо нами, какъ православно-богословская аксіома, какъ теоретически-научное положеніе, заимствующее всю силу своего апологетическаго значенія (могущественнаго дѣйствія) изъ *подлежательнаго опыта*, т. е. какъ положеніе, оправданное уже историческимъ опытомъ православно-церковной жизни и догматическаго ученія. Только въ такомъ смыслѣ мы не рискуемъ впасть въ безъисходный «circulus sophisticum», въ «ложный логическій кругъ», въ чемъ, по странному смѣшенію православія съ католичествомъ, обыкновенно обвиняютъ насъ протестанты, извращающіе «реальную сущность библейской аргументаціи» нашего вопроса.

2) Послѣ библіи, главнѣйшее мѣсто въ вопросѣ о преданіи принадлежитъ *св. отцамъ и учителямъ церкви*. Безсмертныя творенія богомудрыхъ отцовъ и учителей суть тотъ именно «неисчерпаемый источникъ», изъ котораго полностію вытекаетъ все православное богословіе во всѣхъ своихъ частяхъ. Ихъ древне-церковное вселенское ученіе объ источникахъ и предметахъ христіанской вѣры и жизни есть глубочайшая основа православно-богословскаго міросозерцанія въ его непосредственной чистотѣ, творческой силѣ и цѣлостной полнотѣ и единствѣ. Отсюда сама собою понятна и высокая важность святоотеческаго взгляда на преданіе и его значеніе. Св. отцы и учители церкви и въ своихъ твореніяхъ и самымъ дѣломъ ясно и всесторонне, по крайней мѣрѣ, implicite раскрыли и утвердили православное ученіе о преданіи въ его существѣ, внутреннихъ основахъ, источникахъ и органахъ. Правда, это ученіе у нихъ излагается не въ «строго-систематической формѣ», не съ намѣреніемъ дать «подробный перечень» всѣхъ церковныхъ преданій и «научную классификацію» ихъ, т. е. не съ цѣлью суммировать все вообще касательно ихъ. Эту потребность они чувствовали также мало, какъ и апостолы. Отсюда очевидно, что относительно нѣкоторыхъ пунктовъ воззрѣнія у нихъ различны. Но у насъ, при изслѣдованіи вопроса о преданіи, идетъ дѣло не о самихъ по себѣ научно-богословскихъ мнѣніяхъ св. отцовъ, а о *положительномъ свидѣтельствованіи* ими церковной вѣры въ преданіе, а то и другое иногда расходится, т. е. не совпадаетъ. Съ этой же стороны св. отцы и учители церкви служатъ для насъ непререкаемыми авторитетами и достовѣрными выразителями православнаго ученія о преданіи въ его догматико-канонической важности. Отсюда сама собою ясна общебогословская важность напоминанія древне-отеческаго взгляда по вопросу о преданіи. Современность же этого напоминанія вытекаетъ изъ того, что въ на-

стоящее время въ русскомъ обществѣ, въ извѣстныхъ «научно-литературныхъ кругахъ», появились «новые богословы и философы», которые приписываютъ церкви и ея наилучшимъ представителямъ, предстателямъ и предстоятелямъ, св. отцамъ и учителямъ, такія мнѣнія и сужденія объ источникахъ религіозной вѣры и основахъ богословской мысли, какихъ церковь наша никогда не имѣла на всемъ многовѣковомъ пространствѣ своей славной исторіи. Уничтожить, при помощи святоотеческаго ученіе о преданіи, эту путаницу и хаотическую муть современныхъ «религіозно-философскихъ взглядовъ» на источники и нормы христіанскаго знанія о религіи есть самая насущная потребность. Святоотеческія догматико-гносеологическія идеи и формулы должны стать для насъ руководительными принципами и критеріями, стоящими на первомъ планѣ при критической оцѣнкѣ современнаго философскаго сектанства. Съ этой стороны въ отношеніи къ св. отцамъ долгъ православнаго богослова долженъ состоять въ томъ, чтобы всесторонне разобрать церковно-отеческія опредѣленія вопроса о преданіи, указать ихъ связь съ библейскимъ ученіемъ и добытыми свѣдѣніями освѣтить кругъ современныхъ богословско-философскихъ мнѣній по религіозно-гносеологическимъ вопросамъ.

Конечно, *исторически обозрѣть* всю «неисчерпаемую сокровищницу» святоотеческой письменности по вопросу о преданіи, т. е. въ порядкѣ исторической послѣдовательности и постепенности изучить всѣ святоотеческіе источники въ полномъ ихъ объемѣ—это дѣло чрезвычайно трудное, это работа рѣшительно непосильная для одного изслѣдователя, особенно при чувствующемся у насъ недостаткѣ научныхъ изслѣдованій по общей исторіи святоотеческой догматики и апологетики. Поэтому, естественно, что мы должны были ограничить кругъ святоотеческой апологетики для своей цѣли. Мы преимущественно обращались къ разсмотрѣнію наиболѣе выдающихся твореній тѣхъ церковныхъ писателей, у которыхъ ученіе о преданіи, какъ объ особомъ источникѣ христіанскаго вѣроученія и богословской науки, свидѣтельствуется наиболѣе подробно и раскрывается наиболѣе рельефно, сообразно съ апологетическими задачами. Поэтому мы остановились на главнѣйшихъ, такъ сказать, типичныхъ святоотеческихъ положеніяхъ и мнѣніяхъ по нашему вопросу, достаточно обоснованныхъ и выясненныхъ для нашей цѣли. Особенно же первостепенную важность въ нашемъ изслѣдованіи имѣли тѣ мѣста изъ твореній св. отцовъ, на которыя *обыкновенно ссылаются* какъ православные, такъ и иновѣрные богословы, когда рѣчь идетъ объ источникахъ христіанскаго откровенія и науки о немъ. Поэтому-то изъ «безчисленнаго сонма» древне-церковныхъ защитниковъ истины преданія мы остановились на подробномъ изслѣдованіи ученія—*мужей апостольскихъ*: св. Климента Римскаго, св. Игнатія

Богоносца, св. Поликарпа Смирнскаго, св. Папія Іерапольскаго, св. Діонисія Ареопагита и вмѣстѣ съ ними Егезиппа, а изъ *отцовъ и учителей церкви*:—св. Иринея Ліонскаго, св. Ипполита Остійскаго, Тертулліана, Климента Александрійскаго, Оригена, св. Кипріана Карѳагенскаго, св. Аѳанасія Великаго, св. Кирилла Іерусалимскаго, св. Василія Великаго, св. Григорія Богослова, св. Григорія Нисскаго, св. Іоанна Златоуста, св. Епифанія Кипрскаго, св. Кирилла Александрійскаго, св. Іоанна Дамаскина, св. Амвросія, блаж. Августина и св. Викентія Лиринскаго. При изложеніи святоотеческаго ученія мы придерживались не столько хронологической послѣдовательности, сколько старались группировать святоотеческій матеріалъ соотвѣтственно внутренней, такъ сказать, генетической связи догматико-гносеологическихъ понятій и положеній. Изъ святоотеческой письменности не выдѣляется у насъ въ особый логическій объемъ или «научный отдѣлъ» отношеніе вселенскихъ соборовъ къ преданію въ виду того, что оно какъ бы растворяется во всецерковномъ вглядѣ богопросвѣщенныхъ и богоглаголивыхъ отцовъ, т. е. стоитъ въ обще-догматической неразрывной связи съ ихъ апологіей вѣры Христовой.

3. Библейски-святоотеческое понятіе о преданіи, въ своихъ существенныхъ пунктахъ, лежитъ въ глубокихъ корняхъ православно-церковнаго ученія и всего послѣдующаго времени: «*вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ*» (1 Кор. 12, 11). Въ такомъ разумѣ библія и св. отцы служатъ догматико-гносеологическимъ основаніемъ и незыблемой твердыней нашего *православно-символическаго взгляда* на преданіе. Церковно-символическія книги важны для насъ не какъ какіе-либо письменные памятники «богословской критики», не какъ какіе-либо «богословско-философскіе трактаты» по вопросамъ, касающимся вѣроученія, а какъ непогрѣшимый κανὼν ἐκκλησιαστίκος, какъ всерѣшающій догматическій авторитетъ. Источниками православно-символическаго ученія о преданіи служатъ: 1) нѣкоторыя *церковно-богослужебныя книги*, 2) «*Православное Исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви* восточной», 3) «Посланіе Патріарховъ восточно-каѳолическія церкви о православной вѣрѣ» и 4) «Пространный Христіанскій Катихизисъ православныя каѳолическія восточныя церкви». Всѣ они стоятъ въ органической связи между собою.

Таковъ трехчастный (библейско-святоотечески-символическій) составъ вопроса о преданіи въ единствѣ и цѣлокупномъ тождествѣ православно-церковнаго взгляда.

Систематически-цѣлостное изложеніе православно-церковнаго ученія о преданіи по *плану*, вытекающему изъ всего сказаннаго нами о задачѣ, методѣ и источникахъ, должно распредѣляться въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала мы изслѣдуемъ вопросъ о преданіи *въ библіи*,—*въ новозавѣтномъ откровеніи*. Это *первый отдѣлъ*, основоположительный, какъ бы краеугольный. Онъ въ свою очередь распадается на 2 главы, изъ

которыхъ въ первой разсматривается вопросъ о преданіи на основаніи *примѣра и заповѣди Іисуса Христа*, а во второй *библейско-апостольское ученіе*. Во *2 отдѣлѣ* разрабатывается *ученіе церкви* о преданіи. Онъ раздѣляется для ясности и полноты изслѣдованія на 4 главы: въ первой излагается *ученіе мужей апостольскихъ* о преданіи и Егезиппа, перваго церковнаго историка, непосредственно примыкающаго къ вѣку мужей апостольскихъ, во второй—*ученіе св. отцовъ и учителей II и III в.*, въ третьей—*ученіе періода вселенскихъ соборовъ*, кончая св. Іоанномъ Дамаскинымъ и, наконецъ, въ четвертой—изслѣдуется *православно-символическое ученіе о преданіи*, какъ бы въ качествѣ нѣкотораго «ретроспективнаго взгляда». Въ *отдѣлѣ третьемъ* идутъ *наши богословскіе выводы* съ критической оцѣнкою нѣкоторыхъ инославныхъ мнѣній по отдѣльнымъ пунктамъ вопроса о преданіи и его значеніи. Это какъ бы своего рода опытъ установки цѣльнаго богословскаго понятія о преданіи съ различныхъ сторонъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе и планъ нашего изслѣдованія. Указанныхъ здѣсь границъ мы старались строго держаться и въ то же время всячески избѣгать всѣхъ „подробностей и частностей", мало идущихъ къ дѣлу. Существуетъ весьма много научно-богословскихъ вопросовъ, соприкосновенныхъ съ разсматриваемымъ нами предметомъ. Мы увѣрены, что въ нашемъ изслѣдованіи нѣтъ ничего такого, что не относилось бы непосредственно къ самой сущности нашего вопроса. Отнюдь не претендуя на „безусловную богословскую непогрѣшимость" (errare humanum est) своихъ выводовъ и умозаключеній, мы не думаемъ рѣшать и уяснять вопросъ о преданіи окончательно, т. е. категорически. Такое требованіе нынѣ было бы еще преждевременно, хотя мы и живемъ въ вѣкъ православно-христіанской апологетики. Наши научныя pia desideria болѣе скромнаго свойства. Намъ желательно было бы своимъ изслѣдованіемъ обратить должное вниманіе на данный пунктъ православно-богословскаго знанія людей, болѣе насъ компетентныхъ, обладающихъ болѣе широкими и разносторонними познаніями, чѣмъ мы (faciant meliores potentes), сами же предпринимаемъ лишь нѣкоторую попытку предложить свое посильное апологетическое разсужденіе. Будемъ считать себя вполнѣ счастливыми, если своей работой вызовемъ обмѣнъ чистосердечныхъ мыслей, сужденій и мнѣній по интересующему насъ вопросу. Mы увѣрены, что du choc des opinions jaillit la verité! Авторъ этого сочиненія не потерялъ бы своей награды, не вотще трудился бы, если бы его настоящая работа возбудила научное соревнованіе (Гал. 4, 18), при болѣе тщательномъ и болѣе глубокомъ изслѣдованіи столь трудной богословской проблеммы, какъ вопросъ о преданіи. Мы очень хорошо знаемъ, что первые шаги не всегда бываютъ удачны.

Поэтому, въ заключеніе нашего введенія въ настоящее предпринятое нами изслѣдованіе обращаемся къ „благосклонному читателю“ со словами одного древне-отечественнаго богослова, изучавшаго то же самое ученіе о преданіи: „Benevole lector! Et defectus, humanae non immemor debilitatis, homini condona“! [215]).

---

215) *Іакинфъ Карпинскій*, op. cit, p. 238.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Откровенное ученіе о священномъ преданіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ученіе о священномъ преданіи на основаніи примѣра и заповѣди Іисуса Христа.

«*Азъ дахъ* (передалъ) *имъ слово Твое*» (Іоан 17, 14).

«*Помнайте слово, еже азъ рѣхъ вамъ*» (Іоан. 15, 20).

«*Шедше, научите вся языки*» (Мато. 28. 19).

Въ ряду богооткровенныхъ, основоположительныхъ и какъ бы «краеугольныхъ камней», на которыхъ непоколебимо воздвигается всецѣлый православно-библейскій взглядъ на преданіе и его значеніе, живой *примѣръ и ученіе Христа*, безспорно, занимаютъ первенствующее мѣсто, или,—лучше сказать,—отсюда во всей полнотѣ и совершенствѣ вытекаетъ вся церковно-библейская истина преданія. Въ Лицѣ и ученіи Іисуса Христа заключается истинное разумѣніе, вѣрное разрѣшеніе и незыблемое утвержденіе всѣхъ вообще религіозно-богословскихъ вопросовъ; ибо все идетъ отъ Самого Господа какъ въ догматическомъ ученіи, такъ и религіозной жизни церкви христіанской, православной. Здѣсь же, очевидно, должно находиться ясное указаніе и на преданіе, какъ на источникъ христіанскаго откровеннаго ученія и вѣры. Поэтому и самый вопросъ о преданіи, о его историческомъ происхожденіи, о его необходимости и важности здѣсь разрѣшается незыблемо,—абсолютно.

Это—первоначальное предположеніе православнаго ученія о преданіи. Православіе всегда и во всемъ исходитъ изъ ученія и примѣра Господня,—«*сущу краеугольну самому Іисусу Христу*» (Еф. 2, 20).

Это не обинуясь надо понять во всей строгости и широтѣ православно-церковнаго взгляда и относительно вопроса о преданіи въ новозавѣтной библіи.

Божественное откровеніе возвѣщено всему роду человѣческому Господомъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ, Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, во всей полнотѣ и во всемъ совершенствѣ. «*Никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему-же аще волитъ Сынъ открыти*» (Мат. 11, 27). «*И слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины. И отъ исполненія его мы вси пріяхомъ и благодать возъ благодать. Яко законъ Моисеомъ данъ бысть: благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть*» (Іоан. 1, 14, 16—17). «Благодать и истина»— вотъ два небесные, величайшіе дара безпредѣльной любви Божіей, принесенные всѣмъ людямъ воплотившимся Сыномъ Божіимъ; это дары милосердаго Отца и всемогущаго Творца міра. Господь Іисусъ Христосъ Самъ восхотѣлъ быть всѣмъ «*путь и истина и животъ*» (Іоан. 14, 6), ибо, на то Онъ родился, и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, и всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Его (Іоан. 18, 37). Объ этомъ именно Онъ Самъ возвѣстилъ намъ въ Своей первосвященнической молитвѣ къ Богу Отцу: «*Азъ прославихъ тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси мнѣ, да сотворю. Явихъ имя твое человѣкомъ. Да вси едино будутъ: яко же ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ. Азъ въ нихъ, и ты во мнѣ: да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко ты мя послалъ еси, и возлюбилъ еси ихъ, якоже мене возлюбилъ еси*“ (Іоан. 17, 4, 6, 21, 23). Вотъ гдѣ вѣчные, міро-историческіе пути и истинно-религіозные способы христіанскаго познанія ученія и жизни Христовой. Они въ церкви Его, въ церковно-религіозномъ союзѣ съ Нимъ.

Вся жизнь и дѣло Христа-Богочеловѣка должны были стать неизмѣннымъ и неизмѣняемымъ, т. е. *идеальнымъ образцомъ* для всей жизни и евангельскаго служенія Его учениковъ, Его церкви. Его благодать и истина были положены Имъ для всего человѣчества и для всѣхъ вѣковъ въ учрежденной Имъ церкви, чтобы отсюда передавались онѣ постоянно и всецѣло всѣмъ грядущимъ поко-

лѣніямъ и всѣмъ временамъ. Самъ Господь преподалъ Своимъ ученикамъ нѣкоторыя положительныя наставленія, чтобы они правильно продолжали и распространяли Его ученіе *„по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ языкомъ“* (Мат. 24, 14). То, что Самъ Онъ проповѣдывалъ «Израилю Божію» (Гал. 6, 16) въ «узкихъ и тѣсныхъ предѣлахъ далекой и малоизвѣстной Палестины», апостолы должны были возвѣстить до «послѣднихъ предѣловъ земли». То, что Онъ повѣрялъ имъ на-единѣ, какъ бы *«въ тайнѣ»* и *«на ухо»* (Мат. 10, 26—27), т. е. въ дружескихъ бесѣдахъ, они должны были *«говорить при свѣтѣ»*, *«проповѣдывать на кровляхъ»*, т. е. открыто, всенародно, предъ всѣми людьми, въ церкви вселенской. Для исполненія этого евангельскаго дѣла апостолы Христовы получили *«силу свыше»* (Лук. 24, 49), *«нашедшу Святому Духу»* (Дѣян. 1, 8). А какимъ *способомъ* они должны были это осуществить во всей точности и силѣ, Самъ Іисусъ Христосъ научилъ ихъ Своимъ собственнымъ *примѣромъ* и Своимъ *повелѣніемъ* (Рим. 14, 25).

Примѣръ устнаго возвѣщенія Христомъ Своего ученія — въ высшей степени достопримѣчателенъ для насъ; ибо—чрезвычайной важности и универсальнаго значенія.

«Прохождаше грады вся и веси, уча на сонмищахъ ихъ, и проповѣдая евангеліе царствія, и цѣля всякъ недугъ и всяку язву въ людехъ» (Мат. 9, 35), Господь Іисусъ Христосъ не благоволилъ оставить въ наслѣдіе міру *собственноручныхъ писаній*. Мы не имѣемъ какъ бы отъ Него ни письменнаго изложенія Его ученія, составляющаго глубочайшую сущность и неисчерпаемый источникъ Новаго Завѣта, ни практически-руководственныхъ, законодательныхъ правилъ для евангельскаго служенія апостоловъ и для устройства религіозно-нравственной жизни церкви Его. Іисусъ Христосъ Самъ ничего никогда не писалъ. Онъ не имѣлъ хотѣнія оставить людямъ какой либо документъ собственной Своей руки. Іисусъ Христосъ распространялъ и утверждалъ Свое божественное ученіе единственно устно, *«словомъ и примѣромъ, а не книгою»* [1]). Для всецѣлаго сообщенія людямъ откровенія Божія Имъ избрано одно устное *слово*

[1]) См. Катихизисъ, статья «о свящ. преданіи и писаніи», отвѣтъ на вопросъ: «что древнѣе свящ. преданіе, или свящ. писаніе»? Ср *Стефанъ Яворскій*, Камень вѣры, ч. 3, гл. 1, стр. 14; *прот. П. Терновскій*, Богосл. Догм., § 30, 42 стр.; *Антоній*,

и живое *дѣло*, свидѣтельствовавшія и свидѣтельствующія о вѣчной силѣ Его предъ Богомъ и всѣми людьми (Лук. 24, 19, 32).

«*Азъ предахъ имъ слово Твое*» (Іоан. 17, 14),—вотъ собственный глаголъ Господень о томъ истинно-спасительномъ историческомъ пути, какимъ вниде въ міръ весь Его свѣтоносное ученіе. Въ полномъ согласіи съ этимъ стоитъ и слѣдующее евангельское упоминаніе о способѣ произнесенія Христомъ нагорной проповѣди: «*узрѣвъ народы, взыде на гору: и сѣдшу ему, приступиша къ нему ученицы его, и отверзъ уста своя, учаше ихъ, глаголя, яже о царствіи Божіи*» (Мат. 5, 1—2; Дѣян. 1, 3). Но это свидѣтельство въ равной степени должно быть относимо и ко всему вообще учительному (пророческому) служенію Господа.

Въ евангеліи мы можемъ найти безчисленное множество различныхъ словъ и понятій, «типическихъ выраженій», «классическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи», ярко обозначающихъ *только устную* проповѣдь Христа, «*иже проиде благодѣтельствуя и исцѣляя вся насилованныя отъ діавола, яко Богъ бяше съ нимъ*» (Дѣян. 10, 38). Если бы со всею точностію и полнотою сопоставить между собою всѣ эти евангельскія изрѣченія о «благовѣстіи Христовѣ,» о Его ученіи, о «словесѣхъ благодати, исходившихъ изъ устъ Его» (Лук. 4, 22), о «преданіяхъ и заповѣдяхъ Господнихъ» (παραδόσεις καί ἐντάλματα) и присоединить сюда собраніе библейскихъ словооборотовъ (особенно происходящихъ отъ отглагольныхъ формъ), указывающихъ на ясное слышаніе «устно возвѣщеннаго Евангелія», дѣятельное воспріятіе и усвоеніе «всѣмъ сердцемъ и всею душою» проповѣданнаго живымъ гласомъ, на вѣрное сохраненіе въ вѣчной памяти церкви живодѣйственнаго откровенія Божія и проч., то можно было бы составить удивительно богатый, цѣлостный библейскій сборникъ или циклъ несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу *преданія Христова*, и предъ нами возсталъ бы въ сіяніи вѣчной славы дивный нерукотворенный образъ Сладчайшаго Іисуса, «перваго учителя небесной вѣры» [2]), «*Виновника нашего вѣчнаго спасенія*» (Евр. 5, 9), въ безмолвной

Догм. Богословіе, § 14, стр. 9; *Макарій*, Введеніе въ прав. Богословіе, § 129, стр. 345; *Шуази*, Апост преданіе, стр. 48, *Bingot A.*, Bibl.sch. Theologie, p. 22; *Reuss*, Gesch. der heil. Schriften des N. T. § 27, p. 17; *Klun*, Leben Jesu I. Thl. Dogmatik I, p. 31. *Лютардъ*, Апологія Христіанства (перев. проф. А. Лопухина), чтеніе 18, стр. 327.

[2]) *Макарій*, цит. соч., стр. 345.

средѣ Его набожныхъ учениковъ и благоговѣйно послушающаго Его народа, Его церкви святой. Но на собственно «письменную дѣятельность» Іисуса Христа все-таки нигдѣ нѣтъ и помину, ни въ Евангеліи (не смотря на Іоан. 8, 6), ни въ дѣяніяхъ и посланіяхъ апостольскихъ, ни въ писаніи, ни въ преданіи церкви [3]).

Что же касается *повелѣнія Господня*, даннаго апостоламъ относительно исполненія и продолженія учительнаго дѣла Христова въ церкви, то здѣсь прежде всего должно привести намъ слѣдующія Евангельскія слова, сказанныя Господомъ ученикамъ предъ Своимъ вознесеніемъ на небо. «*Шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари: иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ*» (Марк. 16, 15—16), и (по другому евангелисту): «*шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь*» (Мат. 28, 19—20).

Вотъ заповѣдь Христова апостоламъ о распространеніи и утвержденіи ими *Евангелія царствія Божія* «*по всему лицу земли*» (Дѣян. 17, 26). Какое глубочайшее обоснованіе дается въ ней библейской истинѣ богооткровеннаго преданія! Іисусъ Христосъ никому изъ апостоловъ не повелѣваетъ записывать что-либо изъ Своего ученія, а просто указываетъ на одно устное слово, *на священное преданіе*, усвояемое вѣрою и въ церкви, какъ на источное и руководственное начало откровенія Божія [4]). Ближайшей задачей апостольской миссіи поставляется не «литературная дѣятельность», не «механическое составленіе письменныхъ кодексовъ», не книжная разработка священныхъ свитковъ, дабы въ нихъ сохранять словеса жизни и истины, а *богодухновенное наученіе* всѣхъ людей «*усты*

[3]) Если, впрочемъ, и есть упоминаніе (напр., у св Іустина мученика, у Евсевія, Епифанія и др. церковныхъ писателей) о нѣкоемъ «собственномъ *письмѣ Іисуса*», посланномъ Авгарю Эдесскому, то всецерковная древность не завѣряетъ его несомнѣнной подлинности. Само по себѣ письмо это считается «апокрифическимъ» Все историческое значеніе его имѣетъ отношеніе къ вопросу о *Нерукотворенномъ образѣ* Христовомъ. «Письмо Іисуса», т. е. образъ, икона Христова, иначе «книга, на которой вмѣсто буквъ начертано (написано) Лице Христово» (сравн. взглядъ св. Григорія Великаго на иконы).

[4]) *Ст. Яворскій*, стр. 14—15. Свящ *Е. Беневскитовъ*, Объ источникахъ христ. вѣропознанія, стр. 6; срав. *Беллярминъ*, De verbo Dei non scripto, 4, 3, 9. *Canus*, Loci Th. III, c. 3. Euntes, non ait Christus, scribite, sed praedicate evangelium omni creaturae. *Delbrück*, Melanchton, p. 21.

ко устомъ» (2 Іоан. 12 ст.), «*лицемъ къ лицу*» (Втор. 5, 1—4), непосредственная передача новозавѣтнаго ученія Христова отъ сердца къ сердцу, отъ мысли къ мысли, живое дѣло христіанской религіи, т. е. духовно-благодатное дѣланіе на нивѣ Божіей, «*новое твореніе*» (2 Кор. 5, 17), иначе церковное обновленіе всего міра (2 Кор. 3, 6), по примѣру и силѣ Христа. Вотъ въ чемъ состоитъ пирочайшій смыслъ вышеозначенныхъ словъ всеобъемлющей заповѣди Господней «*проповѣдывать евангеліе благодати Божіей*» (Дѣян. 20, 25), иначе ученіе о спасеніи и вѣчномъ блаженствѣ, то самое, которое и теперь преподается въ нашей православной церкви (Марк. 1, 14—15).

Итакъ, примѣръ и заповѣдь Христовы—вотъ первый библейско-историческій фактъ, первенствующій въ вопросѣ о преданіи. Онъ составляетъ «первоначальный фундаментъ» всего православно-церковнаго гносеологическаго ученія. На немъ, поэтому, мы должны остановиться съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Само собою разумѣется, что «совершенное отсутствіе письменнаго самооткровенія Господня» зависитъ не отъ того, чтобы «*единъ законоположникъ и судія*» (Іак. 4, 12) не зналъ писанія, не оцѣнилъ бы по достоинству его весьма важнаго значенія въ дѣлѣ сохраненія и распространенія религіозно-откровенной истины. Онъ вполнѣ знакомъ съ *книгами, не учився* (Іоан. 7, 15; Мато. 13, 55). Библейская аксіома, что Онъ знаетъ писанія и знаніемъ Своимъ изумлялъ даже ученыхъ раввиновъ. Такова, напр., ссылка Господня на *законъ Моисеевъ, на пророковъ и на псалмы*, на то, что *написано* о немъ (Лук. 24, 44), и увѣщаніе *изслѣдовать писанія* (Іоан. 5, 39), дабы узнать, что онѣ предсказывали о Немъ. Фактъ этотъ очевиденъ самъ собою, и на него достаточно только указать здѣсь [5]).

[5]) То обстоятельство, что Христосъ «признавалъ и читалъ» ветхозавѣтныя писанія, нисколько не умаляетъ и не устраняетъ *ветхозавѣтнаго преданія*, а, напротивъ, необходимо предполагаетъ его въ качествѣ источника откровеннаго ученія. Іудейскіе книжники и фарисеи своими безчисленными преданіями затемняли истинное знаніе «закона Моисеева и пророковъ». Они учили, что ихъ прибавленія къ библейскому писанію даны были Богомъ Моисею и сохранились до позднѣйшихъ временъ въ *устномъ преданіи*, и когда явилось въ міръ Евангеліе Христово, они съ особенною ревностію стали ссылаться на это незаписанное «древнее слово», а новую религію заклеймили именемъ ереси или секты. Чтобы соблюсти всѣ установленія своего преданія, они нерѣдко отмѣняли заповѣди Божіи, устраняли слово Божіе (Марк. 7, 9—13; Матѳ. 15, 6;

Также и вопросъ о томъ, *почему* Іисусъ Христосъ первоначально не благоволилъ избрать средствомъ для распространенія Своего ученія писаніе, не нуждается здѣсь въ подробномъ разсмотрѣніи. Нѣтъ никакой надобности указывать для изъясненія этого на недостаточное «*книжное образованіе*» учениковъ Христовыхъ (сравн. Дѣян. 4, 13: «*некнижные и простые*», ἀγράμματοι καὶ ἰδιῶται), будто бы незнавшихъ никакихъ письменныхъ источниковъ божественнаго откровенія и потому неумѣвшихъ пользоваться ими. Евангелисты и апостолы, «*иже исперва самовидцы и слуги бывшіи словесе*» (Лук. 1, 2), были «*измлада*» (сравн. 2 Тим. 3, 15) знакомы съ библейскимъ ученіемъ, съ писаніями, имѣвшими для нихъ еще особенное значеніе, какъ древнее пророчество о Христѣ. Библія Ветхаго Завѣта, по взгляду евангелистовъ и апостоловъ, есть одно непреложное откровеніе Божіе, одна священная книга, содержащая истинное слово Божіе, руководившее всѣхъ людей ко Христу, а поэтому, конечно, не устранимое и въ христіанствѣ. Апостольскія писанія вполнѣ подтверждаютъ это православно-церковное основоположеніе.

сравн комментарій къ этимъ мѣстамъ у св. Іоанна Златоуста, Hom 52; Гал 1, 14) Іисусъ Христосъ въ своихъ обличительныхъ рѣчахъ «отвергъ преданія и обычаи, противныя ветхозавѣтному закону» (св. *Ириней Лионскій*, Противъ ересей, кн. 4, гл. 12), какъ *ученія и заповѣди человѣческія* (Марк. 7, 7; Исаія 29, 13), какъ ложныя «*преданія старцевъ*» (Мат. 15, 2), какъ лишнія прибавленія къ богооткровенному ученію, какъ «*бремена тяжелыя и неудобоносимыя, и насильно возложенныя на плечи людямъ*» (Мат. 23, 4), и этимъ далъ намъ сильное и вразумительное предостереженіе отъ всяческихъ ложныхъ ученій Но, не принимая преданій іудейскихъ законниковъ, Христосъ заповѣдалъ соблюдать истинныя преданія ветхозавѣтнаго откровенія (Матѳ. 23, 2—3); и, слѣд., онъ не отвергалъ преданія самого по себѣ, т. е. преданія, какъ источника и принципа религіозной истины и жизни, и тѣмъ болѣе не отвергалъ за нимъ значенія источника *ново-завѣтнаго ученія*, ибо и Его Самого проповѣдь сохранялась первоначально только въ живомъ преданіи Нельзя доказать, что Христосъ не одобрялъ унаслѣдованныхъ отъ дней Моисея истинныхъ преданій (Дѣян. 6, 14). Какъ послѣ этого несостоятельно мнѣніе протестантовъ, утверждающихъ, будто «вся практика Христова есть неопровержимое доказательство *противъ* преданія» (*Гольцманъ*, Kanon und Tradition, § 40).

Для того, чтобы отвергнуть догматико-каноническій авторитетъ преданія, протестанты обыкновенно сравниваютъ и даже отождествляютъ *римско-католическія* преданія съ фарисейскими и каббалистическими вѣрованіями и ученіями, служащими для раввиновъ принципомъ истолкованія слова Божія (*Хемницъ*, De similitudine et affinitate traditionum pontificiarum cum Pharisaeis et Talmudicis, p 11—13; *Tillotson*, Sermons, II, 1742, p. 257—258, *Бауръ*, Die Tübinger Schule, s. 72; *Planck*, Theol.

Совершенно не нужно упоминать здѣсь о какой то «*абстрактной возможности литературнаго обмана*» или заблужденія при пользованіи книжнымъ словомъ въ дѣлѣ изначальной проповѣди ученія Христова. Такое мнѣніе есть дѣло страннаго недоразумѣнія. Какъ въ писанныхъ книгахъ могутъ находиться баснословные разсказы (апокрифическая письменность, особенно quasi—евангелія еретиковъ), такъ возможно предположить и искаженность устнаго преданія. Но такъ какъ мы говоримъ здѣсь о преданіи Христовѣ, какъ божественномъ источникѣ откровенной истины, то, слѣд., такія праздныя мысли о мнимой погрѣшительности письменныхъ религіозныхъ источниковъ должно признать суетными и пустыми. Ихъ обыкновенно предлагаютъ «совопросники вѣка сего» (1 Кор. 1, 20), философствующіе книжники и мудрецы, старающіеся какъ-нибудь заподозрить силу первобытнаго преданія.

Не надо также ссылаться здѣсь на какое то «вымышленное *вниманіе*», оказанное будто бы Господомъ Іисусомъ Христомъ, «Божественнымъ Основателемъ христіанской религіи», современнымъ Ему *языческимъ судилищамъ* или же *языческимъ философскимъ школамъ*, гдѣ различныя утры и афоризмы заучивались не иначе, какъ на-

---

Jarbücher, 1842, s. 5. 33). Какъ по ученію фарисеевъ внѣбиблейскія преданія даны отъ Бога чрезъ Моисея и сохраняются въ богословскомъ ученіи раввиновъ, такъ и по римскому взгляду христіанское преданіе происходитъ ex ipsius Christi ore и распространяется іерархическими лицами (ссылка на Мат. 23, 2—3 не только для доказательства судейскаго значенія іерархіи, но и въ качествѣ sedes doctrinae о непогрѣшимости папы, учащаго ex cathedra). Лѣстницу устнаго преданія составляетъ рядъ ветхозавѣтныхъ пророковъ; въ католичествѣ это—continua succesio episcoporum. Наконецъ, главная масса іудейскаго преданія; заключается въ Талмудѣ; подобно этому corpus римскій—въ папскомъ «массивномъ» преданіи. Отсюда протестанты, подобно караимамъ (*Jost*, Geschichte des Judenthums und seiner Secten, II. 1858, p. 298), выводятъ заключеніе противъ преданія вообще Ходъ мыслей таковъ: Христосъ отвергъ фарисейскія и книжническія преданія, съ ними сходны римскія преданія; слѣд., не нужно внѣбиблейскаго преданія. Очевидно, силлогизмъ этотъ неправильный и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ страннымъ недоразумѣніемъ. То правда, что въ «конкретномъ содержаніи» римскихъ преданій есть элементы іудейскіе и даже языческіе. Можно не только находить нѣкоторую параллель, но и собственно-причинное соотношеніе между іудействомъ и католичествомъ (во многихъ пунктахъ), насколько ветхозавѣтный принципъ внѣбиблейскаго преданія привился отъ римскаго евопизма къ католической церкви. Римскія преданія ни на одно мгновеніе не оставляютъ насъ въ источникѣ божественнаго откровенія и жизни, но переносятъ насъ въ область «измышленій вѣры», что напоминаетъ темную область Талмуда Но все-таки изъ за этого несправедливо отвергать *истинно-церковное предание* ученія Христова.

изусть [6]). Здѣсь умѣстно противъ такого предположенія въ видѣ общаго возраженія сказать словами ап. Павла: «*кое причастіе правдѣ къ беззаконію; или кое общеніе свѣту ко тьмѣ; кое же согласіе Христови съ Веліаромъ; или кое сложеніе церкви Божіей со идолы*» (2 Кор. 6, 14—16), или словами Тертулліана: «что общаго между Аѳинами и Іерусалимомъ, между академіею и церковію» [7]).

Нѣтъ нужды говорить здѣсь и о мнимомъ *подражаніи* Іисуса Христа *современнымъ іудейскимъ сектамъ* и религіознымъ партіямъ (фарисейство, ессейство, евіонитство), гдѣ память занимала столь важное мѣсто, что даже запрещалось записывать устно-преданное ученіе, напр., въ фарисействѣ [8]). Учительное слово и дѣло Господне во всѣхъ отношеніяхъ самобытно и абсолютно. «*Кто бо разумѣ умъ Господень; или кто совѣтникъ ему бысть; или кто прежде даде ему, и воздастся ему*» (Рим. 11, 34—35; Ис. 40, 13—14).

Достаточно указать намъ на то только, что во время земной жизни Іисуса Христа не могло быть никакой существенной потребности, т. е. никакой настоятельной нужды въ письменномъ изложеніи Его ученія, *Его закона* (Гал. 6, 2). Когда Само «собезначальное Слово Отцу и Духови» стало плотію и обитало съ нами полное благодати и истины Божіей, откуда тогда было взяться неотложной надобности заключать и заключить въ одинъ кодексъ все Его ученіе? Его непосредственное пребываніе между «*призванными къ вѣрѣ*» (2 Тим. 1, 9; Еф. 4, 1) составляло «*все во всемъ*» (Еф. 1, 23). Всѣ жили настоящимъ духовнымъ созерцаніемъ Его пресвѣтлаго Лика и искупительнаго дѣла. «Суетныя мечтанія» о будущемъ величіи и о всемірной славѣ Его «грядущаго царства», не рѣдко возникавшія въ душахъ Его слушателей, (Мат. 21, 8—9; Лук. 3, 8; Іоан. 6, 14—15), были случайнымъ достояніемъ людей, остававшихся еще въ религіозно-нравственномъ младенчествѣ. Да и Самъ Господь Іисусъ Христосъ прежде всего восхотѣлъ воздѣйствовать на волю и сердца своихъ слушателей, пробудить въ нихъ искреннее покаяніе, сокрушеніе во грѣхахъ, «*печаль яже по Бозѣ*» (2 Кор. 7, 10), утвердить въ беззавѣтной готовности *идти*

---

[6]) *Шуази*, Апост. преданіе, стр. 16—17.

[7]) De praescr haer. c. 7.

[8]) *Шуази*, ib. стр. 18.

за Нимъ, по стопамъ Его, собрать вокругъ Себя единое, недѣлимое, нераздѣльное, живое, жизнерадостное религіозно-нравственное общество истинно-вѣрующихъ въ Него и чтущихъ Его, которое сохраняло бы «*новое вино*» (Мат. 9, 17) въ новыхъ сосудахъ «*чистоты и истины*» (1 Кор. 5, 8), всегда жило бы Имъ, въ Немъ, чрезъ Него и ради Его Единаго. Потому то всенародное дѣло проповѣди Своей Христосъ совершилъ не «съ хартіею внѣшне-формальнаго закона въ рукахъ», какъ обыкновенный человѣческій законодатель, а зиждительною силою живоноснаго слова и дѣла Своего. Его Богочеловѣческій Ликъ, Его дѣло и ученіе—вотъ Его вѣчныя письмена (2 Кор. 3, 3), неизгладимыми, огненными чертами вписанныя въ религіозно-нравственное сознаніе и жизнь всей церкви, а чрезъ нее и всего человѣчества, вотъ—Его *единственное рукописаніе*, доселѣ еще читаемое и уразумѣваемое въ нашей церкви, въ исторіи ея, въ жизни, дѣлахъ, мысляхъ, въ вѣчной памяти ея. «*Небо и земля мимо идетъ, словеса же моя не мимо идутъ*» (Мат. 24, 35; сравн. 26, 13; 28, 19—20).

Съ незапамятной древности, искони, *истина* и *жизнь* вообще—нераздѣльны, неразлучны. Гдѣ истина, тамъ и жизнь бьетъ ключемъ. Истина—глубочайшая основа и источникъ жизни, а жизнь—конечная цѣль, прекрасный плодъ и непремѣнное дѣйствіе истины. Здѣсь органическая связь и взаимодѣйствіе; никакого распада и разлада здѣсь не должно быть. Но истина едина. «*Истина во Іисусѣ Христѣ*» (Еф. 4, 21). Поэтому и основоположительная міроисторическая задача откровенія Христова состоитъ въ насажденіи въ людяхъ новой духовно-благодатной жизни. Своею проповѣдію Христосъ восхотѣлъ возрастить эту жизнь (Іоан. 7, 37—39: Ис. 12, 3; Іоиль 3, 18). «*Глаголы, яже азъ глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть*» (Іоан. 6, 63). Вотъ почему Христосъ постепенно возводилъ учениковъ Своихъ къ высшему познанію и новому порядку духовной жизни, а именно жизни церковно-религіозной. «Ибо онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи» (Мат. 7, 29). Всемогущею силою Своего ученія Онъ привлекалъ къ себѣ избранныя сердца своихъ слушателей, одушевлялъ ихъ для всемірнаго подвига служенія Его мессіан-

скому дѣлу [9]). Но какъ можно было бы достигнуть этой всезахватывающей цѣли при посредствѣ писанія, при помощи одной книги? Слушатели Господни, даже сами *приближенные ученики* Его (Мат. 10, 1), которые ѣли и пили съ Нимъ по воскресеніи Его, также мало поняли бы рукописанія Его (если бы онѣ были), какъ недостаточно ясно разумѣли они и Ветхій Завѣтъ. Господь нерѣдко говорилъ народу и даже ученикамъ о тайнахъ царствія Божія болѣе *въ притчахъ* (Іоан. 16, 25; Мат. 13, 11—13), такъ какъ они видя—не всегда все видѣли и слыша—не все слышали и не все разумѣли, какъ надлежало бы. У учениковъ Христовыхъ до времени, по особому устроенію Божію, были «несмысленныя и косныя сердца», чтобы вѣровать всему, что предсказали пророки о страданіяхъ и смерти Господа (Лук. 24, 25). Какъ же послѣ этого они могли бы *всецѣло* обнять и по достоинству оцѣнить письменное изложеніе ученія Господня? Нужно было сначала «*отверзти имъ умъ къ уразумѣнію писаній*» (Лук. 24, 45), измѣнить все ихъ религіозно-нравственное существо, одухотворить ихъ, дабы они были всецѣло охвачены живою истиною и духовно просвѣщены «нетлѣннымъ свѣтомъ Его благоразумія». Словеса небесной истины тогда только становятся *дѣйственнымъ ученіемъ вѣры*, когда пересаживаются на приготовленную уже и воздѣланную Духомъ Божіимъ «*ниву Божію*» (1 Кор. 3, 9). «*Духъ Христовъ*» и «*жизнь Іисусова*» (2 Кор. 4, 10) должны были основать и укрѣпить на вѣки новое призваніе учениковъ Христовыхъ—быть *апостолами*, т. е. истинными свидѣтелями Его «*во всѣхъ языцѣхъ, начнше отъ Іерусалима*» (Лук. 24, 47; Іоан. 16, 12—14) [10]).

[9]) Св. *Іустинъ* пишетъ: «Онъ былъ не софистъ, но слово Его было сила Божія» (Apol. I, n. 14).

[10]) И протестанты говорятъ, что Христосъ есть «непосредственный передатчикъ» (authentische-Ueberlieferung) откровенія Божія, дѣятельность котораго должна была впослѣдствіи быть записанною въ «оригинальныхъ актахъ», имѣющихъ значеніе документа (Nitzsch, System Chr. Lehr., s. 96) Но у нихъ слово «непосредственный» означаетъ *не-церковный*, т. е. Христосъ *не въ церкви* передаетъ Свое ученіе апостоламъ, а непосредственно, т. е «безъ церкви». Но они забываютъ, что откровеніе Христово ученики Его во всей полнотѣ и силѣ узнали только въ день Пятидесятницы, т е. въ день рожденія церкви Христовой, равно какъ въ этотъ день они стали и *апостолами* Христовыми, «*нашедшу на нихъ Святому Духу*» (Дѣян 1, 8), а «обитаніе Духа есть обитаніе Христово» (св. *Василій Великій*. см. у Макарія, Догм. 2 т).

Такимъ образомъ, съ только что разсмотрѣнной нами стороны, болѣе глубокое основаніе учительнаго дѣла или преданія Христова лежитъ въ великомъ значеніи, въ побѣдоносной и всепобѣждающей *силѣ* живого слова и живого примѣра Христова [11]). Вообще «живое слово обладаетъ таинственной (сокровенной) силой и, устремляясь изъ устъ учителя къ ушамъ ученика, оно звучитъ болѣе могущественно» [12]), чѣмъ книжное. Такъ слово Божіе въ устахъ богоглаголивыхъ пророковъ слышалось людьми «*подобное огню и подобно молоту, разбивающему скалу*» (Іер. 23, 29) [13]). Устное слово—по преимуществу слово живое, живоносное, духоносное [14]). Такая сила его признавалась всѣми и всегда [15]), а для глубокой древности имѣла столь важное значеніе [16]), что мы не видимъ тамъ ни одного «основателя религіи», который бы утверждалъ «свою религію», или, лучше сказать, свою секту на письменахъ.

Достаточно сказать здѣсь, что ни одна изъ «естественныхъ религій» не была основана на книжномъ ученіи. *Религіозная литература* вездѣ появляется и распространяется гораздо *позднѣе религіозной вѣры* и религіознаго откровенія. Древніе народы обладаютъ

---

[11]) Изъ инославныхъ богослововъ срав. *Thom. Aquin.*, Sum. Th. 3, 41, 1. M Canus, Loc. Th 3, 3, 4.

[12]) Блаж. *Іеронимъ*, Ep. ad Paulin. 53, 2.

[13]) Св. *Ириней Лионск.*, Противъ ересей, кн. 5, гл. 17, 4 (стр. 627).

[14]) *Амвросій*, архіеп. Харьков., Живое слово.

[15]) *Шуази*, цит соч., стр. 17—25.

[16]) Сократъ, Платонъ, Аристотель, Пиѳагоръ, Ликургъ, Периклъ, Цицеронъ, Сенека и многіе другіе «классическіе мудрецы» утверждали весьма важное значеніе устнаго преданія для сохраненія религіозныхъ и философско-научныхъ истинъ и для правильнаго теченія общественной жизни (*M. Canus*, op. cit., 3, 3, 4; *Wessenberg*, Geschichte der grossen Kirchenversammlungen, I, s. 62). Особенно для насъ интересны слѣд. слова Платона, находящіяся въ «*Федрѣ*» и ярко говорящіе о преданіи, какъ универсальномъ принципѣ. «Кто полагаетъ оставить въ письмени ученіе объ искусствѣ и кто принимаетъ его такъ, какъ будто-бы *посредствомъ буквъ* можно было придти къ чему-либо ясному и точному, тотъ довольно наивенъ и, по истинѣ, ничего не знаетъ о предсказаніи Аммона, если признаетъ за неписанными рѣчами какую-либо иную цѣль помимо той, что онѣ записаны для памяти одному тому, который напередъ уже ознакомился съ ихъ содержаніемъ. Неудобна, Федръ, письменность въ этомъ отношеніи и, дѣйствительно, подобна живописи, ибо и эта послѣдняя выставляетъ свои произведенія точно живыя, а когда ихъ спросятъ, то они хранятъ похвальное молчаніе» (Въ рус. перев. проф. *Карпова*, IV, стр. 108—9). Это мѣсто изъ Платона служитъ, какъ бы нарочитымъ сводомъ древне-философскихъ мнѣній о важности и необходимости устнаго, т. е. живого преданія. Отсюда «въ смыслѣ греческомъ вдохновенный не можетъ быть мыслимъ пишущимъ» (*Nitzsch*, System, s. 98).

уже извѣстными религіозными ученіями и жизнію и до изобрѣтенія искусства письменной передачи и сохраненія ихъ. Такъ называемыя, «свящ. книги» Индійцевъ, Персовъ, Китайцевъ, Египтянъ и др. народовъ, in puris naturalibus, далеко позднѣе, чѣмъ «геніальные творцы» ихъ религій, ихъ религіозныхъ системъ. *Будда*, индійскій мудрецъ — аскетъ, не оставилъ ничего писаннаго [17]). Буддійскія Сутры — это легендарная переработка атеистическаго ученія Будды. Китайскій же философъ-моралистъ *Конфуцій* и его современникъ метафизикъ *Лаосси*, персидскій законодатель *Зороастръ* — это собственно — не основатели національныхъ религій, а только геніальные реформаторы и организаторы, собиравшіе переданное, упорядочивавшіе, раздѣлявшіе, соединявшіе и записывавшіе. Арабскій мистикъ — визіонеръ *Магометъ* заботился о томъ, чтобы его мнимыя откровенія были записаны; но и онъ, въ фанатическомъ самоизступленіи, поставлялъ себя въ непрерывный рядъ *пророковъ Божіихъ*, записывавшихъ свои видѣнія, по особому повелѣнію отъ Бога.

Если мы вспомнимъ здѣсь о *Боговидцѣ* — Моисеѣ, то должны сказать, что и онъ не былъ «отцомъ ветхозавѣтной религіи», родоначальникомъ «ветхозавѣтной церкви». Какая здѣсь поразительная аналогія между естественнымъ откровеніемъ и сверхъ-естественнымъ въ вопросѣ о принятіи гносеологическаго принципа преданія! [18]) Истинная религія и вѣра (vera religio et fides), во всей своей чистотѣ и цѣлости, живутъ искони, *отъ Адама*, въ преданіи. Первоначальное откровеніе Божіе въ лицѣ праотца Адама дано было всѣмъ людямъ. «*Отъ Адама даже до Моисея*» не было никакихъ книгъ, а между тѣмъ истинное ученіе вѣры и откровенія Божія

[17]) *M. Muller*, Verglenchende Religionswissenschaft, 1874, s. 27.

[18]) Мы, конечно, далеки отъ мысли при «помощи принципа преданія» всецѣло переносить христіанское «правило вѣры» въ темное первобытное царство языческаго человѣчества. Мы хотимъ только сказать, что принципъ преданія также древній, какъ нашъ міръ, и также всеобщъ, какъ голосъ совѣсти (Рим 2, 15) Въ этомъ «лозунгъ нашей исторической аргументаціи». Внутреннее достоинство и верховный авторитетъ богооткровеннаго преданія должны исходить изъ существеннаго *различія* между преданіемъ древне-языческимъ, «естественно-стихійнымъ» (см у *Lukeп'а*, Die Traditionen des Menschengeschlechts, 2 Aufl 1869) и преданіемъ христіанской обновленной жизни. Только въ религіозномъ сектантствѣ, т. е. *не въ церкви* христіанской, не разрушены печати неуничтоженнаго еще язычества. Поэтому чрезъ сохраненіе богооткровеннаго преданія христіанство нисколько не вступаетъ въ рядъ естественныхъ религій. Все язычество основывается на признаніи самостоятельной жизни твари,

сохранялось и созидалось обычнымъ историческимъ путемъ, путемъ непрерывнаго преданія и на томъ же пути пріобрѣтало не только свою творческую силу, чтобы не затеряться «*въ странѣ и сѣни смертныя*» (Мат. 4, 16; Ис. 9, 1—2), но и новую жизнь. «*Древніи* патріархи *свидѣтельствованіи быша* въ истинной *вѣрѣ, содѣяща правду, получиша обѣтованія*» (Евр. 11, 2. 33) чрезъ преданіе. Ветхій Завѣтъ былъ заключенъ съ Авраамомъ, «отцомъ всѣхъ вѣрующихъ» (Рим. 4, 1), «*другомъ Божіимъ*» (Іак. 2, 23) еще до книгъ, до «*каменныхъ скрижалей*», тогда же было дано и «*знаменіе обрѣзанія, печать правды вѣры*» (Рим. 4, 11). Моисей первый, по ясному повелѣнію Божію (Исх. 17, 14), возвѣстилъ богоизбранному народу и «*записалъ на память въ книгу*» Синайское законодательство, но и то только для обновленія и упроченія Ветхаго Завѣта. Преемники Моисея по дѣлу богодухновенной записи ветхозавѣтнаго откровенія, Іисусъ Навинъ (24, 26), Давидъ, Исаія (30, 8), Іеремія (36, 1—2) и прочіе пророки только восполняли преданіе, разъясняли, раскрывали, но отнюдь не отметали, а тѣмъ болѣе не устраняли его источнаго значенія и необходимой важности въ дѣлѣ божественнаго ученія. «Богоначертанныя письмена» со времени Моисея стали «священнымъ знаменемъ» благочестивыхъ людей (см. «*къ закону и откровенію*» у Ис. 8, 20). Но неоспоримо и то, что богооткровенное преданіе, какъ τὰ ἐκ πατέρων παραδοσεις? [19]) стояло наравнѣ съ писаніемъ во весь ветхозавѣтный періодъ [20]).

Итакъ, сообразно съ сказаннымъ должно думать, что какъ бы самый «голосъ человѣческой природы» (consensus gentium) говоритъ въ пользу православнаго ученія о преданіи, въ пользу изначальной древности, всеобщности и необходимости самаго религіознаго источ-

---

т. е. на принципѣ пантеистической имманенціи. Предметомъ религіознаго почитанія служитъ здѣсь эта самая жизнь, какъ бы далеко она ни уклонялась отъ естественнаго развитія. Отсюда, между прочимъ, и языческая апоѳеоза всего позади лежащаго, всего прошедшаго, составляющая характеристическую черту языческаго культа. А православный принципъ преданія покоится на почвѣ истинно-теистическаго міросозерцанія. Съ этой стороны и сама церковь есть истинное воплощеніе Святаго Духа (сравн. *Sengler*, Wesen und Bedeutung der speculativen Philosophie und Theologie, 1837, s. 402—406).

[19]) *Jos. Flav.*, Ant. XII, 10, 6; сравн. Мат. 15, 2; Марк. 7, 3; Гал. 1, 14.

[20]) Исх 12, 26; 13, 8—14; 18, 13. 25; Втор. 6, 6—9; 11, 18—19; 17, 8—12; 32, 7; Суд. 6, 13; Іов. 8, 8; 15, 7; 32, 7; Пс. 44, 2; 78, 3—4; Притч. 3, 1; 28, 17—18; Екл. 12, 11—12; 2 Пар. 19, 10; Іоиль 13; Агг. 2, 12; Мал. 12, 7.

ника и принципа преданія. Замѣчательно, что религія, т. е. религіозныя ученія и правила жизни у всѣхъ народовъ сохраняются въ живомъ преданіи, при помощи некнижной культурно-исторической передачи [21]). Религіозное преданіе—это какъ бы сплошной ходъ (continua succesio) религіозно-культурнаго движенія и развитія, общечеловѣческаго, захватывающаго всѣхъ людей, все поле всемірной исторіи, все, что лежитъ за предѣлами мнимой истины или общей лжи въ язычествѣ [22]). Какъ живое слово и дѣло, оно переходитъ по наслѣдству, изъ рода въ родъ, и, такимъ образомъ, служитъ исторически-достовѣрнымъ свидѣтельствомъ и выраженіемъ общерелигіозныхъ потребностей и задачъ жизни всего человѣчества. Здѣсь преданіе есть какъ бы общій духовный принципъ естественнаго и сверхъестественнаго откровенія, [23]) какъ живое начало религіозно-нравственнаго поученія.

Въ этомъ пунктѣ для насъ находятся весьма драгоцѣнныя основанія для апологетики преданія въ его существѣ, существенныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Преданіе является здѣсь чѣмъ то даннымъ вмѣстѣ съ самой природой человѣческаго духа, неразрывно соединеннымъ съ самымъ началомъ, т. е. съ первоначальнымъ происхожденіемъ религіи въ родѣ человѣческомъ. Съ этой стороны христіанство въ первобытныхъ и чистыхъ источникахъ своихъ есть пандревнѣйшая и истинная религія рода человѣческаго, а вселенская церковь—всеобщее, истинно-божественное, никогда неоскудѣваемое преданіе всего человѣчества. Таковъ нашъ общій апологетическій

---

[21]) *Беллярминъ.* «Natura ipsa quodammodo clamare videtur, traditiones non scriptas vel necessarias vel certe utilissimas esse (De verbo Dei, 4, 8, 8).

[22]) Срав. *Штауденмаеръ*, Geist der gottlichen Offenbarung, s. 171, *Мелеръ* (Symbolik, s. 529) и *Гюнтеръ* (Der Letzte Symboliker, 1836, s. 302) также ссылаются на consensus gentium, какъ на главную защиту преданія Противоположность· *Бауръ* (Gegensatz, s. 565) и *Гундесгагенъ* въ ссылкѣ на consensus gentium относительно всего принципа преданія видятъ «величайшій соблазнъ» и «нивеллировку между языческою естественностію и христіанскимъ возраженіемъ». Но преданіе—не «церковный пантеизмъ» и не «сотерологическій натурализмъ», а самостоятельный источникъ сверхъестественнаго откровенія Πρῶτον ψεῦδος протестантскаго мнѣнія о преданіи—въ тенденціозномъ смѣшеніи христіанскаго предания съ язычествомъ, въ продолженіи преданія въ область языческой естественности

[23]) Срав. изъ XVIII в. итальян богослововъ *Ansaldi*, De principiorum legis naturalis traditione и *Polini*, De juris divini et naturalis origine —*Фр. Шлегель* in Heidelberger Jahrbücher I, 1, I, 1808, s. 266—290.

выводъ изъ наблюденія надъ *фактомъ преданія* во всеобщей исторіи до-христіанскихъ религій.

Но въ христіанствѣ, въ нашей православной церкви, яснѣе и совершеньѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, мы видимъ, что во дни земной жизни Учителя и Господа не чувствовалось никакой нужды въ записи событій изъ Его жизни, т. е. въ заключеніи въ единый священный κάνων Его ученія. Іисусъ Христосъ, безъ всякаго сравненія,—что самоочевидно,—болѣе, чѣмъ великій пророкъ, геніальный мудрецъ, основатель какой-либо національной религіи, законодатель и истолкователь ея. «*Се болше Іоны здѣ. Се болше Соломона здѣ*» (Мат. 12, 41—42). Христосъ Іисусъ—Богочеловѣкъ, Богоучитель [24]), «*Начальникъ и Совершитель нашея вѣры*» (Евр. 2, 10, 12, 2). «*Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тойже и во вѣки*» (Евр. 13, 8). Онъ единъ, елика хощетъ, возвѣщаетъ людямъ Свою истину во всякое время, на всякомъ мѣстѣ владычествія Своего, «*во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума, въ познаніе тайны*» (Кол. 2, 2) откровенія Божія. Какъ, поэтому, могуче и могущественно должно было Его слово воздѣйствовать на слушателей (Лук. 4, 22. 32; Іоан. 7, 46)? Какъ побѣдоносно открывалась въ Немъ «*глубина богатства и премудрости и разума Божія*» (Рим. 11, 33) въ спорѣ съ жестоковыйными книжниками и фарисеями, этими слѣпыми вождями народа Божія? [25]) Кто можетъ представить себѣ Богочеловѣческій Ликъ Христовъ, въ Его «*простотѣ*» (2 Кор. 11, 3) и небесномъ величіи, чтобы установить для Него «абсолютную необходимость» въ пользованіи книжными письменами и, такимъ образомъ, побудить Его «*глаголы живота вѣчнаго*» (Іоан. 6, 68) довѣрить безмолвной самой по себѣ хартіи, книж-

---

[24]) См. этотъ терминъ у Преосв. Сильвестра, и у Филарета въ ихъ Догматикахъ.

[25]) «Какъ можно было разъяснить истину, запутанную ложными толкованіями книжниковъ? Какъ разбить авторитетъ фарисеевъ, возобладавшихъ надъ умами народа? Какъ возстановить настоящій смыслъ заповѣдей Божіихъ, сохранившихъ значеніе богописьменнаго закона, но искаженныхъ примѣсью преданія старцевъ (Мат. 15, 2)? Писать книги для возстановленія истины, въ опроверженіе заблужденій, въ обличеніе пороковъ? Но всѣ книги опять попали бы въ руки книжниковъ; они бы написали другія книги въ свою защиту и еще съ большимъ затемнѣніемъ истины; и когда бы народъ выбрался изъ этой тьмы къ свѣту истины? Прошли бы вѣка, и человѣчество не узнало бы Христа въ томъ божественномъ свѣтѣ, какъ знаетъ Его теперь. Но когда съ перваго слова: *приблизися царствіе Божіе, покайтеся и вѣруите во Евангеліе* (Марк.

ному свитку, нуждающемуся еще въ живыхъ доказательствахъ и живодѣйственныхъ свидѣтельствахъ, въ богодухновенныхъ носителяхъ и хранителяхъ, въ непогрѣшимомъ истолкованіи. Искупитель міра, Единый ходатай Бога и человѣковъ (1 Тим. 2, 5), творившій чудеса, ихъ же инъ никтоже сотвори (Іоан. 15, 35), несшій всемірный крестъ за спасеніе всѣхъ людей, никакъ немыслимъ въ то же самое время и пишущимъ, «литературнымъ дѣятелемъ», опредѣляющимъ, при помощи книжно-словеснаго искусства внѣшне-формальныя правила и законы религіозно-нравственной жизни вѣрующихъ въ Него [26]).

Въ замѣнъ писаній Господь Іисусъ Христосъ оставилъ въ наслѣдіе всему міру одну только *(апостольскую) церковь*, «*юже стяжа кровію своею*» (Дѣян. 20, 28). Въ ней Онъ содѣлался единымъ *Главою* (Еф. 1, 22), *основаніемъ* (1 Кор. 3, 11) и «*краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святый храмъ въ Господѣ, въ жилище Божіе* Духомъ (Еф. 2, 20—22), а Его ученики и апостолы суть *точію служителіе* (1 Кор. 3, 5; 2 Кор. 3, 6; Кол. 1, 25). Церковь Христова, поэтому, есть «*Тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ*» (Еф. 1, 23). Назначеніе церкви, по ученію Христову, должно состоять и дѣйствительно состоитъ въ томъ, чтобы постоянно и неизмѣнно передавать Его ученіе всѣмъ поколѣніямъ, всѣмъ временамъ и народамъ, выполнять, т. е. исполнять и совершать дѣло Его (Еф. 4, 12; Іоан. 4, 34; 20, 21), не новое создавать, а созидать уже переданное, это распространять и продолжать, а не восполнять чѣмъ-либо новымъ, т. е. измѣнять, «*дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру*

1, 15) полились изъ устъ Господа *глаголы живота вѣчнаго* (Іоан. 6, 68); когда въ слухъ цѣлаго народа, какъ громъ небесный, разразились обличенія на лжеучителей и лжеученіе; когда, какъ предъ страшнымъ Божимъ судомъ, раскрылись для всѣхъ тайныя помышленія сердецъ и обнажилось лицемѣріе мнимыхъ праведниковъ; когда, какъ ясное небо, во всей божественной чистотѣ была явлена страждущему человѣчеству *милость* и *вѣра* (Мат. 23, 23) и все ученіе подкрѣплено было благодѣяніями и знаменіями силы Божіей: не совершилась ли тогда въ три съ половиною года въ ушахъ и сердцахъ лучшей части іудейскаго народа побѣда истины надъ ложью, какой никогда не сдѣлали бы *недоступныя большинству народа книги*»? *Амвросій*, Живое слово, стр. 23—24.

[26]) Сравн. Evangelische Kirchenzeitung, 1845, s. 99—111.

возраста исполненія Христова: да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія, истинствующе же въ любви, да возрастимъ въ него всяческая, иже есть Христосъ: изъ негоже все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всякимъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію» (Еф. 4, 13—16).

Вотъ въ чемъ «безусловная религіозная необходимость церкви» [27]) и ея преимущество предъ записаннымъ словомъ Божіемъ, ея незамѣняемость имъ. Поэтому-то и «христіанство есть вся вообще христіанская церковь» [28]). Безъ церкви нѣтъ истинно-христіанскаго откровенія, а «мнимо-духовное», т. е. сектантское христіанство, иначе «сектантская религіозная миѳологія». Иного выбора здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. «*Еда ли источникъ отъ единаго устія источаетъ сладкое и горькое*» (Іак. 3, 11). Всяко иное пониманіе гносеологическаго вопроса о преданіи и церкви Христовой, въ самомъ существѣ, искажаетъ и извращаетъ все вообще христіанское вѣроученіе, внося невообразимую путаницу и безотчетный произволъ при изъясненіи и раскрытіи догматико-историческихъ основъ и путей христіанской вѣры и жизни. А совершенное отрицаніе абсолютной необходимости церкви Христовой, какъ истинной носительницы и богодухновенной хранительницы *преданія Господня*, отвергаетъ *историческое значеніе* христіанской религіи и разсматриваетъ ее, либо какъ «темное дѣло религіозной фантазіи», либо «какъ чистый миѳъ» [29]). Но такое грубое «невѣдѣніе истины» церкви Христовой, ужасающее насъ своимъ «хаотическимъ безобразіемъ», какъ основанное «на одномъ произволѣ» [30]), конечно устраняетъ и самый вопросъ объ источникахъ и способахъ распространенія и утвержденія божествен-

---

[27]) Этой необходимости церкви не могутъ отрицать даже протестанты, какъ, напр., *Шлейермахеръ* (op. cit, § 121, 2, II, s. 311; § 127, 3, II, s. 350 352; § 113, 2, II, 255 - 257) и *Клифотъ*, Von der Kirche, I, s. 117.

[28]) Проф. *Н. Рождественскій*, Апологетика христіанства, изд. 2-е, т. 2, стр. 392.

[29]) Таково, напр., мнѣніе по вопросу о происхожденіи христіанства *Баура* (in Krit. Untersuchungen uber die canon. Evangelien, Tüb. 1847), *Штрауса* въ пресловутой Leben Jesu и БруноБауэра (in Kritik der evangel. Gesch. des Iohannes. Brem. 1840. Kritik. der evang. Synoptiker. Leipz. 1841, 2 Bde.

[30]) *Герике*, Введеніе въ Ново-Завѣтн. книги св. писанія, Москва, стр. 74.

наго откровенія въ христіанствѣ [31]). Оно «*закрываетъ глаза*» (2 Петр. 1, 9) предъ несомнѣнными данными, непосредственно вытекающими изъ примѣра и ученія Іисуса Христа. Или не было и нѣтъ совсѣмъ истинно-христіанской вѣры, какъ преданія Христова, а есть одинъ только странный «религіозно-философскій миѳъ» о Христѣ, порожденный «саморазвивающимся самосознаніемъ церкви», или же было искони и нынѣ существуетъ единое христіанское откровеніе, единое истинное вѣроученіе, первоначально открывшееся міру, какъ священное *преданіе Христово*, какъ (апостольская) церковь Его. Но такъ какъ первое предположеніе есть явное богохуленіе, то остается въ нерушимой силѣ и цѣлости исторической истины вторая часть означенной альтернативы, а вмѣстѣ съ ней и неприкосновенность религіознаго авторитета церкви и преданія, какъ живаго слова и дѣла Христова въ церкви Его [32]).

И такъ, вотъ наше первое «библейское наблюденіе» по вопросу о преданіи. Преданіе имѣетъ божественное происхожденіе и начало. Оно все и всецѣло проистекаетъ отъ Самого Господа Іисуса Христа и, слѣдовательно, есть Его *непосредственное откровеніе*,—«*свидѣтельство Христово*» (1 Кор. 1, 6). Христосъ Свое божественное ученіе и Свои установленія передалъ ученикамъ и апостоламъ подъ видомъ *священнаго преданія*, «написаннаго не чернилами и не на скрижаляхъ каменныхъ, но *на плотяныхъ скрижаляхъ сердца*» (2 Кор. 3, 3), «*въ мысляхъ*» (Евр. 10, 16) всѣхъ истинно-вѣрующихъ въ Него, чрезъ служеніе церкви Его. Эта то живая, духоносная, т. е. *дѣйственная передача* Христова ученія и жизни церкви и есть подлинное преданіе, т. е. богооткровенное, церковно-религіозное, по его-такъ сказать—*формальной сторонѣ* (scriptura cordis). Съ этой стороны преданіе лежитъ въ самой *исторической основѣ*

---

[31]) Такъ, напр., еврей Salvador (Iesus Crist et sa doctrine, 1838, I, p 160. 322) ссылается съ цѣлью *уничтожить* христіанскую религію (въ ея историческомъ происхожденіи) на то обстоятельство, что Христосъ послалъ своихъ учениковъ проповѣдывать, а «никакъ не записывать». Но это «дикое мнѣніе» есть дѣло религіозной ненависти къ христіанству. Конечно, Христосъ не сказалъ нарочито ученикамъ: «пишите», но онъ нарочито указалъ всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ на необходимость ихъ свидѣтельства о Немъ (Іоан. 14, 9, Лук. X, 16). Апостолы-носители и провозвѣстники Духа Христова, а чрезъ нихъ и церковь божественно-истинная, т. е. догматически непогрѣшимая хранительница откровенія Христова.

[32]) Сравн. *Мартензенъ*, Dogmatik, s. 49.

христіанскаго откровенія и церкви, какъ *живодѣйственный принципъ*. Только при такомъ способѣ первопачальнаго распространенія и сохраненія проповѣди Христовой не возможно (было) уже никакое извращеніе, умаленіе и искаженіе откровенія Божія. Здѣсь истина Божія и богооткровенная вѣра непосредственно переходила изъ «*ума Христова*» (1 Кор. 2, 16) въ умъ Его церкви, *изо устъ* Его въ ясный и непогрѣшимый «*слухъ вѣры*» (Гал. 3. 2; Рим. 10, 14) церковной, православной, въ богодухновенное всецерковное разумѣніе и жизнь всецерковную. Божественное откровеніе христіанской религіи нашло себѣ вѣковѣчное выраженіе и истинное (непреложное) свидѣтельство не «въ книжно-писанномъ словѣ», а въ живомъ «*словѣ Господнемъ*» (1 Пет. 1, 8) и въ живодѣйственномъ, т. е. одухотворенномъ силою Божіею учрежденіи Христовомъ,— въ церкви Его. Здѣсь то таится глубочайшая *догматико-каноническая основа* преданія и его значенія *по содержанію*, какъ изначальнаго источника христіанскаго откровенія, какъ *неписаннаго слова Божія* (verbum Dei non scriptum). Слово Господне всецѣло вручается, при непосредственной передачѣ, богодухновенному ученію и жизни церкви Христовой. Значитъ, не писаніе есть тотъ догматико-гносеологическій «камень вѣры», на которомъ незыблемо утверждена церковь, какъ зданіе Божіе, а преданіе Христово, какъ «*законъ Христовъ*» (Гал. 6, 2), есть то средство, которое благоволилъ избрать Господь для утвержденія и сохраненія Своего ученія и жизни «*во вся дни до скончанія вѣка*» (Мат. 28, 20) [33]. Здѣсь не «спекулятивный базисъ» лежитъ въ корнѣ всего принципа православнаго преданія, а живое слово и дѣло, т. е. примѣръ Христа и Его неложная церковь. Здѣсь то находитъ свою разгадку и тотъ основоположительный пунктъ православнаго богословія, по которому признается исконная древность преданія и догматико-историческое преимущество церкви предъ писаніемъ. Религія и откровеніе, опирающіяся въ своихъ догматахъ и исторіи на одномъ только писанномъ словѣ не могутъ считаться «настоящею вѣрою Христовою» [34]. Живое слово, т. е. *богодухновенное преданіе*, болѣе всего соотвѣт-

---

[33]) Сравн. *Schwarz*. Handbuch der Chr. Religion, Aufl. 2. 1797, II, p. 184; III, p. 339—355.

[34]) Ср *Wist*, Inst. Theolog. III, 1782, p. 253.

ствуетъ творческому, всесозидающему духу и характеру новозавѣтнаго откровенія, ищущаго свободнаго плѣненія разума человѣческаго «*въ послушаніе вѣры* Христовой *во всѣхъ языцѣхъ*» (Рим. 14, 25) и именно въ церкви. Итакъ, съ этой стороны *священное преданіе*, т. е. преданіе истинно-церковное,—вотъ подлинное *рукописаніе Христово*.

Таковъ первый видъ, подъ которымъ представляется намъ преданіе при библейскомъ раскрытіи православно-церковнаго ученія о немъ. Въ ученіи и примѣрѣ Христа мы видимъ настоящее богословско-научное προλεγόμενον, первый историко-апологетическій аргументъ или тезисъ въ пользу православнаго взгляда на преданіе. А жизнь и дѣло Христово, какъ сказано, должны быть неизмѣннымъ и никогда неизмѣняемымъ правиломъ для жизни и ученія всей вообще церкви христіанской. Какъ, поэтому, далеко отъ богооткровенной истины протестантское мнѣніе, будто «Христосъ идетъ противъ преданія» Только партійный огонь можетъ такъ ослѣпить «духовныя очи» людей. А трезвый, исторически-достовѣрный и непредубѣжденный православно-церковный взглядъ успокаивается сначала и главнымъ образомъ на ученіи и примѣрѣ Христа, т. е. «*при ногу Іисусову*» (Лук. 10, 39) и «*на лонѣ Іисусовѣ*» (Іоан. 13, 23), чтобы именно здѣсь, и нигдѣ больше, найти и постоянно имѣть «непреходящее обоснованіе» истины преданія въ его абсолютной важности и необходимости въ дѣлѣ совершеннаго познанія христіанскаго откровенія и вѣры.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Библейски-апостольское ученіе о священномъ преданіи.

> «*Тѣмже убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ*« (2 Θес.2, 15).

Вторую, такъ сказать, часть откровеннаго ученія о преданіи и его значеніи составляетъ библейски-апостольское ученіе о немъ, изложенное въ новозавѣтныхъ книгахъ. Оно всецѣло коренится въ ученіи и примѣрѣ Іисуса Христа и отсюда заимствуетъ свою несокрушимую силу и чисто-православное богословское обоснованіе. Здѣсь его исходъ. Апостольское ученіе о преданіи есть какъ бы историческое продолженіе и какъ бы естественный выводъ изъ того центральнаго положенія, какое занимаетъ вопросъ о преданіи въ православно-богословскомъ взглядѣ на источники и способы проповѣди Христовой.

Сущность библейски-апостольскаго ученія о преданіи сводится къ мысли о томъ, что вся первоначальная, т. е. обнимающая весь апостольскій вѣкъ, исторія христіанскаго откровенія и церкви есть *единое и всецѣлое* (ἓν καὶ τὸ πάν) *священное преданіе*, неустранимое и при писаніи, а, напротивъ, необходимое при немъ и вмѣстѣ съ нимъ. Къ этой то мысли и направляется все, что говорится въ апостольской библіи объ источникахъ и нормахъ истиннаго познанія христіанской вѣры и церковной жизни.

Мы уже сказали, что для проповѣди Христовой нужно было одно преданіе. Христосъ возвѣстилъ откровеніе Божіе путемъ одного преданія. Иначе, кажется, должно было бы обстоять дѣло «*благовѣстія о Христѣ*» (2 Кор. 2, 12) въ отношеніи къ апостоламъ, призваннымъ отъ Бога для сообщенія истинъ божественнаго откровенія *всѣмъ грядущимъ вѣкамъ*. Повидимому, послѣ смерти и воскресенія

своего Учителя и Господа могли ли они не желать имѣть подробное письменное изложеніе откровенія Его, а въ немъ необходимое руководство для всемірнаго исполненія своего служенія «*евангелію Христову*» (2 Кор. 9, 13)? Какое бы, кажется, «потрясающее впечатлѣніе» они произвели на своихъ слушателей и послѣдователей, если бы показали имъ собственно-ручное «*письмо Христово*», «*посланіе Христово*» (ἐπιστολὴ Χριστου, 2 Кор. 3, 3)! И, все таки, мы не видимъ въ рукахъ апостоловъ подлинной рукописи Господней, и никакъ нѣтъ «автографа Его». Господь не только не оставилъ апостоламъ ничего письменнаго, но даже прямо и неоднократно ссылался для нихъ на устное слово, живую проповѣдь, на самое дѣло вѣры и церкви Своей; именно въ преданіи указывалъ имъ необходимые источники и средства для распространенія и утвержденія Его ученія. Фактъ опять въ высшей степени знаменательный!

И апостолы такъ прекрасно поняли и въ такомъ совершенствѣ исполнили заповѣдь Христову о передачѣ Его ученія всѣмъ людямъ путемъ преданія, что *божественное посланничество* (Дѣян. 20, 24; 1 Кор. 9, 14) для устнаго и дѣятельнаго возвѣщенія откровенія Божія прямо разсматривали, какъ основное условіе христіанской вѣры и жизни. Вотъ «классическое мѣсто» изъ посланія апостола Павла къ Римлянамъ, въ которомъ какъ бы нѣкоторомъ средоточіи преломляются лучи обще-апостольскаго ученія объ абсолютной важности и необходимости преданія. «*Како убо призовутъ, въ него же не вѣроваша; како же увѣруютъ, его же не услышаша; како же услышатъ безъ проповѣдующаго; како же проповѣдятъ, аще не посланы будутъ; яко же есть писано: коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая. Тѣмже убо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ*» (Рим. 10, 14—15; Исаіи 52, 7). Въ означенныхъ словахъ ап. Павла, какъ нельзя лучше, объясняется церковно-историческое происхожденіе христіанской вѣры при помощи устно-проповѣданнаго слова Божія, иначе сказать при помощи преданія, ибо о немъ здѣсь и рѣчь у апостола. Ясно, что божественное откровеніе и христіанское вѣроученіе живутъ и раскрываются въ церкви и до писанія, т. е. и помимо библейскаго источника, чрезъ одно апостольское проповѣданіе, т. е. чрезъ преданіе [1]).

[1]) *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, стр 17

И въ апостольскихъ дѣяніяхъ и въ посланіяхъ есть безчисленное множество словъ, выраженій и цѣлыхъ текстовъ, относящихся именно къ устному способу первоначальнаго апостольскаго учительства [2]). По обще-апостольскому взгляду, «*служеніе слову*» Божію (Дѣян. 6, 4), т. е. его повсюдное распространеніе и утвержденіе въ церкви, обозначаетъ собою не иное что, какъ дѣятельное «служеніе вѣрѣ» Христовой. «*Чрезъ наставленіе вѣры*», иначе «*отъ слуха вѣры*», люди сподобляются *получить Духа Святаго*, т. е. всѣ благодатные дары, хранимые и преподаваемые церковію (Гал. 3, 2, 5). Поэтому *апостольское оглашеніе* есть необходимый способъ могущественнаго вліянія христіанскаго откровенія на сердца человѣческія, свойственнаго только силѣ Божіей. Съ этой стороны ап. Павелъ указываетъ на особое различіе Ветхаго Завѣта отъ Новаго. Здѣсь у него рабская буквенность ветхозавѣтнаго ученія противополагается несомнѣнно—духовному характеру новозавѣтнаго откровенія. Христіанство, т. е. новозавѣтная церковь Христова есть «*служеніе Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ*»,—«*не въ ветхости письмене*» (Рим. 7, 6); «*потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ*» (2 Кор. 3, 6). «*Письмя* (τὰ γράμμα), т. е. одно «*служеніе смертоноснымъ буквамъ, начертанное на камняхъ*», признается тѣмъ догматико-гносеологическимъ началомъ, которое противоположно тому, что лежитъ въ основѣ новозавѣтнаго вѣроученія, какъ живодѣйственный принципъ и духоносный источникъ, т. е. преданію [3]).

Достопримѣчательно, что въ началѣ своей проповѣди апостолы всюду распространяли вѣру и утверждали церковь Христову исключительно при помощи преданія. Путемъ преданія, какъ живого незаписаннаго слова Божія, апостольское проповѣданіе само собою переходило въ «*дѣло вѣры въ силѣ*» (2 Θес. 1, 11). Самая религіозно-нравственная *жизнь* апостольскихъ церквей воплощала въ себѣ и, такъ сказать, олицетворяла Христово ученіе. Здѣсь *преданіе*

---

[2]) Вотъ, напр., эти выраженія: εὐαγγέλιον, κήρυγμα, παράδοσις, μαρτυρία, λόγος ἀχοῆς, εὐαγγελίζεσθαι, κηρύσσειν, μαρτυρεῖσθαι, λαλεῖν, παραδιδόναι, ἀκούειν, ἀνακάσθαι и проч. (Рим. 1, 11; 10, 14, 17; 15, 29; 2 Тим. 1, 1—2, Еф. 2, 1—4; Гал. 3, 2—5; 1 Кор. 4, 17 и слѣд., 11, 2, 34; 16, 3 и слѣд.; 2 Кор. 1, 19—23; 2 Θес. 2, 15; 1 Θес. 2, 13; 2 Тим. 2, 2; 1 Іоан. 1, 3; 2 Іоан. 1, 12; Лук. 1, 1—4 и мн. др).

[3]) *Ст. Яворскій*, ib. 32—34 стр.

церковное все записывалось «*за упованіе отложенное на небесѣхъ*» (Кол. 1, 5) *самыми дѣяніями апостоловъ*, этихъ во-истину духопосныхъ благовѣстниковъ и ихъ церквей. И религіозная *увѣренность*, какую всѣ апостольскія церкви имѣли *по вся дни* (2 Кор. 11, 28) относительно догматической истинности и исторической достовѣрности откровеннаго ученія, была *непосредственная*[4]), т. е. запечатлѣнная на вѣки въ живомъ религіозномъ сознаніи и нравственно-чистой жизни всѣхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ, соединенныхъ между собою неразрывными узами любви «*въ Духѣ Іисуса Христа*» (Фил. 1, 9). Такъ сама церковь сначала сохраняла ученіе вѣры посредствомъ одного живого слова и дѣла, т. е. безъ книги. Еще раньше, чѣмъ *письменное правило вѣры* получило въ церкви и чрезъ церковь догматико-каноническое единство, твердость, устойчивость и общее употребленіе, единое преданіе (вполнѣ опредѣленное и утвержденное общимъ признаніемъ) считалось исторически-достовѣрнымъ источникомъ истиннаго познанія христіанскаго ученія и вмѣстѣ *грядущаго писанія*[5]).

Но кромѣ только что указанныхъ нами внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ были и другія основанія *за устное благовѣствіе* апостоловъ, т. е. за устную передачу *слова Божія, живого и дѣйственнаго* (Евр. 4, 12), однако *не вопреки* записанному откровенію Божію, т. е. не противъ его. Апостоламъ предстояло вращаться въ непріязненномъ для нихъ обществѣ іудеевъ и язычниковъ, «*въ опасностяхъ отъ единоплеменниковъ*» и «*въ опасностяхъ отъ язычниковъ*» (2 Кор. 11, 26) и постоянно подвергаться всяческимъ преслѣдованіямъ. Вся библейская исторія благовѣстія Христова «*въ церквахъ Божіихъ*» (1 Θес. 2, 14) повѣствуетъ намъ о томъ, какъ апостолы пребывали въ «*отчаянныхъ обстоятельствахъ*» (2 Кор. 4, 8), какъ то *въ скорбяхъ, бѣдахъ, тѣснотахъ, нестроеніяхъ*, (2 Кор. 6, 4), *въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи* (2 Кор. 11, 23), *во изгнаніихъ*

---

[4]) Свящ. *Е. Бенескриптовъ*, цит. соч., стр. 7.

[5]) *Антоній*, Догмат. Богосл., § 14, стр 9 Изъ иносл. *Hase*, Polemik, s. 55; *Holtzmann*, Synopt. evangelien. 1863, s. 50—52. 60 *Lessing*, Theol. Streitschriften, Axiomata, Wider der H. Pastor Goze in Hamburg. VI. VII (Leipzig VI, 297 ff. 316). *Khun.* Theol. Quart. 1858 s. 188. Ann. 1. *Reuss*, Geschicht heil. Schift. N. T., I, § 36. *Möhler*, Einheit. II c. 8, § 8.

(2 Кор. 12, 10). Какъ при такихъ чрезвычайныхъ условіяхъ апостоламъ можно было дѣйствовать иначе, чѣмъ живымъ словомъ, т. е. огненнымъ глаголомъ очищать сердца всѣхъ «*призванныхъ, освященныхъ Богомъ Отцомъ и сохраненныхъ Іисусомъ Христомъ*» (Іуд. 1 ст.)? Кромѣ того, божественное откровеніе «*вѣры Евангельской*» (Фил. 1, 27), первоначальное обращеніе въ христіанство іудеевъ и язычниковъ, первоначальное учрежденіе, всецѣлая религіозно-нравственная организація и «*попеченіе всѣхъ церквей*» (2 Кор. 11, 28), непосредственная передача іерархической власти священноначальникамъ,— все это само собою предполагаетъ личное присутствіе и дѣйствованіе апостоловъ или ихъ преемниковъ (1 Кор. 4, 17 и сл.; 11, 34; 16, 3; 2 Кор. 1, 19—23: Рим. 15, 29; 1, 11; Фил. 1, 26) и необходимо требовало большаго воздѣйствія, чѣмъ какое могло бы оказать даже и богодухновенное писаніе [6]). Писаніе само еще нуждается въ особыхъ доказательствахъ, въ живыхъ свидѣтеляхъ и свидѣтельствахъ своей догматико-канонической истины и исторической достовѣрности, а апостолы, напротивъ, обладали уже необходимыми для своей проповѣди живыми и неоспоримыми доказательствами «*въ явленіи духа и силы*» (1 Кор. 2, 4) Божіей, «*въ знаменіяхъ и чудесѣхъ и силахъ*» (2 Кор. 12, 12), которыя и сообщались всѣмъ увѣровавшимъ и крещеннымъ во имя Господне. Въ этомъ то глубочайшемъ смыслѣ ап. Павелъ и говоритъ: «*не въ словеси бо царствіе Божіе, но въ силѣ* (1 Кор. 4, 20) *Божіей*» (2 Кор. 6, 7), «*яко благовѣствованіе наше не бысть къ вамъ въ словѣ точію, но и въ силѣ, и въ Дусѣ Святѣ и во извѣщеніи мнозѣ*» (2 Сес. 1, 5).

Итакъ, и для апостоловъ одно преданіе сначала служило самымъ дѣйственнымъ способомъ и необходимымъ средствомъ для глубокаго внѣдренія слова Божія въ души и сердца своихъ учениковъ и послѣдователей. Это было истинно-богдуховенное слово, проникавшее до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судившее помышленія и намѣренія сердечныя всѣхъ людей (Евр. 4, 12), до которыхъ доходило оно [7]).

---

[6]) Ср. *Nicolas*, Studien uber das Christenthum, III, s. 213.

[7]) Относительно этого пункта согласны и протестанты. Сравн., напр., *Munscher*, Dogmengesch. I, § 67. *Neander*, Antignosticus, Geist d. Tertullian, s. 311. 325. *Тирш*, Vorles. uber Kathol. und. Protest. I, s. 71. *Твестенъ*, Dogm. I, s. 102, *Nitzsch*, System der christlichen Lehre, § 39 s. 97; *Гольцманъ*, Kanon u. Trad., s. 138. *Шенкель*, Wes.

Но апостолы-благовѣстники, при распространеніи и утвержденіи христіанскаго откровенія, часто ссылались *на писаніе Ветхаго Завѣта* и даже на соображенія *разума* (Дѣян. 17, 23. 28; 25, 25; 1 Кор. 15, 32—33; 9, 8; Гал. 3, 15; Тит. 1, 12). Но это имѣло какъ бы второстепенное значеніе для нихъ, а равно и для ихъ слушателей и служило только для формальнаго обоснованія и уясненія проповѣди ихъ. Ветхій Завѣтъ, «*пѣстунъ во Христа*» (Гал. 3, 24), для іудеевъ—священное писаніе, сущее слово Божіе, а на язычниковъ могъ производить надлежащее впечатлѣніе своею глубокою древностью и своею «*премудростію*» (1 Кор. 1, 21), въ сравненіи съ коею блѣднѣла «стихійная мудрость» ума человѣческаго. «Библейскія доказательства» апостоловъ всегда исходили отъ новаго порядка вещей, т. е. отъ жизни, ученія и дѣла Христова, о коихъ «*многочастнѣ и многообразнѣ*» (Евр. 1, 1) было предсказано въ ветхозавѣтной древности [8]). Когда явленіе и жизнь Мессіи-Христа была засвидѣтельствованы древними пророчествами, тогда живоносный духъ христіанства обнаруживался и обнаружился въ новомъ немерцающемъ свѣтѣ. Разумъ при этомъ долженъ былъ служить нѣкоторой точкой умственной опоры для вѣры; ибо «вѣра начинается въ мысляхъ». Разумъ, облагодатствованный и освященный есть какъ бы предтеча и провозвѣстникъ живой вѣры въ сердцѣ. Всякое истинно-разумное вѣдѣніе непремѣнно служитъ высочайшей истинѣ, ведущей человѣка къ Богу, самосущей Истинѣ. Отсюда-то философія *здраваго разума* была для язычниковъ тѣмъ же, чѣмъ законъ Моисеевъ для евреевъ, т. е. руководствомъ ко Христу [9]).

---

des Prot., I, s. 144. Вся ошибка протестантовъ состоитъ въ томъ, что они „всеобъемлющее значеніе“ преданія въ «первое время жизни церкви» объясняютъ «случайными» или «одними историческими обстоятельствами», по минованіи которыхъ будто бы преданіе уступило свое мѣсто одному писанію (*Дикгофъ*, Schrift und Tradition, 1870, s 40—41). Но преданіе существуетъ въ церкви *независимо* отъ тѣхъ «историческихъ условій», *среди* которыхъ оно появилось первоначально. Цѣль его—не случайная, а вѣчная, а именно *всегдашнее* духовное просвѣщеніе человѣчества при помощи церкви. Какъ слово Божіе, оно, разъ явившись въ исторіи, и не можетъ быть уничтожено, хотя бы прошли тѣ «обстоятельства и условія церковной жизни», которыя вызвали его историческое бытіе. Авторитетъ и истина преданія обусловлены самимъ существомъ его, какъ богооткровеннаго источника, и поэтому оно всегда необходимо въ церкви Христовой; ибо «*слово Господа пребываетъ въ вѣкъ*» (1 Петр. 1, 25; Ис. 40, 8—9).

[8]) Отсюда и извѣстный богословскій афоризмъ: vetus testamentum in novo patet.

[9]) *Климентъ Алекс.*, Strom. I, 5; VI, 5; VII, 2; сравн. ib., I, 13 и VI, 10.

Разумъ долженъ былъ разсѣять по «*пути истины*» (2 Петр. 2, 2), по «*пути Господню*» (Дѣян. 19, 23) всяческія религіозно-философскія предразсудки и искоренить пагубныя страсти и прихоти, которыя были порождены древними правилами религіозной вѣры и нравственной жизни во всѣхъ слояхъ народа, у іудеевъ и у язычниковъ. Но все это было только нѣкоторымъ предуготовленіемъ и какъ бы исторической поддержкой для богодухновенной проповѣди «*Евангелія Божія*» (1 Петр. 4, 17), «*во спасеніе даже до послѣднихъ земли*» (Дѣян. 13, 47; Ис. 49, 6). Апостоламъ было довѣрено «*нетлѣнное сѣмя*» (1 Петр. 1. 23) *божественнаго слова* (Мат. 13, 24), которое заключало въ себѣ самомъ сверхъестественную плодоносную и растимую силу [10]). Будучи *обильно* орошено наитіемъ Святаго Духа «*чрезъ Іисуса Христа Спасителя нашего*» (Тит. 3, 6), это творческое сѣмя должно было послужить новой *закваской* (Мат. 13, 33; сравн. 16, 6. 11; Гал. 5, 9) для всего древняго до-христіанскаго міра, чтобы въ немъ начался и совершился коренной процессъ духовнаго обновленія, всемірный переворотъ, долженствовавшій охватить всѣ тайники человѣческихъ сердецъ и проникнуть всѣ жизненныя отношенія людей. А такой міро-историческій процессъ могъ совершиться только «словомъ жизни» (Филип. 2, 16), возвѣщеннымъ апостолами въ «Духѣ спасенія», «*черезъ церковь*» (Еф. 3, 10), только въ преданіи, т. е. въ жизни и ученіи Христовомъ.

Еще большее значеніе имѣло *преданіе для церковно-апостольскаго богослуженія* съ цѣлымъ рядомъ его благодатныхъ молитвословій, священнодѣйствій, обычаевъ и проч., совершавшихся «*благообразно и по чину*» (1 Кор. 14, 40). Для церковнаго богослуженія вообще преданіе ничѣмъ незамѣнимый источникъ. Ни въ какія книги нельзя вмѣстить все богослуженіе церковное полностью и всецѣло.

Упоминая объ этой сторонѣ библейскаго ученія о преданіи, ап. Павелъ и говоритъ: «*о прочихъ же, егда пріиду, устрою*» (1 Кор. 11, 34). Таже самая мысль апостола выражается и въ слѣдующемъ мѣстѣ перваго посланія къ Коринѳянамъ: «*азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ*» (11, 23). Здѣсь апостолъ, говоря о таинствѣ св. Причащенія, очевидно, ссылается на богослужебное преданіе, т. е. на то, что онъ самъ получилъ отъ Господа

[10]) Митр. *Филаретъ:* «слово Божіе есть сѣмя плода духовнаго».

и сообщилъ вѣрующимъ. А это таинство, какъ мы знаемъ и изъ другихъ книгъ новозавѣтнаго писанія (напр., изъ Дѣян. 2, 42—46), составляло, равно какъ и нынѣ составляетъ, средоточный пунктъ всего христіанскаго богослуженія. Когда въ другомъ мѣстѣ ап. Павелъ похваляетъ коринѳянъ за то, что они *все его помнили и держали преданія такъ* именно, *какъ* онъ *передалъ* имъ (1 Кор. 11, 2) для руководства въ дѣлѣ вѣры и жизни, то это онъ говоритъ для того, чтобы привести каноническія постановленія о «церковной молитвѣ», о «святости храма» и о «божественной литургіи»[11]). Такимъ же точно образомъ онъ требуетъ отъ Солунянъ твердо *стоять* и безпрекословно *держаться* богослужебныхъ *преданій*, *которымъ* они *научены* отъ него или чрезъ *слово*, т. е. чрезъ самое священнодѣйствіе и примѣръ, или чрезъ *писаніе* (2 Ѳес. 2, 15). Въ посланіи къ Римлянамъ онъ пишетъ: «*молю же вы, братія, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ. Таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ*», не служатъ (16, 17—18). Здѣсь ясно видно отеческое увѣщаніе, данное апостоломъ всѣмъ вѣрующихъ въ Римѣ,—остерегаться злокозненныхъ сектантовъ, производившихъ церковныя раздѣленія и соблазны *вопреки* апостольскому преданію; ибо все поведеніе, вся вообще церковная жизнь каждаго истиннаго христіанина должна быть «*достойною благовѣствованія Христова* (Филип. 1, 27). Тоже самое ап. Павелъ пишетъ и Колоссянамъ о необходимости сохраненія церковно-бого-

---

[11]) Достопримѣчательны слѣд. слова митрополита *Филарета* на это мѣсто изъ ап. Павла. «Св апостолъ Павель, преподавая коринѳскимъ христіанамъ спасительныя наставленія, хвалитъ ихъ за то, что вѣрно сохраняютъ преданія. Какія эти преданія?– Сіе можно усмотрѣть изъ тѣхъ его изреченій, которыми онъ напоминаетъ и дополняетъ преданія. Онъ говоритъ, что «*мужъ не долженъ есть покрывати главу*» во время молитвы: вотъ дополненіе преданія, которое показываетъ, что сему предшествовало *преданіе о церковной молитвѣ*. Даже говоритъ онъ. «*егда домовъ не имате, во еже ясти и пити? или о церкви Божіей нерадите*»? Сіе обличеніе случайнаго безпорядка и неблагочинія въ церкви показываетъ, что сему предшествовало *преданіе о святости церкви*, по которой она совсѣмъ не то, что простой домъ, и требуетъ благоговѣйнаго вниманія. Съ особенною же ясностію, какъ на предметъ преданія, указываетъ апостолъ на *таинство тѣла и крови Христовыхъ*, когда говоритъ о семъ. «*азъ пріяхъ отъ Господа и предахъ вамъ*». Такимъ образомъ оказывается, что апостоль хвалить коринѳскихъ христіанъ за соблюденіе преданій о церковной молитвѣ, о святости храма и о божественной литургіи» («Слова и Рѣчи» ч. II, 16 слово «о преданіяхъ», стр. 396—7).

служебныхъ преданій: «*укоренени и наздани въ Немъ* (т. е. Іисусѣ Христѣ), *и извѣщствовани вѣрою, якоже научистеся, избыточествующе въ ней благодареніемъ* (ἐν εὐχαριστίᾳ). *Братіе, блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ*» (2, 7—8).

Постоянное благодатно-таинственное пребываніе Господа съ вѣрующими въ Него по слову Его совершается только въ церкви, въ этомъ единомъ духовномъ тѣлѣ Христовомъ, только въ живомъ преданіи. Только здѣсь оно благоговѣйно постигается, ощущается и уразумѣвается всѣми истинными христіанами. Поэтому преданіе есть непремѣнный живоносный способъ передачи сокровенной въ Богѣ церковно-религіозной жизни. Развѣ не было бы странно то обстоятельство, что мы не находимъ въ новозавѣтномъ писаніи точнаго и подробнаго описанія *всѣхъ таинствъ церковныхъ*, въ которыхъ на-вѣки «сокрыта и запечатлѣна спасительная сила страданій и смерти Христовыхъ»? Какъ мало, напр., извѣстно намъ изъ писанія о крещеніи (см. обрядовую сторону); мы даже ничего не знаемъ несомнѣннаго о формулѣ, употреблявшейся апостолами. Не удивительно ли было бы (если бы не было закона преданія) и то, что *литургійное торжество* св. Причащенія болѣе указано въ писаніи, какъ нѣчто совершенно извѣстное, какъ само собою предполагаемое, чѣмъ подробно описано? Но кто изъ первенствующихъ христіанъ нашелъ бы необходимымъ это «библейское описаніе» въ то основоположительное (апостольское) время, когда всѣ еженедѣльно, а, можетъ быть, даже ежедневно дѣятельно участвовали въ этомъ святѣйшемъ таинствѣ [12]). Самъ Господь установилъ *всѣ таинства* (Мат. 28. 19; 1 Кор. 11, 23—26) и совершеніе ихъ ввѣрилъ

---

[12]) Протестанты обыкновенно замѣчаютъ здѣсь, что было бы «очень интересно» и «полезно для прекращенія богословски-конфессіональныхъ споровъ о евхаристіи», если бы было *изъ Писанія* извѣстно *все* и во всѣхъ подробностяхъ касательно совершенія этого таинства Господомъ и апостолами (*Herzog*, Real-Encykl. 2 Aufl. I, s. 49). Но мы, православные, не раздѣляемъ этого «интереса» и этой «пользы», такъ какъ не видимъ въ нихъ никакой нужды. Мы держимся того воззрѣнія, что если бы писаніе и ничего не содержало по этому вопросу, или если бы и то, что оно содержитъ, не легко было бы объяснить самому собою, то все-таки *апостольскія церкви* (sedes apostolicae) съ ихъ образомъ совершенія таинства служатъ для насъ «единственно-компетентнымъ авторитетомъ».

апостоламъ «*въ созиданіе тѣла Христова*» (Еф. 4, 12), т. е. для того, чтобы они при помощи ихъ были домостроителями церковно-религіозной жизни и передавали бы ихъ всѣмъ людямъ, благочестно жити хотящимъ, составляя изъ нихъ церковную организацію духовно-благодатныхъ священно-дѣйствій, необходимыхъ для неизмѣннаго соблюденія преданія Христова и для дѣйственности правилъ вѣры христіанской на всѣ времена [13]). Таинства Христовы— это живоносныя струи духовно-благодатной жизни, въ частности— это религіозно-практическая основа православно-церковнаго богослуженія, доступнаго только истинно-вѣрующимъ и освященнымъ Духомъ Божіимъ. Ихъ спасительное дѣйствіе только въ церкви, т. е. въ преданіи церковно-богослужебномъ. Сюда то и относятся слова Христовы: «*не дадите святая псомъ, не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими, и вращшеся расторгнутъ вы*» (Мат. 7, 6). Здѣсь заповѣдь Господня о предусмотрительности въ проповѣди и наставленіи въ вѣрѣ есть не иное что, какъ ясное указаніе на обязанность апостоловъ ближе обосновать и укрѣпить внутреннюю церковно-благодатную жизнь на религіозномъ преданіи, въ частности на *преподаніи* таинствъ, сокрытыхъ отъ глазъ невѣрныхъ. Съ этой стороны вполнѣ понятно, почему библейское ученіе о преданіи всецѣло проникаетъ православно-церковное воззрѣніе на таинства.

Но на ряду или,—точнѣе сказать,—въ неразрывной. органической связи съ передачей откровеннаго ученія и жизни христіан-

---

[13]) Отрицая божественное происхожденіе всѣхъ таинствъ церкви протестанты говорятъ, что Іисусъ Христосъ не передалъ «какой либо *опредѣленной суммы* откровенныхъ ученій и жизненныхъ правилъ церкви для неизмѣннаго соблюденія, чтобы отсюда, по нуждѣ, можно было бы заимствовать правила вѣры» (*Hase*, Polimik, s. 75). Но христіанская *религія* не—summa theologiae, каковою представлялась протестантамъ церковь подъ вліяніемъ римско-католическихъ богословскихъ взглядовъ на вѣру и церковь (*Кальвинъ*, in Inst. IV. с. 10 «законъ Христовъ» называетъ «суммой». Мысль не вѣрная и образъ ея пониманія не ясенъ). Ее нельзя заключить въ рядъ отвлеченныхъ истинъ, строго разграниченныхъ между собою. Христіанская вѣра—эта религіозное преданіе, образующее идеи и образъ жизни и поведенія христіанскаго А эта жизнь христіанская сообщается только при помощи таинствъ Таинства—это цѣлая духовно-религіозная организація христіанской вѣры и жизни, сообщающая христіанству дѣйственность и творческую силу. Христосъ не передалъ «опредѣленной суммы догматовъ», но Онъ передалъ полноту жизни своей церки вселенской и въ ней одной утвердилъ истину откровенія и плодотворность правилъ вѣры христіанской.

ской путемъ преданія, т. е. путемъ устнаго слова и живаго дѣла, стоитъ и ревностная забота апостоловъ *о будущей судьбѣ* церкви Христовой. Чѣмъ выше,—скажемъ по человѣку,—апостолы цѣнили свою всемірно-историческую задачу быть свидѣтелями Воскреснаго Господа «*у всѣхъ человѣковъ*» (Дѣян. 22, 15), тѣмъ ревностнѣе они должны были озаботиться объ утвержденіи и упроченіи Христова ученія въ церкви и о цѣлостномъ сохраненіи въ будущемъ всѣхъ изначальноданныхъ установленій Его. А это прежде всего требовало, какъ особыхъ духоносныхъ органовъ, такихъ *іерархическихъ лицъ*, такихъ преемниковъ апостольскихъ, «*иже довольни будутъ и иныхъ научити*» (2 Тим. 2, 2) [14]). Имъ то однимъ апостолы ввѣряли и ввѣрили догматико-каноническія основы христіанскаго ученія и жизни, во свидѣтельство чего и для преподанія особой *благодати священства* возлагали на нихъ свои *руки* (χειροτονία), «*руки священничества*» (1 Тим. 4, 14), «*при многихъ свидѣтеляхъ*» (2 Тим. 2, 2), всенародно, т. е. отъ лица всей церкви (2 Тим. 1, 6). И апостольское ученіе въ церкви по преимуществу возращалось и возгрѣвалось этими лицами, и какъ бы въ нихъ олицетворялось. Авторитетъ ихъ состоялъ не въ ипомъ чемъ, какъ въ постоянной заботѣ о неизмѣнномъ сохраненіи и истинной передачѣ апостольскаго «*залога вѣры*» (2 Тим. 1, 11), т. е. во всей чистотѣ его божественнаго происхожденія. Вотъ почему въ постановленіи вмѣсто себя, по Божію установленію (Дѣян. 20, 28; Евр 5, 4), особыхъ преемниковъ и священноначальниковъ, т. е. епископовъ и пресвитеровъ, апостолы имѣли, во-первыхъ, *для самихъ себя* несомнѣнное ручательство за истину откровеннаго ученія и, во-вторыхъ, *сами ручались* предъ лицемъ всѣхъ грядущихъ поколѣній, всѣхъ послѣдующихъ своихъ послѣдователей, предъ всею церковію, что преданіе *и на будущее время* останется непреложнымъ *источникомъ* христіанской вѣры и жизни по ней (въ объективномъ смыслѣ) и дѣйствительной догматико-канонической нормой, т. е. *правиломъ вѣры*, какъ формальное начало и руководительный принципъ (въ субъективномъ смыслѣ). Итакъ, церковный авторитетъ православной *іерархіи*, по апостольскому взгляду, абсолютно необходимъ, всеобщъ, и ничѣмъ не замѣняемъ въ дѣлѣ и ученіи преданія. Глубочайшій

[14]) Св. *Викентій Лир.*, Com., с. 28.

смыслъ и все его значеніе коренится въ *церковно-апостольскомъ преемствѣ*. Здѣсь преданіе, по своему существу и по силѣ дѣйствія, означаетъ церковно-іерархическій принципъ и учительный авторитетъ.

Подробное библейское раскрытіе и обоснованіе понятія о преданіи со стороны его церковно-іерархическаго значенія и назначенія мы находимъ у апостола Павла, особенно въ его, такъ называемыхъ, *пастырскихъ посланіяхъ*, написанныхъ Тимоѳею и Титу, этимъ двумъ епископамъ первенствующей церкви. Вотъ рядъ текстовъ относящихся къ этой сторонѣ апостольскаго ученія о преданіи.

Апостолъ Павелъ отечески увѣщеваетъ Тимоѳея, возлюбленнаго ученика и вѣрнаго въ Господѣ сына, епископа Ефесскаго: «*о Тимоѳее, преданіе сохрани* (τὴν παραχαταθήκην φύλαξον), *уклоняяся сквернымъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума, о немъ же нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшиша*» (1 Тим. 6, 20—21). Хранить нерушимо преданное непосредственно отъ апостоловъ ученіе, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословій лжеименнаго знанія по вопросамъ вѣры и жизни христіанской—вотъ первѣйшая задача и вмѣстѣ долгъ православно-церковнаго епископства [15]).

Тоже самое читаемъ и въ другомъ мѣстѣ о значеніи преданія для Тимоѳея, а въ лицѣ его и для всѣхъ преемниковъ апостольскихъ: «*образъ имѣй здравыхъ словесъ, ихъ же отъ мене слышалъ еси, въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Іисусѣ. Доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ живущимъ въ насъ*» (2 Тим. 1, 13—14). Преданіе, т. е. истинный образецъ откровеннаго ученія, слышаннаго Тимоѳеемъ отъ апостола и воспринятаго вѣрою и любовію во Христѣ Господѣ—вотъ *добрый залогъ*, охраняемый Духомъ Святымъ, живущимъ въ церкви въ лицѣ апостольскихъ преемниковъ [16]). Таже самая апостольская мысль о преданіи въ его церковно-іерархической важности находится и въ слѣдующихъ мѣстахъ посланія къ Титу, епископу Критскому. «*Подобаетъ епископу быти... держащемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати во здравѣмъ ученіи, и противящіеся обличати. Суть бо мнози непоко-*

---

[15]) Классическій комментарій къ этому мѣсту см. у. св. *Викентія Лиринскаго* Commonitor, с 21, 22 и 24.

[16]) См объясненіе этого мѣста у епископа *Ѳеофана*, Толкованіе пастырскихъ посланій св ап. Павла, М. 1882, стр. 459—460.

ризи, суесловцы, и умомъ прелщени, наипаче же сущіи отъ обрѣзанія: ихже подобаетъ уста заграждати» (1, 9—11). «*Ты же глаголи, яже подобаетъ здравому ученію. Сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повѣленіемъ, да никто же тя пренебритъ»* (2, 1, 15). «*Чадо Тите, вѣрно слово, и о сихъ хощу тя извѣщати, да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати вѣровавшіи Богу: сія суть полезна человѣкомъ и добра. Буихъ же состязаній и родословій и рвеній и сваровъ законныхъ отступай: суть бо неполезны и суетны. Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся, вѣдый, яко развратися таковый, согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ»* (3, 8—11).

Во всѣхъ только что приведенныхъ нами мѣстахъ у апостола Павла, очевидно, идетъ рѣчь о преданіи, подъ которымъ разумѣется не одно только христіанское вѣроученіе (догматы), но и всѣ каноническія постановленія касательно христіанской жизни и церковнаго богослуженія; ибо примѣръ апостола, т. е. вся вообще его учительная и богослужебная дѣятельность служила идеальнымъ образцомъ для возлюбленныхъ учениковъ и сотрудниковъ его, чтобы они *знали, «како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины»* (1 Тим. 3, 15). Если бы апостолъ говорилъ здѣсь только о писанномъ источникѣ откровеннаго ученія, о книжныхъ словахъ вѣры, то онъ не внушалъ бы своимъ преемникамъ столь усердно и ревностно оберегать внутренно-благодатныя основы, т. е. церковно-религіозные источники и начала, сокрытые въ глубинѣ христіанскаго преданія и жизни. «Писанныя книги» обыкновенно легко сохраняются въ свиткахъ, при посредствѣ «умѣлыхъ переписчиковъ», въ особыхъ «книгохранилищахъ» (архивахъ). Но апостолъ Павелъ высказываетъ здѣсь особую заботу о томъ, какъ бы церковно-іерархическія основы христіанскаго ученія были въ цѣлости сохранены въ сердцахъ, въ самой жизни его преемниковъ Духомъ Святымъ, благодатно и таинственно обитающимъ въ нихъ [17]).

Христіанское откровеніе, какъ живоносное ученіе и «*сила Божія* (1 Кор. 1, 24), возводящая умъ и сердце наше къ божественной, истинѣ, распространяется и утверждается не меха-

[17]) Сравн. комментарій Беллярмина на 1 Тим. 6, 20 (op. cit., IV, 5).

нически, т. е. путемъ одной книжной записи, но путемъ историческимъ, путемъ жизненнымъ, посредствомъ особыхъ церковно-іерархическихъ органовъ, посредствомъ богомудрыхъ преемниковъ апостольскаго служенія въ церкви. Его сообщаетъ живой человѣкъ (живая человѣческая личность) «*во имя Божіе*» (2 Кор. 5, 20; 1 Кор. 5, 4—5) и при помощи Божіей живому же человѣку, живымъ людямъ. «*Божія нива*» требуетъ насаждающаго и поливающаго (1 Кор. 3, 6—9). Отсюда сама собою обозначается насущная необходимость непосредственнаго воздѣйствія одной христіанской личности на другую *въ церкви*, т. е. необходимость живаго и постояннаго преемства религіознаго ученія христіанской вѣры и благодатной жизни (2 Тим. 3, 14). Только путемъ непрерывной передачи божественныя истины христіанскаго ученія и спасительныя дѣйствія благодати правильно уразумѣваются въ церкви и черезъ церковь переходятъ въ религіозное сознаніе и жизнь всѣхъ истинно-вѣрующихъ, Именно со стороны этой исторической передачи какъ вѣроученія, такъ и церковно-практическихъ правилъ жизни, христіанская церковь имѣетъ всегдашнюю нужду въ *богоустановленной іерархіи* и ея непрерывномъ преемствѣ [18]). А такъ какъ церковная іерархія сосредоточивается въ епископствѣ, то ясно, почему церковь была ввѣрена апостолами епископамъ (Дѣян. 10, 17, 28; 1 Тим. 4, 12; 5, 22; Тит. 1, 5; Евр. 5, 4; Апок. 2, 1, 14). Поэтому всѣ епископы одинаково суть *законные апостольскіе преемники*, получившіе отъ Христа-Бога, каждый въ свой удѣлъ, равное церковно-іерархическое достоинство [19]). Отсюда понятно, въ какомъ смыслѣ церковно-іерархиче-

[18]) Въ этомъ пунктѣ находится главнѣйшая причина, почему ученіе о значеніи и учительскомъ авторитетѣ церковной іерархіи въ дѣлѣ *живой* передачи христіанской вѣры и жизни составляетъ существенный моментъ и характеристическую черту библейскаго взгляда на преданіе.

[19]) Говоря о поставленіи апостолами епископами и о преимуществахъ ихъ церковно-іерархическаго служенія, мы не имѣемъ нужды совершенно отождествлять апостольство съ епископствомъ (*Mohler*, Symbolik, s. 265), ибо знаемъ, что къ числу отличительныхъ свойствъ служенія апостоловъ принадлежитъ «*непосредственное* ихъ званіе и посланичество отъ Іисуса Христа, равно какъ также непосредственное отъ Іисуса Христа наставленіе въ томъ, что они должны возвѣщать міру» (Исторія Евангельская и церкви апостольской, акад. лекціи прот. *А. Горскаго*, стр. 626) » Изъ непосредственности онаго званія слѣдовало и то, что служеніе сіе было безпреемственно; въ собственномъ смыслѣ апостолы себѣ преемниковъ не имѣли и имѣть не могли. Петръ и Павелъ, говоритъ Иринеи (Лионскій), передали Лину *не апостольство*, но епископство «(1b 627 стр; о другихъ преимуществахъ» апостольскаго служенія въ

ское служеніе епископовъ и пресвитеровъ слову и дѣлу Христову основывается на особомъ божественномъ посланничествѣ (Іоан. 20, 21; Рим. 10, 15; Евр. 5, 4), свидѣтельствуемомъ всею церковію *въ таинствѣ священства* (Дѣян. 20, 28; 1 Тим. 4, 14; Евр. 5, 4) [20]). Отсюда сама собою уясняется и религіозно-догматическая важность, равно какъ и церковно-каноническое *значеніе епископства* въ системѣ *апостольскаго преданія*, т. е. въ религіозномъ сознаніи и жизни вселенской церкви. Апостольскія установленія и увѣщанія, о которыхъ говорилось раньше, ясно показываютъ намъ, что апостолы были вполнѣ убѣждены, что въ поставленіи въ церкви и для церкви епископовъ и пресвитеровъ, вообще пастырей и учителей, они заботились о поддержаніи во всей чистотѣ и совершенствѣ христіанской истины и благодати. И дѣйствительно,—какъ показываетъ исто-

---

церкви см. тамъ-же, 627—633 стр.) Апостольство въ христіанской церкви было единственнымъ и чрезвычайнымъ дарованіемъ и служеніемъ (Высокопр. *Макарій*, Пр.—Догм. Богосл., т. 2 § 169, стр. 158, прим. 486; здѣсь достопримѣчательна ссылка на митрополита *Филарета* въ его ученіи о церкви апостольской), а потому и *неповторяющимся* (изъ иное. *Hundeshagen*, Über die Erneuerung des evangelischen Aeltesten- und Diakonenamtes, 1854, s. 17) Апостолы были лицами *чрезвычайными* въ церкви, а епископы суть такія лица, коимъ іерархическое служеніе должно было перейти въ *постоянную* должность для всѣхъ временъ исторической жизни церкви. Епископство есть званіе и служеніе слову Божію постоянное. Итакъ, несомнѣнно, что епископство *происходитъ отъ апостоловъ*, но также истинно и то, что *апостольство не есть епископство*, равно какъ и наоборотъ: епископство не апостольство, хотя оно и имѣетъ церковно-апостольскій авторитетъ по своему первоначальному происхожденію отъ апостоловъ (Фил. 4, 3; 1 Петр. 5, 1; 2 Іоан. 1). Въ такомъ разумѣніи взаимнаго отношенія между апостольствомъ и епископствомъ въ церкви Христовой находится осужденіе какъ римско-католической (ультрамонтанской, чистопапистической) мысли о совершенномъ *тожествѣ* или безразличіи апостольскаго служенія и епископской должности, такъ и ирвингіанской мечты о необходимости въ *земной* части церкви апостольства въ томъ самомъ видѣ и смыслѣ, въ какомъ оно существовало въ древне-апостольской церкви Здѣсь же имѣетъ свое оправданіе православное ученіе, по которому церковная іерархія, какъ ведущая свое первоначало отъ Самого Іисуса Христа и отъ сошествія Святаго Духа на апостоловъ и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжающаяся чрезъ преемственное рукоположеніе въ таинствѣ священства (Еф. 4, 11—12), есть то *живое учрежденіе* въ церкви, въ которомъ сохраняется *преемство* апостольскаго служенія (см. Простр. Христ. Катихизисъ, статья о 9 членѣ символа вѣры, въ концѣ). «Въ такомъ смыслѣ *и теперь* всякій епископъ, поставленный законно, есть преемникъ апостольскій; но это преемство и нынѣ никакому епископу не даетъ права на обладаніе всѣмъ тѣмъ, что имѣли апостолы, какъ апостолы, и каждый изъ нихъ особенно» (Архим. *Иннокентій*, Богосл. Обличит., т. 1, § 87, стр. 381)

[20]) *Е. Аквилоновъ*, Церковь. Научныя опредѣленія церкви и апост. ученіе о ней, какъ тѣлѣ Христовымъ. Спб. 1894, стр. 245.

рическій библейско-церковный опытъ,—преемники апостоловъ нерушимо передали содержаніе апостольскихъ залоговъ вѣры и жизни христіанской всѣмъ церквамъ апостольскимъ и проявили свой учительно-іерархическій авторитетъ, столь необходимый въ рѣшеніи и утвержденіи важныхъ вопросовъ вѣры и жизни.

Хотя «*писаніе истины*» (Дан. 10, 21),—вообще говоря,—не было ближайшимъ призваніемъ и дѣломъ апостоловъ, однако апостолы писали *и богодухновенныя* книги (θεοπνευστία), для цѣлей распространенія и утвержденія христіанскаго откровенія и вѣры. Но это, конечно, не затѣмъ, чтобы при помощи «verbum scriptum», т. е. слова писанія замѣнить преданіе, уже укоренившееся, какъ абсолютный законъ религіознаго бытія и жизни церкви, а, наоборотъ,—для того, чтобы при помощи *и писанія* восполнить, раскрыть, распространить, изъяснить откровенное ученіе тамъ, гдѣ это надлежало быть, по особому указанію свыше, отъ Бога (2 Петр. 1, 21). Писаніе, буквенные знаки мыслей и душевнаго настроенія, вообще книга—все это всегда и вездѣ служитъ для необходимаго дополненія и разъясненія устнаго слова,—живой рѣчи, т. е. для цѣлостнаго сохраненія устнаго преданія вообще; ибо прежде чѣмъ что-либо описывать и излагать въ книгѣ нужно, чтобы это существовало [21]). Но ни какъ нельзя сказать того, чтобы писаніе (книжное слово) замѣняло собою, т. е. устраняло творческую силу и внутреннее достоинство живаго слова. Такое предположеніе было бы «вопіющимъ противорѣчіемъ» самой сущности писаннаго и устнаго слова въ ихъ взаимодѣйствіи и никогда неразрываемой, органической связи. Писаніе и преданіе всегда существуютъ совмѣстно, совокупно, неизмѣняемо и нерушимо [22]).

Какъ видно изъ сказаннаго, «въ помощи писанія» съ самаго начала исторіи христіанскаго откровенія и церкви «не было никакой нужды» [23]). И христіанская церковь навсегда осталась бы при одномъ преданіи, при одномъ «*Евангеліи Христовѣ*» (2 Кор. 9, 13), если бы всѣ христіане непоколебимо пребывали

---

[21]) Апок. 1, 19.

[22]) *Шуази*, Апостол преданіе, стр. 19. Преосвящ. *Амвросій*, Живое слово, стр. 21—22.

[23]) Св. *Златоустъ*, Бесѣд 1 на Ев. Матѳея, Москва, 1846, ч. 1, стр. 1.

въ «*словеси истины*» (2 Кор. 6, 7). Тогда бы не было и самаго вопроса о письменныхъ документахъ христіанскаго откровенія. «Между тѣмъ па дѣлѣ оказалось иное» [24]). Люди не слушались внутренняго закона божественнаго преданія; отсюда появились различныя заблужденія и пороки. Тогда «стало необходимо нужно исправленіе при помощи письменъ» [25]). «По причинѣ нарушенія *законовъ написанныхъ* Соблаговолившій всѣми способами возводить послушныхъ къ добродѣтели, по справедливости, обратился къ законамъ писаннымъ» [26]). «Онъ благоволилъ, чтобъ написаны были евангелія, дабы мы, научаясь изъ нихъ истинѣ, не увлекались еретическою ложью, и чтобъ наши нравы не испортились совершенно» [27]).

Такова историческая необходимость писанія при преданіи, его цѣлесообразность и совершенство. *Новозавѣтныя книги* написаны въ церкви по настоянію нужды [28]), но *не вопреки* слову и дѣлу Христову, а «*по повелѣнію вѣчнаго Бога*» (Рим. 14, 25). Самъ Духъ Христовъ (Іоан. 14, 26), *Духъ Святый* положилъ *начало писанію*, принесъ и освятилъ его смыслъ и разумѣніе, указалъ путь его въ церковь, чтобы и чрезъ него охранялись богодухновенные глаголы апостоловъ во всей небесной чистотѣ (Пс. 119, 18, 34, 68, 135: Мат. 13, 36; Лук. 24, 45). Апостолы, во-истину, были равно богодухновенны, т. е. богонаучены и въ своихъ словахъ и въ писаніяхъ (1 Кор. 2, 13, 16). Съ этой стороны, очевидно, *богоначертанныя письме на* не могли «лежать внѣ плана божественнаго откровенія въ церкви». *Историческое происхожденіе* писаній въ Новомъ Завѣтѣ,—т. е. то, что, обыкновенно называется impulsus ad scribendum (causa secundaria), — говоря по — человѣку, — есть какъ бы случайное явленіе. «*Что убо законъ* (письменный или внѣшній); *преступленій ради приложися*» (Гал. 3, 19; сравн. Рим. 2. 20; 5, 20). Но это нисколько не касается *самаго существа* откровеннаго ученія въ его письменной передачѣ, а только особаго способа исторической

---

[24]) *Иннокентій*, Богосл. облич., т. IV, стр. 132.

[25]) Св. *Исидоръ Пелусіотъ*, Письма, кн. 2, письмо 196 (Москва, 1860, твор. ч. 2, стр. 159); сравн. *Златоуста* цитов. твореніе, ib. стр. 2.

[26]) Св. *Исидоръ*, ibidem.

[27]) Бл. *Ѳеофилактъ* Болг. Толкованіе на ев. Матѳея (Казань, 1855, ч. 1, стр. 2).

[28]) *Евсевій*, Церк. исторія, кн. 3, гл. 25.

передачи. Это необходимая оговорка здѣсь. Писанію должно принадлежать равное достоинство и сила съ преданіемъ. Между ними въ ихъ взаимодѣйствіи должна мыслиться, по библейскому взгляду, полная гармонія и единство, а не какая-либо противоположность и раздѣленіе, какъ думаютъ напрасно католическіе и протестантскіе писатели. [29]) Писаніе не противъ преданія стоитъ въ своемъ церковно-историческомъ происхожденіи и жизни, а рядомъ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ и для него. Вотъ основной православный тезисъ.

Въ ряду новозавѣтныхъ писаній *апостольскія посланія* (ἀπόστολος) занимаютъ первое мѣсто, по времени своего происхожденія, т. е. въ хронологическомъ порядкѣ. Въ нихъ апостолы точнѣе опредѣляли христіанское ученіе вѣры, возбуждали напоминаніемъ и раскрывали «*чистый смыслъ*» (2 Петр. 3, 1) словъ и заповѣдей Господнихъ, преданныхъ церквамъ, основаннымъ ими, обличали всяческія заблужденія и пороки, давали предписанія, касавшіяся какъ нравственной жизни, такъ и богослуженія. Изъ этихъ посланій всѣ христіане должны были заимствовать необходимыя

---

[29]) Ошибка католическихъ писателей по вопросу о происхожденіи писанія при преданіи въ томъ, что они чрезмѣрно возвышаютъ авторитетъ преданія въ ущербъ писанію. По ихъ взгляду, писаніе должно разсматривать, какъ «вводимый эпизодъ» (hors d'oeuvre). Писанный Новый Завѣтъ не лежалъ въ намѣреніяхъ Божіихъ. Но здѣсь слишкомъ много сказано въ пользу католической системы. Выходитъ, что книги Новаго Завѣта написаны безъ воли и повелѣнія Христа, т. е. вопреки слову и повелѣнію Божію (Ср. Хемницъ, Ex., p. 14) Неразрѣшимый узелъ противорѣчій Тутъ имъ нисколько не поможетъ и мнѣніе о томъ, что «scripturas non esse simpliciter necessarias» (*Беллярминъ*, op. cit., 4, 4) Нужно рѣчь направлять *не противъ* письменнаго начертанія новозавѣтнаго откровенія и не на доказательство «абсолютной необходимости *писанія* для существованія христіанской *религіи* въ мірѣ» (*Marheineke*, Dogmatik, 1847, s. 559), а на выясненіе *субъективныхъ причинъ*, почему для *людей* стало необходимо писаніе, когда они забыли преданіе. На этой точкѣ зрѣнія и стоитъ православный взглядъ Нѣтъ никакого принципіальнаго (объективнаго) различія между писаніемъ и преданіемъ. Цѣль передачи откровенія Божія въ церкви одна, изъ церкви и въ ней произошло само писаніе, и она никогда не обрывалась. Библія—въ церкви и для церкви Католическіе писатели считаютъ писаніе «слишкомъ искусственнымъ» и недостойнымъ Бога посредствомъ. Но неразумно глаголъ Господень измѣрять «человѣческимъ масштабомъ». Актъ богодухновенности при писаніи есть духовное просвѣщеніе и, поэтому, священные писатели изрекали не свое, а *Божіе* слово.

Ошибка протестантовъ по вопросу о происхожденіи писанія въ церкви состоитъ въ томъ, что они «писаніемъ поглощаютъ преданіе». Они говорятъ, что сначала было одно преданіе, а затѣмъ, съ развитіемъ «религіознаго самосознанія церкви», писаніе стало единственнымъ правиломъ и источникомъ вѣры. Преданіе—«темное

доказательства и свидѣтельства догматической истины и исторической достовѣрности божественнаго откровенія въ ученіи и дѣлѣ жизни. Таковъ кругъ ихъ назначенія. Но какъ самымъ своимъ характеромъ, такъ и своимъ особымъ содержаніемъ, они утверждаютъ наше основоположеніе, которое мы защищаемъ со всею силою православно-церковнаго убѣжденія, т. е. абсолютную важность и необходимость преданія при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ. Посланія не образуютъ самого начала евангельской проповѣди въ церкви Христовой, не «во главѣ исторіи» христіанскаго откровенія и церкви стоятъ онѣ, какъ всезахватывающій догматико-канонический источникъ и принципъ; равнымъ образомъ не служатъ они чрезвычайнымъ (особеннымъ) догматико-гносеологическимъ средствомъ для исключительнаго совершенія «*словеснаго служенія*» (Рим. 12, 1) апостоловъ, а просто являются они существеннымъ дополненіемъ къ проповѣди или личной дѣятельности (т. е. примѣру) апостоловъ (1 Θес. 2, 17—18; 1 Кор. 11, 34), т. е. къ преданію, раскрывая и распространяя его. Если вообще говорить о церковно-историческихъ условіяхъ и способахъ происхожденія апостольскихъ посланій, имѣвшихъ ощутительное вліяніе и на самый письменный

основаніе», на которомъ построилось зданіе церкви (*Баур*, Hebr. Myth. d. Alt. u. N. Test., I, s. 7 ff). Писаніе—рефлективный источникъ и въ немъ заключено все истинное и *существенное* (*Marheineke*, System des Katholiz. II, s. 187), «перлы апостольской мудрости и божественнаго откровенія». Но такой взглядъ утрируетъ до крайности вопросъ о взаимодѣйствіи преданія и писанія. Если преданіе не достаточный источникъ, то откуда же самодовлѣемость писанія, происходящаго изъ него? Если оно «темное основаніе» вѣроученія, то откуда абсолютная ясность библіи? Вѣдь протестанты и сами признаютъ *качественное единство* апостольской проповѣди и писанія. А если такъ, то они сами себя осуждаютъ, считая писаніе *единственно-истиннымъ* источникомъ. Догматическая истина и историческая достовѣрность писанія остаются безъ «достаточнаго основанія» и объясненія. Поэтому «болѣе послѣдовательные» изъ протестантскихъ богослововъ говорятъ, что «желать сдѣлать писаніе правиломъ это значитъ искать идеалъ человѣческаго образа въ формахъ дѣтскаго возраста» (*Штраусъ*, Glaubenslehre, I, s. 177) и что «писаніе не есть слово Божіе исключительно и что оно еще не окончено, ибо слово Божіе должно еще найти посредствомъ совершеннаго испытанія его (освѣщенія)» каждымъ индивидуумомъ или всею церковію (*Pothe*, Euk, § 242) Отсюда надежды протестантовъ на отысканіе *новыхъ книгъ* писанія и *незаписанныхъ* изреченій Христовыхъ (λόγοι ἀγραφοί). Но если это такъ, то, очевидно, что и самое каноническое слово Господа и апостоловъ должно оказаться составною частію такого вѣроученія, которое постепенно усовершается и котораго позднѣйшіе результаты суть болѣе вѣрныя и точныя отраженія первообраза, чѣмъ прежніе. Но это уже progressus infinitus, не имѣющій мѣста въ христіанскомъ откровеніи.

образъ изложенія откровенія, заключающагося въ нихъ, то должно думать, что посланія суть писанія фрагментарныя и какъ бы случайныя, это «избранные отрывки» [30]). «Посланія (апостоловъ) главнымъ образомъ содержатъ въ себѣ изъясненія только нѣкоторыхъ истинъ проповѣдуемаго ими ученія; о многомъ говорится только мимоходомъ; многое должно выводить по заключенію» [31]). По этому въ самыхъ посланіяхъ часто указываются историческіе поводы къ ихъ написанію, и они нерѣдко ограничиваются тѣми предметами вѣры и жизни, которые послужили поводомъ [32]). Отсюда богодухновенные составители ихъ и не имѣли въ виду при помощи ихъ однихъ «*совершать священнодѣйствіе благовѣствованія Божія*» (Рим. 15, 16). Если апостолы нерѣдко ссылаются на

[30]) «Составивъ писанія свои и предавъ ихъ христіанамъ на утвержденіе въ вѣрѣ и огражденіе ея отъ искаженій, св. апостолы не уничтожили этимъ устнаго откровенія Божія, черезъ которое исключительно распространяли они христіанскую вѣру первоначально. Самое содержаніе этихъ писаній, явившихся по частнымъ случаямъ, не столько для изложенія догматовъ вѣры, сколько для большаго внушенія особенно важныхъ или забытыхъ истинъ, для разрѣшенія недоумѣній, для опроверженія предразсудковъ и т п, ясно показываетъ, что у благовѣстниковъ Христовыхъ никогда не было въ намѣреніи *обстоятельно писать обо всемъ, входящемъ въ составъ христіанства*, и такимъ образомъ изложить обыкновенную, возможно—полную и подробную систему вѣроученія; а безпристрастное разсмотрѣніе писаній ихъ показываетъ, что это—*безцѣльные отрывки*, содержаніе въ себѣ ученіе вѣры и жизни по ней христіанъ, изложенные въ письменіи такими лицами, главная заботливость которыхъ *не въ томъ состояла, чтобы писать книги* (св *Іоаннъ Златоустъ*, Бесѣд. 1 на Дѣян. апост. ч. 1, стр. 5. СПБ 1856) и которые посему иные догматы излагали въ подробности, а иные оставляли безъ объясненія, иные предлагали въ ясномъ свѣтѣ, а на другіе дѣлали только указаніе, объ однихъ повторяли многократно и въ нѣсколькихъ писаніяхъ, а о другихъ упоминали только однажды, приспособляясь въ такихъ случаяхъ къ нуждамъ и состоянію наставляемыхъ, какъ требовала цѣль писаній ихъ, а не какъ нужно было для христіанъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ» Арх. *Иннокентій*, Бог облич., т. 3, стр. 177—178 Сравн. *Бенескриптовъ*, цитов. соч., стр 7, *Антоній*, § 14, стр. 9; изъ иносл. *Perrone*, Glaubensregel II, s. 49; *Walter*, Kirch.-Recht, § 11.

[31]) *Прот. А. Горскій*, цитов. соч., стр. 586.

[32]) Протестантскіе богословы особенно обращаютъ вниманіе въ своихъ исагогикахъ на поводы къ написанію апостолами посланій, съ цѣлью убѣдиться въ самодовлѣемости писанія для экзегетики и догматики Но они «не вѣдятъ, что творятъ». Здѣсь они становятся въ странное противорѣчіе. Или нужно приписать поводамъ рѣшающее значеніе, тогда должно допустить *неполноту* писанія, т е предположить, что «письменно сохранившіеся памятники апост. эпохи далеко не исчерпываютъ всего матеріала» (Гольцманъ, s. 137), вошедшаго въ употребленіе чрезъ учениковъ Христа, иначе говоря, предположить необходимость восполняющаго преданія (см. у Валха, XI, р. 479, склоненіе въ эту сторону Лютера, считающаго необходимость написанія книгъ ущербомъ и недостаткомъ для духа вѣры); или же категорически признать абсолютную самодовлѣемость писанія, но тогда указаніе на impulsus ad scribendum ни при чемъ.

письменныя постановленія (напр., 2 Θес. 2, 14—15; 1 Кор. 5, 9; 2 Кор. 2, 3—4; 9, 7—8), то это бываетъ въ посланіяхъ къ *одной и той-же* помѣстной церкви. Противъ этого ничего не говорятъ болѣе общія надписанія, какія, напр., мы встрѣчаемъ въ обоихъ посланіяхъ ап. Павла къ Коринѳянамъ; ибо «*святые, сущіи во всей Ахаіи*» (2 Кор. 1, 1) зависятъ отъ матери апостольской церкви,—«*церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ*». Да и самый составъ этихъ обоихъ посланій носитъ на себѣ явную печать извѣстнаго историческаго повода. Вотъ почему апостолы съ своей стороны только листъ за листомъ развертывали живую книгу евангельскаго преданія, такъ сказать, пріурочивая свои откровенія къ насущнымъ духовно-религіознымъ потребностямъ своихъ учениковъ и послѣдователей, т. е. своихъ преемниковъ и ихъ церквей (1 Кор. 3, 1—3; Евр. 6, 1—13) [33]).

Само собою разумѣется, что апостолы заботились и о томъ, чтобы ихъ посланія, адресованныя къ однимъ церквамъ и къ однимъ лицамъ, передавались повсюду, гдѣ только были «*красныя ноги*» благовѣстниковъ Христовыхъ. Несомнѣнно, что апостольскія посланія первоначально предназначались для извѣстныхъ церквей и извѣстнаго круга читателей. Но это вовсе не исключаетъ того, что и другія, и прежде всего ближайшія, церкви приглашались *къ чтенію посланій*, особенно при богослуженіи. Такъ, напр., ап. Павелъ повелѣваетъ колоссянамъ передать посланіе, написанное къ нимъ, и Лаодикійской церкви для прочтенія, также какъ и наоборотъ, «*написанное* отъ Лаодикіи» (т. е. посланіе къ Ефесянамъ) принять и прочитать у себя (Кол. 4, 16; ср. Еф. 1, 1; 1 Θес. 5, 27). Здѣсь ясно указанъ полный обмѣнъ апостольскихъ посланій, живой процессъ ихъ взаимодѣйствія въ церквахъ апостольскихъ.

Конечно, апостолы по дѣйствію Духа Святаго прозирали въ своихъ посланіяхъ далѣе того, что требовалось извѣстными историческими обстоятельствами и религіозно-нравственными интересами [34]). Именно потому, что они писали въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, да и то далеко не всѣ, ихъ посланіямъ должно придавать особенное

---

[33]) *Шуази*, цит. соч., стр. 45.

[34]) Сравн. Хемницъ, Examen, комментарій на Колос. 4, 16 (р. 34).

значеніе [35]). Это уже видно и изъ той заботливости, какую, напр., высказалъ ап. Павелъ въ только что указанномъ мѣстѣ относительно распространенія своихъ посланій. Поэтому, по православно-библейскому взгляду на преданіе, на ряду съ «necessitas particularis scriptura» [36]) въ вопросѣ объ апостольскихъ посланіяхъ выставляется «necessitas totius ecclesiae» [37]), т. е. существенная потребность ихъ для всей церкви вообще, для всѣхъ вѣковъ и народовъ, для всего христіанскаго міра вообще. Обще-церковная задача апостольскихъ посланій состояла въ утвержденіи, при помощи подлинно-апостольскаго преданія (2 Θес. 2, 2, срав. Лук. 1, 1—4; Іоан. 21, 21—23), истины Божіей и уничтоженіи мнимо-апостольскихъ и ложныхъ ученій, колебавшихъ и смущавшихъ христіанъ. Здѣсь всего болѣе раскрывается библейское понятіе о *каноническомъ достоинствѣ* апостольскихъ книгъ [38]). И все-таки мы нигдѣ не видимъ того, чтобы какая-либо апостольская церковь была основана путемъ одного писанія. *Писаніе посланій* вообще не употреблялось апостолами для цѣлей миссіонерскихъ; церкви вездѣ устроялись по одному преданію. Это общій законъ религіознаго бытія и жизни церкви вселенской. Ни въ одномъ посланіи не дается систематически—полнаго ученія съ цѣлію обращенія въ христіанство *еще невѣрующихъ* лицъ и народовъ. Всѣ посланія, даже и *соборныя*, направлены *къ уже увѣровавшимъ* христіанамъ и къ вполнѣ организованнымъ церквамъ и, такимъ образомъ, какъ бы принаровлены къ особымъ извѣстнымъ богодухновеннымъ писателямъ отношеніямъ той или другой церкви [39]). Это справедливо даже относительно посланія

---

[35]) См. Evangel. Kirchenzeitung, 1845, s. 112 у Гольцмана, Kanon, § 17, s. 127.

[36]) «Necessitas particularis scriptura»—главнѣйшій тезисъ католическаго богословія. При помощи его католики доказываютъ абсолютную необходимость преданія.

[37]) Протестанская догматика выставляетъ «necesitas totius ecclesiae» писанія (антитеза), чтобы доказать, что преданіе есть ненадежный источникъ и, во всякомъ случаѣ, есть opus supererogationis.

[38]) Какъ поэтому несправедливо мнѣніе Вессенберга (Gesch. gross. Kir.-versamml., I, p. 19) о «боязни», заставлявшей апостоловъ весьма скудно излагать свои мысли при написаніи.

[39]) *Горскій*, цит. соч. стр. 586. Изъ иносл. *Шлейермахеръ*, op. cit, § 129, 1, II, s 357—358. *Reuss*, Gesch. heil Schrift. N. T., § 167. *De-Bette*, Lehrbuch d. historisch-kitischen Einleitung in d kanonischen Bücher d. Neuen Testam., II, § 60. *Dollingen* Christenthum u. Kirche, s. 155. *Knapp*, Vorles. über Dogmatik I, s. 101. *Molitor*, Phil. d. Geschichte, oder die Tradition, I, 1827, s. 298. *Khun*, Dogm. I, s. 30, 42.

ап. Павла къ Римлянамъ (см. особенно 1, 11; 15, 15: мысль о недостаточности писанія въ выраженіи ἀπό μέρους) занимающаго въ ряду апостольскихъ посланій особое мѣсто; такъ какъ оно предназначалось для церкви не имъ основанной и лично ему неизвѣстной (1, 13; 15, 22). И оно, несмотря на это, не есть «существенное сокращеніе» (τό ἐν ἐπί πολλῶν), или compendium догматическаго и нравственнаго ученія ап. Павла, а скорѣе обнаруживаетъ довольно ясно извѣстную догматико-апологетическую задачу, которую нельзя объяснить изъ одного положенія «*апостола языковъ*» (Гал. 2, 9), въ ряду прочихъ благовѣстниковъ, но которая имѣетъ свое глубочайшее основаніе въ отношеніяхъ указанной церкви (вопросъ о язычествѣ и іудействѣ въ отношеніи къ христіанству).

Такова обще-церковная зависимость апостольскихъ посланій отъ преданія, какъ неписаннаго слова и дѣла Божія. Очевидно, что посланія апостоловъ никакъ не могли замѣнить собою или устранить устное преданіе, а скорѣе необходимо его предполагали повсюду (1 Кор. 11, 2, 16, 34; 2 Оес. 2, 15; 1 Тим. 6, 20; 2 Тим. 1, 13—14: 2, 12); ибо и сами они суть не иное что, какъ достовѣрный *отголосокъ* живой рѣчи (устнаго наставленія) апостоловъ, а во многихъ мѣстахъ—письменное повтореніе и подтвержденіе ея, ὑπομνήματα [40]). Въ посланіяхъ есть множество указаній ясныхъ и прямыхъ на то, что они суть богоначертанныя письмена тѣхъ же самыхъ παραδόσεις, которыя апостолы сначала сообщили διά λόγου (2 Оес. 3, 6, 10—12; 1 Кор. 11, 1—2, 23—25; Рим. 15, 15; Филип. 3, 18; Гал. 5, 21). Нерѣдко они и писались для того, чтобы διά ἐπιστολῆς подтвердить догматическую истину и историческую достовѣрность первоначальнаго преданія, особенно противъ людей, противившихся откровенію Божію, развращенныхъ умовъ, невѣждъ въ вѣрѣ. Таково, напр., первое соборное посланіе ап. Петра (1, 25). Отсюда то апостолы въ своихъ посланіяхъ нерѣдко ссылаются на устное проповѣданіе, на живую передачу ученія въ церкви, на богодухновенность голоса церкви. Странно, поэтому, въ существованіи самихъ посланій въ повозавѣтномъ канонѣ видѣть «библейское указаніе» на «*недостаточность* устной формы слова» [41]). Напро-

[40]) *Никифоръ Каликстъ*, Церков. Ист., 2, 34.

[41]) *Хемницъ*, op. c., p. 36.

тивъ, въ виду доселѣ сказаннаго, въ историческомъ происхожденіи и распространеніи апостольскихъ посланій въ церкви должно видѣть существенной важности свидѣтельство въ пользу преданія, живущаго на ряду съ записаннымъ словомъ Божіимъ. Посланія безъ преданія не мыслимы въ церкви апостольской; только во взаимодѣйствіи съ нимъ видна ихъ совершенная необходимость и догматико-каноническое цѣлокупное единство.

Что же касается *евангелій* (τὸ εὐαγγέλιον), особенно ихъ церковно-историческаго происхожденія, ихъ цѣли и состава, то должно признать за несомнѣнное, что онѣ также, какъ и посланія апостоловъ, находятся въ органической связи съ преданіемъ и, слѣд., никакъ не могутъ умалять его внутреннее достоинство и устранять его необходимость. Написанныя евангелія всецѣло произошли отъ преданія, какъ нѣчто законченное, цѣлокупное и самозаключенное (напр. Матѳ. 24, 14; 26, 13; Марк. 14, 9). Это положеніе въ наукѣ считается библейски-богословской аксіомой [42]). Живое слово Евангельской вѣры и книжная запись нераздѣльны, неразлучны и никогда ничѣмъ неразлучимы въ церкви православной. Евангеліе отъ Луки ясно свидѣтельствуетъ, что оно составлено на основаніи единаго догматико-каноническаго устнаго преданія «*очевидцевъ и служителей Слова о извѣствованныхъ* въ церкви *вещехъ* (1, 1—2), т. е. о совершенно извѣстныхъ между всѣми христіанами событіяхъ изъ жизни Христовой. Отсюда само собою объясняется полнѣйшее единство и гармонія всѣхъ евангельскихъ повѣствованій во всѣхъ отношеніяхъ.

Составлены ли были въ самую первую пору жизни церкви Евангелія или нѣтъ, мы не будемъ изслѣдовать этого вопроса [43]). Если они дѣйствительно относятся къ раннѣйшему періоду, то отсутствіе ссылокъ на нихъ въ посланіяхъ (1 Кор. 9, 14; 1 Тим. 5, 18) странно и трудно объяснимо, а если ихъ нужно отнести,—что всего вѣроятнѣе,—къ болѣе позднему періоду первохристіанской

[42]) *Шуази*, стр. 71—72 *Reuss*, Geschicht. d. heil Schrift. N T § 167.

[43]) Извѣстно, что «порядокъ расположенія нашихъ свящ. книгъ не соотвѣтствуетъ хронологическому порядку Четыре Евангелія, стоящія въ началѣ Новаго Завѣта, не суть древнѣйшія книги этого собранія. Хотя въ нихъ повѣствуется о жизни Іисуса Христа, но они не древнѣе нѣкоторыхъ изъ посланій ап. Павла, а евангеліе отъ Іоанна написано не прежде книги Дѣяній св. апостоловъ Посему въ хронологическомъ порядкѣ, книги Новаго Завѣта могутъ быть иначе расположены» (*Шуази*, 69 стр.).

церкви[44]), то этотъ фактъ долженъ служить для насъ дальнѣйшимъ доказательствомъ за истину преданія. Фактъ это не какой-либо случайный (per accidens), а непремѣнно общаго свойства; ибо онъ показываетъ, что въ самое раннее время исторической жизни христіанскаго откровенія и церкви не считалось нужнымъ предавать «инертной *хартіи* и мертвеннымъ *чернилам*ъ» свѣтоносныя воспоминанія, ἀπομνημονεύματα[45]) о жизни и ученіи Іисуса Христа Господа. Во всякомъ случаѣ, изъ церковно-библейской исторіи происхожденія Евангелій выходитъ, что они были написаны не съ тою цѣлью, чтобы представить изъ себя возможно полное и совершенное изложеніе ученія и жизни Господней, которое должно было бы служить единственной основой и источникомъ апостольской проповѣди «*о волѣ Божіей во Христѣ Іисусѣ*» (1 Θес. 5, 18) и истинно-религіозномъ обученіи «*работати Богу живу и истинну*» (1 Θес. 1, 9). Пока живы были всѣ свидѣтели-очевидцы евангельскихъ событій, (Дѣян. 1, 22), «*начиная отъ крещенія Іоаннова*» (Дѣян. 1, 22), пока живо и непосредственно было преданіе, вышедшее изъ устъ Христа, т. е. «преданіе первыхъ временъ»[46]), особой нужды не ощущалось въ письменной передачѣ и въ письменномъ свидѣтельствѣ «*всѣхъ заповѣдей и оправданій Господнихъ*» (Лук. 1, 6). Для первоначальнаго основанія вѣры во Христа и для религіозной организаціи церкви, т. е. для полнаго и совершеннаго осуществленія заботъ апостоловъ о водвореніи повсюду новой религіозно-нравственной жизни, достаточно было одного *возвѣщенія* слова Божія «*во Святомъ Духѣ*» (1 Θес. 1, 5), одного устно-проповѣданнаго *евангелія о Христѣ, одного апостольскаго благовѣствованія въ церкви Христовой*[47]). Книжное слово Божіе должно было придти послѣ и

---

[44]) По церковному преданію, евангеліе отъ Матѳея переведено съ еврейскаго на греческій около 70 г., евангеліе отъ Марка составлено около 60—70 г., отъ Луки около 80 г., а отъ Іоанна—письменное завершеніе всей апостольской проповѣди устной и книжной, евангелій и посланій.

[45]) У св. Іустина мученика.

[46]) *P. Schanz*, Apologie d. Christenthum, III. 1888, s. 253.

[47]) Чтобы поставить подъ сомнѣніе вопросъ о преданіи, нѣкоторые изъ протестантскихъ богослововъ говорятъ, что «евангеліе о Христѣ мало имѣетъ общаго съ деталями исторической жизни Іисуса» (*Weiss*, Leben Jesu I, s. 17). Но такъ можно говорить только при предположеніи «полнаго разрыва» между писаніемъ и преданіемъ или при «завѣдомомъ умалчиваніи» со стороны учениковъ Христовыхъ. Но то и другое—эфемерное предположеніе. Слово писанія есть истинное выраженіе апостольскаго

какъ бы на помощь устному преданію въ дѣлѣ напоминанія и памятованія о жизни и ученіи Господнихъ, а отнюдь не для какой-либо его перемѣны и преложенія «во ино благовѣствованіе» (Гал. 1, 6), а тѣмъ болѣе не для отмѣны его.

Книжныя евангелія, написанныя евангельскія книги, τὰ γραφόμενα βιβλία (Іоан. 21, 25), по своему составу, не могутъ считаться вполнѣ обстоятельнымъ *описаніемъ* всей вообще жизни Іисуса Христа. Молчаніе о многомъ, сотворенномъ Господомъ въ ученіи и жизни— отличительная черта ихъ[48]). Но и *общее содержаніе апостольской проповѣди*, находящееся и раскрываемое въ другихъ новозавѣтныхъ книгахъ убѣждаютъ насъ въ этомъ. Такъ, напр., изъ проповѣдей апостола Петра, записанныхъ въ книгѣ Дѣяній св. апостоловъ, мы видимъ, что главнѣйшій предметъ ихъ составляютъ только основоположительные и какъ бы центральные факты изъ жизни Господа. Соборныя посланія его вполнѣ подтверждаютъ это. Относительно ап. Павла, «*паче всѣхъ* апостоловъ *потрудившагося*» (1 Кор. 15, 10) и въ писаніи, повидимому, можно было бы предполагать, что онъ особенно будетъ стремиться къ тому, чтобы во всѣхъ подробностяхъ разузнать всю евангельскую исторію и «систематически изложить» ее въ своихъ посланіяхъ къ «языко-христіанскимъ» церквамъ. Онъ не принадлежалъ къ числу апостоловъ, бывшихъ съ самаго начала очевидцами и служителями Господа Іисуса, «*которые съ Нимъ ѣли и пили, по воскресеніи Его изъ мертвыхъ*» (Дѣян. 10, 41); его духовное рожденіе и апостольское призваніе (ὡςπερεὶ τῷ ἐκτρώματι, 1 Кор. 15, 8), въ силу чего онъ былъ принятъ церковію въ кругъ Христовыхъ апостоловъ, были чрезвычайны. Но оказывается даже наоборотъ. Его постоянное уклоненіе отъ похвалы «*въ чужихъ трудѣхъ*»

напоминанія во Святомъ Духѣ (Іоан. 14, 26). Духъ Святой напомнилъ ученикамъ всѣ слова Господа, всю Его жизнь. И это есть главнѣйшая причина, почему Самому Господу вполнѣ излишне было собственноручное писаніе о жизни и ученіи Своемъ. Жизнь и ученіе Его отразились, какъ бы въ нѣкоемъ зеркалѣ, въ писанномъ евангеліи и въ живой церкви, куда и должны смотрѣть всѣ поколѣнія людей и тамъ узнавать всю евангельскую исторію, всю жизнь Христову.

[48]) «Четыре трости четырехъ духодвижимыхъ мужей изобразили намъ нѣкія черты сего великаго образа, покушаясь представить *въ тѣсныхъ рамкахъ* слова человѣческаго съ высотою и величіемъ природы Искупителя Божественной уничиженіе и помощь природы Его человѣческой. Въ сей картинѣ все божественно—и свѣтъ, и тѣнь, и слово, и *молчаніе*». Прот. *А. Горскій*, цитов. соч. стр. 554, *Шуази*, цит соч, стр 88. *Reuss*, op cit., § 42.

(2 Кор. 10, 15—16; сравн. Рим. 2, 16: κατὰ τὸ εὐαγγέλιόν μου; Кол. 2, 1; 1 Θес. 1, 5; 2 Θес. 2, 14; 2 Тим. 2, 8), его общее предостереженіе отъ *чуждаго* благовѣствованія *имени Христова*, т. е. *не другого*, не иного, не различнаго и какъ бы отдѣльнаго по своему корню, по первоначальному происхожденію (по общему источнику), но только положеннаго *другимъ лицомъ* (ср. 1 Кор. 3, 10—11),—распространяется и на разсматриваемый нами пунктъ. Въ своихъ посланіяхъ онъ ссылается въ подтвержденіе основныхъ истинъ вѣры и жизни только на происхожденіе Господа изъ дома Давидова, на Его крестную смерть и воскресеніе. Слова апостола: «*азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ*» и проч. (1 Кор. 11, 23 и далѣе), нисколько не доказываютъ того, будто онъ имѣлъ предъ собою (подъ руками) какой-либо точно формулированный евангельскій текстъ, а просто указываютъ на непосредственное или посредственное преданіе, какъ на первоисточникъ божественнаго откровенія и истиннаго знанія о немъ. И во многихъ другихъ мѣстахъ ап. Павелъ постоянно ссылается на устное преданіе во свидѣтельство «*истины Божіей*» (Рим. 1, 25), какъ то на самого себя, на живыхъ очевидцевъ изъ XII апостоловъ и другихъ первоучениковъ Господа (1 Кор. 15, 1—8). Онъ неоднократно указываетъ на «*неизслѣдованное* (непзслѣдимое) *богатство Христово*» (Еф. 3, 8), т. е. христіанскаго откровенія, не вмѣщающагося въ границахъ книжнаго слова, для увѣренности въ необходимости преданія церкви.

Вотъ, напр., въ прощальномъ наставленіи епископамъ (пресвитерамъ) церкви Ефесской онъ говоритъ слѣдующія многознаменательныя слова: «*Вся сказахъ вамъ, яко тако... подобаетъ помнити слово Господа Іисуса, яко самъ рече* (μνημονεύειν τε τῶν λόγων τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ, ὅτι αὐτὸς εἶπε): *блаженнѣе есть паче дати, нежели пріимати*» (Дѣян. 20, 35). Это изреченіе Господне, буквально нигдѣ не заключающееся въ новозавѣтномъ писаніи, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ ἄγραφα δόγματα, считающихся существеннымъ дополненіемъ и раскрытіемъ словесъ Христовыхъ, записанныхъ у евангелистовъ[49]). На него апостолъ ссылается съ особеннымъ

[49]) *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, ч. 3, гл. 2, стр. 16. *Безпескриптовъ*, стр. 8. Проф. *К. Д. Поповъ*, Ученіе 12 апостоловъ, Кіевъ, 1885, стр. 27. У св. отцовъ и церковныхъ писателей древнѣйшаго періода (у чужей апостольскихъ, у св. Іустина фи-

указаніемъ. Когда, кому и по какому поводу было сказано это изреченіе Христомъ, объ этомъ ничего неизвѣстно изъ евангелій, а между тѣмъ апостолъ непоколебимо и всенародно исповѣдалъ во спасеніе свою вѣру въ его непреложную истину. Очевидно, онъ зналъ о немъ по свидѣтельству достовѣрнаго преданія, переходившаго изъ устъ въ уста въ апостольской церкви. И не только самъ онъ высказалъ здѣсь безусловную вѣру въ преданіе Господне, но и вся ефесская церковь, къ которой, въ лицѣ епископовъ, онъ обращалъ свою богодухновенную рѣчь; ибо онъ приводитъ слова Господни, какъ общеизвѣстныя.

Итакъ, даже «*слова Господни*» (λόγοι τοῦ Κυρίου) не всѣ вошли въ составъ «*нишемыхъ книгъ*» (Іоан. 21, 25), но соблюдались въ преданіи, «*въ чистой совѣсти*» (1 Тим. 3, 9) всѣхъ истинно-вѣрующихъ во Христа, въ устномъ «*ученіи апостоловъ*» (Дѣян. 2, 42), какъ ῥήτα ἄγραφα. Значитъ, если нельзя сказать абсолютно, что *все рукописное преданіе* нашихъ евангелій не было исперва устнымъ словомъ, то, наоборотъ, должно сказать не обинуясь, что *не всякое* сначала устное преданіе о Христѣ непремѣнно перешло полностію въ «писаніе божественныхъ евангелій»[50]), т. е. при апостолахъ и чрезъ нихъ самихъ. Только при сектантскомъ отрицаніи богодухновеннаго преданія вселенской церкви, какъ истинной хранительницы откровенія Божія, можно говорить, что «*записи всѣхъ рѣчей* Господнихъ потеряны безвозвратно» и что намъ, слѣд., вовсе ничего неизвѣстно объ историческихъ основахъ и условіяхъ происхожденія нашихъ евангелій [51]). Но тогда и само писаніе было бы не только

лософа, см. Разговоры съ Трифономъ іудеяниномъ, Климента Александрійскаго см. Строматы) находятся подобныя дополненія къ евангельскимъ изреченіямъ, которыя можно разсматривать даже въ качествѣ цитатъ. Ср I. G. *Koerner*, De sermonibus Christi ἀγράφοις. Leipz. 1776. *Steer*, Reden Iesu *Reuss*. Gesch. heil. Schrift. N T., 1853, s. 153. Проф *А. Лопухинъ*, Незаписанныя въ Евангеліи изреченія Христа Спасителя и новооткрытыя Его изреченія. С.-Петерб., изд. 2-е.

Кстати замѣтимъ, что эти ἄγραφα δόγματα служили историческимъ поводомъ къ созданію апокрифической литературы (evangelia apocrypha)

[50]) *Евсевій*, Ист. Церк, кн. III, гл. 37, стр. 161.

[51]) Такъ, напр., говоритъ Гофманъ, что «ничего неизвѣстно» объ избраніи и поставленіи въ евангельское служеніе Луки и Марка, подобно апостоламъ, и о «апостольскомъ вліяніи, подъ которымъ они находились во время писанія». *Рейссъ* утверждаетъ «неизвѣстность происхожденія, которая навсегда неустранима, относительно большинства *соборныхъ* посланій» *Нитцшъ* говоритъ, что «какъ только замолкъ голосъ послѣдняго изъ апостоловъ, все подлинное или *затерялось* или сохранилось въ апостольскихъ проповѣдяхъ, дошедшихъ до насъ по преданію или писанію» (System, s. 97).

не полнымъ, но и совершенно ненадежнымъ и недостовѣрнымъ источникомъ христіанскаго ученія, что уже никакъ нельзя допустить, не впадая въ злую ересь. *Всѣ слова Господни сохраняются въ истинной церкви Его*, во вѣки живутъ въ ней и ясно звучатъ въ ея вѣчно-живомъ голосѣ. «Ни одна іота, ни одна черта» (Мат. 5, 18) изъ нихъ не затерялась, не премѣнилась, а, напротивъ, всѣ они сохранены, въ цѣлости богооткровенной истины, въ религіозно-церковномъ сознаніи и жизни.

Конечно, могло быть (это даже слѣдуетъ изъ пролога Евангелія отъ Луки), что *многіе книжные люди*, особенно изъ позднѣйшихъ поколѣній, по различнымъ побужденіямъ, «*начали составлять повѣствованія*», т. е. сектантскія «біографическія записки» о жизни Іисуса Христа. Но отсюда, само собою разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы эти неизвѣстныя церковной исторіи лица въ этомъ дѣлѣ имѣли для себя миссію, составляющую необходимое условіе и существенное свидѣтельство истинно-церковной жизни. Мы нигдѣ не встрѣчаемся съ фактомъ, чтобы такія писанія употреблялись для цѣлей чисто-миссіонерскихъ.

Истинное преданіе, какъ устная евангельская проповѣдь апостоловъ, повсюду выступаетъ, какъ необходимый догматическій источникъ и каноническое правило вѣры. Дальнѣйшее распространеніе и утвержденіе христіанской вѣры и церкви скорѣе примыкало къ Ветхому Завѣту, т. е. «къ закону Моусееву, къ пророкамъ и псалмамъ» (Лук. 24, 44), небезъизвѣстнымъ и «языческо-христіанскимъ церквамъ», основаннымъ апостоломъ Павломъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ новозавѣтныя писанія, изобилующія цитатами изъ всѣхъ почти ветхозавѣтныхъ книгъ [52]). Здѣсь, очевидно, для преданія открывалось широкое поприще для наставленія въ вѣрѣ и жизни христіанской. Особенно оно служило здѣсь необходимымъ руководствомъ при изъясненіи библейскаго слова.

Иногда въ апостольскихъ писаніяхъ находимъ мы особое упоминаніе о «*евангелистахъ*» (Дѣян. 21, 8) и о великомъ «*дѣлѣ благовѣстника Христова*» (2 Тим. 4, 5). Но уже самое сопоставленіе этихъ лицъ у апостола Павла съ «*апостолами, пророками, пасты-*

---

[52]) Въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ цитатъ изъ книгъ Іова, Наума, Эсфири, Эздры, Нееміи, Пѣсни Пѣсней и Екклезіаста.

рями и учителями» (Еф. 4, 11) ясно показываетъ ихъ существенное отличіе отъ послѣднихъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не объ евангелистахъ въ тѣсномъ смыслѣ, но объ особой категоріи учителей Евангелія, а именно о тѣхъ διὰ τοῦ στόματος проповѣдникахъ Евангельскаго ученія, которые, заботясь о распространеніи «*познанія Сына Божія*» (Еф. 4, 13) въ странахъ, куда еще не проникалъ *слухъ вѣры Христовой*, предпринимали дальнія путешествія для провозвѣстія о Христѣ [53]).

Итакъ, если евангельскія книги дѣйствительно писались для богодухновенныхъ напоминаній (Лук. 22, 19; Іоан. 12, 16; 14, 26; 15, 20; 16, 4; 1 Кор. 15, 3) о τὰ λεχθεντα καὶ τᾶ πραθέντα Господа Іисуса Христа, то все-таки,—должно замѣтить,—въ планы ихъ составителей не входила задача—замѣнить ими устное слово Божіе и, такимъ образомъ, вытѣснить его изъ обще-церковнаго употребленія, какъ будто ненужный источникъ и способъ вѣрованія. Апостолы и евангелисты хотѣли скорѣе для цѣлыхъ помѣстныхъ церквей, какъ-то св. Матѳей и св. Маркъ [54]), или для отдѣльныхъ вѣрующихъ, какъ св. Лука (для «державнаго» Ѳеофила, для Ахаіи), съ особенною цѣлію и по особымъ поводамъ, восполнить, утвердить и уяснить то, что было изначала передано изустно «*о словѣ жизни*» (1 Іоан. 1, 1), что уже всецѣло проникло въ религіозную жизнь церкви, какъ живоносная «мірообразующая» стихія и, такимъ образомъ, стало непререкаемымъ закономъ нравственно-христіанскаго бытія и вѣроученія. Прологъ евангелія отъ Луки указываетъ намъ на такое значеніе евангелія для проповѣди и катихизическаго ученія «*въ начаткахъ ученія Христова*» (Евр. 6, 1); даже болѣе,—онъ какъ бы исключаетъ предшествовавшее употребленіе «*письменныхъ евангелій*» для истиннаго наставленія въ первыхъ началахъ Слова Божія (сравн. Евр. 5, 12) [55]). А евангеліе отъ Іоанна, «написанное для всѣхъ» [56]), ясно выдвигаетъ какъ бы на первый планъ свою апологетико-до-

---

[53]) Ср. *Евсевія*, И Ц кн 3, гл XXXVII, стр. 160.

[54]) Евангелистъ Матѳей написалъ свое Евангеліе первоначально для палестинскихъ христіанъ, еврейскаго происхожденія,—а Маркъ—для римскихъ читателей, язычниковъ.

[55]) *Schegg*, Luc.=Evang., s. 13. 20

[56]) Св. *Григорій Богословъ*, Твор. ч. 5 (М. 1889), стр. 43 (о подлинныхъ книгахъ богодухнов писанія).

гматическую цѣль [57]). Вотъ тому убѣдительнѣйшее доказательство: «*Многа и ина знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ. Сія же писана быша, да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и да вѣрующе животъ имате во имя его*» (20, 30—31) [58]). Хотя здѣсь, безъ сомнѣнія, *написано далеко не все*, что можно было бы записать «*въ книгахъ сихъ*», но все-таки описано все то, что нужно было, чтобы оживить и укрѣпить христіанскую вѣру въ читателяхъ Евангелія [59]). И это есть, конечно, то самое положеніе, о которомъ мы говоримъ при изслѣдованіи вопроса о преданіи по библіи. Догматико-апологетическая достаточность *писанной части устнаго* евангельскаго преданія ясно признается здѣсь у св. Іоанна Богослова, и въ такомъ смыслѣ, т. е. въ неразрывной связи *книжной записи* съ *живымъ*, *т. е. незаписаннымъ возвѣщеніемъ*, Евангеліе это передается въ церковь Христову, какъ надежная опора *для вѣры религіозно-церковной*. Вотъ почему ни одинъ евангелистъ не говоритъ о томъ, чтобы главнѣйшею цѣлію евангельской записи служила отмѣна или подмѣна устной апостольской проповѣди «*и всѣмъ далнимъ, елики аще призоветъ Господь Богъ нашъ*» (Дѣян. 2, 39).

Ни одна евангельская книга не говоритъ намъ объ абсолютной самодовлѣемости записаннаго преданія «*въ разумныя тайны Христовой*» (Еф. 3, 4). Само Евангеліе отъ Іоанна, глубже всѣхъ прочихъ апостоловъ проникшаго въ духъ ученія Господня (вспомнимъ древне-отеческій эпитетъ, прилагаемый къ оцѣнкѣ его преимущественнаго достоинства: Πνευματικόν), неоднократно, и въ особен-

[57]) Эту цѣль приписываютъ Евангелію отъ Іоанна св. отцы (какъ, напр., св. Ириней Ліонскій, св. Епифаній Кипрскій и проч.).

[58]) Беллярминъ неправильно ограничиваетъ это мѣсто сказаніемъ только о чудесахъ Христовыхъ (De verbo Dei, 4, 10, 16), а *Лиданусъ* опредѣляетъ смыслъ стиха однимъ членомъ о божествѣ Христа. Но это чрезвычайно искусственное раздѣленіе. Предметъ рѣчи—самосвидѣтельство Іоаннова евангелія о преданіи—затемняется здѣсь Также неправы и протестанты, желающіе видѣть въ этомъ мѣстѣ «чрезвычайно убѣдительное доказательство въ пользу правильности протестантскаго понятія о преданіи» (Lucke у *Гольцмана*, s. 350) Они это мѣсто понимаютъ *буквально*. Но эта буквальная sufficientia записаннаго слова дѣлала бы излишними три остальныя евангелія (синоптическое преданіе), которыя имѣлъ въ виду ап. Іоаннъ, означая главнѣйшее содержаніе ихъ не столько излишнимъ для себя, сколько неполнымъ.

[59]) Бл. *Августинъ*, Tract in Joh 49, § 1: «Cum multa fecisset Dominus Iesus, non omnia scripta sunt; electa sunt autem, quae scriberentur, quae saluti credentium sufficere visa sunt. Совершенно также св. *Кириллъ Алек*, Tract in Ioh. 20, 30—31, Lib. XII.

ности выразительно въ концѣ указываетъ на неполноту не только самаго четвертаго евангелія, но и всѣхъ вообще евангелій.

Вотъ «классическое мѣсто» изъ него о евангельскомъ молчаніи о многомъ изъ жизни и ученія Іисуса Христа. «*Суть же и ина многи, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ. Аминь*» (21, 25) [60]). Такимъ абсолютнымъ словомъ о преданіи было заключено, т. е. запечатлѣно на-вѣки, книжное евангельское откровеніе въ церкви Христовой. Здѣсь прямо высказывается намѣреніе апостола-евангелиста не упоминать «*о многомъ и другомъ*» изъ евангельской исторіи. А это умалчиваніе не равняется ли доказательству необходимости преданія на ряду съ письменнымъ повѣствованіемъ? Преданіе о Христѣ *не все написано въ евангельскихъ книгахъ*; значитъ оно могло бы быть записаннымъ, какъ столь же равноправное, какъ столь же божественное и истинное слово откровеннаго ученія, если бы это было нужно въ цѣляхъ наученія. И, все-таки, оно не все записано.

Нельзя все напеси на книжную хартію изъ «*вѣчнаго Евангелія*» (Апок. 15, 6) Христова, т. е. евангелія, вѣчно живущаго и раскрывающагося во вселенской церкви. Очевидно, въ разсматриваемомъ мѣстѣ идетъ рѣчъ у апостола не объ однихъ только «знаменіяхъ и чудесахъ» Христовыхъ, но обо всей вообще жизни и ученіи Господа. Абсолютная истина христіанскаго откровенія и вѣры вся и полностію заключается въ Богочеловѣческомъ Лицѣ Господа Іисуса Христа и въ искупительномъ дѣлѣ Его. Здѣсь—неизмѣняемая и неизсякаемая сущность религіозно-нравственной исторіи и жизни всей

---

[60]) Прот. *П. Терновскій*, цит. соч. § 30, 42 стр. *Макарій*, Введеніе, § 129, стр. 315 (ссылка на «Разговоръ священника съ молоканиномъ о поклоненіи св. иконамъ, въ «Христ. Чт.» 1841, ч. III, стр. 113—114). Чтобы ослабить силу этого мѣста для библейскаго ученія о преданіи, протестанты заподозриваютъ историческую подленность цѣлой 21 главы (*Hug*, Einleit. in die Schriften N. T. II, § 66), считая ее «интерполяціей», а означенное мѣсто «поэтической гиперболой» или «риторической фразой», заключающею въ себѣ тенденцію, не лишенную логическаго противорѣчія Но 21 глава—подлинное слово апостола. Это видно уже изъ того, что въ этой главѣ говорится о призваніи ап. Петра къ апостольству, того апостола, которому обѣщано было «*на семъ камени созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ее*» (Мат. 16, 18; ср. Іоан. 1, 42; Мат. 18, 18; Еф. 2, 20). Въ этой главѣ—корни догмата о церкви и преданіи.

церкви. Но Ликъ Господень и обильная «дѣлами» (Іоан. 5, 36) жизнь Его превосходятъ всякое книжное описаніе [61]), «*и самому міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ*» о Немъ. Здѣсь въ отношеніи къ письменному изложенію евангельскаго ученія должны были выступить нѣкоторыя «главнѣйшія сокращенія» [62]), всецѣло восполняемыя преданіемъ церкви. Вотъ почему православная церковь, ссылающаяся на вышеприведенное мѣсто изъ евангелія отъ Іоанна для утвержденія абсолютной истины преданія, нисколько не становится въ рядъ сектъ и ересей, объявляющихъ о своихъ «неписанныхъ ученіяхъ», какъ о какихъ то остающихся доселѣ среди нихъ сокровенными «перлахъ божественнаго откровенія» и «апостольской мудрости», какъ о продолженіи божественнаго откровенія и вдохновенія въ «ихъ церкви», а, напротивъ, она совершенно исключаетъ всяческое религіозно-сектанское преданіе о Христѣ изъ круга божественнаго откровенія, какъ явное противорѣчіе и противодѣйствіе истинно-евангельскому слову [63]).

Итакъ, евангелисты не исчерпали въ своихъ книгахъ всей живоносной струи *апостольскаго преданія* о Христѣ, о Его жизни и ученіи, «*проповѣдуя* всюду *царствіе Божіе*» (Дѣян. 20, 25). При письменныхъ евангеліяхъ устное преданіе никакъ не замыкалось въ своемъ церковно-историческомъ теченіи. «*Слово Божіе не вяжется*» (2 Тим. 2, 9), т. е. для слова Божія нѣтъ никакихъ узъ, напр., въ книжной записи. «*Вѣчное евангеліе*» (Апок. 14, 6) обтекаетъ «*весь міръ*» (Марк. 16, 15), возвѣщается въ истинной церкви и чрезъ

---

[61]) Ср. выраженіе въ акаѳистѣ Пресвятой Богородицѣ, икосъ 8: «неописанное слово», а также изъ церковной пѣсни: «вся исполняяй неописанный».

[62]) Отношеніе теоріи къ практикѣ, мысли и дѣла, знанія и вѣры въ древности было вполнѣ естественное. И потому записывались только важнѣйшіе моменты и основныя свойства извѣстнаго предмета, когда взялись за записываніе. Отсюда и «главнѣйшія сокращенія» въ Евангеліи у протестантовъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, апостолы довольствовались «первобытными формами непосредственнаго творчества», не нуждавшагося въ перѣ и чернилахъ. Но это вѣрно въ отношеніи естественно-человѣческаго творчества, но невѣрно въ отношеніи богодухновенной записи.

[63]) Бл. *Августинъ*: «Quum Dominus tacuerit, quis nostrum dicat: illa vel illa sunt? aut si dicere audeat, unde probat»? (противъ еретиковъ, раздвигавшихъ «неопредѣлимыя рамки» церковно-евангельскаго преданія въ пользу своей исключительной богодухновенности и величайшей свободы). Эти слова Кальвинъ весьма мѣтко обращаетъ противъ пантеистической эволюціи католическаго преданія (Inst. 4, 8, 14), измышляющей то, чего вовсе *нѣтъ* въ писаніи.

церковь «*всѣмъ народамъ для покоренія ихъ вѣрѣ*» (Рим. 14, 25) [64]). Оно слѣдуетъ, по устроенію Божію, своимъ особымъ путемъ въ церкви вселенской, въ богодухновенномъ ученіи и всесозидающей жизни ея, дабы *предъ Господомъ* Іисусомъ Христомъ «*преклонилось всякое колѣно, и всякій языкъ исповѣдалъ Бога*» истиннаго [65]). Евангелія составлены не для устраненія необходимаго дѣйствія первоначальнаго преданія (verbum praedicatum), а только для книжнаго утвержденія (verbum scriptum) его. Они произошли для того, чтобы *и чрезъ нихъ* поддерживалось и сохранялось устное проповѣданіе о Христѣ, распространившееся со дня Пятидесятницы по всему міру. И, какъ ни велика была заботливость апостоловъ о собираніи и письменномъ изложеніи преданій о Господѣ, о Его дѣяніяхъ и словесахъ, все-таки ихъ Евангелія были избранные отрывки, преданные церквамъ къ созиданію (1 Кор. 14, 12), на добрую память (1 Θес. 3, 6). Τὰ εὐάγγελια—это не книжныя лѣтописи, подобно, напр., исторіи Геродота [66]), чтобы прошедшее не было предано забвенію, не тенденціозныя писанія, не «литературные памятники», хотя бы то и вѣчные, но воистину богодухновенныя ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων [67]). Поэтому то каждая евангельская книга и всѣ вмѣстѣ составляютъ органическую часть совокупнаго съ преданіемъ откровеннаго ученія и евангельской жизни.

Евангелисты тѣмъ легче могли допустить эту, если можно такъ выразиться,—неполноту (ограниченность) своихъ писаній, что они были увѣрены во всегдашнемъ благодатно-таинственномъ пребываніи Господа въ Своей Церкви, въ животворныхъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ Святаго Духа. «*И се азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка*» (Мат. 28, 20). *Идѣже бо еста два, или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ*» (Мат. 18, 20). «*Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и азъ дѣлаю, яко азъ живу*» (Іоан. 5, 17; 14, 19). «*Егда же пріидетъ Утѣшитель, его же азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ*» (Іоан. 15, 26). Духъ Христовъ, *Духъ истины* (Іоан. 16, 13), служилъ для апо-

64) *Шуази*, цит. соч стр. 71.

65) Рим 14, 11; Исаи 45, 23.

66) *Hofmann*, Weissagung und Erfullung, I, s. 48. *Philippi* у Гольцмана, Kanon, § 16, s. 110.

67) Св. *Іустинъ* философъ

столовъ вѣрнѣйшей порукой за то, что ученіе и учрежденіе Христово, т. е. церковь Его, не погибнетъ во вѣки, «*врата адова не одолѣютъ ей*» (Мат. 16, 18), т. е. никакія «сонмища безбожниковъ и богохульства ересей»[68]), противящихся ей. Объ этомъ особенно ясно говоритъ ап. Павелъ: «*намъ же Богъ открылъ есть Духомъ своимъ: Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія*» (1 Кор. 2, 10). А Духъ Божій,—что самоочевидно,—не нуждался, равно какъ и никогда не нуждается, въ мертвенныхъ *самихъ по себѣ* письменахъ, въ безмолвныхъ буквахъ книжнаго человѣческаго слова—для того, чтобы повсюду разливать, созидать, сохранять и утверждать новую жизнь во Христѣ въ Его церкви. Здѣсь достаточно одно богодухновенное преданіе церкви. Случайныя «аналогіи и индукціи изъ исторіи не-христіанскихъ религій» здѣсь не только «не вполнѣ подходятъ»[69]), но и совсѣмъ неумѣстны. Евангельское преданіе существуетъ и живетъ въ особыхъ, т. е. чрезвычайныхъ условіяхъ, которыхъ *не могутъ* имѣть естественно-человѣческія религіи, т. е. различные религіозно-философскія вѣроученія, какъ, напр., «буддійское преданіе», на какое обыкновенно любятъ ссылаться новѣйшіе «богословы и философы» въ параллель христіанству. Ученикамъ и почитателямъ Будды невольно пришла въ голову мысль собрать воедино изреченія и разсказы о жизни и дѣлахъ удалившагося «друга и владыки», когда онъ «покинулъ міръ», чтобы навсегда погрузиться въ «темную нирвану». Для апостоловъ же и евангелистовъ Христовыхъ, т. е. для всей церкви, Богоучитель,—что самоочевидно,—не отошелъ въ «нирвану», а «восшелъ на небеса и сѣлъ одесную Бога и Отца», «*туда, гдѣ былъ прежде*» (Іоан. 6, 62), и не съ тѣмъ, чтобы оставить сущихъ Своихъ «*сиротами*» (Іоан. 14, 18), т. е. одинокими, но затѣмъ, чтобы свыше послать Духа Святаго, вселяющаго въ сердца истинно-вѣрующихъ «*слово Христово*» (Кол. 3, 16)[70]). *Позднѣйшія поколѣнія* послѣдователей Христовыхъ, конечно, старались собрать во-едино, т. е. соединить въ одинъ «общецерковный

---

[68]) Св. *Исидоръ Пелусіотъ* у Высокопр. Макарія во Введеніи, стр. 373.

[69]) *Schanz*, Apol. Christ., III, s. 254.

[70]) Вотъ гдѣ, между прочимъ, лежитъ глубочайшее различіе между православно-вселенскою вѣрою во всегдашнее пребываніе Господа въ церкви и мнѣніемъ объ историческомъ *безсмертіи* «великихъ людей», какъ то основателей національныхъ религій, законодателей, героевъ, царей etc. *Философская идея* историческаго безсмертія

канонъ» все устно преданное о Христѣ и сохраненное въ писаніи; но этимъ же самымъ доказывается, что сами первоученики Господа не заботились о какой-либо одной подробной и цѣлостно-законченной, біографической записи «благовѣствованія Христова», т. е. объ «изданіи одного кодекса», который бы обнималъ всѣ dicta ἄγραφα, исключавшія собою всяческое употребленіе неписаннаго слова о Христѣ. Извѣстно также, что различныя секты (евіониты, гностики, маркіониты и проч.) не довольствовались нашими каноническими евангеліями и въ большомъ количествѣ выдумывали свои «священныя исторіографіи», такъ называемыя апокрифическія евангелія (evangelia apocrypha). Но даже эта «сектантская литература по евангельскому вопросу» убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ наидревнѣйшія времена христіанская церковь отнюдь не смотрѣла на библейское слово, какъ на единственный религіозно-евангельскій источникъ, какъ на полное собраніе всѣхъ безъ исключенія рѣчей и дѣлъ Господнихъ [71]). Осуждая ложь сектантскаго «преданія», сплетавшагося ex vocibus Domini, церковь только ограждала и утверждала цѣлость и единство, истину и полноту внѣбиблейскаго евангельскаго, христіански-религіознаго преданія.

Таковы существенныя *свойства новозавѣтныхъ книгъ*, по ихъ церковно-историческому происхожденію, по составу и изложенію, насколько это касается нашего вопроса о преданіи. Здѣсь библейское понятіе о преданіи вытекаетъ какъ изъ самаго существа, т. е. изъ самаго содержанія отдѣльныхъ книгъ писанія и всѣхъ вмѣстѣ, такъ и изъ общаго отношенія къ нимъ всей первенствующей церкви, т. е. изъ самой цѣли ихъ написанія [72]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при помощи книжнаго слова было приведено въ догматико-органическую связь и каноническое единство все богооткровенное ученіе, какъ нѣкія драгоцѣнныя жемчужины, разсыпанное по различнымъ помѣстнымъ церквамъ щедрою рукою ревностныхъ «*дѣлателей Господина жатвы*» (Мат. 9, 38), т. е. апо-

---

«абстрактная формула» и «пантеистическій постулятъ». А вѣра во Христа, живущаго въ церкви есть дѣло *религіозной* жизни. Тамъ безличное какое то бытіе, а здѣсь полнота и совершенство жизни Божіей, открывающейся при духовномъ подражаніи Христу (Іоан. 12, 26).

[71]) *Reuss*, op. cit., § 42.

[72]) *Tanner*, Ueber Kath. Tradions u. prot. Schrift-Princip, § 4, s. 22

столовъ. Но также внѣ сомнѣнія стоитъ и то, что не чрезъ писанія апостолы всегда осуществляли свое «званіе и избраніе». Въ противномъ случаѣ, они (думается) написали бы гораздо «большее количество книгъ» и «болѣе подробно» изложили бы въ нихъ все, что касается христіанскаго откровенія, вѣры и церкви [73]). Уже а priori должно служить яркимъ доказательствомъ въ пользу необходимости преданія при писаніи какъ самое разнообразіе новозавѣтныхъ книгъ въ ихъ составѣ и особенно въ словесномъ изложеніи (Евангелія, Дѣянія св. апостоловъ, посланія двухъ родовъ, апокалипсисъ), такъ равно цѣлокупное единство апостольской проповѣди и весьма долго существовавшее разсѣяніе отдѣльныхъ библейскихъ писаній по рукамъ адресатовъ [74]). А церковно-историческій опытъ только рѣшительнѣе убѣждаетъ насъ въ томъ же самомъ. Въ *устномъ* распространеніи и утвержденіи христіанскаго откровенія и церкви принимали непосредственное участіе *всѣ безъ изъятія апостолы*, а *письменно*, т. е. чрезъ книги, учили *только нѣкоторые* изъ нихъ, гораздо меньшее число [75]). Евангелисты—св. Маркъ и св. Лука были только апостольскіе ученики (discipuli apostolici), а апостолъ Павелъ, «*сосудъ избранный*» (Дѣян. 9, 15), ни изъ числа XII апостоловъ, ни изъ числа 70 учениковъ Христовыхъ. Но,—что особенно достопримѣчательно для насъ,—и эти немногіе богодухновенные писатели гораздо болѣе проповѣдывали (1 Фес. 1, 8; 4, 9), чѣмъ записывали (Іоан. 20, 30—31; 21, 25; 2 Іоан. 12 ст.; 3 Іоан. 13—14 ст.), т. е. писали *вмалѣ*, *не много* (Евр. 13, 22), *не подробно* (Евр. 9, 5). Апостолъ Іоаннъ Богословъ и апостолъ Павелъ, болѣе другихъ написавшіе, какъ бы нарочито являются главнѣйшими библейскими апологетами преданія [76]).

---

[73]) Это мы замѣчаемъ особо противъ протестантовъ думающихъ «назначительнымъ объемомъ» писанія объяснить его абсолютность.

[74]) Ср. *Michelis* in Kirchenlexicon, VI, p 118 (ошибка Михелиса только въ томъ, что онъ неправильно думаетъ о «недостаткѣ въ согласномъ дѣйствованіи авторовъ». Впрочемъ, это «общій грѣхъ протестантовъ» о первоисторіи христіанства). Сюда также можно отнести и вопросъ *Овербека* о нуждѣ «присоединенія церковнаго преданія» къ «столь незначительному и несовершенному самому по себѣ» писанію для его дополненія.

[75]) *Бенескриптовъ*, цит. соч., 6 стр.; *Макарій*, Введеніе, § 129, стр. 345.

[76]) Ср. Достозамѣчательно также, что историческій процессъ происхожденія и жизни писанія, длившійся среди Израиля цѣлое тысячелѣтіе, продолжался для новоза-

И эта малочисленность апостольскихъ и евангельскихъ писаній въ сравненіи съ незаписанными источниками и основами христіанскаго вѣроученія и церковно-религіозной жизни, а равно и эта немногочисленность писателей въ сравненіи съ числомъ апостоловъ только благовѣстниковъ, т. е. *некнижныхъ* проповѣдниковъ, далеко не «случайный фактъ». Апостолы должны были болѣе живымъ словомъ и примѣромъ, т. е. *самымъ дѣломъ*, ввести и укрѣпить божественное откровеніе и вѣру во Христа въ церкви и чрезъ церковь. Писанія же ихъ имѣли задачей одно только *книжное* сохраненіе и распространеніе уже существовавшаго въ церкви ученія и жизни Господней. Послѣдовательно разсуждая съ этой точки зрѣнія ничего нельзя возразить, даже если бы апостолы и менѣе написали, даже если бы и меньшее число ихъ писало [77]). При писаніи никогда не умолкалъ въ апостольской церкви *голосъ преданія*, (1 Θес. 4. 9; 5, 1), такъ что для апостоловъ во многихъ случаяхъ не требовалось вновь «*глаголати что*» (1 Θес. 1, 8) въ писанномъ словѣ. Преданіе и послѣ писанія существовало рядомъ съ нимъ, какъ особый религіозно-догматическій источникъ [78]). Именно чрезъ преданіе «*во всю землю изыде вѣщаніе апостоловъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ*» (Рим. 10, 18; Псал. 18, 5). Вотъ почему только столь немногіе изъ «круга апостоловъ» писали, вотъ почему они записали только то, что находится въ ихъ книгахъ [79]). Для своего дополненія и изъясненія писаніе всегда нуждалось въ присоединеніи богооткровеннаго преданія. При преданіи само письменное изложеніе христіанскаго откровеннаго ученія казалось, во многихъ случаяхъ, почти излишнимъ [80]), даже ненужнымъ (1 Θес. 1, 8; 4, 9; Евр. 13, 22). Конечно, нельзя было обойтись «безъ письмен-

---

вѣтнаго откровенія только одно столѣтіе (сравн. *Ewald*, Jarbucher fur biblische Wissenschaft, VII, s. 77). На ряду съ нимъ и непосредственно примыкая къ нему движется рядъ преданій, процессъ церковнаго догматическаго познанія, начавшійся и раскрывшійся во всей полнотѣ уже въ апостольскій вѣкъ.

77) Ср. Evangel. Kirchenzeitung 1845, s. 112.

78) Срав. *Minscher*, Dogmengeschichte, I, s. 360.

79) Такъ разрѣшается недоумѣніе протестантовъ о «небольшомъ объемѣ» апостольскаго писанія.

80) О томъ, что первенствующая церковь придавала больше значенія преданію говорятъ и протестанты (напр., *Twesten*, Dogm I, s. 102, *Nitzsch*, System der christ. Lehre, § 39, s. 97).

наго изложенія божественнаго слова» [81]): но библейское слово только шло и углублялось по пути преданія.

Если разсматривать всѣ книги новозавѣтнаго писанія *въ ихъ органической связи и взаимодѣйствіи*, т. е. какъ органическое цѣлое, а иначе и нельзя на нихъ смотрѣть, то мы пріидемъ къ убѣжденію, что онѣ сами по себѣ, т. е. въ отдѣльности взятыя отъ преданія, не могли бы доставить намъ истиннаго и полнаго понятія о цѣлостной системѣ ученія извѣстнаго изъ апостоловъ или всѣхъ вмѣстѣ, а тѣмъ болѣе о всемъ вообще ученіи и жизни Господа Іисуса Христа, о Его церкви, о вѣрѣ въ Него, о духовномъ подражаніи Ему. Итакъ, здѣсь должно было бы допустить или какой то загадочный *случай* (окказіонализмъ), или же какое то непонятное «противоисторическое *чудо*» (пантеистическій фатализмъ) [82]). Но «слѣпой игрѣ» какого то случая, сокрывающаго въ своей безпросвѣтной темнотѣ грубое незнаніе причинъ извѣстнаго предмета или явленія, нѣтъ мѣста въ ясной, какъ *Божій день* (2 Петр. 3, 12), исторіи и жизни христіанскаго откровенія, и потому мы никакъ не можемъ допустить его здѣсь. Божественному же Провидѣнію мы могли бы придавать столь чудодѣйственную сверхъестественную силу только тогда, когда бы возможно было узнать Его хотѣніе сотворить и проложить для «Евангелія царствія Божія» путь къ человѣчеству, къ людскимъ сердцамъ, т. е. къ церковно-религіозной жизни, только посредствомъ одного писанія или книжнаго слова [83]). Но мы не имѣемъ никакого права утверждать послѣдняго предположенія, имѣя въ своихъ рукахъ богодухновенныя книги писанія Новаго Завѣта, заставляющую насъ всегда искать другого источника и основоначала христіанской религіи и откровенія въ преданіи, въ устномъ словѣ и живомъ дѣлѣ богодухновенной церкви. Слѣдуетъ еще доказать, что апостолы и евангелисты писали свои книги съ тою цѣлію, чтобы христіанское откровеніе и вѣроученіе изъ нихъ однихъ почерпалось и познавалось. Но еще менѣе возможно подтвердить то мнѣніе, будто Духъ Святый такъ восхотѣлъ и повелѣлъ, даже по-

---

[81]) Evangel. Kirchenzeitung, 1845, s. 147.

[82]) *Tanner*, op. cit., § 3, s. 23.

[83]) *Klun*, Dogmatik, I, s. 35 и Tub. Quartalschr. 1858, s. 11.

мимо воли самихъ апостоловъ и евангелистовъ [84]). Странно было бы думать, что апостолы сами заключали себя въ тѣ границы писаннаго слова, о неполнотѣ и недостаточности котораго они сами ясно говорили. Свидѣтельствованіе абсолютной, т. е. исключительной необходимости писаній для самихъ апостоловъ, т. е. для изложенія самаго настоятельнаго въ ученіи и жизни церкви, всецѣло и всюду предполагаетъ бытіе однороднаго съ писаніемъ преданія.

Здѣсь можно намъ сослаться на самое писаніе, чтобы закончить наши «библейскіе акты» въ подтвержденіе абсолютной истины и необходимости преданія при писаніи.

Вотъ «классическое мѣсто», которое должно привести здѣсь, какъ самое лучшее подтвержденіе всего сказаннаго о преданіи,— мѣсто, которое для ясности и убѣдительности примѣра не оставляетъ желать ничего болѣе. Это слѣдующія слова ап. Павла: «*тѣже убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ*» (2 Θес. 2, 15). Это какъ бы центральное свидѣтельство библейскаго слова объ абсолютной важности преданія при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ. Это какъ бы нарочито установленное средоточіе всей библейской гносеологіи во всей ея полнотѣ и совершенствѣ. Здѣсь мы видимъ два источника христіанскаго откровенія и истинно-церковной вѣры, преданіе и писаніе. Они соединены между собою неразрывными узами живого взаимодѣйствія и органической связи. При этомъ первый источникъ такого свойства, что обладаніе имъ возможно не иначе, какъ при совершенномъ его тождествѣ и единствѣ со вторымъ. Историческое существованіе и абсолютная необходимость преданія при писаніи разсматривается здѣсь, какъ церковно-историческій процессъ догматическаго отождествленія устной и письменной передачи божественнаго откровенія и вѣры. Письменное и устное слово Божіе у апостола стоятъ непоколебимо и нерушимо рядомъ одно съ другимъ, и послѣднее древнѣе перваго. Писаніе, какъ богодухновенное свидѣтельство и книжное выраженіе устной рѣчи апостоловъ, есть уже вторичный источникъ вѣроученія въ сравненіи съ преданіемъ. Поэтому то въ апостольскихъ писаніяхъ только свидѣтельствуется и раскры-

---

[84]) *Lessing*, W Berlin. 1839, B. 10, s. 242, сравн. s. 8.

вается то самое ученіе откровенія, которое еще прежде писанія существовало въ словѣ и дѣяніяхъ апостоловъ. Таковъ общій ходъ и постановка гносеологическихъ вопросовъ по разсматриваемому нами мѣсту. Поэтому Ѳессалоникійцы, подобно тому какъ въ другомъ мѣстѣ Коринояне (1 Кор. 4, 17; 11, 2) или епископъ Тимоѳей (1 Тим. 6, 20; 2 Тим. 1, 13—14; 2, 2, 3, 14), отечески призываются къ вѣрному и неукоснительному сохраненію преданія *вмѣстѣ* съ писаніемъ.

Такое изъясненіе вышеприведеннаго текста есть несомнѣнно-убѣдительное православно-церковное положеніе [85]). Это одинъ изъ самыхъ «существенныхъ элементовъ» православно-библейскаго ученія о преданіи въ его отношеніи къ писанію. Истинно-библейская мысль о тождествѣ устнаго и письменнаго источниковъ христіанскаго откровенія и вѣры, какъ нельзя лучше, уясняетъ намъ догматико-

---

[85]) *Ст. Яворскій*, цитов. соч., ч. 3, гл. 2, стр. 16. *Бенескриптовъ*, стр. 8; *Антоній*, стр. 9; *Макарій*, стр. 347.—Даже многимъ изъ протестантскихъ богослововъ это мѣсто изъ ап. Павла кажется «самымъ сильнымъ изъ всѣхъ библейскихъ доводовъ, употребляемыхъ традиціонною теологіею» за то ясное соподчиненіе писанія и преданія, какое находится здѣсь (*Хемницъ* Examen, p. 26). Но они несправедливо ограничиваютъ смыслъ его. Пока, говорятъ они, слово Божіе находилось еще въ переходѣ къ «формѣ писанія», это соподчиненіе было въ «совершенномъ порядкѣ» (мнѣніе Вейнмана) или «въ порядкѣ вещей» (*Дикгофъ*, Schrift und Tradition. s. 40—41), а когда заключилось писаніе, излишне стало преданіе. Такъ ли? Именно тогда, когда апостолъ писалъ тѣ слова, которыя у него обозначены ἐπιστολή, первое посланіе къ ѳессалоникійцамъ, существовала уже одна часть писанія. И если бы апостолъ смотрѣлъ на преданіе, какъ на «скоропреходящій моментъ», но онъ не упомянулъ бы о равенствѣ преданія съ писаніемъ. Если бы справедливо было это возраженіе протестантовъ, то должно было бы и во времена пророковъ держаться только того, что Богъ начерталъ чрезъ Моисея, а то, что говорили устами сами пророки отмегать. При такомъ воззрѣніи Ветхій Завѣтъ долженъ былъ бы заключиться Второзаконіемъ, а евангелистъ Іоаннъ не могъ бы послѣ Апокалипсиса писать ни посланій, ни евангелія. Ап. Павелъ особенно былъ призванъ хранить евангельскія преданія; какъ же онъ самъ могъ подвергать сомнѣнію «истину ихъ бытія среди всей новозавѣтной литературы»? Предосудительность протестантскаго мнѣнія также видна и изъ того, что «переходъ изъ формы преданія въ форму писанія» падаетъ уже значительно позже апостольскаго времени, что сознаютъ и сами протестанты. Пока не существовала каноническая полнота писаній, въ совокупности которыхъ церковь могла бы узнать существенное содержаніе апостольскаго преданія, было настойчиво предложено вѣрное и прочное сохраненіе откровенной истины въ устномъ словѣ. Но и по мѣрѣ того, какъ устанавливалась эта полнота, въ самой библіи мы видимъ ясныя указанія на то, что въ церкви никогда не существовало этого «перехода отъ устной къ письменной части преданія». Апостолы сами говорили о томъ, что они не все записывали въ своихъ книгахъ, а также находили нужнымъ предостерегать вѣрующихъ отъ подложныхъ апостольскихъ посланій (2 Ѳес. 2, 2; 3, 17).

каноническое единство преданія и писанія, ихъ обоюдную неприкосновенность, незамѣняемость, т. е. абсолютную необходимость одного изъ нихъ для другого [86]).

Затѣмъ нашъ апологетическій разборъ въ этомъ отношеніи встрѣчается еще съ другимъ подлежащимъ рѣчи «классическимъ мѣстомъ» изъ *второго* посланія апостола Павла къ Коринѳянамъ. «*Не иная пишемъ вамъ, но яже чтете, и разумѣваете, уповаю же, яко и до конца уразумѣете*» (1, 13). Апостолъ нисколько не сокрываетъ, не затемняетъ и не измѣняетъ истиннаго откровенія въ письменномъ свидѣтельствѣ о немъ въ своихъ посланіяхъ; но онъ ясно указываетъ на полное согласіе и догматическое единство его съ тѣмъ ученіемъ, которое было въ совершенствѣ извѣстно коринѳянамъ изъ его преданія, изъ его словъ и его дѣла, жившаго уже въ *церковномъ уразумѣніи* вѣры Христовой. Когда противники представили удобный случай, онъ только яснѣе засвидѣтельствовалъ по обязанности богопроповѣдника о своихъ книгахъ, что въ нихъ ничего новаго не писано, какъ только то, что передано было въ живой рѣчи и при личномъ свиданіи, чтобы *читатели* узнавали въ нихъ ученіе *ранѣе преподанное* [87]).

Сюда также справедливо присоединить, какъ параллельное, слѣдующее мѣсто изъ того-же посланія ап. Павла. «*Яко посланіе убо, рече* (нѣкто), *тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла немощно, и слово уничиженно: сіе да помышляетъ таковый, яко яцы же есмы словомъ посланій, отстояще, таковіи и ту суще есмы дѣломъ*» (10, 10—11). И это свидѣтельство апостола о своихъ посланіяхъ, когда враги стали поносить ихъ, должно осо-

---

[86]) Должно замѣтить, что и протестанты отождествляютъ, подобно православнымъ, писаніе и преданіе, т е апостольскую проповѣдь (*Хемницъ*, p. 18, 30—35, 62. Helv. II, 2. *Маргеинеке*, System, II, s 187, Studien, 1808, s 294—295; *Nitzsch*, Sendschreiben, s 64—73. Protest Beantwortung Mohler Symb s. 235 *Heidegger*, Concilii Tridentini anatome, p. 85. Но это отождествленіе (качественное единство) у нихъ совершается in abstracto, и при томъ тенденціозно, съ цѣлью «слить до безразличія преданіе съ писаніемъ», чтобы затѣмъ отвергнуть первое, какъ «качественно тождественный суррогатъ». Но «совмѣстное существованіе» преданія и писанія въ церкви не есть еще «безразличное тождество», при томъ же преданіе и писаніе это два самостоятельные источника христіанскаго откровенія, такъ что нельзя ни преданіе свести на одно писаніе, ни писаніе нельзя логически вывести изъ преданія. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ разсуждать иначе.

[87]) Ср. *Meyer*, Commentar zu 2 Kor. Aufl. 2, s 20.

бепно замѣтить въ вопросѣ о незамѣняемости преданія писаніемъ; ибо каковъ апостолъ былъ «*на дѣлѣ, лично*», «въ личномъ присутствіи», т. е. въ «*живой рѣчи*», въ преданіи, таковъ и «*на словахъ, въ посланіяхъ*». Апостолъ Павелъ въ единомъ духѣ училъ и дѣйствовалъ, «*однимъ путемъ ходилъ*» (2 Кор. 12, 18), «*вездѣ и во всякой церкви*» (1 Кор. 4, 17). Поэтому писаніе и преданіе у него и чрезъ него всегда неразрывны, нераздѣльны и несліянны до безразличія, но только тождественны. Тождество не «хаотическое безразличіе». Отсюда совмѣстность историческаго существованія и жизни преданія и писанія абсолютна, по апостольскому взгляду.

Въ заключеніе намъ нужно напомнить еще здѣсь въ томъ-же самомъ направленіи мыслей, слѣдующія довольно ясно высказанныя мѣста изъ посланій апостола Павла, гдѣ онъ находитъ уже нужнымъ предостеречь своихъ читателей отъ подложныхъ «*апостольскихъ писаній*» (2 Оес. 2, 2; сравн. Лук. 1, 1—4) и указываетъ на *собственноручную подпись*, какъ на «нерушимую печать» исторической достовѣрности и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство чистоты откровеннаго ученія, оберегаемаго чрезъ сохраненіе преданія при писаніи, въ неразрывномъ союзѣ съ нимъ.

Ап. Павелъ, оканчивая свое посланіе къ Галатамъ, говоритъ какъ о чемъ то особенномъ: «*видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою*» (6, 11), и это о посланіи, состоящемъ всего изъ 6 главъ. А въ другихъ посланіяхъ онъ приписываетъ только привѣтствіе *собственноручно* (1 Кор. 16, 21; Кол. 1, 18; 2 Оес. 3, 17). Особенно это ясно видно изъ 2 посланія къ Оессалоникійцамъ: «*цѣлованіе моею рукою Павлею, еже есть знаменіе во всякомъ посланіи, сице пишу: благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами, аминь*» (3, 17—18). Въ посланіи къ Римлянамъ называется даже по имени скорописецъ, записавшій его со словъ апостола: «*цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе о Господѣ*» (16, 22). По смыслу всѣхъ этихъ мѣстъ, всецерковное преданіе производитъ надлежащую оцѣнку апостольскихъ писаній со стороны ихъ догматико-каноническаго авторитета и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ единственно-достовѣрный путь вѣрующимъ въ дѣлѣ изысканія и утвержденія библейской истины. Преданіе и при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ всегда

отвлекало всѣхъ христіанъ отъ всяческихъ лжеученій и лжеучителей, распространявшихъ свою сектантскую вѣру какъ бы отъ лица апостоловъ (Апок. 2, 2) и выставлявшихъ свои подложныя книги подъ ихъ именемъ (псевдоэпиграфы). Вотъ почему апостолы нерѣдко прямо свидѣтельствовали въ своихъ книгахъ, что они сами въ преданіи видятъ необходимое восполненіе и раскрытіе записаннаго христіанскаго откровенія и свое личное присутствіе никогда не считали излишнимъ. Такъ, наприм., было у апостола Павла съ Ѳессалоникійцами (1 Ѳес. 2, 17—18), Коринѳянами (1 Кор. 1, 15; 11, 2, 34; 15, 1—3) и Римлянами (1, 11). Такъ точно и у апостола Іоанна Богослова. Въ своихъ *соборныхъ* посланіяхъ онъ говоритъ, что онъ не можетъ сообщить всего письменно, что желалъ бы передать христіанамъ. «*Многа имѣхъ писати вамъ, и не восхотѣхъ хартіею и чернилом*ъ: *но надѣюся пріити къ вамъ, и усты ко устомъ глаголати, да радость ваша будетъ исполнена*» (2 Посл. 12 ст.). И еще: «*многа имѣхъ писати, но не хощу черниломъ и тростію писати тебѣ* (старцу—возлюбленному Гаію): *уповаю же абіе видѣти тя, и усты ко устомъ глаголати*» (3 Іоан. 13—14 ст.; срав. Апок. 10, 4). Ясность и очевидность этихъ словъ не требуютъ особаго комментарія [88]).

Итакъ, какъ всеобъемлющій источникъ и принципъ христіанскаго откровенія въ его ученіи и жизни въ церкви, преданіе стоитъ нерушимо и при писаніи. Только *ложное преданіе*, т. е. сектантское, нецерковное, нещадно отметается у всѣхъ апостоловъ при писаніи. Въ этомъ смыслѣ апостолы указываютъ христіанамъ на отверженіе «*суетнаго житія отцы преданнаго*» (1 Петр. 1, 18; срав. Гал. 1, 14; Мат. 15, 3—9; Марк. 7, 8—13), и всячески предостерегаютъ отъ фанатическаго «*увлеченія философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу*» (Кол. 2, 8), отъ суетныхъ «*занятій баснями и родословіями безконечными, производившими больше споры, нежели Божіе назиданіе въ вѣрѣ*» (1 Тим. 1, 4), «*отъ лжеименнаго разума*» (1 Тим. 6, 20) и вообще отъ всяческихъ сектантскихъ примѣсей къ писанію (Апок. 22, 18; сравн. Втор. 4, 2; 12, 32; Прит. 30, 6). Сюда относится и слѣдующее подобозначущее завѣ-

[88]) *Макарій*, цит. соч. стр 357. *Иннокентій*, Богосл. облич., III, стр. 178.

щаніе апостола Павла: «*повелѣваемъ же вамъ, братіе, о имени Господа нашего Іисуса Христа, отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно* (ἀτάκτως) *ходяща, а не по преданію* (κατὰ τὴν παράδοσιν), *еже пріяша отъ насъ*» (2 Θес. 3, 6; срав. 2 Θес. 2, 15). Здѣсь же, очевидно, имѣетъ свое законное мѣсто грозная и неумолимая апостольская ἀνάθεμα и μαρὰν ἀθά, т. е. церковное отлученіе, налагаемое на всѣхъ отвергающихъ или превращающихъ богооткровенные источники христіанской вѣры и жизни, т. е. преданіе и писаніе въ ихъ взаимодѣйствіи. «*Аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ. Яко же предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю, аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ*» (Гал. 1, 8—9) [89]). «*Аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ, маранъ ѳа*» (1 Кор. 16, 22).

Итакъ, по общеапостольскому взгляду, преданіе и писаніе суть неразлучимые источники и основы христіанскаго откровенія и вѣры, принятые церковію отъ апостоловъ. Преданіе необходимо и неустранимо и послѣ того, какъ писаніе, всюду распространилось въ апостольской церкви. Писаніе даже обязано преданію всѣмъ своимъ церковно-догматическимъ и каноническимъ авторитетомъ. Писанія Новаго Завѣта—вообще фрагментарны. Ихъ молчаніе о многомъ, (Мат. 15, 15; Лук. 24, 27; Дѣян. 8, 35; 1 Кор. 13, 12—13), ихъ неясность и «*неудоборазумность нѣкая*» (δυσνόητον 2 Петр. 3, 16) во многихъ мѣстахъ, наконецъ, возможность различнаго истолкованія (2 Кор. 4, 3)—все это само собою указываетъ на необходимость дополненія ихъ яснымъ, опредѣленнымъ и всеобщимъ преданіемъ. «*Всяко пророчество книжное, по своему сказанію не бываетъ. Ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы*» (2 Петр. 1, 20—21). Это, по апостолу, необходимо знать прежде всего всякому христіанину при чтеніи и изъясненіи писанія. Всякое «*книжное пророчество*» (προφητεία γραφῆς), т. е. писаніе нельзя разрѣшить каждому

---

[89]) Католики и протестанты нѣсколько иначе читаютъ это мѣсто. У католиковъ наше слово: «паче»=«*ne tnd*» (по-русски), т. е. «иное благовѣствованіе» (Гал. 1, 6), не Христово—передается «praeter»=кромѣ (Беллярминъ, 4, 10, 8—10), а у протестантовъ *contra*.

самому собою [90]). Оно—богодухновенный глаголъ, изреченый чрезъ апостоловъ и евангелистовъ Духомъ Святымъ. И истинное уразумѣніе его возможно получить только въ богодухновенномъ преданіи (Мат. 13, 36; Лук. 2, 4, 45; 1 Кор. 2, 14), т. е. въ церкви, движимой и управляемой Духомъ Божіимъ. Писаніе было бы «*книгой написанной внутри и отвнѣ, запечатанной семью печатями*» (Апок. 5, 1), если бы его не окружало со всѣхъ сторонъ церковное преданіе. Одно преданіе достойно «*разгнути* эту *книгу и разрѣшити печати ея*», истолковать ее, а кто его отвергаетъ, тотъ не можетъ разумѣть того, что отъ Духа Божія (1 Кор. 2, 14), для того «закрыто еще благовѣствованіе наше, не возсіялъ еще свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа» (2 Кор. 4, 3—4).

Таково, по библейски-апостольскому ученію, православно-церковное понятіе о взаимодѣйствіи между преданіемъ и писаніемъ. Качественное единство и тождество преданія и писанія нисколько не исключаетъ собою матеріальнаго и формальнаго двойства источниковъ христіанскаго откровеннаго ученія и жизни. *Слово Господне, пребывающее* въ церкви *во вѣкъ* (1 Петр. 1, 25; Ис. 40, 9—8) изначала проповѣдано, двоякимъ путемъ, т. е. посредствомъ преданія и писанія. Преданіе и писаніе, живое слово и записанная книга,— это два единственно-истинныхъ и исторически-достовѣрныхъ источника откровенія Божія, это какъ-бы два канала, чрезъ которые христіанское вѣроученіе сообщено всѣмъ людямъ и доходитъ до насъ. Такъ было при апостолахъ и по апостольской библіи. А что было при апостолахъ и чрезъ апостоловъ стало жить въ церкви, то

---

[90]) И протестанты говорятъ о томъ свойствѣ *всего* писанія. по кототорому оно есть «supra et extra omnem conceptum rationis» (Хемницъ, Ex. p. 37). Но еели такъ, то они должны допустить необходимость выше-разумнаго объясненія писанія, т. е. необходимость все-церковнаго догматико-экзегетическаго преданія, обязательнаго для «каждаго разума» при изслѣдованіи писанія и наставленіи въ вѣрѣ (Іоан. 5, 39; Дѣян. 17, 11; 1 Θес. 5, 12. 21) А если они не хотятъ допустить его, то, значитъ, у нихъ библейскій экзегесисъ долженъ выступить съ «диктаторскими правами и притязаніями»; да такъ оно и есть у нихъ, когда они не обинуясь приносятъ библію въ жертву *своеи вѣрѣ*, «самостоятельно понимая» ее и безусловно вѣря въ непогрѣшимое значеніе разума и «богословскаго анализа». Но тутъ умѣстно спросить ихъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ: «*едва вси сказуютъ*» у нихъ (1 Кор. 12, 30)? Тутъ все дѣло умозрительной экзегетики «похоже на то, какъ если бы кто, владѣя лишь разбитою посудиной, собирался накормить и напоить изъ нея всѣхъ своихъ сосѣдей» (Москов. Сборникъ. Изданіе К П. Побѣдоносцева, 5-е; стр. 342).

должно существовать во всей цѣлости и чистотѣ истины и нынѣ, равно какъ и всегда. Въ ученіи апостоловъ о преданіи нѣтъ «ни заблужденія, ни нечистыхъ побужденій, ни лукавства» (1 Θес. 2, 3). Но какъ Богъ удостоилъ ихъ того, чтобы ввѣрить имъ благовѣстіе Христово, такъ они и *говорили*, угождая не людямъ, но Богу, испытующему сердца и помышленія наши (1 Θес. 2, 4). Поэтому и слово Божіе и живое дѣло христіанскаго откровенія,—въ устахъ и писаніяхъ апостоловъ во-истину непреложны. И православная церковь, утвержденная «*на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*» (Еф. 2, 20), слѣдуетъ во всемъ апостоламъ, и таковою она пребудетъ до скончанія вѣка (Мат. 16, 18; 28, 20). Такъ и въ вопросѣ о преданіи и его значеніи, служащемъ постояннымъ укоромъ для иновѣрныхъ христіанъ, особенно протестантовъ, несогласныхъ съ православною церковію. Протестанты вышеуказанное взаимоотношеніе между преданіемъ и писаніемъ ограничиваютъ исключительно апостольскою эпохою, не распространяя его на исторію всей церкви. Въ свое оправданіе они рѣзко разграничиваютъ апостольскую, т. е. «библейскую церковь» отъ церкви «послѣдующаго времени» [91]), въ которой дескать первоначальная, «идеальная связь» преданія и писанія измѣнилась и уничтожилась. Но, какъ ясно видно изъ всего сказаннаго о преданіи у апостоловъ, эта именно «первобытная связь» писанія и преданія говоритъ противъ нихъ, строго обличая ихъ сектанскую «библейскую гносеологію и методологію». Преданіе и писаніе въ ихъ органическомъ взаимо-

---

[91]) Протестанты чрезмѣрно одѣляютъ «апостольскую эпоху», какъ «идеальный первообразъ» отъ «церковно-историческаго времени», послѣдовавшаго за нимъ и пошедшаго на убыль во всѣхъ отношеніяхъ. Апостольскій вѣкъ—это эпоха возникновенія «канонической литературы», «каноническая эпоха», а «послѣ-апостольская церковь» подвержена вредному вліянію грѣха и міра и въ ней нѣтъ полноты и жизни откровенія. «Апостольское христіанство» и «церковная точка зрѣнія» непримиримыя начала. Но такое раздѣленіе *противуисторично*. Нельзя разрывать такъ живую исторію религіи и церкви. Нельзя такъ порывать связь съ прошлымъ. Въ церкви всегда обиліе Духа Христова. Она не нуждается ни въ какомъ *новомъ* богодухновеніи, ни въ какомъ искусственномъ продолженіи апостольскаго авторитета въ томъ видѣ, какъ было въ началѣ ея бытія. Въ ней вѣчно сохраняется и раскрывается полнота и совершенство ученія и жизни Христовой. Никто не можетъ найти Христа въ другомъ мѣстѣ, какъ только въ словѣ Божіемъ, живущемъ въ церкви. Неразумно спрашивать нынѣ «о Богѣ внѣ творенія» (деизмъ); но также неразумно «искать трансцендентнаго Христа внѣ и выше церкви». Христосъ восходитъ въ церкви, и церковь во Христѣ чрезъ апостоловъ.

дѣйствіи, неразлучномъ единствѣ, полнѣйшемъ тождествѣ, совершенной полнотѣ и абсолютной истинѣ, составляютъ вѣковѣчный законъ религіознаго бытія и жизни церкви вселенной, начиная отъ апостоловъ. Онъ то и лежитъ всецѣло въ исконно-православномъ ученіи о преданіи.

Мы изложили православно-библейское ученіе о преданіи. Для ясности мысли остается обобщить все сказанное о преданіи въ новозавѣтной библіи, чтобы отсюда получить несомнѣнные выводы. Вотъ рядъ православно-церковныхъ тезисовъ по руководству библіи [92]).

Преданіе есть абсолютный источникъ христіанскаго откровенія и жизни церковной; ибо это не—λόγος ἀνθρόπων, но ἄγραφος λόγος θεοῦ. *Устное* преданіе древнѣе писанія. Христіанское откровеніе существовало гораздо раньше, чѣмъ новозавѣтная, т. е. апостольская библія; для своего возникновенія оно нуждалось только въ живомъ и устномъ ученіи Христовыхъ апостоловъ [93]). Было время, когда христіанская вѣра (религія) уже овладѣла сердцами и жизнію многихъ людей, и все-таки не было «ни одной іоты, ни одной черты» изъ письменнаго закона. Церковь основана и распространена не чрезъ писаніе, а только чрезъ живое слово и примѣръ Христа и апостоловъ [94]). Письменные источники христіанскаго вѣроученія суть какъ бы случайный матеріалъ. Письмена книжныя и не могли произойти вмѣстѣ, т. е. одновременно съ церковною жизнію. И хотя отъ писанія зависитъ во многомъ великое дѣло распространенія и утвержденія церковно-христіанскаго ученія, но, все-таки, невозможно все касательно истины и жизни христіанской религіи и церкви заключить въ библейское слово [95]). Отсюда не безъ основанія можно при-

---

[92]) Классифицируя библейскіе выводы, мы нарочито сравниваемъ ихъ съ протестантскими положеніями, дабы сказать нашимъ противникамъ, что «премудрость оправдися отъ чадъ своихъ всѣхъ» (Лук. 7, 35). «Врачу исцѣлися самъ» своими же доводами. Тоже самое значеніе ссылокъ на протестантскихъ авторовъ и въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

[93]) Cf. Prot. Beantwort der Mohlers Symbolik, s. 235 *Гольцманъ*, Kanon, s 138. *Chuttleworth*, Not tradition. but scripture (слово Божіе не было сначала писаннымъ). *Hyperius*, Method. theol. p. 29. verbum Dei non fuit ab initio scriptum. *Квенштедтъ*, Theol. Polem. I, s. 93

[94]) Cf *Marheineke*, Dogm II, s. 394.

[95]) Cf *Лессингъ*, W. W. B 10, s. 8. (*Guhrauer*, Lessing, II, 2, s 144; *Stahr*, II, s. 182 208. 211). *Baur*, Lehre von der Trinität, III, s. 635.

нять предположеніе: если бы и все записанное апостолами и евангелистами какъ-либо затерялось, но православно-церковное проповѣданіе христіанскаго откровенія существовало бы во всемъ своемъ первоначальномъ величіи и блескѣ, т. е. вѣра сохранилась бы и безъ писанія по одному преданію [96]). Не можетъ также быть никакого сомнѣнія въ томъ, что апостолы своимъ преемникамъ и всѣмъ вообще вѣрующимъ полагали въ сердца устное слово для возращенія христіанскаго ученія и для сохраненія церковно-каноническихъ постановленій. Да и какъ иначе они могли поступить, когда отдѣльныя книги писанія были еще разсѣяны по рукамъ адресатовъ, когда «новозавѣтнаго канона» въ томъ смыслѣ и видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ *нынѣ* въ нашей церкви, еще не существовало, когда ни отдѣльныя писанія, ни всѣ вмѣстѣ, если бы онѣ были соединены въ одинъ цѣльный сборникъ, не составляли бы «полнаго комплекса» откровеннаго ученія. Такой вопросъ вообще могъ бы быть только тогда, когда бы апостолы сами *сообща* передали церкви письменное изложеніе всего того, о чемъ они учили и что установили,— изложеніе, признанное всѣми апостольскими церквами вполнѣ исчерпывающимъ неизслѣдимую и неописуемую сущность христіанскаго откровенія и вѣры. Но тогда христіанство напоминало бы намъ нѣчто въ родѣ многотомнаго, раздѣленнаго на главы и параграфы corpus'a juris civilis. Но мы объ этомъ ничего не знаемъ изъ апостольской библіи. Первоначальная, извѣстная намъ, исторія откровенія и церкви учитъ насъ даже противному. Вѣра Христова возвѣщена и раскрыта въ церкви апостолами и евангелистами при помощи преданія и писанія. Это—единая духоносная проповѣдь апостольская, одно дѣло вѣроученія церковнаго въ силѣ Божіей. Апостолы, поэтому, и не могли учить письменно о томъ, что на библейскомъ ученіи Новаго Завѣта *не должно* основываться въ дѣлѣ и жизни вѣры. Если бы учили объ этомъ, тогда не понятно было бы, какъ на авторитетѣ писанія утверждается православный догматъ о преданіи, получающій и отъ него свою могущественную силу. Вопросъ этотъ былъ бы «неразрѣшимымъ узломъ противорѣчій». Тогда бы, казалось, апостолы уничтожали свои собственные евангельскіе труды. Но также апостолы не могли отметать и преданія во имя писанія,

[96]) Ср. *R. Simon*, Histoire critique du Vieux Testament, 1685, 3, p. 22.

т. е. считать его такимъ гносеологическимъ источникомъ и принципомъ, который противорѣчитъ всему новозавѣтному ученію. Напротивъ, они ясно говорятъ въ своихъ писаніяхъ о томъ, что христіанское ученіе и жизнь церковная простираются отчасти на книжное, отчасти на незаписанное слово, что содержаніе божественнаго откровенія раскрывается и утверждается въ церкви Христовой въ своемъ догматико-каноническомъ значеніи и авторитетѣ только по частямъ въ ихъ исторической и органической совокупности [97]). Итакъ, двойство богооткровенныхъ (религіозныхъ) источниковъ есть онтологическая, гносеологическая и методологическая библейская аксіома. По библіи, никакъ нельзя доказать *невозможности уравненія* писанія и преданія, какъ источниковъ христіанскаго вѣроученія и жизни. Въ ихъ тождествѣ лежитъ абсолютное единство и обоюдная всегдашняя необходимость. И, наши противники, протестанты volens-nolens должны согласиться съ этимъ православно-библейскимъ положеніемъ по вопросу о преданіи въ первенствующей церкви. Вѣдь и они допускаютъ, что Христосъ и апостолы болѣе учили живымъ словомъ и болѣе дѣйствовали, чѣмъ то записано въ книгахъ писанія [98]). Они даже говорятъ, что «первобытная церковь» придавала болѣе значенія преданію, чѣмъ писанію [99]). Но однако они ограничиваютъ этотъ plus однимъ только *объемомъ* (Umfang) откровеннаго ученія и, такимъ образомъ, исключаютъ изъ него *сущность* и внутреннее *содержаніе* (Wesen und Inhalt), переносимыя всецѣло на одну библію. Писаніе, и по ихъ взгляду, далеко не все исчерпываетъ, что вошло въ церковное употребленіе при апостолахъ, но въ него перешло все необходимое и все существенное, въ преданіи же осталось одно не существенное и все «случайное». Но такъ думать о взаимодѣйствіи преданія и писанія нельзя при руководствѣ самой библіи. Не говоря уже о томъ, что такое сектантское сѣченіе преданія и писанія чрезвычайно искусственно и крайне тенденціозно, какъ будто возможно такъ раздѣлять и разлучать *въ живой дѣйствительности* объемъ и содержаніе какого-либо предмета,—оно противорѣчитъ и

---

[97]) Это совершенно справедливое положеніе представляетъ исходную точку въ соч. *Гроція*: Votum pro pace.

[98]) Ср. *Твестенъ*, Dogm I, s. 102

[99]) *Маргейнеке*, System des Kathol. II, s. 187.

всему писанію, за которое такъ ревниво держатся протестанты. По библейски-апостольскому ученію, преданіе не исторически-развивающійся только экзегесисъ писанія, но *исторически-самостоятельный источникъ* откровеннаго ученія, и только вполнѣ *совпадающій* съ библіей. Писаніе естественно основано на преданіи, а не наоборотъ, т. е. не преданіе на писаніи. Большая часть новозавѣтнаго писанія *исторически* возникла чрезъ преданіе письмени того ученія, которое первопачально преподаваемо было устно. Источникъ преданія не заключаетъ въ себѣ ничего *новаго* и *инаго* въ сравненіи съ писаніемъ, т. е. ничего такого, что стояло бы въ противорѣчіи или, по крайней мѣрѣ, въ несогласіи съ нимъ. Въ сущности своей оба источника христіанской истины и вѣры происходятъ изъ одного и того же основоначала и единаго первоисточника, т. е. изъ откровеннаго ученія Господа Іисуса Христа (Мат. 28, 19) и внутренняго вдохновенія отъ Духа Святаго (Іоан. 16, 13). Во всякомъ случаѣ, руководясь библейскимъ взглядомъ, какъ истиннымъ критеріемъ, никакъ нельзя допустить мнимо-христіанской мысли, будто все божественное ученіе христіанской вѣры и жизни, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ своихъ пунктахъ, такъ заключается въ писаніи, что преданіе *не должно* стоять на ряду и вмѣстѣ съ писаніемъ, ни дополняя, ни изъясняя его. Послѣ всего сказаннаго о преданіи можно только удивляться тому, что при такомъ очевидномъ положеніи вопроса о преданіи въ библіи нерѣдко высказывается воззрѣніе совершенно противоположное нашему, православно-церковному, и съ «близорукимъ» упорствомъ и «тупымъ легкомысліемъ» защищается [100]).

---

[100]) *Дикгофъ*, Schrift u. Tradition (во многихъ мѣстахъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Ученіе церкви о священномъ преданіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ученіе мужей апостольскихъ о священномъ преданіи.

«*Для меня старая книга — Іисусъ Христосъ*».

Слова *св. Игнатія Богоносца* изъ посланія къ Филадельфійцамъ.

Непосредственно за апостольскимъ періодомъ слѣдуетъ *вѣкъ мужей апостольскихъ*, время своеобразнаго церковно-историческаго перехода отъ непосредственныхъ свидѣтелей—очевидцевъ къ дальнѣйшимъ поручителямъ за истину преданія. Эта эпоха составляетъ особенно—важный предметъ православно-богословской науки во всѣхъ отношеніяхъ. Она-же есть и первый «научный вопросъ», съ котораго должно начать апологетическое изслѣдованіе вопроса о догматико-каноническихъ источникахъ и нормахъ христіанскаго откровенія и вѣроученія въ церковной исторіи [1]). Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса во многомъ зависитъ весь кругъ и весь характеръ церковноотеческой гносеологіи въ ея существѣ и существенныхъ свойствахъ. Отсюда то само собою становится понятнымъ, и то, почему при православно-богословскомъ изслѣдованіи святоотеческаго ученія о преданіи, какъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, мужи апостольскіе должны стоять въ первомъ ряду, а ихъ догматико-гносеологическое ученіе на первомъ мѣстѣ.

Когда апостолы, «*Господу поспѣшествующу*» (Марк. 16, 20), скончали свое теченіе, богодухновенное слово преданія стало жить

[1]) Въ высшей степени странно замѣчаніе Гольцмана (Kanon, § 19, s. 138), что «этотъ періодъ, какъ извѣстно (?), *церковная* исторія пропускаетъ».

и дѣйствовать въ устахъ, въ жизни и ученіи св. мужей апостольскихъ. Подъ именемъ мужей апостольскихъ обыкновенно подразумѣваются *непосредственные* ученики (слушатели) и *преемники апостоловъ на епископскихъ каѳедрахъ* въ апостольскихъ церквахъ [2]). Это «*совоинственники*» (Филим. ст. 2) и сотрудники апостоловъ и евангелистовъ (2 Ѳес. 2, 15; 3, 6; 1 Кор. 11, 2, 34; 1 Тим. 6, 20; Тит. 1, 5), на которыхъ сами апостолы смотрѣли, какъ на *самихъ себя* (1 Петр. 5, 13; 1 Кор. 4, 17). Непрерывный рядъ ихъ начинается вѣкомъ апостольскимъ, т. е. сокрывается въ нѣдрахъ апостольства Христова. Поэтому, это суть οἱ ἀρχαῖοι ἄνδρες, т. е. древнѣйшіе отцы церкви (*patres+apostolici*). Мужи апостольскіе «продолжали созидать церкви Божіи на основаніяхъ, положенныхъ всюду апостолами» [3]). Единственная забота этихъ «собесѣдниковъ и сподвижниковъ апостоловъ» [4]) состояла въ положительномъ сохраненіи и точной передачѣ откровеннаго ученія и жизни, полученныхъ отъ апостоловъ, изъ благоговѣйнаго уваженія къ вѣчной памяти «*наставниковъ, иже глаголаша имъ слово Божіе*» (Евр. 13, 7). «Они ничему не учили по собственнымъ соображеніямъ и никогда не впадали во взаимныя несогласія: ибо, будучи чужды всякаго искательства и злоумышленности, какъ пріяли отъ Бога, такъ передали намъ ученіе» [5]). Вотъ прекрасная характеристика св. мужей апостольскихъ, вполнѣ объективная и совершенно справедливая. Мужи апостольскіе, поэтому, суть прямые наслѣдники апостольскаго преданія и вмѣстѣ достовѣрные свидѣтели его. Извѣстно также, что большинство мужей апостольскихъ были *мученики* [6]). Это «многознаменательное обстоятельство» еще съ новой стороны и еще съ большею силою характеризуетъ величіе учительскаго авторитета св. мужей и особенно внушаетъ полнѣйшее довѣріе къ ихъ свидѣтельству въ пользу догматической истины и исторической достовѣр-

---

[2]) Преосв. *Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви (изд. 2-е, 1882), т I, § 13, стр. 1.

[3]) *Евсевій*, Ц. И., кн. III, гл. 37, стр. 161.

[4]) Выраженіе бл. *Августина*.

[5]) Св. *Іустинъ* (по переводу «Христ. Чт.» за 1838, ч. II, стр. 4—5). Сравн. слѣд. слова блаж. *Августина* о нихъ же: «они что нашли въ церкви, то содержали, чему сами научились, тому и поучали» (Adv. Jul. lib. II, c. 10).

[6]) *Паскаль*: «я охотно вѣрю тѣмъ *исторіямъ*, свидѣтели которыхъ были замучены» (Шуази, стр. 131).

ности преданія. Вотъ почему и самое ученіе ихъ о преданіи нисколько не измѣняетъ и нисколько не ослабляетъ библейско-апостольскаго взгляда на его сущность и происхожденіе, а только далѣе раскрываетъ его, всецѣло утверждаясь на немъ, иначе—само собою предполагая его.

Немного сказано въ твореніяхъ мужей апостольскихъ непосредственно относящагося къ вопросу о преданіи и его значеніи. Творенія ихъ даже внушаютъ намъ нѣкоторое опасеніе касательно научно-богословскихъ доказательствъ, заимствуемыхъ отъ умалчиванія. Но и то, что уцѣлѣло до нашего времени въ небольшихъ фрагментахъ отъ эпохи мужей апостольскихъ, имѣетъ особенно-важное значеніе въ исторіи церковно-православнаго ученія объ источникахъ христіанскаго вѣроученія, представляя собою какъ бы естественный переходъ отъ библейской гносеологіи къ собственно святоотеческой. Всецѣлый взглядъ мужей апостольскихъ непоколебимо убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ первоначальной цѣпи апостольскихъ преданій, хранимыхъ и охраняемыхъ вселенски-православною церковію «есть всѣ звенья и эти звенья суть самаго чистаго металла» [7]).

Извѣстно, какъ трудно относительно мужей апостольскихъ научно доказать пользованіе писаніемъ во всей его цѣлости, а особенно книжными евангеліями. Мужи апостольскіе многократно приводятъ свидѣтельства слова Божія изъ живыхъ воспоминаній и, прежде всего, изъ устнаго преданія. Можетъ быть, на ряду съ апостольскими посланіями въ самую раннюю пору читались при церковномъ богослуженіи и евангельскія книги [8]). Но, все-таки, изобилующія цитатами изъ писанія творенія мужей апостольскихъ стоятъ, по способу передачи, въ самой близкой, генетической связи съ первоначальными источниками преданія, т. е. съ самыми апостолами и евангелистами. Устное слово, живая проповѣдь, учительное дѣло церковное—вотъ тѣ, унаслѣдованные отъ апостоловъ церковно-историческіе пути и средства, которыми пользовались мужи

[7]) *Шаузи*, стр. 117

[8]) Первымъ свидѣтельствомъ относительно церковно-богослужебнаго употребленія евангелій мы обязаны для греко-восточной церкви св *Іустину* († ок. 166 г.), упоминающему о чтеніи ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων=εὐαγγέλια (Apol. 1, 67), а для латино-западной—*Тертулліану* (Apolog. cap. 39)

апостольскіе при «наученіи Господни» и при обращеніи невѣрующихъ іудеевъ и язычниковъ въ христіанство. Только послѣ «первой генераціи свидѣтелей», слышавшихъ евангельское ученіе отъ самихъ очевидцевъ Господа, стала необходима потребность устное преданіе, гдѣ нужно было, подкрѣплять, распространять и дополнять письменнымъ, но отнюдь не «замѣнять» и не устранять его, какъ «ненадежное», что́ несправедливо утверждаютъ объ этомъ многіе протестантскіе писатели [9]). Отсюда сама собою понятна равностная забота мужей апостольскихъ о заключеніи преданій въ письмена и о собраніи въ должное единство, въ церковный κάνων, апостольскихъ писаній. Поэтому, въ эпоху мужей апостольскихъ живоносный потокъ устнаго преданія продолжаетъ закономѣрно течь въ руслѣ искони—церковномъ, но уже какъ-бы нѣсколько съуженномъ, струи его становятся болѣе прозрачными и менѣе расходящимися. Но вѣрно также и то, что преданіе, какъ истинное ученіе Господне, какъ наслѣдіе апостоловъ, «въ первомъ порядкѣ преемства апостольскаго» [10]) составляло преемущественный источникъ истиннаго значенія о «первохристіанской церкви» [11]). По ученію нѣкоторыхъ мужей апостольскихъ, даже въ первое десятилѣтіе II вѣка преданію воздавалось видимое преимущество предъ писаніемъ, несобраннымъ еще въ одинъ обще-церковный канонъ. И такой взглядъ на отношеніе преданія къ писанію не—признакъ какой-то «борьбы преданія съ новымъ канономъ за преимущество» [12]), а ясное сознаніе *необходимости* преданія въ виду *недостаточности* одного писанія.

Ко всему этому нужно еще добавить, что преданію церкви мужей апостольскихъ принадлежала чрезвычайная важность. Оно заграждало богохульныя уста безчисленныхъ еретиковъ и сектантовъ, возставшихъ на церковь и ея ученіе. Ересь ожидала кончины

---

9) *Weiss*, Leben Iesu, I, s. 18.

10) *Евсевій*, И. Ц. кн. III, гл. 37, стр. 160—361.

11) Ультра-критическая школа готова вѣрить, что предпочтеніе, оказываемое мужами апостольскими во II в. *устному* преданію, показываетъ не великій авторитетъ, какимъ будто бы пользовались наши евангелія. Но есть ли надобность по этому поводу исчислять причины явной нерасположенности этой школы къ евангельскому преданію?

12) *Semisch*, Denkwurdigkeiten Iustins. 1848, s. 399. *Kredner*, Einleitung in die heil. Schrift, I, s. 36. *Luthardt*, Der Iohanneische Ursprung des 4. Ev. 1874, s. 37 f.

апостоловъ, дабы дерзновеннѣе поднять свою голову. Послѣдователи различныхъ еретическихъ толковъ спѣшили прикрыть свои сектантскія мечтанія «одеждою Христова и апостольскаго слова». Ихъ нельзя было переспорить и опровергнуть при помощи *однихъ* писаній; ибо они извращали ихъ внутренній смыслъ и ослабляли ихъ догматико-каноническій авторитетъ ради своего сектантскаго преданія. Кто могъ лучше указать и разъяснить истинное значеніе устнаго и письменнаго ученія апостоловъ, сохранявшаго слово Господне, какъ не непосредственные ученики, преемники и носители ума и вѣры апостоловъ, ихъ жизни во Христѣ, ихъ сообщники и сподвижники? Они одни могли спасти дѣвство церкви и сохранить чистоту и совершенство ея ученія, свидѣтельствуя о догматической истинѣ и исторической достовѣрности божественнаго откровенія отъ апостольскаго преданія. Преданіе было положительно необходимый источникъ христіанскаго вѣроученія при устраненіи еретическихъ ссылокъ на какія то особыя и «тайныя апостольскія ученія». Также и въ цѣляхъ церковно-религіознаго воспитанія въ вѣкъ мужей апостольскихъ преданіе вездѣ принималось, какъ ничѣмъ не замѣнимый источникъ и какъ «твердое основаніе» [13]).

Итакъ, преданіе и писаніе въ ихъ взаимодѣйствіи неизмѣнно стоятъ, какъ совершенно равноправные догматико-каноническіе источники и нормы въ вѣкъ мужей апостольскихъ. Поэтому, ни какъ нельзя сказать, будто устное откровеніе Божіе въ разсматриваемый періодъ «вполнѣ обусловливалось письменнымъ» и будто только это послѣднее представляло собою «истинное преданіе» [14]). Также должно считать вымышленнымъ, а не «вполнѣ естественнымъ» и мнимое «колебаніе мужей апостольскихъ» въ вопросѣ объ источникахъ и основахъ познанія христіанскаго откровенія [15]), и въ частности о преданіи въ его отношеніи къ писанію и церкви.

Исходнымъ пунктомъ православно-церковнаго ученія мужей апостольскихъ о преданіи служитъ вопросъ объ *органахъ* богопреданнаго вѣроученія. И это вполнѣ естественно. Апостолы уже

---

[13]) Объ этомъ можно заключить по Апологіи св. Іустина о совершеніи крещенія (1, с. 61) и причащенія (с. 66). Cf. *Thomasius*, Dogmengesch. I, s. 40

[14]) *Нитцшъ*, System, s. 97.

[15]) *Гольцманъ*, Kanon, § 19, s. 138.

исполнили свою миссію. Церкви, основанныя ими и апостольскія каѳедры (sedes apostolicae) переходили во власть священноначальниковъ, т. е. непосредственныхъ апостольскихъ преемниковъ, епископовъ и пресвитеровъ. вообще говоря—во власть святыхъ отцовъ и учителей. Они становились единственными стражами вѣры Христовой и служителями слова Божія въ ученіи и жизни христіанской. Нужно было прочно установить и непререкаемо утвердить ихъ учительный авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и абсолютную догматическо-каноническую непогрѣшимость церкви, единой носительницы Духа Христова и хранительницы апостольскаго ученія. Это—съ одной стороны. Съ другой—еретики всегда вооружались *противъ преданія* подъ видомъ всяческихъ возраженій, направленныхъ *противъ учительнаго авторитета апостольскихъ преемниковъ* и апостольскихъ церквей, т. е. противъ епископовъ и пресвитеровъ, противъ церковной іерархіи вообще, не желая видѣть здѣсь непогрѣшимые органы истиннаго откровенія и достовѣрныя свидѣтельства о немъ. Нужно было и здѣсь съ очевидною ясностію показать, что апостольскіе преемники и апостольскія церкви суть настоящіе носители и провозвѣстики истиннаго преданія, что чрезъ нихъ попреимуществу преемственно и совокупно, по усмотрѣнію Божію, должно возвращаться христіанское откровеніе въ грядущіе вѣка и что авторитетъ ихъ долженъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ постоянной заботѣ о сохраненіи въ первоначальной чистотѣ и полнотѣ божественнаго ученія. Вотъ почему въ православно-церковномъ ученіи мужей апостольскихъ о преданіи вопросъ о богоучрежденной іерархіи, т. е. объ учительномъ авторитетѣ епископовъ и пресвитеровъ, какъ апостольскихъ преемниковъ, стоитъ на первомъ мѣстѣ.

1. Вопросъ о преданіи со стороны ученія о внутреннемъ достоинствѣ его органовъ и свидѣтелей особенно ярко раскрывается изъ мужей апостольскихъ у *св. Климента, епископа римскаго.* Климентъ—ученикъ ап. Павла, «третій отъ апостоловъ» [16]). «Онъ *видѣлъ* блаженныхъ апостоловъ, и обращался съ ними, *самъ слушалъ* ихъ *проповѣдь* и имѣлъ *предъ глазами преданіе* не одинъ, тогда оставалось еще много учениковъ апостольскихъ» [17]). Отъ него

[16]) *Св. Ириней Ліонскій*, кн. III, гл. 3, 3, стр. 276 (у Евсевія, кн. V, гл. 6, стр. 251).
[17]) Ibidem.

дошло до насъ превосходное *посланіе* къ церкви Коринѳской, написанное «отъ лица римской церкви» [18]) по поводу антицерковнаго, собственно анти-іерархическаго раздора, бывшаго при немъ въ Коринѳѣ. Главнѣйшая цѣль его — «возстановленіе вѣры и преданія, не задолго принятаго коринѳянами отъ апостоловъ». Поэтому посланіе это есть «несомнѣнно искренній отголосокъ словесъ апостоловъ» [19]). Здѣсь находятся существенныя черты взгляда Климентова на апостольскихъ преемниковъ и апостольскія церкви, всецѣло проникающаго его ученіе о преданіи.

Вотъ какъ читаются въ догматической связи самыя «типическія мѣста» изъ этого посланія о преданіи.

«*Апостолы* были посланы *проповѣдывать евангеліе намъ* отъ Господа Іисуса Христа, Іисусъ Христосъ отъ Бога. Христосъ былъ посланъ отъ Бога, а апостолы отъ Христа; то и другое было въ порядкѣ по волѣ Божіей. Итакъ, принявши повелѣніе, апостолы, совершенно убѣжденные чрезъ воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа и утвержденные *въ вѣрѣ словомъ Божіимъ*, съ полнотою Духа Святаго пошли *благовѣствовать* наступающее царствіе Божіе. Проповѣдуя по различнымъ странамъ и городамъ, они *первенцевъ изъ вѣрующихъ*, по духовномъ испытаніи поставляли въ епископы (пресвитеры) и діаконы *для будущихъ вѣрующихъ*. И это *не новое* установленіе; ибо много вѣковъ прежде писано было о епископахъ и діаконахъ. Такъ говоритъ писаніе: «*поставлю епископовъ ихъ въ правдѣ и діаконовъ въ вѣрѣ*» (Исаіи 60, 17). «И чему дивиться, если тѣ, коимъ во Христѣ ввѣрено было отъ Бога это дѣло, поставляли вышеупомянутыхъ *служителей*» слова и дѣла Божія «*во всемъ домѣ Божіемъ*» (Евр. 3, 2, 5; Числ. 12, 7) [20]). «И апостолы наши знали чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, что будетъ *раздоръ о епископскомъ достоинствѣ*. По этой самой причинѣ они. получивши совершенное предвѣдѣніе, поставили вышеозначенныхъ служителей, и потомъ присовокупили законъ, чтобы когда они (т. е. преемники апостоловъ) почіютъ, другіе испытанные мужи принимали на себя ихъ служеніе Итакъ, почитаемъ не-

---

[18]) *Евсевій*, кн. III, гл 38, стр. 162

[19]) *В. Геттэ*, Исторія церкви, т. I, стр. 362.

[20]) Гл. XLII—XLIII, стр. 142—143 (по изданію «Правосл. Обозр.», М. 1860).

справедливымъ лишить служенія тѣхъ, которые поставлены самими апостолами или послѣ нихъ другими достоуважаемыми мужами, *съ согласія всей церкви*, и служили стаду Христову неукоризненно, со смиреніемъ, кротко и безпорочно, и притомъ въ теченіе долгаго времени отъ всѣхъ получили одобреніе» [21]). «Будемъ соблюдать порядокъ въ церкви Богомъ установленный» [22]).

Итакъ, по взгляду св. Климента римскаго, іерархическій чинъ священноначальниковъ установленъ въ церкви Самимъ Іисусомъ Христомъ; епископы (въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова) и діаконы поставлены апостолами Въ епископствѣ сосредоточивается вся догматико-каноническая сущность православно-христіанскаго священничества, блюдущаго точно также, какъ и апостолы, преданіе Христово, т. е. «заповѣди Божіи» [23]). Церковно-іерархическое учительство должно совершаться и совершенствоваться во Святомъ Духѣ, «чтобы не было распри о священствѣ», къ утвержденію чего собственно и направлялись всѣ апостольскія распоряженія касательно новозавѣтнаго священно-началія, всегда нерушимо сохраняющаго *апостольское преемство* даровъ Святаго Духа и ученія, т. е. непрерывно и неизмѣнно продолжающаго *іерархическое преемство* апостольскаго служенія въ церкви Христовой. Божественный авторитетъ апостоловъ, получившихъ отъ Христа Господа заповѣдь «проповѣдывать Евангеліе» и историческая достовѣрность свидѣтельства апостольскихъ церквей—вотъ въ чемъ, по мысли св. Климента, заключается существо и истина историческаго происхожденія и существованія преданія въ церкви вообще. Апостолы «совершенно убѣжденные» въ откровенномъ словѣ вѣры и церкви ихъ съ ихъ епископами, преемниками апостольскими, суть только органы, передающіе ученіе, идущее отъ Христа, отъ Бога. Религіозный авторитетъ и историческая необходимость этихъ органовъ—внѣ сомнѣнія; ибо здѣсь—тайна совершенной истины и истинной жизни христіанскаго откровенія въ дальнѣйшей исторіи церкви. Итакъ, вся сила доказательства Климентова ученія о преданіи сводится

---

21) Гл. XLIV, стр. 144—145.

22) Гл. XL, стр. 140.

23) Гл. I, стр. 102: προστάγματα τοῦ Θεοῦ; «заповѣди Христовы», παραγγέλματα τοῦ Χριστοῦ (гл. 49; гл. 50).

къ утвержденію непогрѣшимаго свидѣтельства апостольскихъ преемниковъ и апостольскихъ церквей, въ своей совокупности и преемствѣ составляющихъ *единую церковь вселенскую,* единое тѣло Христово [24]).

Въ разсматриваемыхъ мѣстахъ у св. Климента, въ существѣ дѣла, коренится весь святоотеческій православно-каѳолическій принципъ преданія [25]). Здѣсь какъ бы предначертана въ наиболѣе чистомъ видѣ и весьма отчетливо выражена православно-богословская теорія о преданіи въ его органахъ, носителяхъ и хранителяхъ. Отношеніе апостоловъ ко Христу и Святому Духу здѣсь служитъ идеальнымъ первообразомъ іерархическаго авторитета и назначенія епископовъ, какъ предстоятелей за вѣру апостольскихъ церквей (ἡγουμένοι). Выраженное здѣсь общее понятіе о преданіи въ его существѣ и церковно-историческомъ бытіи, по своей формально-исторической сторонѣ, таково: Богъ, Христосъ, XII апостоловъ, церкви (θεὸς—Χριστός—οἱ δώδεκα—ἀπόστολοι—ἐκκλησίαι), соотвѣтственно этому самыя древнѣйшія изъ апостольскихъ церквей. Это первая святоотеческая формула, въ которой преимущественно выступаетъ историческій методъ догматическаго доказательства абсолютной истины преданія. Только начальный пунктъ исторіи христіанскаго откровенія, т. е. вѣкъ Христа и апостоловъ, есть *каноническій,* основоположительный и законообязательный. Это какъ бы общая почва для всѣхъ христіанъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ; его они находятъ въ православной церкви лишь тогда, когда всякій моментъ преданія органически возводятъ къ той первоначальной эпохѣ.

И такое понятіе о преданіи св Климента римскаго—глубокожизненное. Какъ видно изъ сказаннаго, оно включаетъ въ себѣ не только догматическое ученіе, но и нравственную жизнь, богослужебную практику, церковную іерархію, церковные законы (διατάξεις, νόμοι, κανόνες ἐκκλησιαστικοί διά των ἀποστόλων) и устройство вообще, сообщенное церкви самими апостолами Такимъ образомъ, оно обнимаетъ все, что нужно для того, чтобы всецѣло «проникнуть *въ глубины божественнаго вѣдѣнія* (γνῶσις)» [26]). Оно безусловно не-

---

[24]) Гл. XLVI, стр. 147.

[25]) Сравн мнѣніе объ этомъ мѣстѣ *Harnack'a* въ его Dogmengeschicht, I, s. 112, Anm. 1.

[26]) Гл. XL, стр 140.

обходимо для «совершеннаго и вѣрнаго знанія» христіанскаго ученія и жизни, т. е. Господнихъ повелѣній и заповѣдей, *написанныхъ на скрижаляхъ сердца*» [27]) всей церкви [28]). Стало быть, въ вопросѣ о преданіи у св. Климента нѣтъ (и не можетъ быть) рѣчи ни о какой «отчужденности и отчуждаемости понятія о преданіи» и самаго преданія отъ *всего* христіанскаго откровенія, ни о какомъ «внѣшнемъ ограниченіи» его догматико-каноническаго авторитета областію какихъ-либо «особыхъ истинъ вѣры и правилъ жизни», отличающихъ дескать его отъ обще-церковнаго ученія, ни тѣмъ болѣе о какомъ-либо «придуманномъ приспособленіи» его гносеологическихъ началъ и источниковъ къ какой-нибудь «внѣшней и неисторической инстанціи» или «противо-исторической фикціи», возникающей при всяческихъ сектантскихъ суевѣріяхъ и обманахъ. *Церковь апостольская* (ἐκκλησία ἀποστολική) и χάρισμα τῆς ἀληθείας ея предстоятелей, ея епископства, ея св. отцевъ и учителей, есть не только conditio sine qua non, устраняющее всякое раздѣленіе христіанскаго ученія отъ обще-церковнаго и древле-каѳолическаго, но и глубочайшая догматико-каноническая основа цѣлостнаго сохраненія всего вообще божественнаго откровенія и вѣры [29]). Съ этой стороны преданіе у св. Климента римскаго есть преимущественно церковно-іерархическій принципъ. Это—общій церковный законъ апостольскаго преемства и вѣры. Понятія:—вселенская и истинная *церковь*, религіозная *вѣра* и апостольское *преданіе* какъ бы сливаются здѣсь въ одно общее понятіе апостольскаго преемства церковной іерархіи, епископовъ, а каноническій порядокъ непрерываемаго *преемства* отъ апостоловъ обозначается, какъ истинно-церковная *порука* за неприкосновенность вѣры и преданія. Въ этомъ смыслѣ преданіе служитъ наглядпымъ выраженіемъ догматико-каноническаго *единства* церкви, единаго тѣла Христова.

---

[27]) Гл. I, стр. 102 (см. у проф *К. Д. Попова*, Тертулліанъ, его теорія христіанскаго знанія и основныя начала его богословія. Кіевъ, 1880, стр. 21).

[28]) Вслѣдствіе такого взгляда на значеніе преданія св. Климентъ и самъ приводитъ евангельскія изреченія въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ въ текстѣ евангелистовъ (сравн., напр, гл. XIII и Матѳ. 7, 1—2 и Лук. 6, 36—38; гл. XLVI и Матѳ. 18, 6; 26, 24, Лук. 17, 2; Марк 9, 12) и апостоловъ (гл. XXIII и Іак. 1, 8 и 2 Петр. 3, 3—4).

[29]) Ср. *Weingarten*, Kirchengeschichtliche Tabellen, 3. Aufl. 1887, s. 17.

Достопримѣчательно, что, говоря объ апостолахъ вообще и называя ихъ *нашими*, св. Климентъ *римскій* не выставляетъ особеннаго авторитета ап. Петра и не говоритъ объ «особыхъ преимуществахъ» *римской церкви*.

Вотъ схема и составъ Климентова взгляда на преданіе въ его источникахъ и органахъ. Къ сожалѣнію, это *греко-восточное*, православное ученіе древнѣйшаго *римскаго* епископа забыто новѣйшею римскою церковію, насильственно и беззаконно восхитившею «апостольское преемство преданія въ церкви вселенной» въ пользу своихъ только «непогрѣшимыхъ первосвященниковъ».

2. Точно такое же ученіе о преданіи и въ такомъ же порядкѣ изложенное мы находимъ у св. *Игнатія Богоносца* (θεοφόρος), *епископа антіохійскаго*. Св. Игнатій, по словамъ св. *Іоанна Златоуста*, «общникъ апостоловъ и въ рѣчахъ и въ томъ, *что неизречено*» [30]), ученикъ ап. Іоанна Богослова и слушатель ап. Петра, послѣ Эводія епископъ антіохійскій по назначенію апостоловъ, также указываетъ на преданіе, какъ на общецерковный источникъ христіанскаго вѣроученія и жизни [31]). Предъ мученическою кончиною своею въ Римѣ (+107—116 г.), онъ написалъ семь прекрасныхъ поучительныхъ *посланій* къ церквамъ—Ефеской, Магнезійской, Траллійской, Римской, Филадельфійской, Смирнской и къ св. Поликарпу Смирнскому. Въ нихъ онъ устанавливаетъ основное православное понятіе о преданіи и, съ отеческою любовію, говоритъ о важности и необходимости сохраненія апостольскаго ученія въ цѣлости церковной истины. Апостольское преданіе (παράδοσις τῶν ἀποστόλων)—это достовѣрный залогъ божественнаго откровенія, особенно въ виду паденій на церковь усиливавшихся тогда еретиковъ (іудействующихъ и докетовъ),—этихъ, по образному выраженію св. Игнатія, «дикихъ звѣрей» [32]). Пламенное убѣжденіе въ необходимости съ твердостію *держаться* за преданіе для утвержденія христіанскаго откровенія и уничтоженія всяческихъ «смертоносныхъ произраста-

---

[30]) Бес. 42 о св. Игнатіѣ (у *Филарета*, Ист. ученіе объ отцахъ церкви, т. I, § 19, стр 19).

[31]) Прот. *Терновскій*, стр. 44. *Макарій*, § 129, стр. 346.

[32]) См. у Евсевія, кн. III, гл. 3, стр. 157—158; Посланіе къ Ефес. гл. VII (стр. 378).

ній еретиковъ» [33]), у св. Игнатія раскрыто довольно подробно и обосновано довольно ясно.

Всѣ истинные христіане, какъ «чистые отъ всякаго чуждаго цвѣта» (ἀποδωλισμένοι ἀπό πάντος ὀλλοτρίου χρωματος), [34]), т. е. сектанскаго лжеученія, *раздьляющаго* людей, должны, всегда имѣть единую вѣру, одно проповѣданіе, и «ничего не дѣлать *по рвенію*» (Фил. 2, 3), т. е. тщеславному любопренію, порождающему безконечные раздоры и ссоры изъ-за вѣры, «а по ученію Христову» [35]). Преданіе —единое откровеніе Божіе: это—одно Евангеліе Христово, т. е. «проповѣдь апостоловъ» [36]), обнимающая всю истинноцерковную вѣру во Христа [37]). Искупительное дѣло Христово, созидаемое церковію, вотъ вѣчное рукописаніе Христово. Въ этомъ именно глубоко-таинственномъ смыслѣ Самъ Іисусъ Христосъ называется у св. Игнатія непреложнымъ и истинно—древнимъ писаніемъ, τά ἄθικτα ἀρχεῖα. Противъ тѣхъ сектантовъ—раскольниковъ которые говорили: «*не вѣрю, если не найду Евангелія въ старописьменныхъ книгахъ* (ἐν τοῖς ἀρχαίοις)». св. Игнатій Богоносецъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «а для меня *старая книга есть Іисусъ Христосъ*, не слушать которого—явная погибель. Подлинное писаніе для меня—крестъ Его и смерть и воскресеніе Его, и вѣра, Имъ данная (ὁ σταυρος αυτου, καὶ ὁ θανατος, καί ἀνάστασις, καὶ ἡ πίστες ἡ δι' αὐτοῦ), т. е. ученіе, принесенное Христомъ. Этимъ желаю оправдываться при помощи молитвъ вашихъ. Кто не вѣритъ Евангелію, тотъ ничему прочему не вѣритъ. Ибо *старая книга* не должна быть предпочитаема *Духу. Жестоко есть противу рожна прати* (Дѣян. 9, 5; 26, 14). Жестоко—не вѣрить Христу, жестоко—отвергать проповѣдь апостоловъ» [38]).

---

[33]) Къ Трал. гл VI (стр. 400).

[34]) Къ Рим предисловіе (стр 402).

[35]) Къ Филад. гл. VIII, стр 414.

[36]) Ib. (по Казанск. изд. 1857), стр 156

[37]) Мысль о *единствѣ* церковной *вѣры* такъ часто встрѣчается въ твореніяхъ св. Игнатія, что св Игнатій по справедливости называется «учителемъ единенія», какъ и онъ самъ сознавалъ себя «человѣкомъ, предназначеннымъ къ единенію» (Филад. гл. 8). По этой сторонѣ его творенія заслуживаютъ самаго тщательнаго изученія, особенно въ вопросѣ о признакахъ преданія.

[38]) Ib. (по Каз. изд.) стр. 155—156.

Итакъ, по взгляду св. Игнатія, Христосъ исконная и нетронутая временемъ книга религіознаго бытія, жизни, вѣры и мысли церкви Его. «Гдѣ Іисусъ Христосъ, тамъ и каѳолическая церковь» [39]). Еретики только «*примѣшиваютъ Іисуса Христа* къ яду своего ученія» [40]) и «умираютъ въ своихъ преданіяхъ» [41]). У нихъ есть одни библейскія письмена, «чѣмъ и пріобрѣтаютъ къ себѣ довѣріе», но у нихъ нѣтъ истиннаго *преданія*. А «жесткія рукописныя книги», хотя бы то и старыя, а одно книжное слово (буква), хотя бы то и достовѣрное, не достаточно *для вѣры*: оно лишь раздѣляетъ и разъединяетъ; только живоносный духъ единаго христіанскаго вѣроученія, находящійся въ церковно-апостольскомъ преданіи, соединяетъ всѣхъ вѣрующихъ и созидаетъ все. Писмя само по себѣ убиваетъ, а истинный духъ вѣры всецерковной все животворитъ и укрѣпляетъ въ догматическомъ ученіи и жизни практической. Сектанты, еретики и раскольники *потеряли истину откровенія*; ибо, разорвавъ *духовное общеніе* съ живою церковію, они лишили себя надежной опоры, коренящейся въ живомъ и непрерывномъ преданіи ея. Они поставили себя исключительно въ отвлеченную связь съ древне-апостольскою церковію и, такимъ образомъ, не имѣютъ другаго прибѣжища, кромѣ одного *внѣшняго* свидѣтельства этой церкви, сохранившагося въ «старописьменныхъ книгахъ». Преданіе у нихъ *всецѣло замѣнено* этими книгами, которымъ *суевѣрно* придается совершенно *самостоятельное*, т. е. отдѣленное отъ преданія, значеніе. Для нихъ однихъ они пожертвовали всегдашнимъ и духоноснымъ руководительствомъ церкви, ея любовію и полнотою духа и жизни ея во Христѣ [42]).

---

[39]) Къ Смир. гл VIII (стр 421)· ὁπου ἂν ᾖ Χριστὸς Ἰησοῦς, ἐκεῖ η καθολικὴ ἐκκλησία.

[40]) Къ Трал. гл. VI, (стр 398)

[41]) Къ Смир. гл. VII (стр. 421).

[42]) Какъ современенъ этотъ догматико-гносеологическій взглядъ св. Игнатія Богоносца! Какъ необходимъ онъ при объясненіи историческаго происхожденія въ наше время всяческихъ сектъ и расколовъ! Какъ, напр., удобно приложить его при обличеніи протестантства, *одною буквою писанія* пытающагося разрѣшить всѣ религіозно-нравственные вопросы, въ зависимости отъ «старописьменной буквы» (автографовъ) и отъ научнаго знанія греческаго и латинскаго текста поставляющаго *свое спасеніе*. Возможно ли это? Разумно ли? Правдоподобно ли? Что въ писаніи заповѣдано, то, по мнѣнію протестантовъ, одно только истинно и одно только истинно-христіанское. Но, чтобы знать *подлинно* откровенную истину нужно судить о ней не по

Чистая и живая *вѣра* (πίστις),—это самое драгоцѣнное сокровище христіанскаго сердца,—и всегдашній религіозный союзъ съ церковію, съ ея богоучрежденнымъ священствомъ, свято сохраняющимъ *апостольскія постановленія*,—вотъ по Игнатію необходимое условіе цѣлостнаго познанія преданія и «истинный путь», ведущій къ утвержденію его догматической истины [43]). Богодарованная вѣра основывается на абсолютномъ *довѣріи* къ свидѣтельству *церковной истины* преданія, къ свидѣтельству апостольскихъ церквей и апостольскихъ преемниковъ. Подобно св. Клименту Римскому, Игнатій объясняетъ, *на чемъ* зиждется это довѣріе. Каждая церковь должна пребывать въ живомъ и постоянномъ единеніи со своими предстоятелями, бодрствующими надъ апостольскимъ залогомъ христіанскаго вѣроученія и жизни. Здѣсь—одна цѣль у всѣхъ, а именно чрезъ іерархическое единство со священствомъ сохранить и уразумѣть церковно-религіозное единеніе со Христомъ и апостолами. Епископы «были указаны *по мысли* Іисуса Христа», и «Онъ по собственной *волѣ* утвердилъ ихъ незыблемо Духомъ Своимъ Святымъ» [44]). Слѣдовательно, чтобы «утвердиться въ ученіи Господа и апостоловъ» [45]), всѣ истинно-вѣрующіе христіане должны подчиняться *епископамъ, какъ Самому Іисусу Христу, а пресвитерству, какъ апостоламъ*

буквѣ, а по духу вѣры, по церковному преданію, по ученію Христа и апостоловъ, живущему въ церкви. Какъ поразительно сходятся здѣсь, съ отрицательной стороны, русскіе раскольники—*старообрядцы* съ протестантами. Это, въ сущности, крайнія и мало сочувствующія другъ другу религіозно-сектантскія партіи; но *въ отрицаніи* вселенски-церковнаго преданія какъ онѣ примиряются. Къ «старовѣрамъ», при оцѣнкѣ ихъ антицерковной нѣтовщины, вполнѣ примѣнимъ вышеуказанный взглядъ св. Игнатія Богоносца на преданіе. Старообрядцы—это тѣ же «русскіе протестанты», т. е. «книжники—раціоналисты» Для нихъ только «то́ разумно», что́ въ «старопечатной книгѣ». Ихъ занимаетъ внѣшнее слово и *суевѣрное обожаніе* книжнаго слова, а не внутреннее и духовное значеніе его, какъ источника вѣроученія. А это оттого, что они оторвались отъ единаго тѣла церкви Христовой, откололись отъ нея, мертвенно отщепились Одно только обладаніе библіею (книгой) не составляетъ полноты откровенія Божія и не вводитъ въ лоно церкви, истинно хранящей ученіе Господне, подобно тому какъ обладаніе однѣми *умственными* способностями недостаточно, чтобы быть истинно-мудрымъ человѣкомъ,—для этого нужно еще дѣятельное нравственное самопознаніе, пріобрѣтаемое путемъ духовнаго опыта. Полнота и совершенство богооткровеннаго ученія въ церкви покоятся на преданіи и писаніи въ ихъ ограническомъ единствѣ и взаимодѣйствіи. Такъ и по св. Игнатію.

[43]) Къ Еф. гл IV (стр. 376).

[44]) Ib. гл III (стр. 376), къ Филад. предисловіе (стр. 410).

[45]) Къ Магн. гл. XIII (стр. 393).

Его [46]). По ученію св. Игнатія, епископы суть блюстители апостольскихъ установленій (заповѣдей) [47]), а пресвитерство какъ бы «священный соборъ апостоловъ» [48]). Подобно св. Клименту римскому, Игнатій Богоносецъ требуетъ, чтобы всѣ христіане, особенно же пресвитеры, почитали епископовъ «въ славу (Бога) Отца, Іисуса Христа *и апостоловъ*» [49]). Здѣсь очень ясна святоотеческая мысль о важности и преемствѣ апостольскаго служенія въ церкви въ лицѣ епископовъ, которыхъ и нужно *слушать*, чтобы соблюдать преданіе во всей его цѣлости и полнотѣ его бытія и жизни, «дабы жить по духу Іисуса Христа» [50]).

Впрочемъ, въ одномъ довольно спорномъ мѣстѣ посланія къ Филадельфійцамъ св. Игнатій Богоносецъ, повидимому, указываетъ на совершенно справедливое различеніе между самою *догматическою основою* проповѣди апостольской (т. е. между, такъ называемымъ, собственно Евангеліемъ, τὸ εὐαγγέλιον, непосредственнымъ преданіемъ о жизни и ученіи Іисуса Христа), и *историческою формою* этой проповѣди, т. е. устнымъ свидѣтельствомъ о ней апостоловъ и ихъ непосредстренныхъ преемниковъ—учениковъ. «Будемъ прибѣгать,—говоритъ онъ,—къ Евангелію (τῷ εὐαγγελίῳ), какъ къ плоти Іисусовой (т. е. какъ бы къ Самому плотію пребывающему въ церкви Іисусу Христу), и къ апостоламъ, какъ къ *пресвитерству церкви*» (καὶ τοῖς ἀποστόλεις, ὡς πρεσβυτερίῳ ἐκκλησίας) [51]). Но это столь важное различіе у св. Игнатія, очевидно, имѣетъ одно только формальное значеніе. Здѣсь «матеріальная первооснова», т. е. самая религіозная вѣра церкви въ божественное откровеніе, и церковно-историческая передача Евангелія Христова (церковное свидѣтельство) нераздѣльны и неразлучны въ живомъ единствѣ истинно-христіанскаго вѣроученія и жизни. Это, вообще говоря, одна χριστομαθία. Въ этомъ именно смыслѣ и говоритъ св. Игнатій, что гдѣ Христово преданіе и жизнь, тамъ и истинная церковь Его. Τὸ εὐαγγέλιον, т. е. все христіанское откровеніе (божественное ученіе) и его свидѣтели—апостолы и ихъ

---

[46]) Къ Трал. гл. II (стр. 396); къ Смирн гл. VIII (стр 421)
[47]) Къ Трал. гл. VII (стр. 398).
[48]) Къ Магн. гл. VI (стр 399).
[49]) Къ Трал. гл. XII (стр. 401).
[50]) Гл V (стр 412).
[51]) Гл. V.

церкви — составляютъ одно органическое преданіе. Δόγματα Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ ἀποστόλων — это одно и тоже откровенное слово Божіе. Догматико-каноническое единство обоихъ моментовъ заключается уже въ самомъ понятіи христіанскаго откровенія, разсматриваемаго со стороны его *историческаго* значенія. Поэтому, чтобы *знать Евангеліе* надобно, по Игнатію, обратиться къ *достовѣрнымъ свидѣтелямъ*, т. е. къ апостоламъ и къ церквамъ, ими основаннымъ, къ церковному епископству и пресвитерству, къ *собору* преемниковъ апостольскихъ, *къ вселенской церкви*. Здѣсь находится все преданное относительно вѣры, полученное отъ Христа. Здѣсь, по мысли св. Игнатія, устанавливается и православная *увѣренность* въ томъ, что на преданіи основывается догматико-каноническій авторитетъ писанія и истинное пониманіе его. Библія не какая-либо «самозамкнутая и таинственная книга незапамятной древности», какую еще нужно разгадать; это вѣчно-живое *церковно-глаголющее* слово Божіе, постигаемое и уразумѣваемое всею церковію. Иначе различіе между писаннымъ и неписаннымъ словомъ Божіимъ было бы сплошнымъ «богословскимъ софизмомъ», если бы, т. е., подъ первымъ изъ нихъ разумѣть только *одно писаніе*, отрѣшенную отъ церковно-религіознаго самознанія и жизни «старописьменную книгу». Вѣра и духъ ученія христіанскаго основаны всецѣло на преданіи, ибо и писаніе было нѣкогда преданіемъ, не говоря уже о томъ, что въ него мы *вѣруемъ* ради одного только преданія Христова, по довѣрію къ свидѣтельству вселенной церкви. Вотъ подлинно-церковная мысль св. Игнатія Богоносца, «человѣка, предназначеннаго къ единенію», объ отношеніи писанія къ преданію, какъ источниковъ откровеннаго ученія и вѣры.

Въ ученіи св. Игнатія Богоносца о преданіи достопримѣчательна еще одна черта. Апостольское преданіе, какъ *символъ вѣры* (πίστεως σύμβολον) [52]), св. Игнатій, для большей безопасности, въ виду ереси (αἱρεσις) *подтвердилъ собственноручнымъ свидѣтельствомъ*, заключивъ его въ книжныя письмена [53]). Здѣсь историче-

[52]) См. статью объ апост. символѣ въ «Христ. Чт.» 1862, т. I, стр. 164.

[53]) *Евсевій*, кн. IV, гл. 36.—*Ittig*, католич писатель XVIII в., въ тенденціозномъ изслѣдованіи ученія мужей апостольскихъ, опровергаетъ это извѣстіе Евсевія о томъ, что уже Игнатій записалъ апостольское преданіе (Historia ecclesiae sectae, 2, 3), а протестанты почему то называютъ это «древнею сагой». *Какая память* можетъ

ская *подлинность* преданія доказывается тѣмъ, что оно было записано. Но отсюда, очевидно, еще далеко до мысли о догматико-канонической самодовлѣемости писанія. Самъ Игнатій пользовался преданіемъ, какъ источнымъ и руководительнымъ началомъ въ дѣлѣ понимания основныхъ истинъ вѣроученія[54]). Такъ, напр., извѣстно, что онъ подъ руководствомъ и на основаніи преданія, идущаго отъ апостоловъ, училъ объ истинномъ (а не призрачномъ) воскресеніи Іисуса Христа[55]). Этимъ же преданіемъ онъ опредѣлилъ истинно-церковный смыслъ Евангельскихъ словъ: «*сіе есть тѣло мое*»[56]). Преданіе у св. Игнатія несомнѣнный источникъ вѣроученія при писаніи и для объясненія писанія[57]).

3. Съ великимъ именемъ св. Игнатія Богоносца неразлучно стоитъ славное имя священно-мученика *Поликарпа (†167—9 г.), епископа «каѳолической церкви въ Смирнѣ»*[58]). Св. Поликарпъ былъ любимый ученикъ ап. Іоанна Богослова (Апок. 2, 1) и собесѣдникъ другихъ апостоловъ, самовидцевъ и служителей Господа, получившій отъ нихъ епископство надъ Смирнскою церковію[59]), другъ св. Игнатія Богоносца[60]). Подобно Игнатію, онъ настаиваетъ на необходимости придерживаться во всемъ апостольскаго преданія, особенно во избѣжаніе всяческихъ нововведеній въ чистую и высокую область христіанскаго вѣроученія и жизни церковной. Онъ самъ всегда *училъ вѣрующихъ* только тому, чему самъ *научился* отъ апостоловъ, вспоминая ихъ слова, что̀ и какъ слышалъ отъ нихъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ, о Его ученіи и дѣлахъ, что̀ «передаетъ (παραδίδωσιν) *и церковь* и что̀ одно только истинно»[61]). «Объ этомъ

обнять преданіе? Вотъ сущность возраженія Но, можно спросить, какой разумъ можетъ познать глубину разума Божія? Только сектанты думаютъ все знать, а православные христіане во смиреніи сердца «*вѣрою разумѣваютъ*» (Евр 11, 3). Что касается даннаго мѣста изъ Евсевія, то оно ясно само собою. У Игнатія, конечно, было записано не все преданіе, а только нѣкоторая часть его, именно *символъ* (см. только что цитов. статью «*Христ. Чт*» за 1862, т. I, стр 164)

54) Къ Смирн гл I. Къ Еф. XII, XVIII, Магн. XI; Трал. IX, Рим. VII.

55) Къ Смирн. гл. III—V (стр. 418–420)

56) Къ Филад. гл. IV; сравн. *В. Гетте*, Исторія церкви, т I, стр. 384.

57) Ср къ Смирн гл III и Лук. 24, 39 въ отношеніи къ устному преданію

58) *Евсевій*, кн IV, гл. 15, стр 197

59) Св *Иринеи Ліонскій*, Противъ ересей, кн. III, гл. 3, 4, (стр. 277).

60) Евсевій, кн III, гл. 36.

61) *Св Иринеи*, тамъ-же

свидѣтельствуютъ всѣ церкви азійскія, равно какъ и тѣ, которые были преемниками Поликарпу». «Такой человѣкъ гораздо достовѣрнѣйшій и надежнѣйшій свидѣтель истины, чѣмъ Валентинъ, Маркіонъ и прочіе еретики. Онъ прибывъ въ Римъ при Аникитѣ, многихъ обратилъ отъ вышепоименованныхъ еретиковъ къ церкви Божіей, возвѣщая, что онъ принялъ отъ апостоловъ одну только истину, которая передана церковію». Однажды св. Поликарпъ при встрѣчѣ съ еретикомъ Маркіономъ, сказавшимъ ему: «знаешь ли *меня*», отвѣчалъ: «*знаю* первенца сатаны». Такую осторожность въ вѣрномъ сохраненіи богопреданнаго ученія имѣлъ апостольскій ученикъ, «чтобы *даже въ словѣ* не имѣть общенія съ кѣмъ либо изъ тѣхъ, которые искажали истину, какъ и ап. Павелъ сказалъ: «*еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся, зная, что таковый развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ*» (Тит. 3, 10—11) [62]).

Въ дополненіе къ сказанному о св. Поликарпѣ, отъ св. Иринея Ліонскаго, его непосредственнаго ученика и преемника его догматико-гносеологическихъ идей, дошло до насъ еще одно достопримѣчательное извѣстіе, какъ нельзя лучше характеризующее его отношеніе къ преданію вообще. Напоминая другу своей юности, Флорину (впослѣдствіи впавшему въ ересь) объ общемъ для нихъ наставленіи отъ св. Поликарпа и, такимъ образомъ, указывая на тщательное изслѣдованіе преданія во всѣхъ апостольскихъ церквахъ, какъ на необходимый гносеологическій способъ къ уразумѣнію откровеннаго ученія, св. Иринеи говоритъ слѣдующія слова.

«Это ученіе, Флоринъ,—какъ бы сказать снисходительнѣе,— не есть ученіе здравой мысли (ср. 2 Тим. 1, 13—14), *это ученіе несогласно съ церковію*, и вѣрующихъ въ него повергаетъ въ величайшее нечестіе. Этого ученія никогда не смѣли проповѣдывать даже *еретики*, находившіеся *внѣ церкви*. Этого ученія *не передавали тебѣ бывшіе до насъ пресвитеры, которые обращались съ самими апостолами*. Я былъ еще отрокомъ, когда я видѣлъ тебя въ нижней Азіи *у Поликарпа*: тогда ты былъ знаменитъ при дворѣ царя и старался снискать благоволеніе его (Поликарпа). *Тогдашнее я помню твежде, чѣмъ недавнее; ибо что мы узнали въ дѣтствѣ, то укрѣпляется вмѣстѣ съ душею, и укореняется въ ней.* Такъ

[62]) Св. *Иринеи*, тамъ же; сравн. *Евсевій* кн. IV. гл. XIV, стр. 187—188.

я могъ бы описать даже мѣсто, гдѣ сидѣлъ и разговаривалъ блажен. Поликарпъ; могу изобразить его походку, образъ его жизни и внѣшній видъ, *его бесѣды къ народу*, какъ онъ разсказывалъ о своемъ обращаніи съ Іоанномъ и съ прочими самовидцами Господа, какъ онъ *припоминалъ слова ихъ*, и *пересказывалъ*, что̀ слышалъ отъ нихъ о Господѣ, Его чудесахъ и ученіи. Такъ какъ онъ *слышалъ все отъ самовидцевъ жизни Слова*, то онъ *разсказывалъ согласно съ писаніемъ*[63]). По Божіей милости ко мнѣ, я и тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа и *записывалъ слова его не на бумагѣ, но въ моемъ сердцѣ*,—и по милости Божіей всегда сохраняю ихъ въ *свѣжей* (ясной) *памяти*. Могу засвидѣтельствовать предъ Богомъ, что если бы этотъ блаженный и апостольскій старецъ (пресвитеръ) услышалъ что нибудь подобное (твоему заблужденію), то воскликнулъ бы и, заградивъ свой слухъ, по привычкѣ своей сказалъ бы: «Благій Боже, до какого времени сохранилъ Ты меня, что я долженъ перенесть это»! Потомъ ушелъ бы изъ того мѣста, гдѣ, сидя или стоя, слышалъ такія рѣчи»[64]). Вотъ подлинно-историческій ликъ «дивнаго Поликарпа»[65]), «учителя апостольскаго и пророческаго»[66]), «отца христіанъ», «разрушителя боговъ»[67]). Въ немъ одномъ выступаетъ предъ нами цѣлый сонмъ достовѣрныхъ свидѣтелей апостольскаго преданія во всей цѣлости его православно-церковной истины и бытія.

Для насъ въ вопросѣ о преданіи особенно драгоцѣнно слѣдующее достозамѣчательное наблюденіе св. Поликарпа Смирнскаго. Въ цитованномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «*тогдашнее я помню тверже, чѣмъ недавнее*; ибо что мы узнали въ дѣтствѣ, то укрѣпляется вмѣстѣ съ душею, и укореняется въ ней». Вотъ характеристическая черта, одинъ изъ составныхъ элементовъ святоотеческаго взгляда на преданіе въ его догматическихъ источникахъ и историческихъ основахъ. Что стало достояніемъ памяти, что охвачено

---

63) ..«ὡς ἀπεμνημόνευε τούς λόγους αὐτῶν καὶ περὶ τοῦ κυρίου τίνα ἦν ἃ παρ' ἐκείνων ἀκηκόει. καὶ περὶ των δυνάμεων αὐτοῦ καὶ περὶ τῆς διδασκαλίας, ὡς παρὰ τῶν αὐτοπτῶν τῆς ζωῆς τοῦ λόγου παρειληφὼς ὁ Πολύκαρπος ἀπήγγελε πάντα σύμφωνα ταῖς γραφαις».

64) Это отрывокъ изъ утеряннаго творенія св. Иринея «*Объ омерицѣ*», написаннаго противъ Флорина сохранился у Евсевія, кн. V, гл. 20 (стр. 276—277).

65) *Евсевій*, кн. IV, гл XV (стр. 190).

66) Тамъ-же (стр. 197).

67) *Шуази*, стр. 122—123.

творческою силою живыхъ воспоминаній. то вѣчно, исторически-безсмертно, неуничтожимо и неуничтожаемо. Тогда для сердца прошедшее становится вѣчно-новымъ, вѣчно—настоящимъ. За дальностію времени, все случайное, какъ бы самою собою исчезаетъ, уносимое потокомъ всесокрушающаго времени и мало-по-малу предается забвенію: остается только самое существенное, т. е всеобщее и необходимое, какъ единственно нужное. Время, обыкновенно мыслимое нами, какъ непрерывное возникновеніе и исчезновеніе, въ сущности есть не что иное, какъ субъективная форма и условіе всякаго психологическаго бытія, а, слѣдовательно, и мышленія и познанія съ его особой психикой (со стороны субъективнаго творчества). Но тоже самое мышленіе и познаніе въ *логическомъ* своемъ значеніи не только не имѣютъ времени своимъ условіемъ, но даже напротивъ, они обусловлены тѣмъ относительнымъ упраздненіемъ времени, которое называется *памятью* или воспоминаніемъ. Говоря образно, то, что помнится и вспоминается, воскресаетъ въ мысли, въ понятіи, въ образѣ, тѣмъ самымъ уже изъято навсегда изъ темной области всеизмѣняющаго и всесокрушающаго времени. Такова, напримѣръ, *историческая память* [68]). Эта память, придающая нашимъ историческимъ познаніямъ первый, пребывающій или «время-упорный матеріалъ», никогда не старѣется, а съ теченіемъ времени только все болѣе проясняется, раскрывается, процвѣтаетъ. Человѣческое *слово* придаетъ идеальному и идейному матеріалу памяти «первоначальную форму» всеобщности и необходимости или, иначе сказать, освобождаетъ ее отъ «эмпирическихъ условій субъективно-психологической измѣняемости». Тоже самое понятіе о значеніи памяти, внѣдряющей въ вѣрующее сердце христіанина религіозное преданіе, удерживается и въ разсматриваемомъ мѣстѣ. У св. Поликарпа аналогія несомнѣнная. У него преданіе есть не что иное, какъ вѣчная, никогда не старѣющаяся, все превозмогающая, память церкви. Это—живоносное слово вѣры, неизмѣнно живущее въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ христіанъ, непрерывно текущее въ исторіи и жизни церкви, въ силу чего сама церковь продолжаетъ существовать во вѣки, какъ бы выходя изъ самой себя, изъ своего собственнаго су-

---

[68]) Ср. выраженіе у бл *Августина*: «равнины и обширныя палаты памяти»; смссылку на это въ соч. «Побѣда, побѣдившая міръ», изд. 6, К. П. Побѣдоносцева, стр. 36.

щества. Здѣсь доказательство возможности и необходимости вѣрнаго сохраненія преданія покоится на основаніи аналогіи человѣческаго слова, исторически сохраняющагося посредствомъ постояннаго употребленія и внутренней жизни [69]).

Въ полномъ согласіи съ разобраннымъ свидѣтельствомъ св. Иринея о Поликарпѣ стоитъ и самое ученіе Поликарпа о преданіи, изложенное въ «весьма дѣльномъ *посланіи* его, написанномъ (вскорѣ послѣ мученической кончины св. Игнатія Богоносца) *къ Филиппійцамъ*, изъ котораго желающіе и заботящіеся о своемъ спасеніи могутъ узнать и характеръ вѣры его и проповѣдь истины» [70]). Это посланіе заключаетъ въ себѣ рядъ увѣщаній покинуть ложныя ученія о вѣрѣ и источникахъ ея и неизмѣнно держатся первоначальнаго преданія божественной истины. «Оставивъ суетныя и ложныя ученія многихъ, обратимся *къ преданному изначала слову*» [71]), «къ слову правды» [72]), т. е. къ древнему преданію, живущему и дѣйствующему въ церкви. Это какъ бы «центральное мѣсто» касательно религіозной вѣры св. Поликарпа въ преданіе. Онъ многократно приводитъ «*слова Господни*» (λόγοι Κυρίου) [73]), но въ «свободныхъ изреченіяхъ», что́ ясно указываетъ на полную живучесть на ряду съ писаніемъ устнаго преданія, къ которому всѣ христіане должны всегда обращаться, какъ къ чистому источнику вѣроученія [74]). Онъ всячески предостерегаетъ Филиппійцевъ «отъ лжебратій и отъ тѣхъ, которые лицемѣрно носятъ на себѣ имя Господне и вводятъ въ заблужденіе людей легкомысленныхъ» [75]). Этимъ *лжесвидѣтелямъ* онъ противополагаетъ, подобно св. Клименту и св. Игнатію, истинныхъ хранителей преданія, т. е. апостольскія церкви и ихъ пресвитеровъ, служащихъ «истинѣ Господней» [76]), «какъ Онъ заповѣдалъ *Самъ* и *благовѣствовавшіе намъ апостолы*

---

[69]) Это мы направляемъ противъ протестантовъ, отождествляющихъ преданіе съ «памятью церкви», чтобы уничижить его внутреннее достоинство и авторитетъ.

[70]) Св *Ириней*, Противъ ересей, кн. III, гл 3. 4 (стр. 278).

[71]) Гл. VII (рус перев. стр 446). «ἐπὶ τὸν ἐξ ἀρχῆς ἡμῖν παραδοθέντα λόγον ἐπιστρέψωμεν» (Migne, Ser. Gr., t V, col 1012)

[72]) Гл IX, стр 447

[73]) Гл VII

[74]) Гл. XI и XII

[75]) Гл VI, стр. 446.

[76]) Гл. V, стр. 444.

и пророки» [77]). Слово: «*намъ*» употреблено здѣсь не для «краснаго слова», не для «риторическаго украшенія рѣчи», а для дѣйствительнаго обозначенія церковно-догматическаго авторитета св. Поликарпа, какъ предстоятеля церкви Смирнской, обязаннаго для всѣхъ свидѣтельствовать истину апостольскаго преданія. Своихъ *читателей* Поликарпъ отсылаетъ къ ихъ *учителю*—«блаженному и славному Павлу, который, находясь у нихъ, *предъ лицемъ живущихъ тогда людей*, ревностно и твердо *преподавалъ слово истины* (ἐδίδαξεν τὸν περὶ ἀληθείας λόγον), и *послѣ*, удалившись отъ нихъ, *писалъ имъ посланія*» [78]). Поэтому, «хотя это есть голосъ Поликарпа, но слово, которое мы воспринимаемъ изъ устъ его, есть слово вмѣстѣ Павлово и Іоанново» [79]).

Итакъ, по взгляду, св. Поликарпа, преданіе и писаніе это одно и тоже—апостольское слово. Преданіе, какъ λόγος παραδοθείς стоитъ на ряду съ писаніемъ апостоловъ, какъ равноправный догматико-каноническій источникъ. Это—въ существѣ πίστις δοθεῖσα. Вѣра церкви основывается первоначально на преданіи. Къ преданію уже присоединяется впослѣдствіи писаніе для распространенія и утвержденія свѣта истинной вѣры. «Внимая въ посланія апостола Павла,—пишетъ св. Поликарпъ Филиппійцамъ [80]),—вы можете получить назиданіе *въ данной намъ вѣрѣ*, которая есть *матерь всѣмъ намъ*» (Гал. 4, 26). «*Я увѣренъ*, что вы хорошо *изучили священное писаніе* и нѣтъ въ немъ ни чего для васъ *неизвѣстнаго*» [81]). *Откуда* «увѣренъ» св. Поликарпъ?—Отъ церкви. *Гдѣ* «хорошо изучили» Филиппійцы писаніе?—Въ церкви. Значитъ, догматико-каноническій авторитетъ писанія зависитъ отъ ученія и авторитета церкви, иначе отъ преданія. Безумно приписывать a priori писанному слову непонятное или *неизвѣстное* церкви ученіе вѣры; но за то всегда необходимо требовать для его изъясненія и раскрытія преданіе, неписанное слово Божіе, а иначе получится сектантское «толкованіе словъ Господнихъ по собственнымъ похотямъ» [82]).

---

[77]) Гл. VI, стр. 445.
[78]) Гл. III, стр. 443.
[79]) *Щуази*, стр. 124.
[80]) Гл. III, стр. 443.
[81]) Гл. XII, стр. 449.
[82]) Гл. VII, стр. 446.

Только при преданіи, при живомъ словѣ церкви, достигается «въ единеніи истины» [83]) πάντα σύμφωνα ταῖς γραφαῖς и сохраняются «древніе обычаи» [84]).

Мы не можемъ удержаться здѣсь отъ того, чтобы въ заключеніе не сказать словами одного изъ протестантскихъ писателей, этихъ ревностныхъ защитниковъ самодовлѣемости писанія, что св. Поликарпъ въ своемъ догматико-іпосеологическомъ ученіи «стоитъ рѣшительно ближе къ каѳолическому принципу преданія, чѣмъ къ протестантскому принципу писанія» [85]). И при испытаніи Поликарпова взгляда на писаніе [86]), какъ далеко отстоитъ изложенное нами ученіе его о преданіи отъ протестантской суемудренной мысли, что *нынѣ* уже нельзя болѣе доказать существованія незаписанныхъ преданій (traditiones ἄγραφοι).

4. *Св. Папій*, ученикъ ап. Іоанна Богослова (ὁ Ἰωάννου μὲν ἀκουστὴς), другъ и сподвижникъ св. Поликарпа Смирнскаго (Πολυκάρπου δὲ ἑταῖρος γεγονώς), «мужъ древній» (ἀρχαῖος ἀνήρ) [87]), *епископъ Іерапольскій*, также признаетъ догматическую важность за преданіемъ, «и съ своей стороны продолжилъ живой голосъ первобытнаго преданія до 165 г.» [88]). Выраженіе: «*живой голосъ*» примѣняемое нами къ св. Папію, совершенно оправдывается его ученіемъ о преданіи и его значеніи. По Евсевію, св. Папій «принялъ ученіе вѣры (τὰ τῆς πίστεως) отъ лицъ близкихъ къ апостоламъ» И онъ самъ, поэтому, отдаетъ замѣчательное предпочтеніе устному преданію предъ письменнымъ изложеніемъ откровенія Божія. По нему, всегда легче перетолковать и попять «по своему разумѣнію» писаніе, чѣмъ живое слово или ученіе «свидѣтелей еще живущихъ». Это—коренная мысль св. Папія.

Въ предисловіи къ своему творенію: «*Изъясненіе Господнихъ изреченій*» (Λογίων Κυριακῶν ἐξηγήσεις, 5 книгъ), изъ которыхъ Евсевій

---

[83]) Гл. X, стр. 447.

[84]) *Евсевій* кн. V, гл 24

[85]) *Wissenbach*, Papiasfragmente, 1874, s. 132 f. *Hilgenfeld*, Zeitschrift jur wissenschafte Theol. 1875, s. 258 Cf. *P Schanz*, Apol. christ., III, s. 256.

[86]) *Baltasar*, Doctrina Policarpi de scriptura sacra exposita.

[87]) Св. Ириней, кн. V, гл. 33, стр. 674. *Евсевій*, кн III, гл. 39, стр. 163

[88]) *Шуази*, стр. 124.

сохранилъ намъ только нѣкоторые драгоцѣнные отрывки, находится одно изъ первыхъ святоотческихъ свидѣтельствъ о существованіи новозавѣтныхъ писаній, дошедшихъ до насъ, чтобы нарочито дать устному преданію преимущество предъ писаніями, обогатить и утвердить писаніе преданіемъ. Вотъ какъ читается это достопримѣчательное мѣсто по Евсевію.

«Я не премину изложить тебѣ, что̀ *хорошо узналъ отъ пресвитеровъ* (ἔμαθεν παρὰ τῶν πρεσβυτέρων) и хорошо *запомнилъ* (ἐμνημονευε), и присоединить объясненія для подтвержденія истины; потому что я держался не тѣхъ, которые, подобно многимъ, говорятъ много, а тѣхъ, *которые учатъ истинѣ*; я соображался не съ тѣми, которые припоминаютъ чужія заповѣди, а съ тѣми, которые держатся заповѣдей, *переданныхъ отъ Господа для вѣры и происходящихъ отъ самой истины*. Если мнѣ случалось встрѣчать кого-либо, обращавшагося съ пресвитерами, то я заботливо *распрашивалъ объ ученіи пресвитеровъ*, напримѣръ, что̀ говорилъ Андрей, что Петръ, что Филиппъ, что Ѳома или Іаковъ, что Іоаннъ или Матѳей, либо кто другой изъ учениковъ Господа, что Аристіонъ и пресвитеръ Іоаннъ, ученики Господни. Ибо я полагалъ, *книжныя свѣдѣнія не столько* принесутъ мнѣ пользы, сколько *живой и болѣе внѣдряющійся голосъ* (οὐ τὰ ἐκ τῶν βιβλίων τοσοῦτον με ὠφελεῖν ὑπελάμβανον, ὅσον τὰ παρὰ ζώσης φωνῆς καὶ μενούσης)[89])

Итакъ, по этой выдержкѣ изъ Евсевія, св. Папій собиралъ и изслѣдовалъ все то, что̀ ученики Господа передали пресвитерамъ объ ученіи Господа; ибо онъ былъ того мнѣнія, что изъ чтенія одного писанія, изъ однихъ «книжныхъ свѣдѣній» о христіанской вѣрѣ, о религіозномъ дѣлѣ церкви, нельзя извлечь той душевной пользы, какую доставляло ему живое, т. е. устное слово, «внѣдряющійся въ память живой голосъ» церковнаго преданія. Вмѣсто безмолвной, самой по себѣ, буквы библейскаго слова или на ряду съ ней у св. Папія стоитъ цѣлый рядъ живыхъ свидѣтелей, устно возвѣщающихъ истину преданнаго отъ Господа ученія. Писаніе одно — недостаточный источникъ. Отсюда очевидна необходимость преданія, церковнаго свидѣтельства и пресвитерскаго учительства.

---

[89]) *Евсевій*, тамъ-же, стр. 163—164.

Особое мѣсто въ ряду мыслей св. Папія Іерапольскаго о преданіи занимаетъ ученіе о значеніи пресвитерства церковнаго въ дѣлѣ распространенія и утвержденія божественнаго откровенія и вѣры. *Пресвитеры* у св. Папія (ср. 1 Тим. 3, 6) суть старѣйшіе свидѣтели, отъ которыхъ онъ узнавалъ желаемое и необходимое для вѣры и жизни. Это—достовѣрные носители и истинные охранители подлиннаго, прямо отъ Господа текущаго, преданія. Они противополагаются у Папія, во-первыхъ, тѣмъ «многимъ» пустымъ словопросникамъ, которые «говорятъ много», т. е. «на вѣтеръ» (1 Кор. 14, 9), и «вводятъ чужія (т. е. не Христовы) заповѣди» въ жизнь, какъ такія лица, которыя учатъ заповѣдямъ, даннымъ Самимъ Господомъ для созиданія вѣры церковной и происходящимъ отъ самой откровенной истины и,—во-вторыхъ, *книгамъ*, какъ живой и всегда пребывающій голосъ церкви. Итакъ, пресвитеры здѣсь—вообще старѣйшіе, сравнительно съ Папіемъ, отцы и учители церкви,—хранители и распространители истиннаго преданія, непрерывною цѣпью восходящаго къ Самому Христу. Пресвитеры, какъ непосредственные ученики апостоловъ и ихъ спутниковъ, означаютъ достовѣрныхъ *поручителей* за догматико-каноническую истину преданнаго отъ Христа ученія и жизни. Это—*іерархическіе авторитеты*, которымъ самъ Папій, подобно другимъ отцамъ [90]), обязанъ своими познаніями о древне-христіанскомъ преданіи. Такъ, напр., на основаніи церковно-пресвитерскаго преданія онъ утверждаетъ историческое происхожденіе евангелій отъ Марка и Матѳея [91]). Поэтому, и *епископы*, какъ преемники апостоловъ и ихъ прямые ученики, суть у св. Папія *пресвитеры* (sacerdotes), поскольку они, въ преемственной послѣдовательности, восходятъ къ *прошедшему времени*, къ тому nihil antiqius habere относительно божественнаго откровенія и церкви и, такимъ образомъ, ручаются за цѣлость и единство преданія, за его историческую достовѣрность и догматическое совершенство, а, слѣдовательно, и руководятъ къ тому же самому, къ чему руководили апостолы и ихъ сотрудники, непосредственные ученики [92]). Это слово употребленіе вмѣстѣ съ церковно-іерархическимъ значеніемъ самаго

[90]) Таковы, напр., св. Ириней Ліонск., Климентъ Алек. и др.
[91]) Тамъ-же, стр. 166.
[92]) Cf. *Weizsaker* Apostol. Zeitalter 1886, s. 642.

епископскаго служенія слову Божію объяснимо тѣмъ, что, при переходѣ отъ перваго поколѣнія ко второму, отъ первой генераціи ко второй, принадлежащіе къ первому ряду свидѣтелей (апостольскіе ученики и непосредственные преемники ихъ) и еще находящіеся въ живыхъ, являются въ собственномъ смыслѣ πρεσβύτεροι и получаютъ несомнѣнный учительный авторитетъ въ вопросѣ о преданіи, и не для отдѣльныхъ только лицъ и помѣстныхъ церквей, но для цѣлой церкви вообще, какъ достовѣрные свидѣтели *апостольскаго преданія*, утверждающіе словомъ и дѣломъ его истину. Отъ самыхъ временъ апостольскихъ существеннымъ дѣломъ епископовъ поставлялось церковное возвѣщеніе и передача богооткровеннаго ученія вѣры и жизни. То и другое, во всякомъ случаѣ, предполагаетъ, что во епископы избирались скорѣе старѣйшіе члены церкви, какъ болѣе другихъ испытанные въ истинахъ вѣры, отличавшіеся среди всѣхъ христіанъ «*здравымъ ученіемъ*» (2 Тим. 1, 13) и непорочною жизнію (1 Тим. 4, 12); это были неукоризненные свидѣтели преданія и вѣрные о Христѣ предстоятели своихъ церквей. Поэтому то епископъ Тимоѳей, по заповѣди апостола Павла, не долженъ былъ «*руки скоро возлагать ни на когоже*» (4 Тим. 5, 22), а особенно *на неофитовъ*, т. е. новообращенныхъ и новокрещенныхъ (1 Тим. 3, 6). Повидимому, подходящая здѣсь аналогія епископскаго сана съ іудейскимъ старѣйшинствомъ (Исх. 18, 13, 22; Втор. 17, 8—12; 2 Пар. 19, 9—10; Еккл. 12, 11—12; Агг. 2, 11— 12) или съ римскимъ понтификатомъ (collegia et sodalitates) не достаточна для насъ и какъ бы случайна, такъ какъ она не обнимаетъ всѣхъ правъ и преимуществъ православнаго епископства въ отношеніи къ преданію. Епископы, какъ старѣйшіе «предстоятели церквей», суть главные распространители евангельскаго ученія» [93]). Богодухновенная носительница преданія—вся церковь, а не церковно-библейскія книги. Все ученіе Господне—единое откровеніе Божіе, живущее въ церкви. Оно проповѣдуется въ церкви, носимое и возгрѣваемое епископами и пресвитерами, премниками апостольскими, ручающимися за его истину предъ всѣми грядущими поколѣніями. Здѣсь то, по взгляду св. Папія, преданіе—живой голосъ церкви, а не книжная запись. Церковь, при содѣйствіи всегда присущаго ей Святаго Духа, находитъ и раскры-

[93]) *Евсевій*, кн. VI, гл. 28, стр. 334.

ваетъ писаніе въ преданіи. Само писаніе, какъ законченое библейское слово, нисколько чрезъ это не ослабляется въ преданіи и не замѣняется имъ. Преданіе при помощи епископовъ и пресвитеровъ, сосредоточивающихъ въ себѣ церковное самосознаніе, только укрѣпляетъ и углубляетъ въ церковной памяти и жизни извилистые корни библейскаго ученія.

Такова связь отдѣльныхъ пунктовъ Папіева ученія о преданіи. Какъ видно, это не «фанатическое ослабленіе» писанія (въ его догматическомъ значеніи) въ пользу преданія въ «евіонитскомъ духѣ» [94]), какъ напрасно думаютъ протестантскіе богословы, а простой и трезвый взглядъ православнаго отца церкви на сущность вопроса о преданіи. Здѣсь нѣтъ ни «преувеличенія», ни «утрировки», а одно «положительное утвержденіе историческаго *факта преданія* въ церковномъ ученіи и жизни на ряду съ библейскимъ словомъ.

За такое «видимое предпочтеніе преданія писанію» протестантскіе полемисты иронически называютъ св. Панія «первымъ адвокатомъ устнаго преданія, предлагающимъ намъ свои басни» [95]). При этомъ они обыкновенно прибавляютъ непохвальный отзывъ о его «литературной дѣятельности вообще», утверждая, что онъ не обладалъ въ достаточной степени «историко-критическимъ талантомъ». А для подтвержденія своихъ словъ они ссылаются на Евсевія, говорящаго, будто Папій «былъ человѣкъ ума, *кажется*, весьма ограниченнаго (σφόδρα σμικρὸς ὢν τὸν νοῦν), сколько можно заключить изъ его сочиненій» [96]). Справедливо, что св. Папій «разсказываетъ нѣчто чудесное, что̀ будто бы дошло до него по *неписанному* преданію», «именно—передаетъ нѣкоторыя неизвѣстныя притчи и наставленія Спасителя, и нѣчто близкое къ баснословію; напр., говоритъ, что по воскресеніи мертвыхъ наступитъ царство Христово на этой самой землѣ — тѣлесно, и будетъ продолжаться тысячу лѣтъ» [97]). Но все это доказываетъ только то, что св. Папій не всегда правильно различалъ апостольское преданіе отъ апокрифическаго, т. е. вымышленнаго и легендарнаго, а не то будто онъ

---

[94]) Ср. Clementina, 8, 37.

[95]) Сравн., напр., *Brenz.*

[96]) *Евсевій*, кн. III, гл. 39, стр. 165.

[97]) Тамъ-же, стр. 164–165, s. 219 и Маргейнеке, Sustem, II, s. 199.

преднамѣренно выдавалъ легендарныя сказанія за истинныя и подлинно-апостольскія и еще болѣе не то, будто онъ самъ не принималъ и не уважалъ, какъ должно, *божественнаго преданія*. Нужно за правило поставить строго различать *предметы*, о которымъ говорятъ церковные писатели, отъ *частныхъ мнѣній* ихъ объ этихъ предметахъ, и тогда никакія «легендарныя разсказы» не будутъ смущать насъ; своеобразныя мнѣнія того или другого церковнаго писанія о предметахъ преданія будутъ служить *не доказательствомъ противъ* преданія, какъ такого, а только будутъ внушать намъ необходимую осторожность при оцѣнкѣ преданнаго ученія *вообще*. Но и независимо отъ этого предположенія должно сказать, что св. Папій былъ и глубоко-свѣдущій изслѣдователь древне-церковной письменности, былъ, по свидѣтельству того же Евсевія, «мужъ, обладавшій всесторонною ученостію и знаніемъ писанія» [98]). Вотъ почему самъ Папій служитъ для «весьма многихъ послѣдующихъ писателей церковныхъ, имѣвшихъ въ виду древность мужа» [99]), достовѣрнымъ свидѣтелемъ богопреданнаго ученія и вѣры, какъ, напр., для св. Иринея Ліонскаго, котораго никакъ нельзя заподозрить въ «тенденціозномъ обманѣ и недостаткѣ критическаго анализа». И такъ, святое имя Папія Іерапольскаго безъукоризненно въ вопросѣ о преданіи. Папій рѣшительно долженъ быть поставленъ въ числѣ пламенныхъ защитниковъ всецерковной истины преданія въ его существѣ и догматическомъ значеніи, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ.

5. Среди мужей апостольскихъ особое мѣсто занимаетъ *св. Діонисій Ареопагитъ*, священномученикъ, по качеству его ученія о преданіи, о его важности и отношеніи къ писанію. Взглядъ его на преданіе изложенъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его твореній, извѣстномъ подъ именемъ: «*О церковной іерархіи*». Вотъ центральное мѣсто изъ этого творенія въ православно-гносеологической связи по вопросу о преданіи.

«Что тѣмъ (т. е. существамъ безтѣлеснымъ, небесной іерархіи) даруется просто и совмѣстно, то, — говоритъ св. Діонисій, — сообщается намъ *изъ божественныхъ словесъ* по мѣрѣ воспріемлемости

---

98) *Евсевій*, кн. VI, гл. 36, стр. 157.
99) *Евсевій*, кн. III, гл. 39, стр. 165.

въ разнообразіи и множествѣ отдѣльныхъ символовъ. *Ибо сущность нашей іерархіи составляютъ данныя Богомъ слова* (λογία). Мы разумѣемъ подъ симъ какъ тѣ драгоцѣннѣйшія слова, которыя отъ божественныхъ нашихъ священно-совершителей дарованы намъ *въ священныхъ и богословскихъ книгахъ;* такъ и тѣ, которыя отъ священныхъ оныхъ мужей переняли наши наставники *чрезъ невещественное ученіе, сообщающееся непосредственно изъ ума во умъ*, подобно какъ въ небесной іерархіи, хотя при содѣйствіи устнаго тѣлеснаго слова, но однакожъ менѣе вещественнымъ образомъ, *безъ писанія*» [100]).

И такъ, по Діонисію Ареопагиту, богопреданныя λογία суть двоякаго рода: писанныя и неписанныя, т. е. по преданію передаваемыя отъ ума къ уму, безъ писанія. И это предано не въ открытыхъ понятіяхъ, а въ священныхъ символахъ (οὐδὲ ἀπαρακαλύπτοις νοήσεσιν, ἀλλ'ἐν συμβόλοις ἱεροῖς). «Первые вожди нашей іерархіи (апостолы), будучи исполнены сами божественнаго дара отъ сверхсущаго *божественнаго начала*... предали намъ по священному установленію въ чувственныхъ образахъ (αἰσθηταῖς εἰκόσι) пренебесное, и въ разнообразіи и множествѣ—соединенное единствомъ, въ человѣческомъ—божественное, въ матеріальномъ-нематеріальное и въ нашемъ—сверхсущее, *въ писанныхъ и неписанныхъ наставленіяхъ* (μυήσεσει), и это не ради *непосвященныхъ* только, которымъ не подобаетъ касаться символовъ, но и потому, что у насъ, какъ я сказалъ, іерархія, сообразно съ нами самими, есть нѣкоторымъ образомъ *символическая* (συμβολική τις), нуждающаяся въ чувственномъ для божественнаго возведенія насъ отъ чувственнаго къ духовному» [101]).

Таковъ кругъ основныхъ мыслей св. Діонисія Ареопагита о преданіи въ существѣ и въ органахъ его. Онѣ вполнѣ сходны съ вышеизложеннымъ нами ученіемъ мужей апостольскихъ. Но есть и нѣкоторое различіе въ богословско-гносеологическомъ способѣ формулировки обще-церковной вѣры въ преданіе. По взгляду св. Діонисія, «божественное начало», т. е. откровеніе Божіе живетъ въ церкви

---

[100]) Гл I.

[101]) Сар. 1 п. 5 (см у проф. *А. Катанскаго*, Догматическое ученіе о семи таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и писателей церкви до Оригена включительно, СПБ. 1877, стр 407)

въ двухъ источникахъ—въ книгахъ писанія и въ устномъ преданіи. Сочетаніе или взаимодѣйствіе писанія и преданія всецѣло покоится на единствѣ ихъ божественнаго происхожденія. Сила устнаго и записаннаго слова одинакова. Но ἱερατιγαὶ παραδόσεις есть первоначальный и всеобъемлющій источникъ религіозной вѣры [102]). Незаписанное и таинственное (μυστικός) ученіе есть невещественное (не матеріальное), духовное и духоносное догматико-гносеологическое начало христіанскаго вѣроученія. Хотя оно получается и «при помощи *устнаго*, иначе—тѣлеснаго слова», но все-таки распространяется и дѣйствуетъ «менѣе вещественнымъ» (т. е. менѣе внѣшне-матеріальнымъ) способомъ, чѣмъ въ писаніи, въ книгахъ. Оно—есть συμβολική τις, и созидается чрезъ невещественное слово, сообщаемое вѣрующимъ *непосредственно* отъ сердца къ сердцу, отъ вѣры къ вѣрѣ, отъ одного живаго человѣка къ другому, при посредствѣ церкви, при помощи ея іерархіи. Съ этой стороны преданіе есть церковно-іерархическій принципъ. Особенно необходимо преданіе при «божественномъ возведеніи насъ отъ чувственнаго къ духовному», при постоянномъ стремленіи къ истинному познанію христіанской вѣры. Хотя преданіе и древнѣе писанія, какъ *некнижное слово* и духовно-символическое начало вѣры, но тѣмъ не менѣе христіанское вѣроученіе не отрывается отъ писанія, а стоитъ въ органической связи съ нимъ. Строго-православное уразумѣніе «неизреченнаго слова» [103]) Божія должно совершаться и при помощи τὰς των γραφῶν παραδόσεις [104]). Отсюда само собою объясняется основоположительное требованіе св. Діонисія не думать «о пресущественномъ и сокровенномъ Божествѣ ничего кромѣ того, что выраженно «божественно» въ писаніи» [105]). Достопримѣчательно, что разобранная нами выдержка изъ творенія св. Діонисія «О церков. іерархіи» приводится въ одной изъ нашихъ православно-символическихъ книгъ [106]),

---

[102]) De coelest. Hierarch. c. IV, n. 4, p. 50, 59.

[103]) De dio noma. c. 1, § 1. (Сильвестръ 2, 20).

[104]) De cael. Hier c. V, p. 60, 62.

[105]) De dio. nom. c.. 1 Cf. Thom Agn., Snmma th. 1, 29, 3 ad 1. 32, 2, 1; 39, 2.

[106]) Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви восточной, въ 1 части въ отвѣтѣ на вопросъ: «*что есть вѣра*»? См. *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, ч. 3, гл. 4, стр. 19.

какъ главнѣйшее доказательство истины церковно-гносеологическаго ученія о преданіи и его значеніи.

Въ числѣ наидревнѣйшихъ свидѣтелей за истину преданія приведенные нами мужи апостольскіе суть не единственные примѣры, а только избранные образцы. «Тогда оставалось еще много учениковъ апостольскихъ» [107]). Значеніе ихъ авторитетнаго слова по вопросу о преданіи проистекаетъ отъ степени близости ихъ къ первоисточникамъ христіанскаго вѣроученія, отъ ихъ высокаго іерархическаго положенія въ церкви и, наконецъ, отъ ихъ достопримѣчательнаго для насъ «патріархальнаго долголѣтія». Всѣ они были единодушнаго мнѣнія какъ въ ученіи о преданіи, такъ и въ церковно-исторической передачѣ его содержанія. И все это были большею частію ученики ап. Павла и Іоанна Богослова, т. е. тѣхъ именно новозавѣтныхъ писателей, которые по преимуществу суть библейскіе апологеты православнаго ученія о преданіи.

6. Изъ «эпохи мужей апостольскихъ» слишкомъ мало уцѣлѣло письменныхъ памятниковъ, чтобы стремиться намъ къ съуживанію круга нашихъ свѣдѣній. Поэтому въ качествѣ свидѣтеля за истину преданія въ вѣкъ мужей апостольскихъ здѣсь мы указываемъ еще на *Егезиппа*, перваго церковнаго историка († ок. 150 г.). Право свидѣтельствовать о христіанствѣ въ его источникахъ и основахъ принадлежитъ и лицамъ, стоящимъ «внѣ апостольскаго круга».

Слѣды ученія Егезиппа о преданіи мы находимъ въ его твореніи, извѣстномъ подъ именемъ: «*Воспоминанія* (ὑπομνήματα) *о церковныхъ дѣлахъ*» (5 книгъ). Это твореніе есть краснорѣчивѣйшее свидѣтельство плодотворной дѣятельности Егезиппа на поприщѣ собиранія апостольскихъ преданій. Въ немъ, по свидѣтельству Евсевія, онъ оставилъ намъ «самый полный памятникъ своей вѣры». Но, къ сожалѣнію, эти книги не дошли до насъ во всей своей цѣлости; только весьма краткія извлеченія изъ нихъ приведены у Евсевія.

По ученію Егезиппа, преданіе есть необходимый источникъ божественнаго откровенія и норма христіанскаго вѣроученія. Въ немъ корень цѣломудренной чистоты всецерковной. Отрицаніе пре-

---

[107]) *Евсевій*, кн. V, гл. VI, стр. 251.

данія приводитъ къ многомятежному сектанству. Показывая начало бывшихъ въ его время ересей, Егезиппъ произноситъ, между прочимъ, слѣдующія слова, весьма важныя для характеристики его взгляда на преданіе.

«До того времени (т. е. послѣ мученической кончины Іакова праведнаго) церковь называли дѣвою (παρθένος καθαρὰ καὶ ἀδιάφθορος ἔμεινεν ἡ ἐκκλησία), ибо она не была растлѣна суетными ученіями. Первымъ растлителемъ ея былъ Θевуθисъ, недовольный тѣмъ, что его не поставили епископомъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ семи народныхъ сектъ. Изъ нихъ-же вышли и Симонъ, родоначальникъ Симоніанъ, и Клеовій, отъ котораго произошли Клеовіане, и Досноей, отъ котораго—Досноеане, и Гороей, отъ котораго—Гороеане и Масвооей. Отъ сихъ произошли Менадріане, Маркіониты, Карпократіане, Валентиніане, Василидіане и Сатурниліане. *И каждый ересеначальникъ привносилъ свое собственное и отличное отъ другихъ ученіе.* Отселѣ явились *лже-христіане*, *лже-пророки*, *лже-апостолы*, и испорченнымъ ученіемъ о Богѣ и Христѣ Его *раздѣляли единство церкви*» [108]). Хотя этотъ взглядъ Егезиппа на сущность и происхожденіе ересей можетъ быть ограниченъ его іудео-палестинскими воззрѣніями [109]); но все-таки общая мысль, его проникающая, вполнѣ достовѣрна. Богооткровенная истина всегда—древнѣе ереси, извращающей чистое и высокое ученіе Христово и раздѣляющей цѣлость и единство церковной жизни и религіознаго самосознанія. Ересь—это злобное искаженіе откровенной истины, а не изначальная ложь. Отсюда еретическіе толки всегда противорѣчатъ обще-христіанскому вѣроученію; это—въ собственномъ смыслѣ догматическое и нравственно-практическое *инобытіе*, т. е. лже-христіанство и лже-апостольство. Истинное преданіе—вся вообще первоцерковная древность, а сектанство, измышляющее свои собственныя ученія, это—пагубная антихристіанская новизна вѣры. Вотъ коренная мысль Егезиппа о преданіи. Эта глубокая и плодотворная

---

[108]) *Евсевій*, кн. IV, гл. 22, стр. 209—210.

[109]) *Watke*, Jarbuch. für wiss. Kritik, 1839, s. 9 ff. *Mangold*, Die Jrrlehren der Pastoralbriefe, Marburg, 1856, s. 108 ff.

мысль окрѣпла и обстоятельно раскрылась въ дальнѣйшемъ святоотеческомъ ученіи о преданіи [110]).

Слово вѣры и дѣло жизни нераздѣльны въ ученіи Егезиппа о преданіи. Егезиппъ тщательно заботился о томъ, какъ бы даже собрать во едино апостольскія преданія, разсѣянныя по различнымъ мѣстамъ. Для этой цѣли онъ посѣщалъ многія церкви «на пути въ Римъ», какъ, напр., Коринѳскую, «бесѣдовалъ съ весьма многими епископами и у всѣхъ нашелъ одно и то же православное ученіе» [111]). Находясь въ Римѣ онъ составилъ «списокъ *преемства епископовъ* до Аникиты. Въ каждомъ преемствѣ и въ каждомъ городѣ все (касательно вѣры и жизни христіанской) шло такъ, какъ проповѣдуютъ *законъ, пророки и Господь*». Въ апостольскомъ преемствѣ—залогъ истиннаго сохраненія богооткровеннаго преданія въ церкви.

Къ этому послѣднему мѣсту изъ Егезиппа есть достопримѣчательная параллель въ святоотеческомъ ученіи о преданіи разсматриваемой эпохи. Въ такомъ точно смыслѣ, какъ у Егезиппа, *авторъ*

---

110) Какъ съ точки зрѣнія этого взгляда Егезиппа представляется несостоятельнымъ антицерковный взглядъ богослововъ ново-тюбингенцевъ (Баура, Штрауса, Швеглера, Целлера и проч.) на положеніе вопроса о преданіи представляется въ «первохристианской древности». По ихъ мнѣнію, вопросъ о преданіи представляется въ совершенно обратномъ порядкѣ, чѣмъ у Егезиппа Христіанская вѣра происходитъ и «развивается» изъ мрачныхъ нѣдръ «варварскаго сектанства», изъ темныхъ и противорѣчивыхъ ересей, какъ ихъ «плодъ и непремѣнное дѣйствіе». Здѣсь Христова *церковь*, вселенское религіозное единство вѣры и строя церковнаго получается «чрезъ анархію злыхъ *сектъ* и сектантскихъ ученій»; откровенная *истина* рождается «отъ сектантской *лжи* извращенія истины»; изъ суевѣрія и *лжевѣрія* возникаетъ *истинное ученіе*, самобытное убѣжденіе, положительная цѣльность христіанскаго исповѣданія. И такъ выходитъ, что *сначала* существуетъ «атомистическое раздробленіе» основоположительной цѣльной жизни церковной и исходной цѣльной вѣры на расколо-сектантскія «индивидуалистическія мнѣнія», а потомъ уже совершается возвращеніе отъ еретической анархіи и раздоровъ къ «единству церкви». Какъ противо-естественна эта «логика сектъ и расколовъ», совершенно идущая въ разрѣзъ съ несомнѣнными фактами церковной исторіи. Результатъ ея есть не что иное, какъ отрицаніе того понятія кононичности писанія, съ которымъ вся протестантская оппозиція противъ преданія теряетъ свое основаніе и силу. Не такъ, по Егезиппу, какъ мы видѣли, утверждается и распространяется христіанское откровеніе путемъ преданія. Преданіе есть первоначальная истина и «самобытный источникъ» вѣроученія, бытія и жизни церкви. Здѣсь мудрость Егезиппа, родоначальника церковной исторіи, изобличаетъ и побѣждаетъ суемудренно-мыслящихъ о вѣрѣ въ ея вѣчныхъ источникахъ и способахъ церковно-исторической передачи.

111) *Евсевій*, кн. IV, гл. 22, стр. 209.

посланія къ Діогнету указываетъ на преданіе, какъ на основное содержаніе христіанскаго ученія о вѣрѣ. У него на ряду со страхомъ *закона*, благодатію *пророковъ* и вѣрой въ *Евангеліе* преданіе охраняетъ церковь Христову [112]). Здѣсь полное сходство взгляда у обоихъ церковныхъ писателей въ практическомъ приложеніи и догматическомъ раскрытіи истинно-церковнаго понятія о преданіи.

Подобно св. Игнатію и Папію, Егезиппъ въ свою очередь подтвердилъ письменнымъ изложеніемъ непреложное содержаніе преданія апостольской проповѣди, которую онъ слышалъ изъ устъ епископовъ [113]). Что «критическая способность» изслѣдованія и письменной передачи церковно-историческихъ событій не всегда была свойственна Егезиппу (это обычный упрекъ протестантовъ Егезиппу), что́ можно усумниться въ нѣкоторыхъ разсказахъ, какъ «будто-бы заимствованныхъ имъ изъ неписаннаго іудейскаго преданія», «и изъ евангелія евреевъ, и съ сирскаго, и особенно съ языка еврейскаго» [114]), однако это нисколько не должно ослаблять силу и значеніе его свидѣтельства о вѣрѣ въ преданіе. Изъ религіозно-миссіонерскихъ путешествій по различнымъ помѣстнымъ апостольскимъ церквамъ Егезиппъ вынесъ впечатлѣніе полнаго единства христіанскаго вѣроученія; а это цѣлокупное единство зависѣло не отъ иного чего, какъ отъ догматико-каноническаго единства и совершенной чистоты церковнаго преданія, ученіе о которомъ и составляетъ характеристическую черту его гносеологическихъ сужденій.

Таково православное ученіе мужей апостольскихъ о преданіи въ его существѣ, существенныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ въ церкви, «носящее на себѣ признаки апостольскаго православія» [115]). Преданіе есть *неписанное слово Божіе*. Сверхъестественное откровеніе находится въ устныхъ преданіяхъ и въ писанныхъ книгахъ, воспринятое апостолами изъ устъ Христа или же ими самими при содѣйствіи Святаго Духа сообщенное церкви и непрерывно и неизмѣнно

---

112) с. 1.
113) *Шуази*, стр. 150. *Макарій* § 130, стр. 351.
114) *Евсевій*, кн. IV, гл. 12, стр. 210.
115) *Евсевій*, кн. Ш, гл. 38, стр. 162—163.

сохраняемое въ ней. А такъ какъ слово Божіе живетъ въ церкви, въ ея религіозномъ сознаніи и жизни, то преданіе вмѣстѣ съ тѣмъ есть, по ученію мужей апостольскихъ, вся вообще *церковно-религіозная жизнь*. Откровеніе Божіе есть вѣчная жизнь вселенной церкви. Отсюда преданіе древнѣйшій и незамѣняемый писаніемъ догматико-канонической источникъ (преданіе въ обширномъ смыслѣ). При пользованіи преданіемъ и писаніемъ непогрѣшимый учительный авторитетъ церкви составляетъ абсолютно-необходимый моментъ (преданіе въ тѣсномъ смыслѣ). Отсюда у мужей апостольскихъ различаются свидѣтели и органы преданія церковнаго—епископы и пресвитеры и носители преданія—апостольскія церкви. Епископамъ или «собору пресвитерства» (по выраженію св. Игнатія) іерархически принадлежитъ право храненія преданія прежде всего; ибо церкви говорятъ только чрезъ своихъ епископовъ. Ученіе о значеніи іерархіи въ церкви въ твореніяхъ мужей апостольскихъ занимаетъ центральное мѣсто. Съ этой стороны понятіе о преданіи ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ понятію православнаго епископства и пресвитерства, въ цѣлости и живомъ единствѣ своихъ предстоятелей получающаго полное осуществленіе церковно-учительнаго вселенскаго авторитета. Преданіе есть общее достояніе православнаго епископства, разсѣяннаго по всему христіанскому міру. Епископы и пресвитеры (вообще говоря св. отцы и учители церкви)—это іерархическіе выразители и центры догматическаго ученія и религіозно-нравственной жизни апостольскихъ церквей. Непрерывный и никогда непрерываемый рядъ епископовъ и пресвитеровъ долженъ восходить къ самимъ апостоламъ. Поэтому, по ученію мужей апостольскихъ, въ преданіи заключается существенная задача—достигнуть исходной точки цѣльной вѣры церковной, т. е. истинно-первоначальнаго апостольскаго ученія и, такимъ образомъ, избѣжать всего того, что̀ создалось подъ вліяніемъ «послѣдующаго времени», какъ излишній грузъ всяческихъ несовершенныхъ мнѣній и случайныхъ придатковъ къ единому христіанскому откровенію.

Въ такой постановкѣ и рѣшеніи вопроса о преданіи у мужей апостольскихъ твердо и *разъ навсегда* была установлена настоящая церковно-практическая точка зрѣнія на источники христіанскаго откровенія и вѣры. Ученіе откровенное, т. е. ученіе христіанской

вѣры и жизни церкви—*не отъ людей*, а отъ Бога; но его передаютъ людямъ святые отцы и учители, епископы и пресвитеры, получившіе его отъ апостоловъ, а апостолы отъ Христа, Христосъ же отъ Бога. Отсюда у мужей апостольскихъ постоянная ссылка на преданіе апостольскихъ церквей (апостольскихъ каѳедръ) и на самихъ апостоловъ, чтобы доказать божественное происхожденіе христіанскаго вѣроученія. Истинно-апостольское и Божіе преданіе *можетъ* сохраняться только въ основанныхъ апостолами церквахъ: чему въ нихъ учатъ, то́ и есть πίστις καθολικὴ καί ἀποστολικὴ. Здѣсь первый существенный признакъ преданія всецѣло покоится на моментѣ апостольской *древности*. Преданіе есть истинно-апостольская древность церковная. А второй признакъ преданія утверждается на истинно-церковной *соборности*, или *каѳоличности* его, служащей гносеологическимъ критеріемъ момента древности. Истинное преданіе—общецерковный источникъ христіанскаго вѣроученія; «религіозно-индивидуалистическія» же мнѣнія по вопросамъ вѣры и «религіозное отдѣленіе» отъ основной и цѣльной церковно-религіозной жизни и исходной единой вѣры есть неотъемлемый признакъ своевольнаго сектанства. Какъ простой результатъ вышеуказанныхъ обоихъ моментовъ является у мужей апостольскихъ догматическое *согласіе* или *единство* богопреданнаго ученія. Общая мысль мужей апостольскихъ объ основахъ и критеріяхъ догматической истинности и исторической достовѣрности преданія, подробно раскрывается въ дальнѣйшемъ святоотеческомъ ученіи. Она служитъ главнѣйшимъ «богословскимъ *зерномъ*», изъ котораго выработался и укрѣпился всеотеческій гносеологическій принципъ *прескрипцій*, противоположный и противуположенный отцами и церковными писателями еретическому истолкованію писанія и преданія.

Что касается отношенія преданія къ писанію, то должно замѣтить, что, по ученію мужей апостольскихъ, писаніе нисколько не умаляется въ своемъ существѣ и чистыхъ источникахъ предъ преданіемъ и не обезличивается въ преданіи; но только съ помощію преданія вполнѣ обезпечивается догматико-каноническій авторитетъ записаннаго слова Божія. Такъ православные отцы всегда смотрѣли на соотношеніе писанія и преданія въ церкви христіанской.

Уже одно это первое обозрѣніе церковно-отеческаго ученія о преданіи убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ широко и тщательно наше православіе оправдываетъ свой вѣковѣчный взглядъ на источники и основы божественнаго откровенія, на догматико-гносеологическія нормы и принципы христіанскаго вѣроученія въ ихъ органической связи и взаимодѣйствіи. Все ученіе мужей апостольскихъ настолько идеально и справедливо само по себѣ и настолько оно срослось съ самымъ существомъ православнаго міросозерцанія и вѣры, что снова, въ послѣдовавшемъ за тѣмъ святоотеческомъ раскрытіи понятія о преданіи, оно разростается какъ бы въ цѣлую богословскую систему подлинно-церковныхъ гарантій истиннаго откровенія въ его отличіи отъ всяческимъ сектантскихъ поддѣлокъ и примышленій къ нему, отъ «сектанскихъ дробленій и пониженій» его верховнаго авторитета, власти и могущества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ученіе о священномъ преданіи святыхъ отцовъ и учителей церкви II и III вѣковъ.

«Истинное познаніе есть ученіе апостоловъ и изначальное устройство церкви во всемъ мірѣ, и признакъ Тѣла Христова, состоящій въ преемствѣ епископовъ, которымъ тѣ (апостолы) передали сущую повсюду церковь; и она во всей полнотѣ дошла до насъ съ неподдѣльнымъ соблюденіемъ писаній, не принимая ни прибавленія, ни убавленія: здѣсь чтеніе (писаній) безъ искаженія и правильное и тщательное, безопасное и чуждое богохульства истолкованіе писаній и превосходный даръ любви, который драгоцѣннѣе познанія и славнѣе пророчества и превосходнѣе всѣхъ другихъ дарованій».

Слова *св Иринея Ліонскаго* изъ его творенія «Противъ ересей».

Господство преданія, какъ источника христіанскаго откровенія и вѣры не кончилось эпохой мужей апостольскихъ. Преданіе во всей прежней силѣ сохраняетъ свое догматико-гносеологическое значеніе и далѣе, во II и III вѣкахъ. Если различныя заблужденія проникали въ среду христіанъ во II и III вѣкахъ и приражались къ чистой и высокой области преданія, то только подъ видомъ сектантскихъ толкованій писанія по его отдѣльнымъ мѣстамъ и отдѣльнымъ книгамъ. Разногласія же никакого не было относительно преданія, какъ догматическаго источника и гносеологическаго метода религіознаго познанія полученной отъ апостоловъ Христовыхъ откровенной истины и ученія. Всѣ христіане и повсюду въ теченіе II и III вѣковъ обращались къ неписанному богооткровенному ученію на ряду и вмѣстѣ съ писаніемъ. Поэтому и положеніе вопроса о преданіи остается одно и то же и въ данное время. Это особенно видно изъ ученія о преданіи св. отцовъ и учителей церкви, этихъ идеальныхъ

выразителей вселенски-церковнаго самосознанія разсматриваемаго періода. Ихъ взглядъ на преданіе сохраняетъ полнѣйшее тождество и единство со взглядомъ мужей апостольскихъ, хотя нѣсколько и разнится по самой постановкѣ гносеологическихъ вопросовъ и по ихъ теоретическому обоснованію.

Отсутствіе обстоятельной формулировки и отрывочность представленій въ ученіи о преданіи, какъ источникѣ христіанскаго откровенія и вѣры, естественно свойственныя эпохѣ мужей апостольскихъ, сами собою устраняются въ дальнѣйшемъ раскрытіи этого ученія у св. отцовъ и учителей, непосредственно и далѣе слѣдовавшихъ за мужами апостольскими. Св. отцы и учители церкви II и III вѣковъ православное ученіе о преданіи обозначаютъ болѣе раздѣльно и возводятъ его на степень большей отчетливости и ясности. Всецерковная истина преданія становится предметомъ особаго ихъ вниманія и тщательнаго богословскаго изученія. Отсюда само собою получается болѣе полное, сравнительно съ прежнимъ, раскрытіе и обоснованіе понятія о бытіи и жизни преданія и болѣе точное опредѣленіе его источниковъ, существа и существенныхъ свойствъ, а также и его отношенія къ писанію и церкви.

Поводомъ къ болѣе тщательному *размышленію о значеніи преданія*, живущаго въ церкви и для церкви, послужило широкое и быстрое развитіе *гностицизма* [115]). Извѣстно, что еретики-гностики вынуждены были доказывать и защищать свое новое ученіе, совершенно противорѣчившее обще-церковному какъ бы на основаніи преданія и писанія. Соотвѣтственно своимъ религіозно-философскимъ возрѣніями они построили мнимо-христіанскій комплексъ апостольской κήρυγμα (1 Кор. 2, 4) и содержали его въ качествѣ точнаго и полнаго «правила вѣры» (κανών τῆς πίστεως, regula fidei). Но они не были въ состояніи доказать всеобщность и необходимость своего сектантскаго преданія и поставить его «первоначальное образованіе» и «догматическое развитіе» въ *непосредственную* связь съ *апостольскою организаціею* христіанской церкви [116]). Здѣсь то находятся глубокіе корни существеннаго различія *священнаго преданія* отъ не-священнаго, т. е. не-апостольскаго, *сектантски-гностическаго*. Здѣсь же

115) *Chanz*, Ap. Chr. III, s. 257.

116) *Harnack*, Dogmengesch. I, s. 188, Anm. 1.

лежитъ главнѣйшее основаніе, почему и отъ церковнаго ученія о преданіи надо строго отличать гностическое воззрѣніе на источники и основы христіанскаго знанія и религіозно-нравственной жизни. Это именно различіе какъ бы «красною нитью» проходитъ чрезъ все святоотческое ученіе II и III вѣковъ. Задача этого ученія состояла въ яснѣйшемъ апологетическомъ обоснованіи самобытныхъ источниковъ и нормъ православно-церковной вѣры и въ убѣдительнѣйшемъ доказательствѣ ихъ догматико-канонической авторитета.

Главнѣйшими борцами за истину преданія противъ еретическаго гносиса были *св. Ириней Ліонскій* и *Тертулліанъ Карѳагенскій* [117]). Они суть представители, такъ называемаго, положительнаго или *антигностическаго* направленія святоотческаго взгляда на преданіе и вообще на все христіанское знаніе о вѣрѣ. Въ лицѣ ихъ церковь II в. ясно опредѣлила и твердо установила истинное понятіе о полнотѣ и совершенствѣ преданія въ его догматико-каноническомъ значеніи, т. е. мысль о томъ, что умаленіе его внутренняго достоинства и верховнаго авторитета равносильно было бы отрицанію бытія откровенія и церкви, что невозможно. Поэтому, они суть первые церковные писатели, *принципіально* изслѣдовавшіе православное ученіе о преданіи въ его существѣ, источникахъ и органахъ и въ отношеніи къ писанію.

Но вопросъ о преданіи у св. Иринея и Тертулліана разсматривается не съ тою только цѣлію, чтобы на ряду съ новозавѣтнымъ писаніемъ поставить «какъ равное и *устное* преданіе» [118]), какъ бы дескать только оно было достаточно въ борьбѣ *противъ еретиковъ*, но съ тою единственно цѣлью, чтобы *вообще* показать, во всей творческой силѣ и органическомъ единствѣ, значеніе преданія, идущаго *отъ апостольской церкви*. Гностики «подобно змѣямъ старались отовсюду ускользнуть» [119]). Хотя они и отвергали *всеобщее преданіе* церкви, однако обращались и къ церковной защитѣ. Этимъ отчасти объясняется, почему они выдвинули на первый планъ вопросъ о составѣ церковнаго канона и систематическое раскрытіе православнаго богословія. Преданіе не только было необходимо въ полемикѣ

---

[117]) *Schanz*, Apologie Christ., III, s. 258.
[118]) *Hase*, Polemik, s. 64.
[119]) *Ириней*, Противъ ересей, кн. III, гл. 2, 3, стр. 274.

со всяческими еретиками, съ ихъ «*негодными пустословіемъ и прекословіями лжеименнаго разума*» (1 Тим. 6, 20), особенно съ гностиками, но оно *одно* было достаточно въ дѣлѣ истинно-церковнаго познанія христіанскаго откровенія и вѣры. Всѣ православно-церковныя догматико-гносеологическія положенія, противъ которыхъ вооружались еретики, доказывались въ своемъ божественномъ правѣ изъ одного преданія; ибо относительно составныхъ частей церковно-богослужебнаго чтенія и богословскаго пониманія отдѣльныхъ книгъ писанія не было еще одного канонически-обязательнаго и цѣлокупнаго правила вѣры. Канонъ библейскій въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ былъ неодинаковъ [120]). Письменное изложеніе обоихъ завѣтовъ какъ въ церкви, такъ и внѣ церкви было различно (см. различные списки, codices). При томъ, на ряду съ подлинно-апостольскими писаніями ходили по рукамъ христіанъ въ качествѣ апостольскихъ и *не-апостольскія*, т. е. невнесенныя въ кругъ каноническихъ и даже апокрифическіи книги (псевдоэпиграфы). Таковы, напр., евангеліе отъ евреевъ, евангеліе Петра, Ерма, Варнава, псевдо-Климентъ, κήρυγμα Πέτρου, πράξεις Πέτρου, πράξεις Παύλου, περίοδος Φιλίππου, ἀποκαλύψις Πέτρου, переписка Павла съ Сенекой, traditiones Matthiae, Сивиллины книги и проч. Поэтому во всѣхъ спорныхъ вопросахъ о дѣлахъ вѣры живое преданіе въ связи съ церковнымъ авторитетомъ было единственнымъ *судіей* и достовѣрнымъ рѣшителемъ всякихъ недоумѣній (judex controversiarum). Но оно, по ученію означенныхъ церковныхъ писателей, было бы тѣмъ же самымъ источникомъ и руководительнымъ началомъ и тогда, когда бы весь новозавѣтный κανων уже существовалъ и былъ признанъ всею церковію. Ибо какъ могло бы явиться въ церкви нѣчто «общепризнанное» въ ученіи и жизни, если только не чрезъ *апостольское преданіе?* Чрезъ что или по причинѣ чего иначе получилъ бы κανὼν τῆς πίστεως свой всеобщій авторитетъ, свой общецерковный составъ и вѣрное изложеніе, догматическое единство библейскаго текста и единство богословскаго раскрытія библейской системы вѣроученія, содержимаго всею церковію? И когда бы это «природное отношеніе совмѣстнаго существованія и жизни въ церкви преданія и писанія», какъ источныхъ началъ хри-

120) См. исторію канона: *J. Kirchhofer*, Quellensammlung zur Geschichte des neutestamentlichen Kanons bis auf Hieronymus, Zur 1844. II.

стіанскаго откровенія и вѣрѣ, измѣнилось *не въ пользу* преданія? Св. Ириней и Тертулліанъ не разъ съ особымъ намѣреніемъ замѣчаютъ, что *канонъ писанія*, въ историко-хронологическомъ порядкѣ, далеко позднѣе преданія, всюду выступающаго въ качествѣ первоначальнаго и необходимаго средства *для миссіонерскихъ цѣлей*, т. е. для церковнаго распространенія и утвержденія христіанскаго ученія и религіозной вѣры, и отсюда выводятъ всеобщность и постоянство его существованія въ церкви, какъ богооткровеннаго источника.

7. Въ ряду доблестныхъ защитниковъ преданія въ теоріи и на практикѣ во II вѣкѣ первое мѣсто, неоспоримо, принадлежитъ *св. Иринею, епископу Ліонскому* († 202 г.) [121]). «Ревнитель завѣта Христова» [122]), преданный ученикъ мужей апостольскихъ св. Поликарпа Смирнскаго [123]) и св. Папія Іерапольскаго [124]), св. Ириней существенными свойствами своего ученія о преданіи напоминаетъ намъ времена, весьма близкія къ апостоламъ. Одна и единственная только генерація истинно-достовѣрныхъ свидѣтелей Христова преданія, имѣвшихъ своимъ церковно-іерархическимъ средоточіемъ славнаго Поликарпа Смирнскаго, отдѣляла его отъ самихъ апостоловъ. Съ Востока изъ Малой Азіи, изъ свящ. мѣстъ, ознаменованныхъ благовѣстническими трудами св. апостоловъ Павла и Іоанна Богослова, онъ вынесъ на Западъ, въ глубь Галліи, неизгладимыя и живыя воспоминанія о мысляхъ и словахъ первоверховныхъ апо-

---

[121]) Ученіе св. Иринея о преданіи комментировалъ *Rene Massuet*, Irenaei opp. ed. 1734. II. diss. 3, 3. p. 101—106. Противъ него *I. Будден* въ предисловіи къ своему изданію Глассова соч. Philologia sacra, 1725. Въ подобномъ смыслѣ изъяснялъ Иринея и *E. Grabius* Ученіе Иринея о преданіи излагается въ слѣд. сочиненіяхъ: *H. Ziegler*, Des Irinäus Lehre von der Autorität der Schrift, der Tradition und der Kirche, Berlin, 1868. *I. Iacobi*, Des Kirchliche Lehre von der Tradition u. heil. Schrift, s. 95—112. *Stieren*, de Iren. adv. haer. operis fontibus, indole, doctrina et dignitate, Gotting. 1836. *Hoëvell*, Dis. hist.-theol qua Irenei dogma de ecclesiae unitate exponitur. Gron. 1836. На русскомъ яз. статья подъ заглавіемъ: «Св. священномуч. Иринея, еп. Ліонскаго, Объ апостольск. преданіи въ церкви» въ «Христ. Чт.» за 1838 г., ч. II, стр. 3—9 (это собственно систематич. рядъ небольшихъ выдержекъ изъ творенія Иринея «Противъ ересей»). Дѣльная статья проф. *П. Пономарева*: «Изъ исторіи св. преданія» («Правосл. Собесѣдникъ» за 1901 г., іюль—августъ, стр. 243—270).

[122]) Такъ характеризуется св. Ириней въ посланіи Ліонскихъ исповѣдниковъ (мучениковъ), у Евсевія, кн. V, гл. 4, стр. 247.

[123]) См. письмо его къ Флорину (παῖς ἔτι ὤν), у Евсевія V, 20.

[124]) Блаж. *Іеронимъ* называетъ его ученикомъ св. Папія (Ер. 75).

столовъ [125]). «Нельзя оставаться равнодушнымъ при мысли объ этомъ, устроенномъ Провидѣніемъ, соприкосновеніи Западной Европы съ столицею Азійскаго христіанства—Ефесомъ. Пространства исчезаютъ, времена тоже сближаются» [126]). И мы, стоя не на почвѣ легенды, но на почвѣ исторіи, вѣримъ, что преданіе, исходящее изъ кореннаго источника, распространилось на Западѣ чрезъ св. Иринея всюду, куда ни заходилъ его авторитетный голосъ и, такимъ образомъ, положило тамъ зерно истины Христовой.

Св. Ириней не былъ «первоначальнымъ виновникомъ церковнаго преданія» или его «родоначальникомъ», какъ напрасно обвиняютъ его въ томъ протестантскіе изслѣдователи «первобытнаго христіанства» [127]). Это главнымъ образомъ видно изъ того, что, разсматривая, въ концѣ II в., устное апостольское преданіе, въ качествѣ источника вѣры, онъ свидѣтельствуетъ о немъ, что оно присуще всей церкви и общепризнанно [128]). Поэтому, ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, будто преданіе только при немъ и чрезъ него возникло въ первый разъ и тогда же успѣло «образоваться въ строго-опредѣленную обще-церковную формулу вѣроученія», замкнуться въ «неповрежденное правило истины» [129]), какъ систематическое противодѣйствіе гностицизму. Преданіе, по самой сущности своей, необходимо должно имѣть свое первичное догматико-каноническое зерно и историческую основу тамъ именно, гдѣ его справедливо ищетъ и находитъ самъ Ириней, а именно въ ученіи Христа и апостоловъ [130]).

Еще за долго до св. Иринея Ліонскаго всѣ истинные христіане привыкли ссылаться на преданіе для дознанія откровенной истины. Но до него вопросъ о преданіи не былъ ясно (т. е. не-всецѣло) опредѣленъ въ святоотеческомъ ученіи въ свойственныхъ ему каче-

---

125) По Евсевію, св. Ириней написалъ твореніе «*О проповѣди апостольской*» (ἐπίδειξις τοῦ ἀποστολικοῦ κηρύγματος), посвященное брату своему Маркіану, къ сожалѣнію, недошедшее до насъ (V, 26).

126) *Шуази*, стр. 159.

127) Это обвиненіе особенно исходитъ отъ т. н. «центуріоновъ», т. е. протестантскихъ богослововъ, искусственно раздѣляющихъ единую христіанскую религію въ исторіи по столѣтіямъ, дабы указать грани, будто бы отдѣляющія «первобытную истину» отъ «позднѣйшихъ церковныхъ наслоеній»...

128) Кн. I, гл X, 2, стр. 45, кн III, гл 3, 1; «traditio apostolorum in toto mundo manifestata in omni ecclesia est (πάρεστι) respicere omnibus, qui vera vetint videre»

129) «Противъ ересей» III, 25, 1, стр. 344.

130) *Herzog*, R=Encykl. sub nomine: tradition, s. 728.

ствахъ. Когда же подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго распространенія гностико-еретическихъ ученій, разъѣдавшихъ цѣлость и единство церковно-религіознаго ученія и жизни, «неопредѣленность настроенія умовъ стала невыносимою, необходимо было, во что бы то ни стало, опредѣлить область преданія, уяснить смыслъ священныхъ писаній, указать на единственные достовѣрные источники преданія» [131]). И вотъ св. Ириней «первый систематически установилъ принципы въ отношеніи къ этому предмету, обозначилъ вопросы, и отмежевалъ закрытое поле, на которомъ должна была происходить битва между вѣрованіемъ церкви и ересью» [132]). Основныя гносеологическія воззрѣнія представителей православно-антигностическаго направленія, обозначившагося уже въ твореніяхъ мужей апостольскихъ, высказаны были впервые съ достаточною опредѣленностію, хотя и не совсѣмъ полно, у св. Иринея. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ незамѣнимыя услуги для всей вселенской церкви. Этимъ онъ во всѣхъ послѣдующихъ вѣкахъ заслужилъ необыкновенное довѣріе. Тертулліанъ Карѳагенскій, писавшій вскорѣ послѣ него о томъ же самомъ предметѣ, считаетъ его «мастеромъ дѣла». А историкъ Евсевій ставитъ его выше всѣхъ предшествовавшихъ церковныхъ писателей, особенно по «духу миротворенія», какой видѣнъ въ самой обработкѣ и раскрытіи у него догматико-гносеологическаго вопроса [133]).

Положительныя воззрѣнія св. Иринея Ліонскаго на источники и основы откровеннаго христіанскаго знанія вообще и въ частности на преданіе раскрыты въ пламенной борьбѣ его съ еретиками-гностиками, каковы, напр., валентиніане, маркіониты, евіониты и проч. Онѣ преимущественно излагаются въ его знаменитомъ догматико-апологетическомъ твореніи, извѣстномъ подъ именемъ: «*Пять книгъ противъ ересей*» (adversus haereses) или иначе (первоначальное заглавіе) — «*Обличеніе и опроверженіе лжеименнаго знанія*» (Ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως).

Вотъ въ чемъ состоитъ сущность главнѣйшихъ догматико-гносеологическихъ положеній св. Иринея по вопросу о преданіи.

---

131) *Шуази*, стр. 157.

132) Тамъ же, стр. 156—157.

133) «Ὁ μὲν Εἰρηναῖος φερώνυμός τις ὢν τῇ προσηγορίᾳ αὐτῷ τε τῷ τρόπῳ εἰρηνοποιός (V, 24 fin.).

Подобно мужамъ апостольскимъ и въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ, св. Ириней прежде всего устанавливаетъ вопросъ объ объективной истинѣ и неповрежденности устнаго преданія, особенно со стороны авторитета органовъ его—апостоловъ и апостольскихъ церквей Апостолы, наученные Іисусомъ Христомъ и просвѣщенные Духомъ Святымъ, обладали «совершеннымъ знаніемъ» [134]) откровенія Божія. Для той цѣли они и были Самимъ Господомъ «призваны къ совершенству» [135]) вѣдѣнія божественной истины. Это положеніе св. Иринея подробно изслѣдуетъ, особенно въ виду рѣзко высказанныхъ гностиками сомнѣній въ догматической истинности и исторической достовѣрности апостольскаго авторитета, а, слѣдов., и преданія апостоловъ.

По свидѣтельству Иринея, гностики «провозглашаютъ себя совершенными (всезнающими), такъ что никто, ни-даже Павелъ или Петръ или другой кто изъ апостоловъ, не можетъ сравниться съ ними по величію знанія, а напротивъ того, они болѣе всѣхъ знаютъ и они проглотили величіе знанія о неизреченной силѣ» [136]). «Еще они говорятъ, будто (пророкъ) Даніилъ указываетъ на тоже самое, когда, какъ невѣдущій, спрашиваетъ у ангела о разрѣшеніи притчей, а ангелъ, скрывая отъ него великое таинство глубины, говоритъ ему: «*гряди, Даніилъ, ибо эти слова заграждены, доколѣ разумѣющіе уразумѣютъ, и бѣлые убѣлятся*» (Дан. 12, 9—10), и себя хвастливо называютъ этими бѣлыми и разумѣющими» [137]). Противъ такого самомнѣнія «худомыслящихъ еретиковъ» [138]) св. Иринеи «съ увѣренностію и твердостію» выставляетъ основное положеніе, что единственно—«истинная и животворная *вѣра*» есть та, «которую церковь приняла отъ апостоловъ и передаетъ (всѣмъ) своимъ чадамъ». На этой вѣрѣ опирается и разумъ христіанскій, познающій истину Божію. Поэтому всегда и прежде всего необходимо держаться вѣры церковной. Безъ нея знаніе *надмеваетъ* (1 Кор. 8,1), превращаясь въ «хитрые вопросы и тонкія рѣчи» о

---

[134]) III, 1, 1, 12, 12
[135]) III, 12, 12 (стр. 331).
[136]) I, 6, стр. 57—58
[137]) I, 21, 2, стр. 86
[138]) III, 12, 12, стр. 329.

вѣрѣ [139]). А что эта вѣра есть абсолютно—истинная, видно изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ полностію проистекаетъ истинно-христіанское знаніе о ней.

«Господь всего далъ апостоламъ своимъ власть (проповѣдывать) Евангеліе, и *чрезъ ихъ мы познали истину, т. е. ученіе Сына Божія;* къ нимъ же и Господь сказалъ: «*кто слушаетъ васъ, Меня слушаетъ, и кто презираетъ васъ, презираетъ Меня и Того, Кто послалъ Меня*» (Лук. 10, 16) [140]). И апостолы начали проповѣдывать и излагать въ письменахъ евангеліе *не прежде*, какъ были облечены силами Святаго Духа. Поэтому «объ устроеніи нашего спасенія мы узнали не чрезъ кого другаго, а чрезъ тѣхъ, *чрезъ которыхъ дошло къ намъ Евангеліе*, которое они тогда *проповѣдывали* (устно), потомъ же по волѣ Божіей *предали намъ въ писаніяхъ, какъ будущее основаніе и столпъ нашей вѣры* [141]). Неприлично же утверждать, что они проповѣдывали прежде, чѣмъ получали «совершенное знаніе», какъ осмѣливаются нѣкоторые говорить, выдавая самихъ себя за исправителей апостоловъ. Ибо послѣ того, какъ Господь нашъ воскресъ изъ мертвыхъ, и они облечены были свыше силою нисходящаго Святаго Духа, исполнились всѣми дарами Его и получили совершенное знаніе, — они вышли въ концы земли, благовѣствуя о благахъ, дарованныхъ намъ отъ Бога, и возвѣщая небесный миръ людямъ, *которые и всѣ вмѣстѣ и каждый порознь имѣютъ Евангеліе Божіе.* Такъ *Матѳей* издалъ у евреевъ на ихъ собственномъ языкѣ *писаніе Евангелія* въ то время, какъ Петръ и Павелъ въ Римѣ благовѣствовали и основали *церковь.* Послѣ ихъ отшествія *Маркъ, ученикъ и истолкователь Петра*, предалъ намъ письменно то, что было проповѣдано Петромъ. И *Лука*, спутникъ *Павла*, изложилъ въ книгѣ проповѣданное имъ Евангеліе. Потомъ *Іоаннъ*, ученикъ

---

[139]) II, 26, 3, стр. 229. «Поэтому лучше и полезнѣе оставаться простыми и малознающими и приближаться къ Богу посредствомъ любви, нежели считая себя многознающими и очень опытными оказываться хулителями своего Бога, *сочиняя себѣ* другого Бога Отца» (тамъ-же, стр. 288).

[140]) III, praefatio, стр. 272.

[141]) «Non enim per alios dispositionem salutis nostrae cognovimus quam per eos, per quos Evangelium pervenit ad nos; quod quidem tunc praeconaverunt, postea vero per Deo voluntatem *in scripturis nobis tradiderunt, fundamentum et columnam fidei nostrae futurum*».

Господа, возлежавшій на Его груди, также издалъ Евангеліе во время пребыванія своего въ Ефесѣ Азійскомъ. И всѣ они проповѣдывали намъ единаго Бога, Творца неба и земли, возвѣщеннаго *закономъ и пророками*, и единаго Христа, Сына Божія; и кто не согласенъ съ ними, тотъ презираетъ *причастниковъ Господа*, презираетъ и самаго Христа Господа, презираетъ и Отца, и *самъ собою осужденъ* (Тит. 3, 10—11), противясь своему собственному спасенію, что дѣлаютъ *всѣ еретики*» [142]).

Эти слова св. Иринея Ліонскаго, особенно то мѣсто, гдѣ у него говорится о св. писаніи, «какъ будущемъ основаніи и столпѣ нашей вѣры», протестантскіе писатели считаютъ за «locus classicus» своего мнѣнія о преданіи въ отношеніи къ писанію, насильно вырывая его изъ общей системы этого св. отца объ источникахъ христіанскаго ученія [143]). Но, какъ видно изъ связи мыслей этого текста, въ этихъ словахъ нѣтъ и помину объ исключеніи преданія изъ числа источниковъ христіанскаго вѣроученія въ пользу одного писанія. Преданіе необходимо при писаніи уже по тому одному, что оно было первоначальнымъ и до писанія единственнымъ источникомъ откровенія Божія. Весь смыслъ этого—мѣста въ систематической установкѣ того историческаго факта, что провозвѣщенное апостолами Евангеліе сначала было однимъ устнымъ преданіемъ, а съ теченіемъ времени и записывалось ими самими или по порученію ихъ другими лицами, на основаніи ихъ проповѣди. Тождество апостольскаго преданія несомнѣнно и въ устномъ словѣ и въ писаніи; а, поэтому, преданіе не устраняется у св. Иринея, а необходимо предполагается. При томъ должно замѣтить, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ св. Ириней говоритъ о церковно-историческомъ происхожденіи однихъ Евангелій, а о другихъ книгахъ новозавѣтнаго канона нѣтъ рѣчи у него. Да и Евангелія никогда не отрѣшались отъ апостольскаго преданія въ своемъ догматико-каноническомъ бытіи и жизни церковной.

И такъ, по мысли св. Иринея, преданіе апостольское—устное и письменное, какъ истинно-откровенное слово, должно служить

---

[142]) III, 1, 1—2 (стр 272—273). Ср у Евсевія V, 8.

[143]) *Marheineke*, System d. Kathol. II в 187 *Twesten*, Vorles. uber d. Dogm. d. Evang. Kirch. I. Bd. s. 288 Ср *Ѳ Прокоповичъ*, с XIII, § 216, стр 287.

божественнымъ источникомъ и нормою подлинно-христіанскаго знанія объ откровеніи. Это—единое, цѣлостное и нераздѣльное догматико-каноническое «основаніе и столпъ нашей вѣры», настоящей *и будущей*. Поэтому церковь не знаетъ ни о какомъ противорѣчіи между писаніемъ и преданіемъ, а то и другое считаетъ согласными и одинако важными источниками однихъ и тѣхъ же откровенныхъ истинъ, одного и того же ученія христіанской вѣры. Между ученіемъ преданія и писанія находится полное единство [144]). Поэтому, св. Ириней совѣтуетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ принимать преданіе (παράδοσις=traditio) [145]) во всемъ его объемѣ, во всей полнотѣ его содержанія [146]). Только при этомъ условіи, по нему, должна устраняться всяческая возможность ограниченія христіанскаго знанія объ истинахъ вѣры какими-либо сектантскими измышленіями.

Еретики—гностики времени св. Иринея, точно также какъ и нынѣшніе *неологи* [147]), смѣшивающіе христіанство съ сектантскими толками, въ оправданіе своихъ произвольныхъ мнѣній объ источникахъ и истинахъ христіанскаго откровенія и вѣроученія, говорили, что Христосъ и апостолы въ своей проповѣди приспособлялись къ «народнымъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ». На ихъ взглядъ, Христосъ и апостолы не только формально, но даже и матеріально «придерживались іудейскихъ мнѣній» [148]), которыя дескать должно устранить, если желательно отыскать подлинный смыслъ христіанскаго откровенія. Противъ этой богохульно-принятой гностиками «*аккомодаціи*» Христа и апостоловъ св. Ириней утверждаетъ, что ученіе Христа и апостоловъ непреложно, и что предано оно не приспособительно къ мнѣніямъ слушателей, а какъ самобытная истина открыта всѣмъ прямо и въ совершенствѣ.

Вотъ что говоритъ св. Ириней всѣмъ еретикамъ и вольнодумцамъ о способѣ передачи ученія Христова.

---

144) III, 2, 2—3, стр. 273—274.

145) I, 10, 2, стр. 45; III, 2, 2, стр. 274.

146) I, 10, 2—3, стр. 45—46

147) Подъ именемъ «неологовъ» разумѣются протестантскіе богословы раціоналисты, ведущіе свое начало отъ Іоанна Соломона Землера, проф. богословія въ Галле († 1791 г.).

148) III, 12, 12, стр. 330. Въ отношеніи къ апостоламъ обыкновенно ссылались еретики на 1 Кор. 2, 6 (I, 8, 4, стр. 37).

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть *истина* (Іоан. 14, 6) и лжи въ Немъ нѣтъ, какъ и Давидъ, пророчествуя о рожденіи Его отъ Дѣвы и воскресеніи изъ мертвыхъ, говоритъ: *истина возсіяла отъ земли* (Псал. 84, 12). И апостолы, ученики истины, также чужды всякой лжи; ибо ложь не соединяется съ истиною, какъ тьма со свѣтомъ, но присутствіе одной исключаетъ другую. Посему Господь нашъ, будучи истина, не говорилъ лжи, и о комъ Онъ зналъ, какъ о плодѣ несовершенства, того не исповѣдалъ бы Богомъ... И ученики Его не упоминали о какомъ либо другомъ Богѣ и не называли Господомъ никого, кромѣ Того, Кто есть истинно Богъ и Господь всего,—какъ говорятъ это *пустѣйшіе софисты* (vanissimi sophistae), будто апостолы съ лицемѣріемъ приспособляли свое ученіе къ пріемлемости слушателей (cum hypocrisi fecerunt doctrinam secundum audientium capacitatem) и давали отвѣты сообразно съ мнѣніями (ὑπολήψεις, opiniones) вопрошающихъ, для слѣпыхъ выдумывали басни сообразно съ ихъ слѣпотою, для слабыхъ сообразно съ слабостію, и для заблуждающихся сообразно съ ихъ заблужденіемъ... Такой образъ дѣйствія не свойственъ тѣмъ, которые исцѣляютъ или даютъ жизнь, но скорѣе тѣмъ, которые причиняютъ болѣзнь и распространяютъ свое невѣжество, и гораздо истиннѣе окажется законъ, проклинающій всякаго, кто слѣпого вводитъ на пути въ заблужденіе. Ибо апостолы, посланные для отыскиванія заблудшихъ, для прозрѣнія невидѣвшихъ и исцѣленія больныхъ, конечно, говорили съ ними не по ихъ настоящему мнѣнію, но согласно съ откровеніемъ истины. И обыкновенные люди поступали бы несправедливо, если бы слѣпымъ, уже готовымъ впасть въ пропасть, совѣтывали бы не оставлять стези опасной, какъ будто это дѣйствительно прямой путь и по нему они пройдутъ безопасно. Какой врачъ, желая исцѣлить больнаго, будетъ дѣйствовать сообразно съ прихотями больнаго; а не съ тѣмъ, что требуется для изцѣленія. А что Господь пришелъ для исцѣленія больныхъ, Онъ Самъ свидѣтельствуетъ, говоря: «*не здоровые нуждаются во врачѣ, но больные. Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію*» (Лук. 5, 31—32). Какимъ же образомъ больные укрѣпятся? И какъ грѣшники покаются? Тѣмъ ли, что они будутъ оставаться въ томъ же положеніи, или напротивъ, когда они рѣшатся

на великую перемѣну и измѣненіе прежняго образа жизни, чрезъ который они навлекли себѣ немалую болѣзнь и множество грѣховъ? *Невѣдѣніе* же, мать всего этого, устраняется чрезъ знаніе. Поэтому, Господь сообщилъ ученикамъ Своимъ знаніе, чрезъ которое Онъ и больныхъ исцѣлялъ и грѣшниковъ воздерживалъ отъ грѣха. Итакъ, Онъ говорилъ съ ними, не приспособляясь къ старому ихъ мнѣнію и давалъ отвѣтъ не сообразно съ расположеніемъ вопрошающихъ, а согласно съ спасительнымъ ученіемъ, безъ притворства и безъ лицепріятія» [149]) И истина этихъ словъ сама собою очевидна. Іисусъ Христосъ не религіозно-философскую школу основалъ для искусственнаго примѣненія своего учительства, но откровеніе Божіе принесъ и возвѣстилъ людямъ во всей полнотѣ и совершенствѣ, создавъ истинную церковь, вѣрующую въ Него. Господь не-религіозный учитель, но сама *истина* (Іоан. 14, 6); а гласъ ея всегда простъ, ясенъ и удобопонятенъ для всѣхъ людей. Поэтому, преданіе Христово есть *абсолютная* истина и истинная вѣра церкви.

Такъ же нелѣпо утверждать «догматическую аккомодицію» относительно апостоловъ, учениковъ Господнихъ. И «апостолы просто и ни на кого не смотря преподавали всѣмъ то, чему они были научены отъ Господа» [150]). Апостолы вели дѣло учительства во всемъ согласно съ истиною Христовою, не лицемѣрно, не приспособляясь къ особой воспріемлемости каждаго. Съ этой стороны учительный авторитетъ ихъ непоколебимъ. Приведенныя слова св. Иринея представляютъ превосходное обличеніе всѣхъ «реформаторовъ вѣры», принимающихъ на себя какую то непонятно-горделивую обязанность поправлять и «развивать» ученіе апостоловъ, будто бы говорившихъ и писавшихъ только приспособительно къ своему времени, а не для всѣхъ временъ, странъ и народовъ [151]). Апостолы имѣли истинное познаніе откровенія Божія и, какъ наученные отъ Самаго Господа всему, что нужно было знать о вѣрѣ, они ничего не измѣняли, ничего не ослабляли, но все возвѣщали и возвѣстили во всей полнотѣ и совершенствѣ всѣмъ церквамъ, ими основаннымъ. Поэтому ссылка

---

[149]) III, 5, 1–2, стр. 281—283.

[150]) III, 14, 2, стр. 340.

[151]) См. *Филаретъ*, Ист. ученіе объ отцахъ церкви, т. I, стр. 87.

гностиковъ на 1 Кор. 2, 6 въ свою пользу современно неосновательна и совсѣмъ несправедлива.

Такъ какъ преданіе апостоловъ—богодухновенный источникъ вѣры христіанской, то и апостольскія церкви ничего не знаютъ о матеріальной аккомодаціи апостоловъ [152]). Церкви знаютъ только одно слово Божіе, т. е. одно истинное ученіе Христово. Съ этой то стороны св. Ириней прежде всего обращаетъ свой взоръ и учениковъ своихъ на догматико-канонической авторитетъ апостольскихъ писаній, а именно на церковно-историческое происхожденіе нашихъ евангелій отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Евангельскія книги, по нему, составились не путемъ «механической аккомодаціи», а путемъ единаго и самобытнаго апостольскаго преданія. Поэтому хотя Евангеліе Христово дано церкви и существуетъ въ ней «въ *четырехъ видахъ* (τετράμορφον τό εὐαγγελιον), но пропикнуто *однимъ духомъ*» (ἑνί δε' πνεύματι συνεχόμενον) [153]), т. е. духомъ единаго преданія Христова. Сектантскій, т. е. внѣ-церковный «путь аккомодаціи» и единая, цѣлостная всецерковная «идея Евангелія» [154])— это совершенно несовмѣстимыя начала христіанскаго вѣроученія. Какъ абсолютная истина, церковное преданіе находится всецѣло въ преданіи Христовомъ чрезъ апостоловъ, такъ ложь сектантской вѣры открывается изъ ея антицерковной аккомодаціи.

Чтобы окончательно обличить неправду еретическихъ притязаній на абсолютное обладаніе истиною, св. Ириней Ліонскій подробно изслѣдуетъ вопросъ о *существенныхъ свойствахъ преданія*. Итакъ, въ чемъ же заключается превосходство преданія, принятаго апостолами отъ Христа, предъ лжеученіемъ еретиковъ, богодухновеннаго ученія вѣры и жизни истинно-христіанской предъ суевѣріемъ сектантскаго «лжеименнаго знанія» (1 Тим. 6, 20)? По ученію св. Иринея, апостольское преданіе характеризуется такими внутренними и внѣшними достоинствами, которыя вполнѣ убѣждаютъ насъ въ его догматической истинѣ и исторической достовѣрности и противъ которыхъ еретики ничего не могли возразить по существу, κατ'οὐσία.

---

[152]) III, 2, 2, стр. 274.
[153]) III, 11, 8, стр. 311.
[154]) III, 11, 9, стр. 313.

Первое коренное свойство преданія есть его догматическое *единство*. Истинное преданіе—едино, а «богохульное ученіе или секта» [155]) не—единосущно, множественно, ожесточенно—партійно.

Обращаясь къ уразумѣнію богопреданнаго ученія, св. Ириней находитъ «единство (его) во всей церкви» [156]). Это *всеобщее единство* церковнаго вѣроученія приводитъ его къ мысли о томъ, что истина христіанскаго откровенія находится въ единой церкви. А въ непререкаемое доказательство этого «единства (единосущія) вѣры церкви во всемъ мірѣ», онъ приводитъ *символъ вѣры*, который у него называется «древнимъ преданіемъ апостоловъ» [157]), въ то время общеизвѣстное, или «древнею системою церкви для всего міра» [158]) «Церковь,—говоритъ св. Ириней,—хотя разсѣяна по всей вселенной даже до концевъ земли, но приняла—отъ апостоловъ и отъ учениковъ ихъ вѣру» истинную, и далѣе идетъ самое изложеніе апостольскаго символа [159]).

Противопоставляя, такимъ образомъ, основные догматы христіанской вѣры еретическимъ заблужденіямъ гностиковъ, св. Ириней ясно учитъ о томъ, что апостольское преданіе, какъ единая вѣра церкви, строго опредѣлено съ самаго начала историческаго бытія и жизни христіанской религіи и что, слѣд., она не можетъ подчиняться діалектическимъ правиламъ постепеннаго «объективнаго развитія», которымъ съ необходимостію подчиняются логическіе доводы и выводы теоретическаго разума. *Догматическая истина* преданія есть *обще-церковный фактъ*, а въ доказательство его исторической достовѣрности достаточно сослаться на свидѣтельство апостольскихъ церквей, разсѣянныхъ по всему (тогдашнему) христіанскому міру. Единогласное свидѣтельство этихъ церквей несомнѣнно убѣждаетъ, что апостолы, основатели и устроители ихъ, проповѣдывали въ нихъ ученіе «вездѣ одинаковое и равно-постоянное» [160]). «Принявши

[155]) III, 12, 12, стр. 330. Еретики «разногласятъ между собою въ ученіи и преданіи, и почитаемые за новѣйшихъ между ними стараются каждый день измыслить что нибудь новое и произвесть такое, о чемъ никогда никто не помышлялъ; трудно пересказать мнѣнія ихъ всѣхъ» (1, 21, 5 стр. 91).

[156]) Проф. *К. Поповъ*, Тертулліанъ, его теорія христ. знанія и проч. Кіевъ, 1880, стр. 50.

[157]) III, 4, 2, стр. 280.

[158]) *Филаретъ*, Правосл.-Догм. Богословіе. СПБ. 1882, ч. I, § 5, стр. 9, примѣч. 9.

[159]) I, 10, 1, стр. 44.

[160]) III, 24, 1, стр. 397.

это ученіе и эту вѣру, церковь, хотя и разсѣяна по всему міру, тщательно хранитъ ихъ, какъ бы обитая въ одномъ домѣ (τοῦτο τό κήρυγμα παρειληφυῖα, καὶ ταύτην τήν πίστιν, ἡ εκκλησία καιπερ ἐν ὅλω τῷ κόσμω διεσπαρμενη, ἐπιμελῶς φυλάσσει, ὡς ενα οἶκον οἰκοῦσα); одинаково вѣруетъ этому, какъ бы имѣя одну душу и одно сердце; согласно проповѣдуетъ это, учитъ и передаетъ, какъ бы у ней были одни уста. Ибо хотя въ мірѣ есть языки различные, но *сила преданія одна и та же* (ἡ δύναμις τῆς παραδόσεως μία καὶ αὐτή). Не иначе вѣрятъ, и не различное имѣютъ преданіе церкви, основанныя въ Германіи, въ Испаніи, въ Галліи, на Востокѣ, въ Египтѣ, въ Ливіи, и въ срединѣ міра [161]). Но какъ солнце—это твореніе Божіе—во всемъ мірѣ одно и то же: такъ и проповѣдь истины вездѣ сіяетъ и просвѣщаетъ всѣхъ людей желающихъ придти въ познаніе истины. И ни весьма сильный въ словѣ изъ предстоятелей церковныхъ не скажетъ иначе въ сравненіи съ симъ ученіемъ, ибо *никто не выше Учителя* (οὐδεὶς γάρ ὑπέρ τόν διδάσκαλον),—ни слабый въ словѣ не умалитъ преданія. Ибо, такъ какъ вѣра одна и таже, то и тотъ, кто многое можетъ сказать о ней, не прибавляетъ, и кто малое, не умаляетъ. Большее же или меньшее знаніе нѣкоторыхъ, по мѣрѣ разумѣнія, состоитъ не въ измѣненіи самаго содержанія (вѣры),—не въ томъ, чтобы измышлять *иного* Бога..., *иного Христа*, или иначе Единороднаго, но въ томъ, чтобы тщательно изслѣдовать мысль сказаннаго въ притчахъ и соглашать его съ содержаніемъ вѣры,—въ томъ, чтобы раскрывать ходъ дѣлъ и домостроительство Божіе относительно рода человѣческаго... Въ этомъ состоитъ знаніе, а не въ томъ, чтобы *выше* Творца и Зиждителя измышлять Ему и себѣ матерь—помышленіе блуждающаго эона, и доходить до такого богохульства; и не въ томъ, чтобы ложно придумывать еще выше этой матери какую то плирому, какъ говорятъ эти учители, по истинѣ лишенные *божественнаго разумѣнія*» [162]).

Итакъ, «вся церковь имѣетъ во всемъ мірѣ одну и ту же вѣру», а мнѣнія еретиковъ разнородны и разногласны. Св. Иринеи особенно указываетъ «на непостоянство мнѣній ересеучителей», на то, «какъ они, двое или трое, объ одномъ и томъ же говорятъ не одно

---

[161]) т. е. церковь римская

[162]) I, 10, 2—3, стр. 45—46

и то же, но противорѣчатъ между собою и въ сущности дѣла и въ именахъ» [163]), и «въ характеръ своего ученія привносятъ чуждое истинѣ» [164]) апостольскаго преданія. Въ качествѣ примѣра св. Иринеи говоритъ о еретикѣ «Валентинѣ, приспособившемъ начала, такъ называемой, гностической ереси къ особенному характеру своей школы» [165]). Но таковы и прочіе сектанты, «ложно называющіе себя знающими (гностиками)» [166]).

Нельзя, кажется, лучше выразить православную мысль о томъ, что *апостольская вѣра* есть никогда неизмѣняемый залогъ истиннаго откровенія Божія, который должно передавать въ церкви такимъ, какимъ онъ былъ первоначально принятъ отъ апостоловъ безъ всякихъ измѣненій, т. е. безъ прибавленій и безъ убавленій, ибо *апостольское ученіе* есть достояніе *всей* церкви, а не отдѣльныхъ лицъ и не самочинныхъ сектъ и сектанскихъ сборищъ. Это *общій доводъ*, противопоставленный св. отцомъ гностикамъ, стремившимся по своему разумѣнію «развивать религіозную истину» и, такимъ образомъ, стѣснить ея могущественное дѣйствіе, т. е. умалить значеніе и необходимость единаго церковнаго преданія, обличавшаго ихъ *свободомысліе* въ дѣлѣ вѣры. По Иринею, откровенная истина имѣетъ *объективное* происхожденіе и внутреннее достоинство ея неоспоримо, и то обстоятельство, что она принадлежитъ *всѣмъ* христіанамъ и стоитъ выше всяческихъ преградъ мѣста и времени, нисколько не умаляетъ ея верховнаго авторитета и могучей силы. Разные народы и разныя духовныя дарованія людей, содержащихъ ее, нисколько не разнообразятъ преданія. Результатомъ сохраненія преданія всѣми вѣрующими служитъ только всецѣлое, живое и гармоническое единство богопреданнаго откровенія во всей церкви. Итакъ, церковно-апостольское преданіе есть всеобщее и единое источное начало откровеннаго ученія, и, поэтому, имъ должно всегда пользоваться при дѣятельномъ познаніи и усвоеніи христіанской вѣры, и только при такомъ употребленіи его, по мысли св. Иринея, «ни сильный въ словѣ» ничего не прибавитъ къ его внутреннему составу и творческой силѣ, «ни слабый ничего не умалитъ» отъ него.

---

[163]) I, гл. 11, стр. 47

[164]) Ibid.

[165]) Ibid.

[166]) II, 31, 1, стр. 255.

Св. Ириней особенно отрицаетъ неразумное мнѣніе гностиковъ о существованіи у нихъ однихъ какого то особаго «*тайнаго преданія*» (absconditum misterium). Извѣстно, что въ послѣ—апостольское время за разными недоумѣніями при пониманіи истинъ вѣры и христіанской жизни всѣ христіане обращались къ непосредственнымъ преемникамъ апостоловъ, епископамъ и пресвитерамъ апостольскихъ церквей, какъ къ лицамъ, получившимъ отъ апостоловъ не только письменное ученіе, но и устное наставленіе И это то устное преданіе преемственно переходило отъ одного поколѣнія іерархическихъ лицъ къ другому и, такимъ образомъ, служило дѣйствительнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія. Въ немъ всѣ христіане видѣли достовѣрное ручательство за правильное рѣшеніе вопросовъ, касающихся вѣры и жизни и за истинное объясненіе непонятныхъ и трудныхъ мѣстъ писанія. По примѣру церкви, и гностики назвали свой *формальный принципъ* «преданіемъ». Но, такъ какъ преданія, какъ положительно-догматическаго ученія въ дѣйствительности у нихъ не было, а подъ именемъ преданія подразумѣвалось у нихъ не болѣе, какъ особая теоретическая способность находить въ книгахъ писанія, въ языческой философіи и языческихъ религіяхъ какой то своеобразный таинственный смыслъ, нужный для обоснованія и развитія цѣлой системы ихъ мистической вѣры, то гностики свое преданіе объявили *тайнымъ* и частнымъ достояніемъ, въ противоположность *священному* преданію, открыто проповѣдуемому во всей церкви и всею церковію [167]). Они не хотѣли, чтобы другіе смотрѣли на ихъ мнимо—высшее христіанское пониманіе вѣры, какъ на не-

---

[167]) *Khun*, Tub. Quartalschr 1858, s. 203. *Baumgarten Krus.*, Bibl. Th., s. 18. *K. R. Kostlin*, Zur Geschichte des Urchristenthums in Zellers Jahrbuch. 1850, s. 6 ff. Впрочемъ, должно замѣтить, что этой теоріи о тайномъ преданіи придерживались не одни только гностики. Ее мы встрѣчаемъ вездѣ, гдѣ только образуется бездна между религіей народа и религіей образованныхъ классовъ. Языческія мистеріи разъединяли языческую религію на народную и жреческую, политически-государственную (*Деллингеръ*, Heidenthum, s. 177). Стоики и гилозоисты на основаніи «знанія тайнъ» думали, что боги суть только разныя видоизмѣненія «матеріальнаго универсума». Перипатетики вѣровали на основаніи «таинственнаго гимна» во славу Цереры, что божество, научивъ людей земледѣлію, положило основаніе всякой культурѣ и гуманности Эвгемеристы во всѣхъ судьбахъ и дѣлахъ людей видѣли непосредственное участіе «боговъ тайнъ» (языческая апоѳеоза). Неоплатоники считали символы и церемоніи языческихъ мистерій за догматы какой то первобытной религіи, происшедшей въ Египтѣ и Халдеи. Такія же «мистеріи» мы встрѣчаемъ въ Пер-

лѣный продуктъ ихъ сектантскихъ, «спекулятивно-философскихъ» и богословскихъ изслѣдованій. Поэтому они старались увѣрить всѣхъ, что ихъ ученіе эзотерически происходитъ отъ самыхъ апостоловъ и непосредственныхъ учениковъ Христовыхъ, передавшихъ его будто бы только немногимъ избранникамъ. Въ связи съ этимъ находится гностиками принятая аккомодація Христа и апостоловъ. Они всячески убѣждали другихъ, будто Іисусъ Христосъ *не всему* училъ *всѣхъ* учениковъ своихъ [168]), но иное сообщалъ только нѣкоторымъ изъ нихъ втайнѣ и невѣдомо для прочихъ [169]); поэтому, апостолы *не все знали*, а если и все знали, то *не всему всѣхъ* научили, но извѣстные догматы передавали публично, всему свѣту, а другіе открывали втайнѣ только малому числу лицъ [170]). Они нарочито ссылались на слова ап. Павла: «*преданіе сохрани*» (1 Тим. 6, 20), «*доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ*» (2 Тим. 1, 14),— для того, чтобы отсюда вывести библейское указаніе на существованіе тайнаго преданія, якобы дошедшаго отъ Христа чрезъ немногихъ апостоловъ, особенно чрезъ ап. Павла [171]). Итакъ, гностики, себѣ однимъ приписывали обладаніе «истиннымъ преданіемъ». Но

сіи, гдѣ черноризники (маги) связывали богословіе съ астрономіею, космологіею и естествознаніемъ (*Деллингеръ*, s 385, 375). Въ Египтѣ жрецы создали особое эзотерическое (астрономическое и физическое) богословіе, передававшееся отъ одного поколѣнія къ другому (Strab. 17; Porhyr. у *Евсевія*, Praep. Ev. III, 4). Даже въ Римѣ, строго соблюдавшемъ религію предковъ и потому не терпѣвшемъ особыхъ религіозныхъ тайнъ, какъ чего то опаснаго для существованія народной религіи, мы видимъ «элевзинскія мистеріи» (впервые перенесенныя сюда императоромъ Клавдіемъ). Также и гальскіе друиды владѣли тайнымъ ученіемъ, которое они одѣвали для явнаго употребленія въ особую символическую одежду Подобно персидскимъ магамъ и египетскимъ жрецамъ, они одни владѣли духовнымъ образованіемъ народа, обнимавшимъ не только одну религію, но и математику, астрономію, физику, этику и проч. Желая обезпечить таинственность этого ученія, они избѣгали письменнаго преданія, а довольствовались однимъ только устнымъ сообщеніемъ (*Caes.*, De bell. Gall VI. 13, 14. *Деллингеръ*, ib. s. 558; *M Canus*, L. Th. III, c. 3). Есть нѣкоторыя аналогическія черты между этимъ «языческимъ таинственнымъ богословіемъ» и римско-католическимъ преданіемъ, монополизируемымъ непогрѣшимымъ папствомъ и его клиромъ. Есть особое сходство древнихъ еретиковъ гностиковъ съ «интеллигентами—рационалистами», хвалящимися *своею* «новою вѣрою», считающими только себя однихъ людьми знающими все, людьми «чистаго духа и разума».

[168]) I, 8, стр. 32 –39.

[169]) I, 3, стр. 13—17; II, 14, стр. 172—179; тамъ-же, 27, стр. 231—233.

[170]) I, 8.

[171]) III. 13, стр. 335—337 (опроверженіе мнѣнія, будто ап. Павелъ одинъ только изъ апостоловъ зналъ истину).

это уже есть сектантская «безстыдная» тенденція и лютое желаніе самостоятельно развить свою собственную религіозную доктрину въ «улучшеніе» или въ замѣну подлинно-церковнаго вѣроученія; это— самообольщенное лицемѣріе сектантской вѣры, уничтожающее христіанскую свободу духовнаго единенія въ вѣрѣ церковной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гордая самонадѣянность озлобленной воли, фанатически увѣренной въ непогрѣшимости оторвавшагося отъ общаго вѣрованія и одинокаго «лжеименнаго разума».

Ссылка мечтателей—гностиковъ, «чрезъ хитрые вопросы и тонкія рѣчи впадающихъ въ нечестіе»[172]), на какое то тайное преданіе апостоловъ, по взгляду св. Иринея Ліонскаго, должна считаться мало серьезной и скорѣе должна быть даже отвергнута вслѣдствіе отрицанія ими *матеріальнаго* принципа—церковнаго преданія. Гностики думали, что для «теософическаго пониманія писанія» нуженъ болѣе высокій догматико-гносеологическій принципъ, чѣмъ одно библейское слово, т. е. живое преданіе или имъ однимъ доступное «*ученіе истины*». Познанію этого преданія они усвоили своеобразное названіе. γνῶσις, позаимствовавъ этотъ религіозно-философскій терминъ изъ посланій ап. Павла (1 Кор. 1, 5, 2 Кор. 11, 6; Кол. 2, 3; ср. 2 Петр. 1, 5—6; 3, 18)[173]). Повидимому, здѣсь находились нѣкоторыя точки «внѣшняго соприкосновенія» гностической теоріи религіознаго познанія съ православно-церковнымъ ученіемъ объ отношеніи преданія къ писанію. Писаніе, *само по себѣ*, недостаточно для познанія истинъ христіанской вѣры: къ нему должно присоединиться преданіе, какъ догматическій источникъ, отчасти дополняющій, отчасти же изъясняющій его. Но церковь учила въ сущности совсѣмъ другому, чѣмъ сектантскій гносисъ. Доказательство христіанскаго откровенія исключительно отъ писанія для того времени. по указаннымъ выше основаніямъ, было дѣломъ даже невозможнымъ, Здѣсь абсолютно необходимо преданіе церкви. Кромѣ того гностики совершенно расходились съ православною церковію въ принятіи догматико-канонических основъ религіозной вѣры въ писаніе, всецѣло утверждавшихся на преданіи. Отвергая всецерковное преданіе,

---

[172]) II, 26, 1, стр. 229.

[173]) *Baur*, Gnosis s. 140. *Neander*, Kirschengesch. II, 1, s. 637 ff.. *Noak*, Dogmengesch., s. 41. *Staudenmaier*, Philos. d. Christhent. I, s. 491 *Khun*, Dogm. I, s. 329.

они были принуждены отвергнуть ветхозавѣтный канонъ, ибо онъ стоялъ въ явномъ противорѣчіи съ ихъ ученіемъ, а также урѣзать до крайности книги новозавѣтныхъ писаній, чтобы оправдать свои «завѣтныя» религіозно-сектантскіе вопросы; или же они ссылались на свое «высшее познаніе», на «сокровенное таинство» [174]) своего «совершеннаго ученія» [175]), чтобы одинаково отвергнуть какъ преданіе, такъ и писаніе. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно и справедливо, если св. Ириней говоритъ о еретикахъ, что они «не слѣдуютъ ни преданію, ни писанію». «Когда ихъ обличаютъ изъ писаній, то они обращаются къ обвиненію самыхъ писаній, будто они неправильны, не имѣютъ авторитета, различны по изложенію, и (говорятъ), что изъ нихъ истина не можетъ быть открыта тѣми, кто не знаетъ преданія. Ибо (говорятъ) истина предана *не чрезъ письмена*, но живымъ голосомъ, и потому будто Павелъ сказалъ: «*мы говоримъ премудрость между совершенными, премудрость же не міра сего*» (1 кор. 2, 6). И этою премудростію каждый изъ нихъ называетъ *изобрѣтенный имъ самимъ вымыслъ*, такъ что, по ихъ понятію, истина находится то въ Валентинѣ, то въ Маркіонѣ, то въ Керинѳѣ, а потомъ въ Василидѣ или въ какомъ другомъ противорѣчащемъ имъ (учителѣ), который не могъ ничего сказать относящагося ко спасенію. Ибо каждый изъ нихъ, будучи совершенно превратнаго направленія, не стыдится, искажая ученіе истины, *проповѣдывать самого себя*. Когда же мы отсылаемъ ихъ опять къ тому преданію, которое происходитъ отъ апостоловъ и сохраняется въ церквахъ *чрезъ преемства пресвитеровъ*, то они противятся преданію, говоря, что они премудрѣе не только пресвитеровъ, но и апостоловъ, и что они нашли *чистую* (подлинную) *истину*. Ибо (говорятъ) апостолы къ словамъ Спасителя примѣшали нѣчто отъ закона и не только апостолы, но и Самъ Господь говорилъ то отъ деміурга, то отъ средины, а иногда отъ высоты (плиромы), они же несомнѣнно, неповрежденно и чисто знаютъ сокровенное таинство (absconditum misterium): безстыднѣйшее богохульство противъ Творца! Итакъ, выходитъ, что *они не согласны ни съ писаніями, ни съ преданіемъ*» [176]).

---

[174]) II, 14, 7, стр. 177; III, 2, 2, стр. 275.

[175]) I, 21, 2, стр. 88.

[176]) III, 2, 1—2, стр. 273—274 Cf. *Kunz*, Theol. Quart. s. 203 ff.

Св. Ириней Ліонскій показываетъ, какъ несообразно съ богооткровеннымъ достоинствомъ апостольскаго ученія допускать, будто апостолы *вручили* тайное преданіе прямо гностикамъ. *Кто такіе*— гностики, по Иринею?—Это мужи непокориви, суесловцы, умомъ прельщени, имѣющіе только внѣшній образъ христіанскаго благочестія, животворящей же силы его отвергшіеся (2 Тим. 3, 5). «Они исполнены всяческаго обмана, богоотступнаго вдохновенія, демонскаго дѣйствія и идолопоклонническаго мечтанія, и по истинѣ суть предтечи антихриста» (Апок. 12, 4) [177]. «У нихъ заблужденіе, обманъ и магическое обольщеніе нечестиво совершаются въ виду людей» [178]. «Какъ бы вдохновляемые различными духами лестчими» [179], они «и выставляютъ себя изобрѣтателями и создателями (сектаптскаго) мечтательнаго вымысла» [180]. «Хитрость ихъ дѣйствованія и лукавство ихъ заблужденія» [181]) особенно видны изъ того, что они отъ всѣхъ «требуютъ *голословной и слѣпой вѣры*» [182]) къ себѣ и своему ученію. Поэтому, они «ложно называются *знающими*» (гностиками); ибо «подъ разными именами они говорятъ одно и тоже», т. е. «чуждое (откровенной) истинѣ» [183]) и «нечестивое ученіе»? [184]) «Такимъ образомъ, еретики, извращая слова (Божіи), называютъ незнаніе истины знаніемъ, и Павелъ справедливо говоритъ о «*новословіяхъ* (καινοφονιας) *лжеименнаго знанія* (Тим. 6, 20); ибо ихъ знаніе по истинѣ оказалось ложнымъ» [185]). Итакъ, «всѣ, которые какимъ-либо образомъ искажаютъ истину и повреждаютъ проповѣдь церкви, суть ученики и послѣдователи самарянина Симона волхва. Хотя они и не объявляютъ имени своего учителя для обольщенія другихъ, но преподаютъ его ученіе. *Они пользуются именемъ Іисуса Христа, какъ приманкою*, но разнымъ образомъ вводятъ нечестіе Симона и чрезъ то губятъ многихъ, коварно распространяя свое ученіе подъ прикрытіемъ добраго имени, и по-

[177]) II, 32, 3, стр. 257.
[178]) Тамъ-же, 31, 3, стр. 256.
[179]) I, 9, 5 стр. 43.
[180]) II, 14, 3, стр. 174.
[181]) I, 9, 1, стр. 39.
[182]) II, 14, 8, стр. 255.
[183]) II, 31, 1, стр. 225.
[184]) Тамъ-же, 28, 8, стр. 241.
[185]) Тамъ-же, 14, 7 стр. 177.

давая подъ сладостію и красотою имени горькій и злой ядъ змія, перваго виновника отпаденія» [186]).

Вотъ совершенно справедливая характеристика еретиковъ—гностиковъ въ ихъ ученіи и жизни. «Уже изъ этого, и прежде доказательства, весьма ясно можно уразумѣть твердость истины, возвѣщаемой церковію и ложность составленнаго еретиками ученія» [187]). Но, руководясь этой характеристикой, также нельзя думать, будто этимъ суетнымъ и невѣжественнымъ расколо-сектантамъ апостолы сообщили свои «тайныя преданія», если бы только таковыя дѣйствительно существовали у нихъ. Скорѣе бы они довѣрили эти преданія тѣмъ лицамъ, которыя заслуживали ихъ довѣрія и которымъ они сами вручили основанныя и устроенныя ими церкви. «Если бы апостолы знали *сокровенныя таинства*, которыя они сообщали совершеннымъ отдѣльно и тайно отъ прочихъ, то предали бы ихъ въ особенности тѣмъ, кому поручали самыя церкви. Ибо они хотѣли, чтобы были совершенны и безукоризненны во всемъ тѣ, кого оставляли своими преемниками и кому передавали *свое мѣсто учительства* (suum locum magisterii tenentes), такъ какъ отъ ихъ правильнаго дѣйствованія должна происходить великая польза, а отъ паденія ихъ—величайшее несчастіе» [188]).

И такъ, по Иринею, апостолы ничего не скрывали отъ христіанъ, но всѣмъ возвѣщали одну истину. Поэтому, «и ученіе апостоловъ *явно* и твердо и *ничего не скрываетъ*, потому что они не учили иному втайнѣ, а иному явно. Такія ухищренія свойственны лжеучителямъ, худымъ обольстителямъ и лицемѣрамъ, какъ и поступаютъ послѣдователи Василида. Эти люди говорятъ только ради тѣхъ, которые принадлежатъ къ церкви, которыхъ они сами называютъ каооликами (communes) и церковными, и своими рѣчами увлекаютъ *болѣе простыхъ* и обольщаютъ ихъ, поддѣлываясь подъ нашъ образъ рѣчи, дабы ихъ чаще слушали; и потомъ упрекаютъ насъ за то, что тогда какъ они думаютъ сходно съ нами, мы безъ особой причины удаляемся отъ общенія съ ними, и тогда какъ они

---

186) I, 28, 4, стр. 109. Мнѣніе св. Иринея о томъ, что Симонъ волхвъ былъ родоначальникомъ гностицизма раздѣляютъ и другіе св отцы, какъ, напр., св. Ипполитъ Остійскій (Philos. VI, 7).

187) I, 9, 5, стр. 43—44.

188) III, 1, стр. 275.

говорятъ то же самое и содержатъ то-же ученіе, мы называемъ ихъ еретиками; и когда посредствомъ своихъ умствованій отвратятъ кого либо отъ вѣры и сдѣлаютъ ихъ своими безпрекословными слушателями, то излагаютъ имъ *отдѣльно неизреченное таинство своей плиромы.* Но обманываются всѣ, воображающіе, будто они способны отличить отъ истины то, что̀ *вѣроподобно на словахъ.* Ибо *заблужденіе заманчиво и вѣроподобно и нуждается въ прикрасахъ*, а истина безъ прикрасъ и потому ввѣрена (открыта) дѣтямъ» [189]), т. е. всѣмъ вообще вѣрующимъ.

Изъ этихъ словъ св. Ирипея само собою слѣдуетъ, что апостольское преданіе (traditio apostolorum) есть не какое либо тайное, а явное достояніе всей церкви. У апостоловъ не было ни какого тайнаго ученія, т. е. неизвѣстнаго всѣмъ христіанамъ. Ихъ преданіе общеизвѣстное, общепризнанное, всецерковное. «Вся церковь по всему міру получила это преданіе отъ апостоловъ» [190]). «Ибо и апостолы и ихъ ученики учили такъ, какъ проповѣдуетъ церковь, и уча такъ, были совершенны, потому что они и были призваны къ совершенству» [191]). Отсюда, вся христіанская церковь, ἡ οὖσα ἐκκλησία, чужда мнимо-откровенныхъ «гностическихъ тайнъ», и не знаетъ никакихъ тайныхъ вѣрованій (Лук. 12, 3). Да ей и нѣтъ ни какой нужды ни въ какомъ «тайномъ преданіи» и «тайномъ священствѣ». Церковь не какая либо тайная секта. Ей не для чего ревностно сокрывать свое ученіе отъ постороннихъ взоровъ, что̀ обыкновенно бываетъ у сектантовъ, окружающихъ таинственностію пустоту и бездушіе своей вѣры. Церковь истинная—это *вселенское преданіе*, т. е. явная истина Христова откровенія и жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для какихъ никому неизвѣстныхъ ученій. Отсюда всеобщность преданія—существенное свойство и критерій его истины.

Точно также смотритъ св. Ириней и на библію. Библія это—письменное изложеніе всецерковнаго ученія апостоловъ. Апостольское писаніе—не какая-либо тайная книга о новой вѣрѣ или не какой либо непонятный «кодексъ нравоученія», а открытое для всѣхъ

---

189) Тамъ-же, 15, 1 –2, стр. 344.
190) II, 9, 1, стр 153.
191) III, 12, 13, стр. 331.

людей въ церкви Христовой слово Божіе [192]). Истинно-библейское ученіе вездѣ и для всѣхъ проповѣдуется въ церкви и чрезъ церковь. Только у однихъ еретиковъ, у этихъ «мистическихъ жрецовъ» [193]), находится «несказанное множество» какихъ то иныхъ «неписанныхъ книгъ» [194]). Но эти книги происходятъ изъ другихъ неизвѣстныхъ вселенской церкви источниковъ, т. е. не изъ апостольскаго преданія. Это суть «апокрифическія и подложныя книги, которыя они сами составляли для того, чтобы поражать людей несмысленныхъ и не знающихъ писаній истинныхъ» [195]).

Залогомъ вѣрнаго и неповрежденнаго сохраненія апостольскаго преданія во всей церкви служитъ *непрерывное епископское (пресвитерское) преемство отъ самыхъ временъ апостольскихъ*. Это также составляетъ характеристическую черту истиннаго преданія, сообщающую ему значеніе непреложнаго авторитета въ дѣлѣ и ученіи вѣры христіанской. Вотъ какъ св. Ириней раскрываетъ здѣсь мысль о томъ, что преданіе—истинно въ способѣ церковно-іерархической передачи, нисколько неповрежденно и со временъ апостоловъ нерушимо дошло до него и его сподвижниковъ.

«Всѣ желающіе видѣть истину могутъ во всякой церкви узнать преданіе апостоловъ, открытое во всемъ мірѣ; а мы можемъ перечислить епископовъ, поставленныхъ апостолами въ церквахъ, и преемниковъ ихъ до насъ, которые ничего не учили и не знали такого, что эти (еретики) бредятъ»... Но «такъ какъ было бы весьма длинно въ такой книгѣ, какъ эта (разумѣется III-я книга его творенія «*Противъ ересей*»), *перечислять преемства предстоятелей всѣхъ церквей*, то я приведу преданіе, которое имѣетъ отъ апостоловъ величайшая, древнѣйшая и всѣмъ извѣстная (antiquissima et omnibus cognitae) церковь, основанная и устроенная въ Римѣ двумя главнѣйшими апостолами Петромъ и Павломъ, и возвѣщенную людямъ вѣру, которая *чрезъ преемства епископовъ* дошла до насъ, и посрамлю всѣхъ тѣхъ, кто всячески *незаконнымъ образомъ* составляетъ собранія или по худому самоугожденію, или по тще-

---

[192]) Ср. св *Іустинъ*, Apol. maj. c. 39. *Аѳинагоръ*, Leg. pro chr. и orat. ad Graec.; текстъ у Мюллера, Dogm.—Gesch. I, § 44.

[193]) I, 23, 4, стр. 96.

[194]) I, 8, 1, стр. 32.

[195]) I, 20, 1, стр. 86.

славію, или по слѣпотѣ и превратнымъ мнѣніямъ. Ибо по необходимости съ этою церковію, по ея преимущественной важности, согласуется всякая церковь (omnem convenire ecclesiam), т. е. повсюду вѣрующіе (οἱ πανταχόθεν πίστοι), такъ какъ въ ней апостольское преданіе (ab apostolis traditio) всегда сохранялось вѣрующими, *которые изъ всѣхъ странъ*» (eos, qui sunt undique fideles) [196]).

Здѣсь у св. Иринея говорится о религіозно-нравственномъ долгѣ, по которому всякая помѣстная церковь, хранящая апостольское преданіе, должна согласоваться съ тѣмъ же преданіемъ, какое охраняется *и римскою* апостольскою церковію *чрезъ преемство епископовъ*. Всѣ помѣстныя апостольскія церкви суть непогрѣшимыя носительницы и богодухновенныя распространительницы апостольскаго преданія. Всѣ онѣ составляютъ единое духовное тѣло Христово, одушевленное однимъ духомъ вѣры и истины Его. Между ними въ этомъ отношеніи нѣтъ ни какого существеннаго различія. Вся «преимущественная важность» (potentior principalitas) римской церкви основываясь на особенной ея исторической *извѣстности*, такъ какъ она основана и утверждена двумя славнѣйшими (glorissimis) апостолами Петромъ и Павломъ. Но это различіе не догматико-каноническое, а *чисто-историческое*.

«*Лживая тростъ* (римскихъ) *книжниковъ*» (Іер. 8, 8) превращаетъ указанный св. Иринеемъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ универсальный законъ первоначальнаго преданія и апостольскаго преемства *въ ложь* сектантскаго толкованія его въ пользу папскаго главенства и единоначалія въ церкви. Но, какъ видно уже изъ сказаннаго, здѣсь нѣтъ вопроса о *примат*ствѣ ап. Петра въ смыслѣ ученія о папскомъ всевластіи (S. Petrus princeps apostolorum et totius ecclesiae et primas omnium episcoporum). Здѣсь просто ведется рѣчь о законномъ и искони-существующемъ въ церкви іерархическомъ преемствѣ римскихъ епископовъ и о сохраненіи чрезъ это преемство христіанскаго откровенія во всей чистотѣ и полнотѣ *всею церковію* (omne ecclesia), т. е. всѣми истинно-вѣрующими, qui sunt undique (τοὺς πανταχόθεν πίστους), т. е. сходящимися

---

[196]) III 3, 1—2, стр. 275—276. См. прекрасный комментарій этого мѣста у *В. Гетте* въ его Исторіи церкви, т. I, стр. 493—496; *Heander*'а, Kirchengesch I, s. 350 и у *Gieseler*'а, Kirchengech. I, s 215, 4 Aufl.

(convenire=συμβαίνειν) отовсюду въ Римъ и провѣряющими тамъ свои и римскія преданія [197]).

А что преемство римское есть истинно-апостольское и достовѣрное, въ подтвержденіе этого св. Ириней ссылается на всѣхъ римскихъ епископовъ, начиная съ перваго Лина и кончая 12-мъ Елевоеріемъ [198]). «Въ такомъ порядкѣ и такомъ преемствѣ церковное преданіе отъ апостоловъ и проповѣдь истины дошли до насъ. И это служитъ самымъ полнымъ доказательствомъ, что одна и та же животворная вѣра сохранялась въ церкви отъ апостоловъ донынѣ и предана въ истинномъ видѣ» [199]).

Какъ бы въ парочитое обличеніе суемудрія римскихъ апологетовъ, св. Ириней Ліонскій на ряду съ апостольскимъ преданіемъ римской церкви упоминаетъ *о преданіи Смирнской церкви*, въ которой между апостолами и самимъ Иринемъ было только одно посредствующее звено—епископъ и учитель его св. Поликарпъ. Учительно-іерархическій авторитетъ Поликарпа въ дѣлѣ сохраненія апостольскаго преданія непоколебимъ. «Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ церкви азійскія, равно какъ и тѣ (епископы), которые были преемниками его до настоящаго времени» [200]), т. е. до времени св. Иринея. Также указываетъ св. Ириней на *преданіе церкви Ефесской*, основанной ап. Павломъ и ознаменованной проповѣданію Іоанна Богослова. Это «есть истинная свидѣтельница преданія апостольскаго» [201]), и прежде всего преданія Павлова и Іоаннова.

---

[197]) *Ѳ. Курганов*, Свидѣтельствовалъ ли св. Ириней, епископъ Ліонскій, о примативѣ и непогрѣшимомъ учительствѣ римской церкви, въ частности ея первосвященника? Казань, 1893

[198]) Вотъ имена ихъ. Линъ, Анаклитъ, Климентъ—«*третій послѣ апостоловъ* получившій епископство», Евареетъ, Александръ, Сикстъ—«*шестой послѣ апостоловъ*», Телесфоръ, Гигинъ, Пій, Аникита, Сотеръ и Елевеерій—«*двѣнадцатый послѣ апостоловъ*» Достопримѣчательно, что считая Климента третьимъ римскимъ епископомъ, Сикста—шестымъ и Елевеерія—двѣнадцатымъ, св. Ириней считаетъ *не апостола* Петра *епископомъ римскимъ*, но Лина. Слова «послѣ апостоловъ» выражаютъ мысль о равномъ участіи апостоловъ Петра и Павла при учрежденіи и организаціи римской церкви; никакого «юридическаго предпочтенія» не дается ап. Петру предъ ап. Павломъ. Ириней даже говоритъ, что римскіе епископы суть прямые преемники Лина, а чрезъ него и преемники апостоловъ.

[199]) Ш, 3, 4, стр. 277.

[200]) Тамъ-же, стр. 277—278.

[201]) Стр. 278.

Такъ св. Ириней противопоставляетъ всяческимъ заблужденіямъ еретиковъ истинно-апостольское преданіе, постоянно сохраняемое въ непрерывномъ преемствѣ епископовъ, идущихъ отъ самихъ апостоловъ. При такомъ преемствѣ епископства преданіе лишено той шаткости и неопредѣленности, какими, по необходимости, отличается «шутовское представленіе» [202]) еретиковъ о вѣрѣ. Здѣсь же, по взгляду св. Иринея, находится исторически-достовѣрное основаніе глубочайшей *древности* преданія, живущаго во вселенской церкви. *Священное* преданіе—vetus traditio [203]).

И эта «исконная древность» обозначается у св. Иринея, какъ существенное свойство истиннаго преданія въ отличіе его отъ ложнаго ученія всѣхъ еретиковъ. *Ереси недавни и, поэтому, не могутъ вести своего начала отъ апостоловъ Христовыхъ.* Это одинъ изъ центральныхъ гносеологическихъ тезисовъ св. Иринея. Еретическое преданіе—новое, т. е. новоявленное ученіе, не имѣющее за собою исторической традиціи. Оно начало своего происхожденія получило отъ своихъ «изобрѣтателей» и «творцовъ». А истинное преданіе ведетъ начало своего религіозно-историческаго бытія чрезъ епископовъ отъ самихъ апостоловъ, отъ Христа. Ересь или какая либо секта ничего общаго не имѣетъ съ апостольствомъ церкви. Различные ереси и расколы возникали и распространялись среди христіанъ только *послѣ апостоловъ*, уже въ «позднѣйшія времена». «Всѣ еретики гораздо *позднѣе епископовъ*, коимъ апостолы ввѣрили церкви» [204]). Поэтому, у каждаго еретика *своя религіозная вѣра* и *богослужебный обычай.* Нормы безусловной здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Это—самоубійственное возстаніе противъ апостоловъ, противъ церкви, противъ епископовъ, «противъ собранія братій». Прежде еретиковъ не было ересей. «*Прежде* Валентина не было валентеніанъ, и *до* Маркіона не было Маркіонитовъ, равно и прочихъ худомыслящихъ (учителей) не было прежде, чѣмъ появились *основатели и изобрѣтатели* ихъ превратнаго ученія. Валентинъ пришелъ въ Римъ при Гигинѣ, процвѣталъ при Піѣ и пробылъ до времени Аникиты. Кердонъ предшественникъ Маркіона... Преемникъ

---

202) I, 9, 5, стр. 43.

203) III, 4, 2, стр. 279; IV, 33, 8, стр. 527.

204) V, 20, 1, стр. 732, Ср *Филаретъ*, Догм. 2 т., стр. 248, § 300.

его Маркіонъ получилъ силу при Аникитѣ... Прочіе такъ называемые гностики произошли отъ Менандра, ученика Симона, и *каждый изъ нихъ являлся отцомъ и главою принятаго имъ ученія.* Послѣдніе всѣ впали въ свое *богоотступничество* гораздо позднѣе, уже въ среднія времена церкви» [205]). Здѣсь вся логика аргументаціи св. Иринея состоитъ въ апологитическомъ сопоставленіи апостольской древности (апостольскаго происхожденія) преданія съ расколо-секрантскими возрѣніями новаго времени и позднѣйшимъ происхожденіемъ ереси. Здѣсь историческая генеалогія или «родословная книга» всяческаго сектантства служитъ наилучшимъ осужденіемъ и опроверженіемъ его. Главнѣйшее обвиненіе какого либо религіозно-философскаго ученія въ еретичествѣ состоитъ въ *явномъ указаніи* на недостачу въ немъ перво-христіанской древности, а, слѣд., и всеобщаго признанія.

Итакъ, въ виду новизны еретическихъ заблужденій должно внимать православнымъ епископамъ и пресвитерамъ, коимъ апостолы передали церкви, содержащія одно и то же ученіе о спасеніи, а еретиковъ всячески избѣгать. Преданіе сохраняется только въ апостольскихъ церквахъ. Только отъ епископовъ и пресвитеровъ можно научиться истинѣ Божіей; ибо ими другъ-другопріимательнѣ охраняется наша вѣра и изъясняются писанія безъ всякой опасности впасть въ какое либо извращеніе откровеннаго ученія. Чрезъ нихъ однихъ мы получили полное и истинное писаніе, безъ прибавокъ и урѣзываній, получили неложный текстъ, подробное и вѣрное изъясненіе его; такъ какъ они съ преемствомъ епископства получили и χάρισμα ἀληθίας, по благодати Божіей. Здѣсь св. Ириней отождествляетъ апостоловъ, имѣвшихъ полноту духовныхъ дарованій съ самою апостольскою церковію и ихъ преемниками въ этой характеристической опредѣленности считаетъ епископовъ—пресвитеровъ [206]).

---

[205]) III, 4, 3, стр. 290—291. Руководясь этимъ мѣстомъ изъ Иринея, со всею справедливостію, можно сказать тоже самое о протестантахъ Прежде Лютера не было лютранъ, Цвингли и Кальвина—реформатовъ, до Джона Нокса англиканъ. Тоже должно сказать относительно нашего раскола и современныхъ сектъ, штундизма, пашковщины, толтовства и проч.

[206]) «Надлежитъ слѣдовать пресвитерамъ въ церкви,—тѣмъ, которые имѣютъ преемство отъ апостоловъ и вмѣстѣ *съ преемствомъ епископства*, по благоволенію Отца, получили благодатное дарованіе истины (χάρισμα ἀληθίας), прочихъ же, которые уклоняются отъ первоначальнаго преемства и гдѣ бы то ни было собираются, имѣть

Итакъ, истинное преданіе только у православныхъ епископовъ и пресвитеровъ. *Священое* преданіе есть *епископское* преданіе, вообще церковно-іерархическое. «Только тотъ, кто тщательно читаетъ писанія у просвитеровъ церковныхъ есть истинно-духовный (совершенный) ученикъ, и правильно разумѣетъ все сказанное въ писаніи о Христѣ и о свободѣ Новаго Завѣта; и онъ подобенъ тому домохозяину, который выноситъ изъ своей сокровищницы по-

---

въ подозрѣніи, или какъ еретиковъ и лжеучителей, или какъ раскольниковъ, гордыхъ и *самоугодниковъ*, или же какъ лицемѣровъ, поступающихъ такъ ради корысти и тщеславія. Всѣ эти отпали отъ истины Еретики, приносящіе къ алтарю Божію чуждый огонь, т. е чуждыя ученія, будутъ сожжены небеснымъ огнемъ, подобно Надаву и Авіуду (Лев. 10, 1—2). Возстающіе же противъ истины и другихъ возбуждающіе противъ церкви Божіей. останутся въ аду, поглощенные землею, какъ приверженцы Корея, Даѳана и Авирона (Числ. 16, 33). А разсѣкающіе и разрывающіе единство церкви получатъ отъ Бога то же наказаніе, что и Іеровоамъ (3 Царст. 14, 10 и дал.) А тѣ, которые почитаются многими за пресвитеровъ, но служатъ своимъ удовольствіямъ и не предоставляютъ страха Божія въ сердцахъ своихъ, а ведутъ себя съ презрѣніемъ къ прочимъ и гордятся своимъ предсѣдательствомъ, и дѣлаютъ въ тайнѣ злое, говоря «*никто насъ не видитъ*» (Дан. 13, 20), будутъ облечены словомъ, которое судитъ не по видимости и смотритъ не на лица, а на сердца, и услышатъ слова пророка Даніила. «племя Ханаана, а не Іуды! красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Состарѣвшійся въ злыхъ дняхъ! нынѣ обнаружились грѣхи твои, которые ты дѣлалъ прежде, производя суды неправедные, осуждая невинныхъ и оправдывая виновныхъ, тогда какъ Господь говоритъ: невиннаго и праведнаго не умерщвляй» (Дан. 13, 56, 52—53; Исх 23, 7). О таковыхъ и Господь сказалъ: «если же злой рабъ скажетъ въ сердцѣ своемъ: не скоро прійдетъ господинъ мой, и начнетъ бить товарищей своихъ и служанокъ, ѣсть и пить и пьянствовать, то прійдетъ господинъ раба того въ день, въ который не ожидаетъ, и въ часъ, въ который не думаетъ, и раздѣлитъ его и назначитъ ему часть съ невѣрными» (Мат. 24, 48—51, Лук 12, 45). Отъ всѣхъ таковыхъ надлежитъ удаляться, держаться же тѣхъ, которые и хранятъ ученіе апостоловъ и вмѣстѣ съ чиномъ пресвитерства ведутъ здравую рѣчь и безсоблазненную жизнь къ утвержденію и исправленію прочихъ... *Таковыхъ пресвитеровъ питаетъ церковь*, о нихъ и пророкъ говоритъ: «и дамъ Я правителей твоихъ въ мирѣ и епископовъ твоихъ въ правдѣ» (Ис. 50, 17). О нихъ и Господь сказалъ. «кто вѣрный и благоразумный рабъ, котораго господинъ его поставилъ надъ слугами своими, чтобы давать имъ пищу во время? Блаженъ тотъ рабъ, котораго господинъ его, пришедши, найдетъ поступающимъ такъ» (Мат 24, 45—46). Павелъ, уча насъ, гдѣ таковыхъ найти, говоритъ: «Богъ иныхъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями» (1 Кор. 12, 28) Итакъ, гдѣ находятся дарованія (χαρίσματα) Господни, тамъ надлежитъ учиться истинѣ у тѣхъ, которые имѣютъ преемство церковное отъ апостоловъ, здравую и неукоризненную жизнь и неискаженное и неповрежденное ученіе. Ибо они сохраняютъ нашу вѣру въ единаго истиннаго Бога, все сотворившаго, и приращаютъ любовь къ Сыну Божію, ради насъ исполнившему столь великія распоряженія, и безопасно излагаютъ намъ Писанія, не хуля Бога, не безчестя патріарховъ, ни уничижая пророковъ» Кн. IV, гл. 26, стр 498—498

вое и старое» (Мат. 13, 52)[207]). А тамъ, гдѣ нѣтъ законнаго епископства, какъ у еретиковъ, нѣтъ и преданія Христова и апостольскаго т. е. нѣтъ цѣлости откровенія Божія и церковной жизни, ни послѣдовательности въ ученіи, ни постоянства въ практикѣ. Св. Ириней особенно выдвигаетъ церковно-іерархическій, учительный авторитетъ епископовъ (пресвитеровъ) противъ гностиковъ. Какъ извѣстно гностики, себя однихъ считавшіе *духовными* христіанами, всячески выставляли на видъ и систематически утверждали расколо-сектантскій принципъ *религіозно-христіанскаго учительства вић церкви*. Отсюда у нихъ богохульныя рѣчи на святыхъ *неученыхъ* предстоятелей церкви. Отсюда у нихъ и «мудрствованіе свыше мѣры разумѣнія». Вопреки имъ св. Ириней особо учитъ о необходимости и незамѣняемости въ церкви Христовой законнаго епископства, особенно въ дѣлѣ распространенія и познанія истинно-христіанскаго ученія и жизни[208]).

---

[207]) IV, 33, стр. 522—534.

[208]) «Еретики, *будучи слѣпы для истины* и сбившись съ пути, необходимо блуждаютъ по разнымъ дорогамъ, и отъ того слѣды ихъ ученія разсѣяны тамъ и сямъ *безъ связи и согласія*. Путь же тѣхъ кто принадлежитъ къ церкви, идетъ по всему міру, потому что имѣетъ твердое преданіе отъ апостоловъ и даетъ намъ видѣть, что у всѣхъ одна и та же вѣра; ибо всѣ принимаютъ одного и того же Бога Отца и вѣруютъ въ то же домостроительство воплощенія Сына Божія и знаютъ одно и то же дарованіе Духа, соблюдаютъ тѣ же заповѣди и содержатъ тотъ же образъ устройства церкви и ожидаютъ того же пришествія Господа и допускаютъ то же спасеніе цѣлаго человѣка, т. е. души и тѣла. И *проповѣдь церкви* истинна и непоколебима, такъ какъ въ ней (церкви) *указывается во всемъ мірѣ одинъ и тотъ же путь спасенія*. Ибо ей ввѣренъ свѣтъ Божій, и потому «*премудрость Божія*», чрезъ которую она спасаетъ всѣхъ людей, «поется при выходѣ, открыто издаетъ голосъ по улицамъ, проповѣдуется на высокихъ стѣнахъ и постоянно говоритъ во вратахъ города» (Притч. 1, 20 - 21). Ибо *церковь* проповѣдуетъ истину повсюду, и она есть седьмисвѣчный *свѣтильникъ*, *носящій свѣтъ Христовъ*. Посему *оставляющіе проповѣдь церкви выставляютъ неученость святыхъ пресвитеровъ, не соображая того, сколько важите вѣрующій простецъ сравнительно съ богохульнымъ безстыднымъ софистомъ*. А таковы всѣ еретики и тѣ, которые мечтаютъ найти что-либо болѣе *помимо истины*; слѣдуя ложнымъ ученіямъ, неувѣренно идя по многимъ и различнымъ дорогамъ, не всегда согласные между собою относительно однихъ и тѣхъ-же вещей, они, какъ слѣпые, ведутся слѣпыми и достойно попадаютъ въ незамѣчаемую ими яму невѣдѣнія, *всегда ища и никогда не находя истины*. Поэтому должно избѣгать ихъ ученій и тщательно наблюдать, чтобы не потерпѣть отъ нихъ вреда, а должно прибѣгать къ церкви и воспитываться въ ея нѣдрахъ и питаться *Господними писаніями*. Ибо церковь насаждена, *какъ рай въ этомъ мірѣ*. Посему «отъ всякаго древа райскаго можешь вкушать» (Быт. 2, 16) говоритъ Духъ Божій, т. е. вкушайте отъ всякаго писанія Господня, но вкушайте не съ надмѣннымъ умомъ и не прикасайтесь къ еретическому разномыслію. Ибо эти люди про-

Такъ, по ученію св. Иринея, на основаніи преданія, хранящагося и раскрывающагося въ церкви, т. е. «на основаніи рѣчей Господа и апостоловъ» [209]), оберегаемымъ православнымъ епископствомъ совершается дѣйствительное опроверженіе мнимо-философскаго притязанія еретиковъ-гностиковъ на обладаніе абсолютною истиною откровенія Божія. Здѣсь *положительное значеніе* преданія разсматривается, какъ догматико-канонической авторитетъ истинно-церковнаго вѣроученія, а церковь,—какъ истинная *хранительница* и непогрѣшимая *свидѣтельница* преданія, единаго, всеобщаго, древняго и іерархически-преемственнаго и потому никогда неизмѣняемаго. Отсюда ясно, что преданіе есть воистину церковное слово и дѣло вѣры и откровенія Божія.

Въ дополненіе къ этой церковности преданія св. Ириней положительно утверждаетъ еще всеобъемлющій признакъ *богодухновенности* его. Въ богодухновенности-глубочайшій корень единства всеобщности, древности и церковно-іерархическаго авторитета апостольскаго преданія.

Вотъ классическое мѣсто, изъясняющее сущность Иринеева взгляда на богодухновенность преданія.

«*Проповѣдь церкви* повсюду постоянна и пребываетъ неизмѣнною и имѣетъ свидѣтельство отъ пророковъ и апостоловъ и всѣхъ учениковъ въ начальныя времена и въ среднія и послѣднія и во всемъ устроеніи Божіемъ и Его твердомъ дѣйствованіи относительно спасенія человѣка, которое содержится въ нашей вѣрѣ: ее—то принявъ отъ церкви, мы соблюдаемъ, и она всегда чрезъ Духа Божія, какъ драгоцѣнное сокровище въ прекрасномъ сосудѣ, сохраняетъ свою свѣжесть и дѣлаетъ свѣжимъ самый сосудъ, въ которомъ содержится. Ибо этотъ даръ Божій ввѣренъ церкви, какъ дыханіе жизни дано

повѣдуютъ о себѣ, что они имѣютъ познаніе добра и зла, и возносятъ свои нечестивые умы выше Бога, ихъ сотворившаго. Они мудрствуютъ свыше мѣры разумѣнія Посему и апостолъ говоритъ. «не мудрствуйте болѣе, чѣмъ должно мудрствовать, но мудрствуйте благоразумно» (Рим. 12, 3),—чтобы, вкушая отъ ихъ «знанія», которое мудрствуетъ болѣе, чѣмъ должно, намъ не быть низринутыми изъ рая жизни Въ этотъ рай Господь вводитъ тѣхъ, которые повинуются Его заповѣди, «возглавляя въ Себѣ все небесное и земное» (Еф 1, 10). Подъ небеснымъ же разумѣется духовное, а подъ земнымъ—домостроительство относительно человѣческой природы. Это Онъ возглавилъ въ Себѣ, соединяя человѣка съ Духомъ и Духъ влагая въ человѣка, Онъ Самъ содѣлался главою Духа и даетъ Духа во главу человѣка, ибо чрезъ Него (Духа) мы видимъ и слышимъ и говоримъ». Кн. V, гл. 20, стр. 633—634, Ср. кн. III, гл. 24.

[209]) I, 28, 4, стр. 109

первозданному человѣку, для того, чтобы всѣ члены, принимающіе его, оживотворились; и въ этомъ состоитъ общеніе со Христомъ, т. е. Духъ Святый, залогъ нетлѣнія, утвержденіе нашей вѣры и лѣствица для восхожденія къ Богу. Ибо въ церкви—говорится—Богъ положилъ апостоловъ, пророковъ, учителей (1 Кор. 12, 28) и всѣ прочія (средства) дѣйствованія Духа, коего не причастны всѣ тѣ, которые не согласуются съ церковію, но *сами себя лишаютъ жизни* худымъ ученіемъ и самымъ худшимъ образомъ дѣйствія. Ибо *гдѣ церковь, тамъ и Духъ Божій; и гдѣ Духъ Божій, тамъ церковь и всякая благодать, а Духъ есть истина.* Посему тѣ, кто не причастны его, не питаются для жизни отъ сосцевъ матери, ни пользуются чистѣйшимъ источникомъ, исходящимъ отъ тѣла Христова, но выкапываютъ себѣ *сокрушенные* (разбитые) *колодцы* (Іер. 2, 13) изъ земныхъ рвовъ и пьютъ гнилую воду изъ грязи, удаляясь вѣры церкви, чтобы не обратиться, и отвергая Духа, чтобы не вразумиться. Отчуждившись же отъ истины, они естественно увлекаются всякимъ заблужденіемъ, волнуемые имъ, по временамъ думая различно объ однихъ и тѣхъ же предметахъ и никогда не имѣя твердаго знанія, желая быть болѣе *софистами словъ*, чѣмъ *учениками истины.* Ибо они не основаны на одномъ камнѣ, но на пескѣ, содержащемъ въ себѣ множество камней. Поэтому они и измышляютъ многихъ боговъ и всегда имѣютъ предлогъ искать истину, такъ какъ они слѣпотствуютъ,—но никогда не могутъ найти ее» [210]).

По смыслу означенныхъ словъ Иринея, догматико-каноническая *система* и *жизнь апостольскаго преданія* вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію *богодухновенности* истинной *церкви Христовой.* Если богодухновенность преданія есть необходимое предположеніе его апостольства и церковности, то ясно, что религіозная *вѣра церкви* всецѣло содержитъ въ себѣ христіанскую *откровенную истину.* Церковь никогда не допускаетъ и не можетъ допустить, не противорѣча себѣ самой, ничего противнаго своему внутреннему существу. Преданіе, живущее и возгрѣваемое въ ней и чрезъ нее, это есть церковь сама въ себѣ, τὸ νοῦμενον церкви, религіозное самосознаніе церкви и самая религіозная жизнь ея. Поэтому только въ одной каѳолической церкви

---

[210]) III, 24, 1—2, стр. 397—398.

должно искать и находить абсолютную истину и увѣренность въ исторической достовѣрности богооткровеннаго преданія.

«При такихъ доказательствахъ,—говоритъ св. Ириней,—не должно искать у другихъ истины, которую легко получить отъ церкви, ибо апостолы, какъ богачъ въ сокровищницу, вполнѣ положили въ нее все, что относится къ истинѣ, такъ что всякій желающій беретъ изъ нея *питіе жизни* (Апок. 12, 17). Она именно есть *дверь жизни*, а всѣ прочіе (учители) суть воры и разбойники (Іоан. 10, 8). Посему должно избѣгать послѣднихъ, но съ величайшимъ тщаніемъ избирать то, что относится къ церкви, и принимать преданіе истины (veritatis traditionem). Что же? Еслибы возникъ споръ о какомъ нибудь важномъ вопросѣ, то не надлежало бы обратиться къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались апостолы, и отъ нихъ получить, что есть достовѣрнаго и яснаго относительно настоящаго вопроса» [211])?

Здѣсь общая догматико-апологетическая мысль св. Иринея такова. Кто не собираетъ *съ церковію* всѣхъ людей во едино царство Христово и не приводитъ ихъ въ «разумъ истины» богооткровенной, тотъ расточаетъ, т. е. кто *не Христовъ*, тотъ антихристовъ. «находится внѣ истины, т. е. внѣ церкви» [212]). Вотъ истинно-православный взглядъ, универсальный, безграничный и совершенно-чуждый всякой религіозной партійности, унаслѣдованный св. Иринемъ отъ ученика Христова, «*егоже любяше Іисусъ*», ставшій у насъ церковно-символическимъ, православно-катихизическимъ [213]). Здѣсь у св. Иринея идеально выраженъ древнѣйшій святоотеческій принципъ и источникъ преданія въ его безукоризненной чистотѣ и евангельской силѣ. Въ этомъ пунктѣ у св. Иринея сосредоточивается весь внутренній смыслъ древнеотеческаго православія въ его догматико-гносеологическихъ предположеніяхъ и выводахъ. Это—какъ бы *общій планъ*, которому слѣдовали всѣ древнеправославные отцы и церковные писатели, когда доказывали истину преданной отъ Христа и апостоловъ вѣры и обличали неправомыслившихъ. Догматическая

---

211) III, 4, 1 стр 278—279.

212) IV, 33, 7 стр. 527.

213) См. Катихизисъ отвѣтъ на вопросъ: «есть ли вѣрное хранилище свящ. преданія» (въ статьѣ «о свящ. преданіи и свящ. писаніи») Ссылка на это мѣсто изъ Иринея у *Антонія*, § 16, стр. 11, у *Макарія*, § 132, стр. 357; § 136, стр. 372.

истинность и историческая достовѣрность, т. е. богооткровенное достоинство и апостольскій авторитетъ христіанскаго вѣроученія должны быть утверждены на основаніи преданія всѣхъ апостольскихъ церквей, въ своей совокупности составляющихъ единую вселенскую церковь. Посредствомъ апостольскихъ церквей подтверждается здѣсь подлинность апостольскихъ словъ или правильное пониманіе истинно-апостольскаго ученія. Здѣсь преданіе означаетъ догматическій разумъ вселенской церкви, сохраняющій цѣлость и единство христіанскихъ догматовъ при всесторонпемъ и глубокомъ, непрерывно-продолжающемся раскрытіи и уясненіи ихъ.

Преданіе, какъ истинно-церковная и богодухновенная проповѣдь апостоловъ, какъ постоянное и всеобщее вѣрованіе церкви,—наконецъ, какъ догматико-канопическое самосознаніе и религіозно-нравственная жизнь церковная, неоспоримо есть первоначальный источникъ и всерѣшающій авторитетъ. Церковь раньше писанія, а безъ преданія не можетъ быть церковь. Поэтому одно преданіе въ состояніи церковно-религіозно основать и поддержать вѣру. а гибкое и безмолвное писаніе, *само по себѣ*, для этого недостаточно.

Общая связь Ириневыхъ сужденій по вопросу объ этомъ отношеніи преданія къ писанію и церкви видна изъ слѣдующихъ словъ.

«*А что если бы апостолы не оставили намъ писаній?* Не должно ли было бы слѣдовать *порядку преданія*, преданнаго тѣмъ, кому они ввѣрили церкви? Этому порядку слѣдуютъ и многія племена *варваровъ* (gentes barbarorum), вѣрующихъ во Христа, которые имѣютъ свое спасеніе *безъ хартіи* и *чернилъ* (sine charta et atramento), *написанное въ сердцахъ своихъ Духомъ* (scriptam per Spiritum in cordibus suis) и тщательно блюдутъ древнее преданіе (veterem traditionem), вѣруя»... въ совершенную истину божественнаго откровенія; и далѣе у св. Ирипея слѣдуетъ повтореніе (въ нѣсколько иной формѣ) *апостольскаго символа вѣры*. «Принявшіе эту *вѣру безъ письмени* (sine literis) суть варвары относительно нашего языка, но въ отношеніи ученія, права и образа жизни они по вѣрѣ своей весьма мудры и угрожаютъ Богу, живя во всякой правдѣ, чистотѣ и мудрости. И если бы кто сталъ проповѣдывать этимъ людямъ еретическія измышленія, говоря съ ними на ихъ собственномъ языкѣ,—тотчасъ бы зажимая уши, убѣжали какъ можно далѣе,

не терпя даже слышать богохульную бесѣду. Такимъ-то образомъ вслѣдствіе того древняго апостольскаго преданія они даже не допускаютъ въ умъ свой чудовищной рѣчи еретиковъ, такъ какъ у нихъ не было ни (церковнаго) собранія, ни установленнаго ученія»[214]). Итакъ, христіанское ученіе «проповѣдывалось *язычникамъ* устно безъ помощи писаній»[215]), въ противоположность *іудеямъ*, для которыхъ евангельское «*оглашеніе* было легко, такъ какъ они имѣли доказательство отъ писаній», т. е. отъ «Моисея и пророковъ»[216]). «И все таки вѣра язычниковъ оказывается благороднѣе (generosior), ибо они послушались слова Божія (sermonem Dei) *безъ наученія посредствомъ писаній* (sine instructione litterarun)»[217]).

Какъ достопримѣчательны и глубоко-знаменательны эти слова Иринея о некнижномъ преданіи, къ сожалѣнію, мало еще разобранныя и оцѣненныя въ нашей богословской наукѣ въ цѣляхъ православно-церковной апологетики и догматики! По взгляду Иринея здѣсь высказанному, христіанское откровеніе есть не какая либо книжная запись или письменное повѣствованіе о вѣрѣ, а духоносная и абсолютная истина вселенской церкви, созидающей дѣло Божіе, т. е. спасеніе людей во Христѣ. Преданіе, какъ живое, т. е. неписанное слово Божіе болѣе всего соотвѣтствуетъ творческому духу и зиждительному характеру новозовѣтнаго откровенія, ищущаго истинно-свободнаго подчиненія всѣхъ силъ человѣческаго духа проповѣдуемымъ въ церкви истинамъ. Отсюда то, по Иринею, древнѣйшій и *первоначальный* источникъ откровеннаго ученія и вѣры есть преданіе; библія—только письменный документъ откровенія Божія, свидѣтель-

214) III, 4, 1—2, стр. 279—280. Ср. Ссылку на это мѣсто—*M. Canus*, L. Th. III, 3, p 66. *Khun*, Tub. Quart. 1858, s. 212. *Thomasius*, Dogmengesch. I, s. 37 ff. *Хемницъ* допускаетъ, что Ириней *въ свое время* съ полнымъ правомъ могъ сказать, что церковь существовала бы и тогда, когда бы не было ничего незаписаннаго; но мы (т. е. протестанты) въ настоящее время уже не можемъ говорить этого (Ex. p 65). Но смыслъ этого мѣста тотъ, что преданіе имѣетъ *одинаковую цѣнность* съ писаніемъ Преданіе происходитъ отъ тѣхъ же апостоловъ, что и писаніе, и содержитъ одно откровеніе Божіе. Если бы не было писанія, нужно держаться преданія, нисколько не опасаясь впасть въ ошибку, п. ч. преданіе учитъ о томъ же Христѣ, что и писаніе. Какъ поэтому, несостоятельно мнѣніе *Дикгофа*, желающаго видѣть въ ссылкѣ Иринея на *историческій фактъ* преданія у некнижныхъ варваровъ особый «реторическій пріемъ» (Schrift u. Tradition, s. 46). *Ѳ. Прокоповичъ*, сар. XIII, § 296.

215) IV, 24, 2, стр. 494.

216) Тамъ же, стр 493.

217) Тамъ же, стр. 494.

ствующій о немъ, запечатлѣвающій его и распространяющій въ церкви Христовой. Устно и жизненно сохраняющееся въ церкви ученіе откровенія обнимаетъ всѣхъ людей и все касательно вѣры, а книжное слово писанія, само по себѣ, не всю полноту церковно-религіозной жизни охватываетъ, и даже какъ бы ограничиваетъ то, что охватываетъ и проникаетъ. Особенно замѣчается этотъ недостатокъ при употребленія одного писанія въ сектанствѣ, оторванномъ отъ единаго корня богопреданнаго вѣроученія. Въ этомъ то смыслѣ св. Ириней Ліонскій и называетъ *вѣру некнижныхъ варваровъ* «болѣе благородною», чѣмъ у іудеевъ, пользовавшихся библіею. Устное преданіе, по Иринею, *можетъ* свободно замѣнить собою писаніе для людей, не имѣющихъ возможности пользоваться книжнымъ словомъ, какъ орудіемъ церковно-религіознаго познанія и назиданія, какъ, напр., для варваровъ, т. е. для некультурныхъ и дикихъ еще народовъ, однако же не лишенныхъ общечеловѣческаго права на полученіе Христовой истины и духовное озареніе отъ нея.

Впрочемъ, этимъ сужденіемъ объ особомъ достоинствѣ преданія предъ писаніемъ св. Ириней не хотѣлъ утверждать маловажности *писанія*, ни признавать безусловную необходимость преданія *только* для тѣхъ, которымъ неизвѣстно или непонятно писаніе, хотя для людей неграмотныхъ библія вовсе не существуетъ. Онъ прекрасно знаетъ, что апостольское преданіе было первоначальнымъ способомъ распространенія и утвержденія христіанства, порядка церковнаго богослуженія и религіозной жизни вообще, т. е. для достиженія миссіонерскихъ цѣлей. Апостолы далеко не всѣ писали, а всѣ безъ исключенія благовѣствовали; слѣдовательно, намъ *должно вѣрить* во многое и незаписанное ими. Не библія—первооснованіе и всеобъемлющій источникъ всей вообще религіозно-просвѣтительной жизни и дѣятельности церкви, а живодѣйственное *слово Божіе*, постоянно распространяющееся по всѣмъ странамъ свѣта и народамъ при помощи церкви, чрезъ ея вѣрно-служащихъ «проповѣдниковъ среди язычниковъ»[218]). Не подъ условіемъ происхожденія отъ одного писанія вѣчно раздается и звучитъ въ церкви истинное слово Божіе, но съ преданіемъ на вѣки связано его догматико-историческое существованіе и жизнь въ церкви Христовой. Особенно это видно, по

[218]) Тамъ-же.

Ириней, на дѣлѣ православно-церковнаго миссіонерства, призваннаго дѣйствовать на все духовное существо вѣрующихъ всѣмъ существомъ вѣры и любви церковной. Какъ апостолъ Павелъ, «апостолъ языковъ», проповѣдію къ нимъ, устнымъ евангеліемъ, безъ письмени, впервые огласилъ ихъ и утвердилъ вездѣ вѣру Христову среди нихъ и, по его собственнымъ словамъ, «*потрудился болѣе всѣхъ*» (1 Кор. 15, 10) прочихъ апостоловъ,—такъ, по ученію св. Иринея, и нынѣ въ церкви продолжается то же самое *апостольское дѣло*, изустное и жизненное апостольское наставленіе въ вѣрѣ; ибо многіе варварскіе народы вѣруютъ во Христа и въ церковь безъ помощи книгъ писанія, на основаніи одной устной евангельской проповѣди, на основаніи живаго преданія слова Божія въ церкви и чрезъ церковь. Здѣсь преданіе означаетъ единый каналъ слова Божія въ церкви Христовой. По нему течетъ слово Божіе и къ варварамъ-язычникамъ, не принимающимъ еретическихъ утвержденій и обольщеній [219]). И въ такомъ взглядѣ Иринея на отношеніе преданія къ писанію нѣтъ никакого ущерба писанію, ибо тождество истины, содержащейся въ писаніи и преданіи, устраняетъ всякое сомнѣніе въ вопросѣ объ одинаковой цѣнности ихъ.

Упоминаніе о томъ, что *церковь существовала раньше писанія*, служитъ исторической основой догматическаго ученія св. Иринея Лионскаго *о значеніи преданія для библіи.* Кругъ понятій св. Иринея о взаимоотношеніи преданія и писанія, всецѣло покоится на увѣренности въ томъ, что церковь во всей полнотѣ и совершенствѣ знаетъ апостольское наслѣдіе, записанное и неписанное (устное).

Прежде всего преданіе, по Иринею, служитъ непреложенымъ основаніемъ при точнѣйшемъ опредѣленіи богодухновенности и подлинности книгъ писанія. Въ этомъ отношеніи оно есть безусловно-необходимый и первый догматико-канонической источникъ [220]). Св.

---

[219]) Тамъ-же, стр. 493, см. у *Макарія* Догм 2 т, стр. 182. Въ своемъ спорѣ съ гамбургскимъ пасторомъ Геце (Goze) Лессингъ ссылается на это мѣсто изъ Иринея. Его осьмая аксіома гласитъ такъ „если былъ періодъ, когда христіанская религія уже такъ распространилась, что проникла во многія души и когда все-таки не было написано ни одной буквы изъ того, что дошло до насъ, то должно предположить возможность и того, что будетъ потеряно все писанное евангелистами и апостолами, а религія проповѣданная ими, будетъ стоять» У него можно прочитать поучительный примѣръ христіанъ, не имѣющихъ библіи, на одномъ изъ бермудскихъ острововъ.

[220]) IV, 32, 1, стр. 522; III, 2, 2 стр. 274, V, 20, 2 стр. 634

Ириней считаетъ невозможнымъ, по руководству церковнаго преданія, принять «Евангеліе истины» послѣдователей еретика Валентина, «безъ всякаго страха предлагающихъ свои сочиненія и хвалящихся, что имѣютъ *больше евангелій*, чѣмъ сколько ихъ есть» въ церкви. Это—«недавнее сочиненіе» еретиковъ, «оно *ни въ чемъ несогласно* съ евангеліями апостоловъ, такъ что у нихъ и евангелія нѣтъ безъ богохульства; ибо если выставляемое ими евангеліе истинно, а между тѣмъ вовсе не сходно съ тѣми, которыя *намъ переданы апостолами*, то желающіе могутъ узнать,—какъ самыя писанія показываютъ,—что оно *не есть преданное* апостолами Евангеліе истины» [221]). Итакъ, здѣсь разладъ «сектанскаго евангелія» съ подлинно апостольскимъ евангельскимъ словомъ (dominicis scripturis=Κυριου γραφῶν) [222]), сохраняемымъ въ церковномъ преданіи, изобличаетъ сектантскую «лжепророческую» поддѣлку и подлогъ. Также путемъ преданія св. Ириней опровергалъ кериноіанъ, карпократіанъ и евіонитовъ, принимавшихъ изъ церковныхъ евангелій одно только евангеліе отъ Матѳея, да и то во многихъ мѣстахъ искаженное ими (Евангеліе κατὰ ἑβραίων) [223]), Маркіона, «отвергавшаго цѣлое евангеліе» [224]) и «искажавшаго евангеліе отъ Луки, устраняя все» несогласное съ его ученіемъ, и «урѣзывавшаго и посланія апостола Павла» [225]), такъ называемыхъ еретиковъ-алоговъ (безсмысленныхъ), «не принимавшихъ того вида, какой представляетъ Евангеліе отъ Іоанна» [226]), а также монтанистовъ, которые, подобно евіонитамъ, не принимали апостола Павла и его посланій [227]). Противъ всѣхъ этихъ «отважившихся открыто искажать писанія» [228]) еретиковъ св. Ириней указываетъ на могущественную силу преданія, оберегающаго каноническое достоинство и цѣлость всѣхъ книгъ новозавѣтнаго писанія. Въ преданіи церковь признаетъ библейскія книги подлинно своими, т. е. истинно-божественными и апостольскими и обозначаетъ ихъ, какъ догматико-канонической авторитетъ, неизмѣняемый и ничѣмъ

[221]) III, 11, 9 стр. 313.
[222]) II, 30, 6 стр. 249.
[223]) I, 26, 2 стр. 106.
[224]) III, 11, 9 стр. 313.
[225]) I, 27, 2, стр. 107—108; III, 12, 12 стр. 330.
[226]) III, 11, 9 стр. 313.
[227]) IV, 11, 9 стр. 314
[228]) I, 27, 4 стр. 108.

незамѣнимый въ дѣлѣ утвержденія нашей вѣры [229]). Всякій истинный христіанинъ получаетъ писаніе изъ рукъ церкви. Такимъ образомъ преданіе церкви служитъ ручательствомъ за писаніе.

Второй пунктъ, касающійся отношеній преданія къ писанію, обнимаетъ вопросъ объ истинно-христіанскомъ чтеніи и изъясненіи библіи. Преданіе, соблюдаемое всею церковію въ цѣлости богооткровенной истины, есть непререкаемое *догматическое правило* или *норма вѣры* (κανων τῆς πίστεως, regula fidei), и писаніе нисколько не должно освобождать всякаго вѣрующаго христіанина отъ безпрекословнаго послѣдованія этому преданію, и это тѣмъ болѣе, что еретики «не принимающіе слова Божія» [230]) въ единствѣ всецерковнаго ученія, уже достаточно показали, что, отдѣлившись отъ преданія можно читать и толковать библію совершенно превратно и «приписывать заблужденія» не только апостоламъ, но даже Самому Господу.

«Сокровище, скрытое въ писаніи (Мат. 13. 38) есть Христосъ, и одна церковь правильно разумѣетъ писаніе» [231]). Вотъ одинъ изъ средоточныхъ тезисовъ въ ученіи св. Иринея Ліонскаго о преданіи! Здѣсь преданіе, какъ непогрѣшимое разумѣніе церковію Христова ученія и жизни, служитъ непремѣннымъ источникомъ и руководительнымъ началомъ при чтеніи и объясненіи писанія. Только по свидѣтельству и указанію преданія получаются, по Иринею, полныя правды и истины *отвѣты* на всѣ запросы христіанской вѣры и разума [232]). Такіе отвѣты были приняты апостолами отъ Христа и постоянно сохраняются въ церкви, въ ея догматическомъ ученіи и практической жизни. Они то составляютъ достояніе *всей* церкви и суть ея преданіе. Они то отчасти какъ *отраженіе* писанія, отчасти какъ *дополненіе* его и суть единственно-достовѣрные критеріи и точки опоры при правильномъ истолкованіи писанія, при усвоеніи и раскрытіи истинъ вѣры, заключенныхъ въ библейскомъ словѣ. Въ этомъ

---

[229]) IV, 33 стр 522—534.

[230]) IV, 33, 9 стр 528.

[231]) Тамъ-же, 26, стр 496—501.

[232]) II, 28, 1. «Имѣя для себя правиломъ самую истину и открыто лежащее свидѣтельство о Богѣ, мы не должны въ рѣшеніяхъ вопросовъ вращаться по разнымъ сторонамъ и отвергать твердое и истинное познаніе о Богѣ; напротивъ, гораздо приличнѣе намъ направляя рѣшеніе вопросовъ по этому образцу, упражнять себя въ изслѣдованіи таинства» вѣры въ Бога и «никогда не отступать отъ того вѣрованія, которымъ весьма ясно возвѣщается» ученіе о Богѣ (стр 233—234)

смыслѣ св. Ириней отвергаетъ ясность писанія самого по себѣ [233]). Только при преданіи въ церкви возможно не тенденціозное отношеніе къ писанію, а одно объективное, при которомъ всякій христіанинъ приступаетъ къ чтенію и объясненію библіи съ искреннею вѣрою въ ея богодухновенность и апостольство [234]).

---

[233]) «Всякое пророчество прежде чѣмъ сбудется полно для людей загадокъ и двусмысленности» (IV, 26, I стр 497) О надлежащемъ способѣ истолкованія притчей и *темныхъ мѣстъ* писанія св. Ириней говоритъ слѣдующее. «Здравый умъ, благонадежный, преданный благочестію и любящій истину будетъ охотно размышлять о вещахъ, которыя Богъ отдалъ подъ власть человѣковъ и подчинилъ нашему познанію и будетъ успѣвать въ томъ, облегчая для себя изученіе ихъ посредствомъ ежедневнаго упражненія. Сюда относится то, что подлежитъ нашему зрѣнію и что ясно и необоюдно въ точныхъ словахъ выражено въ свящ. писаніяхъ. И, поэтому, притчи не должны быть приспособляемы къ обоюднымъ (вещамъ), ибо въ такомъ случаѣ и тотъ, кто объясняетъ ихъ, объясняетъ безопасно, и притчи получатъ *одинаковое толкованіе отъ всѣхъ*, и *тѣло истины* сохраняется цѣлымъ, въ стройномъ сочетаніи членовъ и безъ поврежденія ихъ Но что сказано *не ясно* и не очевидно само по себѣ, это прилагать къ истолкованію притчей, которое всякій придумываетъ, какъ хочетъ,— безразсудно. Ибо въ такомъ случаѣ ни у кого не будетъ правила истины, но столько будетъ толкователей притчей, столько окажется истинъ, взаимно себѣ противорѣчащихъ и устанавливающихъ противоположныя другъ другу ученія, что мы и видимъ въ изслѣдованіяхъ языческихъ философовъ При такомъ образѣ дѣйствованія человѣкъ всегда будетъ искать, но никогда не находитъ, потому что онъ отвергнулъ самый способъ нахожденія истины И притча о томъ, кто во время пришествія жениха имѣетъ свѣтильникъ не готовый, не горящій сіяньемъ яснаго свѣта (Мат. 25, 5 и слѣд.), весьма идетъ къ тѣмъ, кто ищетъ объясненій притчей въ потьмахъ, оставляя Того, Кто ясною проповѣдію щедро одѣляетъ приходящихъ къ Нему, и чрезъ то исключается изъ чертога Его. Посему когда всѣ писанія, и пророческія книги и Евангелія, которыя могутъ быть всѣми слышимы ясно, безъ обоюдности и согласно, хотя не всѣ вѣруютъ имъ, возвѣщаютъ, что единъ Богъ... то весьма неразумными окажутся тѣ, которые при столь ясномъ откровеніи слѣпотствуютъ очами и не хотятъ видѣть *свѣта проповѣди*, но связываютъ самихъ себя и каждый изъ нихъ чрезъ темныя истолкованія притчей воображаетъ найти своего собственнаго Бога. А что объ Отцѣ выдуманномъ тѣми, которые держатся противоположнаго мнѣнія, совершенно ничего ясно и безпрекословно не сказано *ни въ какомъ писаніи*, они сами свидѣтельствуютъ, когда говорятъ что объ этомъ Спаситель училъ втайнѣ не всѣхъ, но только нѣсколькихъ учениковъ, которые могли принять и для разумѣющихъ показалъ чрезъ ученіе загадки и притчи. И приходятъ они къ тому, что говорятъ, что одинъ Богъ проповѣдуемый, а другой—Отецъ, который обозначается, какъ Отецъ, посредствомъ притчей и загадокъ. А такъ какъ притчи могутъ допускать много толкованій, то какой любитель истины не согласится, что утверждать что-либо на нихъ въ изслѣдованіи о Богѣ, оставляя извѣстное, несомнѣнное и истинное, есть дѣло людей, бросающихся въ опасность и неразумныхъ. Не значитъ ли это строить свой домъ не на твердомъ, крѣпкомъ и открыто лежащемъ камнѣ, а на разсыпающемся пескѣ (Мат. 7, 26)? Посему то и легко разрушается такое зданіе» (II, 27, стр. 231—233).

[234]) «Содержащій неуклонно правило истины (regula veritatis=κανὼν τῆς ἀληθείας), которое принялъ чрезъ крещеніе (символъ вѣры), признаетъ имена, слова и притчи,

Говоря о томъ, что преданіе служитъ ключемъ къ писанію, св. Ириней защищаетъ необходимость преданія для писанія не ради только его обстоятельности, но и какъ принципъ формально-гносеологическій; ибо истины вѣры могутъ быть извлечены изъ писанія только посредствомъ преданія, какъ догматической нормы изложенія и изъясненія. Такою именно идеею проникнуто все его твореніе «*Противъ ереей*», апологически направленное противъ крайне произвольнаго обращенія еретиковъ съ буквою и духомъ писанія [235]). При отрицаніи преданія, еретики переносятъ слова писанія «изъ естественной связи въ неестественную», «будто въ ложномъ сонномъ мечтаніи вторгаются въ писанія, составивъ свое собственное предположеніе» [236]). У Иринея приведены въ большомъ количествѣ мѣста изъ писанія, выбираемыя еретиками въ подтвержденіе своихъ мнѣній, какими они «обольщаютъ свои умы, насилуя писанія и покушаясь ими подтвердить свой вымыслъ» [237]). Отсюда видно, какъ обыкновенно сектанты «хитро-поддѣланною благовидностію обольщаютъ умъ неопытныхъ и плѣняютъ ихъ, искажая *изреченія Господни* и худо истолковывая то, что хорошо сказано, и *подъ предлогомъ знанія* (писанія) совращаютъ многихъ и отвращаютъ отъ Творца: притомъ они нарочито *искусными оборотами словъ* увлекаютъ *простыхъ людей къ пытливости*, а между тѣмъ губятъ этихъ несчастныхъ, немогущихъ отличить лжи отъ истины, возбуждая въ нихъ богохульныя и нечестивыя мысли противъ Творца. Ибо заблужденіе не показывается одно само по себѣ, чтобъ, явившись въ своей наготѣ, оно не обличило само себя, но хитро парядившись въ заманчивую одежду, оно достигаетъ того, что по своему *внѣшнему виду* для неопытныхъ кажется истиннѣе самой истины» [238]). О такихъ людяхъ справедливо можно сказать, «что у нихъ искусно поддѣлапное подъ изумрудъ стекло предпочитается самому изумруду, дорогому и у

взятыя изъ писаній, но не признаетъ *богохульнаго приложенія*, какое изъ нихъ сдѣлано (еретиками). Ибо хотя и узнаетъ камни, но лисицу не приметъ за изображеніе царя, и каждое изреченіе возвративъ въ свою связь и приложивъ *къ тому истины*, обнажитъ *вымыселъ* ихъ и покажетъ его несостоятельность» (I, 9, 4 стр. 43). Ср. II, 10, 1 стр. 155.

[235]) III, 2

[236]) I, 9, 3—4 стр. 42.

[237]) Тамъ-же, 1 стр 39.

[238]) I, предисловіе, стр 3—4.

нихъ высоко цѣнимому камню, когда некому испытать и какимъ нибудь способомъ обнаружить *поддѣлку*; или когда смѣшана будетъ мѣдь съ серебромъ, кто изъ простыхъ легко можетъ распознать это»? Еретики только «*говорятъ сходно съ нами, но думаютъ различно*» [239]). Только путемъ ложнаго истолкованія они могли приводить въ пользу своихъ заблужденій и пороковъ библейскіе тексты. Писаніе внѣ здраваго, церковнаго преданія и изъясненія, внѣ церковно-религіозной жизни вообще, по необходимости входитъ въ душу сектантовъ не въ цѣлости евангельской проповѣди, но *отрывочными*, т. е. безсвязными *текстами* еретическаго лжетолкованія библіи. Здѣсь, по суду Иринея, горькій корень еретическихъ заблужденій и зла, происходящаго отъ нихъ находится въ рабскомъ подчиненіи *буквѣ писанія* [240]), нимало не пользующей внѣ церкви и въ совершенно пренебрижительномъ отношеніи къ *духу библіи*, т. е. къ преданію, все оживотворяющему въ ученіи и жизни церковной. *Сектантская прищпка* къ библейской буквѣ сама собою выростаетъ въ чудовищно-горделивый *произволъ*, наблюдаемый всюду въ сектантскихъ комментаріяхъ на библію, въ еретическихъ τὰ ἐξηγητικὰ εἰς τὰ εὐαγγέλιον. Какъ послѣ этого несостоятельно мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, будто св. Ириней «исходилъ изъ принципа писанія иногда сознательно, иногда безсознательно» [241]). Даже въ борьбѣ съ еретиками Ириней выдвигаетъ догматико-каноническій авторитетъ писанія, подтверждаемаго апостольскимъ преданіемъ [242]).

«Столпъ и утвержденіе церкви есть Евангеліе и Духъ жизни» [243]), т. е. Евангельское преданіе, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ. Какъ божественный источникъ всего исторически-даннаго христіанства, оно есть положительно-догматическій авторитетъ при писаніи. Въ писаніи и преданіи открыта одна и таже истина Божія, вѣетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій. Поэтому у св. Иринея нерѣдко *по памяти* приводятся слова писанія (напр., Лук. 16, 2; Марк. 13, 32). Также на основаніи Мат. 19, 14 онъ учитъ о крещеніи младен-

---

[239]) Тамъ-же, стр. 4.

[240]) См. разборъ св. Иринея гипотезы еретика Марка и другихъ относительно буквъ и слоговъ (1, 14 стр. 59—68).

[241]) *Lucke*, Sendschreiben, s. 166.

[242]) III, 2.

[243]) III, 11, 8 стр. 311

цевъ, какъ объ апостольскомъ преданіи [244]). Не только по писанію, но и по преданію препирается онъ съ еретиками и доблестно побѣждаетъ ихъ [245]). Такъ, напр., по преданію, въ самыхъ трогательныхъ словахъ, онъ вразумлялъ еретика Флорина, защищавшаго ученіе о томъ, что Богъ есть творецъ зла [246]), опровергалъ Валентиніанъ, извлекавшихъ свою теорію религіознаго познанія изъ всѣхъ гностическихъ сектъ и при обличеніи послѣднихъ выразительно замѣчалъ, что апостолькимъ преданіемъ сокрушаются всѣ, почему либо суемудрствующіе [247]). При обоснованіи и утвержденіи догматическихъ истинъ вѣры св. Ириней всегда пользовался преданіемъ, а писаніе служило для него необходимымъ руководствомъ и свидѣтельствомъ при провѣркѣ и подтвержденіи преданныхъ церкви догматовъ. Такъ раскрыто у него, въ истинно-православномъ духѣ, на основаніи подлинныхъ текстовъ писанія, ученіе о Богѣ Тріединомъ, о Богочеловѣчествѣ Іисуса Христа, о сошествіи Его во адъ, о Евхаристіи, какъ жертвѣ, о преложеніи Святыхъ Даровъ, о молитвенномъ обращеніи къ Богородицѣ, о божественномъ происхожденіи епископской власти и проч. [248]). А когда оказывалось нужнымъ кратко, но рѣшительно утвердить правоту какого либо догмата или церковнаго постановленія, излагаемаго *и въ писаніи*, св. Ириней обыкновенно обращался къ преданію, говоря такъ: «это вѣра апостольская», «вѣра церковная» [249]), «проповѣдь церкви» (praeconium ecclesiae) [250]), «истина, возвѣщаемая церковію» (ὑπο τῆς ἐκκλησίας κηρυσσόμενα ἀλήθεια) [251]) и проч.

И такъ, изъ сказаннаго у св. Иринея объ отношеніи преданія къ писанію ясно, что св. Ириней почиталъ преданіе источникомъ христіанскаго откровенія и вѣры точно такимъ-же, какъ и писаніе, т. е. признавалъ совершенную равночестность его съ писаніемъ.

---

244) II, 24, 4 стр. 212 V, 15, 3 стр. 620—621.

245) Въ опроверженіе гностиковъ онъ говоритъ: «съ моими словами согласны проповѣдь апостоловъ, ученіе Господа, возвѣщенія пророковъ, изреченія (dictatio) апостоловъ (посланія) и служеніе закона (II, 35, 4 стр. 270).

246) *Евсевій*, V, 20 стр.

247) III, 3, I, 11, 1 стр. 47.

248) 1, 10, III, 3, IV, 27; V, 19.

249) I, 10.

250) I, 27, 4 стр 109.

251) I, 9, 5 стр. 43—44.

Разсматривая преданіе и писаніе въ ихъ органической связи, какъ одинаково важные источники христіанскаго вѣроученія и жизни, св. Ириней устанавливаетъ между ними живое взаимодѣйствіе. Преданіе не какое-либо «мертвое слово», усвояемое только механической памятью, а вѣчно-живой, неисчерпаемый источникъ духовнаго созиданія церкви Христовой во всей идеальной полнотѣ ея бытія, мысли и жизни. Животворящее дѣло «Духа Божія, покоющагося въ церкви» [252]) не исчерпывается ученіемъ писанія. Ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, будто библія, книжное слово откровенія Божія, есть единственный и исключительный источникъ и норма христіанскаго ученія о вѣрѣ. Христіанское откровеніе не зависитъ единственно отъ текста библіи, а не менѣе и отъ преданія церкви. Не слѣдуетъ отдавать писанію болѣе уваженія, чѣмъ преданію. Рядомъ съ писаніемъ вездѣ должно выступать въ церкви апостольское преданіе и нельзя разорвать догматико-каноническихъ нитей, связующихъ ихъ между собою. Преданіе служитъ формальнымъ принципомъ не только въ догматическомъ смыслѣ, но и въ историческомъ. Нельзя себѣ и представить писаніе безъ церковно-историческаго преданія, дающаго ему необходимую достовѣрность. Само по себѣ писаніе недостаточное свидѣтельство о вѣрѣ. Писаніе, хотя бы и совсѣмъ не существовало, можетъ быть цитируемо въ качествѣ подлиннаго акта, если оно выражено ясно въ догматическомъ ученіи церкви. Какъ писаніе, такъ и преданіе всегда сохраняются и укрѣпляются путемъ истинно-религіозной жизни церкви. Только такимъ образомъ, по Иринею, обусловливается цѣлокупное единство и полнѣйшее тождество откровеннаго ученія въ церкви вселенской.

Таково ученіе св. Иринея Ліонскаго о преданіи и его значеніи. Общій итогъ его можно формулировать слѣдующими словами святаго отца. «*Истинное познаніе* (γνῶσις ἀληθής) есть ученіе апостоловъ (ἡ τῶν ἀποστόλων διδαχή) и изначальное устройство церкви во всемъ мірѣ (τὸ ἀρχαῖον τῆς ἐκκλησιας σύστημα κατά παντὸς τοῦ κόσμου), и признакъ тѣла Христова, состоящій въ преемствѣ епископовъ (character corporis Christi, secundum successiones episcoporum), которымъ тѣ (апостолы) передали сущую повсюду церковь, и она во всей полнотѣ дошла до насъ съ неподдѣльнымъ соблюденіемъ писаній,

[252]) IV, 23, 9 стр 528

не принимая ни прибавленія, ни убавленія: здѣсь чтеніе писаній безъ искаженія и правильное тщательное, безопасное и чуждое богохульства истолкованіе ихъ и превосходный даръ любви, который драгоцѣннѣе познанія и славнѣе пророчества и превосходнѣе всѣхъ другихъ дарованій. Поэтому церковь на всякомъ мѣстѣ по своей, любви къ Богу, предпосылаетъ во всякое время къ Отцу множество мучениковъ; между тѣмъ какъ всѣ прочіе (еретики) не только не могутъ показать у себя ничего такого, но и говорятъ, что такое свидѣтельство (мученичество) вовсе не нужно, потому—де что ихъ ученіе есть истинное свидѣтельство за Христа»[253]). Здѣсь «должно замѣтить характеръ, усвояемый св. Иринеемъ преданію. О преданіяхъ человѣческихъ тутъ не говорится. Истинное преданіе или преданное вѣроученіе происходитъ отъ апостоловъ, находится же въ апостольскихъ церквахъ, и сохраняется въ церкви по преемству пастырями, которые суть *стражи вѣры* въ церквахъ, но нисколько не ихъ властители[254]), а тѣмъ болѣе не творцы—изобрѣтатели и обольстители.

Ученіе св. Иринея о преданіи въ его существѣ и источникахъ, въ его отношеніи къ писанію и авторитету церкви, обозначаетъ собою замѣчательное святоотеческое свидѣтельство того, какъ понимались указанные пункты въ церковномъ ученіи во времена, еще немного отдаленныя отъ начала христіанства. Здѣсь объединяются наставленія объ источникахъ откровенія и вѣры, заимствованныя изъ писанія, изъ творенія мужей апостольскихъ и ихъ учениковъ, съ гносеологическими воззрѣніями, почерпнутыми изъ непосредственнаго религіознаго сознанія тогдашней церкви, еще столь близкаго къ устной апостольской проповѣди. Ириней самъ многократно указываетъ на то, что въ своихъ твореніяхъ онъ предлагаетъ живыя свидѣтельства своихъ учителей, принявшихъ ученіе вѣры отъ апостольскихъ мужей и самихъ апостоловъ[255]). Въ виду этого ученіе его о преданіи имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи православнаго взгляда на этотъ предметъ вѣры и очевид-

---

[253]) IV, 33, 8 стр. 527—528, сравн. св. *Іустинъ*, Tryph. 8; Apol. 2 8; *Татіанъ*, Grae. 35, 42, 12. *Melito*, Apol. fragm. у Евсевія IV, 26. *Лактанціи*, Ir, Dei, 12.

[254]) *В. Гетте* Ист. церкви, т. I, стр 491.

[255]) Напр., I (предисл.) стр. 4, IV, 28, 1 стр. 501

ное. Разсматриваемое со стороны отрицательно-полемической оно есть не иное что, какъ противоположность еретически-гностическому воззрѣнію. Въ этомъ отношеніи св. Ириней, по справедливости называется идеальнымъ представителемъ, такъ называемаго, *положительнаго* или *антигностическаго* направленія въ богословскомъ изслѣдованіи вопроса объ источникахъ и нормахъ богопреданнаго ученія. Съ положительной же стороны—это ученіе есть истинно-православное, вселенски-церковное раскрытіе основнаго понятія о существенныхъ свойствахъ, органахъ и авторитетѣ преданія въ дѣлѣ вѣры и жизни церковной. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если такое превосходное пониманіе истины преданія, какое мы видимъ у св. Иринея, и по сію пору соблюдается въ нашей православно-каоолической церкви. Поэтому должно отметать мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые думаютъ, что «состояніе всего вопроса о преданіи у Иринея имѣло совершенно иной видъ, чѣмъ позже» [256]). Напротивъ, догматико-гносеологическія идеи св. Иринея всегда служили нормативнымъ принципомъ православно-научнаго міросозерцанія вѣры и жизни. И особенно въ наше время необходима эта православная гносеологическая теорія Иринея въ борьбѣ съ современными ересями и расколами.

Протестанты, тенденціозно называя св. Иринея «первымъ защитникомъ ученія о преданіи» [257]), въ тоже время сомнѣваются въ достоинствѣ его церковно-гносеологическихъ взглядовъ. Основаніемъ этого «скепсиса» они выставляютъ особое мнѣніе Иринея о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ (хиліазмъ), заимствованное будто бы у іудействующихъ сектантовъ и носящее на себѣ печать собственнаго измышленія [258]). Но это частное «*богословское мнѣніе*» св. отца нисколько не касается существа христіанскаго *вѣроученія и жизни церкви* въ ихъ глубочайшихъ источникахъ и первоначальной чистотѣ. Вѣра Иринея въ «хиліазмъ» никогда не была всеобщею, хотя мы ее и видимъ у нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ писателей (какъ напр., у св. Іустина-философа); она вскорости была опро-

---

[256]) Мнѣніе Іоанна Франца Буддея (въ предисловіи къ изд. сочиненія Glass'a, Philologia sacra, 1725) и E' Grabius'a, изъяснявшаго Иринея въ подобномъ смыслѣ.

[257]) *Holtzman*, Kanon § 35.

[258]) V, 33 и 34.

вергнута и навсегда забыта, особенно когда противъ нея выступили такіе строгіе обличители, какъ св. Діонисій Александрійскій. Въ вопросѣ «о хиліазмѣ» у Иринея все дѣло шло о тѣхъ сторонахъ библейскаго ученія о пришествіи Господа и о свойствахъ указаннаго въ Апокалипсисѣ царства Христова, какія не были точно указаны и установлены въ писаніи въ интересахъ нравственнаго блага христіанъ (2 Петр. 3, 9—10; Мат. 25, 13); а это вовсе не касалось положительной стороны православной догматики и апологетики св. Иринея. Итакъ, не смотря на «хиліазмъ», принципъ преданія св. Иринея Ліонскаго остается во всей своей православной силѣ и православно-духовной красотѣ. Св. Ириней представляетъ въ высшей степени драгоцѣнное и неукоризненное церковно-историческое свидѣтельство за высокую древность и всеобщность каѳолической вѣры въ преданіе и его значеніе.

8. Туже самую мужественную твердость и огненную любовь къ дѣлу теоретическаго оправданія и практической защиты преданія въ его историческомъ бытіи и догматико-канонической истинѣ мы видимъ и у *св. Ипполита, епископа Остійскаго*, священномученика († 236 г.). Это былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ св. Иринея Лионскаго. Поэтому, чрезъ св. Ипполита догматико-гносеологическія идеи св. Иринея какъ бы оживаютъ и распространяются на Западѣ, въ *римской* церкви, что особенно достопримѣчательно для нашей апологіи православнаго ученія о преданіи.

Имя св. Ипполита, какъ достовѣрнаго свидѣтеля апостольскаго преданія и какъ церковнаго учителя о немъ,—достославно и неоспоримо. Это—римскій Оригенъ. Особенно драгоцѣнна для насъ его гносеологическая теорія религіознаго познанія потому, что онъ самъ еще слышалъ живыя преданія объ апостолахъ и о ихъ ученіи. Съ этой стороны онъ, по справедливости, называется у нѣкоторыхъ церковныхъ писателей παλαιόν καὶ γνώριμον ἀποστόλων, т. е. «мужемъ древнимъ и знакомцемъ апостольскимъ» [259]). По апологетическому разбору и изложенію православно-церковнаго ученія о преданіи особенно замѣчательно его обширное и доселѣ малоизслѣдованное твореніе, извѣстное подъ названіемъ: «*Обличеніе всѣхъ ересей*» въ 10 книгахъ (φιλοσοφούμενα, ἢ κατὰ πάσων αἱρεσεών ἔλεγχος).

[259]) *Филаретъ*, Ист. ученіе объ отцахъ церкви, т. I, § 52, стр. 90.

Это твореніе всецѣло посвящено опроверженію нечестія современныхъ еретиковъ и утвержденію основныхъ истинъ вѣры христіанской. Все оно построено, по примѣру Ириеева творенія: ἔλεγχος καὶ ἀνατροπὴ τῆς ψευδωνύμου γνώσεως, на мысли, что ереси и расколы суть ложныя ученія, потому что они вводятъ въ область религіи повшества.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, кругъ мыслей св. Ипполита о преданіи и его значеніи.

Преданіе, равно какъ и писаніе [260]), составляетъ необходимый догматическій источникъ христіанскаго вѣроученія; ибо оно есть истинное слово Божіе. По нему должно направлять православно-церковное уясненіе и раскрытіе основныхъ догматовъ вѣры. Съ этой стороны преданіе означаетъ у св. Ипполита обще-христіанское сознаніе истинъ вѣры: φρόνημα ἐκκλησιαστικὸν [261]). Изложивъ кратко, но съ необыкновенною ясностію взора ученіе о воплощеніи Бога— Слова и цѣли воплощенія, св. Ипполитъ говоритъ: «будемъ вѣрить, братіе, по апостольскому преданію (κατὰ τὴν παράδοσιν τῶν ἀποστόλων),... какъ проповѣдано» [262]). А ученіе, провѣдуемое церковію, тождественно съ откровенною истиною, заключенною въ письмена. Въ силу этого преданіе, какъ голосъ церкви, необходимо для того, чтобы укрѣпить вѣру въ писаніе. Писаніе есть внѣшнее свидѣтельство, содержимой въ нѣдрахъ вселенской церкви истины. Поэтому, кто проникся ученіемъ церкви, тотъ вѣритъ и въ писаніе, и наоборотъ: кто не вѣруетъ въ истину церкви, тотъ все равно ничему не повѣритъ и при свидѣтельствахъ записаннаго откровенія Божія. Сначала нужно имѣть вѣру въ церковное преданіе, чтобы принять откровенную истину, находящуюся въ словѣ писанія. Такія мысли

---

260) Contra Noet, c. 9. «Какъ тотъ, кто захотѣлъ бы изучить мудрость міра, не иначе можетъ достигнуть сего какъ изученіемъ философовъ; такъ если хотимъ изучить благочестіе, достойное Бога, не иначе, какъ изъ божественныхъ писаній должны изучать его. Какъ благоугодно Отцу, такъ будемъ *вѣрить*, какъ Онъ хочетъ преподавать, такъ будемъ принимать. Не по нашей волѣ, *не по собственному внушенію*, не причиняя насилія тому, *что Имъ преподано*, но какъ Самъ Онъ благоволилъ поучить св. писаніемъ, такъ будемъ мыслить». Какъ видно, здѣсь преданіе соразмѣряется съ писаніемъ въ отношеніи къ ученію о Богѣ.

261) *Евсевій*, V, 27

262) Contr Noët, c. 17 (ср. у *Филарета*, Ист. ученіе объ отцахъ церкви, т. I, § 54, стр. 96; *Dollinger*, Hippolyt, s. 192 f.).

объ отношеніи преданія къ писанію раскрыты у св. Ипполита на протяженіи всей обличительной бесѣды противъ Ноэта.

Особенно необходимо преданіе при истолкованіи писанія. По руководству преданія св. Ипполитъ написалъ толкованія на книгу Бытіе, Исходъ, Притчи, Екклезіастъ, Пѣснь пѣсней, на Исаію, Іерекіиля, Даніила, Захарію, на псалмы, на евангелія отъ Матѳея, Луки и Іоанна и на Апокалипсисъ. Должно при этомъ помнить, что экзегорическія творенія св. Ипполита это—первый опытъ святоотеческаго толкованія въ христіанской церкви.

Не менѣе нужно преданіе при обличеніи сектантотъ и еретиковъ, извращавшихъ смыслъ писанія. Здѣсь преданіе, охраняемое истинными пресвитерами [268]), есть непоколебимая опора и вѣрный залогъ положительнаго ученія церкви. Такъ, напр., объясняя догматическія изреченія писанія, приведенныя римскимъ епископомъ Ноэтомъ въ пользу своего «новаго догмата» о Сынѣ Божіемъ, св. Ипполитъ противопоставлялъ ему по руководству библейскаго преданія другія изреченія [264]). Также, на основаніи апостольскаго преданія, онъ опровергалъ сектантскія мнѣнія римскихъ епископовъ Зефирина и Каллиста, упорно защищавшихъ ересь Ноэта. Въ этомъ отношеніи по общему направленію своей догматики, св. Ипполитъ справедливо называется «анти-папой».

Особенно замѣчательна борьба св. Ипполита съ монтанистами-визіонерами. Монтанисты себѣ однимъ присваивали обладаніе истиною откровеннаго ученія и «даромъ пророчества», отрицая это у церкви. Для оправданія своихъ сектантскихъ мнѣній они придумали особое (пантеистическое) ученіе о *вѣчномъ прогрессѣ* въ дѣлѣ откровенія Божія. Съ точки зрѣнія этого ученія они считали *церковное преданіе* несовершеннымъ способомъ и недостаточнымъ источникомъ религіознаго познанія и жизни, а *несогласіе* съ нимъ своихъ догматическихъ познаній изъясняли въ пользу *новаго* пророчества, принадлежавшаго только Монтану, основательно ихъ секты, выдававшему себя одного за органъ Параклита,—а затѣмъ, по его примѣру, и всѣмъ сектантскимъ «пророкамъ». Поэтому то монтанисты отвергали евангеліе отъ Іоанна, въ которомъ ясно выражено обѣ-

263) Бесѣда «противъ ереси нѣкоего Ноэта» (Твер. въ рус. прив. Каз. дух. акад., Вып. II, стр. 90—100).

264) C. Noet, c. 4—8.

тованіе Христово о ниспосланіи Духа-Утѣшителя, Духа истины, апостоламъ и церкви. Противъ этихъ еретиковъ св. Ипполитъ утверждаетъ ученіе о единствѣ, цѣлости и непрерывности преданія къ церкви вселенской, а не впѣ ея, не въ какихъ то «новыхъ пророчествахъ», не въ «новыхъ откровеніяхъ духа», съ отдѣленіемъ отъ церкви укоренившихся въ сумасбродномъ монтанизмѣ. Одна церковь есть истинная хранительница откровенія Христова и всемірно-историческая продолжательница преданія апостоловъ въ христіанскомъ ученіи и жизни. Противъ еретическаго преданія, въ своихъ «позднѣйшихъ формахъ превосходящаго прежнія ступени», св. Ипполитъ выставилъ гносеологическій принципъ единства и неизмѣняемости древне-церковнаго преданія. Отсюда, догматическая истинность и историческая достовѣрность богопреданнаго ученія доказывается у него полнымъ согласіемъ его съ уже существовавшими и всегда существующими въ церкви *правилами вѣры*, также произшедшими отъ Духа Святаго, какъ и писаніе. Съ этою апологетическою цѣлію и написана св. Ипполитомъ цѣлая книга: *Правила благочинія апостольскаго* (περὶ χαρισμάτων ἀποστολικὴ παράδοσις). Противъ монтанистическихъ правилъ и постановленій касательно устройства церковной жизни, выдававшихся «подъ именемъ апостольскихъ», св. Ипполитъ собралъ и описалъ здѣсь чистыя преданія [265]), какъ, напр., апостольское ученіе о благодатныхъ *дарованіяхъ и хиротоніяхъ* въ церкви, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до него отъ св. Иринея Ліонскаго и другихъ учителей церкви [266]).

---

[265]) *Филаретъ*, т. I, § 53, стр. 94

[266]) Ипполитово обличеніе монтанистовъ имѣетъ очень важное апологетическое значеніе. Оно особенно важно при оцѣнкѣ римско-католическихъ воззрѣній на преданіе, имѣющихъ много точекъ сходства съ монтанистическими. Употребленіе и особое уваженіе къ «сектантскому пророчеству», какъ оно имѣло мѣсто въ монтанизмѣ, ничѣмъ почти не отличается отъ современной католической теоріи объ авторитетѣ папства, изъясняющаго непрерывное существованіе откровенія Божія въ церкви въ пользу своихъ новыхъ догматовъ и ученій, только ему одному принадлежащихъ. Католическая церковь отличаетъ «свое откровеніе» отъ обще-церковнаго преданія, отъ откровенія Христова, живущаго во вселенской церкви, даже противополагаетъ ему. Въ отдѣленіи отъ всецерковнаго преданія католикамъ оказываетъ большія услуги новомодная «мистико-спиритуалистическая теорія догматическаго развитія церкви», очень напоминающая монтанистическій принципъ непрерывности «древняго и *новаго* откровенія духа», т. е. теорія «сектантской усовершимости и усовершаемости преданія». Съ этой стороны Ипполитово *вселенское ученіе* (Ἱππολύτου καθολικὴ διδασκαλία) о преданіи есть по—преимуществу *анти-католическое*.

Таково ученіе св. Ипполита о преданіи. Новаго тутъ ничего нѣтъ въ сравненіи съ ученіемъ древнѣйшихъ отцовъ. Св. Ипполитъ, какъ «вѣрный свидѣтель истины» [267]) повторяетъ ученіе о преданіи такихъ великихъ отцовъ, каковы св. Игнатій Богоносецъ и св. Ириней Ліонскій. Особенно драгоцѣнны мысли св. Ипполита о составѣ преданія и его богословская формула: φρόνημα ἐκκλησιαστικὸν. Преданіе—не вѣроисповѣдное мнѣніе по вопросамъ религіозно-философскимъ, а вселенское разумѣніе слова Божія. Въ исторіи православнаго ученія о преданіи взглядъ св. Ипполита Остійскаго важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ ясно свидѣтельствуется главнѣйшая мысль о существованіи и необходимости въ церкви живаго апостольскаго преданія на ряду съ писаніемъ.

9. Тѣ же самыя основоположенія и выводы, что у св. Иринея Ліонскаго, по вопросу о преданіи въ его бытіи, существенныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ раскрывается у *Тертулліана, пресвитера Карѳагенскаго* († 216—220 г.) [268]). Онъ нѣсколько расходится съ Иринеемъ въ томъ, что рѣзче выдвигаетъ богословское возраженіе противъ сектантскаго изслѣдованія писанія и преданія. Общая мысль Тертулліана о преданіи высказывается въ энергической полемикѣ, направленной противъ тѣхъ же гностическихъ взглядовъ на богооткровенные источники и ихъ авторитетъ, съ какими боролся и св. Ириней Ліонскій. «Воззрѣнія, противоположенныя Тертулліаномъ взглядамъ гностиковъ на христіанское знаніе и церковные догматы, по справедливости снискали ему прозваніе *антигностика*» [269]). Относясь *съ полнымъ недовѣріемъ* ко всякаго рода знанію, предоставленному самому себѣ [270]), Тертуліанъ жестоко вооружается

---

[267]) *Филаретъ*, тамъ-же, стр. 91

[268]) Подробное изложеніе Тертуллианова взгляда на источники христіанскаго знанія о вѣрѣ и откровеніи см. у *проф. К. Д Попова*, Тертулліанъ, его теорія христ. знанія и основныя начала его богословія, Кіевъ, 1880, стр 52—118 —*Crès*, Les idées de Tertullien sur la tradition ecclésiastique Thèse de Strasbarg 1855

[269]) Проф. *Поповъ*, цит. соч., стр. 24 Это прозваніе усвоено Тертулліану Неандеромъ, см. его соч. Antignosticus.

[270]) Основный принципъ религіозной вѣры у Тертулліана выраженъ въ слѣд. положеніяхъ. Credo, quia absurdum est (Praescr. haer. c. 7). Quid simule Philosophus et Cristianus? Graeciae discipulus et caeli? famae negatiator et salutis? verborum et factorum operator? rerum aedificator et destructor? interpolator erroris et intergrator veritatis? fugator ejus et custos? Apol. c. 46. De certis incerta praejudicat... nihil diu-

противъ всѣхъ отвергающихъ преданіе и для православныхъ поставляетъ обязательнымъ правиломъ держаться откровеннаго ученія во всей полнотѣ его догматико-гносеологическихъ источниковъ и нормъ Въ его пылкихъ рѣчахъ о достоинствѣ и значеніи преданія видѣнъ краснорѣчивый адвокатъ, требующій отъ другихъ фактическихъ доказательствъ и въ свою очередь приводящій цѣлый рядъ логическихъ доводовъ и матеріальныхъ документовъ, имѣющихъ неоспоримую юридически-доказательную силу. Поэтому въ своей полемикѣ съ еретическими заблужденіями Тертулліанъ служитъ для насъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ истины преданія и церковнаго ученія до нашихъ дней [271]).

Ученіе Тертуллиана о преданіи устанавливается въ его такъ называемыхъ прескрипціяхъ. Между общими онтологическими, гносеологическими и методологическими началами—одно главное, по любимому выраженію Тертулліана, это—*argumentum praescriptiones*. «Это названіе взято изъ римскаго права, гдѣ владѣлецъ, долгое время владѣвшій имѣніемъ, объявляется законнымъ владѣльцемъ, а на истца падаетъ opus probandi; это тоже самое, что наше *право давности*» [272]). Отсюда argumentum praescriptiones у Тертулліана имѣетъ задачей утвердить такой способъ апологетическаго доказательства догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго откровенія въ его ученіи и жизни, при помощи котораго можно было бы защищать его и безъ помощи писанія (sine scripturis). Въ этой аналогіи преданія собственно и состоитъ все значеніе его знаменитаго догматико-полемическаго творенія извѣстнаго подъ именемъ: «De praescriptionibus haereticorum». Это цѣлая «книга о давности противъ еретиковъ», въ оправданіе и защиту христіанскаго откровенія, неизмѣнно сохраняемаго въ церкви, какъ непрерывное преданіе. «Заключая общія начала для полемики про-

---

inae licentiae servat, leges naturae opiniones suas facit De anim c. 2. Philosophus animal gloriae, ib. c. 1. Cf. *Just*, Triph. c. 2 и 3. *Hermîas*, Irrisio gentil. philos. *Lactanc.*, Div. inst. I III de sacra sapientia.

[271]) *Vinc Ltr.*, I, c. 24. Dei esurr. c 3.

[272]) *Филаретъ*, т. I, § 81, стр. 162. О терминѣ «praescriptio» сравн. еще Земѣра in sudex Latin. p 482· «ex usu forensi significat reputationem, qua, qui postulatur, adversarii accusationem disjicit aut in eum retorquet». Такъ же опредѣляетъ этотъ юридическій терминъ самъ Тертулліанъ, Praesc. c. 35.

тивъ какихъ бы то ни было ересей», это твореніе Тертулліана «составляетъ превосходное опроверженіе всѣмъ еретическимъ и раскольническимъ толкамъ, не исключая протестантовъ и неологовъ. Ибо отдѣленіе отъ единства и власти апостольской церкви, отверженіе преданія, произволъ объясненія писанія точно также проповѣдуютъ протестанты, какъ проповѣдовали Маркіонъ, Валентинъ и другіе современные Тертулліану еретики» [273]).

Подобно св. Иринею Ліонскому, Тертулліанъ прежде всего изслѣдуетъ вопросъ объ авторитетѣ органовъ преданія: апостоловъ и апостольскихъ церквей. Это—насущный вопросъ его эпохи. Изъ гностико-еретическаго понятія объ источникахъ откровенія и вѣры само собою вытекало превратное толкованіе существа и значенія устно-церковнаго преданія. По библейскому ученію и по твореніямъ церковныхъ писателей, устное преданіе отождествляется съ писаніемъ: то и другое составляютъ единое *апостольское наслѣдіе*, единое по источнику первоначальнаго происхожденія и по содержанію. Гностики же совершенно отдѣлили писанное откровеніе Божіе отъ устнаго преданія, и это послѣднее искусственно раздѣлили на двѣ несоединимыя части, на преданіе извѣстное всей церкви (каѳолическое) и на тайное преданіе или *гностическое*. Для самихъ себя они, конечно, не считали нужнымъ придерживаться преданія общецерковнаго въ качествѣ источника и нормы вѣры; но и отвергать его *всецѣло* они никакъ не могли, такъ какъ это было бы равносильно очевидному признанію своихъ системъ совершенно несогласными съ духомъ истинно-христіанскаго вѣроученія. Не могли они и принять церковное преданіе во всей его полнотѣ и совершенствѣ (неповрежденности), ибо это изобличало бы внутреннюю несостоятельность ихъ ученій. Поэтому еретики для оправданія своихъ суевѣрій, противорѣчившихъ все-церковному міросозерцанію, были вынуждены такъ или иначе расширять или сокращать область преданія и подвергать сомнѣнію учительный авторитетъ самыхъ органовъ богопреданной истины,—т. е. апостоловъ и ихъ церквей.

Противъ апостоловъ, какъ истинныхъ носителей и распространителей откровенія Христова, во время Тертулліана слышалось два возраженія въ сущности противоположныхъ другъ другу, но въ

273) *Филаретъ*, тамъ-же, стр. 162. 164.

общемъ протестѣ противъ апостольскаго преданія сшедшихся между собою. Одно изъ нихъ, основываясь на антіохійской распрѣ апостоловъ Петра и Павла (Гал. 2, 11—14), отказывало имъ въ полномъ обладаніи истиною [274]). Здѣсь обыкновенно говорилось, что апостолы *не все* знали изъ области откровеннаго ученія [275]). По другому еретическому возраженію, наоборотъ, признавалось за апостолами полное вѣдѣніе откровенія Божія, но при этомъ утверждалось, что они *не всѣмъ открыто* проповѣдывали полученныя отъ Христа истины [276]), а что нѣчто изъ откровеннаго ученія *тайно* довѣрили немногимъ, только избраннымъ своимъ послѣдователямъ, *только духовнымъ* (πνευματικοῖς), а отъ этихъ уже «тайное преданіе», неизвѣстное всѣмъ церквамъ, перешло въ исключительное обладаніе гностиковъ [277]). Въ подтвержденіе существованія тайнаго преданія гностики ссылались, между прочимъ, на ап. Павла, получившаго будто бы *особое откровеніе*, невѣдомое другимъ апостоламъ, при восхищеніи «*до третьяго неба*» (2 Кор. 12, 2—4), и сообщившаго его Тимоѳею, отъ котораго оно, при эсотерической передачѣ, дошло до гностиковъ. Тайное преданіе считалось гностиками болѣе полнымъ и совершеннымъ источникомъ откровеннаго ученія, чѣмъ церковное, въ которомъ дескать христіанская истина съузилась до крайности и затемнилась до неузнаваемости. Оно де совершенно уже потому одному, что церкви усвоило апостольское ученіе suo vitio [278]), за что и были будто бы порицаемы апостолами (Гал. 3, 1; 7, 7). Здѣсь, по Тертулліану, рѣзко обозначилась своеобразная *анти-церковная* попытка еретическаго гносиса къ «безконечному развитію христіанской религіи» въ своихъ «сатанинскихъ сборищахъ» (Апок. 3, 9), къ привнесенію въ сокровищницу церкви «новыхъ элементовъ вѣры», чуждыхъ истиннаго откровенія Божія [279]). Въ сектантской прелести, гностики думали, что только у нихъ однихъ «высшее знаніе небесной истины», божественное разумѣніе, «неизслѣдимая

---

[274]) De praes. haer. c. 23.

[275]) Ibed. c. 22: solens dicere non omnia apostolos scrire.

[276]) Ibedem.

[277]) Ibid c. 25: non tamen omnia volunt illo omnibus revelasse, quaedam enim palam et universis, quaedam secreto et paucis demendasse.

[278]) De praes. h. c. 27.

[279]) Pr. haer. c. 17, 18.

глубина» религіознаго ученія. Такъ «*лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимали видъ апостоловъ Христовыхъ*» (2 Кор. 11, 13) и подъ ихъ именемъ, т. е. подъ прикрытіемъ ихъ авторитета распространяли разные вымыслы, какъ бы преданные отъ нихъ [280]).

При опроверженіи возраженій гностиковъ, Тертулліанъ прежде всего говоритъ объ апостолахъ, о цѣлостномъ и полномъ познаніи ими ученія Господня. Неполнота и несовершенство «апостольскаго вѣдѣнія» были бы вопіющимъ противорѣчіемъ авторитету «Христа, установившаго единое и достовѣрное (unum et certum), во что должны непремѣнно вѣровать всѣ народы» [281]). Однимъ апостоламъ дано было разумѣніе *тайнъ царствія Божія*, недоступныхъ для простого ума (Мат. 16, 18). Тертулліанъ даже высказываетъ мысль, что Іисусъ Христосъ открылъ апостоламъ figuram vocis sui, а по воскресеніи своемъ, на пути въ Эммаусъ, объяснилъ имъ всѣ писанія (Лук. 24, 45); апостолы же свое знаніе библейскихъ книгъ передали церкви. Если Христосъ и говорилъ апостоламъ: «*не можете носити нынѣ*» (Іоан. 16, 12), то съ необходимымъ добавленіемъ: «*Духъ истины наставитъ вы на всяку истину*» (13 ст.), что дѣйствительно и исполнилось въ день Пятидесятницы [283]). Апостолы, просвѣщенные Духомъ Святымъ, возвѣстили христіанское ученіе всюду (Мат. 28, 19), во всемъ мірѣ, основавъ вездѣ церкви, отъ которыхъ и «всѣ прочія церкви заимствовали корень вѣры, сѣмя ученія (traducem fidei et semina doctrinae), и заимствуютъ нынѣ по мѣрѣ своего учрежденія» [284]). «Совершенное вѣдѣніе» ученія Христова апостолами служитъ причиною, почему они вездѣ проповѣдывали одно и тоже ученіе. Антіохійскій споръ между Петромъ и Павломъ только кажущееся разногласіе, видимое раздѣленіе, и от-

[280]) Не тоже ли самое и нынѣ совершается во всяческомъ сектанствѣ? Какое, напр., поразительное сходство этихъ гностическихъ взглядовъ на источники христіанскаго вѣроученія съ римско-католическимъ ученіемъ о преданіи mere—ecclesiasticae, въ которомъ паписты находятъ составные элементы для своихъ новыхъ ученій и обрядовъ, неизвѣстныхъ всей церкви Христовой, а также и съ однородными протестантскими взглядами на «библейское преданіе», которое у нихъ подвергается безпощадной «учено-литературной критикѣ» и «переоцѣнкѣ», какъ «несовершенный опытъ познанія христіанской религіи» (см., напр., мнѣніе Штрауса о писаніи)

[281]) De praes. c 9.

[282]) Ib. c. 22

[283]) De monog. c. 1.

[284]) De praes 20; cf. c. 21.

носится не къ догматическому ученію, т. е. не къ проповѣди апостольской самой по себѣ, а къ «внѣшнему поведенію», къ дисциплинарнымъ вопросамъ [285]).

Подобно св. Иринею Ліонскому, Тертулліанъ рѣшительно отрицаетъ ложное мнѣніе гностиковъ о тайномъ преданіи, берущемъ будто бы свое начало отъ ап. Павла. Онъ ссылается здѣсь на библейскую исторію обращенія ап. Павла въ христіанство; а эта исторія во-очію показываетъ, что апостолъ Павелъ получилъ отъ Христа для передачи вѣрующимъ то же самое ученіе, какое проповѣдывали всегда и вездѣ и прочіе апостолы, самовидцы Господа. При восхищеніи до третьяго неба и слышаніи тамъ «неизреченныхъ глаголовъ», онъ не получалъ какого-либо новаго или особеннаго откровенія, будто бы переданнаго одному Тимоѳею, что напрасно предполагаютъ гностики. Въ завѣщаніи его Тимоѳею: «*храни добрый залогъ*» (2 Тим. 1, 14), говорится не о какомъ-либо тайномъ преданіи, но о непринятіи имъ другаго какого-либо ученія, не преподаннаго апостоломъ открыто, «*предъ многими свидѣтелями*» (2 Тим. 2, 2). Что же касается прочихъ апостоловъ, то и они вовсе не могли скрывать отъ своихъ слушателей высокія *тайны вѣры*. Возвѣщать ученіе предъ всѣми и для всѣхъ они побуждались примѣромъ самого Христа, учившаго всенародно и никогда не намекавшаго на какія-либо тайныя, т. е. неизвѣстныя всей церкви ученія [286]). Но у нихъ было и прямое повелѣніе Господне слышанное во тьмѣ возвѣщать во свѣтѣ и сказанное на ушиѣ проповѣдывать на кровляхъ. Неисполненіе этой заповѣди для апостоловъ *невозможное дѣло*, иначе это было бы злонамѣренное нерадѣніе со стороны апостоловъ, но тогда апостолы вѣровали бы лжи и возлюбили бы неправду, а это-абсолютная невозможность. Также и страхъ предъ врагами христіанскаго ученія не могъ удерживать ихъ отъ возвѣщенія во всей полнотѣ откровенія Христова. Вся исторія апостольской проповѣди говоритъ за идеальное совершенство апостольскаго провозвѣстія. Апостолы не могли срывать что-либо отъ «церквей уже увѣровавшихъ, чтобы отдѣльно довѣрить что-либо немногимъ». Если бы апостолы что-либо утаили изъ Евангелія Хри-

---

[285]) с 23.
[286]) с 26.

стова, то это было бы противорѣчіемъ ихъ писаніямъ, гдѣ они ясно высказываютъ хотѣніе, чтобы всѣ христіане держали *одно ученіе* (1 Кор. 1, 10). Апостолы иногда «бесѣдовали о нѣкоторыхъ предметахъ, такъ сказать, въ кругу домашнихъ» [287]). Но отсюда нисколько не слѣдуетъ, будто они *не все ученіе* христіанскаго откровенія сообщили своимъ церквамъ. На дружескихъ бесѣдахъ они не вводили иного правила вѣры, отличнаго отъ того ученія, которое они предлагали публично (in mediam); они не учили объ одномъ Богѣ въ церкви, открыто (in aperto) и о другомъ Богѣ тайно (in secreto). Что бы убѣдить въ истинѣ сказаннаго апостолами Тертулліанъ, подобно Иринею Ліонскому, ссылается на писаніе (Мат. 5, 15; 10, 27) противъ тайныхъ преданій, выдуманныхъ еретиками на основаніи писанія (Іоан. 16, 12).

Итакъ, по Тертулліану, апостольское служеніе учениковъ Христовыхъ достовѣрно и истинно. Апостолы суть несомнѣнные testes veritatis, а ихъ преданіе irreformabilis» [288]). Мы имѣемъ учителями (auctores) апостоловъ Господнихъ, которые ничего не выбирали по своей волѣ, чтобы вводить (новое ученіе Христово), но полученное ими отъ Христа ученіе вѣрно передавали народамъ. А потому *если бы даже ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать иное, да будетъ анаѳема*» (Гал. 1, 8) [289]).

Но если христіанское откровеніе есть apostolica doctrina [290]), то спрашивается: апостольскія церкви правильно ли уразумѣли его и въ совершенствѣ ли сохранили для передачи грядущимъ поколѣніямъ? «Вотъ новая прицѣпка, которую приводятъ противъ насъ еретики» [291]). Но, по Тертулліану, полное и совершенное знаніе апостольскаго преданія—присуще всѣмъ апостольскимъ церквамъ. Этотъ «положительный отвѣтъ» [292]) Тертулліана покоится на исторически—достовѣрныхъ фактахъ. Апостольскія обличанія и укоризны за ошибки, прельщенія, непокорность истинѣ, самомнѣніе, о которыхъ упоминаетъ писаніе (Гал. 3, 1, 3; 5, 7; 1 Кор. 3, 1—3; 8, 2),

---

287) c 26.

288) Adv. Marc. IV, c. 2: qui (Christus) magistros apostolos fecit, de virg. veland. c. 1.

289) De Praes. hau. c. 6

290) Ib 31, 32, 35; Marc. 1, 12; V, 5; Ср. Iren. IV, 83, n. 8

291) c. 26.

292) Проф. К. Поповъ, цит. соч., стр. 99

никого не должны смущать, ибо касаются отдѣльныхъ христіанъ, а не цѣлой церкви[293]). За догматическую непогрѣшимость апостольскихъ церквей, какъ органовъ преданія, говоритъ живое единство христіанскаго вѣроученія, соблюдаемаго ими. Это *единосущіе церковнаго ученія* изобличаетъ и лживость еретическихъ *противорѣчивыхъ* мнѣній. «Правдоподобно ли, чтобы столь многія церкви могли заблуждаться на счетъ единой у всѣхъ вѣры? Никогда не бываетъ одно и тоже слѣдствіе при многихъ обстоятельствахъ: что находится у многихъ одинаковымъ, то не заблужденіе, а преданіе» (quod apud multos unam invenitur, non est erratum, sed traditum)[294]), т. е. божественная истина. Гдѣ господствуютъ непримиримыя религіозныя разногласія, тамъ, очевидно, нѣтъ и не можетъ быть нравственнаго единодушія и единосущной богооткровенной истины. Всякое религіозное заблужденіе, по необходимости, исполнено по собственному выбору принятыхъ и усвоенныхъ предразсудковъ, разнообразно и довольствуется отдѣленнымъ отъ общей жизни существованіемъ. Въ заблужденіи всегда мыслится внутреннее самопротиворѣчіе. Поэтому то многочисленныя секты и внѣ-церковныя направленія религіозной мысли никогда не приводятъ къ единому и согласному исходу. Отсюда и апостольскія церкви должны были бы оразнообразиться въ своемъ ученіи и противорѣчить одна другой, если бы возможно было для нихъ какое либо заблужденіе. Но когда догматическое единство апостольскаго ученія подтверждается многими или всѣми церквами, то значитъ, что церковное ученіе согласно съ преданіемъ, одного съ нимъ существа, и это уже никакъ не-признакъ ошибочнаго взгляда, а достовѣрное свидѣтельство откровенной истины. Преданная истина всегда едина и остается всегда тождественной, и только одно заблужденіе противорѣчиво, многоразлично, разнообразно, безразсудно и ложно. «И кто осмѣлится заблужденіе возвести до источника преданія»[295]), т. е. до Христа и апостоловъ? Апостольское преданіе уличаетъ во лжи всяческія еретическія уклоненія отъ божественнаго откровенія и жизни. Доводы Тертуллиана вполнѣ основательны!

---

[293]) Pr. c. 26.
[294]) c. 28.
[295]) Ibidem.

Но апостольскія церкви *и не могли быть* введены въ самообманъ и заблужденіе. Въ церкви Христовой всегда пребываетъ, учитъ и управляетъ Святый Духъ, doctor veritutis [296]). Онъ наставляетъ церковь на всякую истину (Іоан. 16, 13) и не допускаетъ ее дойти до извращенія апостольскаго ученія. Его дѣло, цѣль Его послапничества въ міръ состоитъ именно въ томъ, чтобы одушевлять церковь и руководить ею въ дѣлѣ непогрѣшимаго сохраненія преданія во всей чистотѣ и высотѣ его. Ученіе Тертулліана о пребываніи Святаго Духа въ церкви рѣшаетъ вопросъ о богодухновенности преданія. Истинное преданіе—богодухновенное слово вѣры церковной. Въ сектанствѣ нѣтъ богодухновеннаго преданія, нѣтъ и догматической опоры для вѣры. Оторвавшись отъ церкви и отъ общаго вѣрованія, сектанты утратили благодать и истину Духа Святаго, совершили грѣхъ смертный.

Итакъ, по Тертуллиану, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію догматико-канонический авторитетъ апостольскихъ церквей, этихъ достовѣрныхъ органовъ Христова ученія. Свидѣтельство sedes apostolicae имѣетъ непререкаемую силу. Отъ апостольскихъ церквей и прочія церкви заимствуютъ вѣру, «сѣмена истиннаго ученія». Въ этомъ смыслѣ Тертулліанъ мѣтко называетъ апостольскія церкви ecclesiae martices et originales fidei [297]). Всѣ помѣстныя церкви, въ своей органической совокупности и преемственности, составляютъ «единую церковь», вселенную—«по единству исповѣданія вѣры, по единству упованія» [298]). Отсюда вѣра церкви—fides catholica [299]). Единое преданіе (una traditio) одного и тоже ученія вѣры служитъ здѣсь догматико-канонической основой единства церкви [300]). Отсюда ученіе церкви есть истинно-христіанское откровеніе, а всякое мнѣ-

---

[296]) De carne Christi c. 2 Это твореніе есть краткое повтореніе основныхъ гносеологическихъ положеній, подробно раскрытыхъ въ De praescriptionibus adversus haereticos. De monog. c. 1; De cor. mil. c. 4· si quid ignoratis, Deus vobis revelabit.

[297]) Constat, omnem doctrinam, quae cum illis ecclesiis apostolicis matricibus et originalibus fidei cospiret, veritati deputandam, sine dubio tenentem, quod ecclesiae ab apostolis, apostoli a Christo, Christus a Deo accepit De praes. haer. c. 21. Cf. ibid. c. 36 и Contr. Macr. 1, c. 12. Non alia agnoscenda erit traditio apostolorum, quam quae hodie apud ipsorum eccelesias editur. См. у *Макарія* § 140, стр. 382.

[298]) Apologet c. 39.

[299]) Contr. Marc IV. 4.

[300]) Pr. c 20

ніе по вопросамъ вѣры неутвержденное на церковномъ авторитетѣ — несомнѣнная ложь. О Богѣ *никто* не знаетъ кромѣ Сына, и Сына никто не знаетъ, кромѣ апостоловъ, получившихъ отъ него знаніе о Богѣ, и церкви, наученной апостолами тому, чему они научены Христомъ, а Христосъ—Богомъ. Какъ одна истинная церковь, такъ должно быть одно истинное ученіе. Какъ достовѣрны органы, при помощи которыхъ откровеніе дошло до насъ, такъ достовѣрно и самое ученіе вѣры. Поэтому *вѣру должно находить только тамъ, гдѣ Христосъ положилъ Свою истину*, т. е. въ церкви, въ ея ученіи и жизни [301]). Отсюда формула Тертулліана: ecclesia vero Christus [302]). Отсюда и слѣдующее положеніе: in ecclesia nihil tradentum nisi a Christo demandatum [303]). Не должно принимать другихъ учителей и проповѣдниковъ откровенія Христова, кромѣ апостоловъ, и другаго ученія, т. е. не одного корня съ ученіемъ церкви, сохраняющей во всей первоначальной чистотѣ апостольское наслѣдіе, преданное ей устно, живымъ голосомъ (viva voce) и письменно [304]).

Такова, въ существѣ своемъ, первая прескрипція Тертулліанова, извѣстная подъ именемъ *praescriptio veritatis* [305]). Задача ея состоитъ въ изслѣдованіи и утвержденіи догматико-канонической истинности преданія на основаніи истинности авторитета самой церкви. Если церковь есть истинное хранилище преданія, то и ученіе ея есть истинное откровеніе Христово. «Эта прескрипція почерпаетъ свою силу въ исторіи» [306]) христіанскаго откровенія и церкви. Она восходитъ къ Самому *Іисусу Христу* и апостоламъ съ ихъ церквами, получившими истинное откровеніе Божіе для передачи всѣмъ людямъ. Здѣсь дается самое прочное обоспованіе ученію о преданіи въ его авторитетѣ *чрезъ доказательство невозможности* для апостоловъ учить чему нибудь иному, кромѣ слышаннаго ими отъ Христа, а для апостольскихъ церквей содержать иное ученіе, кромѣ апостольскаго [307]). Такимъ образомъ вся прескрипція состоитъ

[301]) Contr. Mac IV, c. 5, Cf. V, 15; Pr c. 29, 30, 37.

[302]) О покаян. гл. 10.

[303]) Pr. c 6

[304]) Pr c. 21: apostoli ecclesias condiderum, iis praedicando tam viva voce, quam per epistolas postea. Ср. проф. *К. Поповъ*, цит. соч., стр. 96–97.

[305]) c. 21.

[306]) Проф. Поповъ, стр. 96.

[307]) *Филаретъ*, тамъ же, стр 163.

въ апологетическомъ раскрытіи существенныхъ признаковъ христіанскаго преданія, извлекаемыхъ изъ свойствъ и характера его хранителей и провозвѣстниковъ.

Преданіе находится только въ истинно-вселенской церкви. Непререкаемымъ свидѣтельствомъ его истинности (testimonium veritatis) служитъ *право давности* или, по терминологіи Тертулліана, *пріоритетъ церкви*. Здѣсь точка опоры для второй прескрипціи Тертулліана (praesciptio principalitatis et posterioritatis mendacitatis)[308]. Истинная церковь существуетъ по времени (хронологически) прежде еретиковъ и ересей[309]. Это несомнѣнный историческій фактъ. «Христіане явились не прежде Христа и ереси не прежде истиннаго ученія; нелѣпо думать, чтобы ересь была древнѣе ученія; поелику оно то и предсказало о появленіи ересей и предостерегало отъ ереси»[310]. По самой «природѣ вещей» истина предшествуетъ заблужденію[311]; такъ всегда и повсюду[312]. Для уясненія этой мысли Тертулліанъ ссылается на притчу Христову о сѣятелѣ (Мат. 13, 1—30), по которой сначала «на полѣ» (въ мірѣ) сѣется доброе сѣмя или «пшеница» (истина), и только впослѣдствіи произрастаетъ отъ пришлаго сѣянія сорная трава или «плевелы» (ложь и всяческія заблужденія)[313]. А если церковное ученіе древнѣе не-церковнаго, еретическаго, то соотвѣтственно пріоритету истины, оно и есть истинное откровеніе, т. е. божественное преданіе.

Итакъ, преданіе первое по времени, по порядку, то самое, которое происходитъ отъ Господа, есть истина Божія[314]. Здѣсь

---

308) Pr. c. 31.

309) c. 32.

310) c 37.

311) Posterior nostra res nonest, imo omnibus prior est; hoc erit testimonium veritatis, ubique occupantis principatum. Pr. haer. c. 34. Ita ex ipso ordine manifestatur, id esse dominicum et verum, quod sit prius traditum. Id autem extraneum, et falsum, quod sit posterius immisum. Pr. haer. c. 30, 31. Cf. Contr. Macr. 4, c. 5; Prax. c. 2, Contr. Hermog. c. 1.

312) Omne genus ad originem suam censeatur necesse est. Precr. haer. c. 20. Протестанты часто думали съ помощью этой аксіомы Тертулліана изъяснить значеніе своего принципа писанія. Но это происходило отъ забвенія ими того, что исходя именно отсюда, Тертулліанъ «положилъ самое древнее основаніе догмату о преданіи» (*Holzman*, Kanon und Trad, § 1, s. 15).

313) Ante haereses, quam veritas? Sed enim in ommibus veritas imaginem antecedit; postea similitudo succedit. Pr haer. c. 28.

314) Pr. haer c 14, 31.

ходъ мыслей Тертулліановыхъ таковъ. Истинно то, что древнѣе, древнѣе же то, что̀ «отъ начала», а что̀ отъ начала, то отъ апостоловъ, отъ Христа [315]). Если все это достовѣрно, то и прескрипція непоколебима, т. е. истинно-апостольское преданіе есть то, что считается *священнымъ* въ апостольскихъ церквахъ, какъ происшедшее отъ апостоловъ. Еретики позднѣе и своей догматико-религіозной связи съ апостолами и ихъ церквами доказать не могутъ; ибо ихъ ученіе — новая доктрина. «Что это за преданіе, въ которомъ полагаютъ они найти новое ученіе»? [316]). Поэтому, истину Божію имѣютъ только истинные христіане, каѳолики, твердо держащіеся «правила вѣры», полученнаго церковію отъ апостоловъ, апостолами отъ Христа, Христомъ отъ Бога [317]).

Критерій временнаго пріоритета истины преданія коренится во всеобщемъ религіозномъ сознаніи церквей о своемъ апостольскомъ происхожденіи. Это сознаніе утверждается *на непрерывномъ преемствѣ епископовъ* (succesio episcoporum continua) отъ временъ апостольскихъ. Здѣсь *поддерживается* апостольская истина и чистота древне-церковнаго преданія.

«Если въ числѣ учащихъ ереси есть утверждающіе, будто они передаютъ апостольское преданіе, будто начало ихъ восходитъ ко временамъ апостольскимъ и будто они происходятъ *отъ апостоловъ*, потому что возникли *при апостолахъ*; то мы,—говоритъ Тертулліанъ,—можемъ сказать имъ: покажите намъ *происхожденіе вашихъ церквей*, разверните предъ нами *списокъ вашихъ епископовъ* съ самаго начала и въ такомъ порядкѣ, чтобы *первый вашъ епископъ* имѣлъ учителемъ и предшественникомъ или одного изъ апостоловъ или такого изъ апостольскихъ мужей, который пребывалъ вѣрнымъ апостоламъ; ибо апостольскія церкви этимъ способомъ доказываютъ свои права на обладаніе апостольскою истиною. Въ апостольскихъ церквахъ всегда имѣются списки епископовъ. Такъ Смирнская церковь предъявляетъ, что Поликарпъ былъ поставленъ во епископы Іоанномъ, равно какъ Римская свидѣтельствуетъ, что Климентъ былъ

---

315) Si constat id verius, quod prius, id prius, quod ab initio, id ab initio, quod ab apostolis. Scorp. 12; Praes. haer. c. 19—21, 23. См. ссылку на эти мѣста у *Möhler*'а, Patrolog. I, s. 739 и *Khun*'а, Tub Quartal. 1858, s. 246 ff

316) Pr haer.

317) Pr. c. 37.

рукоположенъ ап. Петромъ. Точно также всѣ прочія церкви указываютъ, какъ на основателей и охранителей апостольскаго наслѣдія на лицъ, возведенныхъ въ санъ епископовъ апостолами» [318]).

По взгляду Тертулліана, епископское преемство служитъ самымъ вѣрнымъ *обезпеченіемъ* апостольскаго преданія. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ самыхъ первыхъ поръ христіанства существовало истинное преданіе апостоловъ, сообщенное ими своимъ церквамъ и ихъ епископамъ. Значеніе апостольскихъ каѳедръ (sedes apostolicae) и ихъ епископовъ состояло въ охраненіи и распространеніи этого преданія, въ постоянномъ свидѣтельствованіи о его истинѣ и подлинности, особенно противъ поддѣлокъ, сочиняемыхъ еретиками. Это и есть единственное основаніе, на которомъ покоится высокій учительный авторитетъ. приписываемый епископамъ у Тертулліана. И чѣмъ усерднѣе епископы исполняли свое дѣло, тѣмъ болѣе считалось нужнымъ ихъ іерархическое преемство. Указаніе на непрерывное преемство епископовъ въ апостольскихъ церквахъ есть conditio sine qua non доказательства истины преданнаго ученія. «Пусть же и еретики,—говоритъ Тертулліанъ,—выдумаютъ что-либо подобное» [319]), т. е. покажутъ подобное преемство своихъ ересіарховъ отъ самихъ апостоловъ. Но никакія сектантскія выдумки не помогли бы имъ въ такой у защитѣ своихъ вымысловъ, такъ какъ ихъ ученіе противоположно преданію апостоловъ и преемниковъ апостольскихъ, а потому и *безпреемственно въ церкви*, т. е. лишено церковно-исторической жизни въ іерархическомъ преемствѣ. Апостольское преданіе есть древне-епископскій авторитетъ; а еретическое лжеученіе—есть новое и анти-іерархическое начало и анти-церковное міровоззрѣніе на источники и основы христіанскаго откровенія.

Таковъ гносеологическій составъ второй Тертулліановой прескрипціи. Внутренній смыслъ ея заключается въ мысли о томъ, что истина всегда есть первая, т. е. *первоначальная сущность*, а ересь—только позднѣйшее явленіе, скоропреходящій феноменъ, временное извращеніе идеально-совершеннаго первообраза. Отсюда злая ересь постоянно стремится къ тому, чтобы занять не принадлежащее ей мѣсто истины, дерзновенно оспаривать первоверховное право и власть

318) Praes. haer. c 32.

319) Ibidem.

искони—существующей церкви. Поэтому и православная церковь для оправданія своего ученія и жизни всегда ссылается, въ борьбѣ съ сектами, на первоначальную давность, на исконное существованіе. Здѣсь исходной точкой служитъ безспорное положеніе, по которому всяческая ложь возникаетъ послѣ истиннаго ученія и вопреки ему, и только всячески *приражается* къ нему для сохраненія своего бытія. Такъ и еретическія заблужденія происходятъ только послѣ абсолютнаго утвержденія и познанія откровенной истины въ церкви и церковію, и только приражаются къ богопреданному ученію, будучи одностороннимъ или превратнымъ его пониманіемъ. Всѣ ереси вышли изъ одного корня—отъ лжи и предразсудковъ,—показывающаго гнилость смертноноснаго древа антицерковнаго сектанства и его горькихъ плодовъ. Въ такомъ точно смыслѣ Тертулліанъ упрекаетъ и *язычниковъ:* «laudatis semper antiquitatem et de nove die vivitis» [320]), когда они говорили христіанамъ: «non licet esse vos», защищая свой принципъ мнимо-древняго религіозно-сектатскаго преданія, при помощи вещественныхъ пріемовъ и матеріально-принудительныхъ аргументовъ въ качествѣ рѣшительныхъ свидѣтельствъ въ пользу своей вѣры. Со стороны пріоритета истины христіанское преданіе (откровеніе)—есть исконный источникъ истинной религіи, а православная церковь—это древнѣйшая матерь всего человѣчества. Таковъ заключительный выводъ изъ второй Тертулліановой прескрипціи.

Съ понятіемъ древности неразрывно связана всеобщность преданія, по Тертулліану. Поэтому все сказанное у него о признакѣ древности относится и къ *всеобщности* преданія. Общее признаніе извѣстнаго ученія говоритъ за его истину, и противоположность указываетъ на его πρῶτον ψεῦδος. Отсюда истинное преданіе есть обще-церковный фактъ, универсальный законъ религіознаго бытія и жизни церкви, а ересь имѣетъ только мѣстную важность и для отдѣльныхъ лицъ, т. е. для однихъ расколо-сектантовъ, каковы, напр., Маркіонъ, Валентинъ, Апеллесъ съ ихъ послѣдователями. Природа ереси такова, что она, несмотря на нѣкоторую общественность сектъ, раздѣляетъ людей по вѣрѣ, разъединяетъ, обособляетъ.

320) Apologeticus. c. 6 и c. 19; Cf. *Arnob.*, 2, 66; *Lact.*, Div. Inst. 2, 7; 5, 19; *Eus.*, Praep. Evang. 1, 1.

Отсюда еретики всегда запосчивы, чрезвычайно высокомѣрны, горды, фанатически-нетерпимы. Въ такомъ именно смыслѣ и характеризуетъ ихъ Тертулліанъ. Только каѳолическая истина объединяетъ всѣхъ людей, а сектанство, происходящее изъ религіозно-нравственныхъ заблужденій, есть отрицаніе единой истины. Поэтому одна только истина христіанскаго откровенія имѣетъ обще-церковную важность. Всеобщее же вѣрованіе церкви не потому только истинно, что всеобще, но потому главнымъ образомъ, что оно необходимо предполагаетъ одни и тѣ же источники и причины, его производящіе: догматическое единство преданія, историческую достовѣрность его органовъ, ихъ абсолютную истинность, древность, авторитетъ. Съ этой стороны преданіе есть безграничный, т. е. неограниченный никакимъ мѣстомъ гносеологическій принципъ и движущее начало церковной вѣры и жизни христіанской въ его вѣчномъ значеніи, въ его всеобъемлющихъ религіозно-просвѣтительныхъ задачахъ, а все христіанское человѣчество—это всемірная семья, вселенская церковь и всѣ истинно-вѣрующіе члены ея. Поэтому, всѣ люди должны быть христіанами. Отсюда необходимый постулятъ у Тертулліана: «побуждай всѣхъ входить въ церковь» [321]).

Третья прескрипція Тертулліана (praescriptio proprietatis) [322]) совершенно отказываетъ еретикамъ въ правѣ на обладаніе преданіемъ. «Эта прескрипція утверждается на первыхъ двухъ» [323]). Она есть какъ бы логическій выводъ изъ нихъ. Если откровенное ученіе принадлежитъ только церкви, какъ истинное преданіе, то исключительное право на его обладаніе принадлежитъ только истинновѣрующимъ христіанамъ, живущимъ въ союзѣ съ церковію. Здѣсь у Тертулліана полнѣйшее сходство съ ученіемъ мужей апостольскихъ и св. Иринея Ліонскаго. Еретики, какъ мертвые члены, отвергнуты самою церковію; это—отщепенцы; и, слѣд., они не имѣютъ никакого прикосновенія къ преданію и писанію. «Если истина должна быть присуждена намъ,—говоритъ Тертулліанъ,—поступающимъ согласно съ тѣмъ правиломъ вѣры, которое ecclesia ab apostolis, apostoli a Christo, Christus a Deo tradidit, то не подлежитъ

---

321) Въ этомъ именно постулятѣ церковно-практическій интересъ его прескрипцій.

322) Praes. haer. c. 35.

323) Проф *К. Поповъ*, стр. 101.

сомнѣнію истинность нашего положенія, утверждающаго, что еретики не должны допускаться къ ссылкѣ на свящ. писаніе, такъ какъ мы и безъ писаній доказали, что они не имѣютъ никакого отношенія къ писаніямъ» [324]). Отсюда само собою вытекаютъ у Тертулліана слѣдующіе вопросы, какъ бы обращенные самою церковію ко всѣмъ еретикамъ «*Кто вы, когда и откуда пришли? Что дѣлаете вы въ моихъ владѣніяхъ не будучи моими?* [325]). Ты, Маркіонъ, по какому праву рубишь лѣсъ мой? Кто позволилъ тебѣ, Валентинъ, отводить въ сторону мои источники? А тебѣ, Апеллесъ, кто далъ власть передвигать мои границы? Это мое владѣніе. Вы, прочіе, зачѣмъ по своему усмотрѣнію здѣсь сѣете и насыщаетесь? Это мое владѣніе: я владѣю имъ издавна, владѣю по праву первенства. Я имѣю несомнѣнную довѣренность отъ тѣхъ владѣтелей, которымъ оно принадлежало. *Я наслѣдница апостоловъ!* Какъ они распорядились въ своемъ завѣщаніи. какія они учредили обязательства относительно таинъ вѣры, какъ они обязали меня присягою, такъ я и владѣю наслѣдствомъ. *Васъ же они лишили наслѣдства и отвергли, какъ чуждыхъ имъ, какъ враговъ*» [326]).

Золотыя слова! Обвинительный приговоръ Тертулліана вполнѣ справедливъ и безъаппеляціоненъ! Внѣ церкви нигдѣ нѣтъ истиннаго откровенія и вѣры христіанской. Въ сектантствѣ религіозная вѣра мгновенно нарушается и разрушается, распадается, и осиротѣлая душа «*внѣ дома Божія*» станетъ вопіять о «новой религіи», о «новой вѣрѣ». Поэтому то въ сектантствѣ infinita inquisitio fidei [327]). Не найти истиной вѣры въ сектантствѣ. «Гдѣ должно искать истину? У Маркіона? Но и Валентинъ съ своей стороны кричитъ: *ищите и обрящете.* У Валентина? Но и Апеллесъ повторяетъ тоже самое. Эвіонъ, Симонъ и всѣ другіе употребляютъ тоже ухищреніе, чтобы принять меня въ свою партію... Вообще у еретиковъ ли искать, у которыхъ все чуждо, все противно истинѣ христіанской, и съ кото-

---

324) Praesc. haer s. 37; cf. c. 15.

325) Qui estis? quando et unde venistis? Quid in meo agitis, non mei?

326) Ib. c. 37. Cf. Carn Christ., c 2. Si apostolicus, cum apostolis senti; si tantum christianus es, crede, quod traditum est. Si nihil istorum es, merito dixerim, morere. Эти слова Тертуллиана особенно полезно вспомнить при оцѣнкѣ пантеистической философіи религіи графа Л. Н Толстого, оставившаго всецерковное преданіе.

327) c. 9, 10.

рыми запрещено намъ сообщаться? Да не будетъ!.. Евангельская жена искала драхмы, но въ своемъ домѣ, человѣкъ, просившій хлѣба, стучался, но у дверей своего друга; вдова умоляла выслушать ее, но такого судію, который не былъ ея врагомъ. Чему научиться отъ тѣхъ, которые не имѣютъ ничего иного дѣлать, какъ разрушать? Какого свѣта ожить тамъ, гдѣ все тьма? Поищемъ у себя и у своихъ... Если бы еретики и не были противниками истины, если бы даже и не было намъ предписано убѣгать ихъ. то, чему можемъ мы научиться отъ общенія съ тѣми людьми, которые сами сознаются, что они еще ищутъ?.. Когда они еще ищутъ, стало быть не нашли; они *не вѣрятъ*, стало быть они *не христіане*... Они употребляютъ *ложь*, чтобы принудить насъ принять *мнимую* истину» [328]). Ереси родились отъ вліянія *мудрости человѣческой*, противной *духу христіанскому* [329]). Безъ сомнѣнія, не у еретиковъ нужно искать откровенную истину. Только одна церковь обладаетъ истиною Христовою и раздаетъ ее всѣмъ, не нарушая здраваго «правила вѣры». Но *вѣровать въ истину* значитъ непремѣнно *желать* ея повсюднаго распространенія и полнаго торжества, т. е. всячески преслѣдовать сектантское заблужденіе. Предоставить неограниченную свободу заблужденію, узаконить всякаго рода терпимость по вопросамъ вѣры,— это, по Тертулліану, значитъ подвергать сомнѣнію самую истину. Отсюда у Тертулліана безпощадное обличеніе и опроверженіе сектантства, рѣзкій тонъ и строгія мѣры.

Таковъ общій смыслъ третьей прескрипціи Тертулліана въ вопросѣ о преданіи. Отсюда вытекаютъ слѣдующія заключительныя положенія относительно источниковъ и основъ христіанскаго знанія о вѣрѣ и откровеніи. Преданіе и авторитетъ церкви суть необходимые источные и руководительные начала и принципы въ дѣлѣ вѣроученія. Принадлежа къ церкви, никакъ нельзя произвольно, не слушая ея голоса, «сѣять и насыщаться». А такъ какъ только одна церковь есть истинная наслѣдница божественнаго преданія, духоносная носительница христіанскаго откровенія и жизни, то въ ней и должно искать и находить откровенную истину, т. е. въ ея истинно-религіозномъ сознаніи должно почерпать надлежащую опору въ дѣлѣ

328) Pr. haer.

329) Pr. haer. c. 6.

вѣры и ученія христіанскаго. «Если ты желаешь упражнять свое стремленіе къ знанію болѣе благодѣтельно въ дѣлѣ спасенія, то обойди апостольскія церкви, у которыхъ стоятъ и доселѣ на своихъ мѣстахъ сѣдалища апостоловъ, въ которыхъ читаются оригиналы ихъ посланій (ipsae authenticae litterae, т. е. самыя подлинныя писанія апостоловъ), которыя представляютъ ихъ *голосъ* и въ настоящее время замѣняютъ для насъ *лице* каждаго изъ нихъ. Если ближе къ тебѣ Ахаія, имѣешь Коринѳъ (въ качествѣ матери—апостольской церкви), если ты находишься недалеко отъ Македоніи, имѣешь Филиппы; желаешь ли путешествовать въ Азію, на дорогѣ тебѣ Ефесъ; живешь ли вблизи Италіи, то имѣешь тамъ Римъ. Присмотрѣвшись къ ученію, содержимому этими церквами, ты увидишь, что онѣ содержатъ то самое ученіе, которое предсказало ереси»[330]). Итакъ, истинное знаніе о вѣрѣ пріобрѣтается только изъ того ученія, которое коренится въ религіозномъ сознаніи и жизни апостольской церкви. Только здѣсь—полное и совершенное отраженіе откровеннаго слова Божія и достовѣрное рѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Вотъ почему Тертулліанъ современныхъ христіанъ называетъ: haereditarii discipuli et apostolici seminis fruticis[331]) и отсюда выводитъ религіозно-нравственную обязанность апостольской стойкости въ вѣрѣ.

Такъ глубоко и прочно утвержденная общецерковная истина преданія имѣетъ, по Тертулліану, слѣдующее очень важное значеніе.

Прескрипціи Тертулліановы доказываютъ абсолютную истину и историческую достовѣрность христіанскаго откровенія и вѣроученія *безъ писаній*. Но еретики, современные Тертулліану, особенно Маркіониты и Валентиніане, ссылались въ защиту своихъ ученій на авторитетъ писаній... Какъ же, поэтому, должно относиться православнымъ христіанамъ къ источнику писанія и пользоваться имъ? Въ отвѣтъ на это Тертулліанъ устанавливаетъ вопросъ о важности и необходимости преданія для писанія и при писаніи.

---

330) Ib c. 36.

331) Scorp. c. 9. Quamquam et si omnem hanc persecutionem conditionalem (Мат. 5, 10) in solos tunc apostolos destinasset, utique per illos cum toto sacramento, cum propagine nominis, cum traduce spiritus S. in nos quoque spectasset etiam persecutionis, obeundae disciplina, ut in haereditarios discipulos et apostolisci seminis frutices.

Ученіе Тертулліана о значеніи преданія для писанія всецѣло основывается на религіозномъ авторитетѣ церкви. Здѣсь въ основѣ Тертулліанова взгляда лежатъ двѣ главныя мысли, тѣсно связанныя между собою:—первая мысль о совершенномъ знаніи церковію своего наслѣдія (depositum), полученнаго отъ Христа и апостоловъ, а вторая—о существенномъ тожествѣ и совмѣстномъ существованіи въ церкви устнаго и письменнаго откровенія. На этихъ двухъ мысляхъ Тертулліанъ утверждаетъ два основоположительныхъ догматико-гносеологическихъ критерія, необходимыхъ для изслѣдованія и пониманія писанія:—одинъ изъ нихъ полагается въ учительномъ авторитетѣ церкви, свидѣтельствующей о своемъ писанномъ наслѣдствѣ [332]), а другой въ «правилѣ вѣры» (regula fidei=σύμβολον), съ ученіемъ котораго должно согласоваться истолкованіе писанія [333]). Здѣсь двойство источниковъ христіанскаго откровенія и вѣры мыслится у Тертулліана въ живомъ единствѣ церковнаго религіознаго сознанія и сводится, in regula fidei, прямо къ Господу [334]). Оба критерія преимущественно направлены противъ гностическаго произвола въ обращеніи съ книгами писанія и ихъ истолкованіемъ [335]). Преданіе одновременно разсматривается здѣсь какъ откровеніе Божіе и какъ непогрѣшимый голосъ церкви.

На основаніи перваго критерія Тертулліанъ настойчиво требуетъ признавать подлинно-историческими и каноническими только тѣ библейскія книги, которыя передаются церковію, какъ полученныя отъ апостоловъ [336]). Изъ церковнаго преданія нужно усвоить истинное понятіе о внутреннемъ достоинствѣ и неприкосновенности писаній. Поэтому, опираясь на голосъ церкви, Тертулліанъ защищаетъ цѣлость и богодухновенность *всего вообще* писанія [337]). О ни-

---

332) Contr. Macr. 4, c. 5.

333) Vel. virg. c. 1; Praes haer. c. 11: regula fidei, qua creditur: unum omnino Deum esse etc. Adv Prax. c. 2.

334) Praes. c. 13: Haec regula a Christo instituta nullas habet apud nos quaestiones. Cf. c. 37, Apolog. c. 47.

335) Проф. *К. Поповъ*, стр, 83.

336) Praes. c. 19, et c. 36. Marc. 4, c. 15. Pudic. c. 9.

337) Adv. Macr. 4, c. 4: Eadem auctoritas ecclesiarum apostolicarum caeteris quoque patrocinabitur Euangelius, quae proinde per illas et secundum illas habemus. Это замѣчаніе Тертулліана противъ Маркіона, съ неодинаковомъ уваженіемъ относившагося ко всѣмъ Евангеліямъ.

когда неразлучимой догматико-канонической связи евангелія съ апостольскимъ преданіемъ Тертулліанъ говоритъ такъ: «авторитетъ апостольскихъ церквей охраняетъ евангелія потому, что чрезъ посредство этихъ церквей они дошли къ намъ; я говорю въ особенности объ евангеліяхъ отъ Іоанна и отъ Матоея, но мнѣ не безизвѣстно то, что усвояютъ ап. Петру евангеліе, обпародованное Маркомъ, равно какъ знаю и то, что привыкли считать Павловымъ евангеліе, изданное Лукою»[338]). Здѣсь подъ именемъ «авторитета апостольскихъ церквей» у Тертулліана разумѣется православно-гносеологическое начало догматическаго преданія. Прежде чѣмъ сослаться на писаніе, нужно доказать его характеръ, происхожденіе и авторитетъ. Найти истинныя писанія можно только тамъ, гдѣ существуетъ и истинная вѣра. Поэтому Тертулліанъ доказываетъ, въ борьбѣ противъ Маркіона, подлинность Апокалипсиса на основаніи епископскаго преданія, восходящаго къ самымъ апостоламъ[339]).

Въ живомъ и неизмѣняемомъ *голосѣ церкви*, а именно въ принадлежащемъ ей «правилѣ вѣры» (regula fidei), Тертулліанъ ищетъ необходимой догматической опоры для непогрѣшимаго изъясненія писанія и для устраненія еретическаго экзегесиса. Здѣсь въ качествѣ источника вѣры онъ приводитъ существенное содержаніе *апостольскаго символа*[340]). Съ этой стороны nihil adversus regulam fidei ни въ истолкованіи писанія, ни въ догматическомъ ученіи, построенномъ на библіи. Здѣсь руководственное и источное значеніе преданія основывается на единствѣ и тождествѣ устнаго и письменнаго ученія христіанскаго откровенія[341]). Библія и устное преданіе составляетъ единое и живое слово божественной истины и церковной вѣры[342]). Между ними не можетъ быть никакого противорѣчія, а есть одно полное согласіе и всецѣлая гармонія. «Возможно ли,—спрашиваетъ Тертулліанъ,—чтобы вѣра, держащаяся другаго правила, заимствовала вспоможеніе для своихъ доказательствъ отъ той вѣры, на которую нападаетъ? Какое дѣло до Моисея тому, кто

---

338) Contr. Marc. lib. 4, c. 5 cf. c. 2.

339) Ibidem: ordo episcoporum ad originem recensus in Ioannem stabit auctorem.

340) Praes. haer. c. 9. 13. 36. 37. Adv. Prax. c. 2 f. De virg. velandis. c. 1 Adv. Herm. c. 1.

341) Pr. haer во мн мѣстахъ.

342) Pr. c. 38.

отрицаетъ Бога Моисеева? Если существуетъ иной Богъ, то и вещи его должны быть иными» [343]). Глубоко-знаменательныя слова! Здѣсь лежитъ безпрекословное осужденіе всякихъ ересей и всѣхъ лжеучителей, для оправданія своихъ взглядовъ на предметы христіанскаго откровенія и вѣры пользующихся pro forma библейскими текстами. Кто держится мнѣній, несогласныхъ съ церковію или противорѣчащихъ божественному откровенію, тому и *не зачѣмъ* обращаться къ писанію. Иная въ сравненіи съ церковною религіозная вѣра должна имѣть иные источники и иные правила. Какое дѣло до библіи тому, кто нападаетъ на церковь и отрицаетъ апостольское преданіе, хранящееся въ ней. Если существуетъ иная вѣра и жизнь внѣ церкви, то и способы оправданія и пути защиты ихъ должны быть иными, нисколько не похожими на церковное, т. е. внѣцерковными, во всякомъ случаѣ незаимствованными отъ церкви. Отношеніе между писаніемъ и сектантствомъ, по Тертулліану, считается совершенно ирраціональнымъ. «Въ нашемъ ученіи,—говоритъ еретикамъ Тертулліанъ,—нѣтъ ничего противоположнаго свящ. писанію. *Мы тоже, что писаніе отъ самаго своего начала.* Мы существуемъ соотвѣтственно писанію прежде, чѣмъ оно сдѣлалось инымъ (у еретиковъ), прежде, чѣмъ оно повреждено вами. Намъ не приличествовала бы неповрежденность ученія *безъ цѣлостности источниковъ*, изъ которыхъ почерпается ученіе» [344]). Christianae traditiones—это тоже самое, что библейское ученіе [345]). Поэтому то о еретикахъ Тертулліанъ говоритъ, что они всегда противорѣчатъ писанію и никогда не могутъ сохранить его въ цѣлости *богооткровенной истины*, такъ какъ credunt sine scripturis, ut credant adversus scripturis [346]).

По руководству преданія у всѣхъ вообще сектантовъ и еретиковъ Тертулліанъ отнимаетъ всякое право обосновывать на писаніи свои рѣшенія и правила относительно вѣры [347]). Еретики принимаютъ только часть писанія, извращаютъ его и искажаютъ составъ и смыслъ текстовъ. Гностики обращались къ писанію не для положительнаго наученія, а только для подтвержденія своихъ ученій,

343) Ib c. 17.
344) c. 38.
345) Pudic c. 1. Praescr. c. 19. Poen, c. 7 (perversae traditiones).
346) Pr. haer.
347) Praes. haer. c. 13 ff, 19. 37.

чуждыхъ слова Божія. У Тертулліана, какъ и у св. Иринея Ліонскаго, находимъ подтвержденіе того, что еретическое извращеніе писанія стоитъ въ прямой зависимости отъ ихъ антицерковныхъ доктринъ. «Тамъ происходитъ извращеніе писаній, гдѣ замѣчается уклоненіе въ ученіи (преданія). Кто предположилъ иначе учить, тотъ необходимо вынуждается иначе расположить источники ученія. Ибо они (еретики) не могутъ учить инымъ образомъ, если не будетъ имѣть иного свойства то, при помощи чего они учатъ» [348]). Изображая яркими красками blasphematio еретиковъ въ обращеніи съ писаніемъ [349]), Тертулліанъ утверждаетъ, что они въ интересѣ своихъ взглядовъ извращали смыслъ (sensus) и букву (stilus) писанія, чтобы устранить или представить неправдоподобнымъ то, что они находили въ библіи противорѣчащимъ себѣ [350]). Поэтому одни изъ нихъ повреждали текстъ писанія, а другіе изъясненіемъ извращали внутренній смыслъ его. Маркіонъ приспособлялъ писаніе къ своему ученію (ad dispositionem instituti sui), а Валентинъ—свое ученіе къ писанію [351]). Искусственное приспособленіе еретическихъ ученій къ писанію и наоборотъ—приводило гностиковъ къ отрицанію богодухновенности однихъ книгъ, къ измѣненію другихъ различными прибавками и убавками въ текстѣ и къ ложнымъ методамъ истолкованія [352]). По искусству произвольнаго истолкованія библіи гностики называются у Тертулліана «непобѣдимыми и лукавыми чародѣями», превращающими горькое въ сладкое и сладкое въ горькое [353]). Вотъ почему Тертулліанъ рѣшительно не позволяетъ еретикамъ полемизировать съ православными христіанами на основаніи писанія. Хотя еретики и *говорятъ языкомъ библіи* и пользуются ею, но они отвергаютъ *преданіе* апостоловъ, написавшихъ слово Божіе. Поэтому они не могутъ *и толковать* писанія, такъ какъ апостольской истины у нихъ нѣтъ.

На *одномъ* писаніи нельзя съ успѣхомъ разрѣшать спорные вопросы о вѣрѣ. Истинное само по себѣ слово Божіе, писаніе однако

---

348) с. 48.
349) с 17.
350) с. 15, 30.
351) с. 38.
352) с. 17.
353) см. у проф. *К. Попова*, стр. 34.

допускаетъ различныя толкованія, если не соединено съ преданіемъ. Въ однихъ писаніяхъ, безъ преданія, или нѣтъ никакой побѣды или же есть нерѣшительная, т. е. невѣрная побѣда, одинаково въ православной средѣ и въ еретичествѣ [354]). «И еретики могутъ сказать (православнымъ), что мы производимъ поддѣлку писаній и невѣрныя истолкованія, и сами предъявятъ притязаніе на истину» [355]). Спорить съ еретиками на основаніи одной библіи и безполезно и даже вредно для успѣховъ вѣры. Не говоря уже о томъ, что еретики принимаютъ *не все* писаніе и извращаютъ его смыслъ, въ самомъ существѣ всякаго религіознаго *спора отъ писанія* лежитъ то, что обѣ стороны могутъ такъ или иначе уравнять для себя вѣсы. «Ересь нѣкоторыхъ писаній не принимаетъ, а если и принимаетъ какія, то не въ цѣломъ видѣ; чрезъ вставки и опущенія она извращаетъ ихъ для своей цѣли, и если она какимъ нибудь образомъ принимаетъ писанія въ цѣломъ видѣ, то даетъ имъ различныя толкованія. И много ли ты, опытнѣйшій въ свящ. писаніи, успѣешь (въ спорѣ), если то, что ты утверждаешь, отрицается противникомъ, и то, что ты отрицаешь, утверждается? Конечно, ты, пожалуй, не потеряешь ничего при спорѣ, кромѣ голоса, но ни чего болѣе и не пріобрѣтешь, кромѣ негодованія вслѣдствіе выслушаннаго богохульства. Но тотъ, въ интересѣ котораго ты вступаешь въ состязаніе, чтобы утвердить сомнѣвающагося, склонится ли онъ къ истинѣ или, можетъ быть, скорѣе къ ересн? Пораженный тѣмъ, что видитъ тебя ни въ чемъ неуспѣвающимъ,... не отойдетъ ли онъ домой еще съ большею неизвѣстностію, не зная, что онъ долженъ считать за ересь»? [356])

Въ виду безуспѣшности спора съ еретиками объ истинномъ пониманіи христіанскаго ученія на основаніи одного только писанія Тертулліанъ особенно выставляетъ абсолютную необходимость догматическаго преданія. «Но, говорите вы, они (еретики) опираются *единственно* на свящ. писаніе, они думаютъ убѣдить насъ не иначе, какъ свящ. писаніемъ. Само собою разумѣется, что пред-

---

354) Pr. c 19: Non ergo ad scripturas provocandum, nec in his constituendum certamen, in quibus aut nulla, aut incerta est victoria, aut par (*var.* parum) incertae.

355) c. 18.

356) ib.

метовъ вѣры нельзя иначе доказывать, какъ святыми книгами (aliunde loqui possent de rebus fidei, nisi ex literis fidei). Но разсмотримъ существо дѣла»...[357]). «Священное писаніе—ихъ арсеналъ; но прежде нежели возьмутъ они оттуда оружіе, надлежитъ опредѣлить, *кому* принадлежитъ писаніе и вѣра, *отъ кого* сія послѣдняя проистекла, *кѣмъ*, *когда* и *кому* даровано *ученіе творящее христіанъ*. Гдѣ мы увидимъ истинную вѣру, истинное ученіе христіанства, тамъ, безъ сомнѣнія, обрѣтаются и истинное писаніе, и истинныя толкованія, и истинныя христіанскія преданія»[358]). Отсюда у Тертулліана сама собою проистекаетъ извѣстная гносеологическая аксіома, направлена *противъ* гностиковъ: «non ad scripturas povocandum est, nec in his constituendum certamen», т. е. «не къ писаніямъ должно призывать и не на нихъ утверждать споръ». Это положеніе, имѣющее у Тертулліана отрицательный характеръ, въ положительномъ смыслѣ означаетъ, что при изслѣдованіи писанія и извлеченіи изъ него необходимыхъ свидѣтельствъ для вѣры и жизни по ней должно руководствоваться не произвольными мечтаніями о вѣрѣ, а объективнымъ преданіемъ. Сектантская оторванность отъ преданія, по Тертулліану, есть главнѣйшій источникъ и причина еретическихъ поврежденій, поддѣлокъ и ложныхъ толкованій писаній[359]). Еретическія прибавленія, отсѣченія и всяческія измѣненія въ писаніи только показываютъ, что, сектанты *сами изобрѣли* свое ученіе о вѣрѣ и уже *послѣ* составленія библейскихъ книгъ и, слѣдов., ихъ ученіе не Господне слово, а дерзкій вымыселъ. Еретики уклоняясь отъ «правила вѣры», не признавали писанія въ цѣлости и полнотѣ всецерковной истины, это стало для нихъ основаніемъ всяческихъ заблужденій и пороковъ, по особому попущенію Божію[360]). Тертулліанъ даже не обинуясь высказываетъ мысль, что писанія сами по себѣ (безъ преданія) доставляютъ какъ бы нѣ-

---

357) c. 15.

358) c. 19: Ordo rerum desiderabat illud prius proponi, quod nunc solum disputandum est: quibus competat fides ipsa; cujus sint scripturae, a quo et per quos et quando et quibus sit tradita disciplina, qua fiunt christiani. Ubi enim apparuerit esse veritatem et disciplinae et fidei christianae, illic erit veritas scripturarum et expositionum et omnium traditionum christianarum.

359) c. 22. 38.

360) c. 40. 42.

который матеріалъ, нѣкоторый поводъ, кажущееся оправданіе для еретическихъ заблужденій и *прицѣпокъ* къ библейскому ученію, дабы чрезъ это исполнились слова апостола Павла: «*подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусни явлени бываютъ въ васъ*» (1 Кор. 11, 19). Безъ писанія не было бы и ересей [361]). «О если бы,—восклицаетъ онъ,—не надлежало существовать никакимъ ересямъ, дабы явились искусные (1 Кор. 11, 19)! Мы совершенно ни о чемъ не разсуждали бы съ философами, этими, такъ сказать, патріархами еретиковъ» [362]). Здѣсь, понятно, у Тертулліана вопросъ не о неизбѣжности непреднамѣренныхъ ошибокъ и погрѣшностей среди христіанъ, но *объ искушеніяхъ вѣры*, кои не суть собственно неотъемлемая принадлежность церкви, а дѣйствіе злобно-настроеннаго противъ церкви темнаго царства сектантской лжи и неправды,— не о желательной необходимости, а о печальной неизбѣжности. Путь къ истинѣ труденъ; онъ идетъ чрезъ испытанія вѣры; безъ споровъ не обойтись; разномыслія неизбѣжны. Но они нисколько не должны омрачать живоноснаго свѣта христіанскаго откровенія, повреждать источники церковнаго вѣроученія. Здѣсь истинно-церковное испытаніе преданія есть необходимое и даже единственное средство къ познанію истины, открытой въ словѣ Божіемъ. Отсюда у Тертулліана происходитъ и та общая мысль, что мы должны «*не вѣру по лицамъ*» узнавать и опредѣлять (это сектантскій высокомѣрный принципъ), *а лица*, какъ бы высоки и мудры они ни были, *по вѣрѣ церкви* оцѣнивать по достоинству. Какой прекрасный критерій для надлежащей оцѣнкѣ всяческихъ «религіозныхъ реформаторовъ» и ихъ ученій!

Но писаніе, по Тертулліану, нельзя еще считать совершенно безполезнымъ или же маловажнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія. Писанія суть библейскія *инструменты* и *документы*. При помощи ихъ приводятся существеныя доказательства въ пользу абсолютной истины и исторической достовѣрности христіанскаго откровенія и вѣры, если ихъ читать и изъяснять въ обще-церковномъ духѣ, т. е. въ духѣ ученія Христа и апостоловъ [363]). Писа-

[361]) c. 39, cf различіе De carn. Chr. c. 23.

[362]) De anim. c. 3, Aedv. Herm. c. 8.

[363]) Въ выясненіе необходимости преданія Тертулліанъ говоритъ особо объ аллегорическомъ истолкованіи (Adv. Herm. c. 19. 26 31. Adv. Mar. 3, c. 14; Adv.

ніе хотя фрагментарно, но за то «качественно-тождественно воспроизводитъ» *первоначальное* слово Божіе, *устную* проповѣдь апостоловъ. Поэтому Тертулліанъ обозначаетъ его, какъ divinum instrumentum, divina litteratura, divinae scripturae [364]). И, какъ прекрасный юристъ, онъ съумѣлъ привести изъ него цѣлый рядъ «документальныхъ свидѣтельствъ» для доказательства основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, какъ это, напр., показываетъ его догматико-полемическое твореніе «*Противъ Маркіона*», особенно 4 и 5 кн., гдѣ онъ разбираетъ канонъ книгъ Маркіона и объясняетъ тѣ мнимыя противорѣчія, какія находилъ Маркіонъ между Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ. Со стороны документальной преданіе неразрывно и непрерывно дополняется писаніемъ и изъясняется изъ него. Но тѣмъ не менѣе и для Тертулліана, равно какъ и для другихъ церковныхъ писателей, преданіе, особенно какъ оно содержится и выражается въ «правилѣ вѣры» [365]), есть унаслѣдованный отъ предковъ «*щитъ· вѣры*» (Еф. 6, 16), противопоставляемый всѣмъ вражескимъ нападеніямъ еретиковъ. Преданіе—это исторически—перешедшее отъ предковъ всецерковное самосознаніе, непогрѣшимое вѣроученіе апостольскихъ церквей, каѳоллической церкви [366]). Съ объективной стороны, какъ правило вѣры, какъ основоположительное содержаніе унаслѣдованнаго ученія, съ субъективной—какъ живое сознаніе вѣры цѣлой церкви, оно составляетъ догматико-каноническій источникъ, основаніе и норму откровенной истины и жизни. Въ отношеніи къ писанію оно есть не что иное, какъ догматико-историческій комментарій истинно-церковной вѣры и міросозерцанія. Такимъ образомъ Тертулліанъ категорически утверждаетъ *совмѣстное* существованіе въ церкви и органическое взаимоотношеніе писанія и преданія, ихъ равночестное достоинство и догматико-канони-

---

Prax. 20, Praes haer 20, 26, 33). Впрочемъ, это частная мысль въ системѣ его теоріи о религіозномъ познаніи.

364) Проф. *К. Поповъ*, стр. 88. Тертулліанъ признаетъ евангельскій документъ (evangelium instrumentum) въ четырехъ евангеліяхъ (Іоанна, Матоея, Марка и Луки) и документы апостольскіе (apostolica instrumenta), а именно: апостольскія «дѣянія» и 13 посланій ап. Павла, документъ Іоанна, къ которому относитъ Апокалипсисъ и 1 соборное посланіе, кромѣ этого онъ знаетъ прибавленіе къ апостольскимъ документамъ, содержащее въ себѣ 1 соборное посл. ап. Петра, посланіе къ Евреямъ и Іудѣ.

365) Praes. c. 13 De virg. vel. c. 1.

366) Ср. *Hase*, Polemik, s 63.

ческое значеніе, какъ источниковъ и нормъ истинно-христіанскаго вѣроученія и жизни. Значитъ, по нему, «законъ преданія» и «законъ писанія» одинаково важны, одинаково необходимы. Въ преданіи, равно какъ и въ писаніи, находится все касательно христіанскаго откровенія и церкви, догматы и обычаи, религіозная вѣра и нравственная жизнь, богооткровенное ученіе и церковная дисциплина.

Странно послѣ всего сказаннаго нами объ ученіи Тертулліана о преданіи, что протестанты ссылаются на Тертулліана, какъ на свидѣтеля въ пользу своего мнимо-христіанскаго ученія о писаніи, какъ единственномъ источникѣ вѣроученія. Обыкновенно они указываютъ на слѣдующія слова Тертулліана, взятыя въ отдѣльности отъ всего его ученія объ источникахъ и нормахъ христіанскаго знанія. «Dominus noster (var. Christus) veritatem se, non consuetudinem cognominavit. Quodcunque adversus veritatem sapit, hos erit haeresis, etiam vetus consuetudo» [367]). Здѣсь подъ словомъ «consuetudo», по мнѣнію протестантовъ [368]), должно разумѣть «церковное преданіе», которое дескать отметается Господомъ въ церкви.

Но на это возраженіе должно сказать, едва ли какой-либо другой изъ древне-церковныхъ писателей такъ принципіально и выразительно защищалъ принципъ преданія, какъ Тертулліанъ. Приведенныя здѣсь «единичныя выраженія» не могутъ отвергать столь явно и столь энергично защищаемаго и утверждаемаго имъ повсюду религіозно-гносеологическаго начала и источника вѣры. Тѣмъ не менѣе весьма интересно обратить вниманіе на контекстъ приведеннаго мѣста изъ творенія De virgin. velandis. Здѣсь у Тертулліана идетъ рѣчь о покровеніи дѣвъ въ церкви. Тертулліанъ хочетъ доказать, что этого «требуетъ истина, которую никто не можетъ устранить по давности (antiquitatis),—ни продолжительность времени, ни покровительство извѣстныхъ лицъ, ни привиллегіи странъ. Изъ этого именно обычай (привычка), возникшій *изъ невѣжества и простоты* [369]), входитъ въ практику, послѣдовательно укрѣпляется и

---

[367]) De virgin. veland. c. 1.

[368]) Ср. *Jacobi*, Die Kirchl. Lehre Tradition u. heil. Schrift. s. 136 ff. *Herzog*, R=E. sub traditio.

[369]) Достопримѣчательно, что подобное выраженіе находится въ дѣяніяхъ Московскаго собора 1667 г., объяснившаго сущность и историческое происхожденіе раскола-старообрядства изъ «простоты и невѣжества» религіознаго.

защищается вопреки истинѣ (ex his enim fere consuetudo initium ab aliqua ignorantia vel simplicitate sordita in usum per succesionem corroboratur et ita adversus veritatem vindicatur). *Но нашъ Господь назвалъ себя истиной, а не обычаемъ* (обыкновеніемъ). Если же Христосъ есть всегда и прежде всѣхъ, то такимъ же образомъ и *истина есть вещь древняя и вѣчная.* Поэтому, пусть присмотрятся тѣ, которымъ кажется новымъ то, что само по себѣ ветхо (старо). *Ересь уличаетъ не столько новизна, сколько истина.* Что направляется противъ истины, то ересь, хотя бы то даже и древній обычай»[370]). Можетъ ли кто-либо не признать существеннаго различія между этимъ обоснованіемъ критерія для оцѣнки источниковъ и основъ христіанской вѣры и дисциплины и обще-церковнымъ принципомъ преданія? Здѣсь, какъ ясно видно, у Тертулліана дѣло идетъ не объ апостольскомъ преданіи самомъ по себѣ, въ его внутреннемъ существѣ и чистыхъ источникахъ, а *о consuetudo*, возникшемъ *вопреки* церковному ученію и порядку и имѣющемъ свой источникъ въ неразуміи или религіозно-нравственномъ невѣжествѣ. То, что сопротивляется откровенной истинѣ, есть пагубная ересь,—что не истинно, то сущая ложь,—хотя бы оно заключалось и въ древне-преданномъ обычаѣ. Задача истиннаго преданія—исправленіе всяческихъ ошибокъ и утвержденіе божественной истины. И, все-таки, Тертулліанъ ссылается здѣсь не на писаніе, какъ того хотѣлось бы протестантамъ, а на Христа, всегда пребывающаго въ своей церкви, т. е. на церковное преданіе ученія Господня. Въ этомъ именно мѣстѣ и стоитъ у Тертулліана абсолютная *истина* откровеннаго ученія вопреки мнимой *древности* принятаго людьми обычая. Чтобы не оставлять никакого сомнѣнія относительно обоснованія богопреданной истины въ ея догматическомъ значеніи Тертулліанъ прибавляетъ еще ссылку на «единое, непреложное и неизмѣнное (никогда неулучшаемое) правило вѣры»[371]), хранимое въ общецерковномъ преданіи. При соблюденіи этого недвижимаго закона вѣры и при благодатной помощи отъ Святаго Духа, должно по нему, изслѣдывать и исправлять всѣ дѣла, касающіяся церковной дисциплины и устранять всяческія сектантскія нововведенія,

370) De virg. vel. c. 1, 2, 3.
371) Ib. cf. Praes. c. 12, 13. Adv Prax. c. 2.

пріобрѣтающія доступъ въ среду христіанъ въ силу простой привычки или по укоренившемуся обычаю, механически передаваемому и удерживаемому многими лицами въ виду своихъ интересовъ.

Одно только то могло бы показаться нѣсколько страннымъ, что Тертулліанъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ говоритъ, будто αἵρεσις [372]) болѣе уличается *истиною*, чѣмъ своею собственною *новизною*, между тѣмъ какъ всѣ его творенія «*О давности* противъ еретиковъ» защищаетъ совершенно противоположную точку зрѣнія. Если не признать, что здѣсь уже обнаруживаются слѣды *монтанистическихъ* заблужденій Тертулліана, по мѣстамъ очень замѣтные [373]), то обѣ точки зрѣнія можно соединить только при томъ предположеніи, что подъ *истиной* должно разумѣть здѣсь *откровенную истину, живущую въ церкви, т. е. живое слово церковнаго преданія*. За это говоритъ и то, что мы читаемъ въ другомъ твореніи того-же краснорѣчиваго апологета истины преданія «De corona militis» [374]). Здѣсь Тертулліанъ перечисляетъ рядъ обычаевъ, употреблявшихся въ церкви; но эти обычаи опредѣлились въ своемъ значеніи и назначеніи не писаніемъ, а утвердились при помощи навыковъ, по привычкѣ, безъ сомнѣнія вышедшей изъ преданія. «Ибо какъ могло что-либо войти въ обычай, если оно не предано? Но, возразишь ты, и при самомъ соблюденіи преданія долженъ требоваться авторитетъ писанія. Поэтому мы спрашиваемъ, *развѣ незаписанное преданіе не должно приниматься?* Мы рѣшительно отрицаемъ, что оно должно быть принимаемо, если за его *давность*

---

372) Adv. Marc. 4, c. 4.

373) Уклоненіе Тертулліана къ монтанизму произошло около 200 г. Для оправданія монтанизма Тертулліанъ фазы въ развитіи природы примѣнилъ къ исторіи откровенія. Зерно откровенія Божія лежитъ въ природѣ; дѣтство и отрочество религіи проходятъ подъ закономъ и пророками; въ юности она блистаетъ евангеліемъ, зрѣлость же свою она находитъ въ Параклетѣ, наставляющемъ церковь новыми пророчествами (объ administratio Параклета см. De virg. vel. c. 1 cf. De monog. c. 1—2; Pudic c. 10). Отсюда своеобразное мнѣніе Тертулліана, что во всемъ *позднѣйшее* составляетъ необходимое заключеніе изъ предыдущаго и послѣдующее превосходитъ предъидущее Впрочемъ, ученіе Тертулліана о новыхъ откровеніяхъ (νέα προφητεία) Параклета не имѣло значительнаго вліянія на его вѣру и догматику, хотя оно и составляетъ темное пятно въ его теоретическомъ міровоззрѣніи. О монтанизмѣ Тертулліана см. *Schwegler*, Montanismus u. die christ Kirche im 2 Jahrh Tub. 1841. *Gottwald*, De Montanismo Tertulliani, 1862. *Kirchner*, De Montanistis, Ien. 1832.

374) c. 3.

не говорятъ никакіе примѣры другихъ обычаевъ, которые получили значеніе безъ документа письменнаго. подъ именемъ только преданія и по причинѣ привычкѣ». Здѣсь далѣе упоминаются у Тертулліана церковныя преданія о крещеніи (обрядовая сторона), о Евхаристіи, какъ жертвѣ, соединенной съ помиповеніемъ объ усопшихъ, объ обычаяхъ при молитвѣ и о крестномъ знаменіи во всѣхъ случаяхъ. Нельзя думать, будто у него рѣчь о преданіяхъ *только обрядовыхъ*. «Для всего этого и многаго другаго нѣтъ никакого закона писанія. Здѣсь *преданіе* основываетъ, *привычка* (упражненіе) укрѣпляетъ и *вѣра* сохраняетъ» [375]). Извѣстно также, что самъ Тертулліанъ древне-апостольское преданіе признавалъ неоспоримымъ источникомъ положительнаго вѣроученія и противопоставлялъ его еретикамъ, какъ, напр., Квинтиллѣ и Маркіону, изъ которыхъ первая суемудренно учила о существѣ таинства крещенія, а послѣдній отвергалъ фактъ воплощенія Сына Божія. Въ качествѣ объяснительнаго примѣра можно здѣсь указать еще на отношеніе Тертулліана къ крещенію младенцевъ. Тертулліанъ, какъ извѣстно, не одобрялъ крещенія младенцевъ изъ благоговѣнія предъ священнымъ дѣйствіемъ этого таинства [376]). Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, будто онъ не признавалъ его за *апостольское* преданіе [377]). Изъ общаго ученія его о таинствѣ крещенія выходитъ, что въ его время крещеніе младенцевъ было уже широко распространеннымъ обычаемъ церковнымъ. Кромѣ того, онъ самъ предостерегаетъ отъ слишкомъ поспѣшнаго сообщенія таинства крещенія какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ,— относительно послѣднихъ, конечно, потому, что не всегда можно надѣятся на воспріемниковъ, что воспринятыя ими отъ купели младенцы будутъ воспитаны въ истинно-христіанской вѣрѣ. А это онъ могъ сказать и въ томъ случаѣ, если бы разсматривалъ крещеніе младенцевъ и какъ учрежденіе во-истину апостольское, т. е. ископицерковное; онъ только не придавалъ ему исключительнаго характера и значенія, что при обычаѣ крестить взрослыхъ было само собою понятно. Но если ко времени Тертулліана (на основаніи Мат. 19, 14) крещеніе младенцевъ было уже весьма распростра-

375) Harum et alterum disciplinarum, si legem expostulas scriptam, nullam inveniens. Traditio ibi praetendetur auctrix, consuetudo—confirmatrix, fides—observatrix.

376) De bapt. c. 18. De anim. c. 39, 40.

377) *Hase*, Polemik, s. 72.

непо [378]), и если этотъ обычай—крестить младенцевъ въ III вѣкѣ былъ всеобщъ [379]), то намъ не остается другаго объясненія, какъ то, что это было преданіе апостольское, котораго Тертулліанъ вовсе не оспариваетъ въ силу его догматико-каноническаго значенія.

Еще одно замѣчаніе. Противъ Тертулліана обыкновенно говорятъ, что онъ въ своемъ богословско-философскомъ міросозерцаніи, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, «слишкомъ своеобразенъ», въ своихъ парадоксальнымъ мнѣніяхъ и въ аффористической манерѣ очень теменъ (tenebrosus), а въ «ригористическихъ сужденіяхъ» нерѣдко рѣзокъ, запальчивъ и неумолимъ до крайности. Но всѣ эти особенности въ свойствахъ мышленія и въ нравственномъ характерѣ Тертулліана, обращавшія на себя вниманіе уже древнихъ церковныхъ писателей, въ значительной мѣрѣ стоятъ въ зависимости отъ его горячей, доходящей до религіозной нетерпимости (до деспотизма), противосектантской полемики и, слѣд., сами по себѣ не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы всячески оспаривать его *положительное свидѣтельство* о преданіи и чтобы *отношеніе къ нему* православно-каѳолическаго богословія считать только сомнительнымъ [380]). Какъ извѣстно, въ болѣе поздній періодъ своей богословской дѣятельности Тертулліанъ уклонился даже въ монтанизмъ и началъ было возставать противъ глубоко чтимой прежде церкви. Но, очевидно, одного этого «обвиненія въ ереси» недостаточно для насъ, чтобы просто отказаться отъ него, какъ отъ «злаго еретика, осужденнаго церковію», тѣмъ болѣе, что его «монтанизмъ не имѣлъ значительнаго вліянія на отношеніе его къ церковному ученію» [381]). Притомъ несомнѣнно, что ни одинъ изъ западныхъ отцовъ церкви эпохи Тертулліана не оказалъ большаго воздѣйствія на церковно-богословскую письменность и ея историческое движеніе, какъ онъ [382]). Православная церковь, обладающая благодатнымъ даромъ божественной мудрости, исшедшимъ отъ Духа Христова и свято соблюдаемымъ ею, всегда умѣетъ строго и вѣрно распознавать и различать всеобщее, неизмѣняемое и абсолютное благо вѣры и откровенія отъ

[378]) См *Ириней Лионск.*, Противъ ересей, II, 22, 4; V, 15, 3

[379]) *Orig.* In Ep ad Rom. V, 9. In Lev. Hom. 8, 3.

[380]) *Hase*, Polem. s. 73. Такого же мнѣнія держатся *Перроне* и *Цоклеръ*.

[381]) *Проф. К. Поповъ*, стр. 9.

[382]) Сравн. съ этой стороны догматическое ученіе блаж. *Августина* о церкви.

личныхъ «оригинальныхъ богословскихъ мнѣній» по вопросамъ вѣроученія и, поэтому, нисколько не смущается нѣкоторыми пробѣлами, встрѣчающимися въ догматико-гносеологическомъ ученіи Тертулліана. Такъ, слѣд., и въ вопросѣ о преданіи историко-богословское значеніе Тертулліана, какъ церковнаго учителя, остается непоколебимымъ, цѣльнымъ и господственнымъ для разсматриваемаго нами времени.

Таково ученіе Тертулліана Карѳагенскаго о преданіи и его значеніи по внутреннему существу и по авторитету. Это ученіе образуетъ единое и цѣлостное православно-богословское доказательство догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго откровенія помимо библіи при помощи формально-гносеологическихъ принциповъ. Оно построенно по строго обдуманному и съ необыкновеннымъ мастерствомъ выполненному плану. Въ настоящее время такое свидѣтельствованіе христіанскаго вѣроученія состоитъ преимущественно въ ссылкѣ на св. отцовъ и учителей церкви, на авторитетъ вселенскихъ соборовъ или вселенски-православной церкви вообще. «У Тертулліана же оно опирается на доказательствахъ истинности церкви и ея ученія со стороны ея всеобщности въ пространствѣ и пріоритета во времени» [383]). По способу обоснованія ученія о преданіи Тертулліановъ взглядъ не что-либо новое вноситъ въ святоотеческую сокровищницу знаній объ источникахъ и нормахъ вѣры, т. е. не что-либо такое, чего не было бы въ церковномъ сознаніи до него. Въ древней церкви, какъ мы знаемъ, у мужей апостольскихъ, а особенно у св. Иринея Ліонскаго, ученіе о преданіи изложено, по мѣстамъ, почти въ такомъ же порядкѣ, и въ такихъ же самыхъ мысляхъ, что у Тертулліана. Тертулліанъ, дѣлаетъ (такъ сказать) только дальнѣйшій шагъ по пути точнѣйшаго разъясненія православно-церковнаго взгляда на значеніе и достоинство источниковъ и принциповъ истинно-христіанскаго знанія. Апологетическая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ привелъ въ болѣе систематическую связь православно-гносеологическія понятія о преданіи со стороны формальной и установилъ между ними идейное взаимодѣйствіе, прекрасно примѣнивъ къ нимъ подходящіе техническіе термины, заимствованные изъ римской юриспруденціи. Едва ли не самая высшая заслуга его въ исторіи пра-

[383]) *Проф. К Поповъ*, стр. 103.

вославнаго ученія о преданіи заключается въ правильномъ обозначеніи и раскрытіи внѣшне-объективныхъ источниковъ, основъ и критеріевъ истинно-христіанскаго знанія объ откровеніи и о вѣрѣ, т. е. преданія, писанія и авторитета церкви, особенно въ вопросѣ о ересяхъ. Съ этой стороны Тертулліановы прескрипціи служатъ сильнѣйшими и убѣдительнѣйше изложенными доводами въ пользу источнаго и руководительнаго значенія преданія, какъ такового. Послѣ Тертулліана мы уже почти не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ церковныхъ писателей такъ раскрывалъ и утверждалъ православное ученіе о преданіи. Доказательства прескрипцій становятся какъ бы *общимъ богословскимъ мѣстомъ*. Мы ихъ встрѣчаемъ у всѣхъ почти дальнѣйшихъ отцовъ и учителей въ примѣненіи къ сужденіямъ о преданіи на ряду съ другими гносеологическими и методологическими основоположеніями, выработанными историческимъ ходомъ церковно-христіанскаго вѣроученія и религіозной жизни.

Въ сущности тоже самое ученіе о преданіи и его значеніи, что на Западѣ—въ латинской церкви, мы находимъ одновременно и *на Востокѣ*—въ твореніяхъ православно-церковныхъ отцовъ и учителей. И *церковь греческая* также не знала другого правила истинной вѣры и другого порядка въ утвержденіи, сохраненіи и защитѣ христіанскаго откровенія, кромѣ извѣстнаго намъ изъ ученія такихъ великихъ западно-латинскихъ церковныхъ писателей, какъ св. Ириней Ліонскій и Тертулліанъ. И это само собою понятно. Догматико-гносеологическія идеи св. Иринея Лионскаго суть собственно православно-восточныя идеи, а Тертулліановъ взглядъ есть не что иное, какъ только дальнѣйшее раскрытіе Иринеева ученія о преданіи. И такъ ясно, что греко-восточная церковь также какъ и латино-западная, считала неписанное преданіе источникомъ христіанскаго ученія о вѣрѣ и жизни и гносеологическимъ критеріемъ, необходимымъ въ богословскихъ спорахъ (judex controversiarum), хотя она и не отрицала такъ рѣзко и послѣдовательно, какъ, напр., Тертулліанъ, вспомогательное средство и значеніе instrumenti.

Чтобы получить общее понятіе объ ученіи греко-восточной церкви конца II и III вѣковъ достаточно привести и сравнить

между собою мнѣнія о преданіи *Климента Александрійскаго* и *Оригена*. Для насъ особенно интересно изложить главнѣйшія черты церковнаго взгляда въ вопросѣ о преданіи этихъ основателей и представителей *александрійской* богословской школы. Извѣстно, что эта школа имѣла весьма большое вліяніе на историческій ходъ въ раскрытіи православно-догматическаго ученія о *вѣрѣ* въ ея отношеніи къ христіанскому знанію (γνῶσις). Въ отличіе отъ западнаго *антігностическаго* направленія въ ученіи объ источникахъ и основахъ религіознаго знанія и христіанской науки (позитивно-реалистическаго) общій характеръ православно-восточной гносеологіи, господствовавшій въ Александріи «въ училищѣ вѣрующихъ» (ἡ τῶν πιστῶν διατριβή) [384]), былъ *церковно-гностическій* или идеально-спекулятивный. Онъ то особенно отражается и въ сужденіяхъ Климента и Оригена по вопросу о преданіи. Кстати замѣтимъ, что, изучая творенія Климента и Оригена по вопросу о преданіи, мы видимъ въ лицѣ означенныхъ церковныхъ писателей «не философовъ только, свободно измышлявшихъ свою систему религіозной метафизики и гносеологіи», а православныхъ учителей и положительныхъ богослововъ, благоговѣвшихъ предъ величіемъ откровенія Божія и предъ церковнымъ «правиломъ вѣры» въ него.

10. *Климентъ, пресвитеръ Александрійскій* († 217 г.), «соименникъ древняго предстоятеля римской церкви и ученика апостольскаго» [385]), согласно съ ученіемъ предшествовавшихъ отцовъ и учителей церкви, свидѣтельствуетъ о преданіи и подробно раскрываетъ глубочайшія основы его вселенской истины. «Прочность апостольскаго преданія, единство этого преданія, авторитетъ этого преданія, согласіе церковной вѣры съ этимъ преданіемъ—всѣ эти пункты Климентъ защищаетъ съ неодолимою силою» [386]). Да иначе и быть не могло; ибо первоначальное преданіе (ἡ παράδοσις) самъ Климентъ воспринялъ и усвоилъ, какъ устное и живое слово Божіе, прямо изъ апостольскаго источника (ἡ τῶν ἀποστόλων διδασκαλία), бесѣдуя съ непосредственными учениками апостоловъ и мужей апостольскихъ (παραδόσεις τῶν ἀρχαίων πρεσβυτέρων), «знаменитѣйшими преемниками

---

[384]) *Евсевій* V, 10.
[385]) *Евсевій* V, 11.
[386]) *Шуази*, стр. 162.

апостольскаго ученія» [387]). Въ книгѣ «*о Пасхѣ*» Климентъ говоритъ, что «друзья убѣдили его письменно передать потомству тѣ преданія, которыя случилось ему слышать отъ древнихъ» [388]) и изъ нихъ составилъ цѣлую книгу подъ названіемъ «κανὼν» (церковное правило). Въ книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ: «*Начертанія*» (ὑποτυπωσέων λόγοι) онъ «упоминаетъ о Пантенѣ, какъ своемъ учителѣ, и излагаетъ, что Пантенъ слышалъ отъ предковъ и передалъ другимъ» [389]), какъ «изъяснялъ сокровища божественныхъ догматовъ живымъ словомъ и письменно» [390]).

Существенные пункты православно-церковнаго ученія о преданіи высказаны Климентомъ преимущественно въ его превосходныхъ «*Строматахъ*» (Στρώματα, въ 8 книгахъ). Это твореніе Климента, «содержитъ въ себѣ ученыя записки касательно истинной философіи» (τῶν κατὰ τὴν ἀληθῆν φιλοσοφίαν γνωστικῶν ὑπομνημάτων στρωματεῖς) [391]), оно написано не для тщеславія, но какъ врачевство противъ забывчивости, заключающее въ себѣ сокровище воспоминаній на старость; оно просто—образъ и оттѣнокъ тѣхъ свѣтлыхъ и оживленныхъ мыслей» о преданіи, которыя Климентъ «удостоился слышать отъ блаженныхъ и истинно-достославныхъ мужей» [392]).

Вотъ въ чемъ состоитъ богословско-философское убѣжденіе Климента Александрійскаго касательно преданія.

По ученію Климента, преданіе (устное слово Божіе) и писаніе въ ихъ взаимодѣйствіи суть неисчерпаемые источники христіанскаго вѣроученія. «Съ тѣхъ поръ, какъ Спаситель научилъ апостоловъ, чрезъ преданіе стало доходить до насъ уже и ненаписанное въ писаніи; оно всемогуществомъ Божіимъ стало начертываться въ обновленныхъ сердцахъ въ соотвѣтствіе Новому Завѣту» [393]). Это—πρῶτα στοιχεῖα божественнаго откровенія. Въ томъ и другомъ,—говоритъ

---

387) *Евсевій* V, 11. Ср. Str. lib. VI, c. 7· ἡ γνῶσις δὲ αὐτὴ, ἡ κατὰ διαδοχὰς ἐκ τῶν ἀποστόλων παραδοθεῖσα, κατελήλυθεν.

388) Евсевій VI, 11.

389) Евсевій VI, 13.

390) Евсевій VI, 12.

391) Евсевій VI, 13

392) Евсевій V, 11, стр 258.

393) Strom. VI, c. 15. Αὐτίκα διδαξαντος τοῦ Σωτῆρος τοῖς ἀποστόλους, ἡ τῆς ἐγγράφον ἄγραφος ἤδη καὶ εἰς ἡμας διαδίδοται παράδοσις, καρδιάις καιναῖς κατά τὴν ἀνακαίνωσιν τοῦ βιβλιου τῇ δυνάμει τοῦ Θεου ἐγγεγραμμενη.

Климентъ,—поучаетъ насъ Самъ Іисусъ Христосъ—начало нашей вѣры [394]). Итакъ, преданіе есть истинно-откровенное ученіе Господне и важнѣйшій предметъ чистой христіанской вѣры. Отсюда у Климента слѣдующія названія въ приложеніи къ преданію: παράδοσις τοῦ Κυρίου [395]), οἱ ἁγίοι παραδόσεις [396]), ἡ κυριάκη διδασκαλία [397]), ἡ παράδοσις εὐσεβίους [398]). Такимъ образомъ, подобно прежнимъ отцамъ и учителямъ церкви, Климентъ въ живомъ преданіи слышитъ тотъ же *голосъ Божій*, который поучаетъ и въ писаніи. Поэтому имъ нужно всегда пользоваться, изъ него всегда почерпать «чистую воду» истиннаго вѣдѣнія и жизни [399]).

Преданіе есть истинно-апостольское слово объ откровеніи Іисуса Христа (ἡ αληθὴς τῆς μακαρίας διδασκαλίας παράδοσις) [400]). «Учитель нашъ Господь многократно и многообразно всегда наставляетъ насъ чрезъ *пророковъ* и чрезъ *Евангеліе* и чрезъ блаженныхъ *апостоловъ*. Мы вѣримъ *слову* Господа, которое надежнѣе всѣхъ доказательствъ и которое, сказать правду, есть единственное доказательство. Въ этой то наукѣ одни, только познакомившіеся со св. писаніемъ, суть вѣрующіе; другіе же, пошедшіе далѣе, ищущіе основъ истины, суть настоящіе гностики, люди знанія» [401]). Отсюда само собою слѣдуетъ выводъ: «то божественное преданіе, которое мы приняли и пользуемся имъ, преданіе, согласное съ ученіемъ Господа, есть хранилище, полученное нами *отъ Учителя посредствомъ апостоловъ* [402]).» Ясно, что апостолы съ этой стороны суть, по Клименту, только οἱ προπάτορες τῶν δογμάτων [403]). Поэтому, вооружаться противъ «апостольскаго преданія», понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова и усвоять взгляды еретиковъ, т. е. *не апостоль-*

---

394) Str. VII, c. 16.

395) Str. VII, c. 17; cf. παράδοσις δ'Ἰσοῦ, Str. VI, c. V et. c 15.

396) ib. c. 18.

397) St. VI, c. 15 et c 18; VII, c. 10, c. 15 et c. 18.

398) Евсевій, VI, 13 стр. 314.

399) St. I, c 1: Τά φρέατα ἐξαντλούμενα διειδέστερον ὕδωρ ἀναδίδωσι. τρέπεται δὲ εἰς φθοράν, ὧν μεταλαμβάνει οὐδεις καὶ τὸν σίδηρον ἡ χρῆσις καθαρωτερον φιλάσσει, ἡ δε ἀχρηστία ἰοῦ τούτῳ γεννητική. Συνελόντι γάρ φάναι ἡ συγγυμνασία ἕξιν ἐμποκεῖ ὑγιεινὴν καὶ πνεύμασ καὶ σώμασιν (p. 232).

400) St. I, c. 1.

401) Str. VII, c. 16. (у *Шаузи*, стр 161).

402) St. VI, c. 15.

403) St. III. I.

ское ученіе—это значило бы измѣнять вѣрѣ во Христа и разрушать откровеніе Его. *Апостольство* преданія составляетъ полнѣйшую противоположность *самозванному* сектанству. »Еретическія секты называются *именемъ своихъ основателей*; одна изъ нихъ хотя пыталась было прикрыться авторитетомъ апостола Матѳея, но какъ было единое ученіе апостоловъ, то также хранилось и одно только преданіе» [404]). Такъ какъ въ сектанствѣ нѣтъ апостольскаго залога вѣры, то еретики и не говорятъ о преданіяхъ Христа (τῶν τοῦ Χριστοῦ παραδοσεων) [405]).

Догматическая истина и историческая достовѣрность преданія, равно какъ и писанія, основываются на учительномъ авторитетѣ церкви единой и искони—вселенской. «Какъ въ единаго Бога мы также вѣруемъ во единую, древнюю и вселенскую церковь,—церковь, отличную (отъ всяческихъ сектъ) по своему происхожденію и превосходству (истины), приводящую предопредѣленныхъ праведниковъ по дѣйствію и по началу къ *единству вѣры* [406]). Отсюда само собою вытекаетъ *единство преданія*, сохраняемаго и раскрываемаго церковію. На этой характеристической чертѣ его Климентъ останавливаетъ особенное вниманіе въ виду язычниковъ (эллиновъ) и іудеевъ, ставившихъ въ упрекъ христіанству мнимую многочисленность его сектъ. Въ отраженіе этихъ нападокъ Климентъ указываетъ язычникамъ и іудеямъ на то, что сами же они не отказываются философствовать и іудействовать по причинѣ безконечнаго разнообразія философскихъ и іудейскихъ мнѣній. Несмотря на различіе медицинскихъ школъ, они спѣшатъ къ медику во время болѣзни; *заблужденіе* (само по себѣ) *не доказываетъ еще полнаго отсутствія истины*; оно должно поощрять стремленіе къ истинѣ, точно также, какъ сорныя травы не препятствуютъ садовнику воздѣлывать огородныя овощи [407]). Какъ *ложь обманщиковъ* не освобождаетъ честныхъ людей отъ соблюденія даннаго слова, такъ точно не подобаетъ, чтобы мы какимъ бы то ни

---

404) Str. VII, c. 16; cf. VI, c. 15

405) Ib. VII, c. 17.

406) Ibidem

407) St. VII, c. 15. Выраженіе Климента: «заблужденіе не доказываетъ отсутствія истины» должно понимать такъ: истина легче выходитъ изъ ошибки, нежели изъ сбивчивости понятій; самый опасный человѣкъ не тотъ, кто увлекается заблужденіемъ, а тотъ, который презираетъ истину и пренебрегаетъ ею.

было образомъ преступили *уставъ церковный*, или не хранили *основныхъ истинъ вѣры нашей*, и въ частности особливо если другіе отвергаютъ ихъ? Ошибочность всего гносеологическаго принципа преданія у еретиковъ, при эгоистическомъ самоутвержденіи единоличной воли и сознанія внѣ церкви, лучше всего показываетъ тщательная провѣрка результовъ ихъ ученій, находящихся въ рѣзкомъ противорѣчіи между собою. Если бы и возможно было бы счисленіемъ голосовъ еретиковъ убѣдиться, что истина у нихъ одна, то до какихъ бы различныхъ выводовъ дошли бы мы такимъ путемъ? Перепутавшіяся нити мнимо — «апостольскихъ воспоминаній» настолько слабы у нихъ, что не въ состояніи поддерживать органическую связь и догматическое единство между отдѣльными частями сектантскаго ученія. Оторванное отъ церковно-исторической почвы сектанство необходимо переходитъ въ «область религіозныхъ иллюзій и утопическихъ бредней» [408]). Только въ единой и истинной церкви вселенской заключается самое точное и единственно-непогрѣшимое *знаніе* (γνῶσις) о томъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и что Онъ сообщилъ Свое ученіе апостоламъ, устно и письменно предавшимъ его всѣмъ вѣрующимъ.

Итакъ, только въ церкви глубочайшіе корни нашей увѣренности, что въ устномъ преданіи и писаніи находится ученіе Христово. Церковь хранитъ отъ начала и неизмѣнно ввѣренное ей благо откровенной истины и знаніе о его дѣйствительномъ происхожденіи? [409]) Отсюда то преданіе, по Клименту, есть не иное что, какъ ὁ κανὼν τῆς ἐκκλησίας (ἐκκλησιαστικὸς) [410]), всеобщій и необходимый,

---

[408]) Таже самая точка зрѣнія на сущность и происхожденіе языческой религіи раскрывается и въ апологетическомъ творении Климента, извѣстномъ подъ именемъ λόγος προτρεπτικὸς (Увѣщаніе язычникамъ; сравн. у св. *Іустина* Λόγος σπερματικός) Здѣсь доказывается мысль, что языческая религія—это оторванное отъ церкви религіозное сектанство. Языческіе оракулы и миѳологическая исторія боговъ—это вредоносный вымыселъ и пустота. Пересматривая мнѣнія философовъ и поэтовъ о вѣрѣ, Климентъ говоритъ, что все лучшее, что только можно найти у нихъ, давно открыто въ св. писаніи, а ихъ религіозныя *разногласія* и *противорѣчія* худо говорятъ о нихъ (*Филаретъ*, Ученіе объ отцахъ, т. I, § 85, стр. 171).

[409]) Strom. VII, c. 15: ἐν μόνῃ τῇ ἀληθείᾳ καὶ τῇ ἀρχαίᾳ ἐκκλησίᾳ ἥ τε ἀκριβεστάτη γνῶσις καὶ ἡ τῷ ὄντι ἄριστι αἵρεσις. См. у проф. *К. Попова*, Вѣра и ея отношеніе къ христіанскому знанію, по ученію Климента Александрійскаго. Кіевъ, 1887 г., стр. 20.

[410]) Str. I, c. 19 (ὅσα ὑπὸ τὸν κανόνα τῆς πίστεως ποιεῖν ἐπιτρέτραπται); κήρυγμα ἐκκλησιαστικὸν VI, c. 15 et c. 18, ἡ ἐκκλησιαστικὴ παράδοσις VII c. 7, c. 15, c. 16 et c. 17.

не ограниченный ни пространствомъ, т. е. не подчиненный закону сектантскаго раздѣленія, ни временемъ, т. е. чуждый закона сектантскаго разъединенія. Поэтому, будучи дѣтьми и питомцами божественнаго Педагога, всѣ безъ изъятія христіане должны обращаться къ «доброй матери—церкви» [411]), для наученія и пріобрѣтенія знанія о божественномъ происхожденіи основныхъ истинъ, составляющихъ содержаніе нашей вѣры. Эти истины излагаются въ «правилѣ вѣры» (κανων τῆς ἀληθειας), т. е. символѣ, предлагаемомъ церковію всѣмъ, вступающимъ въ число членовъ ея [412]). Съ этой стороны понятіе о преданіи у Климента формулируется въ положеніи: преданіе есть «апостольское и церковное правомысліе» [413]). Отсюда и слѣдующій нравственно-практическій выводъ. «тотъ перестаетъ быть другомъ Божіимъ и вѣрнымъ служителемъ Господа, кто отвергаетъ церковное преданіе», предпочитая ему мнѣнія человѣческія, δόγματα ψευδῆ [414]).

Залогомъ прочнаго сохраненія духа Христова ученія въ церкви у Климента, какъ и у другихъ церковныхъ писателей, поставляется непрерывное преемство епископовъ [415]). Здѣсь историческая достовѣрность христіанскаго вѣроученія покоится на общедоступныхъ основаніяхъ. Чтобы узнать подлинную истину откровенія Божія нужно обратиться къ апостольскимъ преемникамъ, къ пресвитерамъ и епископамъ. Вѣрить въ откровенную истину, живущую въ церкви, значитъ соглашаться съ епископствомъ, съ этимъ могучимъ авторитетомъ «въ церковномъ вѣдѣніи». Епископы—пресвитеры это воистинну «великіе (высшіе) люди въ церкви» [416]), «уже испытанные и хорошо наставленные, слѣдовать которымъ—наилучшій путь для уразумѣнія истины и исполненія заповѣдей» [417]). «Предъ лицемъ ихъ, что значитъ, напр., какой нибудь Маркіонъ» [418]). Отсюда полнѣйшее довѣріе къ ихъ свидѣтельствованію о вѣрѣ церковной. Изъ

411) Pedag. III, 11 (см. у проф. *К. Попова*, тамъ-же, стр. 20).

412) Str. VII, c. 15; cf. Paed. I, c. 1.

413) Str. VII, c. 16.

414) Ibidem.

115) St. IV, c. 9. 26.

416) St. VII, c. 15 p. 754.

417) Str. I, c 1

418) «Какъ честный человѣкъ не осмѣливается лгать, такъ не осмѣливается церковь преступать преданный символъ вѣры, поэтому должно присоединиться *къ ней*,

устъ епископовъ узнается *вся исторія* христіанскаго ученія и жизни; на нихъ должно ссылаться, у нихъ наводить необходимыя справки. Здѣсь полное сходство ученія Климента Александрійскаго о преданіи со взглядомъ св. Иринея Ліонскаго и Тертулліана Карѳагенскаго. Отсюда то у Климента видное мѣсто занимаютъ παραδόσεις τῶν ἀρχαίων πρεσβυτέρων [419]). Это должно замѣтить особенно противъ тѣхъ изслѣдователей, которые думаютъ утверждать [420]), будто для Климента *не епископы*, мудрые блюстители церковнаго вѣроученія, какъ для прочихъ отцовъ и учителей, а многоученые *гностики* съ ихъ «*научною вѣрою*» (ἐπιστημονικὴ πίστις=γνωστικὴ πίστις) [421]) суть истинные носители и хранители апостольскаго преданія.

Источное значеніе преданія въ такомъ составѣ Климентъ признаетъ весьма важнымъ, существеннымъ и незамѣнимымъ. Каждый истинный христіанинъ получаетъ спасительную *вѣру* (πίστις=fides) отъ церкви, отъ преданія. При посредствѣ живаго наставленія со стороны церкви христіанская вѣра утверждается на преданномъ словѣ Божіемъ. «Многіе изъ насъ,—говоритъ Климентъ,—получили божественное ученіе помимо писанія, при помощи божественной силы, заключающейся въ вѣрѣ» [422]). Итакъ ясно что вѣра, въ догматическомъ ученіи и жизни церковной, по первоначальному происхожденію, идетъ отъ преданія, и становится *послушаніемъ Слову истины* [423]). Ибо, по Клименту, *вѣра рождается отъ слуха* [424]), т. е. отъ слышанія церковной проповѣди о Христѣ и Его откровеніи. Здѣсь у Климента находится ссылка на извѣстныя слова изъ пророка Исаіи (53, 1) и ап. Павла (Рим. 10, 14—17). «Видишь,—спрашиваетъ Климентъ,—какъ чрезъ слухъ и апостольскую проповѣдь возводится вѣра къ слову Господа и Сыну Божію» [425]). Здѣсь

которая *уже* владѣетъ истиною Какъ люди, заколдованные Цирцеей, кривлялись, какъ животныя, такъ перестаетъ быть человѣкомъ Божіимъ тотъ, кто оторвался отъ преданія» Str. 61. VII, c 15 et 16.

419) *Евсевій*, V, 11, ср. Str. VI, c. 17.

420) Holzman, Kanon und Tradition § 87, s. 285.

421) Str. VII, c. 16 (ἡ θεωρία ἡ ἐπιστημονικὴ=«научное созерцаніе»); см. у проф. *К. Попова*, стр 34. 37.

422) Str. I, p. 319 (у *Neander*'а, Kirchengesch I. 2. s. 539).

423) Paedag. 1, c. 13: ἡ τοῦ λογου ὑπακοὴ... τῶν ὑπὸ τοῦ Λόγου διδασκομένων ἀδιάπτωτος ἐνέργεια; Cf. Str. V, c. 1 (Matѳ. XI, 15) (у проф. *К Попова*, стр. 21. 13).

424) Str. II, c. 6 (у проф. Попова, стр. 17).

425) Ibid.

у него съ словомъ Божіимъ совпадаетъ не только писаніе, но и проповѣдь церкви, согласная съ преданіемъ и писаніемъ. Между проповѣдникомъ и слушателемъ устанавливается созвучіе и гармонія вѣры того и другого[426]). Возвѣщаемая въ церкви и чрезъ церковь истина дѣйствуетъ на внутреннее чувство божественнаго, подобно магниту, притягивающему желѣзо, или янтарю, привлекающему къ себѣ легкіе предметы; а внутреннее чувство воспламеняется, подобно сухой соломѣ, и душа, какъ плодородная почва, становится пригодною для сѣянія сѣмянъ[427]), если не окажется какихъ-либо причинъ, приводящихъ человѣка къ невѣрію[428]). Здѣсь религіозная вѣра, въ моментъ своего происхожденія, есть такое *признаніе* единаго откровеннаго ученія, соединяющее его съ нашею душою[429]), которое получаетъ непоколебимую твердость въ неложности Божіей и авторитетѣ церкви и, вызывая въ насъ дѣятельное стремленіе къ усвоенію христіанскаго откровенія[430]), доставляетъ «великое побужденіе къ знанію» истинъ, находящихся въ писаніи и преданіи и становится началомъ нравственной жизни[431]). Такимъ образомъ въ церкви, въ преданіи церковномъ совершается *перехожденіе* вѣры въ христіанское откровеніе, т. е. въ его абсолютную истинность и совершенство.

Итакъ, преданіе есть первоначальный способъ распространенія и утвержденія божественнаго откровенія въ церкви и вмѣстѣ исторически-самостоятельный источникъ, производящій вѣру въ него. Только при цѣлостномъ сохраненіи его «мы вѣримъ слову Господню». Ученіе Климента объ авторитетѣ, на коемъ утверждается вѣра въ ея содержаніи (т. е. источникахъ) и въ ея вліяніи на религіозно-нравственную жизнь истинно-вѣрующаго христіанина указываетъ на глубокое и всестороннее разумѣніе природы христіанскаго преданія.

Съ переходомъ церковной вѣры въ область христіанскаго откровенія на преданіи всецѣло основывается совершенная увѣренность въ томъ, что писаніе есть истинное слово Божіе, живущее въ церкви.

---

426) Str. V, c. 1.
427) St II, c. 6.
428) St. II, c. 12 (у проф. К. Попова, стр. 17).
429) Str II, c. 2
430) Ibid.
431) Ibid. (у проф. К. Попова стр. 18).

Преданіе утверждаетъ историческую подлинность и каноническое достоинство книгъ библейскихъ. Искони не было сомнѣнія въ томъ, что всѣ христіане получаютъ писаніе изъ рукъ церкви и должны держаться его (St. VII, c. 15.16). Въ своихъ Ὑποτυπωσέων λόγοι Климентъ сообщаетъ преданіе о поводѣ и порядкѣ написанія нашихъ евангелій, при чемъ ссылается на παράδοσις τῶν ἀνέκαθεν πρεσβυτέρων, разсказы пресвитеровъ старшаго поколѣнія, возводящихъ насъ minimum ко второй половинѣ II вѣка[432]). Здѣсь же находится у него упоминаніе, по руководству преданія, о книгѣ Дѣяній апостоловъ, о соборныхъ посланіяхъ, о всѣхъ посланіяхъ ап. Павла и Апокалипсисѣ[433]). На основаніи того-же преданія Климентъ отвергаетъ «Евангеліе отъ евреевъ» (κατ' ἑβραιους), которымъ пользовались эвіониты[434]), и «Евангеліе отъ Египтянъ», которымъ пользовались валентиніане и на основаніи котораго савеліане сливали ипостаси въ Богѣ[435]), и обличаетъ еретиковъ, не признававшихъ обоихъ посланій ап. Павла къ Тимоѳею[436]).

На тождествѣ и полнѣйшемъ взаимодѣйствіи писанія и преданія обосновывается у Климента *самое изъясненіе* (ἐξήγησις) библіи; ибо оно должно совершаться подъ непосредственнымъ руководствомъ преданія, въ духѣ церковной вѣры (γνώσις ἐκκλησιαστικὴ) Подобно Иринею Ліонскому и Тертулліану, Климентъ, «въ Александріи славившійся изученіемъ божественныхъ писаній»[437]), жалуется на дерзкій и горделивый произволъ и злоупотребленія еретиковъ въ отношеніи къ писанію, которые, «чтобы утвердить свою ересь, свободно искажаютъ то, что сообразно съ *богодухновенными словами*, передано блаженными апостолами и *нашими учителями*, и человѣческими ученіями противоборствуютъ божественному преданію (θεία παραδόσει) и такимъ образомъ образуютъ свою ересь (αἵρεσιν)»[438]). Особенно онъ указываетъ на совершаемыя еретиками кощунственныя измѣненія въ Евангеліяхъ (τῶν μετὰ τίπεντων τὰ εὐαγ-

---

432) Евсевій VI, 14 стр. 315
433) Тамъ-же стр. 314—315.
434) См. Str. VII, c 17.
435) Str. III, c. 9 (у Пуази стр 103)
436) Str lib. II (Op. p. 383 ed. Paris. 1641).
437) *Евсевій* V, 11 стр. 258.
438) Str. VII, c. 16.

γέλια) и въ качествѣ примѣра приводитъ одинъ поразительный случай интерпретаціи (вставокъ) въ текстѣ Евангелія отъ Матѳея (5, 9). Онъ подробно раскрываетъ православно-церковную мысль, что «преданное», τὴν παραϰαταθήϰην (1 Тим. 6, 20), т. е. ученіе Господне чрезъ достовѣрное преданіе апостоловъ дошло до насъ. Оно положено въ священномъ писаніи, которое нужно изъяснять по «правилу истины», ϰανὼν τῆς ἀληθίας[439]). Сначала дано «правило истины», т. е. законъ истинной вѣры, а потомъ писаніе и его необходимое истолкованіе церковію. Ибо ни ветхозавѣтные пророки, ни Самъ Спаситель міра, Христосъ, не излагали *таинъ вѣры* такъ просто, чтобы они могли быть легко и безъ всякаго прекословія понимаемы каждымъ въ отдѣльности человѣкомъ[440]), даже неподготовленнымъ къ благодатному воспріятію ученія истины Божіей и возрастанію въ себѣ вѣры изъ зерна горчичнаго въ величественное дерево[441]). Впрочемъ, *все* въ христіанскомъ ученіи «*ясно* (истинно) *для разумнаго и справедливо* (душеспасительно) *для пріобрѣтшихъ знаніе*» (Притч. 8, 9), т. е. для тѣхъ, которые, узнавши и усвоивши по церковному правилу (ϰατὰ τὸν ἐϰϰλησιαστιϰὸν ϰανόνα) объясненіе писаній, данное Самимъ Господомъ (Лук. 24, 45), сохраняютъ его въ цѣлостной полнотѣ и чистой истинѣ. А «церковное правило есть согласіе и гармонія *закона и пророковъ* по (новому) *завѣту*, преданному въ пришествіи *Господа*»[442]). Поэтому, Климентъ настаиваетъ на той мысли, что «тѣ, кои толкуютъ писанія вопреки церковному преданію потеряли правило истины»[443]). Первоначальное распространеніе христіанскаго вѣроученія совершается не посредствомъ писанія, а посредствомъ устнаго наставленія. Отсюда въ свою очередь, по Клименту, всегда должно придерживаться преданія и только впослѣдствіи возможно перейти къ самой библіи. Въ аллегорическомъ истолкованіи писанія въ противоположность буквальному (антропоморфизмъ библіи) Кли-

---

439) Ibidem; cf Ped I, c. 1.

440) Str. VI, c 15.

441) St V, c 1.

442) Str. VI, c. 16 ϰανὼν δὲ ἐϰϰλησιαστιϰός ἡ συμφωνία νόμου τε ϰαὶ προφητῶν τῇ ϰατὰ τὴν τοῦ Κυρίου παρουσίαν παραδιδομένη διαθήϰῃ. Срав взглядъ на отношеніе къ «закону и пророкамъ» евангельскаго преданія у Егезиппа и автора письма къ Автолику.

443) St. VII.

ментъ полагаетъ особую необходимость преданія, какъ руководительнаго начала.

Здѣсь нельзя не обратить вниманія еще на одну характеристическую черту въ ученіи Климента о преданіи, а именно на то, что Климентъ въ широкой области апостольской вѣры и обще-церковнаго преданія отличаетъ своего рода гностическое преданіе, παράδοσις ἡ γνωστκὴ [444]), которымъ будто бы постоянно пользовались *церковные учители* при изъясненіи писанія, унаслѣдовавъ его по преемству отъ апостоловъ, въ свою очередь получившихъ его отъ Самаго Христа, изложившаго имъ глубокій и сокровенный смыслъ библейскаго слова [445]). Эта именно черта подавала поводъ нѣкоторымъ ученымъ ультра-критической школы заподозривать Климента Александрійскаго въ наклонности къ еретическому гносису и его тайному преданію [446]), тѣмъ болѣе, что вышеуказанное мнѣніе прикрѣпляется у него къ тому же самому мѣсту изъ перваго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ (2, 6), гдѣ идетъ рѣчь «*о мудрости между совершенными*», къ которому и еретики-гностики привязывали свой ложный гносисъ [447]). «Трудно сказать, съ увѣренностію, что разумѣетъ Климентъ подъ этимъ преданіемъ»; по крайней мѣрѣ, въ его твореніяхъ «нѣтъ ничего такого, что не было бы извѣстно всей церкви» [448]). Можетъ быть, здѣсь сказалась излишняя привязанность его къ спекулятивно-идеалистической философіи и ея отвлеченно-умозрительному способу познанія созерцательныхъ истинъ вѣры, породившему не рѣдко встрѣчающееся у него чрезмѣрное употребленіе богословскаго аллегоризма въ его экзегетическихъ трудахъ [449]). Спекулятивно-философскому мышленію вообще свойственъ превыспренній «трансцендентный идеализмъ», приводящій съ логической послѣдовательностію къ крайнимъ выводамъ субъективнаго аллегоризма, который легко можетъ переходить въ невѣдомую область таинственнаго и мистическаго, что неразрывно связанно съ общимъ

---

444) Str. VI,c 7.

445) Преосв *Сильвестръ*, Опытъ правосл. Догм. Богословія. т. I, § 17, стр. 92. *Филаретъ*, цитов соч., т. I, § 88, стр 177—178, примѣч. 35—36.

446) Мнѣніе Клерика, Спангейма, изъ новѣйшихъ Гульуманъ и др.

447) *Сильвестръ*, тамъ-же.

448) Проф К. Поповъ, стр. 32.

449) *Филиретъ*, цитов. соч., тамъ-же, стр 177.

понятіемъ гносиса, т. е. религіознаго знанія, доступнаго одному вѣдѣнію (γνώσει). По всей вѣроятности, потому и Климентъ ссылается на какое то *тайное гностическое преданіе* Христа и апостоловъ [450]).

Но эта ссылка на гностическое преданіе апостоловъ употребляется у Климента въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ у еретиковъ-гностиковъ. Авторитетъ таинственнаго преданія важенъ ему не для того, чтобы отвергнуть или измѣнить вселенски-церковное преданіе, въ чемъ собственно и состояла единственная задача сектантскаго гносиса, а въ томъ, чтобы на основаніи его постепенно возвыситься къ болѣе высокому религіозно-философскому умозрѣнію (θεωρία) въ познаніи истинъ христіанскаго вѣроученія [451]). Съ этою именно цѣлію онъ указываетъ на устныя сообщенія своихъ знаменитыхъ *наставниковъ* (λόγω πιστεύεται οὐ γράμματι... μᾶλλον οὐκ ἐν φονῇ, ἀλλ'ἐν τῷ νοεῖσθαι) изъ различныхъ странъ христіанскаго міра (изъ Греціи или Іонійской Эллады, Великой Греціи или южной Италіи, населенной греками, изъ Келесиріи или части Сиріи, лежащей между Ливаномъ и Антиливаномъ, изъ Египта, Ассиріи и Палестины), «сохранившихъ истинное преданіе божественнаго ученія»,— «сѣмена прародителей и апостоловъ»,—какъ оно вышло «прямо отъ святыхъ *апостоловъ Петра и Іакова, Іоанна и Павла*» [452]). Въ лицѣ XII апостоловъ, передавшихъ ученіе Христово церкви, здѣсь въ особую группу выдѣляются только три: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, сіявшіе живѣйшимъ блескомъ свѣтозарнаго Лика Господня; ихъ преданіе есть какъ бы непосредственный отблескъ «словъ Учителя» [453]), поучающаго въ церкви Своей. Въ ликѣ соработниковъ у Бога (1 Кор. 3, 9), имѣвшихъ безчисленное множество со-

---

450) Αὐτίκα οὐ πολοῖς ἀπεκάλυψεν (ὁ Ιησοῦς) ἅ μὴ πολλῶν ἦν, ὀλίγοις δὲ οἷς προσήκειν ἠπίστατο, τᾶς οἵοις τε ἐκδέξασθαι καὶ τυπωθῆναι προς αὐτά τὰ δὲ ἀπόῤῥητα, καθάπερ ὁ θεὸς, λογῳ πίστεύεται, ου γράμματι , ἀλλὰ γὰρ τὰ μυστήρια μυστικῶς παραδίδοται, ἵνα ᾖ ἐν στόματι λαλοῦντος καὶ ὃ λαλεῖται. μᾶλλον δὲ οὐκ ἐν φονῇ, ἀλλ'ἐν τῷ νοεῖσται κτλ. Сравн у *Евсевія* II, 1 (изъ 7-й книги Ипотипозъ).

451) Str. 1, c. 1 (p. 274; Ugl (у *Ehun*'а, Theol. Quartalschr., 1858, s. 387 ff.).

452) *Евсевій* IV, 11 стр. 259.

453) Str. VII, c. 16. Сравн идею и названіе цѣлаго творенія Оригенова Παιδαγωγος «Наставникъ» этотъ есть Христосъ, Сынъ Божій, божественный основатель церкви христіанской. Откуда и какъ истинный христіанскій гностикъ пріобрѣтаетъ познаніе вѣры? Отъ Христа, живущаго и глаголющаго въ церкви. Отсюда христіанство—училище вселенскихъ истинъ, а Истина Христова (λόγος παιδαγογὸς)—госпожа философіи.

трудниковъ и *совоинственниковъ* (Филим. ст. 2), стоитъ у Климента и апостолъ Павелъ, сосудъ избранный. Свидѣтельство такихъ духоносныхъ носителей и хранителей преданія Христова незамѣнимо по самой природѣ ничѣмъ другимъ и менѣе всего извѣстіями позднѣйшими, уже подверженными порчѣ, какъ, напр., у еретиковъ. Какъ сами они были въ особенности посвящены Господомъ въ «тайны царствія Божія» и въ познаніе священнаго писанія, такъ и они въ свою очередь сообщили свое знаніе (гноспсъ) своимъ послѣдователямъ и преемникамъ и такимъ образомъ передали его дальнѣйшему потомству, по убѣжденію въ его совершенной истинѣ. Поэтому, всѣ безъ изъятія христіане, богоучрежденная іерархія и православный народъ, епископы и простые вѣрующіе, высшіе (священноначальники) и низшіе (мірскіе люди), въ цѣлости церковной жизни и религіознаго сознанія, составляющіе единое тѣло Христово,—унаслѣдовали истинное правило вѣры отъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, «какъ сынъ отъ отца,—хотя, конечно, не многія дѣти бываютъ похожи на родителей (οἱ πατράσιν ὅμοιοι)» [453]; но только разумно-понимающіе и истинно-вѣрующіе, т. е. настоящіе гностики, κατὰ τὸ ἐκκλησιαστικὸν κανόνα γνωστικοι [454]), овладѣли ученіемъ, переданнымъ апостолами своимъ преемникамъ въ своей проповѣди и непосредственномъ наставленіи, возвѣщенномъ въ Духѣ Божіемъ. *Младенцамъ* по вѣрѣ (Мат. 11, 25) или по уму (1 Кор. 14, 20) досточно млеко ученія (1 Петр. 2, 2). О нихъ то говоритъ Климентъ, что «*вкушаютъ писанія*», т. е. усвояютъ его содержаніе, но не погружаются въ научное изслѣдованіе [455]). Но «*совершеннолѣтнимъ*», т. е. совершеннымъ въ знаніи вѣры христіанамъ, нужна «*твердая пища*» (1 Кор. 3, 2), т. е. гносисъ.

«Но не нужно при этомъ терять изъ виду того, что гностическое преданіе Климентово *по своему существу* совершенно отлично отъ преданія гностиковъ» [456]). Извѣстна сектантская гностическая трихотомія въ элементахъ міра и человѣческой жизни: τὸ πνευματικὸν, τὸ ψυχικὸν καὶ τὸ ὑλικὸν. Этими своеобразными терминами обозначаются

---

[453]) Евсевій VI, 11 стр. 259. Ср. Str, c. 1.

[454]) Str VII. c. 7 et c. 16.

[455]) См. проф. Попова, стр. 20—21.

[456]) *Сильвестръ*, цит. соч., стр. 92.

у гностиковъ непримиримыя и враждебныя космическія и гносеологическія начала бытія и источники знанія. Отсюда и въ христіанствѣ, по мнѣнію гностиковъ, πνευματικὸς, ψυχικός καὶ χοικὸς—это взаимно-исключающія ступени духовнаго развитія и совершенствованія. Поэтому гностикъ-еретикъ, какъ χριστιανισμὸς πνευματικὸς, противополагаетъ себя простымъ вѣрующимъ. какъ психикамъ и вещественникамъ (σωματικοῖς), всячески отособляется отъ нихъ, чего не дѣлаетъ гностикъ Климентовъ, ни предъ кѣмъ не превозносящійся, нисколько не гордящійся своимъ знаніемъ, а, напротивъ, находящійся со всѣми христіанами «*въ союзѣ мира*» (Еф. 4, 3) и любви и одушевляемый вмѣстѣ съ ними одною и тою-же вѣрою апостольскою и церковною, только яснѣе и полнѣе, чѣмъ простые вѣрующіе, понимающій ее. Отсюда «полухристіанское преданіе гностиковъ» есть исключительное достояніе особаго привиллегированнаго кружка людей, *только однихъ гностиковъ*, а Климентово гностическое преданіе «вовсе не выходитъ изъ предѣловъ области общей церковной вѣры и общаго церковнаго преданія и потому предоставляется въ полное обладаніе каждому вѣрующему, только бы каждый захотѣлъ того и сдѣлался къ тому способнымъ». Климентовъ «гносисъ не есть что-либо противоположное вѣрѣ, какъ еретическій гносисъ, а есть таже вѣра, только возведенная на стенень знанія или облеченная въ его форму» [457]). «Гносисъ, по Клименту, есть такъ сказать, нѣкоторое совершенство человѣка, какъ человѣка, восполняемое знаніемъ божественныхъ вещей, согласное и съ правомъ, и съ жизнію, и съ словомъ, и согласное съ самимъ собою и божественнымъ Словомъ. Ибо чрезъ него усовершается вѣра» [458]). Вообще гносисъ, понимаемый въ качествѣ теоретическаго знанія, есть ясное сознаніе воспринятаго вѣрою, отчетливое представленіе о полномъ содержаніи христіанской вѣры и научное систематическое изложеніе его; въ практическомъ отношеніи гносисъ есть жизнь, согласная съ возможнымъ для человѣка познаніемъ воли Божіей [459]). Ясно, что церковный гносисъ Климентовъ это истинно-христіанская мудрость, соединенная съ научнымъ знаніемъ, μετ' ἐπιστήμης [460]), т. е.

457) Тамъ-же, стр. 92—93.

458) Проф. К. Поповъ, стр 26.

459) Тамъ-же.

460) St. VII, c. 10.

руководящаяся философско-научными началами и законами при сознательномъ усвоеніи и утвержденіи православной вѣры. Отсюда для Климентова гностика философія, какъ совокупность истинныхъ мнѣній о Богѣ и поведеніи человѣка, разсѣянныхъ по всѣмъ философскимъ системамъ, приготовляющая путь царственному ученію, τῇ βασιλικωτάτῃ διδασκαλίᾳ [461]), есть источникъ добродѣтели и дѣло божественнаго промышленія о людяхъ [462]). «Такимъ образомъ, по Клименту, для достиженія истиннаго христіанскаго гносиса или разумнаго знанія истинъ вѣры допускается и требуется со стороны разума дѣятельность только чисто-формальная, которая съ отрицательной стороны должна состоять въ научномъ защищеніи истинъ вѣры, а съ положительной стороны въ ихъ болѣе ясномъ и точномъ опредѣленіи и раскрытіи, безъ всякаго измѣненія ихъ сущности. Самымъ же важнымъ пособіемъ для истиннаго гностика въ семъ дѣлѣ, по мнѣнію Климента, должно служить полное и основательное знаніе и такое же изъясненіе писанія, но въ духѣ церковной вѣры» [463]). Съ этой стороны само собою понятно, почему и самъ Климентъ энергично борется съ двумя крайними взглядами на вѣру и гносисъ въ ихъ взаимоотношеніи. 1) съ предубѣжденіемъ противъ философіи и науки простыхъ вѣрующихъ и 2) съ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ со стороны гностиковъ философскою мудростію. Противъ перваго предубѣжденія онъ устанавливаетъ весьма важное значеніе философско-богословскаго знанія при положительномъ откровеніи [464]), а противъ втораго—абсолютную необходимость *церковной вѣры* и преданія и

461) Str. I, c. 16

462) Отсюда афоризмъ Климента: quid est Plato, nisi Moses, qui loquitur attice. См. P *Faye*, Clement d' Alexandrie. Etude sur les rapports du christianisme et de la philosophie grecque au II siecle. Paris 1898, p. 149—159.

463) *Сильвестръ*, стр 91.

464) Откровеніе Божіе, какъ оно дано въ преданіи и писаніи, должно первоначально приниматься *на вѣру* (πίστις). Это общее требованіе Климента. Но какъ вѣра должна относиться къ дальнѣйшему развитію знанія (γνωσις) объ откровеніи? Св. Ириней Лионскій держался простой вѣры, не исключая, впрочемъ, научнаго изложенія ея. Климентъ Александрійскій стремится дать болѣе широкое поле знанію (γνωσις), нисколько не умаляя вѣры. Вѣра, по нему, въ извѣстномъ смыслѣ есть завершеніе (окончаніе) знанія (τελείοτης μαθήσεως=τέλειος γνωστικὸς, cf. Pedag. I, c. 6). Вѣрѣ ничего не достаетъ, она не хромаетъ, какъ знаніе. Она имѣетъ обѣтованіе и проч. По Строматамъ, вѣра необходима также для того, чтобы достигать знанія (I, c. 1). Она предупреждаетъ знаніе (II, c. 1; cf. II, c 4: κυριώτερον οὖν τῆς ἐπιστήμης ἡ πιστις καὶ ἑτσὶν αὐτῆς κριτήριον). Чтобы гносеологическій авторитетъ вѣры поставить внѣ сом-

осужденіе высокомѣрной и въ тоже время безплодной «реторики—софистики», λογυκὴν τέχνην [465]). Какъ, поэтому, далеко отъ истины стоитъ мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, будто Климентъ «и въ теоріи не только не признавалъ подчиненія разума откровенію, но и равенства его въ правахъ съ откровеніемъ, и *чисто раціоналистически* стремился поставить разумъ судьею откровенія» [466]).

Итакъ, только въ «откровенной истинѣ и въ древней церкви» находится, по взгляду Климента, *истинный гносисъ*, раскрывающій глубочайшія основы и источники православно-христіанскаго вѣроученія. Еретики же не научились истинѣ, не восприняли ее, а только отпали отъ нея, обнаруживъ тѣмъ самымъ въ результатѣ своей *новой вѣры* и своей глубокой, безпощадной ненависти къ церкви не только полное отсутствіе самостоятельнаго творчества въ области религіозно-философскаго созиданія и жизни, но и органическую неспособность даже вступить на этотъ путь. Таковъ общій смыслъ всякой антицерковной дѣятельности всяческихъ сектантскихъ *партій*. Здѣсь безпрестанное и полное практическое *разложеніе* и разрушеніе религіознаго міросозерцанія, безконечные споры и раздоры по богословскимъ вопросамъ безъ надежды на какое-либо соглашеніе. «Но тѣ,—говоритъ Климентъ,—которые не приняли правила истины отъ Самой Истины, необходимо должны впасть въ величайшія заблужденія. Только уклонившіеся отъ праваго пути заблуждаются и въ очень многихъ частностяхъ; это понятно само собою, ибо они не имѣютъ больше никакого критерія для отличія

нѣнія, Климентъ отличаетъ отъ вѣры простыя мнѣнія и предположенія (εἰκασία), которыя относятся къ вѣрѣ, какъ льстецъ къ истинному другу и какъ волкъ къ собакѣ. Откровеніе (διδασκαλία) и вѣра взаимно обусловливаютъ другъ друга, какъ бросаніе и поимка шара въ игрѣ (Str. II, c. 6).

[465]) Необходимость изученія вѣры (πίστις περὶ τὴν μάθησιν, St. I, c. 6) и внутренняя связь между вѣрою и знаніемъ видны изъ слѣд. положеній Климента. Πιστὴ τοίνυν ἡ γνῶσις. γνωστὴ δὲ ἡ πίστις θείᾳ τινὶ ἀκολουθίᾳ τε καὶ ἀνταικολουθίᾳ γίνεται. Вѣра—сокращенное и скудное знаніе истины, а знаніе болѣе обширное и научное изложеніе и обоснованіе ея на ея же основаніи (Str. VII, c. 10) Съ этой стороны свободное знаніе для Климента стоитъ выше вѣры (Str VI, c. 14· πλέον δὲ ἐστι τοῦ πιστεῦσαι τὸ γνῶναι) Но онъ всегда умѣлъ отличать истинное значеніе отъ ложнаго, т е. отъ знанія гностиковъ (Str. V, c 6 et c. 12; VI, c 7, VII c. 10—здѣсь вѣра опять является основаніемъ знанія, достойнаго христіанина). О различныхъ наименованіяхъ и частяхъ знанія см. Str VI, c. 17

[466]) «Правосл Собесѣдн.» 1894 г, Янв. стр. 8, ст. Іеромон. Кирилла: «Ученіе св. Аѳанасія В. о св. Троицѣ».

истиннаго и ложнаго, чтобы избирать справедливое» [467]), т. е. утвержденное на богопреданомъ «правилѣ вѣры». Честолюбіе овладѣваетъ всѣми, которые самовольно, путемъ ложнаго истолкованія, обходятъ то, что предано въ естественной связи (согласіи) съ богодарованнымъ писаннымъ словомъ, или которые посредствомъ ложныхъ умозаключеній идутъ съ человѣческими ученіями противъ божественнаго преданія, дабы отстаивать свои особыя (еретическія) мнѣнія. «Истинный гностикъ только тотъ, кто состарѣлся надъ самыми писаніями и соблюлъ въ догматахъ апостольское и церковное правомысліе и устраиваетъ свою жизнь по Евангелію» [468]); ибо жизнь одареннаго *высшимъ вѣдѣніемъ* (γνώστικος) есть не иное что, какъ дѣла и слова сообразныя съ преданіемъ Господнимъ» [469]). Ясно, что къ источникамъ истинно-христіанскаго гносиса Климентъ, подобно всѣмъ церковнымъ учителямъ, причисляетъ и преданіе, понимая подъ нимъ истинное, нерушимо-апостольское религіозное сознаніе и жизнь церкви вселенски-апостольской. На «благочестивомъ согласіи» (συγκατάθεσις) писанія съ этимъ преданіемъ онъ поставляетъ непремѣнный законъ религіознаго бытія и вѣры всецерковной. Съ преданіемъ долженъ сообразоваться каждый христіанинъ въ дѣлѣ ученія истинамъ божественнаго откровенія, чтобы не уподобиться малодушному человѣку, «*не благонадежному для царствія Божія, возложившему руку свою на плугъ и озирающемуся назадъ*» (Лук. 9, 62), т. е. желающему вѣровать, но колеблющемуся еще признать правило церковной вѣры и истинно-христіанскаго ученія. «На этомъ требованіи отъ православнаго толкователя слова Божія Климентъ настаиваетъ очень твердо, и въ его соблюденіи полагаетъ существенное отличіе истиннаго христіанскаго гностика отъ гностика-еретика, который изъясняетъ писаніе, слѣдуя одному личному своему произволу и совершенно оставляя въ сторонѣ необходимую здѣсь норму апостольской и церковной вѣры, тогда какъ первый всегда строго держится этой нормы» [470]).

---

467) St. VII, c. 16 (ссылка у *Mohler*'a Patrogolie, s. 455).

468) St. VII, c. 16· ὁ γνωστικὸς ἄρα ἡμῖν μόνος, ἐν αὐτοις καταγηράσας ταῖς γραφαῖς, τήν ἀποστολικὴν καὶ εκκλησιαστικὴν σώζων ὀρθοτομίαν τῶν δογμάτων, κατά το Ευαγγελιον ὀρθότατα βοῖ, τὰς ἀποδείξεις, ὡς ἂν ἐπιζητήση, ἀνευρίστει.

469) Str. VII (ed. Par. 1641, p. 763).

470) *Сильвестръ*, цитов. соч., стр, 91—92.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго само собою становится яснымъ, что Климентъ различаетъ не двѣ какія то отдѣльныя и отдѣленныя одна отъ другой христіанскія религіи, не два какія то «особыя откровенія», изъ которыхъ одно сокрывается въ другомъ, какъ зерно въ орѣхѣ, одно нужное для простеца-христіанина, «для народной толпы», для «невѣжественнаго народа (profanum vulgus), а другое для тонкихъ и ученыхъ головъ, для образованныхъ классовъ, для «аристократической интеллигенціи», какъ это было у лицемѣрныхъ гностиковъ; но только *двѣ различимыя* въ теоріи, но нераздѣльныя въ полномъ единствѣ церковнаго взгляда *ступени* одного и того же религіозно-христіанскаго познанія[471]). Ссылка Климента на гносисъ, при обсужденіи философскихъ системъ по религіознымъ вопросамъ и при выдѣленіи изъ нихъ истинъ о Богѣ и нравственномъ ученіи, служитъ для него только гносеологическимъ критеріемъ при возведеніи вѣры на степень высшаго знанія[472]). Здѣсь Климентъ не то хотѣлъ сказать, будто «*человѣкъ неученый* не можетъ понимать содержанія вѣры» (это одинъ изъ основоположительныхъ принциповъ надменнаго гностическаго сектантства съ его религіозною «идеологіею» и «индексомъ»), а то, что только *обученый вѣрѣ христіанинъ* и высоко-просвѣщенный ея истиною правильно приступаетъ къ познанію источниковъ христіанскаго откровенія, пользуясь при этомъ всѣми вспомогательными гносеологическими средствами и пособіями научно-философскаго знанія[473]).

Климентъ Александрійскій имѣлъ еще особое побужденіе не раздѣлять такъ странно, какъ гностики, христіанскаго откровенія и преданія на двѣ неравныя и несоизмѣримыя части въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи вѣры и разума. Въ Египтѣ, въ его языческой религіи, строго раздѣлялась политеистическая религія народа, т. е. религія непосвященныхъ и мистическая религія, какъ исключительное достояніе жрецовъ и гіерофантовъ, ихъ учениковъ[474]). Здѣсь мы

---

471) *Lessing*, Werke. (Leipz), t. 6, s. 309.

472) *Neander*, De fidei gnoseosque idea sec. Clementem Alex. Heidelb. 1811. 8. *Baur*, Gnosis, s. 502 ff. *A. F. Daehne*, De γνώσει Clementis Alex., Lips. 1831, *H. Laemmer*, Clementis Alex. de λόγῳ doctrina, Lips. 1855.

473) Проф. К. Поповъ, стр. 30.

474) Климентъ особо примѣчаетъ, что Пиѳагоръ изъ желанія быть допущеннымъ къ тайнамъ египетскимъ подвергъ себя обрѣзанію (Str. lib. I).

видимъ во-очію, какъ религіозно-сектантская «апокалипсика и гносисъ» встрѣчаются между собою «въ идеѣ и фактѣ откровенія» *нѣкоторымъ* того, что систематически было скрыто *отъ всѣхъ*[475]. Климентъ по опыту хорошо зналъ, какія опасности и пагубныя послѣдствія для цѣлости и полноты религіозной вѣры приносило это искусственное, т. е. противо-естественное религіозное раздѣленіе и распадъ. Странный отголосокъ этого разъединенія въ вѣрѣ и жизни былъ видѣнъ и въ сектантскомъ гносисѣ, рѣзко раздѣлявшемъ единую и недѣлимую христіанскую религію на сверхъестественную вѣру церкви и на свою новую, «естественно-разумную религію» безъ церкви, безъ церковной іерархіи, безъ таинствъ и догматовъ. Противъ этой сектантской обособленности, разъединенія и самозамкнутости, противъ этого гностическаго «двуличія» и «двоевѣрія» Климентъ особенно выставляетъ православное ученіе о единомъ, всеобщемъ и древне-церковномъ преданіи. И такъ, должно считать несправедливымъ мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что Климентъ въ своемъ ученіи о преданіи удалился отъ обще-принятаго въ церкви ученія объ источникахъ христіанскаго откровенія и основоначалахъ вѣры. Въ особомъ ученіи его о гностическомъ преданіи нѣтъ уклоненія отъ обще-церковной нормы. Нельзя искать *ложнаго* мнѣнія въ *своеобразномъ* ученіи александрійской церкви о христіанскомъ гносисѣ, идущемъ *не въ разрѣзъ* съ положительною вѣрою, но *только вопреки* сектантству. Александрійское идеальное богословское ученіе объ источникахъ и способахъ христіанскаго вѣроученія, а слѣд., и о преданіи ничѣмъ въ существѣ дѣла не отличается отъ ученія остальныхъ церквей, отъ ученія обще-церковнаго. Это, напр., ясно видно изъ творній современнаго Клименту церковнаго писателя, Александрійскаго епископа Діонисія (190—232 г.), выступившаго противъ Оригена, ученика Климентова не за ученіе о преданіи и его значенія, а за новыя ученія, несогласныя съ обще-церковнымъ преданіемъ.

Чтобы ослабить апологетическое значеніе ученія Климента о о преданіи нѣкоторые изслѣдователи указываютъ на то, что Климентъ допускалъ «апокрифическія преданія». Таковы, напр., нѣкоторые слѣды «ложной» или недостаточно ясной и полной оцѣнки пре-

---

[475]) Сравн. *Шуази*, стр. 185.

данія въ нецерковныхъ мнѣніяхъ Климента (объ одполѣтнемъ срокѣ земнаго служенія Христа и др. историческія ошибки). Но если должно различать *лица* учителей церкви въ вопросѣ о преданіи, то Климентъ есть такое именно лицо, которое вообще признаетъ и защищаетъ преданіе и какъ «матеріальный источникъ» и какъ «формальный принципъ». Правда, самъ Климентъ позаимствовалъ многія мѣста изъ апокрифическихъ книгъ, напр., изъ «проповѣди Петра»,[476]) «откровенія Павла» и изъ «Сивиллиныхъ книгъ», изъ которыхъ онъ приводилъ сомнительныя преданія въ качествѣ заслуживающихъ особаго довѣрія. Но все-таки, должно замѣтить, Климентъ полагалъ существенную разницу между *преданіями*, ходячими среди непросвѣщеннаго народа и могущими заключать въ себѣ среди огромной массы сектантской мути нѣсколько драгоцѣнныхъ крупицъ золота и *преданіемъ* по преимуществу (κατ' ἐξοχήν), содержащимъ въ себѣ неизмѣнное «правило вѣры», всецерковное вѣроученіе, коренные догматы, равно какъ и между разными *писаніями*, носящими достовѣрно или даже невѣрно имена апостоловъ, и *писаніемъ* въ особенности, по превосходству заключеннаго въ немъ ученія, т. е. «божественными писаніями», τὸ εὐαγγέλιον, устнымъ и вѣчно живымъ евангеліемъ, этимъ единственнымъ хранилищемъ истиннаго откровенія Божія и незыбленнымъ основаніемъ церкви, единной и вселенской[477]). Такимъ образомъ авторитетъ преданія въ его чистотѣ и высотѣ и съ этой стороны у Климента стоитъ непоколебимо и при томъ въ общемъ согласіи съ ученіемъ о преданіи предшествовавшихъ отцовъ и учителей. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ разсуждать иначе объ ученіи Климента Александрійскаго о преданіи.

Таковъ цѣлостный взглядъ Климента Александрійскаго на преданіе и его значеніе. Онъ однороденъ съ раннѣйшимъ святоотеческимъ ученіемъ и по самой задачѣ гносеологическаго вопроса и по ея рѣшенію. Преданіе и писаніе суть неразрывные источники христіанскаго откровенія и вѣры. Преданіе, какъ божественное слово, необходимый догматико-каноническій авторитетъ и руководительное начало. Отъ него идетъ первоначально вѣра цер-

---

[476]) Cfr. in κήρυγμα Πέτρου (ap. Clem. IV, 3) ἡμεῖς οἱ καινῶς θεὸν τρίτῳ γένει σεβόμενοι χριστιανοί.

[477]) Ср. *Шуази* стр. 162

ковная; на немъ утверждается писаніе въ своемъ историческомъ происхожденіи и при помощи его изъясняется. Недостаточно ясно и полно раскрыто у Климента ученіе объ апостольски-іерархическомъ преемствѣ епископовъ вознаграждается послѣдовательно изложеннымъ ученіемъ о христіанскомъ гносисѣ въ его субъективно-гносеологическихъ элементахъ (вопросъ о степени познанія божественнаго откровенія), который долженъ проникать религіозное міросозерцаніе и жизнь *богомудрыхъ служителей* церкви. Взглядъ Климентовъ на преданіе имѣлъ весьма важное историко-апологетическое значеніе, нашедши себѣ достойнаго подражателя и продолжателя въ III вѣкѣ въ лицѣ Оригена, еще дальше подвинувшаго дѣло научно-богословскаго изслѣдованія и изложенія вопроса о преданіи въ его основныхъ формально-гносеологическихъ предположеніяхъ.

11. Ученіе *Оригена*, пресвитера *Александрійскаго* († 250—254 г.) о преданіи и его значеніи стоитъ въ неразрывной связи съ богословствованіемъ Климента объ этомъ предметѣ. Во многихъ мѣстахъ это ученіе есть просто научно-догматическое обобщеніе и систематизація гносеологическихъ выводовъ и основныхъ положеній Климентова взгляда. Съ этой стороны установка непрерывнаго идейнаго взаимодѣйствія между гносеологіей Климента и Оригена несомнѣнный историко-научный фактъ. Климентъ наставникъ, достоподражаемый примѣръ, а Оригенъ ἀδαμάντιος, χαλκέντερος,—идеальный ученикъ, слѣдующій примѣру своего учителя въ самостоятельномъ изложеніи и богословско-философскомъ раскрытіи церковнаго ученія о преданіи, о его важности и необходимости въ дѣлѣ откровеннаго ученія. Но между ними есть и нѣкоторое существенное различіе. Оригенъ всячески отказывается отъ того «тайнаго преданія [478]), которому довѣрялъ еще Климентъ, по крайней мѣрѣ въ той мѣрѣ, въ какой признавалъ его Климентъ. Оригенъ завѣщеваетъ неуклонно держаться, при познаніи истинно-христіанской вѣры и откровенія, одного «первоначальнаго» [479]), т. е. божественнаго и апостольскаго преданія, живущаго и раскрывающагося въ догматическомъ ученіи и жизни церкви наравнѣ съ писаніемъ. Это общій церковно-православный тезисъ Оригена.

---

[478]) *P. Schanz*, Apol. Christ. III, s. 263.

[479]) Tract. in Math. 29.

Богословское обобщеніе и какъ бы нѣкоторое προλεγόμενον всего ученія Оригена о преданіи находится въ краткомъ предисловіи къ его знаменитому догматико-апологетическому творенію: «Περὶ ἀρχῶν» (4 книги), т. е. «о началахъ» догматико-онтологическихъ, гносеологическихъ и методологическихъ. Это твореніе представляетъ собою опытъ довольно полнаго систематическаго изложенія догматовъ, имѣющій видъ ученаго построенія, по извѣстному плану расположеннаго и во многомъ приближающагося къ требованіямъ цѣлостной науки.[480]) Въ указанномъ мѣстѣ мы читаемъ слѣдующія достопримѣчательныя слова о существѣ и составѣ преданія.

«Всѣ вѣрующіе и убѣжденные, что благодать и истина открылись намъ чрезъ Христа, почерпаютъ *знаніе* (γνῶσις) объ этомъ *изъ слова и ученія Христова*... А такъ какъ многіе изъ исповѣдующихъ вѣру во Христа расходятся между собою не только въ малыхъ и незначительныхъ вопросахъ, но и въ большихъ и самыхъ важныхъ (напр., въ ученіи о Богѣ, о Христѣ, о Святомъ Духѣ); то, поэтому, необходимо прежде всего установить здѣсь *твердую норму и ясное правило*, а послѣ того занятся уже болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ ихъ. Итакъ, когда мы не ищемъ истины *у грековъ и варваровъ* послѣ того, какъ возвысились до вѣры во Христа, Сына Божія, и пришли къ убѣжденію, что истинѣ можно научиться только у Него, то должны далѣе (ибо между исповѣдующими Христа есть разномыслящіе) держаться одного только церковнаго возвѣщенія (κήρυγμα ἐκκλησίας), которое *чрезъ порядокъ преемства преданное отъ апостоловъ*, сохранилось (пребываетъ) въ церквахъ и до настоящаго времени. *Предметомъ вѣры должна быть только та истина, которая ни въ чемъ не расходится съ апостольскимъ и церковнымъ преданіемъ*[481]).

Общая мысль Оригена вполнѣ ясна и формулировка ея достаточно точна и совершенна. Это locus classicus въ апологетическомъ

---

480) *Сильвестръ*, цитов. соч., § 17, 94. *Филаретъ*, цитов. соч., т. I, § 95, стр. 200—201.

481) Servetur vero ecclesiastica praedicatio per successionis ordinem ab apostolis tradita et usque ad praesens in ecclesiis permanens, illa sola credenta est veritas, quae in nullo ab ecclesiastica et apostolica discordat traditione. De princ. praef. n 1, 2. Cf. *Сильвестръ*, цитов. соч., стр. 99. *Макарій*, § 129, стр 348. *Иннокентій*, Богосл. облич., § 239, стр. 189. Изъ инослави. *Kuhn*, Theol. Quart. 1858, s. 401.

ученіи Оригена о преданіи и его необходимости. Здѣсь прочно завязывается «руководящая нить» какъ для дѣла изысканія положительной вѣры, такъ и для христіанской науки, т. е. для научно-богословскаго изслѣдованія религіозно-философскихъ вопросовъ, особенно служащихъ предметомъ разногласія между христіанами, уклоняющимися отъ всецерковнаго ученія. По взгляду Оригена, при подлинно-христіанскомъ познаніи божественной истины источнымъ руководительнымъ началомъ поставляется «одно откровеніе и церковная вѣра» [482]), въ ихъ самодовлѣющей органической связи, т. е. преданіе, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, какъ всецерковный фактъ божественнаго откровенія и жизни. Здѣсь въ понятіи о преданіи въ его догматическихъ источникахъ, историческихъ основахъ и церковно-іерархическихъ органахъ лежатъ тѣ же самыя православно-гносеологическія нормы и критеріи, что̀ и въ ученіи цѣлаго ряда предшествовавшихъ отцовъ и учителей: божественное происхожденіе, апостольство, іерархическій порядокъ непрерывной послѣдовательности отъ апостоловъ и учительный авторитетъ богодухновенной церкви, истинной хранительницы и истолкователь̀ницы слова Божія. Только то слѣдуетъ признавать и съ вѣрою принимать за христіанскую истину, что̀ ни въ чемъ не уклоняется отъ преданія, живущаго въ церкви. «Нельзя, кажется, и желать болѣе точнаго и вѣрнаго опредѣленія руководительнаго (и источнаго) начала или правила вѣры, котораго необходимо держаться всякому (православному) богослову (а, слѣд., и христіанину) въ его изслѣдованіяхъ христіанской истины. Если бы, кажется, и самъ Оригенъ строго слѣдовалъ этому руководительному (и источному) началу, то конечно, при своей глубокой преданности церкви и ея преданію, не попустилъ бы себя увлечься тѣми ошибками и крайностями, какія были допущены имъ въ его теологическихъ воззрѣніяхъ» [483]).

Подобно св. Иринею Ліонскому [484]) и Клименту Александрійскому [485]), на ряду съ преданіемъ Оригенъ весьма высоко поставляетъ догматическій авторитетъ и значеніе писанія, какъ истиннаго

---

[482]) *Сильвестръ*, стр. 99.
[483]) Тамъ-же, стр 99—100.
[484]) См. ученіе объ отношеніи писанія къ преданію.
[485]) St. VI. et VII.

источника слова Божія, а, слѣдов., и христіанскаго вѣроученія. Въ гомиліи на книгу пророка Іереміи читаемъ такія слова его: «μάρτυρας δεῖ λαβεῖν τᾶς γραθάς. Αμάρτυροι γάρ αἱ ἐπιβολαὶ ἡμῶν καὶ αἱ ἐξηγήσεις ἄπιστοί ἐστιν» [486]). Вотъ главнѣйшая гносеологическая оцѣнка письменнаго источника христіанскаго откровенія Оригеномъ. Поэтому и въ апологетическихъ твореніяхъ своихъ, особенно въ превосходномъ твореніи «Κατὰ Κέλσον» (противъ Цельса), при доказательствѣ основныхъ истинъ христіанской вѣры, Оригенъ пользуется въ изобиліи свидѣтельствами писанія. И хотя такая догматическая важность и необходимость писанія были понятны сами собою, но, все-таки, онъ часто нарочито указываетъ на это [487]). Къ людямъ, стоящимъ внѣ церкви, τοῖς ἔξω, т. е. невѣровавшимъ еще во Христа (Марк. 4, 11), какъ, напр., язычникамъ, іудеямъ, еретикамъ и оглашеннымъ, церковно-религіозное ученіе доходило только чрезъ библейскія книги, особенно когда господствовала во всей строгости и силѣ, такъ называемая, *disciplina arcana* [488]). Эпикуреецъ или платоникъ, философъ Цельсъ,

---

[486]) Hom. in Ierem. I, c. 7 (opp. III, p. 129), cf ib. 21, n. 2 (Здѣсь источникъ писанія ограничивается догматическимъ ученіемъ о Божествѣ Іисуса Христа). Hom. in Num 27, 1 (*Khun*, Th. Quarti 1858 s. 404 f. Dogmatik 2 Aufl., s. 89 f. praefatio). Hom V in Lev

[487]) «Всякое богодухновенное писаніе какъ бы храмъ славы Божіей, а злато—*мысль*, находящаяся въ немъ. Посему во свидѣтельство всѣхъ *словъ*, *произносимыхъ нами въ ученіи*, мы должны приводить *мысль писанія*, какъ подтвержденіе нами излагаемой мысли. Ибо какъ всякое злато, которое будетъ внѣ храма, несвященно: такъ и всякая мысль, которая ббдеть внѣ божественныхъ писаній, хотя бы и казалась кому-нибудь удивительною, не свята, если не утверждается *на мысли* писанія, освящающей обыкновенно ту только мысль, которую въ себѣ содержитъ, подобно какъ храмъ освящаетъ злато, въ немъ находящееся. Итакъ, чтобы подтвердить свое ученіе, мы не должны клясться (Мат. 23, 16—22) *собственными мыслями*, которыя каждый изъ насъ выдумываетъ и почитаетъ справедливыми, если святость ихъ не будетъ оправдана тѣмъ, что онѣ содержатся въ божественномъ писаніи, какъ въ нѣкоемъ храмѣ Божіемъ». Трактатъ 23 на еванг. Матѳея (у *Иннокентія*, Богосл. Облич., § 238, стр 139—140).

[488]) Disciplina arcani—это особая забота древне-христіанской церкви объ охранѣ богослужебнаго (таинственнаго) преданія отъ не христіанъ, т. е. отъ людей, непосвященныхъ въ тайны вѣры Христовой. Она была естественнымъ слѣдствіемъ исторически-образовавшагося въ церкви первоначальнаго способа *оглашенія* Въ церкви искони существовали два класса вѣрующихъ: πίστοι и κατηχούμενοι. Первые имѣли право участвовать въ богослуженіи (въ литургіи) и принимать всѣ таинства церковныя, а вторые не пользовались этимъ правомъ, хотя и имѣли право присутствовать (до извѣстнаго времени) при богослуженіи. Сообразно съ этимъ и образовались самый составъ и характеръ „тайной дисциплины“. Въ ней ничего не было такого, что было бы неизвѣстно *всей* церкви. Она была недоступна только „внѣшнимъ стихіямъ“,

одинъ изъ ученѣйшихъ и самыхъ жестокихъ и несправедливыхъ противниковъ христіанства, какъ богооткровенной религіи, въ своемъ пресловутомъ сочиненіи «*Истинное ученіе*» (λόγος ἀληθής) построилъ на библіи всю свою калейдоскопическую систему дерзкихъ нападокъ на христіанское откровеніе и церковь, т. е. всю совокупность кощунственныхъ клеветъ на чистоту и высоту вѣры и святость добродѣтелей христіанскихъ. Вполнѣ естественно, если и адамантовый защитникъ христіанства въ его существѣ и источникахъ, становится на ту же самую точку зрѣнія, чтобы у противника отнять всякую почву для нападеній, всякую «лазейку для возраженій». Несомнѣнно, что Цельсъ кое-что слышалъ о религіозныхъ партіяхъ, разномысліяхъ, ересіяхъ, разногласіяхъ, ересяхъ, бывшихъ среди нѣкоторыхъ христіанъ (1 Кор. 11, 19; Гал. 5, 20), но не отличалъ въ христіанствѣ церкви, какъ таковой, отъ безчинныхъ сектъ, напр., приписы-

---

т. е. язычникамъ, еретикамъ и частію оглашеннымъ Для того, чтобы яснѣе представить себѣ сущность disciplinae arcani, нужно помнить. что эта дисциплина особенно усилилась въ церкви въ періодъ развитія полуязыческаго гностицизма Церковь, будучи совершенно чужда мнимо-христіанскихъ (религіозно-сепаратическихъ) стремленій гностиковъ, въ disciplina arcani установила истинную ограду и оборону вѣры и таинствъ своихъ отъ еретиковъ, а для истинно-вѣрующихъ даровала свободу вѣроисповѣданія. Поэтому должно считать несостоятельнымъ мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ въ disciplina arcani видѣть какой то особый „институтъ исотерическаго“, т. е. неизвѣстнаго всѣмъ въ православной церкви ученія (не общенароднаго). Въ церкви никогда не было и нѣтъ раздѣленія христіанскихъ догматовъ на «экзотерическія» (всеобщіе) и «исотерическіе» т. е., тайные, не всѣмъ извѣстные и необходимые. Такое дѣленіе противорѣчило бы единству церкви. Церковь знаетъ и распространяетъ одно ученіе Христово всюду и всѣмъ, желающимъ «въ разумъ истины пріити».— Есть особая попытка въ католической церкви воспользоваться терминомъ «disciplina arcani» для защиты своихъ *новыхъ* ученій. Но это тщетное стараніе включить сюда всѣ позднѣйшія наслоенія «римско-католической церковности» только порываетъ органическую связь преданія, сохранявшагося in disciplina arcani, съ апостольскою церковію. При томъ никогда не можетъ быть доказано тожество disciplinae arcani и «католической практики» Да и не было никакой нужды въ disciplina arcani скрывать церкви «римско-католическія преданія» Если апостолы открыто проповѣдывали всюду все то, что составляло «*соблазнъ* (σκανδαλον) *для іудеевъ и безуміе* (μωρία) *для эллиновъ*» (1 Кор. 1, 23), то какъ они могли передавать въ тайнѣ то, что чрезъ свѣтъ увидѣло бы свой позоръ, т. е римское преданіе. Изъ римско-католическихъ богослововъ Шельстраде (De disciplina arcani, 1685) первый выставилъ на видъ дисциплину arcani для цѣлей апологетическихъ Но по опроверженіи этого аргумента на него стали ссылаться рѣже, хотя и не оставили его совсѣмъ даже доселѣ.—См. объ этомъ: *Tentzel*, De disciplina arcani, 1692. *Fromanus*, Disquisitio historico-theologica de disciplina arcani, quae in vetere ecclesia christiana obtinuisse fertur, jen. 1833. *Rothe*, De discip. arcani (у *Herzog*'а, R. Encycl. I, s. 469).

валъ *христіанамъ вообще* теософическую діаграмму офитовъ или наасеновъ (по-еврейски) и противорѣчія многомятежнаго сектантства богопреданнымъ источникамъ христіанской вѣры его не смущали,— ибо они представлялись ему противорѣчіями въ *самомъ* христіанскомъ ученіи, строго «разоблачающими» его [489]). Оригенъ съ научно-провѣреннымъ текстомъ библіи въ рукахъ доблестно опровергалъ и поражалъ богохульнаго и тщеславнаго языческаго мудреца, полемически доказывая ему единство, цѣлость, чистоту и самобытность христіанскаго преданія (δεδογμένα εἶναι θεῖα) въ ученіи и жизни.

По православному ученію Оригена, откровено-религіозная истина положена въ основанной Христомъ церкви [490]) и въ ней преемственно передается отъ самыхъ временъ апостольскихъ. Но истинно-церковное ученіе становится, такъ сказать ближе къ намъ, къ нашему умственному пониманію, легче запоминается и сохраняется и большее получаетъ уваженіе у противниковъ, когда оно положено и раскрыто въ писаніи, которое будучи написано апостолами, людьми неучеными, низкаго состоянія, однако далеко превосходитъ всю языческую мудрость (1 Кор. 1, 21—25; 2, 4—8), хотя и она также была, въ идеальной своей сущности, «дѣйствіемъ божественнаго слова» [491]). Здѣсь, въ вопросѣ объ источномъ значеніи писанія, у Оригена заключается богословско-апостольское доказательство истинности христіанскаго откровенія, заимствующее свою силу отъ свойствъ самой природы библейскаго ученія. Здѣсь же лежитъ главнѣйшая причина, почему древне-христіанскіе апологеты, въ томъ числѣ и Оригенъ, въ библіи (см. особенно любимую ссылку ихъ на первыя главы книги Бытія), при сравненіи ея съ научно-философскими ученіями, признавали сущность и совокупность (сумму) всей мудрости, а, слѣдовательно, и всего христіанства, всей христіанской религіи [492]). По ихъ мнѣнію, языческіе философы и поэты все, что они нашли и изложили въ своихъ твореніяхъ истиннаго и прекраснаго, почерпали изъ писанія, изъ библіи. Удивительно ли,

---

489) Contr. Cel. lib II, c. 22; lib. IV, c. 24; lib. VI, c. 24—38.

490) Hom in Lev. IV, n. 8; Hom. in ieren. L, 17 etc.

491) Contr. Cel. VI, c. 78, lib. I, c 4

492) Проф. *Е. Ловягинъ*, Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ. Спб. 1872 г. *Harnak*, Dogmengesch. I. s. 408, Anm. 2.

что свои богословскія доказательства *противъ язычниковъ* они приводили изъ писанія и говорили, что христіанское ученіе по преимуществу содержится въ писаніи [493]). И это нисколько *не въ ущербъ* преданію и *не въ пользу* исключительнаго авторитета библіи въ дѣлахъ вѣры, какъ напрасно думаютъ протестанты [494]). Религіозную вѣру они имѣли, какъ и всѣ христіане. отъ одной церкви и только чрезъ церковь, понимаемую въ смыслѣ всемірно-историческаго религіозно-нравственнаго союза истинно-вѣрующихъ во Христа и ея преданіе. Въ этомъ именно смыслѣ Оригенъ говоритъ, что вѣра въ Бога (Евр. 11, 1) «въ сердцахъ народовъ написана» [495]). Писаніемъ же православные апологеты пользовались для того, чтобы привести рядъ необходимыхъ доказательствъ и свидѣтельствъ, при посредствѣ «правила вѣры», для стоящихъ внѣ церкви и облегчить для самихъ себя in thesi пониманіе ученія (содержанія) вѣры и разсѣять всяческія анти-церковныя заблужденія.

Между преданіемъ и писаніемъ нѣтъ никакой существенной разницы, т. е. догматико-каноническаго различія и раздѣленія, а, напротивъ, существуетъ живая органическая связь. Для всѣхъ христіанъ считалось на-вѣки рѣшеннымъ, что въ писаніи и преданіи содержится *одна и та же* (та же самая) *вѣра*. Поэтому «догматъ писанія», какъ называетъ Оригенъ православно-церковный догматъ о воскресеніи [496]), не есть противорѣчіе или противоположность «догмату преданія», тѣмъ болѣе, что, употребляя это выраженіе, Оригенъ слѣдуетъ словамъ апостола Павла: «*по писаніемъ*», κατὰ τὰς γραφάς (1 Кор. 15, 4). Къ этому мѣсту изъ книги противъ Цельса Оригенъ еще добавляетъ· «Мы твердо держимъ вѣру церкви Христовой и величіе обѣтованія Божія». Итакъ, преданіе и писаніе не противоположныя другъ другу догматическіе источники, а только независимые другъ отъ друга по историческому происхожденію и существованію, хотя и соединенныя между собою по закону догма-

---

493) Сравн. въ этомъ смыслѣ взглядъ св. *Іустина*, что все (τὰ πάντα) относящееся къ христіанству изложено въ писаніи (Dial. cum Tryph. 7, 8 (ed Maur. p. 109), а также *Татіана* (Or. ad. Graec. 29, 30 ed. Maur. p. 267) и *Θеофила* (Ad Autol. 1, c. 14, ed. Maur. p. 346).

494) *Credner*, Beiträge zur Einleitung in die bibl. Schriften. I, s. 130.

495) *Сильвестръ*, т. I, § 27, стр. 186

496) C. Cel. V, c 22; cf. De princ 2, 10.

тическаго тождества. А развѣ отдѣльно и самостоятельно существующія вещи противорѣчатъ одна другой? Поэтому мы утверждаемъ на основаніи сказаннаго здѣсь Оригеномъ, что преданіе и писаніе и *нынѣ* стоятъ въ церкви на ряду другъ съ другомъ, какъ равноправные.

Что Оригенъ, всю жизнь боровшійся съ язычниками и гностиками, былъ далекъ отъ мнимо-христіанской мысли о догматико-канонической самодовлѣемости писанія, это видно особенно изъ того *значенія*, какое у него усвояется преданію по отношенію къ писанію и авторитету церкви.

Прежде всего, по общецерковному ученію Оригена, преданіе служитъ несомнѣннымъ и необходимымъ источникомъ при догматико-историческомъ доказательствѣ апостольскаго происхожденія, а, слѣд., и при опредѣленіи каноническаго достоинства и богодухновенности книгъ библейскаго писанія Новаго Завѣта. Такъ, въ первой книгѣ толкованій на Евангеліе отъ Матѳея Оригенъ свидѣтельствуетъ, что, держась церковнаго канона, онъ знаетъ только четыре Евангелія, и пишетъ слѣд. слова. «Изъ преданія узналъ я о четырехъ Евангеліяхъ, которыя одни только безспорно принимаются всею поднебесною церковію Божіею. Мнѣ извѣстно, что первое Евангеліе написано Матѳеемъ, который былъ нѣкогда мытаремъ, а потомъ апостоломъ Іисуса Христа, и что онъ написалъ его на еврейскомъ языкѣ для христіанъ, увѣровавшихъ *изъ іудеевъ*. Второе Евангеліе Марка, который написалъ его по сказаніямъ Петра; потому то Петръ въ (первомъ) соборномъ посланіи и называетъ Марка своимъ сыномъ (5, 13). Третье затѣмъ Евангеліе Луки, одобренное Павломъ и написанное для увѣровавшихъ *изъ язычниковъ*. Послѣднее же Евангеліе отъ Іоанна»[497]). Поэтому, какъ «наученный изъ преданія» (ἐν παραδόσει μαθών), Оригенъ отвергаетъ «Евангеліе отъ Ѳомы» (бывшее въ употребленіи у манихеевъ), «Евангеліе отъ евреевъ» (=евангеліе XII апостоловъ), «евангеліе египтянъ» и другія подобныя этимъ, какъ подложныя «человѣческія евангелія». Сообразно съ тѣмъ же преданіемъ онъ поставляетъ между общепризнанными (ὁμολογούμενα) «каноническими книгами»[498]) 13 посланій ап. Павла, первое со-

[497]) Евсевій VI, 25 стр. 331.

[498]) In Matth. Comm. ser. n. 28, 46: libri canonizati, scripturae canonizatae.

борное посланіе ап. Петра, Апокалипсисъ и первое соборное посланіе ап. Іоанна. Этотъ «Оригеновъ каталогъ» — одинъ изъ древнѣйшихъ, показываетъ, что уже въ его время «канонъ церковный» завершился въ основоположительныхъ составныхъ частяхъ своихъ. Нѣкоторыя *научныя* колебанія и личныя *мнѣнія* казательно принятія *всѣхъ* вообще новозавѣтныхъ книгъ въ каноиъ [499]), какъ, напр., посланія къ евреямъ, второго соборнаго посланія ап. Петра, второго и третьяго соборнаго посланія ап. Іоанна, считавшихся спорными (ἀντιλεγόμενα), т. е. не всѣми признававшимися за подлинныя, свидѣтельствуютъ *не противъ преданія*, а въ пользу его исторической подлинности и догматико-каноническаго авторитета; ибо показываютъ ту высоту богословской добросовѣстности, на которой стоялъ Оригенъ въ изслѣдованіи церковнаго преданія о писаніи. И все-таки одно истинно-церковное преданіе сохраняетъ у него канонъ и освобождаетъ библейскій текстъ отъ ложныхъ и апокрифическихъ интерпретацій [500]). Церковь, принимающая всѣ библейскія книги за подлинно-апостольскія, «достойна похвалы»; потому что древніе мужи не безъ основанія передали ихъ, какъ апостольскія [501]). Ради общаго довѣрія церкви къ каноническому достоинству всѣхъ вообще библейскихъ писаній, Оригенъ нисколько не сомнѣвается воспользоваться для блага вѣры свидѣтельствами и ἀντιλεγόμενα γραφά, т. е. и тѣхъ апостольскихъ книгъ, о которыхъ были въ его время «противорѣчащія мнѣнія» [502]). Во всякомъ случаѣ, ἀντιλεγόμενα, по нему, это не тоже самое, что̀ ἀπόκρυφα. Ἀπόκρυφα это-подложная религіозная литература, часто еретическая, вообще сектантская (ἄτοπα καὶ δυσσεβῆ, по терминологіи Евсевія) [503]), а ἀντιλεγόμενα — это подлинно-апостольскія книги, но только не всѣми признанныя за таковыя въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ въ силу недостаточно яснаго и полнаго познанія церковнаго преданія. Только протестанты, отвергающіе преданіе, не различаютъ, какъ слѣдуетъ, ἀντιλεγόμενα и ἀπόκρυφα, а нарочито смѣшиваютъ ихъ и

---

[499]) Слово κανων in Ios. Hom. II, n. 1; κανονικὸς prol. in Cantic.
[500]) Princ. IV; In Psal. XXXVI. Hom. IV, 1.
[501]) *Евсевій* VI, 25 стр. 333.
[502]) Тамъ-же, стр. 332.
[503]) Евсевій III, 25.

даже отождествляютъ [504]). Но это уже существенный недостатокъ въ пониманіи библейски-историческихъ источниковъ и основъ вѣры, обличающій внутреннюю несостоятельность и пустоту протестантской библейской (анти-церковной) гносеологіи.

Второй пунктъ, касающійся отношенія преданія къ писанію, заключается въ ученіи Оригена объ изъясненіи библіи въ церкви. Съ этой именно стороны нужно разсматривать колоссальные труды Оригена по изученію и изслѣдованію библейскаго текста (verbum externum), «производившіеся съ столь великою заботливостію» [505]), бывшіе дѣломъ всей его жизни и богословской науки и оказывавшіе изумительное впечатлѣніе даже на языческихъ философовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ часто встрѣчается его имя [506]). Здѣсь преданіе служило для него несомнѣннымъ руководительнымъ началомъ при разслѣдованіи и изъясненіи подлинно-апостольскаго слова, особенно въ частяхъ, обезображенныхъ сектантскими поддѣлками и вставками.

Вотъ самыя характерныя слова Оригена къ вопросу объ истолкованіи писанія преданіемъ. «Не должно вѣрить лжеучителямъ, которые, приводя въ свою пользу каноническія писанія, говорятъ какъ бы симъ: *се въ сокровищахъ* (Мат. 24, 26) слово истины; не должно отступать отъ *первоначальнаго церковнаго преданія* и вѣровать (писаніямъ) какъ-либо иначе, нежели какъ предали намъ по преемству церкви Божіи. Только церковь не отъемлетъ ни слова, ни смысла отъ блеска истины, находящейся въ писаніи, и не прибавляетъ къ нему ничего подъ видомъ пророчества»... [507]) «Посему не должно слушать тѣхъ, кои говорятъ: *се здѣ Христосъ* (Мат. 24, 23), но указываютъ Его не въ церкви, которая исполнена блеска отъ востока до запада, исполнена истиннаго свѣта, которая есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), и въ которой одной всякое пришествіе Сына человѣческаго, глаголющаго всѣмъ

---

504) Это замѣчается особенно у неологовъ.

505) Евсевій III, 16 стр. 317.

506) По свидѣтельству Евсевія, языческіе философы «то подносили Оригену свои произведенія, то посылали къ нему, какъ учителю, на судъ свои труды» (Церковн. Ист. VI, 19). Особенно замѣчательно отношеніе къ Оригену Порфирія, ученика александрійскаго философа Плотина, написавшаго XV книгъ противъ христіанъ. Этотъ злобный неоплатоникъ «старался унизить Оригена, но часто, самъ не сознавая, хвалилъ его, съ удивленіемъ и почтеніемъ отзываясь о философскихъ его познаніяхъ».

507) In Matth. Com. 29.

и всюду: *се азъ съ вами есть во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20)» [508]).

По взгляду Оригена, высказанному въ этихъ словахъ, видно, какъ нелѣпо искать какое-либо иное, кромѣ формальнаго, различіе между откровеніемъ Христа и апостоловъ съ одной стороны и ученіемъ церкви вселенской—съ другой, а также какъ немыслимо между болѣе позднимъ и первоначальнымъ преданіемъ церкви признать какое либо другое различіе, кромѣ временнаго. Только въ сектантствѣ (особенно въ уродливыхъ народныхъ сектахъ) видна полная противоположность между «настоящею вѣрою» и древне-церковною и апостольскою. По Оригену, преданіе есть не что иное, какъ вѣчно-тождественная въ своемъ существѣ и могущественная въ своихъ дѣйствіяхъ κήρυγμα ἐκκλησιαστικον [509]), благодатно насаждающая слово Божіе, «*могущее спасти души наша*» (Іак. 1, 21). Вся церковь есть богодухновенная носительница «истиннаго свѣта» Христова. *Внѣ ея нѣтъ Христа.* Вотъ центральный анти-тезисъ Оригеновой православной апологетики. Если церковь, какъ божественное учрежденіе, получила весь свѣтъ откровенной истины отъ Христа чрезъ апостоловъ, какъ міръ отъ солнца, то, конечно, должно существовать обязательное правило, чтобы «*всякій человѣкъ*, грядущій въ міръ» (Іоан. 1, 9), т. е. вступающій въ свѣтлую область царства Христова, жилъ въ истинной церкви, и освѣщался обильнымъ свѣтомъ ея необъятаго тьмою преданія [510]). Жизненная задача всякаго истинно-вѣрующаго христіанина должна состоять въ томъ, чтобы въ церкви ясно слышать слово самосущей истины и духовно созерцать живоносный и озаряющій всю вселенную блескъ «Солнца Правды»—Христа и въ этомъ свѣтѣ благочестно ходить, какъ днемъ. Вѣчные завѣты Христовы требуютъ дѣятельнаго и постояннаго историческаго осуществленія истины Божіей въ церкви. Отсюда непре-

---

[508]) Какъ полезно вспомнить эти слова Оригена при обсужденіи и осужденіи современнаго намъ сектантства, въ горделивомъ самообольщеніи и самопревознесеніи говорящаго, что въ немъ одномъ Христосъ и что нѣтъ Его въ православной церкви. Таково особенно отчаянное толстовство «подъ видомъ пророчества», въ рукахъ съ «новымъ Евангеліемъ», зазывающее всѣхъ въ свою «пустыню» (Мат. 24, 26, въ «потаенныя комнаты» своего невѣрія во Христа—Богочеловѣка и въ Его свѣтозарную церковь.

[509]) Prin. I, 5. 7.

[510]) Ср. Hom. I in Genes § 5 (идею этого классическаго мѣста).

рывность и непрырываемость продолжающагося въ церкви откровенія Божія. Только одна церковь, какъ единое духовное тѣло Христово [511]), есть полнота откровеннаго ученія и жизни и вмѣстѣ высшее духовно-просвѣтительное начало. Ясно, само собою, что *истинно-христіанское знаніе* о предметахъ вѣры составляется не изъ «безчисленнаго множества разнородныхъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній, блуждающихъ въ мірѣ помимо церкви и ея ученія подъ видомъ какого-либо новаго пророчества», а только изъ одного «*первоначально-церковнаго преданія*». Ереси и расколы, если уже они существуютъ по особому попущенію Божію, только содѣйствуютъ истиннымъ христіанамъ лучше уразумѣть въ борьбѣ съ «еретическими догматами» искони—существующее въ церкви преданіе Господне. Только съ этой стороны и только въ этомъ смыслѣ можно, по Оригену, говорить о нѣкоторой научной пользѣ ересей [512]).

Итакъ, по взгляду Оригена, въ преданіи полагается коренное «правило вѣры», съ которымъ должно сообразоваться при испытаніи писанія. А практическое употребленіе Оригеномъ преданія противъ «странныхъ мнѣній о вѣрѣ» и при утвержденіи истиннаго вѣроученія вполнѣ подтверждаетъ этотъ взглядъ. Извѣстно, напр., что когда Бериллъ, епископъ Бостры аравійской (антитринитарій), «преступивъ церковное правило, пытался привнести въ ученіе вѣры какія то странныя мнѣнія, Оригенъ узнавъ, что̀ онъ утверждаетъ, обличилъ его въ неправославіи, убѣдилъ своими основаніями, преклонилъ доказательствами, поставилъ на путь истины и возвратилъ къ прежнему *здравому образу мыслей* [513]). По руководству преданія онъ съ необычайною силою осуждаетъ кривотолки Валентиніанъ [514]), а также офитовъ, называя ихъ «гоэтами» (волшебниками), хотя они сами себя величали гностиками, т. е. «духовными христіанами» [515]).

---

511) Hom. in Ier. L, c. 17 etc

512) Hom 9 in Num (opp T. II, p 269). Nam si doctrina ecclesiastica simplex esset et nullis intrinsecus haereticorum dogmatum assertionibus cingeretur, non poterat tam clara et tam examinata videri fides nostra Sed idcirco doctrinam catholicam contradicentium obsidet oppugnatio: *Ut fides nostra non otio torpescat, sed exercitiis elemetur.*

513) Евсевій VI, 33 стр. 338.

514) Hom. II, 5 Lomm. XIV, p. 40. Valentini relustissima secta.

515) C. Cel.

Но на ряду съ полемическимъ значеніемъ у Оригена стоитъ и положительно-библейскій авторитетъ преданія. Такъ, напр., извѣстно, что по преданію онъ изъясняетъ библейское ученіе о крещеніи младенцевъ [516]). За то глубокое уваженіе, какое питалъ Оригенъ къ библейскому преданію, сами епископы смотрѣли на него, какъ на искуснаго защитника вѣры православной и нерѣдко обращались къ нему «для усовершенствованія себя въ знаніи предметовъ божественныхъ» [517]). Такъ, напр., извѣстно, что «предстоятель Іерусалимской церкви Александръ и епископъ Кесарійскій Ѳеоктистъ, ему одному, какъ учителю, поручали изъясненіе божественнаго писанія и все, относящееся къ церковнымъ поученіямъ» [518]). Поэтому, въ виду всего сказаннаго нами объ отношеніи Оригена къ преданію при писаніи, мы не можемъ удержаться здѣсь отъ того, чтобы не сказать, какъ несправедливо и тенденціозно мнѣніе тѣхъ протестантскихъ богослововъ, которые полагаютъ, будто Оригенъ «находился еще въ безсознательной зависимости отъ устныхъ преданій» [519]).

Но какъ мало Оригенъ, ссылаясь на писаніе, удовлетворялся его буквою, это доказываетъ его *аллегорическій методъ* истолкованія библіи, коренившійся въ своихъ чистыхъ источникахъ и глубочайшихъ основахъ, въ церковномъ преданіи и церковной вѣрѣ [520]). Истинно-церковный библейскій аллегоризмъ или духовное пониманіе писанія необходимо предполагаетъ собою преданіе, какъ догматико-

---

516) Hom. in ep. ad Rom. V, 9 In Lev. Hom. 8, 3

517) Евсевій VI, 17 стр. 334.

518) Тамъ-же.

519) *Lucke*, Sendschreiben, s. 125—137 (съ ссылкой на Hom. in Lev. 8 et Hom. ad Rom 5).

520) Hom. V in Lev «Должно вѣрить, что свящ писаніе состоитъ изъ видимаго и невидимаго: какъ бы изъ нѣкотораго тѣла, т. е. видимыхъ буквъ, и души, т. е. смысла, въ нихъ заключающагося, и *духа*, потому что содержитъ въ себѣ нѣчто небесное, какъ говоритъ апостолъ: *образу и сѣни служатъ небесныхъ* (Евр 8, 5). Тѣло писанія сотворилъ Богъ для тѣхъ, которые были до насъ, а душу для насъ, духъ-же для тѣхъ, которые въ будущемъ вѣкѣ наслѣдуютъ блаженство вѣчной жизни... Если что нибудь остается, чего не опредѣляетъ божественное писаніе, то для утвержденія вѣдѣнія не должно принимать никакого третьяго писанія, но оставшееся предать огню, т. е. предоставить Богу, не соблаговолившему, чтобы мы все знали въ настоящей жизни, особенно когда и апостолъ говоритъ: *отчасти бо разумѣваемъ, и отчасти пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, еже отчасти упразднится*» (1 Кор. 13, 9—10)

канонический источникъ. Поэтому и Оригенъ, кромѣ буквальнаго смысла, искалъ еще и внутренняго, таинственнаго смысла въ писаніи, сокрытаго подъ видимымъ покровомъ словеснаго выраженія. Здѣсь у Оригена стоитъ особая достозамѣчательная ссылка на самое писаніе, а именно на ап. Павла, «сподобившагося быть служителемъ Новаго Завѣта—*не письмени, но духа*, пронесшаго Евангеліе отъ Іерусулима и окрестныхъ странъ даже до Иллирика, писавшаго *не ко всѣмъ церквамъ*, которымъ преподалъ ученіе, даже *немного строкъ* пославшаго и тѣмъ, къ которымъ писалъ», и на ап. Іоанна Богослова, «возлежавшаго на персяхъ Іисусовыхъ, который, оставивъ одно Евангеліе, сознался, что можно было бы написать столько книгъ, сколько не вмѣстилъ бы ихъ и самый міръ (Іоан. 21, 25), а, написавъ Апокалипсисъ, получилъ повелѣніе *умолчать* и ничего не писать о гласахъ семи громовъ» [521]). Оригенъ справедливо замѣчаетъ, что *одна буква* писанія *безъ преданія* убиваетъ всякаго изслѣдователя, который въ духѣ ветхозавѣтнаго іудейства (2 Кор. 3, 7) лишаетъ писаніе духовнаго (таинственнаго) смысла и вѣчной жизни [522]). Въ умозрительно-аллегорическомъ толкованіи библіи онъ надѣялся найти спасительное средство для богословско-апологетическаго обличенія злобнаго *іудейства*, извращавшаго животворный духъ христіанскаго откровенія сектантскаго «книжническою мудростію», теоретическимъ знаніемъ одной внѣшней буквы, а равно и для опроверженія нападеній со стороны «процвѣтавшихъ въ его время языческихъ философовъ» [523]) на *историческое* содержаніе писанія [524]). Въ неразрывной связи съ этимъ побужденіемъ у Оригена стоитъ забота ослабить чрезмѣрное довѣріе одному буквенному смыслу писанія, увлеченіе которымъ было причиной антропоморфизма евіонитовъ и Папія Іерапольскаго, а у св. Іустина—философа и св. Иринея Ліонскаго выразилось въ допущеніи странныхъ хиліастическихъ мнѣній. Буквальный смыслъ по словамъ Оригена, не вездѣ находится въ писаніи; его нѣтъ тамъ, гдѣ видимъ антропоморфическія выра-

---

521) Евсевій VI, 25 стр. 331—332.

522) Ср. *Филаретъ*, т. I, § 93, стр 195.

523) Евсевій VI, 19 стр 320.

524) Это видно особенно въ твореніи противъ Цельса, сомнѣвавшагося въ *историческихъ основахъ* христіанской вѣры и Евангелія. Ср. *Филаретъ*, тамъ-же, стр. 196.

женія о Богѣ[525]). Вообще говоря, въ основныхъ пунктахъ православно-христіанскаго ученія, аллегорическій методъ Оригена находится въ гармоніи съ буквально-историческимъ (историко-грамматическимъ) способомъ истолкованія слова Божія; но, при практическомъ приложеніи къ самому опыту этого аллегорическаго изъясненія писанія, Оригенъ не всегда былъ вѣренъ своимъ принципіальнымъ догматико-гносеологическимъ взглядамъ. *Чрезмѣрный аллегоризмъ* при «изложеніи изъясненія на божественное писаніе»[526]) у него доходилъ до нетерпимыхъ крайностей. Отсюда то, между прочимъ, произошли его свободныя сужденія о предметахъ вѣры, не принятыя вселенскою церковію, какъ, напр., о происхожденіи матеріальнаго міра отъ вѣчности, о предсуществованіи душъ (по тенденціозному толкованію: Быт. 25, 22; Лук. 1, 41; Іер. 1, 5), о кончинѣ адскихъ мученій или ἀποκατάστασις τῶν πάντων (вопреки: Еф. 1, 10; Колос. 1, 20; 2, 15) и проч.

Противъ ученія Оригена о преданіи и его значеніи обыкновенно возражаютъ, ссылаясь на то, что Оригенъ въ догматическомъ ученіи нерѣдко переходилъ должныя границы, установленныя апостольскимъ и древне-церковнымъ преданіемъ. Здѣсь особенно укоряютъ его за уравненіе христіанства съ платонизмомъ, за что́ св. отцы церкви многократно боролись противъ него и на 5 вселенскомъ соборѣ формально осудили его. Но если должно полагать различіе между его *спекулятивно-научными разсужденіями по богословско-философскимъ вопросамъ* и его *положительнымъ ученіемъ о вѣрѣ*, то его свидѣтельство о преданіи и ученіе о немъ останется для насъ почти неприкосновеннымъ. Несмотря на свои теоретическія заблужденія, Оригенъ, при изумительной богословской учености, оказалъ весьма значительное вліяніе на многихъ церковныхъ писателей, его духъ вѣры снова оживаетъ въ лицѣ многихъ великихъ отцовъ и учителей церкви восточной[527]) и запад-

---

525) Филаретъ, тамъ-же, стр. 194.

526) Евсевій VI, 23 стр. 327.

527) Изъ «безчисленнаго множества учениковъ» Оригена особенно замѣчательны на Востокѣ слѣдующіе св Григорій (Θеодоръ) Чудотворецъ и его братъ Аѳинодоръ, «цѣлыхъ пять лѣтъ слушавшіе уроки Оригена» (*Евсевій* VI, 30 стр 336), Фирмиланъ, епископъ Касаріи Кападокійской (ib. стр. 333), Діонисій Александрійскій, (ib, стр. 336), Памфилъ, пресвитеръ Кесарійскій (ib. стр. 339), Іоаннъ Златоустъ и др.

ной [528]). Главнѣйшую причину того, почему онъ допускалъ самыя смѣлыя философскія идеи по религіозно-догматическимъ вопросамъ, «скорѣе нужно искать въ его неумѣренной ревности ко благу вѣры, чѣмъ въ намѣренномъ желаніи ей хоть самаго малѣйшаго вреда» [529]), а также въ томъ весьма «важномъ здѣсь обстоятельствѣ, что представленіе Оригеново о церковномъ преданіи было довольно неопредѣлено и сбивчиво» [530]). «Въ этомъ преданіи, подобно Клименту, онъ кромѣ общецерковнаго и общедоступнаго каждому отличалъ еще особенное, *учительское преданіе*, такого рода, которое, перешедши отъ Христа чрезъ апостоловъ въ церковь должно было быть по преимуществу достояніемъ учителей церкви, самымъ своимъ званіемъ и положеніемъ призванныхъ къ надлежащему его храненію и пониманію» [531]). Хотя этого рода преданіе было не то, что сокровенное преданіе гностиковъ, потому что оно не противополагалось простой вѣрѣ, какъ это было у гностиковъ [532]),

---

[528]) Св Амвросій медіоланскій, блаж. Августинъ противъ блаж Іеронима (см его экзегесисъ въ сравненіи съ Оригеновымъ) и св. Иларій Пиктавійскій.

[529]) *Сильвестръ*, цит соч., стр 96.

[530]) Тамъ-же стр. 100.

[531]) Тамъ же, стр 100 —Во введеніи къ книгѣ «*О началахъ*» Оригенъ говоритъ· «апостолы предложили ясно то, что необходимо знать въ христіанской вѣрѣ, и именно для тѣхъ, которые не призваны къ (научному) изслѣдованію (т. е. для неученыхъ). Но раскрывать основанія догматовъ они предоставили тѣмъ, которые приняли для того (особые) дары Духа Святаго» (*Филаретъ*. т I. § 95 стр. 200), а именно краснорѣчіе, мудрость и ученость.

[532]) Оригенъ строго отличаетъ и разграничиваетъ сектантское гностическое преданіе отъ истинной вѣры и корни его полагаетъ въ томъ особомъ богословіи, какое изобрѣли египетскіе жрецы и волхвы и передавали его отъ одного поколѣнія къ другому (Com. in ep. ad Rom, Opp. IV, p. 435). Оригенъ въ общемъ генезисѣ и историческомъ процессѣ христіанской вѣры различаетъ и πίστις ἄλογος или ἰδιωτική (c. Cels, VI, 13; de princ. III, 2; Ugl c. Cels V, 18; VI, 6, Hom. in Ioann. t. 13, 6). Но вѣра христіанъ не-боязливое мнѣніе и, по содержанію, не благочестивый вымыслъ. Самъ Богъ ея виновникъ и первоисточникъ, и только для невѣжества неизвѣстны ея глубокія основанія. Вопросъ о смыслѣ вѣры стоитъ у Оригена независимо отъ всяческихъ сектантскихъ споровъ объ источникахъ и основахъ божественнаго откровенія Еретичество—уклоненіе отъ истины, и философски и исторически ложное мнѣніе о вѣрѣ. Поэтому не всѣ вѣры равны. Язычество и христіанство совершенно различны по духу и по содержанію. Отсюда соглашеніе началъ вѣры съ началами естественнаго разума у Оригена мыслится только въ границахъ *христіанской* философіи. Отсюда отъ церкви должно отличать злыя и пустыя ереси съ ихъ баснями и обманомъ. Въ этомъ именно смыслѣ Оригенъ, показывая отношеніе еретиковъ къ церкви, въ книгѣ «*О началахъ*» все изложеніе вѣры направляетъ противъ валентиніанъ, маркіонитовъ и другихъ гностиковъ (см. *Филаретъ*, § 95, стр. 201).

«а только считалось нужнымъ для проникновенія этой же самой вѣры тѣмъ высшимъ и болѣе глубокимъ смысломъ, какой соединяли съ нею Христосъ и Его ученики, а послѣ нихъ совершеннѣйшіе учители церкви; но его область представлялась такъ неопредѣленною и туманною, что въ ней очень много простора могъ найти такого рода быстрый и пытливый умъ, каковъ былъ умъ Оригеновъ. Здѣсь-то, нашедши точку опоры для выспреннихъ стремленій своей мысли, Оригенъ и позволилъ себѣ, изъ неумѣреннаго желанія всему въ христіанскомъ ученіи дать высшій и глубокій смыслъ, выступить съ такого рода мнѣніями, предположеніями и гипотезами, которыя впослѣдствіи вызвали сильный протестъ со стороны церкви, хотя самъ онъ въ душѣ своей оставался совершенно спокойнымъ на счетъ согласія своего ученія съ глубоко чтимою имъ до самой своей смерти церковію» [533]). Нужно замѣтить при этомъ, что главнѣйшіе члены догматическаго ученія, каковы ученіе о Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ, о Лицѣ Іисуса Христа, о твореніи и искупленіи міра и человѣка, объ ангелахъ и ихъ почитаніи, о злыхъ духахъ, о моленіи святымъ, о крещеніи и прочихъ таинствахъ, изложены Оригеномъ «безъ противорѣчія общецерковной вѣры» [534]), т. е. въ согласіи со всецерковнымъ преданіемъ.

Итакъ, изложенное нами ученіе Оригена о преданіи, о его составѣ, о важности и области его употребленія, при всѣхъ его недостаткахъ, не теряетъ своего внутренняго достоинства и апологетической цѣнности. Основоположительныя части этого ученія, какъ то взглядъ Оригеновъ на равночестность преданія и писанія, какъ источниковъ божественнаго откровенія и вѣры, на значеніе преданія въ дѣлѣ утвержденія канона и изъясненія библіи, на религіозный авторитетъ церкви, суть строго-церковныя, православно-раскрытыя положенія и строго апологетически обоснованныя. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать ученіе знаменитаго Александрійскаго учителя о преданіи въ его существѣ и существенныхъ свойствахъ въ общихъ чертахъ правильнымъ воззрѣніемъ и весьма важнымъ моментомъ въ церковно-историческомъ раскрытіи православнаго уче-

---

[533]) *Сильвестръ*, стр. 101.

[534]) Тамъ же, стр. 101; *Филаретъ*, стр. 203—204; *Иннокентій*, § 238, стр. 192.

нія объ источникахъ и нормахъ, основахъ и принципахъ христіанскаго знанія о вѣрѣ. Его недостатки легко замѣтны, и, будучи замѣчены, несомнѣнно, были обойдены церковными отцами, но то, что въ немъ было въ православно-апологетическомъ отношеніи драгоцѣннаго, идеальнаго, непреходящаго и стоющаго вящаго подраженія, конечно, не могло быть не принимаемо во вниманіе дальнѣйшими церковными писателями и остаться безъ вліянія на ихъ научно-апологетическую дѣятельность для пользы православной церкви и богословской науки.

12. Тоже самое православно-христіанское ученіе о преданіи что́ въ *греко-африканской, александрійской* церкви, раскрывается и укрѣпляется въ III вѣкѣ и въ *латино-африканской, карѳагенской* церкви въ твореніяхъ св. *Кипріана, епископа Карѳагенскаго*, священномученика († 258 г.). Св. Кипріанъ занимаетъ первое мѣсто послѣ св. Климента Римскаго и Иринея Ліонскаго въ лицѣ знаменитѣйшихъ отцовъ и учителей древней западной церкви. Догматико-гносеологическая почва для православнаго ученія св. Кипріана о преданіи въ его бытіи, существенныхъ свойствахъ и значеніи при писаніи была прекрасно воздѣлана уже Тертулліаномъ. Тертулліанова противу-гностическая теорія христіанскаго знанія, *опиравшаяся* на св. Иринея Люнскаго, была господствующимъ въ Карѳагенѣ гносеологическимъ міровоззрѣніемъ. Поэтому, св. Кипріанъ, ревностный почитатель Тертулліана, какъ бы оставляя въ сторонѣ Тертулліанову полемическую гносеологію или подразумѣвая ее implicite, только отмѣчаетъ нѣкоторая *новыя стороны* въ общемъ понятіи церковнаго преданія, сообразно съ настоятельными апологетическими потребностями и практическими задачами своего времени, особенно въ борьбѣ съ различнаго рода сектантскими раздѣленіями и расколами, появившимися въ округѣ его церкви.

Положительное ученіе св. Кипріана Карѳагенскаго о преданіи по духу своего содержанія и по способу построенія—строго православное. Это мы нарочно высказываемъ противъ тѣхъ вольнодумцевъ, которое «*произносятъ надутыя слова*» (Іуд. 1, 16), въ видѣ «укоризненнаго суда» намъ, будто св. Кипріанъ «первый изъ отцовъ церковныхъ» ввелъ въ систему православнаго ученія о преданіи сектантскій раздоръ и распрю, выставивъ впервые догматико-

каноническое *противорѣчіе* преданія писанію [535]) и «нанесши чувствительный ударъ» повсемѣстному господству преданія въ церкви указаніемъ на одну «евангельскую истину», т. е. на одно писаніе вопреки обычаю, т. е. преданію. Какъ въ догматикѣ, такъ и въ теоріи религіознаго знанія св. Кипріанъ стоитъ въ полномъ согласіи съ общецерковнымъ ученіемъ. Поэтому, преданіе и писаніе поставляются у него рядомъ, какъ равноправные источники истиннаго откровенія Христова, сохраняемаго и утверждаемаго единою и вселенскою церковію. Понятію преданія у него придается широкій смыслъ. Все богооткровенное ученіе (вся христіанская церковь) означается у него однимъ словомъ: «*преданіе*» (traditio), будетъ ли оно выражено и засвидѣтельствовано въ писаніи, или въ устномъ словѣ и живомъ дѣлѣ церкви, traditio scripsa sensu (παράδοσις ἔγγραφος) и traditio non scripta verbis (παράδοσις ἄγραφος).

Ученіе св. Кипріана о преданіи составляется преимущественно по его многочисленнымъ прекраснымъ письмамъ, полнымъ глубоко—научнаго интереса при богословско-апологетическомъ изслѣдованіи многихъ существенныхъ вопросовъ —догматическихъ, каноническихъ, церковно-историческихъ и другихъ. Въ нихъ св. Кипріанъ говоритъ о преданіи прямо, т. е. безъ всякихъ приспособленій къ нехристіанскому или еретическому пониманію источниковъ и основъ христіанскаго вѣроученія и свои мысли облекаетъ въ выраженія исключительно церковнаго языка того времени, т. е. безъ примѣси языка философскаго.

Существенныя черты и основные историческіе элементы православно-церковнаго взгляда св. Кипріана Кароагенскаго на преданіе и его значеніе особенно подробно выясняются въ его спорѣ о крещеніи еретиковъ и раскольниковъ въ случаѣ возвращенія ихъ въ лоно церкви.

Когда римскій епископъ Стефанъ въ одномъ письмѣ, посланномъ имъ въ Африку, въ защиту древняго обычая своей церкви не перекрещивать кающихся еретиковъ ссылался на то, что это было

---

535) *Hase*, Polemik, s. 65. *Schanz*, Apologie, s. 265. *Herzog*, K.=E. sub verbro traditio, s. 729. *Iacobi*, Kirch. Lehre von=tradition, s. 144,—151. *Hutter*, Cyprian, s. 139 ff.

ему передано отъ его предшественниковъ [536]), то св. Кипріанъ возражалъ ему слѣдующими словами. «Но откуда происходитъ *таковое преданіе*? Происходитъ ли оно *отъ Господней и евангельской власти* (авторитета), или *отъ повелѣній и посланій апостольскихъ*? Ибо то надобно дѣлать, что содержится въ писаніи, какъ свидѣтельствуетъ и говоритъ Самъ Богъ Іисусу Навину: *да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная* (Іис. Нав. 1, 8). Равнымъ образомъ Господь нашъ, посылая апостоловъ своихъ, повелѣваетъ имъ крестить народы и научать соблюдать все, что Онъ заповѣдалъ (Мат. 28, 20). Итакъ, если *въ Евангеліи* заповѣдуется, или *въ посланіяхъ и дѣяніяхъ апостольскихъ* содержится такое повелѣніе, чтобы обращающіеся отъ какой бы то ни было ереси крещаемы, а только совершалось надъ ними въ знакъ покаянія одно возложеніе рукъ; то *божественное и святое преданіе* сіе должно соблюдаться... Если же напротивъ, какъ извѣстно, послѣ временъ апостольскихъ возникли ереси гораздо многочисленнѣйшія и худшія, а между тѣмъ совершенно нигдѣ не заповѣдано и *не написано*, чтобы еретикъ принимаемъ былъ въ общеніе чрезъ одно только возложеніе рукъ; если крещеніе только одно, и именно то, которое у насъ въ церкви, и по божественному благоволенію дано одной только церкви: то что это заупорство, что за предубѣжденіе— предпочитать *преданіе человѣческое распоряженію божественному*, не обращая вниманія на то, что Богъ гнѣвается и негодуетъ всякій разъ, когда человѣческое преданіе преступаетъ и обходитъ божественныя заповѣди, какъ Онъ громко говоритъ о семъ чрезъ пророка Исаію: *людіе сіи устнами своими почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; всуе же почитаютъ Мя, учаще заповѣдямъ и ученіямъ человѣческимъ* (Ис. 29, 13)! Да и Господь въ Евангеліи съ такою же укоризною и обличеніемъ говоритъ: *вы отметаете заповѣдь Божію, да преданіе ваше соблюдете* (Марк. 7, 9). Памятуя объ этомъ, и блаженный апостолъ (Павелъ)

---

[536]) Nihil novandum, nisi quod traditum est, т. е. «ничего не должно вводить новаго, кромѣ того, что предано». Означенное письмо папы Стефана не дошло до нашего времени; но приведенное изъ него изреченіе сохранилось у св. Кипріана (см. творенія св. Кипріана въ переводѣ Кіевской Дух. Академіи, 1880, т. I, стр. 301, 302).

съ своей стороны увѣщаетъ и паучаетъ насъ, говоря: *аще ли кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа и ученію Его, разгордѣся, ничтоже вѣдый..., отступай отъ такого* (1 Тим. 6, 3—5).. Незамѣтно вошедшій *у нѣкоторыхъ обычаи* не долженъ служить препятствіемъ къ побѣдѣ и утвержденію *истины. Ибо обычай безъ истины есть только старое заблужденіе*[537]); да послѣдуемъ истинѣ, зная, что и по словамъ Ездры истина всегда побѣждаетъ: *Истина же пребываетъ и возмогаетъ во вѣкъ, и живетъ и обладаетъ во вѣкъ вѣка. И нѣстъ у нея пріятія лица, ниже различія, но правая творитъ... и нѣстъ въ судѣ ея ничтоже неправедно: и сія крѣпость и царство и власть и величество всѣхъ вѣковъ. Благословенъ Богъ истины* (2 Ездр. 4, 38—40). На сію то истину указывая, Христосъ говоритъ въ своемъ Евангеліи: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6). Посему, если мы во Христѣ и Христосъ въ насъ, если пребываемъ въ истинѣ и истина въ насъ пребываетъ; то будемъ держаться только того, что истинно и справедливо... Для благочестивыхъ и простыхъ душъ также легко оставить заблужденіе, какъ найти и открыть истину. Ибо какъ скоро обратимся мы *къ источнику и началу божественнаго преданія* (divinae traditionis caput et origo); то человѣческое заблужденіе тотчасъ исчезнетъ, а то, что скрывалось во мракѣ и, покрытое облакомъ тьмы, казалось темнымъ, по разсмотрѣніи основанія небесныхъ таинствъ, явится во свѣтѣ истины. Когда водопроводный каналъ, доставлявшій прежде воду въ изобиліи, вдругъ перестанетъ источать воду; то для открытія причины таковаго недостатка не обращаются ли къ источнику, чтобы тамъ узнать: не оскудѣла ли вода отъ засухи жилъ въ самомъ началѣ, или же, вытекая оттуда въ чистотѣ и полнотѣ, перестала течь по срединѣ своего пути, и если вода перестала течь непрерывно отъ порчи канала, который прервался и пропускаетъ воду; то исправляютъ и укрѣпляютъ каналъ, чтобы для пользы и питья города вся собранная вода, спавъ, доставлялась туда въ такомъ же изобиліи и чистотѣ, какъ она выходитъ изъ своего источника. Это самое должно дѣлать теперь и священникамъ Божіимъ, хранящимъ

---

537) Consuetudo sine veritate vetustas erroris est.

божественныя повелѣнія, если въ какомъ-нибудь истина начнетъ колебаться и ослабѣвать; то мы тотчасъ же должны обращаться къ ея *Господнему началу, къ евангельскому и апостольскому преданію* [538]), и побужденіе нашей дѣятельности должно возникать оттуда же, откуда возникъ *самый порядокъ и начало*... Но вотъ намъ предано, что и Богъ единъ, *и Христосъ единъ*, и вѣра едина, и надежда едина, *и церковь едина*, и крещеніе едино (Еф. 4, 5), установленное въ единой церкви. Если бы теперь кто-нибудь отпалъ отъ этого единства, то таковаго необходимо считать еретикомъ; а кто защищаетъ таковыхъ противъ церкви, *тотъ вооружается противъ таинства божественнаго преданія*» (sacramentum divinae traditionis) [539]).

Смыслъ приведенныхъ нами словъ св. Кипріана изъ его «письма къ Помпею противъ письма Стефана о крещеніи еретиковъ» весьма ясенъ самъ собою, и поэтому нѣтъ особой надобности въ подробномъ комментаріи его. Здѣсь, какъ видно, на лицо—всѣ основные элементы и всѣ характеристическія черты православно-церковнаго понятія о преданіи въ его догматической истинѣ и церковномъ бытіи. Первоначальная «тайна божественнаго преданія» есть абсолютный *источникъ* откровенной истины и христіанскаго вѣроученія. По церковно-историческому происхожденію и передачѣ, богопреданное ученіе вѣры—двояко, ибо оно непосредственно течетъ 1) отъ Христа и Его Евангелія (traditio Dominica) и 2) отъ апостоловъ, содержась въ ихъ устныхъ заповѣдяхъ и посланіяхъ (traditio apostolica). Но въ своемъ догматико-каноническомъ зернѣ и во внутреннемъ составѣ это преданіе есть единое и истинное слово и дѣло Божіе, созидающееся въ церкви, это—единъ и недѣлимый авторитетъ Господень и Евангельскій. Христосъ—единъ, и церковь Его едина, и преданіе Его одно. Въ «божественномъ и св. преданіи», поэтому, «познаніе единства вѣры» истинно-христіанской, всецерковной, служащей, подобно «водопроводному каналу», связующимъ звѣномъ между устнымъ и записаннымъ словомъ Божіимъ. Не слушать этого пре-

---

538) Si in aliquo mutaverit et vaccillaverit veritas, ad originem Dominicam, et Evangelicam, et apostolicam traditionem revertamur.

539) Творенія св. Кипріана въ изданіи Кіев. Дух. Академіи 1891 г., стр. 351—353, 357—359 (Ep. 74, p 215 ed. Fiell).

данія—явный грѣхъ, предпочитать его какимъ-либо «человѣческимъ распоряженіямъ» и «обычаямъ»—это сектантское «упорство» и «предубѣжденіе», суетно домогающееся того, чтобы церковь уступила свое мѣсто и покорилась еретикамъ, свѣтъ—тьмѣ, вѣра—изувѣрству, разумъ—заблужденію, безсмертіе—смерти, любовь—ненависти, *истина*—лжи, Христосъ—антихристу [401]). Отсюда то и происходитъ у Кипріана «типическое положеніе»: «обычай безъ истины (преданія) есть только старое заблужденіе». Здѣсь Кипріанъ употребляетъ тотъ же самый словооборотъ (то же самое техническое выраженіе), что́ и Тертулліанъ, и въ томъ же самомъ смыслѣ и значеніи, что́ и у Тертуллиана. Онъ возстаетъ здѣсь противъ обычая, который разсматриваетъ, какъ *человѣческое установленіе*, а не какъ божественное и апостольское преданіе. Это то особенное преданіе (въ вещахъ дисциплинарныхъ), бывшее въ римской, британскихъ, испанскихъ и гальскихъ церквахъ, онъ и опровергаетъ подъ именемъ «обычая *безъ истины*» (consuetudo sine veritate), а истинно-церковный обычай *вообще* признаетъ и считаетъ его не только непротивнымъ духу христіанскаго вѣроученія, но и существенно-нужнымъ для осуществленія жизненныхъ задачъ церкви и для познанія основныхъ нормъ церковнаго устройства и порядка религіозной церкви [541]). Очевидно, и ссылка протестантовъ на разсматриваемое мѣсто изъ Кипріана *противъ* преданія, какъ такового, и въ защиту своего анти-церковнаго принципа писанія совсѣмъ не основательна.

Въ необходимое дополненіе и какъ бы разъясненіе вышеозначенныхъ словъ св. Кипріана Карѳагенскаго о преданіи должно прибавить еще слѣдующую выдержку изъ его обширнаго письма къ Юбаяну, касающагося того же самаго спорнаго вопроса о крещеніи еретиковъ. Вотъ что́ пишетъ здѣсь св. Кипріанъ.

«Нисколько не смущаетъ насъ, возлюбленнѣйшій братъ, сдѣланное въ письмѣ твоемъ указаніе на то, что новаціане перекрещиваютъ тѣхъ, коихъ отъ насъ отторгаютъ: совершаемое врагами

---

[540]) Тамъ же, стр. 356.

[541]) См. особенно мѣста изъ его твореній противъ ереси и расколовъ, гдѣ онъ въ истинно-апостольскомъ духѣ говоритъ о *благочиніи* и свящ. обычаяхъ церкви со стороны ихъ происхожденія, содержанія и характера.

церкви вовсе не относится къ намъ, лишь бы мы сами охраняли честь нашей власти и *твердо держались основанія разума и истины.* Новаціанъ, по обычаю обезьянъ, кои не будучи людьми, подражаютъ однако же человѣческимъ дѣйствіямъ, хочетъ присвоить себѣ власть и истину каѳолической церкви тогда, какъ онъ самъ и не находится въ церкви, и даже сверхъ того сталъ еще возмутителемъ и врагомъ церкви. Зная, что крещеніе одно, онъ это единое крещеніе и присвояетъ себѣ, чтобы сказать, что у него—де церковь, а насъ сдѣлать еретиками. Но мы, содержащіе у себя главу и корень единой церкви, достовѣрно знаемъ и вѣруемъ, что ему внѣ церкви ничего непозволено, и что крещеніе, которое есть одно, находится у насъ, гдѣ и самъ онъ прежде крестился, когда держался *разума и истины божественнаго единенія.* Если же Новаціанъ думаетъ теперь, что крещенныхъ въ церкви надобно перекрещивать *на сторонѣ, внѣ церкви*, то онъ долженъ бы начать это съ самого себя и самъ первый перекреститься чуждымъ и еретическимъ крещеніемъ, такъ какъ онъ самъ же думаетъ, что послѣ церкви нужно крестить еще на сторонѣ. И неужели же изъ-за того, что Новаціанъ осмѣливается это дѣлать, намъ этого дѣлать не слѣдуетъ? Что-жъ? Вѣдь Новаціанъ присвояетъ себѣ и честь епископской каѳедры; такъ не должны ли мы, поэтому, отказаться и отъ каѳедры? Или—такъ какъ Новаціанъ противозаконно старается поставить и алтарь и приносить жертвы, то не должно ли намъ оставить и алтарь и жертвы, дабы не подать вида, что мы совершаемъ съ нимъ нѣчто одинаковое и сходное? Но истинѣ суетно и безразсудно изъ-за того только, что Новаціанъ присвояетъ себѣ *внѣ церкви образъ истины*, оставлять *самую истину церкви.* Впрочемъ, у насъ это дѣло отнюдь *не новое и не неожиданное* (не на скорую руку), что мы признаемъ нужнымъ крестить тѣхъ, которые отъ еретиковъ обращаются къ церкви: тому уже много лѣтъ назадъ, много прошло времени, какъ соборъ епископовъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ блаженной памяти *Агриппина*, постановилъ то же самое, и съ тѣхъ поръ доселѣ столько тысячъ еретиковъ, въ областяхъ нашихъ обратившихся къ церкви, не только не гнушались и не колебались получать благодать животворящей купели и спасительнаго крещенія, но еще разумно и охотно настаивали на этомъ.

Да и не трудно учителю внушить *истинное и законное* тому, кто, осудивши еретическую неправду и узнавши *церковную истину*, приходитъ для того, *чтобы учиться и учиться для того, чтобы жить*. Мы не должны поблажкою своею увеличивать *неразуміе еретиковъ*, когда они охотно и со всею готовностію повинуются истинѣ... Итакъ напрасно нѣкоторые, будучи опровергаемы разумомъ, противополагаютъ намъ *обычай. Какъ будто обычай выше истины, или будто въ дѣлахъ духовныхъ должно слѣдовать не тому, что къ лучшему открыто Духомъ Святымъ*... Кто и послѣ божественнаго ученія и откровенія, намѣренно и съ сознаніемъ упорствуетъ въ своихъ заблужденіяхъ, тотъ грѣшитъ уже непростительно; потому что, будучи опровергаемъ разумомъ, основывается на одномъ предубѣжденіи и упрямствѣ. Пусть также никто не говоритъ: мы слѣдуемъ тому, что приняли отъ апостоловъ. Апостолы предали намъ церковь только одну и крещеніе также одно и именно то самое, которое установлено въ той же самой церкви... Итакъ, если, оставивши заблужденія человѣческаго любопрѣнія, *съ истинною и благочестивою вѣрою* обратимся *къ евангельскому авторитету и преданію апостольскому*; то поймемъ, что тѣмъ, кои, усиливаясь разорить и побороть *церковь Христову*, отъ Самого Христа называются противниками Его, а отъ апостоловъ—антихристами, ничто относящееся до церковной и спасительной благодати не можетъ быть уступлено» [542]).

Смыслъ этого мѣста таковъ. Преданіе, какъ божественный источникъ христіанскаго знанія и истины, абсолютно необходимо. Особенно драгоцѣнно его свидѣтельство противъ еретиковъ, оторвавшихся отъ церковно-исторической почвы. Таковъ, напр., Новаціанъ, старавшійся свести свою догматику [543]) и практику къ преданію, но доказательства для этого бравшій ex vocibus Domini, находившихся въ писаніи. Св. Кипріанъ ничего не знаетъ о человѣческомъ преданіи *внутри церкви*. Такое преданіе онъ знаетъ только у еретиковъ. Но въ этомъ преданіи—«все неразуміе и вся неправда» ере-

---

[542]) Стр. 332—333, 339—341

[543]) De Trinit. 6, 9, 12, 18, 29 (сведеніе еретическаго догмата о Троицѣ къ библейскому преданію).

тиковъ и сектантовъ. Оно—то и стоитъ въ противорѣчіи съ «евангельскимъ авторитетомъ и преданіемъ апостольскимъ» и «основаніями разума и истины». Истина евангельскаго вѣроученія и апостольскаго слова только въ церкви; внѣ ея нѣтъ «образа истины» и истинной жизни. Еретикамъ нисколько не поможетъ, въ ихъ самооправданіи, ссылка на *древніе обычаи*; такъ какъ обычай не выше истины церковной. Очевидно, что такой рядъ мыслей св. Кипріана—не «голосъ противъ высокаго мнѣнія о преданіи» [544]), а искони-церковный способъ утвержденія и охраны неписаннаго источника откровенія Божія въ церкви.

Тотъ-же самый планъ мыслей о преданіи относится, въ качествѣ необходимаго примѣчанія, и къ слѣдующему мѣсту изъ письма св. Кипріана къ Квинту о крещеніи еретиковъ. «Я не знаю, какимъ предубѣжденіемъ руководствуются нѣкоторые изъ товарищей нашихъ, думающіе что тѣхъ, которые приняли погруженіе у еретиковъ, когда они къ намъ приходятъ, не должно крестить, потому что, они говорятъ, крещеніе едино. Оно одно потому, что церковь едина и внѣ церкви крещеніе невозможно. А такъ какъ не можетъ быть двухъ крещеній; то если еретики крестятъ истинно,—они имѣютъ крещеніе. Кто своимъ удостовѣреніемъ предоставляетъ имъ это право, тотъ уступаетъ и соглашается, что врагъ и противникъ Христовъ имѣетъ, повидимому, власть омывать, очищать и освящать человѣка. Мы же утверждаемъ, что приходящихъ оттуда мы у себя *не перекрещиваемъ, но крестимъ*. Ибо они ничего не получаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ ничего; а приходятъ къ намъ, чтобы получить здѣсь, гдѣ есть благодать и всякая истина, потому—что благодать и истина одна... Они говорятъ, что слѣдуютъ въ этомъ *древнему обычаю*. Но у древнихъ были только еще первые начатки ересей и расколовъ, къ которымъ уклонялись отступавшіе отъ церкви и получившіе прежде здѣсь крещеніе: ихъ-то и не было надобности крестить, когда они потомъ возвращались къ церкви и приносили покаяніе. Это теперь соблюдаемъ и мы... Мы во всемъ должны держаться единства каѳолической церкви и ни въ чемъ не уступать врагамъ вѣры и истины. *Не должно предписывать на основаніи обычая тамъ, гдѣ слѣ-*

---

544) *Herzog* R.=E. sub verbo. traditio, s. 730.

дуетъ доказать разсужденіемъ (non est de consuetudine praescribendum, sed ratione vincendum) [545])

На это мѣсто, равно какъ и на нѣкоторыя другія мѣста [546]) изъ Кипріана обыкновенно ссылаются протестанты, чтобы «съ увѣренностію сказать», что изъ африканской церкви при Кипріанѣ вышелъ *первый отпоръ* преданію, какъ «обрядовому принципу», въ защиту верховныхъ правъ одного писанія и чистаго разума, т. е. одного «разумно-евангельскаго источника» откровенныхъ истинъ. Но вышеупомянутыя слова св. Кипріана вовсе не имѣютъ такого значенія, какое хотятъ имъ насильственно приписать протестанты; да при томъ въ нихъ раскрывается только одна сторона въ ученіи о преданіи, а не вся суть и не вся полнота означеннаго тутъ вопроса. Впрочемъ, эти мѣста и сами по себѣ стоятъ въ очевидной связи съ православно-церковнымъ ученіемъ о преданіи.

Если обобщить все сказанное св. Кипріаномъ о преданіи, то получимъ слѣдующій результатъ касательно взгляда его на сущность преданія и особенно на *обрядовую сторону* его.

По ученію св. Кипріана, нѣтъ существеннаго различія между устнымъ (живымъ) преданіемъ и написаннымъ, а, слѣдов., нѣтъ у него и «прямаго отрицанія» преданія ради писанія и «разумной истины». Св. Кипріанъ вооружается только противъ *обычаевъ*, несогласныхъ, т. е. расходящихся съ *«божественною вѣрою»*, какъ бы они широко ни были распространены и какую бы древность ни имѣли за собою. Такіе обычаи не отъ преданія, ибо идутъ и противъ писанія. Поэтому, коль скоро открылась истина о вѣрѣ, обы-

---

[545]) Стр. 326—327 (Ep. 71 p. 194)

[546]) См «Письмо къ Помпонію о дѣвственницахъ»: «знай, что мы нисколько не отступаемъ отъ евангельскихъ и апостольскихъ преданій, при постоянно-ревностномъ попеченіи о нашихъ братьяхъ и сестрахъ и при охраненіи церковнаго благочинія всѣми полезными и спасительными средствами» (стр. 104). Въ письмѣ къ народу о пяти пресвитерахъ, приставшихъ къ возмущенію Фелициссима: «какъ для меня мучительно, возлюбленнѣйшіе братія, что я не могу *лично самъ* находиться при васъ, самъ посѣтить каждаго, самъ предложить вамъ слова ободренія, по *ученію Господа и Его Евангелія'*. Господь предостерегаетъ насъ въ Евангеліи Своемъ, говоря: *отмещете заповѣдь Божію, да преданіе ваше соблюдете* (Марк. 7, 9)... Апостолъ научаетъ, говоря *аще кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа и ученію Его, разгордѣвся, отступай отъ таковаго»* (1 Тим. 6, 35) (стр 191, 192).

чай, существующій вопреки истинному преданію, долженъ ей уступить первенствующее мѣсто. Въ такомъ смыслѣ и говоритъ Кипріанъ, что *не по одному обычаю* нужно рѣшать церковно-догматическіе и обрядовые вопросы, а должно изслѣдовать разумно *всѣ* источники христіанскаго вѣроученія и жизни. Хотя въ вышеозначенныхъ мѣстахъ св. Кипріанъ разсматриваетъ крещеніе еретиковъ (аналогично съ нѣкоторыми другими церковными обрядами) преимущественно какъ предметъ церковной дисциплины, но у него энергично проводится какъ бы параллельно и противоложная точка зрѣнія (т. е. чисто-догматическая) на значеніе крещенія для спасенія. И дѣйствительно, преданіе т. е. божественное и апостольское ученіе, никогда не можетъ стоять въ явномъ противорѣчіи съ истиною или разумомъ. Какъ древо не можетъ имѣть двухъ корней, такъ и истинное преданіе, какъ дѣло Духа Святаго, едино и, слѣдов., не можетъ противорѣчить божественной истинѣ. Если бы св. Кипріанъ признавалъ такое противорѣчіе въ крещеніи еретиковъ, то онъ не сдѣлалъ бы замѣчанія, что «въ дѣлахъ духовныхъ» нужно слѣдовать тому, что̀ открыто Духомъ Святымъ для лучшаго совершенства церковной жизни. Противъ чисто-человѣческихъ, въ частности еретическихъ, обычаевъ и и привычекъ онъ съ полнымъ правомъ обращался къ свидѣтельству разума и древнѣйшаго преданія, т. е. писанія, иначе сказать къ праву истиннаго разумѣнія слова Божія въ церкви Христовой.

Итакъ, главнѣйшее средоточіе всѣхъ разсужденій св. Кипріана Карѳагенскаго по вопросу о преданіи сводится къ убѣжденію не принимать «человѣческихъ постановленій», т. е. людьми выдуманныхъ обычаевъ и мнѣній и поставляемыхъ *выше* повелѣній Господнихъ и апостольскихъ подъ именемъ «обрядоваго» преданія. Такія преданія несогласны съ божественною истиною и поэтому не имѣютъ для себя ни основанія въ писаніи, ни опоры въ здравомъ разумѣ. Но истинное преданіе, какъ откровеніе Божіе, всячески должно принимать; слѣдовать ему значитъ во всемъ повиноваться правой вѣрѣ и церковному ученію, заповѣданному Господомъ. Конечно, св. Кипріанъ не убѣждалъ бы вѣрить въ преданіе съ такой силою, если бы самъ не вѣрилъ, что даже съ точки зрѣнія формальнаго *принципа преданія* онъ въ правѣ ссылаться на *преданіе церкви африканской*. По крайней мѣрѣ, въ началѣ онъ намѣренъ былъ выступить про-

тивъ обычая, возникшаго въ нѣкоторыхъ только церквахъ по вопросу о крещеніи еретиковъ и раскольниковъ,—при «обращеніи ихъ къ единой истинной каѳолической церкви». «Хотя относительно этого предмета вы и сами тамъ придерживаетесь вѣрно и твердо *каѳолическаго правила*,—писалъ онъ, напр., въ письмѣ (отъ 254 года) къ Януарію и прочимъ епископамъ Нумидійскимъ, однако, такъ какъ вы почли нужнымъ, по общей любви, спросить о томъ и насъ, то мы изложимъ вамъ наше мнѣніе, мнѣніе не новое, но давно уже поставленное нашими предшественниками, которое мы соблюдаемъ совершенно согласно съ вами» [547]). Подобнымъ же образомъ говоритъ онъ и въ уже цитованныхъ нами письмахъ къ Помпею противъ письма Стефана римскаго и къ Юбаяну и Квинту о крещеніи еретиковъ. Правда, ссылка Кипріана на это *преданіе* африканской церкви была не совсѣмъ убѣдительна и не достаточно надежна, какъ выходитъ уже и изъ объясненія самаго Кипріана, по которому Агриппинъ, епископъ Карѳагенскій († 220 г.), служитъ для него древнѣйшимъ авторитетомъ [548]). Авторъ полемическаго творенія «De rebaptismate» (о перекрещиваніи), по времени также относящагося къ III вѣку, указываетъ уже на недостаточную твердость и на не совершенную справедливость этого Кипріанова утвержденія [549]). Тоже замѣчаютъ о немъ *блаж. Августинъ* [550]) и *св. Викентій Лиринскій* [551]). *Абсолютное* требованіе Кипріана почти повсюду было сочтено за нѣкоторое нововведеніе и впослѣдствіи было отвергнуто самими африканскими отцами и учителями. Это и должно было случиться, когда затихли горячіе богословскіе споры [552]) и установился

---

[547]) Стр. 322 (Ep. 70, 1, 74, 2, 10; cf *Aug*, De bapt 3, 5. 12. *Hefele*, Conciliengesch. 2 Aufl. I, s. 122. *Ritzschl*, Cyprian, s. 98)

[548]) Стр. 328 333.

[549]) De rebap. c. 1 (*Migne* T. III, p. 1183 sq.).

[550]) De bapt 2, 7, 12

[551]) Comm. c 9

[552]) Посланіе Фирмиліана Кессарійскаго къ св Кипріану, служащее во многихъ случаяхъ комментаріемъ къ Кипріановымъ посланіямъ о крещеніи, яснѣе всего показываетъ точку зрѣнія различныхъ партій въ спорѣ о крещеніи еретиковъ. Недовольный ссылкой папы Стефана на преданіе, онъ упрекаетъ римлянъ, что они не во всѣхъ частяхъ соблюдаютъ даже то, что преданно первоначально, и напрасно ссылаются на авторитетъ апостоловъ. Это видно изъ различія въ празднованіи Пасхи и другихъ пунктахъ богослуженія. Относительно же крещенія еретиковъ папа не можетъ ссылаться на апостольское преданіе, ибо тогда еще не было никакихъ еретиковъ.

единый и цѣлостный православно-церковный взглядъ на церковно-дисциплинарный вопросъ о крещеніи еретиковъ и вообще на церковно-историческія отношенія [553]). Но все-таки изъ разобранныхъ нами мѣстъ видно, что споръ шелъ не о самомъ по себѣ *принципѣ* преданія, не о преданіи самомъ по себѣ, какъ догматико-гносеологическомъ источникѣ и божественномъ началѣ церковнаго бытія и жизни, а объ *истинномъ* преданіи въ противоположность *человѣческому*, т. е. неистинному, сектантскому, еретическому вообще. Хотя богословскій комментарій Кипріана не всегда ясно и полно характеризуетъ и обосновываетъ православно-церковную мысль о преданіи и его значеніи [554]); но для насъ онъ имѣетъ первостепенную важность со стороны теоретическаго раскрытія *общей идеи* о преданіи, какъ о божественномъ и апостольскомъ источникѣ христіанскаго вѣроученія и церковно-каѳолическомъ правилѣ жизни, а эта идея несомнѣнно православная, совершенно чуждая сектантскаго стремленія какъ либо умолить внутреннее достоинство и необходимость преданія при писаніи.

Поэтому, если каждая церковь имѣетъ право ссылаться на свое собственное преданіе, то въ этомъ отношеніи чистое преданіе можно найти у малоазійцевъ, а не у римлянъ и не у африканцевъ, ибо власть, оставленія грѣховъ дана апостоламъ и церквамъ, которыя основаны ими по порученію Христа, и епископамъ, которые являются ихъ преемниками Итакъ, если Стефанъ ссылается на каѳедру (наслѣдство) Петра, на которомъ положены основы церкви, то онъ не можетъ вводить еретиковъ въ качествѣ камней. *Римское* преданіе, слѣдов; есть чисто-человѣческое, простое обыкновеніе, на которое могутъ ссылаться и іудеи противъ христіанства. Но *истина должна имѣть болѣе значенія*, и африканцы противъ Стефана могутъ, по крайней мѣрѣ, ссылаться на то что они, послѣ того, какъ узнали истину, оставили лживый обычай. «Но мы соединяемъ *съ истиной и обычай* и обычаю римлянъ противопоставляемъ нѣкоторое другое обыкновеніе, а именно *обыкновеніе истины*; ибо мы отъ начала держимъ твердо то, что̀ предано Христомъ и апостолами. И мы не помнимъ, чтобы это когда-либо началось (сразу) у насъ, такъ какъ оно сохраняется постоянно» (Ep. 75, 19, vgl. *Hadetann*, Rom. Kirche, s 17 f). Очевидно, что Фирмиліанъ забываетъ здѣсь сказанное раньше о невозможности апостольскаго происхожденія этого преданія Письмо Фирмиліана помѣщено въ русск. переводѣ въ изданіи Кіевск. Дух. Академіи твореній св. Кипріана, 1891, ч. I (письма), стр. 373—388.

553) См. напр , правило 7-е второго вселенскаго собора (Книга правилъ, Спб. 1843, стр. 40—41).

554) При изслѣдованіи ученія св. Кипріана о преданіи должно помнить, что «взоръ его рѣдко обращался къ созерцанію общихъ началъ, сужденіямъ его не всегда доставало всеобщей важности и твердости; онѣ были вѣрны, но иногда только для извѣстныхъ случаевъ, а не на всѣ» (*Филаретъ*, т. 1, § 58, стр. 106).

Тоже самое пониманіе церковной истины преданія и тѣмъ же способомъ раскрытое устанавливается у св. Кипріана Карѳагенскаго и по другому вопросу, а именно по вопросу «*О таинствѣ чаши Господней*», т. е. о совершеніи таинства св. Причащенія. Такъ, напр., въ письмѣ къ Цецилію св. Кипріанъ пишетъ слѣдующія достопримѣчательныя слова.

«Я знаю, возлюбленнѣйшій братъ, что изъ поставленныхъ Богомъ епископовъ надъ церквами Господними во всемъ мірѣ большая часть хранитъ *правило евангельской истины и Господняго преданія, не отступая къ человѣческимъ нововведеніямъ отъ того, чему научилъ Христосъ-Учитель, и что совершилъ Онъ Самъ.* Но поелику нѣкоторые, при освященіи чаши Господней и преподаніи ея народу, *по невѣжеству* ли, *или по простотѣ* не соблюдаютъ того, что совершалъ и заповѣдалъ совершить виновникъ сего жертвоприношенія и Учитель-Господь нашъ Іисусъ Христосъ; то я счелъ сколько благочестивымъ, столько необходимымъ дѣломъ написать тебѣ объ этомъ съ тою цѣлію, чтобы *открытіемъ свѣта истины обратить къ корню и началу преданія тѣхъ, которые еще доселѣ пребываютъ въ заблужденіи.* Не подумай, возлюбленный братъ, чтобы мы, всегда думая о себѣ со смиреніемъ и уничиженіемъ, дерзнули писать это, какъ *свое человѣческое*, или какъ *отъ себя.* Когда вѣрный рабъ Господень повинуется въ чемъ либо Господу своему, будучи обязанъ къ тому или внушеніемъ Божіимъ, или заповѣдію, то оправдываетъ *предъ всѣми то самое*, что онъ дѣйствуетъ не по своей волѣ и не по гордости, а единственно изъ опасенія оскорбить Господа исполненіемъ Его повѣленія. А мы, пусть будетъ тебѣ извѣстно, пріяли *заповѣдь сохранять преданіе Господне* въ приношеніи чаши Господней, и не иначе что совершать, какъ то, что̀ ради насъ совершено первоначально Самимъ Господомъ, т. е. чашу въ его воспоминаніе приносить не иначе, какъ растворяя виномъ. Христосъ говоритъ: *Азъ есмь лоза истинная* (Іоан. 15, 1)... Я удивляюсь, откуда это въ *нѣкоторыхъ мѣстахъ* вошло *противное евангельскому и апостольскому ученію обыкновеніе* (consuetudo) приносить въ чашѣ Господней воду, между тѣмъ какъ вода одна не можетъ представлять крови Христовой... Если должно *слушать одного только Христа*; то намъ надлежитъ обращать вниманіе не на то, что вздумалось кому-либо дѣлать

прежде насъ, а на то, что совершилъ Христосъ, *сущій прежде всѣхъ*; *должно слѣдовать не обычаю человѣческому, а истинѣ Божіей*, во вниманіи къ сказанному Богомъ чрезъ пророка Исаію: *всуе же почитаютъ мя, учаще заповѣдямъ человѣческимъ и ученіямъ* (Ис. 29, 13). Это же повторяетъ Господь и въ Евангеліи, говоря. *преступаете заповѣдь Божію за преданіе ваше* (Мат. 15, 3); а въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *иже аще разоритъ едину изъ заповѣдей сихъ малыхъ и научитъ тако человѣки, мній наречется въ царствіи небесномъ* (Мат. 5, 19). Если не позволительно нарушать ни одной и малой изъ заповѣдей Господнихъ; то во сколько преступнѣе нарушать или измѣнять *по преданіямъ человѣческимъ, вопреки божественному установленію*, столь великую, столь важную божественную заповѣдь, которая такъ близко касается самаго таинства страданія Господня и нашего искупленія... Если кто изъ предшественниковъ нашихъ по невѣжеству ли или по простотѣ не соблюлъ и не держался того, что сохранять заповѣдалъ намъ Господь и Своимъ примѣромъ и Своимъ ученіемъ; то Господь, по Своему милосердію, могъ простить его невѣдѣніе. Но это не можетъ быть прощено намъ, которые нынѣ получили вразумленіе и увѣщаніе отъ Господа приносить чашу, растворяя вином, какъ и Господь приносилъ, и писать о томъ же къ товарищамъ нашимъ, чтобы вездѣ была соблюдаема *заповѣдь евангельская и преданіе Господне*, и чтобы не было отступленія отъ того, чему научилъ Господь *и словомъ и дѣломъ*» [555]).

Приведенныя слова св. Кипріана всецѣло направлены противъ нѣкоторыхъ расколо-сектантовъ, желавшихъ совершать таинство Евхаристіи безъ вина, т. е. на одной водѣ (энкратиты). Вопреки этому «новому преданію святотатственнаго устава» [556]), св. Кипріанъ ссылается на Христа, на слово и дѣло Его, т. е. на «евангельскую заповѣдь и преданіе Господне», и на апостоловъ, на «апостольское ученіе». И такъ ясно, что здѣсь св. Кипріанъ опровергаетъ съ такою непреоборимою силою «*нововведеніе*» нѣкоторыхъ людей при совершеніи таинства св. Причащенія,—то нововведеніе, которое стояло въ явномъ противорѣчіи и несогласіи съ евангельскимъ и

---

555) Стр. 388—389, 395, 398, 400 (Ер. 63, 14. 71, 3).

556) Ср стр 191.

апостольскимъ преданіемъ, т. е. «вопреки божественному установленію». Когда православная церковь предлагаетъ вѣрующимъ таинство тѣла и крови Господней, то она руководствуется не писаніемъ только но и преданіемъ, и преданіемъ больше, чѣмъ писаніемъ. И расколо-сектанты предлагали свой новомодный обычай, придуманный темнымъ смысломъ, ссылаясь на какое то преданіе, «вопреки истинѣ Божіей». Его то и имѣетъ въ виду св. Кипріанъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ, прямо называя его «*человѣческимъ преданіемъ*», т. е. человѣческимъ заблужденіемъ и внушеніемъ сектантской смятенной совѣсти, ведущей къ отверженію «правила евангельской истины». Противъ этого именно преданія онъ и говоритъ, что нельзя слѣдовать обычаю какого-либо человѣка, а только истинѣ Божіей, т. е. говоритъ о *невозможности* божественнаго происхожденія для сектантскаго преданія. Отсюда у него естественный выводъ: преданіе, живущее въ церкви, есть *истина Божія*, а сектантское—«*не отъ истины*», слѣдовательно, ложь; ибо всякая ложь религіозной вѣры и обычая не отъ истины божественнаго откровенія.

Точно въ такой же постановкѣ рѣшается вопросъ о существѣ и источникахъ преданія св. Кипріаномъ и въ письмѣ къ Корнелію. Здѣсь онъ, между прочимъ, пишетъ, что признать его епископомъ противъ раскольника Фелициссима «требовала святость и *истина божественнаго преданія и церковнаго* чиноположенія» [557]). Ясно, что преданіе здѣсь обозначается, какъ истинный и первоначальный и при томъ всеобъемлющій источникъ, одинаково оправдывающій и сущность христіанскаго вѣроученія и божественное право жизни церковной, а расколо-сектантскій укладъ и ученіе суть не что иное, какъ «противность однажды преданному таинству божественнаго устроенія и вселенскаго единства» (contra sacramentum semel traditum divinae dispositionis, т. е. вопреки богопреданному ученію объ устройствѣ церкви, какъ единой и вселенской).

Истинное ученіе преданія, по Кипріану, всецѣло обезпечено для всякаго вѣрующаго христіанина абсолютнымъ единствомъ и непогрѣшимостію церкви, неизмѣнно сохраняющей и охраняющей

---

[557]) Стр. 197 (Ep. 45, 1); ср. 269 (изъ письма къ Корнелію о Фортунатѣ и Фелициссимѣ, или противъ еретиковъ).

божественное откровеніе [558]). «Церковь, подобно раю, заключаетъ въ стѣнахъ своихъ одни плодовитыя деревья; всякое дерево, не приносящее добраго плода, исторгается изъ нея и бросается въ огонь. Эти деревья она орошаетъ четырьмя рѣками, т. е. четырмя евангеліями, и небеснымъ разлитіемъ ихъ водъ обильно подаетъ имъ благодать спасительнаго крещенія. *Но можетъ ли орошаться источниками церкви, кто не находится внутри церкви.* И можно ли подать цѣлебныя и спасительныя питія райскія тому, кто, будучи развращенъ и *самъ отъ себя* осужденъ и отлученъ отъ источниковъ рая, засохъ и истомился сухостію вѣчной жажды. Господь громко зоветъ, чтобы всякій жаждущій шелъ и пилъ отъ источниковъ живой воды, истекшихъ отъ чрева Его. *Куда же долженъ идти жаждущій?* Къ еретикамъ ли, у коихъ нѣтъ вовсе ни источниковъ, ни рѣки животворящей воды, или же къ церкви, которая одна и, по слову Господа, основана на одномъ, пріявшемъ и ключи ея? Она одна хранитъ и обладаетъ всею властію своего жениха и Господа. Въ ней мы предсѣдательствуемъ, за ея честь и единство ратуемъ, благодать и славу ея, вѣрные своему обѣту, защищаемъ. Мы, по милости Божіей, напояемъ жаждущій народъ Божій, *мы охраняемъ границы животворящихъ источниковъ.* Если же мы удерживаемъ *право на свое владѣніе* и признаемъ *таинство единства*, то зачѣмъ намъ быть измѣнниками истины и предателями единства? Истинная и спасительная и *святая вода церкви* не можетъ ни испортиться, ни осквернться, такъ какъ и сама церковь нерастлѣнна, чиста и цѣломудренна» [559])? По смыслу этихъ словъ св. Кипріана, преданіе есть живоносный источникъ и животворное слово вѣры и жизни единой церкви Христовой. У еретиковъ и раскольниковъ, «ниспровергающихъ вѣру», «извращающихъ истину, «расторгающихъ единство», «не придерживающихся евангелія и не сохраняющихъ закона» [560]) вѣры», «нѣтъ церкви, потому что церковь одна и дѣлиться не можетъ» [561]), а, слѣдов., нѣтъ у нихъ и истиннаго

---

[558]) Ч. I, стр. 272 (ссылка на Мат. 18, 17; 2 Θес. 3, 6, въ 47 письмѣ къ Корнелію о Фортунатѣ)

[559]) Письмо 60 къ Юбаяну, ч. I, стр. 338.

[560]) «О единствѣ церкви», ч. II, стр. 176.

[561]) 61 письмо къ Помпею, ч I, стр. 353.

преданія и жизни во Святомъ Духѣ, а одно безразсудно-дерзновенное и самообольщенное (2 Кор. 11, 14) «вѣроломство подъ предлогомъ вѣры [562]).

Тоже самое понятіе объ отношеніи преданія къ церкви излагается и въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ *книги* св. Кипріана «*О единствѣ церкви*». «Можно ли думать тому, кто не придерживается единства церкви, что онъ храпить вѣру? Можно ли надѣяться тому, кто противится и поступаетъ *наперекоръ церкви*, что онъ находится въ церкви, когда блаж. апостолъ Павелъ, разсуждая о томъ же предметѣ и, показывая таинство единства, говоритъ: *едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте въ единомъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ* (Еф. 4, 4—6)?.. Церковь одна, хотя съ приращеніемъ плодородія расширяясь, дробится на множество. Вѣдь и у солнца много лучей, но свѣтъ одинъ; много вѣтвей на деревѣ, но стволъ одинъ, крѣпко держащійся на корнѣ; много ручьевъ истекаетъ изъ одного источника, но хотя разливъ, происходящій отъ обилія водъ, и представляетъ многочисленность, однако при самомъ истокѣ все же сохраняется единство. Отдѣли солнечный лучъ отъ его начала,—единство не допуститъ существовать отдѣльному свѣту; отломи вѣтвь отъ дерева,—отломленная потеряетъ способность расти; разобщи ручей съ его источникомъ,—разобщенный изсякнетъ. Равнымъ образомъ и церковь, озаренная свѣтомъ Господнимъ, по всему міру распространяетъ лучи свои; но свѣтъ, разливающійся повсюду, одинъ, и единство тѣла остается нераздѣленнымъ. По всей землѣ она распространяетъ вѣтви свои, обремененныя плодами; обильные потоки ея текутъ на далекое пространство: при всемъ томъ глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая преспѣяніемъ плодотворенія. *Отъ нея рождаемся мы, питаемся ея млекомъ, одушевляемся ея духомъ*» [563]). А это догматико-каноническое единство церкви, т. е. «единство вѣры

---

[562]) «О единствѣ церкви», стр. 178; сравн. изъ письма къ Корнилію: «никакого общенія не можетъ быть между вѣрою и вѣроломствомъ», ч. I, стр 272. Полное сходство со взглядомъ Иринея и Тертуллиана на антихристіанскій характеръ всяческаго сектантства, прикрывающаго ложь вѣры сомнительнымъ правдоподобіемъ и тонкою хитростію уничтожающаго истину Божію.

[563]) Стр. 179—180.

происходитъ по преданію отъ Бога Отца и Господа Бога нашего Іисуса Христа» [564]).

Непремѣннымъ условіемъ цѣлостнаго единства и догматической истинности всецерковнаго преданія служитъ *іерархическое преемство* епископовъ отъ апостоловъ [565]). Епископы, по Кипріану, суть истинные «поборники Евангелія Христова»; это духоносные органы, чрезъ которые непрерывно и неизмѣнно передается истинно-христіанское ученіе о вѣрѣ и устрояется царство Божіе на землѣ [566]). Въ нихъ, по глубоко-справедливому выраженію св. Кипріана, сосредоточивается вся церковь. Извѣстно классическое изреченіе изъ Кипріана: «scire debes, episcoporum in ecclesia esse et ecclesiam in episcopo, et si quis cum episcopo non sit, in ecclesia non esse» [567]). Невозможно узнать богооткровенную истину ученія вѣры иначе, какъ только чрезъ обращеніе къ апостольскимъ церквамъ при посредствѣ епископовъ. Поэтому, православное епископство, «развѣтвленное въ единодушномъ ликѣ многихъ епископовъ» [568]), іерархически связанныхъ со Христомъ и апостолами, есть всегда одушевляемое Духомъ Святымъ священноначаліе въ церкви и вполнѣ организованный принципъ и средоточіе догматическаго единства и непогрѣшимости учительнаго авторитета вселенской церкви. «*Епископство одно и каждый епископъ цѣлостно въ немъ участвуетъ*» [569]). Это положеніе св. Кипріана особенно должно замѣтить намъ противъ вѣроломныхъ узурпацій «римскаго епископа», въ себѣ одномъ желающаго сосредоточить всю вселенскую церковь. По взгляду Кипріана, всѣ епископы равны въ церкви Христовой; всѣ одинаково суть стражи и носители вѣры церковно-православной. Въ этомъ *равноправіи епископовъ* предъ истиною божественнаго откровенія и

---

564) Письмо къ Помпею, ч. I, стр. 353.

565) 17 письмо къ падшимъ (Ер 27, 1), стр. 139 Ссылаясь на слова Господа, «сказанныя Петру въ Евангелии» (Мат. 16, 18—19), св. Кипріанъ пишетъ: «отсюда *послѣдовательно и преемственно* истекаетъ власть епископовъ и управленіе церкви».

566) Письмо къ Корнелію о непризнаніи Новаціана епископомъ, ч. I, стр. 196; письмо къ Корнелію: «можно убить, но *нельзя побѣдить священника Божія*, держащагося *Евангелія* и сохраняющаго *заповѣди Христовы*» (ч. I. стр. 268).

567) Ер. 66, 8.

568) 47 письмо къ Антоніану о Корнелѣ и Новаціанѣ, ч I, стр. 235.

569) О единствѣ церкви, стр. 180.

вѣры заключается «достоинство каѳолической церкви [570]) и осужденіе еретиковъ и расколо-сектантовъ. У самоотдѣляющихся сектантовъ нѣтъ церкви, а одни «безрасудныя сконища» [571]). Поэтому у нихъ нѣтъ и епископовъ, «преподающихъ вполнѣ таинства божественной благодати и истину единства и вѣры» [572]), а одни самозванные обольстители, «*сьдящіе на сьдалищи губителей*» (Пс. 1, 1), кои, безъ божественнаго распоряженія, самовольно принимаютъ начальство надъ безрасудными сконищами, безъ законнаго посвященія поставляютъ себя вождями, присваиваютъ себѣ имя епископа тогда, какъ *никто не даетъ имъ епископства*» [573]). Таковъ, напр., надменный Новаціанъ со своею «ересью», «усиливавшійся создать *церковь* независимо отъ *божественнаго преданія*, независимо отъ единства, соединяющаго и связующаго каѳолическую церковь и разсылавшій по многимъ городамъ *новыхъ апостоловъ своихъ*» [574]). Этотъ взглядъ св. Кипріана Карѳагенскаго на значеніе епископовъ въ дѣлѣ и ученіи преданія — обще-церковный и ископно-святоотеческій. Ссылка на него римско-католическихъ богослововъ ультрамонтанскаго направленія въ пользу «вселенской гегемоніи папы», по меньшей мѣрѣ, неосновательна и тенденціозна.

Область употребленія преданія, по ученію св. Кипріана Карѳагенскаго, таже самая, что̀ у Тертулліана; но она у него не столько подробно изслѣдуется, сколько намѣчается въ «краткомъ изложеніи истины» [575]), какъ общеизвѣстный церковно-историческій фактъ.

По ученію св. Кипріана, преданіе, прежде всего, имѣетъ значеніе догматическаго источника. Отъ него идетъ истинная вѣра, живущая въ церкви, т. е. «символъ (symbolum) вѣры» [576]), возвѣщаемый отъ Ecclesiae [577]). Вѣра, какъ несомнѣнная увѣренность въ истинности и достовѣрности христіанскаго откровенія, исторически

---

[570]) Письмо къ Корнелію, ч. I, стр. 269.

[571]) О единствѣ церкви, стр. 185.

[572]) Письмо къ Януарію, ч. I, стр. 325.

[573]) О единствѣ церкви, стр. 185.

[574]) Письмо къ Антоніану, ч. I, стр 235.

[575]) Ср. О единствѣ церкви, стр. 179.

[576]) Письмо къ Магну о крещеніи Новаціанъ, ч. I, стр. 366 (въ русск. переводѣ вмѣсто symbolum стоитъ «*законъ*», какой соблюдаетъ каѳолическая церковь въ вѣрѣ); Ep 70, Ep. 76.

[577]) Кн. объ одеждѣ дѣвственницъ, ч. II, стр. 133.

происходитъ отъ преданія и возрастаетъ въ церкви путемъ преданія въ исповѣданіе этой самой вѣры. Незыблемымъ основаніемъ истины вѣры съ переходомъ ея въ область божественнаго ученія служитъ *самая церковь*, вѣрная своему назначенію оберегать и сохранять слово и дѣло Божіе. Церкви Христовой и вселенской не свойственно, подобно противоборствующимъ еретикамъ и раскольникамъ, уклоняться отъ богооткровенной истины и увлекать другихъ въ заблужденіе.

Мысль о необходимости всецерковнаго догматическаго преданія въ качествѣ истиннаго свидѣтельства и руководства въ дѣлѣ познанія откровенія Божія и пріобрѣтенія вѣры формулирована у св. Кипріана въ «Книгѣ о единствѣ церкви» въ слѣдующей классической аксіомѣ: «тотъ не можетъ уже имѣть Отцомъ Бога, кто не имѣетъ матерію церковь... Господь такъ говоритъ въ ученіе наше: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ*» (Мат. 12, 30) [578]). Сюда же относится и слѣдующее мѣсто изъ того же самаго творенія. «Пусть никто не думаетъ, будто добрые могутъ отдѣлиться отъ церкви. Вѣтеръ не развѣваетъ пшеницы и буря не исторгаетъ дерева, растущаго на твердомъ корнѣ. Только плевелы упосятся вихремъ; только слабыя деревья падаютъ отъ устремленія бури. Ихъ—то предаетъ проклятію и поражаетъ апостолъ Іоаннъ, говоря: *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ, аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами* (1 Іоан. 2. 19). Ереси происходили и происходятъ часто отъ того, что *строптивый умъ* не имѣетъ въ себѣ мира и посѣвающее раздоръ вѣроломство не держится единства. Господь, сохраняя свободу нашей воли, допускаетъ быть сему, чтобы, чрезъ искушеніе сердецъ и мыслей нашихъ состязаніемъ объ истинѣ, въ ясномъ свѣтѣ представилась *чистая вѣра* достойныхъ. Объ этомъ предвозвѣщаетъ Духъ Святый чрезъ апостола, говоря: *подобаетъ и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. 11, 19). Такъ испытываются вѣрные и открываются вѣроломные; такъ, еще прежде дня суднаго, отлучаются (церковію) души праведныхъ отъ неправедныхъ и отдѣляются плевелы отъ пшеницы!... «*Рожденные отъ*

---

[578]) Стр. 181.

лжи не сподобляются обѣтованій истины» [579]) богопреданнаго ученія, хранимаго отъ начала неизмѣнно единою церковію. «Итакъ не могутъ пребывать съ Богомъ не восхотѣвшіе быть единодушными въ церкви Божіей... Какъ діаволъ не есть Христосъ, хотя и *обманываетъ Его именемъ* (Марк. 13, 6); такъ и христіанином не можетъ почитаться тотъ, кто не пребываетъ въ истинѣ Его Евангелія и вѣры» [580]), находящихся въ церковномъ преданіи. Всякая секта или религіозный толкъ непремѣнно отличается своими собственными вымыслами, а гдѣ собственное мудрствованіе, тамъ нѣтъ единой и всеобщей истины, нѣтъ *Евангелія Христова* и *вѣры всецерковной*. Тотъ не христіанинъ, у кого *своя вѣра*, т. е. отдѣльная и отдѣленная отъ вѣры церкви и Евангелія Христова, и кто не держится *единаго* истинно-божественнаго и апостольскаго преданія, охраняемаго *единою* церковію. Здѣсь у св. Кипріана стоитъ вопросъ о происхожденіи ересей и расколовъ [581]) и подробное изображеніе тѣхъ изъ современныхъ «непокоривыхъ вселенской церкви» сектантовъ, которые отдѣлили себя отъ духовнаго общенія съ церковію въ ученіи и жизни и дерзнули устроять свои особыя общества по своему уставу вопреки всецерковному преданію и въ отмѣну его для себя.

Важность и необходимость преданія при писаніи, по взгляду св. Кипріана, тѣ-же самыя, что̀ и у Тертулліана. Въ отношеніи къ писанію преданіе есть источникъ дополнительный и изъяснительный. Такъ, напр., изъ него почерпается догматическое ученіе о крещеніи, миропомазаніи, Евхаристіи, покаяніи (исповѣдь), священствѣ, о церкви, особенно о благодатной связи церкви земной съ небесною [582]). Особенно противъ еретиковъ, этихъ «извратителей

---

[579]) Стр. 184, 186.

[580]) Тамъ же, стр. 189.

[581]) „Ересь—синагога сатаны“ (*Филаретъ*, т. I, § 60, стр. 11). Начало еретиковъ и происхожденіе зломыслящихъ раскольниковъ объясняется у св. Кипріана изъ трехъ причинъ. гордаго самолюбія, неповиновенія церковной власти и изъ нетерпѣливой страсти къ спорамъ «Еретики желаютъ угождать себѣ и съ гордымъ намѣреніемъ пренебрегаютъ епископовъ». *«Нетерпѣливость творитъ еретиковъ»* (*Филаретъ*, тамъ-же) Вотъ настоящая *психологія* сектанства. Съ нее и должно начинать православную *апологетику* источниковъ христіанской вѣры и жизни.

[582]) См. ссылки по этимъ пунктамъ вѣроученія у *Филарета* (тамъ-же стр. 113—114).

Евангелія и ложныхъ толкователей» [583]) писанія «не должны мы забывать божественное преданіе» [584]).

Таково православно-церковное ученіе св. Кипріана о преданіи. При видимомъ различіи, оно раскрывается въ общей гармоніи съ древне-отеческимъ взглядомъ на значеніе преданія. Въ немъ и помину нѣтъ о противорѣчіи преданія писанію. Преданіе и писаніе стоятъ на ряду другъ съ другомъ, въ цѣлостномъ единствѣ и органической связи, какъ равноправные источники богооткровенной истины и вѣры. Уваженіе къ нимъ и необходимость ихъ всецѣло обусловлены у Кипріана непогрѣшимымъ авторитетомъ церкви. Церковь есть богодухновенная носительница и распространительница откровенія Божія и жизни Божіей. Православное епископство составляетъ непогрѣшимый органъ церковнаго самосознанія. Епископы суть истинные свидѣтели и выразители святоотеческаго преданія. Съ этой стороны понятіе Кипріана о преданіи примыкаетъ къ ученію Иринея и Тертулліана. Такимъ образомъ точнѣе опредѣленное нами ученіе св. Кипріана, «текущаго какъ тихій ручей съ водою самою чистою и пріятною», [585]) только оканчиваетъ рядъ ранѣе полученныхъ нами результатовъ при изслѣдованіи вопроса о преданіи у древнѣйшихъ отцовъ и учителей церкви. Поэтому совершенно напрасно протестантскіе богословы указываютъ въ свою пользу на Кипріана Карѳагенскаго и считаютъ его «патрономъ въ церкви, держащейся писанія» [586]).

Итакъ, мы изложили святоотеческія свидѣтельства *первыхъ трехъ вѣковъ* христіанства (consensus trisaecularis) по вопросу о преданіи и его значеніи. Свидѣтельства эти всеобщи и строго опредѣленыя. Сущность или общій смыслъ всего сказаннаго св. отцами и учителями церкви этого періода о важности преданія можно въ кратцѣ представить въ слѣдующемъ видѣ.

Преданіе, по святоотеческому ученію, есть истинное слово Божіе, незаписанное апостолами и неизмѣнно сохраняемое и распро-

---

[583]) О единствѣ церкви, стр. 186.

[584]) Письмо къ Корнилію о Фортунатѣ (стр 269).

[585]) Бл. *Іеронимъ*, Epist. ad Paulinum.

[586]) *Holzmann*, Kanon und Tradition, § 4, s. 28.

страняемое церковію силою Духа Святаго. Отсюда преданіе есть богодухновенный глаголъ всецерковный и самая религіозно-нравственная жизнь церкви. Съ понятіемъ преданія связывается характеристика христіанскаго вѣроученія прежде всего моментомъ *древности*, т. е. *апостольства*. То преданіе истинно, что̀ отъ Христа чрезъ апостоловъ. Но апостольство преданія включаетъ въ себѣ въ качествѣ необходимой черты и *каѳоличество* его; ибо всеобщность богопреданнаго ученія неразрывна съ его изначальною древностію. Иначе сказать *апостольство* и *каѳоличество* преданія (какъ органически связанные критеріи) это *временная* и *мѣстная всеобщность* или всеобъемлющее догматико-коноическое *единство*. Здѣсь незыблемое и тождественное положеніе вопроса о преданіи всячески выводится *изъ самаго существа всего древле-православнаго каѳоличества* или все-единства первоначальной вѣры и церкви Христовой, особенно ясно сознававшагося при отличіи христіанскаго откровенія отъ мнѣній и обществъ еретическихъ и раскольническихъ. По святоотеческому взгляду, преданіе разсматривается со всѣхъ сторонъ его значенія и назначенія. со стороны матеріальной и формальной, субъективной и объективной въ ихъ нераздѣльномъ единствѣ и цѣлокупности. Поэтому оно считается имѣющимъ абсолютную важность и необходимость, и какъ догматико-каноническій источникъ, принимаемый на безспорныхъ основаніяхъ по содержанію вѣры, и какъ неписанное «правило вѣры», т. е. какъ идеальная норма христіанскаго вѣроученія, особенно нужная при изслѣдованіи вопроса о канонѣ писанія и изъясненіи его въ борьбѣ съ ересями и расколами. Преданіе мыслится существующимъ на ряду съ писаніемъ. Преданіе и писаніе въ ихъ взаимодѣйствіи и полномъ согласіи суть уравновѣшенные *авторитетомъ церкви* источники и принципы [587]), а не «подчиненные одинъ другому», какъ напрасно думаютъ протестанты [588]) и отчасти католики [589]). Мнѣ-

[587]) Странно, поэтому, мнѣніе, будто до IV вѣка рѣдко обращались «къ свидѣтельству и авторитету церкви» («Прав. Собесѣд.» 1894 г.. Январь, стр. 12, пр. 2). Доказательства основныхъ истинъ вѣры и правилъ жизни всегда заимствовались изъ коренныхъ источниковъ преданія и писанія и то не иначе, какъ въ связи съ авторитетомъ церкви. Да что̀ такое преданіе и писаніе, какъ не истинное свидѣтельство ученія церкви?

[588]) *Hundeshagen* in Gelrer's Protest. Monatsblättern, II, s. 227—225.

[589]) *Möhler*, Einheit der Kirche.

ніе о догматической самодовлѣемости писанія (т. е. о совершенной достаточности его самого по себѣ, *безъ преданія*, въ дѣлѣ истиннаго познанія христіанскаго откровенія и вѣры) вовсе не имѣло силы въ древней церкви разсмотрѣннаго періода. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ совершенное отрицаніе всѣми отцами и учителями различія установленнаго *гностиками* между общецерковнымъ, т. е. ясно и всюду проповѣдуемымъ (эксотерическимъ) ученіемъ библіи и сокрытымъ, т. е. тайнымъ (эсотерическимъ) преданіемъ откровенія Христова. Это «тайное ученіе», по взгляду гностиковъ, должно дополнять писаніе и руководить въ дѣлѣ вѣрнаго пониманія записаннаго вѣроученія. И древне-церковные писатели далеки были отъ мысли утверждать достаточность одного писанія и отвергать преданіе. Но они всячески отвергали сектантскую мысль о существованіи какого то мнимо-христіанскаго *тайнаго* догматико-каноническаго ученія, считавшагося достояніемъ немногихъ, только избранныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда ссылались на истинно-апостольское преданіе, которое было общимъ достояніемъ всей церкви.

Что для заблужденія въ ученіи св. отцовъ и учителей о преданіи не было никакого мѣста, убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ этого служитъ замѣчательное сходство и устойчивость, наблюдаемыя нами въ церковно-отеческихъ воззрѣніяхъ на преданіе и въ самомъ преданіи, какъ оно разновременно и повсемѣстно встрѣчается у св. Климента *въ Римѣ*, у св. Игнатія Богопосца *въ Антіохіи*, у св. Поликарпа *въ Смирнѣ*, у св. Папія *въ Іераполѣ*, у св. Діонисія Ареопагита *въ Аѳинахъ*, у св. Иринея *въ Ліонѣ*, у Тертулліана и св. Кипріана *въ Карѳагенѣ*, у Климента и Оригена *въ Александріи*. Слѣдовательно, въ разное время и въ различныхъ частяхъ единой и нераздѣльной церкви Христовой существовало единое устное преданіе, какъ незаписанный апостолами источникъ и законъ христіанской вѣры и жизни, и раскрывалось подлинно одно ученіе о немъ.

Изъ сказаннаго также ясно, что ученіе древне-христіанской церкви о преданіи вполнѣ соотвѣтствуетъ ученію и духу Христа и апостоловъ. Было бы только удивительно и непонятно, если бы въ *самой церкви*, т. е. въ области догматическаго самосознанія церкви, столь строго и неуклонно держащейся апостольскаго преданія, были кѣмъ-либо предприняты попытки особаго измѣненія или ослаб-

ленія этого естественаго и искони-преданнаго порядка въ дѣлѣ сохраненія и утвержденія христіанскаго откровенія и устройства церковной жизни. Древне-каѳолическая церковь, опиравшаяся на апостольское неписанное ученіе на ряду и вмѣстѣ съ записаннымъ была поставлена на «недвижимомъ камени»[590]). Очевидно, и принципіальныя колебанія и сомнѣнія относительно предапія были совершенно невозможны въ церковно-отеческомъ ученіи, чего никакъ не могутъ понять протестанты, тенденціозно смѣшивающіе церковь съ религіознымъ сектанствомъ вообще[591]). Только въ сектанствѣ мыслимо «хаотическое разномысліе» и разладъ въ вопросѣ о преданіи, но никакъ не въ единой непогрѣшимой церкви. Древне-церковный догматъ о преданіи, какъ онъ выразился въ догматико-апологетическомъ ученіи св. отцовъ и учителей первыхъ трехъ вѣковъ, постепенно укрѣпляется и всесторонне раскрывается православною церковію и во все послѣдующее время.

---

[590]) Замѣчательно, что это признаютъ даже протестанты См. «ошеломляющую» протестантовъ цитату изъ Дельбрюка (Ph. Melanchton, der Glaubenslehrer, 1826, s. 201).

[591]) *Marheineke*, Ursprung u. Entwicklung der Orthodoxie und Heterodoxie in den ersten 3 Jahrhunderten (in Daub und Creuzers Studien, Heidelb. 1807. Bd. III.). *Lücke*, Ueber das Ansehen der heil Schrift und ihr Verhältniss zur Glaubensregel in der protestantischen und in der alten Kirche. Drei theol Sendschreib. 1827.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ученіе церкви о священномъ преданіи въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

«Не все предали апостолы чрезъ писаніе, а многое также безъ писанія; но то и другое равно достойно вѣры; посему мы считаемъ достойнымъ вѣры и преданіе· преданіе есть. ничего болѣе не ищи».

Слова св. *Іоанна Златоуста* изъ IV его гомиліи на текстъ 2 Θес. 3, 15.

Православно-церковное ученіе о преданіи остается однимъ и тѣмъ-же какъ по своему существу, такъ и по внутреннему составу и догматико-гносеологической организаціи и въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Непогрѣшимый и всеобъясняющій голосъ вселенской церки о преданіи въ его бытіи и жизни нисколько не измѣняется, а, постоянно сохраняя свое тождество, только углубляется и всесторонне раскрывается въ устахъ и твореніяхъ отцовъ и учителей, живших и дѣйствовавшихъ на всемъ обширномъ пространствѣ указанной эпохи. Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ апологетически-обоснованныхъ и вдохновенно-изложенныхъ гносеологическихъ аксіомъ, въ совершенствѣ объясняющихъ вопросъ о преданіи въ его цѣлости и единствѣ. Вопросъ о преданіи, съ полною очевидностію, разсматривается, какъ вопросъ существенно-важный и органически-связанный со всѣмъ христіанскимъ вѣроученіемъ и жизнію откровенія Божія въ церкви Христовой. Это вопросъ о всемъ вообще христіанскомъ міросозерцаніи въ его идеальной сущности и дѣйствительной исторіи. Въ немъ, при надлежащей постановкѣ и вѣрномъ разрѣшеніи, указывается непобѣдимая сила, всецѣло обезпечивающая догматическую истину и историческую достовѣрность христіанской религіи и обрекающая на «религіозное небытіе» (ничтожество и уничтоженіе) всяческое сектантство. Въ этомъ именно смыслѣ свя-

отеческое ученіе о преданіи получаетъ въ разсматриваемое нами время самое широкое распространеніе,—при чемъ главнѣйшею цѣлію его изслѣдованія поставляется одна общеобязательность, жизненность и практическое значеніе преданія во всѣхъ сторонахъ церковной вѣры, религіозной мысли и самосознанія. Особыя «историческія обстоятельства и условія» церковной жизни періода вселенскихъ соборовъ (въ сравненіи съ предъидущимъ) только оттѣняютъ и раскрываютъ въ одной неразрывной гносеологической цѣпи святоотеческихъ понятій и взглядовъ нѣкоторыя новыя стороны въ вопросѣ о преданіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда укрѣпляютъ исконныя, всеобщія и необходимыя составныя части этого вопроса, въ ихъ идейномъ взаимодѣйствіи и въ одинаковой закономѣрности, обозначая такимъ образомъ самый идеалъ богословской систематизаціи православныхъ сужденій по вопросу о неписанномъ догматико-каноническомъ первоисточникѣ и принципѣ всего христіанства.

Извѣстно, что въ IV вѣкѣ произошло окончательное церковно-соборное утвержденіе библейскаго *канона* [1]), а также были совершены въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ *переводы библіи* на народные (національные) языки [2]). Эти два исторически-достопримѣчательные факта (въ ихъ догматической связи) нужно прежде всего имѣть въ виду намъ при обозрѣніи православнаго ученія о преданіи и его

---

[1]) См. у *Евсевія* (III, 25) раздѣленіе на ὁμολούμενα, ἀντιλεγόμενα, νόθα. Къ первой категоріи: 4 Евангелія, Дѣянія св. апостоловъ, всѣ Павловы посланія, 1-е Іоанна и 1-е Петра, ко второй—посланія Іакова, Іуды, 3-е Петра, 2-е и 3-е Іоанна. Объ Апокалипсисѣ мнѣніе его колеблется. Къ νόθοις же онъ причисляетъ: Acta Pauli, Пастырь Эрмы, Apocal. Petri, посланіе Варнавы и апостольскія постановленія. Еще ниже, чѣмъ νόθα, стоятъ писанія нечестивыя, ἄτοπα καὶ δυσσεβῆ (*Lücke*, Über den neutestmentalichen Kanon des Eusebius von Cäsarea, Berlin. 1816)—Соборъ Лаодикійскій (между 360—364 г.) въ 59 правилѣ замѣчаетъ, что въ церкви не должны быть употребляемы никакія неканоническія книги, а въ 60 прав. даетъ перечисленіе каноническихъ книгъ (у Mansi, II, 574). Списокъ новозавѣтныхъ книгъ сходится съ теперешнимъ (см. *Spittler*, Krit. Untersuchung des 60. Laodic. Kanons, Bremen 1877). Канонъ сѣверно-африканск собора 393 г.—4 Евангелія, Дѣянія, всѣ посланія ап. Павла, ап. Іоанна и Петра, Іуды, Іакова и Апокалипсисъ

[2]) Vulgata versio блаж. *Іеронима* († 410), составившая эпоху въ исторіи слова Божія (библіи). Переводъ Ульфилы (въ половинѣ IV вѣка) для готовъ; о немъ св. *Златоустъ* прямо и не разъ говорилъ съ восторгомъ (*Филаретъ* т II, § 99, стр. 12). Были переводы библіи на языки сирскій, персидскій, индійскій, египетскій и ефіопскій. И о нихъ съ утѣшеніемъ душевнымъ говорилъ *Златоустъ* (тамъ-же, § 174, стр. 240).

значеніи въ періодъ вселенскихъ соборовъ,—тѣмъ болѣе, что и протестанты обыкновенно ссылаются на нихъ, чтобы въ укоръ намъ показать, будто преданіе, подъ «неотразимымъ вліяніемъ» этихъ фактовъ, уступило свое «первенствующее мѣсто» писанію. «Съ тѣхъ поръ,—говорятъ протестанты,—какъ ученіе писанія стало опредѣляться все точнѣе и яснѣе, догматико-гносеологическіе критеріи, служившіе для повѣрки исторической подлинности преданія при отыскиваніи и защитѣ богооткровенной истины, оказывались все запутаннѣе и труднѣе, пока, наконецъ, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, преслѣдовавшихъ «клерикальныя и іерархическія идеи» [3]), рѣшительно не обозначились, какъ совершенно излишніе моменты и способы познанія церковныхъ догматовъ и обрядовъ, какъ непужные «для благосостоянія церкви» принципы. Никто не возражаетъ противъ той неоспоримой исторической истины, по которой *древнецерковные отцы* помимо писанія и наряду съ нимъ прибѣгали также и къ равноправному преданію, но всѣ должны вооружаться только противъ «*противозаконнаго продолженія временной власти преданія*», которая должна была прекратиться тотчасъ же «послѣ окончанія канона» [4]). Итакъ, по мнѣнію протестантовъ, начиная съ IV вѣка и прогрессируя далѣе, преданіе перестало быть необходимымъ источникомъ и нормой христіанскаго вѣроученія, а догматико-каноническое значеніе его потеряно навсегда. Само собою понятно, что и учительный авторитетъ церкви съ ея епископскимъ преемствомъ считается здѣсь вовсе ненужнымъ для сохраненія откровенной истины, или же уменьшеннымъ до невообразимой крайности [5]). Съ IV вѣка дескать настало время, съ котораго слѣдовало бы вовсе отказаться отъ всякаго понятія о какомъ-либо другомъ, кромѣ библіи, источникѣ вѣроученія, существующаго подъ видомъ самостоятельнаго апостольскаго преданія или же подъ видомъ «богопреданнаго правила» истолкованія апостольскаго писанія.

Но церковно-историческій опытъ показываетъ намъ совсѣмъ иное «положеніе вещей» въ вопросѣ о преданіи, по ученію свят.

---

[3]) *Holzmann*, Kanon und Tradition, § 11, s. 140.

[4]) *Holzmann*, ib. s. 209. *Твестенъ*, Dogm. I, s. 288. Cf. *M. Сапо*, Loc. Th., III, c. 1. *Khun*, Tub Quar. 1858, I, s. 14.

[5]) Zeitschrift für protestantiesmus und Kirche. Neue Folge X, s. 186—187.

отцовъ и учителей разсматриваемаго періода, и все это *противъ* протестантовъ и имъ подобныхъ сектантовъ.

Со времени утвержденія церковнаго канона, въ православномъ взглядѣ на преданіе и его значеніе не произошло никакой существенной *перемѣны*, «*никакой измѣны*», никакой «новой фазы», а тѣмъ болѣе «глубокаго *противорѣчія*» [6]). Во всей церкви *продолжаетъ* по-прежнему жить и постепенно крѣпнуть непоколебимое сознаніе, что *преданіе* и *писаніе* суть два основоположительныхъ, взаимо-дополняющихъ источника откровеннаго ученія, существующіе на ряду другъ съ другомъ и въ тѣсной, органической связи и взаимодѣйствіи между собою, одинаково важные и необходимые въ дѣлѣ истиннаго познанія правой вѣры и устройства церковной жизни [7]). По святоотческому ученію, въ преданіи, равно какъ и въ писаніи, содержится и мыслится тожественное ученіе слова Божія; ибо они въ основныхъ пунктахъ или членахъ вѣры покрываютъ другъ друга. Всѣ церковные писатели, утверждая полное и совершенное равноправіе и равночестность устнаго преданія съ писаннымъ словомъ Божіимъ, и для неписаннаго наслѣдія апостоловъ требуютъ безъ всякаго прекословія той же самой догматической истинности и исторической достовѣрности, что̀ и для каноническихъ писаній. Писаніе, само собою разумѣется, всегда стояло въ церкви въ высокомъ религіозномъ уваженіи и почтеніи, и, какъ *богодухновенная книга* (кодексъ) церковно-религіозныхъ истинъ вѣры, всегда *читалось на вселенскихъ соборахъ* [8]); но при этомъ всегда имѣлось въ виду его

---

[6]) О «глубокомъ противорѣчіи» между преданіемъ и писаніемъ съ IV в. особенно говорятъ реформаты.

[7]) Nihil aliud praecipi volumus, quam quod Evangelistarum et Apostolorum fides et traditio incorrupta servat. *Gratian* in cod. Theod. lib XVI, tit. VI, 1 s.

[8]) Въ новѣйшее время *Piper* ссылается на одну древне-христианскую картину, съ цѣлью ослабить авторитетъ преданія въ эпоху вселенскихъ соборовъ (Evang. Kalender, 1858, s. 19—22). На этой картинѣ мы видимъ среди епископовъ поставленный тронъ, а на немъ раскрытая книга св писанія. Piper такъ комментируетъ смыслъ этой картины: на тронѣ возсѣдаетъ не императоръ и не патріархъ, а положено писаніе, слѣдов., преданіе здѣсь не причемъ. Но этотъ всеобщій обычай и практика древне-вселенскихъ соборовъ имѣть на своихъ засѣданіяхъ библію нисколько не умаляетъ силы и достоинства преданія. Чья это библія? Церковная, вселенски-соборная. Поручители за ея истину—всѣ св. отцы, бывшіе на соборахъ; это—*живые свидѣтели* ея апостольскаго происхожденія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если объ этомъ именно обычаѣ говорятъ тѣ именно св. отцы, которые со всею силою ратовали за авторитетъ преданія, какъ, напр., св. Кириллъ Александрійскій (*Mansi*, V, p. 241).

полное и всѣцѣлое согласіе съ преданнымъ общецерковнымъ вѣроученіемъ и жизнію. Мало того,—это было *священное писаніе вселенской церкви*, т. е. существующее и живущее *чрезъ церковь* и *только въ одной церкви* и нигдѣ болѣе, церковію непогрѣшимо изъясненное и изъясняемое, всегда употреблявшееся въ ней для доказательства и свидѣтельствованія ученія истинной вѣры и для всемірнаго созиданія царства Божія на землѣ.

Нисколько также не ослаблялся божественный авторитетъ и необходимость преданія при переводахъ писанія на народные языки. И при этомъ «новомъ способѣ» распространенія и утвержденія христіанскаго вѣроученія внутреннее достоинство и значеніе преданія нисколько не измѣняется, творческая всеобъемляющая сила его, какъ особаго догматико-каноническаго источника и нормы, ни мало не оскудѣваетъ. Какъ прежде, такъ и послѣ совершенія библейскихъ переводовъ преданіе остается первоначальнымъ способомъ возвѣщенія и созиданія вѣры Христовой въ церкви и чрезъ церковь. Наставленіе въ христіанскомъ ученіи и жизни (живая и духоносная проповѣдь Евангельскаго слова и дѣла) всегда и вездѣ исходили отъ всецерковной вѣры и жизни. Религіозное обученіе и воспитаніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ, какъ и при апостолахъ, начиналось «*отъ слуха вѣры*» (Рим. 10, 17) церкви вселенской; ученіе отъ писанія слѣдовало потомъ или же въ вмѣстѣ съ преданіемъ. Несмотря на переводы писаніе не было «книжнымъ достояніемъ всѣхъ безъ исключенія вѣрующихъ христіанъ»; ибо читали его только весьма немногіе, а слушали и поучались въ немъ всѣ. Здѣсь особая необходимость преданія видна изъ того, что преданіемъ могутъ пользоваться всѣ люди, а писаніемъ только нѣкоторыя лица, а именно тѣ, которые способны и достойны передать его другимъ для вѣрнаго познанія слова Божія. Вотъ почему переводы писанія на національные языки имѣли своею ближайшею цѣлію сдѣлать библію доступною *для всѣхъ вѣрующихъ при церковномъ богослуженіи* [9]). При тогдашнихъ «литера-

---

[9]) Это мы утверждаемъ въ томъ смыслѣ, если греческій языкъ назвать языкомъ образованныхъ классовъ, а латинскій языкомъ римскаго царства.

турныхъ отношеніяхъ» [10]) эти переводы даже не могли исполнить главнѣйшую жизненную цѣль и задачу христіанства—всеобщее насажденіе и возвращеніе церковно-православной вѣры. Достаточно спроспть здѣсь, какъ многочисленны были тогда *древнѣйшіе манускрйпты*, находившіеся въ архивахъ помѣстныхъ апостольскихъ церквей или въ рукахъ частныхъ лицъ? Можетъ быть, уже въ то время были какія-либо «библейскія общества для вящшаго распространенія книгъ свящ. писанія»? Прямо таки наоборотъ [11]). *Рукописные подлинники* библейскихъ книгъ первоначально хранились въ апостольскихъ церквахъ (sedes apostolicae). Мертвая хартія, жесткій папирусъ подлинниковъ, съ которыми непрестанно справлялись всѣ истинные христіане въ апостольскихъ церквахъ всегда и вездѣ, былъ слишкомъ непроченъ, чтобы не уступить времени и употребленію. Поэтому, прочія помѣстныя церкви могли пользоваться только списками съ подлинниковъ, тщательно провѣренными по руководству апостольскаго преданія, и распространеніе «каллиграфическихъ списковъ» умножалось съ теченіемъ времени. Въ первые III вѣка новозавѣтные *рукописные кодексы* (codices) были весьма рѣдки, такъ рѣдки, что цѣлыя помѣстныя церкви владѣли однимъ или нѣсколькими кодексами, которые епископы и пресвитеры церковные держали подъ своимъ учительнымъ авторитетомъ и надзоромъ, а безъ нихъ никто не могъ читать ихъ *при богослуженіи*. Неразумно и въ высшей степени несправедливо приписывать *незнаніе библіи* древнѣйшимъ вѣкамъ христіанства и утверждать, что библія была «только частною собственностію» и не имѣла общецерковнаго распространенія и значенія; но также крайне ложно говорить и о «замѣнѣ преданія съ IV вѣка» переводами писанія на народные языки. Преданіе, укоренившееся въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ въ религіозномъ сознаніи и жизни, какъ всеобъемлющій законъ вѣры и церкви, съ IV вѣка въ библейскихъ перево-

---

[10]) Въ западной церкви по еврейски понимали только нѣкоторые отцы; греческій языкъ также въ провинціяхъ Запада былъ знакомъ только немногимъ Даже африканскіе отцы, не исключая блаж. Августина, были не мастера этого языка (см. объ этомъ подробно въ прекрасной рѣчи *проф. М. Ковальницкаго*, нынѣ епископа Димитрія: О значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства. Кіевъ, 1880).

[11]) Сравнн., напр., мнѣніе *Lessing*'а, Werke, т. 6, s 303.

дахъ пріобрѣтаетъ только *новое* могущественное *орудіе* для вящшаго распространенія и утвержденія божественнаго откровенія, куда ни заходилъ голосъ вѣры Христовой и для борьбы съ умножавшимися ересями и расколами.

Если въ разсматриваемый нами періодъ въ виду окончательнаго утвержденія церковнаго канона и библейскихъ переводовъ и можно говорить о «началѣ новой стадіи» въ историческомъ раскрытіи православнаго ученія о преданіи, особенно въ его отношеніи къ писанію (вопреки его незыблемой стойкости), то только въ томъ смыслѣ, что церковь въ лицѣ своихъ отцовъ и учителей тѣснѣе примкнула къ библіи свой «*образъ здравыхъ словесъ*» (2 Тим. 1, 13), т. е. ближе присоединила его къ догматико-каноническому ученію въ книгахъ записаннаго слова Божія, особенно противъ еретиковъ и раскольниковъ. Если христіане въ первые вѣка ни какъ не опирались на одно неписанное regula fidei [12]), то съ IV вѣка церковь разсматриваетъ писаніе, какъ бы ближайшій и преимущественно-книжный источникъ откровенной истины, и все-таки постольку, поскольку оно получило догматическое единство и историческую достовѣрность и было непогрѣшимо разъяснено чрезъ устное и живое преданіе апостоловъ. Какъ до утвержденія канона, несмотря на преданное «правило вѣры», всѣ христіане высоко почитали писаніе, такъ и послѣ этого не смотря на обильное пользованіе библіей, они твердо держали «правило вѣры», какъ источникъ и принципъ вѣроученія и жизни. Всѣ вѣрующіе получали истинное знаніе о божественномъ откровеніи отъ живаго слова церковной проповѣди, т. е. вселенски-церковнаго оглашенія, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ. Тѣ же самые отцы и учители церкви, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ твореній называютъ одно писаніе словомъ Божіимъ, въ другихъ случаяхъ говорятъ такимъ же образомъ о преданіи. Ясное дѣло, что то и другое они разсматриваютъ въ ихъ нераздѣльной, догматико-органической связи и взаимодѣйствіи, какъ полное и совершенное свидѣтельство и вы-

---

[12]) Сравн мысль объ этомъ у древне-протестантскихъ богослововъ, сомнѣвавшихся въ прочности своего «библейскаго фундамента» и уклонявшихся на «почву каѳолическаго преданія» Напр., Младшій *Валхъ*, Kritische Untersuchungen von dem Gebrauch der heil. Schrift unter den alten Christen, 1779.

раженіе одной и той-же божественной и апостольской истины, которая была возвѣщена всей церкви *отъ начала ея бытія*. Поэтому-то отцы и учители даннаго времени на догматико-каноническую истину преданія только указываетъ, какъ на *общеизвѣстный фактъ* въ исторической жизни церкви, какъ на общепризнанный законъ, какъ на необходимое правило въ дѣлѣ ученія вѣры и устройства церковной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Это тотъ же самый великій и величественный взглядъ, какой мы видѣли въ библейскомъ и древнецерковномъ ученіи, взглядъ возвышающій и радующій вѣрующее сердце, непоколебимый, безукоризненный, объединяющій въ цѣлости абсолютной истины составныя части православнаго ученія о преданіи и его значеніи.

При спеціально-богословскомъ изслѣдованіи православно-церковнаго ученія о преданіи въ эпоху вселенскихъ соборовъ все затрудненіе состоитъ въ томъ, какія мѣста изъ святоотеческихъ твореній нужно избрать здѣсь изъ безчисленнаго множества, какъ имѣющія непосредственное отношеніе къ нашему вопросу. Но если мы оставимъ безъ разбора «отдѣльныя и случайныя мѣста» изъ твореній св. отцовъ и учителей, какъ мало доказательныя или не совсѣмъ ясныя, то намъ не трудно будетъ показать повсюдное и постоянное господство преданія и для всего разсматриваемаго времени. Устное апостольское преданіе нѣкогда было единственнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и жизни церковной. Но и при писаніи, равно какъ и по утвержденіи канона, рѣшительно нельзя указать времени, когда бы оно не только стало второстепеннымъ или «вторымъ» источникомъ, но и перестало быть источникомъ божественнаго откровенія и христіанской жизни. Во всякомъ случаѣ неоспоримо, что каѳолическая церковь эпохи вселенскихъ соборовъ нисколько и никогда не признавала односторонняго принципа писанія, т. е. писанія помимо или въ замѣнъ апостольскаго преданія.

13. Въ ряду св. отцовъ и учителей IV «золотаго» вѣка первое мѣсто въ ученіи о преданіи принадлежитъ *св. Аѳанасію Великому, епископу Александрійской церкви* († 373 г.) Это былъ пламенный защитникъ вселенскихъ догматовъ христіанской вѣры, «отецъ

православія» [13]). Церковно-богословскій авторитетъ его—истинно великъ; ученіе его, по словамъ историка Созомена, «законъ православія» [14]). Поэтому онъ служитъ для насъ непререкаемымъ свидѣтелемъ, говорящимъ «словомъ и примѣромъ» въ пользу православно-церковнаго ученія о преданіи въ его бытіи, существенныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ и особенно въ отношеніи его къ писанію.

Вотъ каковы «составныя части» православнаго ученія св. Аѳанасія о преданіи, достаточно ясно раскрытыя въ его многочисленныхъ догматическихъ, историко-догматическихъ и полемическихъ твореніяхъ, особенно тѣхъ, на которыя любятъ ссылаться и протестанты въ подтвержденіе своей антицерковной теоріи о самодовлеемости писанія.

Не однимъ только писаніемъ св. Аѳанасій Великій ограничиваетъ чистую и высокую область богопреданныхъ истинъ христіанскаго откровенія и вѣры, сохраняемыхъ церковію и въ церкви. Въ «*Синопсисѣ Аѳанасіевомъ*» мы читаетъ слѣдующій многознаменательныя слова, положительно утверждающія необходимость *другаго* божественнаго источника христіанской вѣры при писаніи, т. е. необходимость преданія: «Πᾶσα γραφὴ ἡμῶν χριστιανῶν θεόπνευστός ἐστιν. οὐκ ἀόριστα δε ἀλλὰ μᾶλλον ὡρισμένα καὶ κεκανόνισμένα ἔχει τὰ βεβλία» [15]). Писаніе есть подлинно-божественное свидѣтельство, но оно не безпредѣльный, т. е. *не единый* и *не единственный* источникъ христіанскаго откровенія. Не все касающееся вѣры и жизни церковной заключается въ немъ. А если такъ, то на ряду и вмѣстѣ съ записаннымъ словомъ Божіимъ должно признавать существенную важность и за устно-преданнымъ источникомъ. Отсюда небиблейское преданіе служитъ для св. Аѳанасія исходнымъ пунктомъ въ ученіи «*объ истинной вѣрѣ*», руководящимъ принципомъ его библейской экзегетики и основнымъ предметомъ его «*апологіи противъ аріанъ*» и «*противъ язычниковъ*». Все это въ очевидномъ согласіи со взглядомъ предшествовавшихъ отцовъ и учителей.

Мысль св. Аѳанасія о необходимости преданія особенно ясно высказана въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ перваго «*Посланія къ Сера-*

---

[13]) Характеристика св. Епифанія Кипрскаго, Наег. *LXIX*, с. 2.

[14]) Исторія церкви 2, 17.

[15]) Opp. ed. Montfaucon, II, p. 128.

піону, епископу Тмуитскому, о Божествѣ Духа Святаго». Опровергая еретиковъ духоборцевъ (Τροπικοί), старавшихся поколебать истину православно-церковной вѣры въ Духа Святаго, св. Аѳанасій говоритъ такъ. «Посмотримъ еще на *самое первоначальное преданіе*, на ученіе и вѣру вселенской (каѳолической) церкви,— вѣру, которую предалъ *Господь*, проповѣдали *апостолы*, соблюдали *отцы*. Ибо на ней основана церковь, и кто отпадаетъ отъ нея, тотъ *не можетъ быть*, и даже—именоваться, христіаниномъ... А въ удостовѣреніе, что такова вѣра церкви, пусть дознаютъ, что Господь, посылая апостоловъ, такое именно основаніе церкви повелѣлъ положить, говоря: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мат. 27, 19); такъ и научили пошедшіе апостолы, такова ихъ *проповѣдь во всей поднебесной церкви*. Поелику же церковь имѣетъ такое основаніе вѣры, то пусть еще и еретики скажутъ и дадутъ намъ отвѣтъ на вопросъ объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры [16]).

Слова эти въ высшей степени достопримѣчательны! По мысли св. Аѳанасія, преданіе есть *первоначальный источникъ* истиннаго ученія христіанской вѣры. Преданіе—Господне слово; а такъ какъ слово Божіе провозвѣстили церкви апостолы, то это есть и «проповѣдь апостоловъ», «апостольская вѣра» [17]), и притомъ сохраняемая въ церковно-святоотеческомъ ученіи. Въ преданіи, слѣд., находится глубочайшее догматико-каноническое основаніе (2 Тим. 2, 19) церкви въ ея ученіи и въ жизни [18]). Съ этой стороны преданіе есть «вѣра вселенской церкви» [19]), а «руководство церкви есть якорь вѣры» [20]). Ереси оттого, что виновники ихъ отпадаютъ отъ преданія, т. е. отъ «единой вѣры» [21]), «отъ вѣры всей апостольской церкви», «церковной, вселенской» [22]). Ересь не-церковное ученіе,

---

[16]) Творенія ч. 3, Москва 1853, стр 45—47.

[17]) Тамъ-же, стр. 24; стр. 8: «спросите о томъ, что̀ есть въ Евангеліяхъ и что̀ написали апостолы, и услышите» .

[18]) Противъ Аполлинарія, кн. I, стр. 385.

[19]) Посланіе III къ Серапіону, стр. 74.

[20]) На аріанъ слово 3 (Москва 1852, ч. 2, стр. 462).

[21]) Посланіе I, къ Серапіону, стр 48. 52.

[22]) Къ Серапіону посл. 1, 3 и 4 (твор. ч. 3, стр., 52, 72. 75. 92); Посланіе о Никейск. соборѣ (Твор. Москва 1851, ч. 1, стр. 314). Ср. св. *Александра Александр.*, письмо 1 (Христ. чт за 1826, ч. 22, стр. 306).

«не-вѣра церкви»[23]), «не такъ пріяла», «не такъ передала Божія церковь»[24]). «Еретики вооружающіеся противъ Христа, не имѣютъ ничего общаго съ истинными чадами церкви Христовой»[25]). Вотъ гдѣ мутные источники религіознаго фанатизма еретиковъ, ихъ изступленной враждебности и совершеннаго отчужденія отъ вѣры и церкви вселенской.

Съ этой стороны св. Аѳанасій въ обличительномъ направленіи характеризуетъ особенности «аріанской ереси». Онъ,—что особенно замѣчательно,—называетъ аріанъ *нехристіанами*, т. е. богоотступниками. Такъ, напр., свое первое «*Слово противъ аріанъ*» онъ начинаетъ указаніемъ въ аріанахъ злобныхъ нехристіанъ. Они не христіане, точно также какъ нехристіане маркіониты, манихеи и всѣ другіе, получившіе свое названіе отъ людей непринадлежащихъ къ церкви христіанской. «*Православный народъ никогда не получалъ названіе отъ своихъ епископовъ*, но отъ Господа, въ Котораго мы и вѣруемъ. Посему, хотя блаженные апостолы были нашими учителями и слушателями Евангелія Спасителева, однако мы не отъ нихъ получили названіе, но отъ имени Христа. Христіане есмы и называемся». Аріане,—продолжаетъ св. Аѳанасій[26]), и потому не христіане, что *оставили безъ вниманія слова божественнаго писанія*, а «смѣшную и злочестивую»[27]) Аріеву Ѳалію, въ которой Арій подражалъ сочиненію язычника Сотада, осмѣиваемаго самыми язычниками, величаютъ *новою мудростію*. Здѣсь дикая «дерзость намѣренія обличаетъ ихъ невѣжество»[28]). «Мудрованіе ихъ ереси есть нѣчто новое, и что прежде его не было»[29]). Здѣсь имъ нисколько не поможетъ выдуманный ими новый способъ самооправданія своей ереси, вполнѣ отвѣчающій ихъ сектантской гордости, исключающей всякую мысль о христіанскомъ совершенствѣ и подъемѣ вѣры въ церкви вселенской, — это еретическая

[23]) Къ Серапіону посл IV, стр 83

[24]) Противъ Аполлинарія, кн I, ч 3, стр. 384. Ср. Посланіе къ Епиктету, тамъ-же, стр. 332, къ Серапіону посл. I, стр. 24; Окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіи, М. 1851, твор. ч. 1, стр. 426. На аріанъ слово 1 (М. 1852, ч. 2, стр. 215)

[25]) *Филаретъ*, т. II, § 112, стр. 35.

[26]) *Филаретъ*, тамъ-же, стр. 41.

[27]) Посланіе о соборахъ, бывшихъ въ Ариминѣ италійскомъ, ч. IV, стр. 160.

[28]) Тамъ-же, стр. 108.

[29]) Тамъ-же.

формула, присовокупляемая имп къ своему лжеученію: «*не мы такъ вѣруемъ*», но: «*такъ изложена вѣра вселенская*» [30]). Но говоря такимъ образомъ, еретики сами того не замѣчая впадаютъ въ сектантское *неразуміе*. Они утверждаютъ, что имъ первымъ было дано откровеніе и что отъ нихъ начинается истинная христіанская вѣра и церковь. Но какъ же тогда у нихъ вмѣсто Христа, апостоловъ и церкви стоятъ на первомъ планѣ ересеучители, эти «изобрѣтатели новаго евангелія» [31])? Если, по ихъ словамъ, вѣра имѣетъ начало *только отъ нихъ*, то «что тогда дѣлать отцамъ и блаженнымъ мученикамъ» за вѣру? «Что и имъ самимъ дѣлать съ тѣми, которые ими были оглашены и почили прежде» ихъ еретичества, прежде ихъ богоборнаго разрыва съ церковію? «Какъ пробудить ихъ, чтобы изгладить въ нихъ, чему, повидимому, были научены, а всѣять, что́ изобрѣтено и написано нынѣ? Таково невѣжество сихъ людей, умѣющихъ только выдумывать *предлоги*, но предлоги нелѣпые и невѣроятные, по слѣдамъ которыхъ идетъ обличеніе» [32]). Вотъ почему лжеученію Арія, называемому «предвозвѣстіемъ антихриста», св. Аѳанасій съ особенною силою противополагалъ истинное ученіе древне-христіанской церкви, т. е. преданіе апостоловъ.

Историческое свидѣтельство, догматическая повѣрка и цѣлостное сохраненіе предапія въ церкви у св. Аѳанасія Великаго поставляется въ необходимую зависимость отъ іерархическаго преемства отъ апостоловъ епископовъ, т. е. *св. отцовъ* [33]). Съ этой стороны, очевидно, преданіе обозначается, какъ *святоотеческая вѣра*, т. е. святоотеческое ученіе и жизнь вѣры въ чистотѣ ихъ истины и въ идеальномъ совершенствѣ. «Такова отличительная черта вѣры, преданной отцами отъ апостоловъ» [34]).

На этомъ существенномъ свойствѣ догматическаго предапія св. Аѳанасій энергически настаиваетъ въ виду «ухищренныхъ и хульныхъ мудрованій еретиковъ», въ неопровержимую укоризну имъ.

---

[30]) Тамъ-же.

[31]) Противъ Аполлинарія, кн. I, ч. 3, стр 360.

[32]) Посланіе о соборахъ въ Аримипѣ, стр. 109

[33]) Тамъ-же, стр. 169: «*епископы* (осудившіе Павла Самосатскаго)—всѣ они *отцы*».

[34]) Къ Серапіону I, стр. 64; II. стр. 75.

Вотъ, напр., классическое мѣсто изъ его посланія «*Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора противъ Евсевія*» (de decr. Nicaenae Synodi contra Eusebium): Ἰδου ἡμεῖς ἐκ πατέρων εἰς πατέρας διαβεβηκέναι τήν τοιαύτην διάνοιαν ἀποδεικνύομεν [35]). Та же самая мысль о догматическомъ значеніи святоотеческаго ученія, убѣждающаго въ истинѣ преданія «противъ мудрствующихъ по аріански» [36]), видна и изъ слѣдующаго мѣста первой книги «Противъ Аполлинарія», отвергавшаго догматъ о воплощеніи Іисуса Христа. «*Отцы сказали*, что Сынъ единосущенъ Отцу, есть истинный Богъ отъ истиннаго Бога, совершенный отъ совершеннаго, а также, что Онъ для нашего спасенія снишелъ, воплотился, вочеловѣчился, и потомъ пострадалъ и воскресъ... Угрожая осужденіемъ (лжеумствованій), они постановили исповѣдывать непреложность и неизмѣняемость Сына» [37]). Отсюда ясно, въ какомъ смыслѣ св. Аѳанасій общецерковное ученіе объ основныхъ истинахъ христіанской вѣры называетъ «преданіемъ отцовъ» [38]), «вѣрою преданною отцами отъ апостоловъ», а когда нужно было кратко опровергнуть какое-либо еретическое «умышленіе», обыкновенно выражался такъ: «не такъ думали отцы» [39]), а «всѣ они защищали вѣру Христову» [40]).

Святоотеческое преданіе есть необходимый и незамѣнимый ничѣмъ залогъ божественной истины въ церкви Христовой, непремѣнный путь и законъ церковно-іерархическаго восхожденія къ апостоламъ, ко Христу. Отсюда у еретиковъ, «оставляющихъ безъ вниманія» святоотеческое руководство, — «ровъ беззаконія», куда низвергаются «самосоставленными» нечестивыми ученіями неутвержденные въ вѣрѣ; ибо «*яма глубока уста законопреступныхъ*» (Притч. 22, 15) [41]). Многочисленныя ереси и расколы со своими порицаніями церковнаго преданія приспособлены къ взглядамъ «суемудренно — мыслящихъ» и потому носятъ на себѣ имена «своихъ изобрѣтателей», «примысливших свое къ вѣрѣ» церковно-свято-

---

[35]) Opp. ed. Benedict. I, p. 233.
[36]) Къ Серапіону I, стр. 29.
[37]) стр. 358.
[38]) Посланіе о Ник. соборѣ, ч 1, стр. 314.
[39]) Посл. къ Епиктету, ч. 2, стр. 332.
[40]) Посланіе о соборахъ въ Аримінѣ, стр. 171.
[41]) Противъ Аполлинарія, кн I, стр. 385.

отеческой, единой и неизмѣняемой. У нихъ нѣтъ истинной вѣры; «ибо, если они уже вѣровали, то не стали бы доискиваться, какъ неимѣющіе вѣры» [42]). Поэтому и дерзновенная попытка ихъ доказать божественное достоинство своихъ ученій *помимо святоотеческаго преданія* незаконна и противоестественна. Высота и чистота святоотеческой вѣры—вотъ искони характеристическая черта всецерковнаго преданія, а сектантскія лжеученія (еретическія умствованія) суть пагубная поддѣлка и подлогъ, пытающіеся разрушить догматико-историческую связь и единство богопреданной вѣры, живущей въ одной церкви. Съ этой стороны св. Аѳанасій весьма убѣдительно говоритъ *о необходимости* для православныхъ христіанъ «хранить благую совѣсть предъ отцами» [43]) и *о невозможности* для еретиковъ — аріанъ пользоваться истиннымъ преданіемъ при злобномъ отрицаніи «опредѣленій отцевъ» [44]),

«Кто не осудитъ легкомыслія еретиковъ (Евдоксія и Акакія), когда они изъ усердія и расположенія къ своимъ лжеучителямъ жертвуютъ честію отцовъ своихъ? Ибо какое обезпеченіе тому, что сдѣлано ими, если нарушается содѣланное отцами? Или, почему именуютъ ихъ отцами, а себя ихъ преемниками, если сами порицаютъ рѣшенія ихъ?.. Чьи же они наслѣдники и преемники? Чему же будутъ учить народъ, наученный отцами? Тому ли, что отцы погрѣшали? И какъ повѣрятъ имъ тѣ, кого учатъ, не слушаться учителей? Какими очами взирать будутъ *на гробницы отцовъ*, которыхъ теперь именуютъ еретиками? Почему охуждаютъ послѣдователей Валентина, еретиковъ фригійскихъ и манихеевъ, а тѣхъ которые, по собственному ихъ предположенію, говорятъ подобное сему, называютъ святыми? И какъ уже сами могутъ быть епископами, если поставлены тѣми, которые, по ихъ же обвиненію, еретики? Если поставившіе васъ не право мудрствовали, и тѣмъ, что написали, ввели въ заблужденіе вселенную; то да прекратится, наконецъ, и память ихъ. И если отметаются ихъ писанія, то подите, извергните останки ихъ изъ усыпальницъ; пусть всякій узнаетъ, что они обманщики, а *вы отцеубійцы*. Блаженный апостолъ хва-

---

[42]) Посланіе о соборахъ въ Аримінѣ, стр. 106.
[43]) Тамъ-же, стр. 176.
[44]) Тамъ-же, стр. 110.

литъ Кориноянъ, говоря: *яко вся моя помните, и якоже предахъ васъ преданія*, такъ *держите* (1 Кор. 11, 2); они же, такъ думая о своихъ предшественникахъ, конечно, и народу сказать осмѣлятся вопреки апостолу: «не хвалимъ васъ, что помните отцовъ, но скорѣе одобримъ васъ, когда не держите ихъ преданій»? И пусть уже похулятъ свой родъ, и скажутъ: «не отъ благочестивыхъ (святыхъ), но отъ еретиковъ произошли мы». Ибо такъ прилично говорить тѣмъ, которые честію отцовъ и спасеніемъ своимъ пожертвуютъ аріанской ереси, и не боятся услышать и того, что написано въ божественной притчѣ: *чадо зло кленетъ отца* (Притч. 30, 11), и той угрозы, какая на таковыхъ изречена въ законѣ. И такъ, они изъ усердія къ ереси упорно держались свего мудрованія; но вы (т. е. православные христіане) не слушайтесь тѣхъ, и дерзости ихъ не почитайте за истину. Они и сами себѣ противорѣчатъ и, *отложившись отъ отцовъ*, не стоятъ въ одномъ мнѣніи, но влаются умомъ, такъ или иначе различными образами мѣняясь въ мысляхъ. Оспаривая напримѣръ *соборъ Никейскій*, сами составляли много соборовъ, на каждомъ излагали вѣру, и не устояли ни въ одномъ изложеніи; да и никогда не престанутъ поступать такъ, потому что худо ищутъ, и не обрѣтутъ премудрости, которую возненавидѣли»[45]) «своимъ еретическимъ сердцемъ»[46]).

Эти слова св. отца напоминаютъ прещенія на еретиковъ св. Иринея Ліонскаго и Тертулліана. Корень ихъ углубляется въ строго-православную мысли о непогрѣшимомъ авторитетѣ церкви вселенской, истинно знающей и вѣрно передающей въ лицѣ и ученіи своихъ отцовъ «не новое, но апостольское, не ими изобрѣтенное, но тоже самое, чему научили апостолы»[47]). Здѣсь святоотеческое преданіе мыслится, какъ истинно «церковное мудрствованіе»[48]) объ откровенномъ ученіи и достовѣрная передача его для цѣлостнаго сохраненія и жизненнаго усвоенія всѣми православными христіанами. Чрезъ это преданіе, по Аѳанасію, отстраняетъ отъ церкви всяческій упрекъ въ сектантскомъ смѣшеніи человѣческихъ ученій съ

---

[45]) стр. 121—123.
[46]) Ibid.
[47]) Посланіе о соборахъ въ Ариминѣ, стр. 110; ср. стр. 185.
[48]) стр. 144.

богооткровеннымъ словомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ непоколебимо утверждается православно-гносеологическій критерій, столь необходимый при отличіи христіанской истины отъ лжи еретическихъ заблужденій и вымысла.

Въ ученіи св. Аѳанасія Великаго о преданіи, неизмѣнно сохраняемомъ въ церкви путемъ единнаго и тождественнаго свято-отеческаго преемства и авторитета, прежде всего, стоитъ вопросъ о каноническомъ достоинствѣ писанія. Всецерковное преданіе неоспоримо утверждаетъ и доказываетъ богодухновенность и историческую подлинность *всѣхъ книгъ* писанія и показываетъ точное значеніе книгъ неканоническихъ (οὐ κανονιζόμενα=libri ecclesiastici=ἀναγινωσκόμενα) и апокрифическихъ (τὰ ἀπόκρυφα). Всѣ книги новозавѣтныя въ отрывкѣ изъ 39 пасхальнаго посланія[49]) св. Аѳанасій называетъ кононическими, т. е. «внесенными въ (церковный) канонъ» (τὰ κανονιζόμενα βιβλία), такъ какъ онѣ составляютъ «несомнѣнно-богодухновенное писаніе» (τὴν θεοπνεῦστον γραφήν) и «съ полною достовѣрностію, по преданію отцовъ отъ бывшихъ съ самого начала самовидцами и служителями Слова (т. е. отъ самихъ апостоловъ) признаются божественными» (παρέδωσαν τοῖς πατράσιν, οἱ ἀπ' ἀρχῆς αὐτόπται καὶ ὑπηρέται γενόμενοι τοῖς Λογου, πιστεύθεντα θεῖα εἶναι βιβλία). Это «источники спасенія, чтобы заключающимися въ нихъ словесами напоеваться жаждущему. Въ нихъ однихъ благовѣтствуется ученіе благочестія. Никто да не прилагаетъ къ нимъ, и не отъемлетъ отъ нихъ чего либо. Сіи-то писанія разумѣя Господь пристыжалъ саддукеевъ, говоря: *прельщаетеся, не вѣдуще писанія* (Мат. 22, 28), и увѣщавалъ іудеевъ: *испытайте писаній, яко та суть свидѣтельствующая о Мнѣ*(Іоан. 5, 39)»[50]). Итакъ, по взгляду св. Аѳанасія, церковно-апостольское преданіе есть догматико-кононическій источникъ, изъ котораго достовѣрно узнается божественное происхожденіе и историческая достовѣрность писанія. Это же преданіе опровергаетъ и отвергаетъ такъ называемыя «книги апокрифическія» и, разсѣевая «обманъ сходства ихъ наименованія съ книгами истинными»,[51]), приводитъ христіанъ къ убѣжденію, что «онѣ суть вы-

---

[49]) Списокъ библейскихъ книгъ въ нашемъ Катихизисѣ взятъ отсюда.

[50]) Ч. III, стр. 422

[51]) Тамъ-же, стр. 421.

думки еретиковъ, которые пишутъ ихъ, когда хотятъ, но приписываютъ имъ давность и прибавляютъ лѣтъ, чтобы, выдавая ихъ за древнія, имѣть случай къ обольщенію тѣмъ людей простодушныхъ» [52]).

Но преданіе, по Аѳанасію, необходимо при писаніи и какъ источникъ дополнительный и руководственный. Общецерковная мысль объ этомъ значеніи преданія съ непререкаемою ясностію подтверждается и раскрывается у св. отца въ его аріанскихъ спорахъ, особенно въ его достославной борьбѣ изъ-за Никео-соборнаго слова: ὁμοούσιος. Ересіархъ Арій, потрясавшій весь православно-христіанскій міръ своимъ лжеученіемъ, былъ ученикъ Лукіана Антіохійскаго († 311 г.) [53]). Изъ антіохійской богословской школы онъ вынесъ «буквенно-грамматическій методъ» истолкованія писанія и логическій формализмъ (діалектика), чрезмѣрное развитіе которыхъ открыло широкое поприще для сектантскаго свободомыслія по вопросамъ вѣры и привело его къ пагубной ереси [54]). Какъ извѣстно, отличительная особенность александрійской православно-богословской мысли въ вопросѣ объ истолкованіи писанія состояла въ аллегорическомъ способѣ его изъясненія. Это употребленіе аллегоризма само собою предполагало чистый источникъ церковнаго преданія. При руководствѣ пріемами и способами православно-александрійскаго экзегесиса менѣе всего можно было бы прійти къ аріанскому сектантству. Если съ этой точки зрѣнія сравнить догматико-полемическія слова св. Аѳанасія Александрійскаго *противъ аріанъ* и его «толкованія на псалмы», то для насъ станетъ несомнѣннымъ различіе въ методѣ богословскаго познанія въ обоихъ случаяхъ. Если въ первые три вѣка *противъ гностицизма* церковные отцы и учители должны были (па ряду съ преданіемъ) тщательнѣе изучать писаніе, какъ орудіе и документъ христіанскаго вѣроученія и правильно истолковывать, то *въ виду аріанства* тѣмъ болѣе необходимо было непоколебимо утвердить обще-церковное преданіе откровенія и вѣры въ неразрывной связи съ писаннымъ словомъ Божіимъ, на которое обильно ссыла-

---

[52]) стр. 423—427

[53]) *Kihn*, Theodorus von Mopsuestia und Iunilius Africanus, 1880. *Harnack*, Dogmengesch. I, s. 598 f.

[54]) См. посланіе Арія къ его другу «со-Лукіаниту» Евсевію Никомидійскому, а также свидѣтельство св. Александра Александрійскаго, перваго изъ противниковъ Арія (изъясненіе словъ «*въ Троицѣ есть единство*», ἐν τριάδι μόναδα εἶναι ἐθεολόγει).

лись коварные еретики, передѣлывавшіе по своему слова и выраженія библейскія [55]). *Противъ аріанъ* нужно было дать православно-богословское объясненіе писанія на почвѣ «*церковной вѣры*», т. е. на глубочайшей основѣ «*вселенскаго преданія*», что́ мы и находимъ у св. Аоанасія Великаго во всѣхъ его догматико-полемическихъ твореніяхъ, тогда какъ въ изъясненіи псалмовъ было открыто широкое поприще для нравственно-практическаго приложенія православныхъ догматовъ. Только на первомъ вселенскомъ соборѣ св. отцы рѣшились внести, и то не сразу, въ *символъ вѣры небиблейское* (ἄγραφον) изреченіе (ὁμοούσιος) въ качествѣ искони-православнаго догматическаго термина. Прежде чѣмъ не убѣдились, что евсевіане за библейскими выраженіями скрывали «аріанскій смыслъ» новаго ученія о Сынѣ Божіемъ, Никейскіе отцы соборне утверждаютъ символическое изреченіе (формулу), которое буквально не находилось въ писаніи, но отнимало у еретиковъ, у анти-христіанской секты, всякій поводъ къ самооправданію [56]). Такимъ образомъ здѣсь обладаніе истиннымъ преданіемъ дало полную возможность отцамъ опровергнуть Арія [57]). На возраженіе аріанъ противъ ὁμοούσιος, какъ противъ ἄγραφος λόγος, св. Аоанасій, какъ отецъ Никейскаго собора, отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что хотя termini technici *въ догматической связи* символа православной вѣры не встрѣчаются буквально (тѣлесно) въ писаніи, противъ чего собственно и возставали аріане, однако *догматическая сущность* (внутреннее зерно) откровеннаго ученія, *истинно* выраженнаго и засвидѣтельствованнаго въ немъ, заключается и въ писаніи [58]). Такія именно мысли о полнѣйшемъ соотвѣтствіи «не изъ писанія взятыхъ реченій» [59]) самому существу откровеннаго ученія во множествѣ разсыпаны въ его «*Посланіи объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора противъ Евсевія*», а такъ-же въ его твореніи «*Объ ученіи Діонисія*» (De sententi Dionisii), у котораго аріане думали найти защиту своимъ толкамъ о вѣрѣ во Христа. И это употребленіе небиблейскаго преданія, при символическомъ обоснованіи основ-

---

[55]) Окружное посланіе противъ аріанъ (М. 1851, ч. стр. 405).
[56]) *Mohler*, Athanasius I, s 232
[57]) *Блаж. Θеодоритъ*, Церковная исторія I, 8
[58]) Посланіе о соборахъ въ Аримінѣ, стр. 173—174.
[59]) Тамъ-же, стр. 169.

пыхъ истинъ всехристіанскаго вѣроученія, на Никейскомъ соборѣ (равно какъ и у св. Аѳанасія), не то означаетъ, будто откровенная истина должна *впервые* и даже единственно почерпаться изъ писанія, а только то, чтобы при посредствѣ преданія точно опредѣлить, т. е. недвусмысленно формулировать искони-церковную вѣру. Писаніе составляютъ тѣ части апостольскаго преданія, которыя ранѣе другихъ были записаны самими апостолами, но и онѣ въ своемъ существѣ принадлежатъ къ догматико-каноническому составу преданія. Вселенскіе отцы скорѣе выразили бы и доказали православно-церковное ученіе о единосущіи Сына Божія со Отцомъ словами писанія; ибо на писаніе одинаково съ церковію ссылались и еретики-аріане (это была какъ бы «общая область» церковнаго ученія и ереси), тогда какъ предшествовавшіе еретики (какъ, напр., гностики и манихеи) обыкновенно ставили вопросъ о самомъ еще составѣ библейскаго канона. Но въ виду еретическаго экзегесиса они обратились къ преданію, нисколько не нарушая цѣлости библейской истины. Такимъ точно образомъ св. отцы постоянно вооружались (и соборне, и въ своихъ твореніяхъ) противъ всѣхъ позднѣйшихъ еретиковъ и ересей, послѣдовательно возникавшихъ изъ аріанства, какъ то противъ македоніанства, несторіанства, евтихіанства, иконоборства и проч. Чѣмъ болѣе еретики противились точнымъ соборно-святоотеческимъ вѣроопредѣленіямъ и обращались къ «общимъ выраженіямъ» писанія, тѣмъ тщательнѣе они старались защищать церковную вѣру въ неразрывной связи съ писаніемъ (съ догматико-каноническимъ ученіемъ книжнаго слова Божія), но при этомъ строго формулировать при помощи вселенски-апостольскаго преданія, преемственно и неизмѣнно хранимаго церковію. Значитъ, при положительномъ утвержденіи истинъ вѣры они пользовались преданіемъ, какъ догматико-каноническимъ источникомъ и нормою, а писаніе имѣло значеніе абсолютно-достовѣрнаго свидѣтельства и необходимой повѣрки церковно-преданныхъ ученій. На V вселенскомъ соборѣ такое понятіе о догматической важности преданія становится символическимъ и принимается церковію, какъ неизмѣнное правило и общеобязательный законъ вѣры и знанія религіознаго [60]).

[60]) «Хотя тѣ соборы (т. е. первые четыре вселенскіе) были созываемы въ различныя времена, но они проповѣдывали одно и тоже православное ученіе, и потому

Изъ сказаннаго само собою объясняется требованіе св. Аѳанасія Великаго при обличеніи неправомыслившихъ объ истинахъ вѣры руководствоваться писаніемъ наряду съ преданіемъ. Писаніе есть «якорь и столпъ вѣры», «въ немъ одномъ благовѣствуется ученіе благочестія», изъ него должно брать доказательства церковной вѣры, «почерпать питіе слова Божія»[61]). Такъ, напр., замѣтивъ духоборцамъ, «неразумнымъ еретикамъ», что о Богѣ дерзновенно разсуждать такъ, какъ о человѣкѣ, и что нельзя признать имѣющимъ «здравый смыслъ» даже того, кто хочетъ «изречь что либо достойное о неизреченномъ», св. Аѳанасій полагаетъ начало дальнѣйшему обличенію слѣдующими словами. «Что *предано вѣрѣ*, то приличпо постигать не человѣческою мудростію, но *слухомъ вѣры*... Пусть никто уже не предлагаетъ подобныхъ вопросовъ, а изучаетъ только сказанное въ писаніяхъ, потому что представленныя тамъ въ объясненіе сего уподобленія достаточны и удовлетворительны»[62]). По этому мѣсту писаніе стоитъ въ неразрывной догматической связи съ «*слухомъ вѣры*», т. е. съ преданіемъ. Здѣсь *особо* выставляется необходимость и даже достаточность библіи *противъ еретиковъ* или вовсе *непользовавшихся ею* или искажавшихъ ее примѣнительно къ своимъ заблужденіямъ. Еретики «въ постоянномъ упорствѣ противъ истины, *не изъ писаній* уже (потому что не находятъ ничего въ писаніи), но отъ избытка сердца своего изрыгаютъ»[63]), «придумываютъ *новыя реченія*, кромѣ употребляемыхъ въ писаніи»[64]). Противъ нихъ то св. отецъ направляетъ ученіе о томъ, что писаніе есть божественный источникъ христіанской вѣры, «всего достаточнѣе»[65]).

мы все принимаемъ, что согласно съ нами, и осуждаемъ все, что написано въ противность имъ, или одному изъ нихъ, или въ защиту еретиковъ и ихъ нечестія. Слѣдуемъ также во всемъ отцамъ и учителямъ церкви: Аѳанасію, Иларію, Василію, Григорію Богослову, Григорію Нисскому, Амвросію, Августину, Ѳеофилу, Іоанну Константинопольскому, Кириллу, Льву, и всѣмъ другимъ святымъ и православнымъ отцамъ, которые до конца жизни пребыли въ св церкви Божіей и ненарушимо исповѣдали правую вѣру; все, что они сказали *о православной вѣрѣ*, принимаемъ, а что осудили они, и мы осуждаемъ». V всел. собора, дѣяніе 3

[61]) Отрывокъ изъ 39 пасхальн. посланія, ч. 3, стр. 623. Краткое обозрѣніе книгъ Ветхаго Завѣта, см. «Христ. Чт» 1841, ч. 4, стр. 219—20.

[62]) Стр. 28, 31.

[63]) Стр. 25.

[64]) Стр. 29.

[65]) Посл. о соборахъ въ Аримипѣ, стр. 110.

Таже самая мысль о взаимоотношеніи писанія и преданія видна и изъ слѣдующаго мѣста книги первой «*Противъ Аполлинарія*». Опровергая «чрезмѣрно кичливыхъ» еретиковъ-аполлинаристовъ, по перечисленіи различныхъ «лжеумствованій и умышленій объ уклоненіи» ихъ отъ истиннаго преданія, св. Аѳанасій замѣчаетъ такъ. «Не одного они держатся основанія, потому что много уклоненій невѣрія, примышленныхъ человѣческимъ разсудкомъ. Посему, укажемъ имъ на изволеніе Божія благоволенія, ибо сказано: *клянся Господь и не раскается* (Пс. 109, 4), на исполненіе самаго истиннаго домостроительства, на благодать всесовершеннаго благодѣянія, вопросивъ вмѣстѣ объ умышленіяхъ ихъ: согласны ли они съ пророческими указаніями, послѣдуютъ ли *апостольскимъ заповѣдямъ*, сообразны ли съ *отеческими вразумленіями*, не отмещутъ ли ясныхъ изреченій Владыки (Христа), чтобы изъ пророческихъ указаній и апостольскихъ заповѣдей и дѣлъ совершенныхъ Господомъ проистекали и исповѣданіе истины, и обличеніе заблужденія. Итакъ, скажите вы, *изобрѣтатели новаго вашего Евангелія*, тогда какъ Евангеліе одно, и нѣтъ инаго, гдѣ возвѣщено вамъ называть плоть несозданною, а такимъ образомъ или Божество Слова представлять измѣнившимся въ плоть, или домостроительство страданія, смерти и воскресенія почитать только призракомъ... Почему же говорите, *чего ненаписано*, и о чемъ непозволительно даже и мыслить... Поэтому, или отриньте божественныя писанія, или, признавая ихъ, не умышляйте *сверхъ написаннаго* произносить *иные глаголы*, исполненные неисправимой *лжи*... *Если вы ученики Евангелій*, то не говорите неправды на Бога, но сообразуйтесь съ тѣмъ, что написано и совершилось. Если же хотите говорить иное сверхъ написаннаго: то для чего препираетесь съ нами, убѣжденными ничего не слушать и не говорить сверхъ написаннаго; потому что Господь говоритъ: *аще вы пребудете во словеси Моемъ, воистинну свободни будете* (Іоан. 8, 31)? Посему какъ же почитать вѣрными или христіанами васъ, которые не сообразуетесь съ написанными реченіями, не убѣждаетесь событіями, но осмѣливаетесь опредѣлять то, что выше естества... Какъ безмѣрно ваше неразуміе,—говорить, чего не написано, и держаться мнѣній чуждыхъ благочестію!... Ни пророкъ, ни апостолъ, ни одинъ изъ евангелистовъ не сказалъ того, что вы

предпріемлете говорить, утративъ всякій стыдъ въ душѣ... Сіе написалъ я, возлюбленный (хотя всего болѣе надлежало ничего не писать, потому что *достаточно евангельскаго преданія*), такъ какъ ты вопрошалъ о вѣрѣ у насъ, и ради тѣхъ, которые хотятъ стоять за свои изобрѣтенія, и не разсуждаютъ, что *глаголетъ лжу*, тотъ, кто *отъ своихъ глаголетъ* (Іоан. 8, 41). Ибо разумомъ человѣческимъ невозможно изобразить красоты и славы тѣла Христова; должно же совершившееся исповѣдывать, какъ написано» [66]).

Итакъ, по смыслу этого мѣста выходитъ, что еретики создавали и всячески распространяли свою вѣру, отъ «своихъ измышленій», «отъ умственныхъ доводовъ», а не отъ церкви, не отъ преданія. Ересь, сектантство вообщее—это «*новое Евангеліе*», и его то обыкновенно еретики и подтверждаютъ «ненаписаннымъ преданіемъ». Противъ этого «*сверхъ написаннаго*», т. е. «*неисправимо-ложнаго*» *ученія* св. Аѳанасій и выставляетъ ближайшимъ образомъ необходимость и источное значеніе писанія, нисколько чрезъ это не умаляя внутренняго достоинства и авторитета *истиннаго преданія*, т. е. «не изъ одного писанія взятаго». Преданіе такой же источникъ христіанскаго вѣроученія, какъ и писаніе, а, поэтому, оно стоитъ въ полномъ согласіи съ записаннымъ словомъ Божіимъ и не можетъ противорѣчить ему, какъ, напр., противорѣчитъ ему «аріанское иновѣріе» [67]). По догматико-канопическому единству преданія съ писаніемъ достовѣрно узнается его абсолютная истина и историческая подлинность [68]).

Кто знакомъ съ православно-церковнымъ взглядомъ св. Аѳанасія на злоупотребленія писаніемъ со стороны Арія и еретиковъ вообще, тотъ не станетъ понапрасну пытаться представить его

---

[66]) Ч. 3, стр. 360—361, 364, 368—368, 375, 385—386.

[67]) Посланіе о соборахъ въ Ариминѣ, стр 110

[68]) «Божественными писаніями согласно свидѣтельствуется, что Духъ Святый—не тварь, но собственъ Слову и Отчему Божеству. Ибо такимъ образомъ, ученіе святыхъ сводится въ ученіе о Святой, нераздѣльной Троицѣ. *И это есть единая вѣра вселенской церкви.* Неразумное же баснотворство сихъ обратныхъ (т. е. противоположно мыслящихъ и вѣрующихъ) *разногласитъ съ писаніями*, согласуется же съ неразуміемъ аріанъ, и имъ естественно такъ лицемѣритъ для обольщенія простодушныхъ.. Изложилъ я сіе (ученіе о Божествѣ Духа Святаго) согласно съ преданною намъ отъ отцевъ апостольскою вѣрою, ничего не примысливъ *отвнѣ*, но чему научился, то и начерталъ, *согласно съ святыми писаніями*». Посл. къ Серапіону I, стр. 52—53.

«богословомъ, держащимся писанія вопреки преданію». «Аріане, *заключась въ себя* и не представляя себѣ ничего инаго, такъ какъ все это внѣ ихъ, *подобно саддукеямъ* [69]), по человѣческимъ разсужденіямъ стали толковать и богодухновенное писаніе» [70]). Поэтому «они въ состояніи все запутать своими лжеумствованіями и перетолковать, *какъ хотятъ*» [71]). «Въ томъ и состоитъ ихъ искусство и коварство, такого держатся они убійственнаго намѣренія, чтобы всѣми силами преслѣдовать и гнать всякаго, гдѣ бы то ни было содержащаго ученіе вселенской церкви, какое предано имъ отъ отцевъ» [72]). По мнѣнію св. Аѳанасія, даже діаволъ носитъ на устахъ своихъ библейскія изреченія затѣмъ, чтобы обманывать людей и вводить ихъ въ пагубныя заблужденія. Еретики уподобляются ему [73]). Аріане, непризнающіе всецерковнаго преданія, разсуждаютъ иначе, чѣмъ православные христіане о «здравой вѣрѣ», любятъ только спорить объ истинахъ откровенія и въ библіи доискиваться своихъ мнѣній, а какъ «ненавистники мира церковнаго» и любители расколовъ, они не иное что дѣлаютъ, какъ *напаяютъ подруги развращеніемъ мутнымъ* (Аввак. 2, 15) [74]).

Противъ *небиблейскаго* преданія, сохраняемаго въ церкви св. отцами, аріане обыкновенно говорили въ свое оправданіе, что для нихъ неясенъ смыслъ «не изъ писанія взятыхъ изреченій» и что они не могутъ понять ихъ объясненія, а потому ихъ отмещутъ. И это представляли они «въ предлогъ» къ отрицанію апостольскаго

---

[69]) Саддукеи отвергали ветхозавѣтное преданіе помимо книгъ Моисея.

[70]) Посл къ Серапіону II, стр. 55.

[71]) Посл о соборахъ въ Аримінѣ, стр. 174

[72]) Защит. слово противъ аріанъ (М. 1851, ч 1, стр. 240).

[73]) «Если кто произноситъ реченія не изъ писанія взятыя; то сіе ничего не значитъ, пока держитъ онъ благочестивую мысль (заимствованную изъ преданія) А еретикъ, хотя употребляетъ и изъ писанія взятыя реченія, при всемъ этомъ, какъ человѣкъ подозрительный и растлѣнный умомъ, услышитъ отъ Духа: *всуе ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими* (Пс 49, 16)? Такъ діаволу, хотя говорилъ онъ изъ писаній, Спаситель заградилъ уста. А блаженный Павелъ, хотя говоритъ заимствованное у внѣшнихъ: *Критяне присно лживи* (Тит 1, 12), *сего бо и родъ есмы* (Дѣян. 17, 29), *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. 15, 33), однакоже, какъ святый, содержитъ благочестивую мысль, и, имѣя умъ Христовъ, есть учитель языковъ въ вѣрѣ и истинѣ, и что вѣщаетъ, то говоритъ благочестно. Какая же вѣроятность въ аріанскихъ реченіяхъ, которыми предъ Спасителемъ отдается предпочтеніе гусеницѣ и пругамъ, которыми злословятъ Его аріане».

[74]) Свитокъ къ антіохійцамъ, ч 3, стр 195.

преданія. «Но если бы въ словахъ ихъ была правда,—говоритъ Аѳанасій,—то не должно было бы имъ говорить: отмещемъ сіи реченія, а надлежало бы потребовать, *чтобы научили ихъ знанію*; иначе, должны отметать и то, чего не понимаютъ въ божественныхъ писаніяхъ, и винить написавшихъ это. Но такая дерзость свойственна болѣе еретикамъ, а не христіанамъ. Чего не уразумѣваемъ въ словесахъ Божіихъ, того не отмещемъ, но ищемъ, кому открылъ Господь, и ихъ просимъ научить. Поелику же выставляютъ они въ предлогъ неясность таковыхъ реченій, пусть исповѣдуютъ сказанное прямо, и анаѳематствуютъ мудрствующихъ, что Сынъ изъ несущихъ, что Его не было, пока не рожденъ, что слово Божіе есть тварь и произведеніе, что Онъ измѣняемъ по естеству и отъ иной ипостаси; и, однимъ словомъ, пусть анаѳематствуютъ аріанскую ересь, изобрѣтшую такое нечестіе, и говорятъ уже не это: отмещемъ реченія сіи, но *не понимаемъ еще* ихъ, чтобы такимъ образомъ имѣть имъ нѣкоторый вѣроятный предлогъ, отказаться отъ нихъ» [75]). Всѣ еретическіе толки и секты произошли отъ непониманія апостольскаго писанія и его источнаго значенія. Мысль, что всѣ еретики обычно ссылаются на писаніе приводитъ св Аѳанасія къ убѣжденію, что самый источникъ и принципъ писанія у нихъ глубоко извращенъ. Еретики, какъ отступники отъ истиннаго преданія Христова и вѣры апостоловъ, чужды «благочестиваго образа мыслей» [76]); у нихъ, нѣтъ и истиннаго истолкованія писанія. У нихъ, въ рукахъ, одни только книги писанія, одно «начертаніе писменами» слова Божія и они всячески прицѣпляются къ буквѣ его, но истиннаго смысла библейскаго преданія у нихъ нѣтъ; нѣтъ у нихъ и «духа истины» и вѣры всецерковной.

Противъ «сектанскаго буквализма библейскаго» св. Аѳанасій особенно выставляетъ необходимость догматическаго преданія, какъ живодѣйственнаго источника божественной истины и духоноснаго руководительнаго начала въ ея всецерковномъ разумѣніи. «Читая святыя писанія,—говоритъ онъ,—найдете, что и смыслъ, заключающійся въ самыхъ божественныхъ словесахъ, называется *духомъ*, какъ пишетъ Павелъ: *Иже и удовли насъ служители быти нову завѣту, не письмене, но духу:*

---

[75]) Посланіе о соборахъ въ Аримині стр. 165

[76]) Свитокъ къ антіохійцамъ, стр. 195 Сравн. къ Серапіону I, стр. 33—34.

письмя бо убиваетъ, а духъ животворитъ (2 Кор. 3, 6). Ибо, какъ самое изреченіе начертывается письменами, такъ смыслъ изреченія называется духомъ. Такъ и *законъ духовенъ есть*, чтобы, какъ сказалъ опять Павелъ, *работати намъ не ветхости письмене, но во обновленіи духа* (Рим. 7, 14, 6). И опъ же съ благодареніемъ сказалъ: *тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному. Ни едино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ. Законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго* (Рим. 7, 25; 8, 1—2). И Филиппъ, желая обратить каженика отъ буквы къ духу, сказалъ: *убо разумѣеши ли, яже чтеши* (Дѣян. 8, 30)? И о Халевѣ въ книгѣ Чиселъ засвидѣтельствовано, что онъ имѣлъ такого духа, какъ говоритъ Богъ: *рабъ же мой Халевъ, яко бысть духъ инъ въ немъ и возслѣдова Мнѣ, введу его въ землю, въ нюже ходилъ тамо* (Числ. 14, 24); съ иною мыслію, нежели прочіе соглядатаи, говорилъ Халевъ, и за то богоугоденъ сталъ Богу. Такое-то имѣть сердце увѣщевалъ Богъ народъ Свой, говоря чрезъ Іезекіиля: *сотворите себѣ сердце ново, и духъ новъ* (Іез. 18, 31)»[77]).

Смыслъ этихъ достозамѣчательныхъ словъ св. Аѳанасія не подлежитъ перетолкованію. Писаніе само по себѣ недостаточный источникъ для пріобрѣтенія истиннаго познанія объ откровеніи и вѣрѣ; для его уразумѣпія надо еще преданіе, другой догматическій источникъ и правило вѣры. Такъ какъ преданіе есть истинно-«церковное мудрствованіе», то въ немъ и вѣрный залогъ истинно-духовнаго смысла писанія, особенно въ борьбѣ съ мнимо-библейского «аккомодаціей» злонамѣреннымъ еретиковъ и расколо-учителей. Преданіе было тѣмъ именно «обильнымъ источникомъ истины», откуда и самъ Аѳанасій «почерпалъ живую воду истиннаго ученія и погашалъ споры, возжигаемые еретиками» [78]) о библіи и подъ предлогомъ библейскаго слова.

Безъ сомнѣнія, божественное достоинство и значеніе писанія, какъ ближайшаго источника христіанскаго вѣроученія, съ очевидною ясностію утверждается у св. Аѳанасія противъ еретиковъ, извращавшихъ его смыслъ и букву. Но тотъ же самый взглядъ на писаніе

---

[77]) Къ Серапіону I, стр. 13—14.

[78]) Бл. Ѳеодоритъ, Ист. церкви II, 3.

проводится св. отцомъ *и противъ язычниковъ*. Это особенно замѣтно въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ его знаменитаго апологетическаго творенія: «*Слова противъ язычниковъ*» (λόγος καθ' Ἑλλήνων): «священныя писанія достаточны, чтобы возвѣщать истину; но и нашими блаженными учителями составлены многія, относящіяся къ этому (т. е. истинѣ) слова, при помощи которыхъ читатель ихъ можетъ изучить объясненіе писанія и получить познаніе истины, которую ищетъ» [79]).

Слова эти весьма важны для правильной характеристики ученія св. Аѳанасія о преданіи въ его отношеніи къ писанію. На нихъ обыкновенно ссылаются и протестанты, утверждая, что здѣсь св. Аѳанасій, «вообще охотно руководившійся преданіемъ» [80]), признаетъ догматическую самодовлѣемость библіи. Но приведенное мѣсто не даетъ основаній для такихъ чрезвычайно-тенденціозныхъ выводовъ.

Въ первой части этого мѣста идетъ рѣчь о достаточности «священныхъ и богодухновенныхъ писаній» (γραφαὶ) для возвѣщенія язычникамъ ученія о томъ, что идолы не-боги и что Господъ Іисусъ Христосъ есть «истинный Богочеловѣкъ». Этимъ ученіемъ и ограничивается здѣсь область употребленія писанія, не простираясь на другія истины христіанскаго вѣроученія. Языческіе писатели, особенно философы-апологеты язычества, любили ссылаться на писаніе для мнимаго оправданія всяческихъ укоризнъ противъ христіанъ. До язычниковъ христіанское ученіе доходило путемъ писанія; путемъ книжнаго слова они нерѣдко знакомились съ основными истинами вѣры церкви; другаго пути у нихъ и не было. Преданіе, какъ истинное хранилище таинъ вѣры христіанской (arcana fidei), особенно церковно-богослужебное преданіе, для нихъ было недоступно. Вотъ почему св. Аѳанасій, какъ истинный апологетъ христіанства, въ свою очередь выставляетъ *противъ язычниковъ* догматическій авторитетъ одного записаннаго слова Божія при утвержденіи и раскрытіи ученія о Богочеловѣчествѣ Христа, т. е. собственно противъ языческой діалектики и раціонализма, производившихъ, какъ «сущая язва», опустошенія и въ области философской мысли, и

---

[79]) Αὐτάρκεις μὲν γάρ εἰσιν ἅγιαι καὶ θεόπνευστοί γραφαὶ πρὸς τὴν τῆς ἀληθειάς ἐπαγγελιαν. εισί δε καὶ πολλοὶ τῶν μακαρίων ἡμῶν διδασκάλων εἰς ταῦτα συνταχθέντες λόγοι. οἷς ἐάν τις ἐντύχοι, εἴσεται μέν πως τὴν τῶν γραφῶν ερμηνείαν (Contra gentes I, part. 1).

[80]) *Herzog*, Real=Encykloped. sub tradition, s 729

въ мірѣ христіанскомъ среди колебающихся и сомнѣвающихся. Эта точка зрѣнія напоминаетъ намъ взглядъ Оригена на писаніе въ его отношеніи къ преданію и авторитету церкви при опроверженіи язычества. Здѣсь нѣтъ «прямаго отрицанія» преданія. Здѣсь пока молчаніе о *церковно-религіозномъ значеніи* его для язычниковъ. А молчаніе вѣдь не противорѣчіе и тѣмъ болѣе не отрицаніе. И что это такъ, видно изъ второй части разсматриваемаго мѣста, неразрывно связанной съ первою, гдѣ прямо говорится о необходимости и догматической важности преданія (λόγοι) при изученіи и объясненіи писаній, при «познаніи истины», которую ищетъ и защищаетъ благоговѣйный *читатель святоотеческихъ твореній*. Св. отцы и учители церкви суть органы истиннаго преданія; слѣдов., по руководству ихъ нужно изслѣдывать и изъяснять *библейскія* книги. Здѣсь, очевидно, догматическая «достаточность писанія» для утвержденія и изъясненія христіанскаго вѣроученія восполняется преданіемъ и авторитетомъ достовѣрныхъ церковныхъ свидѣтелей, «нашихъ блаженныхъ учителей», *истинныхъ* преемниковъ апостольскихъ. Нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія, если въ святоотеческомъ преданіи исторически возстановляется то обще-церковное преданіе, безъ котораго не бываетъ истинно-религіозной жизни. Безъ историческаго опыта, безъ предшествующаго опыта вѣры отцовъ невозможна истинная мудрость дѣтей. Въ такомъ общемъ смыслѣ для убѣжденія язычниковъ въ истинности христіанскаго откровенія и вѣры преданіе, непрерывно и неизмѣнно сохраняемое при посредствѣ всецерковнаго учительства, необходимо и неустранимо.

Таковъ составъ Аѳанасіева ученія о преданіи. Характеристическія черты его можно выразить въ слѣдующихъ немногихъ положеніяхъ. Божественное откровеніе передано отъ апостоловъ церкви двояко: устно и письменно. Церковь вселенская, неизмѣнно сохраняя его въ себѣ и всюду распространяя, скрѣпляетъ его своимъ догматико-каноническимъ свидѣтельствомъ. Это всецерковное свидѣтельство и есть преданіе въ широкомъ смыслѣ слова (объективная сторона). Истинная вѣра всецѣло покоится на немъ. Эта (формально-объективная) сторона въ понятіи о преданіи, особенно раскрывается у св. Аѳанасія въ виду еретическихъ лжеученій, каково, наприм., аріанство. Чтобы знать истинное ученіе Христа и апостоловъ дол-

жно обратиться къ вселенской церкви, къ св. отцамъ. Только въ святоотческомъ разумѣ существуетъ и открывается божественная истина. Необходимость этого преданія видна изъ того, что на немъ утверждается церковный канонъ писанія. Въ немъ совершается неповрежденная ни чѣмъ и преемственная передача христіанскаго откровенія по буквѣ (истинное сохраненіе его текста) и передача его по духу и внутреннему смыслу (изъясненіе его). Поэтому каждый православный христіанинъ обязанъ безпрекословно принимать его какъ для истиннаго познанія слова Божія, такъ и для истолкованія писанія, особенно противъ еретиковъ. Но при такомъ значеніи преданія на ряду съ писаніемъ церковь выступаетъ предъ нами не какъ третій и какъ бы самостоятельный источникъ вѣры и знанія христіанскаго, а какъ истинная хранительница и непогрѣшимая истолкователь божественнаго откровенія и жизни. Съ этой стороны преданіе, какъ истинное слово Божіе, живущее въ церкви, несомнѣнно заключаетъ въ себѣ всѣ условія абсолютной истины и исторической достовѣрности, во всѣхъ своихъ источникахъ и основахъ. Главнѣйшее отличіе ученія св. Аѳанасія о преданіи отъ церковно-гностическаго или спекулятивнаго взгляда на него предшествовавшихъ александрійскихъ писателей (Климента и Оригена) состоитъ въ апологетической защитѣ положительно-догматическаго значенія преданія. Ни сколько не отрицая идеально-умозрительнаго александрійскаго направленія въ рѣшеніи вопроса о важности преданія, св. Аѳанасій на строго-православныхъ началахъ раскрываетъ особое воззрѣніе на источники и нормы христіанскаго знанія о вѣрѣ со стороны объективной значимости ихъ. Къ внѣшне-объективнымъ гносеологическимъ критеріямъ и принципамъ истиннаго знанія объ откровеніи и вѣрѣ онъ относитъ авторитетъ церкви и преданіе (устное и записанное). Въ тщательномъ выясненіи вопроса объ источномъ и руководительномъ значеніи этого авторитета состоитъ высшая заслуга св. Аѳанасія въ исторіи православнаго ученія о преданіи. Но здѣсь взглядъ св. Аѳанасія на преданіе соприкасается съ гносеологіей св. Иринея Ліонскаго и Тертулліала Карѳагенскаго и такимъ образомъ обнаруживаетъ сильное стремленіе къ сближенію и примиренію двухъ богословско-александрійскихъ направленій спекулятивно-философскаго и положительно-догматическаго.

14. Подобно св. Аоанасію Великому, учитъ о свящ. преданіи *св. Кириллъ. архіепископъ Іерусалимскій* († 386 г.). Это былъ, по свидѣтельству блаж. Θедорита, пламенный «защитникъ апостольскаго ученія» [81]). Въ нѣдрахъ іерусалимской церкви, этой истинно-апостольской каѳедры, коренится вся православно-догматическая гносеологія этого св. отца. Его превосходныя «*Оглашенія* (числомъ 18) *готовящимся къ крещенію* (φωτιζομένοις) и (5) *къ новопросвѣщеннымъ* (μυσταγωγοῖς) составляютъ драгоцѣнный памятникъ древне-христіанской письменности, весьма важный для насъ при изложеніи и характеристикѣ его сужденій о преданіи въ его сущности, происхожденіи и значеніи. Уже одно то, что въ этихъ «Оглашеніяхъ» сохраненъ и подробно изъясненъ древне-апостольскій *символъ вѣры* древнимъ учителемъ древнѣйшей изъ всѣхъ апостольскихъ церквей, доставляетъ этому творенію особенную важность при положительномъ истолкованіи православнаго догмата о преданіи. Вообще говоря, въ огласительныхъ и тайноводственныхъ поученіяхъ св. Кириллъ довольно ясно и опредѣленно высказалъ свой взглядъ на первоисточники, изъ которыхъ каждый христіанинъ долженъ почерпать церковно-православное вѣдѣніе основныхъ истинъ божественнаго откровенія. Богословствованіе его о преданіи ведется частію положительно, частію отрицательно, какъ обличеніе неправильныхъ и несправедливыхъ мнѣній по этому вопросу.

Исходною точкой православно-церковнаго ученія св. Кирилла Іерусалимскаго о преданіи служитъ его взглядъ на значеніе λόγος κατηχητικὸς. Внимательное проникновеніе въ его «Оглашенія» убѣждаетъ насъ, что св. отецъ православное ученіе *о вѣрѣ догматической* (τὸ δογματικὸν εἶδος) и *вѣрѣ дѣятельной* (πίστις ἐνεργετικὴ) въ ихъ неразрывной связи [82]) подробно раскрываетъ по церковному символу «святой и *апостольской вѣры*, преданной для исповѣданія» [83]). Въ этомъ символѣ, идущемъ отъ апостоловъ, іерусалимская церковь собрала и соединила всѣ коренныя истины откровенія и вѣры въ немногихъ словахъ. Въ этомъ отношеніи *символъ вѣры* важенъ и

---

[81]) Ист. церкви II, 26.

[82]) Ὁ τῆς θεοσεβείας τρόπος ἐκ δύο τούτων συνέστηκε, δογμάτων εὐσεβῶν ἀκριβείας καὶ πράξεων ἀγαθῶν. Cat. IV, 2.

[83]) Огл. поуч. XVIII, 32, стр. 431 (изд. Москов. 1824).

необходимъ, по Кириллу, не какъ перемѣнчивое и «саморазвивающееся» церковно-религіозное сознаніе откровеннаго ученія, но какъ непоколебимое, неизмѣнное и единое правило вѣры, какъ символъ непогрѣшимой церкви вселенской. Кириллъ Іерусалимскій, какъ и прочіе отцы и учители [84]), здѣсь выходитъ изъ той основной мысли, что «апостольское преданіе» и писаніе, въ основоположительныхъ членахъ вѣры, не только согласуются, но и совпадаютъ и какъ бы покрываютъ другъ друга, хотя они и имѣютъ свое самостоятельное историческое существованіе и жизнь въ обще-церковномъ сознаніи. Отсюда и символъ вѣры для него имѣетъ значеніе не какъ «буквальное извлеченіе изъ писанія», а какъ краткое объединеніе и обобщеніе церковію въ немногихъ словахъ библейской вѣры и съ этой стороны, какъ полная и совершенная передача догматическаго смысла всѣхъ писаній, всей сущности и силы библейскаго вѣроученія. Болѣе широкое (т. е. болѣе подробное) *книжное изложеніе* православно-символическаго ученія можно найти въ писаніи, но символъ, какъ всецерковное *выраженіе* богопреданной вѣры—не исключительно отъ библіи. Поэтому, св. Кирилль требуетъ безпрекословнаго сохраненія символа *сердцемъ*, *вѣрою* (πίστις), «дѣйствующею выше силъ человѣческихъ», а познаніе или «доказательство» его *отъ писанія* предоставляетъ дальнѣйшему времени.

Вотъ что мы читаемъ по этому вопросу въ пятомъ огласительномъ поученіи, написанномъ на слова ап. Павла: есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. 11, 1). «*Вѣра* есть око, озаряющее всякую *совѣсть*; она сообщаетъ человѣку *вѣдѣніе*. Ибо говоритъ пророкъ: *аще не увѣрите, не имате разумѣти* (Исаіи 7, 9)... Вѣру же какъ въ ученіи, такъ и въ исповѣданіи старайся имѣть и держать только ту одну, которая нынѣ сообщается тебѣ церковію и подтверждается всѣмъ писаніемъ. Поелику же не всѣ могутъ читать писанія, но инымъ неумѣніе, а другимъ какія либо занятія препятствуютъ познать ихъ, то, чтобы невѣдѣніемъ не погубить души, мы *въ немногихъ стихахъ заключаемъ все ученіе вѣры* (ἐν ὀλίγοις τοῖς στίχοις τὰ πᾶν δόγμα τῆς πίστεως παραλαμβανόμενον); и желательно, чтобы вы при самомъ чте-

---

[84]) Св. *Іоаннъ Кассіанъ*, De incarn. 6, 3. Св. *Исидоръ Пелусіотъ*, De off. 2, 22.

ніи запомнили его, и сами по себѣ со всѣмъ тщаніемъ повторяли, *начертывая его не на бумагѣ*, но (живымъ) *воспоминаніемъ напечатлѣвая его въ сердцѣ*, и при изученіи его остерегаясь, чтобы оглашенный какъ либо не выслушалъ сообщеннаго тебѣ. Желательно, чтобы имѣли вы сіе ученіе напутствіемъ во все время жизни, и кромѣ его не принимали никакого другаго; даже если бы мы сами, какъ либо измѣнившись, стали говорить противное тому, чему теперь учимъ, или если бы враждебный ангелъ, преобразившись въ ангела свѣта, хотѣлъ обольстить тебя. *Аще бо мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче* того, что приняли вы нынѣ, *анавема да будетъ* (Том. 1, 8—9) у васъ. Теперь пока отъ настоящаго поученія *начертай въ памяти истины вѣры;* а въ свое время на каждую изъ нихъ извлеки доказательство изъ божественнаго писанія; ибо истины вѣры не такъ составлены, какъ бы хотѣлось людямъ, по приличнѣйшія мѣста, будучи собраны изъ всего священнаго писанія, составляютъ ученіе вѣры. И какъ *сѣмя горчичное изъ малаго зерна много пускаетъ отраслей:* такъ и сіи истины вѣры въ краткихъ словахъ вмѣщаютъ все вѣдѣніе благочестія, содержащагося въ Ветхомъ Завѣтѣ и Новомъ. И такъ, смотрите, братіе, и *держите преданія* (παράδοσεις, 2 Θес. 2, 15), какія принимаете (слышите) теперь, *и напишите ихъ на скрижаляхъ сердца своего* (Прит. 7, 3). Съ благовѣніемъ соблюдайте ихъ, чтобы врагъ не похитилъ ихъ, когда кто либо изъ васъ ослабѣетъ и чтобы какой нибудь еретикъ не извратилъ чего либо изъ нами преданнаго вамъ» [85]).

Достозамѣчательныя слова, ясно выражающія сущность православно-гносеологическихъ воззрѣній св. Кирилла на преданіе и его значеніе при писаніи. Преданіе и писаніе, какъ равноправные источники христіанскаго вѣроученія, стоятъ въ полномъ согласіи (догматическое единство) и живомъ взаимодѣйствіи; ибо только «многообразно противорѣчіе, а истина (всегда) единообразна» (едина, единосущна) [86]). Если св. Кириллъ Іерусалимскій замѣчаетъ, что совокупность основныхъ истинъ символической *вѣры* взята изъ всего писанія или заключается въ немъ въ сокращеніи, какъ бы

---

[85]) Огл. поуч., V, 12 стр 94—95; сравн. IV, 4 стр. 59: «*прежде всего* да положится *въ основаніе души* вашей ученіе о Богѣ»..

[86]) Огл. поуч. XVIII, 1, стр. 406.

іи писе, какъ горчичное сѣмя въ молодомъ зернѣ заключаетъ множество вѣтвей; то этимъ онъ только указываетъ на полное и совершенное *соотвѣтствіе* преданія писанію, устнаго слова Божія записанному въ апостольскія книги. Съ этой именно точки зрѣнія должно разсматривавь и обильныя *ссылки его на писаніе*.

Самое изложеніе членовъ вѣры св. Кириллъ начинаетъ тѣмъ, что перечисляетъ каноническія книги Ветхаго и Новаго Завѣта [87]). Въ объясненіе и подкрѣпленіе церковной вѣры въ Духа Святаго онъ говоритъ такъ о значеніи писанія вмѣстѣ съ преданіемъ. «Сіе ученіе *напечатлѣвай въ мысли* твоей непрестанно: теперь оно изложено тебѣ сокращенно; если же позволитъ Господь, то по возможности будетъ изложено съ доказательствами изъ священнаго писанія. Ибо одна *божественная* и святая тайна вѣры никакъ не должна быть сообщена *безъ божественнаго* писанія; ни основываема на *одной вѣроятности* и *отборныхъ словахъ* (т. е. теоретическихъ доводахъ разума); даже не вѣрь ты мнѣ, когда я просто говорю тебѣ о немъ; если на слова мои не будешь имѣть доказательства изъ божественнаго писанія. Ибо спасающая насъ сила вѣры зависитъ *не отъ выбора словъ*, но отъ доказательства *божественными* писаніями» [88]). Это слова изъ 4 Огласительнаго поученія на текстъ изъ посланія ап. Павла къ Колоссянамъ: «*блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу*» (Кол. 2, 8). Очевидно, здѣсь источникъ и авторитетъ писанія выставляется противъ «*человѣческаго преданія*», противъ «*стихійной мудрости*» находившихся внѣ церкви, а не противъ *божественнаго* преданія и не въ отмѣну его.

Таже самая мысль о важности писанія «при множествѣ прекословій и при разновидныхъ преніяхъ» видна и изъ слѣдующаго мѣста 12 Огласительнаго поученія. «Здѣсь не на мою *славоизобрѣтательность*, — говоритъ св. Кириллъ, — обращай вниманіе.

---

87) Огл. поуч. IV, 35—36, стр. 81—83.

88) Δεῖ γὰρ περὶ τῶν θεῖων καὶ ἁγίων τῆς πίστεως, μιστηρίων μηδὲ τό τυχὸν ἄνευ τῶν θείων παραδίδοσθαι γραφῶν. καὶ μὴ ἁπλῶς πιθανότησι καὶ λόγων κατασκευαῖς παραφέρεσθαι. Μηδὲ ἑτοὶ τῶ ταῦτα σοι λέγοντι, ἁπλῶς πιστεύσης. ἐὰν τὴν ἀπόδειξιν τῶν καταγγελλομένων ἀπὸ τῶν θείων μὴ λάβῃς γραφῶν. Ἡ σωτηρία γὰρ αὕτη τῆς πιστεως ἡμῶν οὐκ ἐξ εὑρεσιλογίας, ἀλλά ἐξ ἀποδείξεως τῶν θείων ἐστὶ γραφῶν. Cat. III, 17.

Ибо можно иногда быть обмануту мудрованіемъ. Но если на каждый предметъ не услышишь свидѣтельства пророковъ, не вѣрь словамъ. Если... не узнаешь изъ *божественнаго писанія*; не принимай *человѣческаго свидѣтельства*» [89]). Здѣсь писаніе противополагается не преданію самому по себѣ, но только *человѣческому свидѣтельству* о немъ.

Тотъ же самый взглядъ св. Кирилла на писаніе въ его отношеніи къ преданію раскрывается и въ слѣдующихъ мѣстахъ. «Все, относящееся ко Христу, есть въ писаніи (написано), и нѣтъ ничего сомнительнаго, потому что ничего нѣтъ безъ свидѣтельства (незасвидѣтельствованнаго). Все написано на пророческихъ столпахъ (въ книгахъ), *не на каменныхъ скрижаляхъ, но ясно начертано Духомъ Святымъ*» [90]). И такъ о Святомъ Духѣ да будетъ сказано нами только то, что написано. Если же о чемъ не написано, о томъ не станемъ любопытствовать. Самъ Духъ Святый изрекъ писанія; Самъ и о Себѣ сказалъ, сколько хотѣлъ, или сколько мы вмѣстить можемъ. И такъ будемъ говорить то, что Онъ сказалъ, *а чего Онъ не сказалъ*, того и мы говорить да не дерзаемъ» [91]). «Кто иной знаетъ *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10), кромѣ единаго Духа Святаго, изглаголавшаго божественное писаніе?.. И такъ для чего же ты любопытствуешь о томъ, чего и Духъ Святый не сказалъ въ писаніи? Не зная и написаннаго, ты любопытствуешь о томъ, что ненаписанно. Въ божественномъ писаніи много находится предметовъ для изысканія, и написаннаго мы не понимаемъ. Для чего же любопытствовать намъ о томъ, чего ненаписано» [92]). Смыслъ всѣхъ этихъ ссылокъ св. Кирилла на писаніе и его авторитетъ достаточно ясенъ. Св. Кириллъ Іерусалимскій имѣлъ въ виду показать, чтобы «всѣ видѣли, что благочестивая вѣра христіанская состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ*» (1 Кор. 2, 4) [93]), т. е. не въ ухищренныхъ и немощныхъ доводахъ разума, легко разсыпающихся въ прахъ, но въ истинномъ и дѣйственномъ *словѣ Божіемъ*. Два рода людей неблагомыслив-

[89]) Стр. 210.
[90]) Огл. поуч. XIII, 8 стр. 245.
[91]) XIII, 2 стр. 343.
[92]) XI, 12 стр. 195.
[93]) XIII, 8 стр. 246; XVII, 1 стр 371.

шихъ о вѣрѣ и зло-намѣренныхъ усиливалось поколебать «правую вѣру» церкви: одни указаніемъ, въ защиту своихъ заблужденій, на писаніе и укоромъ православныхъ учителей въ томъ, будто они не защищаютъ откровенной истины записаннымъ словомъ Божіимъ[94]), а другіе тѣмъ, что вовсе «не принимали писанія» [95]), и вмѣсто истиннаго предания ссылались на свои религіозно-философскія измышленія. Въ обличеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ св. Кириллъ и выставляетъ особенную необходимость писанія. Но это отнюдь не то означаетъ, будто источникомъ христіанскаго вѣроученія онъ почиталъ только одно писаніе, помимо предания. Что писаніе не единственный и не исключительный источникъ и норма истиннаго вѣроученія, это видно уже изъ того, что св. Кириллъ символъ разсматриваетъ, какъ преданное правило церковной вѣры, необходимое для руководства всякаго христіанина, въ особенности для оглашенныхъ и неполучившихъ «книжнаго обученія»,— ибо символическое «ученіе болѣе свойственно младенцамъ и наставленіе въ немъ подобно принятію млечной пищи» [96]),—а библія, «чтеніе священнаго писанія», какъ записаннаго въ книги слова Божія, служитъ болѣе для *документальнаго* доказательства и для болѣе глубокаго пониманія созерцательныхъ истинъ откровеннаго ученія. Ясно, что для св. Кирилла Іерусалимскаго церковное преданіе служитъ и догматическимъ источникомъ и руководительнымъ (формаль-

---

[94]) «Много ходитъ волковъ въ одеждѣ овчей, одежду овечь имѣютъ они, но не имѣютъ копыть и зубовъ. Будучи покрыты кожею кроткаго животнаго и наружностью обольщая простыхъ людей, они испускаютъ изъ челюстей своихъ гибельный ядъ нечестія. Итакъ нужна намъ благодать божественная, мысль добрая и очи осмотрительныя, дабы по невѣдѣнію не съѣсть вмѣсто пшеницы плевель и непотерпѣть намъ вреда, дабы не попасть на волка, посчитая его за овцу, и дабы не содѣлаться пищею злотворнаго діавола, принявь его за благодѣтельнаго ангела. Для сего предлагаетъ *наставленія церковь*, для сего дѣлаются настоящія *поученія*, для сего бываетъ *чтеніе* св. писанія Поелику много прельщающихъ философіею и тщетною лестію, *языческія* увлекаютъ обращающихся сладостію языка, *медъ каплетъ изъ устъ жены блудницы* (Притч 5, 3), *обрѣзанные* обольщаютъ *превратнымъ изъясненіемъ* божественнаго писанія; *послѣдователи еретиковъ* словами льстивыми и красивыми обольщаютъ сердца простыхъ людей, *подъ именемъ Христовымъ*, какъ подъ медомъ сокрывая ядъ злочестивыхъ правилъ. О всѣхъ ихъ вмѣстѣ говоритъ Спаситель: *блюдите, да никтоже васъ прельститъ* (Матѳ. 24, 4) Для сего бываетъ наставленіе въ вѣрѣ, для сего дѣлаются изъясненія ея» (Огл поуч. IV, 1—2 стр. 57—59).

[95]) V, 3 стр 87

[96]) IV, 3, стр. 59

нымъ) принципомъ. Отсюда само собою понятно и заключительное увѣщаніе его тайноводственныхъ поученій: «содержите сіи *преданія* (παραδόσεις) непорочно, и сохраните себя неприкосновенными»[97]) въ дѣлѣ познанія божественной истины.

Катихизическое обученіе оглашенныхъ, по свидѣтельству св. Кирилла Іерусалимскаго, начиналось не отъ писанія, а отъ *изустнаго наставленія*, обнимавшаго изъясненіе основныхъ членовъ апостольскаго символа вѣры [98]). Истинно-религіозная вѣра (πίστις) всегда происходитъ «*отъ слуха*» (Рим. 10, 17—18), и въ частности отъ слушанія «евангельской проповѣди», непосредственно примыкающей къ живому религіозному сознанію вѣры всецерковной въ символѣ. Если бы въ христіанской церкви не было словесной проповѣди, то не было бы и истинно-божественнаго откровенія и апостольской вѣры. *Глаголъ Божій,* заключается ли онъ въ писаніи или въ устномъ словѣ, нерушимо передаютъ и изъясняютъ церковно-проповѣдующіе, т. е. св. отцы и учители церкви, живой голосъ которыхъ по всей землѣ, а слова ихъ до предѣловъ вселенной (Пс. 18, 5). Здѣсь іерархическое преемство епископовъ служитъ непремѣняемымъ закономъ все-церковнаго бытія и жизни христіанскаго откровенія и вѣры. Съ этой стороны преданіе, по Кириллу, означаетъ духовное орудіе и вѣрный залогъ преемственной передачи въ церкви богооткровенной истины.

Въ той же самой связи православно-гносеологическихъ мыслей о значеніи преданія стоитъ у св. Кирилла Іерусалимскаго и вопросъ о богодухновенности и каноническомъ достоинствѣ всѣхъ книгъ писанія. Въ началѣ IV Огласительнаго поученія «о десяти догматахъ», находящихся въ символѣ, св. Кириллъ выразительно замѣчаетъ: «но прежде нежели вступите въ общество вѣрующихъ (т. е. прежде чѣмъ будетъ передана вѣра), мнѣ кажется цѣлесообразнымъ теперь представить нѣкоторое обобщеніе необходимыхъ догматовъ»... А въ заключеніе этого поученія онъ говоритъ слѣдующія достопримѣчательныя слова о «божественномъ писаніи». «Такъ научаютъ насъ богодухновенныя писанія Ветхаго и Новаго Завѣта... Тщательно испытай (т. е. узнай) *отъ церкви*, какія книги Ветхаго

---

[97]) IV, 23 стр 469.

[98]) Car 5, 1 (Cf Opp ed Reischl. I, p. *CXXVIII).*

Завѣта и какія Новаго; а книгъ, коихъ богодухновенность сокрыта (неизвѣстна), совсѣмъ не читай. Ибо не узнавши того, *что всѣ исповѣдуютъ*, къ чему напрасно мучиться надъ тѣмъ, что сомнительно?.. Тщательно изслѣдуй тѣ писанія, которыя *мы читаемъ съ довѣріемъ и въ церкви*. Ибо гораздо мудрѣе тебя были апостолы и *древніе епископы*, предстоятели церкви, которые передали эти книги. А ты будучи сыномъ церкви, не измѣняй законовъ ея... Новаго же Завѣта книги: 4 Евангелія, а прочія евангелія суть *подложныя* и вредныя И манихеи написали *евангеліе отъ Ѳомы*, которое, бывъ намащено благовоніемъ Евангельскаго наименованія, развращаетъ души простыхъ людей. За богодухновенныя также пронимай и Дѣянія двѣнадцати апостоловъ; сверхъ того семь посланій соборныхъ, Іакова, Петра, Іоанна и Іуды, а запечатлѣніе всего и послѣднее дѣло *для учениковъ* 14 посланій Павловыхъ; а прочія писанія всѣ да будутъ внѣ сихъ, и должны считаться второстепенными. Ничего такого, *что не читается въ церквахъ, самъ по себѣ* не читай и ты, какъ то ты уже слышалъ» [99]).

Въ этихъ словахъ св. Кирилла Іерусалимскаго довольно ясно выражена сущность православно-каоолическаго взгляда на отношеніе преданія къ догматико-каноническому авторитету библіи. Должно сначала «увѣриться въ томъ, чему уже вѣруемъ» [100]). Въ этомъ дѣлѣ преданіе, какъ догматико-каноническій источникъ и принципъ, есть необходимое руководство и незамѣнимый ничѣмъ авторитетъ. Въ немъ, по возрѣнію св. Кирилла, находится совершенное знаніе вселенскою и единою церковію своего апостольскаго наслѣдія, письменнаго и устнаго, и достовѣрное свидѣтельство о немъ. Отсюда всеобщее признаніе церковію подлинно-апостольскихъ писаній «богодухновенными книгами» и отверженіе сектантской письменности, какъ напр., манихеями написаннаго «евангелія отъ Ѳомы», служитъ достаточною гарантіею библейской истины. Только что приведенныя слова св. Кирилла показываютъ намъ, что св. отецъ, равно какъ и всѣ церковные отцы, не смотря на высокое благоговѣніе предъ глубочайшею истиною божественнаго слова, содержащагося въ писаніи, требовалъ еще нѣкотораго другаго непогрѣшимаго авторитета и не-

[99]) IV, 3. 33. 35. 36 стр. 59, 79—80, 81—83.

[100]) Огласит. поуч.

зыблемой основы какъ для непререкаемаго доказательства его абсолютной истинности и исторической достовѣрности, такъ и для правильнаго его объясненія, особенно при опроверженіи ложныхъ мнѣній о немъ. А такой авторитетъ и такая опора заключалась только въ одной церкви, въ ея живомъ, искони-истинномъ преданіи. О немъ именно и говорится у св. Кирилла въ вышеозначенныхъ словахъ. *Вѣры безъ авторитета*, безъ все-церковнаго авторитета, въ христіанской древности вообще не знали; иначе вѣра не имѣла бы прочной основы и необходимаго критерія истины и стала бы на степень зыбкаго и колеблющагося человѣческаго *мнѣнія*, а это никакъ невозможно въ церкви. Безмолвное же писаніе само по себѣ не могло быть, да и не считалось такимъ авторитетомъ, особенно въ виду «законопреступныхъ ересей», пользовавшихся имъ для своихъ сектантскихъ цѣлей въ самодовольной духовной слѣпотѣ. Только одна вселенская церковь есть «*столпъ и утвержденіе истины*» (1 Тим. 3, 15) христіанскаго откровенія. Только въ ея единомъ, неизмѣнномъ и тождественномъ религіозномъ сознаніи и жизни непоколебимо утверждается и въ цѣлости библейской истины сохраняется вся совокупность истинъ христіанскаго вѣроученія.

Но указаннымъ отношеніемъ преданія къ писанію, по ученію св. Кирилла Іерусалимскаго, не исчерпывается вся область употребленія преданія въ христіанскомъ вѣроученія и церковной жизни.

По преданію, «въ полномъ согласіи съ ученіемъ вселенской церкви»[101]), излагаются у св. Кирилла весьма многія истины вѣры догматической и вѣры дѣятельной, органически связанныя между собою. Такъ, напр., на свидѣтельствѣ преданія, понимаемаго въ смыслѣ церковно-религіознаго сознанія, основывается догматическое ученіе о воплощеніи Сына Божія въ обличеніе аріанъ, савеліанъ и іудеевъ,—о Божіей Матери (παρθένος Θεοτόκος) въ порицаніе богохульныхъ мечтаній гностиковъ, о таинствахъ церкви—крещеніи, мvропомазаніи и евхаристіи, какъ жертвѣ (о преложеніи Святыхъ Даровъ, о молитвенномъ призываніи святыхъ и поминовеніи усопшихъ на ней) и о воскресеніи мертвыхъ (противъ современныхъ самарянъ). Особенно достопримѣчательно у св. Кирилла преданное ученіе о Святомъ

---

101) *Сильвестръ*, т 1, стр. 110

Духѣ, о Его Божествѣ и дѣйствіяхъ въ душахъ вѣрующихъ, въ обличеніе монтанистовъ еретиковъ (Монтана, Манеса и Маркіона). Отрицаніе или же извращеніе еретиками церковнаго преданія вотъ главнѣйшая причина сектантскаго невѣжества по вопросамъ вѣры и знанія христіанскаго. Отсюда положеніе: «гностики—знатоки по имени, но исполненные невѣжества» [102]). Отсюда и правило у св. Кирилла: «особенно гнушайся всякимъ собраніемъ законопреступныхъ еретиковъ» [103]).

Къ числу памятниковъ апостольскаго преданія, сохранившихся въ «Оглашеніяхъ» св. Кирилла неоспоримо относится символъ вѣры Іерусалимской церкви. Слова символа: «*Творца неба и земли*» — это болѣе поздняя прибавка въ немъ; но не изъ Никейскаго вѣроопредѣленія, а изъ общаго церковнаго преданія. «Вообще должно сказать, весь составъ этого символа дышетъ глубокою древностію *доникейскаго* періода и представляетъ несомнѣнный памятникъ апостольскаго преданія вселенской вѣры» [104]).

Особенно много указаній мы находимъ въ «Оглашеніяхъ» св. Кирилла Іерусалимскаго на церковное богослужебное, въ частности на литургійное преданіе. Ни одно изъ древне-отеческихъ твореній не представляетъ столь достовѣрныхъ свидѣтельствъ о богослуженіи временъ апостольскихъ, какъ «Оглашенія» св. Кирилла. «Они говорятъ о богослуженіи церкви іерусалимской — матери церквей, той церкви, гдѣ совершали новозавѣтское богослуженіе всѣ апостолы, гдѣ былъ епископъ св. Іаковъ, братъ Господень». Обряды, описанные св. Кирилломъ, поражаютъ и радуютъ всякаго истиннаго сына православной церкви. Читая это описаніе мы какъ бы видимъ то-же самое, что совершается и нынѣ въ православныхъ храмахъ. «Такъ близко, такъ поразительно велико сходство обрядовъ Сіона съ обрядами, существующими и нынѣ въ православіи! Оглашенія св. Кирилла обличаютъ собою тѣхъ, которые пренебрегли такою священною древностію, какъ обряды св. таинствъ, замѣнивъ ее измѣнчивою новизною (протестанты) и едва ли не сильнѣе говоритъ про-

---

[102]) Огл. поуч. XVI, 7 стр. 547.

[103]) IV, 37 стр. 84.

[104]) Проф. *И. Чельцовъ*, Древнія формы символа вѣры православной церкви, СПБ. 1869, стр. 41.

тивъ тѣхъ, которые, испортивъ священную древность своими вымыслами, иногда нечѣстными, съ открытымъ челомъ говорятъ о своей древности (паписты)» [105]).

Таковы существенныя черты православно-церковнаго, грекоіерусалимскаго ученія св. Кирилла о преданіи въ его отношеніи къ писанію. Общая гармонія его съ древне-святоотеческимъ взглядомъ на знаніе и небходимость преданія несомнѣнна. Трудно установить генетическую зависимость сужденій св. Кирилла о преданіи отъ воззрѣній предшествовавшихъ ему отцовъ и учителей. Но то несомнѣнно, что оно стоитъ въ общей связи съ искони-церковнымъ взглядомъ на преданіе и въ немъ коренится. Въ ближайшемъ сходствѣ оно находится съ ученіемъ александрійской церкви. Преданіе есть истинно-божественный и апостольскій источникъ и правило христіанскаго вѣроученія. Писаніе, нераздѣльно съ нимъ и неотдѣлимо отъ него. Церковь въ силу своего учительнаго авторитета нерушимо соблюдаетъ и преданіе и писаніе. Преданіе, какъ древнѣйшій источникъ и критерій вѣры церковной, утверждаетъ догматико-каноническое достоинство и историческую достовѣрность всей библіи. Съ этой стороны кругъ гносеологическихъ мыслей и основоположеній св. Кирилла по вопросу о догматико-историческомъ авторитетѣ преданія составляется въ такомъ порядкѣ: церковь, вѣра (πίστις=символъ вѣры), оглашеніе или устное преданіе (въ широкомъ смыслѣ слова) и библія. Эта формула понятія о преданіи. особенно въ его отношеніи къ авторитету церкви и писанію,—общецерковная, древнеотеческая, извѣстная намъ изъ II и III вѣка. Въ составныхъ элементахъ ея, какъ нельзя лучше, опровергается мысль о самодовлѣемости писанія, какъ источника вѣроученія, и прочно устанавливается православное убѣжденіе въ двойствѣ догматическихъ источниковъ и нормъ христіанской вѣры.

15. Въ IV вѣкѣ православно-церковное ученіе о преданіи преимущественно раскрывается въ борьбѣ съ различными богохульными еретиками, въ особенности съ аріанами, македоніанами, евноміанами и прочими отщепенцами и заразителями. Такъ именно исторически произошелъ и взглядъ *св. Василія Великаго, архі-*

---

[105]) См *Филаретъ*, II т. 74.

епископа Кесаріи Каппадокійской († 379 г.) на преданіе. Этотъ взглядъ, въ своихъ основоположительныхъ частяхъ и въ самой постановкѣ, есть не что иное, какъ систематическое противоположеніе обще-церковной истины превратнымъ сужденіямъ еретиковъ (аэціанамъ и евноміанамъ) о достоинствѣ и необходимости вселенски-апостольскаго преданія. Поэтому противосектантскія творенія св. Василія служитъ главнѣйшимъ источникомъ его ученія о значеніи неписаннаго источника христіанскаго откровенія и вѣры вся и церковно-іерархическая дѣятельность его только оправдываетъ это ученіе.

Первое мѣсто въ ряду свидѣтельствъ и доказательствъ св. Василія Великаго въ пользу преданія несомнѣнно занимаетъ извѣстное «классическое мѣсто» изъ книги «*О святомъ Духѣ къ св. Амфилохію, епископу Иконійскому*», составляющее твердый камень православно-церковной вѣры въ истину преданія и «камень претыканія и соблазна» для протестантовъ и иныхъ хульниковъ православной церкви за ея приверженность къ неписанному откровенію и слову Божію [106]).

«Изъ соблюденныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторыя мы имѣемъ отъ письменнаго наставленія, а нѣкоторыя пріяли отъ апостольскаго преданія, по преемству въ тайнѣ. Тѣ и другія имѣютъ одну и туже силу для благочестія, и сему не станетъ противорѣчить никто, хотя мало свѣдущій въ установленіяхъ церковныхъ» [107]). И такъ церковные догматы и церковная проповѣдь (κήρυγμα) въ ихъ неразрывной связи сохраняются и распространяются отчасти въ ученіи, изложенномъ въ писаніи, а отчасти въ «тайноводственномъ» преданіи, принятомъ отъ самихъ апостоловъ. Пре-

---

[106]) Эта книга состоитъ изъ 30 главъ и написана противъ еретика Аэція, поборникомъ котораго былъ Евномій. Нѣкоторые изъ протестантскихъ ученыхъ сомнѣваются въ подлинности этого мѣста, считая его странной интерполяціей (*Hamelmann*: «ista omnia esse Basilii, sed inserta in libro Basilii ab aliquo nebulone»), или такимъ мѣстомъ, которое должно пройти съ «тихимъ молчаніемъ» (*Бренцъ*, см. у Шенкеля, Wesen Prot. I, s 64. 122) Что касается подлинности книги о Св. Духѣ, то нѣтъ сомнѣнія въ ней На вселенскомъ Никейскомъ соборѣ читали 30 главъ О 30-ти же главахъ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ (*Филаретъ*, т. II, стр. 107)

[107]) Τῶν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ πεφυλαγμένων δογμάτων καὶ κηρυγμάτων τὰ μὲν ἐκ τῆς ἐγγράφου διδασκαλίας ἔχομεν, τὰ δὲ ἐκ τῆς τῶν ἀποστόλων παραδόσεως διαδοθέντα ἡμῖν ἐν μυστηρίῳ παρεδεξάμεθα, ἅπερ ἀμφότερα τὴν αὐτὴν ἰσχὺν ἔχει πρὸς τὴν εὐσεβειαν. *Hieron*, Adv. Lucif. n. 7. 8. *Ст. Яворскій*, стр. 20, *Терновскій*, 43, *Антоній*, 10 стр.; *Макарій*, стр. 349

даніе это имѣетъ въ дѣлѣ христіанскаго откровенія и церковно-религіозной жизни одинаковую силу и равное значеніе съ писаніемъ. Догматико-каноническая важность его ни кѣмъ не оспорима. Достаточно хотя немного быть свѣдущимъ въ уставѣ и правилахъ церкви, чтобы повѣрить въ необходимость преданія при писаніи. Въ такой формулировкѣ прекрасная мысль св. отца о равночестности преданія и писанія цѣлостна и нерушима [108]).

Преданіе, какъ равноправный съ библіей источникъ христіанскаго вѣроученія и жизни, есть и незамѣнимый и незамѣненный писаннымъ словомъ Христа и апостоловъ источникъ. «Ибо ежели отважимся отвергать *неписанные обычаи*,—продолжаетъ св. отецъ, выясняя мысль о двойствѣ догматико-каноническихъ источниковъ,—какъ будто не великую важность имѣющіе: то непримѣтно *повредилъ Евангелію въ самомъ главномъ* (въ зернѣ), или паче, *отъ проповѣди апостольской оставимъ пустое имя*». Вотъ новая черта въ ученіи св. Василія о преданіи, «неизложенномъ» въ писаніи. Здѣсь какъ бы сосредоточивается весь центръ тяжести и дается полное изображеніе того внутренняго отношенія, въ какое вступаетъ православная церковь къ писанію, защищая преданіе, какъ исторически-самостоятельный источникъ христіанскаго вѣроученія и религіозной жизни. Неписанное преданіе есть существенно-дополнительный источникъ и правило вѣры въ отношеніи къ записанному откровенію Божію. Даже самое Евангеліе, Евангельская проповѣдь апостоловъ, каноническое собраніе божественныхъ рѣчей, изложенныхъ въ писаніи вкратцѣ и какъ бы наглядно, по св. Василію, было бы только «пустымъ именемъ» и ни чѣмъ болѣе (vox et praeterea nihil), если бы мыслилось *независимо* отъ незаписаннаго преданія, живущаго въ церкви, напр., въ «неписанныхъ обычаяхъ». Изолированная отъ преданія библія не можетъ дать полнаго понятія о жизненной задачѣ и дѣйствительной исторіи цѣлаго православно-христіанскаго міросозерцанія вѣры и жизни. Библія только начало книжной записи апостольской проповѣди, а преданіе есть первоначальный и собственно-церковный источникъ истинно-откровеннаго ученія и начало жизни. Какъ далеко отъ

---

[108]) Ugl изъ инославныхъ· *Kirschl*, Patrol. II, s 171 f. *Khun*, Th. Quart. 1858, s. 453 437.

этого воззрѣнія св. Василія стоитъ пресловутое протестантское мнѣніе, будто «слово Божіе и жизнь церкви только въ писаніи и только изъ писанія развивается Евангельская проповѣдь и устрояется церковь Божія»!

Чтобы укрѣпить мысль о безусловной необходимости преданія на ряду съ писаніемъ, св. Василій приводитъ *историческіе примѣры*, т. е. указываетъ на то, что именно сохраняется въ церкви по преданію, а не по писанію Прежде всего онъ упоминаетъ, какъ о «первомъ и самомъ общемъ», о нѣкоторыхъ «неизложенныхъ въ писаніи узаконеніяхъ церкви». «Чтобы уповающіе на имя Господа нашего Іисуса Христа знаменалися *образомъ креста*, кто училъ писаніемъ? Къ *востоку обращаться въ молитвѣ*, какое писаніе насъ научило? *Слова призыванія въ преложеніи хлѣба Евхаристіи и чаши благословенія* кто изъ святыхъ оставилъ намъ письменно? Ибо мы *не довольствуемся* тѣми словами, которыя *апостолъ*, или *Евангеліе* упоминаетъ, но и прежде ихъ и послѣ произносимъ и другія, какъ имѣющія великую силу для таинства, принявъ оныя *отъ неписаннаго ученія*[109]). По какому также писанію благословляемъ и воду крещенія и елей помазанія (св. муро), еще же и самаго крещаемаго? Не по умолчанному ли и тайному (таинственному) преданію? Что еще? Самому помазыванію елеемъ какое написанное слово научило насъ? Откуда и троекратное погруженіе человѣка и прочее относящееся къ крещенію, отрицаться сатаны и аггеловъ его, изъ какого взято писанія? Не изъ сего ли *необнародываемаго и неизрекаемаго* (сокровеннаго ученія (ἀδημοσιεύτος καὶ ἀπόῤῥητος διδασκαλία), которое отцы наши сохранили въ недоступномъ любопытству и вывѣдыванію молчаніи, бывъ основательно научены *молчаніемъ охранять святыню таинствъ*? Ибо какое было бы приличіе писаніемъ оглашать ученіе о томъ, на что некрещеннымъ (непосвященнымъ) и воззрѣть не позволительно?. Законополагавшіе въ началѣ о церкви *апостолы и отцы* достоуважаемость таинствъ охранили сокровенностію и соблюденіемъ въ молчаніи. Ибо вообще то уже не таинство, что разглашается въ слухъ народу и всякому встрѣчному. Такова *причина*, по которой предано ипое

---

[109]) Это замѣчаніе св. Василія особенно драгоцѣнно для раскрытія сущности православнаго догмата о незаписанномъ преданіи.

и не изложенное въ писаніи, чтобы не требующее усилій *знаніе* догматовъ, по привычкѣ къ опымъ, не сдѣлалось для многихъ удобопрезираемымъ. *Иное догматъ, а иное проповѣдь. Догматъ умалчивается, а проповѣдь обнародывается* [110]) Но видъ молчанія—и та *неясность, какую употребляетъ писаніе*, дѣлая смыслъ догматовъ, къ пользѣ читающихъ, трудпымъ для уразумѣпія» [111]. Упомянувъ, затѣмъ, о древнемъ обычаѣ совершать церковныя молитвы во всю Пятидесятницу безъ поклоновъ и колѣнопреклопеній, какъ объ апостольскомъ преданіи, св. Василій Великій выразительно замѣчаетъ. «Не достанетъ мнѣ и дня пересказать о всѣхъ неизложенныхъ въ писаніи таинствахъ церкви. Оставляю прочее. Но самое *исповѣданіе вѣры* въ Отца и Сына и Святаго Духа изъ какихъ у насъ писаній? Ибо если, въ сообразность благочестію, *на основаніи преданія* о крещеніи, обязаны будучи *такъ и вѣровать, какъ крестимся*, излагаемъ исповѣданіе подобное крещенію; то пусть дозволятъ намъ, по той-же сообразности, воздавать славу подобную вѣрѣ. А если (еретики) отмещутъ этотъ образъ славословія (т. е. выраженіе: «*со Духомъ Святымъ*» въ смыслѣ Божества Духа Святаго),

---

110) Ἄλλο γὰρ δόγμα, καὶ ἄλλο κήρυγμα, τὰ μεν γάρ δόγματα σιωπᾶται, τά δε κηρύγματα δημοσιεύεται.

111) У католика *Шване* находится весьма странное замѣчаніе къ этому мѣсту изъ св. Василія. По его мнѣнію, «обоснованіе, какое св Василій даетъ значенію преданія по этому мѣсту, не совсѣмъ удачно и противорѣчиво, а присовокупляемые примѣры не достаточны, чтобы оправдать ученіе вѣры о Св Духѣ, для этой цѣли онъ могъ бы выбрать лучшіе примѣры. чего (horribile dictu!) онъ не сдѣлалъ» (Dogmengesch patrist Ziet, II, s. 896—897). Что у св Василія В. нѣтъ никакого противорѣчія православному ученію о преданіи, это видно изъ той цѣли, съ какою приведены у него указанные примѣры изъ общецерковной практики. *Догматическое* ученіе о Божествѣ Святого Духа искони жило во всецерковномъ сознаніи; относительно его истины не было никакого сомнѣнія въ самой церкви Св. Василій только указываетъ на эту истину и отсылаетъ еретиковъ-духоборовъ для убѣжденія въ ней обратиться къ *живому* свидѣтельству преданія, въ которомъэта истина сохраняется во всей цѣлости. Здѣсь *доказательство* достовѣрности догмата о Духѣ Святомъ состоитъ въ *указаніи* на всеобщій *фактъ* его существованія въ церкви А для большей увѣренности и какъ бы въ поясненіе Василій Великій говоритъ, что этотъ догматъ также несомнѣнно живетъ въ церкви, какъ и другія истины вѣры и учрежденія церкви, въ преданіи находящія главнѣйшее основаніе своей достовѣрности. Итакъ, «неписанныя преданія» у св. Василія приводятся не въ значеніи доказательствъ (argumenta) въ собственномъ смыслѣ, а просто какъ наглядные примѣры; а потому здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ ихъ «удачности» и «противорѣчивости» и замѣчаніе Шване чрезъ то теряетъ всякую силу и достоинство

какъ неизложенный въ писаніи; то пусть дадутъ намъ изложенныя въ писаніи доказательства на исповѣданіе вѣры, и на все прочее, что нами исчислено. Притомъ, когда такъ много неизложеннаго въ писаніи, и оно имѣетъ такую силу въ тайнѣ благочестія; ужели не дозволятъ намъ одного реченія, которое дошло къ намъ отъ отцовъ, которое нашли мы сохранившимся вслѣдствіе неумышленно соблюдаемаго обычая въ церквахъ не поврежденнымъ, и которое имѣетъ не маловажное основаніе, и доставляетъ силѣ таинства не малое подкрѣпленіе?.. А на то, будто бы славословіе: *со Духомъ* не засвидѣтельствовано и неизложено въ писаніи, отвѣчаемъ: если не пріемлется и все прочее неизложенное въ писаніи, то пусть не пріемлется и это. А если большая часть касающагося до таинствъ водворяется у насъ, хотя сіе и неизложено въ писаніи, то вмѣстѣ со многимъ другимъ пріймемъ и это. *Почитаю же правиломъ апостольскимъ — держаться и неизложенныхъ въ писаніи преданій.* Ибо сказано: *хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ васъ, преданія держите* (1 Кор. 11, 2); и: *держите преданія, имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ* (2 Сол. 2, 15). Особенно однимъ изъ сихъ преданій есть и разсматриваемое нами славословіе, которое *первоначальные установители*, предавшіе своимъ преемникамъ, при продолжающемся съ теченіемъ времени употребленіи, укоренили въ церквахъ долговременнымъ обычаемъ. И если, какъ передъ судомъ, *за недостаткомъ письменнаго доказательства*, представимъ вамъ множество свидѣтелей; то ужели не получимъ отъ васъ милующаго приговора? А я надѣюсь получить. Ибо *при устьхъ двою и тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Втор. 19, 15). Если же ясно вамъ докажемъ, что *и давность — въ нашу пользу;* то не признаете ли справедливымъ утверждаемое нами, что насъ и суду подвергать не должно? Ибо *догматы древніе внушаютъ къ себѣ какое-то благоговѣніе и достоуважаемость за свою давность, какъ бы за какую-то сѣдину*». Наконецъ, указавъ кратко на полное согласіе всецерковнаго славословія Духу Святому съ писаніемъ, св. Василій Великій перечисляетъ тѣхъ древнихъ отцовъ и учителей церкви, которые въ ученіи о Святомъ Духѣ руководились апостольскимъ преданіемъ, т. е. употребляли славословіе въ томъ видѣ и значеніи, въ какомъ духоборы отвергали,

а именно говоритъ о епископѣ, крестившемъ его самого, о св. Климентѣ Римскомъ, о Діонисіѣ Римскомъ, о Діонисіѣ и Климентѣ Александрійскихъ, о св. Иринеѣ, Оригенѣ, Африканѣ, о мученикѣ Аѳиногенѣ, о св. Григоріѣ чутворцѣ, о Фирмиліанѣ и Мелетіи [112]). Освященное и оправданное такою церковною древностію преданіе о Божествѣ Духа Святаго есть несомнѣнный источникъ истинно-христіанскаго вѣроученія; ибо благочестивое преданіе отцовъ есть вѣрный указатель, правило и несомнѣнный (точный) образецъ для провѣрки сужденій о предметахъ вѣры [113]).

Такъ св. Василій Великій непоколебимо утверждаетъ общецерковную истину апостольскаго преданія о Святомъ Духѣ, а приведенные имъ примѣры въ пользу его вполнѣ убѣдительны и достаточны при богословскомъ разсужденіи о томъ, откуда преданіе получило свое первоначало, какую имѣетъ силу и въ какой мѣрѣ согласно съ писаніемъ. Обобщая основныя мысли этого разсужденія, мы получаемъ слѣдующіе результаты.

По святоотеческому взгляду, ἄγραφος παράδοσις и «писанное слово» Божіе, переданныя апостолами церкви и сохраняемыя въ ней при помощи св. отцевъ, составляютъ одно откровенное ученіе. То и другое, на основаніи несомнѣнной равноправности, служатъ божественнымъ источникомъ православныхъ *догматовъ* и церковной *проповѣди*. Преданіе обнимаетъ собою незаписанное ученіе вѣры и неписанные обычаи. Особенность преданія та, что оно стоитъ въ ближайшей связи со всѣми обнаруженіями внутренней и внѣшней церковной жизни, особенно религіозно-практической. Отсюда, по Василію Великому, церковное богослуженіе, таинства, свящ. обряды, все вообще церковно-дисциплинарное устройство главнымъ образомъ сохраняется въ живомъ преданіи. *Таинственное преданіе*, μυστική παράδοσις, «тайны благочестія» — соблюдаются въ молчаніи церковномъ, недоступномъ для празднаго любопытства и вывѣдыванія людей, стоящихъ внѣ церкви. За недостаточностію и неясностію во всемъ написаннаго откровеннаго ученія преданіе имѣетъ значеніе положительнаго догматико-каноническаго источника и правила

---

[112]) Твор. рус перев. (М. 1891) ч. 3 гл. 27, стр. 269—271, 272; гл. 29, стр 277—284

[113]) Опроверженіе на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія, кн. I, стр. 12.

вѣры. Необходимость его для полнаго и цѣлостнаго изложенія и уразумѣнія христіанскаго откровенія и жизни св. Василій доказываетъ прямо исчисленіемъ «догматовъ» и «проповѣданій» церковныхъ, какихъ нѣтъ въ библейскомъ словѣ. Подъ догматами незаписаннаго преданія у св. Василія подразумѣваются не какіе-либо «особые (исключительные) предметы вѣры, неосновапные на *словѣ* Божіемъ» и совершенно *не* заключающіеся въ немъ, а тѣ дополнительныя къ писанію и пояснительныя мысли и церковно-символическія священно-дѣйствія, которыя были сокрываемы отъ оглашенныхъ, отъ еретиковъ, іудеевъ и язычниковъ [114]). Подъ именемъ же «проповѣданій» (κυρηγμάτων) у него разумѣются церковные κανόνες, νόμοι ἐκκλησιάστικοι, церковно-дисциплинарныя узаконенія, вообще все *всенародно* проповѣдуемое ученіе церкви и всѣми наблюдаемая практика ея. Догматическое преданіе—это «необнародываемое и неизрекаемое ученіе» (ἀδημοσιεύτος καὶ ἀπόρρητος διδασκαλία) и таинства церкви, сохранявшіяся въ disciplina arcani, въ тайнѣ отъ непосвященныхъ (ἀμύητοι), т. е. не только отъ невѣрныхъ, еретиковъ и всѣхъ вообще не принадлежавшихъ къ церкви [115]), но и вообще отъ всѣхъ неспособныхъ къ принятію и уразумѣнію ихъ, каковы, напр., оглашенные (неполучившіе еще крещенія), а также люди съ худыми нравами и маловозрастные [116]). Извѣстно, что оглашеннымъ и язычникамъ церковь открывала и передавала первоначальныя катихизическія понятія о вѣрѣ (о Троицѣ, о воплощеніи, о Св. Духѣ) прикровенно и не вполнѣ, насколько онѣ были извѣстны имъ частію по общему здравому смыслу, а частію по свидѣтельству исторіи, полное же изъясненіе и изслѣдованіе основоположительныхъ истинъ вѣры по духу церковно-библейскаго преданія, а также участіе въ таинствахъ предлагалось только благоговѣйному созерцанію и дѣйствію уже увѣровавшихъ. Но это «тайноводственное преданіе» не то, что гностическая «тайная дисциплина», а извѣстное всѣмъ истиннымъ христіанамъ ученіе. Несомнѣнный авторитетъ этого преданія

---

114) См. *Филаретъ*, II, стр. 110. примѣчаніе 39.

115) См раздѣленіе всѣхъ отдѣлившихся отъ церкви на основаніи I правила св. Василія о еретикахъ, раскольникахъ и подцерковникахъ, устроявшихъ самочинныя собранія (скопища).

116) Сравн съ этой стороны комментарій на 27 главу изъ книги св. Василія о Св. Духѣ у епископа *Іоанна Смоленскаго* въ его «Курсѣ церковнаго законовѣдѣнія»

св. Василій оправдываетъ здѣсь попутнымъ указаніемъ на признаки его: древность, іерархическое преемство отъ апостоловъ и всеобщность, т. е. на тѣ самыя существенныя свойства его, что въ достаточной степени ясности раскрыты были у предшествовавшихъ отцовъ и учителей. Отсюда преданіе церкви и учительный авторитетъ ея выступаютъ у св. Василія, какъ только продолженіе апостольскаго авторитета и апостольскаго ученія.

Протестантскіе писатели, въ качествѣ возраженія, обыкновенно указываютъ на только что разсмотрѣнное нами мѣсто изъ книги Василія Великаго о Святомъ Духѣ. Они говорятъ, что принципъ преданія у св. Василія по этому мѣсту имѣетъ значеніе только въ области церковно-богослужебной практики, какъ, напр., при совершеніи литургіи и при выполненіи различныхъ обрядовъ. Въ параллель этому они обыкновенно ссылаются на вопросъ объ «обрядовомъ преданіи» (consuetudo) у Тертулліана и св. Кипріана Карѳагенскаго, которое будто бы оставалось «существеннымъ содержаніемъ» церковнаго ученія и во все позднѣйшее время. Такъ дескать и у Василія Великаго, подробно трактующаго объ этомъ предметѣ въ вышеозначенномъ мѣстѣ. Да и вообще, говорятъ протестанты, въ «грекоточной церкви», какъ «литургической и обрядовой по преимуществу», неподвижный принципъ преданія, «приводящій все къ оцѣпенѣнію въ культѣ» и къ «традиціонной окаменѣлости» религіозной жизни, составляетъ «единственный предметъ» ученія объ источникахъ и нормахъ вѣры. Отсюда то они, между прочимъ, выводятъ и то общее заключеніе, будто св. отцы разсматриваютъ преданіе вообще только какъ нѣкоторое восполненіе писанія въ «вещахъ болѣе литургическихъ и, слѣдов., болѣе побочныхъ», т. е. во второстепенныхъ вопросахъ вѣроученія и жизни христіанской [117]).

Но мы приведемъ къ этому извѣстному вопросу только нѣкоторыя доказательства изъ ученія св. Василія Великаго о преданіи. Вышеуказанное мнѣніе протестантовъ въ высшей степени тенденціозно и несправедливо на основаніи уже сказаннаго нами не только въ отношеніи принципа вообще, но и само по себѣ. Здѣсь у св. Василія идетъ рѣчь о такихъ предметахъ христіанскаго откровенія

117) Ugl *Probst*, Liturgie, s 6 f *Khun*, Th. Quart. 1858, s 436 ff. *Langen*, Kirchenvater, s 7 ff

и жизни, которыя внутреннимъ образомъ (органически), т. е. неразрывно связаны съ самою *сущностію вѣры* церковной, съ положительнымъ ученіемъ ея, съ коренными догматами и со всею вообще религіозною жизнію церкви. Такъ, напр., неоспоримо, что изъ обрядовъ и обычаевъ при крещеніи, равно какъ и изъ содержанія церковныхъ молитвъ, читаемыхъ при немъ, непогрѣшимо узнается истинная вѣра въ наслѣдственный грѣхъ, въ благодать Божію спасающую человѣка и въ таинства вообще, въ ихъ необходимость и дѣйственность, а изъ церковной формулы при совершеніи крещенія достовѣрно заключаемъ къ основоположительному догмату о Святой Троицѣ. Но эта связь между догматомъ и обрядомъ въ церковномъ преданіи, между вѣрою и обычаемъ еще болѣе видна при литургіи, а именно при совершеніи святой евхаристіи. Всякій православный христіанинъ знаетъ, какъ поучительны древне-христіанскія литургіи при изъясненіи «учредительныхъ словъ» Господнихъ на тайной вечери. Но Василій Великій самъ прямо указываетъ на эту внутреннюю связь и взаимодѣйствіе между *догматическою вѣрою и литургіей*, между догматомъ и таинствомъ, между положительнымъ ученіемъ и неписаннымъ обычаемъ, иначе сказать,—между преданіемъ διὰ τῶν ἀποστόλων и κανόνες (νόμοι) ἐκκλησιαστικοὶ. Онъ весьма выразительно упоминаетъ о неписанномъ преданіи въ ученіи о совершеніи таинства Причащенія, насколько это преданіе есть частію догматическое, частію обрядовое. По свидѣтельству св. Василія Великаго, преложеніе или пресуществленіе Святыхъ Даровъ на литургіи изначала, по всеобщему преданію церкви, относилось не къ словамъ Спасителя, взятымъ изъ Евангелія: «*Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое; пійте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя новаго завѣта*», но къ церковно-молитвенному призыванію Святаго Духа на предлежащіе Дары и священническому благословенію ихъ. Св. Василій говоритъ, что церковь *никогда* не довольствовалась записаннымъ въ Евангеліи и апостоломъ словами, при таинственномъ преложеніи Даровъ, но и прежде и послѣ ихъ произноситъ еще другія, какъ «имѣющія великую силу для таинства». Эти преданныя слова, конечно, были бы не нужны, если бы библейскія слова были совершенно достаточны для совершенія таинства Евхаристіи. Отсюда само собою вытекаетъ выводъ объ абсолютной важности и необхо-

димости преданія при писаніи и о внутренне—нерасторжимой связи между созерцательною вѣрою и церковно-практическимъ обычаемъ.

И еще примѣръ изъ св. Василія въ доказательство обсуждаемой мысли. Подобно Тертулліану, св. Василій Великій разсматриваетъ изложеніе исповѣданія вѣры при крещеніи не какъ простой обрядъ и не какъ «механическую церемонію», т. е. не какъ предметъ только церковной дисциплины (въ извѣстномъ узкомъ смыслѣ), а какъ необходимое догматико-каноническое свидѣтельство или исповѣданіе вѣры въ Святую Троицу, унаслѣдованное отъ апостоловъ. «Если не пріемлется и все прочее неизложенное въ писаніи, то пусть не пріемлется и это (славословіе. *со Духомъ*). А если большая часть касающагося до таинствъ (т. е. важнѣйшихъ свящ. обычаевъ и дѣйствій въ церкви) водворяется у насъ (на основаніи преданія), хотя сіе и не изложено въ писаніи, то вмѣстѣ со многимъ другимъ пріймемъ и это. Почитаю же правиломъ апостольскимъ—держаться и неизложенныхъ въ писаніи преданій. Ибо сказано: *хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 11, 2); и: *держите преданія, имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ* (2 Сол. 2, 15)».

Итакъ ясно, послѣ сказаннаго нами, что св. Василій Великій разсматриваетъ священное преданіе не со стороны только дисциплинарной, церковно-канонической и въ частности «литургической», но безпрекословно утверждаетъ и положительно-догматическую его важность и необходимость въ дѣлѣ истиннаго и всесторонняго познанія христіанскаго откровенія въ его ученіи, таинствахъ, обрядахъ, во всей вообще религіозно-нравственной жизни церкви православной. Незаписанная догматическая вѣра и церковные обычаи несомнѣнно стоятъ у св. Василія въ неразрывной связи и въ живомъ взаимодѣйствіи, какъ принимаемыя и распространяемыя всѣми истинно-вѣрующими на основаніи одного преданія. Объ эти стороны выдвинуты были св. Василіемъ противъ еретиковъ и имъ дано было принципіальное разъясненіе въ истинно-православномъ духѣ.

Чтобы не стать намъ на «ложный слѣдъ» при апологетической оцѣнкѣ ученія св. Василія Великаго о преданіи, должно имѣть въ виду еще слѣдующія слова изъ его гомиліи «*О вѣрѣ*» или о Святой Троицѣ противъ враговъ ея.

«Вѣра есть несомнѣнное согласіе на то, что выслушано съ удостовѣреніемъ въ истинѣ проповѣданнаго, по благодати Божіей; такую вѣру показалъ Авраамъ, о которомъ засвидѣтельствовано, что *не усумнился невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови: и извѣстенъ бывъ, яко, еще обѣща, силенъ есть и сотворити* (Рим. 4, 20—21). Если же *вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ* (Пс. 114, 13), *вѣрны вся заповѣди Его, утверждены въ вѣкъ вѣка, сотворены въ истинѣ и правотѣ* (Пс. 110, 7—8): то отметать что нибудь *изъ написаннаго*, или вводить что-нибудь *изъ ненаписаннаго* есть явное отпаденіе отъ вѣры и изобличеніе своей гордости, потому что Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*; и прежде сего сказалъ. *по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа* (Іоан. 10, 27, 5); и апостолъ строго запрещаетъ прибавлять или убавлять что-нибудь въ богодуховенныхъ писаніяхъ, представляя примѣръ, взятый изъ человѣческихъ обычаевъ, когда говоритъ: *обаче человѣческаго предутвержденна завѣта никтоже отметаетъ или приповелѣваетъ* (Гал. 3, 15) [118]).

Въ этихъ словахъ св Василія Великаго точнѣйшимъ образомъ опредѣляются границы догматико-каноническаго авторитета *ненаписаннаго преданія* и указывается отношеніе этого преданія *къ написанному вѣроученію*. Подобно св. Кириллу Іерусалимскому, св. Василій учитъ, что вѣра христіанская есть непосредственное воспріятіе и сохраніе въ церкви и чрезъ церковь откровеннаго ученія. Она всецѣло основана на полномъ *довѣріи* къ догматическому свидѣтельству *сказаннаго и проповѣданнаго въ церкви*. Съ этой стороны вѣра есть несомнѣнная увѣренность, или *непосредственное убѣжденіе* въ истинѣ глаголовъ богодухновенныхъ (Рим. 10, 17; 14, 23), т. е. возвѣщеннаго чрезъ церковь откровеннаго ученія. Это есть всеобщее и полное *согласіе* на всецѣлое принятіе и утвержденіе въ церкви неписаннаго преданія, котораго никакое умозаключеніе не можетъ поколебать [119]). И такъ церковно-преданная вѣра касается не одного

[118]) Твор. 1892, ч 5, стр 24—25; Сравн ссылку у *Филарета* (II, стр 110). Гарніеръ эту гомилію, изъ которой взята эта цитата (Opp II, 611), считаетъ неподлинной. Но подобное изреченіе и связь мыслей находятся въ Ер. 139, 2 (III, 277).

[119]) Правило 80, чл. 22, ч. 3, ст 401—402. «Что свойственно христианину? *Вѣра любовію поспѣшествуема* (Гал, 5, 6) Что свойственно—вѣрѣ? Несомнѣнная увѣрен-

только записаннаго слова Божія, по главнымъ образомъ устнаго. Только сектантское, *антицерковное* отрицаніе писаннаго откровенія путемъ ненаписаннаго преданія, съ цѣлью введенія новыхъ и *неслыханныхъ* ученій и обычаевъ въ церковь, въ вѣру и жизнь церкви, есть явное отреченіе отъ истины Божіей, пагубная измѣна христіанской религіи, несомнѣнное доказательство сектантской гордости и самообольщенія, настоящее вѣроотступничество (ἀποστασία). Еретики обыкновенно не довольствуются «апостольскимъ преданіемъ и простою вѣрою», и «кромѣ евангельской истины» [120]) выдумываютъ «ненужныя и неузаконенныя церковію реченія» [121]) въ подтвержденіе своихъ мнѣній и предразсудковъ. Что нужды въ этихъ сектантскихъ замыслахъ преступной любознательности, «чуждыхъ ученія Господня» [122])? Сектанты, безконечно жадные ко всякаго рода постыдной *новизнѣ* въ догматическомъ ученіи, нарочито изслѣдуютъ то́, что записанно, напр., апокрифическія преданія, и на это преимущественно ссылаются въ свое оправданіе, приводя такимъ образомъ въ нѣкоторое смущеніе православныхъ христіанъ. Противъ нихъ то, противъ такой «антицерковной полемики», св. Василій Великій и выставляетъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ, что́ написано, не исключая, конечно, устнаго ученія о вѣрѣ апостольской. Опасно отнять что-либо отъ словесъ, преданныхъ Духомъ Святымъ, или приложить къ нимъ что нибудь изъ человѣческихъ «лжеумствованій» [123]). Всѣ богословскіе споры пришли бы къ концу, если бы еретики были довольны однимъ писаніемъ. Поэтому, если св. Василій говоритъ, что не нужно изслѣдывать *ненаписаннаго* ученія, т. е. находящагося «внѣ богодухновеннаго писанія» и «не отъ вѣры» происходящаго и вводить его въ кругъ вѣры церковной, то этимъ онъ

ность въ истинѣ *богодухновенныхъ глаголовъ*, которая не колеблется никакимъ помысломъ, наводитъ ли его естественная необходимость, или прикрывается онъ видомъ благочестія. Что свойственно вѣрному? Располагаться къ таковой увѣренности силою сказаннаго, и не отваживаться что нибудь отринуть или прибавить. Ибо ежели «*всяко, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть*», какъ говоритъ апостолъ (Рим. 14, 23), а «*вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ*» (10, 17); то все чего нѣтъ въ богодухновенномъ писаніи, будучи не отъ вѣры, *грѣхъ есть*».

120) Опроверженіе на защит. рѣчь Евномія, ч. 3, кн. I, стр. 5.

121) Тамъ-же

122) О вѣрѣ, ч. 5, стр. 25; Ср. Hom. in Psal. I (opp. T. I, p. 90).

123) Правило 70, гл. 25—27, ч. 3, стр. 383. Противъ Евномія кн. 2, ч. 3, стр. 52.

имѣлъ въ виду сказать только то, что нужно оставить безплодныя мечтанія «злокознепныхъ людей», нѣкогда волновавшихъ весь православный востокъ, отвергавшихъ ясно изложенное въ писаніи и неимѣвшихъ «необходимаго духа разсужденія» [124]) при его испытаніи и истолкованіи [125]). Въ этомъ именно смыслѣ во всѣхъ своихъ догматико-апологетическихъ твореніяхъ онъ представляетъ писаніе необходимымъ судіей между каѳолическимъ и аріанскимъ ученіемъ, между вселенскою церковію и этимъ «азійскимъ мудрованіемъ», между истинною вѣрою и ложной сектой, т. е. «лжеименнымъ вѣдѣніемъ» [126]).

Итакъ, выводить изъ вышеприведеннаго мѣста противоположное нашему заключеніе, какъ дѣлаютъ это протестанты, всегда радые къ чему либо прицѣпиться изъ святоотеческаго ученія о преданіи, нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Преданіе и писаніе, по ученію св. Василія Великаго, стоятъ на ряду другъ съ другомъ. Между ними полное взаимодѣйствіе въ каѳолической церкви. Въ преданіи заключается не только то, что незаписано, но многое и изъ того, что у нее записано. Возстаніе противъ апостольскаго преданія есть дѣло еретическое. Только обольстительное расколо-сектантское преданіе, существующее всегда на счетъ личнаго характера своихъ носителей и защитниковъ, идетъ противъ истиннаго откровеннаго ученія, будь оно въ преданіи или писаніи, въ догматѣ или обычаѣ, въ истинѣ вѣры или церковной дисциплинѣ. Согласно съ такимъ пониманіемъ взаимнаго отношенія между написаннымъ и незаписаннымъ преданіемъ св. Василій Великій и говоритъ о еретикахъ, разрывавшихъ связь между писаніемъ и преданіемъ. «У всѣхъ противниковъ и враговъ здраваго ученія одно общее намѣреніе—поколебать твердыню вѣры во Христа, ниспровергнувъ и истребивъ *апостольское преданіе*. По сей-то причинѣ, *какъ наружно честные должники* громко требуютъ доказательствъ изъ писаній, и отвергаютъ не подтвержденное писаніемъ свидѣтельство отцовъ, какъ не имѣющее никакой силы» [127]). Какая,—на основаніи этихъ словъ св. Ва-

[124]) Письмо 196, ч. 7, стр. 66

[125]) «Не крайнее ли безуміе—отваживаться на то, что не принято ни въ общемъ употребленіи, ни на языкѣ писанія» (противъ Евномія, кн. 2, ч. 3, стр 59)?

[126]) О вѣрѣ, ч 5, стр. 26.

[127]) О св. Духѣ, гл. 10 (М. 1846, ч. 3, стр. 268).

силія, — несбыточная мечта — мнѣніе протестантовъ, утверждающихъ, будто «всякая часть преданія» потеряла свое источное значеніе и догматико-каноническій авторитетъ, если только не вошла *текстально* въ писаніе и будто все переходящее за границы написаннаго остается навсегда двусмысленнымъ и невѣрнымъ? «Неопустительно должно соблюдать все преданное Господомъ въ Евангеліи и чрезъ апостоловъ» (ссылка на Мат. 28, 19—20; Лук. 1, 6; 10, 16 и 1 Θес. 2, 15) [128]).

Чтобы непоколебимо установить общецерковную истину преданія, св. Василій Великій подробно изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніи преданія къ писанію. Истинно-апостольское преданіе, сохраняемое каѳолическою церковію, непремѣнно должно стоять во всецѣломъ согласіи съ писаніемъ апостоловъ. Такъ, напр., въ 72 «*Нравственномъ правилѣ* св. Василій говоритъ «*о слушателяхъ*» слова истины: «слушатели, наставленные въ писаніи, должны испытывать, что говорятъ учители, *и согласное съ писаніями принимать*, а не согласное отметать, и держащихся таковыхъ ученій еще болѣе отвращаться», и далѣе идутъ ссылки на слѣд. мѣста изъ писанія: Матѳ. 18, 7, 9, Іоан. 10, 1, 5; Гал. 1, 8 и 1 Θес. 5, 20—22. Очевидно, здѣсь полное согласіе преданія съ писаніемъ разсматривается, какъ существенный догматико-гносеологическій признакъ истиннаго вѣроученія. Только сектантское противорѣчіе и несогласіе выступаютъ противъ православнаго единства церковной вѣры, находящейся и раскрывающейся въ писаніи и въ преданіи. Гдѣ нѣтъ должнаго догматико-каноническаго единства между преданіемъ и библіей, тамъ, неоспоримо, мы имѣемъ дѣло съ сектантскимъ подлогомъ или поддѣлкой христіанства. Поэтому, особенно противъ самочиннаго обращенія съ писаніемъ, свойственнаго еретикамъ и сектантамъ, св. Василій утверждаетъ необходимость полнаго согласія церковнаго преданія съ писаніемъ. Онъ всячески внушаетъ не слѣдовать преданіямъ, выдуманнымъ людьми *вопреки писанію*. Такъ, напр., въ 12 «Нравственномъ правилѣ» онъ поучаетъ: «не должно послѣдовать *человѣческимъ преданіямъ* до отриновенія Божіихъ заповѣдей», и далѣе приводится ссылка на Марк. 7, 5—8 (ср. Исаія 29, 13), т. е.

---

[128]) О Св. Духѣ, гл. 10, ч. 2, стр 218—219.

на слова Спасителя, сказанныя въ обличеніе іудейскихъ книжниковъ и фарисеевъ, державшихся *человѣческихъ преданій* въ отмѣну божественныхъ заповѣдей.[129]) Лжеучители всегда преподаютъ иное какое-нибудь ученіе о вѣрѣ и жизни, а *не то*, которое возвѣщали апостолы Христовы, эти «уста Христовы» [130]). Это—лживые *книжники* проповѣдующіе новыя истины о вѣрѣ, какихъ нѣтъ ни въ писаніи, ни въ истинномъ преданіи. Поэтому, по 40-му «Нравственному правилу» св. Василія Великаго, «не должно терпѣть преподающихъ новыя ученія, *хотя они и притворяются*, къ обольщенію и убѣжденію не твердыхъ» (ссылка на Мат. 24, 4—5: «*Блюдите, да никтоже васъ прельститъ. Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще, яко азъ есмь Христосъ: и многи прельстятъ*»; Лук. 20, 46—47 и Гал. 1, 8—9), а по 6 главѣ 70-го правила: «вѣрныхъ должно учить всему тому, что повелѣно Господомъ въ Евангеліи и чрезъ апостоловъ, и что съ симъ сообразно»; ибо (глава 26) «для евангельской проповѣди не должно пользоваться человѣческими преимуществами, чтобы не затмѣвалась Божія благодать».

Въ виду этого взаимодѣйствія между писаніемъ и преданіемъ никого не должно смущать то обстоятельство, что еретики ссылаются въ свое оправданіе на *истину* и *древность*. Объ этомъ Василій Великій особенно говоритъ въ превосходныхъ словахъ противъ Евномія, въ опроверженіе его сочиненія извѣстнаго подъ именемъ «*Апологіи*». Евномій убѣждалъ христіанъ не смотрѣть на древность и знатность отцовъ и учителей церкви, сохранявшихъ «благочестивое преданіе», «съ того времени, какъ проповѣдано Евангеліе», и «просіявшихъ духовными дарованіями всякаго рода» [131]), а на одну истину. Но увѣщанія этого,—отвѣчаетъ св. Василій,—никакъ нельзя слушаться; ибо это—ухищренное «примышленіе» (ἐπίνοια) [132]), еретическое лжеумствованіе, «нечестивый вымыслъ», «новый лукавый путь нечестія», стать на который означало бы «признать, что преданіе, имѣвшее силу во всѣ предшествовавшія времена, маловажнѣе» [133]) еретическаго мечтанія и пустословія. Несомнѣнно, *истина*

[129]) Правило 12, ч. 3, стр. 308.
[130]) Бесѣда на псаломъ 44, ч. 1, стр. 165.
[131]) ч. 3, стр. 10.
[132]) Тамъ-же, стр. 19.
[133]) Тамъ-же, стр. 10.

древнье лжи. Но *изначальный опытъ церкви вселенской*. т. е. вселенски-церковное употребленіе догматическаго ученія вѣры (напр. ученія о Божествѣ Духа Святаго), есть истинный учитель, а *апостольское* преданіе есть *истинное* ученіе, хотя бы оно и не было точно, т. е. «тектуально», опредѣлено въ писаніи, а сохранялось въ сознаніи и жизни всѣхъ вѣрныхъ и всегда въ полномъ догматическомъ согласіи съ писаніемъ. Между тѣмъ, Евмоній и противорѣчитъ самому себѣ. Расторгнувъ насильно въ «лукавой мысли» своей органическую связь преданія съ писаніемъ, онъ выставляетъ *символъ вѣры* въ качествѣ достовѣрнаго правила и точнаго образца при повѣркѣ богословскихъ разсужденій и называетъ его «благочестивымъ преданіемъ, издревле у отцовъ имѣвшимъ силу» [134]). Но на самомъ дѣлѣ это есть тотъ самый символъ, которымъ уже Арій обманулъ епископа Александра Александрійскаго. Примѣнять древнюю вѣру отцовъ, т. е. истинную вѣру вселенской церкви, никакъ невозможно къ сектантскимъ нововведеніямъ въ вѣрѣ. Еретическое нечестіе все запуталось въ сѣтяхъ своихъ «лжеумствованій» и исполнено самопротиворѣчій. У еретиковъ—«сущая ложь» вмѣсто истины церковной и сектантская новизна (религіозное реформаторство) вмѣсто исконной древности и ли апостольскаго преданія.

Такъ утвержденное и такъ удостовѣрное преданіе служитъ, по взгляду св. Василія Великаго, высокимъ и чистымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и жизни церковной.

Во-первыхъ, оно есть положительно-догматическій источникъ. Нельзя все въ области истинно-церковной вѣры и религіознаго сознанія свести къ одному писанію по его первоначальному историческому происхожденію. Поэтому необходимъ и безъ писанія сообщенный источникъ христіанской истины. Такъ, напр., по преданію всецѣло раскрывается православно-догматическое ученіе о единосущіи Лицъ Святой Троицы. Отсюда, во 2-хъ, преданіе есть антиеретическое начало вѣры всецерковной. Преданную отъ апостоловъ вѣру св. Василій самъ противопоставлялъ аполлинаристамъ, аріанамъ, савеліанамъ, аномеямъ, послѣдователямъ Валентина [135]). Въ

[134]) Тамъ-же, стр 12.

[135] О Св. Духѣ, гл 30 (3 ч., стр. 284—289); Бесѣда 24 (ч. 4, стр. 347—360), Письмо 254 (ч 7, стр. 226 «тайны церкви—преданія отцовъ») и 257 (стр. 237, 239) «апостольскіе догматы—догматы православія».

3-хъ, преданіе обозначается у св. Василія, какъ экзегетическій источникъ и норма. «Неясность писанія» [136]) и, поэтому, трудность для уразумѣнія догматическаго ученія, заключающагося въ немъ, устраняются сами собою въ общецерковномъ преданіи. Преданіе— есть духоносный глаголъ Божій въ церкви. Мысль св. Василія объ этомъ значеніи приданія особенно видна изъ слѣд. коммен-тарія на слова псалма: «*языкъ мой тростъ книжника скорописца*» (44, 3). «Какъ трость есть орудіе письменности, когда опытная рука движетъ ею для начертанія написуемаго, такъ и языкъ праведника, когда Святый Духъ имъ движетъ, погружаемый не въ чернилѣ, но въ Духѣ Бога живаго, на сердцахъ вѣрующихъ пишетъ слова вѣчной жизни. Посему Духъ Святый есть *книжникъ*, потому что премудръ и всѣхъ научаетъ и *скорописецъ*, потому что быстро движеніе мысли. Пишетъ же въ насъ Духъ помышленія, *не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотяныхъ* (2 Кор.: 3, 3). А по мѣрѣ широты сердца, *Духъ пишетъ на сердцахъ* болѣе или менѣе; по мѣрѣ предуготовительной чистоты, пишетъ или для всѣхъ явственно, или неявственно. По скорости же написуемаго, цѣлая уже вселенная наполнена *благовѣстіемъ*» [137]). По смыслу этихъ словъ преданіе есть богодухновенное ученіе вѣры, хранящееся и распространяющееся въ церкви вселенской силою Духа Святого. Здѣсь Самъ Духъ Божій пишетъ откровенную истину въ сердцѣ церкви. Отсюда абсолютная необходимость преданія при истолкованіи писанія, но «не въ ветхости буквы, а въ обновленіи Духа» тѣхъ, которые разумѣютъ духовный смыслъ его [138])? Отсюда также само собою понятно, почему въ экзегетическихъ трудахъ св. Василій Великій «руководился не собственнымъ предубѣжденіемъ, но писаніями и авторитетомъ предшественниковъ, которые нить къ правому разумѣнію писанія получили по преемству отъ апостоловъ» [139]). Здѣсь именно «истины, заключенныя въ словѣ Божіемъ какъ бы въ сѣмени, возращены имъ въ дерево, на вселенскихъ вѣтвяхъ

---

136) «Въ разсужденіи того, что не опредѣлено въ писаніи яснымъ повелѣніемъ, должно увѣщевать каждаго къ лучшему» (Правило 70, гл, 8, ч. 3, стр. 374).

137) Бесѣда на пс. 44, ч 1, стр 264—265.

138) Бесѣда на пс. 32, ч 1, стр. 220.

139) *Руфинъ*, Ист церк. кн. 2, гл. 9.

котораго возвышенныя и превыспреннія души, въ евангеліи называемыя *птицами небесными* (Мат. 13, 32), могутъ гнѣздиться»[140]). Наконецъ, преданіе есть и церковно-каноническій источникъ и правило. Въ немъ Василій Великій почерпалъ всѣ силы и средства, необходимыя для устройства благолѣпія церковнаго богослуженія. Его «божественная литургія» не только «составлена духомъ апостоловъ» [141]). но и сама служитъ источникомъ религіозной вѣры и жизни церкви. Несомнѣнные слѣды апостольскаго преданія видны и въ его «установленіяхъ монашескихъ писанныхъ и неписанныхъ», свидѣтельствующихъ о самой плодотворной и ревностной архипастырской дѣятельности «мужа истинно великаго» [142]), «свѣточа вселенной» [143]).

Изложенное нами православно-гносеологическое ученіе св. Василія Великаго о преданіи, очевидно, носитъ на себѣ общецерковный характеръ. Точно разграничить богословско-теоретическое вліяніе предшествовавшихъ отцовъ и учителей церкви на гносеологію св. Василія въ ея цѣлостномъ составѣ и формальномъ раскрытіи—вопросъ весьма трудный и сложный. Одно несомнѣнно, что Василій Великій раздѣлялъ общецерковное святоотеческое ученіе о преданіи. Преданіе какъ со стороны матеріальной и формальной, такъ и со стороны субъективной и объективной неоспоримо признается у него источникомъ христіанскаго вѣроученія и жизни въ равной чести и достоинствѣ съ писаніемъ. Точно указывается надежнѣйшее хранилище преданія—это богодухновенная церковь. Особенно замѣчательно, по ясности выраженія и полнотѣ раскрытія общей мысли, разсужденіе св. Василія о необходимости и значеніи преданія *на ряду* съ писаніемъ. Область употребленія «неизложенныхъ въ писаніи узаконеній церкви» такъ раскрыта всесторонне, какъ ни у кого изъ отцовъ во весь разсматриваемый періодъ (см. 27 гл. книги о Святомъ Духѣ). Въ этомъ отношеніи св. Василій Великій дѣлаетъ шагъ впередъ. За ясность и точность формулировки его взглядъ на

---

140) Такъ отзывается св Григорій Нис о Шестодневѣ св. Василія В. (Твор. ч 1, стр. 2, М. 1861)

141) *Филаретъ*, II, 117, примѣч. 69.

142) Св. *Григорій Назіанзенъ* въ словѣ о св. Василіи.

143) Св. Никейскій второй соборъ; бл. *Θеодоритъ*, Ист. церкви IV, 19.

преданіе въ его отношеніи къ писанію и церкви считается собственно православно-*символическимъ* [144]).

16. *Святый Григорій Богословъ, Назіанзенъ* († 389—391 г.) «умъ крайнѣйшій», подобно *св. Василію Великому*, другу юности и всей жизни своей, хотя и не съ такою полнотою и ясностію, какъ онъ, учитъ о преданіи, о его необходимости и важности, какъ особаго источника христіанскаго откровенія и церковной жизни. Его мысли о преданіи разсыпаны, въ видѣ отдѣльныхъ гносеологическихъ положеній и аксіомъ, въ его прекрасныхъ *словахъ* (особенно въ *словахъ о Богословіи*) и *письмахъ*. Догматико-церковная связь этихъ положеній даетъ намъ цѣльное (хотя и краткое) понятіе о взглядѣ его на данный предметъ [145]).

Подъ именемъ преданія у св. Григорія Богослова разумѣется истинное откровеніе Божіе, незаписанное самими апостолами, а устно переданное ими и ихъ преемниками церкви Христовой, и съ тѣхъ поръ при содѣйствіи Духа Святаго непрерывно и неизмѣнно сохраняемое и живущее въ ней. Это общее—церковное понятіе о преданіи. Составные элементы его суть слѣдующія.

Христово откровеніе—устное слово и живое дѣло церкви Его. «Христосъ—раззоритель буквы и совершитель Духа» [146]). Отсюда—«законъ» вѣры и жизни христіанской совершается «по Евангелію, а не по письменѣ» [147]). И апостолы не всѣ писали [148]), да и записанное ими откровеніе вовсе не исключаетъ неписаннаго преданія [149]). Отсюда ясно, что преданіе есть истинный и искони существующій въ церкви

---

144) См. ссылку на св. Василія Великаго въ нашемъ Катихизисѣ въ отдѣлѣ «о св. преданіи и св писаніи» въ отвѣтѣ на вопросъ· «для чего и нынѣ нужно преданіе»?

145) Общій характеръ богословія св Григорія съ точки зрѣнія теоріи религіознаго познанія см. у свящ. *Н Виноградова*, Догматич. ученіе св. Григорія Богослова, Казань, 1887, стр. 257—177 и у *Ullmann*'а, Gregor von Nazianz der Theologe, Darmstad, 1825, особенно s. 305—306.

146) Слово 55, на св. Пасху, ст. 142 (М. 1989, ч. 4).

147) тамъ-же, стр 143. Сравн. слѣд. изреченія· «Моисей.. пріемлетъ скрижали, для народа скрижали письмени, а для тѣхъ, кто выше народа, *скрижали духа*» «(Слово 3, ч. 1, стр. 57). «Слова .. пишетъ Духъ, не черниломъ, но благодатію напечатѣваетъ на скрижаляхъ каменныхъ или плотянныхъ. (Слово 1 на Пасху, ч. 1, стр. 6).

148) Къ Селевку, ч 5. стр. 263—264.

149) «Матѳей описывалъ чудеса Христовы *для евреевъ*, Маркъ—*для Италіи*, Лука—*для Антіохіи*, а великій и небошественный *проповѣдникъ* Іоаннъ—дли всѣхъ» (О подлинныхъ книгахъ богодухновеннаго писанія, ч. 5, стр 43).

источникъ вѣроученія и жизни христіанской, а сектантство—новое лжеученіе, а сектанты «новые проповѣдники истины». Само собою понятно, что о вѣрѣ не можетъ быть никакого спора [150]). Мысль о томъ, что еретическое преданіе опровергается своимъ позднѣйшимъ происхожденіемъ особенно подробно раскрывается въ двухъ обширныхъ посланіяхъ св. Григорія къ пресвитеру Каледонію, дополняющихъ одно другое, гдѣ строго обличаются своевольныя «нововведенія въ вѣру» Аполлинарія [151]).

Преданіе, какъ чистый и цѣлостный источникъ и норма «первоначальной вѣры», охраняется и раскрывается въ святоотеческомъ ученіи [152]). «О, если бы намъ до послѣдняго издыханія,—восторженно восклицаетъ св. Григорій,—съ великимъ дерзновеніемъ соблюсти *сей прекрасный залогъ святыхъ отцевъ* (т. е. преданіе

---

[150]) Въ первомъ Словѣ о Богословіи св. Григорій показываетъ, какой опасности подвергаютъ вѣру тѣ, которые *смотрятъ о ея тайнахъ* предъ язычниками. Здѣсь же въ обличеніе евноміанъ, безразсудно превращавшихъ вопросъ о вѣрѣ въ діалектическое «пустословіе и мечтательность», въ защиту догматическаго единства преданія указываетъ на слова ап Павла *«еда вси апостоли? еда вси пророцы?* (1 Кор. 12, 29) (ч. 3. стр. 10)

[151]) Странно послѣ этого мнѣніе Шване, будто св. Григорій Богословъ «въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ сколько слѣдуетъ, даетъ мѣсто развитію откровеннаго ученія». Основаніемъ для Шване служитъ «мысль, почитаемая» самимъ Григоріемъ «плодомъ собственнаго ума», будто ученіе о Божествѣ Духа *впервые* стало извѣстно опредѣленно со времени сошествія Св. Духа на апостоловъ (Dogmengesch. part. Zeit, IV, s 897). Здѣсь у Шване стоитъ ссылка на слова св. Григорія: καὶ διὰ τοῦτο περεκαλύπτετο... Τούτων ἓν εἶνα νομίζω, καὶ αὐτὴν τοῦ πνεύματος τὴν θεότητα τρανουμένην εἰς ὕστερσον (Or, 31, 27). Но догматъ о Божествѣ Духа Святаго не какое либо *новое откровеніе* истины, т. е. послѣ Христа, а коренная истина Христова ученія. По Іоан. XIV, 26 (эта цитата приводится у св. Григорія), Духъ Святый только *научилъ* во имя Христово апостоловъ *всему* тому, что они «не могли раньше *носити* (Іоан. 16, 12) и что *по этому самому* скрывалъ отъ нихъ Христосъ», и напомнилъ имъ все, что Христосъ говорилъ имъ. Христосъ не обѣщалъ своимъ ученикамъ никакихъ новыхъ откровеній, но только истинное просвѣщеніе и наставленіе чрезъ Св. Духа въ уже открытомъ. Въ этомъ смыслѣ Христосъ и называется у св. Григорія «лучшимъ Богословомъ» (Слово 5 о Богословіи) Итакъ, св Григорій говоритъ не объ открытіи *новаго* ученія со времени сошествія Св. Духа на апостоловъ, а о *продолженіи* откровенія Божія въ церкви Христовой силою снизшедшаго Духа (Іоан. 16, 13). Но это уже вовсе не гностическая мысль, будто апостолы *не все* откровеніе Божіе получили отъ Христа и *не все* знали.. Озареніе отъ Духа Святаго въ день Пятидесятницы, т. е. «по прославленіи (ἀποκατάστασιν) Спасителя», только совершенно утвердило апостоловъ въ *томъ-же самомъ знаніи* преданія Христова, какое они въ полнотѣ получили отъ *«Начальника и Совершителя вѣры»* (Евр 12, 2).

[152]) «Ης ἤκουσα παρὰ τῶν θείων λογιών, ἣν ἐδιδάθην παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων (Or. XXXIII, т. 15).

символъ), живших ъ ближе ко Христу и къ первоначальной вѣрѣ» [153]). Здѣсь, очевидно, у св. Григорія Богослова догматическій вопросъ о преданіи и его значеніи поставляется, какъ гносеологическій вопросъ о св. отцахъ и ихъ учительномъ авторитетѣ. Св. отцы вообще суть органы преданія, церковно-іерархическіе носители и хранители Христова ученія [154]). Особенно отцы наидревнѣйшихъ временъ христіанства въ своей совокупности (въ единогласномъ ученіи) разсматриваются у него какъ непогрѣшимые свидѣтели истинной вѣры. Здѣсь убѣдительная сила святоотеческаго авторитета покоится на постоянномъ уваженіи и довѣріи церкви къ вѣкамъ первоначальнымъ. Съ этой стороны св. отцы, какъ testes intermedii, не могли и не хотѣли исказить откровенной истины;—*не могли*, потому что стояли «ближе ко Христу», т. е. къ самосущей Истинѣ, *не хотѣли*, потому что были *святы*. И такъ, въ святоотеческомъ преданіи у св. Григорія Богослова возстановляется и укрѣпляется органическая связь между (такъ сказать) вершинами христіанскаго откровенія, т. е. Христомъ и апостолами, и глубже лежащею областію церковно-догматическаго ученія (consensus patrum).

Истинное хранилище (вмѣстилище) преданія есть вся богодухновенная церковь, особенно ясно свидѣтельствующая о немъ на вселенскихъ соборахъ [155]) Догматико-канонической основой и залогомъ откровенной истины въ церкви служитъ абсолютная *непогрѣшимость*. Непогрѣшимость церкви это—не какая-либо сектантская выдумка, обращающая ложь въ истину, а совершенная *невозможность* для церкви *изрекать* и распространять сектантскую ложь вмѣсто богопреданной истины, «софистическія суевѣрія» вмѣсто объективно-даннаго вѣроученія. Отсюда то истинное преданіе, хранящееся и живущее въ церкви—не какое либо измѣнчивое и измѣняемое религіозно-философское мнѣніе по вопросамъ вѣрѣ, но *вселенское и тождественное ученіе* откровенія Божія. Уже при апостолахъ оно перешло въ плоть и кровь церковнаго самосознанія и религіозной жизни, въ церковный обычай, богослуженіе, уставъ и

---

153) Слово 11, ч. 1, стр. 248.

154) См изъясненіе Григорія Богослова 1 Кор. 12, 27 въ 64 прав. VI всел. собора.

155) «На св. соборѣ въ Никеѣ Духъ Святый собралъ во едино избранныхъ мужей» (Слово 21 похвальное Аѳанасію Великому, ч 2, стр. 152)

проч И это церковно-жизненное непзмѣнное *удостовѣреніе* не менѣе гарантируетъ полноту и совершенство откровеннаго ученія, чѣмъ рукописи, которыя легче исказить и повредить, что и дѣлали, какъ особо замѣчаетъ св. Григорій,—еретики аріане, «игравшіе словами библіи, какъ въ кости» [156]). Здѣсь именно находится, по мысли св. отца, догматико-каноническая основа цѣлостнаго *единства* православнаго вѣроученія [157]). Македоніане и евноміане, по общему свойству людей невѣрныхъ и неувѣренныхъ въ церковной истинѣ, единодушно возстаютъ противъ Духа Святаго, пребывающаго въ церкви, но частныя мнѣнія ихъ о вѣрѣ до того различны между собою, что почти нѣтъ возможности слѣдить за ихъ многоразличіемъ и «многоначаліемъ» [158]).

Необходимость преданія, какъ другаго божественнаго источника христіанскаго вѣроученія при писаніи доказывается у св. Григорія Богослова въ ученіи о томъ, что преданіе есть «*царственный путь*» (Orat. XLII) [159]), по которому идетъ вся церковь въ дѣлѣ познанія откровенной истины. Здѣсь преданіе разсматривается, какъ источникъ дополнительный въ отношеніи къ писанію [160]). По взгляду св. Григорія, въ системѣ церковнаго вѣроученія есть много такихъ общепризнанныхъ изреченій и догматическихъ формулъ (какъ напр., непостижимость, безконечность, неизмѣнность и проч.), которыя буквально не встрѣчаются въ писаніи и потому необходимо предполагаютъ бытіе другаго, т. е. незаписаннаго, и столь же, какъ и писаніе, законообязательнаго источника вѣры, т. е. бытіе преданія, живущаго въ церкви [161]). Это догматическое преданіе св. Григорій, подобно св. Василію Великому, противополагалъ аріанскимъ толкамъ,

---

156) Слово I о Богословіи.

157) Отсюда и увѣщаніе св. Григорія, обращенные ко *всѣмъ* христіанамъ: «храните вѣру, которую *приняли* (отъ церкви), въ которой *воспитаны*, которою надѣетесь сами спастись (1 Кор 15, 1—2) и другихъ спасти (Слово 2, ч. 1, стр. 10).

158) Слово 5 о Богословіи, ч 3, стр. 84—85.

159) Достопримѣчательно, что это же самое выраженіе въ отношеніи къ ученію объ источникахъ и способахъ религіознаго знанія встрѣчается въ дѣяніяхъ св. седьмаго вселенскаго собора (Правило 1 и 2).

160) Слово 2 о Богословіи, ч. 3, стр. 29.

161) «Изъ именуемаго—иного нѣтъ, но сказано въ писаніи, другое есть, но не сказано; а иного нѣтъ, и не сказано, другое же есть и сказано» (Слово 5 о Богословіи, ч. 3, стр. 99).

возмущавшимъ «сладкій источникъ вѣры солеными водами неправославія» [162]). Этимъ преданіемъ онъ опровергалъ и возраженія евноміанъ противъ православнаго ученія о Божествѣ Святаго Духа. Евноміане говорили: «Духъ неизвѣстенъ *по писанію*», и отсюда умозаключали, что церковное ученіе ложно. Но если бы это и было такъ,—разсуждаетъ св. отецъ въ 5 словѣ о Богословіи,—то надобно помнить, что иное должно принимать за истину, хотя буквально не сказано о томъ въ писаніи. И это неписанное церковно-символическое преданіе *не новое что либо* вводитъ въ чистую область истинной вѣры, а исконное утверждаетъ и охраняетъ [163]). Отсюда, по ученію св. Григорія, точность и неизмѣняемость православно-догматическихъ формулъ. Теоретическій разумъ долженъ раскрывать *содержаніе вѣры* церковной, но *не можетъ* по своему произволу искажать и колебать его. Въ неизмѣняемой формулѣ церковнаго преданія вѣра пріобрѣтаетъ себѣ прочное ручательство за истинность и точность познанія ея человѣческимъ разумомъ. Здѣсь церковно-историческая передача самой буквы вѣроученія служитъ, по Григорію, дѣйствительнымъ условіемъ цѣлостнаго охраненіи его внутренняго смысла. Поэтому еретики, отвергая церковное преданіе, ничего не знаютъ изъ ученія христіанской вѣры [164]), хотя они и ἄγαν θεωρητικοὶ.

Особый отдѣлъ въ ученіи св. Григорія Богослова о преданіи составляетъ область употребленія преданія при богословскомъ изслѣдованіи и изъясненіи библейскаго текста. По преданію у св. Григорія совершается библейскій экзегесисъ. По свидѣтельству Руфина, онъ, подобно св. Василію Великому, смыслъ писанія объяснялъ не по собственному разумѣнію, но по руководству писаній такихъ предшественниковъ своихъ, о которыхъ нельзя было сомнѣваться, чтобы они не научились способу правильнаго разумѣнія у апостольскихъ преемниковъ, идущихъ въ непрерывной цѣпи [165]). Особенно необходимо, по св. Григорію, екзегетическое преданіе церкви въ борьбѣ съ еретиками, каковы, напр., аріане эти «софисты-игроки» (σοφισταὶ

[162]) Житіе Григорія Назіанзена, имъ самимъ написанное М. 1845, стр. 41.

[163]) Слово 5 о Богословіи, стр. 99.

[164]) «Еретики вводятся въ обманъ писаніемъ, и потому прибѣгаютъ къ плоти, не зная *образа выраженія* обычнаго писанію» (Посланіе 1 къ Каледонію, ч. 4, стр. 165).

[165]) Ист цер. кн. 2, гл. 9.

και κυβισται), державшіе Аріеву Ѳалію на ряду съ библіей, духоборы македонскіе, выдумавшіе и изложившіе въ стихахъ какой то свой «третій завѣтъ», слѣдуя которому исключали изъ Евангелія многія слова (напр. Іоан. 15, 26), аполлинаріане (σαρκόλατρα), пользовавшіеся «новой псалтырью», написанною Аполлинаріемъ, разногласившею съ Давидовою псалтырю. Объ этихъ тоеретикахъ св. Григорій говоритъ, что ани потеряли нить руководственныхъ свѣдѣній о писаніи [166]). «Иные въ отношеніи своемъ къ слову Божію подобны человѣку, у котораго бѣльмо на глазу или у котораго закрытъ слухъ. Изъ нихъ первый жалуется, что солнце не ясно, и мало даетъ свѣта, а послѣдній на то, что ему не громко говорятъ» [167]). Противъ «самаго пагубнаго единства» [168]) сектантскихъ кривотолковъ преданіе есть самое лучшее и самое убѣдительное орудіе церковной защиты.

Обобщая сказанное нами объ отношеніи св. Григорія Богослова къ преданію, мы получаемъ слѣдующіе результаты

Св. Григорій смотритъ на писаніе не какъ «на единственный источникъ и норму христіанскаго ученія и жизни», но вмѣстѣ съ нимъ ставитъ и догматическій авторитетъ устно-преданнаго апостольскаго слова, т. е. истинно-церковнаго преданія. Преданіе и писаніе неразрывны и находятся въ органическомъ взаимодѣйствіи. Преданіе «царственный путь» въ дѣлѣ познанія и утвержденія откровенной истины и вѣры. Особенно необходимо оно противъ еретиковъ. Очевидно, всѣ эти пункты въ ученіи св. Григорія Богослова о преданіи и его значеніи не новое что-либо, «теряющееся въ воздухѣ и не проникающее далѣе слуха» вводятъ въ святоотеческую гносеологію, но раскрываютъ прежнее, «глубоко врѣзавшееся» [169]) въ церковное самосознаніе и жизнь, т. е. исконное понятіе о преданіи, какъ неписанномъ источникѣ христіанскаго откровенія и вѣроученія.

17. *Святый Григорій, Нисскій* по мѣсту епископіи въ Каппадоніи († 394 г.), «отецъ отцовъ», по выраженію св. седьмаго

---

[166]) Ἔνδυρα τῆς ασεβείας ἐστὶ ἡ φιλία τοῦ γράμματος (Orat. 31, 3). Еретики «въ подтвержденіе» своего вѣрованія «берутъ апост. слово», но «только *не по апостольски* понимаютъ и изрекаютъ» (Посл. 2 противъ Аполлинарія, ч. 4, стр. 171)

[167]) Бесѣда 2

[168]) Твор. т 1, стр 237 (русск. перев).

[169]) Слово 1 на Пасху, ч. 1, стр. 5—6

вселенскаго собора, учитъ о преданіи въ полномъ согласіи съ св. Василіемъ Великимъ, братомъ своимъ, и св. Григоріемъ Богословомъ. Правда, у него нѣтъ систематически-изложенной богословной теоріи о преданіи; но за то и изъ «крупицъ золота», разсыпаннаго по вопросу о преданіи въ его самыхъ лучшихъ догматико-полемическихъ твореніяхъ (каковы, напр., λόγοι ἀντιῤῥητικοί κατ' Εὐνομίου, 12 и λόγος κατηχικὸς ὁ μέγας) можно составить нѣкоторую схему его цѣлостнаго взгляда на интересующій насъ предметъ [170]).

Подъ именемъ преданія св. Григорій Нисскій разумѣетъ все вообще христіанское вѣроученіе, происходитъ ли оно отъ устно открытаго апостоламъ слова Божія или отъ письменнаго наставленія. Библія ничѣмъ по существу не отличается отъ преданія; это только записанная часть живаго преданія, какъ бы особый видъ его. Такъ, напр., въ довольно обширномъ нравственно-философскомъ трактатѣ «*о дѣвствѣ*» (περὶ παρθενείς) св. Григорій «богодуховенное писаніе обоихъ завѣтовъ» совершенно уравниваетъ съ «Евангеліемъ и апостольскими преданіями» [171]). Очевидно, здѣсь преданіе понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, а именно какъ всеобщій источникъ божественнаго откровенія и церковной религіозной жизни. Преданіе не какой-либо «второстепенный источникъ», изъ котораго «только за недостаточностію» одного писанія почерпывается истинное ученіе, но — абсолютный источникъ откровенія и вѣры. Это весьма достопримѣчательная черта Григоріева взгляда на преданіе въ его отношеніи къ писанію.

Главнѣйшимъ основаніемъ догматической истинности и исторической достовѣрности преданія, по ученію св. Григорія Нисскаго, служитъ несомнѣнная *апостольская древность и преемственная передача* его въ церкви чрезъ св. отцовъ и учителей. Это общее православно-гносеологическое положеніе, св. Григорій, по примѣру Тертулліана, выдвигаетъ на первый планъ въ своей апологіи православной вѣры въ виду ересиковъ—аріанъ и евноміанъ. Какъ извѣстно, историческая древность религіозной истины ни мало не

---

[170]) В. *Несмѣловъ*, Догматическая система св. Григорія Нисскаго, Казань, 1887, стр. 96—108 (о руководительныхъ принципахъ въ дѣлѣ православнаго раскрытія христіанскихъ догматовъ).

[171]) с. 11

отвергалась аріанами, особенно при оцѣнкѣ ими *своего внѣбиблейскаго* преданія. А евноміане всячески старались основные пункты своего лжеученія защищать именно авторитетомъ древнѣйшихъ отцовъ церкви и очень часто указывали на ихъ пониманіе христіанскаго вѣроученія въ качествѣ главнѣйшаго доказательства въ пользу своихъ мнѣній [172]). Имѣя въ виду этотъ способъ сектантской самозащиты, св. Григорій Нисскій отъ еретиковъ, отступавшихъ отъ истины *апостольскаго* преданія въ сторону своихъ *новоизмышленныхъ* взглядовъ, требовалъ представить *то-же самое* доказательство своей вѣры, что и православная церковь, т. е. требовалъ *права апостольской давности* для ихъ ученій. Отсюда у него и необходимость церковно-православнаго утвержденія догматовъ по разуму *древнихъ* отцовъ, возведенная въ непререкаемый гносеологическій критерій истины и достовѣрности преданія и потому замѣняющая собою всякія другія «теоретическія доказательства».

Вотъ центральное мѣсто изъ IV книги знаменитаго Григоріева «*Опроверженія Евномія*», какъ нельзя лучше характеризующее святоотеческій взглядъ на эти критеріи и органы преданія.

«И Евномій пусть *сперва* докажетъ: церковь напрасно увѣровала, что дѣйствительно есть Единородный Сынъ, не по всыновленію усвоенный лжеименному Отцу, но рожденно по естеству отъ Сущаго Сущій, не отчужденный отъ естества родшаго. Пусть сперва это изобличитъ, какъ ложное, и тогда уже, разсуждая о послѣдующемъ, будетъ заслуживать вѣроятія. Но пока не доказано первое, останавливаться на второмъ есть *дѣло пустословія*. И пусть никто отъ меня не требуетъ и признаваемое нами (т. е. церковно-догматическое ученіе о Сынѣ Божіемъ) подтверждать доказательствомъ; ибо *въ доказательство нашего ученія достаточно имѣть отъ отцевъ дошедшее къ намъ преданіе, какъ нѣкое наслѣдство, сообщаемое по порядку отъ апостоловъ чрезъ послѣдующихъ святыхъ*. Но прелагающіе догматы въ сей (т. е. еретическій) *новый видъ* возъимѣютъ нужду въ великомъ пособіи умствованій, если вознамѣрятся приводить на свою сторону людей не мятущихся, какъ прахъ и непостоянныхъ, но степенныхъ и твердыхъ умомъ. А пока

[172]) См. особенно «Апологію» Евномія (гл. 7, 15, 25).

предлагается имъ не утвержденное и недоказанное слово, кто будетъ столько простъ и несмыслепъ, чтобы *ученіе евангелистовъ, апостоловъ* и послѣ нихъ просіявшихъ въ церкви мужей признать слабѣйшимъ недоказаннаго пустословія» [173]).

Ясно выраженный въ этихъ словахъ общецерковный гносеологическій критерій—вполнѣ убѣдительное доказательство догматической истины и исторической достовѣрности апостольскаго преданія. Какова сила этого критерія была въ первые три вѣка, такой же она осталась и для IV вѣка, и особенно для св. Григорія Нисскаго, въ его борьбѣ съ *новыми* еретиками [174]). Ученіе, не имѣющее *никакой опоры* въ апостольской древности и въ святоотеческомъ преданіи, есть не церковное, т. е. не истинное, а еретическое. Это абсолютная сторона разсматриваемаго правила св. Григорія Нисскаго. Здѣсь церковно-іерархическое преемство служитъ убѣдительнѣйшимъ *опытнымъ* доказательствомъ и существеннымъ подкрѣпленіемъ православно-догматическаго преданія. Очевидно, здѣсь преданіе разсматривается, какъ живой принципъ и органъ преемственной передачи истиннаго духа апостольскаго ученія въ церкви Христовой. Поэтому, тѣ люди, которые хотятъ церковный *догматъ* перемѣнить на *новыя* мнѣнія о вѣрѣ не имѣютъ «достаточныхъ основаній» и не могутъ представить «разумныхъ доказательствъ» въ свое оправданіе: у нихъ одно «софистическое пустословіе». Отсюда выводъ: всѣ, не желающіе быть людьми легкомысленными въ вѣрѣ, а желающіе пребывать серьезными и стойкими въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ (а таковы всѣ православные христіане) должны всегда руководствовать *ученіемъ вѣры*, непрерывно продолжающимъ жить и раскрываться въ *истинной церкви* по преданію. Такова опредѣленная формула, въ которую облекается аргументъ отъ преданія у св. Григорія Нисскаго, насколько онъ имѣетъ въ виду интересы истинно-христіанской древности.

Какъ у всѣхъ св. отцовъ, и у св. Григорія Нисскаго истинно-религіозное уваженіе къ преданію, равно какъ и къ писанію, всецѣло покоится на непогрѣшимомъ авторитетѣ церкви. Это—conditio

---

[173]) Твор. ч. 5, М. 1863, стр. 473—474 (Edit Migne II. 654).

[174]) Мы считаемъ недоказаннымъ мнѣніе, будто «этотъ критерій былъ *дѣйствительно* достаточенъ для временъ св. Иринея и далеко *не былъ достаточенъ* въ

sine qua non догматико-исторической основы для источниковъ христіанскаго откровенія и вѣры. «Кто во всемъ имѣетъ учительницею церковь,—говоритъ св. отецъ въ своемъ догматическомъ твореніи «*Объ устроеніи человѣка*»,—для того нѣтъ никакой нужды въ посторонемъ голосѣ; ибо таковъ *законъ* для духовныхъ овецъ, по слову Господню, чтобы онѣ не слушали *чуждаго гласа*» (Іоан. 10, 5) [175]). Въ антицерковномъ еретичествѣ рѣзко раздается и глухо слышится *чуждый гласъ* богоборнаго невѣрія «изобрѣтателей лукавыхъ ересей» [176]). Еретичество — это лукавое самозванство, «своя церковь» [177]), а еретическая религіозная вѣра—сектантскія предубѣжденія, «свои догматы» [178]). Только церковь есть истинная хранительница и наставница божественнаго откровенія и вѣроученія, а преданіе, живущее въ ней, есть истинное λόγος κατηχητικός ὁ μέγας, вселенски-церковное *огласительное слово* истины Божіей,—скажемъ такъ, пользуясь заглавіемъ одного изъ наилучшихъ догматическихъ твореній св. Григорія Нисскаго.

Въ связи съ непогрѣшимостію церкви стоитъ у св. Григорія Нисскаго богословскій вопросъ о *неизмѣняемости и неизмѣнности догматическаго преданія*—не только со стороны его содержанія, но и со стороны его церковной формулы. Этотъ вопросъ у него изложенъ довольно подробно и обстоятельно въ полемическихъ цѣляхъ, особенно противъ евноміанъ, этихъ нечестивыхъ любителей «тонкихъ діалектическимъ споровъ» о вѣрѣ.

У еретиковъ евноміанъ въ большомъ ходу было «діалектическое искусство (ἡ τοῦ Ἀριστοτέλους κακοτεχνία), т. е. софистическая игра догматическими формулами и библейскими текстами. Это были «лжебогословствующіе софисты», по мѣткому замѣчанію св. Григорія Нисскаго. Они, по своему произволу, въ «душевномъ недугѣ, отъ котораго изнемогали въ дѣлѣ вѣры» [179]), выбирали, повидимому,

---

IV вѣкѣ» (В Несмѣловъ стр 103). Убѣдительная сила этого критерія основана на всецерковной *вѣрѣ* въ преданіе и святоотеческій авторитетъ. А вѣра эта была всегда одна и та же; одинаковы были и основные элементы ея истинности и достовѣрности.

175) Гл 30, ч. 5, стр 204 (рус. перев. Москов Д. Акад. 1861)

176) Опроверженіе Евномія, кн 2, стр. 265 (М. 1863).

177) Тамъ-же, кн. 1, стр. 72.

178) Тамъ-же, стр. 46.

179) Тамъ-же, стр. 14.

подходящіе для нихъ библейскіе тексты и слова, переставляли ихъ, перемѣняли или подставляли отдѣльныя буквы, связывали своими «пояснительными вставками», и вотъ у нихъ истинная мысль православно-церковнаго преданія затемнялась, чистота апостольской вѣры искажалась. Отсюда «*пустыя* рѣчи» у еретиковъ и чрезмѣрное стремленіе злостной «гангрены ереси», какъ можно больше распространиться и внести ядъ заразы въ здравое ученіе вѣры. Въ видахъ предотвращенія такой опасности необходимо «исправлять вредныя мнѣнія» и «ниспровергать безразсудныя и ошибочныя мысли еретиковъ» [180]). Здѣсь преданіе ничѣмъ незамѣнимый догматико-каноническій источникъ и абсолютная норма. Въ немъ истинное исправленіе или совершенное ниспроверженіе анти-христіанскихъ ересей и достовѣрное «свидѣтельство открытой намъ истины» [181]).

Преданіе, какъ общепризнанный глаголъ церковный, охраняетъ писаніе въ цѣлости его догматической истины и исторической жизни. Библейскій текстъ неприкосновененъ. Божественное *слово* писанія не должно подлежать никакимъ замѣнамъ, сокращеніямъ и прибавленіямъ; ибо оно есть нерушимое «правило истины» (κανὼν ἀλήθειας) и неизмѣнный «законъ вѣры» (νόμος εὐσεβείας). А «христіанская вѣра, всѣмъ народамъ, по повѣленію Господа, проповѣданная учениками, *ни отъ человѣкъ есть, ни человѣки, но* Самимъ Господомъ нашимъ *Іисусомъ Христомъ* (Гал. 1, 1) изложена, когда онъ сказалъ: *шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*» (Мат. 28, 19). Отсюда сама собою ясна мысль св. Григорія о цѣлостномъ сохраненіи библейской буквы догматическихъ формулъ. Слово писанія православнымъ христіанамъ должно содержать «благочестно» (религіозно), съ полнымъ довѣріемъ и благоговѣніемъ въ истинѣ Божіей, «чтобы люди думали впредь о Сущемъ, не своими водясь сужденіями, и по различнымъ догадкамъ составляющіяся у нихъ понятія (о вѣрѣ) обращая въ догматъ, а. напротивъ того, убѣдившись, что Богъ истинно явился въ плоти, *увѣровали* въ ту одну истинную тайну благочестія, которая *предана намъ* Самимъ Богомъ Словомъ, *глаголавшимъ Сво-*

---

[180]) См. *В. Несмѣловъ*, стр. 44.

[181]) Опроверженіе Евномія, кн. 2, стр. 265.

ими устами апостоламъ» [182]). Точнѣе, чѣмъ въ *божественномъ* писаніи, нельзя выразить открытаго въ немъ догматическаго преданія, а потому, по мысли св. Григорія, всякая замѣна богодухновенныхъ изреченій есть уже искаженіе истины и должна быть осуждаема, какъ нравственное преступленіе. «Мы до буквы хранимъ (проповѣданную Христомъ и апостолами вѣру),—говоритъ онъ,—какъ приняли, чистою и неизмѣненною: признавая крайнею хулою и нечестіемъ даже малое извращеніе преданныхъ реченій (словъ)... Такъ какъ сія вѣра передана апостоламъ отъ Бога, то не дѣлаемъ въ ней ни сокращенія, ни измѣненія, ни прибавленія, ясно зная, что осмѣливающійся извратить божественное слово злонамѣренными лжеумствованіями есть отъ отца своего діавола,. который, оставивъ слова истины, сталъ отцомъ лжи, и *отъ своихъ глаголетъ* (Іоан. 8, 44). Ибо *все, что говорится не по истинѣ*, безъ сомнѣнія, *есть ложь и неправда.* Итакъ, поелику ученіе сіе (т. е. христіанское) излагается самою Истиною, то, если изобрѣтатели лукавыхъ ересей придумываютъ что-либо въ опроверженіе божественнаго сего слова, мы все это именуемъ отрицаніемъ открытаго намъ въ этомъ ученіи Божества и преступленіемъ. Ибо однажды навсегда научены мы Господомъ, на что надлежитъ обращать вниманіе мысли... Посему утверждаемъ, что страшно и пагубно перетолковывать божественные сіи глаголы и отыскивать придумываемые къ ихъ опроверженію, какъ-бы въ исправленіе Бога—Слова, узаконившаго намъ принимать глаголы сіи съ вѣрою. Ибо каждое изъ сихъ названій, понимаемое въ свойственномъ ему значеніи, для христіанъ служитъ правиломъ истины и закономъ благочестія» [183]). Никто кромѣ гордыхъ и дерзновенныхъ еретиковъ, отвергавшихъ преданіе церкви и «какъ бы исправлявшихъ евангельскія изрѣченія», «не рѣшался собственныя свои понятія сдѣлать предпочтительнѣйшими именованій, преданныхъ намъ въ божественномъ словѣ» [184]. Откровенная истина *для того* и передана церкви въ такихъ именно, а не въ иныхъ словахъ, чтобы ей «не замѣняться сектантскою новизною», а нерушимо сохраняться и оберегаться въ ней при помощи истиннаго преданія.

---

[182]) Тамъ-же, стр. 264 –265

[183]) Тамъ-же, стр. 265—266

[184]) Тамъ-же, кн. 5, стр. 70– 71.

«Если бы,—говоритъ св. Григорій,—выразиться такъ (какъ выражается «антихристъ» Евномій) было бы сообразнѣе съ дѣломъ (вѣры), то Истина, безъ сомнѣнія, не затруднилась бы въ изобрѣтеніи сихъ словъ, не затруднились бы, конечно, и пріявшіе потомъ на себя проповѣдь таинства, и *исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (Луки 1, 2), а послѣ ихъ цѣлую вселенскую наполнившіе *евангельскими догматами*, и опять послѣ сего по временамъ возставшія недоумѣнія о догматѣ, разбиравшіяся на общемъ (вселенскомъ) соборѣ, *записанныя преданія* которыхъ всегда сохраняются въ церквахъ» [185]).

Православно-церковное храненіе библейскаго *текста*, особенно въ его догматико-символическихъ формулахъ, нужно для цѣлостнаго охраненія единаго подлиннаго *смысла* писанія путемъ преданія; ибо «*письмя убиваетъ, а духъ животворитъ*» (2 Кор. 3, 6) [186]). Ссылки на писанія необходимы относительно догматовъ вѣры. [187]). Но и на сторонѣ еретиковъ была «буква писанія», т. е. «библейская аргументація», а истинно-духовнаго пониманія библіи не было. Поэтому св. Григорій предлагаетъ на обсужденіе существенно важный вопросъ: «не отъ реченій ли и произношенія терпитъ опасность (отъ еретиковъ) непоколебимость вѣры, а *о точности въ смыслѣ нѣтъ и слова*» (т. е. у противниковъ церкви)? [188]) Отрицая преданіе, еретики пользуются *отдѣльными словами* библіи и, нисколько не заботясь о передачѣ ихъ по внутреннему смыслу, подвергаютъ такимъ образомъ опасности самую твердость вѣры всецерковной. Такъ, напр., аріане отрывочно приводили въ свою пользу Притч. 7, 22 и изъясняли въ смыслѣ ученія о тварномъ бытіи Сына Божія, какъ Премудрости Божіей, съ цѣлію подорвать на основаніи этого текста главнѣйшіе доводы защитниковъ православія, указывавшихъ на Іоан. 1, 1, гдѣ выражается вся сущность истинной вѣры въ совершеннѣйшее Божество Іисуса Христа. И вина Евномія со-

---

185) Тамъ-же, стр. 71.

186) Точное изъясненіе Пѣсни Пѣсней Соломона, ч. 3 (предисловіе), стр 4—5 (М. 1862)

187) О душѣ и воскресеніи, ч. 4, стр. 233. 234 (М. 1862).

188) Τί γὰρ μὴ ἐν ῥήμασι καὶ προφορᾷ τὸ ἀσφαλες κυνδενεύει τῆς πίστεως, τῆς δε κατὰ τὴν διάνοιαν ἀκριβείας λόγος οὐδείς (Contr Eunom. lib. I, op. t. II, col. 41713; Твор. ч. 5, стр 205).

стояла не въ томъ, будто онъ не провѣрялъ своей антицерковной доктрины и діалектическихъ умозаключеній о вѣрѣ свидѣтельствами писанія, а въ томъ, что онъ *невѣрно*, не по всецерковному смыслу *провѣрялъ* ихъ, т. е. понималъ писаніе не такъ, какъ слѣдовало бы его понимать по разуму церкви вселенской. По мысли св. Григорія Нисскаго, въ самомъ писаніи безъ преданія церковнаго нельзя найти единаго подлинно-христіанскаго разумѣнія библейскаго текста. Буква писанія сама по себѣ безмолвна и толковать ее можно, какъ угодно. Отсюда *одна и таже* библія *различно* понимается православными и еретиками. Поэтому, въ необходимую помощь писанію въ дѣлѣ обоснованія и раскрытія основныхъ догматическихъ истинъ должно прійти апостольское преданіе, сохраненное и сохраняемое въ церкви, особенно св. отцами. Къ отцамъ древней церкви, этимъ непосредственнымъ ученикамъ и преемникамъ апостоловъ, должно обращаться за безусловно истиннымъ истолкованіемъ писанія. Здѣсь вѣрное рѣшеніе всѣхъ споровъ о библіи и о вѣрѣ въ нее. Здѣсь животворный духъ откровенной истины и непосредственное выраженіе истинной вѣры церковной. Это обще-православная черта въ ученіи св. Григорія Нисскаго о преданіи, насколько оно раскрывается въ непогрѣшимомъ разумѣ древнихъ отцовъ и учителей церкви.

Съ признаніемъ точности и неизмѣняемости библейскаго вѣроученія по буквѣ и по духу въ его цѣлостномъ единствѣ, у св. Григорія Нисскаго стоитъ вопросъ о сохраненіи и о свидѣтельствованіи при помощи преданія догматическихъ вѣроопредѣленій вселенской церкви. Здѣсь преданіе разсматривается, какъ источникъ, существенно дополняющій и разъясняющій писаніе. Въ своей полемикѣ съ Евноміемъ св. Григорій, по руководству преданія, обращаетъ особое вниманіе на извращеніе аріанами церковныхъ понятій: «*нерожденный*» (о Богѣ Отцѣ) и «*рожденный*» (о Богѣ Сынѣ). Какъ извѣстно, Евномій понималъ эти слова съ точки зрѣнія своей сектантской «теоріи именъ», т. е. въ смыслѣ выразителей сущности Бога Отца и Сына Божія. А между тѣмъ по преданію церкви эти слова обозначаютъ только личныя свойства Отца и Сына. Отъ *ложнаго* пониманія аріанами этихъ словъ зависѣло *еретическое* пониманіе основоположительнаго догмата церкви о Богочеловѣчествѣ Іисуса Христа. Чтобы уничтожить всяческое сектантское «разномысліе»

и утвердить истину православнаго вѣроученія, св. Григорій Нисскій поставляетъ догматико-гносеологическимъ правиломъ употреблять *спорныя слова* въ ихъ общепризнанномъ (въ церкви) смыслѣ, а иначе-каждый станетъ придумывать для извѣстныхъ словъ и изреченій церковно-библейскихъ свой особый смыслъ, свое особое объясненіе, и никогда нельзя будетъ прійти къ «единству вѣры», догматическія разногласія будутъ безконечными, какъ это и показалъ уже печальный опытъ еретиковъ, произвольно извращавшихъ догматы и потому все болѣе и болѣе разногласившихъ съ церковію и, наконецъ, отдѣлившихся отъ нея. «Возглашающій противное признанному вообще всѣми оправдывается ли въ томъ, за что его обвиняютъ (т. е. за нововеденіе, за сектантское реформаторство и безчиніе), или еще болѣе навлекаетъ на себя гнѣвъ слушателей и становится злѣйшимъ обвинителемъ себя самого? Я,—рѣшаетъ св. Григорій,—утверждаю послѣднее» [189]). Противникъ догматическихъ вѣроопредѣленій церкви, созидаемыхъ и охраняемыхъ преданіемъ, подлежитъ тяжкому осужденію, какъ отвергающій голосъ самой истины Божіей. Св. Григорій Нисскій похваляетъ своего брата св. Василія Великаго за то, что онъ не согласился на предложеніе ариансствовавшаго императора Валента выпустить употребленное въ «изложеніи вѣры» на Никейскомъ соборѣ небиблейское слово (ἄγραφος λόγος): ὁμοούσιος, и въ этомъ отношеніи считаетъ его образцомъ истинно-вѣрующаго христіанина [190]). И самъ Григорій, полемизируя противъ тѣхъ же самыхъ евноміанъ, съ которыми боролся св. Василій Великій, равно какъ и св. Григорій Богословъ, ссылается на догматическое ученіе преданія для доказательства истины единосущія Сына Божія со Отцемъ въ томъ же самомъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ она была утверждена на Никейскомъ соборѣ. По преданію онъ учитъ о преложеніи Святыхъ Даровъ въ таинствѣ Евхаристіи, совершаемомъ *словомъ* и молитвою, какъ св. Василій Великій [191]). Въ *Катихизисѣ*, по собственнымъ словамъ Григорія, составленномъ для наставленія въ томъ, какъ надобно дѣйствовать при обращеніи язычниковъ и іудеевъ, и какъ при опроверженіи ереги-

---

[189]) Твор. ч 5, стр. 39.
[190]) Тамъ-же, стр 64.
[191]) *Филаретъ*, II, стр. 150.

ковъ, преданію (λόγος) отведено широкое мѣсто какъ въ теоріи религіознаго познанія, такъ и въ практикѣ церковной жизни [192]).

Таковы существенныя черты православнаго ученіе св. Григорія Нисскаго о преданіи и его употребленіи. Онѣ,—что очевидно,—коренятся въ общей связи и въ общемъ сходствѣ съ ученіемъ св. Василія Великаго и св. Григорія Богослова о томъ же предметѣ. Разница только въ томъ, что св. Григорій Нисскій нѣсколько яснѣе и выразительнѣе выдвигаетъ формально-гносеологическое значеніе преданія. Съ этой стороны преданіе есть вѣчно-живое всецерковное самознаніе или истинно-догматическій разумъ церкви, говорящей и учащей чрезъ св. отцовъ, преемниковъ апостольскихъ. Преданіе—никогда неизмѣняемый догматическій источникъ и руководительное начало не только по содержанію, но и по формѣ всецерковнаго ученія о вѣрѣ, раскрывающагося въ немъ, а именно въ святоотеческомъ разумѣ. И такой взглядъ на церковно-іерархическій авторитъ преданія не что-либо новое или иное привноситъ въ святоотеческую теорію христіанскаго знанія о вѣрѣ, а только болѣе подробно, сообразно съ особыми полемическими цѣлями и задачами, раскрываетъ искони-православный взглядъ на органы и способы историческаго распространенія и утвержденія откровенія Божія въ церкви Христовой.

18. *Святый Іоаннъ Златоустъ* († 407 г.), архіепископъ Константинопольской апостольской церкви, «величайшій свѣтильникъ міра», «столпъ церкви», «свѣтъ истины», «труба Христова» [193]), занимаетъ особое мѣсто въ ряду греко-восточныхъ отцовъ и учителей по своему ученію о преданіи и его значеніи. Особенность эта состоитъ въ томъ, что онъ во многихъ отношеніяхъ пополняетъ и раскрываетъ древне-отеческія мысли объ абсолютной необходимости преданія въ дѣлѣ истиннаго познанія христіанскаго откровенія и вѣры, точнѣе и обстоятельнѣе изслѣдуя вопросъ о взаимодѣйствіи преданія и писанія. Главнѣйшимъ источникомъ ученія Златоуста о преданіи служатъ его экзегетическія творенія. Утвержденіе и защита православной вѣры въ неписанный источникъ откровенія Божія и жизни церковной ведутся у него отчастидогматически, отчасти полемически.

---

192) Тамъ-же, стр. 149.

193) Тамъ же, § 172, стр 227.

Исходнымъ пунктомъ православнаго догмата о преданіи у св. Іоанна Златоуста служитъ ученіе объ изначальной древности и всеобщности предания, какъ богооткровеннаго (религіознаго) источника. Отсюда уже съ логическою необходимостію выводится мысль объ абсолютной догматико-канонической важности преданія при писаніи въ дѣлѣ христіанскаго откровенія и вѣры.

Божественное откровеніе «испервa» возвѣщено для всѣхъ людей не при помощи письменныхъ знаковъ, а единственно при помощи слова и живаго примѣра его первоначальныхъ провозвѣстниковъ и хранителей. Съ этой стороны непосредственное преданіе, очевидно, лежитъ въ самой основѣ христіанскаго вѣроученія, какъ матеріальный источникъ и формальный гносеологическій принципъ. Здѣсь особо оттѣняется значеніе предания, какъ *единственнаго* способа историческаго сообщенія и распространенія божественнаго откровенія и вѣры религіозной. Преданіе не случайно (per accidens), а въ силу необходимости предшествуетъ писанію. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ внутренней природѣ откровеннаго слова Божія и было бы единственнымъ источникомъ церковной вѣры и жизни, если бы грѣхопаденіе людей не сдѣлало необходимою письменную передачу. При такомъ взглядѣ самъ собою рѣшается вопросъ о томъ, *почему* не все откровеніе Божіе было записано его провозвѣстниками, а только нѣкоторая часть его. Отсюда и логическій выводъ, что преданіе, какъ всеобъемлющій органъ божественнаго откровенія, никогда незамѣняется писаніемъ, а есть вѣчно-текущій въ церкви Христовой источникъ истинной вѣры и жизни Божіей.

Всѣ эти мысли о преданіи какъ бы нарочито суммируются въ слѣд. мѣстѣ первой Бесѣды св. Іоанна Златоуста на ев. Матоея. «По настоящему намъ не слѣдовало бы имѣть никакой нужды въ помощи писанія, а вести жизнь столь чистую, чтобы *вмѣсто книгъ* служила душамъ нашимъ благодать Духа (Святаго), и какъ тѣ чернилами, такъ сердца наши всѣ исписаны были Духомъ. Но ноелику мы отринули сію благодать, то не оставимъ хотя *второго пути*. А что *первый (путь)* былъ точно лучше, сіе Богъ показалъ и въ словахъ и въ дѣлахъ Своихъ. Ибо съ Ноемъ, съ Авраамомъ и его потомками, а также съ Іовомъ и съ Моисеемъ *не посредствомъ писанія* бесѣдовалъ Онъ, а Самъ чрезъ Себя, находя умъ

ихъ чистымъ. Когда же весь Еврейскій народъ низпалъ въ самую глубину нечестія, тогда уже необходимыми сдѣлались писаніе, скрижали, и наставленіе чрезъ нихъ. И это, какъ извѣстно, было на дѣлѣ не съ ветхозавѣтными только святыми, но и съ новозавѣтными. Ибо и *апостоламъ не предано Богомъ ничего писаннаго*, а вмѣсто писанія обѣщана благодать Духа (Святаго). *Той*, сказалъ Онъ имъ, *воспомянетъ вамъ вся* (Іоан. 14, 26). А чтобы ты зналъ, что сіе было гораздо лучше, послушай, что Онъ говорилъ чрезъ пророка: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я, и будутъ вси научени Богомъ* (Іер. 31, 31—34; Іоан. 6, 45). И Павелъ, показывая сіе превосходство одного предъ другимъ, говоритъ, что онъ получилъ законъ, написанный *не на скрижаляхъ каменныхъ, но на скрижаляхъ сердца плотяныхъ* (2 Кор. 3, 3). Но когда, по прошествіи многаго времени, иные уклонились отъ истиннаго ученія, другіе отъ чистоты жизни и нравственности; тогда опять сдѣлалось *необходимымъ письменное наставленіе*. Итакъ размысли, сколь безразсудно будетъ, если мы, которые должны жить въ такой чистотѣ, чтобы не имѣть нужды въ писаніи, а вмѣсто книгъ представлять Духу сердца; если мы, потерявъ это достоинство и возъимѣвши нужду въ писаніи, не воспользуемся, какъ должно, этимъ *вторымъ врачествомъ* [194]). Ибо, если уже достойно обвиненія то, что мы имѣемъ нужду въ писаніи, а не привлекаемъ къ себѣ благодать Духа; то какому осужденію подвергаемся, если не захотимъ употреблять въ свою пользу и этого пособія, но еще будемъ презирать писаніе какъ напрасное и ненужное, и такимъ образомъ привлекать на себя большее наказаніе? [195]).

---

[194]) Ἐννόησον οὖν ἡλίκον ἐστὶ κακὸν, τοῖς οὕτως ὀφείλοντας ζῆν καθαρῶς, ὡς μηδὲ δεῖσθαι γραμμάτων, ἀλλ' ἀντὶ βιβλίων παρέχειν τὰς καρδίας τῷ πνεύματι, ἐπειδὴ τὴν τιμὴν ἀπωλέσαμεν ἐκείνην καὶ κατέστημεν εἰς τὴν τούτων χρείαν, μηδὲ τῷ δευτέρῳ πάλιν κεχρῆσθαι φαρμάκῳ εἰς δέον.

[195]) *Св. Исидоръ Пелусіотъ*, ученикъ св. Іоанна Златоуста для Египта, дѣлаетъ только перифразъ этихъ словъ: «Съ древними бесѣдовалъ Богъ не посредствомъ письменъ, но *самолично*, находя въ нихъ сердце чистое и способное къ ученію и безъ посредника. И сіе явствуетъ изъ того, что *безъ посредства письменъ* бесѣдовалъ и съ Ноемъ, и съ Авраамомъ, и съ достославными его потомками, изъ которыхъ одинъ сталъ первовер\овнымъ, сокрушилъ всю силу діавола, и стрѣлы его истребилъ, и колчанъ сдѣлалъ пустымъ, разумѣю приснопамятнаго Іова Но

Безъ сомнѣнія, это мѣсто наиболѣе выразительно опредѣляетъ внутренній строй и систематическую цѣлостность святоотеческаго взгляда на преданіе, хотя оно еще не достаточно полно оцѣнено въ нашей богословской наукѣ Здѣсь гораздо яснѣе и всестороннѣе, чѣмъ у другихъ отцовъ, утверждается неопровержимое доказательство абсолютной важности преданія, какъ богооткровеннаго источника, существующаго въ церкви не въ противность письменному изложенію христіанскаго вѣроученія, а въ полное соотвѣтствіе библейской истинѣ и въ необходимое дополненіе ея. Для насъ оно особенно драгоцѣнно при рѣшеніи вопроса о взаимодѣйствіи преданія и писанія, по ученію св. Іоанна Златоуста.

По смыслу этого мѣста видно, что христіанское ученіе вѣры и жизни, по первоначальному своему происхожденію и историческому способу передачи, необходимо идетъ отъ преданія, а не отъ писанія, отъ *живаго слова* Божія, а не отъ *книжнаго* ученія, т. е. не чрезъ внѣшнюю букву записаннаго наставленія, а при помощи непосредственнаго откровенія Божія и изустнаго его провозвѣстія. Преданіе—древнѣйшій и первоначальный способъ и источникъ распространенія и утвержденія истины Божіей во *вселенской* церкви. Изначала данъ былъ для церкви *внутренній законъ* устнаго и живаго преданія, т. е. неписанное свидѣтельство живоноснаго слова и дѣла Божія. И истина откровеннаго ученія и жизни была написана въ сердцахъ и мысляхъ истинно-вѣрующихъ и чтущихъ Бога. Здѣсь

когда жалкій народъ іудейскій снисшелъ въ самую глубину порока, тогда уже необходимыми признаны письмена и *напоминаніе посредствомъ письменъ*. А если думаешь, что было это въ Ветхомъ только Завѣтѣ, въ Новомъ же не установлено; то скажу, что гораздо еще болѣе оказывается это и въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо и богомудрымъ апостоламъ не письменное что-либо дано, но вмѣсто письменъ обѣтована благодать Святаго Духа. Ибо сказано *Той воспомянетъ вамъ вся* (Іоан 4, 126) Если же думаешь, что *писанные законы* важнѣе неписанныхъ, то послушай, что говоритъ самъ Царь: *завѣщаю* имъ *завѣтъ новъ, дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я* (Іер. 31, 31, 33). *И будутъ вси научены Богомъ* (Іоан 6, 45) Почему и Павелъ, утверждая, что ввѣрено намъ больше, нежели Моисею,, сказалъ, что мы приняли законъ, не на *скрижаляхъ каменныхъ* написанный, но на скрижалѣхъ сердца плотянныхъ напечатлѣнный (2 Кор. 3, 3). Кто пренебрегаетъ его, тотъ не камнями будетъ побитъ по закону ветхому, но преданъ жесточайшему мученію. Но поелику время стремится и бѣжитъ, подобно быстротечному коню, и одни преткнулись въ догматахъ, а другіе въ жизни, то опять стало необходимо нужнымъ *исправленіе при помощи письменъ*. По причинѣ нарушенія законовъ неписанныхъ Соблаговоливший всѣми способами

преданіе одновременно и истинный глаголъ Божій, и церковно-религіозное сознаніе его (субъективная сторона). Такъ именно божественное откровеніе и истинная вѣра въ него первоначально распространялись и утверждались въ Ветхомъ Завѣтѣ (Ной, Авраамъ, Іовъ и Моисей). Но не всѣ люди слушались гласа богопреданной вѣры, извращали его требованія и, проводя жизнь грѣховную, заглушали въ себѣ его внутреннее свидѣтельство. Тогда нужно было напомнить имъ объ откровенной истинѣ и внѣшнимъ образомъ, т. е. посредствомъ письмени. Но это уже есть «второй путь» откровенія и жизни Божіей въ церкви ветхозавѣтной, «второе врачевство», не исключающее, конечно, «перваго», а, напротивъ, даже его необходимо предполагающее для своего полнаго осуществленія. Тоже самое понятіе о преданіи въ его историческомъ происхожденіи и значеніи должно удержать, по ученію св. Іоанна Златоуста, и относительно новозавѣтнаго откровенія и христіанской церкви. Господь Іисусъ Христосъ Свое новое ученіе писалъ въ мысляхъ и сердцахъ человѣческихъ, т. е. непосредственно, подобно тому какъ въ первобытное время, до Моисея, Богъ училъ патріарховъ «усты ко устамъ». Весь христіанскій міръ—богонаученъ (Іер. 31, 31, 34; Іоан. 6 45). Вся вселенская церковь Христова—богодухновенная носительница божественнаго преданія. Поэтому и всѣ христіане *всегда* довольствовались бы однимъ преданіемъ, если бы только *навсегда* остались непоколебимыми въ исповѣданіи всецерковной вѣры и чистыми

возводить послушныхъ къ добродѣтели, по справедливости, обратился къ законамъ писаннымъ» (Письма, кн. 2, письмо 196; Твор ч. М. 1860, стр. 158—159). То же самое читаемъ и въ переложеніи блаж. *Θеофилакта Болгарскаго*, это пламеннаго комментатора св. Златоуста. «Божественные мужи, жившіе до закона, учились не изъ писаній и книгъ, но, имѣя чистый умъ, просвѣщались озареніемъ всесвятаго Духа и, такимъ образомъ, познавали волю Божію изъ бесѣды съ ними Самаго Бога *усты ко уста* Таковъ былъ Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іовъ, Моисей. Но когда люди испортились и сдѣлались недостойными просвѣщенія и озаренія отъ Святаго Духа, тогда человѣколюбивый Богъ далъ писаніе, дабы, *хотя при помощи его*, помнили волю Божію. Такъ и Христосъ сперва *Самъ лично бесѣдовалъ съ апостолами* и (послѣ) послалъ имъ въ учителя благодать Святаго Духа. Но какъ Господь предвидѣлъ, что впослѣдствіи возникнутъ ереси и наши нравы испортятся: то Онъ благоволилъ, чтобъ написаны были евангелія, дабы мы, научаясь изъ нихъ истинѣ, не увлеклись еретическою ложью и чтобы наши нравы не испортились совершенно (Толкованіе на ев. Матѳея, ч. I, стр 1—2, Казань, 1885). См. ссылку на эти мѣста у *Ст. Яворскаго*, Камень вѣры, ч. I, кн. 4, стр. 19—24 и *Иннокентія* въ Богослов Обличит, Ш, стр. 133—135.

по жизни, сообразной съ этою вѣрою. «Ибо, вѣрующій, какъ должно, и твердый въ вѣрѣ не нуждается ни въ доказательствѣ, ни въ причинѣ того, что заповѣдуется ему, а довольствуется однимъ преданіемъ» [196]). Писаніе является въ церкви уже только послѣ преданія, и не для отмѣны его, а для большаго книжнаго утвержденія и укрѣпленія его въ религіозномъ сознаніи и жизни всѣхъ христіанъ. Весь этотъ ходъ мыслей св. отца напоминаетъ намъ взглядъ св. Иринея Ліонскаго на отношеніе преданія къ писанію и авторитету церкви [197]).

Святоотеческое понятіе о преданіи выткаетъ не только изъ цѣли писанія, но и изъ объективнаго содержанія христіанскаго откровенія. Въ писаніи не все содержится, что открыто Богомъ церкви для ея вѣчной жизни. Нѣтъ Евангелія написаннаго божественною рукою Самаго Іисуса Христа. Христосъ принесъ людямъ не одно ученіе, хотя «оно несравненно возвышеннѣе ученія философовъ» [198]), но и божественную *жизнь* и ей научилъ апостоловъ, а апостолы—всю церковь. Поэтому и дѣло преданія Христова въ церкви—не ученіе только сообщать и созидать, но всецѣло передать и въ совершенствѣ сохранить эту загорѣвшуюся со Христомъ духоносную жизнь, т. е. то именно, что не включается ни въ какое книжное слово и не ограничивается никакими письменными знаками.

На вопросъ: «гдѣ же та *книга Христова*, которая очищала души самихъ учениковъ Христовыхъ», св. Іоаннъ Златоустъ отвѣтствуетъ: «*апостолы* сами были *живыми книгами Новаго Завѣта*, какъ сказано: *яко вселюся въ нихъ, и похожду*» [199]). «Я могу доказать,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что апостолы отъ Христа ничего не приняли въ письмени, но все приняли въ сердца Духомъ Святымъ» [200]). «Ибо они не съ горы сошли, неся въ рукахъ каменныя доски, подобно Моусею: но обнося въ душахъ

---

[196]) Бесѣда 26 на 1 посланіе къ Кор въ изъясненіе словъ. *хвалю вы братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданіе держите* (СПБ. 1858, ч. 2, стр. 61).

[197]) Противъ ересей, кн. III, гл. 4.

[198]) Бесѣда I на Ев. Матѳея (М. 1886, ч. I стр. 12)

[199]) На посл къ Евр Бес 16, § 2 (см. ссылку у *проф. А. А. Олесницкаго*, Руководственныя свѣдѣнія о св. писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта; СПБ. 1894, стр. 131).

[200]) На посл. къ Евр. Бес 14, § 2 (тамъ-же).

своихъ Духа, и заключая въ себѣ нѣкое сокровище и источникъ догматовъ, даровъ духовныхъ и всякихъ благъ, они проходили всюду, бывъ по благодати Божіей *одушевленными книгами и законами*»[201]). Здѣсь то находится достаточное объясненіе того, почему всѣ апостолы принимали непосредственное участіе въ устномъ распространеніи и утвержденіи слова Божія. Богодухновенный вообще не мыслимъ пишущимъ[202]). Письменно дѣйствовали только нѣкоторые изъ апостоловъ, и то по особымъ побужденіямъ. Здѣсь у св. Іоанна Златоуста стоитъ особый (исагогическій) вопросъ объ *историческихъ* поводахъ къ написанію библейскихъ книгъ, имѣвшихъ осязательное вліяніе на самый составъ и содержаніе ихъ. Св. Іоаннъ Златоустъ особенно поставляетъ на видъ то обстоятельство, что не всѣ Евангелія писали только апостолы и ученики Христовы. «При столь великомъ числѣ учениковъ Іисуса Христа, писали Евангеліе только двое изъ апостоловъ, и двое изъ ихъ спутниковъ (ибо кромѣ Іоанна и Матоея писали Евангеліе одинъ ученикъ Павла, а другой ученикъ Петра)»[203]). Почему такъ? Потому, что апостолы были во-истину богодухновенные благовѣстники Христовы. Въ этомъ смыслѣ св. Іоаннъ Златоустъ, со всею справедливостію, называетъ апостольство «начальствомъ высочайшимъ, *духовнѣйшимъ* (πνευματικοτάτην)»[204]). Главнѣйшая забота апостоловъ не въ томъ состояла, чтобы писать книги[205]), а въ томъ, чтобы повсюду словомъ и примѣромъ распространять и утверждать церковь Христову Но здѣсь «не помпа словесническая» нужна была, а достаточно было одно откровеніе и жизнь Христова, всюду насаждаемая ими. Все значеніе апостольской миссіи не въ томъ заключалось, чтобы выслушать изъ устъ Христа ученіе Его, а потомъ передать его съ буквальною точностію вѣкамъ грядущимъ «въ память вѣчную» (для такой цѣли лучшимъ средствомъ было бы не устное слово и не живое дѣло устроенія церкви, а какія-либо «каменныя скрижали»), но *богоглаголивое* возвѣщеніе Евангелія Христова во всю землю. Отсюда и *слова Господни* (λόγοι Κυριακοί) осо-

---

[201]) Бесѣд. I на ев Матѳея (тамъ-же стр 4)

[202]) См. теорію св Златоуста о богодухновенности свящ. писанія.

[203]) Бес I на Мат. (стр 5)

[204]) См. у прот *А Горскаго*. стр. 626.

[205]) Бес. I на Дѣян Апостоловъ, ч 1, стр. 5 (СПБ. 1856).

бенно изложенныя въ Евангеліи, должны быть начертаны, по выраженію Іоанна Златоуста, въ умѣ и сердцѣ каждаго вѣрующаго и вѣдомы всѣмъ въ церкви во всей ихъ точности и силѣ [206]). Вотъ почему апостолы писали свои книги не съ тою цѣлію, чтобы чрезъ нихъ однихъ христіанское откровеніе познавалось и распространялось, а только для *письменнаго закрѣпленія* и напоминанія того ученія, которое, какъ истина и жизнь Божія, уже существовало и жило въ преданіи. Здѣсь, очевидно, нужда апостольскаго преданія въ церкви доказывается у Іоанна Златоуста изъ самаго существа и существенныхъ свойствъ письменнаго источника христіанскаго откровенія и вѣры.

Еще болѣе близко къ истинному выраженію коренпаго убѣжденія св. Іоанна Златоуста въ безусловной важности и необходимости преданія при писаніи стоитъ слѣдующій достозамѣчательный комментарій словъ ап. Павла изъ 2 посланія къ Ѳессалоникійцамъ: «*тѣмже убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистеся словомъ или посланіемъ нашимъ*». Истолковывая эти слова въ духѣ всецерковнаго ученія о преданіи, св. Златоустъ замѣчаетъ: «Отсюда, очевидно, вытекаетъ, что (апостолы) не все передали вѣрующимъ чрезъ посланія (чрезъ писаніе), но многое сообщили *и безъ письмени*; по *то и другое равно достойно вѣры*. Посему мы считаемъ достовѣрнымъ и преданіе церкви: *преданіе есть, ничего болѣе не ищи*» [207]). Здѣсь святоотеческая мысль о важности и необходимости преданія, какъ другаго равноправнаго съ писаніемъ источника божественнаго откровенія и церковной вѣры, формулирована какъ нельзя лучше. Это «золотое» и всеобъемлющее, по внутреннему своему составу, и какъ бы центральное по общему смыслу догматико-гносеологическое правило св. Златоуста. Преданіе стоитъ и живетъ въ

---

206) «Не для того дано намъ писаніе, чтобы мы его имѣли только въ книгахъ, связанныхъ и навсегда отложенныхъ въ шкапы, но чтобы оно было начертано въ сердцахъ нашихъ, чтобы изъ книгъ изученіемъ *слова и мысли* писанія переходили въ нашу душу» (на Ев. Іоанна, Бес 32, § 3).

207) Ἐντεῦθεν δῆλον, ὅτι οὐ πάντα δι' ἐπιστολῆς παρεδίδοσαν, ἀλλα καὶ ἀγράφως, ὁμοίως δὲ κακεῖνα καὶ ταῦτα ἐστιν ἀξιόπιστα, ὥστε καὶ τὴν παράδοσιν τῆς ἐκκλησίας ἀξιόπιστον ἡγώμεθα, παράδοσις ἐστι, μηδὲν πλέον ζητεῖ (In 2 Thess. Homil. IV, п. 2). Ссылка на это мѣсто: *св. Димитрій Ростовскій*, Розыскъ, стр. 70, ч. I. *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, ч. 1, гл 4, стр. 20—21; *Антоній*, стр 10; *Макарій* стр. 349. Изъ иносл. у *Munscher*'а, Handbuch. III, s. 137. *Herzog*, s. 729.

церкви на ряду съ библейскимъ словомъ истины Божіей. Въ немъ находятся δόγματα ἄγραφα [208]), столь же законообязательные и достовѣрные, какъ и сохраняющіеся въ письменахъ. Поэтому заключается ли христіанская вѣра въ библіи (ἔγγραφος παράδοσις), или въ незаписанномъ словѣ, нѣтъ существеннаго различія, если оно признано въ церкви и церковію божественнымъ и апостольскимъ ученіемъ по принципу и источнику небиблейскаго преданія. Съ этой стороны, не порывая связи съ писаніемъ, преданіе есть существенно необходимый источникъ и способъ исторической передачи, охраненія и распространенія откровенія и вѣры церковной. Преданіе есть,—больше ничего не надо искать касательно вѣры и церкви. Это—черта сходства съ Тертулліановымъ осужденіемъ «нескончаемаго изысканія» у ясновидящихъ гностиковъ, отвергавшихъ строго-опредѣленное преданіе церкви. Тамъ, гдѣ все еще ищутъ вѣру и ученіе Христово, нѣтъ божественнаго откровенія и истинной жизни. Нескончаемое «исканіе истины» только у сектантовъ, потерявшихъ преданное откровеніе и въ постоянномъ исканіи чего-то новаго внѣ церковной вѣры мечтающихъ осуществить «свое призваніе» духовно просвѣщать всѣхъ. Безъ церковнаго преданія, гдѣ конецъ сектантскимъ исканіямъ? Гдѣ опорный пунктъ для вѣры? Гдѣ завершеніе пріобрѣтенія? Всяческія «догматическія ереси» [209]), отрѣшившіяся отъ церкви и ея преданія и думающія выводить «свои догматы» при помощи самостоятельнаго изслѣдованія откровеннаго ученія, поставляютъ самихъ себя въ явное противорѣчіе или, лучше сказать, уничтожаютъ сами себя. Приступая къ невѣдомому исканію и рѣшенію вопроса: «*въ чемъ* должна состоять ихъ вѣра», они тѣмъ самымъ показываютъ, что у нихъ нѣтъ вовсе существеннаго начала и необходимаго источника духовно-религіознаго бытія, т. е. божественной истины, которая должна была бы быть съ ними постоянно и составлять ихъ внутреннюю жизнь и душу, если бы самочинное сектанство было совмѣстимо съ понятіемъ церкви. Ереси, предоставляющія своимъ исповѣдникамъ отыскивать своевольно въ откровеніи Божіемъ то, чему должно вѣровать, явно обнаруживаютъ, что онѣ сами еще ничему опредѣленно не вѣруютъ. Поэтому въ еретичествѣ нѣтъ неизмѣняемыхъ,

---

[208]) Hom. 52 на Мат. 15, 2.

[209]) Бес. 27 на 1 Кор. 11, 17 (СПБ. 1863, ч. 2, стр 89).

т. е. апостольскихъ правилъ вѣры и преданія. Еретики уподобляются тѣмъ учителямъ, которые не знаютъ еще, чему они должны учить своихъ учениковъ. Все это убѣждаетъ, что ересь вообще не церковь, воспитывающая истинныхъ чадъ царствія Божія и не-учительница богооткровенной вѣры. И безъ сектантскаго исканія и до еретическаго изслѣдованія откровеннаго ученія должны существовать всѣ основныя истины христіанской вѣры и дѣятельности, и онѣ дѣйствительно существуютъ и даны одной церкви, а именно въ ея апостольскомъ преданіи. Только здѣсь, по Златоусту, полнота и совершенство христіанскаго религіознаго знанія, исключающія всяческій сектантскій принципъ «нескончаемаго исканія» божественной истины и вѣры. Только въ церкви «единомысліе вѣры» Христовой, ибо «единомыслiе не всегда бываетъ хорошо: и разбойники бываютъ согласны»[210]). Отсюда то (что само собою очевидно) *православные догматы* потому уже истинны и достовѣрны, что въ нихъ безпрекословно *вѣруетъ* вся *церковь*, привявъ ихъ по преданію отъ Христа чрезъ апостоловъ[211]). Здѣсь и корень сердечныхъ завѣщаній св. отца, обращенныхъ къ каждому православному христіанину: «молю, твердо держи догматы церкви, не нарушая порядка словъ»[212]), т. е. христіанскаго преданія, сохраняемаго ею; «не оставляй церкви, ибо ничего нѣтъ могущественнѣе церкви, и она никогда не старѣется и всегда цвѣтетъ»[213]). Здѣсь же недвусмысленно указана и *историческая основа* и мудрое всеобъемлющее *правило* для испытанія всяческихъ преданій и для отличія истиннаго преданія отъ сомнительныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дано и постоянное напоминаніе о томъ, какъ должно предостерегать себя отъ вымышленныхъ извѣстій сектантовъ по вопросамъ вѣры.

Божественное откровеніе и истинная вѣра даны церкви раньше писанія. Безъ преданія нѣтъ церкви. Писаніе не обо всемъ касательно вѣры и церкви учитъ. Эти обще-отеческія гносеологическія аксіомы лежатъ въ основѣ ученія св. Іоанна Златоуста объ употребленіи преданія, или иначе—объ отношеніи преданія къ писанію.

---

210) Бес. на Ев Матѳея 25.

211) См у *Сильвестра*, т. 1, стр. 7.

212) Бес. 8 на кн. Бытія ч. 1, стр. 132 СПБ. 1851)

213) *Филаретъ*, III, стр. 242 (Догматика).

Какъ древнѣйшій и первоначальный источникъ откровенія Божія и вѣры всецерковной, преданіе прежде всего подтверждаетъ историческую достовѣрность писанія. Такъ, напр., на основаніи «преданія отцовъ и до него дошедшаго»[214]), св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ о происхожденіи нашихъ Евангелій. Здѣсь преданіе не иное что, какъ истинное «свидѣтельство цѣлой вселенной, принявшей писанія евангелистовъ»[215]).

Служа самимъ сильнымъ доказательствомъ библейской истины, преданіе опровергаетъ и всяческія легендарныя устныя сказанія и вымышленныя письменныя извѣстія по вопросамъ вѣры и ученія Господня[216]). Поэтому, на основаніи его св. Іоаннъ Златоустъ предостерегаетъ православныхъ христіанъ отъ такъ называемаго «Евангелія дѣтства Христова»; ибо это «древняя басня» и сектанскій подлогъ, т. е. человѣческое преданіе. Хотя въ этой апокрифической книгѣ и не было ничего собственно противнаго вѣрѣ, т. е. прямо затрогивающаго «здравое ученіе» или церковное правило вѣры апостольской, но извѣстія въ ней сообщаемыя не восходятъ *къ первоначалу* слова Божія, т. е. ко Христу и апостоламъ, а этого одного уже достаточно, чтобы произнести строгій приговоръ надъ нею и предотвратить всѣхъ вѣрующихъ отъ чтенія ея. Предлагаемый здѣсь критерій евангельской истины вполнѣ достовѣрный и цѣлесообразный.

Преданіе, какъ всецерковное сознаніе основныхъ истинъ христіанской вѣры, во всей его цѣлости и чистотѣ сохраняетъ текстъ библейскій. Это также одно изъ гносеологическихъ основоположеній св. Іоанна Златоуста въ ученіи о преданіи, которое онъ обосновываетъ особенно въ виду еретиковъ. «*Послѣ евангелистовъ родились многія ереси*, утверждавшія противное ихъ повѣствованіямъ; а иныя приняли все въ нихъ сказанное; а другія нѣкоторую часть въ нихъ отдѣлили отъ прочихъ, и въ такомъ видѣ содержатъ у себя. Но если бы въ повѣствованіяхъ евангелистовъ находилось несогласіе, то тѣ еретики, которые утверждали противное имъ, не приняли бы въ нихъ всего, а только ту часть, которая съ ихъ мнѣніями согласна: равно и тѣ, которые приняли только нѣкоторую часть, не

---

214) Бес. 1 на Ев. Матѳея (стр. 7).

215) Тамъ-же, стр. 8

216) Бес 51 на Ев. Матѳея.

стали бы спорить за нее; ибо въ *повѣствованіи евангелистовъ* нѣтъ даже коммы, которая бы не обнаруживала яснѣйшимъ образомъ своего сродства съ *цѣлымъ составомъ* его. Какъ если возмешь какую нибудь часть животнаго, то найдешь въ ней все, изъ чего состоитъ цѣлое животное, т. е. нервы, жилы, кости, артеріи, кровь, словомъ—всѣ существенныя части тѣла: то же самое можно видѣть и въ писаніи; каждая часть его повѣствованій имѣетъ *очевидное сродство съ цѣлымъ*» [217]). Это-то «очевидное сродство каждой части писанія съ цѣлымъ» составомъ догматическаго ученія церкви о вѣрѣ и откровеніи Христовѣ всецѣло поддерживается преданіемъ. Имѣя въ виду именно это преданіе, живущее въ церкви вселенской, св. Іоаннъ Златоустъ порицаетъ еретиковъ за извращеніе текста библейскаго, за разногласія въ выборѣ отдѣльныхъ частей его, за своевольныя «розысканія» его. «Четыре Евангелія суть одно Евангеліе, ибо *не по числу пишущихъ* познается одно или не одно Евангеліе... Съ другой стороны, кто прибавитъ къ четыремъ Евангеліямъ и мало что-либо (какъ дѣлали еретики), тотъ все испортитъ. Какъ въ царскихъ монетахъ кто испортитъ печать монеты, этимъ сдѣлаетъ негодною всю монету, такъ и тотъ, кто малѣйшій догматъ правой вѣры превратитъ, тотъ и все уже подвергаетъ тому же извращенію. Поэтому *ино благовѣствованіе* представлютъ маркіониты, ибо они принимаютъ не всѣхъ четырехъ евангелистовъ, а только одного, и при томъ многое отсѣкши и все перемѣшавъ въ немъ по произволу» [218]).

Утверждая подлинность писанія и опредѣляя съ надлежащею точностію буквальное значеніе библейскаго текста, преданіе, по ученію св. Іоанна Златоуста, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимымъ руководительнымъ началомъ при «внимательномъ чтеніи» и истолкованіи записаннаго слова Божія.

Въ «самомъ морѣ писанія» «великая нужна намъ бдительность не для того только, чтобы разрѣшить недоумѣнія; но и для того, чтобы узнать, что требуетъ разрѣшенія. Не маловажное дѣло находить и то, что подлежитъ недоумѣнію» [219]). Здѣсь преданіе необ-

---

[217]) Бес 1 на ев. Матѳея (стр 8—9).
[218]) Бес. на посл къ Гал. 1, 7 ст.
[219]) Бес. 1 на ев Мат. (стр. 15. 17).

ходимое «*правило*» [220]) вѣры церковной, «не терпящее ни прибавленія, ни убавленія», истинно изъясняющее и раскрывающее намъ ученіе библіи, особенно противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ. Самое достовѣрное знаніе о словѣ Божіемъ въ писаніи св. Іоаннъ Златоустъ заимствовалъ изъ этого духа ученія Христова и апостольскаго, находящагося въ преданіи. «Съ однимъ значеніемъ библейскаго языка онъ, конечно, не былъ бы такимъ превосходнымъ толкователемъ, какимъ его признаютъ всѣ, точно также, такъ слишкомъ далекими отъ совершенства являются въ толкованіяхъ своихъ самые лучшіе новѣйшіе знатоки языка, не усвоившіе себѣ чистаго духа писанія» [221]) въ истинно-церковномъ преданіи.

Къ числу высокихъ достоинствъ его толкованій на канонническія книги Ветхаго и Новаго Завѣта, его превосходной библейской προθεωρία, относится строгое вниманіе къ буквальному значенію писанія, къ «связи мыслей и сродству содержанія». Но онъ называлъ дѣломъ неразумія грубо-чувственный буквализмъ [222]). Библейскій буквализмъ ослабляетъ творческую силу и значеніе вселенскаго преданія богооткровенной истины. Но онъ, однако, считалъ опаснымъ для самой вѣры и усиленный аллегоризмъ, какъ дѣло произвола. Многіе еретики не желая пользоваться письменными наставленіями въ ихъ буквальной точности, презирали писанія, какъ напрасныя и не нужныя для ихъ сектантской вѣры. Отсюда то несбыточныя мечтанія еретиковъ о собственной чистотѣ и ясности ихъ теоретическаго ума и религіозной совѣсти помимо церкви или ложная увѣренность въ томъ, что ими *непосредственно* руководитъ Самъ Духъ Святый, не имѣющій дескать никакой нужды во внѣшнемъ писаніи и въ авторитетѣ церкви. А если еретики иногда и пользовались писаніемъ, то произвольнымъ аллегоризмомъ извращали его внутреній смыслъ въ свою пользу. Противъ этого-то аллегоризма св. Іоаннъ Златоустъ особенно выставляетъ необходимость преданія, какъ объективно-даннаго источника и руководительнаго начала, непогрѣшимо изъясняющаго подлинный текстъ и православно-церковный смыслъ божественнаго писанія. Библія содер-

---

220) На посл. къ Филип. Бес 12 (М. 1844. стр 226). Бес Лазарѣ 3.

221) *Филаретъ*, II, § 172, стр 243.

222) Тамъ-же, стр. 241.

жить истинное слово Божіе. «Это—источникъ, не имѣющій предѣла» [223]). Но еретики по своему разуму толкуютъ слово Божіе, произвольно, т. е. безъ церкви. Это служитъ доказательствомъ того, что «ереси происходятъ не отъ иной вины, а отъ невѣдѣнія писанія» [224]). Поэтому, «чтобы не увлекаться странными новостями еретическихъ ученій, надлежитъ упражнять слухъ свой *слушаніемъ* божественныхъ писаній» [225]) въ церкви, единой и истинной хранительницѣ и истолкователь ницѣ ихъ. Нужно каждому приклонить слухъ вѣры своей къ словамъ Божіимъ, съ яснымъ разумѣніемъ церковнаго преданія, и тогда всякая сектантская ложь убѣжитъ, еретическіе кривотолки, предписывающіе произвольныя правила изъясненія писанія, сами собою исчезнутъ. Съ этой именно точки зрѣнія должно разсматривать истолковательныя *Бесѣды* св. Іоанна Златоуста *о темнотѣ пророчествъ* и Слова о непостижимомъ, направленныя частію противъ *аномеевъ* (въ доказательство единосущія Сына Божія со Отцемъ), частію противъ *манихеевъ* (въ защиту совершенства творенія Божія и единства Творца всего видимаго и невидимаго) [226]). Здѣсь же и главнѣйшая причина того, почему св. Іоаннъ Златоустъ восхищался переводами и чтеніемъ писанія на національныхъ языкахъ, нисколько не опасаясь чрезъ это извращенія библейскаго ученія. Переводы библіи на національные языки нисколько не измѣняли библейской истины и нисколько не нарушали ея догматико-канонической цѣлости и полноты; ибо это было не что иное, какъ истинно-церковное изложеніе и истолкованіе библейскаго ученія при помощи единаго и вселенскаго преданія. Здѣсь преданіе, какъ церковный авторитетъ, служило догматическимъ источникомъ и неизмѣняемымъ формально-гносеологическимъ критеріемъ истинно-христіанскаго знанія объ откровеніи Божіемъ и о вѣрѣ православной.

Но преданіе, по Златоусту, есть и дополнительный источникъ въ отношеніи къ писанію. Въ писаніи не все касательно вѣры и церкви изложено (Іоан. 21, 25) [227]). Поэтому многіе пункты пра-

---

[223]) На Дѣянія апостоловъ Бес. 19, § 5.

[224]) Бес. 30. «Глубокая бездна—незнаніе писанія, великая погибель—не знать ничего изъ слова Божія, это-то породило ереси» (Бес. 2 о Лазарѣ).

[225]) На посл. къ Евр Бес 8, § 4.

[226] См. у *Бенескитрова*, стр. 70.

[227]) Бесѣд на ев Іоанна 80, § 2.

вославно-церковнаго вѣроученія у него утверждаются и раскрываются на основаніи одного преданія. Такъ, напр., по преданію онъ учитъ о поминовеніи усопшихъ. На догматико-канонической основѣ «апостольскаго и божественнаго преданія» мудрый истолкователь таинъ утверждаетъ церковный чинъ божественной литургіи, служащей однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ историческихъ доказательствъ истинно-христіанскаго вѣроученія [228]).

Таковъ всецѣлый православно-церковный взглядъ на преданіе св. Іоанна Златоуста, этого великаго панегириста и превосходнѣйшаго истолкователя библіи. Преданіе есть истинное слово Божіе. Оно постоянно живетъ въ церкви въ сердцахъ и вѣрѣ христіанъ. Съ этой стороны преданіе составляетъ всецерковное религіозное сознаніе и истинный духъ вѣроученія христіанскаго. Оно всецѣло *одушевляетъ*, сохраняетъ и раскрываетъ истинный смыслъ писанія. Особенно достопримѣчательны мысли св. отца объ изначальной древности преданія, о его преимущественномъ значеніи въ этомъ отношеніи предъ писаніемъ, о незамѣняемости преданія библейскимъ словомъ и о преданіи, какъ собственно догматико-гносеологическомъ принципѣ и источникѣ откровенной истины и церковной жизни. По всѣмъ этимъ пунктамъ ученіе св. Іоанна Златоуста о преданіи глубоко— истинно, и нами обозначается, какъ особый систематически обоснованный опытъ православной теоріи (церковнаго знанія) о тѣхъ источникахъ и способахъ, какими пріобрѣтается догматическая увѣренность и историческая достовѣрность основныхъ истинъ христіанскаго откровенія.

19. Въ ученіи *св. Епифанія, епископа Кипрскаго* сохраняется и укрѣпляется тоже самое церковно-отеческое выясненіе вопроса о преданіи, что́ и у св. Іоанна Златоуста. Здѣсь прямая параллель гносеологическихъ воззрѣній на преданіе въ его существѣ и существенныхъ свойствахъ. Св. Епифаній, какъ пламенный ревнитель православія, всецѣло раздѣляетъ общецерковный взглядъ на значеніе преданія, какъ божественнаго источника христіанскаго вѣроученія [229]). Его положительное убѣжденіе въ догматической истинѣ

---

228) *Филаретъ*, II т, стр. 251

229) См. его ссылки на ученіе св. Иринея Лионскаго о преданіи въ Панаріѣ (напр, ч. 1, стр. 339—340, Моск изд. 1863).

и исторической достовѣрности преданія, раскрывается (впрочемъ, отрывочно) въ его противосектантскихъ и историко-догматическихъ твореніяхъ, каковы, напр., «*Анкоратъ*» — якорь, нужный для того, чтобы вѣрующіе «*не влаялись всякимъ вѣтромъ ученія*» (Еф. 4, 14) и «*Панарій*» (домашняя аптека), обширная книга, содержащая исторію и опроверженіе «звѣровидныхъ ересей» [230]).

Преданіе, какъ несомнѣнный источникъ откровенія Божія и вѣры, есть *всеобщій* церковно-историческій *фактъ*. Это первое гносеологическое предположеніе св. Епифанія, на основаніи котораго изслѣдываются и излагаются частнѣйшія черты его взгляда на преданіе. Здѣсь существенныя мысли св. отца распредѣляются въ обычномъ порядкѣ, по руководству строго церковныхъ-началахъ вѣры и знанія.

До писанія преданіе есть единственно-достовѣрный способъ распространенія и утвержденія откровеннаго ученія и религіозной жизни. Такъ было и въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ Новомъ. Въ этомъ именно смыслѣ св. Епифаній ясно говоритъ въ своемъ твореніи «О вселенской и апостольской церкви»: «церковь произошла *отъ одной вѣры*, рождена отъ Духа Святаго» [231]). Но безъ преданія нѣтъ церкви; слѣд., преданіе идетъ отъ церкви и существуетъ въ ней до писанія. Эта черта Епифаніева взгляда на догматическое и историческое происхожденіе преданія есть общая церковно-отеческая черта. Въ связи съ нею стоятъ и слѣд. слова Епифанія: «*въ началѣ слышанныя* отъ Господа истины вѣры пребываютъ въ св. церкви Божіей; и посему св. церковь Божія и православная вѣра пребываетъ въ Господѣ» [232]). Общій планъ мыслей здѣсь таковъ: глаголъ Господень (живое слово Божіе), преданіе, вѣра и церковь, истинная хранительница откровенной истины. Эта формулировка основнаго понятія о преданіи напоминаетъ намъ формулу св. Кирилла Іерусалимскаго.

Но и при писаніи преданіе, какъ истинное слово Божіе, необходимо и есть ничѣмъ незамѣнимый источникъ христіанскаго вѣроученія. Не все можетъ быть заимствовано изъ писанія. Писаніе само по себѣ недостаточно для полнаго и совершеннаго

---

[230]) ч. 2, стр. 425 (М 1864).
[231]) ч. 5, стр. 317 (М. 1882).
[232]) ч. 4, стр. 145 (М. 1880).

познанія христіанскаго откровенія. «И преданія нужно держаться; ибо *невозможно* обрѣсти все изъ писаній: но иное оставили святѣйшіе апостолы въ писаніи, а другое въ преданіи, какъ и утверждаетъ это Павелъ: *якоже предахъ вамъ* (1 Кор. 11, 2), и въ другомъ мѣстѣ: я такъ *учу*, и *такъ* передалъ *въ церквахъ* (1 Кор. 7, 17); и *аще содержите: развѣ аще не всуе вѣровасте* (1 Кор. 15, 2) [233]). Итакъ, по смыслу этихъ словъ св. Епифанія, выходитъ, что откровенныя истины заимствуются одновременно отъ писанія и отъ преданія, если никакъ не слѣдуютъ отдавать бо́льшаго уваженія, т. е. предпочтенія писанію, чѣмъ преданію. Поэтому отрицать преданіе при писаніи невозможно. Это дѣло «ложнаго мудрованія, стремящагося къ худшему, оставляющаго апостольское ученіе, изыскивающаго и измышляющаго пути лукавые» (1 Тим. 4, 1; сн. 1, 4. 10) [234]).

Какъ ревночестные источники богооткровеннаго ученія и вѣры, преданіе и писаніе находятся въ глубокомъ взаимодѣйствіи. Поэтому въ основу догматическаго преданія св. Епифаній полагаетъ устное и писанное слово Божіе въ его неразрывномъ единствѣ и историческомъ преемствѣ въ церкви, «благоустроенной Духомъ Святымъ» [235]). «Намъ, – говоритъ онъ въ обличеніе мелхиседекіанъ въ книгѣ «О ересяхъ»,—указаны предѣлы, и основанія, и зданіе вѣры, и преданія апостоловъ, и святыя писанія, и преемства учителей; и истина Божія отовсюду ограждена. И никого не должны вводить въ обманъ новыя басни» [236]). Здѣсь приведены въ органическую связь всѣ основные элементы православно-церковнаго ученія о важности преданія на ряду съ писаніемъ. «Для желающихъ видѣть истину, а не слѣпотствующихъ умомъ своимъ» [237]) очевидно, что преданіе со всѣхъ сторонъ охраняетъ христіанскую вѣру и церковь, такъ что мы нисколько не должны волноваться постыдной новизной ерети-

---

233) Λεῖ καὶ παραδόσει κεχρῆσθαι οὐ γὰρ πάντα ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς δύναται λαμβάνεσθαι. δύο τὰ μὲν ἐν γραφαῖς, τὰ δὲ εν παραδόσεσιν παρέδωκαν οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι, ὥς φῆσιν ὁ ἅγιος ἀποστολος «ὡς παρέδωκα ὑμῖν» καὶ ἄλλοτε «οὕτως διδάσκω, καὶ οὕτως παρεδωκα ἐν ταῖς ἐν ταῖς ἐκκλησίαις». Ссылка у *Ст Яворскаго* въ Камнѣ вѣры, ч 1, гл 4, стр 21. Изъ иносл. *Herzog*, R.=Engel. s. 729

234) Противъ антидикомаріанитовъ, гл. 2, ч. 5, стр 237

235) ч. 3, стр 31 (М. 1872).

236) Кн. I, о мелхиседекіанахъ, гл 3, ч 2, стр. 441. См. ссылку у *Ст. Яворскаго* въ Камнѣ вѣры, ч 3, гл. 4, стр 21.

237) ч 4, стр 142

ческихъ ученій. Отсюда у св. Епифанія само собою вытекаетъ съ одной стороны безусловная необходимость преданія при утвержденіи основныхъ истинъ откровенія и вѣры, а съ другой указанія на страшный вредъ отъ его неуваженія, т. е. отъ непризнанія его въ цѣлости божественной истины и отъ сектантскихъ споровъ о немъ.

Особенно подробно раскрывается у св. Епифанія область употребленія преданія въ отношеніи къ писанію. Здѣсь коренная общецерковная мысль о значеніи преданія излагается полемически, въ противодѣйствіе своевольному еретическому обращенію съ книжнымъ словомъ Божіимъ.

По свидѣтельству Епифанія, еретики допускали дикое самоуправство въ обращеніи съ писаніемъ. Такъ какъ «живое цѣлое тѣло божественнаго писанія» [238]), сіяющее и одушевляемое единымъ вселенски-церковнымъ преданіемъ, не могло оправдывать лжеученій и жизни еретиковъ, то они, «дерзко обращая въ иную сторону» библейскія *мысли* о вѣрѣ, отвергали то ту, то другую книгу писанія, примѣнительно къ своимъ заблужденіямъ. Такъ, напр., по Епифанію, поступалъ «сиріянинъ Татіанъ», непринимавшій ни одного изъ пріемлемыхъ св. церковію евангелій, но «составившій свое сводное *четвероевангеліе* (τὸ διὰ τεσσάρων εὐαγγέλιον), которое иные называютъ *евангеліемъ отъ евреевъ*» [239]). Эвіониты и керинѳіане изъ четырехъ каноническихъ евангелій принимали только одно евангеліе отъ Матѳея подъ именемъ «евангелія отъ евреевъ» (κατὰ ἑβρέων), да и то «отчасти, а не цѣлое» [240]), керинѳіане же ап. Павла «ставили въ ничто», и, потому, отвергали всѣ его посланія [241]). Маркіонъ пользовался «однимъ только начертаніемъ Евангелія отъ Луки», но и его «усѣкнулъ въ началѣ, а въ концѣ и въ срединѣ урѣзалъ много словъ истины, приложилъ же иное сверхъ написаннаго»; «изъ посланій же св. апостола Павла признавалъ только десять, но и то не всѣмъ въ нихъ написаннымъ пользовался», «иныя главы въ нихъ обсѣкаетъ, а иныя измѣняетъ»)[242]. Еретики «алоги отвергали

---

[238]) О Маркіонитахъ, гл. 12—13, ч. 2, стр. 256

[239]) О татіанахъ, гл 3, ч. 2, стр 284.

[240]) О Керинѳіанахъ. гл 5, ч. 1, стр. 197 О евіонеяхъ, гл. 3, тамъ-же, стр. 219.

[241]) ч. 1, стр. 197.

[242]) О маркіонитахъ, гл. 9, ч. 2, стр. 141.

книги Іоанновы, утверждая, что эти книги Керинѳовы, и онѣ не достойны быть въ церкви» [243]).

Итакъ, св. Епифаній, подробно всѣмъ отцамъ, нарочито указываетъ на этотъ весьма распространенный и постоянный обычай у еретиковъ и неправомыслящихъ—исключать изъ круга писанія все, чѣмъ только наглядно опровергаются ихъ заблужденія и пороки и прибавлять сюда все ненаписанное въ мнимое самооправданіе. Отсюда онъ выводитъ необходимость во всемъ, что̀ касается писанія, руководствоваться истиннымъ преданіемъ церкви. Преданіе, по нему, доказываетъ и защищаетъ подлинность искажаемыхъ или отвергаемыхъ еретиками книгъ и отдѣльныхъ мѣстъ писанія; оно же отстаиваетъ цѣлость и неприкосновенность библейскаго текста. Поэтому, «еретики, все смѣшавъ вмѣстѣ (т. е. свое и библейское ученіе), всего лишились, и не уразумѣвъ въ точности Божія ученія, погрѣшительно обратились на другую стезю, а не вѣдаютъ того, что *преданіе и порядокъ божественнаго писанія* суть тѣ самыя» [244]), что̀ въ церкви православной. Поэтому «повсюду обличаетъ себя Маркіонъ въ томъ, что не Божіимъ идетъ путемъ, хотя и въ малѣйшемъ словѣ измѣняетъ истину; ибо дерзающій измѣнить что-либо въ первоначально написанномъ стоитъ не на пути истины» [245]); «ибо опускать написанное и прибавлять, что не написано, особенно въ Евангеліи, во вѣки нерушимомъ, значитъ имѣть всю дерзость и злость, и идти по опасному пути, да притомъ прибавленныя слова и неумѣстны» [246]). Отсюда и строгое обращеніе св. Епифанія къ Маркіону съ цѣлію убѣжденія въ истинѣ библейскаго преданія: «хотя ты, Маркіонъ, и не оставляешь написаннаго въ томъ видѣ, какъ сказано было Спасителемъ; но эти мѣста (т. е. опущенныя) сохраняются цѣлыми въ Евангеліи святой церкви» [247]).

Но обличая и осуждая сектантскія поддѣлки писанія, апостольское преданіе, по Епифанію, отметаетъ и апокрифы, бывшіе въ осо-

---

243) О ереси, которая не принимаетъ евангелія отъ Іоанна и его Апокалипсиса, гл. 3, ч. 2, стр 341.

244) О каѳарахъ, гл *3*, ч. 3, стр 30.

245) О Маркіонитахъ, гл. 12, ч 2, стр. 186

246) Тамъ-же, стр 206.

247) Тамъ-же, стр. 186 Какъ похожъ на этого Маркіона гр. Л. Толстой со своимъ сокращеннымъ «новымъ Евангеліемъ»!..

бѣнномъ ходу у еретиковъ. Чтобы не показалось кому-либо изъ обольщаемыхъ ими, что ихъ мнимо-христіанское мудрствованіе о вѣрѣ не имѣетъ надлежащаго основанія и опоры въ писаніи, еретики не только извращали и опустошали церковный канонъ писанія, но выдумывали и присоединяли къ нему свои апокрифическія, т. е. баснословныя книги. Еретики,—говоритъ св. Епифаній,—«обманывая самыхъ себя, лживо вымышляютъ для себя книги» [248]), «выдумываютъ для себя басни, отдѣляясь отъ церкви и отъ отеческаго преданія пророковъ, закона, апостоловъ и евангелистовъ» [249]). Такъ, по свидѣтельству св. Епифанія, каиниты имѣли у себя Евангеліе подъ именемъ Іуды предателя [250]); гностики употребляли при богослуженіи «подложное Евангеліе» отъ Филиппа [251]); по рукамъ евіонитовъ ходили какія то «дѣянія апостоловъ» [252]); на «дѣянія Андрея и Ѳомы» преимущественно основывались апостолики, апотактиты и энкратиты, имѣвшіе еще у себя «дѣянія Іоанна» [253]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ еретики «шли противъ, церковнаго преданія» [254]), т. е. «ополчались противъ словъ «изреченныхъ Духомъ» [255]). Они «слыша преславныя и мудрыя изреченія писанія, впали въ неразуміе, и чрезмѣрно превознесшись разумомъ, оставили путь истины, и всѣми могутъ быть обличены въ томъ, что составили себѣ басни» [256]), хотя они «и хвастаются, будто въ этомъ отношеніи поступаютъ согласно древнему преданію и постановленіямъ апостольскимъ» [257]). «Не пріявши Духа Святаго, предъ судомъ духовнымъ они оказываются неразумѣющими духовнаго, и хотящими говорить *противъ словесъ Духа*, и не знающими дарованій въ святой церкви. Дарованія сіи раскрывалъ Духъ Святый, а также святые пророки и святые апостолы истинно, въ добромъ состояніи, при сохраненіи порядка мыслей и здравомъ умѣ» [258]). Чтобы получить эти благодатныя

---

248) О мелхеседекіанахъ, гл 1, ч. 2, стр. 435—436.
249) О расколѣ авдіанъ, гл 2, ч. 4, стр 242.
250) О каинатахъ, гл. 1, ч 2, стр 84.
251) О николаитахъ, гл 13, ч. 1, стр. 168.
252) О евіонеяхъ, гл. 16, ч. 1, стр. 239.
253) Объ апостоликахъ, гл 1, ч 3, стр. 48. Объ енкратитахъ, гл. 1, ч. 2, стр. 289.
254) О расколѣ авдіанъ, гл. 3, ч. 4, стр. 242
255) О ереси алоговъ, гл. 35, ч. 2, стр 417.
256) О мелхеседекіанахъ, гл. 1, ч. 2, стр 437.
257) О расколѣ авдіанъ, гл. 14, ч. 4, стр 264.
258) О ереси алоговъ гл. 35, ч. 2, стр. 417.

дарованія истины Божіей, необходимо подчиненіе сектантскаго разума вѣрѣ церковной: ибо религіозная вѣра предшествуетъ теоретическому знанію, почерпаемому изъ положительнаго откровенія Божія, живущаго и дѣйствующаго въ церкви. А въ церкви нерушимо сохраняется и истина преданія и совершенная полнота писанія, изреченныхъ Духомъ Божіимъ. При отметаніи апокрифовъ, подложныхъ и еретиками выдуманныхъ книгъ, церковь всегда руководилась какъ историческимъ свидѣтельствомъ перво-христіанской древности и духомъ вѣры библейскихъ книгъ, признанныхъ ею за подлинно-апостольскія, такъ и собственнымъ учительнымъ авторитетомъ. Здѣсь преданіе составляетъ собственно церковное самосознаніе и религіозную жизнь. Апокрифы—ложь и поддѣлка. Церковь *не знаетъ* апокрифовъ. По преданію только въ однихъ каноническихъ книгахъ благовѣствуется «ученіе благочестія».

Утверждая и охраняя цѣлость и единство писанія, т. е. догматико-каноническое достоинство библіи, преданіе въ то же время служитъ чисто-догматическимъ источникомъ, изъясняющимъ истинно и непогрѣшительно библейское ученіе. Эта сторона въ значеніи преданія по отношенію къ писанію особенно раскрывается у св. Епифанія въ виду сектантской екзегетики, т. е. въ виду произвола еретиковъ, «по своему умышленію безсмысленно извращавшихъ слово Божіе» [259]). «Просто проповѣдуется истина въ божественномъ писаніи» [260]). Но многое въ его ученіи нуждается въ истолкованіи [261]), что и раскрывается въ «апостольскомъ преданіи, которое и мы приняли по преемству, съ повѣркою всякаго слова ученіемъ Спасителя нашего» [262]). Писаніе есть своего рода духовный организмъ и живая система

---

[259]) О маркіонитахъ, гл 12, ч. 2, стр. 187.

[260]) О манихеяхъ, гл. 34, ч. 4, стр. 17.

[261]) О каѳарахъ, гл. 3, ч 3, стр 30.

[262]) О птоломеяхъ, гл. 7. ч 1. стр. 374. «Уразумѣемъ силу писанія, дабы не было намъ письмя въ смерть: *письмя бо*, сказано, *убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор 3, 6). Примемъ духъ, чтобы получить пользу отъ письмени. Не письмя самое убиваетъ: въ письмени заключается жизнь; убиваетъ же оно того, кто неразумно приступаетъ къ письмени и не имѣетъ *духа говорящаго*, раскрывающаго букву писанія и открывающаго то, что въ ней сокрыто (Слово якорное, гл 22, ч 6 стр 45) По смыслу этого мѣста, изъясненіе писанія безъ преданія не-разумное толкованіе. Преданіе—разумъ истины библейской и истинно живое постиженіе вѣроученія христіанскаго въ церкви вселенской

христіанскаго вѣроученія, или, по особой терминологіи св. Епифанія, «цѣлое и живое тѣло», и въ немъ нѣтъ ни одного «мертваго члена», который могъ бы быть отсѣченъ, «чтобы ввести ложь вопреки истинѣ» [263]). Еретики повреждаютъ, обсѣкаютъ и изувѣчиваютъ, «многіе члены» писанія, а нѣкоторые и удерживаютъ у себя, сопровождая ихъ изъясненіемъ своего «нечистаго духа» [264]). Но и эти удержанные, «еще живые, члены не могутъ быть мертвы, но имѣютъ жизненный смыслъ» [265]). А этотъ смыслъ даетъ имъ одно истинное преданіе ученія Христова, вѣра церкви [266]), «церковное правило» [267]). Только при преданіи все писаніе «является истиннымъ, хотя бы невѣрующими и худо разумѣющими и было принимаемо иначе» [268]), «и не окажется никакого разногласія и ни одно вѣрованіе не будетъ въ противорѣчіи съ другимъ» [259]). Только «вблизи истины (преданія) никакой не имѣетъ силы поддѣльное изреченіе и какое-либо вымышленное баснословное повѣствованіе» [260]). Только при всецерковномъ разумѣніи откровенія Божія въ преданіи «нѣтъ надобности въ (сектантскомъ) иносказаніи, чтобы видѣть, какую силу имѣютъ всѣ речепія Божіи; а нужны умозрѣніе и смыслъ, чтобы знать силу каждаго положенія» вѣры [271]). Только «не свѣривъ въ точности съ преданіями» [272]), «возможно излагать ученіе вѣры несправедливо, ошибочно и ложно. Органами истиннаго истолкованія всего писанія въ преданіи служатъ св. отцы и учители церкви [273]).

Есть еще одна сторона въ ученіи св. Епифанія объ употребленіи преданія въ церкви Христовой,—это мысль о дополнительномъ

---

263) О Макріонитахъ, гл. 12, ч. 2, стр. 256.

264) Тамъ-же, гл. 13, стр. 257.

265) Тамъ-же, гл. 12, стр. 256

266) Оглавленіе Панарія, ч. 5, стр 404.

267) Противъ Димиритовъ, гл 25, ч 5, стр 211. Объ апостоликахъ, гл. 1, ч. 3, стр. 48.

268) Оглавленіе Панарія, ч 5, стр 404.

269) О расколѣ авдіанъ, гл. 7, ч. 4, стр. 251

270) Объ энкратитахъ, гл. 2, ч. 2, стр. 300—301.

271) Πάντα τὰ θεῖα ῥήματα οὐκ ἀλληγορίας δεῖται, ἀλλὰ ὡς ἔχει, θεωρίας δὲ δεῖται καὶ αἰσθήσεως (Объ апостоликахъ гл 6, ч. 3, стр. 56).

272) О фарисеяхъ, гл. 1, ч. 1, стр. 76.

273) Противъ аріоманитовъ, гл. 24, ч. 4, стр 139—140. О расколѣ авдіанъ, гл. 2, ч. 4, стр 242.

значеніи преданія при писаніи [271]). По руководству этого преданія св. Епифаній въ Анкоратѣ излагаетъ *символъ вѣры* кипрской церкви, какъ символъ апостольскій [275]). Символъ вѣры разсматривается у св. Епифанія подобно тому, какъ и у св. Кирилла Іерусалимскаго, не просто какъ догматическій экзегесисъ писанія, но какъ самостоятельный способъ исторической передачи истиннаго преданія вѣры апостольской въ церкви Господней. Также по преданію раскрываются у св. Епифанія многія истины христіанскаго вѣроученія, какъ, напр., ученіе о единосущіи Лицъ въ Богѣ, о воплощеніи Христовѣ, о воскресеніи, о почитаніи святыхъ, о поминовеніи усопшихъ и проч. Истинно-церковныя παράδοσεις св. Епифаній противопоставлялъ, какъ фактическое и непререкаемое доказательство истины православной вѣры, религіознымъ вѣрованіямъ многочисленныхъ еретиковъ и раскольниковъ. Здѣсь онъ руководился общимъ гносеологическимъ и методологическимъ принципомъ, по которому обо всемъ, что касается откровенія, вѣры и жизни церкви, ничего не должно говорить безъ повѣрки *показаніями самой церкви*, т. е. преданія, а также убѣжденіемъ, что никому не должно сочинять басенъ, такъ какъ «басни въ вѣрѣ» не дѣло Божіе, но антицерковнаго направленія мыслей и воли.

Таково общее содержаніе (ἀνακαιφαλαίωσις) и планъ ученія св. Епифанія о преданіи и его значеніи. Это ученіе всецѣло покоится на общихъ церковно-гносеологическихъ принципахъ и началахъ, искони установленныхъ въ православіи относительно источниковъ и основъ христіанскаго знанія объ откровеніи и вѣрѣ. Здѣсь никакого укло-

---

274) Противъ димиритовъ, отрицавшихъ совершенное воплощеніе Христово, св. Епифаній приводитъ одно такое изреченіе, котораго нѣтъ во всемъ писаніи: «*блаженны соблюдающіе плоть чистою*» гл. 28, ч. 5, стр. 217. Очевидно, что взято изъ преданія церкви; ибо въ библіи есть изреченія, заключающія въ себѣ догматическія основанія той самой мысли, которая выражена этими словами св. отца (напр., Мат. 5, 8, Рим. 12, 1; 1 Θес. 4, 3—4; Тим. 5, 22, и мн. другія).

275) «Да умолкнутъ ереси противъ святой дѣвы, чистой невѣсты Христовой, то есть, матери нашей св. церкви, потому что сыны ея хранятъ вѣру по преемству отъ своихъ святыхъ отцовъ, то есть, отъ св. апостоловъ, заповѣдавшихъ имъ также передавать и возвѣщать ее и своимъ дѣтямъ. Будьте и вы, почтеннѣйшіе братья, сынами апостоловъ и передайте это ученіе вашимъ дѣтямъ.., учите, руководите, оглашайте ихъ неизмѣнно въ этой св. вѣрѣ вселенской церкви, храненіе которой святая и единая дѣва Божія приняла отъ апостоловъ Господнихъ» (*Силвестръ*, т. I, § 13, стр. 55)

нения или распада, а полное тождество и гармонія. Двойство и равноправіе источниковъ божественнаго откровенія и христіанскаго вѣроученія—абсолютно. Преданіе и писаніе неразлучны и нераздѣльны въ догматико-каноническомъ единствѣ и цѣлости церковнаго самосознанія и жизни. Преданіе ничѣмъ и ни въ чемъ не умаляется предъ писаніемъ.

20. Въ ряду отцовъ греко-восточной церкви V вѣка, учившихъ объ апостольскомъ преданіи, *св. Кириллъ, патріархъ Александрійскій* († 444 г.), занимаетъ первое и какъ бы центральное мѣсто. Это былъ пламенный «защитникъ правой и непорочной вѣры» [276]), имѣвшій самое обширное вліяніе на дѣла церкви въ V в., особенно на Востокѣ. Его непосредственное участіе въ дѣяніяхъ вселенскаго Ефесскаго собора, его превосходное толкованіе писанія, его апологія и полемика, его положительное изложеніе догматовъ, проповѣди и посланія о церковномъ благочиніи—все это сообщаетъ необыкновенную силу его ученію о преданіи. Поэтому, чтобы составить вѣрное понятіе о состояніи вопроса о преданіи въ V вѣкѣ, нужно изложить ученіе св. Кирилла Александрійскаго о преданіи.

Въ своихъ разсужденіяхъ о достоинствѣ преданія и о его значеніи св. Кириллъ Александрійскій всецѣло стоитъ на положительно-догматической общецерковной основѣ. Поэтому, существенные элементы и самая постановка его ученія о преданіи ни чѣмъ не отличаются отъ догматико гносеологическихъ взглядовъ предшествовавшихъ Александрійскихъ отцовъ и учителей церкви, особенно св. Аѳанасія Великаго. Этимъ же въ достаточной степени объясняется и полное согласіе его съ прежними александрійскими церковными писателями въ рѣшеніи такихъ, напр., вопросовъ, какъ вопросъ касательно исконной древности преданія, историческаго преимущества церкви предъ писаніемъ, касательно евангельской миссіи апостоловъ, получившихъ повелѣніе отъ Христа учить, а не писать.

Преданіе есть истинное слово Божіе, живой глаголъ Господень. Это понятіе о существѣ преданія св. Кириллъ особенно раскрываетъ по поводу словъ Христовыхъ, сказанныхъ въ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ (Мат. 15, 9): «*всуе чтятъ мя, учаще уче-*

---

[276]) Такъ называетъ св. Кириллъ Халкидонскій вселенскій соборъ (дѣяніе 3-е).

ніемъ, заповѣдемъ человѣческимъ». «Нечестивое сонмище фарисеевъ дошло до того, что начало учить *ученіемъ и заповѣдемъ человѣческимъ* и свое преданіе ставить выше божественныхъ заповѣдей, но за это поразилъ ихъ Христосъ Своими обличеніями. Отъ такихъ прибавленій и убавленій предостерегаетъ и законъ (Моисеевъ), когда касательно божественныхъ *глаголовъ* повелѣваетъ ничего ни прибавлять къ нимъ, ни убавлять отъ нихъ (Втор. 4, 2)» [277]). Ясно, что здѣсь преданіе обозначается, какъ богооткровенный глаголъ и какъ непреложный авторитетъ и «заповѣдь Божія», что̀ прежде всего и присуще ему по православно-церковному доказательству его догматической истинности и исторической достовѣрности [278]).

Преданіе искони живетъ въ православной церкви на ряду съ писаніемъ. Ибо апостолы не все записали, что̀ касается откровенія, вѣры и жизни церкви, а многое передано ими устно. словомъ и дѣломъ [279]). Отсюда очевидна необходимость апостольскаго преданія при писаніи, какъ другаго богооткровеннаго источника вѣроученія [280]). Преданіе, какъ источное начало (ἀρχὴ), никогда не умолкаетъ при писаніи, не измѣняется и не замѣняется имъ.

На ряду съ *божественнымъ* достоинствомъ и *апостольскимъ* происхожденіемъ преданія св. Кириллъ Александрійскій поставляетъ *святоотеческое* сохраненіе его въ преемствѣ христіанскаго вѣроученія. Св. отцы церкви совокупно и преемственно охраняютъ и передаютъ истинное преданіе «правой вѣры». «*Ученіе отцовъ есть ученіе истиннаго Христа:* ибо и сами они вразумлялись *апостольскимъ и евангельскимъ преданіемъ*, и ученіе древней вѣры изъясняли изъ священныхъ писаній совершенно правильно, безъ ошибки и погрѣшности, бывъ свѣтилами въ мірѣ, какъ написано (Филип. 2, 15—16)... Посему мы знаемъ, что всѣ, имѣющіе *здравый смыслъ* (непорочный умъ), искони старались слѣдовать мнѣніямъ (т. е. догматическому преданію) св. отцовъ» [281]).

[277]) Толкованіе на кн. пророка Малахію («Христ. Чт.» 1842 г., ч. 3, стр. 219).

[278]) «Догматы церкви даны Богомъ питомцамъ вѣры» (см. у *Филарета*, т. 3, § 216, стр. 88, прим. 71).

[279]) См., напр., его комментарій на слова Евангелія отъ Іоанна (20, 30—31) (Op. ed. Par 1633, t. 4, p. 1111—1123).

[280]) О святой вѣрѣ христіанской противъ Юліана, гл. 4.

[281]) Защищ анаѳем. 8 (Дѣян. вселен. собор. т. 2, стр. 83, Казань, 1861); cf. Op. ed. Aub. p. 178.

Въ непогрѣшимомъ святоотеческомъ преданіи, особенно какъ оно выражается и удостовѣряется на вселенскихъ соборахъ, по воззрѣнію св. Кирилла, *слышится* богодухновенный голосъ церкви, иначе—голосъ Божій (вопросъ о субъективномъ и объективномъ значеніи преданія). Въ такомъ именно смыслѣ св. Кириллъ говоритъ объ авторитетѣ св. отцовъ перваго Никейскаго вселенскаго собора. «Съ ними по-истинѣ возсѣдалъ и Самъ Іисусъ Христосъ, который нѣкогда сказалъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ*» (Мат. 18, 20)...; какъ же можно сомнѣваться въ томъ, что Онъ невидимо предсѣдательствовалъ на семъ святомъ и вселенскомъ соборѣ, когда здѣсь для міра положено неподвижимое и непоколебимое основаніе, исповѣданіе чистой и неукоризненной вѣры» [282]). И въ другомъ мѣстѣ читаемъ то-же самое о важности вселенскаго согласія св. отцовъ при доказательствѣ догматической истины апостольскаго преданія, живущаго и раскрывающагося въ церкви, т. е. въ ея религіозномъ самосознаніи и жизни. «Самъ Духъ Святый внушилъ имъ (т. е. св. отцамъ Никейскаго собора) *истину* (Мат. 10, 20); ибо не сами они говорили, но Духъ Бога и Отца говорилъ, въ нихъ» [283]). По смыслу этихъ словъ, вселенски-соборное учительство православной церкви, какъ богодухновенный органъ преданія, совершенно и истинно: ибо вселенскіе соборы въ дѣлѣ утвержденія божественной вѣры всецѣло исходили отъ апостольскаго преданія и обосновывались на немъ. Вселенскіе соборы, пользуясь всѣми вспомогательными богословско-гносеологическими средствами, раскрывали и утверждали только то, что нашли въ церкви въ полномъ согласіи съ апостольскимъ писаніемъ и преданіемъ. Ибо Духъ Святый обѣщанъ Христомъ всей церкви, въ лицѣ ея предстоятелей, не для того, чтобы они чрезъ какое то «особое откровеніе Божіе» возвѣщали и распространяли какія либо новыя ученія и правила жизни, неизвѣстныя доселѣ, а за тѣмъ, чтобы, при помощи Божіей, свято хранить и вѣрно изъяснять преданное отъ апостоловъ откровеніе Христово, т. е. «божественную и каѳолическую вѣру» [284]).

---

[282]) См. у *Макарія*, § 139, стр. 379

[283]) Тамъ-же, стр. 379 (Ер. 39, 108).

[284]) Сравн. сходное изреченіе *св. Григорія Великаго*: «сознаюсь, что я точно такъ-же пріемлю и уважаю четыре собора, какъ четыре книги св. Евангелія» (lib. I, ер. 25 и lib. III, ер. 10)

Догматическое ученіе и жизнь церкви ведутъ свое начало отъ апостоловъ, учениковъ Христовыхъ. Съ этой стороны, какъ истинная хранительница богооткровеннаго ученія, «церковь непреоборима совершенно (ἀκλόνητος παντελῶς). имѣя Христа основаніемъ и непоколебимой опорой» [285]). Итакъ, должно вѣровать во все, что содержится въ устно преданномъ и записанномъ словѣ Божіемъ и *предложено для вѣры,* какъ богооткровенное,—предложено церковію или во вселенски-соборныхъ вѣроизложеніяхъ и рѣшеніяхъ или сохранено при помощи обычнаго (общецерковнаго) святоотеческаго учительства. Отсюда само собою понятно, что «указаніе на предѣлы отцевъ касательно *исповѣданія вѣры*» [286]) означаетъ у св. Кирилла Александрійскаго догматическую норму христіанскаго вѣроученія.

Ученіе св. Кирилла Александрійскаго объ употребленіи преданія обнимаетъ основные пункты христіанскаго вѣроученія.

Къ слову Божію незаписанному апостолами у св. Кирилла относятся многія истины православнаго ученія. Такъ, по его взгляду, въ преданіи находится Никео-цареградскій σύμβολον τῆς πίστεως [287]). Этотъ символъ означается у него, какъ непререкаемое и непоколебимое правило вѣры апостольской. Какъ освященный авторитетомъ *божественнаго* происхожденія, символъ долженъ сохраняться въ въ церкви въ никогда неизмѣняемой точности и полнотѣ. Также по преданію узаконяется у св. Кирилла каѳолическая истина православнаго ученія о воплощеніи и вочеловѣченіи Сына Божія и анаѳематствуется богоборное ученіе Несторія, нечестиво мыслившаго о богочеловѣческомъ Лицѣ Христовѣ [288]). Къ числу догматовъ, про-

[285]) У *Макарія*, § 136, стр. 373

[286]) *Филаретъ*, тамъ-же, стр. 87

[287]) Ep. 17, 69, 39, 108: «καὶ κατ' οὐδένα δὲ τρόπον σαλεύεσθαι πρός τινων ἀνεχόμεθα τὴν ὁρισθεῖσαν πίστιν, ἤτοι το τῆς πίστεως σύμβολον, παρὰ τῶν ἁγίων ἡμῶν πατέρων, τῶν ἐν Νίκαίᾳ συνελθόντων κάτα καιρούς .. Οὐ γὰρ ἦσαν αὐτοῖ οἱ λαλοῦντες, ἀλλα' αὐτὸ τὸ πνεύμα τοῦ θεοῦ και πατρός. Согласно съ буквальнымъ понимаемъ словъ· «λαλοῦντες ἐν αὐτοῖς τοῦ ἁγίου πνεύματος» можно предположить, что св. Кириллъ приписывалъ «богодухновенность» (inspiratio) символу (такъ думаетъ, напр., *Шване*, op cit., s 898). Но, очевидно, тутъ рѣчь не объ богодухновенности символа церкви въ собственномъ смыслѣ, а только объ освященіи его авторитета божественною санкціею по духу его ученія о вѣрѣ апостольской (assistentia). Тоже самое пониманіе богодухновенности должно сохранить и относительно *единогласнаго* (вселенскаго) ученія св. отцовъ Отцы— не то, что апостолы и творенія ихъ не то, что библія, но все таки они единогласно передаютъ *истину Божію*, и въ этомъ смыслѣ непогрѣшимы и богодухновенны.

[288]) Adv. Nestor. IV, 2, 100, cf. Ep. 1, p. 5, также его анаѳематизмы.

истекающихъ изъ *апостольскихъ нѣдръ* всецерковнаго преданія, св. Кириллъ Александрійскій относитъ и православный догматъ о томъ, что Пресвятая Дѣва Марія есть сущая Богородица (θεοτόκος), что въ его время всячески старались оспаривать несторіане [289]).

Необходимость употребленія преданія при раскрытіи и обоснованіи православныхъ догматовъ на основаніи библейскаго ученія особенно видна въ борьбѣ съ еретиками. Подобно св. Аѳанасію Александрійскому [290]), св. Кириллъ выразительно замѣчаетъ о произвольномъ истолкованіи еретиками писанія по ихъ нечистымъ видамъ, съ намѣреніемъ вывести отсюда, твердую увѣренность въ абсолютной важности и необходимости догматико-экзегетическаго преданія [291]). «Буквоѣдное, книжно-теоретическое» изъясненіе библіи еретиками всего менѣе интересуется живымъ свидѣтельствомъ церковнаго преданія, т. е. самою истиною церкви, нерушимо сохраняющей и непогрѣшимо объясняющей писаніе [292]). Ложное пониманіе и превратное изслѣдованіе у еретиковъ писанія составляетъ явное *противорѣчіе* истинно-преданному ученію православной церкви [293]). У еретиковъ осуждается *библейская истина*, всецѣло *покоющаяся* на одной только апостольской *вѣрѣ церкви*. Здѣсь у св. Кирилла Александрійскаго находится достозамѣчательная ссылка на то, что всѣ бывшіе до него вселенскіе соборы имѣли на своихъ засѣданіяхъ въ качествѣ необходимаго руководства библію (Евангеліе), положенную по срединѣ на особомъ тронѣ [294]). Это именно пользованіе *библейскимъ словомъ* при соборомъ доказательствѣ *откровенныхъ истинъ* вѣры, по мнѣнію св. Кирилла, означаетъ не что иное, какъ мысль о томъ, что евангельское преданіе есть церковно-изъясненное и уразумѣваемое слово Божіе. Писаніе — это книга всецерковная, въ церкви и для церкви первоначально происшедшая и искони въ ней живущая. Поэтому только одна церковь есть богодухновенная истолковательница христіанскаго вѣроученія. Въ сектантствѣ нѣтъ слова Божія, хотя и находятся тамъ отдѣльныя книги апостольскаго

289) Epist. 1, p. 3
290) Напр., De Nic. 13, 14, 40, 43, 47.
291) Ep. 39, Dial. III de incarn.
292) Dial. de Trin, 1.
293) См. его анаѳематизмы на Несторія.
294) Cf. у Mans V, p. 241.

писанія. Поэтому еретики, какъ церквеотступники и хульники церковно-вселенскихъ соборовъ, не имѣютъ никакого права ссылаться на писаніе въ качествѣ источника истиннаго откровенія Божія и вѣры. Только истинно-церковное ученіе коренится въ библейскомъ богословіи. «Какъ нелѣпо и невѣжественно мнѣніе сіе (еретическое), не трудно понять. Ибо какъ допустить и признать истиннымъ то, о чемъ *не говоритъ божественное писаніе*» [295]). И такъ, «прекрасно пренебрегать наглостію другихъ, когда они внушаютъ превратныя мысли и слѣдовать прямому и неизвращенному правилу богослововъ (т. е. св. отцовъ); ибо съ ними преимущественно должно согласоваться и имъ говорить: *не вы* есте *глаголющіи, но Духъ Отца вашего, глаголяй въ васъ*» (Мат. 10, 20) [296]).

Таковъ въ существѣ кругъ православно-церковнаго ученія св. Кирилла Александрійскаго о преданіи. Какъ извѣстно не у одного Кирилла мы встрѣчаемъ такую постановку и формулировку понятія о преданіи, особенно объ авторитетѣ св. отцовъ. Взглядъ на св. отцовъ, какъ на истинныхъ свидѣтелей преданія—это такъ сказать общее мѣсто у всѣхъ церковныхъ писателей IV вѣка въ ученіи о важности преданія. Св. Кириллъ Александрійскій только яснѣе и какъ бы конкретнѣе выразилъ всецерковное понятіе о вселенскихъ соборахъ и о ихъ значеніи въ дѣлѣ сохраненія и утвержденія апостольскаго преданія въ церкви Христовой. Этого требовала какъ самая эпоха, въ которую онъ жилъ, такъ и то столь дѣятельное участіе, какое онъ принималъ въ дѣяніяхъ 3 вселенскаго собора. Вообще говоря, въ ученіи св. Кирилла Александрійскаго о преданіи и особенно въ отношеніи его къ писанію объективные и субъективные, матеріальные и формальные элементы стоятъ въ обще-церковной гармоніи, уравновѣшанные и въ органической связи между собою.

21. Для полной законченности научно-богословскаго анализа восточно-православнаго святоотеческаго ученія о преданіи должно остановиться еще на *св. Іоаннѣ Дамаскинѣ* († 754 г.), этомъ «златоструйномъ» (χρυσορρόας) отцѣ и великомъ учителѣ Сирской церкви. Церковное ученіе его о преданіи изложено въ его знаменитомъ догматическомъ твореніи: «*Точное изложеніе православной вѣры*»

---

295) Глафиры на Бытіе, кн. 2 (ed. Par 1638, t. 1, p. 29).

296) Dialag. de Trin. 4.

(ἔκθεσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως) и въ превосходныхъ апологетическихъ словахъ объ иконахъ. Это ученіе есть не что иное, какъ заключительный и какъ бы вкратцѣ высказанный святоотеческій взглядъ, подробно и послѣдовательно раскрытый всѣми древне-церковными писателями. Въ этомъ смыслѣ справедливо примѣнить къ Іоанну Дамаскину, названіе Макарія Анкирскаго: «провозвѣстникъ (στόμα) и истолкователь всѣхъ богослововъ» [297]). Ближайшимъ образомъ св. Іоаннъ Дамаскинъ въ существенныхъ чертахъ своихъ гносеологическихъ сужденій, равно какъ и въ другихъ пунктахъ, примыкаетъ къ направленію богословной мысли св. Григорія Нисскаго [298]).

По ученію св. Іоанна Дамаскина, преданіе и писаніе суть истинно церковный πηγὴ γνώσεως [299]), т. е. истинно-христіанскаго знанія объ откровеніи и вѣрѣ. Будучи совершенно равнаго достоинства и силы, они находятся въ органическомъ единствѣ и взаимодѣйствіи [300]).

Какое важное обще-догматическое значеніе св. Іоаннъ Дамаскинъ придавалъ преданію въ дѣлѣ опытнаго сохраненія христіанскаго откровенія въ церкви, это видно, напр., изъ слѣдующихъ словъ его. «Вѣра двояка. Есть *вѣра отъ слуха* (Рим. 10, 17). Слушая божественное писаніе, мы вѣримъ ученію Святаго Духа. Сія вѣра приходитъ въ совершенство чрезъ исполненіе всего узаконеннаго Христомъ, т. е. когда мы истинно вѣруемъ, живемъ благочестно и соблюдаемъ заповѣди Обновившаго насъ. Ибо кто не вѣруетъ согласно съ преданіемъ каѳолической церкви или чрезъ худыя дѣла сообразуется съ діаволомъ, тотъ невѣрный» [301]). Основ-

---

297) *Филаретъ*, Ш, § 262, стр. 205.

298) I. *Langen*, Iohannes von Damaskus Gotha, 1879, s. 271 ff. 299 f.

299) Этотъ религіозно-философскій терминъ стоитъ у св. Іоанна Домаскина въ качествѣ одного общаго названія къ тремъ его твореніямъ: діалектикѣ, книгѣ о ересяхъ и изложенію вѣры Этимъ онъ точнѣе выразилъ «свое понятіе о кругѣ высшихъ христіанскихъ наукъ», при помощи которыхъ познается вѣра православная (*Филаретъ*, § 260, стр 198).

300) Πάντα τοίνυν τὰ παραδεδομένα ἡμῖν διά τε νόμου καὶ προφητῶν καὶ ἀποστόλων καὶ εὐαγγελίστων δεχόμεθα καὶ γινώσκομεν καὶ σέβομεν, οὐδὲν περαιτέρω τούτων ἐπιζητοῦντες ... Ταῦτὰ ἡμεῖς στέρξωμεν καὶ ἐν αὐτοῖς μείνωμεν, μὴ μεταίροντες ὅρια αἰώνια, μηδὲ ὑπερμαίνοντες τὴν θείαν παράδοσις (Точ излож. пр. вѣры кн. 1, гл. 1); ср. кн. 4, гл. 17.

301) Точное изложеніе правосл. вѣры, кн. 4, гл. X (о вѣрѣ), стр. 240, сравн. слово объ иконахъ (3, 41).

ная мысль, находящая въ этихъ словахъ, стоитъ въ полнѣйшемъ сходствѣ съ обще-отеческимъ ученіемъ о христіанской вѣрѣ въ ея отношеніи къ преданію и авторитету церкви [302]). Вѣра религіозная есть всецерковное дѣло. «*дѣло Божіе*» (Іоан. 6, 29). Она происходитъ «*отъ слуха*», т. е. отъ яснаго слышанія ученія Господня въ церкви и чрезъ церковь. Поэтому и *увѣренность* въ истинѣ и исторической достовѣрности христіанскаго откровенія покоится не просто на писаніи, но на авторитетѣ церкви, т. е. на вѣрѣ въ церковную непогрѣшимость. Здѣсь преданіе служитъ первоначальнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и руководительнымъ началомъ при его пониманіи. «Божественное писаніе» всѣ истинные христіане слушаютъ уже въ церкви и при помощи ея преданія вѣрятъ, что въ немъ содержится откровенное ученіе Духа Святаго. Гдѣ нѣтъ вѣры и истины церковной, тамъ—религіозное невѣріе, тамъ нѣтъ истиннаго преданія, нѣтъ истины Божіей и ученія Духа Святаго. Въ такомъ именно богословско-философскомъ духѣ св. Іоаннъ Дамаскинъ изслѣдывалъ вопросъ о происхожденіи и основныхъ истинахъ вѣры въ своихъ полемическихъ твореніяхъ противъ несторіанъ, противъ монофизитовъ, моноѳелитовъ и манихеевъ.

Истинно-богопредапная вѣра, по ученію св. Іоанна Дамаскина, оправдывается и исполняется только въ церкви. Поэтому, чтобы пребывать вѣрнымъ откровенію Христову и не уклоняться въ сторону какого-либо искаженія его, для этого необходимо соблюдать апостольское преданіе, какъ оно сохраняется и живетъ въ церкви, въ ея святоотеческомъ разумѣ и во вселенски-соборной истинѣ. «Услышите народы, племена, языки, мужи, жены, отроки, старцы, юноши, дѣти, святый языкъ христіанскій: *аще кто благовѣститъ вамъ паче, еже* до настоящаго времени хранитъ церковь каѳолическая, принявъ сіе отъ св. апостоловъ, отцовъ и соборовъ, не слушайте таковаго, и не принимайте наущенія змія, какъ то сдѣлала Ева, наслѣдовавшая смерть отъ него. Хотя бы ангелъ, хотя бы царь благовѣстилъ вамъ *паче еже пріясте*, не слушайте». «Итакъ, въ правотѣ сердца, безъ всякихъ помысловъ, примемъ преданіе церкви.

---

302) Напр., *Ириней* Лионскій, IV, гл. 24. стр. 494; *Климентъ* Александрійскій, Str. 1 (p. 319); св. *Кириллъ Іерусалимскій*, Cat. 4, 3, 33, 35; *Василій Великій* въ указ. мѣстахъ. Бл. *Августинъ*, Ep. Fundamenti, c. 5.

Ибо Богъ сотворилъ человѣка правымъ; а люди сами уже взыскали помысловъ многихъ (Еккл, 7, 30). Не станемъ учиться новой вѣрѣ, ниспровергающей преданія святыхъ отцовъ. Ибо божественный апостолъ говоритъ: *кто будетъ благовѣствовать вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема* (Гал, 1, 9)»[303]). Въ общей мысли этихъ словъ особенно оттѣняется прещеніе св. отца противъ всѣческихъ еретиковъ, старавшихся измѣнить или преложить апостольское преданіе и церковное слово въ *иную вѣру*.

Разсматривая преданіе со стороны о богодухновенности (θεοπνεύστως) и догматической истины св. Іоаннъ Дамаскинъ ставитъ въ одинъ рядъ пастырей и учителей церкви съ пророками и апостолами. Вотъ его формула: «и законъ, и пророки, евангелисты и апостолы, и пастыри и учители вѣщали Духомъ Святымъ»[304]). Это достопримѣчательная черта въ ученіи св. Іоанна Дамаскина о преданіи, сближающая его съ взглядомъ св. Кирилла Александрійскаго. Преданіе есть истинное слово Божіе. Носители его—это истинные ποιμένες καὶ διδάσκαλοι, т. е. св. отцы и учители церкви, духоносные свидѣтели христіанскаго откровенія, преемственно идущіе отъ апостоловъ[305]). Апостолы на самомъ дѣлѣ суть первые διάδοχοι позднѣйшихъ отцовъ и учителей церковныхъ. И что́ даетъ намъ право *отдѣлять* (разлучать) преданіе апостоловъ отъ вѣроученія всей церкви и ея отцовъ и разрывать догматическую нить богооткровеннаго ученія, т. е. ограничивать его только «вѣкомъ апостольскимъ», не распространяя на всѣ вѣка исторической жизни церкви вселенской. Слово Божіе—«плодоносно и растимо» и то единственно въ церкви Христовой, а церковь-вѣчна и неизмѣнна. Поэтому и апостольское служеніе нерушимо сохраняется въ святоотеческомъ преемствѣ откровеннаго ученія и даровъ Святаго Духа и то единственно въ церковной іерархіи. Св. отцы суть церковно-іерархическіе охранители и распространители истиннаго преданія, *посланницы церквей*, *слава Христова* (2 Кор. 8, 23), а вселенскіе соборы—непогрѣшимые органы, чрезъ которые церковь высказываетъ свои вѣроопредѣленія, выражаетъ свое религіозное самосознаніе. Съ точки зрѣнія этихъ положеній объ авторитетѣ отцовъ

---

303) См слово 3 объ иконахъ, «*Христ. Чт.*» 1823, ч. 11, стр. 115, 162.

304) Точное изложеніе прав. вѣры, кн. 4, гл. XVII. (о писаніи).

305) Тамъ-же, кн 1, гл. III.

въ дѣлѣ сохраненія и утвержденія преданія въ высшей степени интересно систематическое твореніе св. Іоанна Дамаскина, извѣстное подъ именемъ: «*Священныя параллели*». Здѣсь св. отецъ сличаетъ изреченія писанія объ основныхъ истинахъ вѣры съ изрѣченіями св. отцовъ и учителей церкви, въ результатѣ чего получается полная церковно-православная симфонія библейскаго ученія о христіанской вѣрѣ и жизни по ней съ святоотеческимъ. Это твореніе особенно важно потому, что въ немъ сохранено много драгоцѣнныхъ памятниковъ древне-церковнаго преданія, которые безъ того были бы потеряны для позднѣйшихъ временъ.

Такая постановка, какъ у св. Іоанна Дамаскина, православнаго ученія о преданіи въ его святоотеческомъ бытіи и жизни въ церкви на-вѣки была узаконена вселенскими соборами. Извѣстно, что на V вселенскомъ соборѣ, составившемся преимущественно для утвержденія IV-го, было постановлено за правило слѣдовать истинному и нераздѣльному преданію церкви вѣковъ предшествовавшихъ. Здѣсь, такимъ образомъ, была возстановлена и утверждена *органическая связь* между настоящимъ и прошедшимъ церкви въ живомъ и цѣлостномъ единствѣ святоотеческаго и соборнаго преданія, идущаго отъ апостоловъ, отъ Христа. Въ этомъ именно преданіи, по соборно-церковному взгляду, по-преимуществу сосредоточивается апостольская истина и истинно-религіозное самосознаніе всей церкви Христовой. Поэтому то и VII вселенскій соборъ, указывая на догматико-канонническое ученіе шести первыхъ вселенскихъ соборовъ, какъ на божественный источникъ церковной истины и жизни, въ заключеніе восклицаетъ: «*хранимъ нововводно* (ἀκαινοτομήτως) всѣ, писаніемъ или безъ писанія установленныя для насъ церковныя преданія, послѣдуя богоглаголивому ученію святыхъ отецъ нашихъ и преданію каѳолической церкви» [306]). Въ этихъ словахъ прекрасно выраженъ вѣчный законъ бытія и жизни преданія, всею церковію сохраняемаго отъ временъ апостольскихъ, безъ всякаго измѣненія, прибавленія или убавленія и положительно утвержденнаго вселенскими соборами, какъ церковно-каѳолическое исповѣданіе вѣры св. отцовъ, т. е. общей нашей вѣры. На этомъ же самый всецерковный законъ

---

[306]) Дѣяніе седьмое.

божественнаго преданія указываетъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ своимъ ученіемъ объ органахъ и носителяхъ преданія, о св. отцахъ и вселенскихъ соборахъ.

Путь, соотвѣтствующій абсолютной истинѣ преданія, означаетъ способъ догматико-историческаго доказательства опредѣленнаго числа дошедшихъ до насъ и сохраненныхъ въ церкви ученій и учрежденій. Это основоположительная методологическая точка зрѣнія и черта ученія св. Іоанна Дамаскина о значеніи преданія.

Проникая яснымъ умомъ въ сокровенную мысль православныхъ догматовъ, особенно при объясненіи такихъ, напр., богословскихъ (техническихъ) выраженій изъ ученія о вѣрѣ, какъ οὐσία, ὑπόστασις, ὁμοούσιος, εἶδος и проч., св. Іоаннъ Дамаскинъ всегда обосновываетъ и раскрываетъ ее не только на основаніи писанія и соображеній разума, но освѣщаетъ главнымъ образомъ обильнымъ свѣтомъ общецерковнаго преданія, непрерывно идущаго отъ самихъ апостоловъ. Отсюда то происходитъ характеристическая особенность догматической системы его—строгая вѣрность ея истинному духу откровенія и древне-вселенской церкви; ибо въ ней ничего не излагается такого, что прежде не было бы опредѣлено церковными соборами или что не было бы уяснено и раскрыто въ ученіи прежнихъ отцовъ и учителей подъ непредственнымъ «руководствомъ» (ἐγχειρίδιον) апостольскаго преданія.

Къ числу истинныхъ преданій прежде всего относится у св. Іоанна Дамаскина православно-церковное ученіе о каноническомъ достоинствѣ писанія [307]). Такъ, напр., на глубочайшей основѣ преданія совершается у него перечень книгъ каноническихъ и не стоящихъ въ канонѣ (περί τῶν ἔξω βιβλίων), особенно апокрифовъ, каковы «откровеніе Петрово», «обхожденіе и ученіе апостоловъ», «посланія (ἐπιστολαί) Варнавы», «дѣянія Павла», «откровеніе Павлово», «ученіе (διδασκαλία) Климентово», «ученіе Игнатія», «ученіе св. Поликарпа», «Евангеліе Варнавы» и «Евангеліе Матоія» [308]).

И само писаніе во всей цѣлости и полнотѣ познается только въ преданіи истинно-церковномъ, т. е. апостольски-церковномъ. Это второй тезисъ въ ученіи св. Іоанна Дамаскина объ употребленіи

[307]) Точн. излож. пр. вѣры, кн. 4, гл. XVII.

[308]) *Филаретъ*, тамъ-же, § 262, стр. 203, примѣч. 38.

преданія при писаніи. «Если, прочитавъ какое-либо мѣсто свящ. писанія разъ или два, мы не поймемъ того, что читали, не будемъ терять духа, но потерпимъ, поразмыслимъ, спросимъ другихъ. *Вопроси*, сказано, *отца твоего и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, рекутъ тебѣ*» (Втор. 32, 7) [309]). Здѣсь преданіе означается, какъ руководительное начало (формальный принципъ), необходимый при изъясненіи писанія.

О многихъ свящ. обычаяхъ и учрежденіяхъ церкви, св. Іоаннъ Дамаскинъ учитъ именно на основаніи апостольскаго преданія.

Подобно св. Василію Великому, онъ говоритъ о поклоненіи на востокъ, какъ объ апостольскомъ преданіи: «и это есть преданіе апостоловъ ненаписанное; ибо они многое передали намъ и безъ писанія» [310]). Подобно св. Кипріану Карѳагенскому, учитъ онъ, что по апостольскому преданію въ таинствѣ Евхаристіи должна быть употребляема не одна вода, какъ у энкратитовъ, и не одно вино, какъ у армянъ и яковитовъ, но вино растворенное водою [311]). О православномъ *догматѣ иконопочитанія* св. Іоаннъ Дамаскинъ выразительно замѣчаетъ: «и это есть неписанное преданіе, какъ и преданіе о поклоненіи на востокъ и о поклоненіи кресту, и о многомъ другомъ сему подобномъ» [312]); «а что апостолы предали весьма много неписаннаго, о семъ свидѣтельствуетъ Павелъ, апостолъ языковъ [313]), говоря: *тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Ѳес. 2, 15). и: «*хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ*

309) Точн. излож. прав. вѣры, кн. 4, гл. 17.

310) Ἄγραφος δέ ἐστιν ἡ παράδοσις αὕτη τῶν ἀποστόλων πολλὰ γὰρ ἀγράφως ἡμῖν παρέδοσαν (Точ. излож. прав. вѣры, кн. 4, гл. XII, стр. 247; ср. кн. 3, гл. 11). Ср. Василія В о Св. Духѣ гл. 27 Изъ иносл. тенденціозная ссылка на это мѣсто у *Nitzsch*'а, Dogmengesch. I, s. 258

311) Точное изложеніе пр вѣры, кн. 4 гл. XIII, стр. 251; ср. *Апост. Постановл.* 8, 12; *св. Іустинъ*, Apol. 1, св. *Ириней Ліонскій*, кн. 5, гл. 2, Литургія св. *Василія В.*, въ которой сказано: «*пріемъ, растворивъ*» ..

312) Тамъ-же, кн. 4, гл XVI, стр. 268; Слово объ иконахъ. «οὐ μόνον γράμμασι τὴν ἐκκλησιαστικὴν θεσμοθεσίαν παρέδωκαν (οἱ πατέρες), ἀλλὰ καὶ ἀγράφως τισὶ παραδόσεσι .. Πόθεν τὸ τρὶς βαπτίξειν; πόθεν τὸ κατ' ἀνατολὰς εὔχεσθαι; πόθεν ἡ τῶν μυστηρίων παράδοσις; κτλ (I 23); vgl. orat. II, 16; св. *Василій В* въ Словѣ на 40 мучениковъ и о Св. Духѣ, гл. 18 и 27.

313) Ὅτι δὲ καὶ πλεῖσται οἱ ἀπόστολοι ἀγράφως παραδεδώκασι, γράφει Παῦλος, ὁ τῶν ἐθνῶν ἀπόστολος .; срав св. *Ириней Ліонскій*, Противъ ересей, IV, 24. Ссылка у *Ст Яворскаго*, ч. 3, гл. 4, стр. 21.

вамъ преданія держите» (1 Кор. 11, 2). Писаніе не предписываетъ *нарочито* церковно-религіознаго почитанія св. иконъ. Но мы не должны находиться въ рабствѣ простой буквы писанія. Въ писаніи мы также не встрѣчаемъ ясно и подробно изложеннаго церковнаго ученія о Святой Троицѣ или о единосущіи Лицъ въ Богѣ. И догматъ объ иконахъ стоитъ наравнѣ съ тѣми ученіями, которыя были или извлечены св. отцами церкви изъ писанія, или же происходили изъ незаписаннаго преданія. Иконы, по взгляду св. Іоанна Дамаскина, составляютъ для неученыхъ и неграмотныхъ тоже самое, что книги (библейскія) для тѣхъ, кто умѣетъ читать ихъ; онѣ тоже самое для зрѣнія (созерцанія), что движущаяся рѣчь (живое слово) для слуха [314]). «Чернила и пергаментъ» евангельскихъ писаній вещественны, но живоносный духъ откровеннаго ученія, живущаго во вселенской церкви—невещественъ и неограниченъ никакими условіями пространства и времени, вѣченъ и неизмѣняемъ. Это и есть церковно-религіозное преданіе, которое абсолютно необходимо для полноты и совершенства истинно-христіанскаго знанія о православной вѣрѣ и жизни. Въ этой связи мыслей мы видимъ у св. Іоанна Дамаскина полнѣйшій отзвукъ библейскаго ученія о преданіи и его значеніи. «Алфа и омега» православнаго ученія о преданіи здѣсь неразрывно соединяются въ единой связи, въ единой золотой цѣпи цѣлостнаго вѣковѣчнаго церковнаго взора, признающаго преданіе на ряду и на-равнѣ съ библіей источникомъ откровенія Божія и истиннаго вѣроученія.

Таково истинно-православное ученіе о преданіи св. отцовъ и учителей греко-восточной церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Въ немъ глубоко коренятся и всесторонне раскрываются основныя гносеологическія и метедологическія православно-богословскія положенія объ источникахъ христіанскаго откровенія и нормахъ христіанскаго вѣроученія. Оно всецѣло обнимается, какъ бы нѣкоторыми золотыми кольцами одного тѣла, несокрушимаго и вѣчнаго, библейски-апостольскимъ взглядомъ на преданіе въ его существѣ и существенныхъ свойствахъ, въ его отношеніи къ писанію и учительному авторитету церкви Христовой. Поэтому, оно непогрѣшимо и на-вѣки непоколебимо.

---

[314]) Слово объ иконахъ на (1, 17).

Тоже самое ученіе о преданіи и его значеніи мы слышимъ и изъ устъ св. отцевъ и учителей *православно-латинской* западной церкви въ разсматриваемый періодъ. Это есть единое ученіе, единый цѣлостный православно-вселенскій взглядъ, искони святоотеческій, только пренесенный и пересаженный съ Востока на Западъ, для вѣчной славы церкви Христовой. Здѣсь нѣтъ никакого распада или разлада, а полнѣйшее органическое единеніе и взаимодѣйствіе.

Изъ отцовъ церкви западной мы остановимся на изслѣдованіи ученія о преданіи св. Амвросія Медіоланскаго, блаж. Августина и св. Викентія Лиринскаго. Это главнѣйшіе и немеркнущіе свѣточи западно-православной церкви, ярко горящіе и свѣтящіе всему христіанскому міру, хотя и отраженнымъ *свѣтомъ восточнаго православія*. При томъ же, ихъ догматико-гносеологическіе взгляды находятся между собою въ нѣкоей органической связи и богословской зависимости.

22. Св. *Амвросій*, епископъ *Медіоланской* (автонеѳальной) церкви, († 397 г.) не прибавляетъ ни одной новой черты ко всему сказанному св. отцами и учителями церкви восточной и западной о преданіи. Онъ *только утверждаетъ* (въ краткомъ изложеніи) то, что уже ясно уразумѣвалось въ православно-гносеологической теоріи, какъ непререкаемая аксіома. Въ общемъ у него тотъ-же самый составъ понятія о преданіи, что у св. ИринеяЛіонскаго; но только въ чертахъ самыхъ основоположительныхъ. Особенность его гносеологіи составляетъ подробное изложеніе ученія о преданіи при писаніи [315]).

Первая и всеобъемлющая черта преданія — *апостольство* истинной церкви. Преданіе—это apostolicae praedicationis fundamenta [316]). Такъ какъ апостолы проповѣдывали въ церкви не различное и не противоположное ученіе (какъ это видно у родоначальниковъ религіозно-философскихъ сектъ), а тождественное [317]), то и несомнѣн-

---

[315]) См. его толкованіе *на Евангеліе отъ Луки*, которое, безъ сомнѣнія, можетъ быть поставлено въ число главнѣйшихъ герменевтическихъ руководствъ къ уразумѣнію значенія писанія, какъ истиннаго слова Божія.

[316]) Expos. evang. sec Luc. VI, 68: ita si qua est ecclesia, quae fidem respuat, nec apostolicae praedicationis fundamenta possideat, ne quam labem perfidiae possit adspergere deserenda est

[317]) Въ изъясненіе словъ ап. Павла Гал. 1, 8—9 св. Амвросій разсуждаетъ такъ. «Не удивляйся никто, что апостолъ съ такою силою обуздываетъ жестокость

ное преимущество церкви православной предъ всѣми еретическими обществами состоитъ въ томъ, что она обладаетъ истинными источниками апостольской проповѣди и въ чистотѣ сохраняетъ *первоначальную вѣру*[318]).

Слово Божіе сначала сохранялось и распространялось въ церкви въ одномъ преданіи, а потомъ и въ писаніи. Но писаніе никакъ не можетъ исключать изъ употребленія преданіе; ибо въ преданіи течетъ *религіозная жизнь* церкви. И самъ ап. Павелъ, наставлявшій христіанъ письменно, считалъ нужнымъ личное присутствіе въ церквахъ для преподанія вѣры и даровъ Духа Святаго[319]). Какъ это объяснить иначе, какъ не такъ, что все сказанное въ писаніи часто можетъ быть понято въ превратномъ смыслѣ[320]).

Такъ какъ преданіе и писаніе тождественны и неразрывно-связанны между собою по существу и происхожденію, то само собою ясно, по ученію св. Амвросія, что преданіе утверждаетъ подлинность евангельскаго текста, изъясняетъ его и дополняетъ. Такъ, напр., на основаніи преданія св. Амвросій отстаивалъ подлинность и цѣлость словъ Христовыхъ: «*Духъ есть Богъ*» (Іоан. 4, 24)[321]). По руководству преданія онъ изъясняетъ значеніе крещенія дѣтей изъ

нравовъ; ибо онъ негодуетъ противъ враговъ благочинія христіанскаго, ревнуя о спасеніи галатовъ. Негодованіе это показываетъ, что возвращеніе къ закону по принятіи вѣры—не маловажный грѣхъ, ибо, утверждаетъ онъ, *проповѣданное имъ у нихъ благовѣстіе* столь твердо и *истинно*, что если бы и сами они, т. е. апостолы, премѣнили мысли и стали проповѣдывать иное, не должно внимать имъ, не смотря на то, что молва о нихъ, *какъ апостолахъ Христовыхъ*, распространилась повсюду, или если бы діаволъ, преобразившись въ ангела свѣтла, чтобы обольстить ихъ, явился съ неба, проповѣдуя противное тому, то сего должно отвращаться». (см. у *Иннокентія*, Богосл. Облич., т. 3, стр. 90—91). Ясно, почему апостолъ увѣщеваетъ всѣхъ христіанъ остерегаться религіознаго преданія или философіи о вѣрѣ, получившей начало не отъ Бога, но отъ слабаго ума человѣческаго, и не ко Христу ведущей, но отъ Христа отвлекающей (Кол. 2, 8). Это—апостольское предостереженіе, но не отъ истиннаго преданія, а отъ языческихъ религіозно-философскихъ мудрствованій о вѣрѣ и откровеніи, которые обольщали простодушныхъ и которыми обыкновенно пользовались ложные учители (*Иннокентій*, тамъ-же, стр. 90. 87).]

318) См. *двѣ книги о вѣрѣ* въ опроверженіе аріанства, посвященныя императору Граціану.

319) См. его комментарій словъ ап. Павла къ Рим. 1, 11: «*желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, къ утвержденію вашему*».

320) Нѣсколько тенденціозное толкованіе комментарія Амвросіева на Рим. 1, 11 см. *Nicolas*'a, Studien uber das Christenthum, III, s. 213.

321) О Святомъ Духѣ, гл. 10.

Іоан. 1, 29 [322]). Чтобы доказать необходимость экзегетическаго преданія, св. Амвросій довольно подробно изслѣдуетъ вопросъ объ иносказательномъ (аллегорическомъ) методѣ истолкованія, занимающій у него особое мѣсто [323]). Къ числу дополнительныхъ источниковъ догматическаго написаннаго преданія у него относится σὺμβολον [324]).

Органомъ истиннаго преданія служитъ святоотеческая вѣра. Ссылкой на учительный авторитетъ и преданіе древнихъ отцовъ св. Амвросій Медіоланскій самъ уклоняется отъ всяческихъ нововведеній въ вѣрѣ [325]). Такъ какъ «истинная вѣра незнакома съ робостью» [326]), то онъ желалъ бы охотнѣе быть отлученнымъ отъ церкви и умереть, чѣмъ одобрить ученіе о вѣрѣ, которое противорѣчило бы преданію и писанію. «Я слѣдую опредѣленію Никейскаго собора, отъ котораго меня не можетъ отлучить ни мечъ, ни смерть» [327]). Этими словами св. Амвросія, какъ нельзя лучше, округляются основныя сужденія его преданіи, какъ положительномъ источникѣ христіанскаго вѣроученія.

Таковъ краткій очеркъ ученія св. Амвросія о преданіи въ соединеніи основныхъ мыслей его. Оно все и всецѣло проникнуто искони—православнымъ взглядомъ на значеніе и органы преданія. Вся истина его—въ святоотеческой всеобщности. Мы о немъ упо-

---

322) Ep. 84; кн. о тайнахъ (de mysteriis), гл. 1 и 2; кн о рукополагаемыхъ гл 2 и 6 (ссылка у *Ст. Яворскаго*, Камень вѣры, ч. 3, гл. 4, стр. 22).

323) Особенно утомительны у него *аллегорическія* истолкованія *библейскихъ* сказаній.

324) De Elia et jejunio; Догматическое изъясненіе *символа вѣры*; Ep. 81 и Sermo 38 (см. ссылку у *Ст. Яворскаго*, Камень вѣры, ч. 3, гл. 4, стр. 22).

325) «Будемъ хранить заповѣданное предками и не дерзнемъ, по невѣжественному безразсудству, повреждать печати, доставшіяся по наслѣдству. Извѣстную запечатанную книгу пророческую (Апок. 5, 1—10) не дерзнули разгнуть ни старцы, ни власти, ни ангелы, ни архангелы; право раскрыть ее прежде всѣхъ предоставлено одному Христу. Дерзнетъ ли кто изъ насъ распечатать *книгу священническую*, запечатанную исповѣдниками и освященную уже мученичествомъ многихъ? Кого вынудили распечатать ее, тѣ послѣ запечатали ее наконецъ, осудивъ обманъ, а кто не дерзнулъ тронуть ее, тѣ стали исповѣдниками и мучениками. *Какъ можемъ мы отвергать вѣру тѣхъ, чью побѣду прославляемъ*» (О вѣрѣ, кн. 3, гл. 7, сравн. ссылку на это мѣсто у св. *Викентія Лиринскаго* въ его Commonitorium'ѣ). Снять печати съ книги пастырскаго учительства это значитъ нарушить неприкосновенность догматическаго преданія. Ср. разсужденіе св. Амвросія объ авторитетѣ отцовъ in Ep. 47 (ed Basil. 1527 г, т. III, p. 152).

326) Слово о тайнѣ воплощенія.

327) Ep. 32.

мянули для точнѣйшаго обозначенія исторической связи главнѣйшихъ святоотеческихъ понятій о преданіи.

23. Какъ во всѣхъ почти величайшихъ богословскихъ вопросахъ, такъ и въ разсматриваемомъ нами пунктѣ церковнаго ученія *блаж. Августинъ, епископъ Иппонійскій* († 427 г.), знаменитый апологетъ христіанства, догматистъ и истолкователь писанія, представляетъ «основательнѣйшее и точнѣйшее воззрѣніе» [328]). Никто изъ отцовъ и учителей церкви не имѣлъ столько вліянія на Западѣ, какъ блаж. Августинъ. Поэтому, и въ вопросѣ о преданіи это—«полновѣсный свидѣтель» [329]), даже по суду протестантскихъ писателей. За преданіемъ блаж. Августинъ признаетъ полнѣйшую важность и значеніе, какія необходимо мыслятся во всецерковномъ понятіи объ источникахъ божественнаго откровенія и основныхъ началахъ христіанскаго вѣроученія. Въ ближайшей связи его ученіе о преданіи стоитъ со взглядомъ греко-африканскихъ и латино-африканскихъ отцовъ и писателей церковныхъ. Оно подробно излагается въ его различныхъ твореніяхъ, по преимуществу антисектанскихъ, каковы, напр., догматическія творенія противъ минихеевъ, донатистовъ и пелагіанъ.

Преданіе есть устное слово Божіе и живое дѣло вѣры церкви. Отсюда оно обозначается у блаж. Августина прежде всего какъ первоначальный способъ церковно-историческаго распространенія и утвержденія откровенія и вѣроученія христіанскаго. Самъ Іисусъ Христосъ, какъ «учитель, коего школа на землѣ, а каѳедра на небѣ» [330]), не пользовался письменами для передачи своего ученія церкви. Не провозглашеніе только *ученія* вѣры или «религіозной доктрины» [331]), а болѣе того—истинное сообщеніе міру божественной *жизни* и устроеніе *церкви*,—вотъ что составляетъ, по Августину, конечную цѣль и задачу откровенія Христова. Для дальнѣйшаго провозвѣстія и повсюднаго распространенія откровеннаго ученія «служили для Господа *какъ бы руками* апостолы [332]),

---

[328]) *Schwane*, Dogm. patr. Zeit, II, s. 899.

[329]) *Herzog*, R.=Encykl., s. 729 (sub verb. tradition)

[330]) *Филаретъ*, Прав. Догм. Богословіе, т 2, § 193, стр. 70.

[331]) Ср. смыслъ наименованія творенія Августина De doctrina christiana (христіанская наука).

[332]) De consensu evangelistarum, lib. 1, c 35, n 54 (у *Сильвестра*, п. 1, § 45, стр. 297).

записавшіе то, что диктовалъ имъ Самъ Духъ Святый. Не Христосъ составитель божественныхъ писаній, но апостольскія писанія *говорятъ* о Немъ, не будучи однако написанными отъ Него [333]). Поэтому, блаж. Августинъ все апостольское писаніе характерно называетъ venerabilem stilum spiritus [334]).

Съ точки зрѣнія первоначальнаго способа распространенія и сохраненія христіанскаго откровенія преданіе, по Августину, есть объективно-матеріальный источникъ и истинно-гносеологическій принципъ церковной вѣры. Искони дано и утверждено въ церкви богодухновенное преданіе; въ немъ одномъ сосредоточивалась полнота откровенія Божія и церковной жизни «христіанской религіи» [335]). Писаніе появилось потомъ, для помощи преданію, а не для ослабленія его источнаго значенія. И такъ, сперва преданіе есть самодовлѣющее начало историческаго бытія и религіозной жизни церкви христіанской; но и при писаніи обращеніе къ преданію и руководство имъ необходимо для полноты и совершенства христіанскаго познанія объ откровеніи и о вѣрѣ. Мы доходимъ до религіозной вѣры во Христа и въ церковь не чрезъ писаніе, но при помощи церкви, при посредствѣ ея преданія и чрезъ вѣру, получаемъ апостольское писаніе и достигаемъ истиннаго знанія о немъ. Поэтому для истиннаго христіанина, живущаго по руководству вѣры церковной, собственно нѣтъ нужды въ писанномъ словѣ для наученія и даже для обличенія другихъ. Въ этомъ именно смыслѣ блаж. Августинъ говоритъ въ своемъ твореніи «*De doctina christiana*» слѣд. достозамѣчательныя слова: «кто опирается *на вѣрѣ, надеждѣ и любви* (1 Кор. 13, 13) и держитъ ихъ нерушимо, тотъ не нуждается въ писаніяхъ, даже для того, чтобы уличить (въ ихъ нарушеніи) другихъ; поэтому многіе этими тремя добродѣтелями живутъ въ уединеніи безъ книгъ, и на нихъ, полагаю, уже исполнилось сказанное: хотя и пророчества прекратятся, и языки умолк-

---

333) Вопросъ объ отношеніи преданія апостоловъ къ ученію Христову подробно разсматривается въ книгѣ первой «О согласіи евангелистовъ». Ср. защиту истины и достовѣрности апостольскаго преданія противъ донатистовъ (Contr. Don. 4, 23; Contr. Cresc 1, 33).

334) Confess lib. VII, c. 21, n. 27 (у *Сильвестра*, т. 1, § 45, стр. 297).

335) De civ. Dei lib. XVII, c. 4, n. 2 (christiana religio).

цуть, и знанія упразднятся, и проч. (1 Кор. 13, 8)» [336]). Это одно изъ «классическихъ мѣстъ» православно-церковной гносеологіи и апологіи блаж. Августина, напоминающее намъ взглядъ св. Ирпнея Ліонскаго и св. Златоуста по этой же самой сторонѣ ученія о преданіи. Къ сожалѣнію, это мѣсто изъ Августина недостаточно ясно и полно оцѣнено въ нашей богословской наукѣ; а между тѣмъ оно одно изъ центральныхъ положеній Августиновой теоріи христіанскаго знанія объ откровеніи и вѣрѣ христіанской. Откровеніе и вѣра христіанскія могутъ существовать и до писанія, и безъ писанія, т. е. не вопреки писанію, а на основаніи евангельской проповѣди и истиннаго преданія церкви. Только съ точки зрѣнія протестантскаго ученія о «догматико-канонической самодовлѣемости писанія» это положеніе Августина считается «сектантскимъ» и высказывается опасеніе касательно оскудѣнія церковно-религіозной вѣры и жизни при недостаткѣ «книжнаго знанія о предметахъ религіи».

Въ той же самой генетической связи основныхъ православно-гносеологическихъ понятій о преданіи стоитъ и слѣдующее мѣсто изъ Августина, изъясняющее намъ всю полноту церковной вѣры въ писаніе и его авторитетъ «*ego vero Evangeliae non crederem, nisi me catholicae ecclesiae commoveret auctoritas*», т. е. «я не повѣрилъ бы даже Евангелію, если бы меня не побуждалъ къ тому (не убѣждалъ въ томъ) авторитетъ вселенской церкви», иначе вселенски-церковное преданіе, traditio non Scripta [337]). Вотъ настоящій православно-церковный гносеологическій и методологическій принципъ полнѣйшей вѣры въ писаніе, въ его догматико-канонической авторитетъ и историческую подлинность [338]). Вѣра въ писаніе идетъ отъ церкви, а не наоборотъ. Вѣра въ писаніе основывается на безусловной увѣренности въ непогрѣшимомъ свидѣтельствѣ и истинномъ

---

[336]) Homo itaque fide, spe et caritate subnixus, eaque inconcusse retineus, non indiget scripturis nisi ad alios instruendos Itaque multi per haec tria etiam in solitudine *sine codicibus* vivunt. Unde in illis arbitror jam impletum esse quod dictum est (1 cor. 13, 8). sive prophetiae evacuabuntur, sive linguae cessabunt, sive scientia evacuabitur etc. (lib 1, c 39).

[337]) Contr. Manich. ep. Fundamenti 5, 1. Ср. *Климентъ*, Str. VII, 15, 16, св. *Кириллъ* Іер., Cat. 4, 3, 33, 35; V, 12, *Василій В*, св. Григорій Великій и св Кириллъ Алек. Ер. 38, 108, Іоаннъ Дамаскинъ, De imag. or. 3, 41.

[338]) *Иннокентій*, Бог. облич., т. III, § 238, стр. 194, примѣч. 1.

удостовѣреніи вселенской церкви. Поэтому въ разсматриваемомъ изреченіи бл. Августина объективная истина церковнаго преданія доведена до полнѣйшаго идеально-гносеологическаго значенія. Здѣсь въ высшей степени ясности выраженъ догматическій принципъ религіознаго самосознанія церкви въ ея существѣ и исторической жизни, въ библейскомъ ученіи и дѣлѣ христіанской вѣры. Это подлинно-каѳолическій принципъ всѣхъ православныхъ защитниковъ идеи преданія въ его отношеніи къ писанію и учительному авторитету церкви. Ясный смыслъ разбираемаго мѣста не могутъ ослабить или потемнить никакія сектантскія усилія и ухищренія протестантскихъ богослововъ, направленныя противъ него [339]).

Основное положеніе блаж. Августина, высказанное въ означенныхъ словахъ, служитъ общецерковнымъ догматико-гносеологическимъ критеріемъ православно-каѳолическаго вѣроученія при рѣшеніи вопроса объ источникахъ и органахъ нашей увѣренности въ истинѣ писанія. Протестантскіе богословы пытались было придать этимъ словамъ такой смыслъ: «*церковное* (т. е. человѣческое) преданіе прежде всего приводитъ меня къ писанію, т. е. къ *слову Божію* записанному апостолами» [340]). Но и они должны были сознаться въ томъ, что блаж. Августинъ выражаетъ здѣсь и иную мысль, а именно православное ученіе о томъ, что *авторитетъ церкви непогрѣшимо*

---

[339]) Само собою понятно, что это изреченіе бл. Августина со времени реформаціи стало пользоваться худою славою въ протестантской догматикѣ (см., напр., изъ древне-протестантскаго періода *Buser* и *S. Baumgarten*, Untersuchung theol. streitigkeiten, Bd. III, s. 48; *Chemnitz*, Ex. p. 47 a; сравн *Lucke*, Zeitschrift fur evangel. Christen I, 1. 4, s 52 ff.). Ослѣпленный партійнымъ огнемъ Газе хочетъ представить его даже смѣшнымъ, такъ какъ онъ утрируетъ его до крайности. По его мнѣнію, уже здѣсь будто бы лежитъ общее догматико-каноническое положеніе, которое съ теченіемъ времени, особенно вслѣдствіе оппозиціи со стороны протестантовъ, стало римскимъ признаніемъ: «безъ папы я не цѣнилъ бы библію выше, чѣмъ коранъ» (Polemik, s. 67). Но эта утрировка, пожалуй, справедлива только въ отношеніи къ католичеству. Если въ свое время бл. Августинъ въ означенныхъ словахъ точно обозначилъ сущность православно-каѳолическаго гносеологическаго принципа, то теперь въ католичествѣ Mussus произвольное измѣненіе православнаго взгляда на преданіе и его значеніе въ римско-сектантское не менѣе точно обозначаетъ чрезвычайно смѣлымъ признаніемъ. «ego, ut ingenue fatear, plus uni Summo pontifici crederem, in his, quae fidei mysteria tanqunt, quam mille Augustinis, Hieronimis, Gregoriis, ne aiam Ricardis, Scotis, Guilielmis. *Holzmann*, Kanon, § 35. Расходящіяся линіи между православіемъ и римско-католическимъ преданіемъ ясны здѣсь до очевидности.

[340]) *Liche*, Zeit f. ev. Christ. I, 1, 4, s. 52 f.

свидѣтельствуетъ о божественномъ достоинствѣ писанія [341]). Не то хочетъ сказать здѣсь блаж Августинъ: «я подчиняюсь божественному слову *исключительно* ради человѣческаго авторитета церкви», и не это: «изъ авторитета церкви я долженъ систематически выводить откровенное ученіе»; но вотъ что: «я только изъ свидѣтельства истинной церкви достовѣрно узнаю, *гдѣ* можно и должно найти истинное слово Божіе, слышать живой голосъ Божій». Вотъ подлинная мысль блаж. Августина. Въ такомъ именно духѣ она и была уже высказана предшествовавшими ему отцами и учителями церкви [342]) Августинъ, какъ и всѣ прочіе отцы и писатели церковные, не ставитъ церкви *выше слова Божія*, но ищетъ и находитъ *писаніе* въ одной только церкви. Только съ этой стороны можно говорить, что Августинъ истинное преданіе церкви и живой голосъ ея предпочитаетъ безмолвному самому по себѣ писанію. По Августину, церкви не дано особой власти и права составлять новые догматы, не находящіеся въ писаніи; но только одна церковь непоколебимо *утверждаетъ каноническую истину* и историческую достовѣрность библіи въ ея цѣломъ и въ частяхъ [343]). Въ сектанствѣ нѣтъ и не можетъ быть цѣлостаго и единаго канона писанія, хранимаго церковію [344]). Еретики, чтобы въ очахъ обольщаемыхъ ими не показаться неимѣющими никакого основанія въ записанныхъ источникахъ, растлѣвая все-церковный канонъ, выдумывали и присоединяли къ нему апокрифическія книги. Такъ, по свидѣтельству блаж. Августина, поступали манихеи, употреблявшіе какія то «Дѣянія Апо-

---

341) *Neander*, Dogmengesch., I, s. 288 f.; *Baur*, Lehre von der Kirche, s. 226; *Marheineke*, Sistem, II, s. 191; *Huber*, Kirchenv. s. 260; даже *Servet*, Christianismi restitutio, p 627

342) Св Ириней Ліон., кн. IV, гл. 32, 1. Тертулліанъ, De pr. haer. c. 19 и c. 36, Contr. Marc. Lib. IV, c. 5, Климентъ Алек Str. VII, 15, 16; *Оригенъ* у Евсевія VI, 25; св. Аѳанасій Алек, ер. 39, Кирилль Іер., Огл. поуч 4, 3 33 35, 5, 12; св. Кириллъ Алек. Ep. 38. 108, срав Іоаннъ Дамаскинъ, De imag. or. 3, 41

343) De doctr. christ. II, 8: «in canonicis autem scripturis ecclesiarum catholicarum quam plurimum auctoritatem sequatur, inter quas sane illae sint, quae apostolicas sedes habere et epistolas accipere meruerunt» Отсюда «*canon scripturarum*» (Serm. CCCXV, n. 1; Cf. Act. cum Felic. Manich. II, 6. Adv. Faust. XXII, 79; De civ. Dei XV, 23, n. 4), *litterae cononicae* (Adv. Faust. XXIII, 9) и *liber canonicus* (Serm. CCCXXV, n. 1). «Scriptura canonica certis suis terminis continetur» (De bapt. c. Donat. II, 3, 4).

344) De cons. evangelistarum, lib. 2, c. 6 (вопреки еретикамъ Августинъ доказываетъ, что евангелій въ канонѣ церковномъ ни больше, ни меньше четырехъ).

столовъ», сочиненныя нѣкіемъ Левкіемъ [345]). Въ подтвержденіе той-же самой мысли блаж. Августинъ указываетъ и на другой обычай сектантовъ, исключавшихъ изъ писанія все, что было несогласно съ ихъ заблужденіями по вопросамъ вѣры или опровергало ихъ. Такъ, напр., онъ упоминаетъ о неистовыхъ катафригахъ и изступленныхъ манихеяхъ [346]), отвергавшихъ книгу Дѣяній св. Апостоловъ, такъ какъ эта книга обличала ихъ духоборческую ересь. На всѣ эти факты изъ исторіи канона въ сектантствѣ блаж. Августинъ указываетъ съ тою цѣлью, чтобы вывести убѣжденіе въ томъ, что догматико-канонической авторитетъ писанія и его историческая подлинность всецѣло покоятся на одномъ истинно-церковномъ преданіи.

Итакъ, по Августину, апостольское преданіе и неразрывный съ нимъ авторитетъ церкви неоспоримо служатъ полнѣйшею гарантіею догматической истинности и исторической достовѣрности апостольскаго писанія [347]). Христіанская церковь во всемъ своемъ вселенскомъ составѣ и силѣ духа вѣруетъ въ саму себя, въ свое данное отъ Бога учительное призваніе, когда библейскимъ книгамъ придаетъ каноническую важность и историческую достовѣрность [348]). Поэтому, наставляя весь міръ въ Духѣ Божіемъ, она считаетъ саму себя божественнымъ авторитетомъ, а свое преданіе божественнымъ ученіемъ. Точно также она и записанное Евангеліе, преданное намъ отъ апостоловъ, признаетъ откровеніемъ Божіимъ. Отсюда церковь, преданіе и библія (написанное Евангельское слово) въ ихъ органическомъ взаимодѣйствіи, по Августину, живутъ, «*стоятъ и падаютъ*» (Рим. 14, 4) вмѣстѣ.

Утверждая догматико-канонической авторитетъ писанія, преданіе должно и изъяснять библейское ученіе. Писаніе, истолкованное церковію сообразно преданію, предлагаетъ достаточно точекъ опоры для православно-каѳолическаго вѣроученія. Эта мысль о руководительномъ значеніи преданія при уразумѣніи и истолкованіи содержанія

---

345) Acta cum Felice manicheo, lib 2, c 6.

346) Ер 267; «О пользѣ вѣры», гл. 3, чл. 7, «О правахъ церкви вселенской», I, гл 27 и въ др. твореніяхъ.

347) *Huber*, Kirchenv. s 260 —Объ отличіи у Августина вселенскаго канона отъ «канона Манихеевъ» см. у *Munscher'*, Handbuch., III, s. 91 ff. и у *Trechsel'я*, Uber den Kanon, die Kritik und Exegese der Manichaer, Bern 1832, 8

348) Ср. *Mohler'a*, Einheit, s 90.

и смысла писанія также составляетъ одно изъ основныхъ положеній Августиновой гносеологіи и богословской методологіи.

«Къ тому всѣ привержены,—говоритъ блаж. Августинъ въ своемъ противуманихейскомъ твореніи «*О пользѣ вѣры*» (de utilitate credendi),—что утверждено *авторитетомъ предковъ*. Ты говоришь, что *самъ собою* узналъ дѣло во время чтенія? Полно, такъ ли? Не зная науки стихотворства, ты не осмѣливаешься коснуться Теренція *безъ учителя*. Чтобы уразумѣть поэта, нужны Асперъ, Корнутъ, Данатъ и множество другихъ; а за свящ. книги ты принимаешься безъ вождя и осмѣливаешься произносить о нихъ судъ безъ учителя? Если для каждаго занятія, хотя бы то маловажнаго и легкаго, чтобы понять его, потребенъ учитель или наставникъ: то не крайне ли безразсудная гордость—не желать познать книги божественныхъ таинъ отъ истолкователей ихъ» [349]). При познаніи или истолкованіи «книгъ божественныхъ таинъ» необходимъ авторитетъ церкви, т. е. церковнаго учительства, совершающаго чрезъ преданіе дѣло религіознаго наставленія въ вѣрѣ. Безъ него невозможно понять безмолвную библію. Здѣсь у Августина на первомъ планѣ стоятъ св. отцы, какъ проводники и органы догматико-экзегетическаго преданія [350]).

Еще яснѣе выражается таже-самая мысль о необходимости преданія, какъ руководительнаго (формальнаго) начала при изслѣдованіи библіи, въ слѣдующихъ мѣстахъ изъ твореній св. Августина. «*Вѣра колеблется, коль скоро колеблется уваженіе къ писанію*» [351]). «Въ томъ, что̀ стоитъ открыто въ писаніи, находится все, что обнимаетъ вѣру и обычаи» [352]). «*Я научился* предъ одними книгами каноническаго писанія имѣть такое благоговѣніе, что твердо вѣрю,

---

[349]) См *Иннокентія*, Богосл Обличн., III, § 234, стр 122

[350]) «Quod invenerunt in ecclesia majores nostri, tenuerunt, quod didicerunt, docuerunt; quod a patribus acceperunt, hoc filiis tradiderunt» (Bas. ep. 140) Cf. Quod autem nos admovet (Cyprianus). ut ad fontem recurramus, id est ad Apostolicam traditionem, et inde canalem in nostra tempora dirigamus, optimum est et sine dubitatione faciendum» (De bapt. c. Don. 5, 37). De civ Dei, XX, 9, n. 2.

[351]) Titubabit fides, si scripturarum sacrarum vacillet (De doctr. chr. 1, 37). Ct. *св. Аѳанасій В.*, Contra gent I, p. 193; *Кириллъ Іерус.*, Оглас 4 и 5; *Златоустъ*, Противъ аномеевъ 11 (opp. I, 542).

[352]) In iis, quae aperte in scripturis posita sunt, inveniuntur illa omnia, quae continent fidem moresque vivendi, spem scilicet et caritatem (De doctr. chr. II, 9); Cf. св. Викентій Лиринскій, Com. c. 2.

что ихъ авторы при ихъ написаніи были свободны отъ всяческаго заблужденія. Другія же книги, отличающіяся большою святостію и ученостію, я читаю такъ, что почитаю что либо за истину не потому, чтобы это признавалось въ нихъ таковымъ, а единственно потому, что онѣ убѣждаютъ меня въ этомъ своими авторитетными писателями и своими совершенно достаточными основаніями» [353]). Въ уясненіе смысла этихъ словъ должно помнить обще-церковную предпосылку бл. Августина, а именно библейски-гносеологическій принципъ: «*ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ*» (2 Кор. 8, 7). Тогда получается такой ходъ мыслей. Въ дѣлѣ христіанскаго откровенія, въ исторіи его распространенія и утвержденія, *церковная вѣра* имѣетъ такое же значеніе, какъ историческій опытъ въ дѣлѣ реальнаго пониманія вещей міра. Тайны откровеннаго ученія должно принимать на вѣру, чтобы въ совершенствѣ *уразумѣть* ихъ [354]). Поэтому то у блаж. Августина и отвергается библейскій экзегесисъ по собственному усмотрѣнію и догадкамъ [355]), даже если бы онъ исходилъ и отъ такого многоученаго и пламеннаго въ вѣрѣ мужа, какъ блаж. Іеронимъ.

Въ той же самой связи мыслей о важности преданія при писаніи блаж. Августинъ говоритъ о своевольныхъ истолкователяхъ библіи: legunt, eligunt et diligunt [356]). Также, подобно всѣмъ отцамъ и учителямъ, онъ особо замѣчаетъ о разныхъ перетолкованіяхъ писанія еретиками и о спорахъ о немъ и отсюда выводитъ необходимость преданія для православной экзегетики [357]). Поэтому, въ спорныхъ библейскихъ мѣстахъ блаж. Августинъ совѣтуетъ православнымъ богословамъ обращаться къ «правому вѣры» (regula fidei),

---

[353]) Ep. ad Hieronymum 19 (al. 82). Cf. De baptismo contra Donatistas II, 3 и мн. другія мѣста. См. ссылку на это мѣсто изъ письма къ бл. Іерониму у *Филарета*, т. 3, § 198, стр. 28; изъ иносл. срав. тенденцію у *Hase*, Polemik, s. 67.

[354]) Вотъ общая формула мысли объ отношеніи разума къ вѣрѣ у бл. Августина: «вѣруемъ, чтобы познать, и не познаемъ, чтобы увѣровать» (у Сильвестра, т. 1, § 17, стр 104). Прямая противоположность Тертуллиану

[355]) Contra Adimant. c 13, n. 4.

[356]) Conf, 13, 15.

[357]) «Omnes enim haeretici, qui eas (scripturas) in auctoritate recipiunt, ipsas sibi videntur sectari, cum potius suos sectentur errores, ac per hoc, non quod eas contemnant, sed quod eas non intelligant, haeretici sunt» (Ep CXX ad Consentium, n. 13). И въ другомъ. «neque enim non omnes haeretici scripturas catholicas legunt,

которое онъ самъ изучилъ изъ болѣе ясныхъ мѣстъ писанія и изъ догматическаго ученія каѳолической церкви[358]). Здѣсь преданіе, по Августину, обозначается, какъ важнѣйшее и ненарушимое правило истины: «verissimam et inviolabilem veritatis regulam»[359]). Догматическимъ источникомъ и руководительнымъ началомъ истиннаго библейскаго экзегесиса служитъ *дѣйствительный опытъ каѳолическаго вѣроученія* и вся вообще религіозная жизнь церкви. Всякое иное пониманіе «правила вѣры» и его значенія при писаніи и для писанія ведетъ къ иллюзіонизму и мистикѣ, съ чѣмъ сильно боролся блаженный учитель Иппонійскій. Вотъ почему Августинъ находитъ достаточное основаніе для признанія каноническихъ писаній и для отверженія всяческихъ апокриѳовъ не въ томъ только, что первые истинны и авторы ихъ заслуживаютъ полнѣйшей вѣры, а вторые неистинны и недостовѣрны, но и въ томъ, что первые вполнѣ согласны съ преданіемъ церкви, а вторые содержатъ въ себѣ нѣчто ложное, «что каѳолическое и апостольское правило вѣры и здравое ученіе осуждаютъ»[360]). Вышеприведенная цитата, взятая нами изъ одного письма къ блаж. Іерониму, ничего не доказываетъ *противъ* принципа догматико-экзегетическаго преданія. Августинъ говоритъ: «*я научился* только *каноническія писанія* считать свободными отъ всяческихъ заблужденій». Гдѣ научился? Откуда узналъ? Все-таки отъ церкви и въ церкви, никогда не признававшей односторонняго принципа писанія. Поэтому и блаж Іеронимъ не долженъ требовать безпрекословнаго уваженія къ своимъ твореніямъ, равно какъ и другіе «православные и похваляемые мужи»[361]). Въ томъ же самомъ понятіи экзегетическаго преданія сокрывается и то основоположеніе Августина, по которому *церковныя заповѣди* вообще суть

---

nec ob aliud sunt haeretici, nisi quod eas non recte intelligentes, suas falsas opiniones contra earum veritatem pertinaciter asserunt» (De Genes. ad litter. lib. VII, c. 9, n. 13. Cf. Coll. cum Max. c. 1, De nat. et gr c. 39, изъ отцовъ и учителей: *Тертулліанъ*, De pr. haer. c. 17, 21, 35—38; *Оригенъ*, De principiis, lib. IV, n. 2; св. *Аѳанасій В.*, De-Syn. Nicen. 13. 14. 40. 43 47, св. *Кириллъ Ал.*, Ep. 39.

358) De doctr. chr. 2, 8. 3, 2; cf Contr Faustum 28, 2. 4. 6.

359) Conf. 6, 4, ср. C. Faust. V, 1.

360) De cons evang. 1, 1, 2.

361) «Мы отнюдь не должны почитать *разсужденія* нѣкоторыхъ, хотя и православныхъ и прославляемыхъ мужей, наравнѣ съ кононическими писаніями, и думать, якобы намъ непозволительно было, при достодолжномъ уваженіи къ этимъ лицамъ

изъясняющее истолкованіе всего апостольскаго писанія [362]). Извѣстна также богословско-гносеологическая аксіома Августина: «lex supplicandi est norma credendi».

Особое мѣсто въ ученіи блаж. Августина объ экзегетическомъ преданіи занимаетъ вопросъ объ иносказательномъ объясненіи Новаго Завѣта. Общее понятіе объ аллегорическомъ истолкованіи писанія Августинъ заимствовалъ отчасти у Оригена, а отчасти у св. Амвросія Медіоланскаго, но раскрылъ его самостоятельно. Аллегорическій методъ изъясненія библіи, особенно въ центральныхъ мѣстахъ Августинъ считаетъ необходимымъ въ виду того, что здѣсь показывается путь истиннаго преданія, по которому можно избѣжать затрудненій при экзегетикѣ. Въ доказательство этой мысли, подобно св. Аѳанасію Великому, приводитъ слова ап. Павла: «*буква убиваетъ, а Духъ животворитъ*» (2 Кор. 3, 6), очевидно, разумѣя подъ «духомъ животворящимъ» вселенское преданіе церкви Христостовой [363]). Въ полемическомъ твореніи противъ пелагіанъ: «*о духѣ и буквѣ*» онъ подробно раскрываетъ мысль, что благодать Святаго Духа, обитающаго въ церкви,—не внѣшняя божественная помощь, каково, напр., *словесное наставленіе* (т. е. чрезъ писаніе), но животворящее дѣйствіе и проникновеніе силы Божіей во внутреннюю природу человѣка, стремящагося познать истину Божію и исполнить заповѣди Христовы. Эта черта въ ученіи бл. Августина о преданіи, очевидно, обще-отеческая; ее мы видѣли особенно ясно раскрытою у св. Иринея Ліонскаго и св. Іоанна Златоуста.

Если преданіе изъясняетъ писаніе, то является вопросъ: не считаетъ ли блаж. Августинъ «правило вѣры» (regula fidei [364]) самодовлѣющею догматическою сущностію библейскаго ученія, такъ

въ писаніяхъ ихъ кое-что не принимать и даже отвергать, если несомнѣнно узнаемъ, что они мыслили иначе, нежели какъ велитъ *истина*, другими ли, или нами понятая при помощи Божіей. Такъ смотрю и на писанія другихъ, такъ хочу, чтобы и на мои смотрѣли» (Ep. CXLII ad Fortun., n 15; см. у *Малярія*, § 141, стр. 386). Туже мысль проводитъ Августинъ въ Ep. LXXX ad Hyeronim, n. 3; Contra Faust. lib. XI, c. 5, Contr. Donatist. lib. VII, c. 20.

[362]) См. De dono parseverentia.

[363]) Conf 3, 5—7; 5, 10. 13—14; 6, 3—4; примѣры антиманихейскаго истолкованія in Faus. XXII.

[364]) Sermo LIX, p. 1; CXXXVI, n. 2; De octo Dulcitii questionibus III, n. 4; De symb. ad Catech. c. 1.

сказать догматическою «квинтъ-эссенціею» писанія? Повидимому, Августинъ разсматриваетъ символическое правило вѣры, какъ логическій выводъ изъ библейскаго ученія. Такъ объ изъясненіи символа вѣры въ одномъ своемъ Словѣ онъ замѣчаетъ: «тѣ слова, которые вы слышите (правило вѣры), разсѣяны въ свящ. писаніи, но они собраны и составлены *во едино*, дабы не страдала память медленно мыслящихъ людей» [365]). Но въ существѣ дѣла, блаж. Августинъ, подобно св. Кириллу Іерусалимскому и другимъ св. отцамъ, выходитъ здѣсь изъ той основной мысли, что преданіе и писаніе, въ основоположительныхъ членахъ вѣры, взаимно совпадаютъ или покрываютъ другъ друга. Исповѣданіе вѣры въ символѣ имѣетъ для него значеніе не какъ «формально-логическое извлеченіе» изъ писанія, а какъ краткое объединеніе догматическаго ученія вѣры церковной въ немногихъ словахъ. И писаніе излагаетъ тоже самое вѣроученіе, что и символъ. Но символическое «правило вѣры»—это кратко обобщенное слово, въ немногихъ чертахъ совмѣщающее и выражающее истинный смыслъ всѣхъ писаній, всей библіи. Здѣсь съ замѣчательною точностію схвачена и на вѣки передана вполнѣ достовѣрно вся суть и вся сила универсальнаго закона православной вѣры.

Впрочемъ, должно замѣтить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ блаж. Августинъ съ особою силою утверждаетъ и раскрываетъ источное и руководительное значеніе писанія, онъ имѣетъ въ виду прямо такія истины откровенія и вѣры, которыя служатъ чисто-догматической основой и средоточіемъ христіанскаго *вѣроученія* и потому довольно ясно и несомнѣнно для каждаго излагаются въ писаніи [366]).

---

[365]) Sermo 212. Cf. св Кириллъ Іер, Огл. поуч. 5, 12, Іоаннъ Кассіанъ, De incarn. 6, 3, св. Исидоръ Пелусіотъ, De off 2, 22.

[366]) «Когда какой нибудь предметъ до того непонятенъ въ существѣ своемъ, что мы не можемъ уяснить его при помощи разума своего, а въ божественныхъ писаніяхъ ничего на тотъ случай не открыто; то усилие человѣка сказать о немъ по догадкамъ своимъ что—нибудь опредѣленное безразсудно» (Письмо къ Оптату, гл. 5). «Если случится разсуждать о чемъ нибудь крайне непонятномъ, а въ божественныхъ писаніяхъ нѣтъ о томъ показаній ясныхъ и опредѣленныхъ, то человѣкъ долженъ обуздать свою предпріимчивость, ни на что не долженъ рѣшаться при уясненіи этого. Пусть я и не буду знать, какъ раскрыть и уяснить что нибудь въ такомъ случаѣ; но если *невѣдѣніе* сего не соединено съ ущербомъ въ отношеніи къ обѣщанному спасенію, то я *вѣрю* только тому, что *совершенно ясно* предлагаютъ *глаголы Божіи*» (О заслугахъ и отпущеніи грѣховъ, кн. 2, гл. 36). См. у *Иннокентія*, т. 3, § 238, стр. 144—145.

Для этой то «*veritas evangelica et apostolica*», для ея подтвержденія и укрѣпленія въ религіозномъ сознаніи христіанъ, особенно въ борьбѣ съ еретиками (манихеями, аріанами, донатистами, пелагіанами), блаж. Августинъ съ особою любовію заимствовалъ главнѣйшія богословскія доказательства отъ писанія [367]). Писаніе здѣсь представляется *ближайшимъ* источникомъ христіанскаго вѣроученія [368]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже единственно-достаточнымъ [369]). Въ этомъ то смыслѣ Августинъ говоритъ о томъ, чтобы религіозные споры, т. е. сомнительные вопросы *о вѣрѣ* рѣшались не посредствомъ сознанія соборовъ, а съ помощію писанія [370]). Хотя здѣсь и нѣтъ прямаго отрицанія преданія, но естественно выдвигается на на первое мѣсто право писанія рѣшать и разъяснять богословскія споры. Для подтвержденія именно этой мысли Августинъ приводитъ такого рода выразительный примѣръ. Онъ говоритъ, что писаніе яснѣе и опредѣленнѣе высказалось бы въ ученіи о происхожденіи души человѣка (разумѣется спорный вопросъ о такъ называемомъ креаціонизмѣ и традиціонизмѣ), если бы это ученіе составляло необходимый и *основоположительный членъ вѣры* въ указанномъ смыслѣ [371]). Гдѣ же дѣло обоснованія и свидѣтельствованія христі-

---

[367]) «Scriptura sacra omnibus (est) accessibilis, quamvis paucissimis penetrabilis. Ea, quae aperte continet, quasi amicus familiaris sine fuco ad cor loquitur indoctorum atque doctorum» Ep. 137) Cf. De doctr christ. II, 63; изъ отцовъ *св. Василія Вел.*, Hom in psal. I (op. т. 1, p. 90).

[368]) Ep, 54, 1; De bapt. c. Don. 2, 3 4; De peccat. mer. et rem. 3, 7; Contr. Cresconium 2. 31. 32; De nuptiis et concupiscentia 2, 29, Contra duas epist. Pelagiani 4, 8; Cf въ особенно De doctr. Christ. II, 9.

[369]) Ep. 19 (al 82) ad Hieron; Contr. Parmen 1, c. 1, 7; De unitate ecclesiae c. 9.

[370]) E. 103. Contr. Maxim 2, 14; De bapt. c. Don. 2, 3. 4. «Ужели еще нужно собирать соборъ, разсуждая о ереси пелагіанъ, чтобы обличить столь явную погибель? Какъ будто никакая ересь никогда не была осуждена безъ созванія собора, тогда какъ, напротивъ, извѣстны весьма немногія ереси, для обличенія которыхъ открывалась такая потребность, а многія, и при томъ несравненно большее число, гдѣ являлись, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и подвергались справедливому обличенію и осужденію и уже оттуда давалось это во извѣстіе всѣмъ прочимъ церквамъ для предостереженія» (Lib IV ad Bonifac. contra duas Ep Pelagian. c. 12; см у *Малярія*, § 140, стр. 382) Срав. мнѣніе его о соборномъ авторитетѣ Ep LIV ad Ianuar., n. 1

[371]) Ubi enim de re obscurissima disputatur non adjuvantibus divinarum scripturarum certis clarisque documentis, cohibere se debet humana praesumptio nihil faciens in partem alteram declinando. Etsi enim quodlibet horum, quemadmodum demonstrari et explicari possit, ignorem illud tamen credo, quod etiam hinc divinorum eloquiorum clarissima auctoritas esset, si homo id sine dispendio promissae salutis ignorare non posset» (De pecat. mer et rem. 2, 59)

апскихъ истинъ догматической вѣры не такъ просто, тамъ Августинъ старается воспользоваться и преданіемъ въ качествѣ научно-богословскаго доказательства. Поэтому въ весьма многихъ мѣстахъ своихъ догматико-апологетическихъ твореній, онъ доказываетъ, что «вѣра, которую мы держимъ, есть истинная вѣра и во-истину христіанская и каѳолическая, и какъ передана въ свящ. писаніяхъ, такъ и нашими св. отцами даже до сего времени удерживалась и сохранялась и въ будущемъ, при помощи Божіей, будетъ держаться и сохраняться» [372]).

Хотя всецерковный канонъ писанія былъ окончательно утвержденъ на соборахъ Иппонійскомъ (393 г.) и Карѳагенскомъ (397 г.), составившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ блаж. Августина, однако это обстоятельство нисколько не измѣняетъ православно-церковнаго взгляда Августина на преданіе и его значеніе при писаніи. И при канонѣ, по ученію Августина, преданіе все-таки необходимо. Оно должно выступить при немъ, какъ другое равноправное источное начало, съ одной стороны восполняющее собою писаніе [373]), а съ другой—раскрывающее и уясняющее библейскій духъ и дѣло вѣры Христовой въ церкви, особенно противъ тѣхъ еретиковъ, которые въ замѣнъ преданія выставляли формальное значеніе одного писанія, каковы, напр., аріане [374]). Въ преданіи содержатся весьма многія истины христіанскаго вѣроученія и церковныя учрежденія, не заключающіяся въ писаніи, но проистекающія непосредственно отъ апостоловъ. Такъ, напр., къ преданію причисляется у Августина неповторямость таинства крещенія и крещеніе младенцевъ, убѣдительнѣйше доказывающее противъ еретиковъ наслѣдственность первороднаго грѣха [375]). Въ поле-

[372]) Contr. duas ep. Pelag ad Bon 4, 12 Op. imp. c. Iulian 1, 13, гдѣ Августинъ отсылаетъ безбожнаго Юлана къ папѣ Иннокентію I, который училъ о томъ, что издавна содержала апостольская каѳедра и римская церковь вмѣстѣ съ другими апостольскими церквами.

[373]) Въ изъясненіе словъ ап. Павла Гал. 1, 8—9 бл. Августинъ говоритъ: «не сказалъ онъ (т. е. апостолъ): болѣе того, нежели сколько пріясте, но *паче, еже пріясте*. Если бы онъ такъ сказалъ, то противорѣчилъ бы самому себѣ, ибо онъ желалъ придти къ Солунянамъ, чтобы восполнить недостававшее ихъ вѣрѣ (1 Ѳес. 2, 17—18), а кто восполняетъ, тотъ присовокупляетъ не бывшее, а не ниспровергаетъ бывшее» (Бес. 98 на Ев. Іоанна, гл. 7).

[374]) См кн. 1 на Максимина.

[375]) De bapt. contr Donat. 5, с 12. 23. 24. 31, 4, с. 9.

мическомъ твореніи «*Противъ Юліана*» Августинъ считаетъ святоотеческое ученіе о первородномъ грѣхѣ принятымъ церковію отъ апостоловъ [376]). Во многихъ антипелагіанскихъ твореніяхъ [377]) онъ употребляетъ много усилій, чтобы представить ученіе о благодати, какъ преданіе постоянное на Востокѣ и Западѣ (св. Кипріанъ Карѳагенскій и св. Амвросій Медіоланскій служатъ для него историческими свидѣтелями запада). Самое ученіе о церкви Августинъ раскрываетъ на основаніи догматическаго преданія противъ новаціанъ, донатистовъ и пелагіанъ. И все, что находится въ преданіи, должно (по Августину) принимать и усвоять тою же самою *вѣрою*, какъ и догматико-кононническое ученіе писанія, и сохранять съ такимъ же безпрекословнымъ *послушаніемъ*, какое воздается и записанному апостолами слову Божію [378]). Очевидно, преданіе здѣсь разсматривается, какъ существенно дополнительный и изъяснительный источникъ вѣры и жизни церковной, равносильный писанію, равночестный съ нимъ.

Изъ всего сказаннаго о важности и значеніи преданія само собою слѣдуетъ, что не всякое ученіе, находящееся въ обращеніи между христіанами, блаж. Августинъ признаетъ чистымъ источникомъ истиннаго знанія объ откровеніи и вѣрѣ Христовой. А такъ какъ еретики всячески вооружались противъ церковнаго преданія, то Августинъ подробно раскрываетъ ученіе о существенныхъ свойствахъ богопреданнаго вѣроученія.

Прежде всего, истинное преданіе непремѣнно должно обладать свойствомъ *высоты*. Высота преданнаго ученія непререкаемо свидѣтельствуетъ, что оно не какое-либо искусственное изобрѣтеніе гордаго ума человѣческаго, а истинное слово Божіе [379]). Въ

---

376) Contr. Iul. 6, c 5: «Sed esti nulla ratione indagetur, nullo sermone explicetur; verum tamen est, quod antiquitus veraci fide catholica praedicatur et creditur per ecclesiam totam».

377) Напр., De natura et. gratia, c 39.

378) Ep. 54, 1. «Illa autem quae non scripta, sed tradita custodimus, quae quidem toto terrarum orbe servantur, datur intelligi vel *ab ipsis Apostolis*, vel plenariis conciliis, quorum est *in ecclesia* saluberrima auctoritas, commendata atque statuta retineri».

379 Съ этой стороны христіанство есть истинная религія, а язычество, іудейство и еретическія секты-религіозное заблужденіе, вредное для ума и сердца (это основная идея его апологетическаго творенія «*Объ истинной религіи*»).

этомъ смыслѣ Августинъ, подобно Тертулліану и св. Аѳанасію Великому, такъ формулируетъ свой взглядъ на историческое происхожденіе истинно-христіанскаго преданія. «*Отъ Христа христіанинъ* (а, слѣдов., и христіанство, и вся церковь), *а не отъ христіанина Христосъ*» [380]). Еретики измыслили своего Христа и «свое христіанство» и утвердили «свою церковь», по собственному «преданію человѣческому», «*по стихіямъ міра*» (Кол. 2, 8), съ непомѣрнымъ искаженіемъ дѣла и ученія христіанскаго откровенія и вѣры (апокрифическія Евангелія). Христіанство въ сектантской переработкѣ еретическими преданіями—сущая религіозно-философская ложь, ибо это вѣра «*не по Христу*». Отсюда отношеніе между богооткровеннымъ преданіемъ и «эмпирическимъ содержаніемъ» еретическихъ преданій совершенно ирраціонально. «Манихею не должно вѣрить, говоритъ бл. Августинъ въ творении «Противъ Фавста» [381]), не потому, что онъ не былъ свидѣтелемъ ученія и дѣлъ Христовыхъ, а родился гораздо позднѣе, но потому, что онъ говоритъ о Христѣ *вопреки* (contra) ученикамъ Христовымъ, *вопреки* (contra) Евангелію, ихъ авторитетомъ утвержденному; ибо мы имѣемъ слово апостола, который Духомъ Святымъ провидѣлъ явленіе такихъ людей и потому говорилъ вѣрующимъ: *аще кто благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ*». Въ томъ же самомъ смыслѣ Августинъ указываетъ на слова Господа: «*всуе чтутъ мя, учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ*» (Мат. 15, 9), противъ аріанъ, ссылавшихся на нихъ, чтобы не принимать изречений о Сынѣ Божіемъ, основанныхъ на преданіи [382]).

Всеобщность (каоличество) и древность (апостольство) также составляютъ существенное свойство преданія.

Когда сумасбродные раскольники донатисты въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ въ пользу своей практики ссылались на авторитетъ св. Кипріана Карѳагенскаго, бл. Августинъ не только противопоставилъ имъ положеніе, что отцы не библейскіе писатели [383]), но также доказалъ, что ближайшимъ образомъ только то преданіе долж-

---

[380]) Слово въ день св. Петра и Павла.

[381]) Кн. 19, гл. 3.

[382]) См. ссылку у *Иннокентія*, 3 т., § 233, стр. 82, примѣч 2.

[383]) См. относящіяся сюда цитаты у *Макарія*, § 140, стр. 382.

но почитать за источникъ догматической вѣры и ученія, которое всегда принималось во всей церкви; только въ такомъ случаѣ должно предполагать съ необходимостію, что это преданіе проистекаетъ именно отъ апостоловъ [384]). Здѣсь у Августина указывается и примѣняется къ дѣлу древне-церковный критерій, необходимый для различенія положительнаго и отрицательнаго момента въ преданіи.

Точно также и относительно крещенія младенцевъ Августинъ замѣчаетъ, что *изъ писанія онъ ничего не знаетъ* о немъ, кромѣ той догадки, которая можетъ быть заимствована изъ библейскаго образа ветхозавѣтнаго (Кол. 2, 11. 12), а кто требуетъ болѣе убѣдительнаго доказательства, тому нужно сказать слѣдующее: «то, что нерушимо содержитъ *вся церковь* (всеобщность), и что не соборами (т. е. безъ всякаго соборнаго постановленія) введено, а *всегда хранилось* (древность) въ ней, въ то мы съ полнымъ правомъ вѣримъ, что оно предано отъ апостоловъ» [385]). По смыслу этого мѣста преданіе есть не что иное, какъ fides catholica [386]). Заключающееся здѣсь гносеологическое основоположеніе, въ сущности, обосновано по примѣру Тертулліановыхъ прескрипцій. Это драгоцѣннѣйшее правило Августина, которое должно имѣть особенную важность въ вопросѣ о признакахъ преданія, когда богословское обсужденіе касается того, что есть ἀληθῶς καθολικὰ fides. Здѣсь уже находятся существенныя части того самаго методологическаго способа для распознаванія и изслѣдованія преданій, находящихся въ обращеніи между христіанами, который въ скорости за тѣмъ всесторонне былъ раскрытъ св. Викентіемъ Лиринскимъ въ его ученіи объ источникахъ и основахъ христіанскаго откровенія и вѣры.

Гносеологическій составъ и сила разсматриваемаго правила блаж. Августина состоитъ въ слѣдующемъ. Если въ церкви существуетъ общее ученіе (или всѣми принятое учрежденіе), относительно котораго *нельзя доказать*, что оно когда либо возникло *въ противо-*

---

384) De bapt. c. Don. 4, c. 31. 34, 5, 23, 2, 7; Contr. Iul. lib. 2, Ср отвѣты на *шесть вопросовъ язычника* о *древности* христіанства, какъ религіи.

385) «Quod universa tenet ecclesia, nec non conciliis institutum, sed semper retentum est, nonnisi auctoritate apostolica traditum esse rectissime creditur» (De bapt contr. Don. 4. 24)

386) «De ver religione IX, n 17; De util. cred. c. VII, n. 13; Ep. c. Don. c. 2: о церкви, quae utique una est, quam majores catholicam nominarunt».

рѣчію съ прежнимъ ученіемъ или *вопреки* (contra) ему, то «доказательство отъ преданія» считается здѣсь приведеннымъ въ достаточной степени, даже еслибы не изъ всѣхъ періодовъ съ одинаковою ясностію и обстоятельностію были приведены *положительныя документальныя* данныя о вѣрѣ. Вѣра и церковь покоятся не на «формальныхъ доказательствахъ», а на силѣ Божіей и на откровеніи Божіемъ. Во всякомъ случаѣ, для полной увѣренности въ догматической истинности и исторической достовѣрности всецерковнаго преданія *документальныя свидѣтельства* не составляютъ абсолютнаго conditio sine qua non вѣры богооткровенной. Съ догматической стороны формально-историческія свидѣтельства обыкновенно приводятся только для того, чтобы болѣе древними документами подтвердить искони уже находящееся въ вѣрѣ церкви откровенное ученіе. Поэтому и доказательство отъ преданія не всегда можетъ дать пздревле и повсемѣстно признанное церковію формальное свидѣтельство. Достаточно, если оно, по выраженію Августина, прослѣдитъ практику или вѣру церковную до незапамятныхъ временъ и, такимъ образомъ, представитъ *невозможность* противнаго доказательства [387]). Если какое-либо догматическое ученіе и церковное учрежденіе оспаривалось людьми въ продолженіе столѣтій, то изъ этого слѣдуетъ только тотъ выводъ, что не всегда легко въ каждомъ частномъ случаѣ привести свидѣтельство отъ преданія, равно какъ и отъ писанія, а не то, что самое это ученіе или это учрежденіе не имѣетъ *никакой* опоры въ христіанской древности. Въ разсужденіи вѣры, т. е. при признаніи и утвержденіи откровенныхъ истинъ преданіемъ, церковь не имѣетъ особой нужды излагать все до мельчайшихъ подробностей съ одинаковою ясностію. Задача ея въ отношеніи къ откровенной истинѣ не въ томъ, чтобы «съ математическою точностію» и соблюденіемъ всей «научной обстоятельности» испытывать всѣ историческія свидѣтельства касательно источниковъ божественнаго откровенія (это прямое дѣло богословской науки), а въ томъ, чтобы собственнымъ гласомъ и самимъ дѣломъ своей жизни, просто и безъ всякаго прекословія и упрековъ, *указать* вѣрующимъ на богооткровенную истину. Поэтому, ссылка церкви на

[387]) De bapt 4, 23, 30. 24, 31. Gen. ad litt. 10, 23, 30; Serm. 174, 9. De lib. arb. 3, 20, 67. Vgl. изъ иносл. *Klee*, Dogmatik, 3 Aufl. III. s. 152.

апостольское преданіе, равно какъ и на авторитетъ писанія, это не какая-либо «фикція, возникшая въ православіи изъ страха предъ новизною въ религіи» и не какой либо случайный и «скоропреходящій призракъ» слабаго довѣрія церкви къ своей собственной непогрѣшимости и учительному авторитету [388]), а необходимый историко-гносеологическій путь и свидѣтельство при испытаніи откровеннаго ученія и христіанской вѣры. Если бы церковь съ самаго начала и разъ навсегда выставила во всей подробности и во всей точности логической формулировки «систематическій каталогъ» своихъ ученій и учрежденій, то чрезъ это она отказалась бы отъ духовно-исторической жизни своей вѣры и учрежденій, а это невозможное дѣло. Здѣсь церковь скорѣе духовно подражаетъ Христу и апостоламъ, не составившимъ и не оставившимъ строго опредѣленной «системы ученія». И это вполнѣ понятно; ибо въ церкви на ряду съ писаніемъ продолжаетъ жить истинное преданіе апостоловъ и особый даръ мудрости или вдохновенія въ высшей степени у епископовъ, у св. отцовъ и учителей, одушевляемыхъ Духомъ Святымъ, Духомъ истины и любви Христовой, для служенія евангельскому слову.

Въ дѣлѣ яснѣйшаго раскрытія откровеннаго преданія въ церкви особое значеніе имѣютъ, по Августину, ереси и расколы. «Многое, относящееся къ каѳолической вѣрѣ, когда приводится въ потрясеніе коварнымъ безпокойствомъ еретиковъ, чтобы могло быть защищаемо противъ нихъ, тщательно разсматривается и яснѣе понимается и настойчивѣе проповѣдуется, и вопросъ, вызванный еретиками, становится случаемъ къ наученію» [389]). Здѣсь блаж. Августинъ, подобно Оригену, говоритъ о нѣкоторой пользѣ ересей. Съ этой стороны преданіе, какъ религіозное самосознаніе церкви или какъ воспоминаніе церковное объ ученіи Христа (Іоан. 14, 26), ясно свидѣтельствуется во всеобщихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ. Оно всесторонне раскрываетъ и утверждаетъ искомую истину и разгоняетъ «мракъ невѣдѣнія». Примѣромъ такого дѣйствія преданія служитъ самъ Августинъ въ

---

[388]) Такъ обыкновенно протестанты утрируютъ внутренній смыслъ православнаго догмата о преданіи.

[389]) De Civit. Dei, lib. 16, c. 2; у *Филарета*, Прав. Догм. Бог. т. I, § 8, стр. 15.

споръ о крещеніи еретиковъ. Когда нѣкоторые изъ малоазійскихъ и большинство африканскихъ соборовъ подъ руководствомъ св. Кипріана Карѳагенскаго высказались за перекрещиваніе, бл. Августинъ показалъ, что преданіе за крещеніе еретиковъ, т. е. «за едино крещеніе во оставленіе грѣховъ» (за неповторяемость его и послѣ уклоненія въ ересь и новаго обращенія въ лоно церкви) болѣе древне, чѣмъ противоположные и не запятнано новизною сектантскаго уклада, и что *церковь вообще* держалась его, особенно высказываясь на соборахъ. Въ такомъ именно смыслѣ онъ доказываетъ истину святоотеческаго ученія о первородномъ грѣхѣ противъ пелагіанъ и другихъ еретиковъ на основаніи непрерывнаго и общецерковнаго преданія. Такимъ же точно образомъ онъ говоритъ по вселенскому преданію о Евхаристіи, о поминовеніи усопшихъ, о крестномъ знаменіи и о многомъ другомъ.

Итакъ, разсмотренное нами правило бл. Августина при пользованіи преданіемъ возводитъ насъ снова къ тѣмъ же самымъ основоположительнымъ воззрѣніямъ на церковь, которыя мы уже раньше показали у другихъ церковныхъ писателей. Каѳолическая церковь есть единственно-истинная сокровищница богооткровеннаго ученія и вѣры. Авторитетъ ея абсолютно необходимъ въ дѣлѣ познанія откровенной истины; ибо церковь присоединяется къ преданію и писанію не какъ какой-либо третій и *новый* источникъ откровеннаго ученія, а какъ живоносная носительница откровенія и жизни Божіей. Она есть исторически-живой религіозный организмъ, олицетворяющій въ себѣ христіанскую вѣру и совѣсть и непогрѣшимо свидѣтельствующій, что преданіе и писаніе суть ничѣмъ неповрежденные источники, въ первоначальной чистотѣ и совершенствѣ сохраняющіе и распространяющіе откровеніе Божіе. *Сверхъестественнаго* откровенія и *вѣры* не можетъ само по себѣ произвести или вынудить никакое формальное свидѣтельство. Для этого нужна животворящая *благодать и авторитетъ церкви.*[390]). По устроенію Божію, нрав-

---

[390]) Съ этой стороны весьма интересно ученіе Августина о преданіи. Ученіе *о благодати* у него тѣсно связано съ понятіемъ *о церкви*, созданной на основаніи пророковъ и апостоловъ на «краеугольномъ камнѣ» Іисусѣ Христѣ и распространяемой по вселенной въ лицѣ преемниковъ апостольскаго служенія и проповѣдниковъ евангельскаго ученія. Истинную церковь должно искать не въ какой-либо *философ-*

ственная свобода и благодать Божія дѣйствуютъ въ церкви въ нераздѣльномъ взаимообщеніи и неразрывномъ сочетаніи. Необходимо участіе всѣхъ силъ человѣческаго духа, чтобы стать способнымъ къ познанію христіанской истины и жизни въ церкви и чрезъ вѣру церковную. Конечно, весьма важна съ точки зрѣнія апологетики и научно-богословская дѣятельность при *историческомъ* обоснованіи и раскрытіи *содержанія* христіанскаго вѣроученія. Но послѣднее и рѣшительное слово все-таки должно принадлежать здѣсь одной церкви, освящающей и очищающей естественное право разума на свободное изслѣдованіе и познаніе богооткровенной истины. Не въ томъ дѣло, будто для каѳолическаго вѣроученія прекращаются всякое право и интересы богословско-историческаго изученія и изложенія истинъ христіанской религіи [391]), а въ томъ, что одна только церковь, при своей абсолютной догматической непогрѣшимости, избавляетъ это изученіе и изслѣдованіе отъ общей участи забвенія, свойственной всему вообще человѣческому. Она одна служитъ здѣсь спасительнымъ пристанищемъ и охраной божественнаго слова отъ всякаго приражешія человѣческихъ сомнѣній и заблужденій о вѣрѣ. Неповрежденность и нерушимость преданія сводится здѣсь къ божественному авторитету церкви, одушевляемой Духомъ Святымъ, отъ котораго происходитъ и писаніе. Здѣсь вопросъ о непогрѣшимости церкви центральный вопросъ. Непогрѣшимость принадлежитъ не преданію самому по себѣ и не писанію, взятому въ отдѣльности отъ церкви, а единой церкви, сохраняющей и изъясняющей откровеніе Божіе, а она, будучи вдохновляема и руководима Духомъ Святымъ, почитаетъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ оба источника

ской сектѣ, а въ *религіозномъ* единеніи всѣхъ помѣстныхъ церквей, имѣющихъ общимъ началомъ церковь апостольскую, а источниками откровенія и вѣры-преданіе и писаніе. Кто отдѣляется отъ церкви, тотъ лишается благодати Божіей и преданной истины вѣроученія, а кто родился и воспитался духовно внѣ союза съ церковію, тотъ хотя бы и запечатлѣнъ былъ христіанскими таинствами, не пользуется благодатною силою таинъ, какъ больной. Только въ церкви благодать Божія и истина преданія Христова. Поэтому, преданіе у Августина стоитъ не только въ ряду *богооткровенныхъ* источниковъ, но и въ ряду *благодатныхъ* средствъ спасенія во Христѣ. Сравн. свидѣтельство бл. Августина о божественномъ гласѣ: «*ego sum, qui sum*» и «*tolle, lege* (Conf. VII, 12).

391) Сравн. возраженіе *Газе* (Polemik, s. 75) въ отношеніи къ католическому преданію.

вѣры, и преданіе и писаніе. Вотъ почему бл. Августинъ, подобно св. Иринею Ліонскому и Тертулліану, съ необоримою силою доказываетъ *божественное право* преданнаго слова и дѣла вѣры церкви, утверждаетъ необходимость церкви въ качествѣ живаго ручательства за писаніе, за его каноиъ, за правильное его изъясненіе и за цѣлость различныхъ церковныхъ учрежденій и обычаевъ, отвергавшихся антицерковнымъ гносисомъ *безблагодатныхъ* еретиковъ.

Чтобы ослабить изложенное нами ученіе бл. Августина о преданіи, нѣкоторые протестантскіе богословы по наслуху говорятъ, будто самъ Августинъ, подобно Тертулліану и св. Кипріану Карѳагенскому, умаляетъ внутреннее достоинство предапія, ограничивая его одними обрядовыми правилами, а «все догматическое содержаніе христіанскаго вѣроученія» относя къ одному писанію [392]). Но видимое согласіе бл. Августина въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ съ мнѣніемъ предшествовавшихъ африканскихъ церковныхъ писателей объ обрядовомъ преданіи (consuetudo=ritus) можетъ быть разъединено и совсѣмъ отвергнуто нами, какъ не столь важное обстоятельство, чтобы изъ-за него ставить вопросъ надъ самымъ «именемъ Августина». И это тѣмъ легче доказать, что Августинъ, какъ извѣстно, обращаясь къ вопросу о крещеніи еретиковъ, останавливается на отношеніи къ этому вопросу св. Кипріана. Онъ похваляетъ Кипріана за то, что онъ несмотря на нѣкоторое несогласіе не оставилъ единенія съ церковію; но все-таки не признаетъ его взгляда. Ссылка Кипріана на частное преданіе африканской церкви не имѣла во всей церкви недлежащей поддержки, какъ выходитъ то и изъ словъ самаго Кипріана. Августинъ даетъ также отвѣтъ по поводу ссылки Кипріана на *истину* вопреки обычаю. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, кто будетъ сомнѣваться, что обычай *можетъ* уклоняться отъ откровенной истины. Но относительно откровенной истины мы скоро войдемъ въ ближайшее разсмотрѣніе; теперь же замѣтимъ, что онъ (т. е. Кипріанъ) признаетъ, что былъ и нѣкоторый другой обычай (отличный отъ истины). Развѣ они (т. е. африканскіе писатели) всегда ссылались на истину, которую нужно предпочитать

---

[392]) Мнѣніе о *самодостаточности* писанія у Августина in *Herzog*, R.=Encykl. sub. verb. traditio, s. 729.

обычаю»?[394]) Здѣсь, очевидно, нѣтъ никакого намека на противорѣчіе церковнаго преданія откровенному ученію. Догматическая истина, будь она въ преданіи или въ писаніи, всюду предпочитается у Августина мнимо-апостольскому обычаю и мнимо-церковной дисциплинѣ[393]).

Послѣ всего сказаннаго нами, очевидно, должно считать крайне несправедливымъ мнѣніе многихъ протестантскихъ богослововъ, замѣчающихъ объ Августинѣ, будто въ его ученіи о преданіи были «заложены такіе (гносеологическіе) элементы, которые потомъ получили плодотворное примѣненіе въ реформаціи Лютера»[395]). Но можно ли видѣть во «всѣхъ выводахъ реформаціи изъ Августина» истинный духъ ученія Августинова о преданіи, когда Августинъ не знаетъ христіанскаго спасенія внѣ церкви, этой непогрѣшимой хранительницы откровенія Божія, единой раздаятельницы благодати Христовой въ таинствахъ, духоносной посредницы въ дѣлѣ вѣры, утверждающей непоколебимую надежду на вѣчное блаженство въ Богѣ[396]). Реформаторы впервые «вывели изъ Августина», т. е. изъ Августинова ученія о преданіи, такія «гносеологическія слѣдствія», предъ которыми бы устрашился самъ Августинъ; ибо они не столько касались его подлинныхъ воззрѣній на источники и предметы откровенія и вѣры, сколько старались о томъ, чтобы тенденціозно доказать согласіе своего вѣроученія съ Августиновымъ. При подтвержденіи своего «чахлаго книжнаго христіанства» св. отцами протестантамъ не слѣдовало бы забывать, что Августинъ вездѣ признаетъ и защищаетъ православный принципъ преданія и со стороны содержанія и со стороны формы, и во всякомъ случаѣ не осуждаетъ его, а тѣмъ болѣе не отвергаетъ его, какъ они. Евда ли какой либо другой изъ современныхъ Августину отцовъ и учителей латино-западной церкви такъ выразительно защищалъ и доводилъ до полнаго значенія принципъ преданія, особенно противъ ересей и расколовъ, какъ онъ.

---

393) De bapt. 3, 5; cf. 2, Ep. 38

394) Ep. 118 ad Ian.

395) Мнѣніе Цокклера; ср. мнѣніе Гольцмана, что «даже изъ самыхъ твореній бл. Августина можно собрать много свидѣтельствъ, говорящихъ въ пользу первоначальной протестантской теоріи о писаніи» (Kanon und Tradit § 4, s. 29).

396) In. Ps. XXXVI. Serm. I, n. 4; Unit Eccl. c. 2.

Важность бл. Августина для православно-каѳолическаго принципа преданія, для его обоснованія и раскрытія, вообще признается въ богословской наукѣ [397]). То правда, что самъ Августинъ, «волновавшійся подобно океану», въ юности принадлежалъ къ одной дѣятельной ереси,—къ манихейству. Нѣкоторые изслѣдователи готовы видѣть слѣды манихейства простертыми и на характеристическія особенности его, какъ церковнаго учителя и православнаго богослова. Но развѣ равнымъ образомъ нельзя сказать, что и всѣ почти древнехристіанскіе апологеты (св. Іустинъ, Аѳинагоръ, Таціанъ), а также нѣкоторые церковные учители раньше были язычниками? Подобно имъ, и бл. Августинъ употребилъ много времени и труда для того, чтобы изгладить всѣ слѣды предшествовавшей жизни и всѣцѣло проникнуться истинно-церковнымъ духомъ христіанскаго вѣроученія. Августинъ даже написалъ цѣлое твореніе подъ характернымъ названіемъ: *Retractationes,* показывающее необыкновенное величіе и силу его нравственнаго характера и высоту его богословскаго міросозерцанія. Здѣсь онъ представилъ рядъ рецензій, въ строго-обличительномъ духѣ излагающихъ существенные недостатки нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его твореній и исправляющихъ прежніе, еще не совсѣмъ окрѣпшіе и не всегда осторожно высказанные взгляды по библейскимъ вопросамъ (напр. мнѣніе о дѣйствительномъ *религіозномъ* спорѣ между ап. Петромъ и Павломъ). Особо онъ замѣчаетъ, что въ отдѣльныхъ пунктахъ вѣроученія онъ только постепенно пришелъ къ полному знанію церковнаго взгляда. Нѣкоторыя изъ его мнѣній о благодати никогда не получали обще-церковнаго одобренія и признанія. И все-таки бл. Августинъ, какъ нѣкій колосъ, непоколебимо стоитъ противъ всѣхъ и всяческихъ злоупотребленій его великимъ именамъ и его православно-церковнымъ ученіемъ о преданіи и его значеніи. Имя Августина, неоспоримо, принадлежитъ къ числу достославныхъ именъ православно-церковныхъ поборниковъ за вселенскую истину богопреданнаго вѣроученія.

24. Въ ближайшей связи и взаимодѣйствіи съ бл. Августиномъ по вопросу о преданіи стоитъ *св. Викентій*, великій *авва Лирин-*

---

397) Изъ иносл. сравн., напр., *Reuter*, Augustin. Studien. 1887, s. 307 ff. Theol. Lit.=Zeitg. 1887. Nr. 15. *Klodt*, D. heil. Kirchenlehrer August., Aachen, 1840.

скаго монастыря, что въ Галліи, завершающій собою весь циклъ святоотеческихъ взглядовъ на источники и нормы христіанскаго знанія объ откровеніи и истинной вѣрѣ [398]). Онъ принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ и ученѣйшихъ отцовъ и учителей западной церкви половины V вѣка († ок. 450 г.). По сказанію Геннадія, пресвитера Массалійскаго († 459 г.), это былъ «мужъ, въ свящ. писаніяхъ ученый и въ знаніи догматовъ церковныхъ достаточно наставленный» [399]). Такая характеристика св. Викентія Лиринскаго ясно указываетъ на отличительныя черты его знакомства съ древнимъ преданіемъ всей вообще христіанской церкви, а дальнѣйшее разсмотрѣніе его взглядовъ на предметъ и источники православно-церковнаго вѣроученія вполнѣ убѣждаетъ насъ въ полной справедливости означеннаго сужденія о немъ. Въ своей гносеологіи и методологіи св. Викентій представляетъ систематическое раскрытіе и «обобщеніе всего церковнаго ученія о преданіи» [400]), во всѣхъ его частяхъ. Во многихъ пунктахъ наблюдается полное совпаденіе его взглядовъ съ теоріей св. Иринея Ліонскаго, бывшаго для него протопопомъ, а чрезъ Иринея съ ученіемъ мужей апостольскихъ и апостольскихъ писаній о преданіи. Кругъ — достозамѣчательный и всеобъемлющій!

Разсужденіе св. Викентія Лиринскаго о преданіи и его значеніи подробно изложено и основательно раскрыто въ его «золотомъ» [401]) апологетическомъ твореніи, извѣстномъ въ церковно-богословской письменности подъ общимъ именемъ: «*Commonitorium*», а, или «*Памятныхъ записокъ*», написанныхъ въ 434 г. [402]) въ ино-

---

[398]) Литература вопроса о преданіи у св. Викентія: *Elpelt*, Des heil. Vincentius v. Lerin Ermahnungsbuch, nebst Leben u. Lehre, Breslau 1840. *Bretegnier*, Essai sur Vincent de Lérins, Thèse de Strasbourg, 1854. *Hefele*, D. Beiträg zur kirchengesch. I, Tub. 1864. Der Tub. Theol. Quartalschr. 1833 et 1854 *Allrz*, Histoire du monastère de Lérins, Par. 1862. Нашъ апологетич. очеркъ. «Ученіе св. Викентія Лир. о св преданіи и его значеніи», С.-П.-Б. 1897 и статья г. Петрушевскаго въ «Руков для сельск. пастырей», за 1896 г.

[399]) Cathal. de viris illustribus, p. 66.

[400]) *Schanz*, Apol. Chr. III, s. 276.

[401]) Проф. *А. Шостынъ*, Источники и предметъ догматики по воззрѣнію католическихъ богослововъ послѣдняго полустолѣтія, Харьковъ, 1889, стр 82 и Предисловіе къ Казанскому изданію Commomtorium'а въ рус. переводѣ 1863 г., ст. 8.

[402]) Срав. сар. 42.

ческомъ уединеніи, въ монастырѣ св. Гонората, на островѣ Лиринѣ. «Commonitorium» дошелъ до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально былъ составленъ Викентіемъ, а сохранился только въ первой своей части, да еще нѣсколько незначительныхъ отрывкахъ изъ 2-ой части. Но не смотря на то историческая подлинность его несомнѣнна, и онъ въ настоящемъ своемъ видѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и глубокаго изученія православно-богословской науки.

«Commonitorium» св. Викентія Лиринскаго это—одинъ изъ наилучшихъ древне-церковныхъ письменныхъ памятниковъ, гдѣ православное ученіе о преданіи въ его существѣ и дѣйствіяхъ выражено ясно и вразумительно. Поэтому онъ «пользуется извѣстностію и уваженіемъ»[403]). О внутреннемъ достоинствѣ его съ необыкновенною похвалою отзываются не только наши православные богословы[404]), но и западно-европейскіе, римско-католическіе и даже протестантскіе, издававшіе его многократно[405]). Они особо замѣчаютъ о немъ, что во всей христіанской древности едва ли есть такое твореніе, которое заслужило бы всяческихъ похвалъ. «Это вѣчный памятникъ *противъ всѣхъ ересей* бывшихъ, настоящихъ и будущихъ»[406]).

И дѣйствительно, если принять во вниманіе внутреннія особенности ученія Викентіева о преданіи, изложенныя въ «Commonitorium»ѣ, то для насъ станетъ совершенно понятною причина, почему съ такимъ глубокимъ вниманіемъ и живымъ интересомъ относятся къ нему богословы различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Ученіе св. Викентія достопримѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ достаточно полно и обстоятельно разсмотрѣны и разъяснены всѣ важнѣйшіе православно-богословскіе вопросы о преданіи, о его существѣ и существенныхъ свойствахъ, объ органахъ и носителяхъ его, о взаимоотношеніи преданія и писанія, объ отношеніи еретиковъ къ преданію и писанію, о неизмѣняемости

---

403) *Филаретъ*, т. 3, стр. 8.

404) *Макарій*, называетъ его «прекраснымъ сочиненіемъ», Введеніе, § 142, стр. 387. *Иннокентій*, Бог. Облич., т. 3, § 338, стр. 190.

405) Сводъ отзывовъ инославныхъ (католическихъ) писателей о Commonitorium'ѣ см. въ предисловіи къ Казанскому изд. стр. 7—8.

406) Тамъ-же, стр. 8.

церковнаго вѣроученія (вопросъ о «догматическомъ прогрессѣ»), а въ особенности о религіозномъ авторитетѣ церкви въ отношеніи къ преданію и писанію, какъ двумъ равноправнымъ догматико-каноническимъ источникамъ и нормамъ. Имѣя въ виду особую силу богословскаго обоснованія и изслѣдованія этихъ пунктовъ древне-церковнаго ученія о преданіи, Геннадій Массалійскій называетъ «Commonitorium», «весьма основательнымъ разсужденіемъ» [407]). Здѣсь общехристіанская мысль св. отца является во всеоружіи православно-богословскаго умозрѣнія. Это своего рода святоотеческая πανόπλια. Опредѣленность, раздѣльность и наглядность (приводимые церковно-историческіе примѣры) указываютъ на глубокую внутреннюю діалектическую работу православно-церковной мысли преподобнаго аввы, а поэтически-вдохновенный топъ и художественно-литературное изложеніе, непоколебимая основательность и непререкаемая доказательность раскрываемыхъ и утверждаемыхъ имъ церковно-богословскихъ положеній представлены такъ «обстоятельно и характерно, что не остается желать ничего лучшаго» [408]).

Историко-апологетическое значеніе Commonitorium'а состоитъ въ систематическомъ истолкованіи всего древне-церковнаго ученія о преданіи. При изложеніи и раскрытіи отдѣльныхъ моментовъ церковно-богословскаго способа, по которому должно охранять неприкосновенность богооткровеннаго ученія и опровергать различныя религіозно-философскія заблужденія, св. Викентій Лиринскій руководствовался не своими личными только научно-философскими воззрѣніями, но «преданіемъ предковъ», т. е. древне-церковнымъ ученіемъ. Объ этомъ онъ самъ упоминаетъ въ самомъ началѣ этого превосходнаго творенія, что онъ «съ помощію Божіею изложилъ письмено то, что̀ благоговѣйно принято имъ отъ св. отцовъ». Значитъ, «не въ качествѣ какого-нибудь сочинителя съ притязаніями» (на самостоятельныя «открытія и изобрѣтенія» въ области религіозной вѣры), а скорѣе съ точностію достовѣрнаго передатчика» и повѣствователя, св. Викентій записалъ въ своемъ Commonitorium'ѣ «завѣщанное намъ предками преданіе, во имя Божіе» [409]). На такой именно характеръ

---

[407]) Cat. de vir. illustr 64.

[408]) *Сильвестръ*, т. 1, § 9, стр. 35.

[409]) cap 1.

разсужденій св. Викентія указываютъ и слѣдующія библейскія изреченія, взятыя изъ книгъ Ветхаго Завѣта и стоящія въ самомъ началѣ Commonitorium'а, вѣроятно, въ качествѣ эпиграфа, уясняющаго намъ основную задачу его: «*Вопроси отцевъ твоихъ, и рекутъ тебѣ,—старцевъ твоихъ, и возвѣстятъ тебѣ*» (Втор. 32, 7), также: «*Къ словесамъ мудрыхъ прилагай ухо твое*» (Притч. 22, 18), и еще: «*Сыне мой, сихъ рѣчей не забывай, глаголы же моя да соблюдаетъ сердце твое*» (Притч. 3, 1).

Главнѣйшимъ побужденіемъ и поводомъ къ написанію такого исторически-безсмертнаго творенія какъ Commonitorium, служили современныя ереси и расколы. Коварство новыхъ еретиковъ требовало множества ревностныхъ заботъ и особой осторожности со стороны учителей церкви. Поэтому и св. Викентій написалъ свой образцовый Commonitorium, съ тою преимущественною цѣлію, чтобы предложить его въ необходимое руководство православнымъ христіанамъ того времени, столь возмущаемаго ересями и сектами, истинное и безопасное правило къ познанію откровеннаго ученія и церковной вѣры. Это—подлинно «*Памятныя записки*» (=commonitorium), памятная книжка, иначе цѣлый богословскій *трактатъ о каѳолической вѣрѣ, ея древности и всеобщности противъ непотребныхъ новизнъ всѣхъ еретиковъ* (tractatus pro catholicae fidei antiquitate et universitate adverdus profanas omnium haereticorum novitates). Подобные опыты христанской апологетической теоріи религіознаго знанія, какъ намъ извѣстно, процвѣтали въ изобиліи въ древней церкви еще задолго до св. Викентія Лиринскаго. Въ своемъ Commonitorium'ѣ Викентій только примѣнительно къ насущнымъ потребностямъ религіозно-нравственной жизни и задачамъ православно-богословской науки своего времени непоколебимо «устанавливаетъ принципъ (идею) *каѳолическаго* церковнаго преданія» [410]). Отсюда и Commonitorium—«это не опытъ самого изложенія догматовъ, а только *теорія* того, какими началами долженъ руководствоваться догматистъ (и всякій православный христіанинъ) при изслѣдованіи, раскрытіи и доказательствѣ истинъ христіанской вѣры и теорія весьма замѣчательная *по строго-церковному* ясному и отчетливому взгляду на этотъ пред-

---

[410]) *Herzog*, R=Encykl., т. XV, s. 729.

метъ автора и по характерно выразительной постановкѣ имъ самого дѣла. Главная *задача*, которую предложилъ авторъ разрѣшить въ своемъ трудѣ, заключается въ томъ, чтобы съ возможною точностію опредѣлить такой вѣрный, научный и общедоступный способъ, при помощи котораго легко бы можно было съ несомнѣнностію *отличать истину вселенской вѣры отъ лживости еретическихъ уклоненій*[411]).

Свое ученіе о преданіи Викентій Лиринскій начинаетъ, какъ и слѣдуетъ поступать при систематическомъ раскрытіи предмета, указаніемъ на первоисточники христіанскаго вѣдѣнія о божественномъ откровеніи и вѣрѣ православной. Онъ преже всего выставляетъ на видъ основоположеніе, составляющее центръ православной догматики и апологетики, что истинное откровеніе и вѣра Христова (Гал. 2, 16) познается чрезъ разсматриваніе и изученіе «божественнаго закона» христіанской истины, находящейся а) въ писаніи и б) въ незаписанномъ преданіи каѳолической церкви. Откровенное ученіе заключается не въ одномъ писаніи (какъ учатъ протестанты), но въ двухъ основныхъ и коренныхъ первоисточникахъ своихъ, т. е. не только въ писаніи, но вмѣстѣ и въ преданіи.

Вотъ какъ самъ Викентій формулируетъ этотъ вопросъ о двойствѣ источниковъ христіанскаго откровенія и вѣры въ нераздѣльномъ (органическомъ) единствѣ православно-церковнаго міросозерцанія. «Часто со всеусердіемъ и величайшимъ вниманіемъ обращался я къ весьма многимъ, украшеннымъ святостію и даромъ ученія, мужамъ, съ вопросомъ: *какимъ бы образомъ* удобнѣе было мнѣ, идя вѣрнымъ, какъ бы *царственнымъ* и прямымъ *путемъ*[412]) отличать истину вселенской (каѳолической) вѣры отъ лживости еретическихъ уклоненій, и всегда всѣ давали мнѣ почти слово въ слово такого рода отвѣтъ: если кто либо, я ли, или другой кто, хочетъ избѣжать еретической лжи и пребыть въ *здравой вѣрѣ*[413]) цѣлымъ и невредимымъ, то долженъ, съ помощію Божіею, *двоякимъ образомъ* (двумя средствами) ограждать свою вѣру, во-первыхъ, авторитетомъ *священнаго писанія*,

---

411) Это мѣткая характеристика пр. Сильвестра, т. 1, § 18, стр. 111.

412) Ср. св Григорій Назіанзенъ, Orat. XLII; правило 1 и 2 св. 7-го всел. собора.

413) Тим. 1, 13.

а, во-вторыхъ—*преданіемъ вселенской церкви* (primo scilicet divine legis auctoritate, tum deinde ecclesiae catholicae traditione» [414]).

Итакъ, вотъ настоящій исторически-достовѣрный «способъ, составляющій собою какъ бы пробный камень при опредѣленіи подлинной истины». Онъ «заключается, по убѣжденію автора, не въ чемъ иномъ какъ въ полномъ согласіи ея съ свящ. писаніемъ и преданіемъ вселенской церкви»[415]). Но это, какъ извѣстно, и общесвятоотческое убѣжденіе; оно и доселѣ сохраняется во всей нерушимости у православныхъ христіанъ и богослововъ, безпрекословно свидѣтельствующихъ и утверждающихъ основныя истины своей вѣры и жизни по особому уваженію къ авторитету «божественнаго канона» и преданія вселенски-церковнаго.

Но будучи, по ученію св. Викентія, *неотдѣлимыми* другъ отъ друга источниками христіанскаго вѣроученія, преданіе и писаніе однако *не-безразличны* по самому ихъ понятію. *Догматическая* нераздѣльность или совмѣстное существованіе ихъ въ единствѣ религіознаго сознанія и жизни вселенской церкви не есть еще абсолютное безразличіе или «безличное тождество» въ ихъ *историческомъ* бытіи и происхожденіи. Поэтому, и св. Викентій уясняя отношеніе между писаніемъ и преданіемъ, не ограничивается простымъ перечисленіемъ однихъ главнѣйшихъ свойствъ ихъ отличія, но показываетъ и ихъ *взаимную связь*, какъ основныхъ источныхъ и руководительныхъ началъ, при помощи которыхъ мы должны достигать совершеннѣйшаго религіознаго знанія, объясняющаго намъ историческое происхожденіе и истинный смыслъ христіанскаго откровенія и вѣры.

Вопросъ о взаимоотношеніи писанія и преданія у св. Викентія Лиринскаго разсматривается всесторонне. Указавъ на двойство источниковъ откровенной истины, заключающихся въ единствѣ церковнаго вѣроученія, св. отецъ подробно уясняетъ внутреннее взаимодѣйствіе преданія и писанія, особенно въ виду ложнаго взгляда на этотъ предметъ современныхъ еретиковъ.

Во время Викентія спрашивали: «если писанное слово Божіе свято, всесовершенно и всегда вполнѣ вразумительно при снесеніи

414) с. 2; ссылка у *Иннокентія*, т. 3, § 238, стр. 190.

415) *Сильвестръ*, т. 1, стр. 111.

однихъ мѣстъ его съ другими; то *какая же надобность присоединять къ нему еще авторитетъ церковнаго его разумѣнія»?* На такое возраженіе и недоумѣнный вопросъ у св. Викентія находимъ «слѣдующій весьма замѣчательный отвѣтъ» [416]). По нему, совершенная необходимость преданія заключается въ томъ, «что свящ. писаніе, *по самой своей возвышенности* (pro ipsa sua altidudine), *не всѣ понимаютъ въ одномъ и томъ же смыслѣ* (т. е. одинаково), но одинъ толкуетъ его изреченіе такъ, другой иначе; такъ что почти сколько головъ, столько же, повидимому, можно извечь изъ него и смысловъ». Такъ, наприм., «по своему (т. е. *иначе*) объясняетъ его Новаціанъ, по своему Донатъ, Арій, Евномій, Македоній, по своему Фотинъ, Аполлинарій, Прискилліанъ, Іовиніанъ, Пелагій, Целестій, по своему, наконецъ, Несторій» [417]).

Чтобы доказать, что писаніе, *само по себѣ*, не можетъ быть достаточнымъ источникомъ и руководительнымъ началомъ цѣлостнаго познанія откровеннаго ученія и, такимъ образомъ, яснѣе опредѣлить *необходимость* преданія, св. Викентій подробно изображаетъ *отношеніе еретиковъ къ библіи*. «Теперь, можетъ быть, спроситъ кто нибудь: неужели и еретики пользуются свидѣтельствами изъ свящ. писанія?—Пользуются, дѣйствительно, и притомъ *необыкновенно много*. Они, замѣть, рищутъ *по всѣмъ книгамъ* божественнаго закона,—по книгамъ Моисея, по книгамъ Царствъ, по Псалмамъ, по Апостоламъ, по Евангеліямъ, по Пророкамъ. При своихъ ли, или при чужихъ, частно ли, или публично, въ устныхъ ли бесѣдахъ (разговорахъ), или въ сочиненіяхъ, въ домашнихъ ли собраніяхъ (пиршествахъ), или въ общественныхъ сходкахъ (на улицахъ), они никогда почти не говорятъ о своемъ ничего такого, чего не старались бы *оттѣнить вмѣстѣ съ тѣмъ и словами писанія*. Возьми сочиненія (древнихъ еретиковъ) Павла Самосатскаго, Прискилліана, Евномія, Іовиніана и прочихъ заразителей; и ты увидишь въ нихъ несметное множество свидѣтельствъ,—не найдешь почти *ни одной страницы*, которая не была бы *подкрашена* и разцвѣчена изреченіями Новаго или Ветхаго Завѣта» [418]).

---

416) Тамъ-же.

417) с. 2; ссылка у *Макарія*, § 128, стр 343, примѣч. 565.

418) с. 25.

Еретики и сектанты обыкновенно прикрываютъ ложь и внутреннюю несостоятельность своихъ вѣрованій и обычаевъ библейскимъ ученіемъ. «Но тѣмъ болѣе,—говоритъ св. Викентій,—и должно беречься и опасаться ихъ, чѣмъ скрытнѣе прячутся они подъ сѣнію божественнаго закона. Они знаютъ, что зловонныя изверженія ихъ едва ли кому скоро могутъ понравиться, если оставить ихъ испаряться въ томъ видѣ, какъ они есть, и потому *орошаютъ ихъ ароматомъ глаголовъ небесныхъ*, чтобы тотъ, кто легко презрѣлъ бы *заблужденіе человѣческое*, не легко отвернулся отъ *вѣщаній божественныхъ*[419]). Они поступаютъ подобно людямъ, которые, желая смягчить для ребенка остроту какого нибудь питья, сначала обыкновенно мажутъ ему губы медомъ, чтобы неопытное дитя, предощутивъ сладость, не испугалось горечи. Такимъ же точно образомъ стараются иные прикрашивать дурныя зелья и вредные соки (жидкости) названіемъ лекарствъ, чтобы никто не подозрѣвалъ *яда* тамъ, гдѣ прочтетъ *по надписи*, что это лекарство. Потому-то, наконецъ, и возглашалъ Спаситель. *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Мат. 7, 15). Что это за одежда овчая, если не свящ. изреченія, которыя пророки и апостолы съ овчею безъобманностію соткали, какъ бы нѣкоторое руно, непорочному Агнцу, вземлющему грѣхъ міра? Кто эти волки-хищники, какъ не еретики, которые съ

---

[419]) Не такъ ли, спросимъ мы здѣсь, поступаютъ современные намъ сектанты, пашковцы, толстовцы, штундисты и проч отщепенцы отъ православно-церковной вѣры? Не съ тою ли цѣлію обращаются они къ библейскимъ изреченіямъ, чтобы на основаніи ихъ, *повидимому*, усвоить христіанскому ученію *свои* собственныя воззрѣнія на источники вѣры и правила нравственной дѣятельности христіанской? Вотъ *почему* всѣ сектанты въ своихъ «нечистыхъ рукахъ» держатъ св. книгу Закона Божія.. Не здѣсь ли, наконецъ, лежитъ основаніе современнаго, довольно распространеннаго способа составленія религіозно-философскихъ убѣжденій, извѣстнаго подъ именемъ *синкретизма*, т е. естественно-научнаго сближенія языческихъ религій и философскихъ сектъ, которое теперь выставляется въ качествѣ единственно правильнаго способа познанія божественной истины? Теперь говорятъ, что «религіозно-философская вѣра» должна развиваться на основаніи всѣческихъ религіозно-нравственныхъ ученій и вѣрованій, безразлично какого бы происхожденія они ни были, лишь бы только въ нихъ можно было слышать *отголосокъ своей вѣры*. Отсюда то и происходитъ весьма странное обращеніе нашихъ «новыхъ философовъ и богослововъ» къ книгамъ писанія, особенно къ Евангелію Господню (какъ у Толстого) на ряду съ такъ называемыми книгами естественно-національныхъ религій, Кораномъ, Сутрами, Талмудомъ и проч.

своими лютыми звѣрскими вымыслами постоянно нападаютъ на овчіе дворы церкви и терзаютъ стадо Христово, гдѣ только могутъ, а чтобы незамѣтнѣе (искуснѣе) подкрасться къ простодушнымъ овцамъ, прячутъ свой волчій видъ, не покидая волчьей лютости и, какъ бы руномъ, окутываются изреченіямп божественнаго писанія, чтобы, чувствуя мягкость шерсти, никто не боялся ихъ острыхъ зубовъ? Но что говоритъ Спаситель? *Отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мат. 7, 16). То есть, когда начнутъ они тѣ божественныя изреченія не выставлять только на видъ, но и раскрывать, не показывать только снаружи (т. е. распространять), но и толковать: тогда почувствуется горечь, терпкость, лютость, тогда ощутится *новшескій смрадъ*, тогда обнаружатся непотребныя новизны, тогда ты увидишь уже, что ограда разоряется, *предѣлы отеческія* преступаются (переносится), *вѣра вселенская* закалается, *догмáтъ церковный рвется въ куски* Таковы были тѣ, которыхъ поражаетъ ап. Павелъ во 2 посланіи къ Коринѳянамъ, описывая ихъ: *таковіи бо*,—говоритъ онъ,—*лживи апостолы, суть дѣлатели льстивіи, преобразующеся во апостолы Христовы* (11, 13). Что значитъ *преобразующеся во апостолы Христовы?* Значитъ: апостолы приводили свидѣтельства изъ божественнаго писанія; приводили ихъ и они. Апостолы приводили доказательства изъ псалмовъ; приводили ихъ и они. Апостолы приводили изреченія изъ пророковъ: точно также приводили и они. Но когда то, что приводили они подобно апостоламъ, начали они *не подобно апостоламъ толковать;* тогда открылось *отличіе* подлинныхъ апостоловъ отъ мнимыхъ, неподдѣльныхъ отъ поддѣльныхъ, правыхъ отъ превратныхъ, истинныхъ, наконецъ, отъ ложныхъ. *И не дивно*,—продолжаетъ апостолъ.—*Самъ бо сатана преобразуется во ангела свѣтла. Не велiе убо, аще и служителiе его преобразуются яко служители правды* (2 Кор. 11, 14—15). Итакъ, всякій разъ, какъ только лжеапостолы, или лжепророки, или лжеучители, приводятъ изреченія свящ. писанія съ цѣлію превратнымъ истолкованіемъ ихъ подтвердить свои заблужденія, они несомнѣнно, по указанію ап. Павла, подражаютъ лукавымъ ухищреніямъ руководителя (зачинщика) своего, къ которымъ тотъ, конечно, никогда не прибѣгалъ бы, если бы не зналъ по опыту, что когда надобно подвесть обольщеніе непотребнымъ заблужденіемъ, то *нѣтъ болѣе*

легкаго пути къ обману, какъ ссылка на авторитетъ слова Божія» [420]).

Это указаніе св. Викентія на тѣсную связь и сходство ересей съ дѣйствіями злаго духа-обольстителя, особенно напоминаетъ намъ взглядъ св. Аѳанасія Великаго [421]), высказывавшаго туже самую мысль, что всѣ ереси и каждая въ отдѣльности умѣютъ ссылаться на то или другое мѣсто изъ писанія, подобно діаволу, который Самого Господа искушалъ словами библіи. Въ философско-апологетическомъ обобщеніи, эта мысль означаетъ увѣренность, что всѣ языческія лжеученія и религіозно-философскія секты суть темное дѣло злаго вымысла и съ ними нужно всячески бороться за истинную вѣру Христову.

«Но откуда видно, скажутъ, что діаволъ имѣетъ обыкновеніе пользоваться свидѣтельствами свящ. писанія?—Читайте Евангелія,— отвѣчаетъ св. Викентій. — Тамъ пишется: *тогда поятъ Его*, т. е. Господа Спасителя, *діаволъ, и постави Его на крилѣ церковнѣмъ, и глагола Ему, аще Сынъ еси Божій, вверзися низу; писано бо есть, яко ангеломъ своимъ заповѣстъ о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ, и на рукахъ возьмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Мат. 4, 5—6; Лук. 4, 9—11; ср. Пс. 90, 11—12). Чего-же не сдѣлаетъ бѣднымъ людямъ тотъ, кто на Самого Господа величества напалъ свидѣтельствами изъ писаній? *Аще*,—говоритъ,—*Сынъ еси Божій, вергися низу*. Почему? *Писано бо есть*, говоритъ. Мы должны особенно замѣтить и запомнить заключающееся въ этомъ мѣстѣ наставленіе, чтобы, зная такой примѣръ евангельскаго авторитета, когда увидимъ, что нѣкоторые приводятъ апостольскія, или пророческія изреченія, въ опроверженіе вселенской вѣры, нимало не сомнѣвались въ томъ, что устами ихъ говоритъ діаволъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тогда глава говорилъ *Главѣ* (Еф. 1, 22—23), такъ и нынѣ члены говорятъ чле-

---

[420]) с. 25; ср. св. *Ириней* Ліон., Противъ ересей, предисловіе, кн. 1, гл. 3; кн. 2, гл. 21 и гл. 35. *Тертулліанъ*, Pr. haer. c. 15, 17, 21, 35—38; *Оригенъ*, De princ. lb. IV, n. 2; Tract. in Math. 29; св. *Кириллъ* Іер., Огл. поуч. 4; св. *Василій В.*, о Св Духѣ, гл. 10; св. *Кириллъ* Ал., Ер. 39; бл. *Августинъ*, Coll. cum Max. c. 1; De nat. et. gr. c. 39.

[421]) Св. *Аѳанасій*, De Syn. 13. 14. 40. 43. 47.

намъ,—т е. члены діавола членамъ Христовымъ, вѣроломные вѣрнымъ, нечестивые благочестивымъ, еретики, наконецъ, православнымъ. Что же именно говорятъ? Аще,—говорятъ,—*сынъ еси Божій, верзися низу*,—т. е. если хочешь быть сыномъ Божіимъ и наслѣдовать царство небесное, то *верзися низу*, т. е. бросься съ вершины церкви, которая такъ же есть храмъ Божій,—оставь ея ученіе и *преданіе*. И если кто спроситъ какого-нибудь еретика, внушающаго ему это: чѣмъ докажешь, на какомъ основаніи учишь, что я долженъ оставить древнюю и всеобщую вѣру вселенской церкви, онъ немедленно отвѣтитъ *писано бо есть*,—и тотчасъ тебѣ представитъ тысячу примѣровъ, тысячу доказательствъ изъ закона, псалмовъ, апостоловъ, пророковъ, чтобы, истолковавъ ихъ на *новый и худой ладъ*, низвергнуть несчастную душу *изъ вселенскаго ковчега въ омутъ ереси*. Что касается даже тѣхъ самыхъ обѣтованій, на которыя указывалъ вслѣдъ за тѣмъ діаволъ, то еретики удивительно какъ навыкли обманывать имя людей простодушныхъ. Они дерзаютъ обѣщать и учить, что *въ ихъ церкви*, т. е. *въ скопищѣ ихъ согласія*, дается (находится) великая, особенная, должно быть *спеціальная какая то благодать Божія*; такъ что каждый, принадлежащій къ нему, безъ всякаго труда, безъ всякаго усердія, безъ всякаго старанія, хотя-бы не просилъ, хотя бы не искалъ, хотя бы не толкалъ, пользуется такимъ благоволеніемъ Божіимъ, что будучи носимъ какъ бы на рукахъ ангельскихъ, охраняясь, т. е. покровомъ ангеловъ, никогда не можетъ *преткнуть о камень ногу свою* (Пс. 90, 12), т. е. никогда не можетъ обмануться»[422]).

---

[422]) Итакъ у еретиковъ, по свидѣтельству св. Викентія, есть кощунственная привычка ссылаться на существующую будто бы въ ихъ сектахъ особую благодать, получаемую отъ Бога, которая независимо отъ человѣческаго усилія и самодѣятельности переходитъ на всѣхъ принадлежащихъ къ ихъ сборищамъ, такъ что они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть совращены ко злу. Такая привычка свойственна особенно сектамъ *мистическаго* характера, придающимъ *человѣческому* значеніе *божественнаго*. На основаніи этого указанія св Викентія нѣкоторые протестантскіе писатели несправедливо предполагаютъ (*Herzog*, R.=Encyk., т. XV, s. 729), будто авторъ направляетъ своей «Commonitorium» противъ *ученія бл. Августина о предопредѣленіи*, какъ противъ «еретическаго нововведенія», и, такимъ образомъ, самъ является «противникомъ ему въ догматическомъ ученіи». Но разматриваемое примѣчаніе св. Викентія имѣетъ совершенно иной смыслъ. Извѣстно, что почти всѣ *языческія* религіи признаются ихъ послѣдователями за религіи *сверхъестественныя*. Этотъ

Изложенное здѣсь у св. Викентія отношеніе еретиковъ къ догматико-каноническому авторитету писанія вполнѣ достовѣрно и справедливо [423]). Такъ дѣйствительно во всѣ времена еретики поступали съ писаніемъ, желая въ немъ и чрезъ него найти для себя помощь и поддержку какъ бы въ истинномъ словѣ Божіемъ.

Но «скажетъ кто-нибудь, что-же дѣлать людямъ православнымъ, сынамъ матери церкви, когда божественными глаголами, изреченіями, обѣтованіями пользуются и діаволъ и ученики его, изъ которыхъ одни-лжеапостолы, другіе-лжепророки и лжеучители, а всѣ вообще—еретики? Какъ имъ *отличать истину отъ лжи въ виду изреченій свящ. писанія*» [424])?

Такъ именно, какъ учитъ «преданіе святыхъ и ученыхъ мужей». Всѣ истинные христіане, по мысли св. Викентія, «непремѣнно должны наблюдать, чтобы *свящ. писаніе истолковывалось согласно съ преданіями всей* (universalis) *церкви и по указаніямъ* (правиламъ, regulas) *вселенскаго догматическаго ученія* [425]). «А потому то и совершенно необходимо, при такомъ множествѣ безчисленно-разнообразныхъ изворотовъ заблужденія, направлять нить толкованія пророческихъ и апостольскихъ писаній по нормѣ (norma) церковнаго и вселенскаго ихъ пониманія» [426]).

фактъ показываетъ, что сознаніе необходимости божественнаго откровенія въ дѣлѣ религіозной вѣры есть всеобщее желаніе народовъ, отвѣчающее глубочайшей потребности человѣческаго духа. Но столь жизненная потребность находитъ для себя полное удовлетвореніе чрезъ объективно-данное истинное откровеніе Божіе въ христіанствѣ, а не чрезъ множество противоположныхъ другъ другу ученій религіозно-сектантскихъ, что̀ несогласно съ премудростію Божіею, которая не можетъ противорѣчить самой себѣ. Здѣсь-то находитъ свое осужденіе горделивое притязаніе сектантовъ на обладаніе полнотою откровенной истины. Думая, что въ «скопищѣ ихъ согласія» сохраняется божественное преданіе, еретики совершаютъ *смертный грѣхъ· хулу на Духа Святаго* (Мат. 12, 31—32, Марк 3, 28—30, Лук. 12, 10) и *дерзкое упованіе на благодать* Божію (Рим. 2, 4—6), присно оживляющую церковь Христову и непрерывно въ ней одной дѣйствующую, по обѣтованію Іисуса Христа (Еф. 1. 22—23; 4, 15, 5, 23; Кол. 1, 18, 1 Кор. 15, 25, Мат. 28, 20; Іоан. 14, 16—26).

[423]) Св. *Игнатій Богоносецъ*, Посл. къ Тралл. гл. 6, *Ириней Ліонскій*, кн. I, гл. 1 и гл. 9, кн. IV, гл. 26.

[424]) с 27

[425]) Ibidem.

[426]) с 2: «idcirco multum necesse est, propter tantos tam varii erroris anfractus, ut prophetıcae et apostolicae interpretationis linea *secundum ecclesiastici et catholici sensus normam* dirigatur».

Изъ этихъ словъ св. Викентія Лиринскаго ясно видно, что преданіе по отношенію къ писанію имѣетъ значеніе «совершенно-необходимой нормы» для правильнаго объясненія его и особенно тѣхъ мѣстъ изъ него, которыя еретики съ древнѣйшихъ временъ приводили въ пользу своихъ заблужденій, превратно изъясняя его божественное ученіе. «Многіе, толкуя божественныя слова *самопроизвольно*, выдумываютъ различныя мнѣнія и заблужденія, почему и необходимо направлять разумѣніе небеснаго писанія *по одному правилу* (regula) *церковнаго пониманія*, въ тѣхъ только главнымъ образомъ вопросахъ, на которыхъ зиждутся основанія каоолическаго ученія» [427]). Такія библейскія мѣста служатъ какъ бы божественною хартіею православно-церковнаго міросозерцанія. Эту мысль о важности преданія для писанія св. Викентій неоднократно повторяетъ съ особымъ удареніемъ, дабы вывести отсюда въ духѣ Тертулліана предписаніе изъяснять писаніе единственно по смыслу всецерковному. Очевидно, что *само по себѣ*, въ безконечной (небесной) глубинѣ своего божественнаго содержанія, какъ *дѣло Духа Святаго* (2 Петр. 1, 21), писаніе «всесовершенно»,—и, *какъ истинное слово Божіе*, оно абсолютно ясно—для изрекавшихъ его «*святыхъ Божіихъ человѣковъ*»; ибо въ немъ находятся истины откровенія и вѣры, превосходящія всякое разумѣніе ограниченнаго *разума человѣческаго*. Но къ писанію, стоящему выше обыкновеннаго человѣческаго познанія, долженъ присоединиться еще и авторитетъ всецерковный, выше-человѣческій, божественный, дополняющій и изъясняющій его. Только тогда все писаніе становится вполнѣ «вразумительнымъ» словомъ Божіимъ—всегда и для всѣхъ людей. Очевидно, здѣсь нѣтъ рѣчи у св. Викентія о полной достаточности и совершенной ясности *одного* писанія для истинно-религіознаго познанія чистыхъ источниковъ откровенія и вѣры. Иначе зачѣмъ св. Викентій говорилъ бы о преданіи, на которомъ основывается и которымъ живетъ вся христіанская церковь? Какая нужда въ особомъ и, такъ сказать, побочномъ органѣ воспріятія и толкованія единой откровенной истины при догматико-экзегетической самодовлѣемости писанія?

---

[427]) с. 26.

Итакъ, преданіе, по Викентію, означаетъ «авторитетъ церковнаго разумѣнія»[428]), т. е. «норму» (regula) вѣры, по которой *одной* необходимо направлять уясненіе библейскаго слова, въ противоположность безконечному множеству разнообразныхъ сектантскихъ истолкованій его. Руководительное значеніе догматическаго преданія представляетъ собою истинно-церковное разумѣніе. По типическому выраженію св. Викентія преданіе—это intelligentia ecclesiastica, sensus ecclesiasticus[429]). Отсюда ясно, что еретики возстаютъ на рузумъ Божій, т. е. на разумъ церкви. Они не пріемлютъ истиннаго преданія, всегда живущаго въ обще-церковномъ самосознаніи, и чрезъ это не слышатъ живаго голоса Божія, столь необходимаго при пріобрѣтеніи гармоническаго единства и духовной цѣлости религіознаго міросозерцанія. Еретики—это тѣ сектантскіе лжеучители, которые въ ученіи о спасеніи утверждаютъ что-либо противное духу всей церкви, воплощающемуся и раскрывающемуся въ преданіи, понимаемомъ въ смыслѣ вселенскаго постиженія основныхъ истинъ православно-догматической вѣры (contra sensum totius ecclesiae aliquid sentiunt).

Какъ ни высоко стоитъ у св. Викентія догматико-каноническій авторитетъ писанія, однако вопросъ объ источномъ значеніи преданія не можетъ быть отодвинутъ на задній планъ. Вопреки еретикамъ, св. Викентій смотритъ на писаніе, какъ на недостаточный въ догматико-экзегетическомъ отношеніи источникъ вѣроученія. Чтобы съ успѣхомъ бороться при помощи писанія съ различнаго рода сектами необходима живая связь его съ преданіемъ церковнымъ. Писаніе, какъ формальный принципъ, можетъ существовать только съ вѣрою въ правильное его истолкованіе церковію, въ полное согласіе христіанскаго вѣроученія съ библейскимъ преданіемъ. Только въ такомъ случаѣ библейское слово получаетъ свое истинное значеніе и находитъ свое надлежащее изъясненіе, сообразное съ духомъ христіанскаго откровенія и церкви. Такимъ образомъ отвергая ясность

---

[428]) c. 2.

[429]) c. 29 et. c. 23; Ср. выраженіе Ипполита Остійскаго: φρόνημα ἐκκλησιαστικὸν; св. *Ириней*, кн. 3, гл. 4; *Тертулліанъ* Scorp. c 9, *Климентъ*, γνῶσις ἐκκλησιαστικὴ; *Оригенъ*, κήρυγμα ἐκκλησιαστικὸν; бл. *Іеронимъ*: «lex evangelica non scripturis est, sed in sensu, non in verborum folus, sed in radice rationis. Comm. ad Gal. 5.

гибкаго писанія, св. Викентій Лиринскій не ограничиваетъ догматическій авторитетъ преданія одною религіозно-субъективною и не формально-церковною сторопою его гносеологической важности. Преданіе, по нему, не «логически-развивающійся» экзегесисъ догматическаго ученія библіи, но исторически-самостоятельное сознаніе церковію откровенія Христова, совершенно-совпадающее съ библейскимъ словомъ. Въ преданіи нѣтъ ничего *новаго* и *иного*, чего не было бы въ писаніи. Только сектантское преданіе стоитъ въ противорѣчіи съ библіею и церковію. Истинное преданіе тождественно съ апостольскимъ писаніемъ. Поэтому, оно и должно стоять на ряду и вмѣстѣ съ писаніемъ, и дополняя, и изъясняя его. Имъ вполнѣ обезпечивается *абсолютная истина* исторической *жизни* церкви христіанской[430]). Только при такомъ пониманіи догматическаго значенія преданія возможенъ, по Викентію, животворный духъ единомыслія, единство живаго и цѣлостнаго пониманія божественнаго откровенія.

Для апостольскаго преданія каѳолической церкви св. Викентій предлагаетъ строго опредѣленное *правило*, въ которомъ наилучшимъ образомъ соединены и раскрыты существенныя и необходимыя, внутренне-положительныя и внѣшне-отрицательныя свойства истиннаго вѣроученія. Для того, чтобы церковное преданіе могло имѣть значеніе догматико-каноническаго авторитета и нормы требуется для него въ самой церкви неотъемлемый и всеобъемлющій признакъ общей, вѣчной и признаваемой всѣми важности. Св. Викентій съ особливымъ логическимъ удареніемъ указываетъ на эту всеобщую, никогда неизмѣняющуюся (непреложную) и признаваемую всѣми важность, какъ на существенную принадлежность догматическаго преданія, которому должно вѣрить. По нему, не всякое преданіе, находящееся въ практическомъ употребленіи у христіанъ, есть непререкаемый источникъ божественнаго откровенія и руководительное начало (norma et regula) въ дѣлѣ вѣры, подобно тому какъ не всякая *апокрифическая книга*, по тому одному что она приписывается людскою молвой какому либо изъ

---

[430]) Это сознаютъ протестанты, не имѣя возможности всю «полноту *жизни* христіанства» заключить въ «мертвую букву писанія» См., напр., *Philippi*, Kirchliche Glaubenslehre I, s. 147—148, *Rothe*, Theol. Ethik, III, s. 828.

апостоловъ, должна уже считаться *канонической*. Преданіе, какъ источникъ и норма христіанскаго вѣроученія, должно быть принято всею апостольскою и каѳолическою церковію и вполнѣ засвидѣтельствовано и утверждено ею.

Предупреждая естественный вопросъ: «*гдѣ* же отыскать и *какъ* отличить» истинное преданіе божественнаго ученія отъ еретическихъ мнѣній, св. Викентій въ слѣдующемъ планѣ продолжаетъ свое разсужденіе о томъ искони—церковномъ способѣ, при помощи котораго раскрывается и охраняется въ первоначальной чистотѣ и неприкосновенности сущность христіанскаго откровенія, живущаго въ религіозномъ самосознаніи.

«Въ самой вселенской церкви,—говоритъ Викентій,—всѣми мѣрами надобно держаться того, во что вѣрили *повсюду* (ubique), во что вѣрили *всегда* (semper), во что вѣрили *всѣ* (ab omnibus): потому что то только въ дѣйствительности и въ собственномъ смыслѣ *есть вселенское*, какъ показываетъ и самое значеніе этого слова, что, сколько возможно, *вообще все обнимаетъ*. А этому правилу мы будемъ, наконецъ, вѣрны при томъ единственно условіи, если будемъ слѣдовать *всеобщности* (universitas), *древности* (antiquitas) и *согласію* (consensio). Слѣдовать всеобщности значитъ признавать истинною ту только вѣру, которую исповѣдуетъ *вся* церковь на всемъ земномъ шарѣ; слѣдовать древности значитъ ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ того ученія, котораго несомнѣнно держались наши св. отцы и предки; слѣдовать, наконецъ, согласію—значитъ въ самой древности принимать тѣ только вѣроопредѣленія и изъясненія (мысли), которыхъ держались всѣ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ пастыри и учители» [431]).

«Вотъ тѣ руководительныя начала, которыя, по воззрѣнію Викентія, безусловно необходимы при опредѣленіи и доказательствѣ

---

[431]) «In ipsa item catholica ecclesia magnopere curandum est, ut id teneamus, quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est. Hoc est enim vere proprieque catholicum, quod ipsa vis nominis, ratioque declarat, quae ommia fere universaliter comprehendit. Sed hoc ita demum fiet, si sequamur universitatem, antiquitatem, consensionem. Sequemur autem universitatem hoc modo, si hanc unam fidem veram esse fateamur, quam tota per orbem terrarum confitetur ecclesia. *Antiquitatem* vero ita, si ab his sensibus nullatenus recedamus, quos ss. majores ac patres nostros celebrasse manifestum est. *Consensionem* quoque itidem, si in ipsa vetustate omnium vel

истинъ христіанской вѣры для каждаго православнаго богослова (и христіанина), и разъясненіемъ значительности которыхъ онъ подробно занимается во всемъ своемъ Commonitorium'ѣ»[432]). Эти начала, въ своей органической совокупности, составляютъ основоположительное правило или *православно-богословскій критерій*, точно и опредѣленно указывающій существенныя характеристическія черты догматико-каноническаго преданія, столь необходимаго для правильнаго познанія истины христіанскаго откровенія и вѣры. Это правило проходитъ какъ бы «красною нитью» чрезъ все разсматриваемое твореніе Викентія Лиринскаго. Къ нему направляются всѣ методологическія начала и гносеологическіе принципы Commonitorium'а; отъ него же они заимствуютъ свое освѣщеніе и внутреннее достоинство. Справедливо можно замѣтить, что здѣсь находится «*классическій комментарій* всей догмы преданія» [433]).

По смыслу этого правила, истинное преданіе должно имѣть три существенныхъ и коренныхъ признака, сообщающихъ ему неизмѣняемый характеръ абсолютной истинности и исторической достовѣрности:—это, во 1-хъ, *всеобщность* (universitas), во 2-хъ *древность* (antiquitas) и, въ 3-хъ *согласіе* (consensio... omnium vel certe paene omnium sacerdotum pariter et magistrorum). Всеобщность преданія—это *каѳоличество* или вселенскость (универсальность) его, иначе *мѣстная всеобщность* и единство преданія, созидаемыя *вселенскими соборами*. Въ понятіи всеобщности представляется первый моментъ въ ученіи св. Викентія о преданіи. Къ этому побуждалъ его самый духъ времени: *эпоха вселенскихъ соборовъ*. Къ этому уже свойству догматическаго преданія, какъ необходимую составную часть, св. Викентій прибавляетъ *древность*. Древность—это *апостольство* преданія (апостольское происхожденіе его), или иначе *временное единство* и всеобщность, сохраняемая никогда непрерываю-

---

certe pene omnium sacerdotum pariter ac magistrorum definitiones sententiasque sectemur» Com. c 3. См ссылку на это мѣсто у *Сильвестра*, т. 1, § 18. стр. 112. Достопримѣчательно, что нѣтъ ссылки на это мѣсто ни у Ст. Яворскаго (изъ древняго періода), ни у Макарія (изъ новѣйшаго) Изъ иностав *Marheineke*, System, II, s. 14; *Staudenmayer*, Dogmatik. I, s. 29 *Holzmann* § 35.

[432]) *Сильвестръ*, тамъ-же, стр 112.

[433]) *B. J. Hilgers*, Symbolik Thologie, Bonn, 1841, s. 43

щимся въ церкви преемствомъ апостольскихъ ученій и благодатныхъ даровъ Святаго Духа. Отсюда и апостольство истинно-церковнаго преданія включаетъ въ себѣ необходимо и его каѳоличество [434]). Въ органической уже связи съ временною и мѣстною всеобщностію преданія стоитъ въ качествѣ логическаго вывода свойство *общаго согласія* (consensio). Согласіе—это догматическое единство и тождество преданія въ исторіи и въ идеѣ. Посредствомъ этого единства достигается каѳоличество и апостольство единой православной церкви въ догматическомъ ученіи и жизни. Подъ «формою единства» преданіе должно доказать абсолютное единство православно-церковной вѣры, особенно противъ многочисленныхъ объясненій писанія еретиками, заявляющими свои притязанія на абсолютную истину.

Итакъ, все то́, во что вѣровали всѣ христіане и повсюду въ церкви, отъ самаго апостольскаго времени, должно имѣть значеніе истинно-богооткровеннаго ученія и христіанской вѣры, т. е. значеніе преданія, которому никто не смѣетъ противорѣчить подъ опасеніемъ грѣха [435]). Ясно, что преданіе—не πανδοχεῖον [436]), куда можно сносить, что̀ кому угодно, но исконное достояніе всей церкви, сохраняемое въ единствѣ и тождествѣ церковно-религіознаго самосознанія и жизни. Сообразно съ этимъ говоритъ св. Викентій, что истинное ученіе откровенія и вѣры есть самое древнее и первоначальное преданіе, а ересь—новшество. Истинно-откровенное ученіе имѣетъ всеобщую важность и церковное единство, ересь же заключаетъ въ себѣ мнѣніе, имѣющее важность только для извѣстнаго времени, мѣста и для извѣстныхъ только лицъ. Въ этомъ смыслѣ Викентій вопрошаетъ: «quis unquam haereses iustituit, nisi qui se

---

[434]) Въ разработкѣ понятія о древности преданія св Викентій ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ св. *Иринею Ліонскому* (кн 3, гл 3 1, тамъ-же, гл. 3; кн. IV, гл. 26 и гл. 43, а чрезъ него и къ *Тертулліану* (Pr. haer. c 21. 23. 34 и 36; Adv. Marc. IV, 5) То, что̀ Ириней усвояетъ *апостольскому* времени, св. Викентій придаетъ всей *христіанской* древности, и то, что̀ Ириней обозначаетъ согласіемъ помѣстныхъ церквей съ апостольскими *працерквами* (sedes apostolicae), св. Викентій называетъ ученіемъ, признаваемымъ *всею* церковію. Исходная точка временной соборности и центръ мѣстный всеобщности, что̀ у Иринея, у св. Викентія становится всеобъемлющимъ принципомъ христіанскаго вѣроученія.

[435]) c. 7.

[436]) *Chemnitius*, Examen, p. 177.

prius ab ecclesiae catholicae universitatis et antiquitatis consensione discreverit [437]). Сектантское отдѣленіе отъ согласія во всеобщемъ и древнемъ ученіи каѳолической церкви есть главнѣйшая причина ересей.

Такой взглядъ на отношеніе церковной истины ко лжи еретическихъ заблужденій вполнѣ справедливъ и глубокознаменателенъ. Онъ коренится въ обще-православномъ убѣжденіи, по которому исходною точкою всемірной исторіи служатъ не зло и ложь, а истина и добро. Въ этомъ именно убѣжденіи заключается истинно-научное «самооправданіе христіанства», его безусловная и относящаяся ко всѣмъ безъ исключенія людямъ обязательность. Здѣсь же находится, по мысли Викентія, и справедливое осужденіе всяческихъ еретическихъ сектъ. Православная церковь въ борьбѣ съ ересями всегда можетъ сослаться для оправданія своего преданія въ ученіи и жизни на свое абсолютное обладаніе истиною божественнаго откровенія [438]).

Не всякое богословско-умозрительное мнѣніе церковь признаетъ за непогрѣшимый догматъ, а единственно божественное ученіе Христа и апостоловъ, утвержденное авторитетомъ всеобщаго, постояннаго и единогласнаго преданія. Въ этомъ смыслѣ св. Викентій Лиринскій догматъ совершенно отождествляетъ съ вѣроученіемъ церковнымъ (catsolicum dogma, id est, universalis ac vetusta fides) [439]). Отсюда постоянное и согласное исповѣданіе истинъ вѣры, какъ богооткровенныхъ догматовъ, есть общеобязательное правило вѣры для всѣхъ христіанъ. Здѣсь заключается *положительный смыслъ* или положительная сторона разсматриваемаго нами правила Викентія. Но такъ какъ еретики, обнаруживавшіе злобныя притязанія на усвоеніе себѣ однимъ неоспоримой истины, вводили новыя и нечистыя ученія о вѣрѣ въ среду христіанъ, вовсе невѣдомыя единой и древневселенской церкви, то по смыслу правила св. Викентія, выраженному въ формулѣ: quod ubique, quod semper, quod ab omnibus

---

[437]) с. 29 Ср *Ириней* Лион., кн. 3, гл 2, 1; кн. 5, гл. 20, 1, *Тертулліанъ*, Pr. haerc. 19—21. 23. 28. 30; Adv. Marc. IV, 5; Scorp. 12, бл. *Августинъ*, Ep. c. Donat. c. 2, Ep. 118 ad Ian.

[438]) Изъ инослави. на такое значеніе церкви въ отношеніи къ еретикамъ указываютъ, напр, *Mohler* Patrolog I, s. 739 *Khun*, Tüb. Quartalschr. 1858, s. 246 ff.

[439]) См. у *Сильвестра* т. 1, § 3, стр. 5.

creditum est,—само собою отрицается апостольское происхожденіе и религіозный авторитетъ у всякой догматической новизны и изъ чистой и высокой области истиннаго преданія совершенно исключается всякое мнѣніе, добытое въ позднѣйшее время, посредствомъ различныхъ «умствованій и діалектическихъ построеній». Въ этомъ состоитъ *отрицательная* часть или отрицательный моментъ правила Викентіева [440]).

Таковъ *внутренно-логическій ходъ* и живая *историческая связь* отдѣльныхъ моментовъ (всеобщность, древность и согласіе) разсматриваемаго нами правила св. Викентія въ единствѣ православно-гносеологическаго взгляда на его внутреннее достоинство и авто-

---

[440]) Римско-католическіе богословы придаютъ только *положительное* значеніе правилу св. Викентія (*Canus* Loc Th 1. *Perrone*, De loc th., vol IX, p. 11, *Heinrich*, Dogm. Theol, II, s 518, *Scheeben*, Handbuch d. Kath. Dogmatik, I, s 146 ff, 150, *Franzelin*, De tradition., p 284 sq), разсматривая при этомъ гносеологическіе моменты его составляющіе (universitas, antiquitas et consensus) не въ соединеніи, а только раздѣлительно, не абсолютно, а только относительно. Отсюда и истина и всеобщность преданія по *мѣсту* и *времени* понимается у нихъ не отрицательно, а только положительно, какъ абсолютно-фактическій, а не какъ единственно-необходимый моментъ. Преданіе—это постоянно-развивающаяся и измѣняющаяся форма откровенія Божія въ церкви. Сумма догматовъ не одна и таже всегда и въ каждомъ мѣстѣ. Отсюда consensus patrum въ римской церкви признается *не* въ смыслѣ *всеобщаго* согласія всѣхъ св. отцовъ, но въ смыслѣ *частичнаго* согласія церковныхъ писателей извѣстной группы и извѣстной эпохи, древней и новой—это безразлично. Къ этому подводится и означенное правило св Викентія Смыслъ его только тотъ, что то, во что вѣровали вездѣ, всегда и всѣ, несомнѣнно происходитъ изъ апостольскаго преданія и потому вполнѣ истинно, но никакъ нельзя сказать *наоборотъ*, т е что одно только это и есть дѣйствительно—истинно и божественно и *ничего болѣе*, такъ чтобы уже нельзя было признать за догматъ вѣры ничего такого, что̀ принималось бы церковію *не всегда, не вездѣ* и *не всѣми* Такъ объясняютъ католики правило Викентія съ тою единственно цѣлію, чтобы, произвольно расширивъ границы истиннаго преданія, отнести сюда не только тѣ истины, которыя составляютъ постоянный предметъ вѣры церкви вселенской и неизмѣнно передаются въ ней изъ рода въ родъ, но и такія *мнѣнія о вѣрѣ*, которыхъ раньше не было во всецерковномъ сознаніи и религіозной жизни, но которыя появились уже съ теченіемъ времени при посредствѣ «сектантской самодѣятельности». Но такое пониманіе правила св. Викентія Лиринскаго лишено всякаго основанія Самъ Викентій рѣшительно и ясно высказывается противъ всяческихъ *новшествъ* и субъективныхъ измышленій въ области *религіозной вѣры*. Что думать о религіи, оставляющей свое прошлое? (напр., с 21. 26 и 27). Имѣя въ виду общій духъ и направленіе Commonitorium'а мы полагаемъ, что св. отецъ своимъ правиломъ именно и желалъ показать, что истина Божія только въ *апостольской* и *вселенской* церкви, а не у тѣхъ еретиковъ, которые идутъ противъ универсальности преданія и всячески расширяютъ его объемъ «продуктами собственнаго измышленія», что̀ въ настоящее время и совершаютъ «ревностные не по разуму»

ритетъ. Отсюда мы узнаемъ не только его цѣлесообразность и удобоприложимость въ дѣлѣ распознаванія богооткровенной истины отъ человѣческихъ мудрованій о вѣрѣ[441]), но и истинно-церковный характеръ, что̀ особенно важно знать намъ въ виду его современнаго значенія[442]). Правило св. Викентія, какъ особый способъ доказательства догматической истинности и исторической достовѣрности апостольскаго преданія, есть всеобщее святоотеческое правило[443]) и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научный богословски-обязательный критерій[444]). Поэтому въ опредѣленіи признаковъ догматическаго преданія при помощи этого правила: quod ubique, quod semeper, quod ab omnibus creditum est,—заключается весь центръ тяжести ученія Викентія

римско-католическіе богословы въ пользу своихъ «новшествъ въ вѣрѣ» Если сказанное нами стоитъ внѣ сомнѣнія, то нѣтъ достаточныхъ основаній понимать извѣстное правило св. Викентія относительно всеобщности и постоянства истинъ вѣры только въ положительномъ смыслѣ (догматически), но не въ отрицательномъ (апологетически и полемически) и положительномъ вмѣстѣ, въ органической связи (см. комментарій этого правила Викентія у проф. *Шостина* цитов. соч., стр 79—85 и у проф. *А. Лопухина* въ примѣчаніи къ XVIII чтенію «св. писаніе и св преданіе» изъ Апологіи христіанства *Лютарда*, СПБ. 1892, стр. 957)

441) Это мы особо замѣчаемъ въ виду нѣкоторыхъ даже «консервативныхъ протестантскихъ писателей», считающихъ это правило св. Викентія «практически-неприложимымъ» (*Гольцманъ*, Kanon § 39).

442) На это правило св. Викентія ссылаются въ настоящее время *старокатолики*, хотя даютъ ему не чисто православное толкованіе, а превратное (прот. *Е. Смирновъ*, «Къ старокатолическому вопросу. Православенъ ли intercommunion, предлагаемый намъ старокатоликами»? Харьковъ, 1893). Протестанты же новаго времени приводятъ его противъ *догматическаго* преданія (*Marheinecke*, Das System d. Katholicismus in seiner symbol. Entwickelung Heidelberg, II, s 6—14 ff.).

443) *Св. Ириней*, кн. 3, гл 3 и гл. 4; кн. 4, гл. 43; *Тертуллианъ*, Pr. haer. c 36, *Климентъ*, Книга о пасхѣ у Евсевія VI, гл. 11; *Оригенъ*, De princ praef. n. 1. 2; Hom. in Ep. ad Rom. c 6, Hom. 7 in Levit c. 3, св. *Аѳанасій Александръ*, De decr. Nic. synodi T. 1, p. 262; св. *Василій В.*, О Св. Духѣ, гл. 29, св. *Григорій Нис.*, Contr. Evnom. IV (ed. Migne, II, 654); *бл Августинъ*, De baptis. c. Donat., lib. IV, c. 34; lib. V, c. 23 24, contr. Iul. Pelag. lib. II.

444) *Сильвестръ*, т. 1, § 18, стр 111, проф. *И. Чельцовъ*, Древнія формы символа вѣры православной церкви, или такъ называемые апостольскіе символы, СПБ. 1869, стр 184—185; проф. *А. Лопухинъ*, см. примѣч къ XVIII чтеніе «Апологіи христіанства» Лютарда, стр. 346, проф *Н Бѣляевъ*, статья въ «Пр. Собесѣдн.» за 1895 г. Мартъ—Апр., «Основной принципъ рим католицизма», стр. 354; *протопресв. І. Янышевъ*, «Правда ли, что старокатолики предлагаютъ намъ православнымъ intercommunion и съ нимъ протестантизмъ»? «Церков. Вѣст.» за 1894 г., № 12-й, стр. 181; свящ *П. Свѣтловъ*, «Чтеніе церкви и богословствующій разумъ въ религіозно-христ. знаніи», въ «Христ. Чт.» за 1895, Ноябрь—Дек., стр. 246.

Лиринскаго объ источникахъ и пормахъ христіанскаго знанія и вѣры. Здѣсь св. Викентій «мудро и *въ духѣ православія* опредѣляетъ истинную каѳоличность вѣры и церкви» [445]). Здѣсь находится весьма замѣчательная, по ясности мысли и полнотѣ содержанія, гносеологическая программа всего историко-догматическаго раскрытія и обоснованія православно-религіознаго міросозерцанія. Ясно и точно изложенныя въ этомъ своеобразномъ правилѣ св. Викентія руководственныя методологическія основоначала оставались вообще господствующими во все послѣдующее время въ церкви и во всей своей творческой силѣ живутъ нынѣ въ нашей восточно-православной церкви [446]), въ православно-богословской наукѣ и церковно-каноническихъ законоположеніяхъ.

Какъ со стороны положительной, такъ и со стороны отрицательной правило св. Викентія есть истинное выраженіе практики древне-апостольской и вселенской церкви относительно познанія источниковъ и предметовъ христіанскаго вѣроученія. Указаніе на такое значеніе правила даетъ самъ Викентій.

«Какъ поступилъ бы православный христіанинъ (каѳоликъ), если бы какая нибудь частичка церкви отдѣлилась отъ общенія вселенской вѣры?»—вопрошаетъ св. Викентій, и тотчасъ же отвѣчаетъ такъ. «Не иначе, конечно, какъ предпочетши здравость всеобщаго тѣла вредоносной и зараженной части. А если новая какая нибудь зараза покусится запятнать не частичку уже только, но всю одновременно церковь?—Тогда, значитъ, надобно (позаботиться) *пристать къ древности*, которая, разумѣется, не можетъ уже быть обольщена никакимъ коварствомъ новизны. А если въ самой древности окажется заблужденіе (погрѣшность), котораго держались два-три человѣка, пожалуй—цѣлый городъ, или даже какая нибудь цѣлая область?—Тогда, безъ сомнѣнія, всемѣрно слѣдуетъ *упорству* (происходящему изъ религіознаго невѣжества, т. е. сектантскаго самообольщенія и гордости) или безразсудству немногихъ (гдѣ бы они ни были) предпочесть тѣ опредѣленія, которыя въ древности поста-

---

445) «Окружное патріаршее и синодальное послаше Константинопольскаго престола» (по поводу энциклики папы Льва XIII отъ 20 Іюня 1894 г. о соединеніи церквей), «Церк. Вѣд.» за 1895 г., № 44, стр. 1533.

446) Тамъ-ж.е

повлены были всею церковію съ общимъ согласіемъ (universaliter)», т. е. на *вселенскомъ соборѣ*. «А если *въ будущемъ* встрѣтится какой нибудь такого рода вопросъ, что въ древности нельзя найти на него рѣшенія, постановленнаго по общему согласію?» т. е. на соборѣ. «Тогда надобно постараться разобрать и сличить мнѣнія отцовъ, живших хъ хотя бы то въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, но непремѣнно (непоколебимо) пребывавшихъ по вѣрѣ въ общеніи съ единою вселенскою церковію и бывшихъ уважаемыми учителями; и если окажется, что (касательно возникшаго вопроса) не одинъ или двое только, но всѣ вмѣстѣ *единогласно* что либо такое содержали, писали, преподавали живымъ голосомъ—открыто, часто, неизмѣнно, то слѣдуетъ принять, что и мы также должны въ это вѣрить безъ всякаго сомнѣнія» [447]).

Итакъ, вотъ что долженъ дѣлать каждый православный христіанинъ при появленіи какого либо новаго религіознаго ученія, при сектантскомъ отдѣленіи нѣкоторыхъ лицъ отъ общей вѣры церкви. Въ этомъ случаѣ св. Викентій совѣтуетъ оставаться при церкви, какъ вѣрной хранительницѣ и непогрѣшимой истолковательницѣ божественнаго откровенія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ гносеологическую норму церковной вѣры ставитъ на сторону догматическаго источника ея. Правильное рѣшеніе при изслѣдованіи истинъ христіанскаго вѣроученія даетъ одна вселенская церковь. Церковные отцы и учители имѣютъ значеніе только свидѣтелей и органовъ церковнаго преданія; они non sunt auctores fidei, sed testes. Всегдашнее общеніе ихъ съ церковію составляетъ глубочайшее жизненное основаніе достовѣрности ихъ догматическаго ученія. «Въ самой же вселенской и апостольской церкви (православные христіане) необходимо должны слѣдовать всеобщности, древности и согласію: такъ что если бы когда либо *часть* возставала *противъ цѣлаго*, *новизна противъ старины*, погрѣшительное разномысліе (несогласіе) *одного* или *вообще меньшинства противъ согласія всѣхъ* или, по крайней мѣрѣ, рѣшительнаго большинства православныхъ: то погрѣшимости (поврежденности) части они должны предпочесть непогрѣшимость (цѣлость) всеобщности; при вопросѣ же о самой всеобщности, бла-

---

[447]) с. 3.

говѣріе, древности—непотребству новизны; наконецъ, при вопросѣ о самой древности безразсудству одного или ограниченнѣйшаго числа лицъ, прежде всего, общія опредѣленія какого либо *вселенскаго собора*, если таковыя на данный предметъ имѣются,—а если ихъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ—то, что всего къ нимъ ближе, т. е. взаимно согласныя (по мыслямъ) сужденія большинства вселенскихъ учителей. Если будемъ, при помощи Божіей, наблюдать это вѣрно, здравомысленно и старательно: то безъ большаго труда различимъ *всякія преступныя заблужденія появляющихся еретиковъ*»[448]). «Должно, впрочемъ, замѣтить, что мы обязаны съ величайшимъ усердіемъ изслѣдывать (отыскивать) эти *согласныя сужденія древнихъ святыхъ отцевъ* и слѣдовать имъ *не относительно всѣхъ какихъ-либо маловажныхъ вопросовъ по свящ. писанію*, но главнымъ образомъ только касательно *правила* (образца) *вѣры* (regula fidei). Съ другой стороны, *не всегда и не всѣ* ереси должно обличать этимъ способомъ, но только новыя и недавнія, т. е. появившіяся въ первый разъ... Что же касается ересей давнихъ и застарѣлыхъ; то намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности подступать къ нимъ этой дорогой... Какъ бы ни были древни непотребства такого рода ересей или расколовъ, мы должны или поражать ихъ, если нужно, не иначе, какъ *авторитетомъ свящ. писанія*, или же безъ колебанія убѣгать отъ нихъ, какъ отъ давно пораженныхъ уже и осужденныхъ *вселенскими соборами* православныхъ пастырей церкви»[449]).

«Едва ли можно яснѣе и раздѣльнѣе указать критерій преданія церкви, чѣмъ какъ это сдѣлалъ Викентій Лиринскій, принимая въ соображеніе различныя историческія обстоятельства церковной жизни[450]). Непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ и догматическая важность ученія св. отцовъ и учителей церкви служатъ, по Викентію, глубочайшими основаніями общецерковнаго свидѣтельствованія о богооткровенной истинѣ. Здѣсь находится исключительный предметъ древне-церковнаго правила Викентія, по которому догматическое содержаніе истинно-православнаго преданія ограничивается тѣмъ,

---

[448]) с. 27. Изъ инославн. см. ссылку у *M. Canus'a*, Loc. Th. 3, 4, *D. Petav.*, De Th. Dogmatibus, prol. 2, 4 sq

[449]) с 28

[450]) *Шостынъ*, цит. соч., стр. 91.

во что вѣрили всѣ христіане, всегда и вездѣ. Положительное (историко-догматическое) свидѣтельство богооткровенной истины церковно-религіозная вѣра обрѣтаетъ въ словѣ Божіемъ, письменномъ и устномъ, въ общепризнанныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и въ согласномъ ученіи св. отцовъ. Значитъ, божественное откровеніе и апостольское проповѣданіе древней церкви истинно выражается во вселенскихъ соборахъ (въ ихъ общепринятыхъ догматико-каноническихъ рѣшеніяхъ о вѣрѣ) и въ единодушномъ святоотческомъ ученіи. Посему то и сами вселенскіе соборы и отцы церкви говорятъ, что они держатся всего того, чего держится вся церковь и что она искони опредѣлила въ своемъ единомъ и тождественномъ религіозно-нравственномъ самосознаніи. А такая практика и такой способъ утвержденія и распознаванія божественной истины отъ человѣческихъ умствованій и есть, по общеправославному взгляду [451]), существенная и неизмѣнная черта истинной церкви, отличающая ее отъ инославныхъ вѣроисповѣданій, римско-католическаго и протестантскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ сектантскихъ пониманій разсмотрѣннаго нами правила св. Викентія. Отсюда само собою понятно, что правило Викентія по формулѣ quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, есть не иное что, какъ истинное удостовѣреніе того древне-церковнаго способа, по которому вселенскіе соборы и отцы, непогрѣшимо свидѣтельствовали объ откровенномъ ученіи на основаніи преданія и писанія.

Чтобы «понятнѣе» стали главнѣйшія «положенія» относительно утвержденія и познанія истинъ христіанской вѣры вышеуказаннымъ образомъ, св. Викентій самъ считаетъ нужнымъ пояснить каждое изъ нихъ примѣрами изъ церковной исторіи, т. е. раскрыть нѣсколько болѣе обстоятельно, «дабы по неумѣреной заботѣ о краткости не ослабить бѣглымъ изложеніемъ ихъ силы [452]). Въ историческихъ примѣрахъ св. Викентій только показываетъ намъ, какъ церковь руководилась въ древности въ дѣлѣ опроверженія еретиковъ и различнаго рода религіозныхъ заблужденій (при доказательствѣ изначальности и всеобщности истинъ христіанской вѣры) правиломъ, по

---

[451]) *Макарій*, Введеніе, §§ 138—141, стр. 376—387.
[452]) с. 4.

которому соотвѣтственно сектантскимъ новшествамъ противопоставляла то, чему всегда и вездѣ вѣровали всѣ христіане.

О томъ, какъ поступала церковь при обличеніи и опроверженіи сумасброднаго раскола *донатистовъ*, св. Викентій говоритъ такъ. Во времена Доната[453]), отъ котораго взяли свое названіе донатисты, значительная *часть Африки* впала въ его безумныя заблужденія и, забывъ имя Христово, вѣру, обѣты крещенія, предпочла Христовой церквѣ *святотатственное упорство одного человѣка*. Тогда изъ жителей Африки остались *въ святилищахъ вселенской вѣры здравыми* (цѣлыми) только тѣ, кто, проклявъ непотребный расколъ, *соединились со всѣми церквами міра* и оставили потомкамъ истинно-прекрасный образецъ того, какъ именно впредь добрымъ людямъ слѣдуетъ предпочитать *здравомысліе всѣхъ* сумасбродству одного человѣка или даже нѣсколькихъ лицъ»[454]).

Точно также церковь относилась и *къ аріанамъ*. «Когда ядъ аріанства коснулся не частички уже какой-нибудь, но почти всего міра..., тогда истинные любители и чтители Христа не потерпѣли отъ отравы этой язвы только потому, что предпочли вѣроломной новизнѣ *древнюю вѣру*. Страсти того времени достаточно, съ избыткомъ, показали, сколько бѣдъ приноситъ *введеніе новизны въ догматъ*. Тогда не что-нибудь малое, но все великое было потрясено,— поколеблены были въ основахъ и расшатаны не только отношенія родства, свойства, дружбы, семейнаго быта, но и цѣлые города, поселенія, области, цѣлые страны, вся, наконецъ, римская имперія... А все это не по той ли единственно причинѣ, что тогда вмѣсто *небеснаго догмата* вводились *суевѣрія человѣческія*, благо-утвержденная древность подрывалась преступною (беззаконною) новизною, нарушались постановленія старѣйшихъ, *рвались завѣты отцовъ*, низпровергались опредѣленія предковъ, и страсть нечестивой и новопринятой пытливости не удерживала себя въ непорочныхъ границахъ священной и незапятнаной старины?»[455]). Но, чтобы никто не подумалъ, будто «мы только представляемъ себѣ это по пристрастію къ старинѣ и по ненависти къ новшествамъ», св. Ви-

---

[453]) Донатъ сталъ извѣстенъ, какъ расколоучитель, съ 329 г.

[454]) с. 4.

[455]) Тамъ же.

кентій ссылается далѣе на довѣріе къ свидѣтельству такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ *св. Амвросій Медіоланскій* и другіе защитники и исповѣдники православія вопреки арианству. «Кто въ самомъ дѣлѣ будетъ такъ безуменъ,—вопрошаетъ св. Викентій,—что, при всемъ безсиліи сравняться, не пожелаетъ, по крайней мѣрѣ, идти по слѣдамъ тѣхъ, кого ничто не отторгло отъ защищенія вѣры предковъ ни угрозы, ни ласкательства, ни жизнь, ни смерть..., кого за приверженность къ благоговѣйной старинѣ Господь сподобилъ такого дара, что чрезъ нихъ возстановилъ церкви низвергнутыя, оживилъ народы, умершіе духовно, возвратилъ пастырямъ ихъ права (corona's), попранныя, смылъ непотребныя пачканья, *а не писанія* повшескаго нечестія свыше стекшимъ къ епископамъ потокомъ слезъ, проливавшихся вѣрующими,—наконецъ, весь почти міръ, потрясенный страшною бурею мгновенно налетѣвшей ереси, обратилъ *отъ новоявленнаго вѣрокрушенія* къ древней вѣрѣ, отъ безумства новизны къ *древнему здравомыслію*, отъ недавняго ослѣпленія къ древнему свѣту?»[456]).

Въ дѣлѣ сохраненія св. отцами и исповѣдниками христіанской истины св. Викентій особенно обращаетъ вниманіе на защиту ими въ глубокой церковной древности всеобщей вѣры. «Но въ этой *сверхъестественной силѣ* исповѣдниковъ,—говоритъ онъ,—мы должны замѣтить также въ особенности то, что въ отношеніи къ самой древности церковной они защищали вѣру не какой-нибудь части, а *всего церковнаго общества* (universitas). Да и не свойственно было такому множеству великихъ мужей со всѣми усиліями отстаивать ошибочныя и взаимнопротиворѣчивыя, несогласныя предположенія одного или двухъ человѣкъ или даже подвизаться за какой-нибудь безразсудный замыселъ какой-либо области. Напротивъ, слѣдуя рѣшеніямъ и опредѣленіямъ всѣхъ древнихъ пастырей св. церкви (т. е. собору), *наслѣдниковъ апостольской и вселенской истины*, они хотѣли лучше пожертвовать самими собою, нежели *общесогласною вѣрою всей древности*. Отъ того то и сподобились они пріобрѣсть такую славу, что ихъ достойно и праведно почитаютъ не только исповѣдниками, но величайшими изъ исповѣдниковъ»... «И такой образъ дѣйствій исповѣдниковъ въ отношеніи утвержденія и сохра-

456) с. 5.

пенія божественной истины отнюдь не какая-нибудь новость. Въ церкви всегда процвѣталъ обычай, что чѣмъ боголюбивѣе былъ кто, тѣмъ рѣшительнѣе выступалъ противъ новыхъ вымысловъ. Такими примѣрами полна вся исторія»[457]). «Что-бы не пускаться въ даль», св. Викентій приводитъ одинъ примѣръ.

«Нѣкогда,—говоритъ Викентій,—почтенной памяти *Агриппинъ*, епископъ Карѳагенскій, вопреки свящ. писанію, вопреки правилу вѣры (regula fidei) всей церкви, вопреки мнѣнію всѣхъ другихъ пастырей, вопреки обычаю и уставамъ предковъ, первый изъ всѣхъ смертныхъ придумалъ, что (впавшихъ въ расколъ или какую либо секту, при возвращеніи ихъ въ общеніе съ церковію) надобно перекрещивать. Высокоуміе это надѣлало столько зла, что не только всѣмъ еретикамъ послужило предлогомъ къ поруганію святыни, но и нѣкоторымъ изъ православныхъ дало поводъ къ заблужденію». Значитъ, это нововведеніе представляло противорѣчіе универсальности преданія. «Тогда противъ новости этой возстали всѣ повсюду, и всѣ во всѣхъ странахъ пастыри церкви, съ свойственнымъ каждому изъ нихъ усердіемъ, отклонили ее отъ себя». Здѣсь Викентій указываетъ на преданность древне-церковной вѣрѣ папы *Стефана*, выразившуюся въ письмѣ, посланномъ тогда въ Африку, гдѣ онъ постановилъ: nihil novandum, nisi quod traditum est, т. е. *ничего не должно вводить новаго, кромѣ того, что предано.* Изъ этихъ словъ папы Стефана видно, «что непремѣннымъ условіемъ благочестія служитъ правило, чтобы какъ отцы во что вѣрили, такъ вѣрою запечатлѣвали-бы тоже самое и дѣти, что *нашъ долгъ—не религію вести, куда захотѣли бы, а слѣдовать, куда она насъ ведетъ*, и что скромности и достоинству христіанина свойственно *не свое* передавать потомкамъ, а сохранить имъ принятое отъ предковъ.—Какой же былъ тогда исходъ всего дѣла? Какой другой, кромѣ обыкновеннаго и всегдашняго»! А именно «древность была удержана, а новизна отвергнута». Даже самый соборъ Африканскій, впослѣдствіи при св. Кипріанѣ подтвердившій то нововведеніе, не имѣлъ никакого вліянія на измѣненіе древне-церковной практики въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ[458]).

---

[457]) с. 6.

[458]) Тамъ-же.

Согласное свидѣтельство всѣхъ отцовъ и учителей церкви вселенской есть непререкаемое доказательство истинно-апостольскаго преданія, или того, что утверждаемое ими такимъ образомъ ученіе несомнѣнно ведетъ свое начало отъ самихъ апостоловъ. Но, приписывая полный авторитетъ всѣмъ отцамъ и учителямъ вмѣстѣ, когда они *согласно* утверждаютъ что-либо въ ученіи о предметахъ божественнаго откровенія, св. Викентій вовсе не придаетъ такого-же значенія каждому отцу порознь. «При всей святости, при всемъ обиліи духовныхъ дарованій, св. отцы не были богодухновенны, подобно св. пророкамъ и апостоламъ, и потому писанія отеческія никогда не должно сравнивать съ каноническими книгами свящ. писанія» [459]). Это должно помнить «особенно въ виду коварства такого рода людей, которые, замышляя пустить въ ходъ свою ересь *подъ чужимъ именемъ*, берутъ большею частію *малоизвѣстное* сочиненіе какого нибудь древняго мужа, по неясности своей какъ будто благопріятствующее ихъ ученію, чтобы такимъ образомъ показать, что то, что они проповѣдуютъ, что бы тамъ ни было, проповѣдуютъ не они первые и не они одни». «Нечестіе такого рода людей» св. Викентій считаетъ «вдвойнѣ заслуживающимъ отвращенія, какъ потому, что они не страшатся упаивать другихъ ядомъ ереси, такъ и потому, что они выставляютъ, такъ сказать, на вѣтеръ память св. человѣка, какъ будто какой прахъ безжизненный, и тѣ *мнѣнія* его, которыя надлежало погребсти молчаніемъ, позорятъ, поднимая ихъ вновь» [460]).

Но «не должно соблазняться встрѣчающимся иногда несогласіемъ того или другаго древняго уважаемаго учителя церкви касательно нѣкоторыхъ откровенныхъ истинъ съ единодушнымъ ученіемъ всѣхъ прочихъ пастырей, а надобно смотрѣть на это несогласіе, какъ на *частное мнѣніе* учителя» [461]). Св. Викентій замѣчаетъ, что все, о чемъ только святый ли и ученый, епископъ ли, исповѣдникъ или мученикъ, мыслили несогласно со всѣми, или даже противорѣча всѣмъ,—все такое должно относить *къ мнѣніямъ личнымъ, частнымъ, сокровеннымъ и отличать отъ авторитета общаго, открытаго и всенароднаго вѣрованія*». Поэтому, достойны искрен-

459) *Макарій*, § 141, стр. 385—386.

460) с. 7.

461) *Макарій*, стр. 387.

няго сожалѣнія тѣ изъ среды самихъ христіанъ, которые намѣренно собираютъ разныя ненамѣренныя погрѣшности древнихъ знаменитыхъ пастырей и отцовъ церкви. Такихъ людей Викентій, по справедливости, употребляетъ непочтительному Хаму. «Они идутъ совершенно по слѣдамъ учителя ихъ Хама, который не только не позаботился прикрыть наготу почтеннаго отца своего, Ноя, но разсказалъ еще о ней другимъ въ посмѣяніе, чѣмъ и заслужилъ то, что даже на потомковъ его пало проклятіе этого грѣха. Совсѣмъ не такъ поступили блаженные его братья. Они не хотѣли ни своими глазами видѣть наготу досточтимаго отца своего, ни другихъ допустить надъ нею издѣваться; но покрыли его, какъ сказано въ писаніи, оборотившись лицомъ назадъ, т. е. они и не одобрили ошибки св. мужа, но и не выставили ее на позоръ, а за то и получили въ награду щедрое благословеніе своему потомству (Быт. 9, 20—27)» [462]).

Отсюда выводъ: «мы крайне должны бояться грѣха измѣнять вѣру и нарушать православіе». «*Благочиніе церковной практики*» (constitutionis) должно всячески предостерегать насъ отъ осквернепія христіанской вѣры еретическими повшествами и религіознымъ неправомысліемъ.

Основоположительное значеніе древне-церковнаго правила по формулѣ quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, св. Викентій утверждаетъ еще на «*приговорѣ апостольскаго авторитета*», т. е. усматриваетъ его въ часто повторяемыхъ предписаніяхъ ап. Павла своимъ преемникамъ и цѣлымъ церквамъ—сохранять и распространять истину евангельскаго ученія въ чистотѣ его первоначальнаго происхожденія и передачи. Здѣсь онъ особенно ясно указываетъ на *неизмѣнность* догматической вѣры, какъ на необходимый принципъ *апостольскаго преданія*. Въ этомъ пунктѣ Commonitorium'а какъ нельзя лучше объясняется *библейское* воззрѣніе на внутреннее достоинство и характеръ истиннаго преданія, что для насъ особенно драгоцѣнно.

«Всѣмъ извѣстно,—говоритъ св. Викентій,—какъ сильно, какъ грозно, какъ настойчиво поноситъ блаженный апостолъ Павелъ

---

[462]) с. 7.

тѣхъ, которые съ непостижимымъ легкомысліемъ такъ скоро перешли отъ призвавшаго ихъ въ благодать Христову къ иному благовѣствованію, тогда какъ *благовѣствованіе не можетъ быть инымъ* (Гал. 1, 6—7), которые *избрали себѣ учителей по своей прихоти, отвратили слухъ отъ истины, обратились къ баснямъ* (2 Тим. 4, 3—4) и подлежатъ осужденію за что отвергли прежнюю вѣру (1 Тим. 5, 12). О людяхъ, обольстившихъ ихъ, тотъ-же апостолъ пишетъ въ посланіи къ Римлянамъ: *умоляю васъ, братія, остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ; ибо такіе люди служатъ не Господу нашему Іисусу Христу, а своему чреву, и ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обольщаютъ сердца простодушныхъ* (16, 17—18). *Они вкрадываются въ дома и обольщаютъ женщинъ, утопающихъ въ грѣхахъ, водимыхъ различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущихъ дойти до познанія истины* (2 Тим. 3, 6—7); они *пустословы, обманщики, и развращаютъ цѣлые дома, уча, чему не должно, изъ постыдной корысти* (Тит. 1, 10, 11),—*люди развращенные умомъ, невѣжды въ вѣрѣ*—(2 Тим. 3, 8), *гордые* (2 Тим. 3, 2) *и ничего не знающіе, но зараженные страстію къ состязаніямъ и словопреніямъ* (1 Тим. 6, 4). Ихъ *непотребныя пустословія* много споспѣшествуютъ *нечестію, и слово ихъ распространяется, какъ ракъ* (2 Тим. 2, 16—17). Хорошо, однако, что далѣе пишется о нихъ: *но они немного успѣютъ*, ибо ихъ безуміе *обнаружится предъ всѣми* (2 Тим. 3, 9)»[463]).

Такъ св. Викентій словами ап. Павла изъясняетъ отличительный характеръ тѣхъ коварныхъ лжеучителей, которые своею сектантскою проповѣдью смущали религіозно-нравственную совѣсть христіанъ, сохранявшихъ вѣрность однажды преданной истинѣ и *желали превратить* истинное ученіе въ сектантскій предразсудокъ. Указывая на низкій нравственный характеръ личности и жизни проповѣдниковъ еретическихъ ученій, онъ тѣмъ самымъ отнимаетъ у нихъ всякое право на обладаніе религіозною истиною. И это вполнѣ справедливо; ибо христіанская любовь—начало истинной мудрости

463) с. 7.

и только чистое сердце даетъ истинное разумѣніе богооткровеннаго преданія. Въ этомъ именно смыслѣ и комментируетъ св. Викентій слова ап. Павла: «*аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстникомъ, анаѳема да будетъ*» (Гал. 1, 8). «Когда нѣкоторые изъ такого рода людей ходя съ продажными заблужденіями своими по областямъ и городамъ, пришли также къ Галатамъ, и когда Галаты, наслушавшись ихъ, почувствовали какъ бы какое то отвращеніе къ истинѣ и начали, отбросивъ манну апостольскаго и вселенскаго ученія, услаждаться нечистотами еретической новизны: тогда Павелъ употребилъ весь авторитетъ своей апостольской власти и съ крайнею строгостію опредѣлилъ: *но аще мы*,—сказалъ онъ—*или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8). Что значатъ слова его: *но аще мы?* Почему не сказалъ онъ: *но аще азъ*?—Это значитъ: хотя бы Петръ, хотя бы Андрей, хотя бы Іоаннъ, хотя бы, наконецъ, весь сонмъ апостоловъ благовѣстилъ вамъ что-нибудь другое, чего мы не благовѣтствовали, анаѳема да будетъ. Потрясающая угроза! Чтобы утвердить *неизмѣнность* (непоколебимость) прежней вѣры, апостолъ не пощадилъ бы ни себя, ни прочихъ апостоловъ! Мало того,—хотя бы, говоритъ онъ, *ангелъ съ небесе благовѣстилъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаѳема да будетъ*. Ему не достаточно было для охраненія однажды преданной вѣры упомянуть о существѣ (о естественныхъ свойствахъ) *человѣческой природы*: онъ обнялъ и ангельское превосходство. *Аще мы*,—говоритъ,—*или ангелъ съ небесе*. Не то значитъ это, чтобы святые и небесные ангелы дѣйствительно могли погрѣшать; но вотъ что онъ хочетъ сказать этимъ: если-бы, т. е., служилось даже невозможное; кто бы то ни былъ тотъ, кто покусится измѣнить *однажды преданную вѣру*, анаѳема да будетъ.— Можетъ быть, слова эти сказаны случайно, или вырвались у него невольно какъ нибудь по человѣческому увлеченію, а не предписаны по изволенію Божію? Отнюдь нѣтъ. Въ дальнѣйшей своей рѣчи онъ съ удвоенною настойчивостію повторяетъ опять то-же самое и внушаетъ съ особенною силою: *якоже предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю: аще кто благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9). Не сказалъ: если кто будетъ возвѣщать вамъ что-нибудь другое, кромѣ прежде принятаго вами, да будетъ благо-

словенъ, прославленъ, принятъ, но—*анаѳема да будетъ*,—т. е. да будетъ отлученъ, отдѣленъ, изверженъ, чтобы лютая язва одной овцы не пятнала ядовитою заразою непорочнаго стада Христова. Но, можетъ быть, это предписано было только Галатамъ? Если такъ, то, значитъ и далѣе упоминаемое въ томъ-же посланіи, какъ то: *аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ; не бываемъ тщеславни, другъ друга раздражающе, другъ другу завидяще* (Гал. 5, 25—26), предписано также только Галатамъ! Но это нелѣпо; *нравственныя заповѣди* эти *равно обязательны для всѣхъ*. Слѣдов., и вышеприведенное предостереженіе касательно вѣры равнымъ образомъ также обязательно для всѣхъ, и какъ никому не позволительно раздражать другаго, или завидовать другому, такъ никому же не позволительно и принимать что нибудь такое, чего церковь вселенская не благовѣтствовала бы всегда (повсюду). Или, можетъ быть, анаѳематствовать тѣхъ, которые возвѣстили бы что нибудь другое, кромѣ возвѣщеннаго сначала, повелѣвалась только тогда, а нынѣ уже не повелѣвается? Если такъ, то, значитъ, и слѣдующее, что здѣсь же говоритъ апостолъ: *глаголю же, духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте* (Гал. 5, 16), повелѣвалось также только тогда, а теперь уже не повелѣвается! Но думать такъ—нечестиво и вмѣстѣ пагубно. А отсюда необходимо слѣдуетъ, что если послѣднее предписаніе должно быть собюдаемо во всѣ времена, то *и узаконеніе касательно неизмѣнности вѣры* постановлено также *для всѣхъ временъ*. Слѣдов., возвѣщать христіанамъ православнымъ что-нибудь такое, чего они прежде не приняли, никогда не позволялось, никогда не позволяется, никогда не будетъ позволяться, равно и анаѳематствовать тѣхъ, которые возвѣщаютъ что либо кромѣ разъ навсегда принятаго, всегда должно было, всегда должно есть и всегда должно будетъ. Если же такъ, то кто будетъ такъ *дерзокъ*, чтобы осмѣлиться возвѣстить что нибудь такое, чего прежде не было возвѣщено въ церкви, или такъ *легкомысленъ*, что приметъ что нибудь кромѣ того, что принялъ отъ церкви? *Сосудъ избранный* (Дѣян. 9, 15), *учитель языковъ* (Гал. 2, 3), труба апостольская, провозвѣстникъ вселенной, таинникъ небесный, ап. Павелъ гласитъ въ своихъ писаніяхъ, гласитъ всѣмъ, гласитъ на всѣ времена, на всѣ мѣста, и снова повторяетъ гласъ свой: кто бы не возвѣстилъ *новый*

догматъ, да будетъ анаоема! А съ другой стороны какія нибудь жабы, моськи, мухи издыхающія (Еккл. 10, 1), въ родѣ пелагіанъ, жужжатъ православнымъ: мы учредители, мы установители (начальники), мы пъяснители,—осудите, что̀ содержали, содержите, что осуждали; отвергните древнюю вѣру, отеческія постановленія, завѣщанія (преданія) предковъ, и вмѣсто ихъ примите,—а что примите! страшусь выговорить, потому что все это такъ *высокомѣрно*, что, кажется, не только утверждать, но и опровергать этого пельзя, нѣкоторымъ образомъ не замаравши себя»[464]).

Полемизируя противъ еретическаго раціонализма, Викентій въ особенности выставляетъ на видъ *противорѣчіе* между еретическимъ нескончаемымъ исканіемъ истины внѣ церкви и *божественнымъ характеромъ* христіанскаго откровенія, требующаго цѣлостнаго и полнаго усвоенія. Христіанская истина безусловно необходима во всей своей полнотѣ и цѣлости для нашего спасенія. Здѣсь преданіе имѣетъ значеніе *божественнаго закона*, охраняющаго и утверждающаго совершенство церковно-догматическаго познанія истинъ вѣры. Отсюда и исканіе откровенной истины не должно быть *безконечнымъ*, какъ у еретиковъ, а должно имѣть ненарушимую опору во всецерковномъ кругѣ истиннаго преданія, и въ немъ вѣрный залогъ истинно-христіанской свободы испытующей мысли и падежную оборону отъ всяческихъ сектантскихъ заблужденій.

Уже Ириней и Тертуллианъ осуждали нескончаемое изыскиваніе (infinita inquisitio) вѣры гностиковъ. Такъ какъ вѣрою опредѣляется вся продолжительность исканія и нахожденія богооткровенной истины, а вѣра только въ истинномъ преданіи и въ церкви, то еретики не имѣютъ истины и нѣтъ у нихъ откровенія Божія. Подобно Тертулліану, и св. Викентій размышляетъ о значеніи церковной вѣры въ дѣлѣ познанія откровенія. Еретическое исканіе божественнаго откровенія внѣ церкви представляется ему разрушеніемъ самаго существа христіанскаго преданія. Въ этомъ именно смыслѣ онъ характерно называетъ его анти-религіознымъ «безумствомъ», богохульнымъ «нечестіемъ ослѣпленнаго ума» и слѣпою «страстію къ заблужденію». «Снова и снова расмышляя и передумывая про себя

---

464) с. 8 и 9.

объ этомъ предметѣ,—т. е. о томъ способѣ и правилѣ (regula), при помощи котораго легко съ несомнѣнностію доказывается истина христіанской вѣры, особенно въ виду еретическихъ уклоненій отъ вселенской церкви,—не могу довольно надивиться такому безумству нѣкоторыхъ людей, такому нечестію ослѣпленнаго ума, такой, наконецъ, страсти къ заблужденію, что не довольствуются они однажды преданнымъ и издревле припятымъ *правиломъ вѣры*, но каждый день ищутъ новаго да новаго, и всегда жаждутъ что нибудь *прибавить къ религіи*, или *измѣнить* въ ней, или убавить отъ нея, какъ будто она не небесный догматъ, которому достаточно быть однажды открыту, а какое-нибудь *земское учрежденіе*, могущее усовершаться только постоянными поправками или, лучше сказать, опроверженіями» [465])!

Въ цѣлостномъ сохраненіи преданія, всегда живущаго въ церковно-религіозномъ самознаніи, заключается необходимое условіе догматическаго *единства* и *неизмѣняемости* православнаго знанія о вѣрѣ. Такъ и по библейскому ученію. «Божественныя вѣщанія гласятъ,—говоритъ св. Викентій: *не прилагай придѣлъ, яже положиша отцы твои* (Притч. 22, 28), *выше судіи не суди* (стр. 8, 17), и: *разоряющаго ограду, угрызетъ его змій* (Екил, 10, 8). Тоже самое внушаетъ и слѣдующее изреченіе апостола, которымъ, какъ бы мечемъ какимъ духовнымъ, много разъ обсѣкаемы были и всегда должны быть обсѣкаемы всѣ преступныя новизны всѣхъ ересей: *о Тимоѳее, преданіе сохрани, уклоняяся скверныхъ новизнъ словъ* (суесловій) *и прекословій лжеименнаго разума: о немже нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшима* (1 Тим. 6, 20—21). Останавливаясь «съ удвоеннымъ вниманіемъ» на этомъ мѣстѣ изъ посланія ап. Павла къ Тимоѳею, св. Викентій подробно разбираетъ и уясняетъ его смыслъ и значеніе по вопросу объ источникахъ и способахъ охраненія и раскрытія божественной истины въ христіанской церкви. Комментарій св. Викентія означенныхъ словъ глубокознаменателенъ. Мы приведемъ его полностію, какъ онъ изложенъ въ 21, 22, и 24 главахъ Commonitorium'а, въ виду чрезвычайной важности его при нашемъ изложеніи православнаго ученія о преданіи.

---

[465]) с. 21

«*О Тимоѳее*, говоритъ апостолъ, *преданіе сохрани, уклоняяся сквернымъ новизнъ словъ*.—*О*! Восклицаніе это означаетъ и предвѣдѣніе и вмѣстѣ любовь: апостолъ предвидѣлъ имѣвшія быть заблужденія и напередъ ихъ оплакалъ. Кто теперь Тимоѳей, если не вся вообще церковь или не все въ частности сословіе ея предстоятелей, которые сами обязаны блюсти, такъ и другимъ должны сообщать неповрежденное знаніе божественной вѣры? Что значитъ: *преданіе сохрани*? Значитъ: сторожи, потому что есть воры, есть враги, чтобы между добрымъ сѣменемъ пшеницы, которое посѣялъ на полѣ своемъ Сынъ Человѣческій, не посѣяли они, когда спятъ люди, плевелъ (Мат. 13, 37—39). *Преданіе*,—говоритъ,—*сохрани*. Что такое *преданіе*? То, что тебѣ ввѣренно, а не то, что тобою изобрѣтено,—то, что ты принялъ, а не то, что ты выдумалъ,—*дѣло не ума, но ученія*, не частнаго обладанія, но *всенародной передачи*,—дѣло, до тебя дошедшее, а не тобою открытое, въ отношеніи къ которому ты долженъ быть *не изобрѣтателемъ*, но стражемъ, не учредителемъ, но послѣдователемъ, не вождемъ, но ведомымъ[466]). *Преданіе*,—говоритъ,—*сохрани*, т. е. талантъ вѣры вселенской сбереги въ цѣлости и неповрежденности. Что тебѣ ввѣрено, то пусть и остается у тебя, то ты и передавай. Ты получилъ золото, золото и отдавай. Не хочу, чтобы ты мнѣ подкидывалъ вмѣсто одного другое; не хочу, чтобы вмѣсто золота ты нагло подставлялъ свинецъ, или обманно мѣдь, не хочу золота по виду, давай его натурой[467]). *О Тимоѳее*,—о пастырь, о писатель (толкователь), о учитель! Если дарованіе Божіе содѣлало тебя способнымъ по уму, по образованію, по учености; то будь *Веселіиломъ духовной скиніи*[468]): полируй драгоцѣнные камни божественнаго догмата, прилаживай ихъ плотно, распредѣляй ихъ мудро, придавай имъ блеска, граціи, прелести. Старайся, чтобы, вслѣдствіе твоего болѣе яснаго изложенія, яснѣе разумѣли

---

466) ...«Quid est depositum? Id est, quod tibi creditum est, non quod a te inventum est; quod accepisti, non quod excogitasti; rem non ingenii, sed doctrinae, non usurpationis privatae, sed publicae traditionis; rem ad te perducam, non a te prolatam, in qua non auctor debes esse, sed custos; non institutor, sed sectator, non ducens, sed sequens»...

467) См. ссылку на это мѣсто у *Сильвестра*, т. 1, § 9, стр. 35—36

468) Веселіилъ—библейское лицо Онъ былъ назначенъ Моисеемъ для *художественнаго украшенія* ветхозавѣтной скиніи (Исх. 31, 1 и слѣд; 35, 30—35).

то, во что прежде вѣровали не такъ ясно. Достигай, чтобы потомство съ сознаніемъ славило то, что прежде древность чтила несознательно. Но *учи тому, чему тебя научили, и говоря ново, не скажи новаго*!—*Уклоняйся*, говоритъ апостолъ, —какъ будто ехидны, какъ скорпіона, какъ василиска, чтобы не уязвили тебя еретики не только прикосновеніемъ, но даже взглядомъ или дыханіемъ... *Сверныхъ*,—говоритъ,—*новизнъ словъ* (негоднаго пустословія). Какихъ это *сверныхъ*? Такихъ, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего святаго, ничего религіознаго и совершенно чужды таинницъ церкви, которая есть *храмъ Божій*[469]). *Уклоняйся сверныхъ новизнъ словъ*,— не сказалъ (апостолъ): *древностей*, не сказалъ: *старины*; напротивъ, противоположеніемъ ясно показалъ, чему слѣдовать. Если уклонятся надобно новизны, то должно держаться древности; если новизна непотребна, то старина священна[470]). Сверныхъ,—говоритъ,— *новизнъ словъ*. *Словъ*, т. е. новыхъ догматовъ, дѣлъ, мнѣній, противныхъ старинѣ и древности, въ случаѣ принятія которыхъ необходимо должна рушиться вѣра блаж. отцовъ, или вся, или, по крайней мѣрѣ, въ большей части, и необходимо будетъ объявить, что всѣ вѣрующіе всѣхъ вѣковъ, *всѣ святые*, всѣ непорочные, подвижники, дѣвственницы, всѣ клирики, левиты и священники, столько тысячъ исповѣдниковъ, столько воинствъ мучениковъ, такое множество знаменитыхъ городовъ и поселеній, столько острововъ, областей, царей, народовъ, царствъ, націй, наконецъ, почти вся уже вселенная, чрезъ вселенскую вѣру объединившаяся подъ главенствомъ Христовымъ въ одно тѣло, всѣ въ теченіе столькихъ столѣтій блуждали въ невѣдѣніи, ошибались, богохульствовали, не знали, во что вѣровали.—*Уклоняйтесь*,—говоритъ,—*сверныхъ новизнъ словъ*: принятіе ихъ и слѣдованіе имъ никогда не было дѣломъ православныхъ, а *всегда было дѣломъ еретиковъ*. И въ самомъ дѣлѣ, не всякая ли ересь возникала всегда *подъ извѣстнымъ именемъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время? Не всегда ли тотъ, кто основывалъ ереси, отдѣлялся прежде всего отъ согласія со всеобщностію и древностію вселенской церкви?* Справедливость этого яснѣе дня видна изъ примѣровъ. Кто, напр., *до* непотребнаго Пелагія придавалъ

469) с. 24.
470) с. 21.

когда-нибудъ такую силу свободному произволенію, что не считалъ при этомъ благодати Божіей необходимою для вспомоществованія въ добрыхъ дѣлахъ при каждомъ дѣйствіи? Кто *до* нечестиваго (уродливаго) ученика его Целестія отвергалъ, что преступленію Адамову повиненъ весь родъ человѣческій? Кто *до* нечестиваго Арія дерзалъ разрывать единство Троицы, или *до* беззаконнаго Савелія сливать троичность Единства?.. Примѣровъ такого рода, упускаемыхъ нами по заботѣ о краткости рѣчи, безчисленное множество. Но всѣ они ясно и очевидно показываютъ, что во всѣхъ почти еретическихъ обществахъ введено какъ бы въ обычай и постановлено въ законъ— услаждаться всегда непотребными новизнами, пренебрегать завѣтами древности и чрезъ возраженія ложно, такъ называемаго ими разума претерпѣвать крушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 19). Напротивъ, отличительная особенность православныхъ состоитъ въ томъ, что они хранятъ преданія и *порученія* св. отцовъ, осуждая непотребныя новизны по слову апостола, дважды высказанному: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9)[471]. Уклоняйся и *прекословій*,—говоритъ апостолъ,—*лжеименнаго разума*. Дѣйствительно, въ еретическихъ ученіяхъ наименованія лживы: невѣжество (незнаніе) тамъ называется разумомъ, туманъ ясностію, мракъ свѣтомъ. *О немъ же*,—говоритъ,—*нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшиша*. Чѣмъ же хвалясь, погрѣшили они, какъ не новымъ, какимъ бы ни было невѣдомымъ ученіемъ? Послушай кого нибудь изъ нихъ, что они говорятъ: «идите», говорятъ, «жалкіе несмысли, обыкновенно называющіеся православными, и научитесь истинной вѣрѣ, которой кромѣ насъ никто не понимаетъ, которая прежде много вѣковъ сокрывалась, а недавно открыта и стала явна; но учитесь украдкой и тайкомъ,—это вамъ доставитъ удовольствіе». И еще: «когда научитесь; то учите скрыто, что бы ни міръ не слыхалъ, ни церковь не знала: потому что понять такую непостижимую тайну дано немногимъ». Не голосъ ли это блудницы, завущей къ себѣ въ Притчахъ Соломоновыхъ прохожихъ, идущихъ своею дорогою! Вотъ ея слова: *иже есть отъ васъ безумнѣйшій, да уклонится ко мнѣ*. И несмыслей уговариваетъ она,

---

[471]) с. 24.

глаголющи: хлѣбомъ сокровеннымъ въ сладость прикоснится, и воду татьбы сладкую пейте. Что далѣе? *Онъ же,* говоритъ премудрость, *не вѣсть, яко земнородніи у нея погибаютъ* (Притч. 9, 16—18). Кто эти *земнородніи,* объясняетъ апостолъ. Это тѣ, говоритъ онъ, которые *о вѣрѣ погрѣшиша* (I Тим. 6, 21). Находятся же послѣ того люди, до такой степени зачерствѣвшіе въ своихъ заблужденіяхъ, какъ глыба, неподатливые, какъ наковальня, упорные, какъ кремень, что не поддаются такому гнету глаголовъ небесныхъ, не разбиваются такими тяжестями, не сокрушаются такими молотами, не истлѣваютъ, наконецъ, подъ такими молніями» [472]).

Если церковное преданіе, сохраняющееся отъ самыхъ апостольскихъ временъ, должно служить неизмѣняемымъ основаніемъ всеобщаго и единаго религіозно-догматическаго міросозерцанія, то «для чего же, спроситъ кто нибудь, Богъ часто попускаетъ, что *нѣкоторые знаменитые въ церкви лица* возвѣщали православнымъ *новое*»? «Вопросъ,—говоритъ Викентій,—справедливый и заслуживающій того, чтобы разсмотрѣть его обстоятельнѣе и пространнѣе. Только рѣшать его надобно не отъ своего ума, а по указанію *закона Божія, образа учительства церковнаго*» [473]). И такъ, св. Викентій обращается за рѣшеніемъ означеннаго вопроса къ свидѣтельству и указанію писанія.

«Послушаемъ св. Моисея,—говоритъ Викентій. Онъ вразумитъ насъ, для чего попускается иногда мужамъ ученымъ, за благодать вѣдѣнія называемымъ у апостола даже *пророками* (I Кор. 14, 23), высказывать новые догматы, въ Ветхомъ Завѣтѣ иносказательно называемые обыкновенно *богами иными* (Втор. 13, 2), но той, конечно, причинѣ, что еретики почитаютъ свои мнѣнія почти также, какъ язычники—боговъ своихъ. Блаж. Моисей пишетъ во Второзаконіи: *аще востанетъ среди тебя пророкъ, или соніе видѣти глаголяй себе* (13, 1), т. е. поставленный въ церкви учитель, котораго ученики или слушатели считаютъ *учащимъ какъ бы по откровенію свыше.*—Что потомъ? *И предречетъ,*—говоритъ,—*знаменіе и чудо, и сбудется то, что онъ говорилъ* (13, 1—2),—указывается въ нѣкоторомъ родѣ дѣйствительно великій и столько много-

---

[472]) с. 21.

[473]) с. 10.

свѣдущій учитель, что послѣдователи считаютъ его не только познавшимъ человѣческое, но могущимъ предузнавать и то, что выше человѣка, каковы были, какъ возвеличиваютъ ихъ ученики, Валентинъ, Допатъ, Фотинъ, Аполлинарій и другіе имъ подобные.— Что далѣе? *И речетъ тебѣ*,—говоритъ,—*идемъ, и послѣдуемъ богомъ инымъ, ихже не вѣси, и послужимъ имъ* (ст. 2),—кто эти боги иные, если не заблужденія чуждыя, тебѣ прежде невѣдомыя, т. е. новыя и неслыханныя? *И послужимъ имъ*, т. е. повѣримъ имъ, послѣдуемъ имъ.—Что наконецъ? *Да не послушаеши*,—говоритъ,—*глаголъ пророка того, или видящаго сонъ той* (ст. 3). Почему же, скажи, не воспрещается Богомъ учить тому, что Богомъ же воспрещается слушать? *Яко искушаетъ васъ Господь Богъ вашъ*, да явно будетъ, *аще любите Господа, Бога вашего*, или нѣтъ, *всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душею вашею* (ст. 3). Вотъ яснѣе дня стало видно, почему промыслъ Божій попускаетъ иногда нѣкоторымъ учителямъ церковнымъ проповѣдывать разнаго рода новые догматы; *да искуситъ васъ Господь Богъ вашъ*! [474]).

Здѣсь и немного ниже Викентій приводитъ нѣсколько «примѣровъ церковныхъ»[475]) подобнаго рода религіозныхъ искушеній для православныхъ христіанъ своего времени. Упомянувъ «въ видѣ отступленія» о еретикахъ Несторіѣ, Фотинѣ и Апполинаріѣ, онъ говоритъ о «великомъ и славномъ» Оригенѣ [476]) и о Тертулліанѣ [477]). Объ Оригенѣ онъ говоритъ, что тотъ чрезмѣрно умалялъ достоинство «древней *простоты* христіанской религіи», не всегда уважалъ какъ должно, преданія церковныя и учительство древнихъ отцовъ и «на новый ладъ» толковалъ нѣкоторыя мысли писанія, почему «авторитетъ Оригеновъ имѣетъ силу увлекать въ заблужденіе» и еретики пользуются его твореніями. О Тертулліанѣ замѣчается, что онъ былъ «не слишкомъ твердый въ каѳолическомъ ученіи», т. е. во всеобщей и древне-христіанской вѣрѣ. Тѣхъ христіанъ, которые соблазняются появленіемъ ересей и отпаденіемъ знаменитыхъ лицъ отъ церковнаго преданія, Викентій Лиринскій успокаиваетъ

---

474) Тамъ-же.
475) с. 11.
476) с. 17.
477) с. 18.

указаніемъ на Промыслъ Божій, попускающій *искусить* насъ съ тою цѣлію, чтобы *испытать* нашу любовь и вѣрность однажды преданному ученію и укрѣпить насъ въ истинѣ, содержимой всегда и вездѣ церковію. *Надобно прійти соблазнамъ* (Мат. 18, 7), т. е. искушеніямъ въ вѣрѣ, но не для торжества лжи и зла, а для непоколебимаго утвержденія истины и добра (1 Кор. 11, 19). Преданіе, какъ постоянно—пребывающее откровеніе Божіе въ церкви, нерушимо; могучей силы его не могутъ ослабить никакія искушенія въ вѣрѣ, какъ бы они велики и разнообразны ни были.

«Итакъ, всѣ истинно-православные должны знать, что ихъ долгъ *вслѣдъ за церковію принимать ея учителей, а не вслѣдъ за учителями покидать вѣру церкви*» [478]). Даже если бы какой нибудь учитель съ проповѣдію *новаго* религіознаго ученія соединялъ въ себѣ сверхъестественный даръ пророчества и чудотвореній, то и это обстоятельство не должно внушать къ нему довѣрія. Учительный авторитетъ (живой голосъ) церкви есть неопровержимое и непоколебимое свидѣтельство въ вопросахъ вѣры. Его непогрѣшимость абсолютна. Ереси не нарушали, да и не могли нарушить его внутренней связи съ преданіемъ; ибо это—были горькія заблужденія отдѣльныхъ лицъ или расколы цѣлыхъ провинцій. Но по внутреннему порядку церковной жизни и вѣры преданіе—вѣчный источникъ откровенной истины. Еретики и сектанты только забываютъ его и, отвергая его въ церкви, чрезъ то смертно погрѣшаютъ.

А если преданіе получаетъ реальное бытіе и догматическое значеніе только въ церкви, «то,—говоритъ св. Викентій,—подлинно и истинно православенъ тотъ, кто къ церкви, кто къ *тѣлу Христову* (Рим. 12, 4—5; Еф. 1, 22—23), кто къ истинѣ Божіей приверженъ всею душею, кто выше божественной религіи, выше вселенской вѣры ничего не ставитъ, ни авторитета, ни любви, ни дарованій (пророчества и чудотворенія), ни краснорѣчія, ни философіи какого нибудь человѣка, но, презирая все это и пребывая въ вѣрѣ твердымъ, постояннымъ, непоколебимымъ, считаетъ долгомъ своимъ содержать *только то* и вѣрить *только тому*, о чемъ извѣстно, что это съ древности согласно содержала вся церковь вселенская,

---

478) с. 17.

а о чемъ узнаетъ, что оно послѣ вводится кѣмъ нибудь однимъ *помимо всѣхъ*, или *вопреки всѣмъ святымъ*, какъ новое и неслыханное, то признать относящимся *не къ религіи*, но больше къ искушенію, внимая также въ особенности изреченію блаж. ап. Павла, который въ 1 посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ: *подобаетъ и ересѝмъ быти, да искусни явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. 11, 19). Какъ бы такъ говоритъ апостолъ: виновники ересей для того не тотчасъ искореняются Богомъ, *да искусни явлени бываютъ*, т. е. чтобы видно было, какъ крѣпко, какъ вѣрно и непоколебимо любитъ каждый вѣру вселенную. И дѣйствительно, какъ только покажется какая-нибудь новизна, сейчасъ видна дѣлается тяжесть зеренъ и легкость мякины. Тогда безъ большого усилія сметается съ гумна все, что не тяготѣло къ нему никакою тяжестію. Одни совсѣмъ улетаютъ неизвѣстно куда. Другіе такъ встревожены, что и бѣжать боятся, и оставаться стыдятся,—растерялись полумертвые, полуживые... То съ усиленіемъ заблужденія несутся они, куда вѣтеръ гонитъ; то, пришедши въ себя, отбиваются, какъ волны, назадъ. То съ смѣлою отвагою бросаются на то, что, очевидно, имъ неизвѣстно; то съ неразумнымъ страхомъ пугаются совершенно извѣстнаго, и совсѣмъ не знаютъ, куда идти, куда вернуться, чего искать, чего бѣжать, чего держаться, что оставить. Впрочемъ, это смятеніе колеблющагося и нерѣшительнаго чувства, если бы только они захотѣли вникнуть, есть врачество, подаваемое милосердіемъ Божіимъ. Внѣ безопаснѣйшей пристани вселенской вѣры, они для того мучатся, казнятся и почти совсѣмъ изнываютъ отъ разныхъ бурныхъ помысловъ, чтобы опустили поднятые вверхъ паруса гордаго ума, не—кстати распущенные или подъ вѣтеръ новизны, воротились и снова стали въ надежнѣйшее пристанище безмятежной и благой матери церкви, изрыгнувъ горькія и бушующія волны заблужденій, чтобы пить затѣмъ животворные потоки ключевой воды. Пусть изучатъ они хорошо, чего не знали хорошо, и что во всемъ содержаніи догматическаго ученія церкви можно постигнуть, то пусть *постигаютъ*, а чего нельзя, въ то пусть *вѣрятъ*» [479]).

По воззрѣнію св. Викентія Лиринскаго вселенское ученіе христіанской вѣры дано уже въ апостольской церкви, во всей полно-

[479]) с. 20.

тѣ и силѣ и еще тогда ясно и непогрѣшимо, однажды навсегда, изложено въ преданіи и писаніи, которыми и должно всегда пользоваться, какъ источниками и руководительными началами при нормально-историческомъ раскрытіи догматическаго міросозерцанія. Только при такомъ отношеніи вѣрующаго сознанія и жизни къ догматическому преданію строго ограждается древне-апостольская вѣра отъ произвола личнаго разума каждаго и навѣки сохраняется неприкосновенность истинно-церковнаго ученія. *Древность* и *всеобщность* преданія сообщаютъ ему догматическую *самоочевидность* и внутреннюю каноническую *обязательность*, а его цѣлостное единство служитъ глубочайшимъ основаніемъ его *формальнаго* (руководственнаго) значенія для церковно-религіознаго міросозерцанія. Но если такъ, то, «слѣдовательно, скажетъ, можетъ быть, кто нибудь, *въ церкви Христовой не должно быть никакого преспѣянія* (въ усвоеніи) *религіи?*» [480]) Если преданіе есть основоположительный гносеологическій источникъ и принципъ, ограждающій откровенную истину общецерковной вѣры со всѣхъ сторонъ, то естественно возникаетъ вопросъ: можетъ ли быть какой либо *прогрессъ* въ раскрытіи единаго божественнаго откровенія, даннаго для цѣлостнаго усвоенія его дѣятельностію всѣхъ силъ человѣческаго духа (разума, воли и сердца)? Если откровенная *истина* есть тождественный предметъ *богопреданной вѣры*, то можетъ ли *разумъ* человѣка познать ее теоретически, а если можетъ, то въ какихъ размѣрахъ доступно и желательно это участіе разума въ дѣлѣ религіознаго познанія? Возможна ли, слѣдов., *христіанская наука*, въ области которой собственно и движется *христіанскій разумъ*, просвѣщаемый и освящаемый вѣрою? Итакъ, въ чемъ состоитъ *прогрессъ православной догматики*, понимаемой въ смыслѣ научной системы богословскихъ понятій и знаній о предметахъ и источникахъ христіанскаго вѣроученія?

На всѣ эти вопросы св. Викентій Лиринскій даетъ положительный отвѣтъ и притомъ обстоятельно раскрытый. Онъ знаетъ, что въ церкви догматическій прогрессъ имѣетъ мѣсто, но онъ также знаетъ и то, что этотъ прогрессъ есть не что иное, какъ богословское раскрытіе или историческое развитіе, а не догматическое измѣненіе преданной истины откровенія и вѣры.

[480]) с. 20.

Историческій прогрессъ христіанской догматики, т. е. православное преспѣяніе въ усвоеніи богооткровенныхъ истинъ всеконечно должно быть и притомъ величайшее (profectus religionis habeatur plane et maximus)[481]). Только по сектантской *зависти къ людямъ* и *по ненависти къ Богу* кто-либо можетъ рѣшиться отвергать это, т. е. не допускать усовершенствованія въ дѣлѣ познанія христіанскаго вѣроученія. «Только преспѣяніе это должно быть дѣйствительнымъ преспѣяніемъ (profectus), а *не перемѣною вѣры* (permutatio fidei)». Самъ Викентій обстоятельно разъясняетъ это понятіе церковно-догматическаго прогресса въ слѣдующихъ художественно выраженныхъ словахъ.

«Преспѣяніе состоитъ въ томъ, когда тотъ или другой предметъ усовершается самъ по себѣ; а перемѣна въ томъ, когда что нибудь перестаетъ быть тѣмъ, что оно есть и превращается въ другое[482]). Итакъ, пусть возрастаетъ и въ высшей степени преспѣваетъ съ теченіемъ лѣтъ и вѣковъ пониманіе, разумѣніе, мудрость, какъ каждаго отдѣльнаго христіанина, такъ и всѣхъ вмѣстѣ, какъ одного человѣка, такъ и всей церкви, но только въ одномъ и томъ же родѣ, т. е. въ одномъ и томъ же предметѣ пониманія. Религія дѣло души пусть уподобляется въ этомъ отношеніи тѣламъ. Съ приращеніемъ лѣтъ, тѣла раскрываютъ и развиваютъ свои члены, однако остаются тѣми же, какими были. Цвѣтущая пора дѣтства и зрѣлый возрастъ старческій очень различны между собою, однако стариками дѣлаются тѣ же самые, которые прежде были дѣтьми; такъ что хотя ростъ и наружность одного и того же человѣка измѣняются, тѣмъ не менѣе природа его неизмѣнна, *личность его остается одна и та же*. Члены у младенцевъ небольшіе; у юношей— большіе, однако тѣ же самые. Сколько членовъ у малютокъ, столько же у взрослыхъ, и если что-либо прибавляется съ теченіемъ времени, то все это существовало уже прежде въ зародышѣ, такъ что потомъ въ старцахъ не обнаруживается ничего новаго, чего не таилось бы уже прежде въ дѣтяхъ. Слѣд., настоящій, правильный законъ преспѣянія, непреложный и благолѣпнѣйшій порядокъ (чинъ)

---

[481]) c. 23.

[482]) «Si quidem ad *profectum* pertinet, ut in semetipsa unaquaeque res amplificetur, ad *permutationem* vero, ut aliquid ex alio in aliud transvertatur»...

возрастанія, несомнѣнно, тотъ, когда теченіе лѣтъ развиваетъ въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ непремѣнно тѣ же самыя составныя части и формы, которыя премудрость Творца предначертана въ младенцахъ: такъ что если бы видъ человѣка превратился впослѣдствіи въ какой нибудь образъ *не своего рода* или даже если бы только что-нибудь прибавилось къ количеству его членовъ, или убавилось въ немъ, то все тѣло неизбѣжно или умираетъ или дѣлается уродливымъ или, по крайней мѣрѣ, становится слабѣе. Этому же *закону преспѣянія* необходимо должно слѣдовать и догматическое ученіе (dogma) христіанской вѣры (религіи). Пусть т. е. оно съ годами укрѣпляется, со временемъ расширяется, съ вѣкомъ возвышается, но остается нерушимымъ и неповрежденнымъ, цѣлымъ (полнымъ) и совершеннымъ во всѣхъ подраздѣленіяхъ своихъ частей и во всѣхъ, такъ сказать, членахъ и чувствахъ своихъ,—слѣд., безъ малѣйшей сверхъ того перемѣны, безъ всякой утраты въ своемъ содержаніи (свойствахъ и качествахъ), безъ всякаго измѣненія своихъ опредѣленій. Приведу сравненіе. На этой нивѣ церковной предки наши посѣяли въ древности сѣмена пшеницы,—*чистой вѣры*. Несправедливо и несообразно съ существомъ дѣла, чтобы мы, потомки ихъ, вмѣсто хлѣба (пшеничныхъ зеренъ), неподложной истины, оставили послѣ себя наслѣдникамъ подмѣненные (негодные) плевелы, заблужденія[483]). Напротивъ, такъ какъ *конецъ и начало не должны быть взаимно противорѣчивы*,—законно и послѣдовательно, чтобы мы отъ возрастанія пшеничнаго посѣва (чистаго ученія) пожали плодъ тоже *пшеницы догматической*. Пусть первоначальные посадки, съ теченіемъ времени постепенно развиваясь, удобряются и воздѣлываются теперь; но свойства ростковъ никакъ немогутъ быть измѣняемы. Пусть придается имъ видъ, форма, раздѣльность; но природа (естество) каждаго сорта должна остаться одна и та же. Не должно, напр., розовые кусты вселенскаго ученія (catholici sensus) превращать въ терновникъ и волчцы. Не должно, говорю, быть, чтобы въ этомъ *духовномъ саду* изъ побѣговъ коричневаго или бальзамоваго дерева вырастали вдругъ куколь или лютикъ. Что только земледѣліемъ Божіимъ

---

[483]) ...«Severunt majores nostri antiquitus in hac ecclesiastica segete triticeae fidei semina. Iniquum valde et incongruum est, ut nos eorum posteri pro germana veritate frumenti subditititium zizaniae legamus errorem...

по вѣрѣ отцовъ насаждено въ этой церкви, то самое пусть стараніемъ сыновей и воздѣлывается и сохраняется, то самое пусть цвѣтетъ и зрѣетъ, то самое пусть преспѣваетъ и совершенствуется. Такимъ образомъ слѣдуетъ *древніе догматы небесной философіи* съ теченіемъ времени укрѣплять, обглаживать, очищать; но не слѣдуетъ ихъ перемѣнять, не слѣдуетъ обсѣкать (искажать), не слѣдуетъ уродовать [484]). Пусть они получаютъ очевидность, блескъ (ясность), раздѣльность (точность),—это дозволительно; но ихъ *полнота, цѣльность, качество* должны быть удерживаемы (неизмѣнны),—это необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, если однажды дать волю нечестивой неправдѣ (лжи) въ этомъ отношеніи, то ужасаюсь сказать, какая страшная послѣдуетъ опасность разрушенія и уничтоженія религіи. Тогда, отвергнувъ одну какую-нибудь часть вселенскаго догмата, какъ бы по обычаю уже и съ дозволенія начнутъ постепенно отвергать одну за другою и прочія его части. А затѣмъ, когда отвергнутъ части порознь, что иное послѣдуетъ, наконецъ, какъ не совокупное отверженіе цѣлаго? Съ другой стороны, если начнутъ примѣшивать къ древнему новое, къ своему чужое, къ священному непотребное: то обычай этотъ необходимо распространится по всему, такъ что послѣ этого ничего не останется у церкви нетронутаго, ничего неповрежденнаго, ничего цѣлаго (неиспорченнаго), ничего незапятнаннаго, но гдѣ прежде было святилище чистой и непорочной истины, тамъ будетъ, наконецъ, непотребное собраніе нечестивыхъ и гнусныхъ заблужденій. Да отвратитъ отъ умовъ нашихъ это непотребство благость Божія! Пусть остается уже оно безуміемъ нечестивыхъ! Церковь же Христова, заботливая и осторожная блюстительница ввѣренныхъ ея храненію догматовъ, никогда въ нихъ ничего не измѣняетъ, ничего не уменьшаетъ, ничего къ нимъ не прибавляетъ,—необходимаго не отсѣкаетъ, излишняго не прицѣпляетъ, своего не теряетъ, чужаго не присвояетъ; но со всею рачительностію старается единственно о томъ, чтобы, разсуждая о древнемъ вѣрно и мудро, если что въ древности предначертано и основано, то довершать [485]) и отдѣлывать,—если что пояснено уже и истолковано, то укрѣплять и подтверждать, если что подтверждено уже

---

[484]) До здѣ—*Сильвестръ*, т. 1, § 9, стр. 36—38.

[485]) Въ духѣ апостольскаго правила: «*да недоконченная исправиши*» (Тит 1, 5).

и опредѣлено, то хранить [486]). Чего другаго, наконецъ, всегда старалась она непремѣнно достигнуть *опредѣленіями соборными*? Не того ли только, чтобы послѣ съ разсудительностію вѣровали въ то же самое, во что прежде вѣровали въ простотѣ, чтобы послѣ настойчиво (непрестанно) проповѣдывали то же самое, что прежде проповѣдывали исподоволь, чтобы послѣ съ осторожностію воздѣлывали то же самое, что прежде обрабатывали безопасливо? Не колеблясь говорю и всегда скажу, что вселенная церковь, побуждаемая новизнами еретиковъ, чрезъ опредѣленія своихъ соборовъ не другое что нибудь дѣлала, какъ именно только то, что принятое ею прежде отъ преедковъ по одному преданію подтверждала потомъ для потомковъ и собственноручнымъ письменнымъ удостовѣреніемъ, заключая въ немногихъ строкахъ большое множество предметовъ и выражая обыкновенно, для яснѣйшаго уразумѣнія, такимъ или другимъ *новымъ наименованіемъ не новыя смысла вѣры*» [487]).

И такъ, по взгляду св. Викентія, преданіе всей (universalis) церкви и проистекающія изъ него указанія (regulae) вселенскаго догматическаго ученія исключаютъ собою всякое измѣненіе (permutatio) вѣры, равно какъ и всякое «критическое отношеніе къ богооткровенной истинѣ» присовокупляемое *отъ себя* разумомъ, изслѣдующимъ ее. Преданіе въ субъективномъ значеніи (а объ этомъ собственно и говоритъ Викентій во всемъ Commonitorium'ѣ) есть истинно-религіозное сознаніе церкви о существующихъ въ ней и всегда признаваемыхъ ею истинахъ вѣры и жизни. Сознаніе это, по природѣ, никогда не измѣняется, т. е. не улучшается и не ухудшается, а возрастаетъ отъ силы въ силу. Отсюда преданіе есть никогда неизмѣняющееся самосознаніе церкви, живущее посредствомъ перехода отъ одного поколѣнія къ другому. Оно никогда не ветшаетъ; ибо, происходя отъ Бога, оно неуклонно ведетъ всѣхъ истинно-вѣрующихъ къ христіанскому богопознанію. Съ этой стороны преданіе выразительно опредѣляется у св. Викентія, какъ всецерковный разумъ «небесной философіи». Отсюда абсолютная истина церковнаго преданія покоится всецѣло на увѣренности въ истинѣ

---

[486])... «Ut vetera... occuret et poliat, si qua jam expressa et enuleata, consolidet, firmet, si qua jam confirmata et difinita, custodiat»...

[487]) c. 23.

божественнаго слова, сообщающаго намъ откровеніе Христово. Заключательный выводъ: преданіе—это не какая-либо научная докрина, не богословско-философское ученіе, а истинно-божественное откровеніе, вѣчно пребывающее въ церкви Христовой и все озаряющее въ ней.

Въ вопросѣ о преспѣяніи въ дѣлѣ познанія христіанскаго откровенія путемъ преданія имѣетъ важное значеніе *отношеніе разума къ церковной вѣрѣ*. По Викентію, равно какъ и по ученію всѣхъ православныхъ отцовъ, церковно-религіозная вѣра получаетъ основаніе своей достовѣрности въ божественномъ откровеніи. Здѣсь она имѣетъ нерушимую догматико-каноническую опору. Научно-теоретическая дѣятельность разума должна слѣдовать уже за вѣрою въ дѣлѣ познанія откровенія и развиваться по ея ученію (Евр. 11, 3). Научная сила разумнаго познанія божественныхъ истинъ должна двигаться и крѣпнуть въ своемъ историческомъ раскрытіи на готовой уже почвѣ церковно-религіозной вѣры и не вправѣ замѣнять ее другою какою-либо иною и новою точкою опоры. Такъ какъ, по Викентію, *церковная вѣра* содержитъ божественную истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ, а познавательная дѣятельность разума должна идти всегда за вѣрою, то ясно что научно-богословское *познаніе вѣры* должно всецѣло и неизмѣнно утверждаться на истинахъ откровенія, на «догматахъ небесной философіи», и не вправѣ ихъ измѣнять и подмѣнять какими-либо другими новыми вѣрованіями. «Религія—дѣло не ума, но ученія (non ingenii, sed doctrinae) не частнаго обладанія, но всенародной передачи». Отсюда и всегдашнее внутреннее отношеніе разума къ церковной вѣрѣ не властительское и не творческое въ собственномъ смыслѣ, т. е. по своему измышляющее содержаніе и объемъ вѣроученія, но только служебное, формальное, «художническое» [488]). Познавательная дѣятельность разума не отстряняется отъ вѣры, а только ей указывается второстепенное мѣсто въ зависимости отъ религіозной вѣры и церкви. Богословствующій разумъ долженъ всегда жить и дѣйствовать согласно съ духомъ божественнаго откровенія и непререкаемыми требованіями вселенской вѣры и всегда созидать величественное зданіе

[488]) Это терминъ преосв. *Сильвестра* при опредѣленіи отношенія вѣры къ разуму, томъ I, стр. 106.

истиннаго знанія «небеснаго ученія» на готовомъ уже основаніи и изъ готовыхъ, такъ сказать, догматическихъ камней, только очищая ихъ, обглаживая и прилаживая другъ къ другу, по требованію прекрасной архитектуры христіанской мысли, т. е. православнаго всецерковнаго преданія. Иначе говоря, все дѣло разума въ вопросѣ о «преспѣяніи христіанской религіи» состоитъ только въ томъ, чтобы истины, первоначально принятыя *непосредственно вѣрою* въ церкви, возвести на степень религіознаго знанія, опосредственнаго мыслительною (умственною) дѣятельностію, т. е. облечь ихъ въ форму научно-богословскаго «яснаго изложенія», нисколько неизмѣняющаго ихъ внутренней «природы» и неослабляющаго ихъ небесной гармоніи. «Догматамъ небесной философіи» не свойственно подвергаться какому-нибудь изъяну, обсѣченію или уродованію, подобно какому либо «земному учрежденію», которое можетъ усовершаться только непрерывными поправками, измѣненіями, порицаніями [489]). Вотъ каковъ по Викентію общій планъ того взаимодѣйствія между разумомъ и истинами откровенія Божія, въ границахъ котораго точно отмѣчается вселенски-церковный (универсальный) «*законъ преспѣянія*» въ вѣрѣ и по которому необходимо должно слѣдовать догматическое ученіе (dogma) христіанскаго преданія. Только при такомъ отношеніи къ тайнамъ религіи нашъ разумъ «*говоря ново, не скажетъ новаго*» объ истинахъ откровенія и вѣры христіанской [490]).

Какое значеніе имѣютъ *соборныя вѣроопредѣленія* въ догматико-всецерковномъ преспѣяніи, по воззрѣнію св. Викентія Лиринскаго? Своими соборными вѣроопредѣленіями церковь ничего новаго не прибавляетъ къ внутреннему составу догматическихъ истинъ. Основоположительныя истины вѣры сами по себѣ *богооткровенны*. Божественное происхожденіе и апостольскій авторитетъ—всегдашнее внутреннее и неотъемлемое свойство ихъ. Но церковь своими соборными вѣроопредѣленіями выполняетъ весьма важное служеніе по отношенію къ божественному преданію, а именно содѣйствуетъ «яснѣйшему уразумѣнію не новаго смысла вселенскаго ученія» (catholici sensus). На вселенскихъ соборахъ она болѣе яснымъ и обильнымъ свѣтомъ освѣщаетъ со всѣхъ сторонъ внутреннее содержаніе

489) Ср. *Сильвестръ*, т. 1, § 3, стр. 7.
490) Ср. *св. Ириней*, I, 10, 2—3.

догматическаго ученія, сообщаетъ ему болѣе точную и соотвѣтственную извѣстнымъ историческимъ требованіямъ форму и въ то же время *сама собою ручается* за его божественное достоинство, заявляя открыто, предъ всѣмъ міромъ, полную и совершенную вѣру въ него, какъ богооткровенную, а потому совершенно неоспоримую истину[491]). Здѣсь именно заключается истинное значеніе вселенскихъ соборовъ въ дѣлѣ церковнаго «преспѣнія вѣры». Вселенскіе соборы—это не научно-богословскія собранія (конгрегаціи), а церковно-религіозный способъ истиннаго свидѣтельствованія объ откровенномъ ученіи на основаніи преданія и писанія. Отсюда св. отцы этихъ соборовъ суть священноначальники и учители церкви, которымъ отъ самихъ апостоловъ, въ непрерывномъ преемствѣ, *врученъ залогъ вѣры* для неизмѣннаго сохраненія и непогрѣшимой передачи, а не богословы только, теоретически-мыслящіе о своей вѣрѣ[492]). Символическія вѣроопредѣленія вселенскихъ соборовъ, какъ общецерковныя свидѣтельства объ откровенныхъ истинахъ, относятся ко всему вообще составу православной вѣры, а не къ отдѣльной какой-либо части его. Православный догматъ это—не богословско-философское умозрѣніе, а божественное откровеніе Христа и апостоловъ, признанное таковымъ въ силу всеобщаго, постояннаго и единогласнаго преданія, въ силу вѣчно-живаго свидѣтельства вселенской церкви. Отсюда и православная церковь не общество всякихъ вѣрующихъ, именующихъ себя христіанами, а истинно-религіозный союзъ только тѣхъ лицъ, чья вѣра есть Христова, апостольская, святоотеческая, вселенная, т. е. согласно съ древне-церковнымъ правиломъ св. Викентія по извѣстной формулѣ: quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est. Вдохновляемая Духомъ Святымъ и отнюдь не стѣсняемая и не ограничиваемая «условіями познавательной дѣятельности человѣческаго духа», церковь *сама изъ себя* и внѣ зависимости отъ какихъ-либо случайныхъ человѣческихъ научно-богословскихъ критеріевъ опредѣляетъ (опознаетъ) свое *сущее православіе*;

---

491) Ср. *Сильвестръ*, § 6, стр 18—19.

492) Это мы нарочито противополагаемъ римско-католическому взгляду на авторитетъ вселенскихъ соборовъ и отцовъ Какъ извѣстно, католическому богословію не чужда тенденція считать вселенскіе соборы «универсальными конгрегаціями», собиравшимися для *рѣшенія* вопросовъ о вѣрѣ, а св. отцовъ считать только богословами—теоретиками, научно защищавшими откровенную истину.

но при этомъ она руководствуется при раскрытіи своего догматическаго самосознанія и религіозной жизни въ качествѣ всеобъемлющаго идеально-гносеологическаго начала тѣмъ же самымъ основнымъ критеріемъ истины, какой теоретически обоснованъ и научно раскрытъ въ Commonitorium'ѣ св. Викентія Лиринскаго.

Вотъ обще-церковная точка зрѣнія, лежащая въ основаніи православнаго ученія Викентія о преданіи и его значеніи въ дѣлѣ истинно-христіанскаго знанія о вѣрѣ, особенно въ дѣлѣ догматическаго преспѣянія. Римско-католическая церковь въ новѣйшихъ своихъ рѣшеніяхъ объ откровеніи и вѣрѣ пренебрегла этимъ столь опредѣленнымъ и яснымъ гносеологическимъ и методологическимъ принцтомъ преданія. Введеніе въ систему ученія и распространеніе новыхъ догматовъ и постановленій во-очію показываютъ, что римская церковь оставила всецерковную точку зрѣнія св. Викентія Лиринскаго на преданіе. Такъ какъ по принципу Викентія (quod ubique, semper et ab omnibus creditum est..., catholicum est) ни въ какомъ случаѣ нельзя было вывести новоизмышленныхъ ученій, то католики придумали новое ученіе о преданіи: «преданіе есть все то, что выдается за него римскою церковью». Но такъ какъ римская церковь всецѣло совмѣщается и исчезаетъ въ лонѣ непогрѣшимаго папы, то, слѣдов., достаточно одного папскаго непогрѣшимаго преданія, чтобы узнать, гдѣ истина Божія, нужная для доказательства истины и правоты католическаго ученія. Здѣсь заключается *ultima ratio* римско-католическаго понятія «*о догматическомъ преспѣяніи церкви*» или такъ называемой схоластической теоріи діалектическаго развитія догматовъ. Этой теоріей навѣки уничтоженъ въ католичествѣ основоположительный принципъ Викентія Лиринскаго [493]). По этой теоріи утверждается не *историческая усовершимость* христіанскаго богословія, какъ науки, какъ догматическаго возрастанія вѣрующихъ «*въ разумѣ Божіи*» (Кол. 1, 9—10), а *догматическая усовершаемость* самой по себѣ христіанской вѣры (религіи, христіанства, догматовъ). Не формальный принципъ, но матеріальный результатъ (новые догматы) составляетъ еретическій элементъ во всѣхъ частяхъ этой теоріи. Не усовершимость сама по себѣ, но только сектантская (антицерковная)

---

[493]) *Herzog* R.=Encykl. XV, s 732.

усовершаемость in deterius всецѣло исключается, по православному ученію св. Викентія Лиринскаго, какъ логическое contradictio in adjecto.

Мы оканчиваемъ здѣсь изложеніе и апологетическій разборъ православно-церковнаго ученія св. Викентія о преданіи, раскрытое въ его превосходномъ Commonitorium'ѣ. «Болѣе тысячи четырехъ сотъ лѣтъ протекло съ той поры, какъ написано это разсужденіе; но и теперь нѣтъ особой надобности прибавлять къ нему что-нибудь. Какъ послѣ, такъ и прежде его появленія, взглядъ православныхъ на предметы, составляющіе его содержаніе, всегда былъ одинаковъ. Основная мысль его та, что догматическое ученіе вѣры, какъ божественное откровеніе *по своему происхожденію*, данное однажды навсегда (Іуд. 1, 3), какъ непогрѣшимое ученіе церкви *по мѣсту своего храненія*, какъ свящ. преданіе по способу своего распространенія (и утвержденія), неизмѣнно и всегда одно и то же» [494]). Эта мысль строго православная: она постоянно существовала въ православно-святоотеческомъ ученіи и постепенно крѣпла въ церковно-богословскомъ сознаніи. Отсюда и Commonitorium знаменитаго гальскаго пустынника постоянно пользовался глубочайшимъ уваженіемъ въ православно-богословской наукѣ, какъ классическое твореніе, какъ прекрасный «*увѣтъ духовный*», полный превосходныхъ мыслей и непререкаемыхъ гносеологическихъ началъ и методологическихъ правилъ, необходимыхъ при утвержденіи и раскрытіи догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго вѣроученія и при опроверженіи всяческихъ религіозныхъ заблужденій и ошибокъ. Послѣ всего сказаннаго нами, очевидно, какъ несостоятельно и ложно мнѣніе тѣхъ протестантскихъ богослововъ, которые думаютъ будто извѣстный намъ взглядъ св. Викентія Лиринскаго на преданіе составляетъ «эпоху въ развитіи ложнаго ученія о преданіи» [495]).

Таковы, въ своихъ догматико-каноническихъ корняхъ и историческихъ развѣтвленіяхъ, древнѣйшія святоотеческія опредѣленія православно-церковнаго ученія о преданіи и его значеніи. Мы счи-

---

[494]) Проф. *И. Челцовъ*, цитов. соч., стр. 184—185.

[495]) *Dieckhoff*, Schrift und Tradition, s. 77.

таемъ излишнимъ приводить больше доказательствъ въ пользу общецерковной истины преданія изъ святоотеческой письменности; ибо новаго ничего нельзя было бы сказать съ апологетической точки зрѣнія. *Hic ostium apertum est!*

Обобщая всѣ собранныя и представленныя нами, надѣемся, въ въ ясномъ свѣтѣ многоразличныя свидѣтельства о преданіи св. отцовъ и учителей древне-вселенской церкви, греческихъ и латинскихъ, восточныхъ и западныхъ, мы видимъ, что они стоятъ въ полномъ и совершенномъ согласіи и живомъ взаимодѣйствіи, составляя одно органическое цѣлое православно-гносеологическое міровоззрѣніе,—и это не только относительно *принципа*, но и относительно *содержанія* преданія. Все святоотеческое ученіе о преданіи и его значеніи, въ глубинѣ своего существа, въ самой постановкѣ, въ составныхъ частяхъ и въ способѣ разработки и изложенія, необходимо предполагаетъ основныя православно-библейскія посылки. Въ этомъ отношеніи всѣ древне-церковные отцы и учители находятся во всецѣлой зависимости отъ библейской гносеологіи и нисколько не отступаютъ отъ библейско-апостольскихъ методологическихъ нормъ, а, напротивъ, всегда углублялись въ нихъ и развивали ихъ. Поэтому въ ихъ ученіи всецерковная истина божественнаго преданія навѣки получаетъ абсолютно-догматическую санкцію и историческую достовѣрность и раскрывается внѣ и выше всякаго сомнѣнія. Св. отцы, эти немеркнущіе свѣточи православія, отъ апостоловъ текутъ въ непрерывной цѣпи. Ближе ихъ никто не стоялъ къ апостоламъ и апостольскому времени. Они—сущіе преемники апостоловъ въ церкви Христовой; на нихъ чрезъ апостоловъ и во имя апостоловъ почилъ Духъ Божій. Ясно, что они ближе всего стоятъ и къ истинному пониманію библейскаго ученія о преданіи. Поэтому и догматическіе и историческіе элементы, составляющіе зиждительную силу ихъ взгляда на преданіе въ его существѣ и отношеніи къ писанію и церкви, во вѣкъ несокрушимы.

Цѣлый сонмъ св. отцовъ *(unanimis consensus patrum)* словомъ и дѣломъ, вѣрою и любовію убѣждаютъ насъ, что преданіе есть истинное откровеніе Божіе. Точно такъ же, какъ и писаніе, преданіе есть божественный источникъ вѣры и жизни Христовой въ церкви православной. Въ принятіи и утвержденіи преданія св. отца-

ми *не человѣческая достовѣрность и авторитетъ* полагаются въ основаніе христіанскаго вѣроученія и церковно-религіозной жизни, а истинное слово Божіе и живоносная сила Божія. Вѣчно-живое и вѣчно-живущее въ церкви слово Божіе, какъ устное, такъ и записанное, должно имѣть одинаковую догматическую важность и историческую достовѣрность всегда и во всемъ, что касается дѣла вѣры и откровенія. По святоотеческому взгляду, внутренній составъ и абсолютный авторитетъ преданія обусловливаются не историческимъ только способомъ его передачи, не письменной или устной (некнижной вообще) формой его первоначальнаго сообщенія, но преимущественно *божественнымъ авторитетомъ* тѣхъ провозвѣстниковъ и носителей его, какіе исперва распространили и утверждали его во всецерковномъ самознаніи и жизни. Повелѣніе царя, какъ устно сказанное, такъ и письменно-объявленное народу во всеобщее свѣдѣніе и исполненіе, одинаково важно и обязательно для всякаго вѣрноподданнаго [496]). Подобно этому, и апостольское преданіе и апостольское писаніе суть одинаково обязательные и необходимые источники откровенной истины, равночестные по своему существу и происхожденію; ибо, и то и другое, въ одинаковой степени ясности и полноты, покоится на совершеннѣйшей достовѣрности и истинности своихъ органовъ, т. е. тѣхъ первоучителей и провозвѣстниковъ, которые всегда имѣли въ себѣ «*Духа Божія*» (Іоан. 14, 26; 1 Кор. 7, 40) и «*умъ Христовъ*» (1 Кор. 2, 16). Св. отцы и учители безъ всякаго колебанія признавали писаніе божественнымъ словомъ и истиннымъ источникомъ христіанскаго откровенія и вѣры не потому только, что оно было записано и находилось въ книжныхъ документахъ, но единственно потому, что, по началамъ общецерковной увѣренности, несомнѣнно знали о его происхожденіи отъ Христа чрезъ апостоловъ (Іуд. 1, 3) и о непогрѣшимомъ сохраненіи въ церкви вселенской и истинной. Равнымъ образомъ имъ было исторически и догматически извѣстно, что устное и живоносное преданіе также идетъ отъ Христа и апостоловъ, а потому нѣтъ никакого права и основанія опровергать и отвергать его божественную истину и необходимый авторитетъ, какъ источника откровенія.

---

[496]) *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, стр. 4.

По ученію православно-отеческому, апостолы, какъ устные проповѣдники христіанскаго откровенія и вѣры, нисколько не отличаются отъ богодухновенныхъ писателей новозавѣтнаго канона. Тѣ же самые апостолы, учившіе и писавшіе, выступаютъ у отцовъ также духоносными провозвѣстниками и евангелистами въ словѣ и въ писаніи, въ дѣлѣ вѣры и жизни, въ догматѣ и въ устроеніи церковной дисциплины. Поэтому, протестанты глубоко ошибаются и смертно согрѣшаютъ, когда на основаніи святоотеческаго ученія подразумѣваютъ подъ преданіемъ только человѣческое слово, а не божественный глаголъ, человѣческое мнѣніе, а не непогрѣшимый авторитетъ. Для такого смѣлаго и беззастѣнчиваго утвержденія у отцовъ церковныхъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній и предлоговъ.

Столь глубокое и истинное ученіе объ абсолютной важности и необходимости преданія особенно ясно выражается у св. отцовъ въ самихъ названіяхъ, усвояемыхъ преданію, въ обозначеніи существенныхъ свойствъ его и въ указаніи его отношенія къ писанію и церкви.

Преданіе у св. отцовъ большею частію называется «*правиломъ вѣры*» (ὁ κανὼν τῆς πίστεως, norma et regula fidei). Это наименованіе прямо поставляетъ его, какъ κανὼν παραδόσεως, наравнѣ съ писаніемъ, книги котораго съ IV вѣка стали обозначаться общимъ именемъ *каноническихъ*; а названіе его *вѣрою* (πίστις), или *ученіемъ вѣры* прямо указываетъ на то, что ему приписывается *строго-догматическій авторитетъ* и во-истинну *священное* значеніе, какъ нерушимому правилу откровенной истины (κανὼν τῆς ἀληθείας), какъ евангельскому канону (κανὼν εὐαγγελικὸς). И всѣ эти, равно какъ и многія другія извѣстныя намъ наименованія, которыми св. отцы характеризуютъ сущность преданія, суть не какой-либо случайный подборъ «техническихъ словъ и рѣченій», не по безотчетному произволу употребляются онѣ въ святоотческой терминологіи, но вполнѣ соотвѣтствуютъ точному смыслу святоотеческаго ученія о преданіи въ его существѣ и источникахъ. Поэтому то и противники преданія обозначаются у св. отцовъ еретиками, какъ и противники писанія. Судя по святоотеческимъ посылкамъ, всякое религіозно-философское ученіе (сектантскій толкъ) несогласно съ истиннымъ преданіемъ или противорѣчащее его положительному ученію и свидѣтельству не оби-

пуясь осуждается, какъ «злая и богопротивная ересь», а лица и сами его принимающія и другимъ предлагающія въ качествѣ «исповѣданія вѣры» отлучаются отъ церкви, какъ еретическія. Въ этомъ пунктѣ болѣе всего обнаруживается вся нетвердость и несостоятельность протестантовъ въ употребленіи въ свою пользу древнихъ святоотеческихъ опредѣленій церковнаго понятія о преданіи. Почитать источникомъ откровенія и вѣры одно писаніе безъ преданія, даже вопреки ему, есть дѣло еретическое, расколо-сектантское, свидѣтельствующее о духовной гордости и самомнѣніи.

Существенные признаки преданія суть слѣдующія, по ученію св. отцовъ.

Прежде всего необходимымъ признакомъ преданія, равно какъ и писанія, поставляется ископная древность его, т. е. апостольство, апостольское происхожденіе. Первоначальная древность преданія всегда должна считаться справедливымъ доказательствомъ его догматико-канонической истины; ибо истина всегда носитъ на себѣ нерушимую печать неоспоримой древности.

Но древность (временная всеобщность) истинно-церковнаго преданія включаетъ въ себѣ необходимо каѳоличество его, т. е. носитъ на себѣ вселенскій характеръ (мѣстная всеобщность и единство). Апостольство христіанской церкви заключается въ полномъ и цѣлостномъ согласіи преданія позднѣйшаго времени съ древне-апостольскимъ въ ученіи и въ религіозно-нравственной жизни. Каѳоличество же состоитъ во всецѣломъ согласіи между собою всѣхъ православно-апостольскихъ помѣстныхъ церквей, какъ частей единой вселенской церкви, имѣющей единую главу Христа (Ефес. 1, 22—23) и одушевляемой единымъ духомъ вѣры и благодати (Еф. 4, 4—6). Отсюда само собою понятно, въ какомъ смыслѣ св. отцы и учители обосновываютъ свое обвиненіе какого-либо религіозно-философскаго ученія въ еретичествѣ указаніемъ на недостатокъ у него христіански-апостольской древности и всеобщаго признанія. Они знаютъ, что есть безбожное и антицерковное единство еретическихъ «согласій» сектантскихъ толковъ. Рѣзкіе примѣры такого худаго единства—это безумная толпа изувѣровъ въ страшные моменты яростнаго проявленія ея «коллективной воли и религіознаго сознанія». Нужно всячески испытать религіозное единство вѣры и жизни, есть ли это единство церков-

но-религіозное, ведетъ ли оно къ церкви Христовой, къ добру церковному, къ истинѣ и радости спасенія церковнаго, словомъ къ всецерковному совершенству бытія и жизни христіанской, или же оно готово оторваться отъ церкви въ особый составъ и укладъ религіозной жизни и мысли и свести христіанскую религію на сектантское суевѣріе, на «личную только вѣру и личный процессъ духовнаго усовершенствованія». Истинно-религіозное единство возможно лишь между людьми безукоризненно вѣрующими, беззавѣтно любящими истину Божію, соединенными въ единый всецерковный союзъ не только своею волею и своимъ разумомъ, но волею Божіею, разумомъ и откровеніемъ Божіимъ. Это—одна вселенская церковь Христова, объединяющая всѣхъ истинныхъ христіанъ въ свѣтозарной и всепобѣждающей истинѣ православнаго преданія.

Временная и мѣстная всеобщность преданія стоятъ въ неразрывной связи съ понятіемъ іерархическаго, никогда непрерывающагося въ церкви, преемства апостольскихъ ученій и благодатныхъ даровъ Святаго Духа. Для того, чтобы исполнить свое назначеніе въ отношеніи къ откровенной истинѣ, церковь (по самому существу своему) должна всегда пребывать такою именно, какъ при апостолахъ. А это церковно-религіозное тождество достигается не иначе, какъ путемъ преемственнаго восхожденія къ апостоламъ чрезъ богоучрежденное епископство, т. е. путемъ живой непосредственной передачи, когда религіозная вѣра сообщается отъ одного поколѣнія іерархическихъ лицъ къ другому и, такимъ образомъ, неизмѣнно сохраняется въ религіозномъ сознаніи и жизни, какъ ученіе всегда себѣ равное, по духу откровенной истины. Отсюда ясно,—что «*церковь Христова не можетъ не быть церковію апостольскою*, или такою, которая непрерывно и неизмѣнно сохраняетъ преданное апостолами ученіе и преемство даровъ Святаго Духа, принятое рукоположеніемъ» [497]), создающимъ и созидающимъ *духовное отчество*, т. е. православное священство, какъ глубочайшую жизненную основу истиннаго порядка церковной мысли и жизни. Поэтому то св. отцы всегда признавали апостольское происхожденіе ученія церкви и преемство ея епископовъ отъ апостоловъ «несомнѣннымъ признакомъ ея достоинства, твер-

---

497) *Филаретъ*, Пр. Догм. Богослов., ч. 2, § 300, стр. 247.

дымъ основаніемъ ученія и неопровержимою укоризною ересей»[498]). «Сохраненіе духа Христова въ церкви св. отцы поставляли въ связи съ сохраненіемъ преемственно-апостольскаго поставленія пастырей церкви[499]). Съ этой стороны преданіе есть исконно-церковный іерархическій принципъ и правило вѣры.

Къ числу признаковъ преданія также относится безусловное согласіе его съ писаніемъ. Это согласіе состоитъ въ догматико-каноническомъ единствѣ преданія и писанія. Оно необходимо для истиннаго и полнаго познанія христіанскаго вѣроученія. Только при помощи его и возможно избѣжать всяческихъ религіозныхъ легендъ, сектантскихъ вымысловъ и вредоносныхъ мнѳовъ, ради которыхъ еретики и раскольники обыкновенно жертвуютъ руководствомъ церкви, ея вѣрою и любовію. «Легковѣрное преданіе» еретиковъ всегда идетъ въ разрѣзъ съ писаніемъ и предлагаетъ ошибочныя чтенія его, которыя признаются обязательными только потому, что находятся въ сектантскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ. Только во истинно-вселенской церкви живое общеніе вѣры и цѣлость непрерывнаго преданія, стоящаго въ органической догматико-канонической связи съ библейскимъ ученіемъ.

Цѣлость и неповрежденность преданія, какъ источника христіанскаго откровенія и вѣры, сводятся у отцовъ къ учительному авторитету непогрѣшимой церкви, всегда одушевляемой Духомъ Святымъ, отъ котораго произошло и писаніе. Здѣсь необходимость и особая сила этого авторитета заключается въ вѣрномъ сохраненіи церквію апостольскаго ученія. Съ этой стороны святоотеческое понятіе о преданіи основывается на увѣренности въ томъ, что церковь *не можетъ* не покоряться слову Божію, живущему въ ней и ее присно оживляющему и *не можетъ* сохранять ложное преданіе вмѣсто истиннаго. Поэтому и *непогрѣшимость* учительства церкви это —*невозможность* для церкви изрекать ложное ученіе вмѣсто откровеннаго. Ясно, что и преданіе, не нуждающееся ни въ какихъ особыхъ покровеніяхъ, всецѣло обезпечивается въ чистотѣ своего ученія и въ единствѣ своей истины, въ преемственной передачѣ и историческомъ продолженіи, этою именно непогрѣшимостію церкви. Какъ бого-

---

[498]) Тамъ же, стр. 248

[499]) Тамъ же.

духновенная носительница преданія Христова, церковь есть и единственно-истинное хранилище его.

Область употребленія преданія также обширна, какъ писанія. Она касается всѣхъ сторонъ вѣры и жизни церковной. Въ ученіи вѣры, прежде всего, стоитъ всецерковный критерій каноническихъ писаній, составляющій одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ догматическаго преданія. Православное понятіе о числѣ, каноническомъ достоинствѣ и исторической достовѣрности библейскихъ книгъ всецѣло утверждается на преданіи, на всецерковной увѣренности въ словѣ Божіемъ. Преданіе, какъ правило вѣры, рѣшаетъ вопросъ объ изъясненіи писанія, т. е. вопросъ объ изысканіи подлиннаго текста библіи и правильномъ его истолкованіи. Здѣсь необходимость преданія, какъ особаго «правила истины», доказывается молчаніемъ о многомъ и несогласіемъ во многомъ писаній (ἀσύμφωνα ταῖς γραφαῖς). Преданіе согласуетъ библію и всюду распространяетъ ее. Оно же обличаетъ еретиковъ и приводитъ ихъ къ церкви. По нему также изъясняется вся вообще церковно-историческая, бытовая и обрядовая сторона христіанской религіи. Въ области церковной дисциплины преданіе—главнѣйшій и неисчерпаемый источникъ и норма.

Таково святоотеческое ученіе о преданіи въ его вѣковѣчной древности, въ его «библейскомъ генезисѣ» и «историческихъ стадіяхъ» его церковнаго раскрытія. Если «*при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ*,—какъ неоднократно замѣчаетъ слово Божіе,—*станетъ всякъ глаголъ*» (Втор. 19, 15; 17, 6; Мат. 18, 16; 2 Кор. 13, 1; 1 Тим. 5, 19), то какимъ же образомъ не признавать абсолютной истины за преданіемъ предъ «*толикимъ облежащимъ насъ облакомъ свидѣтелей*» (Евр. 12, 1), предстоящихъ здѣсь со своими неподкупными голосами, со своими священными свитками и хартіями, обвѣянными незапамятною древностію вселенски-каѳолическаго ученія, на которыхъ огненными буквами начертано: «*братіе, стойте и держите преданія*». Почему же, спросимъ здѣсь, слѣдуетъ болѣе довѣрять всякимъ Лютерамъ, Эколампадамъ, Меланхтонамъ, Цвингліямъ, Кальвинамъ и прочимъ злосчастнымъ героямъ отчаянной борьбы противъ апостольскаго преданія, подымающимъ въ отдѣльныхъ частяхъ христіанскаго міра, злобный протестъ противъ него, какъ противъ источника и принципа догматико-гносеологическаго,

а не всей древне-вселенской церкви, ясно говорящей намъ о преданіи богодухновенными устами своихъ св. отцовъ и учителей [500]).

И святоотеческое свидѣтельство вполнѣ достаточно для раскрытія всякому слѣпотствующему уму, что догматическая истина и историческая достовѣрность преданія, какъ источника христіанскаго откровенія и вѣры, покоятся на такихъ «неприступныхъ твердыняхъ», на такомъ несокрушимомъ «*камнѣ вѣры*» (Мат. 7, 24), какихъ не поколебать и *адскимъ силамъ*. И вотъ мы видимъ, какъ болѣе трезвые и правдивые изъ протестантскихъ писателей соглашаются съ нами въ томъ, что въ церкви существуетъ *преданіе вообще*, т. е. *истинное откровеніе Божіе*. Они наполовину признаютъ тотъ самый догматико-гносеологическій принципъ, противъ котораго систематически ведутъ сектантскую брань. Въ теченіе 300-лѣтняго спора не рѣдко являлось на сторонѣ протестантовъ робкое чувство нерѣшительности и неувѣренности въ правотѣ своего дѣла и довольно ярко обозначалось дѣятельное стремленіе къ воссоединенію съ вселенскою (нераздѣльною) церковію, въ виду столь яснаго ученія о преданіи св. отцовъ православныхъ [501]). Протестанты даже удержали у себя *много преданій*, подверженныхъ измѣненію, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., праздники и кое-что изъ церковнаго богослуженія, они отвергли, какъ «чисто-человѣческія установленія». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они шли еще далѣе, когда, отрицая связанныя съ вѣрою въ преданіе ученіе о прощеніи грѣховъ и почитаніи святыхъ, даже ученіе о таинствахъ. принимали, напр., крещеніе младенцевъ и еще кое-что, и тѣмъ невольно обнаруживали свою «безсознательную зависимость» отъ преданія. Оче-

---

500) *Canus*, Los. Th. 3, 6; *Bellarmin*, De verbo Die non Scripta, 4, 8, 1.

501) Положеніе протестанства главнымъ образомъ опредѣляется его отношеніемъ къ древне-церковной теоріи о преданіи Уже Хемницъ рѣшалъ вопросъ о томъ, говорили ли древніе отцы по вопросу о преданіи въ пользу протестантовъ. Значительная часть полемическихъ сочиненій, написанныхъ съ тѣхъ поръ, касалась этого пункта. Обыкновенно свидѣтельства отцовъ приводились въ хронологическомъ порядкѣ съ цѣлью наполнить уже раньше созданныя категоріи. Долго протестанты не могли признать, что церковные отцы, какъ, напр., Иринеи, Тертулліанъ, бл. Августинъ, думали иначе, чѣмъ думали Лютеръ и Кальвинъ. Наивное воззрѣніе на преданіе въ протестантскомъ лагерѣ получило болѣе значенія, чѣмъ показываетъ то исторія церковно-отеческаго взгляда. Только параллельно съ развитіемъ научныхъ знаній въ области патрологіи сталъ мало-по-малу устанавливаться здѣсь болѣе трезвый взглядъ на «преданіе у отцовъ», приводившій ихъ къ сектантскимъ разочарованіямъ и къ «уніи».

видно, это было только естественнымъ слѣдствіемъ сектантскаго отверженія ими догмата о преданіи и устраненія догматическаго авторитета церкви; но чрезъ это была отнята догматико-каноническая опора у всего, не содержащагося ясно и explicite въ писаніи, у изъясненія библіи и у самаго уваженія къ ней. Если реформаторы для оправданія того, что они удержали въ ученіи и жизни, какъ и для самаго писанія, ссылались на св. отцовъ и на общее сознаніе церкви, то это была «роковая непослѣдовательность», обнаруживавшая только внутреннюю несостоятельность произвольно избранной точки зрѣнія. Выходъ протестантовъ изъ этого затрудненія состоялъ бы въ томъ, чтобы они были совершенно искренни и справедливы въ отношеніи къ спорному вопросу о преданіи и вмѣсто духовной гордости, свойственной сектантамъ вообще, проявили бы въ себѣ духъ всехристіанскаго смиренія и послушанія, дѣятельнаго самоиспытанія и самопознанія. Тогда бы слѣдовало имъ по чистой совѣсти и безъ всякихъ «предубѣжденій» (въ чемъ они особенно повинны предъ судомъ церковной исторіи) вдуматься въ сущность святоотеческаго ученія о преданіи, и они тотчасъ бы нашли, что имя церкви, сила преданія и на нихъ самихъ такъ дѣйствуетъ могущественно и неотразимо, что *одинъ* абстрактный и противо-религіозный принципъ писанія не можетъ дать имъ достаточной помощи, чтобы устоять противъ всецерковнаго потока, противъ непогрѣшимаго и богодухновеннаго самосознанія вселенской церкви. Они тогда бы стали воистину благоразумными и могли бы по достоинству оцѣнить врожденный человѣку и спасительный «страхъ предъ всѣмъ единичнымъ» и одинокимъ въ области вѣры, разомъ двинулись бы къ истинной церкви и въ ней, въ ея вселенски-святоотеческомъ преданіи, нашли бы истинное пристанище среди бурныхъ сектантскихъ треволненій и «безконечныхъ возстаній», чреватыхъ всяческими злоключеніями, анархическими смутами, мятежами гражданскими и политическими.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Православно-символическое ученіе о священномъ преданіи.

«Мы вѣруемъ, что свидѣтельство ка-
«ѳолической церкви не меньшую имѣетъ
«силу, какъ и Божественное писаніе.
«Поелику Виновникъ того и другаго
«есть одинъ и тотъ же Святый Духъ:
«то все равно, отъ писанія ли научаться
«или отъ вселенской церкви».

Слова изъ «*Посланія патріарховъ восточно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ*».

Все, что мы знаемъ о преданіи и его значеніи по библіи и по свято-отеческому ученію во всей полнотѣ и совершенствѣ раскрывается въ православно-символическихъ книгахъ нашей церкви и навсегда утверждается, какъ всеобщій и необходимый законъ богословской гносеологіи и методологіи. Ученіе откровенія и св. отцовъ о преданіи—это основаніе (фундаментъ), а православно-символическій взглядъ—это необходимое слѣдствіе. Первое—глубокій корень, а второй—зрѣлый плодъ. Первое—причина, а второй—естественное дѣйствіе, необходимый результатъ. Здѣсь полная гармонія, органическая связь и взаимодѣйствіе; никакого распада и искусственнаго раздѣла. Можно сказать съ увѣренностію, что святоотеческій принципъ преданія осуществляется здѣсь въ границахъ библейско-апостольскаго значенія въ томъ смыслѣ, что представляетъ собою какъ бы естественный переходъ къ общецерковному православно-вселенскому ученію о немъ. Поэтому ученіе символическихъ книгъ о преданіи мы разсматриваемъ какъ гносеологическій идеалъ окончательнаго результата.

Составъ и основоположительныя части православно-символическаго понятія о преданіи, въ его существѣ и отношеніи къ писанію и церкви, тѣ же самыя, что въ откровенномъ и древне-отеческомъ ученіи. И, по символическому взгляду, божественная истина христіанскаго от-

кровенія, всегда составляющая одинъ и тотъ же предметъ вѣры православной, сохраняется въ преданіи и писаніи и единственно при помощи ихъ распространяется въ церкви. Гносеологическій принципъ православія включаетъ въ себѣ оба догматико-каноническіе источника откровенной истины: и преданіе и писаніе, въ равной мѣрѣ. Преданіе и писаніе находятся здѣсь въ органическомъ взаимодѣйствіи. Это какъ бы двѣ части или двѣ стороны одного и того же предмета, единаго откровенія Божія. Между ними полнѣйшее тождество по внутреннему существу содержащихся въ нихъ истинъ, совершеннѣйшая гармонія и единство по источнику божественнаго происхожденія и историческаго существованія въ церкви. Преданіе и писаніе—это всестороннее, цѣлостное и органически-законченное слово единой истины, истины божественнаго откровенія и вѣры православной. Въ отдѣльности ихъ нельзя и представить себѣ, а не то, чтобы пользоваться ими каждымъ отдѣльно, т. е. независимо одно отъ другаго. Только совмѣстно они дополняютъ и поясняютъ другъ друга и вводятъ религіозное сознаніе христіанъ въ объективно-истинное и вселенское пониманіе истинъ откровеннаго ученія. Только при такомъ взаимоотношеніи преданія и писанія достигается между христіанами животворный духъ единомыслія, единство живаго и цѣлостнаго познанія откровенія Христа и ученія апостоловъ.

По символическому ученію, церковь и преданіе существуютъ раньше появленія книгъ писанія и, конечно, не для того, чтобы потомъ уступить свое мѣсто книжному слову Божію. Это особенно нужно помнить въ полемикѣ съ протестантами, чтобы не унизиться до пустыхъ софизмовъ и безцѣльныхъ «препирательствъ на словахъ». Протестантское мнѣніе о «временномъ первенствѣ» записаннаго откровенія предъ церковію и преданіемъ есть сущая утопія. Это сектантская антитеза. Писаніе есть истинное слово Божіе; но относительно «хронологическаго старѣйшинства» его предъ церковнымъ преданіемъ никакъ нельзя утверждать того, что̀ имѣетъ значеніе относительно *слова Божія вообще*. Это есть доказательство весьма достаточное для истины преданія и не противъ писанія, съ которымъ слово Божіе связано навсегда, «до конца дней». Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о *положительномъ значеніи* преда-

нія, т. е. вопросъ о религіозномъ авторитетѣ церкви вселенской. Непогрѣшимость церкви, какъ изначальной хранительницы откровенія Божія, есть существенный догматико-гносеологическій принципъ и глубочайшій корень всего символическаго ученія о преданіи. Съ этой стороны учительство церкви, вытекающее изъ религіозной вѣры въ церковь, отождествляется съ самой идеей преданія. Церковь и преданіе — это одно цѣлое религіозное міросозерцаніе и единая истинно-религіозная жизнь. Въ этой именно мысли объ отношеніи преданія къ церкви заключается всеобъемлющее средоточіе православно-символическаго взгляда на догматическіе источники и историческіе способы истинно-христіанскаго вѣдѣнія объ откровеніи (вопросъ о преданіи въ объективномъ смыслѣ).

Вотъ рядъ главнѣйшихъ и какъ бы центральныхъ, православно-символическихъ свидѣтельствъ о преданіи, носящихъ на себѣ нерушимую печать очевидной истины.

1. Въ «*Чинѣ православія*» наша православная церковь подвергаетъ строгому осужденію и отлучаетъ отъ себя тѣхъ сектантовъ, которые унижаютъ преданія, выраженныя въ опредѣленіяхъ соборовъ и догматическомъ ученіи, согласномъ съ словомъ Божіимъ. Вотъ это мѣсто: «отвергающимъ соборы святыхъ отецъ и ихъ преданія, божественному откровенію согласная и православно-каѳолическою церковію благочестно хранимая, анаѳема»[1]).

Сущность православнаго взгляда высказаннаго въ этихъ словахъ состоитъ въ положительномъ утвержденіи преданія, какъ оно сохраняется и раскрывается въ каѳолической церкви. Преданіе берется не только, какъ формальный принципъ, но и со стороны содержанія, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія. Преданіе—это истинное откровенное ученіе. Поэтому и въ основномъ понятіи о немъ исключается всякое противорѣчіе и несогласіе между вѣрою церкви и ученіемъ слова Божія.

Общая символическая защита откровенной истины въ преданіи, особенно противъ ересей всякаго рода, существенно направляется въ «Чинѣ православія» къ тому, чтобы точно обозначить догматическіе источники и историческія основы христіанской вѣры

---

[1]) Чл. 10, лист 7 и 8 на обор, М. 1820; см. у *Макарія*, § 132, стр 356.

(понимаемой въ объективномъ смыслѣ) и, такимъ образомъ, навсегда уберечь ихъ отъ сектантскихъ извращеній, т. е. удержать въ нерушимомъ и неразрушаемомъ единствѣ. Преданіе—это искони церковный источникъ откровеннаго ученія. Догматико-каноническое ученіе его передаютъ всецерковные соборы и отцы. На вселенскихъ соборахъ св. отцы сообща обсуждали религіозныя заблужденія и недвусмысленно опредѣлили откровенную истину въ церкви. Поэтому ихъ вѣроопредѣленія и правила, составленныя подъ руководствомъ Духа Святаго на основаніи преданія и писанія, т. е. въ полномъ согласіи со словомъ Божіимъ, суть не что иное какъ догматико-каноническая основа христіанскаго вѣроученія, неприкосновеннаго и обязательнаго для всѣхъ безъ изъятія христіанъ. Развѣ это одно не должно быть рѣшающимъ доказательствомъ за преданіе, живущее въ православно-каѳолическомъ самосознаніи церкви? Отсюда то само собою понятно и то грозное прещеніе церкви на еретиковъ, непринимающихъ преданія, которое мы слышимъ въ «Чинѣ Православія». «Можетъ ли кто нибудь безнаказанно искажать постановленіе матери или законъ отца?» [2]) Вотъ смыслъ этого справедливаго прещенія на враговъ истинной святоотеческой вѣры.

2. Въ «*Чинѣ посвященія Архіерейскаго и священническаго*» православная мысль о преданіи формулируется нѣсколько яснѣе. Здѣсь уже опредѣленно требуется на ряду съ припятіемъ писанія «вѣра и *преданіямъ* о Бозѣ и о Божественныхъ и *сказаніямъ* (ἐξήγησεις) единыя каѳолическія и апостольскія церкви» [3]). *Вѣра* въ церковныя преданія касается единственно *божественнаго откровенія*. Преданіе есть чистый источникъ истинно-христіанскаго знанія о Богѣ и о всемъ вообще откровенномъ ученіи. Отсюда уже и необходимость «апостольскихъ и каѳолическихъ *сказаній*» о вѣрѣ, т. е. догматико-экзегетическаго преданія. Писанія нельзя представить безъ преданія. Писаніе само по себѣ это безмолвная книга, по которой *одна* церковь непогрѣшимо судитъ «о Богѣ и о Божественныхъ» предметахъ вѣры, но которая *сама о себѣ* не судитъ. Кто читаетъ законъ вѣры, не руководясь преданіемъ церковныхъ учителей, легко подвергается заблужденію. Отсюда само собою понятно, что по раз-

---

[2]) *Св Епифаній* Haes. 75, п. 8.

[3]) Лист. 10; см. ссылку у *Бенешкрипгова*, цит. соч, стр. 54.

бираемому мѣсту означенной символической книги писаніе нуждается въ преданіи по матеріальной и по формальной сторонѣ. Библію должно дополнять преданіемъ (догматическое преданіе) и по одному только преданію истолковывать и изъяснять ее (православно-церковная экзегетика).

3. То же самое понятіе о преданіи и его значеніи, въ томъ же составѣ частей и въ томъ же способѣ изложенія, повторяется въ «*Чинъ присоединенія иновѣрцевъ къ единой, святой, соборной и апостольской церкви восточной*». Здѣсь отъ принимающихъ православную вѣру церковь наша, между прочимъ, требуетъ слѣдующаго исповѣданія: «апостольская и церковная преданія и иная тояжде церкве узаконенія, уставы же и расположенія (т. е. постановленія) истинно и крѣпко пріемлю; такожде святое писаніе, по разумѣнію, еже содержала есть и содержитъ церковь святая, восточная, мати наша, ейже приличествуетъ разсуждати о истинномъ разумѣніи и истолкованіи святыхъ писаній, пріемлю» [4])

По смыслу этого мѣста, «апостольскія и церковныя преданія» нераздѣльно съ писаніемъ составляютъ единое откровеніе Божіе. Апостольское слово живетъ только въ св. церкви, въ ея вѣроученіи, въ ея правилахъ и законахъ религіознаго бытія и жизни. Внѣ церкви нѣтъ апостольскаго преданія. Только въ церкви—истинно-апостольское и истинно-православное знаніе ученія вѣры и писанія. Только въ ней одной писаніе и преданіе стоятъ на ряду другъ съ другомъ, въ цѣлостномъ догматическомъ единствѣ. И это взаимодѣйствіе преданія и писанія ясно указываетъ на то, что авторитетъ церкви есть не что иное, какъ *продолженіе* апостольскаго авторитета. Посредствомъ «церковнаго преданія» непрерывно осуществляется міро-историческая задача христіанства—не только оправдать всегдашнее существованіе и религіозную жизнь церкви, но и доказать абсолютную необходимость церкви для сохраненія и распространенія откровеннаго ученія среди всѣхъ людей. Поэтому и весь вопросъ о преданіи раскрывается въ православномъ ученіи не только въ его чисто-историческомъ значеніи, но углубляется и въ самый корень его догматическаго авторитета. Очевидно, что символическое ученіе объ изъ-

---

[4]) Лист. 71 на обор., М. 1757; у *Бенескриптова* стр 57, и *Макарія*, § 108, стр. 258.

ясненіи писанія преданіемъ есть только естественный выводъ изъ понятія о церкви, какъ истинной наставницѣ въ откровеніи и вѣрѣ. «Истинное разумѣніе св. писаній» совершается только въ *православной* церкви, только въ ея преданіи и нигдѣ болѣе.

4. Но всѣ эти церковно-символическія положенія по вопросу о преданіи, по своей краткости, не вполнѣ ясны, прикровенны, хотя общая идея о преданіи, проникающая и одухотворяющая ихъ, очевидно, одного корня съ библейскимъ и святоотеческимъ догматико-гносеологическимъ ученіемъ. Въ нихъ въ слишкомъ общихъ чертахъ высказано искони-православное сужденіе о необходимости преданія, а также не совсѣмъ точно и недостаточно полно раскрыто понятіе о догматико-канонической важности его въ дѣлѣ христіанскаго вѣроученія и жизни всецерковной. Яснѣе, опредѣленнѣе, а главное— полнѣе православный взглядъ на преданіе въ его существѣ и органахъ излагается въ «*Православномъ исповѣданіи каѳолической и апостольской церкви восточной*», именуемомъ митрополита Кіевскаго Петра Могилы. Чтобы знать всю апологетическую силу и значеніе этого посланія для нашего вопроса, должно помнить, что оно было составлено около половины XVII вѣка (въ 1640 г.) въ Кіевѣ въ руководство всѣмъ православнымъ христіанамъ для охраны чистоты откровеннаго ученія, какъ отъ мнѣній лютеранъ и кальвинистовъ, такъ еще болѣе отъ мнѣній римскихъ католиковъ.

Здѣсь въ отвѣтъ на вопросъ четвертый (*«Что̀ есть вѣра»?*) части первой читаемъ слѣдующія достопримѣчательныя слова, прекраснымъ образомъ выражающія весь взглядъ православной церкви на преданіе. «Православный христіанинъ долженъ *за вѣрное и несомнѣнное принимать* [5]), что *всѣ члены вѣры* каѳолической и православной церкви *преданы ей отъ Господа нашего Іисуса Христа чрезъ Его апостоловъ*, изъяснены и утверждены вселенскими соборами, и вѣровать въ оные, какъ повелѣваетъ апостолъ: *тѣмъ убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся, или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Θес. 2, 15). И въ другомъ мѣстѣ: *хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и яко же предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 11, 2). Изъ чего видно, что

---

[5]) Собор. 6, правило 85

члены вѣры получаютъ важность и твердость свою *частію отъ свящ. писанія*, *частію отъ церковнаго преданія* и ученія соборовъ и св. отцовъ». Въ объясненіе этого мѣста далѣе приводятся извѣстныя намъ слова *св. Діонисія Ареопагита* о значеніи устнаго преданія, т. е. сообщеннаго церкви безъ писанія, при помощи «невещественнаго ученія». Отсюда уже дѣлается выводъ о двойствѣ источниковъ откровенія и вѣры православной. «Догматы суть двоякаго рода: одни преданы письменно и содержатся въ богословскихъ книгахъ священнаго писанія; другіе преданы *устно* апостолами; и сіи-то были объяснены соборами и св. отцами (δὸγματα παραδεδόμενα ἐκ στοματος ἀπο τοῖς ἀποστόλοις, καὶ ταῦτα ερμηνεύθησαν ἀπο τὰς σονόδους καὶ τους ἁγίους πατέρας). На сихъ двоякаго рода догматахъ основывается наша вѣра, которую надлежитъ не только хранить въ тайнѣ сердца, но и устами возвѣщать и исповѣдывать безъ страха и сомнѣнія, какъ говоритъ священный псалмопѣвецъ: *вѣровахъ, тѣмже возлаголахъ, и мы вѣруемъ, тѣмже и глаголемъ* (Псал. 115, 1; 2 Кор. 4, 13) [6]).

Изъ ученія, заключающагося въ этихъ словахъ православно-символической книги, вытекаютъ слѣдующія основныя положенія по вопросу о бытіи и важности преданія.

Православно-каѳолическая церковь признаетъ источникомъ божественнаго откровенія и руководительнымъ началомъ въ дѣлѣ вѣропознанія насколько писаніе, настолько и церковное преданіе. «Члены вѣры» (божественное слово) заимствуются отчасти отъ писанія и отчасти отъ устнаго, т. е. незаписаннаго апостолами преданія (τὸ γράπτον καὶ ἄγραφον παράδοσις), живущаго въ церкви, и именно послѣднее должно приниматъ столь же во всей цѣлости, какъ и первое. Повидимому, съ перваго раза, дѣло обоснованія и утвержденія христіанскаго вѣроученія представляется такъ, какъ будто «церковное преданіе» тѣснѣйшимъ образомъ обнимаетъ только нѣкоторыя *незаписанныя части слова* Христа и апостоловъ (τὰ ἄγραφα δὸγματα), сохраненныя въ церкви устнымъ путемъ и экзегетически. Но уже *содержаніе* этого преданія относится къ содержанію писанія совершенно самостоятельно. Преданіе и писаніе равноправные

---

[6]) См. у *Макарія*, § 108, стр 256.

источники вѣроученія и догматически и исторически. Въ преданіи находится не только то, что можно вывести изъ писанія посредствомъ логическаго умозаключенія, но и то, что̀ находится въ божественномъ откровеніи (τὸ θεῖον ῥῆμα), въ членахъ вѣры, незаписаннымъ. Сюда, напр., принадлежатъ догматы (основныя истины вѣры), а также и то, что Святый Духъ преподалъ въ откровеніи церкви не только въ письменахъ, но и *таинственно* (μυστικῶς). Преданіе хотя и получается при содѣйствіи устнаго «тѣлеснаго слова», однако «менѣе вещественнымъ образомъ», чѣмъ въ «богословскихъ книгахъ свящ. писанія»; ибо оно созидается духоносною силою религіозной вѣры и жизни всецерковной. Въ этомъ состоитъ главнѣйшее отличіе преданія отъ писанія и преимущественное достоинство его предъ нимъ; и это не въ ущербъ божественности библіи и не въ уронъ ея догматическаго авторитета, но въ полное взаимное проникновеніе писанія преданіемъ церкви. Св. отцы и вселенскіе соборы ничего новаго не прибавляютъ къ составу божественнаго преданія, а суть только свидѣтели и носители этого преданія, обладающіе, какъ унаслѣдованнымъ отъ апостоловъ сокровищемъ, всѣмъ тѣмъ ученіемъ о вѣрѣ, какое нерушимо сохраняется въ устномъ и записанномъ словѣ Божіемъ.

Не другая мысль о двойствѣ источниковъ откровеннаго ученія, т. е. о необходимости не только писанія, но и преданія, высказывается и въ отвѣтѣ на 96 вопросъ «Православнаго исповѣданія каѳолической и апостольской церкви восточной».

«Хотя церковь,—говорится тамъ,—и *есть твореніе Божіе*, составленное изъ человѣковъ, но она имѣетъ главою Самого Христа, истиннаго Бога и Духа Святаго, который непрестанно научаетъ ее и содѣлываетъ, какъ говоритъ апостолъ, *невѣстою* Христовою, *не имѣющею скверны или порока* (Еф. 5, 27), и *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15), и ея догматы и ученія происходятъ *не отъ человѣковъ*, но отъ Бога. Посему, когда говоримъ, что мы *вѣруемъ въ церковь*, разумѣемъ, что вѣруемъ въ писанія, Богомъ ей преданныя, и *въ богодухновенные догматы*. Сіе самое побуждаетъ насъ вѣровать не только въ святое Евангеліе, церковію принятое, что заповѣдалъ Христосъ, сказавъ: *вѣруйте во Евангеліе* (Марк. 1, 15), но и во всѣ другія писанія и соборныя опредѣленія» [7]).

[7]) Тамъ же.

Всѣ основныя богословскія опредѣленія православнаго ученія о преданіи, собранныя въ этомъ мѣстѣ въ ихъ существенномъ значеніи, можно свести къ слѣдующимъ руководящимъ пунктамъ. По своему *содержанію*, преданіе есть откровенное ученіе, т. е. «богодухновенные догматы». Поэтому въ немъ заключается все то, чему училъ Самъ Іисусъ Христосъ, или что̀ получили апостолы отъ Духа Святаго и что̀ не было ими самими записано въ *евангельскихъ* книгахъ. Отсюда ясно, что *авторитетъ* преданія имѣетъ одинаковую силу и одинаковое значеніе съ писаніемъ. Насколько должно *вѣровать въ Евангеліе Христово*, настолько же должно *вѣровать и въ церковь*, т. е. въ ея богодухновенное преданіе. Все одно отъ книжнаго Евангелія научиться вѣрѣ или отъ церкви. Преданіе абсолютно *достовѣрно*, ибо церковь абсолютно *непогрѣшима*. Церковь есть «твореніе Божіе, и ея догматы происходятъ не отъ людей, но отъ Бога». Это—самосущая истина и жизнь Божія. Отсюда и догматико-канонической авторитетъ писанія зависитъ отъ принятія и признанія его̀ церковію, иначе отъ преданія. *Писаніе передано церкви отъ Бога*. Съ этой стороны *вѣра въ церковь* есть вѣра въ истину и достовѣрность *записаннаго* апостолами слова Божія. Здѣсь церковь—нерушимый столпъ и утвержденіе откровенной истины. Если преданіе и писаніе вмѣстѣ составляютъ полную сокровищницу откровенія Божія, ввѣреннаго церкви и соблюдаемаго въ ней, то, очевидно, преданіе служитъ здѣсь существеннымъ *дополненіемъ* писанія. Отсюда выводъ: въ дѣлѣ уразумѣнія откровенія Божія должно всегда и во всемъ пользоваться и дополнительнымъ источникомъ вѣроученія, т. е. преданіемъ церкви особенно ясно выраженнымъ въ «соборныхъ опредѣленіяхъ».

5. Тотъ же самый православно-церковный взглядъ на преданіе въ его существѣ и значеніи раскрывается и утверждается и въ «*Посланіи патріарховъ восточно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ*». Особенная апологетическая важность этого посланія видна изъ того, что оно, будучи составлено въ 1672 г. на Іерусалимскомъ соборѣ, для охраны чистоты православія отъ *кальвинскихъ* заблужденій, подъ названіемъ «*Изложеніе православной вѣры восточной церкви*», было принято и засвидѣтельствовано восточными патріархами и нашимъ св. Синодомъ въ отвѣтъ на запросъ *англиканъ*,

считающихъ источникомъ христіанскаго вѣроученія (догматовъ) одно только писаніе.

Въ предисловіи къ этому посланію мы читаемъ слѣдующія многознаменательныя слова. «*Наши* догматы и ученіе *нашей* восточной церкви еще древле изслѣдованы, правильно и благочестиво опредѣлены и утверждены св. вселенскими соборами; прибавлять къ нимъ, или отнимать отъ нихъ что-либо непозволительно. Посему желающіе согласоваться съ нами въ *божественныхъ догматахъ* православной вѣры должны съ простотою, послушаніемъ, *безъ всякаго изслѣдованія и любопытства*, послѣдовать и покориться всему, что опредѣлено и постановлено *древнимъ преданіемъ* отцовъ и утверждено святыми и великими соборами, *со времени апостоловъ и ихъ преемниковъ*, богоносныхъ отецъ нашей церкви» [8]).

Смыслъ этихъ словъ понятенъ самъ собою и не требуетъ особаго комментарія. Въ нихъ выдвигается на первый планъ, особенно въ виду антицерковниковъ-протестантовъ, не писаніе само по себѣ, а преданіе и его всецерковные органы, св. отцы и вселенскіе соборы, не критическое «безконечное изслѣдованіе» спорныхъ вопросовъ о вѣрѣ (что составляетъ отличительное свойство сектантства вообще), а полнота, единство и законченность вѣроученія православнаго, основаннаго на вселенскомъ преданіи церкви. Преданіе — изначальный, «со времени апостоловъ» текущій въ церкви источникъ «божественныхъ догматовъ православной вѣры» т. е. богооткровенныхъ истинъ, а не какихъ-либо богословскихъ колеблющихся мнѣній. Въ немъ въ неприкосновенной цѣлости, «безъ всякаго изслѣдованія и любопытства» сохраняется и раскрывается древне-апостольское «правило вѣры», утвержденное вселенски-соборнымъ авторитетомъ. Доказательство отъ непогрѣшимости каѳолической церкви служитъ здѣсь глубочайшею историческою основой догмата о преданіи. Преданіе обезпечено во всей своей силѣ и чистотѣ, для всякаго истинно-вѣрующаго и послушнаго сына церкви, абсолютною непогрѣшимостію вселенски-соборнаго голоса церкви, т. е. ея догматовъ. По символическому взгляду, въ церкви *преспѣяніе вѣры* имѣетъ свое законное мѣсто, но это есть только историческое раскрытіе и утвержденіе

---

[8]) См. у *Бенескриптова* стр. 104 и у *Макарія* стр. 256.

откровенной истины, а не «богословская критика» и тѣмъ болѣе не измѣненіе ея. Нелѣпо искать какое-либо другое, кромѣ формальнаго, различіе между ученіемъ Христа и преданіемъ апостоловъ. Неразумно также поступаютъ тѣ изъ христіанъ, которые между церковнымъ и *первоначальнымъ* (апостольскимъ) преданіемъ признаютъ какое-либо другое различіе, кромѣ историческаго. Матеріально (т. е. догматически) преданіе православной церкви всегда едино и неизмѣнно; это одна непрерывная и никогда непрерываемая нить откровенія Божія въ церкви Христовой. Съ этой стороны всяческая случайность, «внѣшне-формальное раздѣленіе» и «внутренне-матеріальное разлученіе» письменнаго и устнаго слова Божія должны быть разсматриваемы, какъ существенный недостатокъ той вѣроисповѣдной системы, которая это допускаетъ. Ясно, что въ такой связи мыслей вопросъ о преданіи обозначается въ разсматриваемомъ мѣстѣ не только какъ вопросъ историческій, но по преимуществу какъ вопросъ догматико-канонической.

То же самое ученіе о важности и значеніи преданія при писаніи мы находимъ и во второмъ членѣ разсматриваемаго «Посланія», только раскрытое еще подробнѣе, еще яснѣе, противъ произвола «вѣрующаго субъекта» въ протестанствѣ и противъ идеи непогрѣшимаго папства въ католичествѣ.

«Вѣруемъ,—поучаютъ насъ предстоятели православной церкви,—что божественное и священное писаніе внушено Богомъ: посему мы должны вѣрить ему безпрекословно, и притомъ не какъ-нибудь по своему, но имено такъ, какъ изъяснила и предала оное каѳолическая церковь. Ибо и суемудріе еретиковъ принимаетъ божественное писаніе, только превратно изъясняетъ оное, пользуясь иносказательными и подобозначущими выраженіями и ухищреніями мудрости человѣческой, сливая то, чего нельзя сливать, и играя младенчески такими предметами, кои не подлежатъ шуткамъ. Если бы всякій ежедневно сталъ изъяснять писаніе по своему, то каѳолическая церковь не пребыла бы, по благодати Христовой, донынѣ такою церковію, которая, будучи *единомысленна въ вѣрѣ*, вѣруетъ всегда одинаково и непоколебимо, но раздѣлилась бы на безчисленныя части, подверглась бы ересямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестала бы быть *церковію* святою, столпомъ и утвержденіемъ истины, но со-

дѣлалась бы *церковію лукавнующихъ*, т. е. *церковію еретиковъ*. Посему мы *вѣруемъ, что свидѣтельство кѳолической церкви не меньшую имѣетъ силу, какъ и божественное писаніе. Поелику Виновникъ того и другаго есть одинъ и тотъ же Святый Духъ: то все равно, отъ писанія ли научаться или отъ вселенской церкви.* Человѣку, который говоритъ самъ отъ себя, можно погрѣшать, обманывать и обманываться; но вселенская церковь, такъ какъ она не говорила и не говоритъ отъ себя, но отъ Духа Святаго (котораго она непрестано имѣетъ и будетъ имѣть своимъ учителемъ до вѣка), никакъ не можетъ погрѣшать, ни обманывать, ни обманываться; но, подобно божественному писанію, непогрѣшительна и имѣетъ всегдашнюю важность [9])... Живя и поучаясь въ церкви, въ которой преемственно продолжается устная апостольская проповѣдь, человѣкъ можетъ изучать догматы христіанской вѣры отъ вселенской церкви, и это потому, что *сама церковь не изъ писанія выводитъ свои догматы, а имѣетъ оные въ готовности*, если же она, разсуждая о какомъ-нибудь догматѣ, приводитъ опредѣленныя *мѣста* библіи, то это *не для вывода* своихъ догматовъ, а *только для подтвержденія* оныхъ, и *кто основываетъ свою вѣру на одномъ писаніи, тотъ не достигъ полной вѣры и не* знаетъ ея свойствъ» [10]).

Это классическое мѣсто. Въ немъ, какъ бы въ нѣкоторомъ фокусѣ, сосредоточивается все библейски-святоотеческое ученіе о преданіи. Составныя части его суть слѣдующія.

Преданіе и писаніе стоятъ въ православно-каѳолической церкви на ряду другъ съ другомъ, какъ равночестные источники божественнаго откровенія и вѣры. Виновникъ того и другаго — одинъ и тотъ же Духъ Святый, присно оживотворяющій церковь Христову. Поэтому, преданіе никакъ *не меньше* писанія имѣетъ значеніе въ дѣлѣ вѣроученія. Всѣ преимущества, которые утверждаются по православно-церковному взгляду за писаніемъ, съ очевидностію относятся и къ преданію. Противоположнаго заключенія по вопросу о взаимодѣйствіи преданія и писанія никакъ нельзя вывести изъ самой природы божественнаго откровенія. Отсюда гносеологическая аксіома:

---

[9]) См. у *Бенескрипттова* стр. 85 и *Макарія* стр. 257, 341.

[10]) Снес. чл. 12; изъ отцовъ церкви относящіяся сюда мѣста у св. Иринея, св. Василія В., Іоанна Златоуста и у бл. Августина.

«все одно, отъ писанія ли научиться откровенной истинѣ, или отъ преданія церковнаго». Здѣсь двойство религіозныхъ источниковъ въ единствѣ церковнаго самосознанія выводится не изъ того случайнаго обстоятельства, что апостолы кое-что записали въ библіи, а кое-что незаписали; но изъ самаго существа слова Божія, распространяемаго и утверждаемаго въ церкви посредствомъ вселенскаго преданія. Церковь не изъ писанія выводитъ основныя истины христіанскаго вѣроученія, но имѣетъ ихъ въ готовности изъ божественнаго откровенія. «Опредѣленныя мѣста библіи» приводятся у св. отцовъ не для логическаго построенія догматовъ, а «только для подтвержденія ихъ». Отсюда выводъ: основывать свою вѣру на одномъ писаніи это значитъ не имѣть еще религіозной вѣры и не знать ея догматической сущности, историческаго происхожденія и гносеологическаго значенія

Особенно достопримѣчательна, по разсматриваемому мѣсту, мысль о преданіи, какъ «*богодухновенномъ свидѣтельствѣ* каѳолической церкви». Она выдвигается здѣсь особо противъ еретиковъ и сектантовъ, т. е. противъ «церкви лукавнующихъ». Въ преданіи, понимаемомъ въ этомъ смыслѣ, ясно слышится и «непогрѣшительно» свидѣтельствуется безобманный *голосъ вѣры*, незнающей никакихъ колебаній и нерѣшенныхъ вопросовъ объ откровеніи Божіемъ и *исповѣданіе церкви* вселенской, т. е. не отдѣльной какой-либо секты или «церкви еретиковъ» и не однаго какого-либо «человѣка, говорющаго отъ себя» о вѣрѣ и откровеніи, но цѣлаго сонма всѣхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ, связанныхъ между собою не случайнымъ предположеніемъ произвольныхъ мнѣній, а положительно-завѣдомымъ единствомъ божественнаго ученія, жизни, таинствъ и священноначалія.

Кромѣ того, православная церковь не безъ авторитета преданія принимаетъ канонъ и производитъ изъясненіе писанія. Православная вѣра въ каноническій авторитетъ писанія всецѣло основывается на довѣріи къ непогрѣшимому свидѣтельству церкви вселенской. Церковь—богодухновенна, а потому она всегда говоритъ не отъ себя, но отъ Духа Святаго. Поэтому, слово и свидѣтельство церкви непогрѣшимо «подобно божественному писанію». Церковь «никакъ не можетъ погрѣшать, ни обманывать, ни обманываться» и, поэтому, ея религіозное самознаніе и жизнь имѣютъ «всегдашнюю важность».

Никто не имѣетъ права создавать свою вѣру или по своему изъяснять источники вѣры церковной. За вѣрой должно обращаться всякому человѣку къ «единомысленной въ вѣрѣ» церкви и отсюда уже заимствовать истинное ученіе слова Божія. Здѣсь то и выступаетъ вопросъ объ истолкованіи писанія въ истинномъ смыслѣ. Въ силу своей глубины, писаніе можетъ «подлежать разнообразнымъ изъясненіямъ мудрости человѣческой». Но если бы всякій по своему сталъ изъяснять христіанское ученіе, то церковь раздѣлилась бы «на безчисленныя части» или религіозные толки, превратилась бы въ секту. Но такъ какъ это невозможное дѣло для церкви, то, поэтому, задача послѣдней въ отношеніи къ откровенной истинѣ состоитъ въ томъ, чтобы привести всѣхъ людей къ должному единству въ познаніи ученія Христова и озарить ихъ живоноснымъ свѣтомъ писаннаго слова Божія, со тщаніемъ и безопасностію изъ вѣчной глубины библіи извлечь драгоцѣнное сокровище откровенія Божія. Къ этой именно цѣли и направляется, по благодати Христовой, все дѣло всецерковнаго изъясненія библіи, касающееся внутренне-религіозной жизни православія. А это и есть сущность вопроса о преданіи въ его отношеніи къ писанію, по разсматриваемому мѣсту «Посланія восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ». Преданіе есть не что иное, какъ богодухновенное истолкованіе писанія всею церковію, оживотвореніе книжной буквы записаннаго слова Божія. Свидѣтельство Духа Божія въ церкви, безъ котораго для насъ нѣтъ писанія, подводитъ изъясненіе библейскаго вѣроученія подъ точку зрѣнія истиннаго преданія, подъ точку зрѣнія непогрѣшимаго свидѣтельства православно-каѳолическаго самосознанія и религіозной жизни (въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ).

6. Православно-символическое ученіе о преданіи прекрасно обобщается въ нашемъ «*Пространномъ христіанскомъ катихизисѣ православныя каѳолическія восточныя церкви*», именуемомъ митрополита московскаго Филарета. Ученіе это выражено здѣсь кратко, но точно. Впрочемъ, краткость рѣчи катихизиса нисколько не стѣсняетъ и не ослабляетъ всецерковнаго объема изложеннаго въ немъ православнаго взгляда на преданіе и его значеніе. Также и то обстоятельство, что нѣкоторое время въ катихизисѣ не излагалось съ такими подробностями, какъ теперь, ученіе о преданіи, нисколько не

должно смущать насъ [11]). Съ православной точки зрѣнія должно строго различать *церковную вѣру* (положительное вѣроученіе), какъ объективную истину и историческую формулировку (внѣшнюю форму), письменный способъ ея выраженія, подлежащій измѣненію и дополненію. Разсматриваемое съ этой стороны *положительное* ученіе катихизиса о преданіи представляетъ собою полное и совершенное изложеніе. Вотъ кругъ существенныхъ гносеологическихъ положеній его, очевидно, стоящихъ въ общей гармоніи съ разобранными уже нами мѣстами изъ православно-символическихъ книгъ и въ генетической зависимости отъ нихъ.

Ученіе катихизиса о преданіи начинается съ ученія о «*божественномъ откровеніи*». Это въ высшей степени достопримѣчательная черта. Преданіе сразу поставляется здѣсь въ ряду *источниковъ* слова Божія и изъ его чистой и высокой области само собою исключаются всяческія человѣческія примышленія касательно «истиннаго познанія о Богѣ и правой вѣры въ Него».

На вопросъ: «откуда почерпается *ученіе православной вѣры*»? въ катихизисѣ дается такой отвѣтъ: «*изъ откровенія божественнаго*». Итакъ, ученіе истинной вѣры есть не что иное, какъ божественное откровеніе, данное непосредственно отъ Бога и живущее въ православной церкви. Поэтому, оно должно быть принято нами такъ, какъ содержится въ богооткровенномъ словѣ, во всей полнотѣ, точности и силѣ.

Но такъ какъ откровеніе Божіе дано для всѣхъ людей, какъ для всѣхъ нужное и спасительное, то является вопросъ: «*какимъ образомъ* оно распространяется между человѣками и сохраняется въ истинной церкви»? Отвѣтъ катихизиса таковъ: «*двумя способами,— посредствомъ священнаго преданія и священнаго писанія*». Итакъ, преданіе и писаніе суть два истинно-церковныхъ способа, т. е. два пути историческаго распространенія и утвержденія христіанскаго откровеннаго ученія и жизни въ церкви. Они стоятъ рядомъ, прямо другъ подлѣ друга, какъ равночестные источники и руководитель-

---

[11]) См. статью проф *И Н. Корсунскаго*, Опредѣленіе понятія о церкви въ сочиненіяхъ Филарета, митр. Московскаго, «Христ. Чт» за 1895, Іюль—Августъ, стр. 56—62.

ныя начала, въ цѣлости истины и полнотѣ своего содержанія составляющіе одно откровеніе православной вѣры.

Установка и опредѣленіе катихизическаго понятія о преданіи со стороны его объема и содержанія отличаются чрезвычайною точностію и полнотою. «Подъ именемъ преданія разумѣется то, когда истинно-вѣрующіе и чтущіе Бога, словомъ и примѣровъ, и предки потомкамъ, передаютъ ученіе вѣры, законъ Божій, таинства и свящ. обряды». Иначе сказать, подъ именемъ преданія подразумѣвается все христіанское откровеніе, во всей его цѣлости и исторической жизни. Въ составъ его входятъ и ученіе догматическое, и нравственныя правила (законъ Божій), и таинства, и обряды церковные. Ничто касающееся вѣры и церкви не стоитъ внѣ его. Такимъ образомъ преданіе обозначаетъ все вообще христіанское откровеніе, все содержаніе вѣроученія, всю полноту жизни церковной. Это широкій смыслъ преданія. Съ этой точки зрѣнія само писаніе есть составная часть богооткровеннаго преданія.

Преданіе есть «древнѣйшій и первоначальный способъ распространенія откровенія Божія» въ церкви. «Отъ Адама до Моисея не было священныхъ книгъ». Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ божественное ученіе Свое и установленія передалъ ученикамъ Своимъ словомъ и примѣромъ, а не книгою. Тѣмъ же способомъ въ началѣ и апостолы распространяли вѣру и утверждали церковь Христову. Необходимость преданія видна и изъ того, что книгами можетъ пользоваться меньшая часть людей, а преданіемъ всѣ».

Эти *историческія основы* православнаго догмата о преданіи достопримѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Онѣ непоколебимо устанавливаютъ вопросъ объ изначальной древности и исторической достовѣрности преданія. Преданіе *искони* существуетъ въ церкви, какъ всеобъемлющій способъ передачи божественнаго откровенія и религіозной вѣры. Откровенное ученіе и истинно-религіозная жизнь загораются задолго до писанія. До писанія преданіе единственный источникъ откровенія и религіозной вѣры. Но и послѣ писанія, и при писаніи преданіе нисколько не оскудѣваетъ въ первоначальной творческой силѣ и догматико-каноническомъ значеніи; ибо слово Божіе пребываетъ во вѣки. Ясно, что преданіе есть и *всеобщій* источникъ вѣроученія. Отсюда вытекаетъ особая необходимость его въ церкви и незамѣ-

нимость писаніемъ. Для пользованія библіей въ дѣлѣ познанія христіанскаго откровенія требуется трудная и сложная техника художества словеснаго. Не всякій умѣетъ читать писаніе и не всякій имѣетъ право изъяснять его, не говоря уже о томъ, что писаніе доставляетъ какъ бы фрагментарный матеріалъ. Преданіе, какъ живодѣйственное слово Божіе въ церкви, для всѣхъ открыто и всѣмъ доступно, и философствующимъ мудрецамъ, и простому, некнижному народу. Оно вездѣ и всѣмъ безъ изъятія звучитъ въ церкви, всѣмъ провозвѣщаетъ истину Божію. Здѣсь нужна только одна церковно-религіозная *вѣра* и истинная жизнь. Нужно только имѣть ясный *слухъ вѣры* (Рим. 10, 15), и тогда преданіе коснется сердца каждаго человѣка, желающаго въ разумъ истины пріити. Только закрывшіе слухъ вѣры—еретики, отдѣлившіеся отъ церкви, не знаютъ и не понимаютъ этого гласа Божія, раздающагося въ церкви Христовой.

Писаніе, по ученію Катихизиса, дано церкви *послѣ* преданія, чтобы «откровеніе Божіе сохранилось болѣе точно и неизмѣнно». Но и тогда, когда мы имѣемъ писанное слово Божіе, должно соблюдать незаписанное преданіе. Само писаніе въ отношеніи къ преданію стоитъ въ качествѣ гносеологической провѣрки. Критеріемъ (внутреннимъ признакомъ) для оцѣнки догматической истины и исторической достовѣрности преданія служитъ совершенное *согласіе* его съ «божественнымъ откровеніемъ и съ *священнымъ писаніемъ*». Истинное преданіе—отъ Бога; это—истинное (божественное) откровеніе. Ложное преданіе то ученіе о вѣрѣ, которое идетъ отъ людей и противорѣчитъ откровенію Божію. Православное преданіе должно быть сообразно и согласно съ писаніемъ. Преданіе и писаніе—это дѣло единаго Духа Святаго; между ними, поэтому, не можетъ быть никакого несогласія и противорѣчія. Для объясненія этого именно полнѣйшаго догматическаго тождества преданія и писанія и органическаго взаимодѣйствія между ними въ катихизисѣ стоитъ текстъ изъ ап. Павла: «*стойте и держите преданія, имже научистеся словомъ или посланіемъ нашимъ*» (2 Θес. 1, 25). Библейская аргументація вполнѣ истинна и въ апологетическомъ отношеніи чрезвычайно драгоцѣнна.

Согласно ли преданіе съ писаніемъ или несогласно, судъ этотъ принадлежитъ не какому либо частному лицу, не какой либо

отдѣльной сектѣ, а *единой, святой, соборной и апостольской церкви.* Одна церковь есть истинная и непогрѣшимая носительница и охранительница божественнаго откровенія. Въ этомъ именно убѣжденіи и состоитъ сущность православной *вѣры въ церковь* и преимущество ея предъ всякими религіозными сектами. Здѣсь снова, со всею силою убѣжденія, обнаруживается искони-православное ученіе о церкви, какъ объ истинной хранительницѣ и истолкователь-ницѣ откровенной истины. Отсюда и основное положеніе Катихизиса, что *истинное преданіе* только въ истинной церкви, подлинно владѣющей словомъ Божіимъ.

На вопросъ. «*есть ли вѣрное хранилище священнаго преданія*»? слѣдуетъ въ Катихизисѣ такой глубоко-знаменательный отвѣтъ. «Всѣ истинно-вѣрующіе, соединенные священнымъ *преданіемъ вѣры*, совокупно и преемственно, по устроенію Божію, составляютъ изъ себя церковь, которая и есть вѣрное хранилище свящ. преданія, или, по изреченію св. Павла, *церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Въ необходимое поясненіе этой мысли здѣсь стоитъ извѣстная намъ выдержка изъ ученія св. Иринея Ліонскаго о церкви, олицетворяющей въ себѣ христіанское преданіе, преданіе вѣры и истины Божіей.

А что церковь *непрерывно и неизмѣнно* сохраняетъ идущее отъ апостоловъ преданіе и преемство даровъ Святаго Духа и непогрѣшимо истолковываетъ откровенное ученіе, это особенно видно, по Катихизису, изъ наименованія церкви *апостольскою.* Церковь— апостольская (Еф. 2, 19—20), т. е. православная или правовѣрующая. Отсюда уже выводится правило «твердо держаться *ученія и преданій апостольскихъ* и удаляться отъ такого ученія и такихъ ученій, которые не утверждаются на ученіи апостоловъ». Въ необходимое подтвержденіе и раскрытіе библейскихъ основъ этого правила приводятся въ Катихизисѣ, кромѣ 2 Θес. 2, 15, еще и слѣд. тексты: Тим. 3, 1; 1, 10—11; Мат. 18, 17. Чтобы исполнить этотъ долгъ повиновенія церкви должно знать источники преданія: св. писаніе, правила св. апостолъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ и другіе церковные уставы.

Область употребленія преданія раскрывается въ особомъ ученіи Катихизиса объ отношеніи преданія къ писанію.

По ученію Катихизиса, преданіе дополняетъ писаніе, такъ какъ въ немъ заключаются ученіе вѣры, правила нравственности, таинства и церковные обряды. Мысль о дополнительномъ значеніи преданія особенно видна изъ извѣстнаго намъ правила *св. Василія Великаго* изъ книги о Святомъ Духѣ, приводимаго въ Катихизисѣ [12]).

Кромѣ догматико-каноническаго преданія, Катихизисъ различаетъ еще экзегетическое преданіе, необходимое «для руководства къ правильному разумѣнію свящ. писанія». На вопросъ: «что должно наблюдать при чтеніи свящ. писанія»?—Катихизисъ недвусмысленно отвѣчаетъ, что писаніе «должно понимать согласно съ изъясненіемъ православной церкви и св. отецъ». Одна истинная церковь правильно истолковываетъ писаніе, и то руководясь преданіемъ св. отцовъ. Отсюда одинъ только переходъ къ учительскому авторитету вселенскихъ соборовъ, служащихъ непогрѣшимымъ способомъ выраженія церковію своихъ догматическихъ опредѣленій (Мат. 18, 17).

Особую важность имѣетъ нынѣ преданіе въ области церковно-таинственной и дисциплинарной, какъ источникъ и норма. Здѣсь «преданіе нужно для правильнаго совершенія таинствъ и для соблюденія священныхъ обрядовъ въ чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія».

Таково истинное мудрствованіе православной церкви о преданіи въ его значеніи, по ея символическимъ книгамъ. Вся концепція его—чисто святоотеческая. Поэтому должно считать несправедливымъ мнѣніе, будто православная церковь въ своемъ символическомъ ученіи «остановилась на полъ-пути между католичествомъ и протестантствомъ и при обманчивости внѣшняго построенія своей

---

[12]) При апологетическомъ разборѣ приводимаго въ Катихизисѣ мѣста изъ св Василія Великаго всегда должно помнить, что въ немъ на первомъ планѣ стоитъ мысль о преданіи, какъ источникѣ, существенно-дополняющемъ писаніе въ догматическомъ отношеніи, а то иначе получится *неполное* освѣщеніе всего вопроса, что̀ мы и видимъ, напр., у проф. *А Шостьина* (см цитов. соч. стр 53 преданіе нужно для руководства къ правильному разумѣнію писанія, «*но не для дополненія его по догматическому содержанію*») и у проф *Кипарисова* (см. его соч. «Церковная дисциплина» комментарій на это мѣсто)

гносеологіи даетъ возможность установить замѣтное сходство ея съ протестанствомъ» [13]).

Обобщая все сказанное въ символическихъ книгахъ о преданіи въ заключеніе настоящей главы нашего изслѣдованія, мы должны окинуть «ретроспективнымъ взглядомъ» пройденное нами «историческое пространство» и рѣшить подлежащія апологетической защитѣ вопросы о бытіи преданія, о признакахъ его догматической истинности и исторической достовѣрности и объ отношеніи преданія къ писанію, чтобы посрамить гордость и самомнѣніе всяческихъ сектантовъ.

1. Первый вопросъ о существѣ преданія. По символическому ученію, преданіе есть истинное слово Божіе, вѣчно живущее въ церкви Христовой. Съ этой стороны,—что само собою разумѣется,—преданіе разсматривается, какъ чистый и высокій, могучій и могущественный источникъ откровеннаго ученія и всецерковное руководительное начало при историческомъ распространеніи и утвержденіи вѣры православной и истинно-апостольской.

2. Второй вопросъ о существенныхъ свойствахъ преданія. Здѣсь коренится символическое ученіе о догматической истинности и исторической достовѣрности преданія, какъ другого существующаго при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ источника христіанской вѣры и жизни по ней.

а) Въ ряду гносеологическихъ критеріевъ, по которымъ узнается истинное преданіе, на первомъ мѣстѣ стоитъ апостольская *древность* его (временное единство). Преданіе, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія, должно обладать несомнѣннымъ *правомъ давности*, т. е. должно непремѣнно восходить къ апостоламъ, а чрезъ нихъ ко Христу. Здѣсь преданіе обозначаетъ начальный или исходный пунктъ откровенія и вѣры въ церкви Христовой. Это идеальная гносеологическая норма, исключающая всяческій догматическій прогрессъ христіанской древности; ибо «никакой исторіи

---

[13]) *Holzman*, Kanon und Tradition, § 38, s. 289; *Munscher*, Dogmengesch. II, 2, s. 257—258; *Schmidt*, Kritische Geschichte der neugriechischen und der russischen Kirche, 1840, s. 524—525, Въ этомъ же самомъ духѣ сводъ текстовъ изъ символическихъ книгъ: *Weissenborn*, Appendix libr. Symb ecclesiae orientalis, 1850, s. 104, 107, 158 ff. *Kimmle*, Libri symbolici orientalis 1843, s 58, 334, 403.

вѣры, религіи, христіанства, или исторіи догматовъ въ собственномъ смыслѣ у православныхъ нѣтъ и быть не можетъ» [14]).

Философско-апологетическое обобщеніе этого признака преданія составляетъ непосредственная увѣренность въ томъ, что откровенная истина вообще носитъ на себѣ ничѣмъ несокрушимую «печать древности» [15]). Отсюда и религіозно-христіанское преданіе, какъ божественное слово и дѣло, есть исконное и откровенное ученіе, первоначальная (первобытная) абсолютная древность. Только тогда въ него могутъ и должны вѣровать всѣ люди. Въ противоположность этому признаку сектантское преданіе не-древнее ученіе, а поэтому и не Христово слово, не апостольское, а религіозное *самозванство*, кощунственное поползновеніе на самостоятельное созданіе «новой вѣры» и «новаго откровенія», хотя бы сектанты въ свое оправданіе и говорили о своихъ ученіяхъ, что онѣ не-давно открыты имъ Духомъ Святымъ. Всѣ ереси какъ бы въ нарочитое обличеніе носятъ на себѣ «дерзновенныя имена» своихъ изобрѣтателей, своихъ творцовъ и зачинщиковъ. Таковы, напр., названія савеліане отъ Савелія, аріане—отъ безбожника Арія, македоніане отъ духоборца Македонія, аполлинаріане—отъ Аполлинарія, евноміане отъ Евномія, несторіане отъ богоборца Несторія, евтихіане отъ монофизита Евтихія и т. д. Во всѣхъ сектахъ и сектантскихъ преданіяхъ видны искусственная поддѣлка, подлогъ и грубая фальсификація, обнаруживающія «святотатственную руку» суемудренно и неправо-мыслящихъ заразителей.

Такой взглядъ на значеніе всецерковной древности въ вопросѣ о достоинствѣ преданія имѣетъ весьма важное апологетическое значеніе, особенно при оцѣнкѣ лжи еретическихъ заблужденій. Весь его внутренній смыслъ заключается въ убѣжденіи, по которому начальной точкой всемірной исторіи признается не ложь и не какое либо зло, а истина и добро. Сначала истина, а *потомъ* уже ложь и всяческое искаженіе истины. Всяческія религіозныя заблужденія появляются только послѣ положительнаго утвержденія и познанія богооткровенной истины, и только приражаются къ

---

[14]) Проф. *И. Челцовъ*, цитов. соч., стр 185—185, ср. проф. *Н. Барсова* «Новый методъ въ богословіи» въ «Христ. Чт.» за 1869 г., № 3 стр. 347—348.

[15]) Въ этомъ смыслѣ написано превосходное сочиненіе *Тиндаля*, Christianity, als old as the World.

ней, будучи односторонним или превратным ея пониманіемъ. Абсолютное (въ смыслѣ философскомъ) заблужденіе также невозможно, какъ абсолютное зло. Заблужденіе въ теоріи такъ-же не есть необходимый путь, ведущій къ истинѣ, какъ и грѣхъ не есть необходимое условіе нравственнаго добра въ его первоначальномъ происхожденіи [16]). Итакъ, истина есть сущность первоначальная, заблужденіе же позднѣйшее, новѣйшее явленіе. Здѣсь то и находится верховное право истиннаго преданія на основоположительное значеніе и универсальную важность. Если истинная церковь существуетъ по времени прежде еретиковъ, то несомнѣнно, что и преданіе ея древнѣе еретическаго, а если церковное преданіе древнѣе еретическаго, то оно и есть сущее откровеніе Божіе и истинное ученіе о вѣрѣ; ибо истина предшествуетъ заблужденію.

Глубокая, всепроникающая и всепретворяющая любовь къ апостольской древности и всѣмъ ея преданіямъ въ ученіи и жизни — вотъ настоящая черта нашего роднаго православія, по символическимъ книгамъ. Она то производила высокую нравственную энергію и духъ вѣры въ св. отцахъ и учителяхъ нашихъ, изслѣдовавшихъ при помощи научныхъ данныхъ древне-церковные памятники и источники богооткровеннаго ученія, вѣровавшихъ до самопожертвованія, до самозабвенія. Неукоснительное требованіе права давности отъ вѣры и для вѣры православной, такъ называемыя *святоотеческія прескрипціи*—вотъ важнѣйшій центральный вопросъ всего духовно-нравственнаго бытія и церковно-религіозной жизни всѣхъ православныхъ христіанъ. Здѣсь же внутренній смыслъ, вся логика всемірной исторіи христіанской религіи и двухтысячелѣтней исторіи едино-спасающей церкви православно-вселенской. Отсюда выводъ: *настоящая* наша церковь таже самая, что *первоапостольская*, и первоначальная таже, что нынѣшняя, согласующаяся во всемъ съ изначальной. Поэтому-то не было, да и *не можетъ быть* ни одного такого «историко-культурнаго движенія», посредствомъ котораго церковь наша стала бы чѣмъ либо-инымъ, чѣмъ она была первоначально [17]).

---

[16]) Изъ инослав. сравн. *Pothe*, Ethik II, s. 180, *Hegel*, Relig=Philos. II, s 212, *Schleiermacher*, Glaubenslehr II, § 103, s. 107; *Lange*, Ph. Dogm. s. 62, 84; *Schaudenmajer*, Philos, Christenthums, s 916.

[17]) Это сознаютъ даже протестанты въ отношеніи къ «универсальной церкви», а это и есть наша православная церковь, невѣдомая имъ.

Съ точки зрѣнія разсмотреннаго нами признака древности преданія протестантство и католичество, эти двѣ главнѣйшія западноевропейскія секты, стоятъ совершенно безоружныя предъ православною церковію, хотя они всячески ссылаются на «сѣдую древность» своихъ ученій. Истинно-церковная, т. е. апостольская древность служитъ здѣсь достаточнымъ основаніемъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, чтобы признать сравнительную молодость протестантства и католичества. Настоящая древне-апостольская церковь есть корень одного истиннаго православія. Различныя вѣроисповѣданія возникли вслѣдствіе уклоненія отъ него или противоположенія. Поэтому, только одно преданіе православной древности вполнѣ согласуется съ ученіемъ каѳолическаго богословія нашей церкви.

Лютеранство, кальвинизмъ, цвингліанство, англиканство и проч. протестантскія толки—все это новыя, не древнія вѣроисповѣданія. Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли и проч. реформаторы—все эти «сыны новѣйшаго времени», ихъ ученія, такъ сказать, «со вчерашняго дня». При оцѣнкѣ ихъ взглядовъ должно поступать сообразно съ первохристіанскою древностію; ибо они все хотятъ по своему переставить и объяснить въ церкви «внѣ органической связи» съ древне-христіанскимъ преданіемъ. Такъ, напр., сомнѣваясь въ достовѣрности апостольскаго преданія, говорятъ, что «св. отцы извратили христіанское вѣроученіе». Поэтому, они по своему усмотрѣнію рѣшаютъ вопросы о томъ, какой изъ св. отцовъ заблуждался и какой нѣтъ въ ученіи объ источникахъ откровенія, запрещаютъ употреблять во всей цѣлости догматическое преданіе въ томъ смыслѣ, какой сами отцы придавали ему и святоотеческой древности противопоставляютъ «въ качествѣ критерія» не что иное, какъ свое, т. е. найденное Лютеромъ и расширенное его единомышленниками ученіе о «*реформаціи католической церкви*». Протестантски—«евангелической церкви» не достаетъ самаго главнаго, — *всецерковной древности;* ибо она не примыкаетъ и *не хочетъ* примыкать къ тому, что съ самихъ древнѣйшихъ временъ христіанства до настоящаго времени признавалось за божественную истину [18]). Вотъ почему болѣе со-

---

[18]) Сознаніе «недостатка въ церковномъ элементѣ» не чуждо и протестантамъ (*Theremin*, Die Lehre vom gottlichen Reiche, 1823, s. 107, 119)

вѣстливые, такъ называемые «умѣренные» или «консервативные» изъ протестантскихъ богослововъ *не могутъ* отрицать того, что въ преданіи, у св. отцовъ, нельзя найти «in primarer Weise» ничего въ доказательство ихъ новомодныхъ ученій объ оправданіи вѣрою, о благодати, о свободѣ воли [19]). Протестантскія секты, оторванныя отъ церковно-апостольскаго корня и загнанныя въ непроходимую глубь «догматической новизны» повергаютъ православно-вѣрующую душу въ страхъ и ужасъ предъ невѣроятными реформаціонными новшествами въ области религіозной вѣры и нравственной жизни. Здѣсь чувствуется полнѣйшій разладъ и распадъ церковной вѣры, оскудѣніе вселенскаго духа любви и истины, единаго и всегда пребывающаго въ православіи, самоубійственное возстаніе противъ церкви, обращающееся въ самопожирательный процессъ, въ сектантскій призракъ вѣры, въ сектантскую ложь. Здѣсь то особенно должна имѣть полный вѣсъ и апологетическое значеніе апостольская древность, какъ «normalen Epoche», какъ norma correctionis et directionis, при обличеніи и осужденіи «новой церкви» протестанства и при утвержденіи истинно-религіознаго почитанія православной церкви.

Тоже самое должно сказать намъ съ точки зрѣнія побужденія—во всемъ слушать добрую христіанскую древность и о католической церкви, при оцѣнкѣ ея ученій и обрядовъ.

Римское католичество—это *новая вѣра* (и καινώτερα и νεώτερα) въ сравненіи съ православнымъ древне-апостольскимъ преданіемъ, т. е. не исконная, примышленная, прившедшая. Въ «католическомъ преданіи» въ сущности разрываются нити и устраняются точки историческаго соприкосновенія и органической связи съ каноническою, апостольской эпохой, подлинно-начальнымъ пунктомъ церкви. Взглядъ на апостольскую древность здѣсь весьма теменъ и запутанъ. И если бы кто пожелалъ постигнуть «перспективу апостольской древности» при посредствѣ *римскаго преданія*, то долженъ былъ бы принять въ кругъ своего богословскаго зрѣнія и все то, что папами внесено въ «свою церковь» неподлиннаго, подложнаго, мнимо-апостольскаго, весь «тяжеловѣстный балластъ» новыхъ и

---

[19]) *Dolliger*, Christenthum und Kirche, s 435 f.

далеко несовершенныхъ наслоеній, формъ и проч. Римское преданіе ни на одно мгновеніе не позволяетъ оставаться въ границахъ «первобытнаго христіанскаго преданія» [20]).

Изъ древне-церковнаго преданія выводятся существенныя доказательства несостоятельности римскаго вѣроученія. Нельзя отвергать такіе, напр., историческіе факты, что целибатъ отвергался на первомъ вселенскомъ соборѣ, а communio sub una было введено только въ средніе вѣка. Никто не оспариваетъ нынѣ подложности Лжеисидоровыхъ декреталій, этого классическаго памятника папской pia fraus, долгое время приводившагося съ полною вѣрою въ качествѣ «документальнаго доказательства» въ пользу папства и его идей. Съ догматической стороны—это только литературный памятникъ, служившій (и служащій) для того, чтобы болѣе древними документами оправдать недавно измышленную теорію о всевластіи и непогрѣшимости «викарія Христова», т. е. папы. Сама католическая церковь, видя глубокое молчаніе христіанской древности о многихъ изъ ея ученій и учрежденій, въ сектантскомъ самообольщеніи признаетъ, что для *нынѣшняго* ея существованія и жизни ей «относительно необходимы» новыя формы и иные способы вѣры, чѣмъ какія нужны были при ея учрежденіи. Особенно іезуиты, эти важнѣйшіе представители католицизма, «съ полнымъ правомъ» и съ возрастающею увѣренностію поддерживаютъ это положеніе, какъ прямо-таки идущее ad majorem gloriam римской церкви въ ея нынѣшнемъ statu quo. Весь «историческій матеріалъ», какимъ они въ качествѣ additamenta наполняютъ свои системы для означенной цѣли, носитъ на себѣ слѣды «примитивной древности», но только въ отрицательномъ смыслѣ. Съ этой стороны іезуиты, эти «настоящіе консерваторы римской церкви», весьма много сдѣлали для освобожденія католической догматики отъ «узъ древности», съ которою она была до нихъ все-таки крѣпко связана. У нихъ *новая, догматическая* точка зрѣнія взяла верхъ надъ *древнею, историческою*. Сохраняя pro forma общую для всѣхъ христіанъ исходную точку, новѣйшее католическое богословіе въ отдѣльныхъ пунктахъ своихъ ученій совершило довольно много уклоненій отъ апостоль-

---

[20]) Мнѣніе *Mauer*'а у Гольцмана, Kanon und Traditio, s 471.

ской древности, обыкновенно ссылаясь на учительный авторитетъ своей «богодухновенной іерархіи», созидающей новые догматы и придающей однимъ древне-церковнымъ гносеологическимъ нормамъ догматическую важность, если они согласны съ ея интересами и отрицающей другія, противныя ей. Но на этомъ новомъ «догматико-каноническомъ пути» былъ разрушенъ древній столпъ римской церкви. Іерархическая система католическаго преданія лишила римскую церковь довѣрія европейскихъ народовъ, насильственно вырвавшихся изъ-подъ власти ея. Поэтому, католическіе богословы стали искать иныхъ опоръ и нормъ для своихъ догматовъ [21]). Для католической церкви настало безпокойное время болѣзненнаго кризиса и безпощадной критики, продолжающее до нашей эпохи, сильно обострившее вопросъ о положеніи этой церкви среди христіанскихъ вѣроисповѣданій. Для римской церкви предстоитъ нынѣ рѣшительный выборъ одного изъ двухъ: или стать на-вѣки рѣшительно и безповоротно «римскимъ патріархатомъ» или быть опять церковію православно-каѳолическою, какою она была въ глубокой христіанской древности [22]), о чемъ и молится, на что и надѣется наша православная церковь.

б) Въ неразрывной связи съ древностію, по церковно-символическому взгляду, стоитъ всеобщность преданія (каѳоличество). Все сказанное намъ о признакѣ *древности* должно быть примѣнено и къ признаку *всеобщности* христіанскаго ученія, содержащагося въ преданіи.

Истина всегда такова, что отдѣльный человѣкъ или отдѣльныя лица могутъ быть только свидѣтелями, но никогда моментами собственно-историческаго раскрытія ея. Истина живетъ только во всеобщемъ сознаніи человѣчества, т. е. истинно только то, что признано всѣми. Отсюда истина имѣетъ всеобщую важность, а заблужденіе—только мѣстное и временное значеніе. Здѣсь исходной точкой служитъ положеніе, что весь родъ человѣческій во всѣхъ своихъ

---

[21]) См. догматико-апологетическіе труды «либеральныхъ» католическихъ богословъ.

[22]) Главнѣйшая заслуга *старокатоличизма* состоитъ въ томъ, что онъ сознательно поставилъ вопросъ не только о новой реформаціи римско-католической церкви, но и о возвращеніи ея къ древней, единой и нераздѣльной церкви *вселенской*.

частяхъ и во всѣ времена не можетъ впасть въ одно заблужденіе [23]). Заблужденіе всегда есть только временное и чисто-мѣстное явленіе (преходящій фономенъ). Только единая истина въ состояніи пріобрѣсть себѣ вѣчное и общее признаніе. Отсюда ясно, въ какомъ смыслѣ всеобщая важность церковнаго преданія говоритъ въ пользу его догматической истинности и исторической достовѣрности. Истинное преданіе есть вселенское, т, е. не ограничиваемое никакимъ мѣстомъ и временемъ откровенное ученіе. Въ сравненіи съ нимъ «*лично-созданное* религіозно-философское мнѣніе» о вѣрѣ, иначе сектанская «индивидуализиція вѣры», со всѣми ея субъективными особенностями, ничего не значитъ въ дѣлѣ богооткровенной вѣры. И если общецерковное признаніе говоритъ за истину преданія, то противоположность указываетъ на ложь и несостоятельность извѣстнаго религіознаго ученія. Ересь можетъ имѣть только мѣстную важность, только для извѣстныхъ лицъ и для извѣстныхъ народовъ. Природа ереси такова, что она разъединяетъ людей между собою, раздѣляетъ, всячески изолируетъ. Еретики всегда заносчивы, чрезвычайно высокомѣрны, горды; они всячески обособляются и отчуждаются отъ людей не ихъ партіи, остаются въ непримиримой враждѣ съ ними, при изумительномъ самомнѣніи и упорствѣ, питаютъ къ нимъ клокочущую въ сердцѣ ненависть и ожесточенную злобу до послѣдней минуты своей жизни. Рѣзко отличая себя отъ православныхъ христіанъ, они относятся къ нимъ съ нескрываемымъ фанатизмомъ, какъ «темнымъ и заблуждающимся» [24]). Очевидно, такое отношеніе еретиковъ къ церкви противно самому существу христіанскаго откровенія и находится въ прямомъ противорѣчіи съ внутреннимъ смысломъ и конечною цѣлію созиданія царствія Божія въ церкви вселенной путемъ истиннаго преданія. Какъ христіанская любовь, этотъ нерасторжимый союзъ всецерковнаго совершенства и жизни, покоющійся на откровенной истинѣ, соединяетъ въ себѣ и чрезъ

---

[23]) На основаніи этого именно принципа уже *Цицеронъ* доказываетъ истину религіозной вѣры въ Бога (Tuscul Disput 1, 13; De legibus 1, 8; De natura deorum 1, 17; срав. у *Лактанція* Inst. 1, 2).

[24]) Отсюда то и приходятъ тѣ «высокія наименованія», какими обыкновенно величаютъ себя сектанты—отщепенцы· «гностики» (всезнайки), «каѳары» (чистые), «святые», «совершенные», «люди Божіи», «друзья Божіи», «братья Христовы» и проч. прозвища, «ихъ-же нѣсть числа»...

себя всѣхъ людей «*рожденныхъ для истины*» (Іоан. 18,37), такъ и сектантскій эгоизмъ, происходящій изъ религіознаго невѣжества, заблужденія и отрицанія истины преданія всецерковнаго, съ необходимостію порождаетъ ереси и расколы. Религіозный законъ богопреданной истины тождественъ съ нравственнымъ закономъ христіанской любви, и,—наоборотъ,—сектанское дѣйствіе ереси всегда носитъ на себѣ эгоистическій характеръ и смертоносное раздѣленіе.

И такъ, истинно-церковное преданіе есть всеобщее, всецѣлое, повсемѣстное ученіе о вѣрѣ христіанской. Оно складывается,—что само собою разумѣется,—не изъ ересей или частныхъ (условныхъ), временныхъ и мѣстныхъ религіозныхъ сектъ, а само составляетъ *самобытную* и *абсолютную истину*, которую должно предполагать всегда и во всемъ существующею въ церкви и за которою всяческія ереси и секты остаются, находясь въ противоположномъ сему состояніи [25]). Даже ересямъ для того, чтобы онѣ оставались сектантскими толками или «согласіями» прекословій «лжеименнаго разума» ихъ вожаковъ, должна быть присуща извѣстная доля религіознаго авторитета, который онѣ и стараются заимствовать отъ церковнаго преданія, хотя совершенно напрасно. Завистливые до злобы ересеучители всячески набрасываются на христіанскую церковь, лобызаютъ ее Іудиными лобзаніями и предаютъ ее врагамъ Христовымъ, стремясь насильно помимо ея овладѣть тайной и источниками ея духовной силы и мощи [26]). Но только одно вселенское преданіе есть подлинно-историческое свидѣтельство откровенія Божія въ церкви и истинное достояніе всѣхъ православныхъ христіанъ, покоряющихъ себя Евангелію Христову. Только оно одно получено православною церковію непосредственно отъ апостоловъ и отъ Христа. Только оно одно служитъ верховнымъ авторитетомъ, лежащимъ въ абсолютномъ правѣ грозныхъ прещеній церкви на еретиковъ. Только во всецерковномъ преданіи защищается и утверждается дѣйствительное и истинное слово Божіе противъ

---

[25]) I. A. *Dorner*, Die Lehre von der Person Christi geschichtlich und biblisch-dogmatisch dargestellt (2 изд.), I Bd., s. 73, *Dollinger*, Chris. und Kirche, s. 161; *Twester*, Dogmatik. s. 1. 109.

[26]) Отсюда, между прочимъ, происходитъ особая сектантская апокрифическая литература, поддѣлки подъ евангелія и апостольскія книги, всячески *объединяющія* сектантовъ по вопросамъ вѣры.

«мистико-идеалистическихъ откровеній», суевѣрій, самовольности, нетерпимости, фанатизма и фарисейства. Только въ немъ «царственный путь» къ примиренію всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Оно же и обличаетъ всяческое иновѣріе. И если существенно-вселенскій моментъ преданія не находится вообще ни въ одной сектѣ, ни въ одномъ инославномъ вѣроисповѣданіи, то, конечно, менѣе всего въ томъ, гдѣ прерывается религіозная связь со вселенскою церковію и на мѣсто Христа поставляется одинъ человѣкъ, «богоравный папа».

Такимъ образомъ смыслъ сказаннаго нами о предикатѣ древности и всеобщности преданія ясенъ. По символическому взгляду различается двойное единство и всеобщность преданія. Съ одной стороны установлено живое единство между настоящимъ временемъ и апостольскимъ, т. е. между нынѣшнею церковію и начальною, апостольскою (временное единство и всеобщность), а съ другой — единство между отдѣльными помѣстными апостольскими церквами, какъ частями единаго духовнаго тѣла церкви (мѣстное единство и всеобщность). Временная всеобщность и мѣстное единство нераздѣльны въ православно-символическомъ понятіи о преданіи, а потому имѣютъ и совершенно равное значеніе для насъ.

Временная всеобщность преданія раскрывается преимущественно въ *святоотеческой письменности*, мѣстное же единство обнаруживается яснѣе всего въ догматическихъ вѣроопредѣленіяхъ и каноническихъ постановленіяхъ *вселенскихъ* (и помѣстныхъ) *соборовъ*. На вселенскихъ соборахъ повсюду существующая въ церкви Христовой вѣра истинная является также и *вѣчною*, вѣчно-живымъ голосомъ единой и непогрѣшимой церкви.

Римско-католическіе богословы нарушаютъ въ пользу своихъ ученій это равновѣсіе временнаго и мѣстнаго единства въ понятіи преданія. Они придаютъ преимущественное значеніе въ дѣлѣ обоснованія своей вѣры временному единству предъ мѣстнымъ, и это съ тою цѣлію, чтобы утвердить верховный авторитетъ *римской* cathedrae Petri, какъ *единственно-истинной* свидѣтельницы sedes apostolicae на Западѣ. А папская каѳедра совершенно устраняетъ первостепенную важность мѣстной всеобщности и единства, созидаемаго

вселенскими соборами [27]). Здѣсь, очевидно, получается особый логическій кругъ въ собственное доказательство (circulus in probando), ни для кого необязательный и неубѣдительный.

в) По православно-символическому взгляду, къ указаннымъ двумъ признакамъ преданія присоединяется, какъ необходимая характеристическая черта, еще и третій признакъ, состоящій въ іерархическомъ преемствѣ апостольскаго преданія въ церкви. Древность и всеобщность преданія сообщаютъ ему самоочевидность и внутреннюю обязательность, а церковно-епископское преемство его служитъ догматико-каноническимъ критеріемъ его формальнаго и матеріальнаго значенія въ дѣлѣ христіанскаго вѣроученія и жизни. Связывая съ понятіемъ послѣдняго термина все сказанное нами о древности и соборности преданія, мы даемъ православному догматико-гносеологическому принципу преданія самое твердое обоснованіе и точно обозначаемъ границы учительнаго авторитета церкви православной.

Недостаточно возстановить извѣстный *моментъ прошлаго* въ древне-церковномъ и всеобщемъ преданіи. Нужно еще уяснить и утвердить генетическую связь его со всѣми предъидущими моментами, т. е. необходимо еще указать общія нормы историческаго раскрытія, обусловливающія состояніе преданія въ каждый данный періодъ. Отсюда абсолютная необходимость непрерывнаго и никогда непрерываемаго *преемства* апостольскаго *преданія* въ церкви. Отсюда цѣлый и цѣлостный рядъ богоносныхъ свидѣтелей и богомудрыхъ носителей преданія, постоянно возвѣщающихъ въ церкви слово Божіе, поучающихъ истинѣ и жизни Божіей. своимъ истолкованіемъ одушевляющихъ безмолвную саму по себѣ библію, мертвенную и нѣмую хартію записаннаго вѣроученія. Слово Божіе *не однажды только* высказанное при апостолахъ откровеніе Божіе, а затѣмъ прекратившее свое догматико-каноническое существованіе и жизнь въ «дальнѣйшей исторіи христіанской церкви», неглаголющее, молчащее, но всегда и безъ всякаго перерыва раздающееся по всѣмъ странамъ свѣта, живоносное, передаваемое «изъ устъ въ уста», «изъ ума во умъ» пастырями и учителями церкви, постоянно обновляющееся и раскрывающееся въ церковно-іерархическомъ самосознаніи

[27]) Напр., *Bellarminus*, Disputat. de controversis, T. II, de consiliis et eccesia, lb. I, cap. 10.

и жизни. Богооткровенное слово не миновало вмѣстѣ съ вѣкомъ апостоловъ, но вѣчно пребываетъ въ церкви,—и не потому только, что исторически—достовѣрный слѣдъ его—писаніе, но и потому главнымъ образомъ, что оно нерушимо предается въ церкви путемъ іерархическаго преемства. При посредствѣ преемниковъ апостоловъ, сѣдящихъ на епископскихъ каѳедрахъ, люди становятся вѣрующими до конца дней (Іоан. 17, 20). Сила (Рим. 1, 16) апостольскаго слова живетъ и нынѣ, также какъ и въ началѣ, въ устахъ, въ ученіи и жизни преемниковъ апостольскихъ, въ лицѣ богоустановленнаго епископства православной церкви. Въ историческомъ преемствѣ православныхъ епископовъ отъ апостоловъ наша церковь, какъ полновластная наслѣдница апостольскаго авторитета, власти и силы, доказываетъ свое право на обладаніе божественною истиною, полученное отъ апостоловъ. Съ этой стороны преданіе есть церковно-іерархическій путь, по которому шли всѣ наши предшественники, наши предки и отцы, люди безукоризненно-вѣровавшіе и безпрекословно слушавшіе во всемъ пастырей и учителей вселенныя, а въ лицѣ ихъ апостоловъ и Самаго Христа. Здѣсь вполнѣ открываются всѣ церковно-іерархическія посредства, необходимыя для историко-научнаго обоснованія дѣйствительно-апостольскихъ ученій и учрежденій. Здѣсь осуществляется жизненная задача—оправдать іерархическое существованіе и жизнь откровенія Божія въ церкви; ибо учительный авторитетъ епископовъ православныхъ есть церковно-іерархическое продолженіе апостольскаго служенія слову Божію.

Анти-іерархическое протестантство блѣднѣетъ и пустѣетъ предъ несокрушимою *историческою силою* разсматриваемаго признака преданія. Но и сами реформаторы volens-nolens должны были признать въ принципѣ значеніе этого основоположенія касательно *церковно-іерархическаго преемства* преданія, и только ради своего особаго ученія должны были отказаться отъ его *исторической непрерывности* [28]), ограничивая его все-таки то тремя первыми вѣками, то пятью. Поэтому, вполнѣ понятно, почему Лютеру не удалось «возвратить церковь къ первобытному христіанству» [29]). При отрицаніи епископ-

---

[28]) *Schuster*, Ioh. Kepler, s. 164; *Wagner*, Th. Literaturblatt, 1885, s. 284.
[29]) *Hase*, Polem. s. 68.

ства и его апостольскаго происхожденія и авторитета въ церкви это возвращеніе совсѣмъ невозможно и даже немыслимо.

Также и католицизмъ, развившійся въ обширную «систему іерархическихъ гарантій христіанства», въ «систему церковно-правительственной политики», темнѣетъ предъ принципомъ православнаго преемства преданія. За самочинною іерархіей, насильственно сконцентрированною въ одинокомъ панствѣ, христіанское преданіе, т. е. та самая вещь, которая должна была гарантироваться in successio episcopalis, оставлена въ забытьи. Противоположность или, по крайней мѣрѣ, существенное различіе между подлиннымъ и вымышленнымъ преданіемъ въ тихомолку сведено здѣсь къ признанію или отверженію этихъ гарантій. Хотѣли христіанскую вѣру упрочить іерархическимъ преданіемъ, а оказалось, что само христіанство затерялось въ эластичномъ преданіи этого «самоувѣреннаго іерархизма».

г) Къ числу существенныхъ свойствъ преданія, по церковно-символическому ученію, относится совершенное согласіе преданія съ писаніемъ. Преданіе и писаніе должны стоять въ полной гармоніи и цѣлостномъ единствѣ, какъ источники вѣроученія. А иначе Духъ Святый представлялся бы говорящимъ не одно и тоже; ибо преданіе и писаніе отъ одного Духа Святаго. Поэтому, между ними, по самому существу, не можетъ быть никакого противорѣчія и никакого сѣченія. Противъ этого свойства преданія въ его отношеніи къ писанію одинаково погрѣшаютъ какъ протестанты, такъ и католики.

Протестанты обыкновенно отдѣляютъ писаніе отъ преданія, считая ихъ взаимно-противорѣчивыми гносеологическими источниками и нормами, и для себя оставляютъ одно только писаніе, а преданіе если и удерживаютъ, то только для людей, находящихся въ «религіозно-нравственномъ младенчествѣ». Извѣстно, что реформація ближайшимъ образомъ основала свои «диктаторскія права» на *одномъ* писаніи. Лютеръ, поставивъ писаніе *противъ* преданія, ссылался на него *вопреки* всѣмъ вообще *небиблейскимъ* источникамъ. Но такимъ образомъ имъ было внесено непримиримое противорѣчіе въ самое ученіе о вѣрѣ; ибо свое мнѣніе объ оправданіи вѣрою онъ скорѣе выдумалъ, тѣмъ нашелъ въ писаніи. Ясно, что своему формальному принципу (писанію) Лютеръ настолько

придавалъ значенія, насколько онъ согласовался съ его сектантскимъ принципомъ самоспасенія внѣ церкви, помимо преданія. «Правило вѣры» онъ ближайшимъ образомъ принялъ изъ рукъ церкви (хотя бы то и католической), а *догматическое* изложеніе и изъясненіе его было составлено совершенно произвольно, по завѣдомо-опредѣленному матеріальному принципу. Но матеріальный принципъ оправданія одною вѣрою (ученіе о sola fide),—это новоизмышленное протестантами «преданіе вѣры»,—никакъ несовмѣстимо съ формальнымъ (съ библіей), пока не предположить напередъ, что самъ Лютеръ и его друзья получали особыя откровенія съ неба (testimonium Spiritus Sancti) и уже при помощи ихъ непогрѣшимо изъяснили писаніе. Но противъ такого предположенія говорятъ безчисленныя разногласія и колебанія самыхъ «непогрѣшимыхъ реформаторовъ», этихъ «миньятюрныхъ папъ», римскихъ антиподовъ, въ объясненіи и истолкованіи важнѣйшихъ мѣстъ писанія (loci theologici), какъ, напр., относительно ученія о причащеніи [30]). Здѣсь вообще о протестантахъ можно со всею справедливостію сказать, quot capita, quot sensus. Нить церковнаго преданія въ протестанской библіи разорвана, и отъ писанія у протестантовъ остались одни слова, безъ жизни, безъ истины, безъ надежды на вселенское пониманіе ихъ, т. е. безъ надежды на единство ихъ догматическаго смысла.

Въ римскомъ католичествѣ также нарушено и разрушено догматическое единство между преданіемъ и писаніемъ. Отношеніе между писаніемъ и преданіемъ здѣсь есть собственно «отношеніе противоположности». Съ точки зрѣнія послѣдовательно проведенной «гипотезы римско-католическаго преданія» само писаніе in insufficientia есть только первый членъ одноименнаго «литературнаго развитія» и, поэтому, почти совсѣмъ исчезаетъ въ массѣ послѣдующаго догматико-каноническаго матеріала, принадлежащаго римскому вѣроученію. Въ католической богословской наукѣ мы видимъ постоянныя попытки, направленныя къ тому, чтобы, по возможности, уравнять значеніе писанія съ авторитетомъ всей вообще «церковной литературы», по своему объему совершенно недоступной «простымъ вѣрующимъ». Библія сама по себѣ еще слишкомъ мало объясняетъ главнѣйшую

---

[30]) См. въ Камнѣ вѣры *Ст. Яворскаго*, стр. 95.

тенденцію цѣлаго религіознаго міросозерцанія католической церкви. Особенно опасною считается у католиковъ библія на національныхъ языкахъ. Народная библія даже запрещена для церковно-богослужебнаго употребленія [31]).

Итакъ, съ этой стороны противорѣчіе преданія писанію въ римскомъ лагерѣ очевидно. «Литература Новаго Завѣта» (такъ обыкновенно говорятъ о писаніи католики) присоединяется къ римскому преданію, какъ нѣчто позднѣйшее и иное. Преданіе въ римско-католическомъ пониманіи, какъ Wort des Kirche, не безразличное прибавленіе къ Новозавѣтному откровенію, но скорѣе это послѣднее въ записанной части есть не всегда умѣстное и потребное «предисловіе» къ преданію, какъ къ собственно corpus'y doctrinae. Писаніе «вводный эпизодъ», какъ бы «предварительныя понятія». Для римскаго ученія со всѣми его догматами и обрядами библія настолько недостаточный и неудобовразумительный источникъ, что нѣкоторые богословы думаютъ, будто католическая церковь была бы не менѣе сильною и славною, если бы даже Евангелія и не существовало [32]), а иные полагаютъ даже, что она въ этомъ отношеніи была бы только лучшею и болѣе совершенною; ибо она сама впослѣдствіи могла бы въ еще лучшей и болѣе подходящей формѣ выразить то самое ученіе, которое въ писаніи нашло, можетъ быть, преждевременное изложеніе [33]). Не писаніе и преданіе, не библія и вселенная церковь, но только *одна римская церковь*, т. е. папство,—вотъ подлинно-католическій девизъ въ вопросѣ объ отношеніи преданія къ писанію.

---

[31]) Въ дѣлѣ запрещенія читать библію на народномъ языкѣ папа Григорій VII былъ руководителемъ своихъ преемниковъ. Иннокентій III дѣйствовалъ уже съ принципіальною исключительностію и на соборахъ Тулузскомъ (1229 г.) и Тарраконскомъ (1234 г.) нашелъ себѣ поучительное подражаніе, о чемъ свидѣтельствуютъ autodafès, произведенныя собственно за чтеніе библіи Пій IV (1564 г.), Климентъ VIII (1598 г.), Григорій XV (1622 г.) желали, по крайней мѣрѣ, того, чтобы для народнаго употребленія библіи испрашивалось особое позволеніе римской іерархіи, какъ conditio sine qua non. Конституція Климента XI, Unigenitus, наложила полное запрещеніе на библію. Пій VII запретилъ неодобренные римскою каѳедрою переводы, да и для употребленія одобренныхъ требовалъ предварительно получить особое дозволеніе отъ «духовнаго отца». Въ позднѣйшее время Левъ XII, Григорій XVI, Пій IX на этомъ пути пошли далѣе, первымъ долгомъ всегда отвергая положеніе объ абсолютномъ равенствѣ преданія и писанія и доказывая темноту и мертвость писанія помимо ecclesiae magisterium.

[32]) Мнѣніе епископа Константскаго Габера.

[33]) Мнѣніе кардинала Гозія.

д) Въ символическомъ ученіи о важности и употребленіи преданія въ отношеніи къ писанію *вопросъ о канонѣ* составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ. Ни въ одномъ мѣстѣ писанія не означены книги, входящія въ цѣлостный составъ церковнаго канона: но, если бы гдѣ-нибудь и существовалъ въ немъ такой перечень, то и тогда прежде всего возможно было бы сомнѣніе относительно догматико-каноническаго авторитета писанія: божественное ли оно слово или нѣтъ. Все по вопросу о писаніи (напр. о числѣ, названіяхъ, составѣ и характеристикѣ содержанія отдѣльныхъ и всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ библейскихъ книгъ) пельзя знать изъ одного писанія. Здѣсь должно пріидти на помощь святоотеческое и вселенски—соборное преданіе. Отсюда всякій православный христіанинъ, при принятія канона, долженъ ссылаться не на самое писаніе, а на *преданіе о писаніи*, непрерывно существующее въ церкви; иначе поступать онъ и не можетъ, чтобы не впасть въ грѣхъ невѣрія въ церковь и не быть виновнымъ въ нарушеніи заповѣдей Божіихъ.

Противъ этого ученія о значеніи преданія для писанія особенно погрѣшаютъ протестанты. При отрицаніи преданія, они на безконечное растояніе отходятъ отъ православія какъ въ ученіи *о составѣ* канона, такъ и въ *основаніяхъ* его признанія [34]).

Какъ извѣстно, протестанты не всѣ книги писанія признаютъ каноническими, но однѣ книги считаютъ канонически-общеобязательными (ὁμολογούμενα, въ смыслѣ Евсевіевой терминологіи), а другія только «второстепенными» (ἀντιλεγομενα). Классификація эта отличается крайнимъ произволомъ [35]). Главнѣйшимъ основаніемъ ея служитъ не писаніе само по себѣ, а особая протестантская догматика, своеобразное ученіе объ оправданіи вѣрою, которое и старались протестанскіе вожди найти въ признаваемыхъ ими библейскихъ книгахъ. Поэтому то изъ Евангелій выше всѣхъ Лютеръ поставлялъ Евангеліе отъ Іоанна. Причиной такого сужденія объ этомъ Евангеліи были особые «христологическіе взгляды» его, гра-

---

[34]) Werter und Welte, Kirche-Lex. Art. Trad. XI. s. 124 *Perrone* Dogm. III, § 12, p. 10.

[35]) Praefatio in N. Test., Bellarm., De Verbo Dei I, c. 6. *Bleck*, Commentar zur Hebr. Br. I, s. 461; *Mohler*, Symbolik, § 35; *De-Wette* Einl. N. in T., II, § 169.

ничившіе съ антицерковнымъ монофизитствомъ. Изъ посланій онъ выше всего поставлялъ книги ап. Павла, напоминая этимъ во многомъ еретиковъ-павлекіанъ, задумавшихъ устроить всю свою жизнь по руководству однихъ только посланій ап. Павла. По догматическимъ же соображеніямъ онъ ниже всего поставлялъ посланіе ап. Іакова. *По примѣру своего учителя*, обращались съ писаніемъ и лютеранскіе и реформатскіе богословы, обнаруживая всяческія колебанія и сомнѣнія относительно новозавѣтнаго канона [36]).

Но такое отношеніе протестантовъ къ церковному канону крайне несостоятельно въ виду того противорѣчія между *матеріальнымъ* (догматическимъ) и *формальнымъ* (библейскимъ) принципами, какое признается даже самими протестантами [37]). Въ протестантствѣ эти принципы «стоятъ на ряду другъ съ другомъ», какъ одинаковые и равноправные. Но такое равноправіе ихъ покоится на предположеніи ихъ полнѣйшаго *тождества*. А этого то тождества и нельзя доказать. Формальный принципъ протестантства—это библія, а матеріальный—это своеобразна догматика его, не что иное, какъ сектантское преданіе. Первый—*объективный* критерій, а второй крайне *субъективное* начало. Поэтому, съ одной стороны можетъ случиться, что чрезъ формальный принципъ будетъ опровергнутъ матеріальный, если онъ будетъ доказанъ въ своей догматической истинѣ и исторической достовѣрности изъ писанія, а съ другой стороны тоже самое возможно и съ формальнымъ принципомъ въ его цѣломъ и въ частяхъ, ибо онъ въ существѣ дѣла покоится на авторитетѣ церкви, которая не считается у протестантовъ «непогрѣшимымъ судіею». Но если бы у простантовъ церковь и считалась абсолютно-непогрѣшимою, т. е. если бы отъ признанія ея авторитета безусловно зависѣло утвержденіе обоихъ принциповъ въ ихъ органической связи и взаимодѣйствіи, то и тогда бы мало было пользы для протестантства, ибо тогда призывалось бы «право гражданства церкви» и само протестантство было ни чѣмъ инымъ, какъ только особымъ видоизмѣненіемъ столь ненавистнаго ему католицизма, а не

---

[36]) *Chemnicius*, Ex. p. 51, каталогъ іенской bibliae glossae; *Buddeus*, Instit. theol. dogm. p. 154, *Reingardt*, Dogm. § 24, s. 70, *Storr*, Dogm. § 11, *Bretschneider*, Dogm. I, § 42, s. 201; *Holzman*, Kanon und Trad. §§ 20—21.

[37]) *Schanz*, Apol. s. 282.

самостоятельнымъ пониманіемъ христіанской религіи и, во всякомъ случаѣ не новымъ «возстановленіемъ христіантства», какъ особенно любятъ сами себя величать протестанты. Тогда бы все ученіе и жизнь протестантства раскрывались на догматико-гносеологическомъ принципѣ церковной непогрѣшимости, а между тѣмъ эту самую непогрѣшимость «евангелическая церковь» безусловно отвергаетъ своимъ формальнымъ принципомъ. Итакъ, для протестантства получается безвыходный кругъ, кругъ исполненный непримиримыхъ противорѣчій. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если и въ вопросѣ о канонѣ оба принципа-формальный и матеріальный нерѣдко стоятъ и развиваются у протестантовъ, какъ діаметральныя противоположности. Если членъ объ оправданіи вѣрою считается въ протестантствѣ, какъ «членъ стоящей и подающей церкви», то и формальный принципъ (библія) можетъ существовать только при абсолютной вѣрѣ въ его «канонической авторитетъ и историческую подлинность», т. е. въ общее согласіе протестантсткой догматики съ писаніемъ [38]). Но откуда же протестантамъ взять эту «оправдывающую вѣру»? Не откуда ей взяться; ибо истинная каноничность писанія только во вселенномъ преданіи. Также и критерій исторической достовѣрности писанія нигдѣ не найти имъ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ православной церкви, незыблемо устанавливающей догматико-каноническое единство писанія и преданія.

Положеніе протестантовъ становится чрезвычайно затруднительнымъ, когда имъ приходится высказывать свои мнѣнія *о причинахъ*, по которымъ они принимаютъ въ свой канонъ библейскія книги, признаютъ ихъ за богодухновенное и истинно-апостольское слово.

Если искать основаніе, по которому должно принимать весь канонъ, то его дожно всецѣло указать въ преданіи. По православно-символическому взгляду, всѣ книги писанія признаются каноническими потому, что сама церковь вселенская считаетъ ихъ такими. Это, конечно, не то означаетъ, будто церковь по своему произволу этимъ книгамъ придаетъ догматико-каноническое достоинство, а только то, что церковь, на основаніи собственнаго самосознанія и исторической увѣренности, высказываетъ свое непогрѣшимое суж-

---

[38]) *Gray*, Evang. Geschichte II, s 19, Vgl. in Zockler, R=Encykl. I, s. 551.

деніе о ихъ божественномъ происхожденіи и считаетъ ихъ вселенскими источниками вѣроученія христіанскаго. Поэтому, всякій православный христіанинъ получаетъ истинный канонъ писанія отъ церкви, изъ рукъ всецерковныхъ свидѣтелей. И это совершенно естественно. Только государство, высочайшая (политическая) власть имѣетъ право и силу дать извѣстному сборнику гражданскихъ правилъ и законовъ общеобязательное значеніе и авторитетъ [39]). Подобно этому, хотя, конечно, по другимъ основаніямъ, и церковь поступаетъ въ дѣлѣ утвержденія догматико-каноническаго авторитета библіи. Будучи основана на истиной вѣрѣ во Христа, она въ слухъ всего міра объявляетъ и объясняетъ, какія именно книги писанія пользуются въ ней высочайшимъ, т. е. божественнымъ авторитетомъ, и какія нѣтъ (апокрифы, псевдоэпиграфы). И церковь въ этомъ случаѣ никакъ не ставитъ себя *выше писанія*; но библейскія книги потому провозглашаетъ каноническими, что съ одной стороны въ пользу ихъ догматико-канонической истины и исторической подлинности говорило достовѣрное свидѣтельство всего древне-апостольскаго преданія, а съ другой стороны потому, что сама церковь нашла въ нихъ и выразила свой собственный истинно-христіанскій духъ вѣры и жизни. Вотъ на чемъ основывается вѣковѣчный «выборъ церкви» [40]). По этимъ же самымъ гносеологическимъ и методологическимъ принципамъ церковь всегда поступала, когда отвергала подложныя и вымышленныя еретиками книги. Она руководилась при этомъ какъ исторически-достовѣрнымъ свидѣтельствомъ христіанской древности, такъ и собственнымъ вселенски-догматическимъ (религіознымъ) самосознаніемъ. Если преданіе ничего не говорило въ пользу той или другой книги, обращавшейся въ средѣ христіанъ, а ученіе, содержащееся въ ней, отличалось отъ преданія, находившагося въ книгахъ признаваемыхъ за подлинно-апостольскія, т. е. было противно истинному ученію церкви, то такая книга провозглашалась подложною, считалась за

---

[39]) Canus, Loc Th. II, с 7; ср. *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, стр. 4, 30

[40]) Протестанты, когда рѣшаютъ вопросъ о значеніи преданія для «образованія каноническаго достоинства писанія», обыкновенно говорятъ, что церковь *выбирала* однѣ книги изъ числа библейскихъ. Отсюда и обычное выраженіе: «выборъ церкви». Но церковь *не выбираетъ* книги, а силою преданія *утверждаетъ* канонический авторитетъ библіи.

выдумку еретиковъ или сектантовъ, причислялась къ ἄτοπα καὶ βασσεβῆ. Подлинность же каноническихъ евангелій и апостольскихъ писаній обыкновенно оцѣнивалась и утверждалась на безспорныхъ основаніяхъ по противоположнымъ гносеологическимъ и методологическимъ доводамъ. Церковь въ этихъ книгахъ обрѣла и уразумѣла то самое богооткровенное ученіе вѣры, которое она искони уже узнала изъ устъ Христа и апостоловъ. Здѣсь она только какъ бы яснѣе раскрыла для самой себя и запечатлѣла на-вѣки полное *согласіе* своего *устнаго* преданія съ *записаннымъ* словомъ Божіемъ. Неразлучно съ этимъ стоятъ уже и *внѣшнія* достовѣрныя свидѣтельства *церковныхъ поручителей* (св. отцовъ и учителей) за догматико-каноническую истину всѣхъ библейскихъ книгъ. Оба эти момента (догматическій и историческій) въ вопросѣ о канонѣ въ православномъ ученіи стоятъ рядомъ и всегда неразрывны и неизмѣнны.

Если, впрочемъ, относительно *нѣкоторыхъ* библейскихъ книгъ долгое время существовало особое *разногласіе* между *нѣкоторыми* помѣстными церквами [41]), то оно нисколько не касалось цѣлости и единства божественнаго откровенія и нисколько не нарушало всецерковной вѣры въ догматическую истину апостольскаго преданія. Это было частное несогласіе, стоявшее въ связи съ исторіею первоначальнаго происхожденія и распространенія *отдѣльныхъ* библейскихъ книгъ по *всѣмъ* церквамъ. Однѣ книги скорѣе распространялись и были сразу признаны всѣми церквами, а другія медленнѣе распространялись и потому признавались не всѣми церквами сразу. Поэтому и св. отцы не придавали этому разногласію догматической важности въ вопросѣ о всецерковномъ канонѣ. Всѣ истинные христіане имѣли истинную вѣру *не въ однихъ* библейскихъ книгахъ, а и въ преданіи; поэтому то, чего не находили они въ общепризнанномъ записанномъ ученіи, было имъ извѣстно по преданію. *Историческая подлинность* библейскихъ книгъ, *непризнаваемыхъ* нѣкоторое время *отдѣльными* помѣстными церквами и ихъ *догмати-*

---

41) Св. *Ириней* кн. III, гл. 2, 7. 8, IV, гл. 2, 20; V, 2, 1, *Тертуллианъ*, Adv. Marc. IV, 2 4. 5; *Климентъ*, Str. III; VI, p. 793, Ped. II, p. 242, Оригеновъ каталогъ; сирскій канонъ; *Евсевій* III, гл. 25; VI, 14; св. *Аѳанасій Великій* Ep. festalis; канонъ апостольскихъ правилъ.

ко-каноническій авторитетъ покоились всецѣло на истинномъ свидѣтельствѣ единаго и всеобщаго преданія. Писаніе въ цѣлости богооткровеннаго ученія сохранялось вездѣ въ силу того, что въ каѳолической церкви всегда существовало на ряду и вмѣстѣ съ библіей и единое преданіе. Преданіе и писаніе догматически-тождественны, а поэтому и неразлучны и недѣлимы въ точкахъ историческаго соприкосновенія и жизни. Сохраненіе откровенія Божія въ церкви утверждалось не на писаніи только, но и на преданіи; ибо и сама церковь, хранительница истины Божіей, живетъ потому только, что была основана не на писаніи, а на преданіи. Отсюда и главнѣйшій выводъ изъ православнаго ученія о каноническомъ преданіи: *возраженія противъ библіи* не могутъ считаться возраженіями *противъ церкви* и христіанства, противъ откровенія Божія и жизни Христовой [42]).

Протестанты обосновываютъ догматико-каноническій авторитетъ книгъ библейскихъ на одномъ *историческомъ преданіи* христіанской древности [43]). Писаніе они принимаютъ не ради церкви и ея догматической непогрѣшимости, а ради «историко-литературной критики». Каноиъ—не дѣло церкви [44]), хотя церковь и существовала раньше писанія. Поэтому, въ сохраненіи и утвержденіи канона преданіемъ они не видятъ никакого церковнаго акта, но одно чисто-историческое свидѣтельство, изслѣдованіе и оцѣнка котораго производятся по правиламъ «историко-литературной критики». Отдѣльные моменты этого свидѣтельства имѣютъ такую важность, какую позволяютъ допустить за ними строго-научные методы и принципы. Но въ церковно-каноническомъ преданіи мы ищемъ не какого-либо внѣшне-формальнаго доказательства, создающаго одну certitudo subjectiva, но и *авторитетъ божественный*, который бы навѣки гарантировалъ намъ догматическую истину и достовѣрность библейскаго слова. Вѣрный залогъ писанія находится только

---

[42]) Это мы направляемъ противъ тѣхъ «критиковъ евангельскаго текста», которые думаютъ разрушить христіанство чрезъ доказательство неподлинности апостольской библіи.

[43]) *Chemnicius*, Ex. p. 47 a; *Marheineke*, System II, s. 191; *Baur*, Gegensätze zw. Kath. und Protes., s 495, *Grsbach*, Proleg. zur Kritik. Ausgabe des N. T *Munscher*, Dogmengesch. II, 2, § 19, p. 267; *Hase*, Dogm § 29.

[44]) *Nitzsch*, System, s. 97; особенно типично *Calvi*, Inst. s. 7, 2.

въ божественномъ откровеніи. Поэтому и въ основу всецерковной вѣры въ писаніе нельзя полагать одни только историко-критическіе критеріи и доводы; вѣдь это будетъ только *чисто-человѣческій авторитетъ*. Считать историко-литературную *критику* достаточно твердой опорой *догматической* вѣры въ писаніе нельзя; ибо вѣра не отъ писанія и его критики, да при томъ же здѣсь возможны всяческія ошибки и заблужденія. Кто докажетъ намъ на этотъ разъ истину и достовѣрность писанія? Кто судья? Кто поручится, на чьей сторонѣ правда? Разумъ, т. е. приводимые имъ «внутренніе и внѣшнія основанія» библейской истины? Но почему именно разумъ долженъ обладать этимъ преимуществомъ правды? Безусловную и всеобъемлющую истину одинаково трудно открыть и доказать путемъ одного разсудка, дѣйствующаго и живущаго лишь отвлеченными началами теоретическаго знанія. Во всякомъ случаѣ, при объясненіи религіозной вѣры въ писаніе на основаніи «разумной критики» получается какой то странный логическій кругъ. Протестанты увѣрены, что *въ писаніи* у нихъ находится *божественная истина*, имѣющая всеобщую важность и обязательное значеніе для ихъ вѣры. Но для этой вѣры у нихъ нѣтъ прочнаго фундамента; ибо въ ихъ рукахъ только однѣ человѣческія свидѣтельства, которыя могутъ быть ошибочны и недостовѣрны. Итакъ, *fides divina*, эта догматико-каноническая основа глубокаго довѣрія къ писанію, какъ слову Божію, опирается у нихъ на *fides humana*, т. е. на чисто-историческія свидѣтельства въ пользу божественнаго авторитета библейскихъ книгъ [45]). Этотъ кругъ страдаетъ большой нелогичностію. Догматическая вѣра въ писаніе остается необъясненною (пустою); ибо наука не то, что религіозная вѣра, да она и не можетъ сама собою дать этой вѣры, и историческая критика не то, что̀ положительная догматика. Если протестанты желаютъ смотрѣть на библію, какъ на догматико-каноническое правило вѣры, то они должны безъ всякаго сомнѣнія и недоумѣній разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) изъ какихъ книгъ состоитъ писаніе, 2) увѣрены ли они въ подлинности каждой книги, неповрежденности и полнотѣ текста и 3) всѣ ли эти книги богодухновенны? Но всѣ

[45]) *Mohler*, Einleitung, s. 89, *Perrone*, Dogm. s. 172, § 343; ср. *Schrauss*, Dogm. I, s. 196.

эти вопросы возможно рѣшить только съ помощью одного догматико-каноническаго всецерковнаго преданія, а не съ помощью однихъ научно-критическихъ изслѣдованій, имѣющихъ только случайный характеръ и значеніе вѣроятныхъ гипотезъ.

Вопросъ о *каноничности* библейскихъ книгъ, по мнѣнію протестантовъ, находится въ исключительной зависимости отъ вопроса о *подлинности* ихъ [46]), какъ будто догматико-каноническое достоинство писанія все одно, что̀ историческая достовѣрность. Поэтому, вполнѣ понятно, почему все богословское изслѣдованіе вопроса о писаніи переносится у протестантовъ изъ чистой и ясной области церковно-догматическаго преданія на зыбкую и туманную почву субъективныхъ «научно-литературныхъ изысканій». Вмѣсто вселенской *церкви*, единой носительницы и богодухновенной истолкователь̀ницы писанія, является у нихъ чрезмѣрно-горделивая *наука* со своимъ «рефлективнымъ разумомъ», а въ этой наукѣ чувствуютъ себя сильными одни только ученые мужи, филологи, философы, историки и критики, а не глубоко-вѣрующій простой народъ, а не всенародная церковь. Недаромъ же многіе протестантскіе богословы требуютъ, чтобы и простой народъ изучалъ библію на еврейскомъ и греческомъ языкахъ. Вмѣсто непогрѣшимаго приговора церковнаго учительства мы имѣемъ здѣсь дѣло съ безпощадной критикой скептическихъ умовъ, ставящихъ еще вопросъ надъ самой церковію, надъ ея религіозною вѣрою, надъ важностію ея рѣшеній, надъ законною силою преданія, составляющаго органическую часть всецерковнаго канона. Церковь православная, вооруженная непогрѣшимымъ авторитетомъ, категорически рѣшаетъ вопросъ о канонѣ, слѣдуя руководству и вдохновенію свыше и, безъ всякаго сомнѣнія, высказываетъ свое мнѣніе (δόγμα), какія писанія должно считатать подлино-апостольскими и какія нѣтъ. А протестантская наука самостоятельно переоцѣниваетъ церковно-историческія свидѣтельства о книгахъ писанія, чтобы по внѣшнимъ принципамъ и чисто-механическимъ основаніямъ рѣшить, приписывать ли ту или другую книгу тому или другому апостолу или нѣтъ, равно какъ критически разбираетъ вопросъ о содержаніи и

---

[46]) *Bretschneider*, Dorm. § 39

формѣ библейскаго ученія (текстуальная критика), чтобы на основаніи внутреннихъ принциповъ доказать его историческую достовѣрность. И такъ, у протестантовъ здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ *апостольствѣ библіи*. Древнѣйшая школа раціоналистовъ признавала подлинность библейскихъ книгъ Новаго Завѣта; но она отвергала *внутреннюю каноничность* или богодухновенность ихъ, не признавая существеннаго различія между написаніемъ библейской книги и какой либо другой [47]). Ветхозавѣтныя и новозавѣтныя книги потому только считаются священными, что ихъ признавали священными христіане и евреи, а не потому, что онѣ суть на самомъ дѣлѣ таковыя. По написанію онѣ ничѣмъ не отличаются отъ такихъ, напр., «священныхъ книгъ», какъ Коранъ. А новѣйшая, такъ называемая, «отрицательно-критическая», въ особенности Тюбингенская школа сдѣлала дальнѣйшій шагъ впередъ по пути отрицанія, отвергая и самую библію, какъ источникъ христіанскаго откровенія и вѣры [48]). Руководясь тѣмъ же самымъ произволомъ, они не только устранили богодухновенность (внутреннюю каноничность) библейскихъ книгъ, но отвергли даже подлинность ихъ (внѣшняя каноничность). Одинъ изъ ученыхъ вычеркивалъ изъ канона одну книгу, а другой другую, относя ее къ «позднѣйшимъ церковнымъ вымысламъ». А въ миѳологическихъ взглядахъ на библію протестанты похоронили для самыхъ себя все историческое христіанство, всю церковь [49]). Поэтому ни одинъ богословъ критической школы не считаетъ для себя обязательнымъ изъявлять свою солидарность съ историческимъ взглядомъ на библію, въ частности на Евангеліе. Но сомнѣваться въ догматико-каноническомъ значеніи писанія, порывать такъ безжалостно историческіе нити съ христіанствомъ, не значитъ ли для протестантовъ тоже самое, что вообще отчаяваться въ протестантскомъ богословіи вообще [50]).

---

[47]) См. теорію о происхожденіи и подлинности писанія Михаэлиса, Землера (Von freier Untersuchung des Canons, 1771), Эрнеста Эйхгорна и отчасти Лессинга, допускавшаго божественное вдохновеніе библіи «не къ буквамъ, а къ Духу».

[48]) *Noak*, Dogmengesch. I, A, s. 19; *Schwegler* Nachapostol., Zeitalter II. Bd.; *Drey*, Apologetik II, 1843, p IX ff.

[49]) *Strauss*, Leben jesu I, s. 47.

[50]) *Schenkel*, Dogm. I, s. 165.

Но такое отношеніе протестантовъ къ догматико-каноническому преданію не новость. И древніе еретики, какъ извѣстно, утверждали, что евангелія составлены не апостолами, не учениками Господа. Они отвергали однѣ библейскія книги и принимали другія [51]). При этомъ, еретики руководствовались болѣе «догматическими доводами», чѣмъ историческими и критическими; ибо отвергали какъ подложныя тѣ новозавѣтныя книги, которыя не согласовались съ ихъ воззрѣніями, какъ и наоборотъ, принимали тѣ, въ которыхъ видѣли указаніе на свои доктрины. Еретики, вообще говоря, дѣйствовали точно также, какъ впослѣдстіи Лютеръ и его ревностные не по разуму приверженцы, придававшіе библейскимъ книгамъ свои собственныя мнѣнія объ ихъ внутреннемъ достоинствѣ [52]).

При столь вредоносныхъ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ, при столь пагубной шаткости «богословскихъ умовъ» въ дѣлѣ признанія подлинности и каноничности писанія, *искренно—вѣрующіе* протестанты находятся въ ужасно-странномъ положеніи. Конечно, они не могутъ и не имѣютъ права принимать догматико-церковнаго преданія о писаніи, не покидая своей сектантской точки зрѣнія; но поэтому самому они и не могутъ обосновать свой канонъ на авторитетѣ церкви. Но съ другой стороны они и сами не хотятъ пожертвовать отрицательной критикѣ весь канонъ, признанный вселенскою церковію и несомѣнно полученный отъ нея. Если протестантство не вѣритъ въ непогрѣшимость церкви, то оно не можетъ вѣрить и въ неповрежденность и цѣлость библейскаго ученія, преданнаго только одной церкви на сохраненіе и распространеніе. Но если протестантство отвергаетъ догматико-каноническій авторитетъ церкви для того, чтобы держаться единственно за авторитетъ библіи, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ наноситъ смертельный ударъ своему формальному принципу. Каждая секта, ссылающаяся на писаніе и отметающая церковь, сохраняющую его во вселенскомъ преданіи, по меньшей мѣрѣ непослѣдовательна; ибо она не въ состояніи опредѣлить, составлено ли писаніе апостолами, или можетъ быть церковь отвергла подлинно-апостольскія книги. Поэтому-то и среди протестантовъ постоянно

---

[51]) *Ириней*, кн. 1, гл. 26; *Тертулліанъ*, Pr. haer. с 37; *Евсевій* III, 21; *св. Епифаній*, Haer. 30 и 50; *Августинъ*, Contr. Faust. Lib. 32, с 2, I, 32, с. 3.

[52]) *Kuhn*, Tub. Quartalschr. 1858, s. 60, 61.

раздаются справедливые голоса въ пользу догматико-церковнаго преданія въ вопросѣ о библейскомъ канонѣ, хотя бы то въ явное противорѣчіе своимъ собственнымъ формальнымъ и матеріальнымъ принципамъ [53]).

Какъ особое гносеологическое средство для познанія каноническаго достоинства писанія (канона вообще) нѣкоторые изъ протестантовъ допускаютъ какое то *testimonium Spiritu sancti*. Должно воспроизводить каноничность писанія не изъ однихъ только подлинно-историческихъ свидѣтельствъ, но и изъ «свидѣтельства Духа Святаго», имѣющаго всеобщую и необходимую силу и авторитетъ [54]). Убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу богодухновенности писанія нельзя получить съ помощію однихъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, ни въ отдѣльности взятыхъ, ни въ цѣломъ ихъ составѣ. Поэтому, по необходимости, должно управляться «внутренними озареніями». Это чисто-мистическій критерій, крайне шаткій и опасный въ религіозномъ отношеніи. Особая опасность и ненадежность его состоитъ въ сектантской увѣренности, будто ab testimonio Spir. sansti зависитъ *еще и теперь* рѣшеніе вопроса, справедливо ли приняты въ канонъ книги, входящія нынѣ въ составъ апостольскаго писанія или нѣтъ. Наука, критика, исторія сами по себѣ не могутъ дать вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса. Само «откровеніе Духа Божія» (testimonium S S), судя по протестантскимъ посылкамъ, должно рѣшать его для каждаго «вѣрующаго субъекта». Рѣшеніе это сообщается нынѣ посредствомъ особаго «религіознаго просвѣщенія». Только развитая «религіозная совѣсть», озаренная Духомъ Святымъ, какъ высочайшая и послѣдняя инстанція, должна дать вѣрный отвѣтъ на вопросъ, заключаетъ ли писаніе въ себѣ достовѣрное свидѣтельство о божественномъ откровеніи или нѣтъ. Такимъ образомъ ученіе откровенной истины внушается здѣсь каждому субъекту по особому мистическому вдохновенію. Но тогда бы у каждаго индивидуума, когда на него находило бы это вдохновеніе,

---

[53]) *Delbruck*, P. Melanchton, als Glaubens., s 33; *Holtzman*, Kanon, § 27, s 209; Vgl. *Mohler*, Einl. § 25, s. 80

[54]) *Schenkel* Dogm. I, s 302. 304 363 f, *Hofmann*, Weissagung und Erfüllung, s 43—44; *Schleiermacher*, Glaubensl. I, § 148, 1, *Nitsch*, Chr Lehre, § 59, s 97, *Holtzman*, Kanon, § 23 (попытка примирить testimonium s.s. и историческое преданіе).

являлось бы *новое начало* вѣры. Здѣсь глубокій корень мистическаго нигилизма и сектантской анархіи въ протестантствѣ. Здѣсь мутный источникъ всяческихъ «религіозныхъ видѣній» и откровеній сектантскихъ. *Объективное*, всеобщее и необходимое для всѣхъ подтвержденіе подлинности и богодухновенности писанія невозможно съ точки зрѣнія этого ученія о Stestimonium'ѣ spiritus sancti. Опираясь на него, нельзя прійти къ единству объективной вѣры въ писаніе. А между тѣмъ въ ученіи о канонѣ требуется *объективное свидѣтельство*, всеобщая достовѣрность и увѣренность, такъ какъ вопросъ идетъ о вѣчно-живыхъ *памятникахъ* (документахъ) христіанскаго откровенія, имѣющихъ непререкаемое certitudo objectiva [55]). А это дается только во всецерковномъ преданіи, имѣющемъ значеніе не только историческаго свидѣтельства, но болѣе,— значеніе нормативнаго авторитета и «правила вѣры», обязательныхъ для всѣхъ безъ изъятія христіанъ.

Протестатское testimonium Spiritus sancti, какъ догматико-гносеологическое средство, возвышающее собственный религіозный опытъ каждаго субъекта на степень неоспоримаго и всеобщаго доказательства каноничности библейскихъ книгъ, нисколько не обезпечиваетъ канона. Если отрицательная критика, опираясь на многіе внутреннiе и внѣшніе «научные доводы», сомнѣвается въ подлинности той или другой библейской книги и, такимъ образомъ, подвергаетъ «радикальному сомнѣнію» цѣлый канонъ; то, опираясь на недостаточно развитое «религіозное чувство», на внутренній религіозный опытъ каждаго именуемый «testimonium Spiritus Sancti», таже критика безъ содроганія вычеркивала изъ капона то одну, то другую книгу. И съ точки зрѣнія testimonium Spiritus S. протестанты допускали сектантскую увѣренность, будто церковь ошибалась, включивъ въ свой капонъ апостольскія писанія, а другія выключивъ, и что, можетъ быть, пастанетъ время, когда можно будетъ принять въ канонъ новыя, до сихъ поръ неизвѣстныя ей «библейскія» книги [56]). Поэтому то, они и утверждаютъ, что *число* каноническихъ книгъ не можетъ быть относимо къ числу *членовъ вѣры*;

---

[55]) Срав. *Khun*, Dogm. I, s. 107.

[56]) *Reiss*, Gesch. d. heil Schrift. s 255, *Schleiermacher*, Glaubenslehre, § 131, 1. II, s. 373; II, § 149, s. 419; *Dolinger*, Chr. u. Kirch., s. 154.

ибо преданіе, на основаніи котораго отдѣльныя книги считаются каноническими, не есть самое verbum Dei, но только verbum hominis de verbo divino.

И въ этомъ пунктѣ протестантскіе богословы идутъ по секрантскому наслуху. Св. отцы справедливо примѣчали о еретикахъ, что они во имя собственнаго testimonium Spiritus Sancti, во имя собственнаго «религіознаго опыта и самосознанія», не принимали нѣкоторыхъ книгъ, а также принятыя церковію не признавали во всей полнотѣ ихъ состава и искажали ихъ всяческими добавками и пропусками, смотря по тому, какъ этого требовало ихъ ученіе о вѣрѣ ad dispositionem institui sui[57]). Съ этой стороны св. отцы называли еретиковъ исказителями писанія, и вполнѣ истинно. Такъ поступаютъ съ писаніемъ и протестанты. У нихъ своеобразная догматическая точка зрѣнія, свой религіозный опытъ, всегда рѣшали вопросъ о принятіи или отверженіи тѣхъ или другихъ каноническихъ книгъ. Никто изъ нихъ не думалъ руководиться согласіемъ въ вѣрѣ съ писаніемъ, а поступали всегда наоборотъ: источное значеніе и каноничность библейскихъ книгъ опредѣляли, пользуясь напередъ принятыми извѣстными гносеологическими и методологическими принципами, какъ объективными критеріями и абсолютными нормами. Въ этомъ ихъ роковая ошибка и горькій корень ихъ религіозныхъ заблужденій безъ надежды на счастливый исходъ.

Итакъ, въ то время какъ православная церковь на основаніи догматико-каноническаго преданія защищаетъ полноту и неповрежденность канона, протестантство должно жить въ тревожныхъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ относительно этого вопроса. Всякій православный христіанинъ, опираясь на непогрѣшимое сужденіе церкви, говоритъ въ полной увѣренности такъ: «мы владѣемъ въ нашемъ канонѣ всѣми происходящими отъ апостоловъ и сохранившимися въ церкви книгами, и всѣ содержащіяся въ канонѣ книги, суть подлинно-апостольскія писанія». А претестантъ, по необходимости. долженъ говорить наоборотъ: «съ одной стороны возможно, что вслѣдствіе болѣе глубокаго и точнаго историко-критическаго изслѣдованія окажутся неканоническими тѣ писанія, которыя теперь считаются кано-

---

[57]) *Ириней* I, гл. 20, 1; *Тертулліанъ*, Pr. haer. c. 17; *св Кипріанъ*, De unit. eccles; *Евсевій* V, 28.

ническими, а съ другой стороны возможно открыть и до сихъ поръ еще неизвѣстныя намъ книги (автографы), достойныя припятія въ канонъ». Итакъ, протестанты думаютъ еще о существенномъ измѣненіи и возможной измѣняемости библейскаго канона. Для православныхъ христіанъ канонъ абсолютно-законченъ, разъ навсегда. Для протестантовъ канонъ есть нѣчто эластичное, неустойчивое, неоконченный еще процессъ религіозной мысли и вѣры, а для насъ, православныхъ, это единое и неизмѣнное, неизмѣнямое и самозаключенное преданіе.

Какъ видно изъ сказаннаго, устраненіе церковнаго авторитета въ дѣлѣ опредѣленія канона приводитъ протестантовъ къ «раликальному сомнѣнію» въ самомъ канонѣ. Отверженіе *догматико-каноническаго преданія* поколебало и разрушило у нихъ самыя *историческія* основы принципа писанія. Тамъ, гдѣ смотрятъ на библію, какъ на единственный источникъ христіанской истины и жизни потерянъ *вѣрный путь* къ этому самому источнику. Всѣ протестанты вѣрятъ, что въ писаніи находится все христіанское откровеніе, во всей цѣлости и полнотѣ въ ученіи и жизни, и, однако, теперь не имѣютъ единнаго, всеобщаго и достовѣрнаго знанія объ источникахъ и основахъ писанія, не знаютъ даже,—horibille dictu!—чему собственно училъ Христосъ и его апостолы, такъ какъ писаніе, по ихъ мнѣнію, оказывается неапостольскаго происхожденія. Въ евангельскихъ и апостольскихъ посланіяхъ заключаются только die Vorstellungen und Meinungen, существованіе въ церкви во II вѣкѣ о Христѣ и его ученіи. Если судить о «христіанствѣ апостоловъ» по «христіанству Христа» (у протестантовъ и такія несуразныя рѣчи въ большомъ ходу), то опять-таки спрашивается, откуда должно заимствовать надежнѣйшее знаніе о послѣднемъ; ибо историческая достовѣрность Евангелія у протестантовъ есть вопросъ «вѣчно-движущейся» науки и во всякомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, «догматическое ученіе апостоловъ» не осталось безъ вліянія на евангельскую запись ученія Христова. Для протестантовъ нельзя достовѣрно узнать и опредѣлить, насколько новозавѣтныя книги изображаютъ истиннаго Христа, какъ историческое Лицо и Его ученіе. Во всякомъ случаѣ, здѣсь протестантской экзегетикѣ и критикѣ предоставляется *невѣроятная и невыполнимая задача* освободить «историческаго Христа» отъ позднѣйшихъ церковно-библейскихъ наслоеній и нара-

щеній. Итакъ, вмѣсто того, чтобы искать въ церкви писаніе, протестанты потеряли догматическій авторитетъ при оцѣнкѣ своей сектантской библіи, въ отношеніи къ которой у нихъ нѣтъ абсолютнаго довѣрія.

Вотъ до чего можно договориться въ протестанствѣ при сектантскомъ отверженіи церковно-каноническаго преданія изъ-за мнимой пользы одного писанія! Такъ тяжко наказало протестантовъ безпощадное отрицаніе церковнаго авторитета, послѣдовательно проведенное въ силу чрезмѣрнаго *недовѣрія* къ преданію церкви. Вотъ почему многіе изъ *искреннихъ протестантовъ*, сознавая всю тяжесть и безвыходность своего положенія, безъ околичностей признаютъ догматико-каноническую важность всего вообще принципа преданія, и вѣрятъ въ божественность писанія по той же самой причинѣ, по какой и мы, православные [58]). Многіе изъ нихъ, руководясь исключительно полемикой противъ защитниковъ преданія, даже не подозрѣваютъ, что то, что они выставляютъ, какъ историческую истину въ вопросѣ о библіи, и есть не что иное, какъ послѣднее слово догматико-каноническаго преданія, живущаго въ церкви вселенски-православной.

Протестанты возражаютъ намъ, православнымъ, говоря, что канонической авторитетъ писанія вовсе не вытекаетъ изъ авторитета церкви, а изъ писанія самаго по себѣ, взятаго въ отдѣльности отъ церкви и помимо церкви [59]). Библейскія книги сами по себѣ суть каноническія, и церковь только признаетъ ихъ такими, а не потому они суть каноническія, что церковь считаетъ ихъ такими. При апологетической оцѣнкѣ этихъ возраженія въ качествѣ критерія должно установить различіе, но не раздѣленіе *внутренней* и *внѣшней каноничности* писанія.

Внутренняя каноничность — это божественный авторитетъ писанія, всецѣло заключающійся въ понятіи *богодухновенности*. По своей богодухновенности библейскія книги стоятъ въ зависимости отъ Духа Святаго, а не отъ церкви, хотя и церковь богодухновенна въ своемъ истинномъ преданіи. Преданіе и писаніе равномѣрно происходятъ изъ божественнаго откровенія, и сами составляютъ это

---

[58]) *Palmer*, Tractat von der Kirche; *Neymann* у Lechler'a Stud. u. Kritik. 1841, s. 1037—1058; *Reuss*, Geschicht. d. heil. Schrift, § 17, s. 8.

[59]) *Calv*, Inst. I, 7. 2, *Chemnicius*, Exam. p. 47 a.

откровеніе. Здѣсь вполнѣ справедливо замѣтить, что церковь провозгласила писаніе каноническимъ потому, что оно на самомъ дѣлѣ есть каноническое слово и абсолютно божественно, хотя бы никто и не признавалъ его, ибо въ церкви «ключи текутъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и родники источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки бѣгутъ, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ»[60]). Здѣсь церковь и писаніе совпадаютъ въ понятіи живаго и истиннаго Слова Божія.

Внѣшняя каноничность касается словесной формы или способа передачи писанія, характера его языка (стиля), для Ветхаго Завѣта преимущественно еврейскаго, а для Новаго-греческаго, различія отдѣльныхъ книгъ и проч При церковномъ признаніи писанія съ этой стороны каноническимъ и при принятіи его въ канонъ должно имѣть всегдашнюю важность слѣдующее общее правило: если церковь приняла какую-нибудь книгу писанія въ канонъ, то это одно должно служить достаточною гарантіею для всѣхъ православныхъ христіанъ, что эти книги и суть истинно-каноническое правило вѣры, явно, непогрѣшимо и навсегда признаное таковымъ. Очевидно, внѣшняя каноничность сама собою предполагаетъ внутреннюю, но и внутренняя получаетъ свое общецерковное значеніе только при внѣшней и посредствомъ внѣшней. Здѣсь церковь служитъ непогрѣшимымъ судіею, и поэтому преданіе должно быть разсматриваемо не только какъ quaestio facti, но и какъ quaestio juris. Здѣсь существуетъ такое же отношеніе церкви къ писанію, какъ напр., при признаніи подлинности какого-либо документа судомъ. Извѣстный документъ признается подлиннымъ потому, что онъ дѣйствительно таковъ; но только послѣ того, какъ онъ признанъ явно и судебно таковымъ, онъ получаетъ законный авторитетъ. Писаніе есть «документъ» (въ смыслѣ Тертулліановой терминологіи) христіанскаго откровенія и вѣры. Его удостовѣряетъ на неоспоримыхъ основаніяхъ вся церковь. Съ этой стороны преданіе есть истинный глаголъ Божій, раздающійся въ церкви о писаніи.

Итакъ, отрицать преданіе никакъ невозможно въ вопросѣ о канонѣ писанія въ его происхожденіи и цѣлости. Иначе это озна-

---

[60]) Св. *Іоаннъ Златоустъ*, Бесѣд. 1 о Лазарѣ, т. 1, стр. 16.

чало бы строить воздушные замки по вопросамъ откровенной религіи и вѣры, прокладывать воображаемые мосты и ожидать, чтобы подъ ними протекала какая-либо рѣка [61]). При отрицаніи догматико-каноническаго преданія библейская наука у протестантовъ лишается божественнаго источника и оказывается висящей въ «безвоздушномъ пространствѣ» и вся внутренняя цѣнность ея разсѣевается въ туманѣ богословской неопредѣленности касательно библейскихъ книгъ и ихъ каноническаго авторитета. Безъ преданія писаніе никакъ не покоряется протестантамъ и нѣтъ другаго средства овладѣть имъ снова, какъ только пріобрѣсть вѣру въ преданіе, на что многія изъ нихъ откровенно соглашаются въ увѣренности, что критика канона должна все-таки держаться преданія и довольствоваться текстомъ, полученнымъ отъ первенствующей церкви, равно какъ и свидѣтельствомъ этой же самой церкви.

Такимъ образомъ въ вопросѣ о канонѣ учительный авторитетъ церкви въ преданіи непоколебимо стоитъ, имѣя печать истины въ своихъ вѣковѣчныхъ православно-символическихъ основахъ. А антицерковное протестантство при отрицаніи преданія стоитъ здѣсь совершенно безпомощно со своимъ абстрактнымъ, «научно-философскимъ принципомъ» писанія. Единственное спасеніе его—«*въ печали, яже по Бозѣ*», въ душевной тоскѣ по дому Божію, изъ котораго они, не зная, вышли, т. е. по церкви Христовой, православной. Здѣсь, несомнѣнный и единственный путь спасенія, способный привести его къ самосущей истинѣ откровенія Божія и истинному преданію.

е) По суду церкви православной, преданіе должно не только руководить нами при рѣшеніи вопроса о каноничности писанія, но уяснять и раскрывать вопросъ о его текстѣ и внутреннемъ смыслѣ. Писаніе ясно, какъ истинное слово Божіе, но мы не всегда ясно понимаемъ его, такъ какъ оно стоитъ выше человѣческаго разума. Здѣсь нуженъ живой голосъ церкви, изъясняющій писаніе. Поэтому «свящ. преданіе безусловно необходимо для правильнаго и непогрѣшительнаго уразумѣнія самыхъ истинъ, содержащихся въ свящ. писаніи» [62]).

---

[61]) *Holzman*, Kanon, § 23, s. 171.
[62]) *Макарій* § 133, стр. 359

Противъ этого православнаго основоположенія особенно погрѣшаютъ протестанты. «Сектантское право» свободнаго истолкованія писанія не позволяетъ имъ признавать за церковію, за ея догматико-экзегетическимъ преданіемъ, значенія непогрѣшимаго авторитета. Стремясь всячески возвысить гносеологическій авторитетъ своей analogia fidei въ вопросѣ объ изъясненіи писанія, они такимъ образомъ разрушили самый текстъ библіи и извратили его догматическій смыслъ. При устраненіи церковно-догматическаго преданія, они предполагаютъ, что «все въ писаніи ясно каждому субъекту» настолько, что нѣтъ «существенной надобности» ни въ какомъ постороннемъ пособіи и руководствѣ при его уразумѣніи, а достаточно читать его всякому «безъ всякихъ предубѣжденій», чтобы открылась вся полнота и совершенство откровенія Христова. Но въ такомъ случаѣ должно было бы порвать *всякую* связь писанія съ преданіемъ, какъ источникомъ истиннаго разумѣнія божественной истины и превратить христіанство въ какое то «историко-антикварное общество», или въ чисто-формальную, «научно-философскую систему вѣры» [63]), познаваемую изъ *одного* только книжнаго слова. Такой именно кругъ воззрѣній на христіанство и получается у протестантовъ при ихъ сектантскомъ отрицаніи церковнаго преданія.

Главнѣйшая ошибка протестантовъ въ разсматриваемомъ пунктѣ состоитъ въ томъ, что они *ясность* (perspicuitas) *писанія* понимаютъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, какъ всякое логическое опредѣленіе, основанное только на выводахъ *библейской* (литературной) *критики* [64]) и потому лишенное самыхъ существенныхъ условій къ тому, чтобы приблизиться къ *библейской* (откровенной) *истинѣ* и къ религіозной вѣрѣ въ нее. Но въ такомъ смыслѣ отнюдь нельзя понимать ясность *писанія*. Ясность такого рода легко можетъ сопровождать и произвести такое изслѣдованіе писанія, какое представляетъ изъ себя одинъ механическій сводъ разнообразныхъ результатовъ ученой критики. Ясность писанія, исключительно основанная на изысканіяхъ субъективно-ученой критики, нерѣдко стано-

---

[63]) *Mohler*, Symbolik, 1 276.

[64]) *Holzmann*, Kanon § 23, *Schenkel*, Dogm. Bd. 1, s 319 ff. 394 ff. *Schweizer*, Die Protest. Centraldogmen in ihre Entwiklung innerhalt der reformirten Kirche. 219—229.

вится въ невыгодное и двусмысленное положеніе въ разсужденіи догматической вѣрности библейскаго смысла. Ибо, *научно-критическая ясность* (persuasio humana) *не одно и то же, что̀ догматико-каноническая вѣрность или церковно-догматическая истинность.* Вѣдь можетъ быть, что неясный для науки текстъ есть абсолютно вѣрный, а ясный есть только догадочный или совсѣмъ погрѣшительный. Отсюда само собою разумѣется, что православно-церковное требованіе ясности писанія, для точнаго и полнаго раскрытія его содержанія и смысла, съ необходимостію обращаетъ нашу мысль къ преданію, какъ источнику всецѣло гарантирующему истинное истолкованіе библіи. Православная ясность писанія есть необходимое предположеніе единаго и всеобщаго преданія каѳолической церкви.

«*Всяко пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ*» (2 Петр. 1, 20). Никакого ученія, содержащагося въ библейскомъ словѣ нельзя всякому человѣку разрѣшить самому собою (Лук. 24, 45). Это одна изъ основоположительныхъ и всеобъемлющихъ гносеологическихъ и методологическихъ аксіомъ нашего вселенскаго православія.

«Разумъ, неподчиненный никакому высшему авторитету, а предоставленный только самому себѣ, рѣшительно не въ состояніи быть для насъ правильнымъ и вполнѣ надежнымъ истолкователемъ свящ. писанія» [65]). Кто и чѣмъ поручится что «*раціональное* и *раціоналистическое*» объясненіе христіанскаго вѣроученія, заключающагося въ писаніи, правильно, достовѣрно, обще-обязательно. Представить ограниченному разуму ясно истолковывать для себя всѣ тайны божественнаго домостроительства значило бы не только низводить ихъ на степень заурядныхъ явленій, но и предоставить этому разуму все измѣрять мѣрою своей ограниченности, предоставить въ сущности право произвольно относиться къ величайшимъ истинамъ бытія, признавать изъ нихъ лишь тѣ, которыя дѣйствительно ясны и отрицать всѣ неясныя, хотя бы онѣ неясны были только для ограниченнаго ума отдѣльнаго читателя. Значитъ, «не въ разумѣ, нерѣдко отрѣшающемся отъ живой истины или пересоздающемъ ее по своему

---

[65]) *Макарій* § 128, стр. 341.

произволу» [66]) заключается источное и руководительное начало истиннаго пониманія писанія.

Недостаточно въ дѣлѣ православной экзегетики положиться на *самое писаніе*, т. е. на его *ясность* и *очевидность*. Полагаться на эти гносеологическіе критеріи и нормы не будетъ ли то же самое, что «поставить дѣло разумѣнія писанія въ полную зависимость отъ произвола разума всякаго вѣрующаго? Писаніе *само по себѣ безмолвно и ничего не* подскажетъ занимающемуся имъ, не даетъ оно утвержденія, когда онъ будетъ правильно понимать его, не дастъ оно и отрицанія, когда станетъ понимать ложно» [67]). «Надобно помнить, что свящ. писаніе *именно писаніе*, а не какое либо *существо живое*, имѣющее слухъ и уста. Оно не можетъ слышать нашихъ вопросовъ, какъ намъ понимать то или другое мѣсто въ немъ, не можетъ и отвѣчать намъ, разрѣшать наши недоумѣнія. Значитъ, разрѣшать эти недоумѣнія, при объясненіи свящ. писанія, на основаніи самаго же свящ. писанія, будетъ предоставлено опять намъ, *и отъ насъ* будетъ зависѣть избрать для сего тѣ или другія мѣста, назвать ихъ яснѣйшими и потомъ перетолковать ихъ, какъ намъ будетъ угодно, тогда какъ другіе укажутъ иныя, яснѣйшія, по ихъ мнѣнію, мѣста, и объяснятъ ихъ по своему» [68]). «Каждый, слѣдовательно, будетъ понимать *по своему*, и что будетъ для одного представляться яснымъ, то для другаго можетъ показаться совершенно темнымъ, и что признаетъ одинъ несомнѣннымъ, то другой можетъ счесть весьма сомнительнымъ или неправдоподобнымъ. Мѣста, слѣд., здѣсь для чего-либо *несомнѣннаго въ вѣрѣ*, что могло бы быть общедоступною и одинаково для всѣхъ непререкаемою истиною или *догматомъ*, нѣтъ и быть не можетъ» [69]).

Также нельзя каждому надѣяться *на непосредственное озареніе отъ Святаго Духа* въ дѣлѣ изъясненія писанія. Такое ожиданіе «было бы горделивою мечтою» [70]). Дерзновенно каждому и каждый разъ по своему личному желанію разсчитывать на такое особеннѣй-

---

[66]) *Сильвестръ*, т. 1 § 10, стр. 43.
[67]) Тамъ-же, § 6, стр. 15; ср. § 10, стр. 43.
[68]) *Макарій* § 123, стр. 342.
[69]) *Сильвестръ*, т. 1, § 36, стр. 15
[70]) Тамъ-же, стр. 16.

шее дѣйствіе Духа, когда мы на это не имѣемъ права, когда свои дары въ церкви Самъ Духъ *раздѣляетъ властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 11). «Нужно, поэтому, претендующимъ на непосредственное озареніе св. Духа скорѣе всего опасаться того, чтобы за такое озареніе не принять внушеній своего собственнаго разума, слушаясь котораго опять каждый по своему будетъ объяснять и понимать истины вѣры,—при чемъ опять *не будетъ мѣста для догмата*» [71]). Сектанты, особенно мистическихъ толковъ, говорятъ «о непосредственномъ озареніи отъ Духа Святаго», а сколько у нихъ заблужденій и ошибокъ въ экзегесисѣ. Этого не было бы, если бы они знали одно богодухновенное преданіе церкви вселенской. Только въ ней—Духъ Святой, «*идѣже хощетъ дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ рожденный отъ Духа*» (Іоан. 3, 8).

Во вселенской церкви Христовой, въ ея свѣтозарномъ преданіи находится то высшее источное и руководительное начало, которое всегда ведетъ насъ къ богооткровенной истинѣ, всегда можетъ насъ вывести изъ всяческихъ затрудненій въ дѣлѣ ея пониманія и дать намъ несомнѣнное ручательство и въ подлинности и неповрежденности божественнаго откровенія и въ вѣрности пониманія и опредѣленія точнаго смысла его. Церковь никогда не оставляема, а всегда одушевляема и руководима Духомъ истины, наставляющимъ ее чрезъ непрерывающійся въ ней рядъ пастырей и учителей на всякую истину. Поэтому, ясно, что она никогда не вештаетъ, а всегда возрастаетъ и преспѣваетъ въ познаніи Сына Божія и близится къ достиженію своихъ завѣтныхъ надеждъ и стремленій,—къ *соединенію вѣры* (Еф. 4, 13). Ибо «церковь *не есть* только общество вѣрующихъ, продолжающее непрерывно свое существованіе въ непрерывно смѣняющемся ряду пастырей и учителей, равно какъ пасомыхъ и поучаемыхъ, а общество, живущее непрерывно одними и тѣми же неизмѣнными духовно-благодатно-жизненными началами, которые положены были въ основу его при самомъ его началѣ. Она непрерывно владѣетъ тѣмъ же достояніемъ истины Христовой, какое даровано было ей чрезъ апостоловъ въ самомъ началѣ, въ ней никогда

---

[71]) Тамъ-же.

не прырываетъ своего присутствія и дѣйствія тотъ же Духъ истины, который наставлялъ апостоловъ на всякую истину (Іоан. 16, 13) и который, по обѣтованію Спасителя имѣетъ быть съ ними, конечно, *въ лицѣ ихъ преемниковъ*, во вѣкъ (Іоан. 14, 16), *въ ней непрерывно живетъ по своему существу тоже религіозное сознаніе*, которое лежало въ основѣ жизни христіанъ первенствующей церкви, равно какъ не прерывается и тотъ *духъ вѣры*, которымъ проникались они и руководились въ разумѣніи истинъ вѣры» [72]). Отсюда-то «*въ духѣ истины* или *духѣ вѣры*, живо и непосредственно присущемъ религіозному сознанію всей церкви и всегда нераздѣльномъ съ его природою» заключается источное и руководительное начало, которое стоитъ *выше всякаго личнаго авторитета человѣческаго* въ дѣлѣ изъясненія и толкованія писанія, выше всякаго рода колебаній и сомнѣній и ведетъ къ полному и цѣлостному раскрытію догматическаго ученія. Оно находится не «въ безмолвной буквѣ писанія, ожидающей только такого или иного пониманія своего», а «въ *живомъ словѣ вѣры*, непрерывно проповѣдуемомъ богоучрежденными пастырями и учителями, словѣ, которое близко къ самому сердцу каждаго вѣрующаго (Рим. 10, 8)» [73]).

ж) Особенно необходимо и важно, по церковно-символическому взгляду, преданіе при писаніи *противъ еретиковъ и сектантовъ*. Всѣ еретики всегда имѣли обыкновеніе обращаться къ писанію и говорить, что ихъ ученіе въ немъ ясно и подробно изложено. Не было ни одной секты, которая бы не ссылалась на писаніе въ качествѣ формально-гносеологическаго принципа въ дѣлѣ религіознаго знанія [74]). Каждая ересь достаточно доказала свою хамелеоновскую способность на основаніи отдѣльныхъ текстовъ писанія производить самое противорѣчивое догматическое содержаніе. «Изъ этого именно начала породились, главнымъ образомъ, всѣ ереси древнѣйшія и новѣйшія, изъ которыхъ каждая, какъ извѣстно, непремѣнно старается основать свои заблужденія на какихъ-либо текстахъ свящ. писанія, истолковывая ихъ по своему» [75]).

---

[72]) Тамъ-же, § 6, стр. 16–17.

[73]) Тамъ-же, § 10, стр. 43.

[74]) *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, стр. 69; ср. изъ иносл. *Canus*, Loc. Th. 3, 1; *Mohler*, Symbolik, s 365, *Khn*, Th. Quartalschr, 1858, s. 407

[75]) *Макарій* § 128, стр. 341, примѣч. 583.

Такъ какъ нѣтъ такого еретика, который бы не притворялся, что онъ проповѣдуетъ согласно съ писаніемъ то, чѣмъ хулитъ церковь и ея ученіе, то справедливо замѣтить, что ереси никогда не происходили и не образовывались подъ *непосредственнымъ* вліяніемъ принципа писанія, какъ такого, но, напротивъ, возникали и развивались подъ дѣйствіемъ какой-либо современной *религіозно-философской секты* и вѣрованія. Лозунгомъ еретически-сектанскихъ партій было не: «*писаніе*», но, напротивъ: «*не писаніе*». Такимъ то образомъ произошли и распространились древнѣйшіе еретики: гностики, манихеи, аріане, савеліане, несторіане, евтихіане, пелагіане; въ средніе вѣка: вальденсы, каѳары, мистики и прочіе сектанты; въ новое время: протестантскія ереси и секты. Здѣсь лежитъ главнѣйшая причина, почему еретики всегда ссылаются не на одно писаніе, не на библію саму по себѣ, но еще на свое «*тайное*», частное ученіе, во свѣтѣ котораго они стараются видѣть догматико-каноническое содержаніе писанія. Отсюда-то св. отцы и учители ставили въ упрекъ еретикамъ, что они поддѣлывали «простую вѣру божественныхъ писаній» (τὴν ἁπλῆν τῶν θείων γραφῶν πίστιν) своими ложными религіозно-философскими доктринами, имѣвшими у нихъ значеніе традиціоннаго начала и противъ ихъ ложнаго преданія ссылались на обличающее ихъ апостольское слово.

Всѣ еретическіе толки и секты произошли отъ непониманія или отъ незнанія писанія. Мысль, что всѣ еретики умѣютъ ссылаться на писаніе, приводитъ насъ къ убѣжденію, что самый принципъ и источникъ писанія у нихъ извращенъ весьма глубоко. У еретиковъ потемнено истинное разумѣніе слова Божія, и они только «*превращаютъ писанія къ собственной своей погибели*» (2 Петр. 3,16). Отсюда у нихъ по руководству писанія воспроизводятся только отдѣльныя слова, а не *божественное ученіе* Іисуса Христа и апостоловъ. Отдѣльныя изреченія библейскія исходятъ изъ устъ еретиковъ, но не идетъ изъ устъ ихъ истинное Евангеліе Христово. Поэтому и отдѣльныя слова и тексты писанія у еретиковъ направляются не къ назиданію, а къ прельщенію и угрозамъ, не къ наученію, а къ развращенію и озлобленію, не къ созиданію, а къ разрушенію и лжи. При чтеніи «еретическихъ сочиненій» намъ невольно припоминаются слѣдующія слова писанія: «*языки своими*

льщахуъ» (Рим. 3,13), «*лесть во устѣхъ ихъ*» (Пс. 5,10), «*гробъ отверстъ гортань ихъ*» (Пс. 139.3). Еретики суть пауки, извлекающіе смертоносный ядъ изъ цвѣтка, т. е. изъ писанія, дающаго пчеламъ—истиннымъ христіанамъ—медъ божественнаго ученія [76]). Только одно истинно-церковное преданіе можетъ заградить ихъ «злословесныя уста», наложить на нихъ печать глубокаго молчанія.

з) Наконецъ, преданіе необходимо въ области церковно-практической. Мысль о такомъ значеніи преданіи особенно ясно раскрыта въ церковно-символическомъ понятіи. Протестанты погрѣшаютъ противъ нея тѣмъ, что *все* содержаніе преданія и *всецѣло* сводятъ къ *однимъ обрядамъ*, исключая изъ него *догматическія* истины.

Въ церковно-практическомъ отношеніи преданіе есть безусловно-необходимый источникъ, изъ котораго почерпается достовѣрное познаніе о многихъ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ. Преданіе доставляетъ правила (κανόνες) христіанскаго благочинія, опредѣляетъ (внѣшнее) богослуженіе и утверждаетъ законы управленія церковнаго. Многія истины, касающіяся разныхъ сторонъ церковнаго устройства и религіозной дисциплины только въ преданіи и находятся, вовсе не будучи упомянуты въ писаніи (праздники, посты,

---

[76]) Напрасны и суетны увѣренія нѣкоторыхъ богослововъ, особенно изъ такъ называемыхъ «миссіонеровъ», что наши сектанты—раціоналисты *знаютъ писаніе* и знаніе его считаютъ для себя обязательнымъ, а православные простые люди, *неграмотные*, остаются во мракѣ религіознаго невѣжества вслѣдствіе того, что книги писанія такъ мало распространены въ народѣ по причинѣ его безграмотности. Ужасное заблужденіе! Выходитъ, что «*самоосужденные*» (Тит 3, 11), сектанты—раціоналисты, какъ знающіе писаніе суть «истинные христіане» (такъ именно и думаютъ о себѣ сектанты), а простые православные люди—«мнимые язычники»,—какъ никогда не державшіе въ своихъ рукахъ библіи, обречены на непониманіе смысла христіанской религіи и свидѣтельствъ писанія. Не отсюда ли происходятъ усиленныя попытки различныхъ «библейскихъ обществъ», помимо церкви и ея служителей, распространять въ народѣ *при помощи книгоношъ* книги писанія, какъ можно въ большемъ количествѣ, какъ будто отъ количества книгъ священныхъ въ домахъ и рукахъ христіанъ зависитъ творческая сила христіанства?. Не здѣсь ли лежитъ основаніе весьма распространеннаго въ наше время мнѣнія насаждать *религіозность* въ народѣ путемъ *науки* и *книжнаго обученія*?.. Но вѣдь многіе люди вѣруютъ и безъ писанія, единственно по преданію церкви (ср *Ириней* кн IV, 2, гл *Августинъ*, De Doctr. chr. 1, 39). Только съ точки зрѣнія протестантскаго ученія о самодовлѣемости писанія можно опасаться оскудѣнія религіозной вѣры при недостаткѣ «наукообразнаго» книжнаго знанія о предметахъ религіи. Но православная церковь нисколько не опасается этого, ибо «*назданна на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу*» (Еф. 2, 19—20)

монашество и проч.). Существованіе такого рода преданія допускаютъ и протестанты, эти ревностные отрицатели церковнаго бытія и истины религіознаго преданія, хотя они чрезмѣрно умаляютъ его внутреннее достоинство.

Безусловный авторитетъ преданія для опредѣленія и подтвержденія истинъ церковно-каноническихъ и обрядовыхъ всецѣло покоится на увѣренности, что въ преданіи находится обще-церковное хранилище этихъ истинъ и обрядовъ. Здѣсь подъ именемъ преданія подразумѣвается не одинъ только внѣшне-механическій способъ сообщенія и распространенія извѣстныхъ правилъ и обычаевъ, но *преемственное и неизмѣнное охраненіе въ православной церкви* богооткровенныхъ, апостольскихъ и святоотеческихъ началъ и источниковъ основныхъ христіанскихъ законоположеній во всемъ устройствѣ и управленіи жизни церковной. А такими началами и источниками служатъ: 1) *преемство церковнаго священноначалія* и 2) *практика всецерковная.*

Въ преемствѣ церковнаго священноначалія непрерывно отъ самихъ апостоловъ и неизмѣнно сохраняются благодатныя дары Святаго Духа, служащіе залогомъ и основой апостольскаго служенія и законной іерархической власти православной іерархіи и всего богоустановленнаго порядка православной дисциплины въ ея религіозныхъ источникахъ. Здѣсь особенно оттѣняется *преданіе правъ церковныхъ*, которыми соблюдаются (при помощи іерархіи) неизмѣняемыя основы и законы изначальнаго устройства и управленія церкви и религіозно-нравственнаго воспитанія вѣрующихъ для царствія Божія и правды его.

Практика церкви — это постоянное дѣйствіе утвердившихся отъ временъ апостоловъ въ жизни христіанъ благочестивыхъ правилъ, обрядовъ и обычаевъ. Она образовалась трудами пастырей въ благоустроеніи церкви, основывалась на цѣлостномъ сохраненіи въ ихъ іерархическомъ преемствѣ апостольскихъ уставовъ, утверждалась и раскрывалась въ ихъ собственныхъ установленіяхъ и примѣрахъ, сообразно съ закономъ Христовымъ, всегда поддерживалась дѣятельнымъ благочестіемъ всѣхъ вообще православныхъ христіанъ и духовнымъ подражаніемъ вѣковъ послѣдующихъ вѣкамъ первоначаль-

нымъ. Въ своемъ непрерывномъ дѣйствованіи чрезъ всѣ вѣка, практика церковная составляетъ одно *преданіе христіанскаго благочинія*, охраняющее и несущее до нашего времени древнія священныя установленія и обряды, правила нравственной дѣятельности и примѣры святой жизни. Здѣсь кругъ православно-символическихъ понятій о преданіи и его значеніи приходитъ къ своему логическому и реальному заключенію.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Наши выводы и общая апологетическая оцѣнка иновѣрныхъ взглядовъ по различнымъ сторонамъ вопроса о священномъ преданіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преданіе въ широкомъ смыслѣ слова.

«Преданіе есть то, что̀ тебѣ ввѣрено, а не то, что̀ тобою изобрѣтено,—то, что̀ ты принялъ, а не то, что̀ ты выдумалъ,—дѣло не ума, но ученія, не частнаго обладанія, но всенародной передачи».

Слова св *Викентія Лиринскаго.*

При научномъ разсужденіи о всякомъ предметѣ знанія и жизни въ результатѣ изслѣдованія обыкновенно дается точное его *описаніе.* Это, такъ называемое въ логикѣ, cognitio de doctrina, т. е. ясное опредѣленіе общаго понятія о предметѣ. Это же само собою требуется и при окончаніи нашего апологетическаго изслѣдованія по вопросу о преданіи въ его библейски-церковной исторіи и значеніи. Это, конечно, и составляетъ главнѣйшій предметъ настоящей послѣдней части нашей работы.

Въ окончательныхъ богословско-апологетическихъ выводахъ и умозаключеніяхъ, мы будемъ исходить изъ уже достигнутыхъ нами результатовъ при изложеніи и разборѣ библейскаго, святоотеческаго и церковно-символическаго ученія о преданіи. Вотъ рядъ центральныхъ вопросовъ, отвѣтъ на которые составляетъ апологетическую задачу нашу при точнѣйшемъ опредѣленіи нашихъ основныхъ на-

учно-богословскихъ (теоретическихъ) положеній и выводовъ: что такое преданіе, въ чемъ его внутренняя сущность и историческое происхожденіе, каковъ его догматико-канонической (гносеологическій и методологическій) составъ и значеніе, какова область его употребленія на ряду съ писаніемъ въ христіанскомъ вѣроученіи и церковной жизни, каковы его источники (памятники) и органы и гдѣ его вѣрное хранилище? Всѣ эти вопросы мы рѣшаемъ въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, съ критической оцѣнкой иновѣрныхъ взглядовъ.

Имя (nomen): «преданіе», какъ извѣстно, имѣетъ самое обширное значеніе и употребленіе. По буквальному словопроизводству (vox significatio), оно означаетъ—передаваніе, *передачу*, посредствомъ которой извѣстная вещь или предметъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Здѣсь слово: *преданіе* (massora, παράδοσις, traditio, überliferung) первоначально символизуетъ не столько *содержаніе*, сколько самый *актъ*, самое дѣйствіе передачи, иначе *живое дѣло* передачи. Это тоже, что̀ въ смыслѣ юридическомъ *порука*, врученіе, заключающее въ себѣ оттѣнокъ активнаго воздѣйствія и непосредственнаго участія въ самомъ процессѣ преданія, передаванія [1]). Отсюда, преданіе означаетъ не столько рѣчь, слово, λογίον, но шире—acta, *дѣянія*, *исторію*, или иначе сказать—этимъ терминомъ называютъ по преимуществу такія дѣянія, которыя, такъ сказать, кульминируютъ въ λογίον, *въ изрѣченіи*, *въ глаголѣ*, въ *живомъ словѣ* [2]). Это въ сущности—τὰ ἐκ παραδόσεως τῶν πατέρων [3]).

Въ *иносказаніи* или переносномъ смыслѣ, вслѣдствіе постояннаго употребленія (ex usu) ставшемъ собственнымъ, словомъ: «*преданіе*» обозначается *всякое вообще ученіе*, передаваемое отъ одного лица къ другому, отъ предковъ къ потомкамъ, изъ рода въ родъ, отъ одного поколѣнія къ другому, въ вѣка грядущіе (Гал. 1, 4; Колос. 2, 8). Здѣсь преданіемъ называется всякое вообще *извѣстіе* (устное и книжное), къ чему бы оно не относилось [4]). Это уже болѣе узкій смыслъ преданія. Здѣсь преданіе означаетъ

---

[1]) Филологію слова: «преданіе» см. у *Suicer*, Theol. eccles. s. v. παράδοσις.

[2]) Въ такомъ смыслѣ понятіе о преданіи заимствовано готовымъ изъ Ветхаго Завѣта; см, напр., слѣд. мѣста: Ис. 8, 20; 27, 14; Втор. 32, 7; Прит. 22, 18; 3, 1 (*Molitor*, Ph. Gesch., I, s. 302 ff.).

[3]) *Ios.*, Ant. XIII, 10, 6; ср. Мат. 15, 2; Марк. 7, 4, Гал. 1, 14.

[4]) *Bellarm.*, De Uerbo Dei 4, 2, 1, 2.

живое *сообщеніе* обо всемъ происшедшемъ въ противоположность или въ отличіе *письменной* передачи *изустнаго* свидѣтельства. Этотъ смыслъ образовался постепенно и не принадлежитъ необходимо самому понятію преданія; ибо теперь многое изъ того, что сперва было устнымъ словомъ и живымъ дѣломъ въ наукѣ записано.

Соотвѣтственно такой филологіи (словозначенію) и философіи (смыслу), на языкѣ писанія и церкви преданіе встрѣчается въ двоякомъ знаменованіи.

1. *Въ широкомъ смыслѣ слова* преданіе означаетъ *все вообще* христіанское откровеніе, все содержаніе христіанскаго вѣроученія и жизни, во всей его цѣлости и полнотѣ [5]). Здѣсь все *историческиданное* христіанство въ ученіи и жизни есть истинное преданіе, божественное откровеніе, религіозная самосущая и *реальная истина* вѣры.

Итакъ, слово: «*преданіе*», въ широкомъ смыслѣ, содержитъ въ себѣ понятіе о *всемъ* вообще христіанскомъ, богооткровенномъ ученіи, происходитъ ли оно отъ устнаго слова или отъ писанія. Очевидно, съ точки зрѣнія такого именно словозначенія (преданія) само писаніе, какъ истинное слово Божіе, есть только составная часть предапія [6]). Здѣсь преданіе опредѣляется, какъ ученіе вѣры или правило жизни христіанской, принятое отъ другихъ посредствомъ писанія или еще яснѣе и точнѣе, *преданіе есть самое свящ. писаніе* (2 Θес. 3, 5; Дѣян. 6, 14; 1 Кор. 11, 23; 1 Тим. 6, 20, 2, 1—14). Писаніе есть преданіе писанное (παράδοσις ἔγγραφος), а преданіе— незаписанное откровеніе (παράδοσις ἄγγραφος)

---

[5]) *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, стр. 4; *Терновскій*, § 29, *Антоній*, § 14, стр. 12; у *Макарія* , § 128, стр. 339; Катихизисъ отвѣтъ на вопросъ: «что разумѣется подъ именемъ св. преданія». Изъ иносл. сравн. *Munscher*, Dogmengesch. I, 1. 330; *Holzmann*, Kanon u. Tr., 1. 246, *Staudenmaeir*, Wes. der kath Kirche, 2 Aufl. 1. 40; *Moltor*, I, s. 5.

[6]) И протестанты смотрятъ на писаніе «съ *литературной* точки зрѣнія», какъ на первый членъ «догматико-этическихъ продуктовъ церковнаго преданія» Но при этомъ они лишаютъ писаніе *догматико-каноническаго характера.* Писаніе хотя и «норма вѣры, но только звено въ цѣпи вѣроизложеній *(Holzmann*, Kanon, § 27). Писаніе не одно *каноническое* преданіе, но и «церковно-историческое развитіе». Писаніе стоитъ въ началѣ «церковнаго развитія и по своей литературной сторонѣ открываетъ рядъ ученій церкви». Въ этомъ-то планѣ мыслей и таятся у протестантовъ гнилые корни «миѳической теоріи» о писаніи.

Такое пониманіе преданія, какъ извѣстно, основанно на библейскомъ и святоотечески—церковномъ ученіи [7]), весьма достопримѣчательно для правильной апологетической установки единаго православно-гносеологическаго взгляда на неписанный источникъ откровенія и вѣры. Писаніе не что иное, какъ преданіе, но только первоначальный *письменный членъ* (ограническая часть) этого преданія. Устная и живая передача христіанскаго откровенія и вѣры естественно пропикаетъ въ письмена. Писаніе входитъ въ значительной степени въ органическій составъ того, что̀ во всѣ времена и повсюду, всѣми законно-поставленными пастырями и учителями единогласно сохранялось и распространялось, какъ дѣйствительное ученіе Христово. Православная церковь живетъ убѣжденіемъ, что христіанское откровеніе (религія и вѣра) не зависитъ единственно отъ текста библіи, а не менѣе и отъ преданія. По ея непогрѣшимому взгляду, христіанское ученіе сохранилось бы, могло бы сохраниться и безъ писаній, по одному преданію [8]).

Разсматриваемое нами общее понятіе о преданіи глубоко-знаменательно, а также и весьма справедливо.

Истинное откровеніе Божіе (богооткровенная религія) первоначально сообщается людямъ истинно-вѣрующимъ (церкви) не иначе, какъ посредствомъ одного только преданія, не чрезъ писаніе или книгу. Отсюда и *церковно-религіозная вѣра* всегда основывается на одномъ только преданіи. Человѣкъ созданъ по образу Божію (ἰδέα τοῦ θεοῦ). Здѣсь—первоначальный и всеобщій, общечеловѣческій (универсальный) корень, неизмѣняемая и тождественная психическая основа и субъективный источникъ богооткровенной религіи и религіозной жизни [9]). Идеальныя (сверхъестественныя) свойства образа Божія, таящіяся въ человѣкѣ подъ видомъ душевныхъ силъ и способностей, нуждаются для своего раскрытія и исторической жизни въ особомъ *воздѣйствіи со внѣ*, иначе сказать—въ божественномъ

[7]) *Иринеи* кн. III; св. *Кипріанъ* Карѳаг., Ep ad Pomp; св. *Златоустъ*, Hom. IV in 2 Thes.; св. *Григорій Нис.*, De virg. c. 11; св. *Викентій* Com. c. 22. Въ дополненіе къ отцамъ прибавить ссылку на Вальсамона, называющаго «Евангельскимъ преданіемъ креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, не убивать, не лжесвидѣтельствовать» и проч. (ad can. VI Consil. Nicen. p. 505).

[8]) Срав. *R. Simon* Histoire critique du Vieux Testamen, 1685.

[9]) Проф. *Н. Рождественскій*, Апологетика христіанства, т 1, (вопросъ о психологическихъ основахъ религіи).

откровеніи, въ абсолютномъ актѣ (actus paedagogicus), въ божественномъ воспитаніи (въ смыслѣ Климентова «Педагога»). «Необходимо, чтобы Самъ Богъ научилъ человѣка вѣрѣ» [10]). Ибо, откровеніе Божіе человѣку, по своему внутреннему существу и внѣшнему проявленію, есть не что иное, какъ духовно-религіозный союзъ Бога съ человѣкомъ, богочеловѣческій союзъ. необходимо предполагающій: 1) *снисхожденіе Бога къ человѣку* и 2) *возвышеніе человѣка къ Богу*. Первый, самый главный, существенный и самый основной признакъ истинного откровенія заключается въ живомъ и личномъ, свободномъ и постоянномъ общеніи и единеніи Бога съ человѣкомъ. А такое религіозное общеніе люди непосредственно *получаютъ* и въ него благодатно и таинственно входятъ только путемъ *сверхъестественнаго* откровенія Божія, неизгладимыми чертами запечатлѣвающагося въ церковно-религіозномъ сознаніи и жизни. Вселенская церковь есть всемірный домъ Божій. Въ немъ раздается всепокоряющій гласъ Божій. Сюда нужно идти «всему міру», чтобы ясно услышать гласъ Бога живаго, «ходящаго въ раю». Здѣсь именно откровеніе Божіе нерушимо сохраняется и живетъ въ непрерывномъ и непрерываемомъ духоносномъ преданіи, переходящемъ въ органической связи и постепенномъ раскрытіи отъ одного поколѣнія къ другому, «изъ вѣка въ вѣкъ», при чемъ каждое послѣдующее поколѣніе религіозно воспитывается предъидущимъ и переданные результаты наидревнѣйшихъ временъ становятся вѣчно-новымъ зародышемъ дальнѣйшаго, будущаго истинной вѣры и церкви.

Очевидно, здѣсь преданіе есть творческій и созидающій актъ, живой органъ откровеннаго ученія въ церкви, сверхъестественный историческій способъ *передачи* и повсюднаго распространенія его въ ней; это — λόγος ἄγγραφος = scriptura cordis вѣрою спасаемыхъ (2 Кор. 3, 3; Гал. 4, 6: Евр 18, 10—12; 10, 16; Іер. 31, 31—34). *Богосознаніе* [11]) сообщается всѣмъ людямъ хотящимъ въ разумъ откровенной истины прити Самимъ Богомъ путемъ живой передачи церковной, путемъ непосредственнаго воздѣйствія Божія въ церкви и чрезъ церковь на духъ человѣческій и всю сокровенную жизнь его, на все его внутреннее существо. И воспитывается оно

[10]) *Макарій*, Введеніе § 13.

[11]) Смыслъ этого термина см. въ твореніяхъ св *Димитрія Ростовскаго.*

и раскрывается во живоносномъ словѣ Божіемъ. въ вѣчно-живомъ глаголѣ Господнемъ, носимомъ и возвѣщаемомъ, возгрѣваемомъ и утверждаемомъ во всецерковной вѣрѣ и исторіи. Это и есть всемірно-историческій, церковно-универсальный источникъ зиждительныхъ дѣлъ Божіихъ въ нашемъ православіи. Это вѣчно плодоносныя и растимыя сѣмена божественной, богочеловѣческой жизни, осуществляемой нашею церковію во всемъ мірѣ, у всѣхъ людей, во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка. Съ этой стороны понятно, что всеобщее религіозно-культурное движеніе и совершенствованіе человѣчества въ церкви и чрезъ церковь (происходящее отъ Бога) подъ видомъ непосредственной передачи (живаго преданія) сохранятся путемъ непрерывнаго животворящаго, всеочищающаго, всеосвящающаго процесса религіозной жизни и мысли.—процесса вселенскаго, всезахватывающаго, все несущаго въ лонѣ истины Божіей, неограничиваемой никакимъ мѣстомъ, никакимъ временемъ. никакимъ народомъ, но призывающей всѣхъ людей познать разумъ вѣры и любви Христовой. Хотя вслѣдствіе этого записанныя части устнаго преданія надежны и несокрушимы временемъ и людьми, но все-таки устно-произнесенное слово, живой опытъ, потомъ рядъ упражненій, наконецъ, самая церковно-религіозная жизнь—все это должно постоянно сопуствовать книжному слову Божію и истолковать его, въ противномъ случаѣ послѣднее можетъ превратиться въ одностороннее, мертвенно-книжное отображеніе богооткровеннаго ученія, какъ, напр., въ антицерковномъ сектанствѣ [12]). Въ столь необходимой и органической связи преданія съ самою сущностію и происхожденіемъ божественнаго откровенія лежитъ глубочайшая причина, почему откровенное ученіе изначала существуетъ и *можетъ* существовать весьма продолжительное время цѣлые періоды, цѣлые вѣка *и безъ писанія*, и почему преданіе *должно* существовать *и послѣ* того, какъ появилось писаніе, при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ, дополняя его, раскрывая и ограждая со всѣхъ сторонъ его историческое бытіе и жизнь.

Христіанское откровеніе и вѣра—это не какое-либо теоретическое изобрѣтеніе человѣческаго разума, подобно какой-нибудь философской или научной системѣ. Это—всецерковное *Евангеліе*

---

[12]) Изъ иносл. *Molitor*, op. cit., I, s. 6, 150.

Христово; «*нѣтъ по человѣку*» оно (Гал. 1, 12), не человѣческое это слово и дѣло, а Божіе (Іоан. 6, 29), *богооткровенное*. Ему мы научаемся «*не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа*» (Гал. 1, 12). Отсюда и христіанское вѣроученіе, живущее въ церковно-религіозномъ самосознаніи, не какая-либо сплошная спекулятивная теорія религіозно-нравственнаго міросозерцанія. Это даже *не одно только* религіозное *ученіе* (doctrina), но нѣчто большее (1 Кор. 1, 22—24). Это вѣчная жизнь, или ученіе вѣры, насколько оно предназначено для церковно-религіозной жизни и есть самая *жизнь Христова*. Конечно, оно имѣетъ и «свои основоположительныя идеи» (если уже нужно употреблять этотъ *нерелигіозный* терминъ для обозначенія *догматической* стороны христіанства). И оно богаче этими идеями, чѣмъ вся древняя и новая философія и этика. Истинный христіанинъ обладаетъ болѣе глубокими и возвышенными мыслями и умственными созерцаніями по вопросамъ религіознаго знанія, чѣмъ какой-либо языческій мудрецъ и мірскій писатель. Но богооткровенныя первоосновы и источники христіанской религіозной вѣры всецѣло коренятся въ вѣчно-живомъ ученіи и исторіи всецерковнаго спасенія во Христѣ (1 Кор. 1, 22—24). Здѣсь находятся вся суть догматовъ и правилъ нравственности христіанской. Итакъ, все историческое христіанство (въ его неисповѣдимыхъ тайнахъ) покоится въ нѣдрахъ Іисусовыхъ, всецѣло объемлется Его богочеловѣческимъ Ликомъ и исторически осуществляется въ искупительномъ дѣлѣ Его, въ церкви Его. И сообщается оно людямъ, всему человѣчеству *не* интеллектуальною *силою человѣческаго разума*, какъ вопросъ логическаго знанія и философскаго доказательства, а единственно путемъ живоноснаго церковно-православнаго предапія, составляя цѣлостный кругъ *божественныхъ* истинъ *вѣры* и жизни. Въ откровеніи и ученіи чрезъ преданіе христіанское вѣроученіе точно обозначено, вѣрно очерчено, подробно раскрыто и нерушимо сохранено до нашего времени, во всей полнотѣ и совершенствѣ, въ церковно-религіозной жизни и исторіи рода человѣческаго, православно-христіанскаго, боголюбиваго.

Итакъ, и съ этой стороны истинное познаніе христіанской религіи въ ученіи и жизни почерпается не отъ разума, не отъ субъективнаго измышленія сектантской вѣры, но изъ внѣшняго, *положи-*

тельнаго источника, т. е. отъ *богооткровеннаго преданія*. Поэтому-то мы, православные христіане, не принимаемъ никакой «новой вѣры», «новаго Евангелія», предлагаемаго намъ вольнодумцами и гордыми суесловами, старающимися обольщать насъ, а также не осмѣливаемся и сами передавать другимъ въ качествѣ абсолютной истины свои собственныя философскія мнѣнія по религіознымъ вопросамъ, составленныя нашимъ разумомъ, какъ такимъ,—чтобы откровеніе Божіе не поставить въ одинъ рядъ съ чисто-человѣческими помышленіями. Намъ не принадлежитъ не только *созданіе религіи*, но и малѣйшая доля участія въ ея трансцендентномъ существѣ и происхожденіи; ибо сверхъестественное начало религіи лежитъ *не въ насъ* (субъективно), но *внѣ насъ* (объективно). Но мы возвѣщаемъ всѣмъ «*вопрошающимъ о нашемъ упованіи*» (1 Петр. 3, 15) то самое ученіе вѣры и жизни, которое узнали по преданію отъ церкви отъ предковъ своихъ, отъ св. отецъ, отъ апостоловъ, отъ Христа.

Съ только что указанной нами православно-теистической точки зрѣнія преданіе абсолютно необходимый источникъ христіанскаго откровенія и вѣроученія. Вся апологетико-догматическая сила и все гносеологическое значеніе ея состоитъ въ томъ, что она изгоняетъ всяческій «сотеріологическій натурализмъ» въ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ. На основаніи ея достаточно опредѣленно устанавливается и раскрывается общее понятіе о трансцендентной природѣ истиннаго преданія.

Въ отношеніи ко всему сказанному нами для выясненія понятія о преданіи въ широкомъ смыслѣ собственно не должно было бы быть никакой разницы между всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями. Даже протестанство, стоящее на «супранатуралистической точкѣ зрѣнія», не могло бы (не противорѣча самому себѣ) отвергать этого самаго общаго, самаго распространеннаго понятія о преданіи [13]). *Единственно* невѣрующій въ сверхъестественное откровеніе, чисто-отвлеченной *раціонализмъ* возражаетъ здѣсь противъ православно-церковнаго ученія о преданіи, считая христіанскую религію не дѣломъ Божіимъ, т. е. отвергая *историческую достовѣрность* ея сверхъестественнаго происхожденія и признавая ее естественнымъ

[13]) *Tanner*, Uber. d. Kath. Traditionsprincip, § 1, s. 3.

продуктомъ человѣческаго разума и совѣсти. Но даже и раціонализмъ, отрицающій непосредственное дѣйствіе Божіе на міръ и человѣка, не можетъ совершенно лишить христіанскую религію и церковь ихъ «*традиціоннаго* характера», чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не отвергать и ихъ *историческаго* происхожденія и значенія. Всякая историческая религія, будь она божественнаго происхожденія или только дѣло «человѣческой культуры», сообщается людямъ *не иначе*, какъ посредствомъ одного преданія. Здѣсь универсальная важность и абсолютная необходимость *общецерковнаго* преданія.

Итакъ, православно-гносеологическій принципъ и источникъ преданія всецѣло покоится на крѣпкой почвѣ *теистическаго* религіознаго міросозерцанія и жизни и, такимъ образомъ, занимаетъ основное и какъ бы центральное положеніе въ системѣ богословія. Въ абсолютномъ смыслѣ понятіе о преданіи въ вѣроученіи и жизни есть истинный выводъ, необходимое предположеніе христіанскаго теизма, признающаго бытіе личнаго и живаго Бога и бытіе относительно—самостоятельной тварной жизни. Вся сущность православнаго теизма въ этомъ отношеніи состоитъ въ отличіи его отъ «макрокосмическаго принципа пантеистической имманенціи», поглощающаго собою всю католическую церковь и отъ «микрокосмическаго принципа» и процесса сектантскаго обоготворенія человѣческой личности, особенно господствующаго со всепожирающею силою въ индувидуалистической протестантской мистикѣ.

Въ православномъ принципѣ преданія строго осуждается *римско-католическая пантеистически-спекулятивная система абсолютной имманенціи*, по которой вся исторія христіанской религіи до малѣйшихъ проявленій духовной жизни человѣка подводится подъ абстрактную схему догматико-діалектическаго «*развитія церкви*». Многіе писатели видятъ нѣкоторую аналогію между законами догматическаго развитія по спекулятивной имманенціи, знающей только *чистый прогрессъ* и православнымъ ученіемъ о преданіи [14]). Но здѣсь сходство кажущееся, а разница существенная и весьма важная. По системѣ католической имманенціи, допускается возможность и необходимость догматическаго *прогресса религіозной вѣры*. Здѣсь

[14]) См. богословскій споръ о догматическомъ развитіи церкви, поднятый философомъ В. С. Соловьевымъ.

вѣра преходитъ различныя до противоположности фазы и даже измѣняется. По этой системѣ пришлось бы всѣ многомятежныя ереси и расколы считать за «необходимые факторы» въ *историческомъ раскрытіи* божественнаго откровенія. Но въ такомъ случаѣ *реальная* церковно-религіозная сущность вѣры утратила бы свое догматико-каноническое значеніе и превратилась бы въ богословско-философскій сборникъ хаотическихъ сектантскихъ мнѣній и ученій по вопросамъ откровенія. Только одно православно-церковное ученіе о преданіи устанавливаетъ истинный смыслъ историческаго бытія и жизни христіанскаго откровенія въ церкви каѳолической, ясно разграничивая церковную истину отъ еретической лжи.

Также въ православно-церковномъ ученіи о преданіи осуждается *протестантски-деистическая* точка зрѣнія, по которой сила и дѣйственность откровеннаго слова Божія поставляется въ исключительную зависимотть отъ писанія[15]). Деистически-супранатуралистическій взглядъ на откровеніе (въ источникахъ и способахъ дѣйствовавшія) чрезмѣрно ограничиваетъ дѣло Божіе. *Откровеніе* непосредственно дано отъ Бога, но по своему содержанію излагается нынѣ *въ одномъ писаніи*, въ одной книгѣ, что́ и «остается» единственною и исключительною «генетическою связью» между откровеніемъ Божіемъ и «вѣрующимъ субъектомъ». Это въ тоже время и чисто-сектантская (пелагіанская) тенденція. Здѣсь уничтожается догматическая преемственность, непрерывность и непрерываемость откровенія Божія въ церкви,—связь историческая порывается и религіозный вопросъ обособляется въ самозамкнутый и безжизненный кругъ однихъ книжныхъ свѣдѣній о вѣрѣ и жизни Божіей. Но божественное откровеніе не подчиняется ограниченію «тѣлесныхъ формъ писаннаго слова»; оно есть истинно-животворящій духъ вѣры и жизни всецерковной, вѣчно-живое и движущееся религіозное самосознаніе церкви. Православный принципъ преданія анти-деистическій и антипелагіанскій принципъ. Откровеніе не въ одномъ писаніи, не въ немъ одномъ оно замыкается и живетъ, но и въ преданіи, вѣчно-живущемъ въ церкви на ряду и вмѣстѣ съ писаніемъ. Во Христѣ все церковно-религіозное ученіе есть жизненное слово Божіе,

---

[15]) *Schweizer*, Centraldogmen, II, s. 593

само себя проповѣдующее и растространяющее, но оно продолжаетъ вѣчно жить въ церквѣ Христовой, въ ея преданіи, носимое и возгрѣваемое св. отцами и учителями во всѣ времена. Эта общая мысль объ абсолютной необходимости преданія составляетъ догматико-гносеологическій критерій всей православной теоріи христіанскаго знанія и религіозной жизни. Выясненное такимъ образомъ въ ней понятіе о преданіи мы считаемъ весьма важнымъ и драгоцѣннымъ пріобрѣтаніемъ. Все новѣйшее православное богословіе стремится къ усвоенію такого именно опредѣленія этого понятія [16]).

---

[16]) *Архим. Сергій.* Правосл. ученіе о спасеніи, М 1895; свящ. *П. Я. Свѣтловъ*, Опытъ апологетич. изложенія правосл.-христіанскаго вѣроученія, Кіевъ, 1896, см. отдѣлъ объ источникахъ правосл.-христ вѣроученія, § 7, стр. 59—69.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Формальное преданіе.

1. Устный способъ распространенія и утвержденія христіанскаго откровенія и вѣры.

«Многіе изъ насъ получили божественное ученіе помимо писанія, при помощи божественной силы, заключающейся въ вѣрѣ»
Слова *Климента Ал.*

«Многіе племена варваровъ вѣрующихъ во Христа имѣютъ свое спасеніе безъ хартіи и чернилъ, написанное въ сердцахъ своихъ Духомъ».
Слова *св Иринея.*

Въ *болѣе узкомъ смыслѣ* слова подъ именемъ преданія подразумѣвается устный, вообще говоря—некнижный способъ распространенія и сохраненія христіанскаго откровенія и вѣры въ церкви православной. Здѣсь преданію обыкновенно придается значеніе *объективное* (предлежательное) или *субъективное* (подлежательное) и въ первомъ случаѣ опять значеніе *формальное* и *матеріальное*, т. е. какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Итакъ, различается преданіе формально-объективное и матеріально-объективное отъ преданія субъективнаго [17]).

Въ формально-объективномъ смыслѣ подъ преданіемъ понимается съ одной стороны историческое распространеніе и утвержденіе христіанскаго вѣроученія въ церкви посредствомъ устнаго слова и живаго дѣла въ отличіе отъ письменнаго наставленія, т. е. отъ

---

[17]) Замѣтимъ, что эту богословскую терминологію мы употребляемъ не потому, чтобы считали ее совершенно точною и достаточно ясною, а потому что она общеупотребительна какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, мы желаемъ подвергнуть ее критикѣ, чтобы установить вѣрный смыслъ этихъ терминовъ, особенно запутанныхъ въ инославномъ богословіи. Это цѣль чисто-апологетическая.

книжнаго распространенія и утвержденія христіанства, посредствомъ письменной записи; съ другой же стороны—всѣ историческіе источники и способы истиннаго познанія христіанскаго откровенія, кромѣ библейскихъ книгъ, т. е. безъ нихъ. И это отличіе преданія отъ письменнаго источника вѣроученія никакъ не есть раздѣленіе или «противорѣчащее противоположеніе», но необходимое логическое различіе. Здѣсь преданіе и писаніе, въ обоихъ вышеуказанныхъ случаяхъ, обозначаютъ однаковыя гносеологическія понятія, ибо въ нихъ равномѣрно распредѣляются или всѣ богооткровенные источники, изъ которыхъ почерпается во всей полнотѣ и совершенствѣ истинное знаніе объ историческомъ христіанствѣ, или всѣ методологическія средства и способы, при помощи которыхъ христіанское откровеніе и церковная жизнь законообязательно распространяются и утверждаются во всемъ мірѣ, среди всѣхъ людей.

Такое различіе составлено не сегодня и не на скорую руку. Оно искони въ библіи [18]) и у св. отцовъ [19]).

Что касается исторически-жизненнаго способа, которымъ христіанская религія или церковь была введена «*во вся человѣки*» то никакой благоразумный изслѣдователь (въ виду всего вышеизложеннаго) не будетъ оспаривать того православно-церковнаго основоположенія, что устное слово, живое дѣло, органическій опытъ церковный, словомъ—*преданіе* послужило глубочайшимъ основаніемъ вѣры, ученія и жизни первенствующихъ христіанъ, т. е. начальной церкви апостольской. Писаніе явилось послѣ преданія и во многихъ отношеніяхъ произошло отъ преданія. Христова церковь, какъ живой религіозный организмъ и духоносная организація религіозно-нравственной жизни, неоспоримо, существовала раньше апостольскихъ книгъ. Она нуждалась для своего возникновенія и утвержденія въ одномъ только живомъ дѣлѣ Евангельской проповѣди, въ устномъ преданіи учениковъ Христовыхъ.

---

[18]) Лук 24, 19 32; Іоан. 14, 16, 26; 16, 13; Марк. 16, 15; Мат. 28, 19, 1 Кор. 2, 2, 4, 17 и сл; 11, 34; 16, 3 и слѣд., 2 Кор. 1, 19—23; Рим. 15, 29; 1, 11; 10, 27; Фил. 1, 26, 2, 24; 2 Θес 2, 15; 1 Θес. 2, 13; 2 Тим. 2, 2; 1 Іоан. 1, 3; 2 Іоан. 1, 12, Лук. 1, 1—4

[19]) Св. *Игнатій Бог.* у Евсевія III, 36; *Папій. Поликарпъ* у Евсевій V, 20; св. *Ириней*, кн. III. гл. 4; *Тертуллианъ*, Pr с 20, св. *Епифаній* Наег. 61; *Златоустъ* на слова 2 Θес. 2, 15.

Такъ какъ такой взглядъ на древнѣйшій и первоначальный способъ распространенія и утвержденія христіанскаго откровенія въ церкви есть историческая библейски-церковная аксіома, то относительно этого пункта не можетъ быть, собственно говоря—не должно было бы быть никаго вѣроисповѣднаго спора и раздора. И протестанты сами сознаютъ это съ поразительною ясностію [20]). Это мы считаемъ большимъ пріобрѣтеніемъ на пути къ общецерковному соглашенію и примиренію. Непосредственное сознаніе протестантскими богословами одной изъ центральныхъ православно-богословскихъ аксіомъ можетъ служить дѣятельнымъ побужденіемъ къ научному сознанію своихъ ошибокъ и *пока* къ научно-богословскому приближенію къ православной вѣрѣ и церкви.

Но, повидимому, дѣло и ученіе христіанской церкви обстояло *иначе* при *дальнѣйшемъ* распространеніи и утвержденіи божественнаго откровенія и жизни *при писаніи*. Здѣсь протестанты обыкновенно говорятъ, что письменное слово, какъ «болѣе достовѣрное и болѣе прочное», устранило собою изустное наставленіе, «невѣрное и неустойчивое преданіе» [21]). Конечно, обыкновенно говорятъ они здѣсь, сначала было преданіе, т. е. устное слово Божіе единственнымъ источникомъ религіознаго откровенія и исключительнымъ способомъ его сообщенія; но потомъ, постепенно, мало-по-малу, писаніе стало рядомъ съ преданіемъ и, наконецъ, замѣнило его собою, такъ какъ догматико-гносеологическіе критеріи исторической подлинности преданія все болѣе и болѣе становились труднѣе для изслѣдованія. Въ такой увѣренности относительно взаимодѣйствія преданія и писанія своеволіе и упрямство протестантовъ доходятъ до крайности. Они всячески стараются отвергать догматическую важность преданія Христа, незаписаннаго апостолами и евангелистами. Они думаютъ, будто устное преданіе Христово было извѣстно только тѣмъ лицамъ, которые сами его слышали и отсюда неправильно и несправедливо выводятъ заключеніе, что у насъ *нынѣ* ни одинъ

---

[20]) *Schenkel*, Wes. d Protest. I, s 144, *Lessing*, W. Berl. 1839, 13, 10, s. 8; *Bauer*, Lehre von d Trinitat, III, s 635; *Marheinecke*, Dogm. II, s. 394; *Munscher*, Dogmengesch I, § 67, *Servet*, Christ. restitutio, s. 627;

[21]) *Twesten*, Dogm. I, s. 288; *Holzmann*, Kan. s 140, 209; ср. *Canus*, L Th. III, c. 1; *Kuhn* Tub Quart. 1858, I, s. 14.

догматъ, ни одно правило жизни, ни одно учрежденіе церковное *не могутъ быть* основаны на одномъ этомъ преданіи. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, все въ церкви, въ вѣрѣ и жизни должно *сверять* со свидѣтельстами одного писанія и *ничего* не слѣдуетъ постановлять въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, чего не было бы ясно (въ формальномъ отношеніи) выражено въ библіи.

Но дѣйствительная исторія всецерковнаго, православно-вселенскаго самосознанія и жизни говоритъ намъ совершенно иное. Мы, православные христіане, утверждаемъ вопреки протестантамъ съ полною увѣренностію, что *первоначальный порядокъ*, законоположительный, «канонообразующій», бывшій необходимымъ при введеніи христіанства въ міръ весь, абсолютно существуетъ *и нынѣ*, равно какъ и всегда, въ нашей церкви. «*Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки*» (Евр. 13, 8). И церковь Его, тѣло Его, «*полнота Наполняющаго всяческая во всѣхъ*» (Еф. 1, 23), едина, недѣлима, неизмѣнна, вѣчна, и божественные источники ея вѣры и способы ея внутренне-религіозной жизни всегда одни и тѣже, неизмѣняемы во всей своей цѣлости и идеальномъ совершенствѣ. И теперь, какъ и въ началѣ, всѣ люди посредствомъ церковнаго преданія всегда и вездѣ получаютъ первоначальное наставленіе въ христіанскомъ ученіи, обращаются въ христіанство, вводятся въ домъ Божій [22]). Слово Божіе и жизнь Христова несутся и приносятся православными миссіонерами дикимъ языческимъ народамъ устно. Язычники, вообще нехристіане, сначала при помощи одного живаго слова и дѣла церковнаго должны склонить «*слухъ вѣры*» къ воспріятію и усвоенію христіанскаго откровенія, а потомъ уже получить изъ рукъ церкви и писаніе, книгу Божію. Это всеобщій законъ православной миссіи, евангельской проповѣди. Устнымъ словомъ и живымъ примѣромъ священноначальниковъ православной церкви христіанскіе младенцы «*приводятся ко Христу*» (Марк. 10, 13) дома и въ школѣ. Для многихъ тысячъ и даже милліоновъ некнижныхъ людей путь преданія единственно-возможный религіозный путь. Для всѣхъ вообще христіанъ религіозная вѣра и жизнь созидаются живымъ словомъ Божіимъ, глаголющимъ въ церкви, въ догматическомъ

---

[22]) Срав. *Mayer*, Exeg Handb. Uber. Brief. Ephes 1843.

вѣроученіи, въ нравственныхъ правилахъ жизни, таинствахъ и обычаяхъ. И, кажется, слѣдовало бы считать особымъ исключеніемъ, если бы кто либо посредствомъ *чтенія одного* только писанія получилъ «рѣшительное побужденіе» къ обращенію въ христіанство, къ жизни по Божьи, по-Евангельски, по всецерковному укладу [23]). Даже на «культурно-образованныхъ христіанъ» съ ихъ книгами и литературою, для которыхъ устное наставленіе, живой примѣръ, повидимому, признаются всего болѣе излишними, даже на нихъ церковная жизнь, богослуженіе, свящ. обычаи, вообще весь уставъ церкви оказываютъ могучее и могущественное религіозно-нравственное воздѣйствіе, содѣйствуютъ оживленію въ нихъ и дѣятельному сохраненію истиннаго духа вѣры Христовой. Только «культурно-маломощные», только оскудѣвшіе истинно-христіанскимъ духомъ люди не ощущаютъ на себѣ великаго и благодѣтельнаго дѣйствія церкви Христовой, самоубійственно отдѣляясь отъ ея преданія и безжалостно истребляя въ себѣ образъ Божій и всецерковное подобіе его.

Чтобы раздѣльнѣе опредѣлить здѣсь взаимодѣйствіе преданія и писанія должно сказать, что *преданіе* мы разсматриваемъ, какъ *источникъ церковно-религіозной вѣры и жизни по ней*, а *писаніе*, какъ источникъ откровенной *истины*, частнѣе—христіанскаго *вѣроученія*. Всякій человѣкъ, боящійся Бога, получаетъ «*Евангельскую вѣру*» (Фил. 1, 27) и «*общеніе Духа*» (Фил. 2, 1) посредствомъ живаго преданія, т. е. посредствомъ изустнаго наставленія со стороны церкви, а вѣра эта и жизнь по вѣрѣ находятъ откровенную истину, сообщенною и раскрытою въ писаніи. Всякій человѣкъ становится и есть *прежде всего* живой членъ церкви Христовой, апостольской, православной, дабы *чрезъ церковь* и ея таинства стать и дѣйствительно быть *истиннымъ христіаниномъ* [24]). Пріобщеніе, т. е. религіозное присоединеніе къ церкви совершается единственно путемъ «тайноводственнаго преданія».

Возражая намъ въ этомъ пунктѣ протестанты обыкновенно ссылаются на возможность измѣненія церковнаго преданія (вопросъ

---

[23]) Срав. *Holzmann*, Kanon, s. 208.

[24]) *Климентъ* Ал., Strom. 1, p. 319 (*Neander*, Kirchengesch I, 2, s. 539), ср. *Ст. Яворскій*, Камень вѣры, стр. 11; *Kuhn*, Th. Quar. 1858, s. 306.

объ искажаемости преданія)[25]). Но вѣдь тоже самое можно предположить и относительно писанія. Но тогда вопросъ объ источникахъ и способахъ передачи божественнаго откровенія подвергался бы «радикальному сомнѣнію», претерпѣвалъ бы несвойственный ему по идеѣ и исторически невозможный для него кризисъ. Весьма ошибочно было бы подъ преданіемъ подразумѣвать всякое религіозно-философское мнѣніе или богословское воззрѣніе, существующее въ теченіи хотя бы то и многихъ вѣковъ, а потомъ исчезающее. Подъ нимъ должно разумѣть только тѣ истины вѣры и церковныя учрежденія, которыя сводятся къ апостольской древности и получаютъ изъ нѣдръ ея абсолютное удостовѣреніе въ своемъ божественномъ происхожденіи, которыя перешли, такъ сказать, «въ плоть и кровь» христіанской церкви, въ ея обычаи, богослуженіе и уставъ и одухотворились въ нихъ, ибо это церковно-историческое удостовѣреніе не менѣе гарантируетъ богопреданную истину, чѣмъ рукописи, которыя легче исказить, чѣмъ богослужебную практику и церковную дисциплину вообще.

Итакъ, по ученію православной церкви, все отношеніе вѣрующихъ къ писанію, преданію и церкви не подверглось ни малѣйшему существенному измѣненію или «постороннему дополненію», т. е. не приняло какого-либо «иного вида» (eine andere Gestalt), но осталось безъ всякой перемѣны, осталось тѣмъ же самымъ, что во времена Христа, апостоловъ и древне-вселенскихъ отцовъ церкви. Евангеліе Христово никакъ нельзя считать *когда-то* высказаннымъ словомъ, а теперь «реально-несуществующимъ въ церкви» и только представляющимъ изъ себя какое то «археологическое достояніе» научнаго изученія религіи, живущее только въ однихъ «историческихъ воспоминаніяхъ»[26]). Нѣтъ, оно есть вѣчно-живое слово Божіе и дѣло Божіе, вѣчно-живущее въ церкви апостольское возвѣщеніе спасенія о Христѣ. Оно всегда звучитъ въ церковномъ преданіи и есть во-истину плодоносно и растимо въ немъ и чрезъ него.

Но протестанты, отвергая *догматико-каноническую важность* преданія при писаніи, все-таки, въ свое оправданіе, обыкновенно

---

[25]) *Tuesten*, Dogm. I, s. 112.

[26]) Такъ обыкновенно смотрятъ на «состояніе христіанства» въ церкви протестанты.

возражаютъ намъ здѣсь такъ «Мы не отвергаемъ внутренняго достоинства преданія; мы признаемъ, что преданіе есть слово Божіе; мы даже допускаемъ *абстрактную возможность* истиннаго откровенія *и помимо писанія*. Но мы отвергаемъ значеніе его, какъ источника *дополняющаго* писаніе. Во времена апостоловъ и до образованія и всеобщаго признанія канона какъ каждый отдѣльный христіанинъ. такъ и вся церковь принимала евангельское ученіе посредствомъ устнаго наставленія и уже подъ руководствомъ церкви всѣ христіане доходили до писанія. Но теперь Христосъ приходитъ въ церковь посредствомъ одного писанія. *Слово Божіе въ одномъ писаніи есть таинство.* Первоначально церковь посредствовала между вѣрою и словомъ Божіимъ, а теперь это мѣсто занимаетъ одна библія; всякій человѣкъ теперь чрезъ слово писанія становится истиннымъ христіаниномъ, тогда какъ первоначально христіанинъ посредствомъ церкви получалъ спасительную вѣру. Вмѣсто *первоначальной рабской зависимости отъ учителя* теперь существуетъ болѣе свободное отношеніе вѣрующаго субъекта *къ ученію*. Не церковный *авторитетъ*, а библейская *книга*, не проповѣдникъ какъ когда то, а слово Божіе записанное въ наше время должны служить предметами, которымъ должны вѣровать»[27]). Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Библія одна, *помимо всецерковнаго преданія*, т. е. внѣ непрерывнаго церковнаго наставленія въ вѣрѣ и жизни не осуществляетъ еще конечной цѣли христіанства—устроять царствіе Божіе на землѣ, непогрѣшимо нести «*обѣтованіе*» истины Христовой (Дѣян. 2, 39) по всей вселенной[28]). Несомнѣнно въ ней заключается абсолютная истина божественнаго откровенія, имѣющая всеобщую важность и значеніе, для всѣхъ народовъ, для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Но она *сама по себѣ* не выражаетъ и не сообщаетъ еще этой истины въ такой полнотѣ и совершенствѣ, въ такомъ видѣ, чтобы она сама собою всецѣло и непосредственно подходила ко всякому періоду времени, ко всякой эпохѣ, ко всякому народу, ко всякому

---

[27]) *Rudelbach*, Zeit. lut. Th. 1840, Hft 2, s. 26. 39; *Holzmann* Kanon, § 19, 27; *Thirsch*, Vorles uber Kath.-Ptrot s. 5 73, *Canus*, L. Th. III, c. 1; *Perronne*, Glaub. I, s 372

[28]) *Kuhn*, Dogmat I, s. 48.

мѣсту,—подходила въ томъ смыслѣ, какъ и во время *первоначальнаго* написанія и распространенія отдѣльныхъ библейскихъ книгъ. Очевидно, мы говоримъ здѣсь не объ «искусственномъ приспособленіи» или «сектантской аккомодаціи» библіи, но о догматико-каноническомъ единствѣ и полнотѣ вселенски-церковнаго возвѣщенія христіанскаго откровенія при помощи писанія. Библія сама по себѣ есть безмолвная книга. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ писаній, богодухновенно начертанныхъ разными писателями, въ разное время, по различнымъ поводамъ, съ извѣстною цѣлію, для извѣстнаго мѣста, для извѣстнаго круга читателей. Но она въ то же время составляетъ и цѣлостный догматико-канонической организмъ, всеобщій, приспособленный и приспособляемый церковію для всѣхъ мѣстъ и временъ. И это чрезъ единое преданіе всецерковное, всегда ее дополняющее и разъясняющее. Даже «миѳологическая школа» и та не можетъ отрицать здѣсь этого столь явнаго и столь необходимаго «культурно-историческаго значенія» преданія при писаніи и для писанія [29]); но только она смотритъ на первоначальное преданіе, какъ на какое то «темное основаніе» (als den dunkeln Grund), на которомъ дескать съ теченіемъ времени построилось «массивное зданіе» церкви, затмившее библейскую истину. Но это уже есть на-половину признаніе попираемой протестантами истины всецерковнаго преданія.

Но, отвергая дополнительный авторитетъ преданія по отношенію къ писанію, протестанты противорѣчатъ сами себѣ. Съ одной стороны они считаютъ библію *абсолютно*-самодовлѣющимъ догматико-каноническимъ источникомъ и нормой, а съ другой стороны—для объясненія ея содержанія и смысла обращаются къ «историко-археологическимъ и бытовымъ условіямъ» ея *происхожденія*. Подробное ученіе о значеніи этихъ условій для полнаго уразумѣнія библіи обыкновенно составляетъ главнѣйшій матеріалъ протестантскихъ исагогикъ и экзегетикъ различныхъ богословско-философскихъ направленій. Но это уже логическое противорѣчіе. Одно изъ двухъ: или библія *и нынѣ*, какъ и во время написанія отдѣльныхъ книгъ ея, должна служить для насъ *единственнымъ* источникомъ откровенія,— но тогда абсолютно не нужны никакія «постороннія изслѣдованія»,

---

[29]) *Baur*, Hebr. Myth. d. A. u. N. T., I, s. 7 ff.

касающіяся ея текста и смысла (она сама по себѣ ясна); или же если ужъ нужно допустить необходимость научныхъ изысканій библіи, тогда должно сознаться, что библія не можетъ *сама себя* изъяснять подробно и обстоятельно,—но въ такомъ случаѣ нужно допустить догматико-историческую *недостаточность* одного писанія для полнаго познанія откровеннаго ученія; тогда ясной становится *необходимость* преданія для того, чтобы библія была для насъ и нынѣ самымъ близкимъ и самымъ могущественнымъ словомъ откровенной истины, иначе сказать необходимость преданія, дополняющаго, раскрывающаго и приближающаго писаніе къ нашей православно-христіанской мысли и жизни, къ нашимъ насущно-религіознымъ потребностямъ.

Повидимому, отношеніе вѣрующихъ къ письменному наставленію, т. е. къ наученію въ вѣрѣ при помощи книгъ писанія, представляется болѣе свободнымъ и независимымъ, чѣмъ отношеніе ихъ къ живымъ лицамъ, провозвѣстникамъ откровенія, къ устному преданію, къ учительному авторитету церкви. Но это только повидимому, а на самомъ дѣлѣ это положеніе, усиленно защищаемое протестантами, нельзя утверждать абсолютно, безъ дальнѣйшихъ основаній. «Буква писанія» сама по себѣ не растворенная въ единомъ духѣ вѣры всецерковной, какъ, напр., въ протестантствѣ, можетъ болѣе отягчать религіозное сознаніе и порабощать вѣру, чѣмъ живая моральная личность или физическая сила. Въ слѣпомъ, сектантскомъ, вообще не-церковномъ почитаніи библіи, въ такъ называемой «*библіолятріи*», заключается большая опасность духовнаго рабства, опасность вмѣстѣ съ буквой писанія (особенно при строгомъ различеніи и раздѣленіи духа отъ буквы) потерять и самый *духъ христіанской вѣры*, т. е. совокупное и преемственное преданіе откровенія Христова и жизни Христовой. Протестантство само на себѣ испытало всѣ эти гибельныя послѣдствія, происходящія отъ сектантскаго отдѣленія писанія отъ церковно-догматическаго преданія [30]).

[30]) Въ XVI и XVII вѣкахъ въ протестантской схоластикѣ существовало большое давленіе въ сторону «библейскаго духа», въ сторону библейскаго преданія, и отсюда появилось всепоглощающее религіозное «служеніе буквѣ писанія», безъ преданія. И въ результатѣ появилось на *протестантской почвѣ*, по мѣткому выраженію протестантскихъ же богослововъ, «*бумажное папство*», «скрытый папизмъ». Также и въ XVIII в. христианство неуловимо затерялось въ антицерковномъ и антибиблейскомъ

Гдѣ одна «мертвая бубква». писанія должна истолковывать самое себя, тамъ она должна болѣе вязать, чѣмъ рѣшать. Во истину сказано, что «буква убиваетъ, а духъ животворитъ», а этотъ всеоживляющій духъ царствуетъ только тамъ, гдѣ слово писанія подвергается общеобязательному и непогрѣшимому истолкованію церкви Христовой, всецерковнаго преданія, духоноснаго учительства. Во всякомъ случаѣ, преданіе (вообще говоря) болѣе соотвѣтствуетъ понятію истинно-христіанской свободы, чѣмъ «протестантская библіолятрія», подавляющая своихъ исповѣдниковъ рабскимъ страхомъ.

Когда у насъ идетъ въ разсматриваемомъ пунктѣ рѣчь *объ устномъ преданіи* въ отличіи отъ письменнаго сообщенія богооткровеннаго слова, то мы нисколько не говоримъ, будто изъ числа гносеологическихъ и методологическихъ средствъ, которыми пользовалась всегда церковь для распростаненія и утвержденія христіанскаго ученія, исключается записанное слово. Также нѣтъ у насъ помину о томъ, будто само писаніе скорѣе есть «неумѣстное прибавленіе», или «вводный эпизодъ», чѣмъ необходимый источникъ doctrinae. Нѣтъ у насъ и той мысли, будто преданіе есть исключительная норма и правило вѣры. Напротивъ того,—техническое выраженіе: «*устный*» (κατηχητικός, оглашеніе) употребляется нами въ отношеніи къ преданію въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно говорится у насъ и объ *устномъ учительствѣ православной церкви*. Все равно, православно-церковное учительство не перестаетъ совершаться при помощи устнаго слова и живаго дѣла и въ томъ случаѣ, когда священно-служители, церковно-іерархическіе органы и посред-

---

рационализмъ И въ этомъ раціонализмѣ свободное «учительство лютеранской церкви» (*A. Menzel*, Deutsch. Geschiht. I, s. 469), оказалось гораздо деспотичнѣе, чѣмъ «учительство римское». Оно не давало никакой возможности возвыситься до идеи свободной богословской разработки христіанскихъ догматовъ въ духѣ общецерковной древности и истины вѣры. Даже въ средніе вѣка не рѣдко было больше научной свободы въ историко-догматическомъ пониманіи христіанства. Все здѣсь, въ «новой церкви», было мучительно связано «безжизненнымъ буквализмомъ» И это оттого, что здѣсь не было церковнаго духа вѣры христіанской, былъ угашенъ каѳолическій свѣтильникъ богопреданнаго ученія. Противъ этой «буквалистической ортодоксіи» (Buchstabenorthodoxie) выступили со всею силою фанатическихъ противниковъ *мистическія партіи*, но и онѣ нисколько не могли поправить тутъ «дѣла вѣры», ибо и у нихъ не было въ рукахъ свѣтильника церковно-православнаго преданія. Впрочемъ, все это было и вполнѣ естественно.

ники его, берутъ въ свои руки писаніе и ссылаются на него въ подтвержденіе истины вѣроученія, т. е. когда они распространяютъ церковныя вѣрованія и установленія посредствомъ записаннаго слова (символъ вѣры, соборныя вѣроизложенія, окружныя епископскія посланія, каноническія святоотеческія правила и проч.) Равнымъ образомъ и преданіе не перестаетъ быть изначально-устнымъ словомъ, нисколько не умаляется въ своемъ гносеологическомъ составѣ и внутреннемъ достоинствѣ, хотя бы его *содержаніе* было записано въ книги вполнѣ или только отчасти. Значитъ, *устный характеръ* преданія основывается только на увѣренности въ томъ, что его богодухновенными правозвѣстниками, носителями и свидѣтелями первоначально были *не книги*, а *живыя лица*, т. е. апостолы и евангелисты, а потомъ, во всѣ грядущіе вѣка, св. отцы и учители церкви, «богоглаголивые уста» которыхъ возвѣщаютъ намъ то-же самое ученіе откровенія, какое было получено ими отъ апостоловъ для передачи церкви и въ церкви. Христово преданіе, живущее и проповѣдуемое въ церкви пастырями и учителями, только мало-по-малу записывается, чему въ библіи положено какъ бы нѣкое идеально-совершенное начало, первообразъ. Православно-вселенская церковь, какъ благодатная таинница истины Христовой, вдохновляемая и руководимая Духомъ Святымъ, всегда создаетъ силою Божіею особую письменность, цѣлый и цѣлостный рядъ словесныхъ памятниковъ непогрѣшимаго преданія, коренящагося въ ея религіозно-православномъ самосознаніи. Такимъ образомъ, въ церкви и церковію всегда записывается только нѣкоторая часть изъ того, что составляетъ религіозную сущность ея бытія и жизни, что содержится въ религіозномъ сознаніи и жизни всѣхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ. Очевидно, что *не все* богооткровенное *ученіе*, *не вся* религіозная *жизнь*, не весь, такъ сказать, догматико-каноническій «матеріалъ вѣры» (Glaubenstoff), находящійся и живущій въ церкви, вполнѣ и всецѣло выражается и запечатлѣвается въ письменныхъ твореніяхъ и словесныхъ памятникахъ церковныхъ. Да и какъ возможно вполнѣ и подробно, всеисчерпающимъ образомъ, записать въ книги «чернилами и тростію», перенести на «скрижали каменныя» все то, что таится и коренится въ «плотянныхъ скрижаляхъ сердца» церкви, т. е. всю религіозную жизнь, все міросозерцаніе, «все мышленіе и чувство-

ваніе» (Denk und Sinnesweise) такого вселенскаго религіозно-нравственнаго союза истинныхъ христіанъ, какова наша православная церковь, этотъ всемірный столпъ и утвержденіе истины Христовой [31])?

Итакъ преданіе постоянно служитъ въ церкви живымъ, никогда непрерываемымъ догматико-каноническимъ источникомъ и формальнымъ принципомъ христіанской истины, вѣры, мысли и жизни. Вся внутренняя и внѣшняя жизнь и бытіе церкви есть не что иное, какъ необходимое продолженіе, явное раскрытіе и повсюдное распространеніе истиннаго преданія. И чрезъ это писаніе нисколько не умаляется въ своемъ догматико-каноническомъ авторитетѣ и значеніи, не «исчезаетъ въ массѣ богословскаго матеріала, принадлежащаго формально-церковному преданію», какъ, напр., въ хаотическомъ католическомъ богословіи. Съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго православнаго ученія о преданіи само писаніе есть только равноправный членъ одноименнаго, *словеснаго* раскрытія и утвержденія откровенія Божія въ церкви. Преданіе не какой-либо подчиненный или соподчиненный источникъ откровенія и вѣры, откуда церковь за «недостаточностію писанія» могла бы почерпать свое вѣроученіе и правила жизни, равно какъ и наоборотъ, но первоначальный догматико-канонической источникъ, происходящій изъ устъ Христа и апостоловъ и вѣчно живущій и постепенно раскрывающійся въ церкви, въ ея жизни и твореніяхъ. Поэтому и писаніе присоединяется къ преданію, какъ позднѣйшій источникъ и норма, но не какъ иной источникъ и норма, а какъ тотъ же самый въ глубинѣ богооткровеннаго существа и въ церковно-историческихъ основахъ. Здѣсь полное и всецѣлое взаимодѣйствіе и органическая связь.

Таково общее понятіе попятіе о преданіи, какъ устномъ, т. е. не книжномъ способѣ распространенія утвержденія и сохраненія христіанскаго откровенія и вѣры въ церкви православной.

---

[31]) Ср. *Tanner*, Kath. Traditionprinc. § 3, s. 17, *Dollinger*, Chr. u. Karch. s. 161.

2. Священное преданіе, какъ формально-объективный источникъ христіанскаго откровенія и вѣры.

«Изъ соблюденныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторые мы имѣемъ отъ письменнаго наставленія, а нѣкоторыя отъ апостольскаго преданія, по преемству въ тайнѣ. Тѣ и другія имѣютъ одну и ту же силу для благочестія».

Слова св. *Василія Великаго.*

Какъ показано выше, подъ преданіемъ въ формально-объективномъ смыслѣ подразумѣвается всякое, *не чрезъ писаніе* происходящее распространеніе и утвержденіе божественнаго слова въ церкви православной. Къ этой сторонѣ въ православно-богословскомъ понятіи о преданіи въ неразрывной связи должно присоединить еще мысль о томъ, что преданіе означаетъ собою и всѣ историческіе источники христіанскаго вѣроученія и жизни кромѣ библейскихъ книгъ или на ряду съ ними. Такимъ образомъ, преданіе въ этомъ значеніи (въ отличіи отъ писанія, а не въ противоположность ему, какъ, напр., у католиковъ и протестантовъ) есть не что иное, какъ органическая совокупность(догматико-каноническое единство) всѣхъ историческихъ источниковъ и нормъ, изъ которыхъ и при помощи которыхъ въ совершенствѣ постигается христіанское откровеніе въ ученіи и жизни, помимо писанія, за исключеніемъ библіи. Ясно, что преданіе и писаніе, съ этой стороны заключаютъ въ себѣ всѣ историческія пути и гносеологическіе средства, при помощи которыхъ всецѣло познается и удостовѣряется сущность христіанской религіи въ ея историческомъ бытіи и явленіи и въ ея идеальной истинѣ, т. е. абсолютной религіозной правдѣ.

Итакъ, когда писаніе и преданіе въ разсматриваемомъ отношеніи и значеніи отличаются другъ отъ друга, то этимъ еще не сказано, что преданіе, какъ источникъ христіанской истины, вовсе не записано и не могло быть записаннымъ также, какъ писаніе, а только то утверждается. что оно не было записано непосредственными провозвѣстниками и свидѣтелями-очевидцами его, т. е. апостолами и евангелистами [32]). Само собою разумѣется, устный характеръ пре-

---

[32]) *Ст. Яворскій,* стр. 14; *Терновскій,* стр. 29, изъ иносл. срав. *Беллярминъ,* De V. D IV, 2; *Молиторъ,* op. cit I, s. 299.

данія позднѣе, т. е. въ послѣ-апостольскій періодъ бытія и жизни церкви, долженъ былъ превратиться въ незаписанное только сначала, а именно не заключенное въ священный канонъ *новозавѣтныхъ* книгъ. Многое изъ первопачально-устнаго преданія постепенно записывалось св. отцами и учителями церкви, переходило въ писаніе, въ книжное слово всецерковнаго вѣроученія, но чрезъ это, очевидно, оно не переставало быть преданіемъ, т. е. особымъ богооткровеннымъ источникомъ и догматико-гносеологическимъ руководительнымъ началомъ. Не сказано также и того, будто *содержаніе* (ученіе) писанія первоначально не было преданіемъ. Писаніе—отъ преданія. Чтобы писать о чемъ либо, нужно, чтобы это уже существовало и жило въ церкви. Это неоспоримое положеніе. А только то утверждается здѣсь, что новозавѣтная библія была записана первыми и непосредственными свидѣтелями, носителями и охранителями преданія. Съ этой стороны совокупность источниковъ откровенной истины состоитъ въ догматико-каноническомъ ученіи, которое можно назвать по его первоначальному виду, по изустному способу историческаго сообщенія и распространенія,—*преданіемъ*, а по его послѣдующему т. е. книжно-словесному способу передачи и охраны—*писаніемъ*. Здѣсь преданіе и писаніе въ общецерковномъ употребленіи стоятъ въ одномъ ряду и въ одномъ достоинствѣ, при общей мысли о томъ, что тѣ части божественнаго преданія (въ ученіи и жизни), которыя были записаны раньше (искони) другихъ учениками Христовыми отличаются отъ прочихъ частей, какъ писаніе κατ'ἐξοχήν, какъ *священное* писаніе [33]). Всѣ первенствующіе христіане, равно какъ и христіане всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ, читали и изъясняли писаніе, какъ источникъ откровенія и вѣры, существенно и неизмѣнно принадлежащій къ общецерковному преданію, какъ первую записанную органическую часть его [34]). Какъ во времена апостоловъ устно, живымъ словомъ и примѣровъ преданное церкви ученіе переходило и перешло сначала въ письменные источники и памятники откровенія и вѣры, такъ эта самая передача всегда происходила и происходитъ въ непогрѣшимой церкви и чрезъ церковь, повсюду созидающую царствіе Божіе въ силѣ.

---

[33]) Ср. *Holzmann*, op cit., § 36, s. 277

[34]) *Döllinger*, Chr. u. Kirch., s 161.

Но когда мы, по руководству православно-церковнаго ученія, утверждаемъ, что писаніе было записано самими апостолами, какъ свидѣтелями очевидцами, а преданіе при посредствѣ позднѣйшихъ достовѣрныхъ и истинныхъ всецерковныхъ свидѣтелей, каковы, напр., св. отцы и учители, вселенскіе соборы, то мы полагаемъ здѣсь не одно только временное различіе и преимущество между писаніемъ и преданіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ писанію придаемъ и другое величайшее преимущество Писаніе во всей своей цѣлости и частяхъ со стороны формальной (языка, словооборотовъ) *абсолютно* совершенно и неизмѣняемо, и въ этомъ отношеніи считается первымъ и важнѣйшимъ источникомъ христіанской истины [35]). Съ православной точки зрѣнія было бы несправедливо смѣшивать до безразличія записанное *самими* апостолами слово Божіе и устное преданіе, записанное *другими лицами*, хотя бы то и св. отцами. Иначе здѣсь окончательно уничтожалось бы существенное отличіе между божественнымъ и человѣческимъ элементами въ понятіи записаннаго преданія и основоположительная апостольская эпоха потеряла бы для насъ свое первообразное, догматико-каноническое, идеально-нормативное значеніе и авторитетъ. Такъ именно дѣло письменной передачи обстоитъ въ антицерковномъ сектантствѣ. Въ протестантствѣ, напр., Лютеръ считаетъ достойными названія канона Меланхтоновы Loci theologici, а самаго Лютера считаютъ тамъ непогрѣшимымъ реформаторомъ и его творенія нормативнымъ авторитетомъ. Въ католичествѣ смѣшеніе человѣческаго и божественнаго доходитъ до апогея въ обоготвореніи папства и его догматико-каноническаго учительнаго авторитета. Въ противоположность этому сектантскому извращенію границъ божественнаго откровенія мы придаемъ *апостолами написаннымъ* книгамъ, называемымъ писаніемъ, значеніе *перваго книжно-историческаго* источника христіанской истины не только по времени, но также по его догматико-канонической важности и письменной достовѣрности.

Для ясности мысли приведемъ здѣсь примѣръ. Происходящіе отъ настоящихъ учениковъ Сократа, Платона и Ксенофонта, исторически-достовѣрныя литературно-философскія извѣстія о Сократѣ

---

35) *Антоній*, Догм. стр. 8, § 14.

называются «писаніемъ» въ отличіе отъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ о немъ, также достовѣрныхъ и истинныхъ, называемыхъ обыкновенно «преданіемъ». Хотя первые *достовѣрнѣе* вторыхъ въ смыслѣ формально-литературномъ, но и эти послѣднія повѣствованія *не менѣе* драгоцѣнны въ смыслѣ культурно-историческомъ и идейномъ и при извѣстныхъ условіяхъ также достовѣрны и убѣдительны, какъ первыя.

Итакъ, въ существѣ дѣла писаніе также принадлежитъ преданію, какъ и позднѣйшее истинно-церковное преданіе можетъ быть названо писаніемъ. Во всякомъ случаѣ справедливо замѣтить, что формальное различіе между verbum Dei ἄγγραφον и ἔγγραφον не касается догматическаго тождества и каноническаго авторитета, и цѣлостное единство религіознаго міросозерцанія и вѣры православной церкви чрезъ это нисколько не страдаетъ, но пребываетъ нерушимымъ и неизмѣннымъ, недѣлимымъ и вѣчнымъ.

Когда мы говоримъ здѣсь *объ историческихъ источникахъ*, изъ которыхъ почерпается и чрезъ которые постоянно сохраняется христіанское откровеніе въ его истинѣ и жизни, то слѣдуетъ замѣтить, что мы строго отличаемъ ихъ отъ собственно *религіозной опытности* или *самоиспытанія* въ дѣлѣ церковной вѣры, которое всякій истинный христіанинъ получаетъ въ своей душѣ (въ своемъ сердцѣ) о божественной истинѣ въ теченіе своей жизни. Здѣсь мы подразумѣваемъ не эти *чисто-субъективные* источники христіанской *религіозности* [36]), но *объективно-историческіе* источники и нормы христіанской истины.

Точно также надобно съ православной точки зрѣнія сохранять богословское различіе между источникомъ христіанской *истины* и источникомъ христіанской *вѣры* [37]). Это различіе особенно необходимо удержать въ виду протестантскихъ сектъ, сводящихъ все въ христіанской *религіи* къ одному *письменному* источнику и совершенно отвергающихъ *вѣру церковную*.

---

[36]) Шлейермахеръ, когда говоритъ объ источникахъ христіанскаго откровенія, то всегда подразумѣваетъ именно эту *религіозную настроенность*. Въ этомъ главнѣйшая ошибка его гносеологіи

[37]) Это различіе прекрасно сохраняется въ «Камнѣ вѣры» *Ст. Яворскаго* въ ученіи о преданіи

Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ иное значеніе имѣетъ этотъ вопросъ: «*какъ* сообщается христіанская *церковно-религіозная вѣра*»? чѣмъ слѣдующій. «*гдѣ* и *какъ* мы находимъ и должны находить *откровенную истину*, какъ таковую, и свидѣтельствовать о ней, доказывать ее»? Религіозно-христіанская вѣра имѣетъ первоначальный, равно какъ и всегдашній, источникъ своего происхожденія въ *непосредственной увѣренности* (ἔλεγχος, Евр. 11, 1) *церкви* въ невидимыхъ (духовно-созерцаемыхъ) истинахъ откровенія, составляющихъ божественное содержаніе христіанской религіи. Отсюда религіозная вѣра какъ для всей церкви вообще, такъ и для отдѣльныхъ лицъ, какъ живыхъ членовъ ея, въ разсматриваемомъ отношеніи, происходитъ ни отъ писанія, ни отъ преданія, взятыхъ самихъ по себѣ, въ отдѣльности другъ отъ дрга, какъ бы случайно (per accidens), но отъ живаго поученія и наученія церкви Христовой и созидающей человѣческое спасеніе благодати Духа Святаго, дѣйствующей въ церкви и чрезъ церковь, въ церковной іерархіи, молитвахъ, таинствахъ, ученіи, жизни. Рожденный въ нѣдрахъ церкви Христовой и воспитанный ея вѣрою и для жизни ея, истинный христіанинъ ищетъ и находитъ уже принятую «слухомъ вѣры» и усвоенную самою жизнію по—Евангельски божественную истину въ церковныхъ источникахъ библейскихъ и устно-переданныхъ [38]). Въ этомъ именно смыслѣ Тертулліанъ называетъ писаніе instrumenta divina doctrinae [39]), а св. Викентій говоритъ, что каждый христіанинъ долженъ «ограждать свою вѣру» ученіемъ писанія и авторитетомъ преданія церковно-каѳолическаго [40]), Эта же мысль опредѣленно высказывается и въ православно-символическомъ взглядѣ, по которому каждый человѣкъ, живущій и поучающійся въ церкви, «*можетъ изучать догматы* христіанской вѣры отъ вселенской церкви» и «*только подтверждать* ихъ опредѣленными мѣстами изъ библіи»[41]). Итакъ, «сама церковь не изъ писанія выводитъ свои догматы», но почерпаетъ ихъ изъ своего собственнаго религіознаго самосознанія и

---

[38]) Ср. изъ иносл. *Kuhn*, Tub. Quart. 1859, s. 27—28.

[39]) Ph. haer c. 37—38.

[40]) Com. c. 2

[41]) См. «Посланіе Патріарховъ восточно-каѳолической церкви о православной вѣрѣ».

жизни. Поэтому, когда она ссылается на писаніе, то это не для логическаго вывода или діалектическаго доказательства своей вѣры, не для «систематическаго развитія» ученія Христова, но для полнаго свидѣтельствованія, сохраняемой ею божественной истины. Здѣсь то лежитъ глубочайшее основаніе постояннаго и неизмѣннаго согласія церковно-религіозной вѣры съ ученемъ Христа и апостоловъ. Евангеліе, преданіе и церковь это одно недѣлимое органическое цѣлое.

Изъ сказаннаго ясно, что для истиннаго познанія откровеннаго ученія изъ писанія и преданія необходима одна церковно-религіозная *вѣра*. И, наоборотъ, невѣрующій и безблагодатный человѣкъ (атеистъ или религіозный нигилистъ) не найдетъ ни въ писаніи, ни въ преданіи христіанской истины (для слѣпаго нѣтъ свѣта солнечнаго, для глухаго не существуетъ яснаго, т. е. членораздѣльнаго звука); но если бы онъ захотѣлъ въ нихъ найти ее, то долженъ былъ бы уже владѣть церковно-религіозною вѣрою въ христіанскую истину и благодать. Итакъ, въ формально-объективномъ значеніи преданіе и писаніе суть не столько источники церковно-религіозной *вѣры*, сколько источники откровенной *истины*. Между ними, какъ объективно-историческими источниками христіанскаго откровенія (религіи) и вѣрою христіанской личности занимаетъ какъ бы срединное мѣсто единая, святая, соборная и апостольская *церковь*,—впрочемъ, не какъ третій и самостоятельный или новый источникъ откровенія Божія, а какъ духоносная *матерь* и живая непогрѣшительная наставница, сохраняющая въ нѣдрахъ своихъ «*глаголы живота вѣчнаго*» (Іоан. 6, 68). Здѣсь можно еще разъ повторить, что каждый человѣкъ прежде всего становится живымъ членомъ церкви православной, *правовѣрующей*, чтобы чрезъ нее быть истиннымъ, вселенски-православнымъ христіаниномъ. Одна церковь даетъ и созидаетъ живую и истинно-спасительную вѣру въ «*откровеніе Іисуса Христа*» (Гал. 2, 12), и приводитъ всякаго человѣка, грядущаго въ жизнь вѣчную, къ живоноснымъ источникамъ божественнаго ученія и истинному пониманію догматико-каноническихъ и историческихъ основъ ихъ чистоты, высоты и могущественнаго дѣйствія на сердца человѣческія [42]). Протестанты отвергаютъ *религіозный авторитетъ* церкви

[42]) *Сильвестръ*, т. 1, стр. 42 и слѣд.; *Филаретъ*, Догм., ч. 1, § 8; *Антоній* § 16, *Макарій*, Введеніе, §§ 135—148 (о правосл церкви, какъ хранительницѣ св. писанія

Христовой, какъ духовной посредницы между источниками христіанской истины и «вѣрующимъ субъектомъ». Отсюда-то они принуждены смотрѣть на писаніе и какъ на единственный источникъ откровенной истины, и какъ на исключительный источникъ догматической (религіозной) вѣры, и вмѣсто того, чтобы утверждать вѣру въ ея историческомъ происхожденіи и догматическомъ раскрытіи на основаніи учительнаго авторитета церкви, какъ божественной носительницы и непогрѣшимой истолковательницы истиннаго откровенія, должны были самую церковь, т. е. христіанскую религію (откровеніе) діалектически выводить изъ вѣры, произвольно найденной въ писаніи. Для протестантовъ не существуетъ *никакого различенія* между источниками вѣры и источниками истины. А такъ какъ у нихъ вѣра имѣетъ субъективное значеніе, то и откровенная истина у нихъ колеблется и, прямо-таки, по сектантски разрушается.

Въ разсматриваемомъ пунктѣ римско-католическое ученіе стоитъ въ нѣкоторомъ общемъ согласіи съ православною церковію. И по нему строго различаются два источника христіанской вѣры и истины. Одни ученія находятся въ писаніи, другія же устно были преданы апостолами церкви и потомъ изъяснены въ ея догматахъ и обычаяхъ. На этихъ обоихъ источникахъ покоится вся христіанская вѣра въ объективномъ смыслѣ, т. е. христіанская истина. Но огромная разница заключается здѣсь въ томъ, что римская церковь подъ преданіемъ подразумѣваетъ не только божественное откровеніе и общехристіанскую вѣру въ него, но и папскія, т. е. чисточеловѣческія измышленія, нерѣдко превращающія истину вѣры въ сектантское заблужденіе и суевѣріе. Здѣсь церковь понимается, какъ внѣшній авторитетъ по отношенію къ слову Божію, съ неограниченною властію поставляющій себя выше источниковъ христіанскаго откровенія и вѣры и, поэтому, прелагающій ихъ во «*благовѣствованіе ино*» (Гал. 1, 8). Но церковь не какой либо «внѣшній авторитетъ», стихійно подавляющій все въ ученіи и жизни христіанской, но истинно-благодатная носительница божественной жизни и ученія Христова, или, лучше сказать, это сама истина и жизнь

и преданія). О связи религіи съ церковію у проф. *Е. Аквилонова*, «Церковь» и проч., стр. 11—28 и др.; изъ иносл. *Klun*, Dogm. 1, s. 42.

Духа Божія и всеосвящающій силы Его [43]). Въ церкви объединяются всѣ истинно-вѣрующіе въ цѣлости духовной связи, въ единствѣ и тождествѣ самобытнаго христіанскаго міросозерцанія и жизни религіозной. Отсюда и истинное познаніе божественнаго откровенія въ церкви, по самому существу своему, не зависитъ ни отъ численности и авторитета христіанъ, ни отъ количества книгъ библейскихъ, находящихся въ домахъ и рукахъ ихъ, но единственно—отъ божественной истины и благодати Христовой, хранящихся въ церкви вселенской. Церковь—единая и истинная носительница свѣта и жизни Господней. Поэтому, и Христова истина запечатлѣвается въ церковныхъ источникахъ, въ писаніи и въ преданіи, въ ихъ всецѣломъ взаимодѣйствіи. Гдѣ эта органическая связь преданія и писанія нарушается, тамъ водворяется сектантскій произволъ въ пониманіи матеріальныхъ и формальныхъ основъ и критеріевъ догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго вѣроученія. Только въ живомъ догматико-каноническомъ единствѣ преданія и писанія заключается полнота и совершенство христіанскаго знанія о вѣрѣ и утверждается во всей силѣ и неприкосновенности учительный авторитетъ церкви.

Въ виду всего сказаннаго нами о значеніи преданія, какъ источника христіанской истины, безусловно необходимо соблюдать слѣдующее основоположительное требованіе православно-богословской науки: съ одной стороны нерушимо сохранять идею гносеологическаго догматико-канопическаго единства писанія и преданія, а съ другой стороны — не опускать изъ вниманія ихъ формальнаго различія и особыхъ условій историческаго существованія и жизни того или другаго въ церкви. Поэтому, должно не раздѣлять преданіе отъ писанія или чрезмѣрно разграничивать (противополагать подъ формулою sine scriptura, какъ у римскихъ католиковъ) и въ то же время не сливать до безразличія (подъ формулами sub, in et cum scriptura, какъ у протестантовъ). Необходимо мыслить ихъ такъ, чтобы они представляли собою догматико-каноническое *единство* въ историческомъ *двойствѣ* и двойство въ единствѣ, т. е. разсматривать ихъ, какъ два равноправныхъ и равночестныхъ источника или какъ двѣ органическія

---

[43]) Св *Игнатій Бог.*, Посл. въ Смирн. гл. VIII; св. *Ириней*, кн III. гл. 24, 1.

части (члена) единаго церковно-религіознаго самосознанія и жизни. При несоблюденіи этого условія могутъ бы слѣдующія опасности для христіанской гносеологіи и методологіи. Съ одной стороны можно совершенно отдѣлить преданіе отъ писанія, мыслить его совершенно самостоятельно и раздѣльно существующимъ и, такимъ образомъ, на основаніи его одного создавать или выводить новые догматы. Это мы видимъ въ римско-католическомъ богословіи. Съ другой стороны можно совершенно слить писаніе и преданіе и, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ совершенно безразличными и нераздѣльными для того, чтобы устранить необходимость одного изъ нихъ. Такъ поступаютъ протестанты, сначала признающіе, что въ повозавѣтныхъ книгахъ *не все*, о чемъ учили Христосъ и апостолы, записано полностію и explicite, а потомъ отвергающіе дополнительное и руководственное значеніе догматическаго преданія при писаніи и вмѣстѣ съ нимъ.

Раскрываемое здѣсь понятіе о преданіи вытекаетъ изъ *объективнаго содержанія* христіанскаго откровенія и изъ *общаго отношенія къ нему церкви*, а равно и *изъ цѣли библейскихъ книгъ*, взятыхъ въ совокупности и въ отдѣльности.

Всѣ библейскія книги далеко не полный источникъ откровеннаго ученія, далеко не со всѣхъ сторонъ обнимаютъ и воплощаютъ въ себѣ жизнь церковно-религіозную [44]). Ни одна библейская книга не говоритъ о себѣ, что въ ней заключается во всей полнотѣ и совершенствѣ ученіе Христово, жизнь Его. Евангелія даже говорятъ прямо противоположное этому. Апостольскія дѣянія и посланія, исторически произшедшія по различнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто въ жизни первоначальной церкви, также о многомъ молчатъ касательно откровенія и вѣры, о многомъ говорятъ *вмалѣ* и какъ бы мимоходомъ и, поэтому, само собою предполагаютъ бытіе дополняющаго и изъясняющаго ихъ преданія церковнаго. Этого не могутъ отрицать и протестанты, хотя они съ своей сектантской точки зрѣнія (въ явное противорѣчіе исторической истинѣ) писаніе считаютъ не количественно, а качественно полнымъ выраженіемъ и свидѣтельствомъ откровенія Божія и апостольскаго

44) Іоан 20, 30; 21, 25; 16, 12; 1 Кор 3, 2; 11, 2, 16, 34; Евр 6, 12—13; 2 Θес. 2, 15; 1 Тим. 6, 20, 2 Тим. 1, 13, 14; 2, 12.

слова. Но если писаніе *не количественно* полное воплощеніе христіанскаго ученія, то оно и *не качественно* полный источникъ, ибо писаніе есть слово Божіе, а оно «не вяжется», не ограничивается, не измѣряется и не измѣнятся, не преходитъ. Количество (объемъ) и качество (содержаніе) писанія недѣлимы, нераздѣльны и не отдѣляемы, по самому существу слова Божія, таящагося въ немъ. Нельзя ихъ по своему преставлять или разграничивать и раздѣлять. Поэтому, если писаніе считается протестантами неполнымъ источникомъ откровенія и вѣры со стороны объема, то они должны допустить бытіе и качественно-дополнительнаго источника, т. е. преданія. Только при мысли о томъ, что преданіе есть человѣческое слово, можно отрицать преданіе при библіи, но это уже еретичество. Церковь всегда видѣла въ преданіи сущее откровеніе Божіе и сущую жизнь Божію. Писаніе, по цѣли происхожденія отдѣльныхъ книгъ и всѣхъ вмѣстѣ, она всегда разсматривала не вопреки преданію, а въ дополненіе и раскрытіе его, равнымъ образомъ и наоборотъ: преданіе всегда считала необходимымъ источникомъ при библіи. Въ отношеніи преданія къ писанію всегда мыслились въ церковномъ вѣросознаніи полное тождество и органическое взаимодѣйствіе. Это два церковно-историческихъ пути, два капала, по которымъ всегда текла истина Господня даже до нашего времени во всей свое непременяемой цѣлости и единствѣ [45]).

Впрочемъ, въ извѣстномъ смыслѣ и съ православной точки зрѣнія можно допустить убѣжденіе, что въ писаніи, даже во всякой части его основоположительныхъ ученій, заключается implicite все христіанское попятіе объ *истинномъ* откровеніи Божіи, все ученіе о спасеніи. Въ писаніи, какъ бы въ нѣкоторомъ зародышѣ или въ завитомъ видѣ, содержатся всѣ истины христіанской вѣры. Такъ, напр., вся система всецерковнаго вѣроученія, какъ бы in nuce заключается въ евангельской формулѣ крещенія (Матѳ. 28, 19). Евангеліе апостоловъ, раскрытое въ писаніяхъ и въ преданіи, есть только церковное распространеніе этой формулы. Равнымъ образомъ,

---

[45]) Св *Игнатій* у Евсевія III, 30, *Папій* у Евсевія III, 39; св. *Иринеи* кн. III, гл. 4; кн. IV, гл. 32, 1; *Климентъ* Str I, с. 2, *Оригенъ* De princ., praef.; Praed. Ev.; *св. Василій В.*, о Св. Духѣ, гл. 27, *бл. Августинъ*, De Bapt. c. Don. II, с. 7, V, с. 23; *св. Викентій*, Com. c. 28

все христіанское ученіе о спасеніи заключается въ апостольскомъ ученіи о распятомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ (1 Кор. 2, 2). Въ этомъ именно смыслѣ надобно понимать и св. отцовъ церкви, когда они говорятъ объ догматико-апологетической достаточности писанія и въ тоже время отвергаютъ ясность его, утверждая такимъ образомъ существенную необходимость преданія для писанія [46]).

Этотъ взглядъ до нѣкоторой степени раздѣляютъ съ нами и католики; признаютъ его и протестанты съ извѣстными ограниченіями и приспособленіями. Но вся опасность католическаго мнѣнія состоитъ въ его пресловутой «теоріи догматическаго развитія церкви», въ силу которой въ римской церкви водворились подъ видомъ «вѣчно развивающагося самосознанія» церкви новые догматы. А вся ошибка протестантовъ въ томъ, что они, признавая «библейскій экзегесисъ», отвергаютъ догматическое преданіе, какъ будто исторически возможна экзегетика, хотя бы то и сектанская, безъ догматики, т. е. безъ особаго преданія.

Такова православно-богословская формулировка понятія о преданіи, какъ особомъ источникѣ христіанскаго откровенія и вѣроученія. Ее можно считать правильною и всестороннею, такъ какъ въ пользу ея, какъ извѣстно, имѣются точныя и достаточно ясныя свидѣтельства библіи и св. отцовъ.

---

3. Источники или памятники священнаго преданія.

«Хранимъ не нововводно всѣ, писаніемъ или безъ писанія установленныя для насъ церковнаго преданія».
Слова *послѣдняго вселенскаго собора.*

И такъ, преданіе въ его отношеніи къ писанію есть частію дополнительный, частію изъяснительный источникъ откровенія и правило вѣры. Теперь спрашивается: съ какихъ именно сторонъ преданіе дополняетъ и разъясняетъ писаніе или, иначе сказать, что это за богопредапные источники и нормы, отчасти дополняющіе библію, отчасти истолковывающіе ее?

---

[46]) Св. *Ириней* кн. II, гл. 28, 2, св. *Викентій* с. 2.

Вопросъ этотъ, какъ видно, весьма важный въ православно-церковномъ ученіи о преданіи. Тѣмъ болѣе необходимо его поставить здѣсь и разрѣшить, что на него обыкновенно ссылаются и протестанты въ укоръ намъ. «Никто,—говорятъ они,—не отвергаетъ божественнаго достоинства истиннаго преданія. Но, каждый безпристрастный изслѣдователь источниковъ христіанскаго откровенія долженъ усумниться въ томъ, что преданіе церковное достовѣрно сообщаетъ людямъ истину Божію. Откровенное ученіе, по необходимости, «съ теченіемъ времени» измѣняется въ преданіи «внѣшними приростами», всяческими случайными придатками и чрезъ то постепенно теряетъ свой «первобытный видъ», свои идеальныя, первообразныя свойства, чистоту и высоту. Здѣсь протестанты отвергаютъ догматико-каноническое единство и абсолютное гносеологическое тождество и неизмѣняемость преданія, особенно въ виду мнимой порчи, будто бы неизбѣжной senescente jam mundi. Да и самая сущность жизненно-историческаго процесса, по ихъ мнѣнію, есть непрерывное движеніе, измѣненіе, уничтоженіе. Все течетъ, все измѣняется, все разрушается и исчезаетъ. Отсюда, и преданію вѣчно-измѣняющемуся, зыбкому, пластичному нельзя вѣрить на-равнѣ съ библіей, на ряду съ вѣчно-пребывающимъ словомъ Божіимъ. Такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, а не въ сектантскомъ навѣтѣ? Имѣютъ ли какое-либо право, по всѣмъ этимъ основаніямъ и умозаключеніямъ, протестанты отвергать *всѣ вообще преданія, все преданіе вообще*; вѣдь *и въ настоящее время* въ православной церкви находятся *истинныя преданія*, идущія непрерывно и неизмѣнно отъ Самого Христа и апостоловъ и *дѣйствительно* сохраняющіяся въ своихъ источникахъ или памятникахъ во всей первоначальной цѣлости и полнотѣ? Нужно только правильно изслѣдовать эти источники и всесторонне уяснить ихъ значеніе. И тогда преданіе не будетъ казаться чѣмъ то совершенно неуловимымъ и неопредѣленнымъ по самой сущности своей. Тогда точно обозначатся границы его божественнаго авторитета и ясно обнаружится несомнѣнная историческая достовѣрность его или подлинность.

Христіанская церковь есть *истинное училище* вѣры и благочестія Она охраняетъ въ лонѣ своемъ истину откровенія Христова. Это откровеніе должно быть объявляемо и объясняемо однороднымъ

органомъ, его получающимъ и сообщающимъ всѣмъ людямъ. Такой органъ и есть преданіе. Господь Іисусъ Христосъ единственно для той цѣли и стяжалъ церковь кровію своею и утвердилъ ее на-вѣки непреложнымъ обѣтованіемъ неоскудѣваемости истиннаго *боговѣдѣнія и богонаученія*, чтобы ученіе вѣры и жизни Его въ совершенной перушимости сохранялось въ ней всегда, во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. И церковь, зная эту возложенную на нее свыше обязанность и задачу, всегда тщательно охраняла, утверждала и раскрывала ввѣренное ей сокровище истиннаго откровенія, ничего не прибавляя, ничего не убавляя. «Не бо новыми откровеніи нынѣ управляется церковь святая, но въ тѣхъ пребываетъ, яже предаша намъ, иже исперва самовидцы и слуги» [47]). И такъ въ учительномъ авторитетѣ церкви сосредотачивается положительное значеніе преданія. Поэтому то всякій истинный христіанинъ долженъ всегда и прежде всего обращаться къ одной церкви, чтобы въ ней найти истину Божію, Христово откровеніе, апостольское слово, святоотеческое наставленіе. *Изъ рукъ* ея мы получаемъ *писаніе*, *изъ устъ* ея мы должны слушать, воспринимать и усвоять *преданіе*, равномѣрно дополняющее и раскрывающее библейское ученіе.

1) Символъ вѣры.

Въ ряду историческихъ источниковъ богопреданнаго ученія первое мѣсто принадлежитъ вселенскому символу вѣры, этому православно-всецерковному исповѣданію вѣры. Символъ вѣры—это въ краткихъ, но точныхъ словахъ изложенное ученіе о томъ, во что долженъ вѣровать всякій православный христіанинъ. Въ символѣ истинная вѣра церкви становится объективною, т. е. на вѣки запечатлѣвается во всецерковномъ словѣ. Итакъ, символъ есть истинное свидѣтельство православно-христіанскаго вѣроученія, составляющаго предметъ церковнаго исповѣданія. Если религіозные символы составляютъ существенную необходимость всякаго религіознаго общества или секты, охваченной какой-либо одною общею идеей, однимъ ученіемъ (ибо идеи, ученіе вообще выражается въ символахъ), то

47) *Ст. Яворскій*, стр. 7—8.

тѣмъ болѣе это должно сказать о христіанской церкви. Церковь есть единое живоносное духовное тѣло Христово, нерушимо сохраняющее догматико-каноническое тождество божественнаго ученія въ непрерывной смѣнѣ вѣковъ. Въ символѣ вѣры она и обладаетъ этимъ нарушимымъ и цѣлостнымъ единствомъ, лежащимъ въ самомъ корнѣ (въ самой догматической основѣ) преданія. Вотъ почему при устраненіи символа непокорные церкви христіане становятся сектантами, еретиками. Вотъ почему символъ *вѣры* никогда не можетъ быть измѣненъ, измѣняемъ или упраздняемъ какимъ либо другимъ ученіемъ, какой либо другой «вѣроисповѣдной формулой». Въ символѣ всегда оживляется и одушевляется единая вѣра, въ немъ раскрывается и имъ утверждается тождество христіанскаго откровенія и всей вообще исторической жизни церкви. Поэтому-то символъ съ глубокой древности называется по преимуществу «правиломъ вѣры» и всегда *читается на литургіи вѣрныхъ*. Поэтому, кто отвергаетъ вѣру и церковь, тотъ отвергаетъ и символъ ея.

Символъ вѣры составляетъ *первую насущную потребность* церкви. Писанія еще не было, а символъ уже существовалъ и жилъ во всецерковномъ самосознаніи, какъ словесное исповѣданіе христіанской вѣры. Если же обыкновенно думаютъ (особенно протестанты), что символъ вѣры произошелъ *исключительно отъ писанія* и что, слѣдов., его должно понимать, какъ «своеобразную формулу библейскаго ученія» или какъ «сокращенное изложеніе экзегетическихъ результатовъ», то это анахронизмъ. Въ этомъ случаѣ символъ вѣры долженъ былъ бы происходить послѣ того, чему онъ самъ служитъ первоначальнымъ основаніемъ, что̀ дано въ церкви послѣ первоначальнаго происхожденія религіозной вѣры, т. е. послѣ провозвѣстія въ церкви устнаго слова Божія и до писанія[48]). Символъ происходитъ одновременно съ Евангельскою проповѣдію и раскрывается на глубочайшей основѣ ея. Библейское слово и ученіе одно, а символъ другое, хотя и не иное слово вѣры церковной[49]). *Слово Божіе* искони въ церкви, оно прежде писанія т. е. книж-

---

[48]) Бл. *Іеронимъ*: «symbolum fidei non scribitur in charta et atramento, sed in tabulis cordis».

[49]) Св. *Кириллъ Іер.* Огл поуч. V, 12, бл. *Августинъ*, De symb sermo ad Catech. c. 1.

ной богодухновенной записи и оно то производитъ церковную вѣру въ писаніе. И эта *вѣра должна быть прежде*, чѣмъ въ религіозномъ сознаніи всѣхъ вѣрующихъ раскроется сложное понятіе о библейскомъ источникѣ и авторитетѣ, во всесовершенной его ясности, во всей глубинѣ его содержанія и объема. Иначе церковная вѣра вообще и въ частности религіозная вѣра въ писаніе не имѣла бы дѣйствительнаго значенія и была бы «просто субъективной мечтой», но это никакъ невозможно для церкви. А вѣра дается первоначально въ преданіи, въ устномъ словѣ Божіемъ и отъ преданія исходитъ. Итакъ, въ догматической основѣ символа вѣры лежитъ устное слово, изъ котораго онъ получаетъ свое содержаніе. Съ этой стороны на символъ можно смотрѣть не только какъ на самый обильный источникъ догматическаго преданія, но и какъ на необходимый моментъ въ происхожденіи вѣры церковной въ писаніе.

Исторически извѣстно много символовъ. Одни изъ нихъ, безъ сомнѣнія, появились съ самыхъ первыхъ временъ христіанства и озарены яркимъ пламенемъ «зари христіанской», другіе произошли съ теченіемъ времени въ тѣхъ апостольскихъ помѣстныхъ церквахъ, гдѣ они сначала появились, глубоко коренясь въ исконной апостольской древности. Таковы всѣ символы, употреблявшіеся въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ въ первые III вѣка (до Никейскаго вселенскаго собора) [50]). Всѣ они совершенно сходны между собою по духу вѣры, по единству вѣроученія, хотя и различаются нерѣдко по буквѣ, по формѣ словеснаго выраженія (различныя редакціи). Въ нихъ всецѣло находятся всѣ основоположительные «члены вѣры» православно-каѳолической, органически вошедшіе потомъ въ составъ Никео-цареградскаго символа. Явный знакъ, что всѣ эти символы вышли изъ таинственныхъ нѣдръ вѣры всецерковной, изъ преданія богооткровеннаго.

α) Важнѣйшимъ изъ до-Никейскихъ символовъ вѣры служитъ *апостольскій символъ* [51]), какъ по его неоспоримой древности, такъ и по его нормативному авторитету. Онъ называетъ «*апостольскимъ*» лишь въ общемъ смыслѣ, по непосредственному происхож-

---

[50]) См. у *Сильвестра*, т. I, § 13.

[51]) *Антоній*, § 16, стр. 12; *Сильвестръ*, етр. 55, прот. *А. Горскій*, стр. 573—76.

денію его *догматическаго* ученія отъ самихъ апостоловъ. По внѣшней формѣ словеснаго выраженія, это церковное слово о вѣрѣ апостольской. Поэтому апостольскій символъ составляетъ церковное распространеніе евангельской формулы крещенія. Его вѣроученіе, если о немъ судить по до-Никейскимъ символамъ, выступаетъ предъ нами, какъ самое общее *положительное* изложеніе основныхъ истинъ христіанскаго откровенія. Поэтому, въ немъ отражаются вся сущность Евангельскаго преданія. Это не «synopsis articulorum biblicorum» [52]), составленный въ церкви въ *противоположность* до-Никейскимъ еретикамъ [53]), не «простая summa библейскихъ истинъ», а *живое слово апостольской «вѣры, однажды преданной святымъ»* (Іуд. 1, 3). Это и не «рефлективное обобщеніе евангельскихъ фактовъ», не какая либо «богословская спекуляція» религіи [54]), а просто *общее церковное исповѣданіе* вѣры первоначальной во Христа и во церковь. Очевидно, что символъ апостольскій возникъ не такъ, какъ обыкновенно возникаютъ религіозно-философскія ученія, т. е. не какъ какое либо формальное предписаніе для извѣстной религіозной партіи и не какъ систематическое противодѣйствіе еретикамъ, а раскрылся естественно, самой собою, изъ нѣдръ откровенія Божія, изъ самаго внутреннѣйшаго зерна догматико-каноническаго преданія. Поэтому онъ служитъ на равнѣ съ писаніемъ «правиломъ вѣры», закономъ и глубочайшимъ основаніемъ православной экзегетики. Съ этой стороны на него можно смотрѣть, какъ на нѣкоторую *краткую надпись*, начертанную на вратахъ церковныхъ и сосредоточивающую въ себѣ всю сущность догматическаго ученія. Потому то вся послѣ—апостольская церковь дорожила имъ и повторяла его при богослуженіяхъ, а въ немъ раскрывала и распространяла живое слово вѣры самихъ апостоловъ. Вся ошибка римско-католическихъ богослововъ въ вопросѣ объ апостольскомъ символѣ состоитъ въ томъ, что они *подлинно-апостольскимъ* словомъ считаютъ свою *римскую редакцію* [55]).

---

[52]) Мнѣніе Каликста.

[53]) *Schenkel* Dogm 1, § 106. s 409.

[54]) *Mohler* Einheit. § 40, s. 150, *Marheineke*, Sysiem. I, s. 9.

[55]) Разборъ католическаго взгляда на апостольскій символъ см у прот. *Горскаго*, тамъ-же

β) *Никео-цареградскій символъ вѣры* есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространеніе и раскрытіе изначальной формы апостольскаго символа. Въ немъ сокращенно, но и точно изложено все догматическое ученіе, засвидѣтельствованное и утвержденное всею церковію на вселенскихъ соборахъ. Этотъ символъ произошелъ въ тотъ періодъ, когда канонъ писанія былъ уже всецѣло округленъ всею церковію и, поэтому, въ немъ церковь раскрыла откровенное ученіе приспособительно и къ писанію. Но при всемъ томъ и здѣсь богопреданная вѣра идетъ не отъ писанія, по крайней мѣрѣ, не отъ писанія единственно и исключительно, а отъ церкви, отъ преданія и, такимъ образомъ, никео-цареградскій символъ служитъ источникомъ ученія, проповѣданнаго апостолами и преданнаго церкви на сохраненіе не письменно только, но и устно. Такой способъ составленія разсматриваемаго символа особенно виденъ изъ того, что онъ былъ провозглашенъ церковію *для утвержденія искони-апостольской вѣры* въ противоположность двумъ антихристіанскимъ ересямъ-аріанству и македоніантству. Какъ истинное выраженіе *всего догматическаго ученія о вѣрѣ*, Никео-цареградскій символъ нынѣ употребляется въ нашей православной церкви безъ всякаго дополненія и измѣненія. Въ этомъ заключается главнѣйшая его православно-гносеологическая важность и догматико-каноническое значеніе. Напрасны, поэтому, мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ въ этомъ узаконеніи символа видѣть извращеніе «Евангелія Христова».

γ) Есть еще символъ *св. Аѳанасія*, соединяющій во единое догматическія вѣроопредѣленія, принятыя и утвержденныя на первыхъ трехъ вселенскихъ соборахъ, какъ бы въ дополненіе къ основнымъ частямъ Никео-цареградскаго символа. Этотъ символъ есть истинно-православное истолкованіе тайны Пресвятой Троицы и тайны воплощенія и искупленія. Онъ обыкновенно помѣщается въ нашей Слѣдованной Псалтыри [56]).

δ) По православно-церковному взгляду, догматическій авторитетъ принадлежитъ еще символу *св. Григорія, Неокесарійскаго чудотворца*, полученному имъ по особому откровенію отъ Бога.

---

[56]) Что этотъ символъ не есть подлинное твореніе св. Аѳанасія Великаго см. у *Филарета*, т. 2, стр. 50.

Должно замѣтить, что первые три символа (разумѣется, въ римской редакціи) приняты и протестантами [57]). Но протестантское признаніе ихъ основывается на существенно-различныхъ точкахъ зрѣнія, чѣмъ наше, православное. Согласіе символовъ *съ однимъ* писаніемъ—вотъ исключительный критерій ихъ высокаго догматическаго авторитета. Заключающееся въ символахъ догматико-историческое ученіе должно считать истиннымъ только потому, что оно согласовано съ библейскимъ ученіемъ, а не потому, что въ него истинно вѣруетъ вселенская церковь. Въ символахъ протестанты видятъ одно *историческое свидѣтельство* о вѣрѣ, что̀ quomodo singulis temporibus возможно достигнуть и съ помощію самаго писанія. Въ сущности ничего больше и не говорится у нихъ по вопросу о значеніи символовъ при писаніи. Для нихъ древне-церковные символы имѣютъ только историческую важность, какъ свидѣтельства о томъ, какъ «первобытная древность» понимала откровенную истину и толковала библію. Помимо этого, они не имѣютъ никакой обязательности и силы. Отсюда и самая историческая важность ихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ они ближе стоятъ къ апостольскому періоду и, наоборотъ, уменьшается сообразно съ отдаленностію отъ него. Вотъ въ какомъ смыслѣ «символическіе памятники» имѣютъ для протестантовъ значеніе источниковъ «догматическаго ученія» и историческаго свидѣтельства о словѣ Божіемъ.

Не таковъ строго-православный взглядъ. «Видимая параллель» православія и протестантства въ вопросѣ о символахъ, конечно, ложная и воображаемая. Очень легко показать, что древне-церковные символы въ системѣ православнаго міросозерцанія имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ протестантствѣ. По православному ученію, символамъ придается не только историческая важность, и это не прежде всего и не главнымъ образомъ, но и всеобщій и необходимый *догматическій авторитетъ*. Символы не историческія только свидѣтельства о первопачальной и непрерывно-существующей въ церкви вѣрѣ христіанской, но догматическая норма. Вотъ со-

---

57) Conf. Aug. I, 3 p 10, For. Conc. p. 571 633; Conf helv. II, p. 179, Gallic, art. V; Belg art VIII, p 129, Cons. Angl. urt 8; Vgl. *Shemnitz*, Ex. praef, *Tuesten*, Dogm. I, s. 289, *Marheineke*, System. II, s 55, *Baur*, Gegens. s. 492; *Bretschn.* Dogm I. § 33, s. 156.

ставъ и формула православно-церковнаго взгляда. Не для историко-критической оцѣнки библейскихъ источниковъ и нормъ символы употребляются въ православной церкви, а для всецерковнаго *утвержденія догматовъ*, такъ какъ въ нихъ нерушимо передается исконно-христіанская истина (божественное ученіе). Само писаніе понимается и изъясняется по символическому ученію, т. е. по символическому догматико-каноническому свидѣтельству. Символы принимаются и понимаются нами съ полнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству откровенной истины, живущей въ церкви и чрезъ церковь, а не потому, что они согласны съ писаніемъ. Полное и совершенное догматико-каноническое согласіе и тождество ихъ съ библіей само собою подразумѣвается. Это православная аксіома, не требующая особыхъ доказательствъ. Въ церкви дѣйствуетъ одинъ и тотъ же *духъ вѣры*, и истина Божія находится и въ писаніи и въ преданіи, и въ библейскомъ ученіи, и въ символическомъ словѣ. Поэтому-то церковь непогрѣшимо излагаетъ въ символахъ истинно-христіанскую вѣру и само писаніе понимаетъ и изъясняетъ въ духѣ и смыслѣ догматико-символическаго преданія.

Таковы существенныя черты различія православно-церковнаго взгляда на значеніе символовъ для вѣры и въ ихъ отношеніи къ писанію отъ «конфессіонально-протестантскаго». У насъ символическое преданіе разсматривается, какъ догматико-каноническое *правило вѣры*, а у протестантовъ это только «историческое извѣстіе» о вѣрѣ. У насъ символъ вѣры необходимъ при догматическомъ изъясненіи писанія, а у нихъ это только «историческій матеріалъ» для критической оцѣнки церковнаго ученія. Если же нѣкоторые изъ протестантскихъ богослововъ древне-церковнымъ символамъ придаютъ еще значеніе какой то самостоятельной догматической нормы [58]), то это, собственно говоря, есть уже нѣкоторое удаленіе отъ строго-протестантской точки зрѣнія, есть нѣкоторая измѣна прямолинейной логикѣ формальнаго принципа протестантства, внутреннее саморазложеніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ «невольное возстановленіе» попраннаго протестантами церковно-догматическаго авторитета символическаго преданія.

---

[58]) Напр., Каликстъ.

Достопримѣчательно, что протестанты на ряду съ древне-церковными символами признаютъ еще свои особыя *символическія книги* (составленныя въ періодъ времени отъ 1530 до 1570 г.), или, какъ они сами называютъ ихъ, «символы второй формаціи» [59]). Вѣроисповѣдныя символическія книги представляютъ для нихъ весьма важное и существенное свидѣтельство догматическаго ученія основателей протестантства (Лютера, Меланхтона, Цвингли и Кальвина). Въ нихъ это ученіе выразилось сильнѣе, рѣшительнѣе, типичнѣе всего. А такъ какъ протестанты на свое символическое consensus смотрятъ, какъ на вѣрное объясненіе «вселенскаго согласія церкви» (вселенскаго преданія), то и свои символическія книги они разсматриваютъ, какъ additamenta къ древне-вселенскимъ символамъ, особенно in locis theologicis, отражающихъ въ себѣ библейское откровеніе.

Но поставлять свои символическія книги въ одну связь со вселенскими символами не значитъ ли это придавать имъ значеніе догматической нормы и тѣмъ самымъ объявлять ихъ въ качествѣ непогрѣшимаго догматико-каноническаго источника христіанскаго вѣроученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ не значитъ ли это отрекаться отъ своей конфессіональной точки зрѣнія на источники и нормы вѣры? Символическія книги, какъ непогрѣшимое и обязательное правило протестантской вѣры, дѣйствующее съ догматическою твердостію и постоянствомъ, это есть уже шагъ къ принципу преданія, стоящему рядомъ съ писаніемъ, это уже «самообманчивое признаніе» догматическаго авторитета, во свѣтѣ котораго должна быть изъяснена самая библія. Въ символическихъ формулахъ богословская работа готова навсегда. Ни одного догматическаго понятія не можетъ быть отбавлено изъ сказаннаго здѣсь. Съ символическими формулами непозволительна никакая легкая игра. Здѣсь такимъ образомъ nolens-volens совершается переходъ отъ экзегетическаго и историческаго преданія къ строго-догматическому, отъ формальнаго принципа къ матеріальному понятію церковнаго преданія.

Въ построеніи протестантскихъ символовъ заключается самое ясное доказательство того, что одно писаніе безъ преданія, какъ

[59]) Въ этомъ терминѣ выражается мысль, что протестантство есть повтореніе первыхъ вѣковъ христіанства

источника и нормы вѣры, не можетъ быть формальнымъ принципомъ. Съ точки зрѣнія протестантскихъ символовъ почти совершенно исчезаютъ всѣ, такъ называемыя, affectiones scripturae, какъ то inspiratio, sufficientia, perspicuitas, efficacitas. Многіе протестентскіе богословы даже соглашаются въ той мысли, что на основѣ *одного* писанія никакъ нельзя прійти къ одному, всеобщему соглашенію относительно принятія какого либо «религіознаго догмата въ церковномъ обществѣ». Иные изъ нихъ (и таковыхъ великое множество) даже отказывается отъ понятія *богодухновенности писанія* въ строгомъ смыслѣ слова. Всѣ возраженія протестантовъ въ этомъ случаѣ и на этомъ пути сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ о библіи. Писаніе не есть самое откровеніе Божіе, а только «перво-извѣстіе» о немъ или «первоначальное свидѣтельство изъ исторіи откровенія». Вдохновенно не писаніе само по себѣ, а «святые Божіи человѣцы» (2 Петр. 1, 21), его написавшіе. Писанію чужда «церковная тенденція» быть непогрѣшимымъ словомъ Божіимъ, въ смыслѣ, напр., какого либо даннаго намъ отъ Бога «кодекса ученія». Всѣ такія и подобныя имъ мнѣнія считаются за «надежныя истины» по всему лагерю протестантскому, за истины «великія и твердо стоящія въ научномъ изслѣдованіи писанія» [60]). Такимъ образомъ, чтобы держаться съ увѣренностію за писаніе для протестантовъ нужны *еще другіе* гносеологическіе источники и метедологическія нормы, и вотъ они выдумали для себя особый матеріальный принципъ, свои символическія книги.

Если протестантами отвергнуто «догматическое преданіе, какъ основоположительный членъ вѣры, по положенію о единомъ словѣ Божіемъ въ свящ. писаніи» [61]), то чрезъ это у нихъ не отвергнутъ еще всякій вообще авторитетъ помимо библіи. Вотъ почему на мѣсто апостольскаго преданія и истинно-церковнаго авторитета у нихъ само собою выступили символы и символическія книги, особенно оказавшіяся необходимыми среди вѣроисповѣдныхъ смутъ и неурядицъ,

---

[60]) *Weiss* Theol Lit=Zeitg 1884, Nr. 19; *Walz*, Die Lehre d. Kirche von d. heil. Schrift nach der heil Schrift geprüft Leiden 1884; Vgl. *Volck* y *Zockler*'a in R=Encykl. I, s. 652; *Kuhn*, Dogm., Einl. s. 52, 68, 94, *Heinrich*, Dogm.I, s. 752.

[61]) Art Smalc. II, 17 p 308, *Hase*, Polemik, s. 69; Cf. Form. Conc. prooem. I; Conf. Helv II, 1; *Strauss*, Glaubenslehr. I, s. 111 f.

обвившихъ густою сѣтью богословско-конфессіональныя протестантскія понятія о вѣрѣ. То, что у протестантовъ символическія книги получили своего рода догматико-каноническое значеніе, подобно древне-вселенскимъ символамъ, произошло въ силу произвольнаго предположенія въ ихъ полномъ согласіи съ писаніемъ. Но это conditio sine qua non впослѣдствіи было забыто, возможность и дѣйствительность ошибочныхъ изъясненій библіи при помощи символическихъ книгъ не принимались въ расчетъ и вмѣстѣ съ этимъ на ряду съ писаніемъ было поставлено самостоятельное догматико-символическое истолкованіе библейскаго ученія, обязательное и необходимое для всѣхъ «ортодоксальныхъ» протестантовъ. Здѣсь не спасаютъ протестантовъ отъ всяческихъ экзегетическихъ колебаній, сомнѣній и противорѣчій ни пресловутая necessitas hipotetica, ни autoritas judicalis, приписываемыя ими своимъ символамъ въ вопросахъ materiae fidei. Всѣ эти ограниченія еще болѣе укрѣпляютъ и защищаютъ принципъ догматическаго преданія. Когда у протестантовъ недвусмысленно при библіи поставляются «*Аугсбургское исповѣданіе*» и его «*Апологія*» или «*Формула согласія*» въ качествѣ «ортодоксальныхъ» символическихъ книгъ для объясненія общепризнанныхъ догматовъ, то авторитетъ ихъ выводится здѣсь не какъ только побочный формальный принципъ и не какъ переходной гносеологическій моментъ, но какъ собственно-догматическое преданіе.

Въ вопросѣ о принятіи символическихъ книгъ затрудненія протестантовъ непреодолимы. Особенно реформаты недовольны тѣмъ почетомъ, какой оказываютъ символамъ и символическимъ книгамъ лютеране. Они называютъ признаніе символическаго преданія «новымъ изданіемъ католической церковности» и пріемлющихъ символы жестоко бичуютъ, какъ Theologaster und Mataologen [62]). Чтобы распутать этотъ узелъ противорѣчій и несогласій, протестантамъ нужно разрѣшить здѣсь слѣдующую диллему: или они должны удержать одну библію въ цѣлости своего конфессіональнаго взгляда на ея исключительный авторитетъ въ области откровенія и вѣры, и тогда символы и символическія книги отойдутъ въ область преданія и не будутъ имѣть никакого догматическаго значенія, по крайней мѣрѣ,

---

[62]) *Holzmann*, op cit. § 52, *s.* 421.

не будутъ имѣть никакой будущности въ дальнѣйшемъ развитіи протестантства, или же они должны скорѣе отказаться отъ писанія въ пользу своихъ книгъ, и тогда они должны volens-nolens признать принципъ не-библейскаго преданія. И если бы протестанты глубже вдумались въ вопросъ о библіи въ отношеніи къ своимъ символическимъ книгамъ, то они сознали бы, что стоятъ или за границами своего формальнаго принципа, въ явномъ противорѣчіи съ «чистой идеей, ради которой первоначально возникъ и укоренился у нихъ гносеологическій авторитетъ одного писанія», или же они допускаютъ рѣшительное противорѣчіе, contradictio in adjecto. Но здѣсь вѣроисповѣдная полемика затемняетъ «умныя очи ихъ сердца».

2) Ученіе вселенскихъ соборовъ.

Второй источникъ преданія составляетъ догматическое ученіе и каноническія установленія вселенскихъ соборовъ. Вселенскимъ соборомъ называется собраніе св. отцовъ и учителей, по возможности, со всей вселенской церкви, для утвержденія истинной вѣры и благочинія между всѣми православными христіанами. На вселенскихъ соборахъ по преимуществу участвуютъ епископы всего христіанскаго міра, всѣхъ апостольскихъ помѣстныхъ церквей; ибо эти церкви говорятъ и учатъ только чрезъ своихъ епископовъ, апостольскихъ преемниковъ, а отцы церковные имѣютъ учительный авторитетъ настолько, насколько они суть епископы, насколько согласны съ православнымъ епископствомъ вообще, которые на вселенскихъ соборахъ непогрѣшимо свидѣтельствуетъ и утверждаетъ богопреданную истину вѣры всецерковной. Отсюда на всѣхъ вселенскимъ отцовъ и учителей должно смотрѣть не только какъ на предстоятелей и священноначальниковъ всей церкви Христовой, но и какъ на самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей всецерковнаго вѣроученія, т. е. апостольскаго преданія. Съ этой стороны вселенскій соборъ in statu quo есть наивысшее и единственно-истинное (идеальное и реальное) присутствіе всѣхъ помѣстныхъ апостольскихъ церквей, соединенныхъ во едино въ лицѣ своихъ епископовъ, т. е. всей церкви вселенской въ цѣломъ и цѣлостномъ ея составѣ. Вселенскій соборъ въ идеѣ и въ дѣйствительности это—не что-либо отличное или отдѣльное отъ

тѣла церкви, но какъ бы видимый органъ ея религіознаго самосознанія и жизни, насколько она есть непогрѣшимая хранительница и духоносная истолкователь̀ница слова Божія. О какомъ либо искусственномъ дополненіи или случайномъ измѣненіи преданія здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи

Догматическое ученіе вселенскихъ соборовъ есть историческое свидѣтельство непогрѣшимаго и вѣчно-живаго *гoлоса церкви*. Вселенская истина и достовѣрность христіанскаго ученія получаются отъ догматико-каноническаго преданія вселенскихъ соборовъ, содержащихъ и утверждающихъ божественное слово не по какому либо новому откровенію отъ Духа Святаго, но по особому руководству и при помощи Духа Божія, одушевлявшаго ихъ при истинномъ свидѣтельствованіи и разумѣніи искони—даннаго церкви откровенія Христова [63]). Поэтому-то вселенскіе соборы суть богоучрежденные способы истиннаго выраженія откровенія Божія, живущаго въ церкви, а главнѣйшая задача ихъ состоитъ въ идеально-совершенномъ свидѣтельствованіи его. Съ догматической стороны въ ученіи вселенскихъ соборовъ мыслится только формальное различіе между записаннымъ и устнымъ словомъ Божіимъ, но матеріальная основа и сущность вѣроученія одна и таже. Въ писаніи и въ истинно-соборномъ разумѣніи откровеннаго ученія заключается одно и тоже слово Божіе [64]). И потому при писаніи нисколько не умаляется внутреннее достоинство догматическаго авторитета вселенскихъ соборовъ, равно какъ и наоборотъ. Вселенскіе соборы, по строго-православному взгляду, вполнѣ уравниваются съ записаннымъ словомъ Божіимъ. Истинное ученіе вселенскихъ соборовъ о вѣрѣ также богодухновенно и непогрѣшимо, какъ и библейское слово. Отсюда символическія вѣроопредѣленія вселенскихъ соборовъ имѣютъ непреходящее значеніе и равночесны съ догматическимъ ученіемъ писанія. Слово Божіе одно, и въ писаніи и въ церковномъ преданіи, но историческіе способы его преемственной передачи и всецерковнаго утвержденія различны. Истинная хранительница и богодухновенная истолкователь̀ница божественнаго откровенія есть одна вселенская церковь Хри-

---

[63]) *Сократъ*, Н. Е. I, 9 объ отцахъ Никейскаго собора.

[64]) Ср. взгляды на отношеніе преданія къ авторитету вселенскихъ соборовъ у св. *Кирилла Алекс*., св. *Григорія Великаго* и др.

стова. Ея вѣчно-живой голосъ и есть собственно преданіе, книжное ли то или устное. Вселенскіе соборы только научаютъ насъ, что̀ есть это истинно-церковное преданіе. Здѣсь учительный авторитетъ вселенскихъ соборовъ есть не что иное, какъ идеальная и неизмѣняемая по своему составу сущность православно-церковнаго преданія in concreto.

Въ вопросѣ о вселенскихъ соборахъ и ихъ догматико-гносеологическомъ авторитетѣ римскій католицизмъ и протестантство, эти «двѣ родныя сестры», расходятся на «безконечное разстояніе» отъ православно-церковнаго взгляда. Здѣсь ихъ судъ и осужденіе.

Римско-католическое мнѣніе о вселенскихъ соборахъ существенно отличается отъ православнаго ученія. Вся суть этого отличія совмѣщается въ понятіи папскаго первенства на вселенскихъ соборахъ. Папа есть непремѣнный предсѣдатель на вселенскихъ соборахъ или, по крайней мѣрѣ, лицо оффиціально уполномоченное отъ него [65]). Только соборы во главѣ съ непогрѣшимыми папами—истинные *oecumenica*, а всѣ прочіи *pseudoconsilia*. Поэтому и всѣ акты соборные непремѣнно должны быть подтверждены папами, чтобы стать общеобязательными законами. Итакъ, папа—«заключительный моментъ» и «послѣдняя инстанція» въ системѣ вселенски-соборнаго преданія, къ римскому взгляду.

Такое признаніе «соборнаго авторитета папы» выходитъ изъ тьмы средневѣковья. Это весьма важное историческое обстоятельство для оцѣнки римско-католическаго ученія о преданіи вообще. Православный догматъ о непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ, какъ органовъ и свидѣтелей преданія, несравненно древнѣе, чѣмъ вымышленное католиками мнѣніе о непогрѣшимости папъ. Это искони укоренившійся въ вѣрѣ всей церкви догматъ православія. Папство только узурпиловало его, примкнувъ къ высочайшему авторитету вселенскихъ соборовъ и такимъ образомъ присвоивъ себѣ одному этотъ авторитетъ. Съ этой стороны весьма интересна многовѣковая исторія отношеній папъ къ вселенскимъ соборамъ [66]). Она самый лучшій показатель внутренней несостоятельности и всей пустоты

---

[65]) Canus, L. Th 5, 4, 3, *Bellarm.*, De conc. I, c. 4.

[66]) Эта исторія всего поучительнѣе и для самого папства, думающаго господствовать на вселенскихъ соборахъ.

римско-католическаго принципа «вселенскаго преданія». Изъ нея, какъ нельзя лучше, видно, что римское папство и «вселенскіе соборы» — это взаимно-исключающія другъ друга противоположности. Папская и вселенски-соборная система это безусловно непримиримыя догматико-каноническія начала вѣры и жизни церковной. Абсолютное первенство вселенскихъ соборовъ и абсолютное папское главенство на соборахъ—это въ сущности contradictio in adjecto.

При ближайшемъ разсмотрѣніи римско-католическаго ученія о вселенскихъ соборахъ, какъ органахъ преданія, не пробуждается никакого довѣрія къ нему, если даже *о числѣ соборовъ* здѣсь нѣтъ полнаго согласія [67]). При томъ же, самые римскіе соборы не согласны между собою; разнорѣчія ихъ несомнѣнный историческій фактъ. Это не органическая связь и единство, а механически составленная цѣль. разъединенныхъ моментовъ римско-католическаго догматико-каноническаго самосознанія. Судя по собственнымъ заявленіямъ этихъ соборовъ, они не столько дополняютъ и развиваютъ другъ друга, сколько раздѣляютъ и разлагаютъ единое римско-католическое міросозерцаніе [68]). Съ этой стороны «соборный авторитетъ» — это самая безплодная и безутѣшная теорія съ точки зрѣнія папскаго авторитета. Она менѣе всего соотвѣтствуетъ римско-католическому ученію о преданіи, въ его завѣтныхъ тенденціяхъ. Въ католичествѣ совершенно нѣтъ «никакой инстанціи», которая могла бы еще сопротивляться сектантскому превращенію православнаго догмата о преданіи «при помощи соборнаго начала» въ папскій абсолютизмъ. Во всякомъ случаѣ, папа одинъ есть самостоятельный, ни отъ кого независящій, единственно-компетентный замѣститель соборнаго авторитета. Ему исключительно предоставляется верховное право утверждать и распространять вѣроопредѣленія соборныхъ декретовъ [69]).

---

[67]) Обыкновенно «вселенскими соборами» считаются у римскихъ католиковъ слѣдующіе соборы, бывшіе въ 325 г., 381 г., 431 г.,451 г., 680 г., 787 г., 869 г., Латеранскіе соборы 1123 г., 1139 г., 1179 г., 1215 г. и 1512—17 г., Ліонскіе 1245 и 1274 г., Вьенскій 1311 г., Пизанскій 1409 г., Констанскій 1414—17 г., Базельскій 1431—1449 г., Флорентинскій 1439 г., Тридентскій 1545—63 г., и Ватиканскій 1870 г. Однако, это число необщепризнано; особенно это должно сказать о соборахъ Вьенскомъ, Пизанскомъ, Констанскомъ, Базельскомъ, Римскомъ (V Латранскомъ), Тридентскомъ и Ватиканскомъ.

[68]) Подробно объ этомъ см. у Гольцмана, Канон, § 33.

[69]) Такъ, напр., образовалось извѣстное professio fidei Tridentina.

Вся римско-католическая «соборная практика» всецѣло говоритъ въ пользу одной папской системы. Проведеніе въ церковно-бытовую жизнь католичества и осуществленіе въ немъ богословскихъ «либеральныхъ мыслей» о самостоятельномъ учительномъ авторитетѣ истиновселенскихъ соборовъ—это совершенно невозможное дѣло.

Но вселенскіе соборы представляются совершенно излишними органами преданія въ римско-католической церкви. Съ точки зрѣнія папства «римская каѳедра» обладаетъ самодовлѣющимъ авторитетомъ для «непогрѣшимаго догматизированія» своей вѣры. Исходящіе отъ нея декреты, буллы, энциклики, бревіаріи и проч. суть настоящіе посредники въ дѣлѣ распространенія и утвержденія догматико-каноническаго ученія [70]). Здѣсь римско-католическіе богословы особенно любятъ пользоваться подобіемъ «учительнаго тѣла и главы», для большаго разъясненія и углубленія папскаго преданія. Это нескончаемая тема; она разработывается преимущественно у богослововъ-ультрамонтанъ, особенно у догматистовъ [71]). Богословское развитіе и обоснованіе этого подобія весьма полезно для доказательства папской власти на соборахъ. Вся сущность богословскихъ разсужденій сводится къ положенію: «соборъ безъ папы—безглавая церковь» (ecclesia acephala).

Но вѣдь въ католической церкви,—скажетъ можетъ быть кто нибудь были все такъ *вселенскіе* соборы. Вѣдь неизлишенъ же совершенно здѣсь соборный consensus patrum, на который ссылаются католики въ своихъ ученіяхъ и вѣрованіяхъ. Но въ католичествѣ вселенскіе соборы «не безусловно—необходимы», а только *полезны* [72]). Имъ принадлежитъ particularis necessaria. Вселенскіе соборы *могли* быть, но *могли и не быть*. Если же они были *нужны* въ извѣстное время, то это только для «видимаго блеска» и для «вящшей славы» римской церкви, т. е. для ея внѣшняго decorum. А папа всѣ дѣла по вопросамъ вѣры и управленія рѣшаетъ и самъ одинъ, безъ всякаго посторонняго уговора, какъ неограниченный монархъ,

---

[70]) Объ этихъ органахъ преданія подробно см. у проф *Шостьина*.

[71]) Summum pontificem caput esse totius ecclesia—есть такая глава у Беллярмина (de concil 2, 15), гдѣ онъ опровергаетъ защитниковъ «автономныхъ правъ» епископовъ на соборахъ. Но и новѣйшій куріализмъ не идетъ, въ сущности, далѣе этого

[72]) Consilia generalia utilia esse et suo quodam modo necessaria, non tamen absolute et simpliciter (*Bellarm.*, De con., 1, 10).

какъ pontifex maximus. Но высшіе, «кульминаціонные» пункты въ историческихъ судьбахъ католической церкви состаеляютъ тѣ «торжественные міро-историческіе случаи», когда папа свою неразрывную таинственную связь со всею церковію дѣлаетъ видимою и постигаемою, возвѣщая на соборахъ ex cathedra вѣру свою. Понимаемые въ такомъ значеніи вселенскіе соборы особенно нужны, когда выступаютъ на «сцену исторіи» сектантскія разногласія и сомнѣнія въ вѣрѣ. когда еретики и схизматики возмущаютъ *покой церкви*. Тогда то собирается на вселенскій соборъ весь учительный институтъ епископовъ in pleno и рѣшаетъ то, что угодно папской власти. Ясно, что вселенскіе соборы—это совершенно случайныя явленія въ римской церкви и вовсе не нужныя для полноты и совершенства «самобытнаго папскаго самосознанія».

Таковы логическіе и практическіе выводы изъ папскаго взгляда на значеніе соборнаго начала. Соборное начало нѣчто недоконченное въ римско-католической церкви. Оно, поэтому, само собою должно было умалиться до крайности, какъ только папство встрѣтило опаснаго для себя врага въ лицѣ протестантства, узаконившаго неограниченный произволъ каждаго въ отдѣльности вѣрующуго субъекта вмѣсто *единоличнаго* іерархическаго авторитета папы. Протестантство—это—двойникъ, антиподъ католичества. Поэтому то оно должно было содѣйствовать сознательному возвышенію папства надъ соборнымъ авторитетомъ. Если каждый христіанинъ есть самодовлѣющій авторитетъ въ дѣлѣ своей вѣры, то тѣмъ болѣе «богоравный папа». Въ виду «протестантскаго индивидуализма» римская церковь со своимъ преданіемъ была мыслима только подъ образомъ іезуитскаго папства, т. е. католичсства безъ всякихъ оттѣнковъ и ограниченій. Это именно стало характеристической чертой католичества особенно со времени Тридентскаго собора, въ рѣшеніяхъ котораго рѣзко обозначился своеобразный переходъ отъ неопредѣленныхъ средневѣковыхъ теорій о папской власти къ современно-ультрамонтантскимъ. А на Ватиканскомъ соборѣ въ догматѣ о папской непогрѣшимости навсегда уничтоженъ вселенскій авторитетъ соборовъ. Въ папствѣ усовершилось «настоящее» католичесство, которое не могло остановиться на полъдорогѣ въ ученіи объ авторитетѣ вселенскихъ соборовъ. Если римское преданіе нуждается въ особенномъ органѣ, то имъ можетъ

быть только cathedra Petri, «папскій престолъ», «римскій патріархатъ». Папство есть полное олицетвореніе римскаго «вселенскаго преданія», римской вѣры и религіозной совѣсти. Такое систематическое съуженіе «церкви въ папствѣ» есть не что иное, какъ постепенное *отступленіе* (ἀποστασία) римской церкви отъ православнаго преданія, отъ вселенской правды вѣры. Поэтому справедливо смотрѣть на историческій процессъ усиленія папскаго авторитета въ ущербъ соборному, какъ на процессъ и догматическаго *саморазложенія* римской церкви.

Мы подробно представили существенныя черты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и недостатки римско-католическаго взгляда на вселенскіе соборы. Глубокое различіе его отъ православнаго ученія ясно для насъ. По православному ученію, вселенскіе соборы суть полное и непогрѣшимое свидѣтельство истиннаго преданія. Вѣровать вселенскимъ соборамъ все одно, что вѣровать Евангелію. По римскому же взгляду, вселенскіе соборы—это всецѣло подчиненные папѣ органы его догматической непогрѣшимости. Вѣровать въ соборы—это значитъ прежде всего вѣровать въ папу. По православному, единственнымъ критеріемъ догматической истинности и исторической достовѣрности вѣроопредѣленій соборныхъ служитъ вселенское преданіе, а по римскому—одинъ только папскій авторитетъ. По православному, вселенскіе соборы богодухновенные носители и необходимые проводники преданія въ религіозное сознаніе и жизнь всѣхъ христіанъ, а по римскому—это богословско-административныя собранія папскихъ легатовъ, а поэтому суть случайныя явленія, вовсе ненужныя для полноты и самодовлѣемости церковной жизни католичества. Вселенскіе соборы собирались для того, чтобы *утвердить* апостольскую вѣру, исконную и всеобщую, а у римлянъ для того, чтобы *показать* единоличный авторитетъ «обожествленнаго папы», возведеннаго на «воображаемый всемірно-историческій тронъ». Въ догматическихъ вѣроопредѣленіяхъ и каноническихъ правилахъ вселенскихъ соборовъ всесторонне и истинно выражается общецерковное разумѣніе христіанскаго откровенія, устраняющее всяческія недоумѣнія и сомнѣнія по вопросамъ вѣры и жизни, а на римскихъ соборахъ господствуетъ іерархическая власть одного лица, а поэтому и рѣшенія ея лишены всеобщаго и необходимаго характера, хотя католическіе писатели и стараются его удержать.

Вселенскій соборъ—это вся церковь во всемъ ея составѣ, а по римскому мнѣнію, вселенскіе соборы раскрываютъ и утверждаютъ только папское ученіе. У католиковъ папская мысль одно, а вселенскіе соборы—другое, всегда отдѣлимое и отдѣльное отъ римско-католическаго преданія. Но именно противъ этого раздѣленія и возстаетъ православная церковь съ постулятомъ догматико-каноническаго единства и тождества догматическаго ученія вселенскихъ соборовъ съ апостольскимъ преданіемъ, равно какъ и съ писаніемъ.

Подобно римско-католическому внутренно-несостоятеленъ и протестантскій взглядъ на вселенскіе соборы. Мнѣніе протестантовъ о вселенски-соборномъ преданіи стоитъ въ общей связи съ ихъ своеобразнымъ воззрѣніемъ на древне-церковные символы. Съ такимъ или инымъ признаніемъ древне-вселенскихъ символовъ они до нѣкоторой степени допускаютъ и вселенскіе соборы, на которыхъ были составлены эти символы. Поэтому протестантскіе богословы ссылаются на авторитетъ первыхъ 4 или 5 вселенскихъ соборовъ [73]). И это отношеніе протестантовъ къ вселенскимъ соборамъ могло бы послужить весьма важнымъ шагомъ къ примиренію съ церковію, если бы они не настаивали на исключительной оцѣнкѣ догматико-каноническаго ученія и авторитета соборовъ при помощи одного писанія и, такимъ образомъ, не уничтожали самостоятельнаго значенія за небиблейскимъ преданіемъ. Преданіе ни въ чемъ такъ не обнаруживаетъ своего могущественнаго дѣйствія и побѣдоноснаго шествія въ исторіи и жизни церкви, какъ въ догматико-каноническомъ ученіи и авторитетѣ вселенскихъ соборовъ. Поэтому то протестанты, признающіе теоритически вселенскіе соборы, а на практикѣ отдѣляющіе ихъ отъ истиннаго преданія, подвергаютъ сами себя горькимъ разочарованіямъ и ужасной опасности никогда не прійти къ единству всецерковнаго вѣроученія.

По мнѣнію протестантовъ, первые 4 или пять вселенскихъ соборовъ считаются авторитетными потому только, что они стоятъ въ согласіи съ писаніемъ. Въ догматическомъ ученіи соборовъ explicite

---

[73]) Conf. Aug. II, S. 3 § 38, p 26; Ar. Sm p. 342; For. Concord § 59, p. 776, § 76, p 782; Conf. Gall. VI, p. 112; Conf. Helv II, c. 18, p. 65, *Calv*, Inst. IV, c. 9, § 8, 12, 13; *Cvinhe.*, Archit. n 43. Conf. helv. I, c, 11, p. 30; Conf. Angl. art 21; Conf Scot. art. 20, *Heppe*, Altprot Dogm. I, s. 231; *Hoffman*, Symb., s 278.

раскрывается то самое преданіе, которое находится implicite въ писаніи [74]). Поэтому и отцы соборовъ—это только истолкователи библіи. Итакъ, соборы во всемъ согласные съ писаніемъ истинные соборы, вселенскіе, а тѣ соборы, которые кромѣ писанія еще опираются на особое преданіе, суть ложные, неистинные. Здѣсь писаніе—единственная гносеологическая норма и исключительный «критическій масштабъ» а не догматическая вѣра церкви, передающей истину на вселенскихъ соборахъ. На этой именно мысли о источникахъ и основахъ соборнаго авторитета и остановились протестантскія символическія книги.

По протестантскому взгляду, вселенскіе соборы не сами по себѣ суть непогрѣшимые органы преданія, а только по причинѣ своего согласія съ библіей. Нѣтъ этого согласія, и они отметаются. Такимъ образомъ для утвержденія истины и законообязательности вселенскихъ соборовъ, у протестантовъ требуется исключительное примѣненіе писанія къ догматическимъ вѣроопредѣленіямъ и каноническимъ постановленіямъ этихъ соборовъ. Но,—теперь спрашивается,—*кто* же непогрѣшимо у протестантовъ опредѣляетъ и устанавливаетъ это согласіе или же несогласіе вселенски-соборныхъ рѣшеній съ библейскимъ ученіемъ, а, слѣдов., и ихъ догматическую истинность и историческую достовѣрность? Очевидно, не какіе либо новые «вселенскіе соборы»; ибо и относительно этихъ послѣднихъ возникаетъ тоже самое неумолимое требованіе—опредѣлить полное согласіе ихъ ученія и правилъ съ писаннымъ словомъ Божіимъ. Тогда въ протестантствѣ долженъ былъ бы установиться *непрерывно*-продолжающійся процессъ вселенски-соборнаго управленія и жизни, а между тѣмъ сами протестанты ограничиваютъ кругъ древне-вселенскихъ соборовъ только 4 или 5 соборами, да еще вдобавокъ, къ нимъ *спустя много столѣтій*, причисляютъ нѣсколько своихъ «законныхъ соборовъ», во многихъ отношеніяхъ обязательныхъ для нихъ. Здѣсь, очевидно, высшимъ и единственно-компетентнымъ судіею, произносящимъ неукоризненный судъ надъ вселенски-соборными вѣроопредѣленіями, является одинокій сектантскій разумъ. Мысль о субъ-

---

[74]) *Schenkel*, Wesen, 1, s. 23 50, *Dollinger*, Reformirtengesch. III, s 294; *Holzman*, Kanon, s. 312.

ективной оцѣнкѣ авторитета вселенскихъ соборовъ стоитъ въ общей связи съ протестантскимъ ученіемъ о едино-спасающей вѣрѣ въ писаніе и, въ частности, съ ученіемъ о возможности для соборовъ догматическихъ заблужденій.

Свое мнимое признаніе вселенскихъ соборовъ протестанты обезсиливаютъ прибавленіемъ еще новыхъ условій.

По мнѣнію протестантовъ, вселенскіе соборы касаются не догматическаго ученія, а только «внѣшняго строя» церковной жизни, какъ то «церковнаго права», богослуженія и обрядовъ. Вся откровенная истина—въ писаніи, а на соборахъ рѣшались спорные вопросы церковной дисциплины, да и то въ исключительной зависимости отъ писанія. Отсюда и власть соборовъ церковныхъ ограничивается только вопросами, касающимися внѣшняго благосостоянія церкви, а не внутненняго существа откровеннаго ученія [75]).

Но всѣ эти разсужденія протестантовъ чрезмѣрно ограничиваютъ границы догматико-каноническаго авторитета вселенскихъ соборовъ. Вселенскіе соборы, запечатлѣнные авторитетомъ божественнаго происхожденія, не какіе либо «юридическія учрежденія», вѣдающіе внѣшній укладъ церковной жизни, а необходимые способы церковно-религіознаго самосознанія. Они собирались преимущественно для утвержденія истинной вѣры, а благочиніе церковное основывалось уже на вѣрѣ, утвержденной и опознанной этими соборами. Православное ученіе о вселенскихъ соборахъ, какъ источникахъ преданія, тѣмъ и дорого, что оно въ полнотѣ выясняетъ значеніе этихъ соборовъ для вѣроученія, для утвержденія и раскрытія догматовъ истинной вѣры [76]).

Въ свое оправданіе протестанты еще говорятъ о томъ, будто «настоящая испорченность» (materia pecans) проникла въ церковное ученіе только послѣ первыхъ 4 или 5 вселенскихъ соборовъ. Поэтому догматико-каноническое ученіе послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ противорѣчиво и ошибочно. Но противъ этого страннаго мнѣнія, очень распространеннаго среди протестантовъ, по всей справедливости должно сказать, что Христосъ далъ обѣтованіе пребы-

---

[75]) *Dollinger*, Reform =gesch III, s 195.

[76]) Бл. *Августинъ*, De bapt. c. Don II, 1; Ep. 104 ad Jan. n 2.

вать въ церкви, учить ее и управлять ею не въ теченіи какихъ либо 4—5 столѣтій и не на 4—5 вселенскихъ соборахъ, но всегда [77]). Христіанская вѣра всецѣло заключается въ божественномъ откровеніи, а догматико-каноническій авторитетъ его на вселенскихъ соборахъ утверждается на абсолютномъ довѣріи къ непотрѣшимому свидѣтельству о немъ церкви Христовой. Вселенскіе отцы и учители только только свидѣтельствовали и нерушимо охраняли этотъ авторитетъ.

Православное ученіе о преданіи особенно драгоцѣнно въ борьбѣ съ протестантами при апологетической оцѣнкѣ ихъ мнѣній о *библейскихъ* источникахъ и нормахъ вселенски-соборнаго авторитета.

Протестанты говорятъ, что вся церковь, какъ одинъ человѣкъ на вселенскихъ соборахъ, рѣшаетъ вопросы касательно истолкованія писанія; но,—разумѣніе церкви становится общеобязательнымъ закономъ только при полномъ и всецѣломъ согласіи его со смысломъ и духомъ одного писанія. Такимъ образомъ, выходитъ, что вселенски-соборное преданіе почерпаетъ свой авторитетъ отъ одного писанія. Но кто у протестантовъ непогрѣшимо истолковываетъ писаніе, какъ не каждый вѣрующій субъектъ. Здѣсь «универсальный характеръ» вселенскихъ соборовъ поставляется въ случайную зависимость отъ частнаго и личнаго авторитета и такимъ образомъ получается безъисходный «логическій кругъ», въ которомъ постоянно движутся протестантскіе отрицательные взгляды на церковные соборы вообще. Къ устраненію этой сектантской иллюзіи и направляется православный взглядъ на источники и авторитетъ вѣроопредѣленій вселенскихъ соборовъ. По православному взгляду, предполагается не *частичное согласіе* нѣкоторыхъ соборныхъ ученій и постановленій съ писаніемъ, но утверждается *абсолютная вѣра* во всецѣлое единство и совершенное тождество *всего* догматико-каноническаго ученія *всѣхъ* вселенскихъ соборовъ, составляющихъ одну неразрывную цѣпь. Православная церковь не однимъ только писаніемъ утверждаетъ догматическое значеніе и историческую достовѣрность вселенски-соборныхъ рѣшеній, но самое писаніе изъясняетъ въ духѣ и смыслѣ вселенски-соборнаго преданія, все-

---

[77]) *Hering*, Kirschliche Unionsversuche II, s. 267, *Голицынъ*, § 8, s. 65.

ленски-соборной вѣры. Въ догматико-каноническомъ ученіи писанія и въ вѣроопредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ находится одна и таже истина чистаго апостольскаго преданія. По протестантскому мнѣнію, прежде всего должно обращаться не къ церкви, не къ соборному преданію, а къ одному писанію и богословско-критическому изслѣдованію христіанскаго вѣроученія, чтобы при помощи его найти полноту откровенія Божія и испытать внутреннее достоинство догматовъ и каноновъ вселенски-соборныхъ. А по православному ученію, прежде всего должно обращаться къ преданію и уже на основѣ его судить объ истолкованіи библіи. Истинно-вселенскіе соборы ничего не создаютъ новаго въ ученіи и жизни церковной и, «говоря новое, не примышляютъ новаго», а только сохраняютъ древне-апостольскую и всеобщую вѣру. Отсюда и ихъ догматико-канонический авторитетъ не превышаетъ верховнаго авторитета писанія и ничѣмъ не отличается отъ преданія. Неукоризненно свидѣтельствуя о томъ, какъ въ церкви Христовой нерушимо сохранялся единый духъ откровенія и вѣры, вселенскіе соборы учатъ только тому одному, что въ церкви всегда и вездѣ считалось во-истину словомъ Божіимъ. Въ этомъ именно смыслѣ и высказывались всѣ вселенскіе соборы о себѣ, о своемъ учительскомъ авторитетѣ. По православному ученію, единое и непогрѣшимое вселенски-соборное преданіе догматически живетъ на ряду и вмѣстѣ съ писаніемъ, какъ самостоятельный (отличаемый, но не отдѣляемый отъ библіи) источникъ христіанскаго откровенія и вѣры. Вселенски-соборное, религіозно-союзное церковно-православное начало спасенія и откровенія Божія преподано намъ въ глаголѣ Духа Святаго: «*спасеніе во мнозѣ совѣтѣ*». Тоже самое говоритъ намъ и здравый разумъ, самая духовная природа наша: melius omnibus, quam singulis credi. Каждый шагъ, каждое движеніе православно-вселенской церкви въ ученіи вѣры и въ дѣлѣ жизни, непосредственно относящееся къ преданію, вытекающее изъ преданія, должно считать непогрѣшимымъ словомъ и дѣломъ религіознаго самознанія и жизни. А таковы всѣ вообще моменты историческаго бытія и жизни церкви въ ихъ органической связи. Съ этой стороны вселенскіе соборы суть не что иное, какъ неизгладимые въ исторіи церковно-религіознаго самосознанія и жизни слѣ-

ды міро-историческаго шествія церкви въ дѣлѣ распространенія и утвержденія откровеннаго ученія и вѣры Христовой.

3. Ученіе святыхъ отцовъ и учителей церкви.

Дальнѣйшій источникъ откровенной истины составляютъ всѣ «вообще творенія всѣхъ древнихъ отцовъ и учителей церкви». «Писанія отеческія—источникъ преданія самый богатый» [78]).

Церковные отцы суть древне-церковные писатели, прославившіеся святостію жизни, чистотою ученія и глубиною мудрости [79]). Итакъ, святость, истина и древность—вотъ что составляетъ сущность святоотеческаго авторитета. И всѣ эти «составные элементы» святоотеческаго авторитета должны стоять въ органической связи и взаимодѣйствіи. Только при такомъ условіи св. отцы церкви суть истинные и достовѣрные testes intermedii и absque omni dubitatum присоединяются къ преданію, какъ его носители и хранители. Поэтому не принадлежатъ къ числу церковныхъ *отцовъ* всѣ тѣ церковные *писатели*, которымъ не достаетъ какого либо одного изъ указанныхъ свойствъ святотеческаго авторитета. Не всѣ церковные писатели обладали обиліемъ духовныхъ дарованій, какъ и не всѣ были украшены святостію жизни. Нѣкоторые изъ нихъ были доступны чуждымъ вліяніямъ (напр., вліянію языческой философіи); иные не всегда сохраняли преданную вѣру во всей ея цѣлости и чистотѣ, и чрезъ это не до конца дней своихъ пребывали въ духовномъ общеніи съ церковію, въ догматахъ правой вѣры. Таковы, напр., Тертулліанъ, Климентъ, Оригенъ, Евсевій и др. Они, поэтому, называются только писателями церковными (scriptores ecclesiasticae).

Между церковными отцами, письменно и устно излагавшими богопреданное ученіе, занимаютъ особое мѣсто церковные *учители*, отличающіеся отъ прочихъ церковныхъ писателей не только чистотою вѣры и святостію жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истинною мудростію. Это высочайшіе геніи христіанства, христіанскіе философы, ученые, богословы первой степени. Таковы, напр., св. Иринеи Лі-

---

[78]) *Макарій*, § 131, стр. 354.

[79]) *Филаретъ*, § 1; сравн. *Möhler*, Patrol. s. 17, *Perrone*, Dogm. III, § 6, n. 450, s. 217.

опскіи, св. Аѳанасій Великій, Василій Великій, два Григорія, Августинъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ. Отсюда происходитъ богословское различеніе *вселенскихъ* и *великихъ учителей* отъ остальныхъ testes veritatis, нисколько не набрасывающее тѣни «субъективной произвольности» на самый принципъ православнаго преданія.

Авторитетъ отцовъ въ дѣлѣ сохраненія и утвержденія преданія двоякій. Съ одной стороны св. отцы суть свидѣтели преданія; съ другой—ученые богословы. Въ первомъ случаѣ учительный авторитетъ ихъ имѣетъ догматико-каноническая важность, а во второмъ—только богословско-историческую. Въ первомъ случаѣ вопросъ о преданіи должно разсматривать, какъ questio juris, а во второмъ, какъ questio facti.

Относительно догматико-каноническаго авторитета св. отцовъ, какъ историческихъ свидѣтелей преданія, должно наблюдать слѣдующее общее правило: преданное ученіе получаетъ нормативное значеніе только тогда, когда въ немъ согласны всѣ отцы или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ [80]). Конечно, церковно-отеческое свидѣтельство въ данномъ случаѣ тѣмъ важнѣе, чѣмъ ближе оно къ апостольскому времени; но чрезъ это нисколько не умаляется догматико-каноническое значеніе и позднѣйшихъ достовѣрныхъ и единодушныхъ святоотеческихъ преданій. Итакъ, *всеобщее согласіе* св. отцовъ служитъ всеобъемлющемъ критеріемъ истиннаго вѣроученія. Въ свѣтѣ этого критерія и должно разсматривать св. отцовъ, какъ предстоятелей помѣстныхъ апостольскихъ церквей, всей церкви. А въ такомъ смыслѣ всѣ отцы не могутъ ошибаться вмѣстѣ и всегда въ однихъ и тѣхъ-же догматахъ вѣры. Съ этой стороны ясно, что *догматическое ученіе* вселенскихъ отцовъ и учителей служитъ чистымъ источникомъ и церковно-историческимъ способомъ передачи истины христіанскаго преданія.

Единодушное согласіе отцовъ (unanimis consensus patrum) обнаруживается и свидѣтельствуется яснѣе всего во вселенски-соборныхъ вѣроопредѣленіяхъ. На вселенскихъ соборахъ единодушный

---

80) Св. Викентій, Com., c. 33: «prolatis atque collatis veterum magistrorum concordantibus sententiis haereses deprehendantur et contemnentur»; сравн с. 34; *бл. Августинъ*, Contr Iul. Lib. II.

голосъ св. отцовъ о вѣрѣ *провѣряется* всецерковнымъ преданіемъ и такимъ образомъ отождествляется со вселенски-соборнымъ ученіемъ. Отцы церкви служатъ здѣсь живыми органами общецерковнаго самосознанія и жизни. Вотъ почему на вселенскихъ соборахъ церковь на ряду съ писаніемъ всегда обращались и къ догматическому ученію св. отцовъ и руководствовались имъ дѣлѣ формулировки своихъ вѣроизложеній [81]). Церковная вѣра, по существу своему, есть истинно-откровенное ученіе, а св. отцы, сохраняющіе и передающіе эту вѣру, non sunt auctores ея, sed testes. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ, православные христіане, по необходимости согласны съ ними и не можемъ быть несогласными, не противорѣча самимъ себѣ. Единое ученіе вѣры живетъ и существуетъ въ церкви христіанской. Едино и святоотеческое преданіе. И съ этой стороны святоотеческій вселенскій авторитетъ непоколебимъ. Во всякомъ случаѣ, какъ историческіе свидѣтели истинной вѣры, св. отцы служатъ неоспоримымъ авторитетомъ въ дѣлѣ удостовѣренія откровеннаго ученія, живущаго и раскрывающагося во всецерковномъ самосознаніи. Если сомнѣваться въ этомъ историческомъ значеніи святоотеческаго преданія, то всякій исторически-достовѣрный фактъ долженъ подвергаться радикальному сомнѣнію.

Что касается авторитета св. отцовъ, какъ ученыхъ богослововъ, то должно наблюдать слѣдующее методологическое правило: церковные отцы имѣютъ значеніе равняющееся силѣ ихъ научно-теоретическихъ доказательствъ. Писанія отеческія, особенно въ научно-богословскихъ мнѣніяхъ, никогда не должно сравнивать съ каноническими книгами писанія [82]). Объ этомъ ясно говорятъ сами от-

---

[81]) IV вселенскій соборъ такъ начинаетъ изложеніе своихъ догматовъ: «послѣдующе божественнымъ отцемъ, вси единогласно поучаемъ» Св. отцы не отъ себя говорятъ и поучаютъ на вселенскомъ соборѣ, но отъ единаго преданія, которое они непогрѣшимо выражаютъ и предаютъ на утвержденіе вѣры. То же самое говоритъ о внутреннемъ достоинствѣ и значеніи авторитета св. отцовъ V вселенскій соборъ, подразумѣвающій подъ нимъ всецерковное преданіе божественной истины VI вселенскій соборъ предписываетъ изъяснять писаніе въ истинномъ смыслѣ и духѣ св отцовъ церкви. И VII вселенскій соборъ то же самое говоритъ о догматическомъ авторитетѣ св отцовъ въ дѣлѣ преданія вѣры.

[82]) *Макарій*, § 141, стр 386; *Филаретъ*, т. I., § 2; ср. *Th Aquin*, Summa Th., p. I, qu. 1, art. 8, *Petav*, Proleg. c. II, § 6; *Canus*, L Th. VII, c. 3; *Mohler*, Symb., s. 387; *Perrone*, Dogm. III, § 454.

цы [83]). Да это и понятно само собою. Святые отцы не то, что пророки и апостолы. Въ томъ и состоитъ главнѣйшее различіе между апостольскимъ и святоотеческимъ преданіемъ, что апостолы непогрѣшимы каждый порознь и всегда, даже и въ томъ случаѣ, когда слово у нихъ есть ἅπαξ λεγόμενον, а святоотеческой цитатѣ сообщаетъ непогрѣшимый авторитетъ только извѣстная библейская параллель. Въ сужденіяхъ о церковныхъ отцахъ, какъ объ ученыхъ богословахъ, должно различать то, что они доказываютъ отъ ихъ научныхъ доказательствъ, по крайней мѣрѣ, не должно смѣшивать *положительно-догматическое ученіе*, которое они передаютъ, съ ихъ особыми *богословскими мнѣніями* по вопросамъ вѣры (литературная форма и пріемы ихъ доводовъ). Богословско-философскія доказательства и пріемы научнаго изслѣдованія могутъ быть недостаточны, неясны и не полны; но *ученіе*, т. е. самая *сущность* вѣры, раскрываемая при помощи этихъ доказательствъ и пріемовъ можетъ оставаться вполнѣ достовѣрной и абсолютно истинной. Извѣстно, что многіе отцы писали нерѣдко о такихъ предметахъ, которые вовсе не относятся къ существу вѣры и къ жизни сверхъестественнаго откровенія. Таковы, напр., вопросы философскіе, историческіе, грамматическіе (филологическіе), астрономическіе и вообще естественно-научные. Во всѣхъ подобнаго рода вопросахъ св. отцы имѣютъ для насъ важность не какъ церковные учители, но какъ обыкновенные ученые. Здѣсь богословскій авторитетъ отцовъ и учителей церкви tantum pollet, quantum ratio naturae consentanea persuaserit [84]).

Все это—строго православный взглядъ на значеніе святоотеческаго авторитета для преданія, для его утвержденія и свидѣтельствованія о немъ. Отъ него рѣзко отличается римско-католическое мнѣніе о св. отцахъ, хотя съ *внѣшней стороны* это различіе не такъ рѣзко обозначается въ католическомъ богословіи.

Большинство римско-католическихъ богослововъ обыкновенно считаютъ «святоотеческій періодъ» продолжающимся до XIII в. Но, въ существѣ дѣла, въ римской церкви «святоотеческій циклъ» безко-

---

[83]) *Бл. Августинъ*, Ep. 111; C. Faust II, c. 5; Ep 19 ad Fort n. 15; Ep. 8 ad Hieron.

[84]) *Canus*, L. Th. VII, c. 3

неченъ. Ограничительныхъ сроковъ нѣтъ никакихъ и не должно быть. Древне-святоотеческое преданіе здѣсь *непосредственно* продолжаютъ *средневѣковые богословы*, преимущественно—scholastici. Въ длинномъ ряду «средневѣковыхъ отцовъ» особое мѣсто занимаютъ pii doctores и различные «ангелоподобные», «серафимскіе», «осіянные», «непреодолимые», «всеразрѣшающіе» и проч. богословы и писатели. Но взглядъ на «періодъ схоластиковъ», признаваемыхъ въ качествѣ media, quibus transmissa est primitiva dogmatica traditio, quibusque tuto cognosci potest, настолько запутанъ многочисленными оговорками, условіями и исключеніями, что прямо таки нѣтъ никакой возможности изслѣдовать этотъ пунктъ точно и подробно. Достаточно знать для приблизительнаго понятія о трудности этого святоотеческаго доказательства у католиковъ, что основныя черты римско-католическаго ars critica здѣсь сосредоточиваются въ ученіи о всевластіи папскаго учительнаго авторитета. Но si ita est, nullum unquam haec disquisitio exitum habitura est.

Святоотеческій принципъ преданія въ римско-католической церкви служитъ своеобразнымъ гносеологическимъ началомъ папскаго учительства. Папы по-преимуществу суть «святѣйшіе отцы». Непрерывный рядъ папъ (continua succesio romanorum episcoporum)—есть главнѣйшій залогъ ихъ непогрѣшимаго авторитета. Папскіе декреты настоящіе первы святоотеческаго преданія и поэтому историческая достовѣрность этого преданія подтверждается исключительно папскимъ авторитетомъ. Въ этомъ именно и состоитъ единственно-полезное орудіе и употребленіе римскаго принципа святоотеческаго преданія. Римская каоедра сама уже перевѣшиваетъ различныя мнѣнія св. отцовъ и учителей, одни одобряетъ и выбираетъ въ свою систему, а другіе осуждаетъ и отметаетъ. Іезуитская «переоцѣнка» святоотеческихъ свидѣтельствъ особенно достопримѣчательна. Въ ней преимущественно совершается и совершенствуется мнимо-историческое, противорѣчащее подлинно-историческимъ фактамъ «святоотеческое доказательство» истинности всего римско-католическаго ученія. Здѣсь не объ отцахъ учатъ, а самихъ отцовъ поучаютъ. Римская каоедра думаетъ знать всѣ преданія св. отцовъ лучше ихъ самихъ. Здѣсь именно обнаруживается вся слабость католическаго «аргумента отъ св. отцовъ». А такъ какъ consensus patrum есть невыгодное пріоб-

рѣтеніе для римской каѳедры, налагающее на нее очень тяжелыя обязательства сообразоваться съ ученіемъ вселенской древности, то понятно, что въ римской церкви всячески стремятся освободиться отъ него, прибѣгая къ непогрѣшимому авторитету папы. Въ этомъ обстоятельствѣ съ новой стороны обнаруживается вся секрантская иллюзорность римскаго доказательства отъ святоотеческаго преданія.

Римско-католическій consensus unanimus patrum въ корнѣ подрывается самими «непогрѣшимыми папами». Повидимому, ни что другое такъ не подтверждаетъ силы и значенія въ римской церкви авторитета св. отцовъ, какъ непрерывный рядъ папъ, этихъ римскихъ «святыхъ отцовъ»,—не смотря на ихъ отдѣльныя слабости и промахи. Но, въ сущности, это есть не что иное, какъ волшебный признакъ мнимо-христіанской древности въ католичествѣ. «Религіозная политика» римской каѳедра искони была одинакова, одного корня, одного духа и силы. Въ ней вмѣсто вселенскаго авторитета всегда господствовалъ папскій деспотизмъ въ дѣлахъ вѣры. Поэтому то въ ней и чрезъ нее настоящее святоотеческое преданіе совершенно уничтожается силою папскаго successio и consensus. Пожалуй, папское continua successio и unanimis consensus episcoporum были бы весьма важнымъ догматико-гносеологическимъ началомъ, но только при одномъ непремѣнномъ условіи, а именно при томъ предположеніи, чтобы всѣ папы были совершенно согласны между собою въ силу своего непрерывнаго преемства. Здѣсь должно было бы быть полное отсутствіе исключеній изъ общаго правила. Но *дѣйствительная* исторія и жизнь христіанской церкви всецѣло опровергаетъ «папскую теорію святоотеческаго преданія». Исторія «междуцарствія римскихъ первосвященниковъ» [85]) въ большей своей части, есть безпримѣрная chronique scandaleuse. Къ тому же,—самое «православіе римской каѳедры» сильно заподозривается и даже совершенно отметается лучшими католическими богословами (старокатолики), какъ ересь, что въ свою очередь подтверждаетъ и само папство, въ своихъ новыхъ догматахъ низвергающееся въ прахъ. Здѣсь

---

[85]) Выраженіе протестантовъ, желающихъ показать этимъ религіозно-партійный характеръ римской церкви.

католикамъ нисколько не поможетъ и ходячая мысль о томъ, что «апостольскую каоедру» нельзя смѣшивать и отождествлять съ личностію *всякаго* представителя ея. Противъ папскаго преданія неопровержимо говоритъ вся исторія римской церкви, олицетворенная въ папствѣ,—не говоримъ уже—вся истинно-святоотеческая древность.

Святоотеческимъ ученіемъ римско-католическіе богословы пользуются для того, чтобы доказать *апостольскую древность* своихъ вѣрованій и обрядовъ, особенно въ виду протестантовъ, этихъ сильнѣйшихъ противниковъ своихъ, изощренныхъ въ «историческихъ изслѣдованіяхъ догматовъ». Поэтому они всякій моментъ своего преданія возводятъ къ святоотеческимъ вѣкамъ и тамъ ищутъ истину. Но здѣсь главнѣйшая задача ихъ состоитъ въ доказательствѣ истины *современнаго* римско-католическаго преданія, въ той увѣренности, что это послѣднее есть подлинно-первоначальное и истинно-святоотеческое. Здѣсь у католиковъ наблюдается странный circulus vitiosus: на основаніи *настоящаго* доказывается и освѣщается *прошедшее* по предвзятымъ взглядамъ и идеямъ. Не значитъ ли это приводить святоотеческое доказательство pro forma? Не здѣсь ли лежитъ главнѣйшая причина, почему римская церковь сама должна была создавать историко-литературные факты и присваивать себѣ право созидаться на основаніи ихъ? Ни для кого не тайна, что римская церковь, славящаяся «превосходными изданіями св. отцовъ», не менѣе славна и поддѣлками святоотеческой письменности въ поразительномъ множествѣ, чтобы плѣнительнымъ признакомъ *древности* отмѣтить продукты *новѣйшаго* времени. Ни одна эпоха не была такъ производительна въ авторскомъ обманѣ, подлогѣ и лжи, какъ *римско-католическая эпоха*, замкнувшаяся въ антицерковномъ догматѣ папскаго главенства и непогрѣшимости. Здѣсь мы подразумѣваемъ не только темное время лжеисидоровыхъ декреталій, но и прямо—таки всю исторію римско-католической церкви, начиная съ вѣковъ схоластики съ ея мутными и гнилыми потоками апокрифической литературы, болѣзненно—мистическими бреднями и мечтаніями «самоспасенія» подъ покровомъ римскаго первосвященника—и до нашихъ дней. Папство и нынѣ—оплотъ религіозныхъ суевѣрій всякаго рода, лицемѣрное хранилище темнаго прошлаго подъ именемъ «мнимо-апостольской древности», фанатическое гасилище истинно-духовнаго

просвѣщенія. Здѣсь «*кладенцы сокрушенныя*» и хаотическая муть «ухищренныхъ басней» (2 Петр. 1, 18) и небылицъ сектантскихъ. Поэтому, для католическихъ богослововъ остается одно изъ двухъ,— или искренно и во всей полнотѣ признать святоотеческій авторитетъ, въ качествѣ православно-гносеологическаго критерія церковнаго преданія (т. е. вселенски-христіанскую древность), тогда папство, возведенное къ святоотеческимъ нормамъ, въ существенныхъ частяхъ вышедшихъ у него изъ практическаго употребленія, само разрушается и умираетъ въ своей собственной древности (во всякомъ случаѣ, общехристіанская древность не за папство и «его религію»);— или же безъ всякаго разсужденія утвердить абсолютную истину папскаго преданія, тогда подлинно-святоотеческое преданіе, какъ nota antiquitas, есть фантастическая иллюзія, сектантскій самообманъ, дѣйствительно—пустой звукъ для «истаго католика».

Главнѣйшее побужденіе къ мнимому пользованію святоотеческимъ преданіемъ вытекаетъ изъ папской самоувѣренности. Нынѣшніе свои догматы римскіе папы считаютъ такими же, какими они будто бы были и въ глубокой христіанской древности. Первоначальная церковь столь же современна, какъ и нынѣшняя римско-католическая, и нынѣшняя столь же древняя, какъ и первенствующая [86]). Съ точки зрѣнія папской непогрѣшимости совсѣмъ безполезно говорить о «современномъ католицизмѣ». Это для истиннаго католика «чуждая рѣчь», на «незнакомомъ языкѣ». Отсюда то и происходитъ, что всѣ подложныя oracula post eventum въ католичествѣ по необходимости должны существовать ante eventum. Всякій результатъ позднѣйшаго «догматическаго развитія» просто отодвигается къ первоначальнымъ временамъ, къ св. отцамъ. Это—историческій анахронизмъ, удобопріемлемость котораго всецѣло объясняется всепоглощающимъ авторитетомъ папской власти. Съ отцами въ католичествѣ обращаются или inciviliter по догматическимъ причинамъ, или совсѣмъ освобождаются отъ ихъ авторитета подъ различными предлогами, особенно при рѣшеніи современныхъ горячихъ и запутанныхъ «церковныхъ вопросахъ». Очевидно, по отсутствіи вселенски—святоотеческаго преданія въ цѣлости его истины у католиковъ получается

---

[86]) На это особенно ударяютъ ультрамонтане.

вмѣсто дѣйствительной апостольской церкви своя религіозная секта, вымышленная, ослабѣвшая, безсильная. Главнѣйшая задача православно-святоотеческаго преданія указать эту зіяющую рану въ католичествѣ и излѣчить ее, т. е. представить несомнѣнныя данныя въ пользу православнаго ученія изъ св. отцовъ и искаженную въ католичествѣ вѣру и жизнь религіозную понять въ истинно-христіанскомъ значеніи. Только въ святоотеческомъ православномъ преданіи дѣйствительно—истинное историческое воззрѣніе на источники и основы христіанскаго вѣроученія и надежный научно-богословскій отпоръ католичеству. Это не могутъ не сознавать даже сами католики, лучшіе изъ нихъ, хотя впрочемъ и они упорно стараются отстоять свое абсолютное statu quo.

Не менѣе далеко отъ истины и протестантское воззрѣніе на св. отцовъ. Общій взлядъ протестантовъ на св. отцовъ, какъ на провозвѣстниковъ и хранителей преданія, находится въ неразрывной связи съ ихъ своеобразнымъ мнѣніемъ о первыхъ 4 или 5 вселенскихъ соборахъ. Протестанты признаютъ неопровержимый фактъ, что свидѣтельство древнихъ отцовъ имѣетъ высокое значеніе. Но отцамъ должно вѣрить не ряди ихъ самихъ и ихъ учительнаго авторитета, а только за истинное свидѣтельство ими христіанскаго вѣроученія, получаемаго изъ библіи. И это свидѣтельство важно для науки, какъ историческій авторитетъ, ни къ чему, въ сущности, необязывающій насъ (traditio activa dicta, sive testificatoria). Циклъ отцовъ ограничивается 4 или 5 вѣками. При оцѣнкѣ святоотеческаго преданія у протестантовъ на первомъ планѣ стоитъ вѣроисповѣдной элементъ. Поэтому они безпощадно возражаютъ св. отцамъ гдѣ они несогласны съ ними, т. е. вѣруютъ не такъ, какъ они, а иначе. На этотъ отрицательно-полемическомъ отношеніи къ отцамъ собственно и остановились протестантскія символическія книги [87]) и «классическіе богословы» [88]).

Главнѣйшее побужденіе, по которому протестанты такъ или иначе пользуются святоотеческимъ преданіемъ, состоитъ въ отрица-

[87]) Art. Sm. p. 308; F. Conc. p. 570, Helv. I, 2. 3, II, 2; Gall 5; Scot. 20; Bolg, 7, Kem. 1, 12. 18

[88]) *Dollinger*, Reform. I, s. 485, 488, *Holzmann*, Kanon, § 40, s. 307, § 44, s. 366, *Hagenbach*, Dogmeng. § 244, not 4. Особенно любопытна теорія Калликста о consensus quinquesecularis (De arctoritate antiquae ecclesiae, 1634; De arte vova, p. 49).

тельно-полемической задачѣ. При помощи св. отцовъ они хотятъ обличить папскія заблужденія, а себя считать истинными возстановителями и настоящими продолжателями «перво-христіанскаго преданія». Что касается первой части задачи, то должно сказать что она, въ существѣ дѣла, практична и удобоисполнима. Святоотеческая письменность—это цѣлый арсеналъ противопапскихъ орудій. Но вторая положительная сторона—суетна и безутѣшна. Здѣсь сплошной сектантскій самообманъ и вмѣстѣ самообольщеніе. Никакъ нельзя доказать, что протестанство есть прямое продолженіе святоотеческаго преданія, т. е. что протестанство и святоотеческое богословіе преемственно слѣдуютъ другъ за другомъ. Неумолимый выводъ, получающійся при изслѣдованіи св. отеческой письменности, далеко не пользу протестантовъ, а скорѣе противъ нихъ. Настоящее «ортодоксальное» протестанство не то, что̀ святоотеческая «православная» вѣра; это взаимно—исключающіе другъ друга догматико-каноническія начала. Что общаго между истинно-церковнымъ преданіемъ св. отцовъ и антицерковнымъ ученіемъ протестантовъ? Что общаго между православною вѣрою отцовъ въ церковь и ея непогрѣшимое ученіе и «раціоналистическою критикою» протестантовъ искони-церковнаго преданія.

Въ ученіи св. отцовъ протестанты всячески желаютъ имѣть «лишній аргументъ» въ свою пользу противъ такого «древняго врага», какимъ представляется имъ римско-католическая церковь. И это вполнѣ естественно. Всякій новый принципъ (новое ученіе), проникающій въ исторію, какъ бы по «естественному побужденію» стремится пріобрѣсть довѣріе къ себѣ и «культурную силу» тѣмъ, что примыкаетъ къ такимъ началамъ и основамъ, прочность которыхъ уже оправдана исторіею и, поэтому, считается исторически достовѣрною и догматически истинною. Это явленіе наблюдается вездѣ и во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія и жизни. Это всеобщій законъ. Съ этой точки зрѣнія само собою объясняется и сектантская попытка протестантовъ «возстановить христіанскую религію» путемъ реформаціи, примкнувъ къ древне-церковнымъ отцамъ, У св. отцовъ они хотятъ найти необходимый «историческій матеріалъ» для своей цѣли. Особенно обильно это пользованіе отцами у лютеранъ, старавшихся опровергнуть обвиненіе протестантовъ въ

еретическомъ новшествѣ,—въ томъ, что они вводятъ какую то новую религію, о которой прежде никто никогда ничего не слыхалъ.

Но такой способъ присвоенія себѣ достоподражаемой красоты глубокой древности противорѣчитъ фактамъ и смыслу всей истинно-церковной исторіи. «Ненавистный признакъ сектантской новизны» чрезъ это нисколько не устраняется, а, наоборотъ, рѣзче обозначается. Протестанты въ данномъ случаѣ уподобляются пигмеямъ, сѣвшимъ на плеча великану и думающимъ, что это они сами видятъ такія большія пространства. Будучи болѣзненнымъ явленіемъ въ жизни римско-католической церкви, протестанство стоитъ внѣ религіозно-исторической связи съ святоотеческимъ преданіемъ. Все «дѣло вѣроученія» сводится здѣсь къ «собственному усмотрѣнію» Отсюда понятно, почему протестанство, какъ новое религіозное міросозерцаніе, съ «внутреннею необходимостію» вынуждено развивать иное ученіе, отличное отъ святоотеческаго. Есть своеобразный смыслъ въ томъ, что протестанты тенденціозно не отличаютъ православныхъ отцовъ отъ римскихъ, чтобы доказать истину своихъ ученій и оправдать свою древность. Но это не одна прямая линія, а двѣ линіи, расходящіяся на безконечныя разстоянія. Протестанты на это не обращаютъ должнаго вниманія, потому что не знаютъ православія во всей красотѣ его святоотеческой древности. Здѣсь то заключается главнѣйшая причина, почему у протестантовъ сквозь вселенски-святоотеческій consensus всегда звучитъ антицерковный dissensus ихъ собственнаго ученія.

Ложная софистика, таящаяся въ ученіи протестантовъ о св. отцахъ, особенно ясно обнаруживается при оцѣнкѣ ими «святоотеческаго авторитета блаж. Лютера». Принципіальная подмѣна историческаго христіанства, какую допустили самочинно протестанты въ своей сектѣ,—въ сущности есть незаконное и противо-историческое «обновленіе церкви». Поэтому, чтобы преодолѣть главнѣйшія затрудненія, проистекающія отсюда, протестанты считаютъ Лютера и прочихъ реформаторовъ за вдохновенныхъ пророковъ, за апостоловъ и «св. отцовъ», а ихъ догматическія сочиненія за нормативный авторитетъ. Они даже выдумали особый догматъ de vocatione Lutheri. Характеристическія черты этого самочиннаго призванія составлены по аналогіи съ апостольскимъ призваніемъ и авторитетомъ.

Вся «люторская ересь» стоитъ въ самой тѣсной и неразрывной связи съ своеобразною личностію Лютера. Лютеранское протестанство только тогда и можетъ быть вполнѣ понято со всѣми своими особенностями, догматическими и историческими, когда разсматривается въ связи съ жизнію Лютера, въ связи съ тѣми вліяніями, подъ которыми онъ находился и тѣми событіями, которые ему приходилось самому пережить. Но это возвеличеніе Лютера и сектантское возведеніе его въ «апостольское и святоотеческое достоинство» служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ не можетъ совершенно освободиться отъ авторитета, столь необходимаго въ духовно-религіозной жизни. Необходимъ такой авторитетъ, которому бы мы безусловно довѣрялп, предъ которымъ никакая «субъективная критика» не осмѣливалась бы дерзновенно поднять свою гордую голову. Поэтому, если упраздняется у людей одинъ авторитетъ, то они, какъ бы по требованію самой природы, опять ищутъ и держатся другаго авторитета, подчиняясь его нравственному вліянію. И обыкновенно это подчиненіе новому авторитету бываетъ сильнѣе, чѣмъ это дѣлалъ прежній авторитетъ, отвергнутый или замѣненный инымъ. Особенную тяжесть такого новаго «учительскаго авторитета» испытываютъ на себѣ и многіе изъ новѣйшихъ протестантовъ, желающихъ всячески освободиться отъ авторитета Лютера и его «устарѣвшихъ уже схоластическихъ катихизисовъ».

И противъ протестантовъ могущественно одно православно-святоотеческое преданіе. Благочестивое преданіе отцовъ есть самый могучій образецъ для провѣрки сужденій протестантовъ объ источникахъ откровенія и вѣры христіанской. «Правило благочестія требуетъ не религію создавать (какъ это дѣлаютъ протестанты), а слѣдовать отцамъ» [89]). Отцы церкви «не торговали словомъ Божіимъ», не искажали его, какъ поступаютъ протестанты, т. е. не поддѣлывали, не извращали и не перетолковывали его, а проповѣдывали его искренно, какъ отъ Бога полученное преданіе, какъ предъ Богомъ во Христѣ со Святымъ Духомъ. Св. отцы—это немерцающія звѣзды на тверди церковной. Поэтому, православная церковь смотритъ на библейскую истину и на ученіе церкви и ея отцовъ, какъ на единое, органически-цѣлое и цѣлостное религіозное міросозер-

[89]) Св. Викентій.

ціе, недѣлимое, неразрывное. Это одинъ корень,—единое преданіе Христово и апостольское,—прозябающій одинъ плодъ,—истинное ученіе церкви и св. отцовъ. Библейская истина раскрывается въ вѣрѣ церковной, но и религіозная вѣра церкви утверждается и распространяется въ единогласномъ свидѣтельствѣ св. отцовъ. Во всецерковскомъ ученіи св. отцовъ мы обрѣтаемъ правильное пониманіе писанія, такъ что, живя и поучаясь въ церкви, не можемъ изъяснять на основаніи одной библіи ни церковнаго ученія, ни ученія св. отцовъ. Только антицерковное протестанство насильственно разрываетъ эти существенныя составныя части и необходимыя свидѣтельства единаго христіанскаго откровенія и вѣры, т. е. единой христіанской истины. Только здѣсь одна библейская истина совершенно отождествляется съ богооткровенною, равно какъ и наоборотъ (какъ будто это взаимно-совпадающія и взаимно-замѣнимыя понятія). Только библія служитъ здѣсь и нормой для оцѣнки всецерковнаго ученія св. отцовъ. Протестанство *тенденціозно выбираетъ* исходною точкой библейское ученіе и на основаніи его пытается доказать историческое происхожденіе существующаго въ церкви святоотеческаго догматическаго преданія на ряду съ писаніемъ. Противъ этой то крайности въ обращеніи съ святоотеческимъ авторитетомъ православная церковь придаетъ единогласному свидѣтельству отцовъ и учителей значеніе обязательной догматической нормы. По этому, съ одной стороны она понимаетъ и изъясняетъ писаніе при помощи истинно-церковнаго преданія св. отцовъ, а съ другой— догматическое ученіе самихъ отцовъ разсматриваетъ и оцѣниваетъ по руководству библіи. Здѣсь между писаніемъ и церковными отцами установлено полное взаимодѣйствіе и органическое единеніе. Христіанское откровеніе не-одно только библейское слово, но и всецерковное преданіе, а здѣсь св. отцы составляютъ главнѣйшій источникъ истинно-христіанскаго вѣроученія.

---

4. Жизнь церкви, или практика церковная

Глубочайшимъ источникомъ и историческимъ способомъ передачи христіанскаго преданія служитъ вся вообще *религіозная жизнь* православной церкви. Христіанское откровенное ученіе не какая-

либо книжная система вѣроученія (summa theologiae), не письменный (литературный) изводъ какой то «умной вѣрѣ». Это и не кодексъ религіозно-нравственной жизни (codex juris civilis), самозаключенный и самосохраняющійся въ книжной записи. Тѣмъ болѣе пельзя считать его ученіемъ какой либо «богословской школы» и историческое распространеніе его разсматривать, какъ діалектическій процессъ какого-либо умозрительнаго ученія, какой-либо богословско-философской и религіозно-сектантской идеи. Христіанское откровеніе, какъ культурно-историческій фактъ, имѣетъ болѣе глубокій смыслъ и болѣе важное значеніе. Это «*вѣчное Евангеліе*» Христово, вѣчно-живое дѣло и слово Христово въ церкви Его. Съ этой стороны вся религіозно-историческая жизнь церкви вселенской есть по преимуществу *живая исторія* откровенія Христова. Опускать изъ вниманія эту церковно-жизненную организацію и это историческое значеніе откровеннаго ученія значитъ умалять внутреннее достоинство христіанской вѣры и жизни,—значитъ подвергать себя опасности впасть въ одностороннее «раціоналистическое» объясненіе историческаго происхожденія и распространенія христіанской религіи. Такъ поступаютъ протестанты, принимающе одну библію въ качествѣ источника религіозной жизни христіанства. У нихъ до крайности умаляется *историческое значеніе* христіанскаго откровенія и дается неправильная оцѣнка всей вообще религіозной жизни церкви христіанской. Этого не было бы, если бы они знали въ цѣлости истины всю силу и все значеніе церковно-религіозной жизни въ *дѣлѣ* познанія откровенія Божія, въ дѣлѣ уразумѣнія истиннаго преданія Христова.

Для поясненія нашей мысли о важности церковно-религіозной жизни въ качествѣ источника преданія приведемъ здѣсь слѣдующій примѣръ. Нельзя вполнѣ и всецѣло узнать сущность и происхожденіе ветхозавѣтнаго домостроительства, уразумѣть всю силу его религіознаго значенія изъ одной Торы (изъ одного письменнаго законодательства Моисеева), хотя и она составляетъ цѣлокупное единство ветхозавѣтнаго откровенія и вѣры. Для этого необходима еще вся вообще религіозная исторія народа Божія, необходимо подробное разсмотрѣніе того историческаго пути, по которому текла и раскрывалась вся религіозная жизнь этого народа. Вся религіозная

исторія Израиля—это непрерывное откровеніе Божіе, совершавшееся чрезъ богодухновенныхъ пророковъ, первосвященниковъ и царей. Это и есть преданіе, другой не менѣе достовѣрный, чѣмъ писаніе, источникъ ветхозавѣтнаго ученія и жизни. Безъ этого живаго религіознаго преданія нельзя понять исторіи богоизбраннаго народа. Откровенное ученіе для этого народа было не предметомъ спекулятивнаго созерцанія, а самимъ дѣломъ непосредственнаго самосознанія, религіознаго опыта, самой жизни. Въ Израилѣ Богъ говорилъ съ человѣкомъ какъ бы «*лицемъ къ лицу*» (Быт. 32, 30), и откровенная вѣра становилась здѣсь религіознымъ видѣніемъ. Поэтому необходимо разсматривать всю исторію откровенія Божія среди израильскаго народа съ органической связи съ ветхозавѣтнымъ преданіемъ. Ошибка талмудистовъ, изслѣдующихъ ветхозавѣтную религію въ связи съ преданіемъ состоитъ въ томъ, что они миѳическія сказанія и человѣческія выдумки выдаютъ за божественную истину, а ошибка караимовъ въ томъ, что они отвергаютъ самый принципъ религіознаго преданія.

Тоже самое должно сказать и о христіанскомъ откровеніи въ вопросѣ объ источникахъ преданія. Христіанское откровеніе—это не умозрительное ученіе о Богѣ и о первыхъ причинахъ міра, а живоносная истина Божія, раскрывающаяся и осуществляющаяся въ самой религіозной жизни церкви. Она складывается не какъ какая либо философская доктрина, путемъ діалектическаго обобщенія, но путемъ живаго опыта, путемъ церковнаго преданія. Съ этой стороны христіанское вѣроученіе можно разсматривать, какъ существенное дѣло церковно-историческаго опыта, какъ религіозную сущность истинно-церковной жизни. Откровеніе Божіе живетъ и крѣпнетъ въ церкви, какъ реальный идеалъ и какъ дѣйственная сила, все претворяющая въ плоть и кровь церкви Христовой. Какъ Самъ Христосъ, Сынъ Божій, воспріялъ въ единство Своего Лица божеское и человѣческое естество, такъ и Его ученіе и жизнь становятся церковно-историческимъ дѣломъ, воплощаясь въ ученіи и жизни церкви, въ богослуженіи, обрядахъ, дисциплинѣ и уставѣ. Такимъ образомъ христіанское преданіе содержится не въ одномъ писаніи, но живетъ и въ церковномъ богослуженіи, сохраняется и въ церковныхъ обычаяхъ, укрѣпляется въ дисциплинѣ, совер-

шается въ церковномъ уставѣ. Отсюда и источниками преданія, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова, должно считать церковное богослуженіе, обычаи, дисциплину и уставъ, созданныя церковію въ духѣ ученія и жизни Христовой. Объ истинно-христіанскомъ откровеніи должна дать лучшее свидѣтельство *вся вообще жизнь церкви*, проистекшая отъ Самаго Христа,—свидѣтельство болѣе осязаемое и дѣйствительное, чѣмъ это можетъ сдѣлать какое-либо писаніе [90]). Здѣсь преданіе означаетъ непрерывно-продолжающееся историческое теченіе истины и жизни Божіей въ церкви, никогда неизмѣняющее своего религіознаго бытія и назначенія. Это вѣчно живой источникъ, текущій въ церкви и чрезъ церковь въ жизнь вѣчную. Гдѣ упускается изъ виду эта творческая сила христіанскаго откровенія, его живоносное дѣйствіе въ церкви, или, иначе, его культурно-историческое значеніе, тамъ откровеніе Божіе понимается, какъ самозаключенная въ письменнымъ знакахъ «богословская сумма» извѣстныхъ религіозныхъ ученій и нравственныхъ правилъ. Тамъ, гдѣ не признаютъ другого религіознаго источника, кромѣ библіи, подъ именемъ христіанскаго вѣроученія подразумѣваютъ одно письменное ученіе о вѣрѣ, живоносное откровеніе превращается въ «книжный кодексъ» а церковь христіанская—въ какое то «антикварное общество» [91]). Но это уже совершенное непониманіе и сектантское извращеніе христіанской истины, живущей и раскрывающейся въ церкви при помощи единаго преданія.

1) Церковное богослуженіе.

Преимущественнымъ источникомъ истиннаго познанія религіозно-христіанской жизни служитъ церковное богослуженіе. Въ немъ, безъ сомнѣнія, могущественнѣе и яснѣе всего запечатлѣвается единый духъ христіанскаго откровенія и вѣры. Поэтому оно есть чрезвычайно важный способъ (средство) историческаго распространенія и утвержденія преданія. Церковное богослуженіе стоитъ въ самой

---

[90]) Ср. Wetzer und Welte, Kirch.-Lexic. XI, s. 120; *Dux*, Dissertatio inauguralis de traditione seu altero revelationis fonte, 1834; *Moehler*, Philosophie der Geschichte oder über die Tradition. I, 1827, II, 1827, II, 1834, *Onymus*, Prinzipien der Glaubenslehre, 1823, s. 60, 77—78.

[91]) Ср. *Lessing*, W.W. X, s. 239—252, *Stahr*, II, s. 209.

неразрывной связи съ сущностію и происхожденіемъ христіанской религіи. Оно вытекаетъ изъ самыхъ нѣдръ христіанскаго откровенія и потому составляетъ постоянную и неизмѣнную составную часть преданія.

Церковное богослуженіе необходимо предполагается самымъ понятіемъ сущности христіанской религіи. Въ христіанствѣ Божество мыслится не какъ космическая и безличная сила, но какъ разумно-свободная Воля, требующая отъ людей нравственно-добраго поведенія, чистой и святой жизни. Поэтому христіанская религія предписываетъ своимъ исповѣдникамъ свободное и постоянное исполненіе воли Божіей. Отсюда неразрывная связь христіанской религіи съ нравственностію. Отсюда съ понятіемъ о богоугодной жизни, какъ коренной религіозной обязанности каждаго христіанина, соединяется понятіе *о богопочитаніи*. Оно есть необходимое свидѣтельство и истинное выраженіе религіозно-нравственныхъ вѣрованій и жизни христіанской. Совокупность всего того, что относится къ *внутреннему богопочитанію*, обыкновенно называется христіанскимъ *благочестіемъ* (религіозностію=набожностію)—въ отличіе отъ *богослуженія*, преимущественно относящагося къ внѣшней сторонѣ богопочитанія. Нѣтъ религіозной вѣры безъ культа: нѣтъ культа безъ торжественнаго богослуженія [92]). Какъ бы ни была духовна религія, она *не можетъ* стать отвлеченной философіей или «внѣ-бытовой философской теоремой», ибо она *должна* дѣйствовать на всю духовную жизнь человѣка; и это достигается только при помощи богослуженія. Вотъ гдѣ заключается глубочайшій смыслъ и существенное значеніе православно-церковнаго богослуженія, его молитвъ и таинствъ,—его всеобщность и необходимость въ дѣлѣ передачи христіанскаго откровенія и организаціи христіанской жизни. Богослуженіе служитъ выраженіемъ общецерковной вѣры и благочестія. Въ немъ находятъ полнѣйшее удовлетвореніе всѣ религіозно-нравственныя потребности и задачи христіанскаго духа, въ особенности высшая религіозная потребность взаимообщанія всѣхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ. Съ этой стороны богослуженіе абсолютно необходимо, какъ орудіе и символъ духовнаго соединенія всѣхъ пра-

---

([92] *Möhler*, Einheit, s. 171, *Kreizer*, Symbolik, I, s. 52; *Menzel*, Symb 1, Vor. VIII.

вославныхъ христіанъ въ одинъ цѣлокупный религіозный союзъ,— въ единую церковь Христову [93]).

Церковное богослуженіе есть живое дѣло и необходимый моментъ религіозно-христіанской жизни и ученія. При помощи его, какъ нельзя лучше, свидѣтельствуется и удостовѣряется христіанская вѣра и догматическое ученіе. Христіанское вѣроученіе въ его существенномъ понятіи есть догматическая вѣра церкви. Въ богослуженіи эта самая вѣра наглядно отражается и свидѣтельствуется въ молитвословіяхъ и священнодѣйствіяхъ. Здѣсь глубочайшій корень органическаго взаимодѣйствія между христіанскимъ догматомъ и богослужебнымъ преданіемъ. Въ богослуженіи полнѣе и дѣятельнѣе всего раскрывается и отображается религіозная сущность христіанскаго откровеннаго ученія, живоносный духъ вѣры и истины Христовой.

И такъ, церковная вѣра въ богослуженіи получаетъ какъ бы «видимое подобіе», осязаемую форму, внѣшнее свидѣтельство, наглядное выраженіе. При своей апостольской древности и всеобщности православное богослуженіе есть вѣрное хранилище богопреданной жизни и ученія. Съ этой стороны отношеніе церковнаго богослуженія къ христіанскому вѣроученію и жизни походитъ на отношеніе государства къ его законамъ и постановленіямъ. Государственное право и общественные законы упрочиваются посредствомъ цѣлой стистемы особыхъ правилъ и предписаній, становящихся вслѣдствіе постояннаго употребленія живымъ народнымъ преданіемъ, оберегающимъ и обезпечивающимъ культурно-историческое существованіе и внутреннюю жизнь государства въ его цѣломъ Подобно этому при помощи богослуженія всякій православный христіанинъ, и еще болѣе все религіозное богоучрежденное общество, какова наша церковь, проникаетъ въ «святая святыхъ» откровеннаго ученія и жизни, въ самую сущность религіозной жизни. Здѣсь полное взаимодѣйствіе. Богослуженіе не только само отъ этого получаетъ новую жизнь и соединяется во едино со всѣми прочими способами проявленія христіанскаго вѣроученія въ церкви, но и отражаетъ въ цѣлости истины всю полноту религіозной жизни всецерковной. Съ этой сто-

---

[93]) *Проф. Н Рождественскій*, Апологетика, т. 1, стр. 143.

роны оно есть самое дѣятельное средство историческаго распространенія и утвержденія преданія. Въ немъ не механически воспроизводятся догматы вѣры и правила жизни, но и *самымъ дѣломъ* осуществляются. Богослуженіе, говорящее не одному только уму, но и сердцу, особенно необходимо при передачѣ и распространеніи откровеннаго ученія и жизни среди простаго народа, всегда глубокорелигіознаго, хотя и не всегда постигающаго умомъ истины вѣры. Наконецъ, церковное богослуженіе весьма важно для сохраненія преданія въ силу своей большей исторической *неизмѣняемости*, большей культурной устойчивости, чѣмъ другіе источники и пособія исторической передачи *незаписаннаго* ученія и жизни. Память знаменитыхъ предковъ и ихъ славныхъ дѣяній увѣковѣчивается установленіемъ особыхъ праздентствъ въ честь ихъ, сооруженіемъ трофеевъ, составленіемъ хвалебныхъ пѣсней и т. п. По аналогіи съ этимъ и историческую передачу многихъ истинъ христіанскаго ученія и жизни церковь упрочиваетъ при помощи богослуженія, устанавливая различныя празденства, создавая пѣснопѣнія, учреждая обряды [94]).

По причинѣ столь тѣсной связи между догматическою вѣрою и богослуженіемъ православная церковь всегда соблюдала цѣлостное единство даже, повидимому, въ несущественныхъ обрядахъ, обычаяхъ и формахъ. Особенно въ виду сектантовъ и раскольниковъ она настаивала на перушимости богослуженія со стороны внѣшней. Вотъ почему она придавала и придаетъ весьма важное значеніе вопросу о праздноваиіи Пасхи, о времени преложенія Святыхъ Даровъ, о крестномъ знаменіи (о почитаніи креста четвероконечнаго и употребленіи троеперстнаго сложенія и именословнаго благословенія), о пѣніи и толкованіи алиллуіа, о просфорахъ (пятипросфоріе вмѣсто раскольничьяго семипросфорія). Должно при этомъ помнить, что вопросъ о значеніи обрядовыхъ разностей мыслится въ православіи въ зависимости отъ учительнаго авторитета церкви, требующей, что бы богослуженіе совершалось не по буквѣ, не механически, не ради одного соблюденія внѣшней формы, но въ духѣ и истинѣ вселенской вѣры и любви всецерковной.

---

[94]) *Тертулліанъ*, De cor milit c 3: «oblatines pro defunctis annua die facimus; *Кипріанъ*, Ep. 66; Евсевій V, *Августинъ*, Ep. 107 ad Vital. n. 2, Contr. Iulian VI, c. 5,

Для правильной оцѣнки православно-церковнаго взгляда на значеніе богослуженія для преданія должно строго различать *божественный* и *человѣческій* элементы этого богослуженія. Божественный моментъ касается вѣроученія и таинствъ. Съ этой стороны при изслѣдованіи вопроса о богослуженіи прежде всего должно обращать преимущественное вниманіе 1) на *религіозную идею*, т. е. на то ученіе или истину вѣры, которое въ немъ правильно выражается, и 2) на тѣ *религіозно-нравственныя чувствованія*, которыя оно возбуждаетъ и питаетъ. Это вѣчный моментъ, непреходящій, всецѣло обусловливающій догматико-каноничнское единство и тождество церковнаго богослуженія. Онъ стоитъ внѣ или выше историческаго движенія, опредѣляя это движеніе, и поэтому не подлежать никакому измѣненію или дополненію (существеннымъ поправкамъ). Его исполненіе есть абсолютный долгъ каждаго христіанина. Поэтому въ немъ объединяются всѣ истиные христіане, дѣятельно сознающіе свое религіозное единство, единство вѣры и жизни по ней.

Второй моментъ, въ границахъ котораго обозначаются внутренное достоинство и сила церковнаго богослуженія, касается условій пространства и времени, гдѣ и когда оно совершается. Здѣсь разумѣются индивидуальныя черты, временыя и мѣстныя условія, при которыхъ исторически развивается богослуженіе, въ неразрывной связи съ первымъ моментомъ. Богослуженіе въ историческомъ ходѣ и практическомъ примѣненіи зависитъ отъ многихъ условій пространства и времени. Отсюда измѣнчивость и разнообразіе богослужебныхъ формъ и обрядовъ у различныхъ христіанскихъ народовъ. Здѣсь уже имѣетъ мѣсто историческое движеніе и христіанская свобода, при оцѣнкѣ которыхъ должно всячески опасаться, какъ бы не внести въ богослужебный кругъ частныхъ вѣроисповѣдныхъ разностей, національныхъ предразсудковъ и временныхъ интересовъ въ качествѣ нерушимыхъ правилъ и нормъ. Какое зло отъ такого смѣшенія происходитъ, ясно показываютъ католики и протестанты. Будучи искренними сторонниками своего вѣроисповѣднаго толка, они стремятся найти въ прошломъ христіанства оправданіе своей богослужебной организаціи. Чтобы избавиться отъ этой страшной опасности потерять истинный гносеологическій критерій, столь необходимый въ сужденіяхъ о богослуженіи, какъ источникѣ вѣроученія и жизни

церковной, должно «временныя и мѣстныя потребности и условія» богослужебной практики разсматривать въ органической связи съ божественнымъ и вѣчнымъ моментомъ апостольскаго богослужебнаго строя. Православный взглядъ на церковное богослуженіе всегда имѣетъ въ виду эту связь и, поэтому, является весьма важнымъ нормативнымъ критеріемъ, вносящимъ необходимыя поправки и существенныя дополненія въ католическія и протестантскія изслѣдованія богослужебнаго преданія. Католики, смѣшивая до крайности свои временныя и мѣстныя богослужебныя особенности съ всеобщими и вѣчными элементами христіанскаго богослуженія, возводятъ ихъ къ временамъ апостольскимъ. Отсюда механическое соблюденіе *всѣхъ* конфессіональныхъ богослужебныхъ формъ—существенная тенденція католичества нашихъ дней. Отсюда сектантская приверженность кароликовъ къ ругинѣ и застою, безжизненное, мертвенное и затхлое направленіе ихъ богослужебной практики. Протестанты, на оборотъ, стараются въ древне-церковной жизни отыскать и тенденціозно подобрать свидѣтельства для оправданія своего богослужебнаго строя. Отсюда—крайняя узость задачи и мелочное направленіе въ ихъ изслѣдованіяхъ древне-христіанской богослужебной жизни. Существенное отличіе и преимущество православія въ ученіи о богослуженіи состоитъ въ его абсолютной вѣрности всецерковному преданію, не частному какому либо, не мѣстному и временному, а преданію вселенской церкви, обнимающей въ своихъ нѣдрахъ всѣхъ истинно-вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ. Поэтому, истинно-православный синтезъ вѣчныхъ и человѣческихъ элементовъ въ понятіи и жизни церковнаго богослуженія несравненно превосходитъ римскую и протестантскую богослужебную практику. Только при немъ становится невозможнымъ ни римско-католическое смѣшеніе и сліяніе мѣстныхъ и временныхъ богослужебныхъ преданій съ общецерковными, ни протестантское искусственное ограниченіе богослужебнаго круга «только апостольской эпохою», при мнимомъ тождествѣ «протестантскаго культа» съ истинно-апостольскимъ богослуженіемъ. Только здѣсь находится истинное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ касательно богослужебной практики. Только такимъ образомъ устраняется застой и оцѣпененіе, свойственныя въ равной степени католичеству и протестантству, по ихъ духовному сродству, и вводится

творческое начало духовной жизни и органическаго раскрытія церковно-богослужебнаго преданія. Въ *исторіи* христіанскаго откровенія должна быть принята идея историческаго движенія церковной жизни. Съ этой точки зрѣнія и сущность православнаго богослуженія должно поставлять не въ механическомъ сохраненіи *однѣхъ* внѣшнихъ формъ и предписаній, а въ самобытномъ и духоносномъ созиданіи тѣла церкви Христовой въ живыхъ богослужебныхъ преданіяхъ, идущихъ въ преемственной связи отъ самихъ апостоловъ.

2) Церковные обычаи.

Церковно-религіозную вѣру (преданіе) мы видимъ и постигаемъ въ богослуженіи; ибо она запечатлѣвается въ таинствахъ (въ чинопослѣдованіяхъ) и выражается въ священнодѣйствіяхъ и символахъ. Въ соотвѣтствіе этому и религіозно-нравственное міросозерцаніе свидѣтельствуется и запечатлѣвается въ нравственно-христіанской жизни и въ церковныхъ обычаяхъ, получая такимъ образомъ свое внѣшнее выраженіе и историческое свидѣтельство. Какъ на основаніи богослуженія мы выводимъ безошибочное заключеніе объ основныхъ истинахъ вѣры; такъ точно этого можно достигнуть и при изслѣдованіи церковныхъ обычаевъ относительно вопросовъ нравственно-христіанской жизни и дѣятельности. Что такое, по своему существу, православно-церковное преданіе, лучшее свидѣтельство объ этомъ можетъ дать духоносная *жизнь*, проистекшая отъ Христа и апостоловъ. И эта жизнь не отъ одного писанія; она раньше писанія загорѣлась; ибо писаніе послѣ появилось въ церкви. Ее необходимо всегда предполагать въ церкви для уразумѣнія самаго писанія въ истинномъ смыслѣ [95]). Въ ряду религіозно-просвѣтительныхъ задачъ церковной жизни есть много такихъ, которыя не могутъ быть разрѣшены при помощи одного писанія. Съ этой стороны и церковное законодательство христіанскихъ обычаевъ, православно-церковные источники и основы христіанской нравственности, таящіеся въ сокровенныхъ глубинахъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ, созидаются и крѣпнуть преимущественно путемъ преданія. Неписанные нрав-

[95]) Это вопросъ о значеніи нравствено—высокой *жизни* для познанія откровенной *истины*.

ственные законы (ἄγραφοι νόμοι) лежатъ въ самомъ корнѣ положительнаго христіанскаго законодательства. Это дѣло живаго духа христіанской вѣры, раскрывающагося въ особыхъ условіяхъ бытія и жизни церкви вселенской. Здѣсь писаніе и преданіе относятся между собою, какъ взаимно-дополняющіе источники и нормы. Конечно, основные христіанскіе принципы жизни свидѣтельствуются и въ писаніи, но не однимъ писаніемъ они исчерпываются, ибо само писаніе входитъ въ кругъ христіанскаго законодательства, въ кругъ обычаевъ, заимствованныхъ изъ преданія. Одной общей *формулировки* нравственныхъ законовъ, правилъ и обычаевъ нѣтъ въ библіи; скорѣе здѣсь находятся драгоцѣннѣйшія существенныя черты и источники христіанской нравственности, составляющія органическую часть единой и цѣлостной системы дѣйствующихъ, жизненныхъ постановленій православной церкви. Нравственно-христіанскія начала жизни это своего рода живой комментарій, необходимое раскрытіе церковнаго преданія [96]).

Протестанты, вообще умаляющіе достоинство нравственности предъ религіею, обыкновенно возражаютъ намъ противъ такого пониманія взаимодѣйствія между преданіемъ и церковными обычаями. Они говорятъ, что обычаи постоянно измѣняются и потому имѣютъ второстепенное значеніе и «даже вовсе не нужны» въ дѣлѣ христіанской религіи, въ дѣлѣ распространенія и утвержденія истинъ вѣры и жизни христіанской. Вѣра и обычаи, религія и нравственность находятся въ «случайной связи». Но насъ нисколько не должно смущать то обстоятельство, что обычаи церковные измѣняются. При *исторической* измѣняемости обычаевъ самая сущность *нравственнаго* закона, охраняемаго ими остается всегда неизмѣнною. Поэтому мы не считаемъ нравственно-добрымъ то, что прежде называлось зломъ. Уже во времена апостоловъ нравственный законъ Христовъ проявилъ всю свою жизненную силу и авторитетъ (1 Тим. 3, 2; Тит. 1, 6: 1 Кор. 7, 26; 13, 1). Съ тѣхъ поръ истинно-христіанская свобода духа всегда утверждала и охраняла апостольскіе обычаи и обряды въ церкви. Эти обычаи постепенно проникали, въ жизнь христіанъ, личную, семейную и общественную, претворяя

[96]) Такъ всѣ отцы церкви смотрятъ на отношеніе нравственно-христіанскихъ обычаевъ къ церковному преданію.

ее въ «*ново смѣшеніе*» со стороны церковно-религіозныхъ потребностей и задачъ. Такимъ то образомъ исторически осуществлялась и поддерживалась *на самомъ дѣлѣ* во вселенской церкви живая связь между христіанскою вѣрою, жизнію и обычаями, и церковные обычаи всегда являлись прежде всего непремѣннымъ дѣйствіемъ и живымъ свидѣтельствомъ христіанской истины. Поэтому мы можемъ на основаніи обычаевъ вывести вѣрное заключеніе о существѣ и чистыхъ источникахъ нравственнаго міросозерцанія церкви православной, о нравственной силѣ религіозной вѣры, о степени духовнаго просвѣщенія христіанскихъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Итакъ ясно, насколько истинно-церковные обычаи необходимы при оцѣнкѣ нравственной свободы христіанскаго духа и внутренняго достоинства нравственно-христіанской жизни.

Въ виду этого весьма несправедливо «во имя духа христіанской религіи» оспаривать существенную важность церковныхъ обычаевъ. При оцѣнкѣ *обычаевъ* православная церковь прежде всего имѣетъ въ виду полное согласіе ихъ съ *вѣроученіемъ*. Обычаи нерушимо охраняютъ *нравственное* дѣйствіе религіи на душу и сердце отъ сектантскихъ обычаевъ и навыковъ. Обычаи церковные сильны религіозно-христіанскимъ духомъ, проникающимъ ихъ. Они, какъ нельзя лучше, выражаютъ свободное и постоянное движеніе христіанскаго духа въ церкви. Они воспитываютъ и возгрѣваютъ этотъ духъ во всѣхъ христіанахъ, какъ членахъ единаго тѣла Христова (Еф. 5, 29). Это, такъ сказать, религіозно-культурная атмосфера или особая среда, обнимающая всю нравственную жизнь всѣхъ истинно-вѣрующихъ христіанъ. Въ нихъ при помощи церкви воплощается евангельскій духъ вѣры и любви. Вотъ почему само *ученіе объ обычаяхъ* (обрядахъ) тѣсно связывается въ православіи съ *догматическимъ ученіемъ о церкви*, понимаемой въ смыслѣ религіозно-нравственнаго организма, олицетворяющаго въ себѣ христіанскую вѣру и совѣсть.

3) Благочиніе или церковная дисциплина.

Все сказанное о христіанскихъ обычаяхъ относится и къ церковной дисциплинѣ. Церковное благочиніе—обильный источникъ и чрезвычайно важный историческій памятникъ истиннаго преданія.

При помощи его христіанскіе обычаи приводятся въ органическій порядокъ, такъ сказать въ «живодѣйственную систему церковной жизни». Обычаи и нравы церковно-православные—это жизненное свидѣтельство религіозно-нравственнаго міросозерцанія и истинно-евангельскаго духа. А дисциплина только обобщаетъ и упорядочиваетъ ихъ въ глубинѣ и ясномъ церковно-православнаго самосознанія и жизни, сообщая имъ общецерковное бытовое значеніе и важность. Итакъ, христіанскіе обычаи и церковная дисциплина находятся между собою въ живомъ и постоянномъ взаимодѣйствіи. Это единое, исторически-достовѣрное свидѣтельство религіознаго міросозерцанія и жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ надежный способъ передачи догматическаго ученія и вѣры въ церкви православной.

Православная церковь могуча своими *догматами*. Но догматы становятся необходимыми *правилами жизни* христіанской путемъ церковной дисциплины. Съ этой стороны и должно разсматривать всѣ дисциплинарныя правила. Такъ, напр., «*апостольскія правила*» самымъ названіемъ своимъ даютъ понять, что они заключаютъ апостольское преданіе въ церковно-дисциплинарномъ порядкѣ. Если бы они были даже и не апостольскаго происхожденія по своей письменной формѣ и въ своемъ настоящемъ видѣ представляли результатъ дальнѣйшаго церковно-историческаго раскрытія и переработки, то и тогда они все-таки содержали бы основные законы древне-церковной дисциплины, коренящіеся въ апостольскомъ преданіи. Подобно этому и древніе *соборы*, вселенскіе и помѣстные, составляя свои *каноническія правила*, раскрывали существенныя черты церковной дисциплины и такимъ образомъ утверждали одну изъ главнѣйшихъ задачъ церкви въ дѣлѣ историческаго распространенія и изъясненія преданія. При оцѣнкѣ дисциплинарныхъ правилъ общимъ гносеологическимъ критеріемъ должно служитъ слѣдующее положеніе: чѣмъ *ближе* извѣстное дисциплинарное предписаніе къ апостольскому времени, тѣмъ *менѣе* отъ него должно отступать и, слѣдов., тѣмъ *болѣе* должно принимать его въ качествѣ источника и нормы, не требующей улучшенія и измѣненія. Здѣсь основаніемъ служитъ увѣренность въ полномъ согласіи основныхъ дисциплинарныхъ правилъ и постановленій съ преданіемъ апостольской вѣры. Съ этой

точки зрѣнія должно смотрѣть и на нашъ *номоканонъ*, на эту православную *синтагму* каноническихъ правилъ церковной дисциплины.

Церковная дисциплина соединяетъ православныхъ христіанъ въ одинъ духовный союзъ и такимъ образомъ устанавливаетъ и поддерживаетъ взаимное религіозное единеніе между ними, столь необходимое для сохраненія ученія истинной вѣры. Она, поэтому, составляетъ необходимую принадлежность православной церкви, понимаемой въ смыслѣ религіознаго союза одинаково вѣрующихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—она является и необходимымъ выраженіемъ истинно-церковной жизни. Совершенно неосновательно религіозное чувство (религіозную жизнь) считать «*наиболѣе* субъективнымъ» (индивидуальнымъ) изъ всѣхъ духовныхъ настроеній христіанина. Ничто такъ крѣпко не собираетъ людей въ величайшіе союзы, какъ религія (см. язычество, буддизмъ, іудейство, магометанство, христіанство). Напротивъ, изолированность, самозамкнутость, вообще недостатокъ общительности въ наибольшей степени противорѣчатъ внутренней природѣ истинно-религіознаго чувства и жизни. Здѣсь то особенно сказывается настоящая необходимость церковной дисциплины для всѣхъ христіанъ, объединенныхъ единствомъ религіознаго преданія. Такимъ образомъ нужда дисциплины сама собою опредѣляется не какими либо «внѣшними мотивами», а самою природою религіозной жизни, и въ ней имѣетъ свое главнѣйшее психологическое основаніе.

Со стороны дисциплины церковь есть богоустановленное общество *религіозной практики*, сложившейся вѣками и для всѣхъ обязательной. Дисциплинарная практика это всеобщее и необходимое преданіе церкви. И сектанты имѣютъ *свою практику;* но они отвергаютъ *общецерковную дисциплину*, и на этомъ основаніи отвергаютъ всецерковное преданіе, ограничивая до крайности жизнь церковную. Видно, что и сектанты не могутъ обойтись безъ дисциплинарнаго преданія; но оставивши истинное преданіе, они изобрѣли ложное, чему множество примѣровъ. Слово же Божіе указываетъ намъ на необходимость одного церковно-дисциплинарнаго преданія. Кого лучше слушать и какому преданію слѣдовать (сектантскому или церковному), отвѣтъ на это въ православномъ ученіи о значеніи церковной дисциплины для всѣхъ христіанъ. Путемъ дисциплины ученіе вѣры, обычаи и правила жизни поставляются внѣ всякой

«сектантской критики», признаются для всѣхъ обязательными, общепризнанными и неприкосновенными. Здѣсь вопросъ о сохраненіи преданія во всей цѣлости и полнотѣ сводится къ сплоченности всѣхъ членовъ церкви въ единствѣ общей дисциплины. Для этого въ православной церкви существуетъ цѣлая система дисциплинарныхъ авторитетовъ. Вѣра и правила жизни, которыхъ держатся по преданію всѣ православные христіане, достаточны для руководства въ ихъ поведеніи, и они нисколько не задумываются надъ ними, считая для себя обязательнымъ дѣломъ дѣйствовать одинаково въ одинаковыхъ случаяхъ. «Испытующая критика» является только тамъ, гдѣ руководственныя дисциплинарныя начала и принципы перестаютъ быть общеобязательными и становятся чрезъ это шаткими. Это при уклоненіи отъ вѣры (1 Тим. 6, 10) у сектантовъ, людей злыхъ, обманщиковъ, лукавыхъ, отъ истины отвратившихъ слухъ (2 Тим. 4, 4). Безпорядочная свобода, при сектантскомъ отрицаніи церковной дисциплины, только умножаетъ ереси и расколы, производя религіозную замкнутость, изолированность и отчужденность, при которыхъ для отдѣльныхъ индивидуумовъ остается minimum духовно-христіанской свободы. Поэтому въ сектантствѣ полнѣйшее подчиненіе отдѣльныхъ лицъ вожакамъ. Здѣсь полнѣйшее самозванство. Саморазложеніе религіозной вѣры, совершенное уничтоженіе истинно-церковной свободы, произвольное отрицаніе дисциплинарнаго единенія — это характеристическія черты и основные психологическіе (отрицательные) мотивы сектантства. Сектантство для своихъ фанатическихъ исповѣдниковъ и послѣдователей узаконяетъ полнѣйшій *произволъ* вѣры и жизни. Каждый сектантъ въ извѣстной мѣрѣ самостоятельный *autor* своей вѣры. Какая тутъ можетъ быть «дисциплина», да и зачѣмъ она? Въ сектантствѣ совершенное отрицаніе церковной дисциплины, и это служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ полнѣйшаго распада здѣсь религіозныхъ связей, духовнаго убійства и самоубійства (самосожигатели, нѣтовцы, морельщики). Какъ, поэтому, несостоятельно мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, будто въ антицерковномъ сектантствѣ «образцовая дисциплина», даже лучшая, чѣмъ въ православной церкви.

4) Церковный уставъ.

Тоже самое, что сказано нами о значеніи церковной дисциплины, какъ источника преданія, должно сказать и о церковномъ уставѣ, понимаемомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Подобно церковной дисциплинѣ, и уставъ есть весьма важный источникъ истинно-догматическаго ученія вообще и въ особенности ученія о церкви православной въ ея существѣ и историческихъ основахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ и истиннымъ выраженіемъ преданія, особенно въ той части, которая касается внутренняго устройства или религіозной организаціи церкви, покоющейся на повелѣніи и авторитетѣ божественномъ. Для оцѣнки устава особую важность имѣетъ гносеологическій критерій се. Викентія Лиринскаго по формулѣ quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est.

По православному ученію, церковь есть духоносная таинница благодати и истины Христовой, а также неногрѣшимая продолжительница всѣхъ уставовъ и заповѣдей Господнихъ для совершенія дѣла нашего спасенія. Поэтому она находится подъ непосредственной охраной Промысла Божія. Итакъ, съ одной стороны церковь есть откровеніе Божіе въ его временно-пространственномъ бытіи и исторической жизни, единое духовное тѣло Христово (Еф. 4, 16; 5, 23; Кол. 1, 18), а съ другой—она есть продолжательница истинно-откровеннаго ученія, богоустановленный разсадникъ жизни Божіей въ родѣ человѣческомъ (Мат. 28, 19; Іоан. 20, 21—23). Здѣсь *уставъ церкви* необходимое *дѣло* ея; безъ него она не могла бы жить въ исторіи, въ реальной дѣйствительности.

Въ церковномъ уставѣ должно строго различать составныя части, взаимносвязанныя и поддерживающія одна другую: божественную и человѣческую, общую и частную, вѣчную и измѣняемую во времени. По своей божественной и вѣчной сторонѣ уставъ—абсолютный источникъ бытія и жизни апостольскаго преданія въ церкви православной. Какъ всеобщія и неизмѣняемыя части устава должно обозначить слѣдующіе моменты его: 1) *различіе* (несливаемость) *между учащей и поучаемой церковію*, или ученіе о богоучрежденности священства, 2) *іерархическій строй* учащей церкви,

требующей безпрекословнаго послушанія со стороны мірянъ и 3) *божественный авторитъ* самой церкви во всей цѣлости и полнотѣ ея религіознаго бытія. Всѣ эти моменты устава утверждаются на словѣ Божіемъ и подтверждаются искони-церковнымъ ученіемъ.

1. Вся внутренняя религіозная организація церкви, покоющаяся на божественномъ установленіи, прежде всего основывается на различіи между учащею и учащеюся церковію, иначе на ученіи о божественномъ происхожденіи священническаго сана и власти. Сначала св. апостолы (Мат. 16, 19; 18, 18; 28, 19—20; Лук. 10, 16; Іоан. 13, 20; 15, 20, 47, 18—21), а въ лицѣ ихъ всѣ преемники ихъ (Дѣян. 2, 28; Тит. 1, 5; 1 Тим. 5, 22), священнослужители церкви Божіей, приняли отъ Христа и Духа Святаго власть учить и «*пасти церковь*» (Дѣян. 2, 28), быть «*слугами Христовыми и строителями таинъ Божіихъ*» (1 Кор. 4, 1). т. е. наставлять людей въ вѣрѣ, благочестіи и добрыхъ дѣлахъ. Отсюда уже вытекаетъ *божественное право* православно-церковнаго учительства (Мат. 18, 18; 20, 18—20, Іоан. 20, 22 и слѣд.; Марк. 16, 15). И это различіе между учащею церковію и поучаемымъ народомъ служитъ глубочайшимъ основаніемъ религіознаго единства церкви вселенской. Только въ римской церкви это необходимое различеніе доходитъ до *раздвоенія, до отдѣленія* и до расхожденія на «безконечныя растоянія» іерархіи и народа. Въ католичествѣ церковь—это «массивная пирамида»: вѣнецъ—«папа автокефальный», верхніе слои—«богоучрежденная іерархія», а нижніе, «ничтожные»—міряне. Верхніе слои гнетутъ нижніе, надъ іерархіей тяготѣетъ папская власть, надъ мірянами—деспотическая рука іерархическая. Іерархія не имѣетъ самостоятельнаго авторитета, а міряне—оторванныя отъ тѣла церкви, бездушная, порабощенная силѣ іерархической *масса*. *Духовное порабащеніе* и раздѣленіе—коренной законъ церковной организаціи въ католичествѣ. «Папскій абсолютизмъ»—это духовный деспотизмъ, духовная тирапія, чрезмѣрно возвышающая «клиръ», почитаемый «за собственно-церковную субстанцію», надъ міряпами, доведенными до «ничтожной случайности» въ бытіи и жизни церкви. Не то, что̀ «римскій іерархизмъ», православное пастырство и церковное учительство. Въ римской церкви полное *раздѣленіе* и внѣшнее—подчиненіе, а у насъ только

необходимое различіе и свободное духовное послушаніе лежатъ въ основаніи церковной организаціи. Тамъ іерархія—все, а у насъ іерархія—только органическая главнѣйшая часть единаго тѣла церкви Христовой и учительный авторитетъ.

2. Іерархическій строй учащей церкви—искони православная черта. Всеобщность и апостольская древность его служитъ главнѣйшимъ доказательствомъ его божественнаго происхожденія. Апостолы были *первые священноначальники* (Еф. 4, 11—12; Кол. 1, 24—25). Отъ нихъ уже чрезъ преемственную хиротонію (1 Тим. 2, 22) въ таинствѣ священства идетъ церковное священноначаліе (іерархія), непрерывный рядъ церковныхъ преемниковъ ихъ власти и авторитета. Такимъ образомъ въ апостольствѣ коренится вся *іерархическая сущность* православнаго священноначалія (епископство, пресвитерство и діаконство), сохраняющаго въ церкви *преемство апостольскаго служенія*. Съ этой стороны православное священство искони-организованный и непогрѣшимый владѣтель и носитель *апостольскаго преданія*.

Существенный моментъ церковно-іерархическаго преемства и преданія составляетъ *актъ святительскаго* (епископскаго) *рукоположенія*. Это не символическій актъ, какъ у англиканъ, а дѣйствительное поставленіе и посвященіе въ духовный санъ, въ іерархическую степень православнаго священничества; это одно изъ *таинствъ церкви*. Вся религіозная сущность его въ томъ, чтобы посредствующій членъ (апостольское преемство)—благодатно свести къ самимъ апостоламъ, къ ихъ власти и силѣ Божіей. А это достижимо только въ *таинствѣ священства*, при помощи рукоположенія. Здѣсь вся сила іерархическаго строя церкви учащей и залогъ вселенски-церковнаго единства православной іерархіи.

Протестанты погрѣшаютъ противъ истины, отрицая церковное *священноначаліе* (іерархію) и въ то же время допуская у себя *священническій чинъ* или санъ. Но, отвергая ученіе о богоучрежденности іерархіи и таинство священства, они тѣмъ самымъ отрекаются отъ апостольскаго преемства. Ихъ священство, какъ чуждое іерархическаго устройства, самочинное, самозванное, само отъ себя пріемлющее честь, а не отъ Бога. Пасторъ не что иное, какъ просто—вѣрующій міранинъ или «религіозно-просвѣщенный чело-

вѣкъ», который въ силу своего «духовнаго образованія», а не по дару Христа, наставляетъ свою паству. Противоположность этому представляетъ «римская курія». Среди католическихъ священнослужителей установлена особая іерархія; католическое духовенство многочисленно и многосложно по іерархическому составу; это цѣлая система іерархической субординаціи. Но іерархическій строй поколебленъ въ самыхъ основахъ папствомъ, папской тиранической монархіей. Мнимое приматство папы и отождествленіе епископства съ апостольствомъ разрушаютъ въ католичествѣ *апостольское устройство церкви* и вносятъ разладъ въ жизнь церковную. Агликанство имѣетъ точки соприкосновенія съ католичествомъ. Здѣсь господствуетъ «единоличное епископальное управленіе». Здѣсь іерархическій принципъ преданія находитъ свое общее выраженіе въ формѣ continuum successio episcopalis. Епископство—исключительная сила, примѣняющая на практикѣ принципъ преданія. Гордая «аристократія епископата»—отличительная черта англиканской іерархіи. Она срослась навсегда съ самымъ іерархическимъ существомъ англиканства. Здѣсь полнѣйшее сходство англиканской церкви съ римской. Постоянное наклоненіе англиканскаго протестанства въ сторону католичества въ вопросѣ объ іерархіи—это не больше, какъ недостатокъ послѣдовательности или же боязнь запутаться въ дебряхъ папскаго всевластія. Такъ какъ англикане не признаютъ таинства священства въ смыслѣ православнаго ученія, то у нихъ successio episcopalis «паритъ въ воздухѣ» въ качествѣ чистаго постулята ихъ *канонического права*. Это не церковно-догматическій принципъ, а только юридическій. У насъ не то: догматико-каноническіе основы іерархическаго преемства коренятся въ апостольскомъ преданіи, сохраняемомъ и возгрѣваемомъ епископами, истинными преемниками апостоловъ и въ цѣломъ своемъ составѣ непогрѣшимыми истолкователями и духоносными носителями апостольскаго ученія и жизни.

3. Божественный авторитетъ церкви православной также существенная черта церковнаго устава. Онъ безусловно необходимъ въ дѣлѣ всемірно-исторической миссіи церкви, въ ея религіозно-просвѣтительныхъ задачахъ. Дѣло Христово и нынѣ совершается въ церкви и чрезъ церковь. Ученіе Христова, «*Евангеліе царствія Божія*» (Марк. 14, 15), есть то самое, что и нынѣ передается въ

нашей церкви. Оно отпечатлѣвается въ истинной вѣрѣ и жизни всѣхъ христіанъ, соединенныхъ преданіемъ, совокупно и преемственно по устроенію Божію, составляющихъ изъ себя «*церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины*» (1 Тим. 3, 15). Отсюда Евангеліе Христово въ церкви не священный только свитокъ, хранящійся въ бытописаніи мертвой и давно—прошедшей исторіи, но вѣчноживой и живоносный источникъ откровенія Божія, всегда возобновляющій для насъ прошедшее, принадлежащее и настоящему. Христосъ не primus motor, въ «дальнѣйшемъ ходѣ развитія церковнаго сходящій со сцены исторіи» и «церковію замѣняемый» или замѣненный [96]). Нѣтъ! Христосъ всегда въ церкви Своей и церковь въ Немъ. И всякій истинный христіанинъ знаетъ *въ настоящее время* Христа въ церкви и только въ Ней одной по духовному общенію съ Нимъ. Церковная жизнь—всегда одна и таже и она только утверждаетъ всѣхъ христіанъ во Христѣ и укрѣпляетъ въ Немъ (2 Кор. 1, 21—22). Итакъ, церковь есть «вѣчное Евангеліе» (Апок. 14, 6) Христово. И только отчужденные отъ церкви и озлобленные сектанты могутъ считать церковь миѳомъ и легендой о Христѣ. Но это уже страшное безуміе и дикое религіозное варварство.

Что касается до вопроса о мѣстныхъ, временныхъ, народныхъ, вообще усовершаемыхъ моментахъ церковнаго устава, то должно замѣтить, что и они создались не «совсѣмъ произвольно» и не «совершенно случайно». Они произошли соотвѣтственно особымъ мѣстнымъ и временнымъ потребностямъ изъ глубины одного и того же живоноснаго духа церкви, обнимающей въ своемъ лонѣ весь міръ, всѣ народы земли. Поэтому и эти элементы устава должны всегда стать въ согласіи съ божественными и вѣчными элементами, по крайней мѣрѣ, не должны противорѣчить имъ.

Протестанты въ церковномъ уставѣ только и видятъ, что эти «мѣстные, временные и народные элементы» и изъ-за нихъ готовы отвергать *весь вообще* церковный уставъ. Въ свое оправданіе они обыкновенно говорятъ, что первоначальный уставъ и его организація совершенно измѣнились подъ вліяніемъ «клерикально-іерархическихъ интересовъ», такъ что сходство «позднѣйшей церкви» съ

---

[96]) Взглядъ Шлейермахера.

«праапостольскою» доказать невозможно на основаніи устава [97]). Поэтому, отвергая церковное ученіе о таинствѣ священства, о богоучрежденности іерархіи и божественномъ авторитетѣ церкви Христовой, они основываютъ «свою церковь» не на «іерархическихъ началахъ», а на «демократически-автономныхъ», и авторитетъ церковной власти умаляютъ до ничтожества, выводя ее не изъ божественнаго повелѣнія, не свыше, а съ низу, «*отъ человѣкъ и чрезъ человѣковъ*» (Гал. 1, 1). Отсюда у нихъ полное «іерархическое безначаліе» и сектантская свобода вѣры. Здѣсь церковь превращается въ антиіерархическое «общество равноправныхъ гражданъ съ демократически-республиканскимъ образомъ управленія», а «соціально-демократическія начала», разрывающія и устраняющія органическую связь божественныхъ элементовъ церковнаго устава, центръ тяжести религіозной жизни переносятъ съ управляющей іерархіи на самоуправляющійся и самочинный народъ (противоположность католичеству).

Но, отвергая божественно-іерархическій строй церковнаго устава, протестанты противорѣчатъ писанію, которое съ очевидною ясностію и совершенною полнотою указываетъ на божественное происхожденіе іерархіи церковной. Поэтому и сами протестанты вынуждены принять *для апостольской древности иной строй*, чѣмъ для позднѣйшаго времени, для «современной церкви». И, по протестантскимъ понятіямъ, церковь основана Христомъ и іерархическое устройство ея свыше есть, отъ Бога, чрезъ апостоловъ. Но вся ошибка ихъ состоитъ въ мысли, что апостольская власть и іерархическій авторитетъ перешли ко *всѣмъ вообще* людямъ, а не къ церковной іерархіи, и *теперь* церковный строй долженъ идти снизу, отъ народа. Какъ въ республикански-демократическихъ обществахъ царствуетъ личный произволъ и вмѣсто органическаго единства и взаимодѣйствія господствуетъ «атомистическое раздѣленіе» и «борьба за существованіе», такъ и въ протестанствѣ господствуетъ это послѣднее начало «религіозной борьбы», раздѣляющее его на множество «популярныхъ сектъ и толковъ». Но, очевидно, что такое положеніе церкви въ протестанствѣ не—нормально, не говоря уже о томъ,

---

[97]) *Baur*, Dogmengech, § 111, s. 340.

что оно противорѣчитъ дѣйствительной исторіи христіанскаго откровенія и здравому смыслу, и несогласно даже съ припятымъ протестантами формальнымъ принципомъ. Если принципъ писанія единственный источникъ, то *первоначальная организація* церкви, въ томъ видѣ, какъ мы ее находимъ въ библіи, должно быть *единственной нормой* для всѣхъ послѣдующихъ временъ, для всѣхъ странъ и народовъ. Но если *библейская организація* церкви имѣетъ силу только *для апостольской эпохи*, то какъ же протестанты *сами* измѣнили ее въ угоду своей сектѣ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ «историческихъ обстоятельствъ»? Тогда, значитъ, писаніе уже *не единственный* источникъ и норма для послѣдующаго времени, и, будучи восполняемо и раскрываемо при помощи истинно-церковнаго преданія, обличаетъ «самочинный строй протестантской церкви съ ея противо-іерархическимъ уставомъ».

Таковы церковно-историческіе источники и памятники преданія. Въ отношеніи къ нимъ нисколько не важна случайная или историческая форма, могущая быть и не совсѣмъ точною и недостаточно полною и всеобъемлющею; существенно важна единая *субстанціальная* мысль, религіозная идея, церковное ученіе, содержащееся и раскрывающееся въ нихъ. Всѣ эти источники—не какое либо случайное или внѣшнее отраженіе христіанскаго откровенія и вѣры, но, такъ сказать, переходные моменты, свѣтозарныя пути, при помощи которыхъ распространяется христіанское преданіе и въ своемъ историческомъ дѣйствованіи становится плодоносно и растимо во всей церкви вселенской, единой и святой. Въ нихъ обозначаются и ими освѣщается *сплошной* (безъ всякихъ перерывовъ прибавленій и искаженій) *ходъ* истинно-откровеннаго ученія и вѣры въ церковномъ самосознаніи и жизни. Здѣсь вся сила ихъ вѣковѣчной древности, ихъ глубокій смыслъ и вѣчное значеніе.

При уясненіи понятія объ источникахъ преданія должно помнить, что церковь разсматривается у насъ не какъ какой либо *новый* и *третій* источникъ истинно-религіознаго познанія, не какъ «самозаконная составительница новыхъ ученій», а какъ духоносная, благодатно-таинственная охранительница «вѣрою спасаемыхъ», какъ

истинная наставница въ дѣятельномъ ученіи вѣры, какъ *вѣчная скинія Божія.* Съ этой стороны *безъ церкви* издревле унаслѣдованное преданіе оставалось бы столь же нѣмымъ и двусмысленнымъ, какъ и писаніе. Не преданіе само по себѣ утверждаетъ и раскрываетъ откровенную истину и рождаетъ вѣру въ нее, какъ и писаніе не въ состояніи это сдѣлать, а *богодухновенная церковь.* Совершенная самостоятельность или полнѣйшая изолированность отъ церкви преданія *(преданіе безъ церкви)* по его внутренней природѣ и условіямъ историческаго бытія не можетъ быть принята въ качествѣ православнаго догмата. Слово Божіе, писанное и незаписанное преданіе — вотъ полная организація православнаго взгляда на источники христіанскаго откровенія и вѣры. Здѣсь *преданіе и церковь* одно и то же, синонимы.

Но чрезъ принятіе церкви въ кругъ православно-гносеологическихъ источниковъ и нормъ нисколько не увеличивается символическое двойство этихъ источниковъ и нормъ. Православное ученіе объ источникахъ преданія точно обозначаетъ учительный авторитетъ церкви въ его сущности и происхожденіи, а этотъ авторитетъ состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ чисто-сохраняющей дѣятельности, въ дѣятельности всецѣло направленной къ всестороннему огражденію и вѣрной передачѣ откровенной истины. Церковь только сохраняетъ преданіе въ его источникахъ. Здѣсь особенно наглядно выражается существенное различіе между православіемъ и католичествомъ. Въ римскомъ взглядѣ на источники, какъ regulae internae fidei, создается одна изъ «сильнѣйшихъ прерогативъ папской власти», исчерпывающаяся до дна въ особой теоріи о «догматическомъ развитіи церкви» [98]). «Грѣховная слитность» и весьма сбивчивая классификація римско-католическихъ источниковъ не даютъ ни какой возможности ясно разграничить вопросъ о преданіи въ самомъ себѣ отъ вопроса о папской власти и «церковномъ прогрессѣ» вѣры при помощи ея. Ученіе объ источникахъ римскаго преданія, иначе о его «догматическомъ развитіи» — это цѣлый лабиринтъ. Здѣсь тщательно сокрываются чрезвычайно запутанные ходы папскаго все-

---

[98]) Впрочемъ, католическій миѳъ объ «эволюціи догматовъ» въ церкви усвоенъ и многими протестантскими богословами.

властія, освобождающаго римскую церковь отъ тягостнаго согласованія въ вопросахъ вѣры съ подлинно-историческими источниками и нормами. Папство оказывается само одарено собственнымъ, непрерывно-продолжающимся вдохновеніемъ, въ силу чего оно само безпрепятственно создаетъ новые догматы. Здѣсь—«догматическая основа» папской оргіи и «мистическіе корни» самовластія «папской критики». А эта критика, какъ извѣстно, достигаетъ «до Геркулесовыхъ столбовъ» въ ученіи о догматическомъ развитіи церковнаго самосознанія и жизни въ непогрѣшимомъ папствѣ. Дальше идти некуда, да и не зачѣмъ.

Мы находимся здѣсь предъ чѣмъ то трагическимъ и грознымъ въ судьбахъ католичества. Новые догматы, составляющіе еретическій элементъ во всѣхъ частяхъ католическаго взгляда на источники и памятники вѣры, внутренно разлагаютъ и разрушаютъ римскую церковь. Да иначе и быть не можетъ. Все, построенное на «ложномъ основаніи», на вымыслѣ, на «*пескѣ*» (Мат. 7, 26), должно рухнуть и разсыпаться въ прахъ. Это всеобщій непреложный законъ бытія и жизни. Государство, основанное на соціальной неправдѣ, царство, держащееся насиліемъ, религіозная секта, служащая ложнымъ богамъ, «темнымъ и лукавымъ духамъ», «церковь», живущая «поддѣлкой вѣры» (католичество и протестантство),— должны неизбѣжно упасть и разрушиться. Неумолимый и страшный судъ Божій, судъ жизни непремѣнно прійдетъ. Это также вѣрно, какъ и Самъ Богъ, который «*поругаемъ не бываетъ*» (Гал. 6, 7). И съ другой стороны «*правда Божія вѣрою Іисусъ Христовою*» (Рим. 3, 22) должна осуществиться въ истинной церкви во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ. Откровеніе Божіе не можетъ не торжествовать полной побѣдѣ надъ сектантскою ложью и врагами спасенія. Поэтому тѣ, кто отступаетъ отъ путей Божіихъ, указанныхъ и раскрытыхъ въ живоносныхъ и чистыхъ источникахъ христіанскаго откровенія и вѣры. сами работаютъ на свою погибель, собираютъ горящіе угли надъ своею главою. А тѣхъ, кто живетъ по правдѣ и истинѣ Божіей, почерпаетъ питіе жизни изъ источниковъ откровенія Христова, ожидаетъ оправданіе и спасеніе. Таковы всѣ православные христіане, вся православная церковь. Въ ней нѣтъ ни какого «политическаго расчета», «мнимо-іерархическаго оппортю-

низма», искусственной приспособляемости къ обстоятельствамъ и временамъ въ своемъ ученіи и жизни, а есть одно—живое и дѣятельное созиданіе царствія Божія въ силѣ. Съ этой стороны преданіе въ своихъ источникахъ есть чистый и святой потокъ все-церковныхъ ученій и жизненныхъ правилъ, текущій чрезъ всѣ вѣка и напаяющій жаждущія жизни. Хотя онъ обогащается съ теченіемъ времени многочисленными притоками, однако остается тождественнымъ и неизмѣннымъ какъ въ началѣ и срединѣ, такъ и въ концѣ. Догматическіе источники преданія неизмѣняемы качественно, хотя могутъ увеличиваться количественно. Само писаніе, какъ источникъ преданія, только совпадаетъ съ этимъ процессомъ историческаго раскрытія христіанскаго откровенія и вѣры въ едино-спасающей православной церкви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Матеріальное преданіе.

«Преданіе есть, ничего болѣе не ищи».
Слова св *Іоанна Златоуста.*

«Еретики не слѣдуютъ ни писанію, ни преданію».
Слова св. *Иринея Ліонскаго*

Если отнести понятіе о преданіи къ *внутреннему содержанію* только что разобранныхъ нами источниковъ и памятниковъ христіанскаго вѣроученія и церковной жизни, то подъ преданіемъ должно подразумѣвать истины, ученія, предписанія, правила и обычаи, или ненаходящіеся въ писаніи или же заключающіеся въ немъ не такъ ясно, прикровенно и implicite. Въ такомъ смыслѣ преданіе должно разсматривать, какъ объективно-матеріальный источникъ христіанскаго откровенія и вѣры въ ихъ историческомъ бытіи и жизни. Съ этой стороны существуетъ не одно преданіе, а многія *преданія*, δόγματα ἄγραφα (Мат. 15, 2). Здѣсь уже рѣчь *не объ актѣ* преданія, не *объ источникѣ его происхожденія*, а о преданіи *въ самомъ себѣ*, по внутреннему существу, о *матеріальномъ преданіи*. Въ православномъ богословіи, по руководству библіи [99]) и св. отцовъ [100]), вопросъ о преданіи преимущественно изслѣдуется, какъ «*догматъ о преданіяхъ*» [101]). Здѣсь преданіе обозначаетъ не столько религіозный источникъ *вообще* (источникъ откровенія и вѣры), сколько почерпаемое изъ этого источнника содержаніе. Отсюда и писаніе въ отличіи отъ преданія обозначается, какъ *ученіе* библейское, какъ содержаніе (библейское богословіе).

---

[99]) 1 Кор. 15, 1—3, 2 Θес. 2, 15. Понятіе о матеріальномъ преданіи заимствовано изъ Ветхаго Завѣта (Мат. 15, 2; Марк 7, 3, Гал. 1, 14)

[100]) Иринеи кн. III, гл. 2; Тертуллианъ De Cor. Mil. c. 2, 3; Кипріанъ Ep. 63; Августинъ, De peccat. mer. et remiss. I, c 26, *св. Викентій*, Com.

[101]) Такъ, напр., у Ст Яворскаго, у прот. Красноцвѣтова и м. Филарета.

Въ границахъ понятія о преданіи въ указанномъ смыслѣ стоитъ вопросъ о *раздѣленіи преданій*. Это вопросъ о *внутреннемъ составѣ* преданія въ его цѣломъ и частяхъ. Не зная содержанія извѣстнаго предмета, нельзя знать и его состава, а не зная окружности (внѣшняго объема), нельзя опредѣлить, гдѣ находятся его границы. Отсюда богословскій вопросъ о дѣленіяхъ преданій на роды и виды (классификація) и о научномъ достоинствѣ этихъ подраздѣленій.

Въ основу научно-формальнаго различенія и раздѣленія преданій, по общему взгляду православныхъ богослововъ, полагаются слѣдующія гносеологическія начала. 1) *происхожденіе*, 2) *содержаніе* и 3) *авторитетъ*. Это видимое отсутствіе у насъ безчисленнаго множества разнообразныхъ «дѣленій и подраздѣленій» одного общаго понятія о преданіи (какія, напр., находятся въ римско-католическихъ догматикахъ, особенно ультрамонтантскаго направленія) принадлежитъ къ числу характеристическихъ (внѣшнихъ) признаковъ православнаго взгляда и составляетъ его неотъемлемое достоинство. Весьма трудно разобраться въ римско-католической классификаціи богословскихъ дѣленій преданія на составныя части. Это сознаютъ и сами римскіе богословы, особенно тамъ, гдѣ преподаютъ «мудрые совѣты» не смѣшивать различныхъ дѣленій своихъ преданій. Это обстоятельство набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на весь принципъ римско-католическаго преданія, на полную приложимость его къ дѣлу богословскаго доказательства истинности и достовѣрности христіанскаго откровенія и вѣры.

а) Дѣленіе преданій по ихъ происхожденію.

По общему показанію какъ православныхъ, такъ и инославныхъ богослововъ преданія раздѣляются, по своему происхожденію, на 1) *божественныя*, 2) *апостольскія* и 3) *церковныя*, иначе *человѣческія* [102]). Первыя преданія покоятся на авторитетѣ Христа, вто-

---

[102]) Первоначально это дѣленіе установилось въ католической догматикѣ: Cons. Trid. sessio IV; *Bellarm*, De verbo Dei 4, 2, 4, 5; *M. Canus*. L. Th. 3, 3, 4, 4; особенно у *Gotti* Thelog. schol. dogm. 1, 1750 p. 44 ff., подробно у ультрамонтанъ-догматистовъ (у Гейнриха и Шеебена). У насъ впервые у *Ст Яворскаго* въ «Камнѣ вѣры». У *Иринея Фальковскаго* церковное преданіе приравнивается къ *человѣческому*. Объ этомъ раздѣлѣ см. у *Антонія*, § 14.

рыя—на значеніи апостоловъ и, наконецъ, третьи—на важности церкви. Это раздѣленіе прежде всего достопримѣчательно и важнѣе всѣхъ прочихъ. На разборѣ его должно остановиться нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что и богословы, его держащіеся, считаютъ его общепризнаннымъ и примѣняютъ безъ «дальнѣйшихъ разсужденій».

Подъ именемъ «божественнаго преданія» (traditio divina) обыкновенно подразумѣвается ученіе, происшедшее *непосредственно* изъ устъ Христова (ore tenus a Christo), тайно научившаго своихъ учениковъ (Дѣян. 1, 3). Къ этому преданію относится преимущественно церковное ученіе о таинствахъ (1 Кор. 11, 23), о чемъ въ писаніи нѣтъ подробнаго указанія [103]). Божественное преданіе по авторитету равно писанію; ибо все одно, заключено ли откровеніе Божіе въ писаніи или нѣтъ.

«*Апостольскими преданіями*» обыкновенно называются тѣ христіанскія ученія и учрежденія, которыя установлены въ церкви *при посредствѣ* апостоловъ, наставленныхъ Духомъ Святымъ (a Spiritus sancti) и которыхъ нѣтъ *буквально* въ писаніи (1 Кор. 7, 10, 12). Къ числу этихъ преданій принадлежатъ: апостольскій символъ вѣры [104]), крещеніе младенцевъ [105]), неповторяемость крещенія [106]), иконопочитаніе [107]) и проч. преданія, узаконенныя апостолами примѣнительно къ нуждамъ своего времени (Дѣян. 6, 1—7; Дѣян. 15, 20; [108])).

Подъ «церковными преданіями» подразумѣваются всѣ догматическія вѣроопредѣленія и каноническія постановленія, составленныя собственно церковною властію. Здѣсь церковь разсматривается, какъ богоустановленное учрежденіе, облеченное въ лицѣ своего священноначалія неоскудѣваемыми дарами Духа Святаго и непогрѣшимое въ ученіи и руководствѣ религіозно-нравственною жизнію

---

103) *Св. Кипріанъ*, Ep. 63; св. *Василій Великій* о Св. Духѣ, гл. 27; св. *Іоаннъ Дамаскинъ*; Богослов. ссылка: Ст. *Яворскій*, стр 5; *Natalis Ah.*, T. III. d ss. XVII, p. 485.

104) Св. *Игнатій Богоносецъ*, св. Иринеи; Тертулліанъ; Руфинъ in expos symb. и проч.

105) *Оригенъ*, Com. in Ep. ad Rom. V; Hom VI in Lev; бл. *Августинъ*, De paec mer et remiss. I, c 26.

106) *Августинъ*, De bapt c. Don. II, c. 7; IV, c. 23; V, c. 23.

107) Седьмой всел. соборъ, дѣяніе VI (у Hefele II, p. 438).

108) Ср. Апост. правило 46.

христіанъ. Къ церковному преданію по преимуществу относятся: обычай молиться къ востоку, крестное знаменіе, образъ церковнаго совершенія всѣхъ таинствъ и проч. обряды церковно-богослужебныя, которыхъ нѣтъ въ писаніи (1 Кор. 11, 16). Отличительная особенность церковныхъ преданій поставляется въ томъ, что онѣ происходятъ отъ людей, въ частности отъ св отцовъ и учителей, а непосредственно отъ Христа и апостоловъ. Въ этомъ смыслѣ нѣкоторые богословы называютъ «церковныя преданія» *человѣческими*, соединяя съ этимъ наименованіемъ невыгодное сужденіе объ ихъ внутреннемъ достоинствѣ.

Что означаетъ это «трехчастное раздѣленіе» преданій въ православномъ словоупотребленіи? Какое его «практическое приложеніе»? Какъ должно относиться къ этому разнообразію историческаго происхожденія? Какое мѣсто занимаетъ каждое изъ указанныхъ преданій въ общемъ православно-богословскомъ понятіи о преданіи?

Преданіе, разсматриваемое, какъ источникъ откровеннаго ученія, должно быть непремѣнно божественнаго происхожденія (Іоан. 7, 17). Это первая и самая существенная черта истинно-церковнаго преданія. Всякое религіозное преданіе, не имѣющее божественнаго начала, очевидно, не можетъ быть догматико-гносеологическимъ основаніемъ христіанскаго вѣроученія. Всѣ, не находящіяся въ божественномъ откровеніи свѣдѣнія о вѣрѣ суть гадательны и сомнительны. Только богооткровенное преданіе — безусловно *истинно* (Іоан. 14, 6) и *непреложно* (2 Кор. 1, 19—20). И таково оно потому именно, что божественно или Христово. Не будь преданіе Христовымъ словомъ и дѣломъ, и мы не имѣли бы никакого права считать его абсолютно-истиннымъ и исторически-достовѣрнымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія. Слѣдов., только то преданіе, которое восходитъ къ Самому Христу, есть истинное откровеніе Божіе, а то, которое не отъ Христа, не истинно, а ложно. Все православно-церковное ученіе объ источникахъ и основахъ вѣроученія направляется къ выясненію этого именно понятія о божественномъ происхожденіи истиннаго преданія. И протестанты, сознавая *очевидность* абсолютной истины преданія съ этой стороны, нисколько не полемизируютъ противъ traditio divina въ теоріи, но противъ traditio humana въ

вопросѣ о практикѣ католичества, этого главнѣйшаго источника и оплота (западно-европейскаго) лже-христіанства [109]).

Преданіе Христово, открытое въ словѣ и дѣлѣ Его, проповѣдано всему міру Его апостолами. Не что-либо иное, а именно тоже самое, чему Самъ Христосъ училъ (1 Іоан. 1—5), возвѣстили и утвердили и Его апостолы, учившіе по дѣйствію Духа Святаго (Дѣян. 1, 8). Проповѣдуя Евангеліе царствія Божія, они постоянно ссылались на то, что видѣли собственными очами, что разсматривали и осязали собственными руками (1 Іоан. 1, 1—3). Апостолы—это живые носители Духа Христова, посланники отъ имени Его, истинные свидѣтели Его (2 Кор. 1, 17—20; Іоан. 15, 27; 19, 35; Лук. 24, 48; Дѣян. 10, 39—43). Ихъ слово необходимо было для всемірнаго распространенія откровенія Христова. Поэтому они стоятъ не «только въ центрѣ откровенія христіанскаго», но и въ «началѣ церковнаго раскрытія его» [110]). Евангельская миссія ихъ состоитъ въ предачѣ откровеннаго ученія и жизни (2 Кор. 4, 5) въ вѣка грядущіе. Для этой цѣли они и получили отъ Христа всѣ полномочія Его учительнаго авторитета (Мат. 16, 19; 18, 18; 28, 19—20; Лук. 10, 16; Іоан. 13, 20; 17, 18—21; 21). Здѣсь глубочайшій корень неограниченной пичѣмъ апостольской власти въ устроеніи церкви и управленіи тайнами Божіими. Въ этомъ смыслѣ они занимаютъ «церковную каѳедру» (cathedra ecclesiae). до скончанія вѣка» [111]). Съ этой стороны апостольское ученіе есть не что иное, какъ историческое продолженіе Христова откровенія. Это только богодухновенное воспоминаніе, передача, раскрытіе и примѣненіе на практикѣ всего того, что получено отъ Христа и удостовѣренно опытомъ апостольской жизни. Такимъ образомъ «апостольскія преданія» въ абсолютномъ своемъ значеніи служатъ какъ бы вторымъ источникомъ, вторымъ *основаніемъ* (Ефес. 2, 19—20) всего *зданія* церкви (1 Кор. 3, 10—11). Различіе между «божественными преданіями» (res divina) и «апостольскими»

---

[109]) На это впервые указалъ *Пелтъ*.

[110]) *Hofling*, Grundsatze evangelisch=luth. Kirchenverfausung, 1853, s. 106 ff. 218 ff.; *Seufert*, Der Ursprung. u. Bedeutung Apostolats Christ Kirche der ersten zwei Iarhunderte, 1887.

[111]) *Iulius Müller*, Deutsch. Zeit. 1951, s. 214.

(res apostolica) только формальное. Преданіе Христово и апостольское ученіе—это одно, нераздѣльное, цѣлое откровеніе Божіе. Нельзя *отдѣльно* отъ «апостольскихъ преданій» мыслить «божественное ученіе» въ качествѣ какой то совершенно «особой и самостоятельной категоріи», равно какъ нельзя *совершенно раздѣльно* обозначать «божественныя преданія» и выдѣлять ихъ въ «отдѣльную группу понятій о вѣрѣ» въ сравненіи съ «апостольскимъ откровеніемъ». Здѣсь полное тождество *содержанія* и органическое взаимодѣйствіе. «Категорія божественныхъ преданій» совсѣмъ не имѣетъ особаго и самостоятельнаго содержанія «внѣ апостольскихъ преданій»; ибо все ученіе Христово предано чрезъ апостоловъ. Апостольскія преданія — это тоже, что божественное откровеніе и важны также, какъ и то, что предано намъ въ писаніи словами Господа и апостоловъ.

Теперь весь интересъ сосредоточивается на рѣшеніи вопроса: стоятъ ли «преданія церковныя», какъ источникъ христіанскаго откровенія и вѣры, на одномъ уровнѣ съ преданіями апостоловъ и Господа, а, слѣд., и съ самимъ писаніемъ, или нѣтъ? Какое значеніе имѣютъ въ кругѣ «божественныхъ и апостольскихъ преданій» церковныя преданія?

Когда преданіе, какъ источникъ откровенія и вѣры, называется церковнымъ (ἡ ἐκκλησιαστικὴ παράδοσις), то это не въ томъ смыслѣ, чтобы оно происходило отъ самочинной *власти людей*, но единственно въ томъ смыслѣ, что оно *неизмѣнно* сохраняется *богодухновенною церковію*, живетъ и раскрывается въ ней и чрезъ нее. *Предметъ* церковнаго преданія—одно и тоже божественное откровеніе, иначе—все, что́ открываетъ намъ вѣра во Христа; *духъ* его опредѣляется основнымъ содержаніемъ апостольскаго ученія объ этой вѣрѣ, а *образъ изложенія* и *способъ передачи* всѣцѣло зависитъ отъ слова Божія, устнаго и письменнаго. Поэтому «*апостольское христіанство*» есть единое *истинное христіанство*, т. е. «*церковное христіанство*». Церковное преданіе есть полное свидѣтельство и выраженіе всего того, что́ мыслится уже въ понятіи апостольской проповѣди. Оно не что либо *новое* или *иное* вноситъ въ сокровищницу христіанскаго знанія о вѣрѣ, а только *признаетъ* и укрѣпляетъ въ религіозномъ сознаніи всѣхъ истинныхъ христіанъ

искони-данное откровеніе Божіе. Чрезъ свое преданіе церковь ничего новаго не сообщаетъ внутреннему достоинству богооткровеннаго ученія. «Преданіе Христово и апостольское», какъ истинно-откровеное слово Божіе, *само по себѣ* божественно. Но въ то же самое время церковь своимъ преданіемъ выполняетъ въ отношеніи къ божественному откровенію весьма важное, ничѣмъ незамѣнимое и незамѣняемое служеніе. Своимъ преданіемъ церковь только всесторонне освѣщаетъ внутреннее содержаніе откровеннаго ученія, сообщаетъ ему незыбленную опору въ религіозномъ сознаніи и жизни истинно-вѣрующихъ. Здѣсь церковь *удостовѣряетъ* на безспорныхъ основаніяхъ божественный авторитетъ всего христіанскаго ученія и *ручается* за его непререкаемую истину. Само собою понятно, какую *догматическую важность* имѣетъ здѣсь церковное преданіе. Это—*церковный актъ*,—непогрѣшимый органъ или способъ религіознаго самосознанія церкви. Въ немъ и чрезъ него церковь какъ бы извлекаетъ изъ откровенія истинное ученіе и поставляетъ его *предъ глазами* всѣхъ, какъ бы ставя *на свѣщницѣ*, да свѣтитъ всѣмъ, иже во храминѣ Божіи суть. Это есть *догматизированіе* (догматическая санкція), всецерковное возведеніе откровеннаго преданія на степень абсолютнаго *источника вѣры* христіанской. Только такимъ путемъ совершается и совершенствуется церковно-историческое распространеніе и утвержденіе «глаголовъ живота вѣчнаго» во всемъ мірѣ. И, слѣд., тамъ, гдѣ нѣтъ церкви, гдѣ отрицается этотъ учительный авторитетъ ея, т. е. необходимость и догматико-каноническое значеніе ея преданія, тамъ нѣтъ и не можетъ быть истинной вѣры, тамъ откровеніе Божіе колебается, содержаніе его измѣняется и премѣняется, объемъ сокращается и раздвигается до безконечности по произволу. Своимъ преданіемъ церковь, получающая все изъ божественнаго откровенія, отнюдь не увеличиваетъ круга богооткровенныхъ истинъ, а только примѣняетъ ихъ къ насущнымъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ и жизни всѣхъ христіанъ. Съ этой стороны «преданіе церковное»—это исторически-достовѣрное *продолженіе* и *огражденіе* истины и жизни Божіей «чрезъ вѣрно служащихъ отцовъ и учителей». Только при такомъ пониманіи существа церковнаго преданія нѣтъ никакого ущерба, если апостолы не все, полученное ими отъ Бога, предали пись-

менно грядущимъ поколѣніямъ вѣрующихъ. Все недостигающее въ писаніи восполняется преданіемъ всецерковнымъ. Въ этомъ его законоположительное значеніе и «законообязательный» авторитетъ.

И такъ, православная церковь избѣгаетъ всяческаго упрека въ смѣшеніи *человѣческаго слова* съ откровеніемъ Божіимъ въ понятіи церковнаго преданія. Только въ антицерковномъ сектанствѣ находится не подлинно-божественное, не истинно-апостольское, а чисто-человѣческое (mere-humana) преданіе, «эмансипированное», «дико-растущее». Таково, напр., римско-католическое traditio mere-ecclesiastica. Въ католической церкви «категорія церковнаго преданія» изобрѣтена для того, чтобы подвести подъ общее понятіе истиннаго преданія и то, что никакъ не можетъ быть названо преданіемъ, насколько оно должно относиться къ тому ученію, какое ведетъ свое начало отъ Христа и апостоловъ. Здѣсь подъ «церковнымъ преданіемъ» подразумѣвается *абсолютная власть* римской церкви (jus absolutum) создавать *свои* новые догматы, «творить новыя ученія ex ipsa ecclesiae avtoritate». Это особенно ясно просвѣчиваетъ въ «догматическомъ матеріалѣ» всего католическаго богословія въ его цѣломъ и частяхъ. Если по православному взгляду ученіемъ о преданіи точно обозначается учительный авторитетъ церкви, непоколебимо утверждающей и всецѣло-сохраняющей откровенную истину по искони-существующимъ въ ней догматико-гносеологическимъ источникамъ и нормамъ, то у католиковъ на ряду съ этимъ выставляется съ особеннымъ усердіемъ собственная «*полноправность*» римской церкви увеличивать содержаніе и объемъ «божественныхъ и апостольскихъ преданій» [112]). Истинно-православное возрѣніе на церковно-догматическое преданіе устанавливается на чисто-исторической основѣ, на полномъ согласіи церковнаго ученія съ божественнымъ откровеніемъ и апостольскою древностію; въ католичествѣ же мысль о traditio mere-ecclesiastica освобождается отъ подлинно-историческихъ критеріевъ, какъ иллюзорныхъ или не «всегда удобныхъ». Ученіе о преданіи въ римской церкви измѣнено въ признаніе необходимо-продолжающаго свое историческое существованіе

---

[112]) О замѣнѣ и дополненіи божественнаго преданія человѣческимъ подробно см. у *Holzmann*'а, Kanon, § 34. 35. Изъ богослововъ *Лейбницъ* первый указалъ на это, какъ на самое «больное мѣсто» въ католичествѣ.

оракула, пріуроченнаго къ одному индивидууму, къ авторитету папы [113]). Дѣло церкви въ отношеніи къ вѣрѣ состоитъ здѣсь не въ чемъ иномъ, какъ въ *произвольномъ догматизированіи новыхъ ученій* въ безконечный рядъ. Поэтому сама церковь здѣсь сбрасываетъ съ себя «тяжелые оковы» всегдашняго согласованія съ «божественными и апостольскими преданіями», и сама признаетъ себя одаренною особымъ религіознымъ творчествомъ составлять свои догматы. Здѣсь «преданія церковныя» по истинѣ quotidiana e coelis oracula, самостоятельные продукты собственной богодухновенности римской церкви, сосредоточивающейся въ папствѣ. Для насъ достаточно видѣть наличность ecclesiae docentis въ непогрѣшимомъ папствѣ, чтобы знать, что traditio ecclesiasticae въ католичествѣ есть постоянныя additamenta новыхъ вѣрованій къ римскому corpus'y doctrinae. Съ этой стороны, само собою понятно, почему для римскаго католика имѣютъ *практическое значеніе* одни только *папскія преданія*. Католику собственно не нужно вѣрить ни въ какія другія преданія, кромѣ одного папскаго, т. е. въ то неосновывающееся ни на какомъ писанномъ документѣ *фактическое* (матеріальное) *право* папскаго авторитета, изъ котораго возникаетъ и развивается вся система римской церкви. Это—одно «истинное преданіе», потому что власть его принадлежитъ одному папѣ, и единственное, ибо въ немъ уже содержатся всѣ прочія римско-католическія преданія, или, точнѣе сказать, нѣтъ больше никакихъ преданій, кромѣ тѣхъ, которыя произошли изъ этого одного. По этой общей формулѣ одного папскаго преданія создается все безчисленное множество разнообразныхъ praecepta ecclesiae, душеспасительныхъ для правовѣрныхъ католиковъ. Итакъ, ясно, что католическая церковь на практитѣ уничтожаетъ *трехъ-частное дѣленіе* преданій, впервые ею и изобрѣтенное, чтобы подъ неопредѣленнымъ и до крайности растяжимымъ понятіемъ «преданія чисто-церковнаго» смѣшать всѣ «роды и виды преданій» и отсюда вывести заключеніе, что все, во что вѣруетъ она и что̀ содержитъ, есть истинно-божественное откровеніе. Отсюда res divina et apostolica въ католичествѣ пользуются уваженіемъ и пріемлются не потому, что они суть отъ Христа и апостоловъ, но

113) *Franz von Baader*, Werk V t., p. 380—381

единственно потому, что такими они признаются приговоромъ церковнаго учительства, возглавляемаго папой, самовластно опредѣляющимъ существо всякаго fait accompli ex cathedra.

Вотъ въ чемъ состоитъ подлинная тенденція римско-католическаго понятія о tradionis ecclesiasticae. Нужно просто замѣнить «двусмысленное выраженіе» (vox anceps). «*церковное преданіе*» другимъ, болѣе подходящимъ и «единственно реальнымъ»: «непогрѣшимость римской церкви», т. е. «абсолютизмъ и богодухновенность папства». Никого не нужно *слушать* въ католичествѣ кромѣ римскаго понтифекса. Только въ то нужно вѣрить и то исповѣдывать, «quid Papa instituerit novi, sive intra, sive extra scripturam, quid quid etiam demandaverit, esse verum, divinum et salvificum» [114]). Какъ бы ни изъяснять этотъ выводъ (мистически, идеалистически или политически) все-таки фактически «дѣло вѣры» здѣсь сводится къ высвобожденію «церковнаго преданія» изъ узъ божественнаго авторитета и апостольской древности. И эта «эмансипація» прежде всего есть «колоссальное дѣло» іезуитскаго богословія, хотя, конечно, этого нельзя понимать такъ, будто іезуиты стояли здѣсь совершенно особнякомъ и дѣйствовали самовластно, «на свой страхъ». Они только яснѣе раскрыли то, что всецѣло должны усвоить истинные католики, при проведеніи «пограничной линіи» между ними и христіанами другихъ вѣроисповѣданій. Все предначертанное іезуитами о «преданіи церковномъ» высказывается нынѣ съ возрастающею силою и увѣренностію въ новѣйшихъ католическихъ догматикахъ, особенно ультрамонтанскихъ [115]). Къ этому ultimum refugium католическое понятіе о преданіи побуждается съ «внутреннею необходимостію».

Итакъ, мы подробно разсмотрѣли вопросъ о трехчастномъ дѣленіи преданій на «божественныя», «апостольскія» и «церковныя».

---

114) Confessio Hungarica evangelicis proposita, 4.

115) Съ этой стороны особенно любопытно прослѣдить, какъ въ исторіи новѣйшихъ католическихъ догматовъ съ фиктивною главою о преданіи все болѣе и болѣе пріобрѣтала значеніе строго обдуманная глава о полномочіи церкви съ точки зрѣнія догмата о папской непогрѣшимости, пока напослѣдокъ весь центръ тяжести не былъ принесенъ на эту главу, а вопросъ о преданіи разсматривался, какъ «теоретическій фундаментъ для нея».

Какой же должно вывести отсюда результатъ для насъ, православныхъ?

Трехчастное раздѣленіе преданій въ настоящемъ случаѣ не можетъ имѣть для насъ полнаго приложенія, во-первыхъ, потому, что оно впервые изобрѣтено католиками и, во-вторыхъ, потому, что чрезвычайно искусственно и устанавливаетъ *механическій* взглядъ на источники откровенія и вѣры.

Всѣ преданія, и «божественныя», и «апостольскія», и «церковныя»—въ чистотѣ и полнотѣ истины откровенной имѣютъ равночестное достоинство и одинаковое значеніе. Это *одинъ*, цѣлостный, всеобъемлющій, постоянно-дѣйствующій источникъ христіанскаго откровенія и вѣроученія. Всѣ они, поэтому, одинаково важны, одинаково необходимы, непреложны, общеобязательны. Самый незначительный, повидимому, разрывъ между ними непремѣнно ведетъ къ нарушенію общей гармоніи всего религіозно-христіанскаго міросозерцанія и жизни (см. сектантство). Богословская (рефлективная) наука можетъ давать понятію преданія и другія какія либо названія примѣнительно къ различнымъ сторонамъ его единаго и тождественнаго содержанія, къ пространству его дѣйствія и способамъ его исторической передачи, но все это нисколько не должно измѣнять его внутренняго существа и верховнаго авторитета въ церкви Христовой. Въ этомъ отношеніи и названіе истинныхъ преданій—однихъ «божественными», другихъ—«апостольскими», иныхъ—«церковными»—можетъ быть допущено только теоретически, т. е. въ смыслѣ большей ясности и точности обозначенія общаго понятія объ образѣ ихъ историческаго происхожденія, а отнюдь не въ смыслѣ въ *различной* (трансцендентной) природы, не въ смыслѣ неодинаковаго ихъ авторитета. Различаясь *по времени*, всѣ вышеозначенные роды преданій вообще равны между собою *по существу* и *по авторитету*. Все различіе между ними можетъ сводиться развѣ только къ не одинаковой формѣ выраженія и изложенія единаго откровеннаго ученія [116]).

Далѣе. Вышеуказанное «трехсоставное дѣленіе» единаго преданія представляется намъ и не совсѣмъ точнымъ и вѣрнымъ съ строго-православной точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что когда мы на-

[116]) *А. Шагуна*, Канонич. право (изд. С.-Пет. Дух. Академіи), 1872, стр 25—26.

зываемъ извѣстное преданіе «церковнымъ», то это не потому, чтобы оно происходило *единственно* отъ власти церкви или произвола людей, но потому, что оно искони *дано было церкви* и въ ней и чрезъ нее свято сохраняется. Церковь—истинное хранилище преданія. Вотъ центральный тезисъ православія. Только римско-католическіе богословы могутъ говорить о какихъ то «чисто-церковныхъ преданіяхъ», какъ самостоятельномъ источникѣ откровенной религіи. Римская кафедра, извратившая въ корнѣ истинное ученіе о верховной власти и непогрѣшимомъ учительствѣ церкви, есть не столько хранительница единаго преданія въ чистотѣ его первоначальнаго происхожденія, сколько самочинная составительница новыхъ ученій, которыхъ вовсе не знала древне-апостольская православная церковь. Такимъ образомъ, за одною общею съ нами мыслію о преданіи церковномъ у католиковъ обнаруживаются совершенно различные отъ нашихъ интересы и гносеологическія тенденціи.

Наконецъ, должно замѣтить, что нѣкоторые православные богословы (особенно канонисты и литургисты) нерѣдко употребляютъ слово: «преданіе» для обозначенія собственно-церковныхъ постановленій въ несобственномъ смыслѣ, неточно, фигурально.

Итакъ, если нужно употреблять въ православно-богословской терминологіи разсматриваемое нами раздѣленіе преданій, то не иначе какъ въ томъ смыслѣ, что всякое истинное преданіе есть *по происхожденію* «божественное», по *обнародованію* (φανέρωσις=manifestatio) по всей землѣ—«апостольское», а по *мѣсту* или *способу* сохраненія и жизни—«церковное». Отсюда съ этой стороны подъ преданіемъ должно подразумѣвать все вообще ученіе и жизнь христіанскаго откровенія и вѣры, какъ онѣ были сообщены Христомъ апостоламъ, а апостолами переданы устно и письменно церкви для непрерывнаго и непреложнаго сохраненія и цѣлостнаго усвоенія всѣми христіанами, или иначе—все вообще православно-церковное религіозное міросозерцаніе и жизнь Въ такомъ пониманіи преданіе *должно быть* истиннымъ источникомъ христіанскаго вѣроученія и *дѣйствительно есть*, по ученію православной церкви. Это же самое понятіе о преданіи мы и имѣли въ виду при изложеніи откровеннаго и святоотеческаго ученія о немъ и при разборѣ инославныхъ богословскихъ мнѣній о немъ.

б) Дѣленіе преданій по содержанію.

По своему содержанію преданія обыкновенно раздѣляются на 1) *догматическія*, 2) *нравственно-практическія* и 3) *обрядовыя* [117]). Здѣсь критеріемъ служитъ, какъ говорятъ богословы, *матерія* преданія,—то, къ чему они относятся: къ откровенію и вѣрѣ (преданія догматическія), къ правиламъ жизни (этическія), къ культу и обрядамъ (обрядовыя, въ частности богослужебныя).

«Догматическія преданія» въ свою очередь подраздѣляются на а) *собственно-догматическія* [118]) и б) *догматико-изъяснительныя* (exegeticae). Подъ именемъ первыхъ подразумѣваются такія преданія, которыя существуютъ въ церкви рядомъ съ писаніемъ и независимо отъ него и такимъ образомъ служатъ *единственнымъ основаніемъ* извѣстнаго догмата, не заключающагося въ библіи ни буквально, ни въ видѣ логическихъ послѣдствій. Такія преданія считаются *дополнительнымъ источникомъ* въ отношеніи къ писанію. Къ числу ихъ обыкновенно относятся: канонъ библейскихъ книгъ [119]), ученіе о таинствахъ, о Пресвятой Троицѣ, с воплощеніи Іисуса Христа [120]), о молитвахъ за усопшихъ [121]), по почитаніи ангеловъ и святыхъ угодниковъ, иконъ и мощей, ученіе о состояніи душъ до всеобщаго воскресенія и проч. Относительно этого раздѣла должно замѣтить, что онъ первоначально былъ формулированъ римско-католическими богословами и ими съ особенною любовію употребляется для оправданія многихъ *не-библейскихъ преданій*. Поэтому, его мы должны принимать съ извѣстнымъ ограниченіемъ, а не абсолютно, какъ у католиковъ. Только тѣ чисто-догматическія преданія суть истинный

---

117) Тридентскій соборъ различаетъ traditiones de fide et de moribus (*Bellarm*, De verdo Dei 4, 2, 8). Проводя это различіе далѣе, отъ traditio moralis выдѣлили trad. disciplinaris О дѣленіи преданій на догматическія и обрядовыя *Терновскій*, стр. 4; изъ иносл. *Tirsch*, Vorles. I, s. 310.

118) Въ инославномъ богословіи этотъ species называется «traditio constitutiva=tr. extravagente et ambulatoria

119) *Евсевій* VI, гл. 10; *Василій В.*, о Св Духѣ, гл. 27; св. *Кириллъ Іер.* Огл. VI, 35; св. *Аѳанасій*, Ep. fest.

120) *Макарій* стр. 359.

121) *Тертуллианъ* De cor. mil. c. 3; *Епифаній Кипрскій*, Haer. 75, n. 8; *св. Іоаннъ Златоустъ*, Hom. 69 ad pop. et Hom. 3 in Philipp.

источникъ христіанскаго откровеннаго ученія, которыя стоятъ въ общей гармоніи съ основными истинами православной вѣры.

Подъ именемъ «догматико-изъяснительныхъ преданій» [122]) подразумѣваются такія ученія, которыя раскрываютъ въ отчетливыхъ понятіяхъ внутренній смыслъ писанія, особенно въ «трудныхъ мѣстахъ» или мѣстахъ, оспариваемыхъ еретиками; — онѣ необходимы для доказательства основныхъ истинъ вѣры, находящихся въ библіи. Такимъ образомъ эти преданія служатъ преимущественно для цѣлей экзегетическихъ. При изъясненіи библейскаго текста никто не долженъ довѣрять своему собственному мнѣнію, а долженъ руководствоваться тѣмъ смысломъ, какого держится вся церковь; ибо одной церкви принадлежитъ верховное право судить объ истинномъ смыслѣ и истолкованіи писаній при помощи преданія. Къ числу экзегетическихъ преданій, напр., относится: ученіе о свойствахъ Лицъ Пресвятой Троицы (Іоан. 15, 26), о преложеніи Святыхъ Даровъ (Матѳ. 26, 26; Марк. 14, 22; Лук. 22, 19; 1 Кор. 11, 24), о сошествіи Іисуса Христа во адъ (1 Петр. 3, 18—19), о крещеніи младенцевъ (Іоан. 3, 5; Кол. 2, 11—12) и проч.

Подъ именемъ «преданій обрядовыхъ» обыкновенно подразумѣваются тѣ ученія, правила и учрежденія, которыя служатъ необходимымъ руководствомъ при правильномъ совершеніи таинствъ и прочихъ церковно-богослужебныхъ чинопослѣдованій [123]). Сюда причисляются слѣдующіе обычаи: празднованіе воскресенія вмѣсто субботы, смѣшеніе вина съ водою въ Евхаристіи, употребленіе креста, иконъ, мощей, посты, особенно св. четыредесятница и проч.

Въ какомъ отношеніи между собою находятся «догматическія» и «обрядовыя преданія»? Въ какомъ смыслѣ это дѣленіе должно быть удержано у насъ?

Догматическія и обрядовыя преданія не исключаютъ другъ друга, а какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга. Ихъ можно различать, но «не атомически раздроблять» и искусственно разлучать. Эти два вида преданія составляютъ какъ бы двѣ стороны одного и того-же предмета, т. е. единаго христіанскаго откровенія. Христіанскую ре-

---

122) Это въ инославіи tr. interpretativa.

123) *Терновскій*, стр. 43.

лигію можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ *внутренней* и *внѣшней* (forma exserna). Внутренняя сторона касается самаго существа *невидимыхъ* (созерцательныхъ) *истинъ* вѣры, а внѣшняя относится къ историческому бытію и всяческимъ *видимымъ* обнаруженіямъ и проявленіямъ христіанской вѣры, какъ, напр. видимое устройство церкви, ея управленіе, бытовая жизнь вѣрующихъ и проч. Но обѣ эти стороны, оба эти момента христіанской религіи находятся въ неразрывной связи между собою. Въ исторической жизни христіанскаго откровенія нѣтъ ничего внутренняго безъ внѣшняго, равно какъ и наоборотъ Внутреннее существо религіи соединено съ внѣшнимъ бытіемъ ея органически. Внѣшнее есть только самораскрытіе внутренняго, а внутреннее какъ бы душа внѣшняго. Въ способахъ ихъ взаимодѣйствія лежитъ нерасторжимость [124]). Поэтому чрезъ внѣшнее и во внѣшнемъ мы познаемъ и внутреннее. Во внѣшнемъ видимъ внутреннее и постигаемъ его, не плотскими, конечно, очами, но «очами вѣры». Для насъ имѣетъ первостепенную важность не просто чувственная видимость таинствъ, священнобогослужебныхъ дѣйствій и проч., но присущій имъ внутренній, благодатный духъ вѣры и любви Христовой, та генетическая связь, по которой все внѣшнее въ церкви находится въ неразрывномъ единствѣ съ божественнымъ ученіемъ и жизнію и при помощи которой оно является такимъ именно, а не инаковымъ. «Въ церкви нѣтъ ничего не значущаго. Во всѣхъ явленіяхъ ея живетъ сокровенная благодатная сила: во всякомъ словѣ изрекается духъ» [125]). Все вышесказанное объ отношеніи внутренняго и внѣшняго въ понятіи христіанскаго откровенія всецѣло приложимо и къ оцѣнкѣ раздѣленія преданій на «догматическія» и «обрядовыя». Догматическія преданія соотвѣтствуютъ внутренней сторонѣ откровеннаго ученія, а обрядовыя внѣшней жизни его. Ясно, что «обрядовыхъ преданій» никакъ нельзя исключать изъ круга откровенія и церкви христіанской. Они необходимы также, какъ и догматы, ибо всецѣло проникнуты духомъ истинной вѣры, растворены въ немъ. Таково, напр., преданіе о крещеніи младенцевъ со стороны догматической и обрядовой. Тоже должно сказать объ иконопочитаніи и о прочихъ «обрядовыхъ пре-

[124]) *Е. Аквилоновъ*, церковь, стр. 160.

[125]) Слова *м. Филарета* у Аквилонова, стр. 72.

даніяхъ», за которыя сектанты упрекаютъ нашу церковь въ «духовной косности и культурной неподвижности».

Римско-католическіе богословы нѣсколько иначе смотрятъ на взаимоотношеніе между догматическими и обрядовыми преданіями. Полагая строгое различіе между ними, они совершенно разграничиваютъ ихъ и раздвигаютъ на противоположныя стороны, чтобы потомъ опять соединять ихъ, гдѣ нужно. «Догматическое преданіе» здѣсь строго ограничивается ученіемъ вѣры и нравственности, не простираясь въ глубь «обрядоваго преданія». Съ этой точки зрѣнія, напр., споры о Евхаристической чашѣ (у протестантовъ, у гуситовъ) считаются у католиковъ происходящими отъ сектантскаго смѣшенія преданій догматическихъ и обрядовыхъ. Преподавая таинство Евхаристіи sub una, римская церковь, очевидно, не считаетъ необходимымъ преданіемъ всецерковное преподаніе этого таинства sub utraque. Но православная церковь усвояетъ значеніе догматическаго авторитета и обычаямъ *истинно-апостольскимъ*, сохраняя ихъ нерушимо въ единствѣ религіозной жизни. Отсюда то, между прочимъ, зависитъ и та особенность православія, по которой *обрядовая* сторона таинствъ составляетъ спеціальный предметъ *догматическаго* богословія.

Есть особая тенденція въ томъ, что римскіе богословы чрезмѣрно-ограничиваютъ значеніе и область догматическихъ преданій въ ихъ отношеніи къ обрядовымъ. Это для того, чтобы расширить произвольное обращеніе съ обрядовыми постановленіями и при помощи ихъ незамѣтно провести въ религіозную жизнь *новые догматы*. Не отсюда ли у нихъ произошла существенная разница въ практикѣ относительно всѣхъ таинствъ въ сравненіи съ практикой православной церкви, идущей отъ апостоловъ и св. отцовъ? Не подъ видомъ ли pia consuetudo, переходящаго затѣмъ въ pia credulitas, являлись у нихъ, особенно въ новѣйшее время, еретическія ученія о вѣрѣ до папской непогрѣшимости включительно? Не отсюда ли происходитъ и то обстоятельство, что римско-католическая «вѣра, какъ она представляется въ церковной практикѣ, имѣетъ совершенно иную окраску, чѣмъ какая придается ей въ символахъ» [126]) и катихизисахъ? Вполнѣ справедливо сказать, что въ области «изолированнаго обрядоваго» преданія болѣе всего совершается въ като-

[126]) *Holzmann*, Kanon, § 35, s. 264.

лической церкви *перемѣна* божественнаго и апостольскаго преданія въ человѣческое слово и дѣло. Здѣсь именно лежитъ главнѣйшее основаніе того, почему въ настоящее время въ католичествѣ остается безъ всякаго употребленія многое изъ того, что у св. отцовъ составляетъ несомнѣнно апостольское преданіе.

Протестанты совершенно иначе смотрятъ на отношеніе преданій догматическихъ и обрядовыхъ между собою. Отвергая самостоятельно стоящія при писаніи «догматическія ученія», они однако допускаютъ обрядовыя преданія (traditiones rituales),[127] ограничивая область ихъ употребленія многими условіями». Всякое обрядовое преданіе должно находиться a) въ совершенномъ согласіи съ писаніемъ secundum analogia fidei и не противорѣчить ему, b) должно служить «для порядка и назиданія», c) не отягчать «христіанской совѣсти» и «свободы», d) имѣть въ виду немощныхъ духовно и e) устрояться absque levitate et scanbalo [128]). При этомъ всячески должно противиться тому мнѣнію, будто преданія обрядовыя необходимы въ дѣлѣ спасенія. Всѣ обрядовыя преданія, съ точки зрѣнія протестантскаго ученія о sola fide, суть *adiaphora* въ дѣлѣ вѣры [129]). Само писаніе по мнѣнію протестантовъ, свидѣтельствуетъ о совершенно безразличномъ характерѣ всѣхъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ (1 Кор. 7, 10). Но въ такомъ случаѣ весьма странно, почему протестанты не развиваютъ во всей полнотѣ своей мысли о perfectio scripturae въ вопросѣ объ обрядовыхъ преданіяхъ?

Принимая на практикѣ многія преданія, протестанты запутываются въ противорѣчіяхъ. Такъ, напр., удерживая крещеніе младенцевъ они въ сущности, признаютъ авторитетъ чисто-догматическаго преданія [130]). Ссылки протестантовъ на писаніе здѣсь ни при чемъ, такъ какъ въ библіи нигдѣ нарочито не говорится объ этомъ. Поэтому, они поступаютъ весьма непослѣдовательно, когда

---

127) Form. Conc. X, p. 614—615. 791, Aug. c. 15, p. 13, 31; Apol. 8, p 205. 112; *Chemniz*, Exam p. 73 a, 75 b, 87; *Schenkel*, Wesen 1, § 4.

128) Form. Con. X, p. 798; Apol. 8, p. 214.

129) Изъ богослововъ послѣдовательнѣе всѣхъ провелъ вопросъ объ адіафорахъ въ преданіи *Карлштадтъ*, удаливший свѣтильники предъ алтарями и уничтоживший иконы.

130) Conf. Aug. I, c. 9; Apol. 4, § 52, p. 156; Cat. majr. IV, § 49, s. 544; Conf. Angl. art. 26.

признаютъ крещеніе младенцевъ абсолютно-обязательнымъ, особенно противъ анабаптистовъ, объявляющихъ это крещеніе «дѣломъ діавола». Многіе протестантскіе богословы колеблются въ признаніи крещенія младенцевъ, и все-таки рѣшительно стоятъ за него. Тутъ для нихъ «спасительнымъ якоремъ» служитъ увѣренность, что Христосъ и апостолы совершили много такого, что не было записано [131]). Но здѣсь, собственно говоря, открыто у нихъ asylum ignorantiae въ виду того замѣшательства, въ какомъ они невольно оказались при рѣшеніи вопроса: «на какомъ основаніи они ввели въ свою практику истинно-христіанскій обычай крестить младенцевъ»? Напротивъ, имъ слѣдовало бы сознаться, что крещеніе младенцевъ у нихъ введено не какъ jus divinum, но jure humano. Приводимыя ими библейскія доказательства не представляютъ изъ себя ничего фундаментальнаго. Самое большее, что могутъ они сказать въ свое оправданіе состоитъ въ доводѣ, по которому крещеніе младенцевъ съ одной стороны не исключается новозавѣтнымъ ученіемъ о таинствѣ крещенія вообще, а съ другой стороны съ нѣкоторыми библейскими истинами (напр., съ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ, омываемомъ въ крещеніи) стоитъ въ общемъ согласіи [132]). Въ виду такихъ колебаній многіе протестантскіе богословы признаютъ даже противорѣчіе крещенія младенцевъ своему формальному принципу. Если протестанты для крещенія младенцевъ не имѣютъ инаго основанія кромѣ преданія, то въ ихъ системѣ есть много такихъ положеній, которыя идутъ *противъ* него. Таково, напр., ихъ ученіе объ оправдывающей *вѣрѣ* и о невидимой *церкви* святыхъ. Крещеніе младенцевъ не совмѣстимо съ этими ученіями. Отъ желающаго принять крещеніе требуется *покаяніе* и *вѣра* (Дѣян. 2, 38; Марк. 16, 11). Но младенцы не имѣютъ еще нужды въ покаяніи; нѣтъ въ нихъ и «вѣры сознательной». Какъ же послѣ этого крестятъ ихъ протестанты? Крещеніе младенцевъ возможно и необходимо только въ *богоучрежденной церкви*, научающей вѣрѣ и воспитывающей въ ней, а ни какъ не въ сектѣ, возникающей только не *чрезъ* одну субъективную *вѣру*. Поэтому, *съ точки зрѣнія протестантской* совершенно правы анабаптисты, когда отвергаютъ крещеніе младенцевъ.

---

[131]) *Schenkel*, Wesen I, p. 44—45.

[132]) Ib. I, p. 37.

Все сказанное о крещеніи младенцевъ можно примѣтить и къ вопросу о *празднованіи протестантами воскреснаго дня*. Какъ извѣстно, въ данномъ случаѣ протестанты имѣютъ «счастливую возможность» сослаться на библію (Дѣян. 22, 7; 1 Кор. 16, 2; Апок. 1, 10). Но въ библіи встрѣчаются и другія свидѣтельства, какъ напр., свидѣтельство о томъ, что Христосъ праздновалъ субботу по еврейскому обычаю (Мат. 12, 1 и слѣд.; Марк. 3, 2), а заповѣдь объ этой субботѣ восходитъ къ самымъ первобытнымъ временамъ. Въ виду этого православная церковь на празднованіе воскресенія смотритъ, какъ на апостольское преданіе, ибо нельзя считать его въ виду многихъ мѣстъ писанія (Іоан. 4, 23; 5, 7; Марк. 2, 27—28; Гал. 4, 8—10; Кол. 2, 16—17; Рим. 14, 16) за «составную часть писаннаго слова Божія» въ смыслѣ протестантскаго «внутренняго развитія» библейскаго ученія. Какъ же теперь согласить съ протестантскимъ принципомъ писанія заповѣдь о субботѣ, *нарочито указанную* въ библіи и соблюденную Христомъ? Почему протестанты не исполняютъ ее и замѣнили ее праздникомъ воскресенія, *нарочито незаповѣданнымъ* въ писаніи? Они ни чѣмъ не могутъ помочь себѣ въ настоящемъ случаѣ, какъ тѣмъ, что причисляютъ празднованіе воскресенія къ «обрядовымъ преданіямъ», не отягчающимъ совѣсти христианской [133]). Но съ точки зрѣнія «строго-конфессіональныхъ понятій» о писаніи празднованіе воскресенія вмѣсто субботы приводитъ многихъ протестантовъ въ замѣшательство. Поэтому они справедливо замѣчаютъ, что чрезъ празднованіе воскресенія протестанство переходитъ съ точки зрѣнія «обрядоваго преданія» на почву строго-догматическаго [134]).

Тоже самое должно сказать и о способѣ совершенія протестантами таинства Причащенія съ точки зрѣнія преданія. Іисусъ Христосъ, устанавливая таинство причащенія, сказалъ: «*пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое*» и: «*сія есть кровь Моя.*» Но отсюда еще не слѣдуетъ, что и мы непремѣнно должны употреблять тѣ же самыя слова при церковномъ совершеніи этого таинства. Іисусъ Христосъ даже прямо сказалъ: «*сіе творите въ Мое воспоминаніе*» (Лук. 22, 19).

---

[133]) Conf. Aug. II, § 54, p. 42; Apol IV, § 34, p. 152; Cat. Majr. III, p 423; *Chemn.*, Ex. p. 811; *Neander*, Kirchengesch. I, s. 514; *Holzmann*, Kanon, § 52, s. 402.

[134]) *Menzel* у Tanner'a, Kath. Trad. § 17 s. 78.

Нигдѣ въ библіи не говорится, что мы должны *буквально повторять* означенныя слова Христа; а также и того не сказано, что ихъ должны произносить *вмѣсто Него въ церкви*. Употребленіе учредительныхъ словъ Господа при совершеніи таинства Причащенія совершается единственно *по преданію*. Поэтому, когда протестанты при совершеніи причащенія повторяютъ буквально эти слова, а не говорятъ, хотя бы, напр., такъ: «сіе есть тѣло *Христово*, и: «сія есть кровь *Христова*», то они невольно слѣдуютъ примѣру церкви, руководствующейся въ данномъ случаѣ преданіемъ апостольскимъ [135]).

Всѣ вышеприведенныя обрядовыми преданія, такъ или иначе принимаемыя протестантами, приводятъ ихъ къ невольному признанію авторитета церкви. Здѣсь, какъ очевидно, протестанты безсознательно стоятъ на «святой землѣ» церкви, всѣхъ привлекающей ко Христу, въ единое стадо Его. Но только по причинѣ жестокосердія они этого какъ бы не замѣчаютъ и отвращаютъ отъ себя «дѣтоводительную десницу ея.»

в) Дѣленіе преданій по авторитету.

По авторитету преданія раздѣляются на «*догматическія*» и «*историческія*». [136]) Обыкновенно степень признанія этихъ преданій обозначается при помощи различенія догматовъ отъ всяческихъ историческихъ свѣдѣній о вѣрѣ. Иное дѣло, если подъ преданіемъ подразумѣвается принципъ и источникъ *догматическаго авторитета*, и иное, если подъ нимъ разумѣется просто источникъ *историческаго познанія*. Сообразно съ этимъ точнѣе и ближе опредѣляется общее различіе между преданіями догматическими и историческими. Догматическія преданія касаются истинъ вѣры и сообщаютъ имъ «аподиктическую достовѣрность», всеобщность и необходимость. Чрезъ нихъ христіанское ученіе становится абсолютнымъ авторитетомъ. Историческія же преданія служатъ только историческимъ свидѣтельствомъ для истинъ вѣры и жизни; это цѣлый рядъ историческихъ памятниковъ христіанскаго ученія, свидѣтельствующихъ о *состояніи*

---

[135]) *Perrone*, Glaubensreg. II, s. 30.

[136]) Прот. *Терновскій* § 31, стр. 43. Изъ иносл. *Schenkel*, Dogm. I, s. 393.

его въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Догматическія преданія по существу своему—это абсолютно—*законодательный источникъ*; въ нихъ излагается *самое содержаніе* откровенія и вѣры. А историческія преданія обозначаютъ только *историческій ходъ*, историческій процессъ, по которому направляется и раскрывается христіанское ученіе въ границахъ церковнаго бытія и жизни. Съ этой стороны историческія преданія свободны отъ всѣхъ богословскихъ опредѣленій, связанныхъ въ церковномъ ученіи съ понятіемъ догматическаго преданія. Поэтому при изслѣдованіи вопроса о преданіи въ историческомъ смыслѣ идетъ рѣчь о question du fait, а въ догматическомъ отношеніи—о questio juris. Къ догматическимъ преданіямъ причисляются: канонъ, таинства, основные догматы; къ историческимъ: всѣ моменты преданія, именуемые нравственными, обрядовыми и экзегетическими, а также всѣ извѣстія о церковно-историческихъ событіяхъ (нерукотворенный Образъ, приснодѣвство Богородицы и проч.)

Въ раздѣленіи преданій на догматическія и историческія находится существенное различіе между православіемъ и протестантствомъ. Православная церковь принимаетъ *вмѣстѣ* и догматическія преданія и историческія въ качествѣ источника откровеннаго ученія и вѣры. Протестанты допускаютъ только одни историческія преданія. По православному взгляду, откровенная истина, основывающаяся на догматическомъ преданіи, имѣетъ такой же авторитетъ, какъ и истина, покоящаяся на догматическомъ ученіи писанія. Одно и то же слово Божіе обязываетъ насъ къ вѣрѣ въ откровеніе, и это слово мы узнаемъ изъ апостольскихъ писаній и изъ догматическаго преданія церкви. По протестантскому воззрѣнію, въ догматическомъ преданіи заключается все то, что́ и въ библіи, а въ историческомъ преданіи не должно быть ничего касательно вѣры, чего не было бы въ писаніи. Все значеніе историческаго преданія сводится къ научному опредѣленію уровня пониманія христіанскаго откровенія въ извѣстное время исторической жизни церкви. Съ этой стороны историческое преданіе есть traditio testificatoria, «преданіе свидѣтельствующее», т. е. лишенное обязательной силы и всеобщаго авторитета и уравниваемое съ достоинствомъ чисто-человѣческаго слова (traditio historicae sive humanae). Только при такомъ разумѣніи протестанты не видятъ никакой опасности въ историческомъ преданіи

для своей догматической вѣры. Историческимъ преданіемъ они пользуются, какъ научнымъ матеріаломъ при оцѣнкѣ догматическаго ученія.

Какъ должно смотрѣть на это отдѣленіе преданій догматическихъ отъ историческихъ? Не заключаетъ ли въ себѣ это наименованіе однихъ преданій только догматическими, а другихъ только историческими нѣчто двусмысленное?

Догматическія и историческія преданія *въ живомъ дѣлѣ* откровенія Божія и вѣры церковной находятся въ органическомъ взаимодѣйствіи. Нельзя проводить неуловимыхъ линій искусственнаго раздѣленія между ними. Всякое истинное преданіе имѣетъ двѣ стороны: *догматическую* и *историческую*; ибо *христіанское откровеніе* есть всеобщій *историческій фактъ*. Поэтому въ православной церкви есть каноническія постановленія даже относительно историческихъ событій и фактовъ изъ жизни божественнаго откровенія, получающихъ при этомъ глубокій догматическій смыслъ и религіозное значеніе (праздники). Точно также и содержаніе чисто-историческаго преданія можетъ быть догматическимъ. Если, напр., древне-церковные отцы свидѣтельствуютъ, что въ ихъ время совершалось крещеніе надъ младенцами, идущее отъ апостоловъ, то это есть несомнѣнное историческое преданіе; но если они учатъ, что вслѣдствіе крещенія младенцевъ изглаживается вина первороднаго грѣха, то содержаніе этого преданія есть чисто-догматическое. Поэтому, во имя православнаго догмата о преданіи съ полнымъ правомъ должно возражать противъ протестантской теоріи, направляемой къ хаотическому смѣшенію церковно-догматическаго преданія со всѣмъ вообще историческимъ опытомъ, со всѣми наслоеніями и паращеніями, которыя «претерпѣваетъ христіанская вѣра въ теченіе вѣковъ». Понятіе историческаго преданія можно относить одинаково и къ откровенной истинѣ и къ сектантскому заблужденію; ибо историческій процессъ обнимаетъ не только нормальное теченіе церковной жизни, но и уклоненія отъ нормы (ереси и расколы). Преданіе, какъ источникъ богооткровеннаго ученія, имѣетъ своимъ предметомъ только одну истину Божію. Главнѣйшая ошибка протестантовъ состоитъ въ томъ, что они по произволу, «смотря по обстоятельствамъ», пользуются историческимъ преданіемъ и однѣ преданія считаютъ догматическими и отметаютъ (преданіе о таинствахъ), а другія, подходящія къ ихъ

вѣроисповѣдной системѣ, признаютъ историческими и пріемлютъ «въ кругъ своихъ догматовъ». Не съ цѣлію ли «самоопровданія» они особенно усердно разрабатываютъ свою науку «исторію догматовъ», чтобы путемъ «объективной критики» отличить и отдѣлить «догматическое зерно христіанской религіи отъ историческихъ формъ и церковныхъ наслоеній»? Поэтому traditio historica въ протестантскихъ системахъ крайне-неопредѣленное понятіе.

Но и съ естественной исторической точки зрѣнія нельзя слишкомъ мало цѣнить преданіе. Въ церкви за сохраненіе въ чистотѣ содержанія преданной вѣры даны всѣ гарантіи, которыхъ по справедливости можно требовать. Религіозно-нравственное единеніе вѣрующихъ, вѣрность и благоговѣніе предъ словомъ Божіимъ, взаимное бдѣніе надъ ученіемъ со стороны отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, практическое подтвержденіе основныхъ истинъ вѣры въ жизни и богослуженіи (культѣ)—все это дѣятельныя средства для поддержанія въ чистотѣ истиннаго преданія. Преданіе въ этомъ отношеніи есть не какой то «большой комплексъ хлопотливыхъ проблеммъ», а простое, ясное и живое сознаніе и обобщеніе всѣми вѣрующими христіанскихъ истинъ, изложенныхъ въ ученіи св. церкви. Ссылкой на ученіе и вѣру, находящіяся здѣсь православная церковь уклоняется отъ всяческихъ нововведеній. А протестанты въ данномъ случаѣ совершенно безотвѣтны. Такъ какъ «отцы протестантской церкви» отъ начала старались умалить достоинство древне-церковнаго преданія, то, поэтому, нельзя отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что «глубокая пропасть (hiatus) зіяетъ» между протестантствомъ и древне-апостольскимъ преданіемъ.

г) Дѣленіе преданій по способу введенія ихъ въ первый разъ.

Есть еще особый раздѣлъ преданій по способу введенія ихъ въ первый разъ въ систему церковнаго ученія и жизни (modus, quo traditio primum fuit introducta) [137]). Смотря по тому, какъ *объектъ преданія* первоначально переданъ церкви: при помощи писанія, или живымъ (устнымъ) словомъ и дѣломъ (примѣромъ),—находится ли онъ въ библіи, какъ нарочито данное въ ней содержаніе или за-

[137]) Cons. Trid. sess. 4, de can. Script., Cat. rom. praef. 12, *Bellarm.* De ver Dei IV, 3.

ключается въ ней implicite,—или же онъ имѣетъ самостоятельное происхожденіе при писаніи. Отсюда создалось у инославныхъ богослововъ различіе преданій на traditio inhesiva et declarativa и на traditio oralis [138]). Насколько туманно инославное traditio въ означенномъ раздѣленіи, особенно видно изъ того, что къ нему принадлежитъ безчисленное множество такихъ ученій, какихъ никогда не знала вселенски-православная церковь. Таково, напр., римское ученіе о filioque (traditio declarativa къ Іоан. 14, 26; 15, 26), о трансубстанціаціи (tr. inhesiva къ Мат. 26, 26; Марк. 14, 22; Лук. 22, 19) и проч. Протестанты принимаютъ только traditio inhesiva et declarativa. Для нихъ оно есть не что иное, какъ научный выводъ изъ ученія писанія. Здѣсь ясно обозначается отрицаніе самостоятельнаго происхожденія преданія подлѣ писанія. Все нужное въ библіи; а чего въ ней нѣтъ, то должно считать «безполезнымъ», или «ложной прибавкой» или, по крайней мѣрѣ, необязательнымъ для вѣры и совѣсти. Въ противоположность этому католическая церковь принимаетъ еще traditio oralis и, такимъ образомъ, придаетъ преданію значеніе источника не только объясняющаго смыслъ библіи, но и существенно—дополняющаго его. Преданіе—это вторая форма слова Божія, изъ котораго также можно почерпать догматы, какъ если бы они исходили отъ Самаго Духа Святаго.

Какъ намъ, православнымъ богословамъ, относиться къ этому раздѣленію преданій съ точки зрѣнія изложеннаго нами библейскаго и церковнаго ученія о преданіи? Вѣдь оно должно имѣть весьма важное значеніе не только для католической и протестантской догматики, но и для христіанскаго вѣроученія вообще, а, слѣд., для самаго существа православной апологетики преданія.

Не трудно видѣть, что означенное различіе католиковъ и протестантовъ по вопросу о значеніи преданія, какъ *источника дополнительнаго* въ отношеніи къ писанію, обусловливается вѣроисповѣдной борьбой. Съ этой стороны вполнѣ понятна попытка римской церкви подъ видомъ tr. oralis отстоять свои особыя ученія и учрежденія, которыхъ не хотятъ признать протестанты съ

---

[138]) Этой терминологіи особенно придерживаются римскіе богословы.

книгою *одного* писанія въ рукахъ Здѣсь *внѣ-библейское преданіе* (verbum Dei non scriptum) должно было прійти на помощь католикамъ, какъ *противовѣсъ* протестантскому принципу писанія. Итакъ ясно, почему въ католичествѣ существуетъ не только формальное, но и *матеріальное двойство* источниковъ вѣроученія и за преданіемъ признается абсолютно-самостоятельное содержаніе, независимо отъ писанія.

Но въ такомъ случаѣ, можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: «какое же находится различіе между православіемъ и католичествомъ, если и православная церковь признаетъ это самое двойство источниковъ откровенной истины и преданіе считаетъ неписаннымъ словомъ Божіемъ»? Совершенно справедливо· преданіе и у насъ признается за исторически-самостоятельный источникъ откровенія и вѣры и вполнѣ равноправный съ писаніемъ. Писаніе, само по себѣ, недостаточно; поэтому нужно и *дополненіе* его — преданіе, какъ не записанное слово Божіе. Это ученіе о преданіи, стоящемъ на ряду съ библіей, находится въ общей связи съ библейски-церковнымъ взглядомъ на источники слова Божія и гносеологическія нормы его пониманія. Но заключающееся здѣсь *сходство* православнаго ученія съ католическимъ только видимое, формальное, внѣшне-отрицательное, т. е. *по внѣшнему построенію, а различіе*—полное, внутреннее, существенное, положительно-матеріальное, т. е. *по самому содержанію*. Не формально-гносеологическій и методологическій *принципъ* самъ по себѣ, но матеріальный *результатъ* (новые догматы)—вотъ что составляетъ еретическій элементъ во всѣхъ частяхъ католическаго понятія о преданіи, какъ неписанномъ словѣ Божіемъ (oralis). Не дополнительный авторитетъ преданія при писаніи, но сектантское привнесеніе чрезъ него новыхъ наслоеній и наращеній въ область вѣры—вотъ что исключается по православному ученію, какъ абсолютная ложь, какъ contradictio in adjecto.

«Дополнительное содержаніе» православно-церковнаго преданія можно точно обозначить. Оно составляетъ основной предметъ православно-догматическаго богословія, строго отличающагося отъ римско-католическихъ ученій. Но каково собственно содержаніе католическаго понятія о traditio oralis самого по себѣ и въ отношеніи

къ писанію чрезвычайно трудно опредѣлить въ подробностяхъ. Нѣтъ ничего болѣе произвольнаго въ католической догматической системѣ, какъ это traditio oralis (verbum Die non scriptum), тѣмъ болѣе, что оно органически связано съ особымъ ученіемъ о «догматическомъ развитіи церкви». И поэтому мы стоимъ во мракѣ при оцѣнкѣ этого преданія, составляющаго характеристическую черту католичества. На Тридентскомъ соборѣ дано было точное перечисленіе библейскихъ книгъ. Но относительно traditiones, quaenam sint, quae ab ipsa synodo suscipiantur, ничего не указано ясно и опредѣленно. Была мысль составить «реестръ» всѣхъ преданій; но соборъ не сдѣлалъ этого. А если бы онъ это исполнилъ, то мы знали бы, за чѣмъ теперь очередь въ католической церкви. Мы могли бы тогда собрать въ одинъ кодексъ всѣ источники римской вѣры, который бы по объему походилъ бы на нѣчто въ родѣ Талмуда; тогда бы мы узнали, есть ли и какъ далеко простирается матеріальное различіе католическаго преданія отъ обще-христіанскаго, т. е. православнаго... Но на *самомъ дѣлѣ* этого собранія своихъ преданій никогда не довести римскимъ богословамъ до точности результата, разъ навсегда опредѣленнаго. Теперь, говорятъ съ увѣренностію католическіе ученые, что можно точно и недвумыслено обозначить содержаніе римскаго догматическаго преданія [139]). Но до 1854 года никто незналъ, что *незаписанное* преданіе скрываетъ въ себѣ и догматъ о непорочномъ зачатіи (immaculata conceptio) Дѣвы Маріи, хотя и существовало особое мнѣніе, по которому это ученіе считалось не какъ предметъ de fide, но какъ pia credulitas. Не изъ этого ли преданія появился самоновѣйшій антихристіанскій «догматъ о папской непогрѣшимости»? И кто знаетъ, что можетъ быть въ будущемъ? Одно несомнѣнно, что сколько ни будетъ обнародовано еще новыхъ догматовъ въ римской церкви, всѣ они будутъ оправдываться изъ неписаннаго преданія, изъ aeterna sapientia ecclesiae. Мы теперь понимаемъ, почему Тридентскій соборъ не могъ исчислить римско-католическихъ незаписанныхъ преданій. Папство пользуется понятіемъ traditio oralis, какъ *общимъ мѣстомъ*, чтобы изъ

---

[139]) *Brenner*, Generalle Dogmatik, 1826, p. 534.

него оправдать все то, для чего нѣтъ никакихъ основаній въ писаніи. Это по истинѣ «ящикъ Пандоры» [140]), подъ крышкой котораго въ римскую церковь проникли всякаго рода ложныя ученія и суевѣрія. Таковъ то католическій взглядъ на преданіе, какъ неписанное слово Божіе. Противоположность его православному больше, чѣмъ очевидна.

Теперь спрашивается: какой общій выводъ можно извлечь изъ разобранныхъ нами богословскихъ понятій о преданіи? Какой внутренній смыслъ всѣхъ этихъ дѣленій и подраздѣленій?

Научная постановка вопроса о преданіи, какъ извѣстно, впервые дана была въ инославномъ богословіи. Здѣсь именно церковное ученіе впервые стало предметомъ *критическаго* обсужденія. Здѣсь, слѣд., нужно искать и указаній и разъясненій, необходимыхъ при рѣшеніи только что постановленныхъ вопросовъ.

Внутренній гиосеологическій составъ научно-богословскаго понятія о преданіи впервые образовался подъ вліяніемъ вѣроисповѣдной борьбы католиковъ и протестантовъ. Протестанты отвергли *догматическое* преданіе, особенно какъ источникъ *дополнительный* при писаніи. Римско-католическая церковь должна была отстоять это преданіе, утвердить его авторитетъ и необходимость при писаніи, особенно вопреки протестантской антитезѣ. Въ этомъ ея главнѣйшая заслуга въ исторіи христіанской апологетики преданія.

Основное положеніе протестантовъ гласило, что все необходимое для вѣры находится въ *одномъ* писаніи. Противъ него католическое богословіе выставляетъ *двойство* источниковъ вѣроученія: откровенная истина заключается въ писанныхъ книгахъ и въ незаписанныхъ преданіяхъ. Протестанты считали преданіе *человѣческимъ* словомъ и дѣломъ, а римская церковь установила понятіе о *божественномъ* происхожденіи церковныхъ преданій отъ Христа и апостоловъ. Отсюда извѣстное дѣленіе преданій на божественныя, апостольскія и церковныя, съ главнѣйшею цѣлію доказать *полноту* христіанскаго откровенія и *чистоту* церковной жизни. Противъ протестантскаго мнѣнія, умаляющаго авторитетъ преданія до степени человѣческаго измышленія, римское богословіе выдвинуло на

---

140) Хемницъ, Ex. p. 60.

первый планъ *равночестность* въ ихъ взаимоотношеніи. Протестанты признаютъ за писаніемъ особую «способность самотолкованія» въ виду его *абсолютной ясности*, а католическая церковь учитъ о необходимости *экзегетическаго преданія* и учительнаго авторитета. Наконецъ, противъ протестантскаго мнѣнія, по которому устное преданіе подвержено измѣненію и искаженію, въ католическомъ богословіи развивается мысль о постоянномъ преемствѣ церковной іерархіи (succesio episcoporum continua), какъ о необходимомъ способѣ вѣрнаго сохраненія преданія въ его первопачальной неприкосновенности.

Конечно, всѣ эти пункты католическаго ученія о преданіи, отличающіе его отъ протестантскаго взгдяда, не составляютъ еще принципіальнаго противорѣчія православному ученію. И православная наука можетъ воспользоваться ими для своихъ *теоретическихъ* построеній, но и только; ибо *матеріальное содержаніе* ихъ расходится на безконечное разстояніе отъ истинно-православнаго содержанія догматической идеи о преданіи. *Положительная сторона* римско-католическаго понятія о преданіи приводитъ къ мысли о томъ, что одна часть откровеннаго ученія, переданнаго апостолами церкви, была сразу заключена въ писаніе, а другая только постепенно входила въ религіозное сознаніе и жизнь при помощи законныхъ органовъ церковнаго учительства. Но такъ какъ «апостольская эпоха» одна и неповторяема и составляетъ органическое начало всей церковной исторіи, то этимъ признаются выводы, совершенно противорѣчащіе *матеріальному содержанію* католическаго понятія о преданіи и такимъ образомъ осуждаются всѣ новые, неапостольскіе догматы и обычаи, которыхъ «нѣсть числа» въ католичествѣ. И такъ устанавливается *реальное различіе* между католическимъ и православнымъ ученіемъ о преданіи. Многіе, не отличая католичества отъ православія въ ученіи о преданіи, впали въ сектантство и измѣнили православію. Но если бы римско-католическое преданіе совпадало съ частію истиннаго откровенія Божія, случайно незаключеннаго въ письмена апостолами, то содержаніе его ничѣмъ не отличалось бы истинно-церковнаго, вселенски-православнаго преданія и не имѣло бы такого «безкопечнаго объема». Все различіе было бы только формальнаго или историко-критическаго

свойства. Тогда бы мы не имѣли никакого права сомнѣваться въ его внутреннемъ достоинствѣ и авторитетѣ. А между тѣмъ отношеніе между религіознымъ преданіемъ, живущимъ въ нашей истинно-православной церкви и «эмпирическимъ содержаніемъ римскихъ традицій» совершенно противоположно и ирраціонально. Въ православномъ преданіи—абсолютная полнота и законченность божественнаго откровенія, передаваемаго и сохраняемаго въ первоначальной чистотѣ и истинѣ; а въ римскомъ—вѣчно-колеблющееся и неустойчивое «догматическое развитіе церкви». Руководящая, «непрерывно-восходящая прямая линія» римско-католическихъ преданій продолжается in infinitum. Явный знакъ, что «жизненный нервъ» всей мысли о преданіи въ католичествѣ выходитъ за предѣлы божественнаго откровенія и истинной вѣры, и, слѣд., въ основѣ ея лежатъ свои гносеологическія тенденціи и интересы, а именно научное оправданіе всѣхъ нововведеній въ ученіи и жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Преданіе въ субъективномъ смыслѣ.

«Преданіе есть разумъ церкви».
Слова св *Ипполита Остійскаго* и св. *Виѳентія Лиринскаго.*

Отъ преданія, понимаемаго въ объективномъ смыслѣ надобно *мысленно* различать, но не раздѣлять *фактически* преданіе въ субъективномъ смыслѣ. Объ эти стороны преданія органически неразрывны и существуютъ въ живомъ взаимодѣйствіи. Православное вѣроученіе основывается на цѣлостномъ единствѣ объективнаго и субъективнаго преданія. Всѣ гносеологическіе и методологическіе вопросы, касающіеся перваго повторяются также и относительно послѣдняго, т. е. субъективнаго преданія.

Подъ именемъ преданія въ субъективномъ смыслѣ слова разумѣется *религіозное сознаніе* и *жизнь* православной церкви. Это сознаніе и эта жизнь—неизмѣняемы, всегда тождественны, вѣчны, ибо они проистекаютъ отъ Бога и суть откровеніе Божіе. Съ этой стороны преданіе есть божественное слово и дѣло, вѣчно-живущія въ церкви, въ сердцахъ истинно-вѣрующихъ и чтущихъ Бога. Это истинно-церковный духъ откровенія Христова (Христовой вѣры), «изшедшій отъ Христа» и чрезъ апостоловъ вшедшій навѣки въ глубь церковнаго самосознанія и жизни, растворившійся здѣсь, присно-оживляющій церковь, составляющій внутреннюю догматическую сущность, недѣлимое зерно ея абсолютной истины, ея истиннаго *познанія* ученія Христова (2 Пет. 3, 18; 2 Кор. 4, 13). Такъ какъ церковь есть вѣрное хранилище откровенія Божія, то подъ преданіемъ въ указанномъ отношеніи подразумѣвается никогда не старѣющаяся, или *вѣчная память* церкви, иначе —никогда (со времени апостоловъ) не прерывавшее своего бытія и жизни религіозное *самопознаніе* церкви. Здѣсь преданіе обозначается, какъ

самобытное, постоянно существующее въ церкви, православно-христіанское міросозерцаніе, духоносное, свѣтозарное. По способу и силѣ исторической передачи, оно есть не только посредство, необходимое для распространенія и сохраненія «результатовъ древнихъ временъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и вѣчно-живой источникъ новой жизни, творческій источникъ. Это не безжизненное «мертвенное слово религіознаго ученія», сохраняемое въ одной умственной памяти и совершенно механически передаваемое отъ предковъ къ потомкамъ, но неизсякаемый источникъ духовнаго творчества, церковнаго религіозно-нравственнаго дѣланія, православнаго созиданія царствія Христова въ силѣ Божіей. Съ этой стороны преданіе есть идеальная сущность реальной организаціи православной церкви въ ея ученіи и жизни.

Преданіе въ субъективномъ смыслѣ, употребимъ подходящее сравненіе, есть для церкви то же самое, что самосознаніе въ разсужденіи индивидуальной человѣческой личности [141]). Коренные признаки человѣческаго самосознанія — *единство* и *тождество*, иначе психологическая непрерывность или непрерываемость его явленій и дѣйствій. Все чуждое личнаго самосознанія какъ бы само собою устраняется, уступая мѣсто во внутренней жизни только тому, что согласуется съ природою отдѣльнаго лица, т. е. съ тѣмъ, что дѣлаетъ это лицо такимъ или инаковымъ [142]). Съ исчезновеніемъ самосознанія въ отдѣльномъ человѣкѣ наступаетъ разложеніе личности и «духовная смерть». Устойчивость преданія можно сравнить съ этой существенною неизмѣняемостію психической организаціи человѣческой природы. Здѣсь догматъ о преданіи научно доказывается какъ бы изъ природной необходимости, насколько она мыслится въ понятіи религіознаго сознанія [143]). Здѣсь удобно къ источнику церковнаго преданія присоединить слѣдующее богословско-фи-

---

141) О преданіи въ субъективномъ смыслѣ см. у проф. *Е. Аквилонова*, Церковь, стр. 249, проф *А Лопухинъ*, Апологія Лютерда, стр. 342—343; см. терминъ «религіозное сознаніе» у преосв Сильвестра въ Догматикѣ. Изъ иносл. сравн. *Möhler*, Symbolik s. 361; Einleitung, s. 20, 42; *Staudenmajer*, Wesen Kath. Kirche, s. 43; Dogm., I, s. 20, 33, *Günter*, Der Letzte Symboliker, 1836, s. 386, *Tanner*, Kat. Trad. § 36, s. 149—150.

142) *Аквилоновъ*, стр. 349.

143) Мнѣніе *Gorres*'а см. у Holzmann'а, Kanon, § 61, s 488.

лософское опредѣленіе: «*духовное преданіе*», т. е. преданіе, обнимающее все и во всей цѣлости духовно-идеальное бытіе и религіозную жизнь церкви православной. Съ этой стороны преданіе это какъ бы церковь вселенская сама въ себѣ или νοούμενον церкви (по философской терминологіи), т. е. единая и священная сущность каѳолической вѣры и истинно-религіознаго познанія.

Употребимъ еще одно выразительное сравненіе для поясненія нашихъ мыслей. Преданіе въ субъективномъ смыслѣ есть тоже, что національный геній въ вопросѣ о культурно-исторической жизни отдѣльнаго народа или цѣлыхъ группъ народовъ [144]). Каждый народъ имѣетъ свое особое міросозерцаніе, свои особыя типическія черты, свой особый бытъ, словомъ все то, что обыкновенно называется національнымъ духомъ, творящимъ народную жизнь, кладущимъ своеобразный отпечатокъ на всѣ проявленія культурно-народной дѣятельности. Сообразно съ этимъ духомъ нужно оцѣнивать всѣ историческіе факты и явленія въ исторической жизни извѣстнаго народа, т. е. смотрѣть, насколько они соотвѣтствуютъ культурнымъ идеаламъ и насущнымъ потребностямъ народнымъ. Единство, цѣлость, высота и чистота народной жизни есть не что иное, какъ непремѣнное дѣйствіе единой, общей всему народу національности, національнаго генія. Все частное и отдѣльное (разнообразное) находитъ свое истинное бытіе и историческую жизнь только въ томъ, что въ немъ имѣетъ значеніе всеобщаго и неизмѣннаго принципа, подчиняющаго себѣ все единичное, опредѣляющаго внутреннее достоинство всего случайнаго и привходящаго со внѣ. Въ отдѣльныхъ народо-культурныхъ явленіяхъ и событіяхъ непрерывнымъ потокомъ льется и дѣятельно осуществляется этотъ общій національно-культурный, живодвижущійся принципъ (princeps movens).

Тоже самее, но только, конечно, въ другомъ отношеніи и преданіе въ церкви. Церковь одна и всегда согласна сама съ собою въ исповѣданіи вѣры и въ религіозной жизни, какъ согласенъ, напр., народъ въ своихъ завѣтныхъ культурно-историческихъ идеалахъ и чаяніяхъ по причинѣ единой у всѣхъ національности [145]). Здѣсь въ

---

144) *Аквилоновъ*, стр 249; проф. *Лопухинъ*, стр. 342

145) *Шлермахеръ* ошибается, когда религіозное преданіе отождествляетъ съ «національнымъ духомъ»

преданіи незыблемо утверждается догматическое единство и всеобщность исторической неприрывности (continua sucessio) христіанскаго вѣроученія, твердость и безопасность религіозной вѣры въ церкви. И при такомъ сравненіи преданія съ національнымъ геніемъ никоимъ образомъ нельзя прійти къ анти-историческому протестантскому принципу одного писанія, чуждаго культурной непрерывности и органической связи. Только никогда не нужно терять изъ виду основную задачу нашего православно-апологетическаго изслѣдованія. Преданіе у насъ не «одухотворенный только субъективный смыслъ откровеннаго ученія», не «теретическое только воззрѣніе на исторію христіанской религіи и ея натуральный прагматизмъ», выросшія на почвѣ и въ области протестантской науки, но духоносный источникъ откровенія, текущій изъ Христа чрезъ апостоловъ въ церкви, все приводящій въ движеніе здѣсь и всегда передающійся «по преемству въ тайнѣ». Съ этой стороны справедливо преданіе именуется духомъ мудрости всецерковной [146]). Поэтому его должно строго отличать отъ «символическаго развитія догматическаго ученія», напр., въ духѣ Лютера, ставшаго для своихъ послѣдователей богословско-философскимъ принципомъ. Преданіе не обще-философскій и не отвлеченно-умозрительный духъ вѣры, а живой источникъ и живоносный принципъ всецерковнаго вѣроученія.

Какъ истинная хранительница и носительница откровенія Божія, церковь никакъ не можетъ существовать *безъ преданія* (2 Θес. 2, 15). То, что мы признаемъ относительно преданія въ субъективномъ смыслѣ, при правильномъ пониманіи, всегда совпадаетъ съ тѣмъ, что называется *вѣчною памятію* церкви, иначе—богодухновеннымъ воспоминаніемъ [147]). Съ этой стороны вполнѣ понятно, что преданіе прочно устанавливаетъ и непрерывно поддерживаетъ живую органическую связь между церковнымъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ и возстановляетъ въ каждый данный моментъ въ религіозномъ сознаніи и жизни существенное догматическое тождество и единство настоящаго и прошедшаго. Въ силу неприрывности и непрерываемости религіознаго самосознанія и жизни *церковь настоя-*

---

[146]) У *Молера* въ этомъ мѣстѣ стоитъ остроумное опредѣленіе преданія «геніемъ» церкви. (Symb. s. 373; Einheit. s. 38; см. *Hase*, Polemik s. 77).

[147]) Ср. *Mohler*, Einheit. s. 57, 60.

щаго обладаетъ всею полнотой и совершенствомъ знанія того, что она, въ сущности, въ духовномъ бытіи своемъ, тождественна и едина съ начальною, т е. *апостольскою церковію*. Въ преданіи *нынѣ существующая* церковь наша владѣетъ яснымъ и чистымъ сознаніемъ того, что ея ученіе и духъ вѣры одинаковъ съ ученіемъ и духомъ вѣры, бывшими при ея учрежденіи. И съ помощью этого сохраняемаго и раскрываемаго въ преданіи истиннаго знанія она всегда уразумѣваетъ свое полное тождество во всѣхъ сторонахъ своей духовной жизни. Прошедшее и будущее церкви какъ бы олицетворяется въ ея никогда непрерываемомъ и вѣчномъ настоящемъ. Въ своемъ настоящемъ она неразрывно соединена со всѣмъ ее составляющимъ прошедшимъ и желаннымъ и ожидаемымъ будущимъ. «*Іисусъ Христосъ вчера и днесь, тои-же и во вѣки*». Такова и церковь Его Здѣсь глубочайшіе корни религіознаго единства церкви и преданія, какъ церковнаго самосознанія. Вотъ почему позднѣйшіе ряды, члены и вѣка церкви православной соединяются съ первѣйшими въ силу непрерывности и тождества преданія, т. е. христіанскаго самосознанія и религіозной жизни. Церковь знаетъ, что она въ каждый данный моментъ своего историческаго существованія есть одна и та же и что она ни въ какой періодъ своей жизни не измѣняла своего характера и своихъ религіозно-просвѣтительныхъ задачъ. Ей извѣстно, что всякаго рода религіозныя треволненія и сектантскія смуты нисколько не коснулись самаго зерна ея природы, не приразились къ самой сущности ея, но что она осталась тою же самою, устоявъ противъ всѣхъ «козней вражіихъ» и искушеній и сохранила свой *первоначальный образъ* въ неистлѣнной красотѣ его, защищаясь отъ всяческихъ еретиковъ и раскольниковъ одною могущественною силою своего «*здраваго ученія*», своего исконнаго преданія. Посредствомъ этого тождественнаго христіанскаго самосознанія и жили каждое изъ церковныхъ поколѣній и каждый изъ періодовъ, *духовно питаясь* тѣмъ, что получено ими истиннаго и достовѣрнаго въ наслѣдство отъ предковъ, отъ св. отцовъ и, такимъ образомъ, питаясь наслѣдіемъ истины апостольской, полученной отъ Христа, отъ Бога. Въ каждомъ періодѣ православно-церковной исторіи все прошедшее содѣйствовало дальнѣйшему раскрытію откровеннаго ученія. Здѣсь преданіе многовѣковый опытъ церкви православ-

ной, органически связующій церковь настоящаго съ церковію прошедшаго [148]). Преданіе—это какъ бы многоводная, могучая, живоносная рѣка [149]) наводняющая поля [150]) и луга [151]) человѣческихъ сердецъ. И каждый истинно-вѣрующій и пьющій изъ нея знаетъ, что онъ піетъ изъ апостольскаго преданія, изъ самаго источника Божія. Принадлежа къ церкви настоящаго и, такимъ образомъ, имѣя живое сознаніе своего единенія съ нею, каждый православный христіанинъ и всѣ вмѣстѣ живутъ въ лонѣ *апостольской церкви*, уразумѣваютъ свое «единеніе духа» (Еф. 4, 3) съ нею, т. е. свою неразрывную органическую связь съ нею. Здѣсь то и заключается тайна историческаго *прогресса* въ вѣроученіи. *Преданіе* и *прогрессъ* должны мыслиться за-разъ, одновременно, нераздѣльно. Всякое раздѣленіе или противоположеніе между ними одинаково невозможно, какъ невозможно искусственно раздѣлять или противополагать основаніе и то, что на немъ основывается, корень и то, что изъ него должно произрасти и произрастаетъ уже.

Такое понятіе о преданіи мы встрѣчали, какъ извѣстно, въ писаніи и въ церковно-христіанской древности. Въ библіи вопросъ о преданіи въ субъектиномъ смыслѣ вообще разсматривается въ ученіи о всемірномъ богонаученіи, когда всѣ люди будутъ освобождены отъ «рабства письмени», а это возможно при богодухновенномъ преданіи [152]). Плодъ этотъ богонаученія—апостольское вдохновеніе отъ Духа Святаго (1 Кор. 2, 10—13; 2 Петр. 1, 21): Апостолы какъ въ рѣчи, въ живомъ словѣ, въ преданіи, такъ и въ писаніи суть богонаученные (богодухновенные) по преимуществу. Поэтому и вся апостольская церковь «*вѣсть, яже отъ Бога дарованная намъ*» (1 Кор. 2, 13), «*слышитъ гласъ Божій* (Іоан. 10, 16), *имѣетъ* истинное *свидѣтельство въ себѣ самой* (1 Іоан. 5, 10; 1 Кор. 14, 37). Она есть какъ бѣ *посланіе* (письмо) *Христово*, чрезъ служеніе апостоловъ и св. отцовъ написанное не чернилами,

---

148) Ср *Dollinger*, Chr und Kirche, s. 161 *Mohler*, Einleit in d Kirche, s. 43.

149) Сравн. библейскій образъ у Іез. 47, 1—12.

150) Сравн. изреченіе Христа въ притчѣ о сѣятелѣ· *поле есть миръ*» (Мат. 13, 38).

151) Сравн. смыслъ заглавія творенія препод. Іоанна Москха: «*Лугъ духовный*».

152) Лев. 26, 12, Ис. 54, 11—13, Іер 3, 19, Ос. 1, 11; Іоиль 2, 2, 28—52; Іоан. 6, 45, 14, 26, 1 Іоан. 2, 27; 1 Θес. 4, 9, 1 Кор. 6, 16—18; 2 Кор. 3, 1—9; 6, 16—18; Евр. 10, 16; Дѣн. 2, 17.

но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотянныхъ скрижаляхъ сердца истинно-увѣровавшихъ во Христа, всегда узнаваемое и читаемое всѣми человѣками, всюду и вездѣ (2 Кор. 3, 2—3). И это живущее въ церкви преданіе (откровеніе Божіе) есть печать и свидѣтельство (историческій памятникъ) единенія церкви съ апостолами и со Христомъ. Это собственно-органическая связь всѣхъ православныхъ христіанъ всѣхъ временъ и народовъ со своими родоначальниками и духовными наставниками, св. отцами и апостолами, а чрезъ нихъ и со Христомъ. Какъ бы далеко, по времени, не отстояла наша православная церковь отъ апостоловъ, но по *единству преданія*, по силѣ одного и того-же духа вѣры и жизни, она едина со своимъ началомъ, съ св. отцами, апостолами и со Христомъ. Съ этой стороны должно считать несправедливымъ мнѣніе, будто *нынѣ не нужно* ссылаться на *письменное свидѣтельство* на ряду съ *богодухновеннымъ преданіемъ*, живущимъ въ церкви. Такой взглядъ непримиримъ ни съ божественнымъ достоинствомъ писанія, ни съ понятіемъ θεοδίδακτος. Писаніе есть такое же слово Духа Божія (2 Петр. 1, 21; 2 Тим. 3, 16; Пс. 119: 18. 34. 68. 135; Мат. 15, 36; Лук. 24, 45), какъ и преданіе. Поэтому оно и есть равночестный съ преданіемъ источникъ откровеннаго ученія. Писаніе, какъ «объективно (внѣшнимъ образомъ) выраженное свово Божіе» не только не устраняется, но необходимо требуется при преданіи. Только при живомъ взаимодѣйствіи писанія и преданія церковь есть богонаученная (богодухновенная) таинница откровенія Божія. Только такимъ путемъ устанавливается въ ней догматико-каноническое единство субъективнаго преданія и объективнаго свидѣтельства Духа Божія въ писаніи.

Такъ же и въ свято-отеческой письменности подъ преданіемъ въ субъективномъ смыслѣ подразумѣвается общецерковное самосознаніе, все христіанское міросозерцаніе вѣры [153]). Преданіе—это живой и непогрѣшимый голосъ церкви вселенской, непрестанно руководи-

---

153) *Св. Ириней*, кн III, гл. 4, *св. Ипполитъ* Ост. «φρόνημα ἐκκλησιαστικὸν»; *Тертуллианъ* во мн. мѣстахъ, *Климентъ*: «ὁ κανὼν τῆς ἐκκλησίας (ἐκκλησιαστικος); Оригенъ «ecclesiastica traditio=praedicatio» in Princ. praef, св. *Викентій* intelligentia ecclesiastica=sensus ecclesiasticus, Com c. 2. *См. также требованіе* отцовъ и соборовъ понимать писаніе по духу вѣры всецерковной.

мой и вдохновенной Духомъ Божіимъ. Она хранитъ всѣ богооткровенныя истины въ своемъ вѣроученіи неизмѣнно,—все, что получила отъ Христа чрезъ апостоловъ, передаетъ изъ рода въ родъ въ томъ же самомъ составѣ, смыслѣ и значеніи. Отсюда—богоносный духъ церковнаго единомыслія, цѣлость православнаго міросозерцанія и полное обезпеченіе абсолютной истины и исторической жизни христіанскаго откровенія въ церкви. Отсюда преданіе есть совершеннѣйшій гносеологическій принципъ истинно-христіанскаго *познанія* и вмѣстѣ церковно-православной *вѣры* [154]). Отсюда и еретиками, сектантами, церквеотщепенцами надо считать всѣхъ тѣхъ людей, которые въ ученіи о спасеніи утверждаютъ что либо противорѣчащее духу всей церкви, живущему и раскрывающемуся въ преданіи, въ этомъ вселенскомъ пониманіи *догматовъ православія*. У сектантовъ, недержащихся всецерковнаго преданія, нѣтъ откровенія Божія, нѣтъ и истинно-христіанскаго вѣроученія. Они только «примѣшиваютъ къ яду своихъ ученій слово Христово» и, такимъ образомъ, духовно, религіозно умираютъ.

2. Отношеніе объективнаго преданія къ субъективному.

Теперь спрашивается: «въ какомъ взаимоотношеніи (взаимодѣйствіи) находится объективное преданіе къ субъективному»? Вопросъ справедливый и заслуживающій того, чтобы его разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе, особенно въ виду тенденціозныхъ и запутанныхъ взглядовъ на него со стороны иновѣрныхъ богослововъ. Именно въ этомъ вопросѣ «инославіе» создаетъ для себя всевозможныя praesidia circum, circa et extra истиннаго преданія и писанія.

Объективное (матеріальное) преданіе составляетъ (вообще говоря) существенное содержаніе преданія, понимаемаго въ субъективномъ смыслѣ [155]). Оно относится (скажемъ сравнительно) къ нему, какъ содержаніе человѣческаго сознанія къ самому акту сознанія. Человѣческое сознаніе, какъ психологическій фактъ и гносеологическій факторъ, составляется изъ цѣлаго и цѣлостнаго ряда мысли-

---

154) Ср. *Khun*, Dogm. I, s. 27, Tub. Quart. 1858.

155) Изъ иносл. *Mohler* Einh. s. 42.

тельныхъ и волевыхъ движеній и раскрывается путемъ упражненій въ сферѣ достовѣрнаго познанія различныхъ предметовъ и явленій нашего самосознанія и самонаблюденія. Подобно этому, хотя, конечно, въ ипомъ высшемъ значеніи и смыслѣ, составляется и раскрывается религіозное самосознаніе церкви въ его абсолютномъ единствѣ, тождествѣ и самобытности. При постоянномъ сохраненіи и непогрѣшимомъ раскрытіи (утвержденіи) церковію откровеннаго ученія сами собою достигаются и эта полнота и это совершенство религіознаго сознанія и жизни.

Субъективное преданіе возникаетъ въ церкви раньше объективнаго; послѣднее раскрывается изъ перваго, первое въ послѣднемъ получаетъ стое видимое, внѣшнее возраженіе и свидѣтельство [157]). Съ этой стороны объективное преданіе имѣетъ больше значенія для всего внѣшняго въ церковномъ бытіи, а субъективное для всего внутренняго, духовнаго и сокровеннаго.

Итакъ, въ отношеніи преданія объективнаго къ субективному мы имѣемъ дѣло съ двумя способами распространенія и утвержденія (воздѣйствія) откровеннаго ученія въ церкви. Съ одной стороны религіозное сознаніе церкви есть созидающее начало, творческій источникъ истинно-христіанскаго духа вѣры и жизни. Здѣсь все внѣшнее, объективное въ церкви является дѣломъ животворящаго духа вѣры христіанской. Съ другой же стороны это самое религіозное сознаніе церкви составляется и постигается на основаніи своихъ собственныхъ внѣшнихъ обнаруженій и свидѣтельствъ, созданныхъ духомъ и въ духѣ истинной вѣры. Поэтому истинно-церковный духъ христіанскаго вѣроученія означаетъ собою самобытное продолженіе и историческое раскрытіе всѣхъ православныхъ вѣроизложеній, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его субъективные моменты (элементы). Здѣсь, такимъ образомъ, находится органическая связь и тождество [156]) всѣхъ безъ исключенія истинъ вѣры всецерковной, проистекающихъ изъ одного источника—божественнаго откровенія. Отсюда само собою объясняется, почему символъ вѣры, церковное Богослуженіе, уставъ, практика, даже сама церковь (со стороны своей внѣшней

---

156) *Mohler*, ib s. 42; *Döllinger*, Ch. u. Kirch., s. 161; vgl. *Schaudenmajer*, Wesen Kath. Kirche s. 43; *B Crusius*, Bibl. Th. p. 23 ff.

организаціи) исторически раскрывается изъ нѣдръ истинно-божественнаго духа вѣры и жизни христіанской, познаваемыхъ въ своихъ созданіяхъ (въ объективныхъ самоопредѣленіяхъ). Отсюда становится понятнымъ и то, почему писаніе относится къ апостольскому ученію точно также, какъ преданіе къ ученію вѣры церкви, къ духу вѣры всецерковной. Апостольскія писанія суть историческіе источники, достовѣрные памятники божественнаго ученія, живущаго въ церкви. Точно также ясна и та мысль, что объективное преданіе есть не что иное, какъ непремѣнное дѣйствіе и плодъ откровеннаго ученія, дѣятельно-познаваемаго церковію и повсюду распространяемаго въ ней. Какъ мы выводимъ заключеніе объ истинно-апостольскомъ духѣ и ученіи начальной церкви на основаніи писанія, такъ должны мы выводить и обратное заключеніе объ ученіи и духѣ церкви на основаніи объективнаго преданія. И далѣе, какъ относится объективное преданіе къ писанію, такъ точно относится субъективное преданіе къ духу (ученію) начальной апостольской церкви. Если объективное преданіе есть только дальнѣйшее утвержденіе писанія, то субъективное есть только историческое раскрытіе истинно-апостольскаго духа въ церкви православной. Равнымъ образомъ можно сказать и наоборотъ: если бы между объективнымъ преданіемъ и писаніемъ было какое нибудь раздѣляющее ихъ противорѣчіе или даже только несогласіе, то было бы противорѣчіе между всецерковнымъ и апостольскимъ духомъ христіанскаго вѣроученія. Точно также мы можемъ по справедливости высказать и слѣдующую мысль о взаимоотношеніи между преданіемъ и писаніемъ. Если между вѣроученіемъ всей церкви и духомъ вѣры апостольской существуетъ органическое единство и цѣлокупное тождество, то само собою понятно, что объективное преданіе всегда должно быть едино и неизмѣнно, должно стоять въ полномъ согласіи съ писаніемъ; иначе непримиримое противорѣчіе проникало бы все библейское и церковное ученіе, всѣ источники вѣры, библейскіе и церковно-преданные, въ ихъ существѣ, существенныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ, что никакъ нельзя допустить ни по идеѣ о церкви, ни по дѣлу практики ея.

Въ духовной жизни человѣческой личности обыкновенно различается двоякое самосознаніе, эмпирическое и рефлективное, иначе— непосредственное и посредственное. Эмпирическое самосознаніе харак-

теризуется различеніемъ своего собственнаго «я» отъ внѣшняго міра феноменальнаго бытія и бывапія и противоположеніемъ этому послѣднему, какъ «не-я», самосознающаго субъекта. Въ рефлективномъ самосознаніи всякій самосознающій себя человѣкъ поставляетъ свое собственное «я», свою идеальную, духовную сущность, никогда неизмѣняющуюся при всемъ видоизмѣненіяхъ внѣшнихъ (историческихъ) условій ея существованія,—поставляетъ предметомъ самонаблюденія, самоиспытанія, изученія, словомъ—предметомъ того способа познанія, который называется научной рефлексіей. Главнѣйшая цѣль и гносеологическое значеніе возвышенія эмпирическаго сознанія на степень рефлективнаго самосознанія состоитъ въ томъ, чтобы достовѣрно и въ достаточной степени ясности познать духъ человѣческій въ его внутреннемъ существѣ и во внѣшнихъ обнаруженіяхъ (ощущенія, мысли, стремленія, дѣйствія и состоянія). Очевидно, что эмпирическое сознаніе предшествуетъ рефлективному, будучи объектомъ послѣдняго.

Подобнымъ образомъ можно точнѣе опредѣлить и обще-церковное самосознаніе, или преданіе, какъ обще-церковный актъ и историческій фактъ. Религіозная жизнь первенствующихъ христіанъ была непосредственная жизнь вѣры церковной. Вопросы о тайнахъ вѣры, заключающихся въ преданіи и писаніи, не подымались еще. Первые христіане скорѣе сердцемъ постигали основныя истины божественнаго откровенія въ ученіи и жизни, чѣмъ умственно сознавали и понимали ихъ [157]). Только постепенно совершается всестороннее познаніе и богословская оцѣнка основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія (духа вѣры церковной). Этому содѣйствовали отчасти самая религіозная жизнь церкви, дѣятельно проявлявшая и свидѣтельствовавшая единый духъ вѣры въ своемъ богослуженіи, обрядахъ, дисциплинѣ и проч., отчасти же язычество, іудейство и секты, выступавшія въ отношеніи къ христіанству во важдебную и явную противоположность (это какъ бы «не—я» церкви, инобытіе, «внѣ-стоящіе»). Если язычество, іудейство и секты способствовали историческому раскрытію христіанскаго откровенія и вѣры отрицательнымъ путемъ, то самобытные церковные источники и способы

---

[157]) Проф. *К. Поповъ*, Тертулліанъ и его теорія познанія, стр. 22—23.

передачи христіанскаго вѣроученія, таинствъ, обрядовъ, всей вообще духовной жизни церкви—открывали положительныя стороны ихъ. Такимъ образомъ положительнымъ и отрицательнымъ путемъ составлялось единое, цѣлостное православно-всецерковное самосознаніе, христіанское богословіе, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Такъ было въ началѣ, такъ и нынѣ, равно какъ и всегда. Съ тѣхъ поръ какъ апостолы Христовы сообщили откровенную истину церкви, преданіе вошло въ «плоть и кровь» всецерковнаго ученія и жизни, отождествилось съ самымъ религіознымъ существомъ церкви. Поэтому, съ одной стороны церковь (въ каждый данный моментъ своего историческаго бытія и жизни) сама собою распространяла и утверждала апостольское преданіе, и оно видимо олицетворялось, воплощалось, запечатывалось въ каждомъ словѣ ея, въ добрыхъ дѣлахъ, молитвахъ, таинствахъ, вообще во всѣхъ проявленіяхъ вѣры и любви, служившихъ доказательствомъ вѣрности христіанъ завѣтамъ Христовымъ. Здѣсь вся внутренняя и внѣшняя жизнь церкви есть не что иное, какъ постоянное обнародованіе, продолженіе и воплощеніе истиннаго преданія. Съ другой стороны—самое религіозное преспѣяніе и созиданіе вѣры и церкви въ разные историческіе періоды совершается единственно при помощи преданія объективнаго. Здѣсь существенное тождество вѣроученія и учрежденій церкви съ духомъ вѣры Христовой служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ истинности и достовѣрности преданія, живущаго въ ней.

И такъ въ церковномъ преданіи совершается замѣчанія достойное круговое движеніе извнутри во-внѣ, и наоборотъ. Искони живущій и всегда дѣйствующій въ церкви духъ вѣры Христовой запечатлѣвается въ ученіи и жизни всецерковной и во-истину свидѣтельствуется здѣсь, а ученіе и жизнь церкви, въ свою очередь, служатъ какъ бы зерцаломъ, отражающимъ въ себѣ откровеніе Божіе, какъ бы религіозно-нравственнымъ средоточіемъ истины и вѣры Христовой. Преданіе течетъ въ лонѣ церкви, а церковь хранитъ, раскрываетъ и укрѣпляетъ его. Употребимъ сравненіе. Кровь течетъ изъ сердца въ жилы и во всѣ члены тѣла для того, чтобы ихъ оживлять и питать; но она возвращается опять въ сердце, чтобы снова получить отсюда животворную теплоту и понести ее во все

тѣло. Въ этомъ круговращеніи крови въ тѣлѣ заключается необходимое условіе духовной и тѣлесной жизни человѣка. Подобно этому и религіозное сознаніе и жизнь церкви движутся и обновляются въ единомъ и вѣчномъ преданіи Евангелія царствія Божія.

Изъ сказаннаго объ отношеніи объективнаго преданія къ субъективному само собою слѣдуетъ, что для уразумѣнія истинно-христіанскаго вѣроученія въ духѣ православной церкви необходимъ двоякій путь богословскаго изслѣдованія. Во-первыхъ, необходимо церковно-историческое наблюденіе надъ преданіемъ въ его цѣлости, надъ духомъ вѣры въ его жизни и движеніи извнутри (изъ глубины его существа) ко внѣ (къ его внѣшнимъ проявленіямъ) и, во-вторыхъ, требуется догматическое проникновеніе въ самый историческій процессъ вѣроученія и практическое пользованіе его результатами (памятники вѣры). Первый путь доказательства догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго преданія есть прогрессивный, апріорный, синтетическій, а второй— регрессивный, апостеріорный, аналитическій. Оба они находятся въ живомъ взаимодѣйствіи и ведутъ къ одной конечной цѣли—къ полному всестороннему познанію христіанства въ его существѣ и исторіи. Устраненіе или умаленіе одного изъ нихъ непремѣнно ведетъ къ уменьшенію объема и извращенію содержанія откровеннаго ученія и жизни. Въ протестанствѣ въ соотвѣтствіе его формальному принципу господствуетъ прогрессивный методъ, а въ католичествѣ въ соотвѣтствіе его преданію—регрессивный. Только въ православіи сохраняется полная гармонія и единство между этими методами познанія. Регрессивный (апостеріорный) путь есть первый, ближайшій, какъ бы исходный, не исключающій, однако, и прогрессивнаго (синтетическаго), а, напротивъ, необходимо его предполагающій, къ нему ведущій и на немъ утверждающійся [158]). Если желаемъ найти истокъ рѣки, то мы должны идти по ея теченію, и этотъ путь навѣрно приведетъ насъ къ самому истоку ея, а послѣ того мы опять можемъ идти обратно, измѣряя ея направленіе, глубину, широту и проч. Всякое «*древо познается по плоду своему*» (Мат. 7, 16—19; 12, 33). На основаніи внѣшняго выводимъ заключеніе о

---

[158]) *Филаретъ*, Догм., § 9, стр 17 (о методѣ догматикѣ).

внутреннемъ, равно какъ и наоборотъ. Такъ и на основаніи церковно-объективнаго преданія мы умозаключаемъ о сущности духа вѣры Христовой и апостольской и изъ нѣдръ его, въ свою очередь, изъясненяемъ и утверждаемъ объективное преданіе въ его историческомъ бытіи и идеальной полнотѣ и совершенствѣ.

Регрессивный путь православнаго доказательства догматической истинности и исторической достовѣрности преданія—это рядъ историческихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе откровенной истины и систематическій разборъ ихъ, основывающійся на тѣхъ-же правилахъ, что необходимы и для всякихъ историческихъ свидѣтельствъ. Здѣсь все дѣло православнаго богословія должно состоять въ правильномъ указаніи и всестороннемъ изслѣдованіи преданія касательно всѣхъ истинъ христіанскаго вѣроученія при помощи анализа подлежащихъ свидѣтельствъ. Выражаясь нѣсколько опредѣленнѣе задача богословія должна быть въ томъ, чтобы утвердить для извѣстнаго ученія церкви, какъ его непрерывное историческое сохраненіе и догматическое единство, такъ и повсюдное распространеніе, его вселенскость, каѳоличество. Только то ученіе откровенія и вѣры божественнаго происхожденія, которое всегда находится въ церкви, а не «образуется только и возникаетъ съ теченіемъ времени» и о которомъ, со времени апостоловъ, преемственно чрезъ всѣ вѣка идетъ обще-согласное свидѣтельство. Извѣстно, что характеристическія черты католичества и протестанства по этому правилу не могутъ быть доказаны. При регрессивномъ методѣ православное ученіе о преданіи обнимаетъ собою обще-догматическую сторону въ цѣломъ ряду историческихъ свидѣтельствъ и доказательствъ, приводимыхъ въ подтверженіе абсолютной истинности и исторической достовѣрности христіанскаго откровенія и вѣры. Здѣсь понятіе о преданіи покоится на чисто-историческихъ основахъ и источникахъ. Поэтому православное богословіе съ глубокой древности ведетъ дѣло защиты преданія inductive и аналитически. Такимъ образомъ при помощи церковнаго понятія о преданіи совершается и совершенствуется научное оправданіе a posteriori того, что a priori утверждается какъ фундаментъ, какъ сокровище неоскудѣемо всѣхъ догматовъ православныхъ. Преданіе должно доказать не только то, что извѣстное ученіе церковно и затѣмъ предоставить каждому сво-

боду умозаключать, что все церковное есть и апостольское, божественное, но оно должно показать, и то, что все въ церкви есть дѣйствительно-апостольское преданіе, и его то должно опытно подтвердить и такимъ путемъ установить его принадлежность къ содержанію откровеннаго ученія. Изъ-за этой именно цѣли, преимущественно противъ еретиковъ, раскрывалось ученіе о преданіи у древнихъ отцовъ учителей церкви. Еретики дерзновенно воставили на попраніе авторитета церкви, какъ единой носительницы ученія и жизни Христовой, какъ истинной хранительницы вѣры Божіей, благодатной таинницы даровъ Святаго Духа. Здѣсь регрессивный методъ состоялъ въ обращеніи къ праву первохристіанской древности, по которому церковь считалась истинною обладательницею откровенія и жизни Божіей, къ епископскому преемству, къ доказательству права владѣнія истиною Божіею до самой апостольской эпохи и, такимъ образомъ, къ осужденію ереси за новизну и нововведенія. Этотъ же самый взглядъ на значеніе регрессивнаго метода должно удержать во всей силѣ и въ виду современныхъ еретиковъ. Все «искусство аргументаціи» по этому методу должно состоять въ томъ, чтобы при помощи обще-научныхъ (особенно индуктивныхъ) данныхъ снова занять прочный пунктъ, отъ котораго регрессивный методъ долженъ и можетъ измѣниться въ прогрессивный. Здѣсь сущность доказательства сосредоточивается въ той увѣренности, что истинно-церковные свидѣтели и поручители и вообще суть истинные носители и достовѣрные хранители апостолъскаго преданія. Только при такой мысли открываются правильные пути къ аналитическому обоснованію дѣйствительно-апостольскихъ ученій какъ со стороны ихъ божественнаго авторитета, такъ и со стороны историческихъ условій бытія и жизни ихъ въ церкви. Въ этомъ именно смыслѣ въ регрессивномъ методѣ движутся всѣ богословскія положенія и доводы отъ настоящаго къ пришедшему церкви, вмѣсто того, чтобы это настоящее избрать непоколебимымъ основаніемъ всего касательно вѣры и благочинія христіанскаго. Вопросъ о преданіи по этому методу разсматривается, какъ quaestio facti. Въ этомъ вся сила его научнаго достоинства и важности.

Сущность православно-прогрессивнаго (синтетическаго) способа познанія христіанскаго вѣроученія въ преданіи состоитъ въ самой

неразрывной (органической) связи съ принципомъ религіознаго авторитета церкви и ея автономіи. Ученіе о непогрѣшимости церкви и ученіе о преданіи здѣсь совпадаютъ, покрываютъ другъ друга. Ученіемъ о преданіи всецѣло оправдывается абсолютное право церкви владѣть откровеніемъ ученія, проистекающее изъ постояннаго руководствованія и просвѣщенія церкви Духомъ Святымъ. Съ этой стороны представляетъ глубокій интересъ самая богословская постановка ученія о преданіи, занимающаго существенную часть предварительныхъ понятій въ православно-догматическомъ богословіи. Здѣсь дается вѣрное пониманіе синтетическаго обоснованія богословской аксіомы о церквѣ, какъ объ истинной хранительницѣ и истолковательницѣ божественнаго откровенія и вѣры.

Ходъ мыслей по прогрессивно-синтетическому методу таковъ. Церковь существуетъ искони со всѣми своими догматами. Ученіе откровенія предано ей отъ Христа чрезъ апостоловъ во всей полнотѣ и совершенствѣ при самомъ первоначальномъ устройствѣ ея. Поэтому въ церкви все имѣетъ божественное начало и апостольскій авторитетъ. Эти положенія составляютъ существенныя элементы самой первой или «главной» посылки православно-богословской науки. Очевидно, здѣсь пріемъ доказательства догматической истинности и исторической достовѣрности преданія долженъ быть синтетическій (дедуктивный). И онъ стоитъ не въ «молчаливомъ предположеніи церкви себя самой», какъ это въ католичествѣ, *не находящемъ* многихъ своихъ истинъ въ древнемъ всецерковномъ преданіи, или какъ въ протестанствѣ, *умалчивающемъ* о многихъ догматахъ истинно-христіанскихъ, а въ ясномъ сознаніи и вѣрномъ сохраненіи всего откровеннаго ученія. Церковь—полноправная наслѣдница преданія Христова. Поэтому ея учительный авторитетъ предполагается самъ собою и задача научно-синтетическаго изслѣдованія вопросовъ вѣры состоитъ только въ дедуктивно-прогрессивной аргументаціи. Но «синтетическое доказательство» уже во второй посылкѣ должно принять характеръ эмпирическій. Здѣсь то находится генетическая связь синтетически—апріорнаго и регрессивно-апостеріорнаго методовъ для правильнаго вывода необходимаго умозаключенія: извѣстное ученіе находится въ церкви; *слѣд.*, оно есть апостольское, т. е. божественное, истинно-откровенное. Здѣсь

преданіе служитъ только гносеологическимъ способомъ (средствомъ) доказать вторую посылку и такимъ образомъ оно получаетъ значеніе руководительнаго начала, формальнаго принципа, а именно оно удостовѣряетъ, что извѣстное ученіе выражается и свидѣтельствуется тѣми или другими церковными отцами и учителями, находится въ тѣхъ или другихъ памятникахъ древняго и новаго времени и, слѣд., есть истинно-церковное. Только посредствомъ вступленія въ эту часть богословскаго силлогизма преданіе вноситъ съ собою въ ученіе и жизнь церкви и авторитетъ апостольскаго наслѣдія. Но въ такомъ случаѣ преданіе обозначаетъ не столько источникъ религіознаго познанія, сколько актъ церковнаго самосознанія. Въ этомъ именно смыслѣ оно занимаетъ первое мѣсто въ ряду главнѣйшихъ синтетическихъ богословскихъ основаній и доказательствъ догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго вѣроученія. Вообще здѣсь православно-гносеологическій вопросъ сосредочивается не столько на изслѣдованіи библейскихъ и не-библейскихъ источниковъ познанія о вѣрѣ, сколько на утвержденіи учительнаго автовивета церкви, ибо церковь одна опредѣляетъ, что такое преданіе и каково ученіе писанія. Церковь—истинна и непогрѣшима. Нужно изслѣдовать, чему она учитъ и что проповѣдуетъ. Поэтому и вопросъ о преданіи разсматривается здѣсь, какъ quaestio juris. Это настоящій подлинно-православный исходный пунктъ дедуктивнаго метода синтетически-прогрессивнаго доказательства догматической истинности и исторической достовѣрности христіанскаго вѣроученія. Здѣсь «догматическая *аксіома*» объ абсолютномъ правѣ церковнаго учительства переходитъ въ необходимый нравственно-практическій *постулятъ*: внѣ церкви нѣтъ истины, нѣтъ преданія, а, слѣд., должно всячески побуждать всѣхъ и каждаго войти въ жизнь вѣры церковной. Въ этомъ собственно состоитъ единственно-душеполезное и послѣдовательное употребленіе принципа преданія. Это именно и подтверждаетъ все изложенное нами ученіе церкви о преданіи, вся такъ сказать библейски-святоотеческая логика православнаго взгляда на значеніе преданія, какъ глубочайшаго источника и основы всецерковной вѣры и жизни во всемъ ея многосоставномъ объемѣ.

Заключеніе.

Таково въ своей исторіи и въ нашихъ выводахъ православно-церковное ученіе о преданіи. Въ современномъ движеніи богословско-философскихъ мыслей все болѣе и болѣе выступаютъ на передовое мѣсто вопросы гносеологическіе и метоологическіе,—вопросы, касающіе теоріи богословскаго познанія христіанскаго откровенія въ его существѣ и историческихъ условіяхъ бытія и жизни его въ церкви. Живой интересъ къ нимъ заключаетъ въ себѣ творческое начало глубокаго и истинно-научнаго изслѣдованія, испытанія и пониманія гносеологическихъ источниковъ и историческихъ путей христіанскаго знанія въ широкомъ смыслѣ слова. Существенный характеръ этого направленія очень отчетливо оттѣсняется тѣми научно-познавательными пріемами и методами, которые господствовали въ періодъ, лежавшій позади нашего времени, въ предшествовавшій періодъ, когда мало удѣлялось мѣста чрезвычайно интереснымъ теоретико-познавательнымъ проблеммамъ въ области богословскихъ наукъ. Въ настоящее время главнѣйшая задача этого направленія, безъ сомнѣнія, состоитъ въ надлежащей постановкѣ и апологетическомъ разборѣ, при помощи обще-научныхъ методовъ, православно-церковной теоріи религіознаго познанія. Такое научное испытаніе и пересмотръ православныхъ источниковъ и способовъ познанія религіозной вѣры особенно важны въ виду современнаго сектантства, заподозрѣвающаго церковь въ извращеніи откровенія Божія и, однако, для своего оправданія пользующаго тѣмъ-же самымъ откровеніемъ. Въ своемъ изслѣдованіи о преданіи мы старались идти на встрѣчу этимъ гносеологическимъ потребностямъ и задачамъ современности. Для насъ преданіе—и единая догматическая истина, и единый историческій фактъ. Какъ догматъ, оно непреложный авторитетъ и составлятъ предметъ нашей вѣры, а какъ историческій фактъ, оно подлежало нашему апологетическому обсужденію. Поэтому мы смотримъ на наше изслѣдованіе, какъ *объяснительное чтеніе* того великаго надписанія, горящаго огненными словами на древне-библейской и святоотеческой хартіи, которое вселенски—православная церковь, держа въ своихъ пречистыхъ рукахъ, показываетъ и провозглашаетъ всему міру: «*братіе, стойте и держите преданія*», и: «*хранимъ не нововводно всѣ писаніемъ или безъ писанія установленныя для насъ церковныя преданія*».

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

Страница·	Строка·	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
IX	20 сверху	I,	II,
XI	3 снизу	*Khun*,	*Kuhn*, (вездѣ такъ читать).
XII	19 »	*C. Ullmann*,	См. *Ullmann*,
XII	10 »	1853,	1857,
XIII	1 »	Kleiner	Kleinen
XV	2 »	Insitutiones	Institutiones
XVI	17 »	518,	568,
XVI	16 »	21 ff.	211 ff.
XVIII	20 »	1834,	1837,
XVII	14 сверху	scriptura—	scripturae—
XIX	1 снизу	1563—	1565--
XX	21 сверху	Reformatius—Acta	Reformations—Acta.
XX	18 снизу	in Frankrlich	in Frankreich
XX	10 »	gecta	secta
»	14 »	Goucil's,	Concil's,
»	14 »	Conciliumus,	Conciliums,
»	14 »	*Chemnitz*,	*Chemnitius*,
»	6 »	anostolicis	apostolicis
»	3 »	Кольнскіе теологи,	Кольнскіе теологи:
»	3 »	Cathecrhismi	Cathechismi
XXIII	19 сверху	(infallibilitus)	(infallibilitas)
»	18 снизу	adversus I. Brentium	adversus Brentium
XXIII	11 »	huis	hujus
XXIV	14 сверху	tutissium	tutissimum
XXV	18 »	(XVII—XVIII в.	(XVII вѣкъ)
»	27 »	—dogmatico,	—dogmatica,
»	27 »	1735,	1736,
»	32 »	p. 133—347.	p. 133—147.
»	11 снизу	traditionibus	de traditionibus
»	8 »	1886	1786,
XXVI	13 »	(833.	1833.
»	7 »	(Чтеніе	(Ученіе
XXVII	4 сверху	еретическій	еретическихъ
»	11 снизу	„евангельски-ортодоксальное“	„евангелически-ортодоксальное“
XXVIII	16 сверху	ue	ac
»	22 »	respublica	republica

Страница	Строка	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
XXVIII	30 сверху	acatolicorum	acatholicorum et catholicorum
»	32 »	Déffeuse	Déffense
»	37 »	p. 157 f	p. 15 f.
»	6 снизу	галликанизмъ *Боссюэтъ*,	*Боссюэтъ* (галликанизмъ),
XXIX	16 сверху	Worte	Vom Worte
»	16 »	*Pelt*, Ueber Glauben, Trad u Kirche, 1827.	опустить.
XXX	12 снизу	„пьюзеизмъ“,	„пюзеизмъ“,
XXXVII	6 »	tradionum	traditionum
»	1 »	128) ; 847, p. 245.	перенести на слѣд. страницу
XXXVIII	24 сверху	scholastica	scholastica
XLIII	4 »	essa	esse
»	19 »	derbum,	verbum,
»	26 »	ἀγράφαυς	ἀγράφους
XLV	16 »	orhodoxae	orthodoxae
»	19 »	de tradionibus	de traditionibus
»	21 »	ceclesiae,	ecclessiae,
XLVI	4 снизу	*вторитетъ*	*авторитетъ*
XLVII	17 »	не получалъ	не получилъ еще
»	12 »	(г XXVI,	(ч. XXVI,
XLVIII	10 сверху	обоихъ,	обоихъ источниковъ,
LIX	20 »	*Отрицательно-полемич* ..	2) *Отрицат.*-полемическая ..
LXI	15 снизу	изъясненный,	изъяснительный,
11	9 »	Ueberlieferung)	Ueberliferer)
13	9 сверху	*Лаосси*,	Лаоси,
14	2 снизу	Пс. 78, 3—4;	Пс. 77, 3—4.
14	1 »	Агг 2, 12; Мал 12, 7	Агг 2, 1; Мал. 2, 7.
15	8 »	возраженіемъ».	возрожденіемъ».
18	8 »	*Шлейермахеръ* (Op cit.,	*Шлейермахеръ*, Der Christ. Glaube,
23	9 сверху	и никакъ	ибо никакъ
27	2 снизу	афроизмъ:	афоризмъ
29	10 »	Даже	Далѣе
35	11 »	епископами	епископовъ
36	16 »	паптической)	папистической)
38	6—7 сверху	*написанныхъ*	*неписанныхъ*
39	21 »	«вводимый	«вводный
»	10 снизу	одна,	одна, а именно—религіозное наставленіе,
»	9 »	и она никогда не обрывалась.	а она никогда не измѣнялась
47	3 »	помощь	немощь
53	19 сверху	(Апок. 15, 6)	(Апок. 14, 6)
58	7 снизу	протестантовъ»	протестантовъ» въ ихъ сужденіяхъ
»	2	[76]) Ср	[76]) Достопримѣчательно и т. д.
60	10 »	заставляющую	заставляющія
62	20 »	существовала	существовала у нихъ
»	20 »	часть писанія.	часть его писанія.
»	10 »	что «переходъ	что канонической «переходъ

Страница:	Строка:	Напечатано·	Слѣдуетъ читать:
62	4 снизу	этого «перехода	исключительнаго «перехода
67	4 »	«*едва*	«*еда*
68	1 »	восходитъ	живетъ
91	5 »	*омерицъ*»,	*осмерицъ*»,
99	3 »	*Brenz.*	*Brenz* у Гольцмана § 17, s. 122 и Маргейнеке, System, II, s. 199.
»	1 »	и Магейнеке, Sustem, II, s 199.	опустить.
100	8 сверху	писанія	писателя
102	4 »	ἱερατιγαὶ	ἱερατικαὶ
»	6 снизу	De dio noma.	De div nom.
105	16 »	*лжи* извращенія	*лжи* и извращенія
111	2 »	*Chanz*,	*Schanz*,
113	16 сверху	апокриѳическіи	апокрифическія (такъ вездѣ).
115	3 снизу	vetint	velint
118	19 сверху	нисходящаго	нисшедшаго
123	1 »	современно	совершенно
151	7 »	*ереей*»,	*ересей*»,
162	6 снизу	Ltr.,	Lit.,
»	2—3 »	Земера in sudex	Землеръ in index
»	3 »	reputatiouem,	refutationem,
169	3 сверху	veritutis	veritatis
174	14 »	nove	nova
178	2—1 снизу	pereɔcutionis,	persecutionis,
181	13 сверху	церковное,	церковныя,
196	6 »	εὐσεβίὼς	εὐσεβίας
»	6 снизу	φάναι	φὰναι·
»	6 »	ἐμποκεῖ	εμποεῖ
»	6 »	πνεύμασ	πνεύμασι
»	5 »	(p. 232).	(p. 323).
198	4 »	α ὄντὶ	ὄντι
200	11 »	Str. 61.	Str
204	4 »	Гульуманъ	Гольцманъ
205	13 »	Αὐτίκα	Str. I, 1 p. 323: Αὐτίκα
207	13—14 »	правомъ,	нравомъ,
208	11 »	464)	465)
209	14 сверху	созиданія	сознанія
»	12 снизу	465)	464)
216	7—8 сверху	источномъ	источнымъ и
219	21 »	богословско-апостольское	богословско-апологетическое
»	6 снизу	in ieren.	in Ierem.
220	5 »	Ad Antol.	Ad Autol.
228	21—22 сверху	и на 5 вселен. соборѣ	и на помѣстномъ (Констант.) соборѣ 543 или 544 года
231	15 »	вь лицѣ	въ ликѣ
233	13 »	ереси крещаемы	ереси были крещаемы
258	17 снизу	3-е Петра,	2-е Петра,
273	5 »	1880	1880, s. 13.
287	11 сверху	(Том. 1, 8—9)	(Гал. 1, 8—9)

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
296	8 сверху	вся и	а вся
297	12—13 »	*повредилъ*	*повредимъ*
319	6 »	тоеретикахъ	теоретикахъ
320	15 »	παρθενείς)	παρθενείας)
326	2 снизу	col. 41713;	col. 417 B;
328	1 »	*Филаретъ, III,*	*Филаретъ, II,*
342	2 »	у *Бенескитрова,*	у *Бенескриттова,*
344	12 сверху	церковныхъ—началахъ	церковныхъ началъ
347	3 »	подробно	подобно
349	18 снизу	слово Божіе»	*слова Божіи».*
355	8 сверху	иил	или
356	4 снизу	Ер. 39,	Ер. 39;
365	16 сверху	(автонеѳальной)	(автокефальной)
371	20 »	и иную мысль	иную мысль
375	8 снизу	и не познаемъ,	а не познаемъ,
383	10 сверху	ветхозавѣтнаго	ветхозавѣтнаго обрѣзанія
391	17—18 »	протопопомъ,	прототипомъ,
402	2 снизу	eccleasistici	ecclesiastici
411	2 »	«Чтеніе	«Ученіе
425	11 сверху	*земское*	*земное*
471	1 снизу	*Kimmle,*	*Kimmel,*
483	7 сверху	панствѣ,	папствѣ,
486	1 »	д)	3)
487	21 »	будетъ	не будетъ
493	1 »	Dorm.	Dogm.
502	11 снизу	е)	4)
504	7 »	предоставить	это значитъ предоставить ему
507	20 сверху	ж)	5)
508	12 »	протестантскія ереси	протестантскія и католическія ереси
509	7 »	з)	6)
516	14 »	запечатлѣвающагося	запечатлѣннаго
517	11 »	сохранятся	сохраняются
521	17 »	дѣйствовавшія)	дѣйствованія)
»	1 снизу	*Schweiser,*	*Schweizer,*
545	9 »	церковнаго	церковныя
576	3 »	вопросахъ».	вопросовъ».
»	3 »	по	при
593	6 сверху	и ясномъ	яснаго
»	10 снизу	утверждали	осуществляли
608	8 сверху	Христова	Христовыхъ
610	1 снизу	1951,	1851.
612	10 »	сокращается и	сокращается или
620	2 сверху	exserna).	externa).
623	5 снизу	не *чрезъ* одну	*чрезъ одну*
637	2 »	отождествляетъ	всецѣло отождествляетъ
643	12 сверху	возраженіе	выраженіе
646	13 »	запечатывалось	запечатлѣвалось

Академия наук СССР